

Социальная траектория реформируемой **РОССИИ**

*Исследования Новосибирской
экономико-социологической школы*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
SIBERIAN DIVISION
INSTITUTE OF ECONOMY AND ORGANISATION OF INDUSTRIAL

Social Trajectory of RUSSIA'S Reformation

*Studies of the Novosibirsk
School of Economic Sociology*

Novosibirsk
Nauka
Siberian enterprise RAS

1999

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Социальная траектория реформируемой РОССИИ

*Исследования Новосибирской
экономико-социологической школы*

Новосибирск

Наука

Сибирское предприятие РАН

1999

УДК 330.101:316
ББК 60.5
С 69

Авторский коллектив

*В.Л. Артемов, О.Э. Бессонова, Т. Ю. Богомолова, Г.П. Гвоздева, В. И. Герчиков,
Е.Е. Горяченко, Т.И. Заславская, З. И. Калугина, С. Г. Кардана, Л.В. Корень, Ю. Г. Корнюхин,
В.С. Костин, А.Р. Михеева, П.С. Ростовцев, А.Я. Троцкий, С. Г. Саблина,
В.Д. Смирнов, Н.Ю. Смирнова, С. В. Соболева, В.С. Тапилина, О. П. Фадеева,
И. И. Харченко, М.А. Шабанова*

Редакционная коллегия

академик Т.И. Заславская (ответственный редактор),
докт. социол. наук З.И. Калугина (ответственный редактор),
докт. филос. наук В.А. Артемов, **канд. социол. наук** О.Э. Бессонова,
канд. социол. наук Т.Ю. Богомолова, **канд. экон. наук** М.А. Шабанова

Утверждено к печати
Ученым советом Института экономики
и организации промышленного производства

**Социальная траектория реформируемой России: Исследо-
С 69 вания Новосибирской экономико-социологической школы /**
**Ред. кол.; Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. — Новоси-
бирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. — 736 с.**

ISBN 5-02-031089-1.

Монография отражает содержательный и методологический вклад Новосибирской экономико-социологической школы в развитие отечественной социологии, в изучение механизмов, закономерностей и социальных последствий трансформационных процессов в российском обществе 90-х годов. В книге представлены новые теоретические подходы к исследованию хозяйственного развития России, свободы, социальной адаптации, а также результаты эмпирических исследований инновационных процессов в разных сферах экономики, проблем социально-экономической стратификации и воспроизводства человека.

Книга рассчитана на социологов, экономистов, политологов, практиков, студентов и всех, кто интересуется судьбами России.

**УДК 330.101:316
ББК 60.5**

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке РФФИ,
грант № 98—06— 87117*

ТП—98—I—№ 6

ISBN 5—02—031089-1

© Коллектив авторов, 1999
© Российская Академия наук, 1999
© Оформление. СП "Наука" РАН, 1999

Оглавление

Предисловие	11
РАЗДЕЛ I	
<i>Развитие Новосибирской экономико-социологической школы: формирование новой методологии.....</i>	15
ГЛАВА 1. Истоки новосибирской социологии (1959—1966 гг.) <i>Т.И. Заславская .....</i>	17
ГЛАВА 2. Становление экономико-социологического коллектива (1967—1972 гг.) <i>Т.И. Заславская .....</i>	29
ГЛАВА 3. Системный подход в методологии исследования социально-экономических объектов (1973—1980 гг.) <i>Т.И. Заславская . .</i>	51
ГЛАВА 4. Изучение механизмов социальных процессов (1981—1985) <i>Т.И. Заславская.....</i>	71
ГЛАВА 5. Экономическая социология — новое научное направление (1985—1990 гг.) <i>Т.И. Заславская .....</i>	90
ГЛАВА 6. Новое время — новые задачи: институциональный подход к изучению трансформационных процессов <i>З.И. Калугина ...</i>	109
ГЛАВА 7. Новосибирский экономико-социологический коллектив как научная школа <i>О.Э. Бессонова, М.А. Шабанова .....</i>	121
Примечания и ссылки	138
РАЗДЕЛ II	
<i>Концептуальные представления о трансформации российского общества .....</i>	147
ГЛАВА 8. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект <i>Т.И.Заславская .....</i>	149
ГЛАВА 9. Социологическая концепция трансформации свободы <i>М.А. Шабанова .....</i>	168
ГЛАВА 10. Генезис и механизм адаптаций в постсоциалистической России: теоретико-методологический подход <i>Л.В. Корель</i>	204
ГЛАВА 11. Институциональная теория хозяйственного развития России <i>О.Э. Бессонова .....</i>	245
Примечания и ссылки	273

РАЗДЕЛ III	
<i>Инновационные процессы в экономике</i>	279
ГЛАВА 12. Становление субъектов хозяйствования в реформируемом аграрном секторе России <i>З.И. Калугина</i>	281
ГЛАВА 13. Социально-экономические эксперименты на селе <i>В.Д. Смирнов</i>	308
ГЛАВА 14. Трансформация трудовых отношений в процессе приватизации промышленных предприятий <i>В.И. Герчиков</i>	319
ГЛАВА 15. Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере <i>О.Э. Бессонова</i>	350
Примечания и ссылки	360
РАЗДЕЛ IV	
<i>Социально-экономическая стратификация</i>	363
ГЛАВА 16. Динамика социальной стратификации в контексте свободы: новая перспектива анализа <i>М.Л. Шабанова</i>	365
ГЛАВА 17. Социально-экономические неравенства: причины богатства и бедности <i>В.С. Тапилина</i>	385
ГЛАВА 18. Субъективная мобильность населения по материальному положению <i>Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина</i>	398
ГЛАВА 19. Статусная рассогласованность в постсоветский период <i>С.Г. Саблина</i>	415
ГЛАВА 20. Хозяйственные стратегии сельских семей <i>О.П. Фадеева</i> ..	426
Примечания и ссылки	447
РАЗДЕЛ V	
<i>Социально-территориальная структура общества</i>	453
ГЛАВА 21. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества <i>С.Г. Кирдина</i>	455
ГЛАВА 22. Трансформация социально-территориальной структуры региона <i>А.Я. Троцкий</i>	478
ГЛАВА 23. Территориальная общность в изменяющемся обществе <i>Е.Е. Горяченко</i>	499
Примечания и ссылки	534
РАЗДЕЛ VI	
<i>Проблемы воспроизводства человека</i>	541
ГЛАВА 24. Демографические процессы в реформируемом обществе <i>С.В. Соболева</i>	543

ГЛАВА 25. “Традиционное” и “современное” в демографическом поведении сельского населения <i>А.Р. Михеева</i>	558
ГЛАВА 26. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970–1990-е годы <i>В.А. Артемов</i>	573
ГЛАВА 27. “Модернизация” сферы досуга и свободное время населения <i>Г.П. Гвоздева</i>	593
ГЛАВА 28. Жизненные планы и ориентации учащейся молодежи <i>И.И. Харченко</i>	611
Примечания и ссылки	647
РАЗДЕЛ VII	
<i>Информационное обеспечение и методы анализа социологической информации</i>	655
ГЛАВА 29. Математическое обеспечение исследований Новосибирской экономико-социологической школы <i>П.С.Ростовцев</i>	657
ГЛАВА 30. Анализ структур социологических данных и их устойчивости <i>П.С. Ростовцев, В.С. Костин, Ю.Г. Корнюхин, Н.Ю. Смирнова</i>	677
ГЛАВА 31. Базы данных как основа исследований социальной динамики <i>В.А. Артемов</i>	702
Примечания и ссылки	722
<i>Библиография (основные издания Новосибирской социологической школы)</i>	727
<i>Сведения об авторах</i>	733

Contents

Introduction.....	11
SECTION I	
Historical Background of the Novosibirsk School of Economic Sociology: Inception of New Methodology	15
CHAPTER 1. Sources of Novosibirsk Sociology (1959–1966)	
<i>T.I. Zaslavskaya</i>	17
CHAPTER 2. Formation of the Research Staff (1967–1972)	
<i>T.I. Zaslavskaya</i>	29
CHAPTER 3. Methodology of Systems Analysis in Social-Economic Objects Research (1973–1980) T.I. Zaslavskaya	51
CHAPTER 4. Studies of Mechanisms of Social Processes (1981–1985)	
<i>T.I. Zaslavskaya</i>	71
CHAPTER 5. Economic Sociology as a New Subject Matter (1985–1990)	
<i>T.I. Zaslavskaya</i>	90
CHAPTER 6. New Times — New Tasks: Institutional approach to Transformation Processes Studies Z.I. Kalugina	109
CHAPTER 7. The Community of Economic Sociologists of Novosibirsk as a School of Thought O.E. Bessonova, M.A. Shabanova	121
Comments and references	138
SECTION II	
<i>Conceptual Views of the Russian Society Transformation ...</i>	147
CHAPTER 8. Of Transformation Process in Russia: Socio-Structural Aspect	
<i>T.I. Zaslavskaya</i>	149
CHAPTER 9. Sociological Conception of Freedom Transformation	
<i>M.A. Shabanova</i>	168
CHAPTER 10. Genesis of Adaptations and Their Mechanism in Post-socialist Russia: Theoretical-Methodological Approach L.V.Korel	204
CHAPTER 11. Institutional Theory of Russian Economic History /	
<i>O.E. Bessonova</i>	245
Comments and references	273

SECTION III***Innovative Processes in the Economy* 279**

CHAPTER 12. A Rise of Economic Agents in the Russian Changing Agrarian Sector Z.I. Kalugina 281

CHAPTER 13. Social-Economic Experiments Run on the Rural Side
V.D. Smirnov 308

CHAPTER 14. Transformation of Labour Relations in the Course of Industrial Enterprises Privatisation V.I. Gerchikov..... 319

CHAPTER 15. A Market Experiment in the Housing Communal Sphere
O.E. Bessonova 350
Comments and references 360

SECTION IV***Social-Economic Stratification*..... 363**

CHAPTER 16. Social Stratification Dynamics in the Context of Freedom:
A New Perspective of Analysis M.A. Shabanova 365

CHAPTER 17. Social-Economic Inequality: Sources of Affluence and
Poverty V.S. Tapilina 385

CHAPTER 18. Perceived Well-being Mobility T.Yu. Bogomolova and
V.S. Tapilina 398

CHAPTER 19. Status Inconsistency in the Post-socialist Period
S.G. Sablina 415

CHAPTER 20. Economic Strategies of Rural Families
O.P. Fadeeva..... 426
Comments and references 447

SECTION V***Social-Spatial Structure*..... 453**

CHAPTER 21. Institutional Approach to the Social-Regional Structure of
the Russian Society S.G. Kirdina 455

CHAPTER 22. Transformation in the Region's Social-Spatial Structure
A.Ya. Trotskovsky 478

CHAPTER 23. Local Community in the Changing Environment
Ye. Ye. Goriachenko 499
Comments and references 534

SECTION VI***Issues of Human Reproduction*..... 541**

CHAPTER 24. Demographic Processes in the Changing Environment
S. V. Soboleva 543

CHAPTER 25. "Traditional" and "Modern" in the Demographic Behaviour of the Rural Population A.R. Mikheeva	558
CHAPTER 26. Trends in Changing Everyday Activities of Population in the 1970s–1990s Period V.A. Artemov	573
CHAPTER 27. "Modernisation" in the Sphere of Leisure and Free Time G.P. Gvozdeva	593
CHAPTER 28. Life Plans and Claims of Learning Youth /./. Kharchenko .	611
Comments and references	647
SECTION VII	
Software Support and Method for Analysis of Sociological Data 655	
CHAPTER 29. Mathematical Support of the Novosibirsk Economic Sociological School Studies P.S. Rostovtsev.....	657
CHAPTER 30. Analysis of Sociological Data Structure and Stability PS. Rostovtsev, V.S. Kostin, Yu.G. Kornukhin and N.Yu. Smirnova	677
CHAPTER 31. Database and Background Studies of Social Dynamics V.A. Artemov.....	702
Comments and references	722
Bibliography (Basic Publications of the Novosibirsk Sociological School)	727
Information on the contributors	733

Предисловие

В переломные для общества периоды актуализируются дискуссии о направлениях, тенденциях и механизмах социальных изменений. Разные науки и научные школы пытаются найти ответы на эти вопросы, опираясь на свой теоретико-методологический багаж. Обилие противоречивых и неоднозначных точек зрения ставит перед обществоведами сложную триединую задачу: предложить адекватные методологические приемы для изучения реально протекающих процессов, описать целостную картину трансформации общества и разработать теории и концепции, объясняющие траекторию его развития.

Решение такой задачи под силу лишь крупным научным коллективам, поскольку формирование новой научной методологии представляет собой длительный процесс, в ходе которого происходит проверка объяснительных и прогностических возможностей выдвигаемых гипотез и концепций, а также совершенствование используемых методических приемов. Попытку решить эту задачу предпринял и коллектив Новосибирской экономико-социологической школы (НЭСШ), основные результаты которой представлены в данной монографии.

С начала 60-х годов в рамках этой школы создавалась и развивалась оригинальная методология исследования российского общества на разных этапах его развития: системный подход к исследованию деревни, методология изучения социально-территориальной структуры общества, концепция социального механизма развития экономики, что послужило базой для формирования и институционализации отечественной экономической социологии.

Логика развития теоретических и эмпирических исследований НЭСШ определялась многими факторами. Важнейшие из них — острота общественных проблем, состояние науки, степень идеологической свободы, специфические условия Новосибирского Академгородка, состав и уровень квалификации научного коллектива.

Современный этап развития общества поставил новые задачи, предопределив необходимость обновления имеющейся методологии, появления новых теоретических концепций и направлений исследования. В этот период НЭСШ разработаны социологическая концепция свободы, социальной адаптации в кризисном обществе, институциональная теория хозяйственного развития России и др. Новыми

направлениями исследования стали трансформационные процессы в крупных секторах экономики: аграрном, индустриальном, жилищно-коммунальном, а также в социальной структуре общества. Новые подходы развиваются и в традиционных для школы исследованиях.

Вызов времени предопределил замысел этой книги: представить трансформационные процессы российского общества через палитру исследований НЭСШ — теоретических и эмпирических, постановочных и обобщающих, традиционных и пионерных. Реализация этого замысла потребовала оценки научного арсенала школы с точки зрения его пригодности для исследования нестабильного общества.

Осмысление истории становления одного из крупных социологических центров России вызвано не только внутренней потребностью саморефлексии, но и тем, что в настоящее время возрос интерес к истории российской социологии советского периода. В печати можно встретить прямо противоположные точки зрения на недавнее прошлое социологической науки. Одни исходят из того, что в дореформенный период в условиях жесткой идеологической цензуры социологии не было и быть не могло. Другие видят ее роль исключительно в апологетике существовавшего общественного строя. Третьи считают, что несмотря на все барьеры и ограничения советского периода, даже в то время, наряду с апологетическим направлением, формировались подлинно научные, критические направления социологической мысли, в частности в Новосибирском Академгородке.

В последние годы Новосибирская экономико-социологическая школа часто становится объектом внимания исследователей науки. Но оценки извне, как оказалось, не всегда совпадают с оценками изнутри. Вне поля зрения стороннего наблюдателя, как правило, остаются глубинные механизмы поступательного развития школы, ее Особенности и творческий дух. В этом смысле только анализ силами самого коллектива, на наш взгляд, позволяет в полной мере раскрыть самобытность феномена Новосибирской социологической школы.

При обсуждении замысла книги с представителями старшего поколения НЭСШ — и с теми, кто продолжает работать в Новосибирске, и с теми, кто в настоящее время проживает в Москве, — выяснилось, что разные ученые по-разному интерпретируют историю коллектива, да и память человеческая весьма избирательна. Поэтому с просьбой воссоздать историю НЭСШ решено было обратиться к основателю этой школы — Татьяне Ивановне Заславской. Реализация замысла потребовала много времени и сил от всего авторского коллектива. Пытаясь его воплотить, авторы монографии стремились по возможности отдать должное тем, кто стоял у истоков НЭСШ и способствовал ее становлению.

Истории становления НЭСШ от истоков до наших дней, а также ее анализу с точки зрения предъявляемых к научным школам критериев посвящена первая часть книги. Вторая часть содержит теоре-

тические и прикладные результаты исследований современного российского общества, полученные НЭСШ в 90-е годы.

Мы благодарны всем тем, кто участвовал в обсуждении и реализации замысла книги и внес ценные предложения и замечания, кто помогал воссоздать эпизоды и факты, — Р.В. Рыбкиной, З.В. Куприяновой, В.А. Калмык, Е.Г. Антосенкову.

Особую благодарность авторский коллектив выражает редактору книги К.Д. Павловой, а также тем, кто оказал неоценимую помощь в подготовке рукописи к изданию — Н.С. Кошелевой, Р. Громовой.

Искреннюю признательность авторы книги выражают И.И. Бессонову за оригинальные идеи по художественному оформлению рукописи и их воплощение в компьютерном варианте.

Реализация творческих проектов, результаты которых представлены в монографии, была бы невозможной без финансовой поддержки отечественных и зарубежных научных фондов: Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, Московского общественного научного фонда, фондов Макартуров, Форда, Сороса, “Евразия” и др. Значительную финансовую помощь в проведении исследований оказывали также многие российские и зарубежные организации: Министерства науки, экономики, образования РФ, а также Интерцентр, Агентство международного развития США и др. Регулярная финансовая поддержка Президиума СО РАН позволила коллективу сохранить традицию проведения ежегодных социологических экспедиций в сельские регионы Сибири.

Пользуясь случаем, хотим выразить особую признательность нашим многочисленным респондентам — сельским и городским жителям Сибири, которые на протяжении десятков лет терпеливо, доброжелательно и искренне отвечали на наши многочисленные, нередко каверзные вопросы, а также всем тем руководителям и специалистам, которые неоднократно выступали в роли экспертов.

Редакционная коллегия

РАЗДЕЛ I

Развитие Новосибирской

экономико-социологической школы:

формирование новой методологии

глава 3. Системный подход в методологии исследования социально-экономических объектов (1973—1980 гг.)

глава 4. Изучение механизмов социальных процессов (1981—1985 гг.)

глава 5. Экономическая социология — новое научное направление (1985—1990 гг.)

глава 6. Новое время — новые задачи: институциональный подход к изучению трансформационных процессов

глава 7. Новосибирский социологический коллектив как научная школа

*Истоки новосибирской социологии (1959—1966 гг.)**

ГЛАВА I

Новосибирский Академгородок — центр сибирской науки

В конце 1950-х годов, когда создавалось Сибирское отделение АН СССР и строился Новосибирский Академгородок, ситуация в стране была достаточно сложной. Правда, темпы развития экономики оставались довольно высокими, уровень жизни населения рос и большинство людей надеялось на перемены к лучшему. Однако добиться по-настоящему значимых сдвигов в эффективности экономики не удавалось. Наиболее доступные ресурсы были использованы, реализация же более глубоких резервов требовала хозяйственных и социальных реформ. В этих условиях все большее внимание и политических лидеров, и ученых стала притягивать к себе Сибирь — эта “природная кладовая”, богатства которой были не только не освоены, но и далеко не разведаны. Существование огромных запасов тюменской нефти и газа, якутского золота и алмазов было лишь многообещающей гипотезой, требовавшей научной проверки и подтверждения. Между тем Сибирь практически не имела своей фундаментальной науки. Изучение ее ресурсов опиралось на крайне ограниченные силы филиалов столичных институтов и спорадических научных экспедиций.

Тогда-то академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и С.А. Христианович выдвинули смелую, но, казалось, почти нереальную, идею создания в центре Сибири особого междисциплинарного отделения Академии наук как базы мощного и целенаправленного продвижения науки в восточные районы страны. Н.С. Хрущев активно поддерживал эту идею, создав благоприятные условия для ее претворения в жизнь. В 1957 г. было принято Постановление Совета Министров СССР о создании Сибирского отделения АН СССР, а в начале 1958 г. прорублена первая просека в лесу, в дальнейшем ставшая центральной улицей Академгородка. К концу же года в городке уже функционировали несколько институтов, в том числе и альма-матер новосибирской социологии — Институт экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП).

Характерной чертой организации науки в СО АН, как отмечал Б.П. Орлов, «было стремление “сплавить” научную зрелость, иссле-

* Большую помощь в подготовке первой — пятой глав монографии автору оказали В.А. Артемов, З.В. Куприянова, В.А. Калмык, З.И. Калугина, С.В. Соболева.

довательский опыт и широту познаний ученых старшего поколения с пылливостью ума, сообразительностью и бьющей через край энергией молодежи. Такой “сплав”, синтезирующий то лучшее, чем познать обладает “стар и млад”, дает “второе дыхание” ветеранам и мощный импульс молодой поросли науки» [1].

Действительно, во главе большинства институтов стояли подлинны гиганты науки, каждый из которых опирался на многочисленных учеников. В конце 50-х — начале 60-х в городке сильнее всего поражала молодость — не только улиц, жилья, институтов, но и подавляющего большинства жителей. В Сибирь потянулись многие молодые ученые из городов европейской части страны. Их привлекала прежде всего деятельная творческая атмосфера: открывались новые институты, научные направления, лаборатории, укреплялась материальная база. Рос городок науки, строились жилые дома, замечательный Дом ученых, медицинский городок, торговый центр, гостиница и т.д. Ко всему этому добавлялись изумительные экологические условия: город-парк, окружающие его леса, Обское море с огромным песчаным пляжем, абсолютно чистый и здоровый воздух. Физически и духовно здоровая обстановка рождала оптимизм, уверенность в будущем, звала к инициативе и творчеству.

Но для ученых, посвятивших себя изучению общества, был важен не только природный климат, не меньшую роль играл идеологический. К моменту создания Академгородка он несколько улучшился по сравнению со сталинским временем, но давление на интеллигенцию оставалось чувствительным. После венгерских событий 1956 г. стало ясно, что едва начавшаяся политическая “оттепель” на исходе. Но вернуть общество к состоянию беспрекословного подчинения, в котором оно находилось при Сталине, было уже нельзя, так как сделанный “глоток свободы” преобразил его сознание. За годы “оттепели” значительная часть интеллигенции успела критически переоценить советскую действительность, уверовала в возможность и необходимость реформ, способных придать социализму “человеческое лицо”. Подавление венгерского восстания вызвало у нее реакцию отторжения, справиться с которой власть могла только с помощью нового “закручивания гаек”. Принципиальное противостояние реформаторской и консервативной интеллигенции, дискуссии, переходившие в острую межгрупповую борьбу, создавали напряженный социально-политический климат.

Между тем Новосибирский Академгородок представлял собою своеобразный “остров свободы”. Здесь открыто и без опаски обсуждались острые социальные и политические проблемы. Приезжим из Москвы или Ленинграда это казалось каким-то чудом, особенно, если принять во внимание личность человека, руководившего областью. С 1959 г. первым секретарем Новосибирского обкома КПСС был Ф.С. Горячев, который гордился тем, что впервые занял соответст-

вуюшую должность еще при Сталине и имел самый долгий в стране стаж работы на данном посту. Согласно общественному мнению, он терпеть не мог евреев, ученых и... собак. А так как в Академгородке все они были широко представлены, Горячев считал его истинным средоточием зла и с удовольствием “скрутил бы ему голову”, но зная, какое громадное уважение питал к М.А. Лаврентьеву Н.С. Хрущев, Горячев предпочел не рисковать и предоставил Лаврентьеву полную свободу действий в его епархии. Партийные чиновники редко ездили в Академгородок, расположенный в 30 км от Новосибирска, ибо чувствовали себя здесь “не в своей тарелке”. Большинство неизбежно возникавших коллизий решалось в личных переговорах Лаврентьева с Горячевым, что гарантировало большинству ученых СО АН независимость от партийной опеки.

Однако к развитию общественных наук М.А. Лаврентьев относился крайне настороженно. И для этого были реальные основания, так как обществоведы, особенно философы, испортили ему и его коллегам немало крови обвинениями в идеализме и других “ересях”. В Академгородке был организован лишь один, причем наиболее “близкий к земле” институт общественного профиля — ИЭиОПП, в состав которого входил и относительно автономный гуманитарный отдел. Позже на его базе был создан самостоятельный Институт истории, философии и филологии. Существовала также постоянная комиссия по общественным наукам при Президиуме СО АН. В целом же для развития общественных наук в Академгородке, на первый взгляд, не было больших перспектив.

Для исследователей социальных проблем ситуация осложнялась специфическим статусом социологии. Как известно, в начале 30-х годов она была подвергнута идейному разгрому и получила клеймо “буржуазной лженауки”. Преподавание социологии было запрещено, социологическую литературу изъяли из библиотек, в лучшем случае сохранив кое-что в спецхранах, и в конце концов само слово социология как бы исчезло из русского языка. Однако запретив и “стерев с лица земли” социологию, Сталин не мог физически уничтожить всех занимавшихся ею ученых — социологи продолжали существовать. Вынужденные опираться в своей работе на заведомо лживую статистику, многие из них с тоской вспоминали о гораздо более достоверных социологических методах исследования, но использовать их, за редкими исключениями, не решались.

Идеологическая “оттепель”, связанная с решениями XX и XXII съездов КПСС, хотя и не улучшила формального статуса социологии, но изменила ее реальное положение. Ученые, заинтересованные в возрождении этой науки (и даже начавшие между собой величать себя социологами), воспользовавшись многочисленными высказываниями Ленина о важности конкретных социальных исследований, стали потихоньку практиковать опросы населения по социальным

проблемам. Между наукой и идеологией возникло как бы молчаливое соглашение о том, что конкретные социальные исследования нужны и полезны, в то время как социология вредна и опасна. Проводить социологические исследования стало возможно при соблюдении некоторых неписанных правил. В разных регионах и городах они существенно различались в зависимости от характера партийного руководства. Консервативные руководители противодействовали любым попыткам проведения опросов населения “вверенных им территорий”, а более современные и либеральные помогали развитию социологии, пытаясь использовать ее данные в практике управления. Новосибирску повезло в этом плане в том, что особое положение Академгородка не только уравновешивало консерватизм партийных руководителей, но и делало ситуацию относительно более благоприятной.

Формирование исследовательских структур

Важную роль в развитии экономико-социологических исследований в Сибири сыграл первый директор ИЭиОПП член-корреспондент АН СССР Г.А. Пруденский, переехавший в Новосибирск из Москвы. Как специалист в области экономики труда, он уделял большое внимание социальной стороне экономики. Среди ранних социально-экономических исследований ИЭиОПП выделялись работы самого Г.А. Пруденского по теоретико-методологическим проблемам изучения социального времени, Л. В. Стародубского — по воспроизводству, распределению и использованию трудовых ресурсов Сибири, В.Д. Патрушева — по проблемам интенсивности и производительности труда, рабочего и внерабочего времени, В.И. Переведенцева и Ж.А. Зайончковской — по трудоустроенности экономики Сибири, миграции и условиям жизни населения.

Г.А. Пруденский первым поставил вопрос о необходимости учитывать и изучать не только рабочее, но и свободное время работников, подчеркивая целостность человеческой личности и, в частности, зависимость производительности труда от факторов, лежащих на стороне человека. Важной заслугой Г.А. Пруденского была установка на доведение анализа структуры рабочего времени до прикладных разработок, годных для практического использования. В изучении взаимосвязей между рабочим, внерабочим и свободным временем, производительностью труда и развитием человека, эффективностью экономики и уровнем жизни работников рождалось новое экономико-социологическое направление исследований. Причем происходило это не без шероховатостей. Как свидетельствуют те, кто работал тогда с Г.А. Пруденским, его повышенное внимание к социальным аспектам экономики часто вызывало недовольство вышестоящих инстанций, обвинявших коллектив в отклонении от профильной тематики института.

В 1962 г. в ИЭиОПП возник и начал быстро расти второй исследовательский коллектив, давший начало современной новосибирской экономической школе, — лаборатория по применению статистических и математических методов в экономике (ЛЭМИ), созданная молодым и многообещающим ученым А.Г. Аганбегяном. Он приехал в Академгородок из Москвы в конце 1961 г. по приглашению Г.А. Пруденского, в 1963 г. защитил докторскую диссертацию, а через несколько месяцев Сибирское отделение и отделение экономики АН СССР избрали его членом-корреспондентом Академии. Для 32-летнего экономиста это был невиданный взлет. Соответственно высока была и популярность Аганбегяна, несомненно являвшегося харизматическим лидером, о нем говорили в Москве, им интересовались, на него возлагались надежды как на будущего обновителя обветшавшей методологии экономической науки. Это помогло ему в течение 2-3 лет сформировать сильный, дружный и перспективный экономический коллектив, большинство которого составили москвичи, приглашенные им в Новосибирск. Среди них было немало будущих социологов: Ф.М. Бородкин, В.А. Калмык, З.В. Куприянова, М.А. Можина, В.Н. Шубкин, к которым позже присоединились Е.Г. Антосенков, Р.В. Рывкина, В.Э. Шляпентох и др. Наряду с ЛЭМИ ИЭиОПП в 1962 г. была создана ЛЭМИ НГУ — первая в стране хозрасчетная экономическая лаборатория. Ее научным руководителем был А.Г. Аганбегян, а директором с 1963 г. — М.К. Калмык. ЛЭМИ НГУ сыграла важную роль в развитии экономических и экономико-социологических исследований в Сибири, она помогала научным сотрудникам Академии заключать хозяйственные договоры с заинтересованными организациями, приглашать сотрудников для руководства отдельными темами, оплачивать обработку информации на ЭВМ и пр. В результате облегчалось внедрение в практику управления методов оптимального планирования, социологического анализа, укреплялась материальная база исследований, повышалось благосостояние ученых. Ведущие научные сотрудники работали в ИЭиОПП, а большинство вспомогательного научно-технического персонала получали заработную плату в ЛЭМИ НГУ. При этом сотрудники обеих ЛЭМИ преподавали на экономическом отделении НГУ, а сами лаборатории служили базой стажировки и дипломной практики студентов-экономистов.

А.Г. Аганбегян считал социологию важной и перспективной наукой, без тесного контакта с которой нельзя добиться существенных результатов в изучении и реформировании экономики, в решении острейших социальных проблем Сибири. Интерес Аганбегяна к социологии носил активный, деятельный характер. Он был членом бюро Сибирского отделения Советской социологической ассоциации (ССА), участвовал в российских и международных социологических конференциях и конгрессах, создавал благоприятные условия для развития

социологических исследований в ЛЭМИ, а позже — в ИЭиОПП, писал статьи и редактировал труды по применению математических методов в социологии [2]. Но главное, он постоянно настраивал сотрудников на необходимость глубокого овладения социологическими методами исследования экономических проблем.

Первые социальные исследования

В развитии социально ориентированных исследований ИЭиОПП была определенная логика, формировавшаяся под влиянием требований, с одной стороны, практики управления и планирования, а с другой — углубления и расширения исследовательских задач. Можно выделить следующую логическую цепочку изучавшихся в тот период проблем: поиск резервов роста производительности труда -> обоснование необходимости и путей улучшения условий жизни и труда работников -> изучение культуры труда и отдыха -> исследование влияния этих факторов на эффективность производства и качество жизни населения. Научное направление, связанное с изучением эффективных путей формирования и использования трудовых ресурсов Сибири, в дальнейшем разделилось на две ветви: а) изучение бюджетов времени населения и б) исследование трудовой мобильности работников. Причем первая из этих ветвей осталась в ИЭиОПП, а вторая в основном переместилась в ЛЭМИ СО АН и ЛЭМИ НГУ, фактически представлявшие единую организацию.

Активно велись исследования *рабочего, внерабочего и свободного времени населения*. Совместно с ЦСУ РСФСР были проведены крупные обследования бюджетов времени в Красноярском крае (1959 и 1963 гг.), Новосибирске (1964 г.), а также в рамках сравнительного международного проекта в Пскове (1965 г.). Наряду с исследованиями академического типа выполнялись и прикладные разработки по хоздоговорам с проектными институтами. Результаты этой работы обобщались в коллективных и авторских монографиях, научных отчетах и диссертациях. В 1963—1966 гг. по социально-экономическим проблемам использования времени были опубликованы девять книг и брошюр, защищены докторская (В.Д. Патрушев) и шесть кандидатских диссертаций (В.А. Артемов, В.И. Болгов, Э.А. Елизарьев, Л.С. Колобов, Р.П. Ламков, В.Г. Фомин).

Постепенно совершенствовалась и обогащалась методология проводимых исследований. Вначале время рассматривалось главным образом как экономическая категория и как ресурс повышения эффективности производства. Ученых интересовали способы сокращения потерь рабочего времени, оптимальные режимы труда и т.п., а внерабочее и свободное время трактовалось прежде всего как время воспроизводства рабочей силы. Преобладал экономический подход к проблеме, исходивший из того, что человек руководствуется в своей

деятельности и поведении преимущественно материальными потребностями, интересами и мотивами, причем действует на основе рационального выбора. Эффективность его активности также оценивалась по экономическим критериям.

Но по мере того как центр тяжести переносился на изучение внерабочего и свободного времени, человек начинал рассматриваться не столько как работник, сколько как сложный “системный” субъект, имеющий собственные потребности и интересы, стремящийся к их удовлетворению с помощью соответствующей деятельности и нуждающийся для этого в определенных внешних условиях, не как чей-то безликий “трудовой ресурс”, а как относительно независимая личность, обладающая свободной волей в сфере хозяйственной деятельности и заслуживающая глубокого изучения. Не менее важной методологической тенденцией было стремление к взаимосвязанному рассмотрению сфер производства и потребления, причем не только на макроэкономическом модельном уровне, но и на уровне индивидов, семей, территориальных и иных общностей.

Большое внимание уделялось проблемам *формирования трудовых ресурсов территорий* (в первую очередь районов нового хозяйственного освоения) за счет миграции, демографического воспроизводства и повышения квалификационно-образовательного потенциала населения, а также анализу *эффективности использования этих ресурсов* с помощью разработки балансов труда. Значительное развитие на этом этапе получили исследования миграции населения, показавшие, что преобладание оттока работников из Сибири над притоком связано, в первую очередь, с тяжелыми условиями труда и низким уровнем благосостояния людей, с отставанием развития социальной сферы региона [3]. Небольшая группа сотрудников (Л.П. Ляшенко, Е.В. Виноградова и др.) начала изучение миграции сельского населения в города: в 1966 г. была проведена пробная экспедиция в два сельских района Новосибирской области для предварительного ознакомления с этой проблемой, апробации готовившегося социологического и статистического инструментария. Но по-настоящему эта работа развернулась на следующем этапе.

Одной из острых социальных проблем сибирского региона была высокая подвижность кадров. Значительная часть работников постоянно меняла рабочие места и внутри предприятий, и между городами внутри областей и краев. В Сибири уровень подвижности кадров, в первую очередь их текучести, был почти вдвое выше, чем в европейской части страны, причем этот процесс протекал на фоне постоянного дефицита рабочей силы, особенно кадров высокой квалификации. На некоторых заводах коэффициент текучести кадров составлял 25–30 %. В результате высокой сменяемости кадров падала дисциплина труда, снижался уровень квалификации и ответственности работников, ухудшалось их отношение к труду. Отсюда — неэффектив-

ное использование машин и оборудования, низкая производительность труда, плохое качество продукции, убыточность многих производств. Расходы на подготовку и переквалификацию рабочей силы росли, но ожидаемого положительного эффекта это не давало. Официальная статистическая отчетность объясняла 70—80 % всех случаев увольнений “собственным желанием” работников, за которым стояли самые разные обстоятельства. Чтобы разобраться с этой проблемой, следовало выяснить фактические масштабы, причины, факторы и динамические тенденции текучести разных групп работников, обосновать возможные способы управления движением кадров. Появилась потребность в исследовании *трудовых перемещений работников и проблем перемены труда*.

В 1960 г. на 60 предприятиях Красноярска под руководством В.Д. Патрушева был проведен анкетный опрос десяти тысяч увольняющихся и поступающих рабочих. Но это исследование было лишь первым подходом к проблеме, и его выводы оказались недостаточно информативными. Причина была в неразработанности теоретической концепции. Дело в том, что процессы трудовой мобильности, рассматриваемые в экономическом контексте, оценивались учеными как негативные, хотя на деле они служили важным механизмом удовлетворения социально-экономических потребностей работников.

В дальнейшем это направление исследований возглавили Е.Г. Антосенков, З.В. Куприянова и В.А. Калмык. Первоочередной задачей научного коллектива стало создание теоретической концепции исследования движения кадров во всех его видах — текучести, профессиональной мобильности, внутривзаводских и межотраслевых перемещений и др. Вместе с тем социально-экономическая обстановка требовала немедленных практических рекомендаций. Поэтому разработка концепции шла параллельно с проведением конкретных социологических исследований. В 1964—1966 гг. были проведены массовые анкетные опросы рабочих, увольняющихся и поступающих на промышленные предприятия и в строительные организации Новосибирска.

На этом этапе анкетировалась и изучалась лишь подвижная часть рабочей силы — прямые участники процесса текучести, что было свойственно не только новосибирским, но и другим исследователям этой проблемы. Однако в 1966 г. коллектив осуществил крупный научный прорыв, предложив при исследовании подвижности кадров не ограничиваться реальной текучестью, а изучать также потенциальную. Идея нового подхода была выдвинута А.Г. Аганбегяном, а методически разработана В.А. Калмык при участии Е.Г. Антосенкова. В течение многих лет после этого методика изучения потенциальной текучести считалась “фирменным новосибирским продуктом”, а главный ее автор В.А. Калмык — основоположницей этого направления. По этой методике был проведен целый ряд исследований в разных

городах Сибири — Иркутске (Н.М. Токарская), Омске (Черников), Барнауле (В.В. Мищенко) и др. Позже методика была апробирована на пяти машиностроительных заводах Новосибирска. Итоги этой работы опубликованы в книге “Отношение к труду и текучесть кадров” (Новосибирск, 1970).

Тщательность проработки теории и методики изучения текучести позволили получить массовые данные высокого качества и достоверности. Созданная база данных послужила хорошей основой для разработки экономико-математических моделей текучести. Анализ конкретных тенденций проводился на достаточно серьезном математико-статистическом уровне с обязательным использованием основных статистик (хи-квадрат, дисперсии и т.д.). В дальнейшем широко использовались корреляционные модели, таксономия, распознавание образов, факторный анализ. Большая заслуга здесь принадлежала В.А. Калмык, по существу, руководившей этим направлением работы.

Большое внимание уделялось и *профессиональным ориентациям выпускников восьмых и десятых классов*. Они изучались коллективом В.Н. Шубкина (Л.Г. Борисова, Ю.Д. Карпов, Ю.А. Коваленко и др.) на базе репрезентативной выборки городских и сельских школ Новосибирской области. В апреле — мае каждого года школьники писали сочинения о том, что они намерены делать по окончании учебы, кем хотят стать, где учиться, как жить, мотивируя свои намерения. Одновременно им предлагалось проранжировать 25—30 названных в анкете профессий (список которых был стабильным) по степени привлекательности для себя и уровню предполагаемого престижа в обществе. В сентябре ученые с помощью педагогов выясняли, как сложилась судьба выпускников, где они учатся или работают, каковы их новые адреса. После этого их опрашивали вторично с целью установить, удалось ли им реализовать свои жизненные планы и каковы их дальнейшие намерения. Ежегодный характер опросов позволял отслеживать динамические сдвиги как в ориентациях молодежи и престижности в ее глазах разных профессий, так и в особенностях реализации планов различных групп выпускников.

Эта работа выявила резкую диспропорцию между структурами профессиональных ориентаций школьников, с одной стороны, и ожидавших их мест в народном хозяйстве — с другой. Выяснилось, что чем больший спрос предъявляла экономика на работников определенных профессий, тем ниже, как правило, оценивала их молодежь и тем меньшая доля выпускников намеревалась приобрести такие профессии. На тот момент это было, пожалуй, наиболее социологическое из исследований, проводившихся в Академгородке. Не случайно В.Н. Шубкин вскоре был избран вице-президентом Советской социологической ассоциации (ССА) и председателем ее Сибирского отделения.

Освоение социологических методов

Современные ученые часто критикуют социологические исследования 60-х годов как упрощенные, политически ангажированные и оторванные от развития мировой социологической мысли. Думается, что эта оценка внеисторична и потому ошибочна. Дело в том, что советская общественная наука была сознательно и искусственно лишена возможности ставить и изучать острые социальные проблемы. В этой области действовала идеологическая схема, раз и навсегда описавшая советское общество как бесклассовое, бесконфликтное и социально справедливое. Посягательство на эту мифологическую картину рассматривалось как антимарксистская ересь. Официальная экономическая теория носила асоциальный характер, поскольку человек, обладавший рабочей силой, рассматривался ею как обычный ресурс, “производимый”, “распределяемый” и “используемый” в зависимости от нужд производства. Между тем уже первые социально-экономические исследования поднимали человека до уровня *активного субъекта* экономики, хотя система его ценностей, потребностей, интересов, мотивов оставалась мало изученной. В этом смысле они были важным шагом вперед и, несомненно, прокладывали дорогу будущим экономико-социологическим исследованиям.

В 1960-е годы идеи социологии проникали в нашу науку не столько через изучение работ западных теоретиков (они были малодоступны и к тому же подвергались острой критике), сколько через интенсивное освоение и использование социологических методов сбора и анализа данных. Дело в том, что с конца 20-х годов в стране не было полноценной или хотя бы удовлетворительной социальной статистики. Выпускаемые ЦСУ статистические сборники содержали минимум данных о социальной сфере, да и те были фальсифицированы. Конкретные социальные исследования открывали в этом смысле немалые перспективы. Приходя в семьи и спрашивая людей о том, как они живут и работают, как распределяется их время, из чего складываются денежные и натуральные доходы, какие проблемы их волнуют, каковы их дальнейшие жизненные планы, отношение к событиям в стране, тем или иным переменам, ученые как бы вступали в новый, неизведанный мир, открывали принципиально новые явления, тенденции и закономерности, не имевшие ничего общего с официальной доктриной беспроblemного советского общества.

Столкновение с разнообразными жизненными ситуациями, способами и мотивами деятельности, поведенческими стратегиями разных общественных групп подталкивало исследователей к постановке новых вопросов, поиску более полных и достоверных ответов. В результате формировалось более объемное и многогранное представление о причинах, факторах и результатах исследуемых процессов. При

этом экономика со всеми ее проблемами неизбежно выступала в качестве элемента гораздо более сложной системы — общества.

Новые представления приходили в противоречие с традиционной экономической парадигмой исследований — она становилась все более тесной, односторонней, все хуже объясняла наблюдаемые процессы. Возникла задача привести теоретико-методологические взгляды в соответствие с новыми направлениями, методами и результатами эмпирических исследований. В известной мере это достигалось обращением к западным социологическим источникам, но чаще требовалось самостоятельное построение теоретических концепций, соответствовавших советской социальной реальности, как правило, с использованием отдельных социологических понятий, позволявших расширить, обогатить, углубить базовую марксистскую парадигму изучения социально-экономической сферы.

Постепенное усиление социологической ориентации коллектива в этот период ясно видно из печатной продукции. В 1962—1966 гг. сотрудниками ИЭиОПП СО АН СССР и ЛЭМИ были опубликованы более 20 книг. Часть из них подводила итоги ранее выполненных исследований и носила преимущественно экономический характер [4]. Наряду с этим начали появляться книги, четко ориентированные на социологическую проблематику [5]. Основная же часть изданий этого времени была представлена работами, находящимися на стыке социальной экономики и экономической социологии [6]: ведь почти все новосибирские социологи имели экономическое базовое образование и привыкли мыслить соответствующими категориями.

Развитие научных связей

Одной из особенностей Академгородка была относительная либеральность и интенсивность отношений с Западом. Хотя городок довольно долго был закрытым для иностранцев, международные контакты ученых СО АН были достаточно широкими и трудностей с выездом за рубеж здесь было меньше, чем в других городах. Коллектив ИЭиОПП совместно с ЦСУ РСФСР уже в 1964 г. стал участником международного исследования бюджетов времени городского населения, организованного Европейским центром координации и документации в социальных науках. Проектом, в котором участвовали 12 стран, руководил академик И. Салаи (Венгрия), а его советской частью — Г.А. Пруденский и В.Д. Патрушев.

В 1966 г. новосибирские ученые В.Д. Патрушев, В.Н. Шубкин и Т.И. Заславская приняли участие в VI Миrowsom социологическом конгрессе в Эвиане (Франция), где рассказали о результатах своих исследований. Не могу сказать про других, но на мои научные ориентации это событие оказало громадное влияние. Перед нами, по

существо, предстал целый “социологический мир” — огромный, пестрый, невероятно интересный, увлекательный, к тому же до тех пор нам мало известный. Это впечатление стало мощным стимулом к освоению социологии и переориентации наших исследований на методологию этой науки.

Развивались связи новосибирцев и с социологическими центрами России, по отношению же к Сибири Академгородок выступал в роли научного лидера. В 1960 г. ИЭиОПП СО АН совместно с Кемеровским обкомом КПСС, отделениями экономики, философии и права АН СССР, ЦСУ РСФСР и НИИТруда при Госкомтруде СССР организовал в г. Сталинске (ныне Новокузнецк) конференцию “Свободное время трудящихся в условиях сокращения рабочего дня”. Рекомендации конференции по методическим вопросам изучения бюджетов времени трудящихся сыграли большую роль в распространении этого направления исследований. Другая конференция по проблемам бюджетов времени состоялась в 1963 г.

А еще через три года в большом зале Дома ученых СО АН успешно прошел трехдневный Всесоюзный научный семинар по использованию количественных методов в социологических исследованиях, в котором участвовали коллеги из многих городов. Новосибирцы продемонстрировали самый высокий для того времени уровень владения современными математико-статистическими методами, их применения к решению социологических задач. Лидерами этого направления исследований были А.Г. Аганбегян, Ф.М. Бородкин, Ю.П. Воронов и др.

* *

Подытоживая, можно сказать, что главными достижениями этого начального этапа развития социологии в Новосибирске были:

а) становление исследовательских групп, квалифицированно изучавших социально-экономические явления и процессы с использованием социологических методов и идей;

б) развертывание крупномасштабных исследований бюджетов времени населения, миграции и движения рабочих кадров в промышленности и строительстве;

в) серьезное внимание к методологии и методике исследований, широкое применение математико-статистических методов обработки больших массивов информации, сочетание работ академического типа с прикладными разработками, направленными на решение задач развития и освоения Сибири, поддержание прочных научных связей со многими сибирскими, российскими и зарубежными социологическими центрами, формальное и реальное включение ученых в советское социологическое общество.

**Становление
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
КОЛЛЕКТИВА (1967—1972 гг.)**

ГЛАВА 2

Обстановка в стране и науке

Первые годы правления Л.И. Брежнева ознаменовались отказом от волюнтаристических методов управления экономикой, исправлением многих допущенных прежде ошибок, некоторым смягчением идеологической обстановки, а также попытками осуществить частичную экономическую реформу, в конце концов потерпевшими неудачу. Показатели экономического развития страны в этот период были сравнительно высокими (ежегодный прирост ВВП составлял 6—7 %). В Сибири строились новые города, активно осваивались нефтегазоносные районы Тюменского Севера. Позитивные перемены были видны и в селе: аграрное производство индустриализировалось, в пригородах больших городов создавались механизированные животноводческие комплексы, развивалась социальная инфраструктура села, росли доходы его населения.

Однако к 1967 г. политическая ситуация усложнилась. Чешские коммунисты, воспользовавшись ослаблением идеологического давления СССР во время “оттепели”, развернули общественное движение за “социализм с человеческим лицом”, получившее название “Пражской весны”. Демократически настроенная часть советской интеллигенции с нетерпением ожидала развития событий, полагая, что позитивные перемены в Чехословакии повлекут за собой и некоторую демократизацию советского строя. Партийное руководство, напротив, боялось подобного развития событий, оценивая стремление к гуманизации социализма как недопустимый “ревизионизм”,

В этих условиях росла неприязнь и к социологии, как наиболее критично настроенной общественной науке в СССР.

Так, в 1966 г. ленинградцы, бесспорно лидировавшие в возрождении социологии в СССР и стремившиеся к восстановлению ее статуса, сумели договориться с горкомом КПСС о проведении на базе ЛГУ 1 Всесоюзной социологической конференции. Подготовленная программа была утверждена горкомом, разосланы приглашения социологам из других городов. Однако, прибыв в Ленинград накануне открытия конференции, мы с удивлением узнали, что вопрос о ней еще не решен, так как есть мнение, что она представляет собой попытку протащить в город Ленина буржуазную лженауку. Между тем в Ленинграде собрались уже несколько сотен ученых. Организаторы были растеряны. А наутро стало известно, что конференция все-таки состоится, но не под прежним названием, а как форум по проблемам конкретных социальных исследований. В течение ночи слово “со-

циология” было выкорчевано из всех документов и транспарантов. Утешало лишь то обстоятельство, что на содержание докладов и выступлений это не повлияло, конференция прошла живо и интересно, причем именно как социологическая.

В дальнейшем духовная атмосфера продолжала сгущаться. Власть еще сильнее “подтягивала пружины”. Прошли суды над Даниэлем, Синявским и Гинзбургом. Протеста московских диссидентов никто не услышал. Наступление на интеллигенцию, заметная часть которой открыто поддерживала идеи Пражской весны, с некоторой задержкой дошло и до Академгородка. Начались партийные окрики, обвинения ученых в политических ошибках, как никогда расшвырнула цензура. В СССР наступал очередной “ледниковый период”. Однако под глыбами официального льда продолжали журчать разбухшие оттепелью ручейки относительно свободной мысли.

Происходили некоторые позитивные события и в социологии. Главными из них в конце 60-х годов стали открытие академического Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) и создание журнала “Конкретные социальные исследования”. В названиях и того и другого еще проглядывало стремление откеститься от “буржуазной науки”. Но решение социальных проблем экономики и общества требовало глубокого и многостороннего понимания происшедших процессов, которое могла дать только социология. В апреле 1967 г. в Сухуми собралась Всесоюзная конференция по применению количественных методов в социальных исследованиях, в которой участвовали около пятисот ученых. Хотя название науки по-прежнему маскировалось, для социологов это был подлинный праздник. Молодая новосибирская социология впервые получила возможность в полный голос заявить о себе. Доклады новосибирцев (а их было более десяти) привлекли общественное внимание как практической актуальностью исследований, так и квалифицированным применением широкого спектра количественных методов.

Весной 1968 г. в Краснодаре должен был состояться I Всесоюзный симпозиум по социологии села. Мы сформировали довольно солидную делегацию, оформили командировки, купили билеты и даже успели зарегистрироваться в аэропорту, но в последнюю минуту узнали, что краснодарские власти, посоветовавшись с Москвой, отказались от опасной затеи и симпозиум отменили. Пришлось сдать билеты и вернуться домой.

Стоит добавить, что в стране отсутствовало базовое социологическое образование, поэтому ученые, называвшие себя социологами, не могли не быть самоучками в этой области. Таким образом, легализация положения социологии шла по принципу “шаг вперед, два — назад”.

Руководство Академгородка, состоявшее из крупнейших ученых, глухо сопротивлялось наступлению партократии. Ранней весной 1968 г. крупные деятели Пражской весны социологи Павел Махонин и Зде-

нек Шафарж прилетели в Новосибирск. Их приезд вызвал огромный ажиотаж. Общественность городка попросила Махонина рассказать об идеях Пражской весны и последних событиях в Чехословакии. Даже самый большой в городке зал Дома ученых СО АН не смог вместить всех желающих. Люди вплотную стояли в проходах, в дверях, сидели на лестницах, на сцене. Выступление Махонина — члена Пражского горкома Чехословацкой коммунистической партии, директора Института марксизма-ленинизма при Карловском университете Праги — прошло с громадным успехом. Собравшиеся понимали, что в одной из социалистических стран фактически началась иницируемая сверху бескровная социал-демократическая революция, которая может распространиться и на СССР.

Но главная цель приезда чешских социологов состояла в том, чтобы обсудить возможность подключения нашего коллектива к разрабатывавшемуся ими проекту “Социальная структура современного чехословацкого общества”.

Согласно терминологии того времени, это был чисто “ревизионистский” проект, направленный на доказательное опровержение сталинской трехзвенной формулы социальной структуры: рабочий класс — крестьянство — интеллигенция. Авторы проекта стремились доказать, что действительная структура социалистических обществ не только намного сложнее, но и базируется на качественно иных критериях. В итоге трехдневной работы удалось решить много научно-методических вопросов, но разумеется не все. Следующую встречу назначили на сентябрь в Праге. Однако советские танки оказались более быстрыми. В конце августа Махонин телеграфировал, что “по техническим причинам” наша встреча состояться не может. К этому времени он был не только смещен со всех постов, но и исключен из партии и отстранен от каких-либо исследований. Последующие 20 лет он работал бухгалтером совхоза и возвратился в социологию только в 1989 г.

Но вернемся в весну 1968 г. В середине марта один из новосибирских социологов — Ю.Д. Карпов каким-то чудом сумел организовать в Академгородке первый (и, кажется, единственный) съезд советских бардов, отличавшихся, как всем известно, высокой критичностью к советской системе. Концерты Галича, Кима, Визбора, Клячкина и других шли в школах, клубах, нередко и на квартирах, но гала-концерт для ученых, а также академического и партийного начальства состоялся в Доме ученых. Первое отделение было полностью отдано А. Галичу, разившему фальшь и жестокость советской жизни беспощадно едкой сатирой. Когда он закончил свое выступление песней против тоталитарной системы, зал несколько минут аплодировал ему стоя. Партийному начальству пришлось публично аплодировать самой страшной “антисоветчине”, простить чего оно, разумеется, не могло. Ответным ходом явилась известная провокация с подписанием учеными письма в высшие инстанции с просьбой

более ясно и убедительно разъяснить вину Даниэля и Синявского. Сборщики подписей говорили ученым, что письмо адресуется руководству ЦК КПСС, КГБ и Генеральной прокуратуры СССР, а фактически оно было направлено на радиостанцию “Голос Америки”, которая несколько раз протранслировала его текст на Советский Союз с фамилиями и должностями всех участников. Обком КПСС объявил подписание этого письма “предательством Родины” и потребовал от научных коллективов Академгородка строжайшей расправы с виноватыми. Руководство использовало эту ситуацию для сведения счетов с либерально настроенными учеными. Но здоровые научные коллективы не поддались партийному натиску и вынесли “провинившимся” минимальные наказания. Тем не менее в результате этой кампании обстановка существенно изменилась. Прежде свойственное Академгородку чувство свободы, открытости и взаимного доверия ушло. Сибирским ученым ясно напомнили, в какой стране они живут.

Новая жизнь ИЭиОПП

В 1967 г. тяжело заболевшего и вскоре скончавшегося Г.А. Пруденского сменил на посту директора ИЭиОПП 35-летний член-корреспондент АН СССР А.Г. Аганбегян. Новый директор был полон научных и организационных идей, уверен в творческих возможностях коллектива. Руководство СО АН ставило перед ИЭиОПП задачу содействия социально и экономически эффективному освоению огромных богатств Сибири. В ее решении А.Г. Аганбегян решительно выбрал стратегию, ориентирующуюся на только начавшие тогда осваиваться методы экономико-математического моделирования и прогнозирования экономических процессов, оптимального планирования и социологического анализа. Но молодые и способные ученые ставили перед собой и другую задачу — использовать материально-технические возможности и относительную свободу Академгородка для качественного рывка в развитии экономической теории, давно переставшей отражать социальную реальность. Поэтому Аганбегян стремился привлечь в институт как можно больше перспективных ученых разного научного профиля. В 1966—1968 гг. в институт пришли такие талантливые ученые социально-экономического профиля, как Р.В. Рывкина, М.А. Розов, Б.Г. Миркин, Р.К. Иванова, Ю.П. Воронов, В.Ф. Чеснокова, И.С.Ладенко и др. Было принято на работу и первое поколение выпускников экономического факультета НГУ: Л.В. Корель, В.М. Пушкарев, Е.Е. Горяченко и др. Одновременно из института уходили работники старшего поколения, начинавшие работу с Г.А. Пруденским. Среди них были люди, не согласные с повышенной ролью, отводившейся новым директором института математическим методам в экономике, некоторым был чужд критический настрой москвичей по отношению к социальной системе, кое-кого не устраивали непри-

вычные методы работы и чрезмерные, на их взгляд, требования к качеству научной продукции. Наконец, увольнялись и по личным причинам, а также из чувства солидарности. В целом за эти годы личный состав института обновился более чем наполовину. В результате массовой смены кадров коллектив, бесспорно, понес существенные потери, проиграв в опытности и особенно в знании условий Сибири. Но этот проигрыш с лихвой компенсировался молодостью, одаренностью и увлеченностью новых кадров, лучшим знанием современных экономических и социальных теорий и экономико-математических методов, готовностью к решению сложных задач.

Существенно изменилась организационная структура института, в нем были созданы крупные отделы по стратегическим направлениям исследований, среди них — отдел социологических проблем труда и социального планирования трудовых ресурсов (с 1979 г. отдел социальных проблем), кратко называвшийся социологическим.

Пожалуй, наиболее характерной чертой жизни института в этот период было интенсивное повышение квалификации или расширение области знаний сотрудников — от лаборантов до докторов наук. Для тех, кто был слабо знаком с математикой, читались курсы математического анализа, линейного программирования и т.д. Социологи прилежно изучали математическую статистику, многомерный корреляционный, регрессионный и дисперсионный анализ. Особое внимание уделялось овладению иностранными языками, ибо без этого невозможны полноценные международные связи. Несколько преподавателей английского языка были приняты в штат института, другие работали по трудовым договорам. При этом применялись самые современные методики глубокого погружения в искусственно создаваемую англоязычную среду. Небольшие группы сотрудников на несколько дней освобождались от служебных обязанностей, изолировались от рабочих и семейных дел и полностью посвящали себя изучению языка под руководством опытных преподавателей. Им предоставлялись магнитофонные записи, учебная и научная литература, словари и вся необходимая техника, интенсивное обучение языку продолжалось с раннего утра до позднего вечера. В результате такого тренинга большинство ведущих сотрудников института стало свободно говорить и читать по-английски, что создало базу для развития международных контактов, существенно расширило границы нашего географического, социального и научного мира.

Новосибирские социологи постоянно участвовали в международных конференциях и семинарах, а на VII Мировой социологический конгресс в Варне (1970 г.) были командированы 14 человек. Заграничные командировки сотрудников рассматривались дирекцией института как важный и необходимый элемент научной деятельности. Отчеты об итогах наиболее важных поездок обсуждались на ученом совете, а рядовых — на научных советах отделов. При этом внимание

акцентировалось на том, что можно и следует перенять, какие контакты закрепить и развить, кого из зарубежных коллег пригласить в Новосибирск и т.д.

В институт и в его социологический отдел приезжало много ученых из разных стран мира. Особенно успешным оказалось проведение в 1970 г. двухнедельной международной школы-семинара по применению математических методов в социологии. Организаторами ее были А.Г. Аганбегян, Ф.М. Бородкин и Ю.В. Воронов. В семинаре приняли участие молодые ученые, приехавшие из многих городов СССР, а также из социалистических и ряда капиталистических стран. Пленарные заседания проходили в большом зале Дома ученых, кроме того, работало множество секций и рабочих групп, действовала выставка работ новосибирских социологов и пр. Школа-семинар расширила наши международные контакты. Все более и более укреплялось ощущение включенности в мировое социологическое сообщество, рождалось стремление завоевать научное равноправие с зарубежными коллективами.

Формирование социологического отдела

Социологический отдел ИЭиОПП был образован из нескольких ранее автономных научных групп. Пожалуй наибольшие основания для руководства отделом имел В.Н. Шубкин, незадолго до того избранный вице-президентом Советской социологической ассоциации и председателем ее Сибирского отделения, но Аганбегян предложил эту должность мне.

Тогда в состав отдела вошли четыре сектора: социальных проблем города и села (докт. экон. наук Т.И. Заславская), бюджетов времени населения (докт. экон. наук В.Д. Патрушев), движения работников в промышленности и строительстве (канд. экон. наук Е.Г. Антосенков), формирования и использования трудовых ресурсов (канд. экон. наук Е.Д. Калинин). Вскоре в порядке эксперимента был создан сектор методологии и методики социологических исследований (канд. филос. наук М.А. Розов), который должен был помогать остальным секторам совершенствовать методы исследований с общеполитических позиций. Но замысел не оправдался, так как у “методологов” и “предметников” не оказалось общего научного языка и в ходе дискуссий стороны оставались при собственном мнении. Стало ясно, что эффективно развивать методологию конкретных исследований можно, лишь зная соответствующие проблемы изнутри. Сектор был ликвидирован, часть его сотрудников (Р.В. Рывкина, В.И. Герчиков, И.А. Истошин) перешли в предметные сектора. Зато в 1969 г. из отдела математических методов в экономике в социологический отдел перешла группа исследователей во главе с канд. экон. наук Ф.М. Бородкиным, специализировавшихся на математическом моделировании социальных процессов, а также обработке и анализе социологических данных. В

1973 г. отдел пополнился сектором математических исследований (руководитель канд. физ.-мат. наук Б.Г. Миркин), в который вошла и группа Ф.М. Бородкина. В дальнейшем этот коллектив сыграл важную роль в математико-статистическом и программном обеспечении социологических исследований.

Следует признать, что сотрудники вновь образованного отдела вначале не составляли цельного коллектива ни в научном, ни в социально-психологическом плане. Каждый сектор представлял собой малую группу с собственной историей, традициями, нормами-ценностями, своими научными взглядами и, что немаловажно, своим самолюбием. Они были почти не связаны между собой и не особенно интересовались друг другом. Для успешного развертывания исследований необходимо было добиться как научно-организационной, так и социально-психологической консолидации коллектива.

Важную роль при этом сыграло создание и налаживание работы научного совета отдела, который обсуждал и утверждал планы НИР на следующий год и на пятилетку, методические программы и исследовательские проекты, отчеты о командировках и экспедициях, рассматривал и рекомендовал к печати рукописи будущих книг. На его заседаниях обсуждались отчеты секторов и отдела, проводились предзащиты кандидатских и докторских диссертаций, формулировались научные задачи. Особого упоминания заслуживает поистине неопценимая самоотверженная работа тех сотрудников, которые постоянно выступали на научном совете в качестве рецензентов (З.В. Куприянова, В.А. Калмык, В.А. Артемов и др.). Активная, напряженная и принципиальная деятельность совета стала одной из предпосылок того, что отдел состоялся как коллектив с собственным научным и морально-этическим лицом.

Параллельно с научным советом работал теоретико-методологический семинар под руководством Р.В. Рывкиной, где обсуждались актуальные проблемы социологии, заслушивались научные доклады сотрудников по конкретным проблемам, сообщения коллег из Москвы или Ленинграда. Именно на научном совете и методологическом семинаре выработывался характерный для новосибирского социологического сообщества стиль межличностного научного общения, основанный, с одной стороны, на гласности управления, коллективном принятии важных решений, высокой требовательности к методам и результатам исследований, свободном и открытом характере критики (включая критику старших младшими, учителей — учениками), а с другой — на уважительном отношении друг к другу.

Большую роль в психологической консолидации коллектива сыграла общеотдельская двухнедельная поездка в Польшу для ознакомления с деятельностью ее социологических центров, состоявшаяся осенью 1967 г. Половину расходов по этой поездке взял на себя институт, поэтому в ней смогли принять участие не менее 20 сотрудни-

ков отдела. Делегация посетила Варшаву, Краков и Познань. Иногда, чтобы встретиться со всеми интересовавшими нас учеными, мы разделялись на группы, а потом обменивались впечатлениями. Поляки отнеслись к нам заинтересованно и тепло: чувствовалось, что возникновение социологии в Советском Союзе представлялось им удивительным и в то же время добрым знаком. А мы жадно впитывали новую информацию о методах, направлениях и итогах социологических исследований, получили в подарок массу книг, журналов, брошюр, анкет и отчетов. По возвращении в Новосибирск ученому совету института был представлен обширный отчет о поездке с выводами о том, что следовало бы перенять у поляков. Вскоре в отделе была создана группа переводчиков с английского, немецкого и польского языков (В.Ф. Чеснокова, Л.В. Малиновский и Д.И. Штирмер), продуктивная и квалифицированная работа которой во многом помогла научному росту коллектива.

Сближению разрозненных секторов способствовали и социологические экспедиции. Это были хорошо подготовленные в организационном и методическом планах длительные выезды в поселки Северного Приобья, сельские районы Алтая, города Сибири и Дальнего Востока. Вообще говоря, научные экспедиции — традиционная для Академии наук форма изучения производительных сил страны, активно используемая институтами Сибирского отделения Академии наук. Каждую весну из Академгородка выезжали десятки вездеходов, развозивших геологов, геофизиков, биологов, химиков на полевые работы, продолжавшиеся до поздней осени. Выделялись экспедиционные ресурсы и социологам ИЭиОПП.

Социологические экспедиции, как правило, продолжались от двух недель до месяца и более. Их участники проводили опросы, причем вначале мы привлекали к интервьюированию населения местных специалистов — инженеров, врачей, учителей и пр. Но вскоре убедились, что их работа не обеспечивала требуемого качества и надежности информации: встречались неправильные трактовки вопросов, пропуски сложных для заполнения таблиц, да и прямые подделки. И тогда было решено проводить опросы только своими силами (иногда с привлечением своих студентов и аспирантов). В городах респонденты, как правило, заполняли анкеты по месту работы, т.е. на предприятиях, в присутствии наших сотрудников, контролировавших этот процесс, в сельской же местности (а иногда и в городах) сотрудники отдела интервьюировали респондентов у них на дому. Такая практика обеспечивала высококачественное заполнение инструментария и высокую надежность данных.

Традицией были вечерние сборы участников экспедиций на семинары, где обсуждались впечатления дня, актуальные методические вопросы, новые гипотезы. Иногда по результатам таких обсуждений приходилось в ходе экспедиций корректировать инструментарий.

В целом это была нелегкая, но интересная и творческая работа, особенно полезная молодым ученым, аспирантам, студентам. Потому так велико было и число желающих принять в них участие. Нередко к нам присоединялись ученые из Москвы, Ленинграда, Барнаула, Улан-Удэ и других городов.

Направления социальных исследований

В первые годы предмет исследований отдела производил впечатление пестроты и случайности, поскольку выбор тематики диктовался не столько логикой развития науки, сколько требованиями социально-экономической практики, преломляющимися через внешние поручения и заказы институту или через собственное понимание отдельных ученых. Вначале с организацией социологического отдела тематика секторов не менялась, каждый из них продолжал исследовать свой традиционный предмет. Необходимость предметной консолидации коллектива была осознана значительно позже, а тогда работа велась в нескольких почти не связанных между собой направлениях.

На первом этапе наиболее развитым оставалось начатое Г.А. Пруденским и продолженное В.Д. Патрушевым с сотрудниками изучение *времени населения*. Сектор бюджетов времени работал энергично и эффективно, его исследования расширялись и углублялись. Так, изучение количественного и качественного соотношения рабочего и внерабочего времени стало шагом к комплексному анализу суточных и недельных бюджетов времени населения во взаимосвязи всех их элементов. Сотрудники сектора проанализировали итоги российской части международного исследования бюджетов времени населения, а позже перевели с французского и опубликовали результаты анализа бюджетов по всем 12 странам. Со временем сектор начал уделять больше внимания разработке, апробации и распространению методики комплексного изучения бюджетов времени, а также использованию полученных результатов в текущем и долгосрочном планировании. Это было связано с пионерным характером исследований и значительной потребностью в методических материалах для развертывания подобных исследований в других регионах страны. В 1969 г. в Новосибирске была проведена вторая (после 1960 г.) Всесоюзная научно-практическая конференция “Бюджет времени и социально-экономическое планирование”, которая оказала большое влияние на развитие и становление этого направления в стране [1].

Важным шагом в развитии данного направления явился переход от изучения индивидуальных бюджетов времени к разработке совокупных балансов времени крупных территориальных общностей — регионов, городов и сельских районов. Эта задача была важна и в научном, и в практическом отношении, но вместе с тем крайне трудоемка: ее решение требовало гигантских массивов информации и

сложных методов их обработки. В.Д. Патрушев и его коллеги развили теоретическую концепцию совокупных балансов времени, разработали методику их построения и расчета, сделали первые экспериментальные шаги по реализации этой идеи [2]. К сожалению, для дальнейшего движения в этом направлении не хватило ресурсов (денег, людей, средств обработки данных и пр.), но начало было заложено. В целом за рассматриваемый период по проблемам бюджетов времени населения были опубликованы восемь книг объемом около 100 п. л.

От прежней структуры института было унаследовано и такое направление исследований, как *формирование и использование трудовых ресурсов Сибири*. Руководил им Е.Д. Малинин. Трудонедостаточность экономики Сибири и начавшееся освоение Тюменского Севера делали его очень актуальным. В соответствии с характером научных задач здесь широко использовался экспедиционный метод исследования. Так, в 1965 и 1967 гг. были организованы пилотажные экспедиции с целью изучения условий и уровня жизни населения районов нового промышленного освоения в Среднем Приобье. В 1968 г. туда отправилась более крупная экспедиция, вооруженная основательно разработанным статистическим и социологическим инструментарием. Ею был собран и обработан громадный остро критический материал. Он показывал, что большинство работников, осваивавших нефтегазоносные районы, трудились и жили в нечеловечески тяжелых, вредных и опасных условиях. Результаты исследования были доложены на научно-практической конференции в Тюмени в присутствии союзных и российских министров, руководителей обкома партии. Доклад, базировавшийся на материалах исследования, произвел буквально фурор, его бурное обсуждение продолжалось и на конференции, и в кулуарах. В дальнейшем были приняты серьезные меры по реализации содержащихся в нем рекомендаций.

Сектор Е.Д. Малинина в течение долгого периода эффективно изучал социально-экономические проблемы промышленного освоения новых районов. Результаты его работы высоко оценивались и учеными и практиками. Но коллектив этого сектора работал в рамках чисто экономической парадигмы и не видел необходимости обращаться к социологии.

Продолжались исследования проблем *движения рабочих кадров в промышленности и строительстве*. В 1966 г. первый секретарь Рубцовского горкома КПСС В.Т. Мищенко обратился в институт с просьбой исследовать причины текучести рабочих кадров в этом алтайском городе и разработать меры по ее снижению. Сектор социальных проблем движения рабочей силы (Е.Г. Антосенков) охотно откликнулся на эту просьбу. Для работы ученых были созданы самые благоприятные условия, выделены помощники и толковые организаторы. В 1966—1967 гг. были проведены широкие исследования текучести кадров на шести крупных предприятиях города, включая индустриальный ги-

гант АТЗ. В течение шести месяцев каждый поступавший на работу или увольнявшийся с этих предприятий работник заполнял анкету, указывая обстоятельства, вынуждающие или стимулирующие его к смене места работы. Анализ многих тысяч анкет дал достаточно надежное представление об интенсивности, направлениях и качественной структуре потоков текучести.

В 1968 г. сектор провел на АТЗ комплексное исследование движения кадров как внутривзаводского, так и межзаводского. Важным шагом в методологии изучения данной проблемы стало исследование потенциальной текучести, т.е. склонности и готовности внешне стабильных работников при определенных условиях сменить место работы или профессию. Изучение потенциальной текучести позволило значительно углубить изучение причин и мотивов трудовых перемещений работников. На основе их анализа коллектив разработал комплексную систему мер по закреплению кадров на предприятиях. По инициативе и с помощью В.Т. Мищенко эта система была реализована в масштабе всего города, в результате чего за 2—3 года уровень текучести промышленных кадров снизился примерно на треть (с 25 до 17—18%) [3]. Исследования сектора нашли отражение в целом ряде интересных работ [4].

Актуальной проблемой оставалась и миграция сельского населения в города.

Дефицит кадров в сельском хозяйстве Сибири, по оценкам отдельных ученых, доходил до 25 %, а миграционный отток сельского населения все увеличивался и увеличивался. Дело в том, что с конца 50-х годов в стране проводилась постепенная паспортизация сельского населения. По сути, она означала отмену советского “крепостного права”, когда сельские жители, не имевшие паспортов, не могли переселяться в города по собственной воле. Единственным способом вырваться на свободу для них была вербовка на великие стройки, на Крайний Север, на лесозаготовки и другие работы, доступные далеко не каждому. В результате в селах и деревнях накапливалось много людей, желавших переселиться в город, но не имевших такой возможности. Едва успев получить паспорта, они уезжали в ближние и дальние города. В 1963—1965 гг. села Новосибирской области ежегодно теряли около 7 % населения. Огромный миграционный отток не только сокращал и без того недостаточную численность сельских работников, но и ухудшал их состав, так как больше двух третей чистого оттока населения села составляла молодежь. Нарушалось социально-демографическое воспроизводство населения. Мигранты из сел сталкивались в городах с огромными трудностями, связанными с обеспечением жильем, пропиской, работой, заработком, освоением непривычного образа жизни. Производство сельскохозяйственных продуктов на селе сокращалось, а спрос на них со стороны горожан возрастал.

Новосибирский обком КПСС еще в начале 60-х годов обратился в ИЭиОПП СО АН с просьбой выяснить причины чрезмерного оттока сельского населения в города и разработать меры по его снижению. Дирекция поручила эту работу сектору социальных проблем города и деревни. Необходимо было уточнить масштабы и направления миграции сельского населения, выяснить социально-демографическую структуру встречных миграционных потоков (из сел в города и из городов в села), определить основные причины и факторы резкого усиления миграционного оттока селян, проследить за судьбами сельских мигрантов в городах, обосновать возможные меры оптимизации миграции.

К этому времени миграция населения как специфический социальный процесс в СССР была мало изучена. До середины 60-х годов социологические исследования движения населения между городом и селом почти не велись. Информационная база большинства исследований ограничивалась скудной государственной статистикой, в лучшем случае позволявшей судить о размерах сальдо миграции между территориями и поселениями. Встречные потоки мигрантов, их качественный состав, мотивы перемены мест жительства оставались вне поля зрения, а о методах регулирования миграции и говорить не приходилось. Западная литература по этой проблеме была мало доступна и к тому же далеко не всегда методологически приложима к советским условиям. Между тем перед учеными стояла задача не только раскрыть эмпирические закономерности миграции сельского населения и отдельных социально-демографических групп, но и предложить практические рекомендации плановым органам по оптимизации этого процесса.

Слабая изученность проблемы обуславливала необходимость решения соответствующих теоретико-методологических задач, поэтому коллективу сектора пришлось разработать собственную экономико-социологическую концепцию миграции сельского населения в города, определить общественные функции этого процесса, обосновать представление о “рациональной модели” сельско-городской миграции, определить систему факторов, вызывающих данный процесс, его социальный механизм, социально-экономические последствия, возможные способы его регулирования. Из-за ограниченности времени теоретическая концепция сельско-городской миграции разрабатывалась почти одновременно с инструментарием прикладного социологического исследования. К счастью, соруководителями последнего согласились стать заместитель начальника отдела переписей населения ЦСУ РСФСР В.Д. Миркин и руководитель Новосибирского областного статуправления К.Ф. Ершова, обладавшие громадным опытом в данной области и оказавшие нам неоценимую помощь.

Проработав несколько месяцев над проектом, методической программой и инструментарием исследования и проведя пробный опрос населения двух районов, мы подготовили репрезентативное для Новосибирской области комплексное социолого-статистическое исследование

дование миграции сельского населения в города. Выборка, грамотно построенная Е.Е. Горяченко (бывшей тогда студенткой пятого курса НГУ), охватывала более половины районов области, 212 (10%) поселений и более пяти тысяч семей, насчитывавших свыше десяти тысяч работников. Социологическая часть инструментария состояла из “Анкеты сельской семьи”, включавшей специальный блок вопросов о членах семьи, уехавших в города, и “Анкеты работника”, заполнявшейся на каждого взрослого члена опрашиваемой семьи. Кроме того, в каждом поселении заполнялось несколько статистических документов, освещавших важнейшие условия жизнедеятельности изучаемых групп населения. Это были развернутые экономико-статистические характеристики колхозов и совхозов, населенных пунктов и находящихся на их территории учреждений социальной инфраструктуры (школ, клубов или Домов культуры, медицинских пунктов и др.).

Для только что созданного отдела проведение такого огромного исследования было серьезным испытанием. Чтобы выполнить эту работу в течение месяца (на это время нам предоставлялись автомашины), пришлось мобилизовать практически весь отдел, а также аспирантов и студентов. Восемь экспедиционных отрядов были готовы к выезду “в поле”, когда стало известно, что секретарь обкома КПСС по сельскому хозяйству, без благословения которого нас не принял бы ни один район, не дает согласия на экспедицию. Свое решение он объяснял тем, что, как местный житель, и так знает все об этой проблеме. Надо было любым путем добиваться разрешения на выезд. Чтобы убедить этого высокопоставленного чиновника в пользу науки, пришлось применить “военную хитрость”. Воспользовавшись утверждением, что он знает о сельской миграции все, мы попросили его поделиться своими знаниями о том, с какой интенсивностью покидают село разные социальные группы; куда они движутся; какая часть мигрантов со временем возвращается в села; что их к этому вынуждает и т.д. Признавшись, что таких деталей не знает, он нехотя дал согласие на экспедицию. В этом эпизоде отразились, с одной стороны, характерная для советской системы зависимость ученых от партocrats, а с другой — набирающие силу тенденции, приведшие к распаду этой системы. Злая воля партocrats еще противостояла развитию свободной общественной науки, в том числе социологии, но она уже не была всемогущей: исследование было проведено, а затем и расширено [5].

Выполненный анализ привел к выводу, что среди множества причин миграции сельского населения в города, включая и паспортизацию населения, главной был громадный разрыв в уровне социального развития города и села. Городское и сельское население СССР жили как бы в разных веках, и город нещадно эксплуатировал деревню. (Достаточно сказать, что, по данным специальных исследований, состояние здоровья селян было примерно таким, как у горо-

жан, старше их на 15—20 лет.) Следовательно, решение проблемы лежало на пути преодоления необоснованных социальных различий в положении городского и сельского населения, формирования на селе социальной среды, отличной от городской, но равноценной и равнопривлекательной. Мы полагали, что решение этой задачи должно опираться на комплексную целевую программу социально-экономического развития села, разработку основ которой были готовы взять на себя. Это предполагало достаточно сложную теоретико-методологическую работу, связанную с представлением сельской местности (или сельского сектора) СССР в качестве целостного объекта управления — специфической подсистемы общества. И в 1971 г. сектор начал разработку этой методологии.

Надо заметить, что представление о сельском секторе как об относительно самостоятельной подсистеме общества находилось в противоречии с идеологемой о социальном сближении и слиянии социалистических города и деревни. Многие ученые отвергали нашу позицию, утверждая, что она смотрит не в будущее, а в прошлое, так как социальный прогресс предполагает полное вытеснение села и сплошную урбанизацию общества. В этих условиях вряд ли следует тратить время на изучение исчезающего объекта. Однако экспедиции по Сибири подтверждали, что село не собирается исчезать, в нем живут миллионы людей, свыкшихся с сельским образом жизни и выполняющих ряд важных и уникальных общественных функций. Очевидны были и качественная неравноценность социального статуса горожан и селян, громадная разница в уровне, образе и качестве их жизни, а соответственно, и в менталитете. В основе этих различий лежали как исторически сложившиеся особенности сельской и городской субкультур, так и сознательно установленная и поддерживаемая неэквивалентность экономического обмена между селом и городом. Что касается тенденции к сближению села с городом, то на деле она была очень слаба, если не считать рурализации (“оселения”) городов в результате наплыва сельских мигрантов.

В 1972 г. было проведено второе социолого-статистическое исследование новосибирского села, заложившее основу будущего пятнадцатилетнего лонгитюда (1967—1982 гг.). Программа этого исследования в основном воспроизводила программу 1967 г., что было важно для отслеживания динамики. Однако предмет исследования был расширен в соответствии с модификацией научных задач. Теперь в центре внимания находились проблемы *развития села как целостного социально-экономического объекта*.

Большое внимание уделялось вопросам *сельского расселения*. Исследование миграционного оттока сельских жителей в города выявило решающую зависимость этого процесса от социального качества поселений: их людности, административного статуса, системы рабочих мест и социальной инфраструктуры. Особенно важную роль игра-

ла людность: за пять лет (1961 — 1966) из поселков, где жило менее 100 чел., уехали 35% жителей, в то время как села, насчитывающие свыше 1000 чел., на 3—4% увеличили свое население [6]. Структурные характеристики миграционных потоков из центральных и периферийных поселков также были совершенно различны. Из первых уезжала главным образом молодежь, привлекаемая городским образом жизни, причем ее отток в значительной мере компенсировался переселением лиц среднего возраста из сельской периферии. Малые же поселения представляли собой маргинальную часть села и потому все больше пустели. Формируемый ими тип социальной среды отвечал реалиям скорее XIX, чем XX в.

Исчезновение малых и части средних поселков тревожило руководство хозяйств, терявших не только перспективных работников, но и обжитые места размещения периферийных подразделений — ферм и бригад. Беспокоило это и власть, заинтересованную в более сбалансированном развитии города и села. В конце 50-х годов Н.С. Хрущев, соприкоснувшись с этой проблемой в родной Калиновке (одном из крупных сел Курской области), пришел к выводу, что исторически сложившаяся система сельского расселения устарела и ее нужно преобразовать. Градостроительный институт разработал проект, согласно которому небольшие периферийные поселения следовало ликвидировать, а их жителей — переселить во вновь отстроенные дома в Калиновке, являвшейся центральной усадьбой колхоза. Осуществление этого проекта дало хорошие результаты: переселенцы были довольны, миграционный отток колхозников сократился, молодежь начала оставаться в селе, финансовых же затрат никто не считал. В результате возник проект повсеместного добровольного переселения жителей небольших отдаленных сельских поселков в центры с более развитой инфраструктурой.

Но на практике, как обычно, все вышло иначе. В 1968 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление “Об упорядочении строительства на селе”, согласно которому все сельские населенные пункты страны (около 500 тыс.) были разделены на три административные категории: перспективные, ограниченного развития и неперспективные. Местным органам, колхозам и совхозам предлагалось сосредоточить социально-бытовое строительство преимущественно в перспективных поселках. В поселениях ограниченного развития разрешалось закончить начатые стройки. В поселках же, отнесенных к неперспективным, прекращалось даже ранее начатое строительство. Более того, свертывалась часть традиционно существовавших элементов социальной инфраструктуры, превышавшая вводимые нормы: ликвидировались медицинские пункты, некомплектные начальные школы, слабо загруженные автобусные маршруты и пр. В результате организационная и экономическая помощь жителям периферийных поселков, желавшим переселиться в центры хозяйств, была замене-

на насильственным вытеснением людей из привычных мест жительства путем целенаправленного разрушения среды их обитания.

К концу 60-х годов все села Новосибирской области были классифицированы по критерию перспективности. Наши расчеты показывали, что перспективные поселения в целом обладали лучшей способностью удерживать и привлекать население. Но наблюдались и значительные инверсии, связанные с тем, что перспективность поселков оценивалась по признакам, не учитывавшим их конкретную историю, местоположение и природные условия, не говоря уже о культурной специфике. К сожалению, тогда это не заставило нас усомниться в общей правильности концепции разделения перспективных и неперспективных поселков. Впервые столкнувшись с проблемами сельского расселения, мы в течение определенного времени принимали названную концепцию как социальную реальность, разумность которой подтверждалась авторитетом крупных специалистов [7]. Главный путь сокращения чрезмерно высокого миграционного оттока сельского населения в города мы видели в том, чтобы “найти оптимальные формы и методы сселения мелких поселков и благоустройства крупных сел, придать этому процессу планомерный и организованный характер” [8]. Наша же задача заключалась в том, чтобы дополнить господствовавшие экономико-географическую и градостроительную концепции преобразования сельского расселения анализом социологической информации о взглядах, оценках и поведении социальных субъектов, интересы которых в данном случае затрагивались.

Но скоро мы убедились, что связь между перспективностью поселений и стабильностью их населения реализуется лишь в тенденции: хотя неперспективные поселения в среднем теряли большую долю жителей, чем перспективные, однако благодаря привлекательным природным условиям, относительной близости к центрам, наличию надежных дорог и регулярных транспортных сообщений немалое число их сохраняло стабильное население. Многие же крупные, но недостаточно благоустроенные поселения интенсивно “размывались” миграционным оттоком жителей. Исследование показало, «что при определенных условиях люди удовлетворяются условиями жизни и в сравнительно мелких поселениях. В то же время крупный размер поселения сам по себе еще не служит гарантией нормального воспроизводства населения. Очевидно, чтобы обеспечить такое воспроизводство, в каждом населенном пункте надо создать комплекс “нормальных” жизненных условий, который должен дифференцироваться в зависимости от функций поселков, их людности, местоположения и т.д.» [9].

Сталкиваясь со случаями необоснованного разрушения социальной инфраструктуры небольших, но жизнеспособных поселков, мы предостерегали властные органы от административного насилия над населением и акцентировали важность оказания помощи той его части (в первую очередь молодежи), которая особенно тяготится от-

сталостью и неблагоустройством села и потому настроена на миграцию. Возражали мы и против попыток “представлять дело так, будто сселение малых поселков — это вопрос всего нескольких лет, в связи с чем специфические нужды их населения можно уже практически не принимать во внимание”, подчеркивали, что “даже при самом успешном развитии рассматриваемого процесса он все же продлится несколько десятков лет, в течение которых нужды сельского населения, в том числе и проживающего в более мелких поселках, будут удовлетворяться все более полно” [10].

В начале 70-х годов сотрудник Новосибирского ЦНИИЭП Градостроительства Л.П. Фукс, более 20 лет скрупулезно отслеживавший динамику людности сельских поселений Новосибирской области, показал, что по мере распада мельчайших поселков резко усиливается миграционный отток из более крупных поселений, поскольку они лишаются подпитки населением за счет мельчайших поселков. Отсюда следовало, что малые поселения представляют собой жизненно важную часть всей системы сельского расселения, своего рода “бастийон”, защищающий более крупные села. Хотя в принципе их самоликвидация была неизбежна, так как они слишком сильно отставали от запросов людей, процесс их свертывания желательнее было не форсировать, а напротив, по возможности тормозить путем улучшения культурно-бытового обслуживания их жителей. Согласившись с этими положениями, в дальнейшем мы последовательно придерживались точки зрения о необходимости максимально внимательного отношения к нуждам малых поселков.

Научная интеграция колектива

Общение на работе, участие в научном совете и методологическом семинаре, совместные экспедиции, научные конференции, преподавание на экономическом факультете НГУ сближали разные сектора отдела. Выявились и общие проблемы, которые интересно было исследовать совместно, поскольку они касались частично пересекавшихся процессов, например, движения рабочей силы в промышленности и миграции сельских работников в города, где большинство из них становились промышленными рабочими. Много общих точек было в исследованиях условий труда и жизни работников в связи с проблемой текучести кадров (сектор Е.Г. Антосенкова) и в связи с анализом бюджетов времени для планирования социально-экономического развития предприятий и городов (сектор В.А. Артемова). В 1969 г. В.А. Артемов, Л.П. Коровин и Е.Г. Антосенков выступили с предложением провести комплексное общеотдельское исследование социально-экономической жизнедеятельности населения Рубцовска. Секретарь Рубцовского горкома КПСС В.Т. Мищенко, загоревшись этой идеей, обещал всестороннюю помощь.

Замысел показался интересным не только руководителям секторов и отдела, но и директору института. Инициаторы разработали системный исследовательский проект “Рубцовск”, в котором должны были принять участие весь отдел и некоторые экономические подразделения ИЭиОПП. Сектор социальных проблем города и деревни со своей стороны подготовил программу “Город и его сельское окружение”, предполагавшую конкретное изучение социальных связей между городом и селом. Руководство столь крупным и ответственным проектом взял на себя А.Г. Аганбегян. Общие цели работы виделись, во-первых, в монографическом описании города и его сельского окружения, во-вторых, в выделении узловых проблем, решение которых могло наиболее благотворно сказаться на состоянии изучаемой системы, в-третьих, в изучении путей совершенствования методов управления этим системным объектом. Ожидаемыми практическими результатами исследования были повышение эффективности производства и улучшение условий жизни людей в городе и прилегающей сельской местности.

Были выделены основные направления исследования, по ряду из них подготовлены методические программы. В 1970 г. состоялась общеподольская экспедиция в Рубцовск для предварительного ознакомления с объектом изучения. Затем было решено провести репрезентативный опрос нескольких тысяч жителей города по широкому кругу социальных, экономических и социокультурных вопросов. Но тут возникло альтернативное предложение: опираясь на крепкую поддержку горкома КПСС, провести сплошной опрос всего населения города. Выделенные городом интервьюеры, проинструктированные и контролируемые сотрудниками отдела, опросили 88 % жителей 140-тысячного города. Но весьма далекая от случайности выборка оказалась резко перекошенной, так как недобранные 12 % представляли важные особые группы, в частности, городскую элиту, лимитчиков, представителей социального дна и др. К тому же имевшимися у нас средствами обработать и проконтролировать качество анкет, хранившихся во многих десятках мешков, не было никакой возможности. Да и теоретико-методологическая часть проекта не была должным образом проработана, так что отдельные направления исследования, собранные под шапкой “метапроекта”, в содержательном плане не стыковались. Между тем город ждал от ученых реальной помощи.

Достойный выход из ситуации нашли В.А. Артемов и Л.С. Корвин. С помощью нескольких сотрудников они построили поддающуюся контролю и обработке подвыборку из имевшейся массы анкет и подготовили достаточно интересный научный отчет с практическими рекомендациями городскому руководству. Позже были проанализированы использование совокупного фонда рабочего времени города, формирование и функционирование городского комплекса питания, усло-

вия физкультурно-спортивной деятельности горожан и пр. В целом, несмотря на все трудности, рубцовская “вспышка” создала дополнительной импульс к предметно-организационной интеграции отдела.

Методология и методика исследований

Целевые установки и выбор тематики. Как уже отмечалось, на первом этапе тематика исследований коллектива определялась не столько нерешенными проблемами теории, сколько требованиями социальной практики. Ведь западная общественная наука для советских ученых была закрыта, а советская, в сущности, не была наукой. Она выполняла служебные функции поддержки коммунистического учения и связанных с ним идеологических мифов, но не была объектом творческого развития, не порождала требующих проверки гипотез, не ставила сложных методологических проблем, а следовательно, не задавала новых направлений исследования.

Ведущую роль в формировании тематики играло то, что Сибирское отделение Академии наук было создано прежде всего с целью научной помощи освоению Сибири. Главной задачей ИЭиОПП было обоснование экономически и социально эффективных решений этой проблемы. Раз в пять лет институт готовил обширный доклад, посвященный анализу и прогнозу развития производительных сил Сибири на среднесрочную перспективу, фактическое содержание которого выходило далеко за рамки региона, касаясь центральных проблем общенациональной экономики. Обязательным элементом доклада было обоснование социально-экономической стратегии дальнейшего развития Сибири. Доклады ИЭиОПП обсуждались на всероссийских конференциях по развитию производительных сил Сибири, в которых участвовали руководители заинтересованных министерств и ведомств, партийных органов областей и краев. Рекомендации этих конференций, в свою очередь, рассматривались на заседаниях Совета Министров и Госплана РСФСР с участием партийных и хозяйственных руководителей регионов, а также основных авторов докладов. По итогам таких обсуждений принимались специальные постановления, учитывавшиеся при разработке пятилетних планов, ставились новые задачи перед наукой.

Новосибирские социологи работали в постоянном контакте с партийными и государственными властями, проектными институтами, крупными предприятиями, обращавшимися к институту за той или иной научной помощью. В этих условиях практическая актуальность темы и наличие значимых для практики выводов рассматривались как обязательные требования к любому исследованию. Такой подход был характерен для всей советской науки — ведь съезды КПСС требовали, чтобы наука стала “непосредственной производительной силой общества”, а средства массовой информации постоянно твер-

дили о “неоплатном долге” ученых перед народом и партией, которые дали им возможность выучиться и заниматься наукой. Эти идеологии были внутренне приняты большинством ученых, которые искренне стремились помочь своими исследованиями практике.

Позитивизм и ценностное отношение к истине. Мотивированность новосибирских социологов к творческому участию в решении социальных проблем региона была связана и с желанием противопоставить господствовавшим идеологическим мифам правду о социальной дифференциации, сложных и противоречивых социальных процессах, острых проблемах и конфликтах якобы беспроblemного и бесконфликтного общества. Мы считали себя ответственными за социальное просвещение общества, посильное противостояние тотальной лжи, пронизывавшей общественную науку.

Новые поколения ученых (особенно прошедших стажировку на Западе) иногда отождествляют эту целевую морально-этическую установку с методологией позитивизма [11]. Формально это выглядит справедливым, но, по существу, на мой взгляд, не верно. Ведь мы расценивали свою установку на объективное изучение и описание общества со всеми его социальными язвами не как научную методологию, а скорее как моральный долг. Формула “Правда, вся правда и ничего кроме правды”, реализовать которую в те годы было отнюдь не легко, была нравственным кредо нашего коллектива.

Мы стремились донести эту правду, во-первых, до “сильных мира сего”, от которых зависело решение острых социальных проблем, улучшение жизни людей. Нельзя сказать, что доклады ученых заметно меняли их мировоззрение и установки, но поскольку “капля и камень долбит”, какая-то польза, несомненно, была. Во-вторых, мы ориентировались на своих коллег-ученых, читавших наши труды, полемизировавших с нами, но в то же время учитывавших наши выводы в своей работе, да и вообще на широкий круг интеллигенции. В институтах СО АН и Новосибирска доклады сотрудников отдела о социальном развитии Сибири собирали большие аудитории и, безусловно, формировали общественное мнение.

В трудные же минуты, когда казалось, что в советской системе обществоведческие исследования не имеют никакой перспективы, приходилось утешать себя тем, что правда о жизни общества в 60—70-е годы со временем будет важна для историков. Таким образом, если мы и были позитивистами, то не сознательными, а стихийными. Мы не выбирали эту методологию из многих других, а оказались причастными к ней потому, что она больше других отвечала нашим условиям жизни и внутренним установкам.

Надо признать, что работа в Сибирском отделении Академии наук давала нам больше возможностей (по сравнению с москвичами) писать правду. Но иметь возможность и использовать ее — далеко не одно и то же. Установка на объективное отражение действи-

тельности в СССР чаще приносила шишки, чем пышки. В отделах ЦК КПСС, ведавших общественными науками, новосибирская социология находилась на особом учете. Отслеживался, тщательно прочитывался и обсуждался каждый выпускаемый нами сборник. Не раз возникал вопрос, не слишком ли много позволяют себе новосибирские социологи и не пора ли их остановить. Так, в 1972 г. в отделе науки ЦК КПСС возник шум по поводу того, что в одном из наших сборников обнаружили ссылку на запрещенную книгу Левады “Лекции по социологии” (М., 1969). Это было сочтено вызовом партийному руководству, хотя ни автор, ни редакторы, занимаясь существом дела, вовсе не думали ни о каких вызовах.

Отношение к марксизму. В основе методологии наших исследований, безусловно, лежал марксизм, прежде всего в той его части, которая касается связи экономики с социальной сферой, социально-классовых проблем и влияния социального положения на экономическое поведение людей. Ограниченность этого подхода проявлялась в преимущественном внимании к изучению объективных (материальных, экономических) условий, факторов и результатов исследуемых процессов при значительно меньшем внимании к социокультурным факторам, сознанию индивидов и групп, их ценностным ориентациям, потребностям, мотивациям.

Причем по мере углубления в изучение социальной реальности мы сталкивались все с большим количеством фактов (процессов, явлений), противоречивших букве марксистского учения, отдельным высказываниям классиков или их ортодоксальным трактовкам. Вместе с тем многие элементы западных социологических теорий среднего уровня, с которыми мы знакомились, хорошо соответствовали наблюдаемой нами действительности. Большую помощь в этом отношении оказала, в частности, книга Яна Цепаньского “Элементарные понятия социологии”, переведенная нашей сотрудницей В.Ф. Чесноковой и изданная под редакцией Р.В. Рывкиной [12]. На некоторое время эта книга служила нам “социологическим букварем”. В целом наши отношения с марксизмом носили творческий характер: используя его основные положения как базу, мы стремились отсекавшие, нереалистические элементы этого учения и одновременно прививать к нему новые, более современные ветви.

Методы сбора, обработки и анализа информации. Важной и общепризнанной чертой отдела социологии ИЭиОПП была высокая требовательность к исследовательским программам, социологическому инструментарию, методам построения выборки и проведения опросов. Тщательная подготовка и проведение исследований, использование наиболее надежных методов построения выборки (Е.Е. Горяченко), валидность получаемой информации, глубокий и многосторонний анализ данных, надежность научных выводов обеспечили высокий престиж новосибирской социологии, доверие научного сообщества к

ее результатам. Сама же эта черта была производной, во-первых, от установки на объективность и политическую неангажированность, во-вторых, от укреплявшихся с каждым годом морально-этических установок коллектива, не допускавшего и не принимавшего научной халтуры, не говоря о подлогах и приспособленчестве.

Не менее важной чертой отдела было повышенное внимание к математическим методам обработки социологических данных, позволяющим делать концентрированные содержательные выводы из анализа многомерных массивов информации. В те годы счетная техника была несопоставима с современной. Во второй половине 60-х годов институт имел лишь машиносчетную станцию, работавшую на перфокартах и способную строить только простые классификации. Не случайно первые таблицы, отражавшие результаты исследования сельской миграции 1967 г., были получены через два года по его завершении. Однако вскоре институт приобрел ЭВМ М-20 и М-220, а позже получил возможность пользоваться гораздо более мощной БЭСМ-6, принадлежавшей Вычислительному центру СО АН. Кроме того, математики социологического отдела установили тесный контакт с сотрудниками Института математики СО АН, разрабатывавшими программы распознавания образов и другие методические средства анализа. Наконец, в ИЭиОПП был и свой отдел математики, сотрудники которого интересовались моделированием социальных процессов и явлений. Все это позволяло социологам использовать широкий спектр методов многомерного статистического анализа: факторный, классификационный, корреляционный, дисперсионный, регрессионный анализы, методы изучения марковских процессов, распознавания образов, моделирования социальных процессов.

В отделе этой работой руководили Ф.М. Бородкин, Б.Г. Миркин, П.Т. Трофимов, активно участвовала в ней С.В. Соболева. Обоснование и применение математических методов в социологии, моделирование социальных процессов нашли отражение в большом числе публикаций [13]. Для конца 60-х — начала 70-х годов вообще было характерно увлечение математическими методами. С их помощью не только решались конкретные задачи, но и проводились методические эксперименты, раскрывавшие сильные и слабые стороны тех или иных подходов, свойственные им ограничения и пр. Позже отношение нашего коллектива к математическим методам стало более сбалансированным. Они использовались для решения конкретных задач, но почти перестали рассматриваться как специальный предмет исследования.

..
:

К главным итогам второго этапа развития новосибирской социологической школы, на мой взгляд, следует отнести:

а) институционализацию экономико-социологического направления исследований в СО АН СССР: образование и развитие отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства, формирование его структуры, создание специализированного совета по защитах кандидатских и докторских диссертаций по специальности “Прикладная социология” (экономические науки), значительное укрепление и развитие Сибирского отделения Советской социологической ассоциации;

б) создание механизма регулярного пополнения отдела выпускниками экономического факультета НГУ, специализировавшимися по социологии, создание собственной аспирантуры;

в) формирование единого научного коллектива с общей системой норм и ценностей, общими интересами, высоким уровнем идентификации большинства сотрудников с отделом и институтом;

г) освоение социологической теории, методологической и методической культуры исследований, современных методов сбора, обработки и анализа социологических данных;

д) преодоление мелкотемья, расширение предмета исследований с частных социально-экономических процессов до сложных целостных общественных феноменов и структурных элементов общества;

е) расширение и углубление связей с зарубежными и международными социологическими центрами, оформление коллективного членства в Мировой социологической ассоциации, активное участие ведущих сотрудников в международных конференциях и конгрессах.

*Системный подход
в методологии исследования
социально-экономических объектов
(1973—1980 гг.)*

ГЛАВА 3

Условия научной деятельности социологов

Косыгинская реформа, направленная на внедрение в советскую экономику начал хозрасчета, провалилась, натолкнувшись на сопротивление бюрократии. Альтернативных же способов поднять эффективность экономики власть не нашла. Официальная статистика решалась фиксировать только систематическое снижение темпов роста производства, хотя и ученые и работники плановых органов знали, что с середины 70-х годов в стране началось абсолютное сокращение валового внутреннего продукта. Развивались лишь огромный паразитировавший на народном хозяйстве ВПК да добывающая промышленность. Страна сводила концы с концами за счет невоспроизводи-

мых природных ресурсов. Отрасли технического прогресса — машиностроение, приборостроение, химическая промышленность — все более и более приходили в упадок. Производственные планы не выполнялись. Спад производства с неизбежностью влек за собой инфляцию, снижение уровня жизни. Прилавки все более пустели, ухудшалась деятельность социальных отраслей экономики, росло недовольство. Не зная, как переломить эти тенденции, правительство затевало гигантские “проекты века”: переброску северных и сибирских рек на юг, строительство БАМа, плотины через Финский залив и др.

В социологии в 70-е годы произошло несколько важных событий. В начале 1972 г. Институт конкретных социальных исследований АН СССР был переименован в Институт социологических исследований (ИСИ). Это был существенный шаг в направлении институционализации данной науки. Тот факт, что ее имя вошло в название академического института, означал, что за учеными признано право изучать не только “конкретные”, т.е. прикладные, но и теоретические проблемы социологии. Воодушевленные открывшейся перспективой, в ИСИ собрались наиболее профессиональные кадры социологов. В 1974 г. под эгидой АН СССР начал издаваться журнал “Социологические исследования” (первым ответственным редактором которого стал докт. филос. наук А.Г. Харчев). И наконец, в 1979 г. консервативнейшая Высшая аттестационная комиссия ввела специальность “Прикладная социология”, по которой стало возможно защищать диссертации на соискание ученых степеней. Однако сами эти степени присуждались не по социологии как таковой, а либо по экономике, либо по философии. Усилия ученых были направлены на возрождение социологии, но общая идеологическая обстановка в стране действовала, скорее, в противоположную сторону.

Ощущая все большее обострение экономических и социальных проблем, собственную беспомощность перед ними и боясь, что ситуация может выйти из-под контроля, власть прибегла к испытанному методу “закручивания гаек”. Ужесточилась политическая цензура, труднее стало публиковать социологические данные, носившие критический характер. Большинство статей в обществоведческих журналах принимало апологетический характер и было далеко от социальных реалий. В этих условиях легко прогнозировалось новое гонение на социологию, сами методы которой противопоказаны авторитарному обществу. В частности, прямую угрозу системе тотальной государственной лжи представлял характерный для социологии метод прямого обращения к людям для выяснения реальных условий их жизни, даваемых ими оценок происходящему, их ценностей, мотиваций и способов поведения. Не случайно в адрес социологов нередко выдвигалось обвинение в “клевете на советскую действительность”.

Не успевшая окрепнуть социология стала одним из первых объектов административно-бюрократического “руководства” наукой. ЦК КПСС не устраивали книги, подобные “Лекциям по социологии” Ю.А. Левады или книге “Моделирование социальных процессов”. ИСИ АН СССР был обвинен в “насаждении буржуазных концепций”. Его директором вместо либерального академика А.М. Румянцева был назначен “твердокаменный” марксист-ленинец член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич, который в короткие сроки фактически разгромил институт. Большинство наиболее известных социологов (Г.А. Андреева, Б.А. Грушин, Ю.А. Левада, В.Н. Шубкин и многие другие) были изгнаны или ушли “по собственному желанию”. А те, кто остался в институте, были вынуждены смириться с новыми порядками.

Приведу один лишь эпизод из жизни социологии этого времени. Осенью 1974 г. по просьбе журнала “Социологические исследования” я написала статью о социально-экономических проблемах сибирской деревни. Она была одобрена и включена в 3-й номер 1975 г. Но буквально через несколько дней после выхода весь тираж его арестовали. Статью было приказано выдрать и заменить другой. В результате этот номер журнала попал к читателям уже после выхода 4-го и 5-го номеров, причем с обложкой, где рекламировалась снятая статья. Ошибка и вина редколлегии заключалась в том, что статью включили в номер журнала, который пришелся на 10-летний юбилей мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС по сельскому хозяйству, ознаменовавшего приход Л.И. Брежнева к власти. В момент, когда “вся страна ликовала” по поводу достигнутых успехов, статья, посвященная острым проблемам деревни, внесла бы, по мнению партийных чиновников, недопустимый диссонанс в общее настроение. В результате она так и не увидела свет.

С изданием печатных работ по социологии в то время было вообще много проблем. Чтобы сделать книгу или статью проходимой, приходилось позаботиться о “внешней оболочке”: следовать марксистской терминологии, давать несколько ссылок на классиков и фраз о позитивных социально-экономических сдвигах. Цензоры считали своим долгом изымать острые места и нетривиальные мысли. Иногда это оборачивалось курьезами. Вспоминается, например, случай, когда цензура запретила публиковать сведения о том, что 25—30 % работников новосибирских предприятий недовольны условиями и оплатой своего труда. Обсуждая этот вопрос с цензором, представитель института осторожно спросил, а что если вместо доли недовольных трудом указать долю довольных (которая была примерно такой же, так как 40—50 % опрошенных высказали промежуточную позицию). Цензор охотно согласился на эту замену, не заметив, что в политическом плане данные стали выглядеть значительно хуже.

Но страшно было не только и даже не столько изъятие наиболее интересных мест и принципиальных выводов из исследований, запрещение отдельных публикаций, сколько то, что общение с аппаратом идеологического контроля приучало ученых к самоцензуре, т.е. к “автоматическому” подавлению возникавших время от времени “еретических” идей, в действительности, как правило, наиболее творческих и интересных. Однако новосибирцам дышалось легче, чем москвичам, постоянно находившимся под бдительным оком партийного руководства.

Рост квалификационного потенциала отдела

Одной из важнейших идей академика М.А. Лаврентьева, заложенных в основание Академгородка, была необходимость тесного соединения науки с образованием. Он был убежден, что для получения действительно высокой научной квалификации студенты уже со второго-третьего курса должны включаться в серьезную исследовательскую деятельность, постепенно становясь полноправными членами творческих коллективов. Тем более что наука, со своей стороны, нуждалась в подпитке талантливой молодежью, найти и отобрать которую легче в процессе совместной работы. В соответствии с этой идеей в Академгородке уже в 1959 г. начал функционировать Новосибирский государственный университет.

В 1962 г. по инициативе и под руководством А.Г. Аганбегяна на гуманитарном факультете НГУ было создано отделение экономической кибернетики. В 1967 г. оно преобразовалось в экономический факультет, а еще через два года открылась неформальная и как бы негласная специализация по социологии. Сделать ее открытой было нельзя, так как социология не признавалась “марксистской” наукой и, стало быть, не имела права существовать. Студенты, решившие специализироваться по социологии (в разные годы их было от 5 до 15 чел.), начиная с четвертого курса слушали систему спецкурсов, готовили и защищали соответствующие дипломные работы. Однако в выдаваемых им дипломах в графе “Специальность” записывалось “Экономическая кибернетика”. Словом, мы жили по Кузьме Пруткову, советовавшему, «увидев на клетке слона надпись “буйвол”, не верить своим глазам». Трудоустраивать выпускников приходилось “в штучном порядке”.

Кадровый состав отдела социальных проблем ИЭиОПП начиная с 1967 г. регулярно пополнялся специализировавшимися по социологии выпускниками экономического факультета НГУ.

Учебная программа экономического факультета на трех первых курсах была единой для всех студентов. Она предполагала изучение прежде всего экономики и прикладной математики. В конце третьего курса происходил своего рода конкурс четырех специализаций:

общеэкономической, экономико-социологической, оптимального планирования отраслей и регионов, АСУ. Каждая специализация делегировала группу наиболее ярких и популярных преподавателей для “вербовки” студентов. Встречи организовывались в вечернее время в холлах студенческого общежития и проходили очень свободно: несколько кратких сообщений преподавателей, затем вопросы и ответы. Нередко на эти встречи приходили студенты первого и второго курсов, стремившиеся пораньше выбрать будущую специальность.

Последние два года учебы студенты были заняты в соответствующих отделах института. Специализация по социологии начиналась чтением курсов “Введение в социологию” и “Методология и методика социологического исследования” (Р.В. Рывкина), а также “Применение математических методов в социологическом исследовании” (Б.Г. Миркин и М.Л. Суховский). Параллельно со второго семестра специализации начинался годичный спецсеминар по методологии и методике социологического исследования, где соответствующие проблемы рассматривались на примере подготавливаемых дипломных работ студентов. К этому времени они имели теоретическое представление о том, как проектируется социологическое исследование, но практического опыта в этой области у них не было. В рамках спецсеминара им предлагалось разработать полноценную методическую программу исследования.

Дипломные работы наших студентов обычно базировались на вторичном анализе ранее собранных сотрудниками отдела социологических данных: иначе они не успевали бы выполнить работу к сроку. На спецсеминаре студенты обосновывали научную и практическую актуальность выбранных тем, определяли общие цели своей работы, строили теоретические схемы исследования, раскрывали систему научных задач, формулировали гипотезы, обосновывали системы социальных индикаторов, обеспечивающих решение задач, выбирали подходящие методы обработки информации. На семинаре они обменивались опытом решения соответствующих методических проблем, учились критически обсуждать работу друг друга, получали необходимые разъяснения и советы.

Своеобразным учебником для студентов и сотрудников, приступавших к обоснованию новых проектов, в середине 70-х годов стала статья “О принципах и основных элементах программирования исследования трудовой мобильности” [1]. Она обобщала накопленный к тому времени сотрудниками отдела исследовательский и преподавательский опыт. Мобильность трудовых ресурсов использовалась в качестве примера, основное же содержание статьи составляло подробное объяснение того, как проектируется прикладное социологическое исследование, какие трудности при этом встречаются и как их можно преодолеть.

Защита дипломных работ студентов проходила в стенах ИЭиОПП. В состав ГЭК входили А.Г. Аганбегян, руководители отделов и крупных секторов. Некоторую трудность составляло то обстоятельство, что большинство комиссии составляли экономисты, недостаточно знакомые с социологией, а иногда и относившиеся к ней предвзято. Готовились к защитам дипломов серьезно и студенты и преподаватели. Как правило, в отделе проводились “предзащиты” наиболее сложных и спорных дипломных работ, позволявшие вовремя выявить и исправить слабые места. Лучшие из лучших выпускников зачислялись в отдел стажерами, а через два года становились научными сотрудниками. Это, в частности, относится к таким сотрудникам, как Г.П. Гвоздева, А.Н. Шапошников, В.М. Алферов, В.И. Федосеев, Н.Т. Нонкин, А.Р. Михеева и др., которые пришли в отдел в 1973—1981 гг.

Кандидатами наук в этот период стали Н. Чернина и Л. Хахулина (1974 г.), В. Герчиков (1976 г.), Л. Трус, З. Калугина и А. Шапошников (1980 г.). Успешно защищались и докторские диссертации. Так, в 1975 г. доктором экономических наук стал Е.Г. Антосенков (по специальности “Экономика труда”), в 1976 г. — Ф.М. Бородкин (по математическим методам в экономике), в 1979 г. — Р.В. Рывкина (по прикладной социологии).

Изменялся состав сотрудников, расширялся предмет исследований отдела, происходили кадровые перестановки. Так, вместо уехавшего в Москву Е.Г. Антосенкова заведовать сектором движения работников в промышленности и строительстве стала З.В. Куприянова, а вместо перешедшего на работу в ИСИ В.Д. Патрушева руководителем сектора бюджетов времени стал В.А. Артемов. В 1979 г. чрезмерно разросшийся сектор социальных проблем города и деревни был разделен на две части: сектор методологии и методики социологических исследований (член-корр. АН СССР Т.И. Заславская) и сектор трудовых ресурсов и уровня жизни (канд. экон. наук В.А. Калмык). Автономно работала в этот период группа моделирования социальных процессов под руководством Ф.М. Бородкина. Проблемами математического анализа больших массивов информации успешно занимался сектор Б.Г. Миркина, в состав которого входила группа математической обработки социологических данных (канд. физ.-мат. наук В.А. Трофимов).

Системное изучение и прогнозирование развития села

Побудительные причины. Главным научным направлением отдела в 70-е годы была разработка методологии системного изучения сложных социально-экономических объектов. Хотя эта работа велась в основном применительно к сельскому сектору, в ней в той или иной мере участвовал весь коллектив. Обращение к этой тематике было обусловлено рядом факторов.

Дело в том, что изучение миграции сельского населения в города привело к выводу о социально несправедливой и жестокой эксплуатации “социалистической” деревни “социалистическим” городом. Логика дальнейшего развития темы требовала комплексного исследования села и города: как тесно взаимодействующих подсистем общества и как качественно разных типов социальных сред жизнедеятельности соответствующих групп населения. Итогом такого изучения могло бы стать методологическое обоснование государственной долгосрочной программы социального развития сельского сектора общества, направленной на постепенное уменьшение пропасти между городом и селом.

Работа началась с проведения общеподельской “мозговой атаки” по проблеме “Будущее деревни в советском обществе” (1971 г.) К этому времени коллектив отдела уже был достаточно интегрирован и консолидирован. Вопросы социального развития деревни нередко обсуждались на научном совете, методологическом семинаре, научных конференциях. К тому же сотрудники, изучавшие бюджеты времени или движение рабочей силы в промышленности, стремились расширить предмет своих исследований до системы “город — село”. Многие из них охотно включились в исследование проблемы, но для самостоятельной разработки столь сложной темы сил отдела все-таки не хватало.

Так случилось, что осенью 1972 г. Президиум АН СССР организовал междисциплинарную комиссию, носившую длинное и не совсем понятное название — “Рабочая группа по координации исследований тенденций изменения демографической структуры и социального развития сельского населения до 1990 г. и 2000 г.”. В ее состав были включены около 40 ученых: экономисты Л.В. Никифоров, Т.Е. Кузнецова, М.А. Можина, Н.М. Римашевская и И.И. Беленькая, демографы А.Г. Волков, М.С. Бедный и И.А. Герасимова, социологи В.И. Староверов и М.А. Панкратова, эконом географы С.А. Ковалев и В.Р. Беленький, градостроитель М.А. Лола, известные специалисты по организации образования, здравоохранения и т.д. Руководителем комиссии был назначен член-корреспондент АН СССР М.Н. Руткевич, никогда не занимавшийся проблемами села и потому сразу же передавший “бразды правления” мне как своему заместителю.

Заказчиком исследования был Госстрой СССР, готовивший по заданию правительства “Генеральную схему расселения населения на территории СССР до 1990 и 2000 гг.”. Если перспективы развития городов и вероятные темпы роста их населения еще можно было спрогнозировать, то с селами дело обстояло сложнее. Мощный отток сельских жителей в города буквально опустошал колхозы и совхозы. Количество сел и деревень сокращалось так быстро, что экстраполяция этих тенденций до 2000 г. означала ориентировку на их исчезновение. Между тем каких-либо конструктивных подходов к прогнозированию будущего сельской части страны ни наукой, ни практикой предложено не было, отсюда и обращение Госстроя в Академию.

К началу 70-х годов общие закономерности экономического, социального и демографического развития села исследовались достаточно широко, но отдельные стороны этого процесса изучались разрозненно. Поэтому прогнозы дальнейшего развития взаимосвязанных сторон жизнедеятельности села (производственной сферы, структуры занятости, системы расселения, ЛПХ, бюджетов времени населения и пр.) были независимыми и методически несопоставимыми. Поставленная перед комиссией задача могла быть надежно решена лишь на основе построения целостной системной модели села как специфического элемента общества.

Общенаучные предпосылки решения подобных задач к тому времени были созданы, однако опыта применения системного подхода в эмпирических социальных исследованиях советская наука не имела. В связи с этим комиссии предстояло разработать теоретическую концепцию сельского сектора общества как социально-экономической системы: выяснить его общественные функции и внутреннее строение, оценить содержание связей с остальной частью общества и т.д. Объектом анализа выступали механизм демографического воспроизводства сельского населения, закономерности развития материально-технической базы и социально-бытовой инфраструктуры села, пропорции распределения доходов, результаты обмена деятельностью между функциональными подсистемами сельского сектора общества. Предстояло изучить и образ жизни селян, специфическим образом отражающий связи между основными формами жизнедеятельности населения, а через них — между подсистемами села.

В решении своих задач комиссия опиралась в первую очередь на новосибирский социологический коллектив, наиболее подготовленный к комплексному изучению и прогнозированию демографического и социально-экономического развития села. Однако предстояло совершить непростой переход от регионального к общенациональному уровню исследования объекта. Установленный для работы комиссии срок (три года) был неоправданно мал, но это в известной мере компенсировалось высокой квалификацией ее состава, тем более что в нее кооптировалось много наиболее квалифицированных сотрудников социологического отдела ИЭиОПП СО АН СССР (Р.В. Рывкина, В.А. Калмык, В.А. Артемов, Е.Е. Горяченко, З.И. Калугина, Л.А. Хахулина, А.Н. Шапошников, Л.В. Корель и др.).

В 1973 г. в Академгородке состоялась Всероссийская конференция “Проблемы и перспективы социально-экономического развития деревни”, в центре внимания которой были доклады и сообщения членов московской рабочей группы и сотрудников социологического отдела ИЭиОПП, подводившие итоги семилетних исследований сибирского села. Сборник материалов конференции цензура разрешила выпустить только под грифом “Для служебного пользования”. Собственно, этот гриф распространен был на всю конференцию. Тем не

мене (а может быть, именно поэтому) дискуссия была очень яркой и интересной. Прикрываясь официальным “заказом правительства”, участники конференции получили возможность откровенно обсуждать самые острые проблемы тогдашнего советского общества, и как утверждали съехавшиеся из разных краев ученые-аграрники, конференция дала прекрасный стимул к дальнейшей творческой работе.

В том же 1973 г. состоялся III Международный конгресс по социологии села, где нашему коллективу было предложено стать участником международного проекта Европейского центра координации и документации в социальных науках “Будущее сельских коммьюнити в индустриально развитых обществах”. Проектом руководили профессор Анри Мендра (Франция) и Богуслав Голенски (Польша), работа над ним шла уже два года, и в ней участвовали представители десяти капиталистических и социалистических стран. Задачи проекта были довольно близки нашим, поэтому предложение было принято, и зарубежные участники проекта приглашены провести следующий семинар в Академгородке. Европейцы восприняли это приглашение с энтузиазмом: побывать в Сибири в колхозе и даже... поиграть в снежки представлялось им верхом экзотики (разумеется, они и снаряжились, как на Северный полюс), в целом же им было интересно увидеть реальную Сибирь, поговорить с учеными. Нам же проведение семинара помогало дополнительно расширить международные связи отдела.

Организация и методы работы комиссии. Организация деятельности комиссии по перспективам деревни была трудной задачей. Часть назначенных Президиумом АН СССР членов комиссии самоустранилась от работы; правда, на смену им добровольно пришли многие другие специалисты, которых мы первоначально привлекали к разработке той или иной темы, знакомили с накопленными комиссией данными, после чего они включались в работу и нередко оставались в комиссии до конца. Организацией текущей работы в Москве занимались В.И. Староверов, Л.В. Никифоров, И.И. Беленькая. Обсуждение докладов членов комиссии о разных сторонах жизни и проблемах советской деревни (от развития личных подсобных хозяйств населения до организации медицинской помощи и строительства дорог), о ее современном состоянии помогло выявить наиболее актуальные проблемы, требующие разработки, новые внутрисистемные связи, составить первые варианты прогнозов до 1990 и 2000 гг. Таким образом, коллективные представления о социальном устройстве села, системе его элементов и связей расширялись и углублялись. Но в то же время становилось все более очевидно, что комиссия не сможет достигнуть цели без разработки *прикладной методики системного изучения и прогнозирования развития села*. В конце 1974 г. на обсуждение комиссии была представлена комплексная программа проектируемого исследования [2], серьезное обсуждение которой, с одной сторо-

ны, помогло добиться относительного единомыслия группы по методологическим вопросам, а с другой — содействовало дальнейшему развитию системной концепции деревни.

Поскольку в портфеле комиссии было около 20 докладов по важнейшим проблемам села (из них не менее трети новосибирских), а целостного внутренне согласованного прогноза его дальнейшего развития не получалось, было решено провести экспертный опрос членов группы и других видных специалистов по проблемам села по специально разработанной Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной и Л.А. Хахулиной анкеты эксперта. В преамбуле анкеты разъяснялись научная ситуация и задачи опроса, в основной части сообщались минимальные и максимальные значения всех содержащихся в заслушанных докладах прогнозных показателей развития села. Экспертам предлагалось оценить реальность этих значений применительно к области своего исследования, высказать собственное мнение об их вероятных значениях на перспективу и аргументировать свою точку зрения. После подведения итогов этого первого опроса анкета была расширена, пополнена новыми данными и снова передана экспертам, что позволило исправить некоторые грубые ошибки, повысить общую сходимость показателей.

В конце 1975 г. доклад о проблемах и перспективах социально-экономического развития советской деревни до 1990 и 2000 гг. был подготовлен, обсужден и представлен в Президиум АН СССР. В докладе содержались три варианта прогноза: инерционный, оптимистический и промежуточный. Вероятность их практической реализации ставилась в зависимость от либерализации действовавшего тогда командно-административного хозяйственного механизма АПК. Инерционный вариант, рассчитанный на консервацию существовавшего механизма, был неприемлем: его реализация неизбежно вела бы к социально-демографической деградации (вымиранию) села и свертыванию сельского хозяйства. Оптимистический вариант предполагал последовательную либерально-демократическую перестройку экономических отношений: расширение хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, свободную куплю-продажу излишков продукции, остающихся после выполнения плана, снятие ограничений на размеры ЛПХ и пр. В этом случае ожидалось повышение темпов развития АПК и сглаживание резких социальных различий между городом и селом. Реализация промежуточного варианта, представлявшаяся наиболее вероятной, обеспечивала, скорее, простое выживание, чем конструктивное развитие села [3].

Летом 1976 г. доклад комиссии обсуждался Президиумом Академии наук, члены которого проявили живейший интерес к проблемам и судьбам села: они задавали массу вопросов, высказывали собственные мнения, предложения, гипотезы. По итогам обсуждения Президиум АН СССР принял решение о создании института социально-экономических проблем АПК. Первоначально намечалось органи-

зывать его в Новосибирске, но затем приоритет был отдан Саратову. В 1977 г. такой институт был открыт. Столь заинтересованное обсуждение результатов работы комиссии крупнейшими учеными страны было большой моральной наградой. Но вместе с тем оно показало неполноту и недостаточную надежность насколько подведенных итогов работы, необходимость продолжения исследования.

Социально-экономическое моделирование развития села.

Необходимо

было более глубоко изучить связи между важнейшими прогнозными показателями развития села. Простейшие из этих связей выражались математическими соотношениями, но основное место в интересовавших нас механизмах занимали связи косвенного влияния, примерами которых могут служить зависимость эффективности производства от образования и квалификации кадров; уровня доходов населения — от эффективности сельского хозяйства; миграционного оттока сельских жителей в города — от различий в уровне и качестве жизни горожан и селян и т.п. Придать таким связям количественную форму достаточно сложно, но для построения надежного социально-экономического прогноза это было необходимо. Так возникла идея построения модели села как специфической подсистемы общества.

Рабочая группа к этому времени завершила свою работу, поэтому в содержательное решение задачи включился новосибирский социологический коллектив. Построением собственно математической модели села и связанными с нею расчетами занялись московские кибернетики И.Б. Мучник и С.М. Бородин. Разработку теоретико-методологических концепций взяли на себя Т.И. Заславская и Л.А. Хахулина, привлекая остальных сотрудников социологического отдела ИЭиОПП к конкретным проблемам моделирования развития сельского сектора. Так, производственный блок модели (“Общественное хозяйство” и “ЛПХ”) разрабатывался совместно с В.Д. Смирновым и З.И. Калугиной, демографический — с С.В. Соболевой, блок доходов и потребления — с В.С. Тапилиной и А.Н. Шапошниковым. Разработанная модель предусматривала на входе систему показателей экономической эффективности АПК, а на выходе — важнейшие индикаторы социально-демографического развития села, определявшиеся с учетом внутренних связей системы. Эту модель можно было использовать и для расчетов, отвечающих на вопрос, какого уровня эффективности АПК необходимо достигнуть, чтобы добиться желаемых (или планируемых) демографических и социальных результатов.

Работа над моделью носила итерационный характер. Цикл начинался с использования очередного варианта модели для составления комплексного прогноза развития села; затем проводился его коллективный анализ, выявлялись ошибки, неувязки и нелогичности. Заканчивался цикл уточнением заложенных в модель связей, вызывавших обнаруженные ошибки, после чего создавался уточненный вариант модели. В итоге была построена модель, обеспечивавшая, по мнению

экспертов, получение правдоподобных и внутренне согласованных оценок перспектив развития основных сторон села. Задавая альтернативные экономические характеристики АПК на 1990 и 2000 гг., мы получали соответствовавшие им варианты социально-демографического состояния села, численности и качественного состава его населения, состояния социальной инфраструктуры. Вероятные же изменения эффективности АПК в зависимости от преобразования хозяйственного механизма определялись экспертным путем [4].

Показатели модельных прогнозов были значительно более согласованными, чем в докладе 1975 г., но принципиальные выводы не изменились. Они сводились к тому, что отказ от либерализации экономических отношений в сельском хозяйстве, от расширения прав и ответственности предприятий и трудовых коллективов угрожал селу экономической и социальной катастрофой; последовательно реформистский вариант сулил умеренный подъем на базе активизации экономической деятельности предприятий и населения, а промежуточный (в случае половинчатой реформы) обещал нелегкое выживание села в условиях растущего отставания от города. Ключ к предупреждению грядущего кризиса авторы видели в существенной и всесторонней либерализации хозмеханизма АПК, ослаблении административного давления на сельское хозяйство, повышении эквивалентности товарообмена между сельским сектором и остальной частью общества. В 1979 г. комплексный прогноз социально-экономического развития сельского сектора СССР, базировавшийся на материалах рабочей группы и новых модельных расчетах, составил специальный том государственной Комплексной программы НТП и его социально-экономических последствий до 1990 г.

В научном плане работа над комплексным прогнозом села стала первой попыткой изучения внутреннего механизма развития целостного социального объекта. Теоретический аспект этой работы нашел отражение в трех коллективных монографиях [5].

Комплексное изучение сельского сектора СССР и моделирование его развития было наиболее важным и трудоемким, но далеко не единственным направлением деятельности сектора социальных проблем города и деревни. Одновременно продолжались и углублялись социолого-статистические исследования разных социальных структур и процессов, результаты которых широко публиковались в печати. В 1977 г. было проведено третье социолого-статистическое исследование сибирской деревни по методике, сравнимой с исследованиями 1967 и 1972 гг. В результате ученые получили возможность судить о тенденциях динамического развития деревни уже за десятилетний период.

Особого внимания заслуживает фундаментальное исследование сельского образа жизни, выполненное в этот период Р.В. Рывкиной. Будучи направлено на целостное описание жизнедеятельности сельского населения, оно позволило, с одной стороны, дополнить эко-

номико-социологические характеристики деревни социокультурными, обогатить выстраивавшуюся коллективом картину развития сельского расселения и общественного производства деревни анализом жизнедеятельности человека, а с другой — рассмотреть проблему образа жизни с учетом объективных характеристик сельской среды, выступающих в качестве его внешних факторов. В авторской монографии Р.В. Рывкиной нашли отражение теоретико-методологическая концепция исследования, его методика и информационная база, аналитическое описание сельского образа жизни через его отдельные компоненты, а также его синтетическая характеристика [6]. В книге достаточно убедительно показано, что сельский образ жизни имеет своих сторонников и свою социальную базу, которая по мере улучшения условий жизни будет укрепляться. В качестве наиболее благоприятного варианта будущего деревни Р.В. Рывкина рассматривала ускоренное социально-экономическое развитие, которое, не превращая деревню в город и сохраняя те преимущества, которыми она обладает, постепенно создавало бы на селе современные условия жизни, приближающиеся к городским.

Развитие сельского расселения. Разработка этой темы была связана как с системным исследованием деревни, так и с изучением перспектив ее последующего развития, поскольку сеть сельского хозяйства в Сибири, как и в большинстве других регионов страны, находилась в состоянии распада. В 1967 г. на территории изучавшихся нами сельских Советов насчитывалось 212 населенных пунктов, через пять лет — 178, а через десять — лишь 141. Остальные исчезли в результате стихийного оттока жителей, еще усилившегося в результате разделения сельских населенных пунктов на перспективные и неперспективные. Государственные капиталовложения в социальную инфраструктуру села концентрировались в основном в поселениях первого типа, кое-что доставалось поселениям второго типа, а остальные были брошены на произвол судьбы. Как уже говорилось, авторы этой политики полагали, что жители неперспективных сел организованно переселятся в перспективные поселения, где для них будут заранее подготовлены и жилье, и социальная инфраструктура. Но планомерное сселение жителей малых поселков в центральные села оказалось слишком дорогим. К тому же пожилые люди, прожившие в “неперспективных” поселках всю жизнь, как правило, отказывались покидать насиженные места, ссылаясь на то, что хотели бы и умереть там, где родились. Жившая же в малых поселениях молодежь устремлялась не в крупные села, а в города.

Описанная ситуация требовала внимательного изучения современного состояния и перспектив разных типов поселений и систем сельского расселения в целом. В рамках разрабатываемой нами системной концепции сеть взаимосвязанных мест жительства, мест обслуживания и трудовой деятельности населения рассматривалась как

пространственная проекция сельского сектора, а конкретное поселение (село, деревня, поселок) — как микросистема, “вложенная” в поселенческие сети разного уровня: колхозную (совхозную), сельсоветскую, районную, областную. Чем выше уровень или крупнее звено поселенческой сети, тем большую часть жизнедеятельности населения она концентрирует, но своего рода атомом (первичным элементом) этой многоступенчатой системы всегда остается единое поселение. Это обуславливало потребности в комплексной оценке качества социальной среды, формируемой разными сельскими поселениями, которую можно было получить на базе типологизации поселений по широкому кругу экономических, социальных и демографических характеристик.

Опираясь на работы специалистов в области сельского расселения, наша группа осуществила эту работу, используя высокоэффективный лингвистический метод типологизации социальных объектов (автор И.Б. Мучник). В результате выделились два наиболее значимых фактора дифференциации сельских поселений Сибири: степень урбанизированности (определяемая уровнем развитости и транспортной доступностью элементов социальной инфраструктуры) и индустриализация производственной сферы (отражающая отраслевую структуру и качество имеющихся рабочих мест). По первому фактору населенные пункты разделились на урбанизированные и неурбанизированные, а по второму выделились высоко-, средне- и слабоиндустриализированные поселения. В итоге образовалось шесть специфических типов социально-экономической среды жизнедеятельности селян. В дальнейшем социальный тип поселения оказался признаком, наиболее сильно дифференцировавшим основные социальные, экономические, культурные и демографические характеристики сельского населения. Поэтому он широко использовался при изучении многих проблем села: социально-демографического состава населения, миграционных процессов, материального благосостояния, доходов, образа жизни населения и др. [7]. Помимо статических типологий, отражавших особенности статуса изучаемых поселений в 1967 и 1972 гг. были построены типологии траекторий их социального и демографического развития между этими моментами времени [8].

Выполненное исследование отчетливо показало, что неурбанизированные и слабоиндустриализированные поселения, представлявшие наиболее отсталую часть села, особенно быстро теряли свое население, однако отнесение к неперспективным лишь ускорило их распад. Вопрос о тенденциях развития (или точнее, свертывания) системы сельского расселения не раз обсуждался на заседаниях комиссии по перспективам советской деревни. С.А. Ковалев и В.Р. Беленький подчеркивали, что создававшаяся в течение веков сеть сельского расселения составляет национальное богатство, что в ней овеществлены усилия многих поколений россиян по освоению и благоустройст-

ву новых земель. Поэтому она заслуживает бережного отношения, и никакие якобы благие цели не могут оправдать политики, направленной на ее разрушение. Обосновывая прогноз дальнейшего развития сельских поселений страны, комиссия, с одной стороны, учитывала неизбежность самоликвидации части слабо развитых поселений в связи с их неспособностью удерживать население, а с другой — ориентировалась на максимальное сохранение всех пока еще жизнеспособных поселков, независимо от их размеров. Исходя из того, что в 1959 г. в СССР было 470 тыс., а к 1970 г. осталось 350 тыс. сельских поселений, мы полагали, что к 1990 г. их число сократится на 30% и составит 240—250 тыс. Соответствующих данных по всей территории бывшего СССР у нас сейчас нет, в России же фактическое сокращение числа сельских поселений в 1970—1989 гг. составило 29,5% [9].

Госкомархитектуры СССР, разрабатывавший Генеральную схему расселения населения СССР до 1990 и 2000 гг., настаивал на быстрейшем сселении большинства мелких и средних деревень и сел (как якобы чрезвычайно выгодном для государства деле). По разработкам его сотрудников, к 2000 г. в сельской местности СССР должно было сохраниться лишь 122 тыс. населенных пунктов, в подавляющем большинстве — центральных усадеб колхозов (совхозов) и промышленных поселков. Таким образом, предполагалось, что в перспективе все работники каждого колхоза (совхоза) должны будут жить и обслуживаться в одном поселении. Принятие этого проекта означало бы полное разрушение существовавшей сети расселения и изгнание 15—20% селян в города, где для них не было ни жилья, ни работы. Причем на конструктивную часть проекта (новое жилищное и культурно-бытовое строительство на центральных усадьбах) денег у государства заведомо не было.

Ученые, защищавшие исторически сложившуюся сеть сельского расселения, пытались противостоять этому проекту, посильную помощь им оказывали и новосибирские социологи, но изменить позицию Госкомитета не удавалось. Работа над Генеральной схемой расселения близилась к завершению, а ни одна из противоборствующих концепций развития сельского расселения не получала заметного перевеса. Подготовленная Госкомархитектуры СССР концепция преобразования расселения на территории СССР была вынесена на обсуждение экспертной комиссии при Госплане СССР с приглашением заинтересованных ученых. Основная дискуссия развернулась вокруг перспектив развития села, в результате которой “охранительная” концепция сельского расселения одержала убедительную победу. Вопрос о скоростной ликвидации большей части существовавших сельских поселков был снят с повестки дня [10].

Социально-территориальная структура села. С середины 70-х годов в работе новосибирских социологов выделилось новое важное направление, связанное с изучением социально-территориальной

структуры сельской местности. Сначала оно велось на уровне Западной Сибири, а затем применительно к стране в целом. Обращение к этой проблеме было связано с тем, что при изучении перспектив развития села как особой подсистемы общества нельзя было ограничиваться рассмотрением проблем, инвариантных для всех регионов. Ведь в разных частях страны актуальными представлялись совершенно различные проблемы. В одних республиках и областях село испытывало недостаток рабочей силы и нуждалось в притоке кадров извне, в других — наблюдалась неполная занятость населения, не хватало мест работы для женщин и молодежи. В одних зонах уровень рождаемости не обеспечивал простого воспроизводства населения, а в других — наблюдался опережающий рост последнего по отношению к рабочим местам и социальной инфраструктуре. В одних районах уровень образования кадров был недостаточен для эффективного использования техники, а в других — квалифицированные работники были вынуждены заниматься простым трудом и т.д.

В 1970 г. в разных областях и краях страны плотность сельского населения различалась в 500 раз, густота сети городов — более чем в 100 раз, среднее расстояние между соседними селами — в 4 раза, доля сельского населения, живущего в зоне двухчасовой доступности города, — в 7 раз. Не менее значительными были различия в продуктивности сельского хозяйства. В регионах, отличавшихся наибольшей и наименьшей эффективностью этой отрасли, уровень производительности труда различался более чем втрое, фондоотдачи — в 2,5 раза, а количество рабочих дней на одного работника в год — в 1,5 раза. Средняя продолжительность обучения взрослых жителей села колебалась от 5,6 до 8,4 года, доля работников с высшим и средним специальным образованием — от 6,6 до 23,7 %. Все это свидетельствовало о качественных различиях социально-экономических ситуаций в сельских местностях разных регионов, причем резкая дифференциация наблюдалась не только между областями, краями, республиками, но и между сельскими районами внутри областей, между сельскохозяйственными предприятиями и поселениями — внутри районов.

Обеспечить согласованное развитие разных элементов территориальной структуры села можно было лишь на основе дифференцированной социально-экономической политики. В связи с этим группа сотрудников и аспирантов (Е.Е. Горяченко, В.И. Федосеев, М.Б. Мучник, С.Г. Крапчан, А.Я. Троцкий) поставила перед собой задачу: комплексно изучить различия в уровне и качестве социально-экономического развития сельских территорий страны, выяснить зависимость этих различий от природных, экономических, социальных и других объективных условий, раскрыть связи между отдельными социально-экономическими характеристиками сельских территориальных общностей, разработать методологические принципы планомер-

ного управления социальным развитием села с учетом выявленных территориальных различий, разработать на их базе рекомендации органам управления.

К середине 70-х годов территориальная дифференциация важнейших социально-демографических характеристик села была более или менее описана. Однако результаты такого изучения были несопоставимы ни по времени проведения, ни по методам получения и обработки данных, не было целостной картины территориальных особенностей села. В связи с этим системную концепцию сельского сектора общества потребовалось дополнить представлением о его территориальном строении. С этой целью была разработана концепция социально-территориальной структуры (СТС) села как обобщенного отражения особенностей социального положения сельских территориальных групп разного уровня, определены вертикальные уровни этой структуры (областной, районный, производственный (колхозно-совхозный) и поселенческий), выделены структурные элементы сельской территориальной общности, определены социально-экономические связи между сходными и различными (т.е. относящимися к одному и тому же или к разным типам) территориальными общностями и т.д. [11].

Эмпирическая проверка концепции началась с поселенческого уровня, применительно к которому мы располагали наиболее богатой информационной базой. После того, как методология типологизации сельских общностей была достаточно отработана, началось изучение верхнего уровня социально-территориальной структуры села — социально-демографическое зонирование областей, краев и автономий СССР. Коллектив, занимавшийся этой проблемой, обосновал разделение сельской территории СССР (в том числе отдельно России) на зоны, качественно различающиеся содержанием актуальных социально-экономических проблем села, и проанализировал проблемные ситуации в каждой из выделенных зон. Последующие исследования подтвердили устойчивость границ “проблемных зон” за 10—20-летний период [12].

Изучение движения рабочей силы

По результатам многолетних исследований текучести рабочих кадров сотрудниками занимавшегося этой проблемой сектора Е.Г. Антоенкова было установлено, что:

в определенных пределах она представляет собой нормальный процесс перераспределения рабочей силы между отраслями народного хозяйства и предприятиями, однако ее общий объем можно разделить на необходимую и излишнюю части. Тем самым опровергался взгляд на текучесть как на явление, внутренне не свойственное социалистической плановой системе и подлежащее безусловному искоренению;

противоречивость феномена текучести кадров проявляется особенно рельефно, если ее рассматривать с точки зрения интересов народного хозяйства, предприятия и самого работника, в связи с чем актуализируется вопрос о согласовании интересов этих социальных субъектов;

текучесть кадров определяется не какими-то особыми социально-психологическими и социокультурными чертами работников, а прежде всего объективными условиями производства и жизни, комплексом экономических, социальных, психологических, демографических и других факторов;

текучесть кадров — один из видов поведения, связанного с производственной деятельностью человека, главным импульсом которого служит стремление к удовлетворению жизненных потребностей работников. В этой связи мотивы текучести могут одновременно рассматриваться и как индикаторы неудовлетворенных потребностей, подталкивающих работников к определенным действиям;

система потребностей и ценностей, их иерархия подвижны и дифференцированы, прежде всего — в зависимости от демографических и социально-профессиональных характеристик работников.

В 70-х годах сотрудниками сектора были проведены повторные массовые опросы работников промышленности и строительства Новосибирска, чтобы выяснить, как изменилось положение с текучестью кадров по сравнению с серединой 60-х годов [13].

Главной тенденцией в дальнейшем развитии исследований сектора было стремление к более целостному, системному представлению трудовых перемещений работников промышленности и строительства. Накопивший богатый опыт конкретных социологических исследований коллектив интенсивно работал над теорией движения рабочей силы как сложного динамического процесса, в рамках которого выделялись отраслевая, территориальная, профессиональная, должностная и иные проекции [14]. По общему признанию, разработка этой теории оказала серьезную методическую помощь исследователям данной проблемы, работавшим в разных городах Сибири, содействовала формированию единых методических подходов к исследованию текучести и других форм движения кадров в тех или иных регионах. А это в свою очередь обеспечивало возможность сравнения результатов работы разных научных школ.

Со временем у научного коллектива отдела возникла потребность обобщить методологические результаты исследований трудовой мобильности — текучести рабочей силы, должностного продвижения работников и миграции населения, проводимых разными секторами. В результате была подготовлена общеотдельская монография «Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов» (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974), которая стала важным шагом на пути к системному изучению трудо-

вых перемещений работников. Авторы книги стремились преодолеть исторически сложившийся разрыв между экономическими и социологическими исследованиями трудовой мобильности, разработать более широкий предмет, в котором эти подходы были бы связаны в единое целое. В книге фиксировалось место исследований трудовой мобильности в системе разделения научного труда, раскрывалась роль связанных с нею процессов социально-экономического развития общества, вводилось представление о ее внутренней структуре и социальных механизмах. Трудовая мобильность рассматривалась как родовое понятие по отношению к таким формам перемещения работников, как миграция, оборот и текучесть кадров, движение работников внутри предприятия, профессиональная и межотраслевая мобильность. В статье В.А. Калмык излагалась программа изучения трудовой карьеры, которая была (и все еще остается) одним из наименее изученных аспектов трудовой мобильности. Автор анализировала исходные принципы изучения трудовой карьеры, начиная с теоретического обоснования классификации изучаемых процессов и кончая формулировкой гипотез, предлагала конкретные методы измерения изучаемого процесса. На основе этой программы было успешно проведено конкретное исследование, посвященное адаптации сельских мигрантов к условиям жизни в городах. Важным шагом в сторону расширения парадигмы исследований движения рабочей силы, носившей преимущественно экономический характер, была статья **Р.В. Рыбкиной** “К изучению социально-психологических аспектов трудовой мобильности”, в центре которой находились субъективные факторы этого процесса: потребности, ценности, престиж разных видов труда, особенности мотивации мобильного поведения.

После защиты докторской диссертации “Текучесть рабочих кадров в народном хозяйстве СССР: Сущность и социально-экономические процессы регулирования” (1975 г.) Е.Г. Антосенков был приглашен на ответственную работу в Министерство труда СССР. Руководителем сектора социальных проблем движения рабочей силы была избрана канд. экон. наук З.В. Куприянова, обладавшая редкой способностью создавать в коллективе творческий и комфортный социально-психологический климат, направлять усилия сотрудников на достижение общих целей. В это время коллектив выполнил еще одну крупную работу, расширившую магистральное направление его исследований, — анализ внутризаводского движения кадров в его связи с межзаводской текучестью. Объектом “кейз-стади” стал Новосибирский инструментальный завод, где были проанализированы 15 тыс. личных карточек рабочих за 1960—1974 гг. В поле зрения ученых попала вся совокупность данных о перемещениях рабочих в пространстве цеховой, профессиональной и квалификационной структур, причем с учетом происходящих при этом изменений заработной платы. В результате сложилось полное представление об объеме, интенсивности,

структуре и связях внешнего и внутривзаводского движения кадров, направлениях его отдельных видов, о процессах, происходивших внутри предприятий и ранее представлявших “невидимую часть айсберга”. Это позволило построить типологии рабочих в зависимости от характера, интенсивности и траекторий их трудовых перемещений.

Во второй половине 70-х годов спектр исследований социальных проблем движения рабочей силы продолжал расширяться. Коллектив сектора, используя анкетные опросы, статистику и другие доступные материалы, обратился к анализу демографического потенциала регионов, миграции населения, профориентации и профобучения молодежи, подготовки кадров на производстве, адаптации новичков к профессии и месту работы, балансов квалифицированной рабочей силы. По существу, это означало приближение к совсем новому предмету исследования — факторам и условиям воспроизводства рабочей силы в регионах.

Такой поворот диктовался не только логикой научного исследования, но и требованиями реальной жизни. В рассматриваемый период в управлении народным хозяйством большинства регионов страны все чаще использовались комплексные территориально-отраслевые программы, обязательной составной частью которых должны были служить подпрограммы подготовки новых кадров, их рационального использования и перераспределения. Исследования, которые проводил сектор в 1977—1985 гг., выполняли именно такой социальный заказ [15].

Что касается исследований времени населения, то во второй половине 70-х годов они чаще всего вписывались в более общие проекты (“Рубцовский”, “Системного изучения деревни” и др.), причем характеристики распределения времени все теснее увязывались с процессами социально-экономического развития города, села, региона [16].

**
*

Итак, основные достижения новосибирских социологов на этом этапе выразились в:

—дальнейшей организационно-научной и социально-психологической интеграции коллектива, выполнении крупных межсекторальных проектов, проведении общеотдельских конференций, выпуске коллективных монографий и пр.;

—значительном повышении квалификации кадров в связи с принятием на работу выпускников социологической специализации НГУ и аспирантов, с защитой многими сотрудниками кандидатских и докторских диссертаций, интенсивным самообразованием;

—расширении предмета исследований и научных задач коллектива до комплексного изучения социально-экономической жизни и социальных проблем Сибирского региона и сельского сектора советского общества;

— переходе от решения относительно простых задач, базирующихся на уже известных разработанных методиках, к постановке новых, более сложных научных задач, требующих самостоятельного поиска и обоснования методов решения, к разработке теоретико-методологических концепций, составивших основу конкретных исследований отдела;

— участию в международных исследовательских проектах.

Стоит отметить и значительное усилие влияния новосибирского коллектива на развитие социологии в городах Западной и Восточной Сибири, занятие лидирующих позиций в Сибирском отделении ССА, в проведении общесибирских научных конференций, руководстве аспирантами и соискателями, распространении новых исследовательских методик, оказании научной и методической помощи иногородним социологам и пр.

ГЛАВА 4

Изучение механизмов социальных процессов (1981—1985 гг.)

Поворот к социологии экономических отношений

В 80-е годы отдел социальных проблем института представлял собой мощный высококвалифицированный коллектив, насчитывающий около 70 научных сотрудников и аспирантов (не считая 10—15 студентов-дипломников, также принимавших участие в исследованиях). В составе отдела работали действительный член АН СССР, четыре доктора экономических и философских наук и более 20 кандидатов наук.

Научная продукция коллектива пользовалась широкой известностью и высоко ценилась социологическим сообществом. Новосибирские ученые поддерживали контакты с учеными из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми, Уфы и других культурных центров России, но особенно тесные — с коллегами из областей и краев Сибири. Дело в том, что отдел социальных проблем ИЭиОПП был головной организацией Сибирского отделения Советской социологической ассоциации (СО ССА) и составлял ее ведущую силу. Сотрудники отдела В.А. Артемов, Ф.М. Бородкин, В.И. Герчиков, С.В. Соболева, Л.А. Хахулина совместно с учеными из других институтов Сибирского отделения Академии наук, преподавателями новосибирских вузов и ведущими социологами Томска, Тюмени, Красноярска, Иркутска, Барнаула, входившими в бюро СО ССА, вели активную научно-организационную деятельность в Сибири, налаживая творческое взаимодействие

ученых этого громадного региона. Немалая роль в этой деятельности принадлежала журналу “Известия Сибирского отделения АН СССР”, в рамках которого с 1984 г. стала выходить серия “Экономика и прикладная социология”. Консолидации сибирского социологического сообщества содействовали многочисленные научные и научно-практические конференции, проводившиеся в разных частях региона, участие сотрудников иногородних институтов и кафедр в исследованиях отдела, их научные стажировки в Новосибирске, обучение в аспирантуре и прохождение докторантуры в ИЭиОПП СО АН СССР и т.д.

Между тем жизнь ставила перед советскими социологами, как и другими обществоведами, все более сложные проблемы. Начавшаяся еще в 70-е годы стагнация экономики СССР приобретала новое качество. Повсеместное невыполнение народно-хозяйственных планов, вопиющая диспропорциональность хозяйства, возрастающая стихийность социально-экономических процессов были признаками начинавшегося распада планово-распределительной системы. Объемы валового внутреннего продукта и валового национального дохода фатально снижались, научно-технический прогресс шел черепашьями темпами, инвестиции в экономику падали, амортизационные отчисления бездумно “проедались”, основные производственные фонды изнашивались и ветшали. Нелегальные и полунелегальные теневые отношения постепенно охватывали все большую часть хозяйства: плановая экономика на практике превращалась в экономику бюрократического торга между центральными органами управления, региональными властями и предприятиями. Чтобы выжить во все ухудшающихся условиях, предприятиям приходилось напрямую обмениваться имеющимися в их распоряжении ресурсами: тракторы меняли на мясо, уголь — на рабочую силу, цемент — на автомашины и т.д. А так как эти сделки формально не фиксировались, то статистика, базировавшаяся на официальном учете, постепенно теряла связь с реальностью. В результате рычаги управления экономикой выскальзывали из рук правящей номенклатуры.

Возрастающий дефицит всего и вся (от потребительских товаров до сырья и средств производства) бил и по производству, и по населению, создавая общее ощущение бесперспективности выбранного пути, исчерпания возможностей социалистической системы. Неслучайно в 1982 г. правительству пришлось разработать рассчитанную на 10 лет целевую программу обеспечения страны продовольствием. Дело в том, что несмотря на прогрессивные сдвиги в материально-технической базе агропромышленного комплекса и рост социального потенциала (уровня образования, квалификации, информированности, правосознания) его работников, экономическая отдача от вложений в производственную и социальную сферы села оставалась чрезвычайно низкой. За десятую пятилетку (1976—1980 гг.) валовая продукция сельского хозяйства увеличилась всего на 9 %, причем каж-

дый процент роста фондовооруженности труда обеспечивал повышение производительности труда лишь на 0,27 % (против 0,6 % в восьмой пятилетке). Становилось очевидным, что резервы экстенсивного развития аграрного сектора экономики исчерпаны, добиться же его перевода на интенсивный путь можно было лишь на основе более эффективного функционирования человеческого фактора.

Свойственные советской системе ограничения трудовой, организационной и экономической инициативы работников вызывали отчуждение от труда в общественном производстве, вели к переключению энергии в менее регулируемые сферы деятельности. Эта ситуация требовала не только усиления внимания к социальным факторам производства, но и более глубокого понимания их существа. Необходимо было выяснить типичные способы поведения работников в разных производственных и социальных ситуациях, определить регулирующие это поведение факторы, оценить влияние экономического поведения работников на развитие производства, разработать эффективные методы его регулирования. Для решения этих задач требовалось научное обоснование перспективных путей использования социальных ресурсов общества.

Пытаясь понять причины и смысл происходящих процессов, прогрессивная часть общества обращалась к изучению истории Российского государства, поиску исторических аналогий. Необходимость реформ становилась все более очевидной и низам и верхам, но цели и содержание этих реформ рисовались довольно расплывчато. Обсуждалась необходимость некоторой либерализации хозяйственных отношений, расширения хозяйственной свободы предприятий, широкого внедрения хозрасчета и самофинансирования, сочетания планового начала с действием рыночных механизмов. При этом в качестве главной цели рассматривалось ускорение развития экономики, в то время как качественным социально-экономическим и структурным преобразованиям уделялось значительно меньше внимания.

Изучение и обсуждение социальных проблем экономики в те годы было в известной степени табуировано, так как откровенная постановка этих вопросов ставила под сомнение “святая святых” — безусловное преимущество социалистических производственных отношений по сравнению с капиталистическими. Однако по мере общего ослабления власти официальные идеологические структуры уже не могли контролировать деятельность ученых так жестко, как прежде. К тому же партийные руководители, будучи такими же людьми как все, тоже уставали жить в виртуальном мире и лгать себе и другим. Хотя их систематически подкачивали сверху, требуя показательных расправ с ревизионистами, выполнялись эти указания, как правило, формально и неохотно. Во время краткого правления Андропова попытки подтянуть гайки усилились. Но вместе с тем именно из его уст прозвучало неожиданное для коммуниста признание, что

мы по-настоящему не знаем того общества, в котором живем. Сейчас это воспринялось бы как констатация очевидного факта, но тогда высказывание генсека вызвало своего рода шок и существенно помогло ученым расширить и углубить исследования устройства и социальных качеств советской системы. В целом политическая обстановка в стране в начале 80-х годов не слишком благоприятствовала проведению поисковых исследований, но и не слишком ему мешала.

Стремясь понять, почему агропромышленный комплекс страны, несмотря на постоянные финансовые вливания, не выходит из перманентного кризиса, а сельский сектор остается наиболее отсталым элементом социальной структуры общества, коллектив сектора социальных проблем города и деревни решил взяться за изучение социальных аспектов хозяйственного механизма АПК, т.е. за выяснение того, как этот механизм взаимодействует с человеческим фактором. Однако экономико-социологические исследования в стране тогда почти не велись. Ветвь советской социологии, представленная выходцами из экономической науки, концентрировала внимание в первую очередь на проблемах труда и занятости: профессиональных ориентациях работников, социальном престиже профессий, трудовых перемещениях, трудовых мотивациях, трудовом поведении и т.д. В этом смысле новый проект отдела носил пионерный характер, что обуславливало необходимость его тщательной методологической подготовки. Прежде всего следовало выяснить принципиальную применимость социологических методов (формализованных и углубленных интервью, массовых опросов и пр.) к исследованию экономических институтов и их взаимодействия с субъектами хозяйственной жизни.

Теоретическая концепция исследования включала определение сущности и соотношения таких понятий, как хозяйственный механизм управления экономикой, экономическая деятельность и экономическое поведение, классификацию видов поведения, оказывающих существенное влияние на развитие и эффективность экономики, анализ объективных и субъективных факторов экономического поведения, обоснование зависимости поведения, с одной стороны, от правил игры, заложенных в хозяйственном механизме, а с другой — от социального положения, потребностей, интересов и мотивов субъектов [1]. Хозяйственный механизм АПК рассматривался авторами проекта как система, состоящая из многих взаимосвязанных, но относительно самостоятельных элементов (способов формирования плановых заданий по производству и продаже продукции, организации материально-технического снабжения, принципов ценообразования на продукцию и т.д.). Опираясь на собственные представления и изучение литературных источников, руководители проекта разработали модернизированную модель хозяйственного механизма АПК, способную, по их мысли, вызвать к жизни более эффективные формы поведения и деятельности работников. Теперь следовало обсудить

реалистичность и перспективность этой модели с практическими работниками аграрного сектора.

Успех такого обсуждения существенно зависел от доверия руководителей районов и сельскохозяйственных предприятий к ученым, от их готовности откровенно отвечать на вопросы и высказывать свое мнение. В Новосибирской области мы вряд ли могли рассчитывать на установление требуемого контакта, так как обком КПСС относился к исследованиям отдела настороженно. В то же время секретарь Алтайского крайкома КПСС В.Т. Мищенко проявлял большую заинтересованность в проекте, предлагал перенести социологические исследования отдела на Алтай и гарантировал всестороннюю помощь в их проведении. Действительно, пилотная экспедиция по проекту, выехавшая в 1979 г. в сельские районы Алтая, прошла на редкость удачно. Ее участников встречали радушно, вели с ними долгие откровенные разговоры, предоставляли нужные материалы и выполняли каждую просьбу. Все это убеждало нас в том, что социологическое изучение экономических институтов аграрного сектора и возможно и достаточно перспективно.

Летом следующего года на Алтай направилась более многочисленная и лучше подготовленная экспедиция, вооруженная специальным инструментарием сбора экономико-социологической информации. Среди них была обширная “Анкета руководителя хозяйства”, предлагавшая респондентам дать сравнительную оценку двух вариантов хозяйственного механизма АПК: действовавшего в то время и модернизированного, сочетавшего элементы плана и рынка (первый из них мы сегодня назвали бы раздаточным, а второй — квазилиберальным). В течение месяца экспедиция посетила 15 районов. Работа в каждом из них начиналась с полупоформализованной беседы с партийными и государственными руководителями. Затем интересовавшие ученых вопросы обсуждались с руководителями хозяйств. Участники экспедиции характеризовали общую ситуацию в АПК страны и Сибири, объясняли задачи задуманного проекта и просили собравшихся заполнить анкету, затрагивавшую многие болевые для данной аудитории вопросы. После этого участников встречи спрашивали, что они хотели бы устно добавить к написанному в анкетах. Долгое и заинтересованное обсуждение сложных социально-экономических проблем села и сельского хозяйства с людьми, для которых они были наиболее актуальны, обычно оказывалось даже более информативным, чем сухая анкетная информация. Анализ анкет, заполненных руководителями более чем двухсот хозяйств, выявил значительную дифференциацию взглядов на целесообразность реформирования планово-распределительного механизма. Чуть более половины опрошенных в основном поддержали эту идею (трудно сказать, насколько уверенно и осознанно), четверть категорически ее отвергли, остальные же заняли неопределенную позицию. Наиболее значимыми факторами, диф-

ференцировавшими позиции респондентов, оказались специализация и экономическое состояние руководимых ими хозяйств. Большие различия выявились и в оценках конкретных элементов действовавшего и модернизированного хозяйственных механизмов. Например, идея объединения курировавших АПК бесчисленных министерств в единый государственный комитет была поддержана почти всеми, а предложение перейти от назначения к выборности руководителей хозяйств встретило всеобщую оппозицию. В целом довольно ясно прослеживалась поддержка идей, связанных с расширением прав и компетенции руководителей предприятий, и настороженное отношение к переменам, угрожавшим усилением ответственности. Это свидетельствовало о том, что попытка осуществления даже квазилиберальных экономических реформ скорее всего натолкнулась бы на серьезное сопротивление руководителей звена АПК.

Мы полагали, что безразличие сельских работников к результатам собственного труда, сохранности и использованию дорогостоящей техники и других производственных ресурсов вызывалось в первую очередь пороками системы планово-распределительных отношений. Однако механизм управления экономикой был единым для всех регионов страны, в то время как эффективность АПК различалась в несколько раз. Например, в Прибалтике производительность сельскохозяйственного труда была в 2,5—3 раза выше среднесоюзного уровня. Стремление понять причины подобных различий побудило нас организовать в 1981 г. экспедицию в Литву, Латвию и Эстонию с тем, чтобы попытаться на месте выяснить секрет эффективности их сельскохозяйственной экономики.

Коллеги из Прибалтики согласились помочь нам на месте арендовать автомашины, составить чрезвычайно информативную программу знакомства с сельским хозяйством республик и быть нашими спутниками-гидами. Из сибиряков в поездке участвовали Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.Д. Смирнов и А.Н. Шапошников. Экспедиция продолжалась три недели (по неделе в каждой республике) и оказалась весьма интересной. Уровень экономического и социального процветания прибалтийского села поразил нас. Первенство, несомненно, принадлежало Литве. Великолепные поля, механизированные животноводческие фермы, ухоженные высокопородные стада, индивидуально-коттеджная застройка хуторов и сел, превращенных усилиями дизайнеров-пейзажистов в сплошные парки и цветники, огромные (полуторагектарные) приусадебные участки, бесплатно обрабатываемые общественной техникой, высокоразвитая социальная инфраструктура и пр. свидетельствовали об уровне и образе жизни, едва ли не более привлекательном, чем городской. Не приходилось удивляться, что большинство сельского населения было вполне удовлетворено условиями своего труда и жизни. Выяснилось также, что проводившиеся во всех республиках социально-экономические экспери-

менты по последовательному внедрению хозрасчета и усилению связи между трудом и доходом работников давали весьма перспективные результаты.

Что касается секрета этого благополучия, то буквально все, к кому мы обращались, отвечали примерно одно: “У вас советская власть уже 60 лет, а у нас только 35”, “Здесь еще живы те, кто помнит капитализм”, “Наши люди не успели испортиться: они не могут работать плохо”, “Мы любим и уважаем труд”, “У нас меньше пьют и воруют”. Ни особо благоприятных природных условий, ни льготных заготовительных и сдаточных цен на продукцию, ни недоступных сибирякам особенностей экономического механизма обнаружить не удалось. В одних и тех же условиях, примерно на такой же земле, с помощью такой же техники крестьяне Прибалтики собирали в 2—3 раза большие урожаи, получали соответственно более высокий доход и, кроме того, разумно и эффективно расходовали средства на благоустройство и украшение жизни. Причем все это благоденствие было обусловлено еще не утраченными социокультурными качествами населения, сформировавшимися в период капитализма. Вывод напрашивался довольно пессимистический: ведь большинство россиян явно не обладало этими социальными качествами и для их формирования в лучшем случае были необходимы десятилетия. Таким образом, экспедиции не удалось привезти из Прибалтики готовый рецепт решения сибирских проблем, но она ясно показала зависимость экономического поведения людей не только от внешних по отношению к ним механизмов управления, но и от той культурной среды, в которой они социализируются и которая формирует ценностный аспект их сознания.

Социально-экономический эксперимент

Хотя данные социологических опросов показывали, что идея расширения прав и экономической самостоятельности предприятий, внедрения внутрихозяйственного расчета и коллективного подряда поддерживалась значительной частью руководителей сельского хозяйства, для того, чтобы уверенно рекомендовать правительству реформировать хозяйственный механизм АПК, этого было еще недостаточно, ибо мнения и слова людей — это одно, а действительное поведение — другое. Результаты анализа ни к чему не обязывающих ответов на вопросы анкеты важно было дополнить реальным хозяйственным опытом. В связи с этим осенью 1981 г. один из ведущих сотрудников отдела социальных проблем ИЭиОПП докт. экон. наук В.Д. Смирнов взялся за постановку социально-экономического эксперимента по внедрению элементов нового хозяйственного механизма в практику. Надо сказать, что этот ученый был и до сих пор остается подлинным энтузиастом экономического экспериментиро-

вания и к тому времени имел за плечами немалый опыт подобной работы.

Решено было начать эксперимент с одного хозяйства с тем, чтобы в дальнейшем распространить полученный опыт более широко. Было ясно, что успех работы во многом зависит от позиции и заинтересованности руководства хозяйства и принятия соответствующих идей трудовым коллективом. После некоторого поиска объектом эксперимента был избран колхоз “Путь к коммунизму” Косихинского района Алтайского края, председатель которого активно искал контактов с учеными, которые помогли бы ему поставить экономически слабое хозяйство на ноги. Главной целью эксперимента была проверка социальной приемлемости и жизнеспособности новых организационно-экономических и социальных отношений, их реальной способности повысить эффективность сельского хозяйства, улучшить жизнь колхозников и содействовать формированию социально активных работников. Реализовать эти цели предполагалось путем внедрения отношений сплошного коллективного подряда, последовательного внутривозвращенного расчета. Автор эксперимента надеялся выявить крупные социальные резервы, позволяющие добиться значительного повышения эффективности производства при существующем ресурсном обеспечении.

Разумеется, это был далеко не первый и не единственный социально-экономический эксперимент, проводившийся в сельском хозяйстве СССР. Достаточно напомнить о замечательно интересной и, по сути, подвижнической деятельности И.Н. Худенко, осуществившего со своими соратниками в конце 60-х — начале 70-х годов целую серию блестящих экономических экспериментов по повышению производительности труда в сельском хозяйстве и именно поэтому закончившего свой жизненный путь в заключении [2]. Однако эксперимент В.Д. Смирнова отличался рядом принципиальных особенностей. Первой из них был сплошной характер подряда, охватывавшего все производства и службы хозяйства, включая и управленческую, так что вне подряда не оставалось ни одного работника. Второй особенностью было то, что все подрядные подразделения работали на условиях полного внутривозвращенного расчета, т.е. с осязаемой материальной ответственностью за уровень затрат на произведенную продукцию (услуги) и с развитой чековой формой взаиморасчетов подразделений. Наконец, эксперимент осуществлялся при активном участии и с постоянной опорой на главную производительную силу колхоза — рядовых работников. Ход и развитие эксперимента, его промежуточные итоги, возникающие проблемы и пути их решения постоянно обсуждались учеными не только с руководителем и главными специалистами хозяйства, но и в первичных структурных подразделениях. В результате ученые получили объемное представление о расстановке социальных сил, занимавших разные позиции по отношению к переменам. Разумеется, такие обсуждения шли и в отделе.

Внедрение сплошного коллективного подряда существенно изменило отношение колхозников к своему труду и его результатам. Большинство рядовых работников стало планировать и подсчитывать не только свой заработок, но и затраты на производство продукции, ее себестоимость и рентабельность. Отсюда более экономное расходование ресурсов, рациональная организация труда, пробуждение первого намека на чувство хозяина. Все это положительно сказалось на результатах деятельности колхоза. За три года (1981 — 1984) работы в экспериментальных условиях хозяйство без какой-либо помощи извне превратилось из слабого в экономически крепкое: годовая выработка продукции на одного работника увеличилась на 34 %, валовая продукция и фондоотдача — на 58 %, а валовой доход — в 4 раза. Если в 1981 г. колхоз закончил с 270 тыс. руб. убытка, то в 1984 г. получил 1332 тыс. руб. прибыли. Согласно экспертной оценке председателя колхоза, сдвиги в экономическом поведении работников обеспечили в растениеводстве примерно половину, а в животноводстве — 90 % достигнутых успехов.

Ход и результаты эксперимента были освещены в двух книгах, ряде статей и получили большое общественное звучание [3]. Они распространялись областными и краевыми информационно-пропагандистскими центрами, обсуждались на многих научно-практических конференциях и даже рассматривались на заседании Президиума Верховного Совета СССР. Хозяйства Новосибирской, Омской, Томской и других областей Сибири, желавшие перенять новую систему организации производства, обращались к В.Д. Смирнову за методической помощью и, как правило, ее получали. В Алтайском же крае внедрить сплошной коллективный подряд пытались даже в масштабе целых районов.

Вместе с тем трехлетний опыт эксперимента показал, что серьезное преобразование экономических отношений даже в рамках одного хозяйства вызывает острую борьбу интересов и наталкивается на огромные трудности. Наиболее дееспособная часть работников, стремящаяся трудиться с полной отдачей и получать высокий доход, поддерживает внедрение коллективного подряда и хозрасчета и существенно рационализирует свое поведение. Но более инертные работники, не способные или не настроенные интенсивно трудиться, активно и пассивно сопротивляются внедрению новой организации производства. В результате отношения, связанные с распределением доходов как между, так и особенно внутри подрядных коллективов, превращаются в чрезвычайно острую проблему. В условиях села напряженность в отношениях между членами звеньев часто переносится на отношения между семьями, а иногда и между группами семей, связанных родственными узами. Резко ухудшается общий социально-психологический климат раздираемого конфликтами села. В особо сложное положение попадают руководители звеньев, ранее бывшие рядовыми работниками,

а в новых условиях становящиеся, хотя и небольшим, но начальством. Сталкиваясь с конфликтными ситуациями, они часто отказываются от руководства. Возникающие социально-психологические трудности препятствуют последовательной реализации проектируемых экономических инноваций и разрушают комплексность общего замысла. По мнению В.Д. Смирнова, главными препятствиями к внедрению новых экономических отношений служили:

—широкая распространенность уравнилельных ценностей, нежелание большинства колхозников выделяться из массы ни особо интенсивным трудом, ни стремлением к инновациям, ни более высоким доходом;

—отсутствие у сельских трудовых коллективов опыта как самоуправления, так и демократических отношений между руководством хозяйств и рядовыми работниками;

—противоречие между квазирыночными внутривозьственными отношениями и планово-распределительными отношениями хозяйств с государством;

—неотлаженность отношений колхозов с их хозяйственными партнерами по АПК — Сельхозтехникой, Сельхозхимией, предприятиями перерабатывающей промышленности и др.;

—несоответствие традиционных форм экономической работы в хозяйствах требованиям нового механизма, необходимость ее принципиальной перестройки с целью придания ей комплексного характера, неизмеримый рост требований к точности данных первичного учета и своевременности их представления;

—правовая необеспеченность новых внутривозьственных отношений, в том числе отсутствие легитимных основ наложения экономических санкций за невыполнение договорных условий правлением (администрацией) предприятий.

Эксперимент в колхозе “Путь к коммунизму” и попытки его распространения на другие хозяйства показали, что реформирование экономических отношений в аграрном секторе СССР, сколь назревшим оно бы ни было, не может не вызвать больших социальных трудностей. В связи с этим новосибирские социологи предлагали дополнить разработавшуюся правительством программу совершенствования хозяйственного механизма АПК социальным разделом, где освещались бы меры, направленные на смягчение конфликтов и интеграцию интересов разных групп работников в переходный период.

От экономического поведения к социальному механизму развития экономики

Постепенно в коллективе накапливался все больший опыт исследования экономического поведения. Так, группа Р.В. Рывкиной основательно изучала управленческое поведение работников АПК [4],

В.Д. Смирнов — поведение колхозников в сфере труда, распределения и управления, З.И. Калугина — поведение сельских жителей в сфере личного подсобного хозяйства [5], Л.В. Корель — миграционное поведение сельских жителей и, прежде всего, их миграцию в города [6], Н.В. Чернина — трудовое поведение работников промышленности [7], З.В. Куприянова, Л.А. Шишкина, В.П. Михайловская, Т.А. Мозырева — разные виды мобильного поведения работников индустриальных отраслей производства — промышленности и строительства [8] и т.д.

Р.В. Рывкина поставила перед своим коллективом задачу изучить особенности трудового поведения работников с тем, чтобы обосновать более эффективные способы управления человеческим фактором производства. Исследование базировалось на опросах работников АПК об условиях их деятельности, а также о содержании и мотивах экономического поведения в реальных и прожективных ситуациях. Использовались и данные отчетности предприятий, позволяющие судить о поведении хозяйственных руководителей. Анализ показал, что большинство работников сельскохозяйственных и промышленных отраслей АПК работали далеко не в полную силу и утверждали, что при других — более стимулирующих — правилах игры могли бы трудиться более эффективно. Главным препятствием было отставание механизма управления сельским хозяйством от растущего уровня производственных технологий и от требований к человеческому фактору производства. Свойственные административной системе ограничения личной инициативы вызывали отчуждение от труда в общественном производстве, вели к переключению интересов и энергии работников в менее регулируемые сферы деятельности. В том же направлении действовало и отсутствие прямой связи между результатами работы и вознаграждением первичных трудовых коллективов и отдельных работников, несоблюдение принципов хозяйственного расчета и экономической ответственности за результаты труда. Прикладным итогом этого исследования было обоснование рекомендаций по совершенствованию социально-управленческих отношений в аграрном секторе.

Более частным, но по-своему весьма интересным было предпринятое М.А. Шабановой исследование феномена шабашничества — сезонных миграций жителей южных трудоизбыточных районов на строительные работы в Сибирь. Самодетельное трудовое движение на заработки рассматривалось автором как социальное поведение, характер которого зависит от взаимодействия сезонных строителей с государством, населением районов своего постоянного жительства, руководителями сибирских сельскохозяйственных предприятий, а также местного населения. Изучалась зависимость этого поведения от хозяйственного механизма строительства, исходного социального статуса сезонных мигрантов, круга доступных им возможностей улучшения своего положения, а также социальных особенностей их куль-

туры. Исследование велось методом формализованного и неформализованного интервьюирования сезонных строителей и их бригадиров, руководителей принимающих их колхозов и совхозов, работников правоохранительных органов.

Феномен шабашничества оценивался в то время официальной идеологией отрицательно: сезонных строителей именовали рвачами, стяжателями, аморальными элементами и пр. Исследование же М.А. Шабановой показало, что в действительности оно выполняло важную социально-экономическую функцию, способствуя уменьшению территориальных диспропорций между спросом и предложением труда. Имея объективные корни, этот феномен не поддавался односторонней оценке по критерию “хорошо—плохо”. Формальные попытки запретить межрегиональную сезонную миграцию строителей на деле лишь загоняли ее в тень и усиливали ее деструктивные стороны. Конкретный социологический анализ проблем, возникавших у шабашников в местах сезонных работ и по возвращении домой, оценка эффективности самостоятельного решения этих проблем участниками процесса привели ученого к заключению, что многие негативные стороны шабашничества могут быть ослаблены с помощью государственного регулирования. Публикация результатов этой работы была встречена научным сообществом с интересом и привлекла общественное внимание [9].

Однако по мере развития исследований экономического поведения все яснее ощущалась неправомерность рассмотрения его в качестве самостоятельного фактора развития экономики. Дело в том, что хотя поведение общественных групп оказывает существенное влияние на этот процесс, однако множество поведенческих актов, совершаемых каждой группой работников, равно как и всей их совокупностью, не образует системы и потому не может служить объектом целенаправленного управления. Приходило понимание того, что поведение людей — лишь элемент более широкой системы, включающей как его внешние факторы, так и вызываемые им результаты.

Исследования экономического поведения показывали, что его содержание и эффективность определяются (а) хозяйственным механизмом, задающим правила игры в данной сфере; (б) социально-экономическим положением, формирующим потребности и интересы субъектов; (в) особенностями социокультурной среды, определяющими ценностно-нормативные аспекты их сознания. Конечным же результатом (характеристикой качества) экономического поведения служат сдвиги в территориальном размещении населения и трудовых ресурсов, профессионально-квалификационной структуре работников, качестве общественного труда, его разделении между отраслями и секторами экономики, пропорциях распределения доходов, структуре покупательского спроса, темпах научно-технического прогресса и пр. Система, элементом которой является и в рамках кото-

рой реализуется экономическое поведение, охватывает практически всю сферу взаимодействия экономического и социального развития общества. Функции, выполняемые этой системой в процессе общественного воспроизводства, ее относительная целостность и сложное внутреннее строение позволяют Интерпретировать ее как *социальный механизм развития экономики*. Изучение подобного механизма представляет намного более сложную задачу, чем анализ конкретных видов и форм экономического поведения.

Под социальным механизмом развития экономики понималась устойчивая система экономического поведения и взаимодействия общественных групп как друг с другом, так и с государством, регулируемая исторически сложившимися социальными институтами, хозяйственным механизмом управления экономикой и текущей деятельностью органов управления. Предполагалось, что главной функцией этого механизма является создание социальных условий для эффективного использования экономических ресурсов, научно-технического и социально-экономического прогресса. Схему функционирования такого механизма в общем виде иллюстрирует рис. 4.1 [10]. Первые два ее блока отражают представления коллектива о двух взаимосвязанных сторонах производственных отношений: экономической — системе государственного управления экономикой и социальной — социально-классовой структуре общества. Блок “Результаты экономического и социального развития общества” характеризовал качественное состояние производительных сил, т.е. материально-технической базы производства и носителей рабочей силы, а блок “Со-

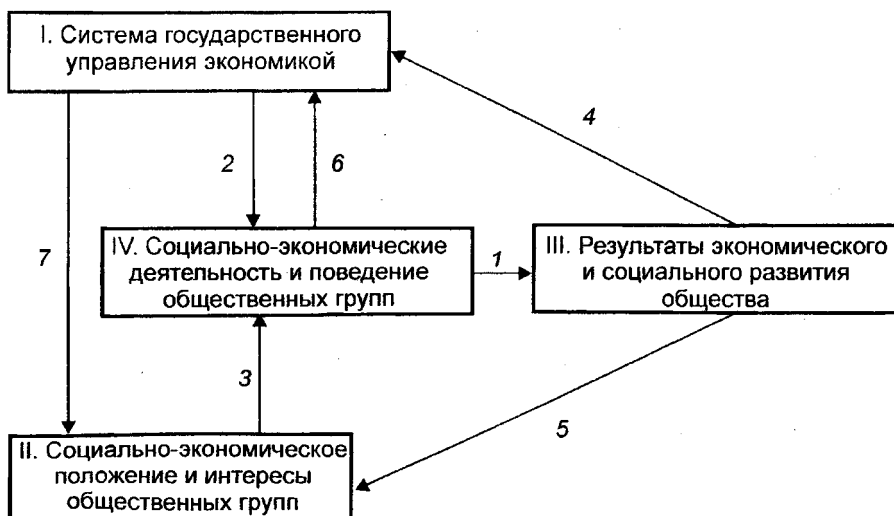

Рис. 4.1. Схема социального механизма развития социалистической экономики.

циально-экономическая деятельность и поведение общественных групп” — связи развития производительных сил с состоянием производственных отношений. Раскроем смысл показанных на схеме связей:

1 — в основе процессов экономического и социального развития общества лежат соответствующие виды деятельности и поведения общественных групп;

2 — направления, конкретное содержание и эффективность социально-экономической деятельности групп регулируются системой государственного управления экономикой и, прежде всего, хозяйственным механизмом;

3 — поведение, отражающее субъективный аспект социально-экономической деятельности, зависит от положения и интересов соответствующих общественных групп;

4 — результаты экономического и социального развития общества за определенный период (год, пятилетку) анализируются органами управления, после чего в случае необходимости производится корректировка методов управления экономикой;

5 — результаты экономического развития общества (в частности, объем и структура национального дохода) предопределяют сдвиги в социально-экономическом положении общественных групп;

6 — изменение системы государственного управления экономикой служит предметом профессиональной деятельности работников центральных органов управления, хозяйственных министерств и ведомств, ученых, работников юстиции и т.д. Эта деятельность, как и любая другая, имеет субъективный аспект;

7 — положение общественных групп зависит не только от уровня экономического развития страны, но и от механизмов распределения национального дохода, задаваемых системой управления экономикой. Грубо говоря, какова эта система, таковы и социально-экономические группы и их положение в обществе.

Описанные связи образуют три замкнутых контура, каждый из которых отражает специфический механизм социально-экономического развития. Первый контур (связи 2, 1, 4) отражает механизм планомерного управления экономикой, второй (связи 3, 1, 5) — зависимость экономического развития от поведенческих факторов, не поддающихся планомерному управлению, а третий (связи 7, 3, 6) объединяет планомерный и стохастический механизмы развития экономики, отражая зависимость методов государственного управления экономикой от деятельности и поведения правящих групп.

В концепции подчеркивалось, что конкретные варианты социального механизма развития экономики могут обладать разным качеством, т.е. быть более или менее эффективными. Судить об их эффективности следует по результатам экономического и социального развития общества. Первые характеризуются уровнем эффективности и

темпами роста производства, вторые — сдвигами в социальной структуре общества и изменением социального качества людей. Разные варианты социального механизма развития экономики формируют разные, соответствующие их качеству социальные типы людей. Особенности этих типов определяются твердо усвоенными, превратившимися в личностные черты нормами поведения в сферах производства, распределения, обмена и потребления.

Новая научная перспектива

К осени 1982 г. был подготовлен исследовательский проект “Социальный механизм развития социалистической экономики на примере аграрного сектора”, теоретическая цель которого заключалась в изучении механизма взаимосвязи экономического и социального развития аграрного сектора общества (АПК, села), а прикладная — в обосновании направлений и способов улучшения этого механизма. Авторы проекта считали, что ощутимо приближавшийся кризис советской экономики связан не столько с технологическими или структурными причинами, сколько с неспособностью общественных отношений стимулировать эффективную экономическую деятельность, научно-технический и социальный прогресс, равно как воспринимать частичные улучшения отдельных элементов хозяйственного механизма.

Отсюда делался вывод о необходимости принципиальной перестройки всей системы социально-экономических отношений с тем, чтобы привести ее в соответствие с изменившейся технологической базой и новым уровнем развития человеческого фактора. Смысл требуемой перестройки виделся в переходе от директивного к индикативному планированию производства и от преимущественно административных методов управления — к экономическим.

В рамках проекта были выделены пять направлений исследования, в основе каждого из которых лежал определенный тип взаимодействующих в экономике групп. Проект предполагал изучение:

— экономического поведения, горизонтальных и вертикальных взаимодействий разнопрофильных (управленческих, производственных, обслуживающих) организаций АПК, а также их подразделений и трудовых коллективов (руководитель В.Д. Смирнов);

— вертикального компонента социально-управленческой структуры АПК, т.е. взаимодействия должностных групп работников, находящихся в субординационных отношениях руководства и подчинения (Р.В. Рывкина);

— социального механизма формирования и распределения доходов сельского населения — масштабов, факторов и социальных последствий его имущественной дифференциации (А.Н. Шапошников). Для решения этой задачи использовалась интегральная типология семей, позволяющая надежно выявлять группы богатых и бедных се-

лян, строить их демографические и социально-экономические портреты, а также анализировать особенности их поведения в сфере труда и доходов [1];

— социального механизма функционирования и развития личного сектора АПК, в качестве субъектов которого выступают, с одной стороны, группы сельских семей, различающиеся типами личных хозяйств, а с другой — разные группы руководителей, причастных к прямому или косвенному регулированию развития личного сектора (З.И. Калугина);

— социально-экономического поведения и взаимодействия разных типов территориальных общностей, принадлежащих или тесно связанных с АПК: жителей города и села, аграрных и многофункциональных городов; райцентров, центральных усадеб хозяйств и мелких периферийных сел (Е.Е. Горяченко).

Новый исследовательский проект наметил главное направление работы коллектива, синтезировав многие частные направления и придав им новое содержание. Например, дифференцированное изучение условий, уровня и образа жизни сельского населения, начатое в рамках системного исследования деревни, оказалось необходимым для выделения социально-экономических групп, взаимодействие которых составляет важную проекцию социального механизма развития экономики. Взаимодействия разнотипных территориальных общностей, представляющие другую сторону этого механизма, могли наиболее эффективно анализироваться на базе знания социально-территориальной структуры аграрного сектора. Изучение проекции механизма, отражающей взаимодействие институциональных элементов АПК, стало прямым продолжением работы, связанной с социально-экономическим экспериментом В.Д. Смирнова. Наконец, анализ взаимодействия вертикально соподчиненных профессионально-должностных групп работников АПК непосредственно продолжал исследование управленческого поведения. По широте постановки проблемы и способности синтезировать результаты многих научных направлений концепция социального механизма функционирования сельского сектора была сравнима лишь с системным изучением деревни. Но если последнее было подчинено задаче исследования внутреннего устройства, т.е. элементов и связей этого целостного объекта, то теперь на первый план выдвигался системный анализ закономерностей социальной динамики. Таким образом, стремление выявлять и анализировать механизмы социальных процессов, ставшее характерной чертой новосибирской социологии 1980—1990-х годов, было естественным следствием и дальнейшим развитием ее общего тяготения к системности.

Учитывая сложность и новизну выдвинутых научных задач, осенью 1982 г. авторы проекта обратились к широкому кругу ученых, изучавших смежные экономические, социологические и правовые

проблемы в разных академических институтах, с просьбой ознакомиться с проектом и принять участие в его обсуждении следующей весной на междисциплинарном семинаре в Академгородке. К апрелю 1983 г. были подготовлены концептуальный доклад “О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии”, концентрированно отражавший идеи проекта, а также пакет конкретных докладов по каждому из пяти направлений. Основной доклад предполагалось размножить и раздать участникам семинара, однако он вызвал резкие возражения цензуры. Суть этих возражений была доведена до Президиума Сибирского отделения АН СССР, который принял сторону цензоров и предложил исключить из доклада с его точки зрения спорные, а с нашей — самые важные положения. Мы не согласились, и доклад был опубликован с грифом “Для служебного пользования” под личную ответственность А.Г. Аганбегяна.

На научный семинар по проекту съехались более 100 ученых из 17 городов страны. Доклады сибиряков вызвали большой интерес и трехдневную творческую дискуссию, в процессе которой было высказано множество важных и интересных соображений. Стало ясно, что разрабатываемые новосибирскими социологами идеи близки ученым разного профиля, что сообщество реформаторски мыслящих ученых достаточно широко, многопрофильно и представляет значительную интеллектуальную силу. Для большинства ученых участие в дискуссии стало подлинным глотком свободы. Однако случилась и неприятность: в суете куда-то исчезли два экземпляра ключевого доклада, что сразу же подняло на ноги КГБ. Поиск пропажи начался с обыска всех отделов и служб института. Перетряхивалось содержимое каждого стола или стеллажа. То же происходило в местах работы иногородних участников семинара. Были изъяты не только все экземпляры доклада, но и подготовительные материалы к нему, так что мне удалось увидеть его текст только через 7 лет, да и то в лондонской службе Би-Би-Си.

Ситуация обострилась, когда летом того же года доклад попал на Запад и был опубликован в США и ФРГ. Первой его открыла газета “Washington Post”, после чего он был тиражирован в большинстве европейских стран в качестве “Новосибирского манифеста” и неоднократно транслирован западными радиостанциями на Союз. Все это вызвало крупный скандал (в 1983 г. мы с А.Г. Аганбегяном получили по административному и по партийному выговору за безответственное хранение документов и пережили немало других неприятностей), но одновременно привлекло к новосибирской экономической социологии такое внимание, о котором и не мечталось. “Новосибирский манифест” был воспринят Западом в качестве первой ласточки, возвещавшей начинающуюся в СССР “весну”. Он стал свидетельством идейных и социальных сдвигов в советской системе,

которую до тех пор Запад считал не поддающимся изменению монолитом [12]. Спустя два года, когда гроза прошла и тучи рассеялись, по материалам семинара 1983 г. был опубликован сборник статей “Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики” [13]. Эта история способствовала не только чисто научному, но и идейно-политическому сплочению коллектива, формированию у большинства его представителей четкой социально-реформаторской позиции.

Исследование социального механизма развития экономики имело как содержательное, так и методологическое значение, поскольку оно привлекло внимание социологов к более широкой родовой категории — механизмам социальных процессов. Она была введена в советскую социологию еще в середине 60-х годов в книге “Социология в СССР”. Там говорилось, что “механизм в методологии социальных исследований выражает выделение в объекте особого образования (системы элементов и связей), которое обеспечивает функционирование или развитие объекта, будучи относительно устойчивым, стабильным; выделение механизма позволяет объяснить существование объекта” [14]. Фиксируя такие черты социальных механизмов, как системность, функциональность и устойчивость, это определение не раскрывало, из каких элементов они состоят, каковы их внутренние и внешние связи, каким образом обеспечивают развитие социальных процессов. Быть может поэтому российские социологи еще долго не уделяли внимания исследованию внутренних механизмов социальной динамики.

В середине 80-х годов, когда разработка проекта “Социальный механизм развития экономики (на примере АПК)” продвинулась достаточно далеко, Р.В. Рывкина и Л.Я. Косалс решили проанализировать практику определения и использования понятия “социальный механизм” в исследованиях разных ученых с тем, чтобы выявить его существенные, не вызывающие сомнения черты, а также место в системе социологических понятий. Проведенное исследование привело к выводу, что изучение социальных механизмов — это одно из наиболее актуальных направлений социологического исследования. Действительно, для ускорения развития необходимо преодолевать дисфункциональность некоторых социальных процессов, носящих нежелательный для общества характер. Появление таких процессов свидетельствует о дисфункциях регулирующих их механизмов, о необходимости их совершенствования. Последнее требует научных знаний о сущности этих механизмов, прежде всего теоретической концепции, характеризующей их строение и закономерности функционирования. Обобщив накопленный к этому времени опыт изучения механизмов общественных процессов, включая и последние исследования отдела, авторы выделили некоторые общие черты, свойственные любым частным механизмам, независимо от того, какие именно процессы

они регулируют, выделили типичные элементы и связи таких механизмов и показали, как происходит их функционирование. Последнее, по их мнению, заключается в том, что 1) “социальные институты формируют условия жизнедеятельности социальных групп, а следовательно, определяют характер их социального положения, 2) условия и положение групп детерминируют характер их целей и интересов, 3) цели и интересы групп непосредственно влияют на их деятельность и поведение, 4) последние определяют характер соответствующих социальных процессов” [15]. Эта работа оказала помощь ученым, не участвовавшим в реализации основного проекта отдела, но стремившимся распространить его методологию на другие области исследования.

**

*

Первая половина 1980-х годов явилась важным, а быть может, и переломным моментом в становлении Новосибирской экономико-социологической школы. Главными достигнутыми в этот период результатами были:

— переключение основного внимания с исследования устройства, или статических состояний разных структурных срезов общества на изучение деятельности и поведения субъектов, которые служат движущей силой функционирования и развития общества;

— актуализация, творческая разработка и операционализация понятия “механизм социального процесса”;

— обоснование и конкретная разработка новой теоретической категории — “социальный механизм развития экономики”, операционализация раскрывающих ее понятий и эмпирическая проверка их состоятельности с помощью конкретных социологических исследований; существенное расширение знаний о социальных механизмах как частных исследуемых процессов, так и развития экономики в целом;

— осуществление социально-экономического эксперимента по внедрению в практику элементов модернизированного, более рационального и эффективного механизма внутривозрастных отношений; анализ социальных сил, поддерживавших и тормозивших изменение экономических отношений, отслеживание социальных последствий преобразований; обоснование путей снижения социальной конфликтности при реформировании хозяйственного механизма в селе;

— интенсификация научных контактов с коллегами (социологами, экономистами, юристами, историками), работающими в различных сибирских, московских и других научных центрах, расширение и укрепление связей с наиболее думающей и творческой частью руководителей регионов, городов, сельских районов, промышлен-

ных и сельскохозяйственных предприятий Сибири, надежная привязка как эмпирических, так и теоретических исследований к социальной практике;

— использование результатов исследований, выполнявшихся коллективом на мезоуровне социальной системы, для формулировки макросоциального вывода о несоответствии действовавших в СССР производственных отношений требованиям развития производительных сил и о необходимости их перестройки;

— существенное повышение научного престижа Новосибирской экономико-социологической школы, приобретение ею внутрисоюзной и международной известности.

Экономическая социология — новое научное направление (1985—1990 гг.)

ГЛАВА 5

Новые условия развития социологии

С избранием генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева и объявлением демократической перестройки цензурные ограничения на научные публикации были ослаблены, а затем сняты. Гласность как провозвестница свободы слова дала толчок развитию науки, которая тогда хорошо финансировалась, повышала свой материально-технический уровень, а также кадровый потенциал. Интерес широких слоев общества к ожидаемым переменам повысил престиж экономической науки и социологии. ЦК КПСС даже принял постановление “О повышении роли марксистско-ленинской социологии в развитии советского общества” (1988 г.). В нем отмечалась необходимость расширения сети социологических институтов, отделов и секторов, организации в университетах социологических факультетов, отделений и кафедр, формирования сети изучения общественного мнения. Постановление впервые предоставляло научным сотрудникам возможность защищать диссертации на соискание ученых степеней по социологическим наукам (прежде можно было только по экономическим и философским). Подготовка социологических кадров включалась в систему государственного планирования и распределения. Особый раздел постановления был посвящен развитию заводской социологии как важного элемента управления предприятиями.

Можно сказать, что двери перед социологией не просто раскрылись, а распахнулись настежь. Теперь дело было за инициативой снизу, т.е. за усилиями самих социологов, и они постарались реализовать

открывшиеся возможности. Действительно, в 1988—1991 гг. в стране открылся ряд новых социологических центров, возникли социологические общества и журналы, сформировалась сеть социологических факультетов и отделений, развернулось изучение общественного мнения. А главное, появилась возможность открыто обсуждать актуальные социально-политические проблемы на конференциях и в печати.

Однако освобожденная общественная наука напоминала человека, долгое время пролежавшего с туго связанными руками и ногами. Она не могла сразу встряхнуться и побежать. Требовалось определенное время, чтобы ученые почувствовали реальное изменение общественного климата и правил игры, поверили, что это надолго. К тому же наука обладает инерцией: начатые исследования держат ученых в плену, требуя своего завершения. Кроме того, происходившие перемены поддерживались далеко не всеми обществоведами. Многие преподаватели истмата и научного коммунизма не принимали перестройки, считали ее идеи ревизионистскими и, подобно Нине Андреевой, отказывались “поступаться принципами”. Поэтому результаты исследований действительной истории общества, его реальной социальной структуры, внутренних механизмов функционирования, табуированных ранее сторон его жизни стали по-настоящему давать знать о себе лишь в конце 80-х годов.

Наиболее очевидным последствием начавшейся перестройки общества для нашего коллектива стало изменение сравнительной ценности московской и провинциальной научной среды. В брежневское время символами Москвы для нас служили ЦК КПСС и КГБ, насквозь просматривавшие со Старой площади и Лубянки все, что делалось в обществоведческих институтах. Кипучая, но мало эффективная научная жизнь столицы требовала затрат времени, не компенсируемых расширением знаний. Провинциальным ученым визиты в Москву позволяли быть в курсе научных событий, поддерживать личные контакты с коллегами, знакомиться с редкими или новыми книгами, но плодотворно работать там было трудно. Напротив, в Академгородке все благоприятствовало научным занятиям: вооруженные современной исследовательской техникой институты, благоустроенное жилье, развитая социальная инфраструктура, прекрасная экология, отсутствие транспортной усталости и, не в последнюю очередь, 30-километровая отдаленность от обкома КПСС. После московской суеты и шумихи хорошо было возвращаться домой к временно прерванной научной работе.

Однако с середины 80-х годов отдаленность Академгородка от центра стала оцениваться по-иному. В Москве происходили революционные события, формировалась богатейшая информационная среда, там можно было не только изучать общество, но и участвовать в его преобразовании, эффективно используя свои знания. К тому же центр нуждался в ученых, готовых активно помогать перестройке.

Ощущение того, что основные события происходили теперь в Москве, порождало у части сибирских ученых внутреннюю борьбу между стремлениями продолжать находящиеся в разгаре исследования или же лично содействовать демократическим переменам.

Ведущие ученые ИЭиОПП один за другим получали приглашения возглавить разные московские институты. Летом 1985 г. вернулись в Москву А.Г. Аганбегян и З.В. Куприянова, за ними потянулись другие. В конце 1987 г. мне было предложено организовать и возглавить Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Как ни трудно было порывать со своим коллективом, институтом и Академгородком, после некоторых колебаний я приняла предложение и в начале 1988 г. вернулась в Москву, правда, заплатив за это инфарктом. Почти одновременно туда переехали Л.А. Хахулина, Е.А. Дюк, Э.Д. Азарх, а двумя годами позже — Р.В. Рывкина и Л.Я. Косалс. Все они, как и З.В. Куприянова, пришли работать во ВЦИОМ, где образовалась небольшая новосибирская колония. Руководителем отдела социальных проблем в ИЭиОПП СО АН СССР был избран докт. экон. наук Ф.М. Бородин. Но вернемся к началу рассматриваемого периода.

Исследование социальных механизмов развития конкретных сторон и подсистем аграрного сектора

Когда общая концепция проекта была вчерне разработана, встал вопрос о принципах выделения направлений исследования. Первоначально была сделана попытка выделить целостные механизмы развития тех или иных сторон или подсистем АПК, причем каждый из таких механизмов изучался во всей полноте своих элементов и связей. По этому принципу были выделены разделы проекта, посвященные изучению социально-управленческих отношений (Р.В. Рывкина), личного сектора АПК (З.И. Калугина), миграционных процессов (М.А. Шабанова). Однако такой подход к расчленению общего предмета исследования был не единственным. Некоторые научные группы предпочли углубленное изучение отдельных элементов общего социального механизма развития АПК. В этом случае объектами анализа становились явления, соответствующие тем или иным блокам схемы, изображенной на рис. 4.1, например, хозяйственный механизм АПК (В.Д. Смирнов), экономическая деятельность и поведение населения (Р.В. Рывкина и др.), социально-структурные характеристики аграрного сектора (Е.Е. Горяченко, А.Я. Троцковский, В.Н. Федосеев, С.Г. Крапчан (Кирдина), А.Н. Шапошников). Вписанность этого типа исследований в общую структуру проекта проявлялась в том, что блоки социального механизма изучались не сами по себе, а в контексте связей с другими блоками: социально-экономическая структура — с деятельностью и поведением, поведение — с хозяйственным механизмом и т.д.

Во второй половине 80-х годов существенное развитие получило ранее начатое исследование *социально-управленческого механизма развития АПК* (Р.В. Рывкина). Перестройка и гласность сделали очевидным, что сложившееся к середине 80-х годов разделение экономических прав и ответственности между звеньями управления АПК перестало соответствовать требованиям времени. Особенно острые противоречия возникли между министерствами и предприятиями (хозяйствами). В то же время начавшийся полустихийный процесс ломки старых и формирования новых управленческих отношений часто не опирался на ясное представление об их достоинствах и недостатках, осуществлялся методом проб и ошибок.

Объектом этого направления исследования служила производственная подсистема агропромышленного комплекса, причем в центре внимания находилась не столько система управления как таковая, сколько взаимодействие ее субъектов — групп, функционировавших на разных уровнях управления. Их активность рассматривалась в тесной связи с действовавшим хозяйственным механизмом: труд руководителей описывался через характеристики их поведения в сферах планирования, организации производства, материально-технического снабжения, труд специалистов — в связи с использованием ими тех или иных технологий, труд бригадиров — с учетом способов стимулирования труда коллективов и т.п. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в восьми экспедиционных обследованиях в 1982—1986 гг. Ученые опросили все должностные группы работников АПК: рабочих и Колхозников, руководителей среднего звена, главных специалистов и руководителей хозяйств, руководителей индустриальных предприятий и служб, а также РАПО.

В фундаментальной монографии, которая подвела итоги исследования, социально-управленческий механизм, действовавший в аграрной экономике СССР с середины 30-х годов, был охарактеризован следующим образом: «По своему генезису он — инструмент в руках высших эшелонов политической власти; по духу — бюрократически-аппаратный и замкнутый на “верхние” уровни управления; по структуре — громоздкий, многозвенный, включает много параллельно действующих и дублирующих каналов управления; по своей ценностной основе он базируется на административной культуре, порожденной политическим аппаратом власти; суть этой культуры составляют ценности и нормы, поддерживающие монополизм высших слоев политического аппарата в управлении производством» [1].

На большом эмпирическом материале авторы показали, что названный механизм полностью противоречил целям экономической реформы. Во-первых, он противостоял экономическим методам хозяйствования, при которых руководитель должен зависеть не от верхов, а от низов. Во-вторых, он облегчал возникновение протекционизма и субъективизма в аппарате управления. В-третьих, ориенти-

ровал хозяйственных руководителей не на критерии эффективности, а на показатели, облегчающие работу вышестоящих органов. В-четвертых, он характеризовался запутанной структурой должностей, размытостью должностных обязанностей. В-пятых, у большинства управленческих групп при огромном объеме ответственности наблюдался дефицит распорядительских прав [2]. Главными результатами исследования явились: обоснование методологии и методики изучения социально-управленческого механизма развития производства, конкретное описание действовавшей системы управления АПК, а также разработка нормативной модели социального механизма управления производством.

Своеобразным ответвлением и дальнейшим развитием этой работы стало исследование Л.Я. Косалса, направленное на выяснение того, почему советская экономика остается невосприимчивой к новым технологиям, прогрессивным формам и методам управления производством. Анализ опыта распространения и внедрения новых технологий в 47 сельскохозяйственных предприятиях Новосибирской области привел автора к двум главным выводам: 1) причины застоя в обновлении производства надо искать не только на уровне предприятий, но и во всей системе общественных отношений; 2) эти причины носят как экономический, так и социальный характер, они связаны с дефектами социального механизма инновационных процессов, отражающего те стороны технического прогресса, которые опосредуются активностью и взаимодействием людей в сфере обновления производства [3].

В отдельное направление было выделено исследование *социального механизма развития личного сектора АПК* (З.И. Калугина), что было связано, во-первых, с огромной ролью личных подсобных хозяйств населения в обеспечении продовольствием как самих сельских жителей, так и остальной части общества, во-вторых, с принципиальным различием механизмов развития крупного и мелкого производства и, в третьих, с неоднозначным отношением идеологии, а вслед за нею и науки к самому факту существования ЛПХ, не говоря уж об их расширении и развитии.

В начале 80-х годов в личном секторе создавалась четвертая часть валовой и десятая часть товарной продукции сельского хозяйства СССР. Здесь расходовалась примерно половина совокупных затрат труда этой отрасли. За счет ЛПХ формировалось 25—30% доходов крестьян, а для отдельных типов семей (многодетных; состоящих из пенсионеров; имевших только одного работника и др.) оно было основным источником существования. Ведение личных подсобных хозяйств, являющееся неотъемлемым элементом сельского уклада жизни, существенно влияло на жизнедеятельность, социальные качества, ценностные ориентации и миграционные установки владельцев. Понимая это, руководители хозяйств использовали разные формы помощи ЛПХ для

регулирования поведения работников в сфере общественного производства. Характер, масштабы, периодичность и степень платности предоставляемых работникам услуг и ресурсов ставились в зависимость от их участия в производственных делах колхозов и совхозов.

Конкретизировав теоретико-методологическую концепцию социального механизма развития экономики применительно к личному сектору АПК, З.И. Калугина определила набор социальных регуляторов его функционирования и развития — общественно-политических институтов, условий жизнедеятельности населения, а также тех его социальных характеристик, которые наиболее существенно влияют на соответствующий вид поведения. В качестве субъектов этого поведения рассматривались группы семей, различающиеся, с одной стороны, своими размерами и структурой, а с другой — уровнем товарности и доходности личных хозяйств.

Работа опиралась на материалы лонгитюдного социолого-статистического исследования западносибирского села, проводившегося в 1967—1987 гг. Наряду с описанием современного состояния, актуальных проблем, тенденций и перспектив развития ЛПХ, величины и структуры затрат труда на его ведение автор изучила особенности экономического поведения сельских жителей в личном хозяйстве и определяющие его механизмы. Сравнение данных за 1977 и 1982 гг. обнаружило тенденцию к росту числа ЛПХ, расширению их средних размеров, повышению доходности, но вместе с тем к росту его трудо- и времязатратности. Значительно (с 14 до 23 %) возросла доля семей, ориентирующихся на расширение своих хозяйств. Однако производственные ресурсы ЛПХ использовались не в полной мере. Характеризуя социальный механизм их развития, З.И. Калугина показала, что его важными элементами служили не только государственная политика в данной области, но и то, как эта политика воспринималась и реализовывалась местными руководителями, стремившимися к сбалансированному, по их представлениям, развитию обоих секторов сельского хозяйства. Мощными факторами, регулирующими развитие ЛПХ, оказались как социально-экономические особенности колхозов, совхозов и поселений (например, наличие и качество свободных земельных участков, пастбищ, сенокосов, рынков сбыта продукции и др.), так и трудовой и финансовый потенциал конкретных семей.

Результаты развития этого направления нашли отражение в двух авторских монографиях [4], одна из которых была защищена в качестве докторской диссертации З.И. Калугиной. Полагая, что обеспечить стабильное развитие аграрного сектора, разбудить инициативу и обеспечить достаточную мотивированность работников к труду можно лишь на основе разумного сочетания крупного и мелкого производства, т.е., с одной стороны, государственных и кооперативных предприятий, а с другой — крестьянских и личных подсобных хозяйств, автор разработала и обосновала программу совершенствова-

ния социального механизма управления развитием личного сектора АПК. Что касается фермерства, на которое в те годы возлагались большие надежды, то оно, по мнению З.И. Калугиной, в обозримой перспективе не могло стать господствующей формой организации сельского хозяйства в России. Главным камнем преткновения здесь являются сложности, связанные с переделом земли и передачей ее в частную собственность.

В середине 80-х годов проводилось комплексное социолого-статистическое исследование **сезонной и постоянной миграции населения** (М.А. Шабанова) в сельском районе. Благодаря тщательно проработанной теоретико-методологической концепции в ходе исследования удалось:

— выявить природу, социально-экономические функции и факторы двух составляющих постоянной миграции в сельском районе — возвратных и первичных перемещений — и таким образом раскрыть механизм миграционных взаимоотношений среднеразвитого сельского района с более и менее развитыми территориями, обосновать возможности его улучшения в современных условиях;

— выяснить природу, факторы, социально-экономические функции и проблемы неорганизованной сезонной трудовой миграции (шабашничества), разработать предложения по улучшению методов регулирования этого феномена;

— выяснить связи между постоянной и сезонной миграцией населения в сельском районе, использующем труд приезжих работников, определить направления взаимосвязанного развития этих двух видов миграции в перспективе.

При повторном (1990 г.) исследовании феномена шабашничества (отходничества) особое внимание автора привлекли стихийно пробивавшиеся через препоны административно-командной системы проявления рыночных отношений между участниками процесса. Анализ накопленного сезонными строителями опыта функционирования в теневых рыночных условиях был использован для прогнозирования вероятных закономерностей развития рынков рабочей силы в условиях начинавшихся экономических реформ [5].

Изучение социально-экономического положения

и интересов общественных групп

Во второй половине 80-х годов анализ **социально-территориальной структуры аграрного сектора**, как и другие исследования отдела,

стал значительно больше ориентироваться на управленческие проблемы. Если прежде ученых интересовало в первую очередь территориальное устройство аграрного сектора — место, занимаемое им в структуре народного хозяйства и промышленности, его демографический про-

Эта установка особенно ярко проявилась в работах А.Я. Троцковского, В.Н. Федосеева, С.Г. Крапчан, Е.Е. Горяченко.

Прежде всего необходимо отметить детальное исследование структуры и интенсивности социальных, экономических и демографических связей городов Сибири с населением и организациями села (А.Я. Троцкий). Обработка собранного в ходе исследования уникального статистического материала методами многомерного факторного анализа позволила выделить два основания дифференциации городов по характеру связей с селом: (а) абсолютный объем услуг, предоставляемых каждым из них селу и (б) степень относительной ориентированности городов на обслуживание сельской местности, оцениваемую по доле их продукции (товаров, услуг), направляемой в сельский сектор.

Города Западной Сибири разделились по этим критериям на три качественно разных типа:

1) крупные многофункциональные города (как правило, областные центры), играющие ведущую роль в обслуживании сельского сектора, несмотря на то, что связи с селом играют в их жизнедеятельности второстепенную роль;

2) средние и малые индустриальные города, слабо связанные с селом и оказывающие ограниченное влияние на его развитие;

3) аграрные города (как правило, небольшие районные центры), где концентрируются предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию, обслуживающие сельское хозяйство и сельское население.

Исследование показало, что города последнего типа играют огромную роль в производственной и социальной жизни села, выступая в качестве опорных точек его среднесрочного и долгосрочного развития. Однако им уделяется гораздо меньше внимания, чем многофункциональным и индустриальным городам. Большинство их стагнирует или же деградирует, что самым пагубным образом сказывается на социальном развитии обслуживаемой ими сельской местности [7].

Задача исследования В.И. Федосеева заключалась в создании своеобразного социально-экономического атласа сельских районов Западно-Сибирского региона. Чтобы решить эту задачу, автор сформировал обширную и многостороннюю базу данных о демографических, экономических и социальных особенностях каждой из этих территориальных общностей. Для анализа данных были использованы методы факторного анализа и таксономии, что позволило выделить небольшое число высокоинформативных характеристик, каждая из которых несла информацию о группе взаимосвязанных признаков. На базе этих характеристик были построены многомерные типологии сельских районов [8]. Результаты исследования В.Н. Федосеева в сочетании с типологией городов А.Я. Троцкого позволили достаточно ясно обрисовать контуры социально-территориальной структуры Западной Сибири.

Несколько позже С.Г. Крапчан проделала сходную работу применительно к областям, краям и автономиям Российской Федерации, существенно продвинув теоретическую концепцию социально-территориальной структуры села и перенеся акцент на цели и методы управления ее развитием [9].

В результате проведенных исследований выяснилось, что различия между разными элементами сельского сектора в уровне развития и содержании актуальных проблем являются более резкими и глубокими, чем между селом и городом. Стало ясно и то, что происходящие на селе социально-экономические сдвиги не являются результатом прогрессивного развития всех типов сельских территориальных общностей. В действительности они представляют итог разнонаправленных и противоречивых тенденций, частично усиливающих и поддерживающих, частично же уравнивающих и ослабляющих друг друга. Причем динамические тенденции дифференцируются применительно как к разным зонам страны, типам районов и поселений, так и к различным сторонам жизнедеятельности сельского населения. Отсюда делался вывод, что если управление социально-экономическим развитием территориальных элементов села не будет подчинено некоторой общей стратегии, то наиболее вероятной тенденцией станет дальнейшее нарастание диспропорций и усугубление социальных различий в положении территориальных групп.

Вместе с тем совокупность выполненных исследований убедительно показала, что социально-территориальная структура сельской части страны представляет невероятно пеструю картину. Мало того что наблюдаются громадные различия между республиками и крупными регионами, сельская местность каждого из этих крупных образований также чрезвычайно неоднородна. Причем чрезмерное, с точки зрения создания благоприятных условий жизни населения, многообразие местных социально-экономических сред усиливается и обостряется бездорожьем, препятствующим налаживанию социальных связей между урбанизированными (центральными), периферийными и глубинными сельскими территориями. Отсюда делался вывод, что единство стратегических целей управления территориальным развитием мозаично устроенного сельского сектора обязательно должно сочетаться с дифференцированным подходом к разнотипным территориальным общностям каждого уровня, учетом их социально-экономической специфики [10]. Другой вывод заключался в том, что целенаправленное регулирование социально-территориального развития села должно возможно сильнее и надежнее опираться на самоуправление граждан. В сельских условиях права и свободы, связанные с организацией социально-экономической деятельности и созданием структур гражданского общества, являются особенно важными.

В общем проекте анализ социально-территориальной структуры села выполнял две функции. Во-первых, он раскрывал устройство

особого социального механизма развития территориального строения аграрного сектора экономики, а во-вторых, вносил вклад в изучение структуры основного субъекта развития этого сектора — сельского населения, создавая необходимые предпосылки для дифференцированного изучения его социально-экономической активности. Развитые в рамках этого направления концепции сельского поселения как специфической территориальной общности, сельского (аграрного) сектора как особой социально-экономической подсистемы общества и социально-территориальной структуры села стали методологической основой для дифференцированного исследования социальных процессов, протекающих в сельской местности, начиная с движения населения и экономического развития АПК и кончая изменением уровня и образа жизни населения.

В 1982 г. было проведено четвертое и последнее в лонгитюде социолого-статистическое исследование сибирского села [11]. На этот раз основное внимание ученых акцентировалось на проблемах благосостояния населения, охватывающих широкий спектр условий его жизнедеятельности: занятость, условия труда, уровень и структуру доходов, характер и качество жилья, обеспеченность предметами длительного пользования, соотношение профессионального труда, домашнего труда и свободного времени и др. Разработка и анализ соответствующих данных на четыре момента времени (1967, 1972, 1977, 1982 гг.) позволила достаточно полно охарактеризовать пятнадцатилетнюю **динамику уровня и дифференциации благосостояния сельских жителей** [12].

Дальнейшее развитие эта тематика получила в программе социологического исследования благосостояния населения Сибири, разработанной и реализованной коллективом сектора трудовых ресурсов и уровня жизни (руководитель В.А. Калмык). Методологической основой этой программы стало представление о благосостоянии как о категории, включающей уровень жизни семей, степень удовлетворения их материальных потребностей, а также наиболее распространенные и характерные для соответствующих общественных групп способы удовлетворения потребностей, связанные с особенностями трудового, бытового и досугового поведения. Такой подход позволял наметить точки взаимосвязанного изучения уровня и образа жизни общественных групп, что стало особенно актуальным, когда в 1985 г. сектор разделился на две самостоятельные группы: изучения уровня жизни (Л.А. Хахулина) и изучения образа жизни населения (В.А. Артемов). Институтские шутники тогда говорили, что в отделе социологии не хватает только группы изучения смысла жизни.

Когда проблемы благосостояния сельского населения в основном были изучены, у коллектива появилось стремление исследовать благосостояние горожан. В этой связи надо заметить, что достаточно четкая структуризация основных исследований отдела сочеталась со

значительной свободой исследователей и первичных научных групп в выборе конкретной тематики. Ученым предоставлялась возможность исходя из собственных интересов переходить из одного крупного проекта в другой, а также (при наличии желания и сил) участвовать в двух или более проектах. При таком подходе творческие находки быстро транслировались из одних проектов и подразделений в другие. В данном случае коллектив, изучавший благосостояние сельского населения в рамках проекта по АПК, счел целесообразным исследовать благосостояние горожан, что в дальнейшем, в свою очередь, обогатило методологию анализа этой проблемы в селе [13].

В 1984 г. было проведено выборочное социологическое обследование городского населения Западной Сибири с целью получения информации об условиях жизни различных групп, а также об оценках ими основных сторон своей жизнедеятельности (руководители Л.А. Хахулина, В.А. Артемов и В.А. Калмык). Выборочная совокупность была представлена жителями пяти городов: многофункциональных Омска и Кемерово, индустриальных Междуреченска и Нижневартовска, аграрного Алейска. Социологи опросили 1720 семей (домохозяйств) и столько же работающих членов семей. На первом этапе были проанализированы результаты обследования населения каждого отдельного города. Это позволило представить подробные аналитические записки местному руководству с анализом тех сторон жизни населения, которые либо не учитывались статистикой, либо учитывались только частично (например, жилищные условия разных социальных групп). Кроме того, давалась информация об оценках, потребностях, мнениях горожан о разных сторонах своего благосостояния.

На втором этапе авторы апробировали оригинальные методики построения многомерных типологий для анализа дифференциации населения как по отдельным составляющим (жилье, имущество), так и по материальному благосостоянию в целом, описали ряд элементов образа жизни (пользование сферой бытового обслуживания и дошкольными учреждениями, поддержание здоровья, повышение уровня образования, проведение досуга). Были получены обобщающие “портреты”, отражающие благосостояние различных социально-должностных, социально-отраслевых, демографических и территориально-поселенческих групп. Это позволило выявить зависимость благосостояния от социально-экономического положения групп в сферах производства и распределения [14].

В 1989 г. после отъезда Л.А. Хахулиной в Москву группу изучения уровня жизни возглавила В.С. Тапилина. В 1990—1991 гг. на базе разработанной группой программы исследования стратификации населения крупного города по материальному благосостоянию было проведено обследование в Новосибирске. Любопытно, что последние анкеты были заполнены в день объявления об обмене 25- и 50-рублевых купюр — первой акции в ряду предстоящих потрясений и преоб-

разований. Таким образом, учеными было зафиксировано состояние стратификации городского населения по материальному благосостоянию накануне экономических реформ, которое стало точкой отсчета для оценки дальнейших изменений в этой области.

Исследование показало, что хотя население крупного сибирского города резко различалось по уровню материального благосостояния, это была дифференциация не собственников, а пользователей материальных условий жизни. Выяснилось, что семьи, относящиеся к определенным стратам благосостояния, характеризовались общностью и других жизненных обстоятельств, социальных и демографических параметров. Таким образом, разработанная методика изучения стратификации позволила выделить достаточно однородные социальные слои. Фактором, в наибольшей степени дифференцирующим семьи по материальному благосостоянию, оказался квалификационно-должностной статус их работающих членов, роль же социально-отраслевого и демографического статусов оказалась менее значимой [15].

Две линии традиционных для отдела исследований — благосостояния населения и социально-территориальной структуры региона — соединились и нашли дальнейшее развитие в работе, посвященной *роли жилья как фактора территориального перераспределения населения* России. В ходе этой работы были построены типологии областей, краев и автономных республик РСФСР по характеру миграционных процессов и по особенностям социально-экономического развития. Это позволило выяснить степень согласованности и взаимообусловленности миграционной ситуации и уровня развития территорий. Для каждого миграционного типа регионов и для РСФСР в целом методом регрессионного анализа была оценена роль жилищной детерминанты в системе социально-экономических факторов миграции. Изучение жилищных условий мигрантов, находящихся на разных стадиях адаптации к новым местам проживания, позволило определить роль жилищного фактора на заключительной стадии миграционного поведения. Монография Л.В. Корель, В.С. Тапилиной и В.А. Трофимова, в которой представлены результаты этой работы [16], была удостоена второго места на конкурсе фундаментальных работ СО АН СССР в 1991 г.

Критически оценив особенности советской жилищной политики, новосибирские социологи пришли к выводу о необходимости принципиального изменения ее направленности. На их взгляд, целью такой политики должно было стать формирование демократического механизма решения жилищных проблем. Социальный механизм функционирования жилищной сферы общества, охватывающей производство, распределение и пользование жильем, следовало переориентировать таким образом, чтобы обеспечить свободный выбор способов удовлетворения потребностей в жилье. По мысли авторов, жилищная сфера должна ориентироваться на человека, подстраиваться под его

интересы и потребности, а не быть инструментом, с помощью которого государство пытается регулировать перемещения трудовых ресурсов или активизировать человеческий фактор производства. Они отстаивали необходимость пересмотра жилищной политики, перехода к экономическим методам регулирования обеспечения жильем. В дальнейшем О.Э. Бессоновой было выполнено фундаментальное исследование социального механизма функционирования и развития жилищной сферы [17].

Разумеется, сказанное далеко не исчерпывает всего спектра исследований новосибирских социологов в 80-е годы. В этот период успешно и творчески развивались исследования различных аспектов движения рабочей силы промышленности, использования рабочего и свободного времени населения [18], изучались и моделировались демографические процессы [19], проводилась большая работа по совершенствованию методов обработки и анализа социологической информации. Однако характеристика роли этих исследований в развитии советской социологии составляет специальную научную задачу. Здесь же речь идет о тех направлениях исследований, развитие которых придало новосибирской социологии то необщее выражение лица, которое заметно отличало и отличает ее от других социологических школ.

Интеграция результатов исследования

Когда исследования отдельных сторон и элементов социального механизма развития аграрного сектора, осуществляемые разными группами, были достаточно продвинуты, встала весьма сложная задача интеграции полученных результатов. Для этого следовало проверить возможность использования частных методологий для комплексного изучения проблемы методом кейз-стади, т.е. на примере целостного эмпирического объекта. В качестве такового был выбран средний по уровню развития Топчихинский район Алтайского края. Летом 1985 г. туда выехала экономико-социологическая экспедиция, в работе которой участвовали около 20 социологов, представлявших все направления проекта. К сибирякам присоединились два москвича — П.О. Авен и В.М. Широкин — сотрудники возглавляемой Е.Т. Гайдаром лаборатории системного изучения хозяйственных механизмов ВНИИСИ АН СССР. Любопытных молодых экономистов интересовало конкретное устройство хозяйственного механизма АПК — не те правила игры, которые значились в законах, инструкциях и учебниках, а те, которые фактически реализовались в экономике, включая и теневую часть отношений. Сибиряки опрашивали население района, местных руководителей, работников колхозов и совхозов, москвичи же проводили углубленные интервью с руководителями районного агропромышленного объединения (РАПО), директорами промышленных предприятий и служб: Сельхозтехники, Сельхозхимии, заготовительных и пе-

рерабатывающих предприятий. Они дотошно выпытывали у собеседников, как строятся отношения соответствующих организаций с плановыми органами, поставщиками, клиентами, покупателями, что на что меняется в порядке бартера, по чьей инициативе это делается, в каких пропорциях и т.д. Получаемая информация, предварительные выводы и гипотезы обсуждались на экспедиционном семинаре. Совместная работа социологов с этими эрудированными и творческими экономистами была полезной для обеих сторон.

По итогам экспедиции был подготовлен отчет “Методология, методика и материалы социологического исследования социального механизма развития сельского района”, на базе которого предстояло создать более фундаментальную работу, обобщающую результаты теоретического и эмпирического исследования социального механизма развития аграрной экономики. Весной 1987 г. обширный научный доклад “К концепции перестройки управления аграрным сектором СССР” был представлен в дирекцию ИЭиОПП и руководству Алтайского крайкома КПСС. На базе этого доклада в Барнауле осенью того же года была организована Всесоюзная научно-практическая конференция “Пути совершенствования управления социальным развитием аграрного сектора региона”. Ее целью было всестороннее обсуждение выдвинутых новосибирскими учеными идей с представителями прикладной аграрной науки и практиками сельского хозяйства. По каждому крупному направлению проекта была организована секция конференции, что обеспечило серьезное и многостороннее обсуждение как концепции, так и эмпирических результатов исследования, создало основу для дальнейшего развития последнего. Труды конференции были опубликованы Барнаульским издательством в форме пяти брошюр, большая часть тиража которых легла на столы руководителей регионального АПК [20]. Что же касается теоретико-методологических результатов коллективного изучения аграрного сектора, то наиболее полное отражение они нашли в фундаментальной монографии “Социально-экономическое развитие сибирской деревни” (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987).

Формирование новой парадигмы исследования

Возможно, что если бы отдел социальных проблем ИЭиОПП занимался только наукой и одновременно не был организатором социологической специализации в НГУ, то его сотрудники так и не задумались бы о том, к какой области науки принадлежат их исследования. Однако в действительности им пришлось поставить перед собой этот вопрос. В 1982 г. академик А.Г. Аганбегян счел нужным включить главную дисциплину социологической специализации в общий учебный план экономического факультета НГУ, нам же поручили определить, какой из читаемых на специализации курсов

лучше подойдет к этой цели. Между тем готового курса, пригодного для социологического просвещения студентов-экономистов, в нашем распоряжении не было: основной специализирующей дисциплиной считалась методология и методика социологических исследований, вряд ли соответствовавшая этой цели. Надо было готовить новый курс, позволяющий концентрированно осветить главные направления исследований отдела. В связи с этим и встал вопрос, к какой социологической дисциплине принадлежали наши исследования.

Поскольку социология в СССР находилась на положении теневой науки, о ее структуре советские социологи судили главным образом по составу исследовательских комитетов Международной социологической ассоциации (МСА). По этому критерию исследования отдела относились к нескольким направлениям: социологии времени, социологии труда, социологии промышленности, социологии села, изучению социальной структуры и социальной мобильности, социологии благосостояния, социологии миграции, математической социологии и др. Причем ни одно из названных направлений не претендовало на центральную роль. Вместе с тем эти исследования, по общему ощущению, обретали все более определенный центр, обеспечивавший их целостность и единство. Им являлась область пересечения и стыковки социологии с экономической наукой. В структуре МСА соответствующее место принадлежало комитету “Экономика и общество”, но как для отражения сути наших исследований, так и для наименования академической дисциплины это название казалось не подходящим. Поэтому решено было на свой страх и риск заявить новую научную дисциплину, присвоив ей имя *экономической социологии*.

Естественно поставить вопрос, почему экономическая социология не возникла в СССР еще в начале 60-х годов одновременно с социологией труда, социологией промышленности и другими смежными дисциплинами. Думается, что тут действовали два фактора. Как известно, на Западе первые книги и учебники по экономической социологии вышли лишь в середине 60-х годов [21], так что и там это направление было относительно молодым. Это объяснялось сложившейся логикой развития экономической науки, лишь постепенно и неохотно соглашавшейся усложнять свое исходное представление о рациональном человеке, стремящемся лишь к экономической выгоде. По мнению В.В. Радаева, развитие западной экономической социологии было органически связано с расширением и обогащением этого представления [22]. Как бы то ни было, внешних импульсов к разработке данного направления советские социологи не было.

Что касается личной инициативы ученых, то ее проявлению препятствовал другой, уже чисто советский фактор — идеологическое противодействие правящих структур изучению и обсуждению наиболее горячих и болезненных проблем социалистических обществ. Достаточно сказать, что по выходе первых же статей новосибирских социоло-

гов, обосновывавших новое направление исследования, на них обрушились резкие обвинения, во-первых, в том, что сама идея экономической социологии является “плагиатом у Смелсера” (как будто область науки можно украсть), во-вторых, в попытках “протаскивания” в социологию СССР “буржуазного” научного направления [23].

Разработка нового курса потребовала ответа на вопросы, о которых раньше не думалось, и прежде всего определения *предмета и метода* данной науки. Наиболее общий ответ гласил, что экономическая социология — это наука, изучающая экономическую жизнь общества социологическими методами. В процессе дальнейшей работы выяснилось, что метод науки оказывает обратное влияние на характер изучаемого предмета. В связи с этим к предмету экономической социологии были отнесены закономерности взаимодействия экономической и социальной сфер общества, а также экономических и социальных процессов (а не просто экономическая жизнь общества).

Первые заявочные статьи новосибирцев, посвященные этому направлению исследований, появились в 1983—1984 гг. [24]. В них доказывалась научная и практическая актуальность исследования закономерностей экономической жизни общества с помощью методов и категорий социологии, обращалось внимание на возрастающий интерес экономистов к социальным факторам и процессам, а социологов — к сфере экономической жизни, давалось исходное описание предмета и метода данной науки. Дальнейшее развитие эти вопросы получили в опубликованной журналом “ЭКО” статье, направленной на “социологизацию” мышления экономистов [25]. Основной идее статьи противостояла доминировавшая тогда (и до сих пор не изжитая) тенденция анализировать экономические явления и процессы, не выходя за рамки собственно экономической парадигмы. Советская экономическая наука, обобщавшая практику централизованного планирования производства, в основном рассматривала человека в двух качествах: как носителя рабочей силы, не обладающего свободой воли и выбора, и как потребителя (покупателя) соответствующей части товаров и услуг. Новосибирские социологи противопоставляли этому упрощенному подходу взгляд на развитие экономики как социальный процесс, субъектами которого являются группы, занимающие разное положение в отраслевой, профессиональной, должностной, территориальной и социальной структурах национального хозяйства. При этом основное внимание уделялось дифференциации их интересов и экономического поведения, типам и формам последнего, механизмам влияния поведения работников на эффективность производства и экономическую динамику. Анализировались факторы, регулирующие экономическое поведение, прежде всего хозяйственный механизм управления экономикой. Статья вызвала активный отклик читателей, отмечавших актуальность поднятых вопросов, высказывавших интересные житейские и научные соображения.

В 1986 г. были опубликованы две принципиальные статьи: “О предмете экономической социологии” [26] и “Экономическая социология: новое научное направление” [27], в которых рассматривались социальные предпосылки возникновения экономической социологии в СССР, ее первые шаги на советской земле, связанные с социологизацией политической экономики и со встречной экономизацией социологии. Анализировалась центральная, на наш взгляд, категория экономической социологии — социальный механизм функционирования и развития экономики, характеризовались специфический метод этой науки, направления и перспективы ее дальнейшего развития.

По мнению авторов, экономическая социология исследует, с одной стороны, экономические предпосылки, возможности и ограничения реализации интересов общественных групп, а с другой — социальные факторы и условия функционирования экономики. При чем объектом ее исследований служат не только и не столько ряды взаимозавязанных экономических и социальных явлений, сколько конкретные механизмы связи экономического и социального развития. Задачей этого научного направления виделось выяснение конкретных путей и способов влияния социальных характеристик общества на развитие экономики, а уровня развития и состояния экономики на социальные отношения.

Рассматривая метод экономической социологии, авторы стремились показать, какую систему понятий она применяет и как пользуется этими понятиями, чтобы получить требуемые знания о структуре и закономерностях развития изучаемого объекта. Основой языка данной науки они считали категории, выработанные в социологии и вооружающие исследователей той специфической призмой, которая обеспечивает социальный подход к экономике. Подчеркивалось, что эффективность развития экономической социологии будет зависеть от полноты используемых ею социологических понятий и категорий, от точности вкладываемого в них содержания, от масштабов их практического использования, т.е. от того, какие именно стороны экономики будут подвергаться социологическому анализу и на какой глубине он будет вестись. Авторы выделили и описали четыре типа экономико-социологических понятий, которые: (а) фиксируют типы общественно-экономических групп и признаки их положения в обществе, (б) характеризуют содержание экономического и социального сознания этих групп, (в) описывают виды и способы их социально-экономического поведения, (г) отражают связь социальных и экономических процессов.

Что касается особенностей использования понятий экономической социологии для эмпирического исследования действительности, то к ним были отнесены, во-первых, целостный (комплексный) подход к изучению экономического и социального поведения людей, предполагающий использование широкого арсенала средств, начиная с социологических опросов и данных статистики и кончая

анализом личных документов; во-вторых, исследование экономического поведения людей в широкой системе детерминирующих факторов; в-третьих, изучение механизмов управления экономической деятельностью и поведением людей, предполагающее анализ нормативных документов и текущего документооборота организаций управления, предприятий и учреждений обслуживания.

Развитие экономической социологии в Новосибирске не ограничивалось теоретико-методологическими вопросами — напротив, главное внимание уделялось исследованиям, ставящим и решающим актуальные экономико-социологические проблемы. В качестве одного из примеров можно привести статью “Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость”, опубликованную в официальном органе ЦК КПСС — журнале “Коммунист” [28]. В статье обсуждались наиболее острые для того времени социально-экономические проблемы: социальные причины низкой эффективности экономики, соотношение реальных пропорций и механизмов распределения доходов с представлениями населения о социальной справедливости, функции и взаимодействие платного и бесплатного способов распределения социальных благ и услуг, принципы ценообразования на потребительские товары и пр. Статья вызвала широкую и острую дискуссию, получила большую известность, была переведена на несколько языков, перепечатывалась в российских публицистических сборниках и зарубежных изданиях [29]. Любопытно, что в 1992 г. редакция журнала обратилась к автору с просьбой вернуться к этой статье и оценить, что в ней осталось правильным, а что выглядит ошибочным. Так появилась статья “Социальная справедливость: Шесть лет спустя” [30]. Широкий отклик имели и многие другие работы, посвященные актуальным теоретическим и предметным проблемам экономической социологии. Так, в 1989 г. сборник наших статей был опубликован в США. Основному содержанию предшествовало обширное введение составителя Мюррея Яновича, где анализировался феномен новосибирской экономической социологии [31]. Наиболее же развернутое, хотя далеко не завершённое, отражение рассматриваемые проблемы получили в монографии “Социология экономической жизни” [32], вышедшей в 1991 г. На идеях этой науки базировалась и монография “Вторая социалистическая революция: Альтернативы советской стратегии”, изданная в 1990 г. в Англии, а затем переизданная в Германии, США и Бразилии [33].

В заключение — несколько слов об особенностях новосибирского варианта экономической социологии. Вряд ли надо доказывать, что наши представления о ее задачах, предмете, методе и наиболее актуальных проблемах существенно отличались от взглядов Т. Парсонса, Н. Смелсера, Р. Сведберга, А. Стинчкомба и других западных классиков. Это было обусловлено в первую очередь различием факторов, стимулировавших возникновение и развитие экономической

социологии в каждом из случаев. На Западе главной задачей данного направления было преодоление слабых мест экономической и социальной теории, развитие новых подходов к ее нерешенным вопросам. Отсюда преимущественно теоретический характер первых основополагающих трудов и более позднее появление попыток приложить новую теорию к практике путем исследования реальных объектов.

В нашем случае дело обстоит наоборот: главным стимулом к развитию экономико-социологических исследований в СССР выступала социальная практика со всем множеством ее нерешенных проблем. Ни асоциальная экономическая наука, освобожденная от интересов и поведения людей, ни социология, занятая преимущественно изучением социокультурных явлений, не могли убедительно показать, что происходит с экономикой и обществом в целом. В этих условиях становление экономической социологии началось с конкретных исследований социальных проблем экономики. Разумеется, они проводились не только в Новосибирске — просто здесь этими исследованиями занимался большой коллектив, именно здесь был впервые осознан их экономико-социологический характер и произнесено имя новой науки. После этого наступила пора теоретических поисков и обоснований, в основе которых лежало обобщение накопленных результатов исследований конкретных проблем. Поэтому новосибирская экономическая социология отличается от западной (и в какой-то мере от московской) сильнейшей ориентацией на познание реальных закономерностей социальной практики (прежде всего, конечно, российской). В этом состоят ее сила и слабость. Сила обусловлена актуальностью исследуемых вопросов и органической включенностью в жизнь общества, а слабость — поглощенностью современными проблемами России и, возможно, недостаточной связью с теоретическими поисками западных коллег.

* *

*

К числу главных достижений новосибирского экономико-социологического коллектива в конце 80-х — начале 90-х годов следует отнести:

— закладку основ ранее отсутствовавшего в стране научного направления — экономической социологии, дальнейшую теоретико-методологическую интеграцию исследований, формирование единой системы используемых понятий, общего научного языка, начало разработки целостной парадигмы междисциплинарного изучения хозяйственных, социальных и культурных механизмов экономических процессов;

— существенное продвижение теоретического и эмпирического изучения важнейших сторон и элементов механизма развития экономики;

— постепенное обретение коллективом качеств самостоятельной научной школы, в том числе и за счет создания надежного механизма воспроизводства научных кадров, открытие на экономическом факультете НГУ социологического отделения, обеспечивающего высокий уровень подготовки выпускников; успешное прохождение пятью выпускниками (О.Э. Бессоновой, Н.М. Бархатовой, В.А. Лисовым, О.П. Фадеевой, М.А. Шабановой) всесоюзного конкурса молодых социологов на право стажировки в летней школе Манчестерского университета (1989—1990 гг.);

— дальнейшее расширение известности и престижа Новосибирской экономико-социологической школы, одним из проявлений которого стало избрание ее лидера президентом Советской социологической ассоциации (1986—1991 гг.).

Вместе с тем на переломе 80—90-х годов возникли тревожные тенденции, создававшие угрозу будущему отдела. Некоторые научные сотрудники переехали в Москву, а часть наиболее энергичных и относительно молодых ученых ушли в бизнес, заняв престижные посты в банках, страховых компаниях или организовав собственные фирмы. Произошла вынужденная смена научного руководства, численность ученых уменьшилась, коллектив на какое-то время ослабел. Тем не менее он выстоял, а в дальнейшем смог подняться на новый качественный уровень. Об этом расскажут новые лидеры Новосибирской экономико-социологической школы, принявшие эстафету от ее основателей.

ГЛАВА 6

Новое время – новые задачи: институциональный подход к изучению

трансформационных процессов

Адаптация к новым условиям

Радикальные экономические реформы в стране в начале 90-х годов не только отразились на социально-экономической ситуации в стране, но и вызвали кардинальные изменения в научной сфере, в том числе и в социологии. Многообещающее оживление интереса к социальным и экономическим наукам, особенно к их прикладным результатам, наблюдавшееся в начале перестройки, сменилось в 90-х годах ухудшением условий работы отечественной науки. Это проявилось в сокращении централизованного финансирования, снижении уровня заработной платы ученых, невозможности оплаты научных командировок и т.п. Из социологической науки в этот период ушло много высококвалифицированных специалистов, резко сократилось ее пополнение молодежью, уменьшилось число конференций и семи-

наров, где социологи могли обсуждать наиболее актуальные проблемы и обмениваться информацией. Особенно неблагоприятно складывалась ситуация в нестоличных научных центрах.

Со всеми этими трудностями и проблемами нового времени столкнулся и новосибирский социологический коллектив. Из-за резкого сокращения государственного финансирования науки часть квалифицированных сотрудников отдела ушла в другие сферы деятельности (банки, биржи, консалтинговые фирмы и др.), а оставшиеся столкнулись с необходимостью поиска дополнительных негосударственных источников финансирования — через систему грантов отечественных и зарубежных фондов, хоздоговоров, разовых заказов и пр. Как следствие — уменьшилось время, затрачиваемое собственно на науку, произошло дробление исследовательских групп и тем, падение престижа научной деятельности в глазах молодежи.

Однако даже самые негативные, на первый взгляд, явления и процессы несли в себе, как это ни парадоксально, некий положительный импульс, заставляя активизировать деятельность и полнее реализовать свой творческий потенциал многих сотрудников, в том числе и тех, кто в благополучные времена по тем или иным причинам оставался в тени. Усилия коллектива нашли признание и поддержку со стороны международных и отечественных научных фондов, сообщества социологов. Система грантов как новая для России форма поддержки научных исследований на конкурсной основе, активный поиск сотрудниками отдела внебюджетных источников финансирования, участие в международных конкурсах исследовательских проектов позволили остановить отток квалифицированных кадров, а также частично решить информационную проблему, обусловленную сокращением поступлений новой научной литературы, недостатком денег для ее приобретения, для пользования системой МБА, для формирования фондов крупнейших региональных библиотек. Компьютеризация рабочих мест, осуществленная за счет средств, полученных по грантам, а также подключение к электронным средствам связи и к системе Internet расширили возможности получения оперативной информации о разработках в соответствующих областях, организации научных симпозиумов, конференций и конгрессов.

Однако возникшие в последние годы трудности в развитии науки в определенной мере компенсируются изменением идеологического климата в обществе, раскрепощением научной мысли, расширением доступа к достижениям мировой общественной науки немарксистского толка, снятием административных барьеров в развитии научных контактов.

Успешной адаптации коллектива к новым условиям способствовали также определенные институциональные изменения.' В 1993 г. Ф.М. Бородкин, который руководил отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН с 1989 по 1995 г., предложил отказаться от жест-

кой организационно-административной структуры отдела и перейти на более гибкую структуру — без секторов. Вначале дирекция и ученый совет института весьма настороженно восприняли эту идею, но после тщательного обсуждения разрешили в порядке эксперимента организовать работу отдела на принципах формирования творческих коллективов (исследовательских групп). Сотрудникам предоставлялось право либо сформировать собственную, либо войти в состав какой-либо уже существующей тематической группы. В результате было создано 10 небольших тематических групп. Естественно, при такой организации повысилась роль научного совета, а также руководителя отдела и его заместителей в координации и регулировании научно-исследовательской деятельности.

Демократизация управления отделом сделала возможным свободное самоопределение каждого сотрудника в выборе тематики исследований и научного микроколлектива, способствовала появлению новых тем, реализации новаторских подходов, поддержанию творческой атмосферы в коллективе в сложных социально-экономических условиях.

Другим важным противовесом деструктивным процессам стало создание в институте докторантуры и специализированного совета по защитам докторских и кандидатских диссертаций по трем социологическим специальностям “Экономическая социология”, “Социальная структура, социальные институты и социальные процессы”, “Политическая социология”. Это активизировало подготовку диссертационных работ, способствовало сохранению высоких научных требований, творческих дискуссий и контактов с представителями других научных центров и школ.

В 1990-х годах сотрудниками и аспирантами отдела защищены восемь кандидатских и три докторские диссертации. Кандидатами наук по специальности “Социальная структура и социальные институты” стали Т.Ю. Богомолова, С.Г. Саблина, по специальности “Экономическая социология” — О.Э. Бессонова, О.В. Шарнина, Л.П. Потехина, И.Н. Мартынова, С.Ю. Барсукова. Докторские диссертации по той же специальности защитили З.И. Калугина (1991 г.) и В.И. Герчиков (1997 г.). Наряду с этим защищены в Москве две диссертации по специальности “Экономика народонаселения и демография”: докторская — С.В. Соболевой (1990 г.) и кандидатская — А.Р. Михеевой (1992 г.). В 1996 г. в Манчестерском университете (Великобритания) защитила диссертацию PhD и получила степень доктора философии Н.М. Бархатова. О.Э. Бессонова и М.А. Шабанова закончили докторантуру, С.Г. Кирдина является докторантом института с 1996 г., а А.Р. Михеева — с 1998 г. Сотрудники отдела успешно руководят аспирантами института и НГУ.

Несмотря на то что по сравнению с 80-ми годами численный состав отдела сократился примерно вдвое и на сегодняшний день составляет 30 сотрудников, в качественном отношении коллектив

остается одним из мощных и высококвалифицированных подразделений института. В составе научного коллектива отдела пять докторов наук (В.А. Артемов, Ф.М. Бородкин, В.И. Герчиков, З.И. Калугина, С.В. Соболева) и одиннадцать кандидатов наук. В декабре 1998 г. успешно защитили докторские диссертации Л.В. Корель по специальности “Социальная структура и социальные институты” и О.Э. Бессонова по специальности “Экономическая социология”.

Отметим и сбалансированную возрастную структуру коллектива: в его составе работают семь перспективных молодых сотрудников (до 35 лет), что создает благоприятные условия для безболезненной смены поколений и продолжения традиций. Молодые ученые активно участвуют в международных образовательных программах, реализуя собственные проекты, проходят длительные стажировки в зарубежных научных центрах США, Великобритании, Германии, Польши, Венгрии и Чехии.

Воспроизводству научных кадров отдела способствуют непрерывающиеся связи с Новосибирским государственным университетом. Большинство сотрудников совмещают научную работу с преподавательской деятельностью. Ими подготовлены оригинальные курсы в области социологии организаций, материального благосостояния, социальной демографии, экономической и аграрной социологии, социологии семьи, бизнес-организаций, социологии труда, математических методов анализа социологической информации и др.

Продолжаются традиции раннего включения студентов в научно-исследовательскую деятельность и их участия в научных экспедициях. Функционирование института стажеров-исследователей, формируемых из выпускников НГУ, позволяет отделу периодически пополнять свои ряды молодыми наиболее талантливыми исследователями.

Ведущие сотрудники участвуют в реализации международных проектов, являясь консультантами-экспертами международных фондов, программ и организаций. В традициях коллектива — прием и консультирование зарубежных исследователей по проблемам отечественной науки и социальной практики, активное участие в международных социологических конгрессах, семинарах и конференциях.

В последние годы сотрудники отдела участвовали в реализации 17 совместных международных исследовательских проектов, а также в работе 37 международных симпозиумов, конференций и конгрессов. Так, в работе XIII Мирового социологического конгресса (Билефельд, Германия, 1994 г.) приняли участие шесть сотрудников отдела, а в работе XIV Мирового социологического конгресса (Монреаль, Канада, 1998 г.) — восемь. Подготовленный к конгрессу в Билефельде двухтомник докладов освещал широкий спектр социальных проблем, связанных с переходом к рынку: проблемы социальной адаптации, свободы выбора, материального расслоения населения, развития самоуправления, а также проблемы трудовых отношений и занятости в условиях

реформ, социальные аспекты “малой приватизации”, неформальный труд в аграрном секторе России, проблемы конверсии, процессы маргинализации на российском рынке труда [1]. На XIV конгрессе наши доклады были представлены на заседаниях исследовательских комитетов по социологии образования (RC-4), самоуправлению (RC-10), политической социологии (RC-18), социологии труда (RC-30), молодежи (RC-34), семьи (RC-6), социологии сельского хозяйства (RC-40), а также в комитете “Женщина в обществе” (RC-32) и на тематической группе по исследованиям бюджетов времени (TG-01). Доклады отражали новейшие результаты исследований современных процессов трансформации российского общества и особенностей социальной динамики в Сибири: изменения ориентаций, предпочтений, поведения людей в трудовой, общественной и семейной сферах жизни [2]. Включенные в программу конгресса доклады вызвали живой интерес аудитории и получили высокую оценку зарубежных коллег.

В 90-е годы наиболее интересные работы коллектива были отмечены грантами многих престижных отечественных и международных научных фондов, в частности института “Открытое общество”, фондов Сороса, Форда, Макартуров, Российской программы экономических исследований, Московского общественного научного фонда, TESIS, IRS, IREX, INTAS, а также Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, Министерства науки, Министерства экономики, Министерства образования Российской Федерации (федеральная целевая программа “Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 гг.”), Президиума СО РАН и др.

В 1995 г. в Академгородке совместно с институтом “Открытое общество” (Нью-Йорк), Новосибирским отделением Российско-американского фонда “Культурная инициатива”, администрацией и миграционной службой Новосибирской области отделом был организован и проведен международный семинар “Вынужденные переселенцы в Западной Сибири”.

Многие работы сотрудников отдела опубликованы за рубежом на английском и других европейских языках.

Все это свидетельствует о том, что высокий творческий потенциал ученых и выбранные модели адаптации помогли коллективу новосибирских социологов относительно благополучно пережить трудные времена и с оптимизмом смотреть в будущее.

Специфика научных исследований в 90-е годы

Радикальное изменение системы социально-экономических отношений обусловило многоплановость и специфику исследований коллектива в этот период. В 1991 г. сотрудниками отдела социальных проблем под руководством докт. экон. наук Ф.М. Бородинки были разработаны

предложения по научно-социологическому сопровождению программы перехода России к рыночной экономике. Эти предложения были представлены на I Съезде российских социологов в Москве в 1991 г. и были оценены научной общественностью как целостная программа действий социологов в переходный для общества период. В них была определена основная задача отдела на ближайшую перспективу, состоявшая в проведении социологического мониторинга хода экономических реформ в регионах Сибири.

Для решения этой задачи коллективом были разработаны и реализованы конкретные программы проведения мониторинга в ряде сфер экономики:

- промышленности, торговле, сфере обслуживания (руководитель В.И. Герчиков);
- аграрном секторе (З.И. Калугина);
- жилищно-коммунальном хозяйстве (О.Э. Бессонова).

Предметом мониторинга стали сдвиги, происходившие в системе управления, трудовых отношениях, трудовой мотивации, моделях поведения, системе экономических и социальных институтов.

Мониторинг экономических преобразований на региональном уровне позволил

— выявить реально протекающие в Сибири социально-экономические процессы;

— определить важнейшие векторы социальных и экономических изменений (динамику уровня жизни, вектор демографических изменений, изменения в экономической структуре аграрного производства);

— оценить эффективность реформирования;

— изучить новые феномены, связанные с трансформацией общества и экономики (такие как новые организационно-правовые формы хозяйствования, безработица, социальная эксклюзия и др.).

Результаты мониторинга обобщены в серии работ. Так, в сборнике кейсов “Собственность и трудовые отношения: Варианты трансформации”, изданном под редакцией В. Герчикова и М. Кошман (Новосибирск, 1996), анализируется активность основных социальных субъектов на предприятии: высшей администрации, руководителей среднего звена, традиционных и независимых профсоюзов, внутренних и внешних акционеров, влияние на трудовые отношения выбора формы собственности, реструктуризации управления, разделение коллектива на владельцев и наемных работников. В дальнейшем трансформация трудовых отношений и становление новых отношений собственности на сибирских предприятиях промышленности, торговли и бытового обслуживания в 1992—1995 гг. нашли отражение в монографии С.Ю. Барсуковой и В.И. Герчикова [3].

Подробно освещены в печати и аграрные преобразования и их социально-экономические последствия [4].

Результатам пятилетнего экономико-социологического мониторинга рыночного эксперимента в жилищно-коммунальной сфере, проведенного в Новосибирске, посвящена монография О.Э. Бессоновой, С.Г. Кирдиной и Р. О'Салливан "Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве" (Новосибирск, 1996). Методологической основой эксперимента послужила институциональная теория хозяйственного развития России. Главный вывод авторов заключается в том, что взаимодействие новых организационных форм с раздаточной институциональной средой приводит, с одной стороны, к метаморфозе частных форм хозяйствования, а с другой — к модификации государственной структуры управления [5].

Новые социально-экономические явления и трансформационные процессы стали предметом исследований, а в качестве объектов выступают наряду с традиционными вновь формируемые социальные группы: фермеры, женщины-предприниматели, субъекты приватизации и хозяйствования, "новые бедные" и "новые богатые" и др.

Изучение процесса *становления новых форм хозяйствования в АПК* (З.И. Калугина, И.Н. Мартынова) показало, что формальное изменение статуса хозяйствующих здесь субъектов не привело к радикальному изменению экономического мышления и формированию рыночных моделей экономического поведения. Продолжается отчуждение основных социальных групп от реформ, многие из работников по-прежнему ориентированы на коллективные формы сельскохозяйственного производства, на гарантированные, хотя и минимальные заработки, на государственную форму собственности. Другими словами, наблюдается явное противоречие между социальными ориентациями сельского населения и вектором реформ. Сельские руководители в большинстве своем оказались не готовыми к работе в условиях экономической свободы и социальных рисков.

При этом выявилось несоответствие, рассогласование в цепочке сознание — поведение — самоидентификация социальных групп в новом социальном пространстве. Нередко ярые противники (на когнитивном уровне) рыночных преобразований в реальной жизни оказываются активными субъектами этих преобразований, хотя к такому себя не относят. Напротив, сторонники реформ (по их самооценкам), одобряя рыночные преобразования на уровне общества в целом, не принимают их лично для себя и остаются пассивными наблюдателями инновационных процессов.

Дихотомический анализ типологии сельских жителей по их отношению к рыночным преобразованиям (автор программы канд. техн. наук П.С. Ростовцев) позволил сделать вывод о неустойчивости групп рыночников и антирыночников и о высокой степени вероятности перехода представителей одной группы в другую. Этот факт свиде-

тельствует о том, что изменения в сознании населения носят скорее ситуативный, нежели глубинный характер.

Парадоксальный эффект проводимых реформ заключается в том, что они не только не содействуют формированию рыночного сознания и экономического поведения работников, но и практически разрушают трудовую мотивацию.

Вместе с тем инициативное хозяйственное поведение сельских жителей в сфере личного подсобного хозяйства свидетельствует о высоком адаптивном потенциале населения. Кроме того, уже сейчас на селе формируется когорта людей, готовых (пусть пока на вербальном уровне) к работе в условиях экономической свободы, к экономическому риску, высокой степени ответственности за результаты хозяйственной деятельности, к работе на частных предприятиях, ведению самостоятельного фермерского хозяйства. Отдельные сельскохозяйственные предприятия (по оценкам специалистов, их доля не превышает 5—7 %) демонстрируют рыночные модели экономического поведения и успешно функционируют в условиях тяжелого экономического кризиса.

В рамках изучения *трансформации трудовых отношений в процессе приватизации промышленных предприятий* (руководитель В.И. Герчиков) исследовались проблемы производственной демократии и управления персоналом в организациях различных типов, апробирована и развита исследовательская методология “case study”. Исследование социальных аспектов приватизации на крупных и малых предприятиях позволило сделать выводы об усилении структурно-функциональных оснований для возникновения конфликтов, о разрушении связи между трудом и заработной платой, об усилении зависимости рядовых работников от заводской администрации, выяснить причины замедленного становления многоуровневой системы партнерских отношений.

Рыночные реформы актуализировали исследования *экономической стратификации населения* (В.С. Тапилина, Т.Ю. Богомолова). Одним из направлений анализа в этой области стало изучение формирования “денежной” элиты. Впервые изучен социальный состав этой части населения на основе использования нетрадиционных источников информации (документов таких организаций, как государственная автоинспекция, управление внутренних дел, налоговая инспекция и др.). Исследования показали, что, с одной стороны, некоторые прежние механизмы приращения богатства не утратили своего значения и сейчас (лидерами в материальном преуспевании по-прежнему остаются властные группы, первые лица предприятий и организаций). Но с другой стороны, новый экономический курс открыл легитимные пути к высокой материальной обеспеченности некоторым группам населения, имевшим скромные шансы на материальное процветание. Некоторым из них пришлось отказаться от прежних занятий и профессий (инженеры, учителя, научные работники, рабочие) и освоить рыночные профессии и занятия (коммерсанты, бизнесмены,

финансисты и т.п.). Изучение реально складывающейся картины экономической стратификации и механизмов ее декомпозиции выявило тесную связь ее объективной и субъективной составляющих.

В настоящее время идет работа над проектом, целью которого является изучение характеристик и механизмов мобильности населения России в середине 90-х годов по шкале доходов, а также финансового поведения домохозяйств, связанного с оперированием денежными средствами, остающимися за рамками текущего потребления (сбережение, кредитование, страхование). Информационной базой этого проекта служат материалы российского мониторинга экономического положения и здоровья населения.

Осознанной стратегией коллектива стало и сохранение традиционных направлений исследований. Продолжены не имеющие аналогов в отечественной социологии лонгитюдные исследования условий жизни и *бюджетов времени городского и сельского населения* (руководитель В.А. Артемов). Накоплена и сохранена уникальная социологическая информация, позволившая сделать ряд важных выводов о долговременных тенденциях в использовании времени как в предреформенный период, так и в период реформирования общества. Главные из них — усиление приватизации и натурализации повседневной деятельности, сокращение так называемого общественного труда в условиях резкого снижения уровня жизни.

Продолжалось изучение и *демографических проблем* Сибири, а также вопросов этнической демографии (руководитель С.В. Соболева). Разработаны методика и инструментарий этнодемографического исследования проблем устойчивости малочисленных национальных групп Сибири, методика определения совокупности социальных факторов, воздействующих на здоровье детей и предопределяющих уровень и структуру их заболеваемости. В середине 90-х годов отдел выступил инициатором и координатором разработки областной миграционной программы, а в настоящее время готовится программа регулирования межрегиональной миграции в рамках Сибирского соглашения (руководитель Ф.М. Бородкин, С.В. Соболева). Развиваются демографический и социально-экономический подходы к изучению семьи.

В современных исследованиях *социально-территориальной структуры* (руководитель Е.Е. Горяченко) акцент делается на изучении внутреннего строения территориальных общностей, механизмов их функционирования и развития. Анализ показал, что в условиях радикальных преобразований общества на фоне усиления социально-территориальных различий усложняется структура территориальной общности, появляются новые субъекты территориальных отношений, изменяются роли ранее существовавших субъектов. Осложнившиеся пространственные взаимодействия и вынужденная территориальная стабилизация жителей изменяют соотношение основных видов территориально-ориентированных интересов и поведения населения: сокра-

щаются миграционные ориентации, усиливается связь со своим местом жительства и ориентация на изменение локальных условий жизни собственными силами.

Реализации новых и продвижению традиционных направлений исследований в значительной мере способствовало дальнейшее развитие *математических методов анализа социологической информации* (руководитель П.С. Ростовцев). Основным направлением работы на современном этапе является автоматизация анализа данных. Предложена оригинальная процедура, позволяющая работать с таблицами сопряженности не только обычных альтернативных, но и неальтернативных признаков, а также со статистиками, характеризующими отклонения частот и средних. Разработано программное обеспечение для построения типологий, черно-белого (дихотомического) анализа.

Таким образом, в 90-е годы в исследованиях новосибирского социологического коллектива нашли отражение наиболее острые социальные проблемы переходного периода. Результаты, полученные в ходе эмпирических исследований, не только послужили базой для проверки выдвигаемых научных гипотез, но и дали дополнительный импульс для формирования новых теоретико-методологических направлений, позволяющих углубить научные представления о современных трансформационных процессах в российском обществе.

Разработана новая *институциональная теория хозяйственного развития России* (О.Э. Бессонова). Согласно этой теории, российская экономическая система исторически относится не к рыночному, а к раздаточному типу, имеющему свои собственные законы развития и специфический механизм обратной связи в виде института административных жалоб [6]. Институциональные циклы развития раздаточной экономики включают основные и переходные периоды. Для основных периодов характерны сбалансированное функционирование институтов раздаточной экономики с преимущественно сдаточно-раздаточными отношениями, а для переходных — распространение института частной собственности с преимущественно товарно-денежными отношениями. Закономерности циклического развития институтов в исторической ретроспективе объясняют квазирыночный характер современных преобразований, который проявляется в метаморфозе чисто рыночных форм и модернизации институтов раздаточной экономики. Например, приватизация жилья предполагала смену государственного собственника на частного, однако в реальной жизни сохранена муниципальная собственность на жилье, но со значительным расширением прав индивидуальных квартиросъемщиков.

В рамках *социолого-экономической концепции трансформации свободы* (М.А. Шабанова) обоснованы необходимость и правомочность выделения социологии свободы как самостоятельной области социологического знания, определены ее предмет, соотношение с другими науками, изучающими свободу (философией, экономической тео-

рией, психологией, правом), разработаны понятийный аппарат и структура. В рамках этого направления разработаны и верифицированы четыре частные социологические концепции: о положительной и отрицательной взаимосвязи свободы с независимостью и самостоятельностью, о закономерностях трансформации системы ограничителей свободы в меняющемся обществе, о динамике социальной стратификации и стратификации в контексте свободы, о закономерностях социальной адаптации к новым условиям в контексте свободы. На этой основе создана целостная социолого-экономическая концепция трансформации свободы на разных уровнях социальной реальности — социетальном, групповом, индивидуальном, которые рассматриваются во взаимосвязи друг с другом [7].

Обоснована необходимость институционализации новой научной дисциплины — *социологии адаптаций* (Л.В. Корель), показано ее место в системе социальных наук об адаптациях, очерчена предметная область, обрисована многоуровневая иерархическая структура. Сформирован понятийный каркас на базе как уже используемых в социологии, так и заимствованных из естественных наук и адаптированных к социологии терминов. Выдвинут и обоснован тезис о необходимости дифференцированного построения концепций адаптации для эволюционных и бифуркационных сред [8].

**

*

Подводя итоги деятельности коллектива на современном этапе, отметим преемственность и развитие методологии Новосибирской социологической школы применительно к исследованию современного российского общества. Главная отличительная особенность этого периода, думается, состоит в том, что при сохранении экономико-социологической методологии акцент был перенесен на изучение социальных институтов и их роли в трансформационных процессах. Институциональный блок был неотъемлемым элементом в методологии социального механизма и ранее. Однако при изучении относительно стабильного советского общества он не находился в центре внимания исследователей.

В настоящее время в условиях радикальных общественных перемен, в основном инициированных сверху, влияние социальных институтов на ход общественного развития неизмеримо возрастает. Соответственно институциональный подход становится центральным направлением исследований НЭСШ и находит свое применение в изучении как макро-, так и микропроцессов. Благодаря реализации институциональной методологии получены качественно новые результаты в исследованиях трансформационных процессов в разных сферах экономики и общества вплоть до разработки целостной институ-

циональной теории хозяйственного развития России. Институциональный подход пронизывает практически все направления исследований коллектива в этот период. В одних исследованиях институты и институциональные изменения выступают в качестве самостоятельного объекта исследования (трансформация института собственности, власти, семьи и др.), в других — в качестве фактора, влияющего на ход социальных процессов (адаптации, стратификации, изменения трудовых отношений). Специально исследуются природа и генезис самих институтов в исторической ретроспективе (например, институты раздаточной экономики России), а также механизмы интeриоризации новых правил и норм, их реализации в социальных взаимодействиях и поведении разных социальных групп (трансформация свободы на индивидуальном и социальном уровнях, модели адаптивного и неадаптивного поведения групп и др.).

Институциональная методология позволила органично увязать макро- и микроуровни исследований, потребовала расширения временных границ анализа и способствовала появлению новых перспектив научного поиска.

В дальнейшем результаты исследований современных социальных процессов могут стать основой для выработки новой научной парадигмы и целостной социолого-экономической концепции переходного общества, позволяющей глубже осмыслить социальную траекторию России. Решение этой задачи потребует обновления стратегии научной деятельности коллектива и новых форм ее организации.

Подготовительная работа в этом направлении осуществляется в рамках методологического семинара, возрожденного в 1997 г. (руководитель О.Э. Бессонова). Первый годовой цикл этого семинара был посвящен ревизии сотрудниками отдела собственных исследований. На втором годовом цикле обсуждались доклады видных ученых Новосибирска и Москвы, которые в рамках разных наук — экономики, социологии, психологии, философии, истории — выработали свой собственный оригинальный взгляд на современные трансформационные процессы в России (докт. экон. наук В.В. Радаев, докт. ист. наук Д.Я. Резун, докт. социол. наук Е.В. Руденский, докт. экон. наук Р.В. Рывкина, докт. филос. наук В.П. Фофанов и др.).

Широкая панорама исследовательских подходов, представленных на методологическом семинаре отдела, позволила коллективу еще раз осознать свое собственное место в системе научного знания современного российского общества, опирающегося как на современные теоретические разработки, так и на методологию, разработанную в коллективе новосибирских социологов ранее. В то же время мы убедились в необходимости интеграции усилий отдельных исследователей, накопивших большой теоретический и эмпирический материал по отдельным сторонам общественной и хозяйственной жизни.

Своеобразным экзаменом на консолидацию послужила работа над данной книгой, в которой предпринята попытка осознания себя как школы с ее традициями, особенностями и собственным взглядом на происходящие процессы в реформируемой России. Ее авторами стали все те, кто идентифицирует себя с Новосибирской социологической школой, кто продолжает работать в этом коллективе или активно сотрудничает с ним.

В традициях школы — проверка теоретических положений и гипотез на эмпирических объектах. Формой такой проверки являются специализированные обследования городского населения и традиционные социологические экспедиции в сельские регионы Сибири. Эта традиция была сохранена коллективом и в трудные 90-е годы благодаря финансовой поддержке института, Президиума СО РАН, отечественных и зарубежных научных фондов.

Эмпирическое знание объекта, серьезные теоретические разработки, психологическая готовность и способность коллектива к консолидации — все это объективные предпосылки для успешного решения задачи осмысления России как целостного социально-экономического объекта. Ее решение — в руках молодого поколения социологов, которые пришли на смену тем, кто стоял у истоков, подхватили “маршалский жезл” ее основателей, впитали традиции школы и внесли свой вклад в осмысление исторических судеб России.

*Новосибирский
ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ
КАК НАУЧНАЯ ШКОЛА*

ГЛАВА 7

Вся история становления и развития новосибирского социологического коллектива позволяет утверждать, что здесь сложилась самостоятельная научная школа, которую можно охарактеризовать как экономико-социологическую. Попытаемся обосновать это утверждение, опираясь на основные критерии, предъявляемые к понятию “научная школа”, и выделив, на наш взгляд, самые важные ее черты как самобытного явления российской социологии советского и постсоветского периодов.

Основные критерии научной школы

К числу основных критериев, на основании которых можно судить, является ли тот или иной коллектив научной школой, на наш взгляд, необходимо отнести наличие: (1) одного или нескольких лидеров-первопроходцев в соответствующей области знания, (2) ори-

гинальной научной парадигмы и методологии исследования, (3) механизмов воспроизводства, обеспечивающих преемственность научной традиции, (4) внешнего признания и высокой оценки деятельности представителей научного коллектива.

Обозначенные критерии не следует понимать однозначно. Как показывает опыт разных научных школ, они могут проявляться весьма многообразно. Так, одни школы (Дюркгеймовская социологическая школа, школа Ле Пле, психологическая школа А.Н. Леонтьева и т.д.) отличаются наличием лишь одного яркого научного лидера, олицетворяющего школу и придающего ей собственное имя. Для других, напротив, характерно сотрудничество нескольких сильных лидеров, прокладывающих новые пути в одной или ряде научных областей (как, например, в Чикагской школе социологии). Иными словами, число лидеров не имеет особого значения — важно, чтобы они были не просто организаторами, а новаторами, разрабатывающими оригинальные теории и создающими новые научные направления.

Соответственно одни школы строятся исключительно вокруг единой научной парадигмы, теории или специфической методологии, разрабатываемой лидером школы, другие — отличаются широтой теоретических ориентаций, сосуществованием разных теоретических подходов, среди которых нет явно доминирующих. Они консолидируются на иных основах: общей проблемной ориентации, едином объекте или специфической методологии исследования. Например, в той же Чикагской школе социально-экологическое направление играло хотя и центральную, но не доминирующую роль. Разные теоретические направления этой школы объединяла ориентация на локальные исследования города и решение конкретных практических проблем его функционирования.

Феномен школы с необходимостью предполагает наличие учеников и последователей, которые обеспечивают преемственность и развитие сложившейся в рамках школы научной традиции. Эта преемственность осуществляется по разным каналам: через регулярное пополнение молодыми учеными, подготавливаемыми старшими представителями данной школы, сотрудничество разных поколений ученых, коллективный характер исследовательской работы, постоянный (формальный и неформальный) квалификационный рост ученых, работающих в парадигме данной школы.

Окончательно институционализирует научное сообщество как научную школу внешнее признание результатов ее деятельности. Речь идет не только о том, что результаты исследований отдельных (пусть и многих) представителей научного коллектива получают высокую оценку научной общественности (публикуются в ведущих зарубежных и отечественных журналах, активно цитируются, рецензируются, используются представителями других научных коллективов в качестве теоретических, методологических или методических основ

их собственных исследований и пр.), а о том, что научная общественность воспринимает научные исследования во всем многообразии получаемых результатов как единое оригинальное целое, так что тот или иной научный коллектив воспринимается внешней средой как научная школа.

С учетом сказанного выше под научной школой будем понимать сообщество или научный коллектив, который консолидируется на основе оригинальной научной парадигмы, методологии, проблемных или теоретических ориентаций вокруг одного или нескольких лидеров-новаторов; сообщество, имеющее устойчивые механизмы воспроизводства, обеспечивающие преемственность научной традиции и получившее общественное признание.

Характеристика новосибирского экономико-социологического коллектива как школы

Исходя из выделенных критериев попытаемся показать, что Новосибирская экономико-социологическая школа (НЭСШ) представляет собой одно из наиболее влиятельных течений в российской общественной науке 60—90-х годов и что она оказала существенное воздействие на развитие социологии в советский период и особенно на институционализацию экономической социологии как самостоятельной научной дисциплины.

Лидером НЭСШ на всем протяжении ее становления и развития являлась Т.И. Заславская. Именно она разрабатывала оригинальные концепции и теории, каждая из которых открывала новый этап в поступательном развитии школы. И именно на базе возглавляемого Т.И. Заславской отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО АН, а также руководимого ею (с 1984 г.) журнала “Известия СО АН: Серия экономики и прикладной социологии” организационно оформилась НЭСШ. Другим крупным теоретиком и создателем НЭСШ была докт. экон. наук Р.В. Рывкина. Вместе они сыграли решающую роль в социологизации преимущественно экономического коллектива, его движении от социальной экономики к экономической социологии. На подготовительном этапе большой вклад в становление НЭСШ внесли такие известные ученые, работавшие в ИЭиОПП и НГУ в 60-х годах, как акад. А.Г. Аганбегян, член-корр. АН СССР Г.А. Пруденский, докт. экон. наук В.Д. Патрушев, докт. экон. наук В.Э. Шляпентох, докт. филос. наук В.Н. Шубкин, докт. экон. наук Е.Г. Антосенков и др.

Экономико-социологическая ориентация, определяющая сегодняшнее лицо НЭСШ, сложилась не сразу. В ее оформлении можно выделить два крупных этапа, которые с позиции сегодняшнего дня условно будем называть допарадигмальным и парадигмальным.

На допарадигмальном этапе научный профиль школы можно охарактеризовать как социальную экономику. На этом этапе акцент делался на исследовании социальных факторов и социальных последствий конкретных экономических явлений и процессов. Но уже тогда преимущество отдавалось социологическим методам сбора информации, которые дополнялись статистическими данными. Коллектив объединялся на довольно широкой основе: объекты исследования — экономические процессы и явления — рассматривались преимущественно под социальным и гораздо реже под социологическим углом зрения. Именно это сильнее всего отличало тогда новосибирский коллектив как от сугубо экономических научных сообществ, так и от других социологических коллективов (школ), формировавшихся на иных теоретико-методологических основах (философской, социально-психологической, социокультурной и др.).

Реализуемая на этом этапе социально-экономическая парадигма способствовала появлению ряда оригинальных теоретико-методологических концепций и оформлению коллектива как самостоятельной научной школы российской социологии. К числу наиболее важных научных прорывов, на наш взгляд, с полным основанием можно отнести: концепцию миграции сельского населения в города; концепцию города и села как относительно самостоятельных и взаимодополняющих подсистем общества, имеющих долгую перспективу сосуществования; системный подход к изучению сельского сектора как специфической подсистемы общества; концепцию социально-территориальной структуры общества и его элементов.

Сегодня концептуальное значение этого этапа видится в том, что он подготовил следующий, крупный научный прорыв, показав ограниченность социально-экономической перспективы и необходимость разработки принципиально новой экономико-социологической парадигмы.

На следующем — парадигмальном — этапе теоретикам НЭСШ удалось заложить основы отсутствовавшего в СССР важного научного направления — экономической социологии. Стремясь выявить реальные закономерности развития и функционирования советской экономической системы, они обнаружили, что традиционная (официально допускаемая — политэкономическая) парадигма не позволяет этого сделать. В результате была разработана и предложена концепция социального механизма развития социалистической экономики (СМРЭ). Категория СМРЭ стала центральной в авторской интерпретации экономической социологии. С этого момента ученики и последователи Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной начинают работу над реализацией конкретных проекций СМРЭ на примере аграрного сектора общества и отдельных сфер городского хозяйства. Влияние экономико-социологического направления исследований на работу отдела на этом этапе постоянно усиливалось, захватывая и другие направ-

ления. Развиваясь, в принципе, за пределами методологии СМРЭ, они тем не менее по своему содержанию становились все более экономико-социологическими.

Таким образом, по мере становления школы усиливалась тенденция к переходу от преимущественно социально-экономической ориентации к социолого-экономической. В результате сформировалась новая парадигма, центром которой стала концепция СМРЭ. Вокруг нее объединялось около трети всех сотрудников отдела. В основном это были ученики Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной, но не только они. Поскольку эта концепция разрабатывалась и реализовывалась на примере аграрного сектора общества, то последователями и соратниками основных авторов концепции с самого начала стали докт. социол. наук З.И. Калугина (аграрная социология) и докт. экон. наук В.Д. Смирнов (разработка и внедрение новых форм хозяйствования на селе).

Наряду с этим магистральным направлением в рамках НЭСШ развивались и другие направления, лидеры которых также составили своего рода ядро школы: исследования времени населения (докт. филос. наук В.А. Артемов), движение кадров в промышленности и строительстве (докт. экон. наук Е.Г. Антосенков и канд. экон. наук З.В. Куприянова), индустриальная социология (докт. социол. наук В.И. Герчиков), трудовые ресурсы, отношение к труду, уровень жизни (канд. экон. наук В.А. Калмык), уровень и качество жизни (канд. экон. наук Л.А. Хахулина, В.С. Тапилина), моделирование социально-демографических процессов (доктора экон. наук Ф.М. Бородкин, С.В. Соболева), математические методы обработки и анализа социологических данных (кандидаты физ.-мат. наук Б.Г. Миркин, В.А. Трофимов, П.С. Ростовцев).

Однако несмотря на сложившуюся многоядерность школы, она представляла собой, на наш взгляд, глубоко интегрированное научное сообщество. Становление НЭСШ прошло путь от первоначально разрозненных научных коллективов, соединенных в рамках отдела чисто формально, до высококонсолидированного коллектива, сплотившегося на базе общей теоретической ориентации вокруг руководителя отдела как своего формального и неформального лидера. Научное влияние Т.И. Заславской в отделе было необычайно велико и, конечно, выходило за рамки сектора, которым она непосредственно руководила. Во всяком случае, во внешней среде весь отдел, как правило, ассоциировался с ее школой.

Консолидация коллектива осуществлялась по нескольким каналам. Главный из них — научно-методологический: формирование общей теоретической платформы исследования, единой системы используемых понятий, общего языка. Традицией было коллективное обсуждение замыслов и результатов частных исследований на общедельских методологических семинарах и научных советах, “мозговые атаки”, взаимное консультирование, рецензирование, взаимо-

помощь, дискуссии. Интенсивные научные контакты вносили элемент методологического общего в каждое теоретическое направление и постепенно все в большей и большей мере способствовали слиянию исследований в единое русло.

Интеграции способствовало и то обстоятельство, что в центре внимания было многостороннее изучение крупных социальных объектов (будь то села, города, регионы, предприятия и пр.), одновременно исследуемых представителями разных “ядер” в ходе регулярных экспедиций коллектива по Сибири и Дальнему Востоку. Кроме того, постепенно расширялся и предмет исследования: от изучения отдельных актуальных процессов (например, миграции населения) коллектив перешел к комплексному исследованию социально-экономической жизни отдельных территориальных единиц. Это создавало устойчивую потребность во взаимодействии между разными элементами организационной структуры отдела (регион и система расселения, города и промышленность, село и АПК и др.), а также между его предметными ядрами (демография, труд, досуг, доходы, потребление, образ жизни, культура, социальная структура и социальные процессы).

Формированию единой методологии школы способствовала и внутриотдельская восходящая мобильность ее представителей: бывшие ученики лидеров школы становились руководителями отдельных ядер, которые, в свою очередь, превращались из автономных, изолированных структур в самостоятельные проекции единого целого, своеобразные ветви одного дерева.

И наконец, немаловажную роль в интеграции коллектива сыграли его социально-психологическая консолидация на базе общего отношения к науке как важной жизненной ценности, демократический стиль отношений в рамках научной иерархии, сочетание взаимной поддержки с научной требовательностью, морально-ценностный климат.

Отличительной чертой развития НЭСШ являлась надежная институциональная база, постоянное воспроизводство коллектива за счет лучших выпускников социологической специализации экономического факультета НГУ и аспирантуры при институте по специальности “Прикладная социология”. Основными учителями, притягивавшими молодежь и уделявшими много времени и сил ее квалификационному росту, были Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. Так что к концу 80-х годов школа состояла по крайней мере из двух поколений учеников, уже имевших собственное имя в науке.

Первое поколение учеников Т.И. Заславской сформировалось в рамках двух разработанных ею концепций — миграционной и механизменной. Это канд. экон. наук Л.В. Корель (миграция населения), канд. экон. наук Л.А. Хахулина (трудовая мобильность), докт. экон. наук С.В. Соболева (социальная демография), канд. экон. наук Е.Е. Горяченко, канд. экон. наук В.И. Федосеев, докт. социол. наук А.Я. Троцкий (социально-территориальная структура села, территориаль-

ная проекция СМРЭ), канд. экон. наук А.Н. Шапошников (социальный механизм распределительных отношений). Второе поколение учеников развивалось преимущественно в рамках экономической социологии вообще и методологии СМРЭ в частности. Его представители — канд. экон. наук С.Г. Крапчан (социально-региональная структура), канд. экон. наук М.А. Шабанова (территориальное поведение в рамках СМРЭ, включая “шабашничество”), канд. социол. наук О.Э. Бессонова (социально-экономический механизм жилищных отношений). Более того, ученики первого поколения со временем сами становились научными руководителями проходящих в отдел молодых исследователей, многие из которых выросли в опытных преподавателей. Так, канд. социол. наук Т.Ю. Богомолова с 1998 г. возглавляет кафедру общей социологии экономического факультета НГУ.

Оригинальные результаты в исследованиях социально-управленческого механизма развития экономики (на примере аграрного сектора) получили ученики Р.В. Рывкиной, работавшие под ее руководством: канд. экон. наук Л.Я. Косалс (социальный механизм инновационных процессов), канд. экон. наук Е.В. Косалс (концепция социально-экономического механизма регуляции трудового поведения), канд. экон. наук С.Ю. Павленко (механизм регулирования управленческих взаимодействий), канд. социол. наук О.В. Шарнина (ролевая дезорганизация производственной деятельности руководителей и специалистов), канд. социол. наук Л. Потехина (роль специалистов сельского хозяйства в управлении производством), канд. физ.-мат. наук М.Л. Суховский (кадровый механизм и социальные качества руководителей и специалистов) и др.

Число молодых исследователей, желающих работать в отделе, всегда было больше имеющихся вакансий. Поэтому некоторые из учеников Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной пополнили другие научные коллективы, привнося в них традиции НЭСШ. Сама же НЭСШ к концу 80-х годов имела многопоколенную возрастную структуру и регулярно пополнялась молодыми учеными, подготавливаемыми в рамках самой школы. Это не только позволяло сохранять преемственность научной традиции, но и стимулировало дальнейший научный поиск.

Внешнее признание новосибирского социологического коллектива как самостоятельной научной школы пришло еще в период разработки первых теоретико-методологических концепций. Так, высоко оценив разработанную в Новосибирске социологическую концепцию миграции населения, научное сообщество квалифицировало новосибирский коллектив как особую научную школу со всеми ее характерными чертами: системным подходом, широкомасштабностью исследований, фундаментальностью и универсальностью выводов, сочетанием статистических и социологических методов, добротностью разработки теоретических и методических вопросов, широким использованием математического моделирования

“С конца 60-х годов началось формирование нескольких научных центров по изучению миграции населения, имеющих собственное лицо и достаточно определенную проблемную специализацию. В первую очередь необходимо отметить коллектив социологов, сложившийся под руководством Т.И. Заславской, благодаря чему принципиально изменился подход к изучению миграции... В основе всех работ лежал системный подход;... параллельно шла активная разработка теоретико-методологических и методических вопросов социологической науки... Начиная с исследования школы Т.И. Заславской, миграция стала изучаться не только статистическими, но и социологическими методами — с позиции миграционного поведения... Добротность разработки теоретических и методических вопросов изучения миграционного поведения в сочетании с широким использованием математического моделирования позволили коллективу авторов добиться важных результатов не только в понимании движущих сил сельско-городской миграции, но и по широкому кругу смежных проблем” (Л.Л. Рыбаковский) [1].

Последующие концепции также получили высокую оценку научной общественности и связывались с достижениями новосибирского коллектива как школы.

“Новосибирская школа Т.И. Заславской получила интересные результаты в области системного анализа сельских регионов” (Г.С. Батыгин) [2].

Высокую оценку получили и стратификационные исследования НЭСШ. Так, авторы монографии “Социальная стратификация” относят труды новосибирской школы в этой области к числу наиболее фундаментальных подходов [3]. Более того, методология СМРЭ, по признанию ведущих социологов, в конце 80-х — начале 90-х годов способствовала формированию новой парадигмы в исследованиях социальной структуры и стратификации российского общества.

«Разрабатывавшаяся с начала 80-х гг. новосибирскими социологами под руководством Т.И. Заславской экономическая социология диктовала изучение всего комплекса социальных регуляторов экономики, ее социального механизма. Речь шла о дифференциации “взаимодействия субъектов власти, взаимодействия в иерархии управления”, позиции разных социальных групп в перестройке...» (З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян) [4].

Импульс, данный НЭСШ развитию экономической социологии в России, способствовал количественному и качественному росту экономико-социологических исследований в 90-е годы. Новосибирская социологическая школа признается родиной отечественной экономической социологии [5]. В новом учебнике по экономической социологии (1997 г.) утверждается:

«...первая серьезная попытка категоризации экономической социологии как таковой была предпринята в работах новосибирской школы. Она суммирована в книге Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной “Социология экономической жизни”, вышедшей в 1991 г.» (В.В. Радаев) [6].

Методологической основой построений автора этой книги, наряду с рядом научных направлений американской и западно-евро-

пейской социологической мысли, выступает и российская экономическая социология в понимании Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной.

Научная общественность отмечает и структурные особенности школы, в частности ее многоядерность.

“В новосибирской школе доминировали аграрная социология (Т.И. Заславская), социальное планирование (В.И. Герчиков), социология управления (Р.В. Рывкина), социальный конфликт (Ф.М. Бородин)” (А.И. Кравченко) [7].

В последнее время появляются специальные работы обобщающего характера по исследованию Новосибирской экономико-социологической школы как целостного феномена, выполненные на средства зарубежных грантов [8]. Эта тема привлекает студенческую молодежь и становится предметом дипломных проектов.

В целом можно сказать, что каждый научный прорыв Новосибирской экономико-социологической школы получал высокую оценку российского научного сообщества, причем само возникновение и функционирование этой школы признано важной вехой в развитии российской социологической мысли.

Новосибирская экономико-социологическая школа как самобытный феномен российской науки

До сих пор мы анализировали соответствие новосибирского экономико-социологического коллектива базовым критериям научной школы. Однако каждую школу отличает не только теоретическая направленность, но и особый дух, своя атмосфера, свой методологический почерк. Не входя в число четырех выделенных критериев, в действительности они играют существенную роль в формировании неповторимого лица любой научной школы. На наш взгляд, НЭСШ — яркий тому пример.

Отличительные особенности Новосибирской экономико-социологической школы, с нашей точки зрения, тесно связаны с личностью ее лидера, с характером взаимоотношений между учителями и учениками, между представителями ученых разных поколений, а также с научной культурой и методами исследовательской работы.

Т.И. Заславская в наших глазах была человеком, для которого наука — главная жизненная ценность. Именно этим она притягивала многих своих учеников и именно на этой основе формировался круг исследователей, вместе с которыми она работала. Имманентными чертами исследовательской атмосферы школы были высокая требовательность на фоне общей доброжелательности, открытый характер критики, ее конструктивность, поддержка самостоятельного научного поиска, приоритетное внимание к молодежи. Со временем все это стало традицией новосибирского научного коллектива.

Отношения научного лидера с учениками строились по принципу “обучение-беседа”, а не “обучение-лекция”. Т.И. Заславская старалась

поддержать самостоятельный творческий поиск и лишь в случае крайней необходимости корректировала его. Причем делалось это не через готовые рецепты-указания, как и что нужно сделать, а через проблемные вопросы-размышления. Так что в любом случае всегда имелась возможность проявиться и сохраниться индивидуальности, а процесс обучения молодых исследователей предстал как сотворчество с большим Мастером. Иными словами, Т.И. Заславская, как нам кажется, стремилась воспитать не столько учеников, копирующих ее теоретико-методологические ориентации, сколько самостоятельных исследователей, которые в будущем смогут сами прокладывать новые пути в науке.

Другим крупным педагогом Новосибирской экономико-социологической школы была Р.В. Рывкина. В ее модели обучения молодых исследователей и студентов преобладала работа мобильными творческими группами, в которых тесно сотрудничали как дипломники, так и уже сформировавшиеся ученые. Пионерные темы, постоянные “мозговые атаки”, проверка идей на прочность на стадии их выдвижения, взаимопомощь исследователей разных поколений, партнерские отношения со студентами — вот те характерные черты, которые, на наш взгляд, в первую очередь отличали модель “Учитель — ученик”, реализуемую Р.В. Рывкиной.

Справедливости ради заметим, что поскольку Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина всегда работали в одном секторе, то приходящие в сектор молодые исследователи получали возможность для творческих контактов с ними обеими. Так что многие представители НЭСШ сегодня осознают существенное творческое влияние на их судьбы обоих Учителей школы.

Приобщение молодежи к науке в рамках НЭСШ начиналось со студенческой скамьи. На стажировку в отдел студенты университета приходили после третьего курса и работали над дипломным проектом два полных года. Каждый выбирал себе научного руководителя из числа сотрудников отдела в соответствии с интересующей его темой, но одновременно всеми ими (а было их, как правило, 8—10 человек) занимались главные теоретики и методологи отдела Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. Сначала Р.В. Рывкина читала два вводных курса: один по общей социологии, другой по методологии конкретного социологического исследования. Затем она передавала студентов Т.И. Заславской, которая вела спецсеминар по методологии научного исследования на примере дипломных проектов. На занятиях студенты шаг за шагом овладевали методологией научного исследования: от постановки целей к разработке теоретической схемы внешних и внутренних связей предмета и далее — к выдвижению системы частных задач и гипотез, разработке системы индикаторов, ее операционализации и т.д.

На занятиях спецсеминара студенты обосновывали каждый элемент методической программы своих дипломных исследований. При этом они учились не только излагать свои идеи, но и отстаивать их,

отвечая на вопросы сокурсников и руководителя семинара, а также реагируя на замечания двух оппонентов, назначавшихся из числа студентов. После таких устных неформальных обсуждений и последующей доработки материалы сдавались руководителю в письменном виде. Причем по каждому элементу методической программы студент получал письменные замечания и советы лидера школы: Готовая методическая программа исследования обычно становилась первой главой дипломного проекта, так что, по существу, каждый студент имел уникальную возможность работать над ней под руководством главных теоретиков отдела, являвшихся лидерами российской социологии.

Следующей ступенью в приобщении молодежи к научным традициям НЭСШ была аспирантура, в которую приходили выпускники Новосибирского государственного университета, уже прошедшие двухгодичную подготовку по социологической специализации в отделе и проявившие способности к научной деятельности. Работа с аспирантами строилась индивидуально и неформально, каждый получал самостоятельности ровно столько, “сколько мог унести”. Во взаимодействии с учениками преобладали личные беседы, творческий диалог единомышленников, ориентация на открытие нового знания о российской реальности. Формальный подход к работе над диссертацией (диссертация ради диссертации) всегда был чужд Новосибирской экономико-социологической школе. Правда, из-за этого защиты диссертаций нередко отодвигались на второй план самими исследователями. Зато сразу после защиты кандидатских диссертаций, по существу, все работы публиковались издательством “Наука” в виде индивидуальных монографий, а их авторы уже имели собственное имя в науке. И это также стало специфической чертой НЭСШ.

Очень важной научной традицией школы была обязательная предварительная разработка методических программ и инструментария исследования. Использование анкет и других инструментов, не обоснованных соответствующей методической программой и не прошедших научного обсуждения, запрещалось. Само же обсуждение происходило неформально, причем часто не один раз, поскольку требования были высоки, равно как и стремление им соответствовать.

Самобытность НЭСШ придавала также значительно большая, чем в других центрах, свобода исследования и научных дискуссий. Во многом это было связано как с территориальной отдаленностью Новосибирского Академгородка от Москвы, так и с высоким научным статусом руководителя отдела: уже в 1968 г. Т.И. Заславская была избрана членом-корреспондентом, а в 1981 г. — действительным членом АН СССР. Самые новые и острые научные темы обсуждались на постоянно действовавшем методологическом семинаре, которым руководила Р.В. Рывкина. На нем обсуждались новые идеи как представителей НЭСШ, так и ярких зарубежных ученых, приезжавших в Академгородок. Активно дискутировались и доходившие сюда по раз-

ным каналам (формальным и неформальным) работы западных социологов. В результате территориальная обособленность не сопровождалась обособленностью научной. Напротив, всегда имелась возможность соотнести текущие исследования отдела с передовыми рубежами научной мысли, получать интеллектуальный заряд для дальнейших научных поисков, расширять исследовательские горизонты.

Отличительной особенностью НЭСШ на всех этапах была погруженность в реальную жизнь социально-экономических объектов, тесные контакты с местными органами власти, хозяйственными руководителями, населением, некабинетный стиль научного поиска. В частности, это обеспечивалось регулярными социологическими экспедициями в сельские районы и города разных регионов Сибири. Установка на проблемы объекта не позволяла оторваться от реальных закономерностей развития российского общества, уйти в научную схоластику, несмотря на жесткость идеологического давления на общественную науку в советский период.

И наконец, многие научные прорывы Новосибирской социологической школы не были бы возможны без использования математических методов. В свое время именно в Новосибирске вышла первая книга “Количественные методы в социологических исследованиях”, которая дала толчок своеобразному математическому буму в общественных науках [9]. С тех пор широкое применение математико-статистических методов стало имманентной чертой социологических исследований НЭСШ. Созданная в ее рамках группа математиков разрабатывала и постоянно совершенствовала методы обработки и анализа социологических и социально-экономических данных.

Значение НЭСШ в дореформенный период

Характеризуя значение Новосибирской экономико-социологической школы в дореформенный период, выделим три основных аспекта: общественный, теоретико-методологический и научно-образовательный.

Общественное значение НЭСШ видится прежде всего в том, что она способствовала научному познанию общества в условиях идеологической несвободы и сыграла важную роль в подготовке общественных перемен. В дореформенный период новосибирская социология ассоциировалась с “действительно научным, социально-критическим”, а не с апологетическим направлением общественной мысли [10]. В этом смысле заслуга новосибирского социологического коллектива состоит в том, что он наряду с немногими разрозненными социологическими группами Москвы и Ленинграда заложил основы “реалистичной” социологии в советский период, когда российская социология еще (или уже) не была институционализирована.

По воспоминаниям одного из ведущих российских социологов В.Н. Шубкина, уже в 60-е годы в Новосибирске был создан Сибирс-

кий социологический семинар, который собирал раз в месяц ученых для обсуждения наиболее острых социологических проблем. “Это была своеобразная школа повышения мастерства и профессионализма социологов на огромном пространстве от Урала до Тихого океана” [11]. В тот же период по договоренности с ректором НГУ академиком С.Т. Беляевым была создана “подпольная” кафедра социологии и начал читаться курс лекций по социологии для студентов гуманитарного факультета и факультета экономической кибернетики. Тем самым создавалась база для последующей социологизации ученых-обществоведов вообще и новосибирского экономического коллектива в частности.

Присущее НЭСШ стремление к познанию объективных социально-экономических закономерностей развития целостных социальных объектов на основе крупномасштабных репрезентативных эмпирических исследований в советское время неизбежно приводило к критике существовавшей социально-экономической системы и поиску путей ее совершенствования, вплоть до “идеологически порочного” вывода о невозможности улучшения этой системы в рамках прежних общественных отношений.

Несмотря на высокий научный и общественный статус лидера школы, ее отношения с властными органами складывались неоднозначно. Научный путь Т.И. Заславской и руководимой ею школы, на наш взгляд, был непрерывным движением по “лезвию бритвы”, постоянным балансированием на грани дозволенного и недозволенного. Результаты исследований наиболее острых и проблемных вопросов состояния российского общества подавались таким образом, чтобы донести до читателей правду о реальном состоянии дел и сказать больше, чем позволялось в условиях жесткой идеологической цензуры.

Сегодня новое поколение исследователей склонно порой упрощать ситуацию и по наличию в большинстве социологических публикаций ссылок на материалы пленумов и съездов КПСС объявлять всю советскую социологию служанкой коммунистического режима. Однако это верно лишь для одного (апологетического) крыла социологии, к которому НЭСШ никогда не принадлежала. Для другого же (научно-критического) крыла это было своего рода приемом, делавшим материалы более проходимыми, несмотря на то, что их содержание противоречило господствовавшим догмам и давало читателям реальное знание о существующих противоречиях и проблемах российского общества.

По существу, Новосибирской экономико-социологической школе удалось найти тончайшую грань между диссидентством и апологетикой существовавшего строя. Лидеры школы искали и находили в политической и хозяйственной элите разных уровней тех, кто был заинтересован в получении знаний о реальном состоянии дел и возможностях (направлениях, путях) их улучшения. Многие углубленные массовые обследования населения стали возможны только благодаря заинтересованности и содействию со стороны передовой час-

ти руководителей административно-командной системы. Обсуждение полученных результатов, вскрывающих пороки прежней системы, настраивало эту часть управленцев на критическое осмысление социальной реальности и, в конечном счете, сыграло важную роль в формировании социальной базы перестройки.

Теоретико-методологическое и научно-образовательное значение НЭСШ состоит, на наш взгляд, в разработке новой для России научной дисциплины — экономической социологии и ее последующей институционализации как предмета преподавания в университетах и как специальности ВАК. Новый теоретико-методологический прорыв Новосибирской экономико-социологической школы аккумулировал научные достижения всех этапов ее развития и разных ее ветвей. В этом смысле он был подготовлен всем ходом развития НЭСШ и стал своего рода венцом ее творческого пути. Однако это было бы не возможно без интенсивного интеллектуального поиска главных теоретиков школы. Разработанные ими концепции и теории, ставшие ядром авторской версии экономической социологии, дали толчок развитию экономико-социологических исследований в России и открыли новую научную перспективу для последующих поисков. И хотя в стране сформировались разные направления экономической социологии, новосибирская ветвь ее сохраняет свой оригинальный подход к пониманию и объяснению социальной реальности.

Новосибирское направление в развитии экономической социологии ставит во главу угла целостное восприятие социальных систем и социальных процессов, выявление социальных механизмов и последствий трансформационного процесса. Причем делается это с помощью такого понятийного аппарата, который позволяет учесть специфику современного состояния российского общества и понять закономерности его развития.

Это, на наш взгляд, отличает НЭСШ от другого влиятельного направления экономической социологии, которое сложилось в Москве. Последнее базируется преимущественно на достижениях западноевропейской и американской социологической мысли и играет важную роль в трансляции классических и передовых идей зарубежной социологии российскому научному сообществу, в создании условий для его интеграции с мировой социологией, в обеспечении методологического и теоретического плюрализма. Признавая значимость всех этих функций в настоящее время, мы тем не менее убеждены, что московское направление экономической социологии вряд ли станет самодостаточным для познания российской реальности в отрыве от принципов парадигмального осмысления, реализуемых НЭСШ.

Таким образом, на входе в реформы НЭСШ обладала объективными, не искаженными коммунистической идеологией материалами о реальном состоянии и развитии советского общества. Накопленный банк обширных эмпирических данных впоследствии стал надежной

базой сравнительных исследований и позволил глубже понять реальные закономерности трансформации современного российского общества. А установка на поиск истины, на игнорирование обязательных или модных идеологических схем (будь то прежняя коммунистическая идеология или современная ориентация на западные образцы), ставшие научной традицией НЭСШ, помогают и в современных условиях вырабатывать такие подходы, которые позволяют уйти от навязанных штампов и предложить научному сообществу оригинальные теоретико-методологические разработки, направленные на осмысление российской реальности.

Новосибирская экономико-социологическая школа в 90-е годы

В 90-е годы Новосибирская экономико-социологическая школа столкнулась с новой социальной реальностью, которая отразилась на всех аспектах ее деятельности. Во-первых, Т.И. Заславская и Р.В. Рыбкина уехали в Москву. А как показывает опыт, многие научные школы в подобных случаях прекращают свое существование или распадаются на несколько научных коллективов. Во-вторых, экономико-социологическая парадигма, определявшая лицо НЭСШ в дореформенный период, в условиях радикальных общественных изменений и институционализации экономической социологии (как научной и учебной дисциплины) нашла немало приверженцев во многих других научных коллективах России. В этом смысле экономико-социологическая теоретическая ориентация перестала быть уникальной характеристикой НЭСШ. И наконец, в-третьих, из-за низкой оплаты труда и снижения привлекательности науки в глазах молодежи нарушился механизм воспроизводства кадров, обеспечивавший прежде преемственность научной традиции.

Но несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, новосибирский социологический коллектив, на наш взгляд, по-прежнему представляет собой самостоятельную активно развивающуюся научную школу. В новых условиях она претерпела значительные изменения, но они не разрушили базовые черты НЭСШ, а затронули главным образом формы их проявления.

В самом деле, ситуация, сложившаяся в НЭСШ в 90-е годы, характеризуется парадоксальной двойственностью. С одной стороны, лидер школы в настоящее время живет и работает в Москве, что делает невозможными повседневные творческие контакты, игравшие значительную роль в поступательном развитии школы. С другой стороны, несмотря на расстояния, связь лидера с коллективом сохраняется: Т.И. Заславская регулярно приезжает в Академгородок, встречается с сотрудниками отдела, интересуется их делами, знакомится с результатами проведенных исследований и новыми творческими замыс-

лами; а они, в свою очередь, бывая в Москве, также стремятся встретиться с ней. Диалог Учителя с учениками осуществляется как через формальные каналы (Т.И. Заславская остается руководителем и научным консультантом аспирантов и докторантов отдела), так и через неформальное общение и обсуждение выполняемых работ. Таким образом, несмотря на территориальное перемещение лидера школы, его интеллектуальное влияние по-прежнему сильно. В этом смысле в 90-е годы школа не лишилась своего лидера-основоположника.

Двойственная ситуация сложилась и по второму критерию — наличию оригинальной парадигмы. С одной стороны, как уже отмечалось, экономико-социологическое направление вышло за пределы НЭСШ и в новых условиях стало более разнообразным и многоаспектным. Возросла разноплановость исследований и в рамках самой НЭСШ. С другой стороны, более глубокий взгляд на результаты современных исследований школы позволяет констатировать, что научная парадигма СМРЭ жива и дает всходы в новых теоретических построениях как самой Т.И. Заславской, так и ее учеников и последователей. При этом опора на базовые принципы НЭСШ (в первую очередь, погруженность в реальность, ориентацию на научное познание через язык реальности) позволяет школе сохранять свое лицо на фоне других экономико-социологических коллективов. Своеобразная теоретическая и методологическая ориентация НЭСШ доказывает свою продуктивность и в новых условиях. Более того, концепция СМРЭ способствовала появлению новых теоретических подходов и подготовила почву для перехода к неопарадигмальному периоду в деятельности НЭСШ.

Характерной чертой этого периода является устойчивое стремление к реализации целостного подхода к познанию российского общества, его отдельных элементов, сфер и срезов, к разработке таких теорий, которые выявляют существенные черты, связи, механизмы и закономерности трансформации общества и экономики. В результате в 90-е годы представителями НЭСШ предложены новые теории и концепции, ставшие логическим продолжением ее магистрального теоретического направления — экономико-социологической концепции СМРЭ. В частности, разработана институциональная теория раздаточной экономики, являющаяся альтернативой по отношению к существующим концепциям хозяйственного развития России и направлениям ее модернизации. Одновременно разработана экономико-социологическая концепция трансформации свободы на разных уровнях социальной реальности (институционально-правовом, групповом и индивидуальном). Интеграция категории “свобода” в социологический контекст позволила глубже понять особенности поведения разных социальных групп в условиях либеральных реформ и на этой основе оценить механизмы и результаты трансформационного процесса российского общества. Еще одним новым научным направлением НЭСШ стала социология адаптаций, в рамках которой впервые выдвинута гипотеза о глубоких разли-

чиях в механизмах и способах адаптационного процесса в эволюционных и бифуркационных средах, а также предпринята попытка построения концепции адаптации для кризисных и бифуркационных сред как альтернативы эволюционной концепции.

В условиях нестабильности и неопределенности, характерных для современного этапа общественных преобразований, такая базовая методологическая черта НЭСШ, как ориентация на погружение в реальность и построение теоретических обобщений на основе эмпирического изучения действительности, нашла выражение в проведении мониторинга реформирования разных сфер экономики (промышленности, аграрного сектора, сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства). Крупномасштабные репрезентативные обследования, которые в дореформенный период проводились раз в пять лет, в новых условиях сменились менее крупными, но более частыми обследованиями (раз в год или даже раз в полгода). Благодаря постоянному “диалогу” с объектом новосибирским социологам, как и раньше, удается своевременно выявлять новые проблемы и феномены, фиксировать направленность социально-экономических изменений и их последствия.

В то же время сохраняется стремление продолжить долговременные 15—20-летние информационные ряды по базовым социальным процессам: использованию времени, экономической стратификации, демографическим процессам и др. Исследование закономерностей этих процессов в качественно иной социальной среде позволяет не только глубже понять их природу, но и дать более обоснованные оценки результативности общественного реформирования и его социальной цены.

Сохраняется и такая базовая черта НЭСШ, как ориентация на реформизм, т.е. не только на выявление наиболее актуальных проблем повседневности, но и на доведение их до широких кругов общественности, до лиц, принимающих решения на всех уровнях управления — особенно до тех, кто сам ориентирован на активный поиск эффективных решений имеющихся проблем. Активная связь с практикой поддерживается в разных формах (постановка и отслеживание социально-экономических экспериментов, работы по заказам управленческих органов, разработка конкретных программ преобразования разных сфер экономики и общества).

Таким образом, современный (неопарадигмальный) этап развития НЭСШ, вобрав в себя теоретико-методологические достижения предыдущих этапов, сохраняет выработанные школой научные традиции и на этой основе формирует новые теоретические направления.

И наконец, в новых условиях сохранился и такой базовый признак научной школы, как воспроизводство кадрового потенциала. В настоящее время низкая оплата научного труда компенсируется развитием системы грантов, что дает дополнительные возможности независимой творческой деятельности тем, кто остался в науке. В результате значительное уменьшение численности сотрудников отдела не

привело к пропорциональному сужению творческого потенциала НЭСШ. К тому же не иссяк, хотя и сократился, приток в отдел выпускников социологического отделения экономического факультета НГУ, где преподают, по существу, все ведущие сотрудники отдела — представители НЭСШ.

По нашему убеждению, Новосибирская экономико-социологическая школа на современном этапе переживает не кризис, а переход к новому витку поступательного развития. Бесспорное ухудшение ряда параметров ее развития заставило коллектив работать особенно целеустремленно и эффективно, что со временем обернулось обретением значимых для развития НЭСШ преимуществ.

На наш взгляд, Новосибирская экономико-социологическая школа продолжает развиваться вопреки неблагоприятным условиям именно потому, что является не столько административным образованием, сколько целостной научной школой, которая живет по своим собственным законам. Однажды сформированное “корневище” дает новые побеги, посаженное зерно прорастает новым урожаем, даже пень от срубленного когда-то дерева со временем обрастает новой кроной. Будем надеяться, что и развитие школы не остановится.

Мы лишь в самых общих чертах обрисовали основные тенденции развития школы в новых условиях, показали элементы преемственности и новаторства. Представленные в следующих разделах монографии результаты современных исследований коллектива НЭСШ более основательно свидетельствуют как о сохранении, так и об обновлении научных традиций НЭСШ в 90-е годы. Мы надеемся, что читатель убедится в этом сам.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

ГЛАВА 1

[1] Орлов Б.П. Сибирь сегодня: Проблемы и решения. М.: Мысль, 1974. С. 36.

[2] См., напр.: *Количественные методы в социологии* / Отв. ред. А.Г. Аганбегян, Г.В. Осипов, В.Н. Шубкин. Новосибирск, 1964. (Книга переиздана в Москве издательством “Наука” в 1966 г.)

[3] *Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск, 1964; *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965; *Переведенцев В.И.* Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966.

[4] Это относится, например, к книгам В.Д. Патрушева “Интенсивность труда при социализме” (М.: Изд-во экономической литературы, 1963) и “Время как экономическая категория” (М.: Мысль, 1966), Г.А. Пруденского “Время и труд” (М.: Мысль, 1964), Т.И. Заславской “Распределение по труду в колхозах” (М.: Экономика, 1966).

[5] См.: *Количественные методы в социологии* / Под ред. А.Г. Аганбегяна и В.Н. Шубкина. М.: Мысль, 1966; *Научный семинар по применению количественных методов в социологии*. Ч. 1, 2. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966; *Опыт экономико-социологических исследований в Сибири* / Отв. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966; *Социологические исследования: Вопросы методологии и методики* / Отв. ред. Р.В. Рывкина; ИГУ. Новосибирск, 1966.

[6] Наиболее серьезными работами этого типа были: *Внерабочее время трудящихся* / Отв. ред. Г.А. Пруденский. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961; *Пруденский Г.А.* Время и труд. М.: Мысль, 1964; *Методика изучения бюджетов времени трудящихся* / Отв. ред. В.Д. Патрушев; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1966.

ГЛАВА 2

[1] *Бюджет времени и социально-экономическое планирование: Материалы конференции* / Ред. В.Д. Патрушев; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1969. Вып. 1—4.

[2] Результаты их пионерной работы отражены в книгах “Проблемы совокупного баланса времени и итоги исследований” (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969) и “Основные положения методики построения и расчета совокупного баланса времени населения экономического района (общества)” (Новосибирск, 1971). Помимо названных выше книг, следует отметить также: *Статистика бюджетов времени населения*. М.: Статистика, 1967; *Бюджет времени городского населения* / Ред. Б.Т. Колпаков, В.Д. Патрушев. М.: Статистика, 1971; *Методические вопросы изучения бюджетов времени* / Ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1972.

[3] *Антосенков Е.Г., Миценко В.Т.* Текучесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971.

[4] *Проблемы создания постоянных кадров на машиностроительном предприятии* / Ред. Е.Г. Антосенков; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1968; *Опыт исследования перемены труда в промышленности* / Ред. Е.Г. Антосенков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969; *Антосенков Е.Г., Куприянова З.В.* Текучесть рабочих кадров в строительстве: Опыт экономико-социологического исследования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1970; *Отношение к труду и текучесть кадров: По материалам обследования машиностроительных заводов г. Новосибирска* / Ред. Е.Г. Антосенков, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1970.

[5] *Предметные* и методические результаты исследования опубликованы в шести монографиях, получивших высокую оценку научного сообщества. См.: *Методика выборочного обследования миграции сельского населения* / Под ред. Т.И. Заславской, В.Д. Миркина, К.Ф. Ершовой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969; *Миграция сельского населения* / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Мысль, 1970; *Социальные проблемы трудовых ресурсов села* / Ред. Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1968; *Доклады Всесоюзному симпозиуму по социологическим проблемам села* / Ред. Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968; *Миграция сельского населения: Цели, задачи и методы регулирования* / Ред. Т.И. Заславская; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1969; *Социально-экономическое развитие села и миграция населения* / Ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1972.

[6] *Миграция сельского населения*. М.: Мысль, 1970. С. 289.

[7] См., например: *Ковалев С.А.* Сельское расселение и социологические проблемы // Социологическое изучение села: Культура, быт, расселение. СПб. С. 15.

[8] *Миграция* сельского населения. М: Мысль, 1970. С. 292.

[9] Там же. С. 293-294.

[10] Там же.

[11] См., например: *Davydova Irina.* Development of the Sociology in Novosibirsk after the Perestroika.

[12] *Щепаньский Ян.* Элементарные понятия социологии / Отв. ред. Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967.

[13] *Измерение* и моделирование в социологии / Отв. ред. Ю.П. Воронов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969; *Методы* распознавания образов и их применение в социальных исследованиях / Ред. Н.Г. Загоруйко, Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969; *Социология* и математика: Международный сборник статей / Ред. А.Г. Аганбегян, Ф.М. Бородин, Б.Г. Миркин и др. Новосибирск, 1970; *Моделирование* социальных процессов / Ред. А. Г. Аганбегян, Г.В. Осипов и др. М.: Наука, 1970; *Математика* и социология / Ред. Ф.М. Бородин; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1972.

ГЛАВА 3

[1] *Методологические* проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Отв. ред. Т. И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974.

[2] *Заславская Т.И.* Комплексная программа исследования перспектив социально-экономического развития деревни до 1990 и 2000 гг. / ИСИ АН СССР. М., 1974.

[3] *Проблемы* социально-экономического развития советской деревни до 1990 г.: Научный доклад / ИСИ АН СССР. М., 1975.

[4] Подробнее об этом см.: *Заславская Т.И., Мучник И.Б., Хахулина Л.А.* Об опыте коллективного прогнозирования социально-экономического развития деревни // Наука, организация, управление. Новосибирск, 1989.

[5] *Проблемы* системного изучения деревни / Ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1975; *Методологические* проблемы системного изучения деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977; *Методология* и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980.

[6] *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979.

[7] См.: *Современная сибирская деревня: Некоторые проблемы социального развития* / Ред. Т.И. Заславская; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1975; *Социологические исследования сибирской деревни* / Ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1976; *Сибирская деревня в условиях урбанизации* / Ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1976; *Пути социального развития деревни* / Ред. Т.И. Заславская, Л.А. Хахулина; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1978; *Рабочее и вне рабочее время сельского населения* / Ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1978; *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения // *Социальное развитие села: Анализ и моделирование* / Ред. Т.И. Заславская, Л.А. Хахулина; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.

[8] *Развитие* сельских поселений: Лингвистический метод типологизации социальных объектов / Под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Мысль, 1977.

[9] *Российский* статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1966. С. 70.

[10] В 80-х годах сфера наших интересов стала все больше смещаться в сторону экономико-социологических проблем развития российского общества, и проблематике расселения стало уделяться меньше внимания, но в отношении малых поселков мы занимали достаточно выверенную и взвешенную позицию (см., напр.: *Заславская Т.И.* Почему уезжают из Смородинки? // *Сельская новь*. 1979. № 3; *Горяченко Е.Е., Заславская Т.И., Федосеев В.И.* Актуальные проблемы и основные направления развития Новосибирской области / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Сибирская деревня: вчера, сегодня, завтра // *Сельская новь*. 1981. № 10—12; *Заславская Т.И., Горяченко Е.Е.* Система сельского расселения: Социальные проблемы и пути их решения / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1986. В конце 80-х годов в нескольких центральных газетах стали публиковаться статьи, приписывавшие мне авторство концепции неперспективных поселков, приведшей к упадку советской деревни. Все они принадлежали перу одного автора, но их регулярная публикация создавала впечатление чуть ли не всенародного возмущения моей деятельностью. Цель этой травли носила чисто политический характер и была связана с моей деятельностью в качестве народного депутата СССР. Конец этой истории положило заседание научного общества “Энциклопедия российской деревни” под председательством ныне покойного председателя ВАСХНИЛа А.А. Никонова, посвященное истории возникновения, развития и реализации концепции неперспективных деревень. Выступившие на этом заседании ученые всесторонне проанализировали и содержание, и историю этой злополучной концепции. Была показана и реальная роль новосибирских социологов в защите малых сельских поселков, опровергнута нелепая клевета в наш адрес. Ход заседания и сделанные им выводы освещены в газете “Известия” (9 апреля 1990 г.). К сожалению, для изменения общественного мнения, сложившегося под влиянием клеветы, этого было недостаточно. Многие до сих пор считают меня автором концепции “неперспективных деревень” и виновницей связанных с ней несчастий. Поэтому я считаю важным осветить реальное развитие событий.

[11] Обоснованию этой концепции посвящено довольно много публикаций, но наиболее полное отражение она получила на следующем этапе развития в книге “Социально-территориальная структура города и села: Опыт типологического анализа” (Новосибирск, 1983).

[12] Основные результаты этой работы отражены в книге “Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ” (М.: Статистика, 1980).

[13] Результаты этой работы освещены в монографии Е.Г. Антосенкова и З.В. Куприяновой “Тенденции в текучести кадров: Динамический аспект анализа” (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977). См. также: *Социально-экономические* проблемы труда на промышленном предприятии / Ред. З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.

[14] Результаты этих исследований нашли отражение в книге “Движение рабочих кадров на промышленных предприятиях: Теоретические и методические вопросы анализа текучести” (М.: Экономика, 1974).

[15] *Формирование* и стабилизация квалифицированных кадров промышленности и строительства / Отв. ред. З.В. Куприянова, В.И. Пушкарев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982; *Движение* кадров в крупном промышленном

городе / Отв. ред. З.В. Куприянова, Е.Г. Антосенков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984.

[16] Из специальных публикаций по данной проблеме следует отметить: *Вопросы* использования и прогнозирования бюджетов времени / Ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1973; *Бюджет* времени: Вопросы изучения и использования / Отв. ред. Б.П. Кутырев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.

ГЛАВА 4

[1] О первых итогах этой работы см.: *Заславская Т.И.* Экономическое поведение и экономическое развитие // ЭКО. 1980. № 3.

[2] И.Н. Худенко и его ближайшие соратники были тесно связаны с отделом социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР. Здесь обсуждалась программа их последнего эксперимента в Акчи (близ Алма-Аты), В.Д. Смирнов участвовал в ее доработке. Когда же в 1973 г. эксперимент был закрыт как “кулацкий”, а И.Н. Худенко арестован по шитому белыми нитками обвинению в растрате государственных средств, А.Г. Аганбегян и Т.И. Заславская обратились к первому секретарю ЦК КПСС Казахстана Кунаеву с обоснованием ошибочности этих действий и необходимости исправить ошибку. Однако ответа на письмо не последовало.

[3] *Смирнов В.Д.* Опыт организации сплошного коллективного подряда в колхозе. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984; *Он же.* Социально-экономический эксперимент в колхозе. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986.

[4] *Рывкина Р.В., Косалс Е.В., Косалс Л.Я., Наруков Г.А.* Изменение трудовой деятельности и отношения к труду в условиях коллективного подряда / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985; *Павленко С.Ю.* Проблемы труда руководителей сельскохозяйственных предприятий / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985.

[5] *Калугина З.И.* Поведение населения в сфере личного подсобного хозяйства // Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985.

[6] *Корель Л.В.* Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982.

[7] *Чернина Н.В.* Опыт социологических исследований трудового поведения в промышленности // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1987. № 8, вып. 2.

[8] См., напр.: *Внутризаводское* движение и текучесть кадров. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981; *Формированием* стабилизация квалифицированных кадров промышленности и строительства. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982; *Куприянова З.В., Мищенко В.В.* Формирование квалифицированных рабочих кадров в строительстве. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1983; *Михайловская В.П.* Внутризаводская текучесть рабочих кадров / Отв. ред. Е.Г. Антосенков, З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984; *Движение* кадров в крупном сибирском городе: По материалам исследования текучести в промышленности Новосибирска / Отв. ред. Е.Г. Антосенков, З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985; *Мозырева Т.А.* Текучесть и стабилизация ИТР на предприятиях Сибири / Отв. ред. Е.Г. Антосенков. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986; *Вершинина Т.Н.* Взаимосвязь текучести и производственной адаптации рабочих / Отв. ред. З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986.

[9] См.: *Шабанова М.А.* Сезонные сельские строители: Кто они и каковы их проблемы? Новосибирск, 1985; *Она же.* Сезонные строители в сибирском селе // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1986. № 7, вып. 2. С. 48-57.

[10] *Заславская Т.И., Рыбкина Р.В.* Экономическая социология — новое научное направление // Будущее науки: Международный ежегодник. М.: Знание, 1986. Вып. 19. С. 233-238.

[11] См.: *Шапошников А.Н.* Социально-экономический анализ формирования доходов сельского населения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983.

[12] На русском языке доклад в открытой печати впервые опубликован в 1997 г. (см.: *Заславская Т.И.* Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри / ВЦИОМ-Интерцентр. М., 1997).

[13] *Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики* / Под ред. Р.В. Рыбкиной; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985.

[14] *Социология в СССР*. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 494—495.

[15] *Рыбкина Р.В., Косалс Л.Я.* Роль социальных механизмов в ускорении социально-экономического развития общества // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1986. № 12, вып. 3.

ГЛАВА 5

[1] *Социально-управленческий* механизм развития производства: Методология, методика и результаты исследований / Отв. ред. Р.В. Рыбкина, В.А. Ядов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 11.

[2] Там же. С. 14.

[3] *Социальный* механизм инновационных процессов / Отв. ред. Р.В. Рыбкина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

[4] *Калугина З.И., Антонова Т.П.* Личное подсобное хозяйство сельского населения: Проблемы и перспективы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984; *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

[5] *Шабанова М.А.* Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: Комплексное социолого-статистическое исследование / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991; *Шабанова М.А.* Современное отходничество как социокультурный феномен // Социс. 1992. № 4. С. 55—63; *Она же.* Отходничество и рынок рабочей силы // Регион: Экономика и социология. 1992. № 2. С. 29—39.

[6] *Социально-территориальная* структура города и села (опыт типологического анализа) / Ред. Т.И. Заславская, Е.Е. Горяченко; ИЭиОПП СО АН СССР, Новосибирск, 1982.

[7] *Троцкий А.Я.* Социально-экономическое развитие села в условиях урбанизации / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985.

[8] *Федосеев В.И.* Сельское население региона: Территориальные различия условий жизни / Ред. Т.И. Заславская. М.: Мысль, 1986.

[9] *Кранчан С.Г.* Село Российской Федерации: Социально-региональная структура / Отв. ред. Т.И. Заславская. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

[10] *Заславская Т.И.* Проблемы зональной дифференциации целевых программ развития села // Советская социология. М.: Наука, 1982. Т. 1. С. 117—128; *Горяченко Е.Е.* Опыт разработки дифференцированных зональных программ

территориального устройства сельской местности // Изв. СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1985. № 1, вып. 1. С. 45—53; *Система сельского расселения в Сибири: Социальные проблемы и пути их решения: Отчет.* Новосибирск, 1985.

[11] В 1987 г. очередное социолого-статистическое исследование села не было проведено. Сказалась известная усталость преимущественно женского коллектива: ездить в долгие экспедиции стало труднее. Но главное, интересы ученых диверсифицировались и переместились в более сложные области, да и сравнительно поверхностная программа базового исследования 1967 г. казалась уже мало информативной.

[12] См.: *Современное развитие сибирского села: Опыт социологического изучения* / Ред. Л.А. Хахулина; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1983.

[13] *Лисов В.А.* Богатые и бедные в сибирской деревне / ИЭиОПП СО РАН. Новосибирск, 1992; *Михеева А.Р.* Сельская семья в Сибири: Жизненный цикл и благосостояние / ИЭиОПП СО РАН. Новосибирск, 1993.

[14] *Благосостояние городского населения Сибири: Проблемы дифференциации (опыт социологического изучения)* / Э.Д. Азарх, Н.А. Балыкова, Л.А. Хахулина и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.

[15] *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р.* Социальная структура: Неравенство в области материального благосостояния / ИЭиОПП СО РАН. Новосибирск, 1992.

[16] *Корель Л.В., Тапилина В.С., Трофимов В.А.* Миграция и жилище. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.

[17] *Бессонова О.Э.* Жилье: Рынок и раздача. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1993.

[18] *Артемов В.А.* Социальное время: Проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987; *Применение* показателей времени в социально-экономическом планировании города и села: Материалы V научной конференции / Ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1987.

[19] *Демографическое развитие Сибири: Прикладной и теоретический аспекты исследования* / Ред. С.В. Соболева; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1987; *Соболева С.В.* Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988; *Проблемы демографического развития Сибири и Дальнего Востока* / Ред. С.В. Соболева; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1991.

[20] *Социально-экономические проблемы совершенствования управления производством в сфере АПК* / Ред. В.Д. Смирнов, Л.Я. Косалс. Барнаул, 1987; *Кадры АПК в системе управленческих взаимодействий* / Ред. Р.В. Рывкина, М.Л. Суховский. Барнаул, 1987; *Проблемы управления социально-территориальным развитием аграрного сектора* / Ред. Е.Е. Горяченко, М.А. Шабанова. Барнаул, 1987; *Управление социальными процессами в сфере труда и занятости сельского населения* / Ред. В.А. Калмык, З.И. Калугина. Барнаул, 1987; *Управление сферой обслуживания сельского населения и решение жилищной проблемы на селе* / Ред. Л.А. Хахулина, Э.Д. Азарх. Барнаул, 1987.

[21] *Smelser N.* The Sociology of Economic Life. Englewood Cliffs. Prentice-Hall, 1963; *Smelser N.* (ed.) Readings on Economic Sociology. Englewood Cliffs. Prentice-Hall, 1965; *Parsons T., Smelser N.* Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory. London: Routledge and Kegan Paul, 1966.

[22] См.: *Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997.

[23] *Ельмеев В.Я.* Вестник ЛГУ. Сер. 5. 1985. № 26. С. 93.

[24] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О формировании экономической социологии в Новосибирском научном центре // Новые научные направления и общество. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1984. № 1, вып. 1. С. 9—21.

[25] *Заславская Т.И.* Экономика сквозь призму социологии // ЭКО. 1985. № 7.

[26] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* // Общественные науки и современность. 1986. № 9.

[27] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* // Будущее науки. Вып. 19. М.: Знание. 1986.

[28] *Заславская Т.И.* Человеческий фактор развития экономики и социальная справедливость // Коммунист. 1986. № 13; *Человеческий фактор развития экономики // Зависит от нас.* Перестройка в зеркале прессы. М: Книжная палата, 1988; *Social Justice and the Human Factor in Economic Development // A Voice of Reform. Essays By Tatiana Zaslavskaya.* M.E. Sharp. Armonk. N. Y.; L., 1989.

[29] *Социальная справедливость: Шесть лет спустя // Свободная мысль.* 1992. № 1.

[30] См: *A Voice of Reform. Essays By Tatiana Zaslavskaya.*

[31] *Заславская Т.И.* Актуальные проблемы экономико-социологической теории // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикл. социология. 1987. Вып. 3; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Экономическая социология: Объект, основные категории и методологические принципы конкретных исследований // Методологические проблемы экономической науки. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988; *Экономическая социология и перестройка /* Ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. М.: Прогресс, 1989.

[32] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. Поскольку структура этой книги нередко вызывает вопросы, хотелось бы пояснить историю ее подготовки и публикации. Идея написать книгу, а может быть, и учебник по экономической социологии возникла у авторов в середине 80-х годов. Законченный к концу 1985 г. черновой вариант книги был оформлен как научный отчет, содержащий разделы: 1. Предмет и метод экономической социологии; 2. Экономическая культура как регулятор функционирования и развития экономики; 3. Социальная структура советского общества — экономико-социологический аспект; 4. Экономическое поведение общественных групп; 5. Хозяйственный механизм как регулятор экономического поведения; 6. Социальный механизм развития экономики: Сущность, особенности, недостатки. Структурно текст носил законченный характер, но редакционно был сыроват: не все главы утряслись, не хватало ссылок на некоторые важные источники, имелись кое-какие содержательные недоработки и пр. Чтобы превратить отчет в добротную книгу, требовался еще год-полтора, и авторы рассчитывали завершить ее в 1987 г. Но аппетит и в науке приходит во время еды, работа растянулась, а размер рукописи увеличился почти вдвое. Когда первые три раздела были закончены, выяснилось, что их объем больше всего запланированного на книгу. Тогда было решено разделить последнюю на два тома (по три раздела). Первый раздел, составлявший лишь половину того, что заслуживало бы названия книги, был опубликован под названием “Социология экономической жизни”, а второй так и не был доведен до конца. Отсюда — и странная структура, свидетельствующая о явной незавершенности работы.

[33] *Zaslavskaya T.* The Second Socialist Revolution: An Alternative Soviet Strategy / Foreward by Teodor Shanin. L.: I.B. Tauris 7 Co Ltd. Publishers, 1990.

ГЛАВА 6

[1] *Социологические* аспекты перехода рыночной экономике: Материалы к XII Всемирному социологическому конгрессу. 4.1. Проблемы социальной адаптации к изменяющимся условиям жизни; Ч. 2. Социальные проблемы труда в новых экономических условиях / Под ред. Ф.М. Бородкина, А.Р. Михеевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994.

[2] *Общество* и экономика: Социальные проблемы трансформации: Сборник научных докладов к XIV конгрессу Всемирной социологической ассоциации / Под ред. А.Р. Михеевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998; *Sociological abstracts*. Montreal, 1998; *Russian Sociology Today*: (Abstracts of Reports Submitted by Russian Sociologists to the ISA XIV World Congress of Sociology). Moscow, 1998.

[3] *Барсукова С.Ю., Герчиков В.И.* Приватизация и трудовые отношения: От единого и общего — к частному и разному. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996.

[4] *Сибирская* деревня в период трансформации социально-экономических отношений / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996.

[5] Книга издана также на английском языке (см.: *Bessonova O., Kirdina S., O'Sullivan R.* Market Experiment in the Housing Economy of Russia. Novosibirsk, 1996.

[6] *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.

[7] Основные положения экономико-социологической концепции трансформации свободы изложены в ряде статей, опубликованных в центральных журналах (Социологический журнал. 1996. № 3/4; 1997. № 4; Полис. 1996. № 4; Свободная мысль. 1996. №4; 1998. № 1, 10.

[8] *Корель Л.В.* Социология адаптаций: Этюды апологии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.

ГЛАВА 7

[1] *Рыбаковский Л.Л.* Исследования миграции населения в России // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: "На Воробьевых", ИС РАН, 1996. С. 224-225.

[2] *Батыгин Г.С.* Институционализация российской социологии: Преемственность научной традиции и современные изменения // Там же. С. 27.

[3] *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. С. 181.

[4] *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д.* Социальная структура и стратификация // Социология в России. С. 280.

[5] *Яшина Ю.А.* Экономическая социология // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 218-220.

[6] *Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1977. С. 8.

[7] *Кравченко А. И.* Социология труда и производства // Социология в России. С. 312.

[8] *Davydova Irina.* Die Novosibirsker Soziologische Schule: Aufstieg und Niedergang eines regionalen sozialwissenschaftlichen Zentrums // Oswald Ingrid, Possek Ralf, Stykow Petra, Wielgohs Jan (Hg.) Sozialwissenschaft in Rusland. Bd. 2. Berlin, 1997. S. 151-172.

[9] *Шубкин В.Н.* Насилие и свобода: Социологические очерки. М.: "На Воробьевых", ИС РАН, 1996. С. 152-153.

[10] Там же. С. 145.

[11] Там же. С. 154.

РАЗДЕЛ II

Концептуальные представления о трансформации российского общества

глава 8. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект

глава 9. Социологическая концепция трансформации свободы

глава 10. Генезис и механизм адаптаций в постсоциалистической России:
теоретико-методологический подход

глава 11. Институциональная теория хозяйственного развития России

ГЛАВА 8

Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект

Сущность трансформации постсоциалистических обществ

Переживаемый Россией период глубоких общественных перемен в разное время называли ускорением, перестройкой, революцией, радикальными реформами, переходом (часто без указания от чего к чему). И только в последние годы было найдено понятие, наиболее адекватно выражающее суть и особенности происходящего в России процесса, — понятие *социальной трансформации* общества, изучению одного из аспектов которой посвящено наше исследование*. Рассмотрим на примере России сущность трансформационных процессов, протекающих в постсоциалистических обществах, движущие силы и социальные механизмы этих процессов, в том числе связи между социальной стратификацией названных обществ и их социально-инновационным потенциалом.

Под *социальной трансформацией* в данном случае понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое *изменение социальной природы* или *социетального типа общества*. Движущими силами этого процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней высшей бюрократией, а с другой — социально зрелые, дееспособные и активные представители массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев. Остальная часть общества оказывает влияние на преобразование общества преимущественно через выбор своих адаптационно-поведенческих стратегий. В целом процесс социальной трансформации является скорее стихийным, чем планируемым и управляемым.

К главным отличительным особенностям трансформации следует отнести:

- направленность на изменение не отдельных частных сторон, а сущностных черт, определяющих социетальный тип общества;
- постепенность и относительно мирный характер протекания;
- неизбежность, длительность и глубину аномии, обусловленной опережающим разложением старых общественных институтов по сравнению с созданием новых;

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №98—04172).

—принципиальную зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения не только правящей верхушки, но и массовых общественных групп;

—слабую управляемость и предсказуемость процесса, важную роль стихийных факторов его развития, непредрежденность его итогов.

Социальная трансформация общества — более сложный и менее изученный процесс, чем целевое реформирование обществ, сохраняющих свою типологическую идентичность. Понятие “*социетальный тип*” общества, на мой взгляд, синонимично понятию “*общественное устройство*”, эмпирическим референтом которого служит *система общественных институтов*. Поэтому главным и прямым результатом трансформационного процесса служит качественное преобразование основополагающих или типобразующих институтов данного общества. Как представляется, тип общества задается прежде всего качеством его базовых институтов, а именно: а) степенью легитимности, демократичности и эффективности власти; б) структурой, развитостью, легитимностью и защищенностью собственности; в) многообразием и зрелостью структур гражданского общества; г) широтой и надежностью прав и свобод человека.

Прямым результатом трансформации общества служит преобразование названных институтов (например, приватизация государственной собственности, становление президентской республики и т.п.). Однако само по себе оно представляет лишь внешний показатель социальной трансформации общества. Более глубинным результатом последней является изменение социально-групповой структуры (в первую очередь, ее классовой и стратификационной проекции).

Институциональная и социально-групповая (социальная в узком смысле) структуры представляют собой различные, но неразрывно связанные стороны более сложного и многомерного феномена — социальной структуры общества в широком смысле. Причем институциональная подструктура расположена ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и значительно более управляема, а социально-групповая, напротив, более скрыта, латентна, требует углубленных методов изучения и не приемлет прямых способов управления.

Преобразовать социально-групповую структуру общества можно лишь косвенно — через реформирование основополагающих институтов. Зато любое существенное изменение последних неизбежно вызывает сдвиги в социально-групповом строении общества. В этом смысле институциональную подструктуру можно назвать “ведущей”, а социально-групповую — “ведомой”. Однако это не значит, что первая подструктура в каком-то смысле приоритетна по сравнению со второй. С точки зрения итогов социальной трансформации общества, положение, скорее, обратное: более весомыми критериями их оценки служат сдвиги в социально-групповой подструктуре.

Важнейшим типологическим качеством последней является характер социальной стратификации, т.е. разделения общества на иерархические слои, различающиеся типом деятельности, уровнем социального статуса, образом жизни и престижем. Критериями стратификации индивидов и групп служат: управленческий потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов; социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов; а также социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни. Названные критерии образуют относительно независимые оси стратификационного пространства.

На наш взгляд, свидетельством либерализации и демократизации российского общества могут служить такие сдвиги в социальной структуре и стратификации, которые:

- ведут к улучшению положения массовых слоев и групп, расширению их прав и свобод;
- сокращают социальную пропасть между “верхами” и “низами” общества, содействуют преодолению их культурного раскола;
- усиливают связь между трудом и доходом;
- повышают зависимость социального статуса от профессионально-квалификационного и культурного потенциала групп;
- способствуют устойчивому развитию средних слоев;
- интенсифицируют и легитимизируют социальную мобильность;
- позволяют перекрывать криминальные каналы формирования элитных групп.

Еще более глубинным и в то же время наиболее надежным критерием направленности трансформационного процесса, показателем того, ведет ли он к модернизации или, напротив, к деградации общества, служит генеральное направление социокультурных сдвигов. Оно формируется под влиянием, с одной стороны, изменений институциональной и социально-групповой структур общества, а с другой — внешних факторов и прежде всего проникновения современной культуры Запада. По мнению многих видных ученых, доминирующее направление социокультурных сдвигов характеризует наиболее глубокие и долгосрочные результаты социальной трансформации [1].

Движущие силы и механизм трансформации постсоциалистических обществ

Движущими силами трансформационного процесса в той или иной степени являются все элементы социальной структуры общества, хотя формы, механизмы и эффективность их участия в этом процессе не одинаковы. Интенсивность и направления трансформационной активности (деятельности и поведения) разных общественных групп опре-

деляются, во-первых, имеющимися у них возможностями воздействия на трансформационный процесс, тесно связанными с положением на стратификационной шкале, во-вторых, их принадлежностью к выигравшим или проигравшим в результате совершившихся общественных перемен и, в-третьих, их социокультурными характеристиками: структурой ценностей, потребностей, интересов и мотиваций.

Систему социальных макросубъектов (классов, слоев, общественных движений, политических партий, корпораций и пр.), различающихся направлениями своих интересов, типами трансформационной активности и функциями в инновационном процессе, назовем *трансформационной структурой общества*. Это понятие вводится на правах гипотезы, согласно которой множество конкретных проекций социальной структуры, порождающих разнотипных субъектов трансформационной активности, взаимосвязано. В силу этого при достаточно обобщенном подходе оно образует целостную макроструктуру, отражающую движущие силы трансформационного процесса.

Социальный механизм, порождающий, регулирующий и направляющий этот процесс, можно представить с помощью аналитической схемы (рис. 8.1), где выделены три крупных блока механизма: результативный, двигательный и передаточный.

Результативный блок отражает содержание и основные итоги процесса. Он представлен главными *объектами* трансформации: основополагающими институтами, социальной структурой и социально-экономическим потенциалом общества.

Энергетический блок отражает движущие силы процесса и представлен структурами общества, характеризующими движущие силы процесса — социокультурной и трансформационной. В основе первой из них лежат, с одной стороны, общенациональные особенности российской социально-политической культуры, а с другой — многообразие ее реализаций в различных субкультурах (политической, предпринимательской, бюрократической, крестьянской и др.). Тесно связанная с ней трансформационная структура служит одним из главных факторов формирования макросубъектов социальных преобразований и тем самым — социально-инновационного потенциала общества.

Передаточный блок механизма характеризует способ реализации процесса. Его элементами являются, с одной стороны, функциональные типы трансформационной активности (целевая реформаторская деятельность, массовая социально-инновационная деятельность и реактивно-адаптационное поведение), а с другой — многосубъектные (и потому как бы бессубъектные) политические, экономические, социальные и культурные *макропроцессы*, непосредственно изменяющие характер общественных институтов [2].

Трансформационная активность общественных групп и слоев выражается в формах деятельности и поведения. Наиболее значимыми

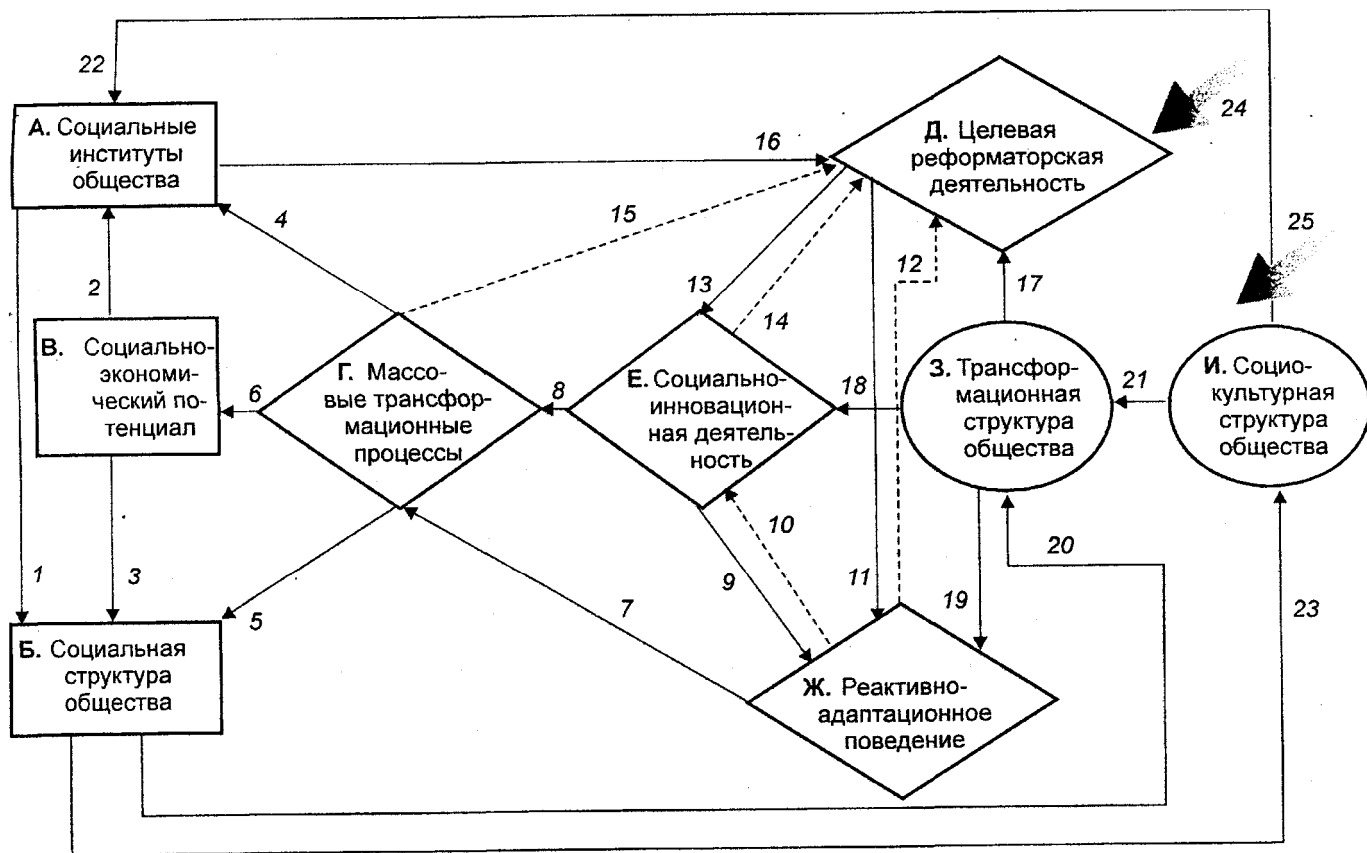

Рис. 8.1. Схема социального механизма трансформации российского общества.

для социального механизма представляются два типа трансформационной деятельности:

1) целевая реформаторская деятельность, непосредственная задача которой — преобразование институциональной структуры общества через изменение действующих правовых и административных норм, определяющих “правила игры” в тех или иных сферах;

2) массовая инновационно-предпринимательская деятельность, субъекты которой используют, развивают и закрепляют новые нормы и правила, тем самым перестраивая соответствующие институты уже в их социологическом понимании, т.е. в качестве массовых социальных практик [3].

Оба типа трансформационной деятельности могут оцениваться по их качеству в данном обществе, причем критерии такой оценки разными социальными субъектами часто совершенно различны. Так, качество целевой реформаторской деятельности оценивается по меньшей мере по четырем критериям. Команда реформаторов, как правило, подтверждает эффективность своей деятельности результатами реального, а иногда и формального, преобразования общественных институтов. Массовые группы (народ) судят о результатах той же деятельности преимущественно по сдвигам в социальной структуре. Интеллигенция и ученые гуманитарного профиля концентрируют внимание в первую очередь на сдвигах в социокультурной сфере. Оппозиционных же политиков и СМИ нередко больше всего интересует удовлетворение реформаторами своих корыстных интересов. Аналогично обстоит дело и с оценкой массовой инновационно-предпринимательской деятельности. Для того чтобы все социальные субъекты могли вести цивилизованный дискурс, им нужно, прежде всего, научиться слышать друг друга, говорить на одном языке. Причем пример в этом отношении должна была бы показать общественная наука.

Из всех видов массового поведения населения для трансформационного процесса наиболее важны адаптационное и реактивно-протестное. В стабильных обществах под *адаптационным поведением* обычно понимается приспособление субъектов к социальной среде путем освоения и принятия свойственных ей норм, ценностей и форм социального действия. Но в условиях крутых перемен, когда нормы и ценности теряют стабильность, содержание этого понятия меняется. Основной смысл его перемещается в этом случае на поиск новых способов действий, соответствующих меняющимся условиям и правилам игры [4]. Что касается *реактивной* составляющей трансформационного поведения, то она носит преимущественно протестный характер, отражая непосредственный отклик субъектов на ухудшение институциональных условий их жизнедеятельности.

Хотелось бы подчеркнуть, что понятие трансформационной активности носит строго функциональный характер: оно охватывает все виды активности, способствующие преобразованию типобразующих

институтов, и исключает виды активности, не имеющие к этому прямого касательства. В содержательном плане это понятие не знает ограничений: оно охватывает практические и духовные, созидательные и разрушительные, легальные и криминальные, моральные и аморальные виды активности. Это означает, что трансформационная активность членов постсоциалистических обществ не имеет имманентно присущей социальной направленности. Практически реализующееся в той или иной стране направление преобразований общества зависит в первую очередь от особенностей его трансформационной структуры, взаимодействие и борьба разных элементов которой служат движущей силой рассматриваемого процесса.

Реальное (в противоположность формально-правовому) преобразование системообразующих институтов общества служит непосредственным фактором сдвигов в социальной структуре. Обратное же влияние социальной структуры на динамику общественных институтов опосредствуется трансформационной структурой. Для понимания механизма общественных перемен и для прогнозирования их дальнейшего хода необходимо знать не только и не столько социальную стратификацию общества, сколько его трансформационную структуру. Между тем пока она изучена как минимум на порядок слабее, чем стратификация общества. По-видимому, это связано с тем, что трансформационная структура общества формируется под влиянием двух более или менее равнозначимых факторов: во-первых, *социальной стратификации* общества, определяющей возможности, способы и механизмы участия общественных групп и слоев в трансформационном процессе, и во-вторых, *социокультурной дифференциации*, которая определяет субъективную мотивацию и содержательную направленность трансформационной активности субъектов.

К сожалению, соответствующий аспект социокультурных процессов в России изучается недостаточно интенсивно. Исследований, направленных на решение частных задач, в этой области выполнено немало, но их результаты не складываются в целостную картину разделения общества на группы, характеризующиеся ясно выраженными культурными позициями по отношению к происходящим процессам. И это, разумеется, не случайно. Эмпирическая идентификация элементов и связей трансформационной структуры в масштабе общества необычайно сложна, так как на разных уровнях социальной реальности существует множество “активных” структур, по-разному влияющих на трансформационный процесс. В качестве их агентов выступают региональные и локальные образования, политические партии, экономические группировки, национальные и культурные движения. Причем названные “срезы” трансформационной структуры не сводятся друг к другу, а лишь частично пересекаются. Индивиды, однозначно идентифицируемые в модели социальной стратификации, едва ли могут быть жестко зафиксированы в системе коор-

динат трансформационной структуры, поскольку в большинстве случаев занимаемые ими позиции в ее рамках нечетки и нестабильны.

Ниже предпринята попытка раскрыть конкретное содержание лишь одной из связей изучаемого социального механизма. Речь идет о зависимости трансформационной структуры от социальной стратификации общества (см. рис. 8.1, связь 20).

Социальная стратификация российского общества

Характеристика современного состояния. Эмпирическая часть нашего исследования направлена на то, чтобы, во-первых, определить характер основных сдвигов, происшедших в последние годы в социальной структуре России, во-вторых, охарактеризовать социальную стратификацию современного российского общества, в-третьих, оценить влияние стратификации на трансформационную структуру и реформаторский потенциал общества, его способность к дальнейшему саморемонированию в принятом направлении.

Исследование базируется на вторичном анализе данных социологического мониторинга ВЦИОМ “Социальные и экономические перемены в России”. Опросы населения проводятся раз в два месяца на основе репрезентативной общероссийской выборки, охватывающей от 2,5 до 4 тыс. чел. Банк данных мониторинга содержит результаты более чем 40 опросов, проведенных с марта 1993 г. по январь 1998 г. Общее число занятых в народном хозяйстве респондентов превышает 45 тыс. чел. К сожалению, мониторинг ВЦИОМ, как и другие массовые опросы, не позволяет изучить крайние общественные группы: политическую и экономическую элиту, с одной стороны, и социальное дно — с другой. Не удастся уловить и группы, включенные в теневые, полукриминальные и чисто криминальные отношения. Свои суждения об этих группах мы основываем на данных специализированных социологических исследований, проводимых другими авторами. Анкета мониторинга содержит около 60 постоянных вопросов, что позволяет анализировать объединенные массивы, например, относящиеся ко всем месяцам каждого года. Это повышает надежность данных и дает возможность отслеживать динамическое развитие процессов.

Приступая к эмпирическому исследованию социальной структуры современного российского общества, мы исходили из предварительно разработанной теоретической гипотезы состава ее групп и слоев, базировавшейся на анализе научной литературы. Для идентификации гипотетических элементов российского общества был разработан многошаговый алгоритм, позволявший учитывать разные показатели экономического, политического, социально-профессионального и культурного статусов респондентов. Главными из них были: основное занятие, род деятельности, профессионально-должностное

положение, уровень образования, квалификация, отрасль занятости, тип организации (предприятия, фирмы) по форме собственности, размер организации по числу работников, уровень основных и дополнительных денежных доходов респондентов, тип места жительства по шкале урбанизированности.

Отличительная особенность использованной методики заключалась в том, что названные выше статусные признаки рассматривались не как равнозначные, а как образующие иерархическую структуру, причем каждая социальная группа идентифицировалась по такому набору признаков, который, с нашей точки зрения, достаточно полно отражал ее социальную сущность. В качестве социальных слоев рассматривались агрегаты общественных групп, получивших относительно близкие экспертные оценки совокупного общественного потенциала (но, как правило, различавшиеся уровнем и соотношением его конкретных компонентов). В результате ряда итераций, направленных на уточнение получаемых результатов, была построена эмпирическая модель социальной структуры той части работающего населения России, которая репрезентируется массовыми опросами. Она включала четыре социальных слоя, объединявших 14 групп [5].

В 1996 г. эта модель (с учетом не попавших в выборку элит и социального дна) выглядела примерно так:

1. Правящая политическая и экономическая элита .	0,5 %
2. Верхний слой, или субэлита: крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий, верхнее звено федеральной и региональной бюрократии .	6,5 %
3. Средний слой: мелкие предприниматели, самозанятые, полупредприниматели, менеджеры производственной сферы, руководители учреждений бюджетной сферы, бизнес-специалисты делового профиля и других востребованных профессий, генералитет и старшие офицеры силовых структур	20 %
4. Базовый слой: массовая интеллигенция, полунинтеллигенция (технические служащие), рабочие средней и высокой квалификации, работники торговли и сервиса, крестьяне	61 %
5. Нижний слой: неквалифицированные рабочие, работники без профессий, временно безработные ...	7 %
6. Социальное дно: хронически безработные, бездомные, беспризорные, бродяги, алкоголики, наркоманы, проститутки, мелкие преступники и другие группы, социально исключенные из большого общества	5 %

Как видно из этих данных, стратификационная модель России является переходной от пирамидальной к веретенообразной. Ее переходность проявляется в том, что большинство россиян составляет не высокоразвитый средний слой, как на Западе, а базовый слой, заня-

тый низкооплачиваемым исполнительским наемным трудом. В то же время доля нижнего слоя (даже с добавкой социального дна), оказывается намного меньшей, чем базового. Формально такое строение ближе к веретену, чем к пирамиде, но это качественно иная модель, чем на Западе. Резко опущенный центр тяжести делает его похожим скорее на детский волчок.

Основные направления стратификационных сдвигов. Посмотрим, как изменения социальной стратификации российского общества в 1980—1990 гг. соотносятся с критериями демократизации и либерализации социальной структуры, названными выше.

1. Распад регулировавших социальную мобильность политических институтов обусловил либерализацию самого процесса формирования и преобразования социальной структуры. Последняя стала менее жесткой, более диверсифицированной и подвижной. Возросло многообразие социальных статусов. Началось активное размывание старых и формирование новых общественных групп. Открылись новые каналы повышения статусов, усилилась горизонтальная и вертикальная социальная мобильность россиян. Однако нисходящая мобильность крупных социальных групп и слоев на протяжении всего периода резко доминировала (и доминирует) над восходящей мобильностью, носящей строго индивидуальный характер.

2. Существенно изменилась сравнительная значимость компонентов социального статуса. Если стратификация советского общества базировалась в первую очередь на административно-должностном критерии, связанном с местом работников в системе власти и управления, то теперь решающую роль приобрел критерий собственности и доходов. Связь между политико-управленческим и экономическим элементами статуса не только усилилась, но и изменила свой знак: раньше материальное положение людей определялось уровнем занимаемых должностей, а теперь их политический вес все больше определяется величиной капитала.

3. Роль профессионально-квалификационного и культурного факторов в формировании высокостатусных групп усилилась, а в социальной дифференциации основной части общества существенно ослабла. О первой тенденции свидетельствуют, в частности, повышение образованности элиты и верхнего слоя, интенсивное социальное расслоение интеллигенции и рабочего класса по профессионально-квалификационному уровню, рост инструментальной ценности высшего образования в глазах молодежи. Однако это относится лишь к тем видам образования, которые пользуются спросом на рынке, в первую очередь к экономическому, юридическому и управленческому образованию. Инженерное, социальное и гуманитарное образование востребуются намного меньше, что отражает реакцию молодежи на резкое снижение статуса специалистов, профессии которых связаны с работой в бюджетном секторе и не имеют прямого касатель-

ства к рынку (инженеров, учителей, врачей, работников культуры, искусства и науки).

4. Локализм и замкнутость региональных рынков труда в условиях отсутствия общероссийского рынка и ограниченной территориальной подвижности работников не только породили значительную застойную безработицу, но и ослабили зависимость доходов работающего населения от факторов, связанных с личными трудовыми усилиями. Например, в 1996 г. средний уровень душевых денежных доходов москвичей, по данным Госкомстата, превышал средние доходы жителей беднейших регионов в 9,5 раза, а всех жителей провинциальной России — в 3,2 раза [6]. С поправкой на разную стоимость жизни различия в уровне реальных доходов москвичей и остальных россиян составили соответственно 6,2 и 2,6 раза, что вряд ли можно полностью объяснить различиями в квалификации работников [7]. Чрезвычайно резки различия в оплате труда в частном и государственном секторах экономики.

5. Снизилась и без того невысокая легитимность статусов верхних групп и слоев, социальное восхождение которых было неразрывно связано с корыстной теневой и криминальной деятельностью. Резко возросла дифференциация населения в зависимости от таких прескриптивных признаков, как пол, возраст, национальность. В российских условиях к этим признакам прибавляются регион и тип поселения (столица, крупный или малый город, моногород, или так называемый город-ловушка, крупное центральное село, периферийная деревня), так как неразвитость жилищного рынка и общий недостаток жилья снижают территориальную мобильность работников, искусственно удерживая их в городах и поселках с высоким уровнем безработицы. В результате, согласно общественному мнению, общество стало еще менее справедливым.

6. Во много раз возросла социальная поляризация групп и слоев. Экономический статус и образ жизни элит, субэлитных групп, верхнего слоя достигли невиданного прежде уровня, а базового и нижнего слоев — резко снизились. Расширились границы нищеты и бедности, ускорилась люмпенизация населения, резко увеличилось социальное дно. По уровню дифференциации доходов Россия оказалась среди развивающихся стран Африки и Латинской Америки. Децильный коэффициент фондов денежных доходов работающего населения перешагнул уже 20 раз.

Реформаторский потенциал слоев российского общества

Правящая элита. К этому слою российского общества относятся руководители властных структур и политических партий, верхнее звено государственной бюрократии, а также собственники крупного капи-

тала. За годы реформ персональный и социальный его состав существенно обновился. Но произошло это главным образом за счет экономического крыла элиты, в то время как состав ее политического крыла не столько сменился, сколько перегруппировался. Как показывают многочисленные исследования, большей части партийно-комсомольской номенклатуры удалось сохранить высокий статус, конвертировав свой политический и социальный капитал в экономический. При этом на ведущие позиции выдвинулся второй эшелон номенклатуры, в то время как первый был вынужден отойти на менее престижные роли [8]. Важным социальным результатом реформ стало заметное повышение статуса и роли региональных элит, вызванное ослаблением центральной власти и тенденцией к суверенизации территорий.

Во второй половине 80-х годов правящая элита России открылась для выходцев из других слоев общества. В результате к политической власти в целом пришли более молодые и образованные, рационально-прагматичные и современные люди. По своим общепрофессиональным и социальным качествам они значительно превосходят своих советских предшественников. Однако большинство из них не имеют требуемого опыта управления экономическими и политическими процессами. Оставляют желать лучшего и морально-этические качества новой элиты. К тому же уже в 90-х годах вновь проявилась тенденция к ее замыканию, приток новых сил на общественный Олимп практически прекратился. В настоящее время российская элита так же замкнута и противопоставлена обществу, как прежде коммунистическая номенклатура.

Экономическое крыло верхнего слоя сформировалось в результате трех основных процессов: отмыwania приобретенных в советское время теневых капиталов, сращивания бизнеса с государственным управлением и приватизации государственной собственности. Стремительная приватизация экономики привела к концентрации большинства российских богатств в руках узкого круга более или менее случайных собственников, большинство из которых несколько лет назад и не думали о подобной возможности. Самая мощная часть этой группы возникла в результате акционирования крупнейших промышленно-финансовых корпораций и естественных монополий. По утверждению Б.А. Березовского, половиной российской экономики до последнего кризиса управляли семь корпораций, названных журналистами, по аналогии с российским средневековьем, “семибанкирщиной”. Тесное и взаимовыгодное сращивание с государством позволяло им использовать общенациональные ресурсы для присвоения гигантских прибылей.

Основной интерес современной правящей элиты заключается в том, чтобы сохранить и укрепить завоеванный статус. Но она находится как бы на вершине просыпающегося вулкана, что, разумеется, опасно. Для полного благоденствия нашей элите не хватает хотя бы относи-

тельной социальной стабильности. А чтобы ее добиться, надо вывести хозяйство страны из кризиса, установить элементарный правовой порядок и улучшить положение народа до уровня, исключающего социальные катаклизмы. В этом отношении интересы элиты и остального общества совпадают. Что же касается более долгосрочных задач, таких как развитие социальной рыночной экономики или создание государства благосостояния, то наших правителей они мало волнуют. Несмотря на тенденцию к стабилизации персонального состава элиты, большинству ее представителей по-прежнему свойственны черты временщичества — ориентация на решение ближайших задач, связанных с удержанием власти и собственности. Стратегический интеллектуально-реформаторский потенциал правящего класса России представляется почти нулевым.

Верхний (субэлитный) слой. В нашем исследовании данный слой представлен преимущественно собственниками средних и относительно крупных фирм, директорами крупных и средних приватизированных предприятий, а также наиболее состоятельной частью других групп занятого населения (главным образом менеджеров и специалистов бизнес-профессий). На три четверти он представлен мужчинами, почти 90 % которых молоды или находятся в среднем возрасте; две трети имеют высшее образование, а большинство остальных — среднее специальное. Это наиболее урбанизированный слой: 37 % его представителей живут в Москве или Санкт-Петербурге, 29 % — в других крупных городах.

Даже явно заниженный уровень доходов, названный представителями этого слоя интервьюерам ВЦИОМ, впятеро превышает средний уровень доходов занятого населения России: 63% этих людей живут состоятельно и еще 30 % зажиточно, причем их доходы растут быстрее, чем цены. Индекс самооценки материального положения здесь в 6 раз выше среднего уровня [9]. Вместе с элитой этот слой образует те 7 % процветающих россиян, которые с теми или иными колебаниями обнаруживаются практически во всех исследованиях социальной структуры России. Например, по подсчетам Н.М. Римашевской, 5,5 % богатых и очень богатых граждан России владеют 72 % денежных сбережений физических лиц [10], к этому надо добавить средства, хранимые россиянами за рубежом.

Естественно, что настроение верхнего слоя отличается социальным оптимизмом, индекс которого почти в 2,5 раза выше среднего для россиян [11]. Почти половина представителей этого слоя полагают, что “все не так плохо, и жить вполне можно”, большинство остальных — что “жить трудно, но терпеть можно” (в среднем с такими суждениями согласны соответственно 7 и 40 % занятого населения России, остальная же его часть утверждает, что “больше не может терпеть свое бедственное положение”). В верхнем слое сильнее, чем в остальной части общества, вера в возрождение России и

вовсе нет ностальгии по прошлому. Более половины его представителей демонстрируют высокую социально-инновационную энергию, рассматривая себя и себе подобных в качестве силы, способной вывести Россию из кризиса.

Однако некоторые характеристики этого слоя ставят под сомнение его способность служить движущей силой реформ. Дело в том, что его процветание происходит на фоне и в окружении массовых слоев общества, испытывающих огромные трудности. Причем рядовые россияне хорошо понимают, что полученный верхним слоем экономический и политический выигрыш от реформ представляет не что иное, как проигрыш остальной части общества. В связи с этим статус данного слоя в массовом сознании скорее нелегитимен. Броский, демонстративно расточительный образ жизни немногочисленного верхнего слоя воспринимается обедневшим и уставшим обществом как вызов, порождая его отчуждение. Этот “эффект” усиливается из-за тесной связанности верхов общества с криминальными структурами, повсеместного распространения коррупции, постоянных финансовых скандалов и пр. Короче говоря, новый верхний слой не пользуется доверием общества и не воспринимается им в роли лидера. В социальном плане — с точки зрения положения и интересов — этот слой скорее *противостоит* остальному обществу и поэтому вряд ли способен сыграть роль интегратора нации, инициатора ее возрождения.

Средний протослой. Около двух пятых этого слоя составляют мелкие предприниматели и менеджеры, несколько больше — квалифицированные специалисты (профессионалы) и примерно одну пятую — служилые люди (среднее звено бюрократии и офицеры). Фактором, объединяющим эти группы, служит срединное положение на социально-стратификационной шкале. Однако они мало напоминают средние классы современных западных обществ. Статус большинства из них неконсистентен и нестабилен, состав текуч, а субъективная идентификация со средним слоем слаба и расплывчата. Группы, относимые нами к среднему слою, не похожи друг на друга ни положением, ни социокультурным обликом, их совокупность социально гетерогенна. Так, профессионалы выделяются высоким культурным потенциалом и развитым образом жизни, предприниматели и менеджеры — значительными размерами капитала, наличием собственного бизнеса, высоким доходом, а бюрократия и офицерство — местом в государственном управлении и правом распоряжения значительными общественными ресурсами. В целом эти группы не образуют целостного элемента социальной структуры общества, их агрегат — это, скорее, зародыш полноценного среднего слоя, своего рода протослой.

В рамках этого протослая мужчины и женщины соотносятся как 5:4. По своему возрастному составу он почти не отличается от среднего. Образование же его представителей довольно высокое: примерно три пятых окончили вузы и четверть — техникумы. С этим корре-

лирует наиболее высокая самооценка своих профессионально-квалификационных качеств. Большинство представителей среднего слоя живут в крупных городах и столицах (индекс урбанизированности мест их проживания [12] равен 1,24). Это относится в первую очередь к профессионалам и государственным служащим (индексы урбанизированности мест их проживания равны соответственно 1,91 и 1,21), большинство же представителей мелкого бизнеса живут в средних и малых городах, рабочих поселках или селах.

Структура занятости разных групп среднего протослоя весьма различна. Почти две трети бизнесменов заняты в частном секторе экономики и только 15 % — в государственном. В то же время 90 % профессионалов, бюрократов и офицеров работают в государственном секторе. Уровень доходов среднего протослоя в 2,5—3 раза ниже, чем верхнего: из каждых десяти семей 7—8 балансируют между нуждой и достатком, одна живет бедно и одна-две — зажиточно. При этом уровень благосостояния профессионалов и среднего звена бюрократии заметно выше, чем представителей бизнеса, около 20 % которых живут за чертой бедности. Это объясняется мелкими размерами индивидуальной трудовой и предпринимательской деятельности, а также налоговой и иной политикой государства, ставящей российское предпринимательство в трудные экономические условия.

Однако большинство представителей среднего протослоя не бедствует: уровень их доходов примерно вдвое выше, чем базового слоя, индекс самооценки материального положения семей на 42% выше среднего (хотя в четыре с лишним раза ниже, чем верхнего слоя). Позитивные оценки социального настроения преобладают над негативными; поддержка либеральных реформ встречается вдвое чаще, чем в базовом слое. Таким образом, статус среднего протослоя оставляет некоторые ресурсы и возможности для различных видов инициативной социально-инновационной деятельности, начиная с хозяйственного предпринимательства и кончая социально-организационным экспериментированием в сферах образования, медицины, науки или культуры. Важно отметить, что за три года (1993—1996) доля среднего протослоя в занятом населении страны увеличилась с 14,5 до 21,1 %. Это было связано с такими процессами, как развитие предпринимательства, приватизация экономики, повышение статуса государственных служащих и социальное расслоение интеллигенции.

Высокий профессионально-квалификационный потенциал, благоприятная структура занятости, сравнительно терпимое материальное положение, относительная многочисленность и тенденция к дальнейшему расширению позволяют рассматривать средний протослой как потенциальную движущую силу трансформационного процесса. Более того, несмотря на неблагоприятные экономические условия своей деятельности, этот слой уже сейчас вносит весомый вклад в либерализацию институтов власти и собственности на территории всей России.

Базовый слой. Этот наиболее массивный элемент социальной структуры представлен средними рядовыми россиянами. Подавляющую часть их составляют работники средней и невысокой квалификации, занятые исполнительским трудом по найму. Три четверти из них работают в государственном секторе и только 9 % — в частном. Это пролетаризированная интеллигенция, полуинтеллигенция (технические служащие), рабочие, крестьяне, низовые работники торговли и сервиса; 55 % базового слоя составляют женщины, чаще среднего и старшего возраста, с образованием в пределах школы или техникума. Большинство его представителей живут в средних и небольших провинциальных городах, селах и деревнях.

Реформы сильнее всего ударили по благосостоянию именно этого слоя. Отсюда и трудное материальное положение: значительная его часть месяцами не получает заработную плату, пополняет ряды безработных, не знает, чем накормить детей и на что купить лекарства. Четыре-пять лет назад 46 % его представителей жили за чертой бедности, остальные — на уровне прожиточного минимума. Позже их материальное положение заметно улучшилось: в 1995 г. доля бедных составила одну треть, а в 1996 г. — менее 20 %. Отсюда можно было сделать вывод, что основная часть базового слоя так или иначе адаптировалась к новой реальности, по необходимости приняла на себя ответственность за свое выживание и в борьбе за него проявляет немало инициативы. Главными средствами адаптации представителей этого слоя к новым условиям служат двойная или тройная занятость взрослых членов семей, использование труда детей и подростков, производство сельскохозяйственной продукции в личных подсобных и садовых хозяйствах, замена оплачиваемых бытовых услуг своим трудом, использование любых возможностей случайного приработка, сочетание основной работы с мелкой розничной торговлей и т.д. Практикуются и менее почтенные занятия, такие как растаскивание “плохо лежащих” ресурсов, участие в разных теневых операциях и др.

Однако вести повседневную борьбу за существование нелегко. Такой образ жизни влечет за собой тяжелые хронические болезни, массовые неврозы, стрессы, психические расстройства и даже самоубийства, по частоте которых Россия ныне занимает второе место в мире (после Литвы) [13]. Настроение базового слоя уже в 1996—1997 гг. было пессимистично: три четверти его представителей предпочли бы жить в брежневское время, а нынешнюю жизнь выбрал бы один из восьми. Три пятых формирующих этот слой “средних россиян” постоянно испытывали напряжение, раздражение, страх или тоску. Две пятых говорили, что больше не в состоянии терпеть свое бедственное положение, подтверждая это оппозиционным голосованием на выборах и акциями открытого протеста. Кризис 1998 г., приведший к еще большому обнищанию основной части этого слоя,

дополнительно обострил ситуацию. Тот социально-инновационный потенциал, которым располагает базовый слой, расходуется на решение проблем выживания. Таким образом, основная масса россиян практически лишена возможности сознательно и конструктивно участвовать в социальном обновлении общества. Это — одна из самых важных проблем России, без решения которой вряд ли удастся благополучно завершить реформацию.

Нижний слой. Нижний слой общества в наших расчетах представлен работниками, не имеющими профессий и выполняющими простейший труд. Это наименее образованный, самый бедный, малоинициативный и социально беспомощный слой. Доля пожилых людей здесь в 1,6 раза выше средней, женщин в полтора раза больше, чем мужчин. В 1995 г. половина, а в 1996 г. треть семей этого слоя жили за чертой бедности, из них соответственно 14 и 8 % вели нищенское существование. Адаптационный потенциал этого слоя невысок. За десять лет большинство его представителей так и не сумели приспособиться к рыночным отношениям и вряд ли смогут когда-либо это сделать. Не обладая возможностью влиять на общественные процессы, они сохраняют приверженность эгалитарным и патерналистским ценностям, испытывают ностальгию по “доброму советскому времени”, предпочли бы, чтобы реформы не начинались. Социально-инновационный потенциал этих людей равен нулю. Долг общества — оказать им требуемую социальную защиту, чтобы они могли спокойно и более-менее достойно жить.

Выводы

Вряд ли надо доказывать, что трансформационный процесс в России находится не более чем на полпути. На сегодняшний день его итоги можно определить как “олигархическую либерализацию” экономики и “бюрократическую демократизацию” общества, принесшие россиянам намного больше разочарований, чем достижений. С этим согласны едва ли не все политики, публицисты и ученые.

Оценки современных динамических тенденций менее однозначны. Одни авторы утверждают, что российская экономика (а вслед за нею и общество в целом) продолжает скатываться все ниже и ниже, другие продолжают подчеркивать первые признаки начинающегося перелома к лучшему. Наши разработки материалов ВЦИОМ дают основания полагать, что в 1995—1996 гг. Россия прошла через нижнюю точку кризиса и социальная ситуация стала медленно улучшаться. Но, во-первых, это происходило далеко не везде: некоторое оживление в одних регионах, городах и отраслях экономики сочеталось со стагнацией и разложением в других. В результате социальная дифференциация продолжала расти. Во-вторых, усталость от нищеты, безработицы, невыплат заработной платы, неуверенности в зав-

трашнем дне продолжала накапливаться даже в условиях, когда жизнь становилась несколько легче. Ведь чуточку меньшая, чем вчера, нищета по-прежнему остается *нищетой*, не позволяющей удовлетворять самые насущные нужды, так что круг неудовлетворенных потребностей расширяется. В силу этого наблюдавшееся слабое улучшение ситуации само по себе не гарантировало ни социальной стабилизации, ни роста оптимизма, ни активизации инновационной активности населения. В 1997 г. социальное самочувствие большинства россиян продолжало ухудшаться. Резко расширились движения общественного протеста, причем преобладавшие ранее требования погашения долгов по заработной плате стали все чаще сменяться призывами к изменению курса реформ, отставке правительства и президента. Произошедший на этом фоне обвал курса рубля, вызванный авантюристической финансовой политикой руководства страны, еще больше обострил обстановку и привел к системному кризису общества.

Чтобы перевести трансформационный процесс в конструктивное и социально эффективное русло, добиться осязаемых позитивных сдвигов в положении большинства россиян, необходимо обеспечить подлинную, а не бумажную демократизацию и либерализацию общества. Конкретное содержание требуемой для этого экономической и социальной политики широко обсуждается в политических структурах и в научных аудиториях [14]. Но данная работа посвящена анализу социальной базы трансформационного процесса, его движущих сил, состава и характера тех общественных групп, на усилия и поддержку которых он может в ближайшем будущем опираться.

До сих пор основным агентом преобразования российского социума была правящая верхушка, пытавшаяся реформировать общество по своему усмотрению, без развернутого дискурса с остальными слоями. Но что может сделать своими силами группа, составляющая полпроцента населения? Как максимум, перестроить формально-правовое пространство путем разработки и издания указов, законов, подзаконных норм, инструкций и пр. Однако от реформирования общественных институтов “на бумаге” до их реального преобразования — дистанция огромного размера. Чтобы реально задействовать новые институты и сделать их достаточно эффективными, требуется преобразование основной социальной ткани общества на всю его глубину и ширь, практическое освоение нового нормативно-правового пространства путем массовой социально-инновационной деятельности, формирования новых социальных практик.

Потенциальными субъектами, наиболее готовыми к решению этих задач, являются верхний и средний слои общества, более других способные воспользоваться теми возможностями, которые открывают реформы, и опосредованно содействовать социально-экономическому подъему общества. Что касается базового слоя, то в сложив-

шихся условиях от него можно ожидать в лучшем случае, лояльности к власти и новым хозяевам экономики, что явно недостаточно для успешного завершения трансформации.

Меры, осуществлявшиеся в последние годы либеральными реформаторами в социальной сфере вряд ли заслуживали названия политики. Их стратегия вообще не имела открыто предъявляемого обществу социального компонента. Сдвиги в социальной сфере представляли собой скорее стихийные, заранее не просчитывавшиеся последствия экономических мер [14]. Этот просчет реформаторского правительства дал возможность многим высокостатусным группам (от банкиров и генералитета до верхушки бюрократии и иерархов православной церкви) действовать в своих эгоистических интересах без оглядки на интересы общества. Асоциальный характер деятельности команды Гайдара—Чубайса, отсутствие у ее представителей не только понимания, но и интереса к социальным проблемам завели реформы в тупик. Об этом свидетельствует не только рост протестного поведения массовых слоев — множась забастовки, блокады, пикетирование шахтеров, учителей, работников культуры, но и сдерживающее влияние обнищания россиян на рост внутреннего платежеспособного спроса и инвестиционного потенциала мелкого и среднего предпринимательства.

Что касается новой социальной политики, о необходимости которой сейчас говорят большинство политиков, то обсуждать ее конкретные направления, не зная масштабов возможного финансирования вряд ли имеет какой-либо смысл. Определенно можно говорить лишь о ее задачах. Думается, что главной из них является легитимация деятельности правящего слоя, его правовое и моральное очищение: строгое и последовательное отделение государственного аппарата от частного бизнеса, преодоление тотальной коррумпированности бюрократии, восстановление законности (включая принцип “один закон для всех”) и развертывание бескомпромиссной борьбы с экономической преступностью. Но этого мало. Чтобы преодолеть глубокое недоверие и отчуждение общества от власти и формируемых ею рыночных институтов, необходимо ее честное и открытое покаяние перед народом, признание не только своих ошибок, но и допущенных преступлений, равно как и наказание последних.

Второй задачей является экономическое, правовое и информационное содействие развитию многообразных форм легитимной социально-инновационной деятельности массовых слоев общества в сфере хозяйственного предпринимательства и преобразования социальной сферы; создание необходимых условий для становления социально-партнерских отношений между представителями наемного труда, частного капитала и государственной власти, а также обеспечение минимально необходимой социальной защиты наименее дееспособной части населения.

Социологическая концепция трансформации свободы

ГЛАВА 9

Феномен свободы как социальная проблема

Пафос социально-экономических преобразований, начатых по инициативе верхов, состоял в переходе к более свободному и процветающему обществу, где было бы больше возможностей для развития личности по законам ее собственной жизнедеятельности. С этой целью предполагалось уменьшить число административных запретов и ограничений, раскрепостить энергию и инициативу людей, дать им возможность работать столько, сколько они хотят, и зарабатывать столько, сколько могут, предоставить им возможность самостоятельно делать выбор и нести за него ответственность в разных сферах жизнедеятельности.

При этом, по-видимому, предполагалось, что свобода (в понимаемом реформаторами смысле) важна для большинства членов общества, что в условиях административно-командной системы они чувствовали себя закрепощенными и не могли реализовать своего права на свободный выбор в важных для них сферах жизнедеятельности или могли сделать это не в той мере, в какой хотели бы, и слишком большой ценой. То есть, исходя из весьма распространенного мнения об отсутствии свободы в коммунистическом обществе, ожидалось, что закрепощенный (и, что немаловажно, страдающий от этого) российский народ устремится к свободе, причем к свободе непременно западного образа (иначе какая же это свобода?!), к свободе, которая в сферу экономики придет в виде рынка, а в неэкономические сферы — в виде демократического общества.

Задуманный переход к новой общественной системе не мог не произойти без изменения базовых социальных институтов (экономических, политических, культурных). Пришедшие к власти реформаторы начали с самого для них доступного — с системы права как части социальных норм и отношений, которая декларируется государством и охраняется его силой. Были провозглашены новые права и свободы, принципиально меняющие социетальную свободу и, казалось, открывающие новые возможности для повышения уровня индивидуальной свободы всех и каждого в разных сферах жизнедеятельности. Например, возможность создать свое дело и вести его на свой страх и риск, право частной собственности на землю и другие средства производства, право решать, работать или не работать, право производителям самим определять объемы производства, цены на

* Работа выполнена при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда в рамках программы “Российские общественные науки: новая перспектива” (грант № 498).

продукцию, размеры заработной платы, возможность приватизировать квартиру, приобрести и иметь в личной собственности жилье, право на забастовку, митинги, акции протеста, свободного вступления в разные партии, объединения, движения, союзы, свобода выбора места жительства и перемещений по территории страны, возможность выезда из страны и беспрепятственного возвращения, свобода выражать свои взгляды, отстаивать убеждения и др.

Все эти права были не только провозглашены, но и начали в той или иной степени реализовываться, сигнализируя об исчезновении или ослаблении прежних, административно-командных, ограничителей индивидуальной свободы. В самом деле, в ряде отраслей государство больше не фиксирует размеры заработной платы и расценки на продукцию. Теперь не нужно особых разрешений с места основной работы, чтобы устроиться на работу еще и в других местах. Покончено с обязательным для всех трудом и преследованием за тунеядство, обязанностью принимать участие в жизни коллектива (выполнять общественные и партийные поручения). Ушла в прошлое необходимость членства в КПСС для успешной карьеры. Открылись многие из ранее “закрытых” городов и предприятий. Облегчился выезд за рубеж. Расширился выбор товаров и услуг, не стало очередей и талонов и пр. Жизнь действительно изменилась. В чем же тогда проблема?

Как показали эмпирические обследования, проведенные в восточных регионах страны, в новых условиях уровень индивидуальной свободы у значительной части населения не увеличился, а напротив, уменьшился. В сельской местности и небольших городах эта часть особо велика — 68—73 %. Причем сокращение возможностей жить так, как люди сами считают более подходящим для себя, они связывают именно с проводимыми общественными преобразованиями, т.е. с теми социальными процессами, которые происходят на социальном и социальном (групповом) уровнях и мало поддаются или вообще не поддаются воздействию со стороны конкретного индивида. Многие либо совсем не воспользовались новыми правами, либо хотя и воспользовались, но не достигли своих целей, а если и достигли, то, по признанию самих респондентов, “чаще всего вопреки, а не благодаря новым правам”.

Как же можно объяснить сосуществование двух групп эмпирических фактов в современной реальности: исчезновение прежних ограничений индивидуальной свободы и установление новых прав, с одной стороны, и наблюдаемое при этом снижение уровня свободы у больших групп российского общества, их индифферентность к новым правам — с другой? Действительно ли правы те, кто заявляет, что от предложенной в ходе реформ свободы сегодня пытаются избавиться именно те, кому не под силу ее бремя — “бремя взрослого человека”, бремя самостоятельных решений, риска, забот? И если это так, то можно ли как-то приостановить столь сильное “бегство”

от “западной свободы”? И нужно ли это делать?! Или, быть может, в современных условиях на социальном уровне формируется какая-то иная, отличная от провозглашенной, свобода? Тогда на основании происходящего сейчас вообще нельзя судить (как это нередко делается) ни о “проверке свободой”, ни о “бегстве от свободы”, ни о том, что либеральный проект в России не удался.

Итак, что же происходит в действительности? Почему большие группы населения до сих пор не предпринимают никаких действий, чтобы воспользоваться новыми правами и свободами или отстоять их? Не хотят или хотят, но не могут? По каким причинам происходит то, а по каким — другое? Кто может и уже воспользовался новыми правами, а кто — не может, но хотел бы? Какая свобода в современных условиях действительно формируется на социальном уровне? Почему сегодня она чаще всего выступает ограничителем индивидуальной свободы очень многих, а расширителем свободы — немногих? Связана ли положительная динамика индивидуальной свободы с институционализацией новых прав или, быть может, она происходит, напротив, совершенно независимо от этого и даже вследствие нарушения правовых норм? Кто, в конце концов, сегодня становится более свободным, а кто — менее свободным, чем прежде? И каковы исходя из этого возможные перспективы движения российского общества к более свободному?

Очерченное “проблемное поле” предьявляет, как минимум, три требования к научному исследованию феномена свободы в меняющемся обществе: (1) комплексность и междисциплинарность развиваемой теории; (2) преимущественно эмпирический статус теории; (3) взаимосвязанное изучение трех уровней социальной реальности — социального, социального (группового) и индивидуального — с акцентом на групповой уровень как расширитель или ограничитель свободы индивидуальной и как фактор или барьер для формирования того или иного типа свободы социальной. Иными словами, в нашем предметном поле феномен свободы нельзя понять, не уяснив, какое место занимают те или иные социальные субъекты в данной системе общественных отношений и институтов (внешний аспект) и насколько они адаптированы к ним (внутренний аспект).

Феномен свободы как предмет исследований разных наук

Феномен свободы — предмет исследования многих наук: философии, экономической теории, психологии, права и пр. Отдельные аспекты свободы (свобода выбора профессии, места жительства и т.д.) изучались и социологией. Какая же из этих наук (если брать ее подход в “чистом” виде) более всего готова к изучению и объяснению описанного выше “проблемного поля”?

В философии вопрос о свободе очень древний, споры о ней во все времена носили столь острый характер, что, по признанию самих же философов, уступали, пожалуй, лишь спорам о Боге. Объединяет же разные философские системы то, что смотрят они на этот вопрос исходя из специфики общефилософского средства мышления — предельного описания. “Философские проблемы становятся таковыми, если они ставятся под луч одной проблемы — конечного смысла”. Философ строит понятия, посредством которых ситуации можно представить в предельно возможном виде и затем мыслить в соответствии с этой предельно осуществляемой идеей. При этом философ вовсе не утверждает, что эти предельные описания являются изображением каких-то реальных предметов в мире. Для него такое описание есть лишь средство мышления [1].

Разделяя проблему свободы на три части: проблему свободы *действия*, проблему свободы *выбора* и проблему самого хотения, или проблему свободы *воли*, — философы делают акцент на изучении проблемы свободы воли, т.е. на изучении последних оснований наших поступков и мотивов. Существует ли свобода *хотения*, определяющего выбор? «Участвовала ли моя воля в творчестве моей судьбы, моего характера, моей личности или я всю жизнь был лишь полем игры внешних и чуждых моему “я” сил?» В философском предметном поле вопрос о свободе неразрешим ни на уровне свободы действия (здесь это — первый, внешний слой проблемы, не затрагивающий ее существа и вообще не позволяющий правильно ее поставить), ни на уровне свободы выбора (здесь это — внутренние границы самого хотения, психологическое ощущение свободы, которое сопровождает волевой выбор и которое отнюдь не является доказательством свободы). И хотя, по мнению самих же философов, истинное решение вопроса должно охватить все три уровня, именно в проблеме свободы *воли* заключается собственное ядро вопроса о свободе. “Традиционно этот вопрос ставится так: или моя воля есть одно из звеньев в сложной цепи мировой причинности — и тогда воля моя несвободна. Или же моя воля обладает чудесной способностью к самопроизвольным актам — способна нарушать цепь причинности, внося в нее прерывность и принципиальную непредвиденность” [2].

Несмотря на широту философского предметного поля, очевидно, что собственно философского научного арсенала явно недостаточно для исследования закономерностей трансформации свободы (социальной, групповой, индивидуальной) в том или ином конкретном обществе и при тех или иных конкретных обстоятельствах. Думается, что в условиях крупных общественных перемен актуализируется проблемность не центральных для философов уровней свободы — свободы действия и свободы выбора. Потребность в выявлении *реальных* закономерностей динамики свободы в ходе реформ предполагает разработку соответствующих концепций и теорий, которые,

опираясь на теоретико-методологические достижения философии, вместе с тем основываются на большей эмпиричности и детальности научного анализа, иных акцентах в исследовании вопроса о свободе.

Требованиям нашего “проблемного поля”, возможно, в большей мере отвечает экономическая теория, поскольку феномен свободы в постановке, интересующей нас, предполагает выбор жизненных целей и средств их достижения. А современная экономическая наука как раз и объявляет своим предметом поведение, движимое сопоставлением целей и средств, и, основываясь на теории рационального выбора, претендует на объяснение всякого человеческого поведения. Кроме того (и так уж сложилось), именно экономическая теория ставится выше других социальных наук и объявляется “поистине универсальной грамматикой общественной науки” (Дж. Хиршлайфер) [3] — идет ли речь о материалистическом экономическом детерминизме К. Маркса или о современном “экономическом империализме” Л. Роббинса или Г. Беккера.

В экономическом предметном поле человеческое существование характеризуется следующими четырьмя фундаментальными положениями: человек стремится к различным целям; время и средства, находящиеся в его распоряжении, ограничены; они могут быть направлены на достижение альтернативных целей; в каждый момент времени разные цели имеют различную важность. Причем каждое из этих условий в отдельности не представляет интереса для экономиста, но когда все они присутствуют одновременно, поведение неизбежно принимает форму выбора и становится предметом экономической науки [4]. «Общепризнанно, что экономический подход предполагает максимизирующее поведение в более явной форме и в более широком диапазоне, чем другие подходы, так что речь может идти о максимизации функции полезности и богатства все равно кем — семьей, фирмой, профсоюзом или правительственными учреждениями... Когда явно выгодные возможности упускаются фирмой, рабочим или домашним хозяйством, экономический подход не ищет убежища в предположениях об их иррациональности, довольстве уже имеющимся богатством или удобных сдвигах *ad hoc* в системе ценностей (то есть в предпочтениях). Напротив, он постулирует существование издержек, денежных или психологических, возникающих при попытках воспользоваться этими благоприятными возможностями, — издержек, которые сводят на нет предполагаемые выгоды и которые не так-то легко “увидеть” сторонним наблюдателям» [5].

Таким образом, по сравнению с философским экономический подход позволяет “заземлить” проблему свободы и проникнуть в механизмы реализации свободы *конкретным* социальным субъектом, имеющим определенные жизненные ценности, цели и возможности их достижения в данных условиях и обстоятельствах. В этом смысле он, казалось бы, в большей мере отвечает требованиям нашего “проблемного поля”.

Однако констатация того, что поведение социального субъекта в каждый момент времени определяется максимизацией полезности (или приближением к ней), также мало продвигает нас в понимании сущности вопроса о феномене свободы в условиях общественных перемен.

По существу, здесь проблеме свободы не остается места, ибо неявно предполагается, что социальный субъект в каждый момент времени реализует максимальную (или близкую к ней) степень свободы, которая только доступна ему в данных условиях и при данных ресурсах. Зависимость тех или иных элементов индивидуального выбора (целей, возможностей) от интересов других индивидов (социальных групп, государства), а следовательно, и ограничения, накладываемые на одних другими, — вне поля зрения приверженцев экономического подхода. Но дело не только в недостатках методологии изолированного индивида. У разных социальных групп разные жизненные цели и возможности, разные затраты на достижение примерно одинаковых целей и разные шансы стать более свободными в ходе реформ. В условиях ограниченных ресурсов они отказываются от разных по значимости жизненных целей. Экономический подход и эти аспекты социальной жизни не принимает во внимание. Вооружившись его главным положением (человек всегда стремится максимизировать поведение, сопоставляя цели и средства их достижения, приобретения и потери) как исходной посылкой, будем двигаться дальше — за рамки экономического подхода с тем, чтобы глубже познать внутренние и внешние аспекты трансформации свободы в меняющемся обществе.

Но коль скоро такие универсальные науки, как философия и экономическая теория (в ее широком значении), не отвечают требованиям нашего проблемного поля, вряд ли стоит рассчитывать на то, что более частные науки смогут поправить ситуацию. Так, психология уделяет основное внимание лишь внутреннему аспекту свободы: “Что такое свобода в смысле человеческого переживания? Верно ли, что стремление к свободе органически присуще природе человека?.. Не существует ли — кроме врожденного стремления к свободе — и инстинктивной тяги к подчинению? Если нет, то как объяснить ту притягательность, которую имеет сегодня для многих подчинение вождю? Всегда ли подчинение возникает по отношению к явной внешней власти или возможно подчинение интериоризованным авторитетам, таким как долг и совесть, либо анонимным авторитетам вроде общественного мнения? Не является ли подчинение источником некоего скрытого удовлетворения; а если так, то в чем состоит его сущность?” [6]. В центре внимания психологов — динамические факторы в психике человека, которые побуждают его добровольно отказаться от свободы или, напротив, превращают последнюю в заветную цель. Движущие силы общественных изменений, включая революции, приверженцы психологии нередко ищут не в социальной организации общества, а в психологическом состоянии людей, их настроении [7].

Как видно, психология в ее чистом виде полностью отвечает только одному требованию из трех (эмпирической проверке теоретических положений). Внешняя проекция свободы, межгрупповые различия в ее образах и механизмах реализации — вне поля зрения психологов. И хотя значимость внутренних аспектов свободы в меняющемся обществе особенно велика, вне социального контекста они не выглядят убедительными и в очерченном проблемном поле не обладают удовлетворительной объясняющей силой.

Не отвечает требованию многомерности и правоведение, ибо право само по себе еще не превращает общественные отношения в правовые, а лишь подключается к ним в совместном воздействии на регулируемое поведение [8]. Кроме того, неотъемлемой чертой российской общественной традиции всегда был правовой нигилизм. “Не я виноват, — писал В.О. Ключевский, — что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права” [9]. Не случайно еще В. Даль определял свободу через волю и распространял это понятие на гораздо более широкий круг явлений, чем допускает западная традиция: вплоть до “полного, необузданного произвола или самовольства” [10].

Представляется, что и в настоящее время априорное включение в определение свободы требования соблюдения провозглашенных правовых норм, вполне оправданное в других науках, в нашем случае нецелесообразно. Оно резко сузило бы познавательные возможности в обнаружении конкретных эмпирических типов действительно формирующейся в российском обществе социетальной и индивидуальной свободы в данных условиях и в данный период. Сознвая, что вопрос о свободе в меняющемся обществе не может быть решен вне либеральной концепции правопонимания с ее разграничением права и закона, делением законов на правовые и антиправовые, нелегитимностью неправового закона; различием в восприятии разными социальными группами одних и тех же законов в качестве правовых и неправовых [11], мы должны признать, что только в этих рамках он также не может быть решен.

Таким образом, одни из наук, так или иначе изучавших общие аспекты свободы, не отвечают требованию комплексности, другие — требованию эмпиричности. И ни одна из них не ставит задачу взаимосвязанного изучения трех уровней социальной реальности (социетального, группового и индивидуального) с акцентом на групповой уровень. По своему подходу, методу, потенциалу отвечает всем этим требованиям одна наука — социология.

Феномен свободы как социологическая проблема

В самом деле, социология по природе своей междисциплинарна (многие ее ветви родились на стыке с другими науками: социология

личности, социология права, экономическая социология, политическая социология и пр.). От самой древней науки, традиционно изучавшей свободу, — философии — ее отличает эмпиричность, что крайне важно для изучения количественных и качественных закономерностей динамики свободы в меняющемся обществе. И наконец, именно социология в исследовании механизмов общественных изменений делает акцент на групповом уровне социальной реальности.

Ставя во главу угла *социологическое* видение свободы, мы будем исходить из того, что начатые преобразования по переходу к более свободному и процветающему обществу по-разному сказались на уровне свободы разных социальных групп. Прежде всего, потому, что каждая социальная группа, занимая определенные позиции в социальной структуре общества, может включиться и включается (желают того или не желают ее представители) в ограниченные социальные отношения.

Так, в периоды общественных преобразований разные группы имеют неодинаковые возможности влиять на вновь провозглашаемые права и отношения, которые впоследствии будут охраняться силой государства и будут обязательны для выполнения. Из множества провозглашенных в каждый момент прав, определяющих характер допускаемых официально отношений, разные группы имеют возможность воспользоваться прежде всего теми, которые доставаемы с высоты занимаемых ими социальных позиций. Прошлый и нынешний статус позволяет одним группам беспрепятственно воспользоваться новыми правами и свободами, другие же по тем или иным причинам не могут реализовать их (противодействие более сильных общественных групп, отсутствие связей в деловом мире, недостаточных денежных накоплений, возможности взять кредит, информации, знаний, образования, опыта и др.).

Появляющиеся в периоды кардинальных общественных перемен новые возможности для вертикальной социальной мобильности, хотя и смягчают, но отнюдь не отменяют “социального распределения” новых прав и свобод. Во всяком случае, для того, чтобы воспользоваться одним и тем же правом (прежде всего из группы социально-экономических), лица, занимающие более низкие социальные позиции, чаще вынуждены затрачивать больше усилий, преодолевать больше ограничений и барьеров, чем лица с более высоким социальным статусом. В итоге новые права и свободы обладают не только неодинаковой доступностью для разных общественных групп, но и неодинаковой “социоструктурной эффективностью”, разным соотношением требуемых затрат и достигаемых результатов.

Объективные различия усиливаются различиями субъективными: разные общественные группы имеют неодинаковые способности к рефлексии, к осознанию действительных изменений в своих правах и возможностях в новых условиях по сравнению со старыми; они

неодинаково подвержены ошибкам в восприятии происходящего из-за идеологических воздействий (в прошлом и настоящем), доступа к информации, разного уровня и образа жизни и др. Конечно, субъективные различия характеризуют, скорее, индивидуальные особенности социальных субъектов, чем групповые, и в условиях общественных перемен они способны ощутимо размывать и дифференцировать (в том числе и через выбираемые модели поведения) прежние социальные группы. Однако наряду с этой тенденцией неизбежно соседствует и другая, которая воспроизводит (сохраняет) различия между разными социальными группами по выделенным субъективным признакам, так что доля лиц, скажем, с высоким уровнем рефлексии будет выше у одних групп и ниже — у других.

Наконец — и это положение хотелось бы подчеркнуть особо — у разных социальных субъектов в каждый момент времени имеется свой образ свободы, свои жизненно важные цели и ценности, свои представления о допустимых способах их достижения и благоприятных условиях для этого. И тот или иной тип социетальной свободы — будь то свобода “административно-командная” или “рыночная демократическая” — индивиды оценивают прежде всего как *средство реализации* своей свободы. Одна и та же институционально-правовая свобода одними индивидами (группами) оценивается как расширитель их свободы, а другими — как ее ограничитель. По-разному отвечая потребностям и ценностям различных социальных субъектов, она имеет неодинаковые шансы на интернализацию с их стороны.

Особенности теоретико-методологического подхода и исходные концептуальные положения

Прежде всего договоримся о терминах, ибо феномен свободы по природе своей весьма многогранен, а термин “свобода” от частого и разнообразного использования давно уже стал размытым и неясным. В рамках предлагаемого подхода свобода понимается как возможность субъекта самостоятельно выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности. Разумеется, это идеальное состояние. В действительности же речь идет о переходе либо от одной степени социальной несвободы к другой (количественный аспект), либо(и) от одного смыслового образа несвободы к другому (качественный аспект), т.е. о процессе освобождения или закрепощения.

Под *освобождением* будем понимать процесс и результат взаимодействия индивидов (групп) с социальной средой, в ходе которого либо вследствие изменения среды (системы социальных зависимостей: социальных институтов, социальных неравенств и др.), либо благодаря собственным усилиям индивидов (групп), либо тому и другому одновременно они обретают больше возможностей для выбора и реализации жизненно важных целей и ценностей. Под *закрепощением*

будем понимать обратный освобождению процесс, в ходе которого вследствие изменения социальной среды и несмотря на противодействие индивидов (групп) либо из-за отсутствия по тем или иным причинам такого противодействия происходит сужение возможностей для самостоятельного выбора и реализации важных целей и ценностей.

В социологическом исследовании феномена свободы в принципе можно выделить две проекции: внутреннюю и внешнюю, каждая из которых может приводить к весьма различным решениям и перспективам анализа. В основе рассогласований между ними лежит прежде всего разный уровень осознания социальными субъектами характера и степени воздействия на них системы социальных связей, через посредство которых они включены в общественную жизнь и взаимодействуют с другими социальными субъектами, организациями и институтами. Не менее важную роль играет доступ к информации об окружающем мире и изменениях в нем, ошибки в восприятии и осознании перемен и другие факторы.

В рамках *внутренней* проекции в центре нашего внимания — социальный субъект, который сам оценивает уровень и динамику своей свободы в том или ином отношении, исходя из тех жизненных целей (ценностей) и представлений о возможностях их достижения, которые уже сложились у него в данный момент. Именно эти представления подразделяют все изменения в социальном пространстве на актуальные и неактуальные для него. Стадия осознания (восприятия и осмысления) социальным субъектом происходящих перемен и своего места в новой социальной реальности неизбежно становится центральной. Даже если по тем или иным причинам его представления о динамике возможностей слабо отражают реальное состояние дел, эта “оторванность от реальности” сама выступает как реальность.

В рамках *внешней* проекции на первый план выдвигаются действительные изменения во взаимоотношениях социального субъекта с социальной средой (другими группами, государством и др.), независимо от того, осознает он их или нет, актуальны они для него в данный момент или нет. Иными словами, в этом случае мы абстрагируемся от опыта, вынесенного субъектами из своей жизни и жизни других, от социальной памяти, от неполноты информации об окружающем мире и изменениях в нем, от степени осознания перемен в социальной среде, ошибок в восприятии и др. По существу, здесь делается акцент на оценке динамики свободы социальных субъектов исходя из изменений во внешней среде, в частности на том, какую область *потенциальной* свободы, в принципе, дают социальные системы разных типов или социальная система одного типа на разных этапах ее развития, насколько прочно эта свобода гарантируется, какими социальными институтами подкрепляется, какие ограничения та или иная система накладывает на индивида (независимо от

того, осознает он их или нет), какова динамика шансов на преодоление этих ограничений при тех или иных изменениях социальной системы и пр.

Как видно, каждая из проекций имеет свои достоинства и свои недостатки. Остаться в рамках какой-нибудь одной из них — значит заведомо обречь себя на неоправданно усеченные решения проблемы свободы в контексте социологии. Для выявления закономерностей трансформации свободы в меняющемся обществе важна интеграция внешних и внутренних аспектов свободы, осуществляемая, как минимум, на трех основах: институционально-правовой, ценностно-деятельностной и стратификационной. Институционально-правовая ось “задает” новые правила игры — закрепленные в новых правах внешние рамки индивидуальной свободы и допускаемые способы ее увеличения (сохранения). Ценностно-деятельностная ось “отфильтровывает” из этих изменений в социетальной свободе только актуальные для индивида (те изменения, которые в данный момент значимым образом сказываются на уровне индивидуальной свободы) и “сигнализирует” о готовности индивида действовать в этом направлении. Наконец, стратификационная ось объединяет индивидов в группы, различающиеся реализуемыми возможностями повысить (сохранить) индивидуальную свободу (как они сами ее понимают) при данных изменениях в социетальной свободе. Эта интеграция позволяет обозначить исходные концептуальные положения социологической теории трансформации свободы. Перечислим основные из них.

1. Говорить о свободе или несвободе индивида (группы) в каком-то конкретном отношении будем тогда и только тогда, когда это конкретное нечто (объективное или субъективное) действительно значимо для социального субъекта — либо само по себе, либо как средство достижения (сохранения) других жизненно важных целей, ценностей. В самом деле, если тот или иной элемент социальной реальности (отношение, норма, процесс и др.) для индивида (группы) НЕзначим, если он привык (научен) обходиться без него и не испытывает в нем никакой нужды, бессмысленно говорить о несвободе индивида в данном конкретном отношении. Иными словами, тот или иной элемент объективной или субъективной реальности должен быть действительно актуальным для социального субъекта; у него должна быть потребность в социальном действии для достижения или сохранения этого конкретного нечто.

Например, весьма многочисленная группа опрошенных нами жителей сибирских сел (42%) — по причинам, которые мы пока оставим в стороне, — сегодня признает, что их вполне устраивали прежние права и никакие из новых свобод (будь то социально-экономические, социально-политические или гражданские свободы) для них незначимы. Значит, провозглашение или даже внедрение последних не сделает эту группу более свободной, по крайней мере, до тех

пор, пока новые свободы не начнут цениться, не переместятся из области незначимого, несущественного для данных индивидов в область значимого и существенного. Пока же те или иные составляющие новой социальной свободы, если и представляются важными, то относительно небольшим группам сельского населения: от 6 % (право свободного вступления в разные партии и движения) до 29 % (право приватизировать жилье) [12].

2. Поскольку у разных индивидов (групп) в каждый данный момент имеются различные цели и ценности, а также неодинаковые возможности их реализации, то неизбежно будут различными как конкретные смысловые образы желаемой индивидуальной свободы, так и ее динамика, ограничители и благоприятствующие факторы. Как показали обследования, у респондентов нет единого мнения даже по базовым признакам и ограничителям свободы. Так, одни (75 %) придерживаются мнения о том, что свобода — это возможность делать то, что они хотят и могут делать, но только (по крайней мере, на словах) в том случае, если это не запрещено общими для всех законами, нравятся они им или нет. Другие же (19%) — открытые сторонники “незаконопослушной” свободы — свою возможность делать то, что они хотят и могут делать, не считают нужным ограничивать законами, которые тоже пишутся в чьих-то интересах, до которых им нет дела. У одних (51 %) свобода ассоциируется с возможностью жить в согласии с собой, поступать в соответствии со своими убеждениями, жизненными принципами. Другие (32 %) внутренним аспектам свободы не придают особого значения, выставляя на первый план возможность делать то, что улучшит их будущее, даже если сейчас нужно поступать вразрез со своими убеждениями и принципами (“Это и есть свобода”; среди молодежи таких — почти половина). И хотя для абсолютного большинства респондентов свобода — это не только внутреннее состояние человека, но и “внешняя” свобода его выбора и действий, по составу называемых при этом элементов и условий свободы различия весьма велики-

У одних свобода сегодня ассоциируется лишь с высоким материальным достатком и ничем кроме него; у других — со стабильной и спокойной жизнью, без всяких неожиданностей в политике верхов; у третьих — с правовой защищенностью со стороны государства, с законами, общими для всех (“Мы не защищенные, а это не свобода”) и др. Однако в большинстве случаев (85 %) конкретные смысловые образы индивидуальной свободы весьма многогранны, хотя число жизненных аспектов, которые респонденты принимают во внимание, оценивая динамику своей свободы, очень различно [13].

Конкретные смысловые образы свободы отличаются не только характером и числом, но и иерархией своих составляющих. Поскольку жизненные цели и ценности социальных субъектов в каждый момент времени определенным образом иерархизированы, а способно-

сти и возможности действовать в наиболее актуальных направлениях различаются, то разные виды и условия свободы значимы для них неодинаково. Так, в условиях обнищания больших групп населения самым распространенным условием свободы (78 %) становится либо высокий материальный достаток, либо простое отсутствие материальной стесненности, нужды. Эти элементы экономической свободы в современных условиях стали своеобразным “узким местом” в системе видов и составляющих свободы, отодвигая на второй план или так и оставляя невостребованными многие из социально-политических и гражданских свобод. В то же время и сегодня часть респондентов (20—28 %) из группы беднейших и бедных не включает материальное благополучие ни в число важнейших жизненных целей и ценностей, ни в число необходимых условий свободы (“Много денег — не значит много свободы”).

3. Сами жизненные цели и ценности, а также возможности их достижения в значительной степени определяются особенностями социализации, характером социальных институтов и ограничений, местом, занимаемым индивидом (группой) на шкале социальных неравенств в прошлом и настоящем, и др. Общественная система не только ограничивает, но одновременно и формирует личность, подавляя одни и развивая другие социальные качества. Поэтому вряд ли стоило ожидать, что зажатая “в жесткие рамки административно-командной системы” инициатива и энергия индивидов выплеснется наружу и станет движущей силой общественных преобразований, как только эти рамки будут разрушены.

В этом смысле проблема свободы имеет два уровня, которые, правда, можно отделить один от другого с большой долей условности. На первом сложившаяся в обществе система социальных институтов и социальных неравенств рассматривается с точки зрения ее воздействия на свободу *формирования* жизненных ценностей и потребностей индивидов, на *становление и развитие* их индивидуальностей. На втором мы имеем дело с *уже сформировавшимися* индивидуальностями, с оформившейся системой потребностей, жизненных ценностей, черт характера, привычек, которые индивиды (группы) не могут изменить мгновенно или не могут (не хотят) менять совсем. И пусть в прежние времена их индивидуальность подавлялась или ограничивалась, сегодня они такие, какие есть. И оценивать динамику своей свободы социальные субъекты будут, именно исходя из этой системы жизненных целей (ценностей), равно как и из изменений в возможностях и способах их реализации в новых условиях по сравнению со старыми, нравится это кому-то или нет, прогрессивно ли это, с чьей-то точки зрения, или нет.

4. Поскольку свобода (равно как и ее составляющие: самостоятельность в выборе целей и средств их достижения, беспрепятственность их реализации и др.) по природе своей относительна, то ее

уровень социальный субъект оценивает либо путем сравнения тех возможностей достижения своих целей и ценностей, которые он имел в момент времени t , с теми возможностями, которые он имеет в момент времени $t+n$ ($n>0$), либо путем сравнения своих возможностей в каждый момент времени с возможностями (динамикой возможностей) других групп (или даже обществ), либо на основе динамического и социального (социетального) сравнения одновременно. Так как основная часть (более 90 %) населения за рубежом не бывала и не могла ощутить на себе преимущества и недостатки жизни в обществе с рыночной экономикой и развитыми демократическими традициями, то точкой отсчета чаще всего выступает уровень свободы в дореформенный период.

5. Традиционные подходы к исследованию стратификационной структуры общества не позволяют выявлять воздействие социостратификационной динамики на уровень реальной социальной свободы, на ее ограничители и благоприятствующие факторы. Чтобы это стало возможным, сама динамика социальной стратификации должна оцениваться в контексте свободы. Согласно предлагаемому в рамках нашей концепции теоретико-методологическому подходу, основу стратификационного анализа составляет феномен свободы—несвободы. Суть данного подхода в общих чертах состоит в том, что:

а) свобода выступает критерием отбора стратификационных шкал (во внимание принимаются только те стратификационные оси, которые в *данный* момент времени и в *данных* жизненных условиях представляются *данным* социальным субъектам наиболее важными); б) свобода предстает не только критерием отбора значимых осей, но и их самостоятельным измерителем (динамика позиций индивида на значимых для него осях оценивается не в терминах этих шкал, а в терминах свободы—несвободы, и между этими двумя измерениями имеются большие различия); в) свобода выступает не только внешним измерителем движения индивидов на значимых для них осях, но и внутренней переменной социальной стратификации, причем не простой переменной, а интегральной.

Как *интегральная* переменная социальной стратификации свобода отражает совокупное воздействие изменения позиций субъекта сразу на всех значимых для него осях, определенным образом иерархизированных им же самим — исходя из его собственных жизненных целей и ценностей и динамики возможностей их реализации. В результате на этой интегральной стратификационной оси разные группы распределяются в зависимости от того, расширяются или сужаются их возможности (объективные и субъективные) жить так, как они сами считают наиболее подходящим для себя. Конкретное наполнение этого “наиболее подходящего для себя” у разных субъектов разное. Однако динамики изменения возможностей его достижения во многом схожи, иерархизируются, легко размещаясь на одной оси в

пространстве “лучше — хуже”. Динамика позиций на традиционных осях социальной стратификации (экономической, управленческой, профессиональной, образовательной и др.) при этом оценивается по тому вкладу, который она вносит в осуществление желательного перемещения на интегральной оси [14].

Обследования показали, что к числу важнейших осей, улучшение (сохранение) позиций на которых в настоящее время более всего сказывается на динамике индивидуальной свободы относятся: материальная (61 %), профессионально-трудовая (46 %), образовательная (42 %) оси, а также оси самостоятельности (33 %), стабильности (28 %) и безопасности жизни (20 %). Противодействие несправедливым действиям руководства, рост независимости от произвола властей, занимая предпоследнее место в наборе важнейших стратификационных шкал (6 %), пока в большинстве случаев лежит за пределами актуальной области социальной свободы.

Таким образом, интеграция внутренней и внешней проекций свободы позволяет рассматривать ее одновременно на трех уровнях: социетальном, социальном (групповом) и индивидуальном. Как видно, они находятся в тесной взаимосвязи, которая может быть как положительной, так и отрицательной. В определенных пределах возможна и автономная трансформация тех или иных уровней свободы. И взаимосвязь и автономия со временем могут усиливаться или ослабляться. Но так или иначе, у провозглашенной социетальной свободы тем больше шансов институционализироваться, чем сильнее ее положительная взаимосвязь со свободой индивидуальной и групповой.

Прежде чем продолжить разговор о феномене свободы в контексте социологии, отметим следствия, которые вытекают из наших исходных концептуальных положений.

- В терминах социолого-экономического подхода (в отличие от социально-психологического и политического) вообще не стоит говорить о “бегстве от свободы”, коль скоро свобода понимается как способность (умение и возможность) социального субъекта самостоятельно выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности. В этом контексте может быть бегство лишь от такой свободы, которую индивид (группа) воспринимает как НЕсвободу, т.е. от свободы, которая является таковой лишь в представлении других индивидов (групп), а данный субъект этих представлений не разделяет (пока или уже). В этом смысле может быть бегство как от административно-командной свободы, так и от свободы рыночной. Любая из этих социетальных свобод при насаждении ее индивидам (группам) может восприниматься как ограничитель их собственной свободы. Так что обратной стороной бегства от насаждаемой социетальной свободы является стремление сохранить свою собственную свободу (в том смысле, какой сами индивиды в нее вкладывают).

• Коль скоро конкретные смысловые образы свободы у разных индивидов (групп) неодинаковы, то в соответствии с реализуемым подходом она является *универсальной ценностью* прежде всего в том смысле, что всегда, везде и для всех индивидов сама по себе важна способность (умение и возможность) достигать те цели, которые они сами считают важными, или следовать тем ценностям и моделям поведения, которые именно им представляются важными (и тем самым сохранять свою внутреннюю целостность). И в этом значении свобода одинаково важна и для американца, и для японца, и для русского, хотя ее конкретное наполнение при этом будет весьма различным. Если же какое-то конкретное представление о свободе (пусть даже самое прогрессивное с точки зрения каких-либо групп или обществ) расходится с представлением о свободе других групп (обществ), то эта конкретная свобода не может выступать универсальной ценностью, даже если на официальном уровне она и признается единственно правильной и разными способами насаждается в обществе.

Таким образом, в данном случае свобода выступает универсальной ценностью лишь постольку, поскольку допускается ее содержательное многообразие, отсутствие в каждый момент времени единого конкретного смыслового образа свободы. И поскольку это многообразие в переходный период от одной общественной системы к другой особенно велико, то степень реализации как можно большего числа разнообразных образов свободы (при данных технико-производственных, экологических и других свойствах системы) выступает важным индикатором продвижения к более свободному обществу.

• При крупных переменах, таких как происходящие сейчас в российском обществе, необходимо различать два процесса: (1) провозглашенное движение к такой социетальной свободе, которая максимально приближена к западной институционально-правовой свободе; (2) движение к такой социетальной свободе, при которой все большее число членов общества (с теми целями и ценностями, которые у них имеются в данный момент и которые не изменить мгновенно) обретают все больше возможностей для развития по закону своей собственной жизнедеятельности, т.е. для увеличения индивидуальной свободы в том смысле, как они сами ее понимают. В реальной жизни эти процессы могут пересекаться лишь частично, а могут вообще развиваться в прямо противоположных направлениях. Как протекают эти процессы сегодня?

Движение к западной институционально-правовой свободе

Даже простое перечисление новых прав, многие из которых уже реализуются на практике, указывает на то, что они должны были существенно изменить систему общественных отношений, а вместе с

ними и “ролевую карту” российского общества. Как следует из содержания новых прав, основным аспектом этого изменения призвано было стать повышение уровня *независимости* и *самостоятельности* социальных субъектов как необходимых условий и сущностных признаков свободы в ее западной интерпретации. На практике этому способствовали вполне конкретные изменения в ролевой системе общества, в частности:

— в новых условиях возросло многообразие социальных ролей: появились новые экономические (роль акционера, собственника, рантье и др.) и профессиональные роли, расширился диапазон ролевого выбора; одна и та же жизненная цель теперь может достигаться большим числом способов — через выполнение нескольких социальных ролей, взаимозаменяющих или взаимодополняющих друг друга;

— уменьшилась степень регламентации в выполнении прежних социальных ролей, зависимость их содержания от одного или нескольких правителей, возросла степень самостоятельных, инициативных действий в выполнении ряда социальных ролей (и не только экономико-производственных, но и непроизводственных), т.е. расширились ролевые рамки для проявления индивидуальности и свободы. Например, сегодня учитель вправе не следовать слепо тем или иным инструкциям сверху, как это было прежде, а может выбирать между несколькими программами; он может создать частную школу, не говоря уже о том, что его деятельность стала менее политизированной. Гораздо меньше регламентируется (или не всегда регламентируется) деятельность работников СМИ и др.;

— изменился порядок допуска к тем или иным социальным ролям, уменьшилось число формальных ограничителей при их получении. Например, народным депутатом любого уровня или руководителем предприятия (организации, фирмы) могут теперь стать (и становятся) более молодые люди, независимо от их членства в КПСС и разного рода общественных нагрузок. Ослабла зависимость числа ролей и ролевых характеристик от властей разного уровня. Так, можно одновременно выполнять несколько профессиональных ролей безо всякого разрешения с места основной работы и не прибегая к разного рода уловкам (вторые трудовые книжки, услуги подставных лиц, личные договоренности с начальством на дополнительных местах работы и др.). Расширилось территориальное пространство реализации определенных ролей (с меньшим числом формальностей можно выехать или съездить за рубеж, разрешительный характер прописки меняется на регистрационный и др.);

— стало больше формальных (законных) возможностей для протестных действий в случае нарушения ролевых обязательств руководителями разных уровней по отношению к рядовым работникам или согражданам (забастовки, митинги, акции протеста, возможность выбора депутата из нескольких претендентов);

• меняется дух ролевой системы: все большее место в ней занимают достижительные элементы по сравнению с предписанными [15].

Разумеется, некоторые из этих ролевых изменений пока еще только зарождаются, другие слегка проявляются в реальной жизни (так что типичное для этих ролей поведение пока еще окончательно не оформилось), третьи же, напротив, уже стали полноправным элементом новой системы ролей. Но так или иначе, первые шаги по переходу к западной социетальной свободе уже сделаны, и направление движения именно таково, что, зародившись за пределами инициативы и решений большинства членов российского общества, все эти изменения *социетального* уровня призваны были повысить уровень *индивидуальной* свободы через один очевидный, с точки зрения западной общественной традиции, механизм — дать индивидам возможность стать более независимыми и самостоятельными, разумеется, при условии соблюдения правовых норм.

Однако прежде чем делать выводы об односторонности процессов на социетальном уровне, с одной стороны, и на групповом и индивидуальном — с другой, в рамках реализуемого подхода необходимо ответить, по крайней мере, на два вопроса. Прежде всего, насколько верно для современного российского общества, следуя западной общественной традиции, рассматривать свободу и самостоятельность практически как синонимы, а независимость и право — как непереносимые условия индивидуальной свободы? Иными словами, в какой мере независимость, самостоятельность и право сегодня действительно присутствуют в индивидуальной (групповой) свободе, точнее, в какой мере (и в каком направлении) в современных условиях они определяют ее динамику?

Второй вопрос — действительно ли за новыми ролями (правами) скрываются именно те отношения, которые предполагает западная общественная традиция? Или они иные? Не делают ли они новые роли (а вместе с ними и формирующуюся в России социетальную свободу) западными больше по форме, чем по содержанию? Как разные общественные группы адаптируются к тем отношениям, которые скрываются за новыми ролями, и как сказывается эта адаптация на уровне их свободы?

Социолого-экономическое представление о взаимосвязи свободы с независимостью и самостоятельностью

Как следует из наших исходных концептуальных положений и реализуемого подхода, связи независимости и самостоятельности с индивидуальной (групповой) свободой могут быть более многообразными, чем допускает западная общественная и научная традиция. На Западе возможность “не быть зависимым от непостоянной, неопреде-

ленной, неизвестной самовластной воли другого человека” (Локк) — важная либеральная ценность. Поскольку одним из базисных социальных отношений и внутренним ограничителем возможностей административно-командной системы как раз и были отношения господства-подчинения (или властвования), то в российских реформах по западному образцу и подобию важное место, как известно, должен был занять рост независимости от регламентирующих предписаний и произвола государственных чиновников в разных сферах жизнедеятельности социальных субъектов. Однако в действительности для социального субъекта, стремящегося более полно реализовать свои жизненные цели и ценности, рост подобной независимости не всегда является необходимым условием (или частью) освобождения, а рост (сохранение) зависимости — препятствием на пути к свободе и ее отрицанием.

Независимость (как состояние субъекта, не связанного в чем-либо значимом для себя чужой волей, обстоятельствами; отсутствие регламентаций, запретов, принуждений со стороны властей и других социальных субъектов, их невмешательство в значимое жизненное пространство субъекта) может быть связана со свободой

— как часть целого и целое, когда независимость, являясь самостоятельной и важной жизненной ценностью или целью социальных субъектов, выступает необходимым элементом их свободы (нет независимости — нет и свободы);

— как необходимое условие увеличения (сохранения) свободы в данных конкретных условиях и обстоятельствах: здесь независимость важна не столько сама по себе, сколько как более эффективное (по сравнению с зависимостью) средство достижения других более важных жизненных целей и ценностей в данных жизненных обстоятельствах;

— как препятствие, ограничитель свободы (когда по разного рода причинам индивид способен преодолевать имеющиеся барьеры и успешнее достигать действительно важные для него в данный момент цели, вступая в отношения, предполагающие более высокий уровень зависимости, а не рост независимости от кого-либо).

В действительности в каждый момент времени имеют место все три связи: для одних индивидов и групп рост независимости — самостоятельная ценность и составная часть их свободы, для других — лишь предпосылка их свободы в данных конкретных обстоятельствах, а для третьих — ограничитель свободы. Причем со временем эти связи могут перетекать одна в другую. Так, индивид, который стремился к независимости от произвола властей или еще от кого-либо, добившись (или получив) ее, осознает, что в новых условиях он не может достигать каких-то важных жизненных целей столь успешно, как прежде. Приобретения оказываются меньше потерь; обретенная независимость перестает казаться благом и превращается в ограничитель свободы. И напротив, индивид, которому независимость первоначально

казалась лишь предпосылкой свободы или даже ее ограничителем, включившись в новые отношения и осознав их преимущества, может начать рассматривать ее как самостоятельную жизненную ценность и необходимую часть своей свободы [16].

Подобного рода связи с феноменом свободы характерны и для феномена самостоятельности (как действия по собственной инициативе и на основе собственных сил). В самом деле, одни люди предпочитают действовать самостоятельно, обходиться без помощи других людей — либо вообще (случай 1), либо в данных конкретных обстоятельствах (случай 2), а другим, напротив, помощь других придает дополнительные силы (“Именно тогда я способен на большее”), и они достигают свои жизненные цели более успешно, отказываясь от самостоятельности во многих сферах жизнедеятельности (случай 3), а если им объявить, что с сегодняшнего дня все действуют исключительно самостоятельно, по собственной инициативе и на основе собственных сил, они воспримут это не как освобождение, а как новые жизненные ограничения и трудности. Со временем эти связи могут перетекать одна в другую, так что у части социальных субъектов самостоятельность из важной жизненной ценности или способа увеличения (сохранения) свободы в данных конкретных обстоятельствах может перерасти в ее ограничитель, в то время как другие, вынужденно включившись в самостоятельные действия, впоследствии осознают их преимущества и добровольно уже не откажутся от них.

Таким образом, в нашей концепции индивидуальная (групповая) свобода, во-первых, не ограничивается независимостью и самостоятельностью, а может включать в себя и зависимость, и несамостоятельность, если субъект придает им положительное значение, т.е. если данному субъекту в данных условиях зависимость и несамостоятельность позволяют лучше (более полно, с меньшими препятствиями и потерями) реализовать важные цели и ценности, продвинуться (сохранить позиции) на действительно значимых для них стратификационных осях. Во-вторых, свобода не вбирает в себя целиком и полностью феномены независимости и самостоятельности, а включает в себя только ту их часть, которая имеет для субъекта положительное, а не отрицательное значение, играет конструктивную, а не разрушительную роль.

Как показали эмпирические исследования, в настоящее время рост независимости от властей, от их произвольных разрешений и ограничений чаще всего не является ни элементом, ни условием индивидуальной свободы, а в том виде, в каком он произошел сегодня, часто вообще воспринимается ее ограничителем. В самом деле, большинство респондентов сегодня осознают, что их зависимость от произвольных разрешений и ограничений властей разного уровня велика (“Что хотят, то и делают”), характер этой зависимости мало кого устраивает, а сами они (77—78 %) не имеют никакого влияния

на то, что делают власти (центральные или местные). Однако стремление избавиться от этой зависимости слабое. Среди самых важных жизненных возможностей противодействие несправедливым действиям руководства, независимость от произвольных ограничений и разрешений властей сегодня называют лишь 4—6 % респондентов — жителей сел и небольших городов и 11% жителей крупного города российской провинции. Следовательно, в современных условиях сам по себе рост независимости от властей воспринимается составной частью свободы (освобождения) совсем немногими.

Причин тому несколько. Прежде всего это небезопасность и бесперспективность противодействия несправедливым действиям властей в настоящее время: большие группы населения (в сельской местности, по крайней мере, 30 % работающего населения), не имея выбора и правовой защиты, предпочитают не портить отношений с руководством, чтобы не потерять работу. Приспосабливаясь к задаваемым властями моделям взаимоотношений, они с меньшими препятствиями достигают более значимые (чем рост независимости от всевластных чиновников) жизненные цели и ценности. Кроме того, опыт дореформенной жизни свидетельствует, что от властей исходили не только беды, но и блага. Приход нового руководителя, способного перетягивать дефицитные ресурсы в свое поселение, на свое предприятие, мог существенно изменить условия жизнедеятельности в них, а личная расположенность руководителя к тому или иному человеку служила залогом сохранения (улучшения) значимых для последнего социальных позиций. Так что и поныне у многих рядовых социальных групп еще сильна надежда на приход “хороших” правителей, которые “управляли бы ими для них, а не против них”.

Большие группы населения (в сельской местности 66 %) сегодня признают, что им вовсе не мешало прежнее регулирование их жизни государством, так как оно обеспечивало стабильность и порядок в стране. Сейчас же государство бросило их на произвол судьбы. Усиление независимости от прямых регламентаций центральных властей рассматривается ими как ограничитель индивидуальной свободы, причем всеми возрастными группами (от молодежи (52 %) до пенсионеров (80 %)). В этом смысле в современных условиях, по крайней мере в сельской местности и небольших городах, пока преобладает отрицательная взаимосвязь между независимостью и свободой.

Увеличение независимости не ведет автоматически к увеличению самостоятельности (по причинам, лежащим как на стороне индивида, так и на стороне системы). К тому же рост самостоятельности (как действий по собственной инициативе и на основе собственных сил) может происходить при усилении независимости от властей в одном отношении и при ослаблении — в другом. Так что два этих феномена частично лежат в разных плоскостях, а частично пересекаются, противоречиво воздействуя друг на друга.

Что касается самостоятельности, то в настоящее время в принципе у нее больше шансов стать частью или условием свободы, чем у независимости от разного уровня властей. Однако и эта положительная связь самостоятельности и свободы в лучшем случае может проявиться у меньшинства — максимум у 33 % населения трудоспособного возраста (столько респондентов включают сегодня сохранение или увеличение самостоятельности в число самых важных жизненных возможностей). На практике же эта связь реализуется еще реже — только в 23 % случаев (у стольких респондентов в условиях реформ действительно улучшились или остались прежними высокозначимые для них возможности быть самостоятельными).

Многоаспектность образа свободы способна в немалой степени завуалировать ее положительную связь с самостоятельностью. В настоящее время у многих индивидов (у 13% из 23%) в принципе значимый рост самостоятельности перевешивается потерями в других не менее значимых отношениях. Эти потери ведут к уменьшению общего уровня индивидуальной свободы, несмотря на положительное воздействие на него возросшей самостоятельности. Но даже если сделать поправку на этот разрыв, все равно следует признать, что для большинства индивидов в современных условиях самостоятельность, как и независимость, не является ни составной частью, ни условием свободы.

Таким образом, в современных условиях на ценностно-деятельностном уровне имеются большие расхождения между динамикой независимости и самостоятельности, с одной стороны, и динамикой свободы — с другой. Отсюда следует важный вывод: в настоящее время выбор той или иной модели социального действия — более самостоятельной или менее самостоятельной, более зависимой или менее зависимой — а также механизм ее реализации (добровольный или вынужденный) чаще всего определяется не столько самоценностью независимости и самостоятельности как таковых, сколько внешними по отношению к этому обстоятельству факторами. Не являясь на входе в реформы *элементами* свободы в том смысле, как ее понимают большие группы населения, независимость и самостоятельность могли бы интегрироваться со свободой, лишь став *способами* ее возрастания или сохранения. Но этого не происходит, несмотря на изменения правовой и ролевой систем общества. Большинство населения адаптируется к новым условиям самостоятельно и мало кому помогают справляться с имеющимися трудностями центральные или местные органы власти (1 и 1 % респондентов соответственно) или руководители предприятия (3 %). Что-то в новой социетальной свободе сегодня препятствует этой интеграции, и большие группы населения не получают значимых преимуществ от включения в независимые и самостоятельные действия, пусть даже на первых порах не по своей воле вступив в них.

Следовательно, необходимо выявить происходящие в ходе реформ изменения, во-первых, в системе *ограничителей* индивидуальной (групповой) свободы, а во-вторых, в доступных разным группам *способах* преодоления (ослабления) этих ограничителей или в возможностях конструктивной адаптации к тем из них, которые в современных условиях преодолеть не удастся или просто невозможно.

Современные ограничители свободы: основные виды и динамика

У каждой общественной системы не только свои свободы, но и свои ограничители свободы. Новые права, призванные ослабить (отменить) базовые административно-командные ограничители, расширить пространство жизненных возможностей и поддержать рост социальной активности, способствовали изменению системы социальных отношений, что поставило многих членов российского общества перед новыми ограничителями. Прежние ограничители тоже не исчезли мгновенно. К тому же, как это бывает при кардинальных изменениях в обществе, возникают дополнительные ограничители, не связанные с исчезновением старых и появлением новых прав. Иными словами, в ходе реформирования система социальных ограничителей приходит в движение: одни ограничения отмирают, другие появляются; не осознаваемые прежде ограничения становятся явными, а часть из осознаваемых ранее ограничений в новых условиях уходят на второй план, начинают восприниматься как преимущество, а не как недостатки прежней жизни; одни преодолеваются легче, чем прежде, другие, напротив, становятся непреодолимыми.

Из огромного многообразия современных ограничителей свободы выделим прежде всего те, которые раскрывают объективные и субъективные особенности переходного периода и облегчают понимание закономерностей изменения уровня свободы разных общественных групп. Их можно подразделить на

1. *старые* (унаследованные от прошлой системы: технико-производственные, инфраструктурные, культурные и др.) и *новые* (возникшие в ходе реформ);

2. *постоянные* (обусловленные свойствами и базисными отношениями новой общественной системы и в принципе необходимые для ее нормального функционирования) и *временные* (связанные с особенностями переходного периода и закономерностями социальной адаптации к новым условиям);

3. *естественные* (с необходимостью вытекающие из параметров состояния общественной системы, в котором она по тем или иным причинам находится в данный момент) и *искусственные*, (с необходимостью не вытекающие ни из современного состояния данной системы, ни из траектории ее предполагаемого развития);

4. *социетальные* (связанные со становлением новых социальных институтов в обществе, с местом страны в мировом сообществе, экологической обстановкой, с общей ситуацией в стране, обусловленной как реализацией той или иной политики реформирования, так и непредвиденным совокупным результатом разнообразных социальных действий, и др.), *социальные*, или *статусные* (доход, власть, капитал, место жительства, вид занятости, уровень и вид образования и др.), и *личностные* (ограничители социально-психологического и ценностно-нормативного характера);

5. *вынужденные* (навязанные индивиду внешней средой, которой он противостоять не в силае, сокращающие пространство выбора его возможностей и вызывающие внутреннее сопротивление, напряжение, неприятие) и *добровольные* (которые индивиды принимают по своей воле, хотя внешние условия и позволяют этого не делать, а также те, которые накладывает среда, но индивиды разделяют их, считают их в данный момент необходимыми, оправданными);

6. *реальные* (действительно возникающие перед социальным субъектом с определенным статусом) и *мнимые* (воображаемые из-за недопонимания или недоучета подлинных условий и изменений в окружающей среде и в своем положении в ней);

7. *юридические* (записанные в законах, нормативных актах и др.) и *моральные* (обычаи, традиции, разделяемые моральные нормы);

8. *вертикальные* (ограничители повседневной жизни, порождаемые прямыми или косвенными взаимодействиями с властями разного уровня или рассматриваемые как порождение таких взаимодействий) и *горизонтальные* (которые люди, вступая в горизонтальные межличностные отношения и не будучи связанными отношениями начальствования—подчинения, сами выставляют друг перед другом);

9. *основные* (базовые) и *неосновные* (второстепенные) — исходя из разной значимости ограничителей для реализации важных целей и ценностей социальных субъектов;

10. *осознаваемые и неосознаваемые ограничители; и пр.*

В ходе конкретно-социологического исследования современной системы ограничителей свободы [17] выявлены следующие основные закономерности их трансформации при переходе от одной общественной системы к другой:

1. Возрастает общее число ограничителей свободы. В периоды смены типа экономической и социальной систем в течение какого-то времени всегда соседствуют ограничители новые и старые, постоянные и временные, естественные и искусственные, реальные и мнимые (ложные) и др. Так, новые ограничения (например, многомесечные задержки заработной платы, сильно возросшие цены на товары первой необходимости, безработица в некогда трудонедостаточных регионах, насаждение чуждых многим идей и ценностей рыночного общества, нестабильность и неопределенность, низкая безопасность

существования, открытые национальные конфликты и др.) сочетаются с унаследованными от прошлого ограничениями (например, жилищными и миграционными), которые, начав воспроизводиться преимущественно на экономической основе, для большинства населения стали еще более труднопреодолимыми, чем при административно-командной системе (по крайней мере, пока). Временные препоны переходного периода (структурная перестройка и разрушительные тенденции в экономике, отсутствие навыков действия в новых условиях как у руководителей разного уровня, так и у рядовых, слабость институциональных механизмов защиты интересов как “сильных”, так и “слабых” групп, и др.) часто воспринимаются постоянными ограничителями новой системы как таковой. В переходные периоды неизбежно увеличивается число мнимых ограничителей, меняются моральные, интенсифицируется “обмен” между неосознаваемыми и осознаваемыми ограничителями. Переплетаясь, разные виды ограничителей свободы в переходных и нестабильных обществах гораздо чаще усиливают друг друга, чем ослабляют.

2. Изменяется качественный состав ограничителей свободы, что связано как с объективными причинами (например, с курсом на формирование рынка как базового экономического института, что сопряжено с ростом безработицы, социального расслоения и др.), так и с субъективными (трансформацией в восприятии старых и новых ограничителей свободы). Причем сравнение ограничителей, несмотря на завоевания гласности, далеко не всегда складывается в пользу нового. Так, почти 40 % сельских жителей, когда их просили вспомнить внешние, не зависящие от них обстоятельства, которые в прежних условиях (до 1985—1987 гг.) не давали им жить так, как им хотелось бы, ответили, что тогда вообще не ощущали особых ограничений: жили, мол, как хотели, не то что сейчас. Даже такой повсеместный феномен, как дефицит товаров, пустые прилавки и бесконечные очереди в магазинах, сегодня называют ограничителем прежней жизни лишь 29 % респондентов. Некогда проблемный небольшой выбор профессии и места работы на селе сегодня признают таковым лишь 4 % респондентов, а на ставшую в свое время одним из основных лозунгов перестройки социальную несправедливость в распределении дефицитных благ, неоправданные привилегии у власть имущих и их окружения сегодня указывают как на ограничителей жизни в административно-командной системе лишь 24 % респондентов.

Эта метаморфоза связана не только и не столько со свойственной людям идеализацией прошлого, сколько с реальным сужением значимых жизненных возможностей за годы реформ. Сегодня многим недоступна даже прежняя низкая свобода потребительского поведения. Ценностью стала не привлекательная, а просто оплачиваемая работа. Различия между властью имущими и рядовыми гражданами в возмож-

ностях жить лучше, по мнению 71 % респондентов, за годы реформ еще более увеличились, а социальная немота сменилась социальной глухотой (“можно говорить что угодно, можно критиковать кого угодно, но никто к этому не прислушивается” (29 %)).

- Меняется относительная значимость, взаимная иерархизированность ограничителей свободы: ведущую роль (с большим отрывом) сегодня играют ограничители материальные (на них указали 70 % респондентов) и трудовые (55%). Обнищание больших групп населения значительно сузило доступное пространство значимых жизненных возможностей (потребительских, образовательных, миграционных и пр.), а усиление препоны в сфере занятости еще более “цементирует” эту ситуацию. В таких условиях происходящее в ходе реформ ослабление ограничений в политической или гражданско-правовой сфере в большинстве случаев менее значимо (или незначимо совсем), а потому остается незамеченным или невостребованным.

- Возрастают усилия большинства индивидов, предпринимаемые с целью преодоления ограничителей их свободы. Одни из них стали больше трудиться на основной или дополнительной работе, а также в личном подсобном хозяйстве, другие пытаются самостоятельно решать свои проблемы (доступными им формальными и неформальными способами), перестав рассчитывать на участие властей даже тогда, когда решение проблемы — в компетенции последних. Так или иначе, для абсолютного большинства респондентов (74 %) преодолевать современные ограничители их свободы труднее, чем дореформенные.

- Уменьшаются набор доступных способов и шансы многих социальных групп преодолеть новые ограничители свободы или конструктивно адаптироваться к ним, увеличиваются различия в возможностях разных групп сделать это. Так, шансы наших респондентов уменьшаются уже в силу их принадлежности к сельской территориальной общности (небольшой выбор рабочих мест, слабое развитие производственной и социальной инфраструктуры, что в условиях Сибири часто усугубляется удаленностью от городов и железных дорог, низкие возможности для миграции в более развитые поселения и др.). Другие статусные позиции (объем власти, отрасль занятости и др.) в той или иной мере ослабляют эти препоны. Так что руководители имеют больше шансов преодолеть те или иные ограничители своей свободы, чем рядовые; у занятых в торгово-финансовой сфере шансы намного выше, чем у занятых в просвещении или здравоохранении. А самые низкие возможности на селе сегодня у занятых в сельском хозяйстве, независимо от того, трудятся ли они в государственном, корпоративном или частном секторе. В целом 84 % трудоспособных жителей сел и малых городов указали, что за годы реформ жизненных препятствий, которые преодолеть (пока) не под силу, стало больше. К тому же большие группы индивидов столкнулись с новой системой ограни-

чителей свободы в условиях, когда их материальное положение было существенно подорвано самими же властями (утрата сбережений на входе в реформы, задержки с выплатой заработной платы от полугола до 2—3 лет, невыполнение государством своих обязательств за сданную продукцию, трудности получения кредитов и пр.).

Анализ структуры современных ограничителей свободы показывает, что увеличение их числа в условиях смены типа общественной системы, в принципе, неизбежно: оно произошло бы при любой политике глубинного реформирования. Однако при современных реформах многие ограничители свободы были усилены искусственно. И их могло бы не быть или они были бы не столь существенными при реализации иной тактики социально-экономических преобразований, иной стратегии свободы и социальной защищенности как слабых, так и сильных общественных групп в условиях реформ, иной роли государства.

Речь идет как о приоритетах государства в структурной, инвестиционной и правовой политике, так и о его роли в области убеждения-разъяснения. Ведь преодолевать сложный клубок прежних, новых и переходных ограничителей свободы или как-то адаптироваться к ним приходится индивидам, знающим об обществе с рынком и демократией лишь понаслышке или не знающим о нем до сих пор ничего (в настоящее время почти половина сельских жителей признается, что не знает, что такое рынок и какое общество пытаются построить реформаторы), индивидам, социализировавшимся в прежних условиях, когда востребовались другие индивидуальные качества, усваивались иные способы решения возникающих проблем.

Так или иначе, одна из причин расширения самостоятельности, с одной стороны, и уменьшения уровня свободы — с другой, состоит в возрастании числа ограничителей свободы, которые включающиеся в самостоятельные социальные действия индивиды не могут преодолеть или преодолевают с большими усилиями и потерями, чем прежде. В той степени, в какой нарастание числа ограничителей свободы в современных условиях закономерно (или искусственно), закономерен (искусственен) и отрыв динамики самостоятельности от динамики свободы и даже их разнонаправленное движение.

В сложившихся условиях однонаправленность динамики самостоятельности и свободы проявляется чаще всего тогда, когда первая представляет собой важнейшую жизненную ценность и цель социальных субъектов, а не способ достижения других более значимых целей; когда ради обретения большей самостоятельности люди готовы на определенные потери, на новые ограничители и новые усилия по их преодолению. Такое мнение можно слышать от представителей творческих профессий: “Я стал независим от ряда социальных гарантий, от спокойного сна, иными словами, от уверенности в будущем. В обмен я получил свободу, или зависимость от самого себя. И я не променяю ее ни на что” [18], — но их меньшинство.

На данном этапе общественного реформирования рост самостоятельных действий у многочисленных групп происходил не благодаря ослаблению административно-командных ограничителей их свободы, а из-за исчезновения прежних жизненных опор и был преимущественно вынужденным, а не добровольным. Эта самостоятельная повседневность в более ограниченном жизненном пространстве только формально совпадает с самостоятельностью (как действиями по собственной инициативе и на основе собственных сил). По существу, это не самостоятельность, ибо не способствует раскрытию индивидуальности, обретению статуса “хозяина своей судьбы”, а, напротив, часто сопряжена с потерей этого статуса, с ощущением брошенности на произвол судьбы в ставшем внезапно таким чуждым мире, где каждый сам за себя и где каждый выживает как может.

В принципе, не исключено, что даже эта — пусть первоначально вынужденная и искаженная — самостоятельность со временем приведет к росту индивидуальной свободы. Но произойдет ли при этом интернализация западной социетальной свободы или установится какой-то иной тип институционально-правовой (или неправовой) свободы, будет зависеть от того, насколько востребованными и защищенными государством окажутся провозглашенные в ходе реформ права, будут ли они использоваться разными группами населения в их самостоятельных адаптациях к новым условиям, помогут ли они им преодолевать современные ограничители и повышать (сохранять) уровень индивидуальной свободы в новой среде.

Проблемы институционализации и интернализации новых прав

Как мы уже отмечали, для многих членов российского общества новые права, которые провозгласили пришедшие к власти реформаторы, априори не были актуальными. Эти права меняли систему общественных отношений и правил игры, тем самым вторгаясь в значимое жизненное пространство всех и каждого, но они не осознавались большими группами индивидов ни как важные жизненные ценности, ни как способы их достижения (реализации) [19].

Многие же из тех, кто хотел воспользоваться новыми правами, в современных условиях не смогли сделать этого, а если и воспользовались, то столкнулись с еще большим числом ограничителей свободы и правовым беспределом. Государство, провозгласив новые права, под лозунгом “независимости и самостоятельности” самоустранилось от роли гаранта их защиты и реализации. В одних случаях оно было не способно, а в других — просто не желало делать это, расставляя иные приоритеты в структурной, инвестиционной, налоговой и правовой политике. Из-за технико-экономической, инфраструктурной, ресурсной и правовой неподготовленности реформ большие

группы населения не смогли реализовать в принципе важные для них новые права, потому что те существуют лишь на бумаге, в действительности же пока нет условий для их реализации (45 % респондентов), а также потому, что пока нет надежных механизмов защиты их интересов со стороны государства (41 %) и др.

Несоответствие между востребованной правовой свободой и другими уровнями социетальной свободы (декларированным, желаемым, возможным) за годы реформ все более усиливается [20]. Кроме того, некоторые взаимосвязанные механизмы в современном адаптационном процессе работают на усиление этого рассогласования и препятствуют институционализации и интернализации “западной” свободы. Отметим основные из них.

Механизм отчуждения от новых прав. Тех, кого новые права не “привлекали на входе в реформы”, в большинстве случаев не привлекают они и сейчас. Жизнь не убедила их в обратном. Напротив, многие из них, наблюдая за неблагоприятными последствиями обращения к новым правам своих сограждан, односельчан, знакомых (будь то фермерство, предпринимательство в других отраслях производственной сферы или открытое противодействие несправедливым действиям своего руководителя), окончательно убедились в правильности своего начального выбора. Процесс отчуждения от новых прав и свобод усиливается и отрицательной реакцией на то, что сегодня происходит вокруг этих прав и в их обход, но по тем или иным причинам приписывается природе новых прав и свобод как таковых. Противоположное движение по интернализации новых прав теми, кого изначально они не привлекали и кто включился в них вынужденно, наблюдается редко и в основном в крупных многофункциональных городах. Но даже там этот процесс пока настолько слаб, что говорить о нем как о тенденции еще рано.

Механизм отложенного спроса на новые права. В принципе важные для части социальных субъектов новые права отодвигаются на второй план из-за тех условий, в которых индивиды очутились в ходе реформ. Так, право свободно ездить за границу и беспрепятственно возвращаться обратно значимо для весьма многочисленной группы членов российского общества. Но не получая заработную плату от полугода до 2—3 лет и в одночасье лишившись на входе в реформы всех сбережений, многие из них потеряли куда более актуальное для них право свободно перемещаться по территории своей страны и даже ту ограниченную свободу выбора места жительства, которую они имели при административно-командной системе. В своеобразных “территориальных ловушках” оказались жители многих северных, монофункциональных городов и поселков, а также сельские жители. Последние не только не обрели возможность поехать за рубеж, но и в большинстве своем (60 %) лишились более значимого права — поехать в близлежащий райцентр или город (к детям, врачу, за покупками). Полу-

чив ранее актуальное для многих право без разрешения работать в нескольких местах, жители монофункциональных городов, поселков и сел и на одно-то не могут устроиться. Большая часть работающего населения повсеместно лишилась права на оплачиваемый (своевременно и деньгами, а не товарами) труд, что сказалось на нарушении многих других значимых прав. В этих условиях большие группы населения чувствуют себя еще более бесправными, чем прежде, и если находят новые права в принципе важными, то только в том жизненном пространстве, которое очень удалено от сегодняшней жизни.

Механизм неправовой реализации новых прав. Те, кто дорожит новыми правами и пытается во что бы то ни стало уже сегодня их реализовать, вынуждены все чаще вступать в неправовые отношения (односторонние и двусторонние, антагонистические и солидаристические) с властями, правоохранительными органами, преступными элементами и пр. [21], ибо новые права сегодня реализуются в условиях отсутствия надежных институциональных механизмов защиты интересов не только слабых, но и сильных социальных групп, роста произвола, вседозволенности, безответственности и безнаказанности властей разного уровня, роста преступности и пр.

Механизм разочарования новыми правами из-за недопонимания их природы. Некоторые социальные субъекты воспользовались новыми правами только потому, что не предвидели последующих трудностей и ограничений, которые внутренне свойственны этим правам. Так, многие сельские жители, приватизировав жилье, лишились весьма значимой в сельской местности помощи в ремонте жилья, жители удаленных от городов сел столкнулись с невозможностью его продажи и пр. Разочарованы и те, кто рассчитывал обрести новые права, но не потерять старых гарантий, ибо это не всегда возможно.

Механизм воспроизводства западных прав на административно-командной основе. Новые права часто утверждаются и отстаиваются старыми способами — на основе унаследованных от административно-командной системы моделей отношений в проблемных ситуациях (т.е. не посредством взаимоотношений равноправных субъектов, а на основе личных договоренностей (улаживаний), когда одна сторона просит, умоляет, подносит, а другая — соизволяет, делает милость, повелевает, постановляет). К тому же властные элиты в ходе реформ, как известно, в значительной степени сохранили свой состав и весьма преуспели в навязывании прежних моделей вертикальных отношений в новых условиях.

Таким образом, в современных условиях для большинства социальных групп обращение к новым правам либо вообще не стало способом конструктивной адаптации к новой среде, либо, если и стало, приводит к формированию на социетальном уровне такой свободы, которая по сущностным признакам отклоняется от западной. Из всего многообразия современных ограничителей свободы (и тех со-

циальных отношений, которые они задают) в настоящее время наиболее сильными оказываются отнюдь не те, которые свойственны природе новых прав. Напротив, эти ограничители, цементирующие западный тип социетальной свободы, в российских условиях легко нарушаются, а неправовое социальное пространство для многих групп уже стало более реальным, чем правовое, административно-командные и неправовые ограничители доминируют.

Институционализируясь в таких условиях, “западные права” обретают незападное качество. За новой системой социальных ролей сегодня часто стоят такие отношения и процессы, которые по своей природе противоположны тем, которые должны были бы логически вытекать из изменения социетальной свободы по западному образу и подобию.

В самом деле, установление новых прав действительно означало, что государство больше не регламентирует многое из того, что регламентировало в прежних (административно-командных) условиях. Однако ослабление одного вида зависимости сопровождалось усилением другого, менее предпочтительного, по признанию многих респондентов. В результате независимость рядовых членов российского общества от государства не только не увеличилась, а наоборот, уменьшилась. В настоящее время государство просто не защищает им же провозглашенные права и даже само систематически нарушает их (задержки с выплатой пособий на детей, заработной платы, невыполнение обязательств за сданную по государственному заказу продукцию и пр.). Причем безнаказанность разного уровня властей в нарушении прав рядовых социальных групп за годы реформ существенно возросла. Государство будто бы говорит своим гражданам: “Я не защищаю ваши права и даже нарушаю их, а вы уж как-нибудь справляйтесь с этим сами — ведь если я вам помогу, то это убавит у вас независимости!”

Отсутствие надежных институциональных противовесов произволу властей проявляется и на уровне поселения и на уровне предприятия (организации), независимо от формы собственности. Конкретные формы проявления антагонистической односторонней зависимости рядовых работников от руководителей многообразны. Со стороны руководителей это — игнорирование сигналов снизу (“пренебрежение”, “равнодушие”, “нежелание выслушать”, “невнимательность”), невыплата заработной платы, даже тогда, когда имеются деньги, использование угроз (“угрожают”, “подчиняют”, “задавливают”, “притесняют”, “обещают уволить, если что-то попытаюсь добиваться”) и др., со стороны рядовых работников — преобладание пассивных моделей адаптации над активными, отказ от использования законных прав и свобод, воспроизводство социальных отношений на более зависимой (бесправной), чем в дореформенный период, основе.

Так, все большее число работников в случае болезни не берет больничных листов (в некоторых поликлиниках больничных листов выдается в 10 раз меньше, чем несколько лет назад; по утверждению

врачей, обращений к ним стало меньше, а запущенных больных больше [22]). Многие предпочитают не отстаивать значимые для них (и законные!) права (в области условий, безопасности, режима и оплаты труда, отдыха, социального обеспечения и др.), лишь бы не портить отношений с руководством. “Сегодня приходится чаще держать язык за зубами, чтобы не потерять работу”, “Нужно уступать в чем-то, чтобы не уволили”, “Пришлось стать менее искренней, приспособливаться к начальству” — вот типичные ответы респондентов. В этих условиях многие из новых свобод (включая свободу выражать свои взгляды, отстаивать убеждения, право на забастовку, митинги, акции протеста и др.) остаются весьма далекими от реального жизненного пространства индивидов [23].

В настоящее время самостоятельное решение проблем зачастую распространяется и на те сферы, где оно всецело находится в компетенции властей и не должно бы быть самостоятельным. Из-за неспособности или нежелания властей защищать права рядовых социальных групп последние вынуждены сами искать те или иные способы адаптации (активной или пассивной) к этой ситуации. Самый распространенный способ восстановления законных прав, как считают 40 % опрошенных, — деньги (“Все продается и покупается”), еще 16% указали на силу, угрозу расправы. На обращение к законам как способу восстановления нарушенных законных прав сегодня уповаet лишь 13% респондентов, на приказы и распоряжения властей — 10%, на забастовки и другие протестные действия, разрешенные законом, — 7%. Те, у кого нет ни денег, ни силы, ни связей, вообще не предпринимают никаких действий по отстаиванию своих прав. В сельской местности эта группа достигает 59 %: именно столько респондентов считают, что в случае ущемления прав лично им никто не поможет отстоять их, а сами они тоже не смогут сделать это.

Как показали обследования, более частое нарушение правовых и моральных норм вообще становится одним из основных видов адаптивного поведения населения в новых условиях. Мелкие хищения с предпрятия, совхозного поля, стройки основной частью (65 %) респондентов не осуждаются: “Нечем кормить детей, с голоду им что ли помирать?!”, “Пусть берут побольше, все равно это ихнее, они больше ничего не получат — работают за так”; “Осуждать их не надо — их правительво к этому привело [воровать, грабить]”; “Рабочего не осуждаю, а начальство — осуждаю: оно не за кусок хлеба тянет”; “Тут сумочку возьмешь, а они [начальство] машинами везут”.

Отклонение от правовых установлений, законов, конечно, было и прежде. Но оно было, во-первых, не в столь больших масштабах, а во-вторых, не в столь открытой форме. Как то, так и другое повышает внутренний дискомфорт у больших групп населения (по крайней мере, у половины) и ставит заново проблему социальной адаптации к этой ситуации. Не случайно многие респонденты (41 %) хотят, чтобы их

дети и внуки не испытывали этого комплекса вины, критически относи-

лись к законам и, если нужно, не боялись отступать от них, ибо “законные решения редко решают человеческие проблемы”. Иными словами, отклонение от правовых норм само по себе уже превращается в норму, проникает в институты социализации молодого поколения [24].

Но если современные самодеятельные адаптации разных социальных групп к новым условиям приводят к отклонению реально формирующейся в российском обществе свободы от декларированной западной, то, быть может, это как раз и означает, что осуществляется переход к более свободному обществу (в том смысле, как это понимают большие группы населения). Эмпирический анализ закономерностей современных социальных адаптаций в контексте свободы—несвободы говорит о том, что это не так. В механизмах адаптационного процесса пока с большим перевесом преобладают преимущественно вынужденные адаптации над преимущественно добровольными, а в результатах — преимущественно регрессивные (разрушительные) над преимущественно прогрессивными (созидательными) адаптациями [25].

В результате сложившийся в ходе современного адаптационного процесса доминирующий образ *желаемой социетальной* свободы сегодня предстает “двуглавым”: он состоит из (1) прежней, административно-командной и (2) вновь провозглашенной свободы, но такой, при которой предоставленное в ходе реформ расширение свободы экономической, политической, территориальной сочеталось бы с более сильной ролью государства по защите прав как сильных, так и слабых групп [26].

Состояние и перспективы трансформационного процесса в контексте свободы

Итак, в социологическом исследовании проблемы свободы в меняющемся обществе мы различаем, как минимум, три разных аспекта: 1) условия и составные части *индивидуальной* свободы (в том смысле, какой в нее вкладывают разные группы в данный момент); 2) условия и составные части социетальной свободы, которая в наибольшей мере способствовала бы увеличению индивидуальной свободы разных групп (т.е. доминирующий образ *желаемой* социетальной свободы); 3) востребованную и реализуемую в ходе самостоятельных социальных действий (адаптационных и неадаптационных, добровольных и вынужденных) институционально-правовую и неправовую свободу, которая, по существу, и олицетворяет собой *реально* формирующуюся в российском обществе социетальную свободу.

У большинства групп (прежде всего из базового и нижнего, по типологии Т.И.Заславской, слоев [27]) динамика *индивидуальной* свободы в современных условиях определяется динамикой и результатов-

ностью усилий, направленных на улучшение (сохранение) позиций в первую очередь на материальной, профессионально-трудовой и образовательной осях. В большинстве случаев она отрицательная, что связано как с ростом (естественным и искусственным) числа ограничителей свободы за годы реформ, так и с сужением доступных большинству групп способов преодоления этих ограничителей или конструктивной адаптации к тем из них, которые преодолеть невозможно. В ходе современных реформ большие группы лишились первостепенных социально-экономических прав, и в этих условиях им либо вообще нет дела до “западных” прав, либо они, хотя и желаемы, но не доступны.

Несмотря на, казалось бы, бесспорное продвижение к западной институционально-правовой свободе (насколько можно судить по изменениям в ролевой системе общества), подлинной либерализации общественных отношений в России не произошло. Использование новых прав в качестве способа возрастания самостоятельности и свободы в современных условиях нередко сопряжено не с ростом независимости от властей, а напротив, с еще большим усилением этой зависимости и ростом незащищенности, как от противоправных действий самих властей, так и от преступных действий неформальных элементов.

В сложившихся условиях в *желаемом* образе социетальной свободы как у сторонников, так и у противников западной свободы важное место отводится усилению роли государства. И хотя разные группы понимают эту роль по-разному, растет понимание того, что без сильной государственной власти, защищающей и слабые, и сильные социальные группы, новые права не могут установиться, а первостепенные социально-экономические права — воспроизводиться на необходимом уровне. Без усиления роли государства невозможно создать условия для развития отечественного производства, восстановить производственную безопасность и усилить независимость страны.

В условиях безучастности и правового беспредела со стороны государства самостоятельные социальные действия разных групп по преодолению возросшего числа ограничителей свободы или по адаптации (добровольной или вынужденной) к ним способствуют институционализации такой социетальной свободы, которая отклоняется как от западной свободы, так и от желаемой для большинства социальных групп. Формирующаяся при этом самостоятельность имеет принципиально отличную от своих западных аналогов природу. А большие группы населения чувствуют себя еще менее свободными, чем прежде.

Динамика индивидуальной свободы, самостоятельности и независимости — по существу, разные процессы, со своими закономерностями, ограничителями и благоприятствующими факторами. А потому целесообразно отделять самостоятельные социальные действия от социальных действий, способствующих увеличению (сохранению) инди-

видуальной свободы, и как те так и другие — от социальных действий, способствующих институционализации провозглашенной социетальной свободы. Степень включения в самостоятельные социальные действия (без опоры на помощь властей) уже сейчас велика. Но эта самостоятельность в большинстве случаев пока не стала ни способом увеличения индивидуальной свободы, ни средством претворения в жизнь элементов новой социетальной свободы.

Современная свобода по-русски — это некий гибрид прежней (административно-командной) и новой свободы, в которой прежняя социетальная свобода видоизменилась за счет усиления неправового и непроизводительного элементов, а новая (рыночная и демократическая), формируясь в условиях произвола и безнаказанности на разных уровнях иерархии и в разных сферах жизнедеятельности, обретает отличные от западной социетальной свободы сущностные признаки. Современную социетальную свободу в России можно определить как неправовую и “незаконопослушную” (в гражданском праве), сильно сохранившую прежние административно-командные зависимости, отчасти обновленные зависимостями административно-олигархическими (в экономико-политическом плане), непроизводительную, торгово-финансовую (в структурно-отраслевом плане). Причем состояние производственной, инфраструктурной, финансовой и расселенческой подсистем таково, что они сами являются благоприятствующими факторами для воспроизводства в новых условиях старых (административно-командных) отношений — как на низших [28], так и на верхних уровнях властной иерархии. В настоящее время из 89 регионов 79 дотационные, так что губернаторы, как и прежде, вынуждены приезжать в Москву к распределяющим деньги чиновникам на поклон [29].

Отрицательная динамика индивидуальной (групповой) свободы чаще всего наблюдается вовсе не потому, что все более прочные позиции занимает западная социетальная свобода. Проверка западной свободой — дело будущего и, судя по всему, весьма отдаленного. Принимая во внимание бессильность и безучастность государства, ослабление институционально-правовой и разрушение производственной систем страны за годы реформ, можно признать, что сегодня у российского общества шансов продвинуться к западной институционально-правовой свободе стало еще меньше, чем это было на входе в реформы.

Однако это вовсе не означает, что автоматически (и пропорционально) снижаются шансы российского общества стать более свободным в том смысле, как чаще всего понимают сегодня свободу большинство его членов. Напротив, как раз здесь благоприятные перспективы более вероятны. Во-первых, планка в данном случае не столь высока, как предполагает западная институционально-правовая свобода, а во-вторых, точка отсчета (крайне низкая в дореформенный

период) за годы реформ у большинства групп еще более снизилась и, находясь на более низком уровне весьма продолжительное время, стала привычной для большей части общества. Как показали наши социологические обследования, феномен привыкания к этому более худшему — важный элемент современных регрессивных адаптаций [30]. Более того, в новых условиях социализировалось уже целое поколение молодежи, которая больше других воспринимает нынешнюю точку отсчета как само собой разумеющуюся данность (“Нам не с чем сравнивать”). Так что любое продвижение вверх в значимом жизненном пространстве не останется незамеченным и будет восприниматься как возрастание уровня индивидуальной свободы и молодыми, и более старшими возрастными группами.

В перспективе шансы на интернализацию новых прав будут тем выше, чем больше они будут способствовать продвижению индивидов на действительно значимых для них социальных осях, чем быстрее индивиды достигнут таких позиций на них, которые создадут своеобразный тыл, позволяющий оторваться от материально-бытовых проблем и нищеты и начать ценить новые гражданские и социально-экономические права, а вместе с ними — самостоятельность и независимость в их западном понимании. Судя по набору важнейших стратификационных шкал, в перспективе сохранится существенный разрыв между продвижением российского общества к более свободному (как понимают это большие группы) и движением к западной социетальной свободе. Это два разных процесса, которые требуют разных условий и разного времени для своей реализации. В общем, большие группы и слои российского общества сегодня находятся в таких условиях, что способны почувствовать себя более свободными и без необходимых атрибутов западной свободы или в самом начале пути к ней.

Тем не менее и в настоящее время на *ценностно-деятельностном уровне* пока сохраняется потенциал и для интернализации западных прав, и для роста самостоятельности как самоценного состояния и способа увеличения (сохранения) индивидуальной свободы. Как показали обследования, еще далеко не все желающие воспользовались новыми правами и далеко не все из числа воспользовавшихся ими имеют возможность отстаивать новые права законными способами. Сегодня велика доля тех, кто включается в неправовые действия вынужденно и испытывает от этого внутренний дискомфорт и напряжение [31]. В то же время более половины респондентов во всех типах поселений отметили, что комфортнее чувствуют себя тогда, когда имеют возможность действовать самостоятельно, обходиться без помощи других людей и не зависеть от кого-либо. Даже среди проживающих в сельской местности 88 % респондентов предпочли, чтобы их дети в новых условиях были бы самостоятельными, стремились всего достичь собственными силами.

Будут ли в перспективе в своих самостоятельных социальных действиях по адаптации к новым условиям и повышению (сохранению) своей свободы разные группы активнее обращаться к новым правам, покажет время. При сохранении существующих условий ценностно-деятельностный потенциал для интернализации новых прав так и останется нереализованным, а потенциал для роста самостоятельности, если и реализуется, то, вероятнее всего, в неправовом социальном пространстве.

Генезис и механизм адаптаций

ГЛАВА 10 *в постсоциалистической России: теоретико-методологический подход**

Адаптация как социальный феномен

Термин “адаптация” полисемантичен и именно поэтому существует большое количество определений этого феномена и их модификаций. Сложность создания некоего общего универсального определения связана с тем, что в процессе расчленения и рассмотрения каждой из сторон самого явления “адаптации” бывает трудно провести синтез и сформулировать такое определение понятия, из которого можно было бы вывести все богатство ее форм [1].

В современной литературе все определения понятия “адаптация” не выходят, как правило, за рамки конкретных наук. Однако если обратиться, например, к “Философской Энциклопедии”, “Большой Советской Энциклопедии”, “Краткой Философской Энциклопедии” и т.д., то здесь приоритет отдан биологии. Так, в “Большой Советской Энциклопедии”, читаем: “Адаптация — *процесс приспособления строения и функций* организмов (особей, популяций, видов) к условиям среды. Вместе с тем любая адаптация есть и *результат*, т.е. конкретный *исторический этап приспособительного процесса* — адаптациогенеза, протекающего в определенных местообитаниях” [2].

Несколько иная трактовка предложена в Американской Энциклопедии, согласно которой “адаптация” есть *сдвиг в функции или форме*, поддерживающий существование системы в определенной среде [3]. Заметим, что такое толкование (его, в частности, придерживаются Л.Н. Гумилев и другие исследователи) несет в себе заряд операционализации и разграничения “обычных” и адаптивных взаимодействий, что представляется чрезвычайно важным.

Определения понятия “адаптация” в естественных науках (прежде всего биологической и медицинской) бывают двух видов: широ-

* Работа проводилась при поддержке РФФИ и РГНФ (проект N° 94—06—199093).

кие, основывающиеся на эволюционном принципе, учитывающем сам генезис явления адаптации, и узкие, отражающие лишь онтогенетический аспект. Приведем пример определения первого типа: “Под адаптацией мы должны разумеать такую форму отношения организмов к внешней среде и, связанные с этой формой отношений, черты строения, физиологических процессов и поведения организмов, которые обуславливают выживание достаточного количества индивидуумов — достаточного для сохранения вида (В. Васнецов). Следовательно, адаптацию нельзя определять только как непосредственную реакцию особи на изменение среды, позволяющую переживать эти изменения. Такая адаптивная реакция есть только один из видов адаптации” [4]. Трансляция такого рода подхода в социологию представляется нам чрезвычайно полезной и важной. В частности, в условиях общественного перелома принципиальным является вопрос о том, сохраняется ли в изменившихся условиях воспроизводство субъекта адаптации (это может быть социальная группа, слой, класс, система предприятий ВПК и т.д.) — *“сохраняется ли вид”* или он разрушается как целое? Так, можно попытаться поставить вопрос о том, сохраняется ли как “вид” в современной России научная и культурная интеллигенция, рабочие высокой квалификации и некоторые другие группы.

Толкование адаптации в узком смысле сводится к анализу фактов “уравновешивания” в процессе взаимодействия организма со средой в его (организма) индивидуальной жизни. Чаще всего онтогенетические адаптации рассматриваются с позиций установления равновесия между организмом и средой на основе гомеостатических механизмов. Очевидно, что трактовка адаптации в узком смысле включает односторонность, так как фиксирует внимание на результатах индивидуальной адаптации (онтогенеза), оставляя в стороне сам процесс — адаптацию генеза [5]. Нетрудно провести параллели с социологией и в данном случае. “Индивидуальные” адаптации, т.е. адаптации конкретной “единичной” организации, конкретного производственного коллектива, конкретного индивида и т.д., представляют интерес и для социологической науки, в первую очередь, ее прикладных разделов. Так, изучение успешных индивидуальных адаптаций в условиях крупных общественных сдвигов позволяет очертить пространство факторов, обеспечивающих высокую “эффективность” этих приспособлений, что необходимо, например, для трансляции положительного опыта на другие адаптирующиеся субъекты.

В естественных науках адаптацию рассматривают также как совокупность реакций, направленных на поддержание функциональных констант системы при воздействии на нее изменяющихся условий среды. Здесь речь идет фактически только о явлении гомеостаза (динамическое равновесие в данных условиях среды). Напомним, что гомеостаз(ис) — это совокупность сложных приспособительных реак-

ций системы (биологической, демографической, социальной и т.д.), направленных на устранение или максимальное ограничение действий различных факторов внешней или внутренней среды, нарушающих относительное динамическое постоянство внутренней среды системы (например, постоянство температуры тела или кровяного давления у человека, число новорожденных мальчиков на 100 девочек и др.). Однако наряду с этим высказывается и точка зрения, согласно которой адаптация есть процесс, подчиняющийся не только гомеостатическим закономерностям, но и создающий возможность для дальнейшего развития системы — гомеорезис [6].

Аналогичные взгляды на адаптацию развивают и социальные науки. *Адаптация социальная* — “приведение индивидуального и группового поведения в соответствие с господствующей в данном обществе, классе, социальной группе системой норм и ценностей. Осуществляется в процессе социализации, а также с помощью механизмов социального контроля, включающих меры общественного и государственного принуждения” [7].

В зарубежной литературе делается акцент на следующих сторонах адаптации. Адаптация социальная (синоним — приспособление социальное) означает одновременно процесс и состояние. Чаще всего этим термином обозначают те процессы, которые приводят социальную систему в состояние соответствия со средой [8]. Адаптация — “принятие и выполнение обычных требований общества и своих личных отношений с другими без ненужного напряжения и сопротивления” [9]. Адаптация — видоизменение с целью приспособления к изменившимся обстоятельствам и гибкость в связи с этим; приспособление к изменившейся среде, происходящее путем выработки измененных стереотипов поведения, “...когда мы говорим, что население адаптируется, мы подразумеваем, что оно меняет свое отношение к своей среде обитания, чтобы сделать эту среду местом, более пригодным для жизни, или чтобы сделать себя более пригодным к тому, чтобы жить в этой среде” [10].

Адаптация относится к “формам и правилам социального приспособления и изменения в поведении индивидов и групп в процессе достижения цели или просто сохранения статус-кво” [11].

Адаптация — (1) *статическое равновесие* между социальной системой и ее окружением, при котором не происходит изменения стимула, вызывающего смену реакции, нет неудовлетворенной потребности и все функции системы осуществляются в “нормальном” режиме; такого полного приспособления никогда не бывает, оно является теоретической целью в континууме степеней частичного приспособления; (2) *состояние гармоничного отношения* со средой, в которой человек может получить удовлетворение большинства своих потребностей и довольно хорошо выполнить требования, предъявляемые ему физической и социальной средой, т.е. относительное при-

способление — единственно возможное; (3) процесс осуществления необходимых изменений в себе или в своем окружении, достижение относительного приспособления [12].

С понятием “адаптация” тесно связан другой термин — *адаптивность*, т.е. способность субъекта (социальной системы) осуществлять адаптацию. Он несет важную смысловую нагрузку и помогает глубже проникнуть в семантику этого феномена. Адаптивность—неадаптивность обозначает “тенденции функционирования целеустремленной системы, определяющиеся соответствием (несоответствием) между ее целями и достигаемыми в процессе ее деятельности результатами” [13].

Сказанное выше позволяет выделить следующие главные черты адаптаций:

1. адаптация используется для обозначения *процесса*, при котором субъект приспосабливается к новой среде (“приспособительная изменчивость”);

2. под адаптацией понимается *результат* приспособительного процесса;

3. адаптация связывается с какой-то определенной целью, к которой стремится субъект: выжить, достичь имущественного благополучия, повысить социальный статус и пр. (*телеологичность и прагматичность* адаптации);

4. адаптация (адаптивность) предполагает соответствие между целями и достигаемыми в процессе деятельности результатами;

5. адаптация используется для обозначения *отношения равновесия* (относительной гармонии), которое устанавливается между субъектом (адаптирующейся системой) и средой (*гомеостатический подход*);

6. адаптация есть процесс, не только подчиняющийся гомеостатическим закономерностям, но и обеспечивающий возможность развития субъекта адаптации (*гомеорезис*);

7. адаптация — двусторонний процесс взаимодействия среды и адаптанта: не только субъект изменяется под воздействием среды, но и среда может меняться под воздействием адаптанта, приспосабливаясь к нему.

Богатство, сложность и внутренняя противоречивость адаптаций делает необходимой их классификацию, ибо без нее невозможно постичь природу этого феномена, разобраться в многообразии его сторон и, следовательно, строить обоснованные социологические теории, проводить глубокие эмпирические исследования.

В данной работе при построении классификационной системы адаптаций (табл. 10.1) мы опирались главным образом на богатый опыт, накопленный в философии и естественных науках. Однако и в этих науках классификации адаптаций носят разрозненный, а порой противоречивый характер. До сих пор не создана “гиперклассификация которая бы охватывала в своей систематизации все стороны

Таблица 10.1

Классификационная система адаптаций

Группа теоретических индикаторов	Теоретические индикаторы (оси дифференциации)	Понятийные индикаторы (шкалы)
1	2	3
1. Глубина и характер преобразования внутренней структуры адаптанта в ходе адаптации	1. Глубина 2. Морфологичность 3. Структурность 4. Функциональность	1. Глубокие 2. Поверхностные 1. Генерационные 2. Идиоадаптации 3. Дегенерационные 1. Стабильные 2. Структурные 3. Катастрофические 1. Эволюционные 2. Функциональные 3. Патологические
2. Изменение положения адаптанта во внешней среде в ходе адаптации (характер связи со средой)	1. Метастатичность 2. Прогрессивность	1. Ареадаптации 2. Аллоадаптации 3. Телеадаптации 4. Гиперадаптации 5. Катаадаптации 1. Прогрессивные 2. Константные 3. Регрессивные
3. Характеристики субъекта адаптации	1. Содержание 2. Субъектность 3. Тип 4. Уровень 5. Целенаправленность	1. Демографические 2. Культурологические 3. Политические 4. Психологические 5. Религиозные 6. Технологические 7. Экологические 8. Экономические 9. Этнические 1. Цивилизационные 2. Институциональные 3. Организационные 4. Групповые 5. Индивидуальные 1. Рольевые 2. Вне рольевые 1. Ментальные 2. Поведенческие 1. Индивидуальные 2. Видовые

Продолжение табл. 10.1

1	2	3
4. Креативность	1. Характер (инновационность)	1. Гиперинновационные 2. Инновационные 3. Традиционные
	2. Факультативность	1. Наследуемые 2. Приобретаемые
5. Масштабность, объем	1. Полнота	1. Полные 2. Частичные
	2. Системность	— Локальные 1. периферические 2. ядерные — Системные (супер-адаптации)
	3. Широта	1. Широкие 1-го порядка 2. Широкие 2-го порядка 3. Узкие (стеноадаптация)
6. Атрибутивность	1. Адекватность	1. Адекватные 2. Неадекватные
	2. Конструктивность	1. Конструктивные 2. Деструктивные
	3. Реактивность	1. Активные 2. Пассивные
	4. Императивность	— Добровольные — Принудительные а. Защитные 1. мимикрические — компенсаторные 2. депривационные б. Псевдоактуальные
	5. Устойчивость	1. Устойчивые 2. Неустойчивые
7. Стадиальность	1. Продолжительность	1. Кратковременные 2. Среднесрочные 3. Длительные
	2. Процессуальность	1. Динамические 2. Статические
	3. Ретроспективность	1. Прошлые 2. Настоящие
	4. Хронология	1. Начальные 2. Промежуточные 3. Завершающиеся

Окончание табл. 10.1

1	2	3
	5. Этапность	1. Преадаптация 2. Инадаптация 3. Постадаптация
8. Происхождение	1. Вертливость	1. Внутренние 2. Внешние
	2. Вид	1. Ответ на инновации 2. Ответ на трансформации
9. Способ и форма	1. Способ	— Ассимиляция — Аккомодация 1. принуждение 2. компромисс 3. терпимость — Коадаптация — Деадаптация — Реадаптация
	2. Форма (по Р. Мертону)	1) Конформность 2) Инновация 3) Ритуал изм 4) Ретритизм 5) Мятеж

данного феномена. Именно попытка приблизиться к решению такой “сверхзадачи” в рамках социологического поля и была одним из основных ориентиров в нашей работе [14].

Стадии адаптиогенеза в бифуркационных средах

О понятии адаптиогенеза. Под адаптиогенезом в естественных науках понимается процесс выработки адаптаций, рассмотренный во взаимосвязи предшествующих, настоящих и будущих состояний. При этом постулируется, что предпосылки для дальнейшего развития той или иной биологической системы формируются еще в прежней среде — так называемые взаимопереходы. Важным теоретико-методологическим шагом в постановке и решении вопроса о структуре адаптиогенеза и ее динамике является положение Дж. Симпсона о трех фазах этого процесса: 1) преадаптации, 2) инадаптации и 3) постадаптации [15]. Попытаемся воспользоваться таким подходом, перенеся его в социологию. Итак, *преадаптация* — это использование уже готовых элементов внутренней структуры адаптанта, заранее приспособленных форм при внезапных изменениях среды. Эта фаза предполагает наличие у субъекта адаптации потенциально полезных признаков (ценностей, навыков, образцов поведения) наряду с функционирующими, иными словами, виртуальности — реальной возможности,

которая при определенных условиях превращается в действительность, а также способности к опережающему отражению действительности. Выделение преадаптации базируется на теории предварительной приспособленности, созданной Л. Кено. Он впервые обратил внимание на то, что некоторые признаки, составляя потенциал нереализованной возможности приспособления, могут оказаться полезными при благоприятных условиях среды, перейти в необходимые [16].

Инадаптация — это собственно адаптация.

Постадаптация — частное совершенствование, догилифовка приобретенной адаптации. Однако в естественно-научной и философской литературе есть и другое толкование данного термина, которое весьма легко вписывается в социологический контекст. Под *постадаптациями* понимается прошлый опыт субъекта адаптации. Когда в процессе адаптации возникает новая структура субъекта, более приспособленная к новой внешней нагрузке, то старая структура полностью не отмирает, и если прежняя нагрузка примет прежнее значение, то он может использовать для адаптации фрагменты старой структуры. Тем самым новая адаптация произойдет достаточно быстро. Примером такого рода может служить “вторичная” адаптация к селу мигрантов из города, ранее проживавших в селе. По возвращении в село на постоянное место жительства мигрант восстанавливает традиционные для сельских жителей стереотипы сознания и поведения и относительно легко, по сравнению с коренными горожанами, встраивается в сельскую среду. Или пример иного рода: особенности перехода к рынку стран Восточной Европы и России. В России современное поколение практически незнакомо с институтом предпринимательства. Это одна из причин того, что переход к рынку осуществляется труднее, чем в странах Восточной Европы, вступивших на социалистический путь развития лишь в середине текущего столетия. Если в первом случае речь идет об освоении норм и стандартов поведения рыночного типа буквально всеми группами населения, то во втором — для отдельных контингентов о возврате к прежним стереотипам. В научной литературе подчеркивается, что говорить о преадаптации и постадаптации как о реальных явлениях можно лишь в том случае, когда они переходят в действительность [17].

Принципиальным в данном контексте является следующее замечание. Обратимся к первоисточнику: “Здесь следует подчеркнуть также различие между признаками преадаптивного и постадаптивного значения, заключающееся в том, что первые никогда ранее еще не использовались, вторые использовались, но сохранили свою ценность для будущего в латентном состоянии. ...Учитывая, что признаки преадаптивного значения еще никогда не использовались в эволюции, а постадаптивные уже использовались, но и те и другие обладают готовностью стать адаптивными при благоприятном изменении среды,

стоящего и будущего, постадаптации — прошлого и настоящего” [18].

Данный подход представляется весьма перспективным для социологии, в том числе для изучения тех вопросов, которые связаны с прогнозированием успешности приспособлений адаптантов.

Мы полагаем, что при анализе адаптиогенеза не следует ограничиваться только выделением трех фаз: преадаптации, инадаптации и постадаптации — целесообразно также вычленение подфаз или стадий внутри каждой из фаз. Основные принципы такого рода подхода применительно к бифуркационным средам мы и попытаемся изложить ниже, опираясь на работы канадского физиолога Г. Селье и его последователей.

В обществе с бифуркационной траекторией развития, т.е. таким типом развития, который иногда называют революционным, нестабильным, неустойчивым, разрывным, подразумевая возможность мгновенного перехода системы в качественно новое состояние, возможность катаклизма, адаптации социальных групп (а также институтов и организаций) проходят, на наш взгляд, как бы три стадии: 1) социального шока, 2) мобилизации адаптивных резервов (ресурсов), 3) ответа на вызов среды (рис. 10.1) Естественно, что переход от стадии к стадии не осуществляется синхронно: одни социальные группы быстро осваиваются и уходят вперед, другие отстают. Кроме того, видимо, всегда есть преадаптированные социальные группы, для которых характер происшедших преобразований является органичным и естественным (например, представители теневой экономики, действовавшие в прежней экономической системе, как правило, вполне “органично” вошли в новую экономическую реальность, не испытав “социального шока”). Неравномерность адаптации разных групп ломает социальную вертикаль, вызывает дестабилизацию, нарушение социального равновесия в обществе. При затянувшихся первых двух стадиях образуются маргинальные группы, которые нередко переходят в пауперы, утрачивая свой прежний социально-профессиональный и материальный статус.

Понятно, что четкого временного водораздела между тремя этими стадиями не существует, границы между ними размыты. Условия для каждой последующей стадии зарождаются в недрах предыдущей. К тому же одни группы быстрее “справляются” с преодолением стадий, другие — медленнее. Если осуществить во времени так называемый поперечный анализ, как в демографии, то увидим, что одни группы находятся на первой стадии адаптиогенеза, другие — на второй и третьей. Очевидно лишь одно: переход к новому общественному укладу будет завершен в обществе лишь тогда, когда все социальные группы минуют все три эти стадии.

Однако главными вопросами адаптиогенеза в условиях бифуркаций являются те, которые связаны с обострением проблемы ответственности адаптивных возможностей субъекта сильно возросшим тре-

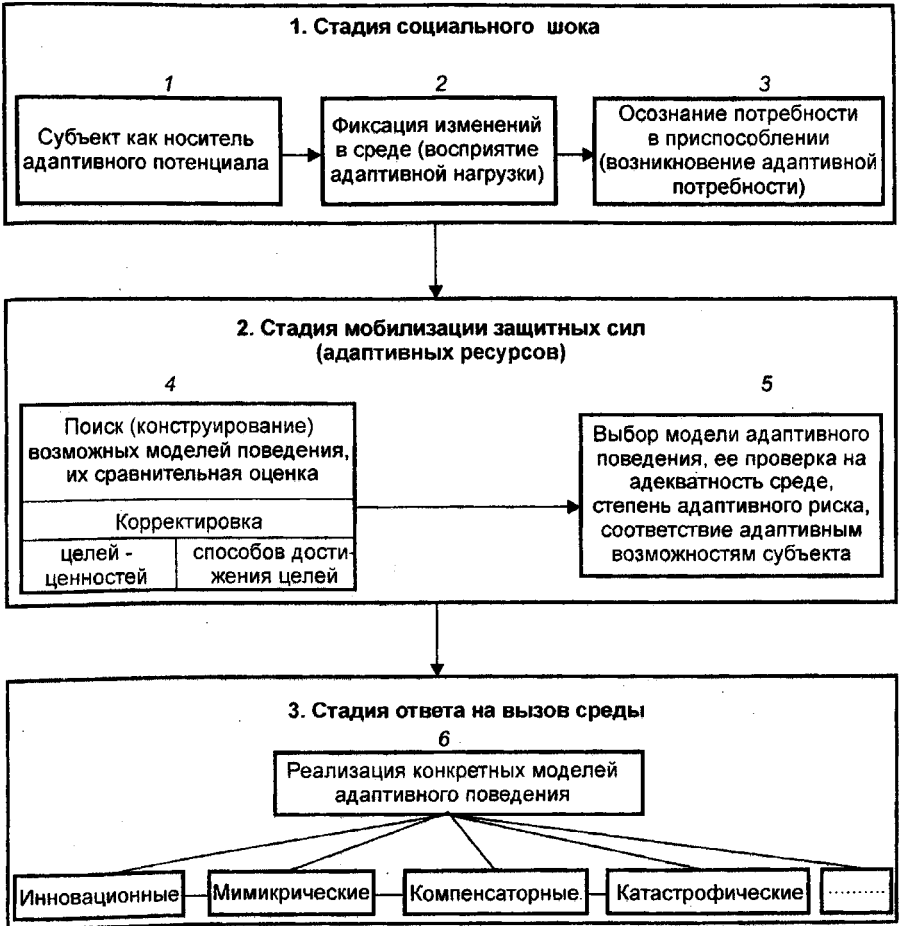

Рис. 10.1. Схема стадийности адаптивного процесса в ситуации кризиса.

бованиям к нему со стороны быстроменяющейся среды. До каких пределов можно напрягать те или иные функциональные возможности субъекта, включенного в адаптивный процесс? Где граница между адаптацией, способствующей или хотя бы не препятствующей его развитию, и адаптацией, вызывающей его распад и деградацию?

Важным в данном контексте является вопрос о различиях стадий адаптогенеза в бифуркационных и эволюционных средах (здесь и далее мы будем вести речь о стадиях инадаптации — собственно адаптации). Адаптации в эволюционных средах также имеют три стадии: 1) начальную, в которой формируется потребность в адаптации, 2) стадию мобилизации адаптивных резервов и 3) стадию ответа на изменения среды. Главные различия между ними видятся в следующем:

1. в условиях бифуркаций, в отличие от эволюционных сред, для первой стадии адаптиогенеза характерна настолько глубокая дезорганизация отношений субъекта со средой, что она нередко приводит к катастрофическому финалу, ведущему к слому адаптивного механизма и прекращению адаптивного процесса уже на самой начальной стадии;

2. вторая стадия адаптиогенеза сопровождается мобилизацией глубоких адаптивных (наряду с поверхностными) механизмов, которые, как правило, не задействуются в эволюционных средах (в то же время последующее включение глубоких механизмов на заключительной третьей стадии адаптиогенеза далеко не всегда приводит к благоприятному адаптивному исходу);

3. третья стадия адаптиогенеза проходит, как правило, на фоне адаптивной асимметрии — значительного отставания во времени трансформации сознания от перестройки поведения.

Отметим, что в условиях бифуркаций многие средства адаптации, прежде всего институционализированные и нормативно-регулятивные, разрушаются почти до основания и субъект вынужден ограничиваться преимущественно личностными и статусными средствами. В то же время адаптивные проблемы субъекта могут решаться по инициативе и при содействии адаптирующихся социальных систем более высокого иерархического уровня (институтов, организаций), в рамках которых он функционирует.

Стадия социального шока. Первой стадией адаптиогенеза является стадия социального шока. Под социальным шоком обычно понимается общее расстройство функций социальной системы (ее дезорганизация) вследствие социального, экономического или психологического потрясения, вызванного резким нарушением привычного взаимодействия с внешней средой. Стадия социального шока — это период парализующего страха и бездействия и, одновременно, первичной эмоциональной оценки и попытки самого Первого осмысления сути происходящих катаклизмов.

Субъективные и объективные индикаторы свидетельствуют о том, что значительная часть социума в постсоциалистической России пребывала и все еще пребывает на этой стадии — стадии социального шока, которая началась, как нам представляется, в 1991 г. Для социальных групп, переживающих эту стадию, характерны следующие признаки:

субъективные — чувство страха, плохое социальное самочувствие; стремление следовать стереотипам поведения, сложившимся в прежней системе; фрустрация, зафиксированная многочисленными социологическими исследованиями институтов общественного профиля РАН и ВЦИОМ;

объективные — высокий процент самоубийств; социальная распушенность, рост числа венерических заболеваний; взлет всех видов преступности [19].

Для экономических субъектов, прежде всего предприятий, характерны дезорганизация внутренней структуры и внешних связей, спад эффективности производства, неосознанное инерционное стремление следовать стереотипам поведения, сложившимся в прежней системе, что создает проблемы особого рода. Так, сибирские ученые объясняют кризис неплатежей политикой самих же производителей, склонных в соответствии со стандартами, сложившимися в старой системе, скорее к завышению цен на свою продукцию и ее отгрузке потребителям к кредит, чем к более умеренному наращиванию цен, но зато при жестком контроле за оплатой поставок.

Проиллюстрируем социальное самочувствие населения на данной стадии адаптиогенеза данными социологического обследования, проведенного отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН в 1993 г. (табл. 10.2) [20].

При характеристике стадии социального шока, переживаемого субъектом адаптации — индивидом, социальной группой, ключевой является категория *страха*. В социальной психологии страх определяется как эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому

Таблица 10.2

Распределение ответов на вопрос “Каким был для Вас прошедший год?”

(Новосибирская область, 1993 г.), %*

Характеристика года	Женщины	Мужчины
Исполнения желаний	2	2
Крушения надежд	18	16
Легкой беззаботной жизни	2	2
Упорного труда	21	27
Материального процветания	1	1
Материальных затруднений	42	28
Больших успехов в труде	1	1
Потери старой работы	7	7
Приобщения к новым ценностям	3	4
Крушения прежних ценностей	10	13
Душевного спокойствия	2	3
Тревог, страха	35	18
Семейного счастья	8	6
Одиночества	7	2
Выздоровления от болезни	2	1
Болезней, забот о здоровье	18	9
Обычный год	3	3
Необычно тяжелый год	4	2

* Сумма ответов по столбцам больше 100 %, так как респондент мог одновременно дать несколько ответов.

или социальному существованию субъекта и направленная на источник действительной или воображаемой опасности. Страх варьирует в достаточно широком диапазоне оттенков — опасение, боязнь, испуг, ужас [21]. Для стадии социального шока характерны наиболее сильные негативные проявления страха: глубокая боязнь, испуг, ужас. По данным репрезентативного для Новосибирской области социологического обследования, проведенного отделом социальных проблем ИЭиОПП СО АН на заре реформирования, страх являл собой многоголовую гидру. Предметом страха выступали: рост преступности, разгул мафии (59 % опрошенных), рост агрессивности, озлобленности в отношениях между людьми (52 %), угроза нищеты, бедности (54 %), социальная незащищенность (44 %), невозможность получить медицинскую помощь (32 %), угроза потерять работу (30 %), возрастание зависимости “от сильных мира сего” (22 %) и др. [22]. Все эти позиции можно свести (с определенной долей условности, разумеется) к единой и трактовать как угрозу возможности поддерживать (сохранять) в новых условиях человеческое достоинство, личную безопасность, как агрессию со стороны внешней среды, направленную на ограничение возможностей и свобод респондента. “Если принять, что каждый человек руководствуется своей субъективной иерархией ценностей, то а priori очевидно, что утеря дорогих нам ценностей возбуждает в нас беспокойство, легко переходящее в страх. Скупец больше всего боится потерять деньги, сластолюбец — утери способности к половому акту, влюбленный — утери любимой, политик и общественный деятель — утери популярности и т.д., и т.д.” [23].

По данным опросов, проведенных ВЦИОМ в марте 1993 г. — январе 1996 г., можно заключить, что в России доля тех, кто ощущает чувство страха, в этот период несколько возросла (с 11 % до 14%), доля же тех, кто испытывает постоянное напряжение под влиянием социальных угроз разного рода, весьма представительна и стабильно держится на уровне 43—42 % [24]. Нам представляется, эти данные рисуют более или менее благополучную картину: доля лиц, переживающих страх, в них занижена по сравнению с реальным положением дел. Стереотипы нашего сознания таковы, что респонденту (особенно мужчинам) признаться интервьюеру в чувстве страха, неловко, не всегда удобно. Многие из переживающих страх, скорее всего, ушли в группу испытывающих напряжение. Однако сам по себе тот факт, что в России каждый десятый признается в том, что переживает чувство страха, свидетельствует: значительная часть населения перманентно пребывает в состоянии глубокого шока, а современное общество не в состоянии предоставить конструктивные позитивные модели выхода из этого состояния. Добавим, что, по данным опросов ВЦИОМ, 35 % респондентов утверждают, что “терпеть бедственное положение уже невозможно” [25],

Исследуя феноменологию страха, С.А. Левицкий пишет: «Страх есть всегда страх перед чуждой нам неизвестностью. Чем предвосхищаемая нами возможность определеннее, тем меньше страха она вызывает, тем более страх уступает место опасению и, наконец, ослабляется до степени свободы. ...В страхе сама неопределенность составляет его конститутивный признак... Мы боимся потерять те ценности, с которыми мы срослись, с которыми мы привыкли отождествлять самих себя. Мы всегда боимся “абсолютно другого”, чуждого, то есть боимся потерять знакомый нам свой лик и обратиться в нечто, чуждое нам... Важная категориальная черта страха заключается в его направленности на “чужое”. ...Знакомое в худшем случае может вызывать скуку, даже отвращение, но оно не возбуждает в нас страха» [26]. Далее С.А. Левицкий отмечает: «Этот страх перед чужим часто совмещается со страхом перед всем “новым”, так называемая “неофобия”. Такого человека пугает всякая новизна, он хотел бы вращаться в знакомом ему кругу привычек, ему органически неприятно перестраиваться, приспосабливаться к новым условиям, ко всему, что грозит вывести его из обычного равновесия» [27].

Внезапные и тотальные перемены в условиях существования субъекта неизбежно провоцируют состояние страха, парализующего всякое действие. Страх перед чужим, новым свойствен, конечно, всем. Он естествен, ибо если бы чужое и новое не возбуждало опасения, мы не имели бы импульса распознавать опасность, которая нередко таится в новом и чужом. Но существуют и неоправданные формы страха перед чужим, которые остаются жить в нас в качестве “фобий” и мешают нашему нормальному развитию [28].

По данным нашего социологического обследования, проведенного в 1993 г., 22 % опрошенных в качестве фактора, препятствующего осваиванию в новом рыночном пространстве, отметили следующий: “опасаюсь всего нового, не люблю менять привычный жизненный уклад” [29]. Причем боязнь новизны, как оказалось, не дифференцируется по социогендерному признаку: она в равной мере присуща как женщинам, так и мужчинам.

Следует отметить два обстоятельства. Боязнь новизны, помимо психологических корней (склонность к интровертивности), провоцируется, на наш взгляд, двумя факторами.

Во-первых, она связана, как правило, с недостатком адаптивного социального опыта, отсутствием в прошлом ситуаций, вызывающих необходимость адаптаций. Однако в таком случае “страх перед всем новым” преодолим: достаточно адаптанту как можно чаще “погружаться” в новые несфандартные незнакомые ситуации. Напомним бессмертные страницы пьесы Д.И. Фонвизина “Недоросль”. В имение матушки Митрофанушки пришло письмо — событие, неординарное для всех домочадцев. Это письмо вызвало такой переполох в доме, повергло всех в такое смятение и ужас, что его, в конце концов, так

и побоялись распечатать, забросили куда-то “с глаз подальше”, а потом про него и вспоминать забыли. Другой пример уже из научной области: исследования миграционных ориентаций населения показывают, что склонность к перемене мест возрастает по мере “усложнения” миграционной биографии субъекта, а доля потенциальных мигрантов выше в тех группах, которые обладают богатым опытом прошлых миграционных перемещений [30].

Во-вторых, боязнь новизны, страх перед всем новым нередко связаны с наличием негативного адаптивного опыта, с неудачами адаптаций в прошлом. Осмелюсь высказать гипотезу, что Россия — страна, где боязнь новизны у значительных групп населения имеет под собой глубокие и вполне объяснимые корни, так сказать, исторически закреплена. Вряд ли найдется еще одна страна в мире, где в течение последнего века многократно осуществлялся глубокий слом базовых жизненных устоев. Причем всякий раз вектор преобразований менял свой знак на диаметрально противоположный: уничтожение института частной собственности на средства производства в первой половине века — приватизация государственной собственности во второй; атеизм, гонение на религию в годы “социализма” — восстановление статуса религии в постперестроечное время; бесконечные катаклизмы, сопровождающие существование института личного подсобного хозяйства в относительно мирные 50—60-е годы и т.д. Быстрый ритм преобразований, носящий к тому же хаотический характер, порождает неудачи в адаптациях: население не успевает освоить новые формы поведения, добиваться жизненного успеха (или закрепить его) в новых условиях. Отсюда — боязнь всего нового, нежелание принять его.

Итак, первая описанная выше ситуация (недостаток адаптивного опыта) характерна для косных, застойных, не развивающихся сред. Вторая (негативный адаптивный опыт) — для хаотично развивающихся сред, когда адаптанту не под силу предугадать дальнейшее развитие событий, ход изменений во внешней среде.

Заключая характеристику данной стадии адаптиогенеза, подчеркнем два важных момента. Конструктивность данной стадии — стадии социального шока — состоит в том, что именно здесь у субъекта зарождается *адаптивная потребность* — потребность в приспособлении (приспосабливании), трагедия же — большое число социальных жертв, разбитых судеб и жизней.

Стадия мобилизации адаптивных ресурсов. После стадии социального шока наступает глубокое осмысление ситуации и концентрация усилий на сознательном поиске выхода из нее — стадия мобилизации адаптивных ресурсов. Эта стадия связана с активным сознательным поиском, выбором и освоением на ментальном уровне инновационных моделей поведения, новых правил игры.

Под *адаптивным поведением* понимается всякое поведение, которое помогает адаптирующемуся субъекту выполнить новые требования окружающей среды либо воздействовать на среду таким образом, чтобы восстановилось утраченное равновесие.

Адаптивное поведение предполагает способность субъекта извлечь уроки из прошлого адаптивного опыта и способность к новому поведению, отвечающему в той или иной мере новым требованиям среды [31]. Естественно, в такого рода процесс вовлечены не все группы. Активность проявляют в первую очередь те из них, кто склонен к конструктивному инновационному поиску. Остальные находятся в ситуации социального ожидания, наблюдая за поведением референтных групп.

В стадии мобилизации адаптивных ресурсов субъект адаптации как бы оценивает наличие у него определенного рода свойств, необходимых для выживания (или достижения жизненного успеха) в изменившихся условиях, степень *адаптивного риска*. При этом может происходить корректировка (или смена) жизненных целей—ценностей, поиск возможности их достижения. В случае же, когда на ментальном уровне сохраняются прежние жизненные ориентиры, субъект адаптации пытается найти новые модели поведения для достижения старых целей.

Принципиальным для характеристики данной стадии адаптогенеза является понятие адаптивного потенциала. *Адаптивный потенциал* — это степень мощности субъекта в отношении возможных адаптаций, это совокупность свойств (ресурсов), которые существуют у адаптанта в скрытом виде и задействуются в ходе адаптации. Таковыми могут выступать: ценностно-нормативная структура адаптанта, его социальный статус (профессия, доход, материальное положение, жилищный статус, образование, включенность в определенную социальную сеть), демографический статус (здоровье, семейный и брачный статус, миграционная биография), этнический статус, социально-психологические характеристики и пр. Адаптивный потенциал складывается из двух векторов: способности к сопротивлению среде с последующей ее перестройкой под себя и способности к ассимиляции с последующим поглощением средой. Некоторые признаки (свойства адаптанта) могут быть адаптивно нейтральными, т.е. они не повышают и не уменьшают приспособленность. В любой момент времени могут существовать также признаки, которые прежде были адаптивными, но в новой ситуации таковыми уже не являются. Признаки адаптивно нейтральные при адаптации одного вида (типа, содержания и пр.) могут быть адаптивными для другого [32].

Понятно, что от качества адаптивного потенциала напрямую зависит возможность адаптанта овладеть ситуацией, освоиться в новом жизненном пространстве. Адаптивный потенциал определяет ско-

рость адаптации и ее конечные результаты: осуществилась ассимиляция или аккомодация (возможно, имело место и то и другое) или же произошла катастрофическая адаптация — физическое разрушение адаптирующейся системы. Адаптивный потенциал субъекта в каждый данный момент объективен, независим (в определенном смысле) от субъекта адаптации. В то же время субъект может оказаться способен к самопознанию собственных адаптивных свойств, возможностей и ограничений. В этом случае для успешной адаптации необходимо, чтобы оценка субъектом своего адаптивного потенциала была адекватной и реалистичной. Занижение собственных адаптивных возможностей подталкивает адаптанта к пассивной, выжидательной тактике, тем самым тормозя адаптивный процесс. Завышение же чревато грубыми ошибками, срывами, сбоями и неудачами в адаптивном процессе. Со временем, видимо, адаптивный потенциал субъекта адаптации будет подвергаться количественной оценке на базе широкого круга его свойств и характеристик, в том числе и сугубо социологической направленности с использованием специально разработанных методик. Низкие значения данного параметра будут свидетельствовать о недопустимости крупных преобразований в среде, высокие — о возможностях таких преобразований.

Другим важным понятием для описания данной стадии адаптиогенеза является понятие адаптивного порога, к сожалению, почти не разработанного в социологии. Дело в том, что адаптант может не располагать в достаточном количестве необходимыми для адаптации качествами, т.е. иметь недостаточно высокий адаптивный порог. *Адаптивный порог* — это *наименьшая возможная величина, минимальная граница “накопления” (проявления) свойств (качеств, ресурсов), необходимых для успешной адаптации субъекта.* Понятие адаптивного порога содержит в себе как объективные, так и субъективные моменты. С одной стороны, его задает среда: какого рода (и глубины) изменения произошли в среде, такого рода требования к наличию и интенсивности проявления необходимых для успешной адаптации качеств и предъявляются субъекту. С другой стороны, носителем этих качеств выступает субъект, которому и предстоит, вооружившись ими, ответить на вызов среды. Незначительные изменения среды делают возможным адаптацию субъектов с низким адаптивным порогом. Радикальные же изменения среды повышают требования к адаптивному порогу субъекта адаптации. В общем же случае можно утверждать, что высокая адаптивная нагрузка требует наличия высокого адаптивного порога у адаптанта для успешного его приспособления.

Составляющие адаптивного порога весьма многообразны. Однако в данном контексте для нас важны в первую очередь социальные и социально-психологические характеристики адаптанта. Размышляя о социально-психологических особенностях приспособляемости, С.А. Ле-

вицкий отмечает, что экстравертированные лица, вообще говоря, лучше приспособляются к окружающим их условиям, чем интроверты. Но гипертрофированные экстраверты за счет приспособляемости больше склонны к обезличиванию, нередко вплоть до полной перемены своего национального лица. Некоторые из них страдают патологической жадой новизны — и тогда легко становятся авантюристами. В основе такой установки лежат два начала: одно положительное, другое — отрицательное. Положительным здесь является здоровый страх перед косностью, стремление вырваться из круга устоявшихся навыков, отрицательным — патологический страх перед исполнением своего предназначения, обязывающего к определенному месту в жизни. Такие люди до такой степени самоотчуждаются, что несмотря на внешнюю общительность, они не способны к подлинному общению и бывают не менее “асоциальными” (хотя и с другой стороны), чем чеховские “люди в футляре” [33].

Гипотетически можно предположить, что приспособляемость субъекта адаптации коррелирует и с его принадлежностью к той или иной группе, выделенной по признаку locus контроля. Locus контроля — это представления субъекта о том, в какой мере он является “хозяйном своей жизни”: связывает он свой жизненный успех с внешними, не зависящими от него обстоятельствами или же исключительно с личными достоинствами и усилиями. Locus контроля подразделяет субъектов на интерналов (лица с внутренним locus контроля) и экстерналов (лица с внешним locus контроля). Первые не нуждаются во внешней поддержке, надеются только на свои силы, вторые зависимы от внешней среды и полагают, что все в их жизни определяется ею. Поэтому уместно также поставить вопросы: Располагает ли адаптант в процессе конкретной адаптации возможностью воздействовать на среду? Является ли он активной стороной взаимодействия со средой или же пассивной? Кому принадлежит приоритет в их взаимодействии — среде или субъекту? Чтобы выяснить это применительно к современным реалиям обратимся к данным репрезентативного социологического обследования, проведенного нами по просьбе администрации Сахалинской области в 1992 г. (выборочная совокупность 1000 чел.). Респондентам задавался вопрос о том, в какой мере их жизненный успех зависит от личных качеств, а в какой — от внешних обстоятельств. Как удалось установить, первенство, правда с очень небольшим перевесом, принадлежит самому субъекту (26 % против 22 %). Более чем две трети респондентов (37 %) полагают, что взаимодействие идет на равных. И наконец, 15% затруднились с ответом. Сравнение наших данных с аналогичными, полученными в развитых странах (где доля интерналов составляет 70 % и выше), подталкивает к пессимистической трактовке полученных результатов. Кроме того, данные нашего обследования свидетельствуют о том, что социальные ожидания, связанные с переходом к рыноч-

ной системе, структура социальных тревог значительно дифференцируются локусом контроля. Интерналы гораздо более оптимистичны в прогнозах своего будущего и более сдержанны в перечне тревог и негативных социальных ожиданий, связанных с рынком, чем экстерналы. Пессимистичные оценки они дают в 8 раз реже, а оптимистичные — в 3 раза чаще, нищета их пугает в 3 раза реже, невозможность улучшить жилищные условия — в 2 раза, боязнь не получить необходимую медицинскую помощь — в 5 раз, тревога за детей — в 1,5 раза, угроза безработицы — в 1,5 раза реже, чем экстерналов.

Как видим, локус контроля в немалой степени определяет структуру барьеров адаптации, а также социальное самочувствие адаптанта. Субъекты с внутренним локусом контроля в ходе адаптации демонстрируют лучшее социальное самочувствие, быстрее адаптируются к рыночной среде, чем лица с внешним локусом контроля.

Стадия ответа на вызов среды. Стадия ответа на вызов среды является как бы завершающей в цепочке адаптогенеза. Ее содержание составляет реализация конкретных моделей адаптивного поведения, выбранных адаптантами как в силу собственного понимания происходящих в обществе перемен (их характера, глубины, необратимости и пр.), так и с учетом собственных адаптивных ресурсов. На выходе мы имеем модели адаптивного поведения и соответственно адаптации, которые можно описать в соответствии со сконструированной выше интегральной классификацией адаптаций по 30 основаниям.

В данном контексте представляет интерес следующее рассуждение К. Поппера, имеющее отношение, на наш взгляд, не только к эволюционным, но и бифуркационным средам. «Было бы ошибочно думать, что вследствие естественного отбора эволюция приводит только к результатам, которые можно было бы назвать “утилитарными”, т.е. к адаптациям, которые помогают нам выжить. Как и во всякой системе с гибким управлением, где управляющая и управляемая система взаимодействуют между собой, наши пробные решения взаимодействуют с нашими проблемами, а также с нашими целями. А это значит, что цели наши могут меняться и что выбор цели может стать проблемой; при этом разные цели могут конкурировать между собой и могут быть изобретены новые цели, управляемые методом проб и устранения ошибок. Конечно, если новые цели окажутся противоречащими цели выживания, процесс естественного отбора может привести к устранению этих новых целей. Хорошо известно, что многие мутации смертоносны, а значит и самоубийственны. Имеется немало примеров и самоубийственных целей. Но, вероятно, есть и другие цели, являющиеся по отношению к выживанию нейтральными. Многие цели, которые первоначально были вспомогательными по отношению к цели выживания, могут впоследствии стать автономными и даже противоположными выживанию, напри-

мер, честолюбивые стремления отличиться своей храбростью, подняться на гору Эверест, открыть новый континент или первыми ступить на Луну...» [34].

Принципиальным представляется вопрос о завершении процесса адаптации, определении границы, достижение которой свидетельствовало бы о наступлении состояния адаптации — адаптированности.

Существуют два подхода к определению завершенности процесса адаптации и, соответственно, два типа критериев. Один из них можно назвать бихевириальным или бихевиристическим. В центре его внимания оказываются поведенческие характеристики адаптанта: встроенность в новую социальную среду, под которой понимается степень освоения новых поведенческих стандартов. Иными словами, акцент делается на внешних поведенческих реакциях. *Полная адаптация* (или адаптированность) означает *наличие надежного набора решений для различных проблем в тех или иных конкретных условиях* [35]. В рамках данного подхода существуют (должны существовать) и разные инструментальные способы оценки уровня адаптированности. Согласно одному из них, это могут быть, например, индексы, характеризующие вероятность успешного решения различных проблем при помощи “имеющегося набора решений”. Согласно другому (косвенный подход), завершение процесса адаптации не наступает до тех пор, пока в поведении не возобладают *регулярные действия*, т.е. о высокой адаптированности к среде можно говорить лишь тогда, когда в поведении субъекта адаптации начинают выкристаллизовываться (доминировать) регулярные действия. В свою очередь, преобладание в поведении ситуативных действий и реакций на вызовы среды говорит о состоянии неадаптированности субъекта. Она может быть вызвана как субъективными моментами — слабым адаптивным потенциалом субъекта адаптации, в основе которого могут лежать социально-психологические и статусные ограничения и возможности, так и объективными — ненаправленным, хаотическим характером изменений в среде, требующих каждый раз нового решения и нового типа реагирования. В первом случае субъект адаптации не в состоянии сориентироваться в силу своих субъективных качеств в пространстве социальных изменений и выработать оптимальную стратегию деятельности, которая в дальнейшем должна закрепиться во времени и перерасти в регулярные действия. Во втором случае, из-за хаотичности происходящих изменений, даже субъекту с сильным адаптивным потенциалом не удастся выработать систему регулярных действий. В то же время недостаточный уровень адаптации может свидетельствовать, в частности, и о начальной фазе адаптиогенеза.

Ограниченность бихевириального подхода заключается в игнорировании внутреннего состояния адаптанта: включенность адаптанта на поведенческом уровне в новые структуры далеко не всегда означает установление равновесия, гармоничных отношений со средой

на ментальном уровне. Выше нами уже приводились данные социологического обследования, проведенного в Новосибирской области в 1993 г., согласно которым одной из наиболее массовых групп в составе населения были “вынужденные рыночники” (27 %) — лица, психологически не готовые к рынку, но действующие в рыночных структурах [36].

В основе критериев второго типа лежат характеристики внутреннего состояния адаптанта — его социальное самочувствие. В частности, если субъектом адаптации выступают индивиды, социальные группы или социум в целом, рассматриваются показатели социального самочувствия (классические, скорректированные или же новоизобретенные исследователем), если же субъектом являются социальные организации и институты, — то показатели, характеризующие эффективность их функционирования. Сбои в функционировании — признак внутренней (к себе) или внешней (к среде) неадаптированности.

Характеристики социального самочувствия, особенно в условиях переломных периодов общества, в случае удачно найденных эмпирических референтов могли бы внести серьезные коррективы в представление о реальных границах адаптации субъекта, масштабах имеющейся дезадаптации. Основная методическая трудность заключается при этом в разграничении (и в возможности смещения) сугубо личных факторов социального самочувствия и действительно социальных. Выход из этого положения частично найден в работах Маккенэла, предлагающего разграничивать состояние “счастья” и рациональную оценку степени реализации достигнутого [37].

Несколько отвлекаясь, отметим, что критерии социального самочувствия таят определенные возможности и для обнаружения дезадаптивных процессов в эволюционно развивающихся, стагнирующих и деградирующих средах. Дело в том, что в этих условиях социальные группы, даже если они хорошо встроены в институциональную среду и неплохо ориентируются в социальном пространстве, могут быть дезадаптированы: отрицательно оценивать итоги собственной жизни, испытывать отчужденность от себя, своей жизни, социальных реалий и т.д.

Такого рода результат получен нами на материалах репрезентативного социологического обследования на Сахалине (1992 г.). С помощью ряда эмпирических референтов удалось обнаружить значительную часть респондентов, дезадаптированных к еще существовавшему тогда социалистическому общественному укладу жизни. Согласно полученным данным, в совокупности опрошенных довольно высокой была доля лиц, которые “не смогли достичь в своей жизни желаемого” (50%), “хотели бы родиться в другой стране”(13 %), “если бы начали жить сначала, то многое бы изменили в своей жизни” (40%). И одновременно удивительно низкой оказалась доля лиц, добившихся тех благ, которые в значительной мере призвано гаранти-

ровать индивиду государство. Так, уверенность в завтрашнем дне имели лишь 6 % опрошенных, безопасность существования ощущали 5 %, успешная трудовая карьера сложилась только у 7 %, устойчивое положение в обществе, стабильность условий жизнедеятельности — только у 6 % и т.д. Те блага, которые удалось-таки достичь наиболее массовым группам, по сути не имеют государственных корней, а даны человеку от бога или же он сам является их творцом и создателем. К таким мы отнесли счастливый, хороший брак (каждый третий опрошенный), возможность общаться с людьми своего круга, с теми, кто интересен (30 %), быть рядом с близкими, дорогими людьми (27%), хорошее здоровье (24%), спокойная совесть (16%). Эта информация подводит к мысли о социальной обреченности прежней общественной системы, не способной вызвать у ее членов позитивного жизнеощущения [38].

Как видим, не только показатели экономического положения страны свидетельствуют о надвигающемся социальном кризисе, но и сугубо социологические параметры жизни социума, фиксирующие его социальное самочувствие.

Социальное самочувствие, помимо субъективных, имеет и сугубо объективные характеристики: уровень самоубийств, преступности, заболеваемости, забастовочного движения, продолжительности жизни и т.д. При этом субъективные и объективные характеристики социального самочувствия могут не только соответствовать, но и противоречить друг другу. В частности, сошлемся на пример, полученный нами при анализе гендерных особенностей социального самочувствия по материалам опроса 1993 г. (Новосибирск), когда был обнаружен, в частности, следующий парадокс: женское восприятие современных жизненных реалий оказалось окрашенным в более мрачные эмоциональные тона (их оценки носят ярко выраженный негативный эмоциональный характер), тогда как мужчины более сдержанны и позитивны в своих оценках. Однако, как свидетельствуют коэффициенты смертности от самоубийств, основная тяжесть реформы ложится именно на мужчин: стратегию ухода из жизни они выбирают в 5—6 раз чаще и этот разрыв в условиях реформирующейся страны возрастает [39].

Заканчивая характеристику двух концептуальных подходов к определению критериев завершенности адаптации, отметим необходимость их взаимного сочетания, поскольку в отдельности каждый из них, хотя и результативен, но односторонен.

О механизме социальной адаптации

Основные структурные блоки механизма социальной адаптации. Цент-
ральной проблемой в изучении любого социального процесса является адекватное конструирование его социального механизма. Термином “механизм” обычно определяется внутреннее устройство объек-

та, приводящее его в движение. Соответственно под адаптивным механизмом чаще всего понимается совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта для восстановления нарушенного равновесия в системе “адаптант — адаптирующая среда” [40]. Поскольку субъектами социальной адаптации могут выступать отдельные индивиды, социальные группы, институты, организации и целые общественные системы, то естественно говорить о существовании наряду с общими специфических элементов и блоков механизма адаптации для каждого из них. Однако, по справедливому замечанию Л.Л. Шпак, в публикациях исследователей, занимающихся непосредственно проблемами адаптации, почти не встречается попыток охарактеризовать механизм социальной адаптации и ее разновидностей [41].

В зарубежной научной литературе отмечается, что адаптивные механизмы иерархически упорядочены, в том смысле, что (а) более глубокие механизмы связаны с большей структурной модификацией и происходят более медленно и (б) если данный механизм эффективен, адекватно реагируя на импульсы среды, то включение более глубоких механизмов можно отвлечь. Структура отдельного механизма определяет диапазон условий среды или пертурбаций, на которые он может отвечать. Характер среды или ее изменений, в свою очередь, определяет, какой механизм (или вообще никакой) может быть эффективным и на какой глубине, вероятно, будет находиться такой эффективный механизм [42].

Включение адаптивного механизма происходит при возникновении адаптивной ситуации. Здесь следует отметить два обстоятельства: во-первых, изменения в среде (или переход субъекта адаптации из одной среды в другую), которые делают невозможным для него в новых условиях достижение старых жизненных целей и ориентиров старыми (прежними) средствами; во-вторых, изменения в субъекте адаптации, которые делают невозможными для него достижение новых целей в старых условиях среды. Внутренняя напряженность, присущая субъекту в момент обнаружения этих несоответствий (рассогласований), вынуждает его искать выход из дискомфортной ситуации. В данном контексте уместно привести следующее высказывание немецкого философа Н. Гартмана: “Вся инициатива человека не только ситуационно определена, но и ситуационно оформлена... Человек должен действовать в ситуации, но как именно, она ему не указывает, и в этом и состоит его свобода... Ситуация есть принуждение к решению, свобода же состоит в самом решении” [43].

Адаптивная ситуация рождает *адаптивную потребность*, потребность в адаптации. Под потребностью обычно понимается нужда в чем-либо, требующая удовлетворения, внутренний побудитель активности. Адаптивная потребность — это настройка адаптанта на преодоление адаптивной ситуации. Она представляет собой стремление

субъекта в одном случае привести в соответствие с изменившимися условиями социальной среды свои шаблоны поведения для достижения старых целей, в другом — изменить (или сменить) среду, что сделало бы возможным достижение новых целей.

В механизме социальной адаптации индивида (группы), на наш взгляд, целесообразно выделять следующие блоки регуляторов (средств и антисредств) социальной адаптации: 1) социетальный, включающий общие и локальные регуляторы, и 2) личностный (групповой), состоящий из статусных, социально-психологических и поведенческих регуляторов (рис. 10.2).

Социетальный блок подразделяется на два подблока: общих (глобальных) и локальных (местных) регуляторов. Первый подблок включает систему институциональных регуляторов наиболее общего плана. Они подразделяются, в свою очередь, на несколько видов. Так, в зависимости от характера выделяются *формальные* регуляторы, объединяющие нормы, правила, принципы, процедуры, как регламентирующие поведение официальных органов, структур, организаций, так и предписываемые этими формальными структурами, и *неформальные*, сложившиеся и закрепленные в неформальных структурах (общественных объединениях), а также в сознании населения и социальных групп традиции, обычаи, ритуалы, нормы и образцы поведения (оставшиеся, например, от прежней системы, имеющие этническую окраску и пр.). В зависимости от конкретных сфер деятельности соответствующих институтов регуляторы могут быть экономические (служащие для производства и распределения товаров и услуг); политические (регулирующие осуществление власти и доступ к ней); стратификации (определяющие размещение позиций и ресурсов); родства (связанные с браком, семьей и социализацией молодежи); культуры (связанные с религиозной, научной и художественной деятельностью). Кроме того, возможно выделение институционально-статусных и ролевых регуляторов. Первые дифференцируются по статусу соответствующего института: идет ли речь о низовых звеньях, например трудовых коллективах, или о социальных системах более высокого иерархического уровня, регулирующих деятельность этих звеньев (различного рода управления, комитеты, министерства и пр.), вторые — по единству или общности роли, которую выполняют данные институты в обществе (например, институт социализации включает семью, школу, двор и т.д.).

В системе социетальных есть также локальные регуляторы, связанные с конкретными социально-экономическими условиями жизнедеятельности населения в конкретном регионе или поселении. Это — региональный и поселенческий статус территории, состояние рынка труда, экономический статус территории (отраслевая структура экономики, национальное богатство и пр.), социальное качество населения (здоровье, образовательный уровень, преступность, возраст и

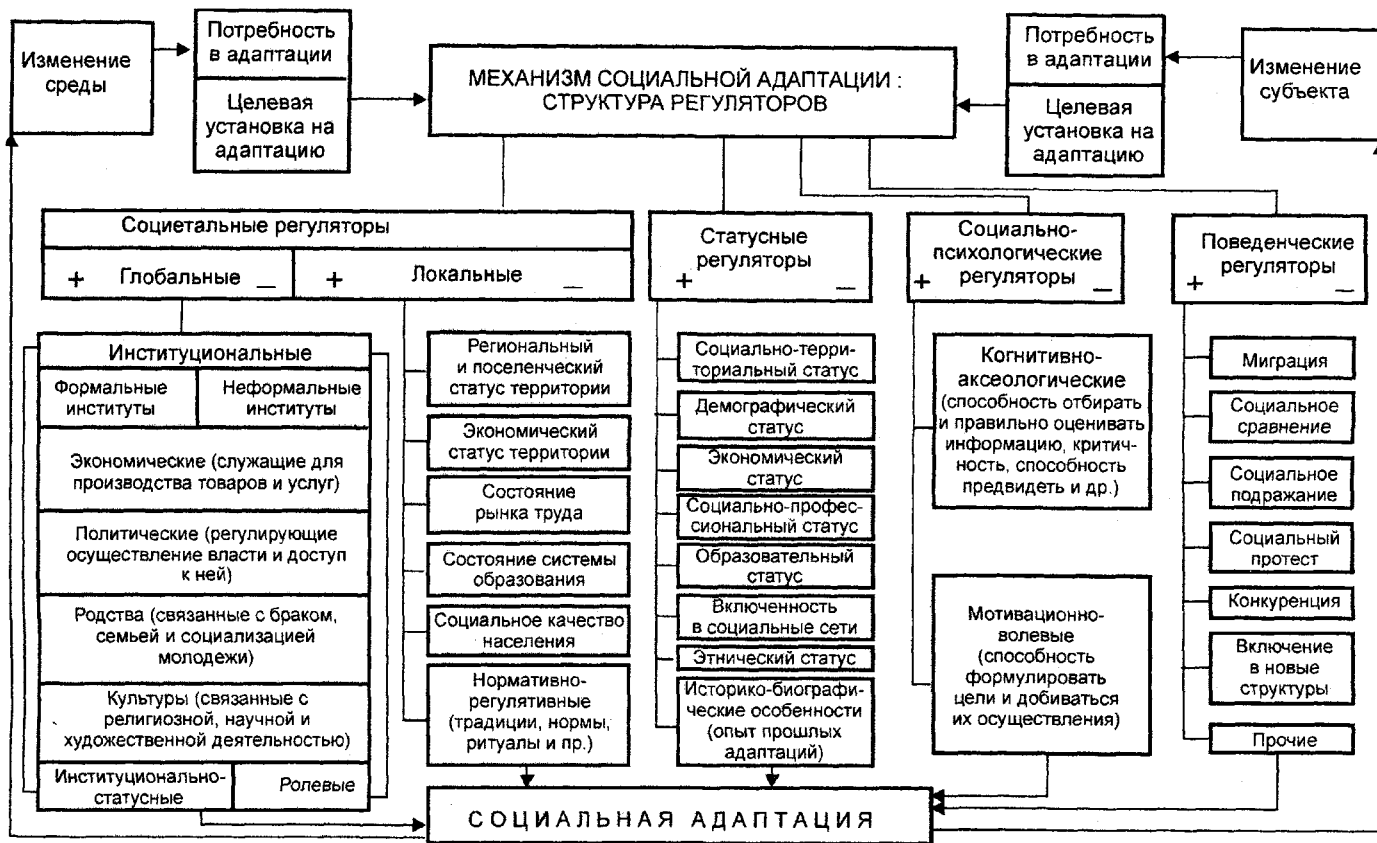

Рис. 10.2. Механизм социальной адаптации.

пр.), нормативно-регулятивные факторы (традиции, нормы, обычаи, ритуалы и пр.).

Система личностных (а также групповых) средств объединяет статусные, социально-психологические и поведенческие регуляторы.

Статусные регуляторы включают характеристики экономического, демографического, этнического, социально-территориального статусов, историко-биографические особенности (опыт прошлых адаптаций) субъекта и др. Социально-психологические подразделяются на когнитивно-аксеологические (способность отбирать и правильно оценивать информацию, критичность, способность предвидеть, эвристический стиль мышления, логические навыки, познавательные алгоритмы, ценностные ориентации и пр.) и мотивационно-волевые (способность формулировать цели и добиваться их осуществления) характеристики.

Поведенческие регуляторы — это практические меры, действия, поступки. К ним относят миграцию, социальное подражание, социальное сравнение, социальный протест, конкуренцию, непосредственное включение в новые структуры и другие поведенческие акты.

Проиллюстрируем действие социальных регуляторов адаптации на примере статусных характеристик адаптанта. Социальное положение, которое занимает адаптант в том или ином социальном пространстве, вооружает его специфическим набором средств адаптации. Это может быть доступ к социально важной информации, определенный уровень доходов, должностной статус, уровень образования, налаженные социальные сети, территориальная принадлежность, обеспечивающая быстрое переобучение или включение в новые структуры, и т.д. Учет этого вида адаптивных средств чрезвычайно важен для социологии. Современная действительность дает обширный материал по этому поводу. Так, общеизвестно, что статус столичного жителя в наше время означает более широкие возможности включения в быстроразвивающуюся рыночную среду, чем статус провинциала или жителя сельской глубинки. Согласно данным Госкомстата России, если среди москвичей на 1000 человек приходилось 24 получающих доход от предпринимательской деятельности, то во многих сельских регионах России таковых не было вообще, а в Новосибирской области этот показатель составил всего 14 чел. Результаты социологического обследования (Сургут, 1994 г.) свидетельствует о том, что должностной статус является фактором, заметно влияющим на ход адаптации индивида к рынку. Чем выше место, которое человек занимает в должностной иерархии, тем, как правило, лучше его стартовые возможности, легче проходит адаптация к рыночной экономике. Самой проблемной среди социальных групп в этом отношении стала группа рабочих. Она оказалась социально ущемленной уже на старте реформ, поскольку не имела доступа к информации, материально-техническим и финансовым ресурсам, не располагала налаженными социальными связями и пр.

Самой же благополучной является группа руководителей предприятий. В зарубежной литературе отмечено, что чем выше уровень культурного развития (социокультурный статус), тем выше способность субъекта адаптации воздействовать на среду в своих интересах, тем больше у него шансов адаптировать среду к своим собственным целям. Вместе с тем чем ниже уровень культурного развития, тем легче адаптанту отказаться от накопленных культурных навыков и начать адаптироваться к новым ценностям и стереотипам поведения, к новым условиям [44].

Описывая внутреннее устройство механизма адаптации, нельзя обходить узел блокад, т.е. набор средств антиадаптации, или антисредств адаптации. Понятно, что речь идет о средствах, тормозящих или затрудняющих адаптивный процесс. Видимо, как и в предыдущем случае, справедливо будет говорить о всех четырех группах регуляторов: социетальных, статусных, социально-психологических и поведенческих, однако направленность их действия будет иметь уже противоположный (отрицательный) знак.

Помимо приведенного выше деления все антисредства адаптации условно можно разделить в зависимости от характера их воздействия на две группы: дефициты и помехи. В свою очередь факторы-дефициты по отношению к субъекту могут иметь как внутренний, так и внешний характер. Внутренние дефициты — это отсутствие или слабо выраженное, недостаточное присутствие необходимых для адаптации социальных, психологических, физиологических либо каких-то иных качеств субъекта адаптации (например, отсутствие бойцовских качеств для успешной адаптации к условиям рыночной конкуренции, недостаток знаний о законах функционирования рыночной экономики, о возможных стратегиях адаптивного поведения в условиях экономического перехода, отсутствие здоровья, налаженных социальных связей в обществе и пр.). Внешние дефициты — это отсутствие или слабо выраженное, недостаточное присутствие условий, необходимых для успешной адаптации, непосредственно в самой среде (например, неполнота, недостаточная проработанность правовой базы реформирования, отсутствие инвестиций и инвесторов, неразвитость рыночной инфраструктуры, отсутствие необходимых социальных гарантий со стороны государства и пр.).

Помеха — то что затрудняет, а в ряде случаев делает невозможным, осуществление адаптивного процесса. Помехи по отношению к адаптанту также могут иметь внутренний и внешний характер. Внутренние помехи — это социальные (структура ценностей, статус и пр.) психологические, медико-физиологические свойства самого субъекта адаптации (например, старость, большое число иждивенцев, склонность к следованию сложившимся стереотипам поведения и пр.). К внешним относятся помехи, поставляемые средой. Ими могут выступать действующая нормативно-правовая система, экономические факторы, вектор интересов (давление) других социальных групп и др.

Так, в качестве внешней помехи адаптации к рынку выступают высокий уровень преступности в обществе, криминальность сферы бизнеса, непродуманная экономическая политика, высокие налоги и пр.

Совокупность помех и дефицитов составляют барьеры адаптации. Они могут быть внешними (экзогенными) и внутренними (эндогенными). Экзогенные барьеры, их высота, прочность и сопротивляемость характеризуют меру сопротивления среды, внешнюю резистентность, эндогенные барьеры — меру внутреннего сопротивления, внутреннюю резистентность.

В частности, по данным социологического обследования, проведенного отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН в 1993 г. в Новосибирской области, в соответствии с исходной концепцией разделения социально-психологических, статусных и социетальных барьеров, препятствующих встраиванию в рынок, на дефициты и помехи была получена следующая картина:

Барьеры	Доля респондентов, указавших данный барьер
<i>Социально-психологические</i>	
Помехи	
Опасаясь всего нового	21
Чужды отношения конкуренции	11
Приоритет коллективных интересов, честность, щедрость	11
Итого	43
Дефициты	
Отсутствие интереса к деньгам	23
Отсутствие деловой хватки	26
Отсутствие бойцовских качеств	16
Отсутствие склонности к риску	14
Неуверенность в своих силах	19
Недостаточная коммуникабельность	11
Итого	109
Отсутствие дефицитов и помех такого рода	11
<i>Статусные</i>	
Помехи	
Возраст	23
Пол.....	3
Маленькие дети и другие иждивенцы в семье	6
Итого	32
Дефициты	
Отсутствие средств и сбережений .	53
Недостаток знаний.....	29

Отсутствие связей в деловом мире .	28
Неважное состояние здоровья	20
Отсутствие нужного образования	24
Отсутствие подходящей профессии	12
Итого	166
Отсутствие дефицитов и помех такого рода	6
<i>Социетальные</i>	
Помехи	
Ошибочность курса правительства	38
Экономическая нестабильность в стране	51
Саботаж реформы со стороны местных властей.....	21
Враждебное отношение к предпринимателям	8
Криминогенная обстановка	28
Итого	146
Дефициты	
Отсутствие необходимых законов	27
Отсутствие социальных гарантий государства	37
Итого	64
Отсутствие дефицитов и помех такого рода .	4

Нетрудно заметить, что при упоминании внутренних барьеров (социально-психологических и статусных) доминируют дефициты, а при указании внешних — помехи. Как удалось обнаружить, гендерные различия в структуре социальных барьеров проявятся в том, что мужчины гораздо чаще женщин ссылаются на внешнюю среду, внешние обстоятельства, препятствующие осваиванию в новой общественной системе, а женщины, в свою очередь, чаще ссылаются на собственные социально-психологические и статусные характеристики [45].

Приведенные данные свидетельствуют также о том, что ценностные разрывы являются мощным источником дезадаптации населения в современной России. Почти четверть опрошенных отвергает богатство как жизненную ценность, а ведь именно эта ценность должна была бы выступить, согласно идеям рыночных реформаторов, главной мотивационной пружиной становления рынка в России. Заметим, что декларирование ценностей потребительского общества в конце XX столетия выглядит некорректным. Более состоятельной представляется актуализация ценностей, утверждающих приоритеты духовной и интеллектуальной сферы деятельности, развития культуры, науки, информационных технологий. Во-первых, к такого рода изменениям российское общество более подготовлено всем предыдущим укладом жизни “социалистической” эпохи (культурная революция, высокие образовательные стандарты и пр.), во-вторых, они более

соответствуют историческому моменту — становлению информационного общества.

Критерии выбора конкретной модели адаптивного механизма.

Нам

представляется, что при выборе конкретной модели механизма адаптивного поведения субъекты (вполне сознательно или на интуитивном уровне) руководствуются различными критериями. Один из них — затратный — предполагает минимизацию издержек, т.е. выбор линии наименьшего сопротивления, как внешнего (среде), так и внутреннего (себе). Выбор такой адаптивной стратегии предполагает максимальное сбережение адаптивных ресурсов, их экономное расходование. Эта стратегия привлекательна, в первую очередь, для субъектов с ограниченными адаптивными ресурсами — адаптивно слабых, ригидных, а также тех, кто одновременно задействован в нескольких адаптивных процессах, проходящих параллельно. Например, производственная (трудовая) адаптация к новому месту работы может осуществляться одновременно с адаптацией к новой территориальной общности в связи с переменой места жительства, к новой социокультурной среде. В этом случае сбережение адаптивных ресурсов на одном фронте дает возможность их переброски на другой, более важный для адаптанта. В данном контексте уместно отметить, что согласно идеям, развиваемым Г. Стеббинсом, эволюция, например, происходит, как правило, по принципу адаптивной модификации по линии наименьшего сопротивления [46].

Другой критерий — временной — основывается на минимизации времени достижения желаемого (приемлемого) жизненного успеха. Дело в том, что биологическая и социальная жизнь субъекта ограничены. Растянутый во времени адаптивный процесс, поиск новых средств для достижения цели—ценности могут естественным образом оборваться, не приведя к благополучному финалу, в связи с биологической смертью субъекта. Более того, в бифуркационных средах, например, господствует ситуация, когда длительная адаптивная перестройка субъекта просто невозможна. Необходимо максимально быстрое ответное реагирование, высокая скорость адаптации. В противном случае субъекту адаптации угрожает физическое уничтожение. Реальный выход — занижение цели. Это приведет к минимизации времени поиска и отработки средств для ее достижения.

Суть третьего критерия заключается, по нашему мнению, в таком социальном отборе наиболее эффективных моделей адаптивного поведения, при котором имеет место ориентация на достижение максимально желаемого социального (жизненного) успеха. В этом случае и адаптивных ресурсов, и времени на адаптацию (вследствие высокой адаптивной скорости) у субъекта, как правило, вполне достаточно. Именно такая модель адаптации присуща, как нам представляется, в первую очередь новым формирующимся в России элитам:

Реализовав выбранную модель механизма адаптивного поведения на практике, адаптант сравнивает ее результаты с результатами, полученными другими адаптантами, референтной социальной группой (группа, к которой он принадлежит сейчас, принадлежал в прошлом или хотел бы принадлежать в будущем). При негативном результате в одних случаях начинается дальнейший поиск, заимствование иных, более успешных моделей адаптивного поведения, в других — происходит слом адаптивного механизма. Позитивный же результат заключается в закреплении и трансляции своей модели адаптивного поведения, ее распространении и стереотипизации. Положительные стороны адаптивной стереотипизации — экономия интеллектуальных, психических, материальных и других ресурсов, сокращение времени реагирования на изменяющуюся реальность, отрицательные — консервация интеллектуального потенциала, шаблонность, отсутствие критической составляющей.

Итак, наиболее удачные модели механизма адаптивного поведения закрепляются и транслируются в обществе. Способами сохранения и закрепления положительных вариантов являются: социальная память, социализация, обучение и подражание. С их помощью на смену старым стереотипам взаимодействия со средой приходят новые, достигается равновесие адаптирующей среды и адаптанта.

В данном контексте целесообразно затронуть также вопрос об адаптивной норме. В естественных науках вопрос о норме реакции и адаптивной норме разработан И.И. Шмальгаузенем и др. [47]. Перенесение их семантического наполнения в социологию (создание симметричных понятий) представляется весьма перспективным. *Общая норма* реакции представляет собой совокупность реальных возможностей модификации поведения, из которых часть реализуется весьма широко, другая — значительно реже, третья — только в редких случаях и, наконец, четвертая вообще не реализуется, образуя резерв. *Общая норма* реакции означает всякую возможность реагирования без качественной его характеристики, без оценивания полезности или вредности для социальной системы. В свою очередь, под *адаптивной нормой* понимается только та часть проявлений общей нормы реакций, в состав которой входят проверенные на эффективность, соответствующие оптимальной выживаемости в конкретных условиях адаптивные модификации. Адаптивная норма существует внутри общей нормы реакции, охватывает ту ее часть, которая характеризуется способностью системы к выживанию в данный момент в данной конкретной обстановке. Она отражает адаптированность, координированность и конкурентоспособность субъекта адаптации. Используя данные представления, отметим, что адаптивной норме соответствуют адекватные адаптации, общей норме реакции — весь набор адаптаций (как адекватных, так и неадекватных).

В данном случае мы опирались на уже сложившиеся в современной адаптологии представления об адаптивной норме. Хотя, возможно, со временем в социологии утвердятся иное, альтернативное представление. С учетом традиций, сложившихся в этой науке, под адаптивной нормой будет пониматься общезначимое (общезначимость колеблется в самых широких пределах — от малой группы до общества в целом) правило адаптивного поведения, за которым стоит санкция: одобрение или порицание. В такой трактовке адаптивные нормы призваны устанавливать допустимые границы адаптивной деятельности, а также условия принадлежности к группе (объективный аспект). Субъективная же сторона адаптивной нормы в данном случае проявляется не только в решении субъекта следовать ей, но и в ожиданиях аналогичного адаптивного поведения от других людей.

О многообразии адаптивных механизмов

Актуализация, задействование тех или иных социальных регуляторов адаптации — социетальных, статусных, социально-психологических, поведенческих — в той или иной комбинации создают богатое разнообразие конкретных механизмов адаптации. В основе этого разнообразия лежит богатство, сложность, внутренняя противоречивость самого феномена адаптаций. Создавая классификационную систему адаптаций, нам удалось вычлениить 30 классификационных осей (шкал), описывающих те или иные стороны адаптаций, и, соответственно, свыше 100 разновидностей адаптаций (см. выше). Естественно предположить, что каждой разновидности адаптаций соответствует своя специфическая модификация адаптивного механизма. Следовательно в гносеологических целях представляется полезным вычлениять в качестве объекта изучения специфические механизмы адекватных и неадекватных адаптаций; конструктивных и деструктивных; эволюционных, функциональных, саноадаптивных и патологических (патоадаптация); стабильных, структурных и катастрофических; наследуемых и приобретаемых; ролевых и внеролевых; институциональных, организационных, групповых и индивидуальных; ароадаптаций, аллоадаптаций, телеадаптаций, гиперадаптаций и катаадаптаций; генерационных, дегенерационных и идиоадаптаций; добровольных и принудительных; внутренних и внешних; прогрессивных, константных и регрессивных и т.д. Таким образом, правомерно говорить о существовании как минимум сотни модификаций социальных механизмов адаптаций.

Ниже мы остановимся на описании лишь трех проекций адаптаций, которые, как впрочем и другие, не приведенные здесь, весьма важны для уяснения тезиса о многообразии механизмов адаптаций и их модификаций. Одна из приведенных ниже проекций получила на-

звание “способ”, вторая — “структурность”, третья — “функциональность”.

Первая ось дифференциации — *способ адаптации* — позволяет выделить:

— Ассимиляции (“поглощение” адаптанта средой).

— Аккомодации (псевдоадаптации):

1. принуждение;

2. компромисс;

3. терпимость.

— Встречные адаптации (преобразование среды субъектом адаптации).

— Коадаптации.

— Деадаптации.

— Реадаптации.

Остановимся подробнее на этой классификации.

1. *Ассимиляция* (ассимилятивное приспособление) — это поглощение адаптанта средой, принятие им условий среды в ходе адаптации. Классическим примером является ассимиляция малых этнических групп крупными этносами.

2. *Аккомодация*. Первоначально водораздел между аккомодацией и адаптацией предполагалось проводить следующим образом. Если адаптация означала структурные изменения в организме, то термин “аккомодация” предлагалось зарезервировать для обозначения функциональных изменений, которые реализуются в привычках и обычаях лиц и групп и которые передаются социальным, а не биологическим путем. Это различие между биологическим и социальным приспособлением впервые отмечено М. Болдуэном, который считал аккомодацию процессом, при котором “старые привычки слабеют, и создаются новые способы координации” [48]. Однако постепенно такого рода толкование термина “аккомодация” сменилось иным. Так, Г. Тард употребляет его для обозначения разрешения конфликта между двумя противоположными способами действия и возникновения нового типа поведения, Ф. Гидденс интерпретировал его в том же духе, видя в аккомодации один из нескольких способов универсального метода разрешения конфликта.

В настоящее время в мировой литературе сложились следующие толкования данного термина.

А. Под аккомодацией понимается *состояние равновесия* между индивидами и группами, при котором возникли или были приняты определенные договоренности. Аккомодация предполагает примирение и компромисс.

Б. Аккомодация — это *процесс формирования приспособлений в конфликтных ситуациях*, социальное приспособление между индивидами или группами с целью временного откладывания конфликта. Как процесс аккомодация связана с сознательными усилиями лю-

дей разработать между собой такие рабочие соглашения, которые способны отсрочить конфликт и сделать отношения более сдержанными, менее насыщенными активным противоборством. Это средство разрешения конфликта без полного уничтожения или поглощения противника, т.е. без того, чтобы какая-либо из сторон перестала существовать. Такого рода процесс происходит на сознательном — хотя не обязательно рациональном — уровне и большей частью имеет характер внешнего регулирования или установления [49]. Иными словами, аккомодация социальная — это изменения, происходящие с одной или несколькими сторонами в социальном или межличностном конфликте, которые уменьшают или ликвидируют этот конфликт (например, компромисс, уступка, пересмотр концепции межличностных взаимодействий или характера конфликта и т.д.) [50].

Итак, термин “аккомодация” используется для обозначения той части адаптивных процессов, при которых конфликты разрешаются, а конфликтные элементы приводятся в состояние взаимной терпимости (толерантности), а значит, к функционированию в условиях сотрудничества [51]. Формы аккомодации различны: от принуждения через компромисс и примирение до толерантности [52].

Принуждение есть тип аккомодации, при котором поведение (и сознание) одного из участников взаимодействия находится под давлением извне, принимает вынужденный характер и определяется ограничением и силой. Принуждение подразумевает наличие слабой и сильной сторон в любом конфликте. Оно принимает множество форм: физическую (непосредственное применение силы), психологическую (психологическое давление — косвенное применение силы), экономическую, правовую, социальную, политическую и пр. Различные политические диктатуры являются принудительными аккомодациями, при которых дисциплинированное меньшинство захватывает власть и осуществляет контроль над всем населением.

Компромисс подразумевает довольно высокую степень равенства в борьбе двух противостоящих сторон. Это сознательный метод улаживания конфликта, при котором все стороны соглашаются отказаться или уменьшить некоторые из своих требований в интересах мира. На смену непримиримым установкам приходит более умеренное настроение.

Терпимость (толерантность), или сдержанное участие, представляет собой результат уступок. Эта форма аккомодации, однако, не предполагает формального соглашения. Иногда она не вполне сознательно появляется после длительной практики отказа от резких движений, чтобы смягчить враждебность. Так, в современной России, по данным ВЦИОМ на январь 1996 г., 50% респондентов были согласны терпеть свое бедственное положение и дальше, а 35 % высказались в том смысле, что терпеть нынешнее состояние дел уже невоз-

можно [53]. Таким образом, психологическое состояние половины опрошенных можно отнести к данной форме аккомодации.

В зарубежной научной литературе отмечается, что аккомодация осуществляется путем сохранения социальных дистанций между группами, иными словами, она достигается на формальном и внешнем уровне. Иллюстрацией может служить аккомодация иммигранта: он перенимает одежду, пищу, привычки и язык, не становясь участником культуры и целей принявшей его страны [54]. (В отечественной литературе этот феномен рассогласования в ходе адаптации поведения и сознания получил название “адаптивная асимметрия”, или “псевдоадаптация”.) Примером аккомодации такого рода может служить вынужденное вхождение в рыночную экономику значительной части современных россиян на начальном этапе реформирования. Отдельные группы населения внешне перенимают стандарты рыночного поведения, оставаясь в глубине носителями антирыночной идеологии.

В отечественной социологической литературе толкование термина “аккомодация” отличается от общепринятого мирового. Так, под аккомодацией иногда понимается процесс и результат изменения среды в ходе взаимодействия среды и субъекта адаптации [55].

Подчеркнем, что аккомодация — это одна из форм адаптации, при которой субъект адаптации и среда находятся в состоянии “затяжного конфликта”. При этом, с одной стороны, субъект адаптации не может быть ассимилирован средой в силу своего сопротивления среде, с другой — он не может (не хватает сил) изменить среду для себя и под себя.

3. *Встречные адаптации* — преобразование среды субъектом адаптации, приспособливание (приспособление) среды к субъекту. Эта ситуация имеет место, когда адаптант сильнее среды или на равных с ней. Важность этого способа адаптации подчеркнута в трудах А.Н. Уайтхеда. Размышляя о лозунгах XIX в., таких, как борьба за существование, конкуренция, классовая война, коммерческий антагонизм между народами, военные конфликты, он пишет: “Окончательный вывод, который можно сделать из философии эволюции, состоит в том, что прогрессивное развитие должно носить более сбалансированный характер. Достижение успеха организмы видоизменяют свою окружающую среду. Наиболее приспособленные организмы видоизменяют свою окружающую среду, с тем чтобы помогать друг другу. Проявление этого закона часто наблюдается в природе. Например, североамериканские индейцы приспособливались к окружающей среде, а результатом явилось то, что немногочисленное население едва смогло сохранить себя на континенте. Европейские же расы, когда они начали заселять этот континент, проводили противоположную политику. Они сразу объединились и стали видоизменять окружающую среду. В результате их население в 20 раз больше индейского, нахо-

длежащего на той же территории, но континент еще до конца не заселен” [56].

Уместно отметить, что разные формы адаптации в реальной практике нередко сосуществуют. Ассимилятивное приспособление соседствует со встречными адаптациями, аккомодациями и пр. Исследуя адаптивные процессы в организациях, американские ученые отмечают: “Адаптивная деятельность (функция) может стремиться получить контроль за внешними силами и поддерживать предсказуемость для своих операций, или может стремиться к внутренней модификации своих собственных организационных структур для удовлетворения потребностей изменяющегося мира. Обе тенденции будут действовать в одной и той же организации, и внешняя нелогичность действий организации иногда вызвана компромиссами, осуществляемыми между этими противоположными тенденциями” [57].

4. *Кодаптация* — коррелятивное приспособление, общее и взаимное приспособление (приспособленность) к изменившимся условиям. Термин в социологии почти не встречается, хотя, на наш взгляд, должен быть центральным для этой науки, изучающей взаимное приспособление и приспособленность социальных институтов, социальных групп и индивидов. Иное положение в естественных науках, где среда (например, изменение климата), как правило, доминирует, диктует свою волю адаптанту, слабо или вовсе не реагируя на его ответное поведение.

5. *Деадаптация* — отсутствие или исчезновение (уничтожение) адаптации (адаптированности), процесс (или состояние), обратный адаптации. Деадаптация к новой социокультурной среде (или ее элементам) нередко сопровождается (идет параллельно) адаптацией к новой социокультурной среде.

6. *Реадаптация* — возвратная адаптация к той среде (или ее элементам), относительно которой имела место деадаптация. Богатые примеры из этой области дает анализ миграционных процессов, таких как переезд в село из города на постоянное место жительства индивида, ранее долгое время проживавшего в селе, или возвратная миграция из одной страны, где субъект проживал долгое время и успел адаптироваться, в другую, где он проживал ранее и т.д.

Вторая ось дифференциации — *структурность* — подразделяет адаптации на 1) стабильные, 2) структурные и 3) катастрофические. В основу такого деления положен принцип изменений во внутренней структуре адаптанта в процессе его приспособления к трансформациям внешней среды. Изменяясь, она начинает оказывать своего рода давление на внутреннюю структуру адаптанта, что приводит к ее перестройке и трансформации. Деление введено Ш.В. Гумировым. На материалах геологии он впервые в научной литературе выделил три данных структурных типа адаптации [58], которые легко переносятся на социальную ткань и интерпретируются в рамках социологии, а

сама дифференциация представляется чрезвычайно полезной при исследовании адаптивных процессов в условиях крупных общественных переломов.

В принципе адаптирующаяся социальная система может находиться под различным по силе воздействием внешней среды: слабым (незначительным), когда субъекту адаптации (адаптанту) потребуются лишь небольшие изменения в стереотипах поведения и сознания (стабильная адаптация), средним, когда необходима структурная перестройка (структурная адаптация), и сильным, в результате чего происходит ломка структуры и уничтожение самой адаптирующейся системы (катастрофическая адаптация).

- *Стабильные адаптации* означают такую приспособительную изменчивость субъекта адаптации, которая либо не затрагивает его ценностные ориентиры, структуру сознания, образцы (эталон) поведения, либо затрагивает их достаточно поверхностно. Естественно, возникает вопрос о мере этой “достаточности”. Но для нас главное сейчас обозначить сам тип адаптации, выделить его из других. Что же касается эмпирических примеров, то можно назвать адаптацию индивида в связи с переменой места жительства в пределах одной социально-территориальной общности, что гарантирует, как правило, сохранение внутренней структуры адаптанта, или адаптации промышленных предприятий в России в 60—70-е годы к дежурным правительственным постановлениям. Последние, как известно, не предполагали заметных структурных изменений в условиях хозяйственной деятельности этих предприятий.

Для осуществления стабильной адаптации необходимы постоянный разброс и разнообразие элементов (подсистем), неурезанный, относительно противоречивый спектр индивидуальных и групповых интересов и действий, которые потенциально содержат в себе формы приспособления к различным вариантам будущего. Разнообразие обеспечивает гибкость системы, возможность быстро реагировать и адаптироваться к изменяющимся внешним условиям. Разнообразие элементов в системе делает ее устойчивой к многовариантному будущему [59].

Итак, стабильная адаптация имеет место тогда, когда социальная среда меняется незначительно и не требует кардинальных перемен во внутренней структуре адаптанта.

2. *Структурные адаптации* — адаптации, сопровождаемые принципиальными изменениями во внутренней структуре адаптанта, но не разрушающие при этом его структурную целостность. Когда субъектом адаптации выступают, например, социальные группы, структурная адаптация означает существенные перемены в структуре их сознания и поведения (изменение целей поведения, его мотивации, средств достижения цели, иерархии жизненных приоритетов, базовых ценностей и пр.). Структурную адаптацию может вызывать и эмиграция, если эмигрант попадает в принципиально иную этническую и культур-

ную среду. Структурная адаптация большого числа социальных групп сопровождается реформированием населения в странах Восточной Европы, вступивших на путь преобразований рыночного типа: перемены в экономической сфере влекут за собой подвижки в системе жизненных приоритетов, в самом образе жизни людей.

Если же субъектом адаптации выступают социальные институты или организации, структурная адаптация означает перестройку их внутренней структуры (ликвидация и замена отдельных старых элементов на новые, а также изменения характера связей, внутренней иерархии и соподчиненности элементов). Современная социальная действительность чрезвычайно богата примерами такого рода. Так, экономическая реформа привела к структурной перестройке государственных предприятий, в частности к появлению в них новых служб и структурных единиц по изучению рынков сбыта, маркетингу и пр., а также ликвидации старых служб. Предприятия оборонной промышленности создают новые производственные подразделения для выпуска товаров гражданского назначения, сворачивают структурные подразделения по выпуску военной продукции и пр. Институт семьи тоже претерпевал структурную адаптацию на разных исторических этапах. Так, в большинстве цивилизованных стран традиционную семью, для которой была свойственна многопоколенность и многодетность, сменила нуклеарная малодетная семья. Одновременно изменилась диспозиция ролей в семье. Повысилась экономическая активность женщин. В некоторых семьях они стали равноправными партнерами с мужчинами в обеспечении материального благополучия.

3. *Катастрофические адаптации* — это такие виды адаптаций, которые сопровождаются распадом и разрушением внутренней структуры адаптирующейся социальной системы (адаптанта) в связи с неспособностью адекватной корректировки целей и способов поведения, истощением резерва адаптивных возможностей. Мощное внешнее воздействие снижает прочность всех связей, они разрушаются, система (адаптирующийся субъект) распадается. Катастрофические адаптации имеют место, когда адаптивная нагрузка в единицу времени чрезмерна и адаптант не в состоянии быстро или масштабно трансформироваться. Нередко бывает так, что адаптивные резервы незначительны или уже истощены в ходе предыдущих адаптаций и адаптанту нечем ответить на новые вызовы среды. Катастрофические адаптации могут быть также вызваны запаздыванием, задержкой включения адаптивного механизма, т.е. существует некий критический момент, за пределами которого любое адаптивное поведение ведет к катастрофическому исходу.

На уровне индивида катастрофические адаптации завершаются социальной деградацией, пауперизмом, аутизмом, алкоголизмом, распадом личности. Статистика свидетельствует: в постперестроечный период в России резко возрос уровень самоубийств, особенно

среди мужчин. Лица, расставшиеся с жизнью, — это, как правило, те, кто не сумел сориентироваться в новом жизненном пространстве, потерпел крушение в ходе адаптации, иными словами, реализовал ее катастрофическую модель. Отметим, что близкий социальный “эффект” — большое число самоубийств — наблюдается и во вполне благополучных константных обществах: странах с устоявшимся, практически неизменным укладом жизни. В общественных системах такого типа также высока доля самоубийств, что объясняется статичностью этих систем, исключающей возможность для субъекта реализовать (подвергнуть испытанию) свой адаптивный потенциал. Имеет место парадоксальный факт: сверхадаптивная нагрузка и нулевая адаптивная нагрузка оказываются идентичными по социальному эффекту, который они вызывают. В объяснении этого факта, видимо, можно опереться на выводы Л.А. Китаева-Смыка [60]. Он обращает внимание на то, что экстремальные ситуации, возникающие в жизни, оказывают на человека не только неблагоприятное влияние. Такие ситуации могут пробуждать в нем потенциальные возможности, незамеченные в обычных условиях. А длительное невосребование определенных свойств и качеств субъекта приводит к отрицательным социальным результатам и нередко является питательной средой для роста социальной фрустрации, напряжения и преступности.

На уровне социальных групп можно выделить такие примеры катастрофических адаптаций, как уход с исторической арены целых классов и социальных слоев в результате их вытеснения или физического уничтожения. Такого рода крупномасштабные процессы имели место в период крушения древних империй, упадка и развала средневековых государств, в период буржуазных и социалистических революций во многих странах мира. При переходе общества от одной системы общественных отношений к другой неизбежно происходит ломка традиционных социальных институтов, подрываются условия существования целых групп или классов. Люди лишаются возможности жить и работать по-старому, вынуждены искать новые источники существования, переселяться в новые места, осваивать новые виды деятельности. При этом одни общественные классы теряют свое привилегированное положение, долго не могут найти себе новое место, другие перемещаются на новые социальные позиции, болезненно адаптируясь к ним [61], а третьи никогда в силу разных причин не в состоянии влиться в новую социальную общность (катастрофические адаптации). Продуктом катастрофических адаптаций является маргинализация и люмпенизация общества, что широко представлено в современной России. Если говорить о таком признаке маргинальное™, как “средства, добываемые в обход общественных установлений”, то их число в России за 1985—1996 гг. выросло в несколько раз, грабежи и разбой против личной собственности в 7 раз, государственной и общественной — в 5 раз [62].

Отметим три универсальных фактора, способствующих распространению катастрофических адаптаций. Во-первых, катастрофические адаптации присущи обществам с бифуркационной либо революционной траекторией развития. Эволюционно развивающиеся среды открывают субъекту широкие возможности адаптироваться постепенно (стабильные и структурные адаптации). Кроме того, в таких средах всегда существуют локальные микросреды (социальные ниши), которые оставляют возможность существовать старым, традиционным структурам в прежнем режиме. С течением времени эти структуры естественным образом отмирают, уступая место новым. Так, в период становления капитализма и либеральной идеологии в России во второй половине XIX — начале XX в., с одной стороны, существовали “дворянские гнезда” со специфическим помещичьим укладом жизни, а с другой — формировался новый класс буржуазии, разночинной интеллигенции.

Во-вторых, неизбежность катастрофических адаптаций сопряжена с повышенной рациональностью адаптирующейся системы (адаптанта). В этой связи хотелось бы привести слова К. Мангейма: “Самое крупное общество, которое рационализирует в ходе индустриализации все большее число людей и областей человеческой жизни, создает предпосылки для экспансии иррациональности... Дело в том, что в отрегулированном общественном механизме мельчайшая иррациональная помеха имеет глубочайшие последствия” и может уничтожить всю конструкцию [63]. Частный сбой в сверхрационализованном мире оборачивается распадом всей системы. На институциональном уровне и на уровне социальных организаций примером такого рода в современных условиях может служить судьба многих предприятий оборонного комплекса, не способного к быстрому преобразованию и разрушающегося прямо на глазах [64].

И в-третьих, к распространению катастрофических адаптаций ведет запаздывание реагирования системы в окрестностях точки бифуркации. Этот тезис подсказан нам работами Г.Г. Матецкого, опирающегося на исследования А.Дж. Тойнби. Анализ ряда исторических ситуаций приводит к мысли, что гигантские лавины весьма характерны для случаев запаздывания реформ, способных направить общество по одному из путей развития. При этом компромисс часто оказывается дороже любой из выбранных альтернатив. Такие неустойчивости, чреватые разрушением общества, типичны для нескольких мировых цивилизаций, не осознавших необходимость быстрого ответа на брошенный им исторический вызов [65].

Необходимо отметить, что такого рода понимание адаптаций значительно шире сложившегося в естественных и социальных науках, в них доминирует представление об адаптациях как о свершившихся или свершающихся приспособлениях, а невозможность и неспособность субъекта адаптироваться остаются нередко за пределами анализа.

И наконец, последняя рассматриваемая ось — *функциональность*. В естественных науках адаптации делятся на три типа: 1) эволюционные, 2) функциональные (саноадаптация) и 3) патологические [66]. В целях уточнения терминологии попытаемся, по аналогии с естественными науками, различать и в социологии: 1) адаптации в собственно “дарвиновском” понимании как элемент эволюции системы (субъекта адаптации); 2) адаптации как вид нормального функционирования системы (например, увеличение цены при росте спроса на товар в рыночных условиях, сокращение рождаемости при росте смертности в период второй демографической революции, аккомодация глаза и пр.), в этом случае может быть использован термин “саноадаптация”; 3) адаптации, вызванные социальной патологией (болезнью) и ставшие отклонением от нормы, назовем их патоадаптацией. Такие адаптации идут через компенсацию утерянной, нарушенной функции. Например, рост преступности как адаптивное эхо роста безработицы (последняя помимо объективных причин имеет и субъективные, ибо нередко обусловлена трудностями адаптации: отсутствием предприимчивости, недостатком социально-профессиональной активности и пр.), неплатежи, взаимозачеты в финансовых расчетах экономических субъектов как реакция на кризисные явления в финансовой системе, сублимация в психоанализе, одышка при туберкулезе легких в медицине и т.п. Патоадаптации, с одной стороны, являются отражением патологических изменений в самой среде, к которым вынужден адаптироваться субъект, с другой — говорят о невозможности субъекта нормальным образом адаптироваться к происходящим в обществе изменениям из-за слабого адаптивного потенциала, низкой скорости адаптации и т.д.

Современное российское общество в своих основных чертах является патоадаптирующимся. Это подтверждают многие работы как российских, так и зарубежных обществоведов. Так, А. Сантос, политолог и президент консультационной компании KEY IBERBOARD (Испания), пишет, в частности, о том, что реформы, направленные на развитие рыночной экономики в России, расширили и укрепили сферу деятельности мафии. “Она доказала, что является единственной структурой, способной быстро адаптироваться в меняющейся обстановке” [67]. Компенсацию какой же утерянной, нарушенной функции в обществе обеспечивает современная российская мафия? Если следовать концепции Гаэтано Моска, изложенной в книге “Что такое мафия?” и развиваемой Энлизом Эндерсоном, то это — выполнение функций политической власти и осуществление социального контроля [68]. Дополнительными симптомами патологических адаптаций в России являются: рост психических заболеваний, социальной агрессии, забастовочного движения, самоубийств., Итак, в социологии (по аналогии с естественными науками) следует выделять: эволюционные, функциональные и патологические адаптации.

Многообразие адаптаций подводит к мысли о сложности конструирования некоего единого, общего для всех адаптивных процессов механизма адаптации, во всяком случае он будет носить достаточно абстрактный характер. Кроме того, очевидной представляется необходимость теоретического и эмпирического изучения большого числа механизмов (или модификаций?) конкретных адаптивных процессов.

В данной публикации получили отражение лишь отдельные элементы теории и методологии изучения механизма и генезиса социальных адаптаций. При этом основную свою задачу мы видели в том, чтобы возродить некогда оживленную научную дискуссию по теоретическим проблемам социальной адаптации, чтобы привлечь внимание читателя к необходимости разработки фундаментальных проблем социологии адаптаций, важной частью предметного поля которой являются адаптации в бифуркационных средах.

Институциональная теория хозяйственного развития России

глава 11

Концепция рынка представляет собой общую парадигму западной социальной науки и неотъемлемый элемент западной идентификации. Очевидно, что идентификация России в этом контексте достаточно проблематична. На сегодняшний день не существует общепризнанной теории, которая бы описывала функционирование и развитие российской экономики как естественный закономерный процесс. Ниже делается попытка выявить характер институциональных связей внутри российской экономической системы в соответствии с новой системой координат, вытекающей из теории раздаточной экономики.

Теория раздаточной экономики исходно базируется на следующих методологических принципах:

1) в рамках этой теории признается факт существования не только рыночных систем, но и столь же объективных раздаточных экономических систем, имеющих собственные законы развития;

2) раздаточная экономика не является искусственным образованием, сконструированным по политическим программам или плану диктатора, она, как и рыночная экономика, продукт объективных материальных условий;

3) рыночные и раздаточные отношения зародились в древности на заре человеческой цивилизации в примитивных синкретических формах, в процессе эволюции постепенно развивались и превращались в современные институты;

4) как в рыночной, так и в раздаточной социально-экономической системе существуют естественные сигналы обратной связи, на которые ориентируются лица, принимающие решения.

Иными словами, излагаемая теория исходит из предположения, что наряду с рыночными экономическими системами существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие свои собственные законы развития — раздаточные экономики. При рассмотрении хозяйственного развития России с позиций этой теории была выдвинута гипотеза о том, что экономическая система России имеет природу раздаточной системы на протяжении всей ее экономической истории — с IX по XX в., а экономическая эволюция в России есть эволюция институтов раздаточной экономики, существенно меняющихся в переходные периоды за счет внедрения элементов рыночного происхождения. Проанализируем с этих позиций основные институты раздаточной экономики, механизмы функционирования раздаточных систем и процесс эволюции социально-экономической системы в России в целом.

Хозяйственные институты России

Институт раздачи. Это основополагающий институт раздаточной экономики России, поскольку его функция — создание материальных условий для жизнеобеспечения населения страны. В раздаточной экономике объектами раздачи могут выступать все виды материальных и нематериальных объектов: земля, рабочая сила, деньги, жилье, услуги и продукты, наконец, чины и должности. Включенный в систему раздачи объект — *раздаток* — перестает существовать вне контекста отношений раздаточной системы и начинает олицетворять собой ее институциональную среду. Раздаток — это клетка социально-экономического организма раздаточной системы, подобно тому как товар представляет собой слепок товарно-денежных отношений и рыночной системы.

Институт раздачи предопределяет формы владения материальными объектами, поскольку раздаче подлежат не только сами объекты, но и объем прав по их распоряжению, посредством которых определяются правила владения и использования этих объектов.

Следовательно, он включает также юридические нормы, органы управления соответствующим видом раздачи, систему нормативов, юридические документы на розданное благо, правила владения розданными благами, включающие возможность или невозможность наследования, продажи, дарения и мены, условия использования розданных благ, право их возврата.

Институт сдачи. Он выступает как обязательное дополнение института раздачи, поскольку невозможно раздать какие-либо блага, предварительно не аккумулировав их. Институт сдачи представляет собой механизм сбора материальных благ и ресурсов с целью их последующего распределения через институт раздачи. Этот институт в раздаточной экономике накладывает дополнительные свойства на раз-

даток, т.е. на те вещи, блага и ресурсы, которые подлежат раздаче. Итак, раздаток — это объект, не только подлежащий раздаче, но и с которого обязательно должна производиться сдача продуктами, деньгами, трудом или службой (государственной или военной).

Таким образом, если под раздачей понимается процесс передачи материальных благ, ресурсов или услуг из единой собственности во владение различных субъектов хозяйственной жизни, то под сдачей — обратная передача вновь созданных или других имеющихся (необходимых обществу) материальных благ, услуг и ресурсов от всех хозяйственных субъектов и частных лиц, владеющих и использующих какой-либо вид раздатка, в распоряжение всего общества.

Основу института сдач составляет *служебная организация труда* — такая организация социально-экономической жизни, когда любая общественная деятельность (производственная, управленческая, военная и др.) приобретает характер служебного труда. Служебный труд обязателен, он обусловлен внешними по отношению к каждому субъекту условиями и означает выполнение определенных, предписанных обществом функций и обязанностей.

Выполнение служебных обязанностей регулируется институтом сдач, который включает следующие элементы: блага, услуги, ресурсы, которые подлежат сдаче, и те функции, которые подлежат обязательному выполнению; юридические нормы и правила, регулирующие деятельность по сбору материальных и нематериальных благ, а также служебную организацию труда; органы управления, организующие сдаточный процесс и служебный труд; способы взимания продуктов, услуг и труда; нормативную систему, на основе которой производится взимание материальных и нематериальных благ.

Налоги в государствах с рыночной системой как элемент финансовой системы существуют исключительно в денежной форме; сдачи же как элемент институционального строения раздаточной экономики могут иметь и денежную и неденежную форму в виде сдачи продукции, услуг, живого труда. Налогами облагаются имущество и доходы, сдачами — трудоспособное население с выделенными ему ресурсами. В первом случае обложению подлежат результаты деятельности, во втором — производственные мощности. При этом для того, чтобы платить налог, надо иметь доходы и имущество, если их нет — налог не взимается. В случае со сдачами ситуация обратная: необходимо обязательно их осуществлять по заранее установленному нормативу и для этого необходимо иметь работу или доход. Функция налогов заключается в перераспределении доходов: налоги собираются с высокообеспеченных групп населения, а затем в виде социальной поддержки передаются бедным. Функция сдач заключается в формировании соответствующих ресурсов для их последующей раздачи, при этом каждый гражданин или хозяйствующий субъект сдает что-либо ему предписанное и одновременно получает то, что ему положено.

Институт административных жалоб. В любой социально-экономической системе присутствуют естественные сигналы обратной связи, на основании которых принимаются решения и проводится соответствующая политика. В раздаточной экономике эту функцию выполняет институт административных жалоб, в основе которого лежит право на жалобу всех граждан и хозяйствующих субъектов. Институт административных жалоб на протяжении всего исторического развития раздаточной экономики обеспечивал диалог между лицами, принимающими решения, и всем населением по поводу возникающих проблем и способов их решения.

Институт административных жалоб включает следующие элементы: юридические нормы, устанавливающие порядок работы с жалобами, управленческие органы, ведущие прием жалоб и принимающие по ним соответствующие решения, предметы обжалования (то, на что разрешено подать жалобу), установленный бланк для подачи жалоб, правила их приема и прохождения, сроки рассмотрения, механизм принятия решений по жалобам.

Административные жалобы имеют сложную внутреннюю структуру и включают два типа жалоб: *гражданские*, поступающие от населения в органы управления, и *управленческие*, исходящие с нижних звеньев управления и передаваемые на более высокий уровень управления. Гражданские жалобы, в свою очередь, состоят из трех видов, таких как:

1) активные жалобы или жалобы-сигналы. Они являются наиболее сильной формой выражения недовольства граждан состоянием дел. С такими жалобами население обращается в вышестоящие отраслевые органы управления, в органы местного управления, в органы центральной власти, к депутатам, в прессу, на радио и телевидение;

2) заявки или обращения граждан со своими проблемами непосредственно в те организации, которые отвечают за решение таких вопросов. Проблемы, отражаемые этим видом жалоб, менее острые, чем в жалобах-сигналах;

3) латентные жалобы, представляющие собой жалобы, высказываемые населением в тех случаях, когда их об этом специально спрашивают, например в ходе опросов. Латентные жалобы отражают проблемы, к которым население привыкло и не спешит обращаться в специальные организации. Но если проблемы, выраженные в латентных жалобах не разрешаются, латентные жалобы выливаются в жалобы-обращения и в жалобы-сигналы.

При эффективном функционировании раздаточной экономики преобладают жалобы-обращения. Увеличение доли латентных жалоб и жалоб-сигналов означает ухудшение экономического положения; в кризисном состоянии экономики существенно преобладают латентные жалобы.

Институт общественно-служебной собственности. В раздаточной экономике он выполняет функцию по сбережению и обслуживанию уже накопленного национального богатства. Институт собственности задает правила функционирования всех хозяйствующих субъектов, в его границах осуществляется координация сдаточно-раздаточных потоков. Признаком общественно-служебного характера собственности на всех институциональных циклах является отсутствие у какого-либо частного лица или какой-либо социальной группы всей полноты прав на тот или иной материальный или нематериальный объект.

Под *общественно-служебной собственностью* понимается вся совокупность материальных и нематериальных объектов, получаемых в результате раздач для обеспечения ответных сдач в любом виде и не принадлежащих полностью ни их владельцам, ни управляющим, ни государям или политическим властям, поскольку весь объем прав собственности распределен по установленным правилам между всеми хозяйствующими субъектами.

Институт общественно-служебной собственности определяет: субъекта раздач материальных и нематериальных объектов и права на их использование, предоставляемые частным лицам и хозяйствующим субъектам, тип хозяйствующей организации, модель управления, механизм координации сдаточно-раздаточных потоков.

Финансовые институты раздаточной экономики. Их предназначение — денежное обслуживание сдаточно-раздаточных потоков и, в конечном счете, обеспечение эквивалентности между тем, что сдается, и тем, что раздается на уровне отдельных индивидов, хозяйствующих субъектов, регионов и всего государства в целом. “Эквивалентность здесь означает не то, что может быть дано за другой продукт, а что может быть востребовано взамен его” [1].

К этой группе институтов относятся институты денежного обращения, ценообразования, государственный бюджет. Деньги и цены обслуживают сдаточно-раздаточные процессы, государственный бюджет координирует и балансирует совокупные сдачи с общественно необходимыми раздачами в денежной форме на определенный исторический период.

В процессе исторического развития сформировались два основных принципа ценообразования:

I на все, что сдается или раздается, цена устанавливается административно на государственном уровне, при этом формируются отдельно сдаточные (закупочные, приемные) и отдельно раздаточные (отдаточные) цены;

II на все, что разрешено к продаже, цена формируется в результате сделки только в том случае, если не ущемляются интересы каких-либо групп населения, в противном случае государство вмешивается в процесс купли-продажи и устанавливает определенный та-

риф либо запрещает продажу. Причем это вмешательство может носить эпизодический характер, а может иметь и долговременные последствия.

Через государственный бюджет как один из финансовых институтов раздаточной экономики осуществляется балансировка всех установленных сдач и всех необходимых раздач в денежном выражении на определенный период. Равенство совокупных доходов и расходов при небольшом количестве жалоб означает нормальное функционирование раздаточного хозяйства, в то время как дефицит государственного бюджета служит индикатором неблагоприятного положения в экономике. Кризис раздаточной экономики, в частности, выражается в хроническом бюджетном дефиците.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства. В раздаточной экономике он занимает особое положение, охватывая всю торговую и предпринимательскую деятельность частных лиц и хозяйствующих субъектов, которая не является сферой государственного регулирования и управления. Его место и роль сравнимы с положением института государственного регулирования в рыночной экономике. И институт рыночной торговли и частного предпринимательства и институт государственного регулирования находятся в противоречивом единстве с господствующим типом отношений, являясь противоположными по существу, но выполняющими важные функции по обеспечению устойчивости экономической системы в целом.

Подобно тому, как в рыночной теории существуют две полярные точки зрения относительно необходимости государственного вмешательства в рынок — от полного отрицания до обязательной необходимости, так и вопрос о месте института рыночной торговли и частного предпринимательства в раздаточной экономике постоянно дискутируется. В частности, постоянно обсуждается обществоведами вопрос о роли товарно-денежных отношений на разных этапах развития российской экономики.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства выполняет в раздаточной экономике такие функции, как:

5) освоение тех сфер экономики, в которых государство не может или не хочет заниматься управлением и регулированием, а также сфер, в которых расширение действия раздаточных механизмов и государственного контроля сопряжено с огромными издержками;

6) решение задач общественного воспроизводства в тех случаях, когда раздаточные институты и механизмы находятся в кризисе;

7) инновационные функции или апробирование новых подходов, методов, технологий и их внедрение в экономическую практику.

В основные институциональные периоды развития раздаточной экономики институт рыночной торговли и частного предпринимательства находится в согласовании с другими раздаточными институтами и под контролем государства, а в переходные периоды заме-

щает устаревшие раздаточные институты и начинает занимать доминирующее положение.

Институт рыночной торговли и частного предпринимательства включает не только торговлю промышленными и продовольственными товарами специальными группами населения, но и куплю-продажу (мену) объектов розданной собственности при условии, если на это имеется разрешение. Так, с древнейших времен была разрешена мена земельными участками, которая осуществлялась под контролем государства. Купля-продажа земельных участков носила специфический характер в том смысле, что продаже подлежали земли, на которые их владельцы не имели полных прав собственности, и при покупке их новый владелец получал тот же ограниченный объем прав. Множество лиц владели землей на праве вечного и потомственного владения, с правом отчуждения другим на том же праве. При этом вотчины, которыми владели на служебном праве, могли отчуждаться только с позволения действительного собственника этих имуществ — государства (“с доклада”), в противном случае сделка не признавалась. В середине XX в. были разрешены и распространены обмены квартирами из розданного населению государственного жилищного фонда на правах пожизненного владения. Сделки обслуживались специальными государственными обменными бюро, следившими за тем, чтобы не происходило ухудшение жилищных условий и в результате обмена не появлялось право на постановку на учет для получения нового жилья.

История хозяйственного развития России с точки зрения институциональной теории раздаточной экономики

Эволюция раздаточной системы в России прошла три крупных институциональных цикла (рис. 11.1):

XIX цикл — с конца IX в. и до начала XIII в. В исторической литературе этот период обозначается как “Киевская Русь”;

XX цикл — с конца XIV в. до середины XIX в. (московско-петербургский период);

XXI цикл — 1930—1990-е годы (советский период).

Между циклами были переходные периоды, длившиеся довольно длительное время: первый переходный период (после I цикла) протекал с начала XIII в. и до конца XIV в., второй — с середины [12] в. до первой трети XX в. — период развития капитализма в России, с реализации программы рыночных преобразований (конец [13] в.) начался третий переходный период.

Принципы выделения институциональных циклов в исторической ретроспективе базируются на типологии институциональной среды исходя из степени развития раздаточных отношений. На

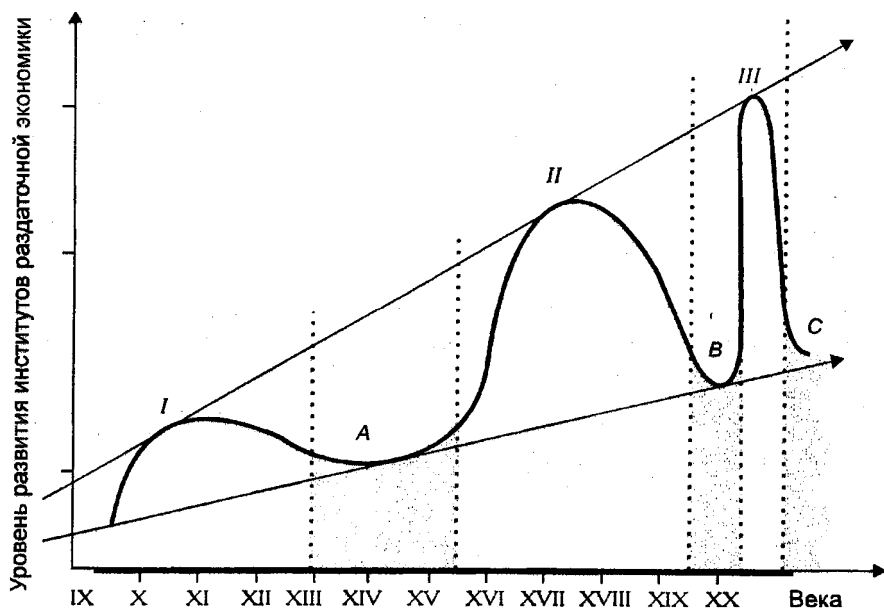

Рис. 11.1. Институциональные циклы (I—III) в развитии раздаточной экономики России.

A—C — переходные периоды: *A* — квазифеодализм (XIII в — конец XV в.); *B* — квазикапитализм (1861—1930 гг.); *C* — квазирынок (с 1990-х годов).

точной экономики, которая преобразуется в новые формы в следующем цикле. Каждый институциональный цикл начинается с новой формы государственности и с отрицания институциональной среды переходного периода. Для переходных периодов характерно распространение элементов, похожих на элементы европейских институтов соответствующего исторического периода. Три институциональных цикла раздаточной экономики представляют собой три последовательные стадии хозяйственного развития России и соответствующего развития хозяйственных институтов.

I институциональный цикл хозяйственного развития России. На первом институциональном цикле институт раздач только начал формироваться. В рамках родовой общины он существовал стихийно, на обычном праве. Старшина управлял всеми работами, хранил общественную казну, вносил подати, раздавал своим детям и братьям пищу и одежду, наказывал их за проступки. Практически в таком же виде существовал институт раздач и в княжеской дружине. Дружина получала содержание (пищу, одежду, коней и оружие) от князя. К концу первого цикла начинают складываться первые правила института раздач. Главным элементом раздачи становится земля, а точнее,

города или населенные пункты, хотя первоначально земля мало интересовала дружинников. Однако уже в XI в. дружине — дворянам и боярам — назначались земельные участки во временное владение. Объектами раздач в первый институциональный цикл были и управленческие должности. Это касалось пригородных князей и власти посадников-бояр, которые получали провинции на кормление, дающее им право сбора корма натурой.

Сразу же сформировались и виды сдач — натуральные и(или) денежные сборы с трудоспособного населения, выполнение “повинностей”, т.е. обязательный труд на общество, государственная служба по управлению хозяйством, военная служба. Все они имели место и на последующих циклах, только в разных соотношениях и усовершенствованных формах.

Первоначально натуральные и денежные сборы имели форму дани. Предметы, которыми взималась дань в древнейшее время, были натуральные продукты: мед, шкуры пушных зверей, зерновой хлеб, лен, домашние животные. В то же время дань взималась и деньгами, сначала в иностранных, а затем собственных денежных единицах.

Сформировались и единицы обложения населения — по дымам или сохам, что означает участок земли, обрабатываемый силами одного домохозяина. Распределение по сохам делало само население, государство исчисляло дань по определенным территориальным единицам. Первичной законодательной основой сбора дани являлись уставные грамоты князей. Способом взимания дани в этот период сначала было полюдь, когда русские князья со своею дружиною выходили из Киева (обычно в начале ноября) и отправлялись в земли подчиненных им славянских племен. С XI в. князья посылали вместо себя для сбора дани специальных людей. В XII—XIII вв. дань доставлялась из пригородов посадниками, а в пригороды — самим населением.

Вторым достаточно распространенным видом сдач являлись повинности, или выполнение определенных работ. На данном историческом этапе к повинностям относился повоз — предоставление средств передвижения для военных дружин, для княжеских данщиков и гонцов, градоделание — постройка и поправка укреплений всей волостью, постройка и починка мостов и т.д.

Военная служба также являлась важным видом сдач. Военные силы состояли из княжеского (дружины) и боярских дворов и народного ополчения. Народное ополчение составлялось из всех взрослых мужчин городского и сельского населения.

Получает исходное развитие и институт административных жалоб. Право жалобы впервые было закреплено в уставных грамотах князей. Русские князья отправлялись с дружиной к подчиненным племенам, чтобы “исполнять свои обязанности относительно народонаселения” [2]. По жалобам своих подданных князь вершил суд и расправу, изменял величину дани.

На первом институциональном цикле общественно-служебный характер собственности и соответствующий институт только зарождались. До первого переходного периода русские князья установили очередное правление и не индивидуализировали права собственности на землю. Вследствие этого субъектами раздач различного рода благ выступали князья. Отсюда и название первой формы развития общественно-служебной собственности — княжеская. Основным типом хозяйствующих субъектов в этот исторический период были общинные организации, в рамках которых осуществлялся процесс производства.

В период первого институционального цикла существовала полудная модель управления первичной формой общественно-служебной собственности. С точки зрения управленческой модели, полюдье — “это административно-финансовая поездка князя по подвластным племенам” [3]. В ее основе лежит принцип подчинения покоренных племен. Полюдье представляло собой “как бы военные походы, периодически повторяющиеся завоевания” [4].

Механизм координации сдаточно-раздаточных потоков в этот период состоял из установления единицы обложения, специально созданных мест сбора дани — погостов, а также документов, определявших величину дани — уставные грамоты князей. Князья производили описи своих владений, которые ограничивались исчислением погостов и определением объема сдач.

Поскольку дань взималась не только сырыми продуктами, но и деньгами, появились финансовые институты. Собственная денежная единица первоначально состояла из сырых продуктов, которые сдавались в виде дани (скот, куны, гривна). С IX в. единственной денежной единицей становится гривна.

II институциональный цикл. На данном цикле институт раздач постепенно приобретает более развитые и совершенные формы. Объектом раздач выступает всякое недвижимое имущество, т.е. не только земли (населенные и ненаселенные), но и дворы в городах, промыслы, охота и рыболовство, а также денежное жалованье и крестьянские души. Основные способы раздач имели форму пожалования для высших слоев общества и систему испомещения для основной массы служилого населения.

Источниками земельных раздач в широком смысле выступали вновь присоединенные территории, которые попадали в классификацию казенных земель. Кроме того, для раздачи в поместья и вотчины предназначались дворцовые земли, земли, поступившие в казну путем выморочности, конфискации и экспроприации. Законодательной основой раздач служило поместное право, право пожалования, посессионное и крепостное право.

Главной основой института раздач была поместная система, поскольку она базировалась на точных правилах раздачи земель в поместное владение. Всеми делами по распределению земель и поземель-

ными отношениями служилых людей заведовало особое центральное учреждение — поместный приказ. В поместном праве были четко сформулированы условия предоставления участка земли под условие службы, правила размещения земельных участков, сроки владения. Когда запасы земель, годных к раздаче, истощились, стало постепенно вводиться денежное жалование, которое в XVI и XVII вв. давалось в дополнение к поместьям и соразмерялось с величиной поместной дачи.

На поместном праве раздавались дворы в городах (данные) и огороды, которые нельзя было продавать. Но если владельца переводили на новое место по распоряжению правительства, ему позволялось продать прежний двор и данное место.

Право пожалования сначала дополняло поместное право, а во времена Петра I полностью его заменило. В большинстве случаев земли жаловались за долговременную службу, за храбрость в военных баталиях, “за трудолюбие и ревностное попечение, что во время войны денежные платежи исправно текли” [5]. Пожалования совершались в виде выдачи жалованной грамоты, под которой понимались дарственные акты на имущество от государства частным лицам. Право пожалования распространялось и на звания: “Гость есть звание, пожалованное великим князем какому-либо торговцу” [6].

Крепостное право лежало в основе раздачи крепостных крестьян во владение частных лиц. В основном раздавались государевы крестьяне из дворцовых вотчин. Массовая практика раздачи крестьянских душ зафиксирована с середины XVII в. и до конца XVIII столетия.

Посессионное право — право вечного владения отведенными казной имениями и крестьянами, а также населенными имениями, даруемое фабрикантам и горным заводчикам с условием постоянной поддержки этих фабрик и заводов, — имело ограниченную сферу действия. Законы XVIII в. называли посессионные имения казенными и предписывали строгий за ними контроль. Посессионный владелец мог продать деревни, предписанные к заводам и фабрикам, но лишь с разрешения соответствующей коллегии.

Неотъемлемым элементом института раздач на этом цикле является установление объема прав по распоряжению выданным материальным объектом — право мены, наследования, продажи. Право наследования на поместья вводилось постепенно и к 1714 г. Указом о единонаследии различие в правах наследования между вотчинами и поместьями исчезло. Мена поместьями — древнейшее из прав распоряжения, дозволенных помещикам: до Уложения (1649 г.) позволялась только мена поместья на поместье, после Уложения — и на вотчину. Уложение сняло и другие ограничения мены, но зато позаботилось о равенстве меняемых предметов: чтобы населенное поместье не было поменено на пустую вотчину. Мена разрешалась лишь с согласия правительства: поместья “расписывались” в поместном приказе. В 1649 г.

было разрешено менять поместья на кормовые деньги, т.е. на жалование. Все сделки могли быть совершены не иначе как с дозволения правительства, через поместный приказ.

И наконец, институт раздач включал в себя право изъятия. Каждый новый князь мог взять пожалование назад, поэтому при перемене князя и при вступлении в наследство получившего пожалование каждый раз приходилось обращаться с просьбой о подтверждении грамоты. В XVIII в. регулярная практика изъятий привела к тому, что существовали имения конфискованные, находившиеся в ведомстве особой канцелярии конфискации. Отписывались имения за недоимки, за долги банку, за разные вины владельцев, у вельмож, ввавших в немилость при перемене правительства.

Институт раздач характеризовался многоуровневой технологией, которая распространялась на все виды (земельных и пр.) имуществ. Так, церковные учреждения раздавали земли своим служилым людям или на правах жалованных вотчин (без права свободного отчуждения), или на правах поместного владения. На черных (общинных) землях община ведала раздачей участков необработанной или запустевшей земли новым поселенцам в срочное или бессрочное содержание. Сама же община имела полное право распоряжения землей и угодьями только внутри себя самой, среди прав отчуждения в актах встречается только мена. Другой массовой практикой, являющейся следствием многоуровневой технологии института раздач, являлась подмога, которую крестьянин обыкновенно брал у землевладельца при поступлении к нему деньгами или вещами и без которых не мог начать обработки земли (например, скот, орудие).

Второй институциональный период раздачной экономики в России полностью обнажает сущность и природу института сдач, хотя и наследует основные элементы на предыдущем цикле. В этот исторический период в явном виде обнаруживаются связи института раздач, служебной организации труда и института сдач. Государство закрепило за всеми слоями населения определенные обязанности: одни должны были служить по хозяйственным и военным делам, другие — кормить, тех кто служит. Таким образом, все слои населения осуществляли отдачу трудовых усилий в разных формах и в том объеме, в каком установлено через институт сдач. Поэтому для осуществления предписанных служебных обязанностей население получало через институт раздач часть собственности с правами по ее использованию.

В данный исторический период институт сдач был представлен государственной тягловой системой, в которой определялись виды сборов (подати, кормы) и их окладные единицы, а также все виды повинностей для населения, которое так и именовалось тяглым или податным. Подать стала исторической преемственницей дани (оба термина использовались в финансовой практике как синонимы).

Единицей обложения первоначально, как и на первом институциональном цикле, служила соха, лежащая в основе пососной системы обложения, затем в начале XVII в. такой единицей стала “живущая четверть”, которая с конца 70-х годов XVII в. сменилась подворной податью. Реформы Петра I ввели подушную подать, которая просуществовала до конца XVIII в. Утвердившаяся почти на два столетия подушная подать рассчитывалась по ревизской душе. Периодические изменения единицы обложения были связаны с поиском адекватной меры сдачи части произведенного продукта в государственную казну. Главный принцип состоял в том, чтобы обложение осуществлялось пропорционально возможностям каждого в соответствии с общественными потребностями. Как и на предыдущем институциональном цикле, на данном этапе вплоть до конца XIX в. податные возможности населения определялись величиной земельного надела и количеством трудоспособных членов семьи.

Поместная система определяла не только правила раздач земельных участков, но и устанавливала сроки и характер службы — государственной или военной — и этой своей стороной была встроена в институт сдач. В первой половине XVI в. была точно определена мера службы с земли, т.е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилого человека по его земле. Так, со 100 четвертей земли дворянин обязан быть сам на коне и с каждой следующей сотни четвертей поставить конника в своей свите.

Крестьяне, проживающие на помещичьих землях, должны были осуществлять сдачи в форме оброка и барщинных повинностей, при этом они не освобождались и от государственных податей. Оброк обыкновенно уплачивался натурой (хлебный оброк) — или в виде части урожая, или в определенном, установленном количестве хлеба с выги (земельной единицы обложения) — но иногда переводился и на деньги (денежный оброк). Величина оброка определялась не для каждого отдельного крестьянина, а для целой вотчины или села и устанавливалась на длительный срок. Хлебный или денежный оброк дополнялся поборами в виде хозяйственных продуктов (сыр, яйца, мясо, хлеб печеный, пиво, лен, куры и пр.); впрочем, увеличение количества этих поборов понижало нормальный оброк и наоборот. Важнейшая часть отношений между крестьянами и землевладельцами выражалась в барщинных повинностях.¹ Они состояли в разнообразных видах сельскохозяйственных и строительных работ, устанавливаемых землевладельцем.

Крепостное право по своей сути было одним из проявлений служебной организации труда в раздаточной экономике второго институционального цикла. Прикрепление крестьян имело тот же смысл, что и прикрепление служилых и посадских людей. Экономическая сущность крепостного права состояла в том, что “крестьянин не был прикреплен ни к земле, ни к лицу: он был, если можно так выра-

зиться, прикреплен к государству; он был сделан государственным работником при посредстве помещика” [1].

Городское население также было охвачено институтом сдач. Так, гости (купцы) на основе пожалованной грамоты не только имели привилегии, но и Состояли на финансовой службе: заведовали таможнями и кружечными дворами, оценивали и распределяли меха из Сибири, поступавшие в царскую казну и т.д. В присутственных местах, ведавших этими отраслями управления, гости занимали места управляющих — голов и дьяков. Для отправления этой службы всякий торговый человек, возведенный в звание гостя, должен был переселяться из родного города в Москву. Посадские общины, как и сельские волости, платили подати, осуществляли повинности и не освобождались от личной службы государству — через поставку “даточных” людей в войска, на постройку и поправку городских укреплений и пр.

Со времени появления промышленных заведений при Петре I на службу государству были поставлены и предприниматели. Истинным хозяином фабрик, мануфактур, рудокопных заводов стала мануфактур-коллегия: частные предприниматели были обязаны брать разрешения по их устройству, а у тех из них, кто запускал фабрики, они отбирались в казну. Фабриканты обязаны были ежегодно доставлять образцы своих изделий мануфактур-коллегии и уплачивать казне десятую долю прибыли. Добытые металлы продавались заводчиками в казну по таксе, назначенной берг-коллегией, и лишь тогда, когда казна не хотела или не в состоянии была купить, заводчик получал право вольной продажи.

Воинская повинность этого исторического периода также была охвачена институтом сдач, как и на предыдущем цикле. С XV в. эта повинность сводится к посошной службе: поставка ополченцев (как и все другие повинности) была разложена на сохи. Во времена Петра I вводится рекрутская повинность: те из податного населения, на которых пало рекрутство, обязаны были состоять пожизненно в регулярных частях.

Институт административных жалоб к этому времени прошел эволюцию от стихийных форм до достаточно развитого состояния. В основе этого института на данном этапе лежала подача челобитий письменно или устно — на земских соборах. Содержание челобитных было в высшей степени разнообразно и касалось всех вопросов тогдашнего управления в самом широком смысле этого слова: вопросы организации и функций административных учреждений (правда, только местных), вопросы податные и финансовые, тягло-сословного строя и т.д. Челобитные затрагивали все сферы внутреннего административного строя, все стороны общественных отношений, которые регулировались в значительной степени под влиянием челобитных и тех предложений и мер, которые указывались московскому правительству в этих челобитных [8].

По челобитным была проведена реформа местного управления при Иване Грозном, отменившая систему кормления. Поместная система также сложилась под сильным влиянием челобитных. Многие важнейшие законодательные акты по поместному вопросу фактически были ответами на коллективные дворянские челобитные. Крепостное право складывалось постепенно и по тому направлению, какое ему задавали челобитные служилых людей. Новоторговый устав, изданный в 1667 г. с целью установить “свободные торги”, также явился результатом “всемилосердаго царского воззрения на всенародное слезное челобитье” [9].

Челобитьями различных слоев населения московского государства было вызвано и составление Уложения при царе Алексее Михайловиче. В период 1550—1649 гг., когда подготавливалось Уложение, челобитный приказ превратился в подготовительное законодательное учреждение и в общее хранилище законов, куда обращались другие приказы.

Первая попытка государственного регулирования цен также предпринята в связи с жалобой. В 1601 г. посадские люди обратились в Москву с жалобой на то, что местные торговцы подняли цены на хлеб. Царь Борис указал ввести в данном посаде единую цену на хлеб, обязательную для всех. Чтобы покончить со спекуляцией, указ вводил нормированную продажу хлеба.

По жалобам осуществлялся контроль за соблюдением установленных правил взаимодействия между помещиками и крестьянами. Жалобы являлись ограничителями для увеличения сборов с населения. Институт административных жалоб в этот период включал также челобитные, подаваемые на земских соборах. За счет этого расширился канал связи между управляющими и управляемыми.

Со времен Петра I институт административной жалобы существенно рационализировался. Прежде всего, было издано несколько указов, запрещавших людям всех сословий обращаться с просьбами и жалобами на высочайшее имя помимо правительственных учреждений. Были разработаны подробнейшие правила для прошений и жалоб. Введена специальная должность рекетмейстера, который принимал и рассматривал жалобы от челобитчиков на медленное или неправомерное решение их дел в коллегиях, ибо если не контролировать количество жалоб, могут возникать ситуации “смуты”. “Жалобы, накопившиеся в царствование Михаила, произвели взрыв в Москве и других городах в начале царствования Алексея...” [10]. Жалобы кроме функции сигнальной системы выполняли роль критерия удовлетворительности функционирования раздаточной системы.

Дальнейшее развитие на втором институциональном цикле раздаточной экономики получил и институт общественно-служебной собственности. Во-первых, в явном виде был представлен и закреплен в юридических нормах служебный характер собственности на землю. Правило первого институционального цикла “Кто служит, тот и

пользуется землей” трансформировалось в правило “Кто пользуется землей, тот и служит”. Во-вторых, всем обществом было усвоено, “что общий и первоначальный принцип в вопросе о субъекте и его правах на пожалованные имущества был следующий: дарение не переносит общих прав собственности на одаряемого: в правах на дар продолжает участвовать и даритель” [11]. В связи с многоступенчатостью технологии раздача это приводило к наложению прав на одну и ту же вещь, т.е. государства, родов, общин и частных лиц.

Управление общественно-служебной собственностью на втором институциональном цикле происходило по поместно-крепостной модели, в основе которой лежало уже не прямое подавление подданных, как в полудной модели, а законодательное прикрепление к земле в той или иной форме всех слоев населения. На крепостное крестьянство смотрели как на поместные земли: это государственное достояние, уступленное на время частным лицам и учреждениям. Органы управления в этот исторический период существенно модифицировались на базе форм, которые были изобретены в начале второго цикла. Такими специфическими организационными формами стали ведомства.

Хозяйственная деятельность на втором институциональном цикле осуществлялась в поместьях и вотчинах, впоследствии — на фабриках и заводах. Крестьянское хозяйство посредством ссуд, льгот, изделий и оброков сильно переплелось с барским хозяйством, так что землевладелец становился инспектором крепостного труда и ответственным сборщиком казенных податей со своих крестьян.

Элементами механизма координации сдаточно-раздаточных потоков на втором институциональном этапе служили писцовые книги (периодические кадастры государства), росписи, а также передел общинных земель. Земля распределялась пропорционально рабочей и податной силе крестьян. Переделы происходили через 10 лет и совершались целым сходом участников и скреплялись особой записью в земской избе.

Роль денег как одного из финансовых институтов при обслуживании раздаточных потоков усилилась. “За службу государь жалует поместьем и деньгами”, — таково правило этого исторического периода. Правительство не всегда располагало достаточным количеством годных земель для полного удовлетворения служилых людей по установленным окладам. Отсутствие свободных земель привело к постепенному введению денежного жалования, которое в XVI—XVII вв. давалось в дополнение к поместьям и соразмерялось с величиной поместной дачи. Крестьянская подмога, получаемая им от землевладельца, также была комбинацией натуральных и денежных выдач.

Деньги стали необходимым атрибутом сдаточных отношений. По мере расширения Российского государства все более денежный характер приобретают сдачи. С введением подушной подати прочно вошла в жизнь денежная форма обложения.

К элементам сдач относятся и денежные сборы, вводимые периодически, например в случаях, когда общий объем сдач, производимый по установленной единице обложения, не покрывает всех необходимых расходов. Как только объем дополнительных сборов значительно превышал объем основных сдач, проводились реформа окладной единицы обложения, включение всех предыдущих платежей в один. В XVI и XVII вв. к первоначальному окладу были введены полоняничные деньги — на выкуп пленных, стрелецкий хлеб — на содержание стрельцов, ямские деньги — на содержание ямской гоньбы, ямчужные деньги — сбор на покупку пороха и т.д. В XVII столетии эти многочисленные сборы были объединены и сведены в три крупных оклада: деньги данные, полоняничные и деньги оброчные.

III институциональный цикл. В советский период институт раздач становится все более всеохватывающим, пронизывающим все стороны экономического бытия. Главное его отличие на данном цикле состояло в том, что части казенной собственности не подлежали раздаче отдельным лицам во владение. В то же время институт раздач стал артериальной системой внутри единой государственной собственности: посредством него доставлялись к хозяйственным единицам сырье, оборудование, финансовые и трудовые ресурсы.

Институт раздач на третьем институциональном цикле практически полностью охватывал сферу непроизводственного потребления. Раздаче на полностью бесплатной основе подлежало жилье в городах и частично в сельской местности, услуги по образованию, здравоохранению, детскому дошкольному воспитанию, земельные дачные участки за городом для горожан и участки земли для личного подсобного хозяйства на селе. Услуги жилищно-коммунального хозяйства предоставлялись городскому населению на частично компенсационной основе. Личный автотранспорт распределялся на основе полной компенсации установленного тарифа.

Институт раздач в советский период обслуживался разветвленной системой органов управления. В производственной сфере — Госплан, Госснаб, Госкомтруд, министерства и ведомства, в непроизводственной — отделы при местных Советах (например, отдел по распределению жилья и т.д.). Органы управления по различным видам раздач встраивались в структуру управления всех хозяйственных единиц. В основе распределения ресурсов лежала установленная система нормативов, утвержденные правила формирования производственных и непроизводственных фондов, единые штатные расписания.

Еще более всеобъемлющим становится институт сдач. Этот период раздаточной экономики характеризуется высоким уровнем развития сдаточно-раздаточных отношений, когда практически все финансовые и материальные ресурсы раздаются, а вся произведенная продукция сдается. Однако если на предыдущем институциональном цикле все отношения назывались своими именами и просматривают-

ся в явном виде, то в связи с распространением социалистической теории и соответствующей идеологии истинные общественные отношения были скрыты за марксистской терминологией.

Служебная организация труда на данном историческом этапе приняла форму обязательного участия в производственной и управленческой деятельности на объектах единой государственной собственности. В конституциях этого периода была зафиксирована обязанность трудиться для каждого гражданина, проживающего на территории советского государства.

Все хозяйствующие субъекты (предприятия, организации, колхозы, совхозы), получая материальные ресурсы из бюджета, должны были сдать всю произведенную ими продукцию с целью последующего ее распределения для производственного или непроизводственного потребления. Остатки прибыли (после ее нормативного расходования) также должны были сдаваться в бюджет. Регулирование процесса сдачи произведенной продукции, как и процесса раздачи материальных и финансовых ресурсов, осуществлялось на основе государственного плана и под управлением соответствующих министерств и ведомств.

Все трудоспособное население получало материальные условия жизни в основном по месту работы: денежный оклад, жилье, детские дошкольные учреждения, путевки в оздоровительные комплексы, пионерские лагеря, земельные участки для посадок и т.д. Это означало, что без участия в государственном производственном процессе население не могло иметь средств к существованию. Не имея работы, нельзя было получить прописку и жилье в городах, без прописки невозможно было получить бесплатное медицинское обслуживание и среднее образование.

Занятое в общественном хозяйстве население осуществляло и денежные сдачи, например в форме подоходного налога с населения. Он исчислялся по прогрессивной шкале и вычитался из заработной платы по месту работы ежемесячно. Этот платеж, хотя и назывался налогом, на самом деле представлял собой денежные сдачи на формирование жилищного сектора, квартиры из которого бесплатно раздавались “за службу или под условие службы”.

Воинская служба осталась обязательной повинностью для населения. На ее основе мужчины, достигшие 18 лет и не поступившие в высшие учебные заведения, забирались на военную подготовку сроком на 2—3 года. В случае войны происходила массовая мобилизация мужского населения.

Институт административной жалобы в течение третьего цикла достиг высокого уровня развития, пронизывая все политические и экономические структуры. Несмотря на то что марксизм, ставший господствующей идеологией советского общества, не содержал ни одного положения, касающегося жалоб, законы раздаточной эконо-

мики поставили руководителей нового советского государства перед необходимостью создавать органы по приему жалоб и механизмы их обслуживания.

В 1919 г. Народным Комиссариатом Государственного контроля (НКГК) было учреждено Центральное бюро жалоб и заявлений, а затем его местные отделения. Устанавливались порядок подачи жалоб, сроки их рассмотрения, формы жалоб, основания для обжалования и т.д.

Действующее в этот период законодательство и сложившаяся практика почти не знали ограничений права граждан на общую жалобу по содержанию. Обжаловать можно было незаконные, нецелесообразные и аморальные деяния, индивидуальные и нормативные акты, действия и бездействие в сфере управления, производства, обслуживания. Субъекты обжалуемых деяний — не только органы управления, но и предприятия, учреждения, организации, не только должностные лица, но и рядовые служащие. Жалоба могла подаваться с целью защиты личных прав и интересов, прав и интересов других лиц, публичных прав и интересов. По форме жалоба могла быть письменной или устной, даже переданной по телефону, радио, индивидуальной и коллективной. По одному и тому же факту граждане могли обращаться много раз в один и тот же либо в разные органы одновременно или в разное время, поскольку в законодательстве отсутствовали количественные ограничения права на жалобу. Законодательными актами было установлено, что жалобы могли направляться в компетентные органы управления, депутатам, прокуратуру, общественные организации.

В советский период существования раздаточной экономики жалобы продолжали, как и на предыдущих этапах, выполнять функцию сигнальной системы, поскольку говорили о неудовлетворенности ситуацией. Совокупность жалоб за определенный период дает полную картину о проблемных участках хозяйства.

На третьем институциональном цикле развития раздаточной экономики был усовершенствован механизм влияния жалоб на принимаемые решения. Каждый гражданин и любой хозяйствующий субъект имели право жаловаться и активно использовали это право. Но не всякая жалоба являлась руководством к действию: необходима была их критическая масса на каждом уровне иерархии, чтобы жалобы попадали на рассмотрение следующего уровня управления. Чем выше социальное положение жалующегося, тем больший вес имела жалоба. Количество жалоб выступало индикатором сбалансированности экономической системы в целом и каждой ее сферы, а их минимизация — критерием эффективности деятельности управляющих в раздаточной экономике советского периода.

Институт общественно-служебной собственности на третьем институциональном цикле приобрел новые черты. Прежде всего была

прекращена практика раздачи производственных ресурсов (земля, фабрики, заводы) во владение частным лицам. Вся собственность приобрела статус государственной в разном виде, и никто не обладал всей полнотой прав на какую-либо ее часть. Непроизводственные фонды (жилищный фонд, земельные участки за городом) раздавались в условное владение отдельным гражданам исходя из опыта предыдущих институциональных циклов. В этой части собственности сохранялась практика наложения прав собственности государства, предприятий и частных лиц.

Служебный характер собственности специально не акцентировался, как на предыдущем институциональном цикле, поскольку государственная собственность представляла для каждого лишь место службы (работы), а обязанность трудиться была зафиксирована в Конституции и закреплялась отсутствием возможности получения иных источников дохода.

Для управления общественно-служебной собственностью на третьем институциональном цикле была создана административная модель, в основе которой лежал принцип нормативно-актовых распоряжений. В соответствии с ее иерархическим устройством нижестоящие звенья управления прямо подчиняются вышестоящему звену. Ведомственная (министерская) структура организации управления, выработанная на предыдущих институциональных циклах, сохранилась, но чрезмерно усложнилась в связи с новым уровнем развития общественного производства.

Механизмом координации сдаточно-раздаточных потоков в рамках института общественно-служебной собственности на третьем институциональном цикле раздаточной экономики стало планирование и собственно сам государственный план. Первичными хозяйственными ячейками в этот период выступали в промышленности производственные предприятия, в сельском хозяйстве — колхозы и совхозы, в жилищно-коммунальном хозяйстве — жилищно-эксплуатационные участки и т.д. Все они работали на основе утвержденного плана, получали все виды ресурсов из единого центра по установленным каналам, руководствовались утвержденными штатными расписаниями и нормативной базой, подчинялись вышестоящим звеньям управления, пользовались правом жалобы в определенном режиме. Другими словами, общие правила функционирования первичных хозяйственных единиц задавались институтом общественно-служебной собственности.

Роль денег как средства сдач и раздач на третьем институциональном цикле возродилась. Деньги в советское время были преимущественно инструментом плановых расчетов и выполняли функцию перевода качественных натуральных потоков в количественные счетные величины. Поскольку все продукты сдавались и все ресурсы раздавались в рамках единой государственной собственности, все цены устанавливались государственными органами централизованно. Начало это-

му процессу положил Декрет СНК от 1921 г., на основании которого было принято “Положение о Комитете цен”. На Комитет цен возлагалось установление оптовых и розничных цен на все товары, отпускаемые государственными предприятиями и учреждениями друг другу, кооперации и населению, а также устанавливались твердые заготовительные цены для покупки государственными учреждениями.

В начале периода, когда цены на промышленные товары резко повысились (1923—1926 гг.) в ущерб ценам на сельскохозяйственные товары, государство вмешалось в процесс ценообразования на основе положения XIII партийной конференции “О необходимости усиления планового начала”. Это усиление выразилось “в воздействии на складывающиеся рыночные отношения путем нормирования, планирования и регулирования оптовых, розничных и заготовительных цен”

[1]. Данное вмешательство государства в процесс ценообразования носило долговременные последствия, выразившиеся в регулярной практике государственного установления цен на все виды товаров и услуг.

Переходные периоды в хозяйственном развитии России

Как отмечалось, между основными периодами раздаточной экономики имели место переходные периоды со спонтанным преобразованием устаревших институтов раздаточной экономики в рамках расширившегося до всей системы института рыночной торговли и частного предпринимательства.

Эти периоды сильно отличались от всего хода исторического развития и потому вызывали острые дискуссии среди историков относительно их места и роли в развитии российской экономической системы. “Такие эпохи, столь утомительные для изучения, имеют свое и немаловажное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами. Такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего. Их значение не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло” [13].

Переходные периоды начинаются на фоне кризиса институтов раздаточной экономики, когда существующая институциональная среда утрачивает свою эластичность и не отвечает изменившимся материально-технологическим условиям и потребностям населения. С самого начала переходного периода происходит глубокая трансформация института общественно-служебной собственности посредством передачи прав на многие ее объекты частным лицам или коллективам в полное владение. На всем протяжении переходного периода доминирующее положение занимает институт рыночной торговли и частного предпринимательства, развертывание которого состоит в за-

имствовании многих институциональных элементов из рыночной среды зарубежных стран. В рамках переходного периода институциональная среда раздаточной экономики усваивает новые элементы или находит для себя новые формы, на основе которых преобразуется в новое качество и к концу периода начинает вытеснять или ограничивать институт рыночной торговли и частного предпринимательства.

В переходные периоды накануне нового институционального цикла происходит изменение государственности (Киевская Русь — Московско-Петербургская Россия — СССР — Российская Федерация) как знак полного отрыва от старых институциональных норм и переход к новым, что позволяет привести политические институты в соответствие с социально-экономическими на новом историческом этапе. Ценности и условия жизни подавляющего числа людей входят в противоречие с институциональной средой переходного периода, когда доминирует институт рыночной торговли и частного предпринимательства и прекращает действовать институциональный канал обратной связи через административные жалобы, что выливается в поддержку ими всех действий государства по восстановлению в новом качестве институтов раздаточной экономики. Конец переходных периодов выглядит как сворачивание института рыночной торговли и частного предпринимательства на фоне разворачивания институтов раздаточной экономики. Результатом является модернизация раздаточной экономики и начало нового институционального цикла ее развития.

Внешне, по характеру институциональной среды и по распространенным названиям новых экономических явлений, переходные периоды напоминают европейские экономические системы в конкретный исторический период и потому часто получают в теориях соответствующие названия: так, первый переходный период в работах Павлова-Сильванского и его сторонников получил название феодализма, второй — капитализма (в работах В.И. Ленина и марксистской школы в СССР на протяжении 70 лет), и наконец, третий переходный период — период построения рыночной экономики (в современной экономической и социологической литературе).

Кризис раздаточных институтов выражается в том, что они перестают обеспечивать координацию потоков сдач и раздач как в рамках всего государства, так и на уровне отдельных социальных групп. Это означает, что весь совокупный объем сдач уже не может покрыть установившийся на определенном уровне объем общественно необходимых раздач. При этом проявляется дисбаланс между тем, что отдают, и тем, что получают разные социальные группы. Никакие внутренние экономические реформы не в состоянии помочь раздаточной экономике справиться с накопившимися проблемами. На всех трех институциональных циклах кризис проявлялся в резком социальном расслоении, экономическом спаде и политической неуправляемости.

В такой ситуации наступает переходный период, который начинается с преобразования института общественно-служебной собственности в институт частной собственности.

В первый переходный период возникшая частная собственность существовала в форме вотчин. В конце второго институционального цикла (вторая половина XVIII в.) первый шаг на пути трансформации института собственности был связан с отменой обязательной службы для дворянства и передачей им полных прав собственности на поместья, второй — с отменой крепостного права и с разрешением выкупа земельных участков бывшими крепостными крестьянами. В результате во втором переходном периоде, как и в первом, доминировал институт частной собственности. Третий переходный период начался также с преобразования отношений собственности посредством приватизации и создания разнообразных негосударственных и частных субъектов хозяйствования.

Трансформация института общественно-служебной собственности в институт частной собственности создает необходимые условия для расширения института рыночной торговли и частного предпринимательства и его выхода из-под государственного контроля. Во второй переходный период “главной фигурой был купец-ростовщик, сдиравший три шкуры с населения за свои товары” [14]. Период рыночных реформ XX в. также резко сместил акценты с общественного производства в сторону рыночной торговли.

Параллельно разворачиванию института рыночной торговли и частного предпринимательства в переходные периоды сворачивается институт административной жалобы, через который население обычно артикулирует общественные проблемы и защищает свои права.

Институты переходных периодов часто сравнивают с европейскими институтами соответствующего исторического времени. В своих многочисленных работах Павлов-Сильванский отмечал “тождество основных начал строя удельной Руси и феодальной Европы”, проводя точную параллель между отдельными явлениями западного феодализма и русскими явлениями удельного периода. Все это — пункты весьма существенные, однако взятые в совокупности совершенно непримиримы с общим пониманием удельного государства [15]. С нашей точки зрения, Павлов-Сильванский зафиксировал *квазифеодализм*, при котором многие явления внешне напоминают европейские, но по существу, генезису и по последствиям резко от них отличаются. Именно поэтому феодализм удельной Руси не развился по европейским закономерностям, а превратился в свою противоположность — самодержавное государство с обязательной службой всех групп населения. Автор теории феодализма на Руси понимал это так: “Я в своих работах имел в виду удельную Русь XVIII—XV вв. с ее феодальными порядками, противоположными московскому государственному строю” [16].

Аналогичная ситуация происходит и с теорией капитализма в России, который фиксируется приблизительно со времен отмены крепостного права и до Октябрьской революции 1917 г. С одной стороны, действительно многие явления того периода весьма схожи с капиталистическими в европейском понимании этого строя, с другой — экономическая система имела настолько сильную специфику, что вызывает сомнения относительно ее капиталистической природы. «К началу XX века в России уже утвердился капитализм, но произошло это значительно позже и во многом иначе, чем в крупных странах Запада. В силу различных исторических и географических причин капитализм в России лишь в малой степени выступал в своей классической форме — форме свободной конкуренции. В основном же его развитие шло “сверху”, путем властного вмешательства государства и при широком участии иностранного капитала» [17]. Здесь также проявляется феномен *квазикапитализма*, при котором явления лишь по форме напоминают капиталистические, а по сути несут всю специфику очередного преобразования раздаточной экономики. Результатом такого квазикапитализма стало возрождение нового раздаточного государства на территории России.

Осознается обществом и *квазирыночная* природа существующих в настоящее время экономических отношений в России. Вот одно из многих характерных высказываний о природе российского рынка. «Стихия рынка воспринимается как отсутствие всех и всяческих ограничений, но не как специфическая форма трудовых и социальных отношений. Рынок базируется на принципах договора и открытости, а наш “рынок” — на принципах экономической гражданской войны, потому, что не прошел процесс создания самостоятельных фирм, а произошло разваливание единого целого хозяйства на отдельные удельные княжества, сохраняющие все те же принципы хозяйственного обустройства» [18]. Безусловно, положение о квазирыночном характере современного этапа хозяйственного развития требует углубленного и тщательного анализа. Первые результаты в этом направлении получены в ходе экономико-социологического мониторинга в жилищной отрасли [19].

Вместе с тем с позиций институциональной теории хозяйственного развития России переходные периоды не являются отступлением от поступательного развития институтов раздаточной экономики, а напротив, представляют собой имманентные фазы в ее развитии. Институциональная среда раздаточной экономики по своему устройству достаточно сложна и, находясь в кризисном состоянии, не может быть реформирована по определенному плану группой даже самых достойных реформаторов. Поэтому в переходные периоды осуществляется спонтанное преобразование базовых институтов раздаточной экономики за счет вывода всех сфер из-под контроля государства и предоставления инициативы всем группам населения и всем

хозяйствующим субъектам. В переходные периоды происходит столь глубокая трансформация институциональной среды, что каждый следующий институциональный цикл развития раздаточной экономики воспринимается как абсолютно новое явление, слабо связанное с предыдущими историческими циклами. Между тем именно в переходные периоды происходит выбор дальнейшего направления институционального развития и находятся такие формы, технологии и способы, которые преобразуют устаревшие институты раздаточной экономики в новые, адекватные усложнившейся материально-технологической среде и новым потребностям общества.

Характер институциональных заимствований в переходные периоды

Главный смысл переходных периодов в России состоит в том, чтобы найти новый стержень институциональной системы раздаточной экономики, причем сначала эта институциональная основа заимствуется в той форме, в какой она существовала в Европе в соответствующем периоде, апробируется и только потом ставится на службу государству, при этом отбрасывается все, что противоречит существующей среде. Так, в период русского феодализма, или квазифеодализма, таким новым элементом, внесенным из европейского феодализма, были договорные служебно-поземельные отношения. Впоследствии они были преобразованы в государственные служебно-поземельные отношения и легли в основу институциональной системы раздаточной экономики московско-петербургского периода.

Для феодализма характерен принцип службы с земли за какой-либо феоде, осуществляемый по свободному договору. Так, в западной истории широко известны переходы французских вассалов со своими владениями к английскому королю и от него обратно к королю Франции. Это означало признание подвластности земли высшему территориальному господству сюзерена, обусловленной личным подчинением ее собственника. Аналогичные отношения существовали и в русской истории. «И наши источники удельного времени, несмотря на всю их случайность и скудость, дают нам несколько ясных указаний на то, что договор боярской службы влек за собой территориальную подвластность боярской вотчины, что наши бояре переходили от одного князя к другому со своими землями, иначе говоря, «имели право отъезда с вотчинами», что удельный боярин, как и западный сеньор, был не только вольным слугою, но и вольным вотчинником» [20].

В XVI в. по Указу Ивана Грозного служба с земли была введена как всеобщее обязательное правило. При этом была установлена ее регламентация по норме. «Эти всеобщая обязательность и регламентация являются следствием укрепления государственной власти. Но на-

чало службы с земли идет из старины. В удельное время, однако, такая служба с земли не была всеобще обязательной, как при Грозном, но обуславливалась свободным договором боярина с князем” [21].

В период русского капитализма, или квазикапитализма, широкое распространение получили тресты, “в великом множестве возникшие в начале века прежде всего в США” [22]. Именно эта форма организации хозяйства легла впоследствии в основу советской раздаточной экономики, став стержнем ее административной модели управления. В данном случае легко устанавливается элемент заимствования. Основатель советского государства В.И. Ленин подчеркивал: “Нам, партии пролетариата, *неоткуда* взять умения организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, — *неоткуда*, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма” [23].

Однако если в период капитализма тресты существовали, несмотря на их монопольный характер, как частная форма организации, то в условиях экономики советского периода они выступали как государственная форма. Государство в России в этот период представляло собой “трест трестов”. Именно этот институциональный элемент, заимствованный из другой институциональной среды, преобразованный и пересаженный в раздаточную экономику, дал ей на третьем этапе новую жизнь и всем ее институтам новую форму.

Третий переходный период обогатит, как нам представляется, раздаточную экономику контрактным правом. Частноконтрактные отношения являются повседневным элементом хозяйственной практики западных стран и Америки. В период так называемых рыночных реформ они также активно используются. Однако одновременно идет апробация контрактов в государственной сфере и уже возникла такая отрасль права, как административный договор. Под административным договором понимается основанный на административно-правовых нормах и выработанный в результате добровольного согласования воли двух (либо более) субъектов административного права, одним из которых всегда выступает субъект государственной власти, многосторонний акт, устанавливающий взаимные права и обязанности его участников [24].

Специалисты считают, что административный договор придаст определенную стабильность, гласность, наглядность иерархическим отношениям, обеспечит демократизацию исполнительной власти. Участие в договорном процессе будет способствовать пробуждению деловой и правовой активности субъектов. Из послушных “винтиков”, которым сверху спускают директивы и распоряжения, они превратятся в думающих субъектов горизонтальных отношений. Договор воспитывает самостоятельность мышления, стимулирует изучение законодательства, умение решать вопросы переговорным путем, отстаивать и отстаивать свои интересы. Договорное регулирование выра-

батывает и у властного субъекта умение работать более гибко, творчески, инициативно, не рассчитывая исключительно на приказ и принуждение [25].

Будущее хозяйственного развития России

Раздаток и рынок представляют собой две альтернативные институциональные системы, складывающиеся в разных обществах для организации хозяйственной жизни. Как раздаточная, так и рыночная экономика должна обеспечивать эффективное производство продуктов и услуг в соответствии с потребностями населения. Если классическим образцом рыночной экономики являются США, то ярким представителем экономики раздаточного типа — Россия. Причины формирования того или иного типа экономики лежат в характеристиках природной среды и способах ее освоения, сложившихся в начальные периоды истории каждого государства. В ходе развития каждая из экономик усиливает присущие ей черты, а целесообразность соответствующего экономического устройства надежно закрепляется в сознании и общественных ценностях поколений.

Для всех хозяйственных систем, функционирующих по законам рыночной или раздаточной экономики, характерно циклическое развитие. Каждый институциональный цикл характеризуется своими экономическими институтами, типами организаций и моделями управления, в наибольшей мере позволяющими в конкретных исторических условиях реализоваться основным экономическим законам и обеспечить стабильное экономическое развитие. В рыночной экономике такая институциональная среда обеспечивает реализацию закона соответствия спроса и предложения, в раздаточной — закона балансировки потоков сдач и раздач для всех секторов государственного хозяйства.

В те периоды, когда сложившиеся элементы институциональной среды перестают обеспечивать действие основных экономических законов, хозяйственная система и все ее отрасли вступают в фазу кризиса, а система экономических отношений — в период институциональных изменений. Общей чертой таких периодов является апробирование и внедрение институциональных элементов экономик альтернативного типа, которые позволяют выйти из кризиса. Например, после глубокого кризиса 30-х годов в странах с рыночной экономикой стали активно использоваться методы государственного регулирования, характерные для раздаточных экономик.

В ходе исторического развития раздаточной экономики России в периоды институциональных изменений также происходило внедрение способов организации экономической жизни из современного опыта экономик рыночного типа. При этом обычно заимствуются и названия новых типов организации и методов хозяйствования, вплоть

до перенесения названия этих исторических периодов в экономическую историографию России.

С нахождением новой модели управления и обновлением всех элементов институциональной среды период институциональных изменений оканчивался и начинался новый цикл. Это позволяло в изменившихся исторических условиях обеспечивать действие основных экономических законов и рост экономической эффективности. Например, суть предыдущего периода институциональных изменений экономики России, который продолжался с конца XIX в. до начала 30-х годов XX в., составлял переход от поместно-крепостной модели управления к административной, а современного периода институциональных изменений, названного периодом рыночных реформ, — замена неэффективной административной модели управления и формирование нового механизма, регулирующего и балансирующего потоки сдач-раздач.

Современный период рыночных преобразований раздаточной экономики России продемонстрировал закономерности институционального обновления. На первой стадии внедряются альтернативные экономические институты институциональная среда характеризуется наличием элементов как рыночной, так и раздаточной природы, а также их разнообразных комбинаций, существующих на равных основаниях. Одни из них оказываются институционально устойчивыми и соответствуют раздаточной природе макроэкономической среды, другие вступают в противоречие с коммунальным характером материально-технологической среды и преобладающим этатизационным потенциалом населения. На второй стадии институционального обновления происходит модернизация базового института государственной собственности на основе устойчивых сочетаний институциональных элементов.

Таким образом, теория раздаточной экономики позволяет сформировать следующую гипотезу о содержании современного периода институциональных изменений раздаточной экономики России: происходит не трансформация раздаточной экономики в рыночную, а модернизация собственно экономики раздатка — усовершенствование института государственной собственности посредством перехода от административной модели управления с государственным планом в качестве основного регулирующего механизма к договорной модели управления, при которой балансирование потоков сдач и раздач осуществляется посредством бюджетного регулирования. Одновременно обновляются прежние механизмы обратной связи в виде жалоб выборы представителей законодательной и исполнительной власти на многопартийной основе. Следовательно, начинается институциональное обновление современной раздаточной экономики, что открывает пути ее дальнейшего развития.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Глава 8

[1] См., например: *Machonin Pavel. Social Transformation and Modernization: To Constructing the Theory of Social Changes in the Postcommunist Countries. Praha, 1997.*

[2] Подробнее об этом см.: *Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. 1995. № 3.*

[3] *Волков В.В. Советская цивилизация как повседневная практика: Возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 323—333.*

[4] *Шабанова М.А. Социальная стратификация и свобода // Социологический журнал. 1997. №4. С. 48—63; Она же. Добровольные и вынужденные адаптации // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 34—45.*

[5] Методику расчетов см.: *Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. №2.*

[6] Следует заметить, что по данным мониторинга ВЦИОМ, аналогичный показатель не превышает 1,6—1,7 раза (см.: *Экономические и социальные перемены // Мониторинг общественного мнения. 1997. № 4(30). С. 62.*)

[7] *Уровень жизни населения России: Статистический сборник / Госкомстат России. М., 1996. С. 65—67 (Основные показатели денежных доходов населения и величина прожиточного минимума по регионам РФ).*

[8] *Дискин И.Е. Россия: Социальная трансформация элиты и мотивация // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 114—125; Ершова Н.С. Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Там же. С. 151—155.*

[9] Индекс самооценки материального положения рассчитывается как отношение доли респондентов, оценивших свое положение как хорошее или среднее, к доле респондентов, оценивших его как плохое или очень плохое.

[10] *Римашевская Н.М. Сбережения населения и внутренние источники экономического роста в России. Результаты экспериментальных исследований. Тезисы доклада на заседании отделения экономики РАН. М., 1997.*

[11] Индекс социального настроения слоев рассчитывается как отношение доли респондентов, назвавших свое настроение прекрасным или спокойным, ровным, к доле тех, кто часто испытывает напряжение, раздражение или тревогу, страх.

[12] Индекс урбанизации расселения общественных групп рассчитан как отношение доли жителей столиц и крупных городов к доле жителей малых городов, ПГТ и сел.

[13] В 1996 г. стандартизованный коэффициент смертности от самоубийств составил в России 42 на 100 тыс. жителей (в Литве — 46). В США и Канаде этот коэффициент был равен 12—13, а в странах Западной Европы — от 3 (в Греции) до 21 (в Дании) (см.: *Гилинский Я., Румянцева Г. Самоубийства в России // Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 1998. №25. С. 4.*

[14] См., например: *Экономические реформы в России: (Итоги, перспективы) / Отв. ред. В.П. Логинов. М., 1997; Евстигнеев Р.Н. Российская экономическая реформа на фоне опыта стран Центральной и Восточной Европы и*

Китая // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 180—186; Шейнис В.П. Конституционный процесс на современном этапе // Там же. С. 114—124.

[15] Дахин В.Н. Социальные последствия “либеральной революции” в России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 132-137.

Глава 9

[25] Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Изд. группа “Прогресс”, “Культура”, 1992. С. 57—61.

[26] Левицкий С.А. Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. С. 14—15.

[27] Цит. по: Хайлбронер Роберт Л. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Предмет исследования. М.: Начала-Пресс, 1993. Т. 1, вып. 1. С. 41—55.

[28] Роббинс Л. Предмет экономической науки (1935) // Там же. С. 16—18.

[29] Беккер Гэри С. Экономический анализ и человеческое поведение // Там же. С. 26—29.

[30] Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. С. 15—16.

[31] Тихомиров Лев. Борьба века (1896) // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 84—96; Робинс Л. Предмет экономической науки; Фромм Э. Бегство от свободы.

[32] Протасов В.Н. Что и как регулирует право. М.: Юрист, 1995.

[33] Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993. С. 68.

[34] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 4. С. 151.

[35] Завадская Л.Н. Механизм реализации права. М.: Наука, 1992; Нерсесянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М.: Рос. право, 1992; Лившиц Р.З. О легитимности закона // Теория права: новые идеи / Ин-т государства и права РАН. М., 1995. Вып. 4. С. 18—26; Малейн Н.С. О законности в условиях переходного периода // Там же. С. 26—32.

[36] Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Полис. 1996. № 6. С. 57—58.

[37] Шабанова М.А. Свобода и независимость в меняющемся обществе: Социолого-экономический аспект // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 87.

[38] Шабанова М.А. Социальная стратификация и свобода // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 48—63.

[39] Подробнее см.: Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе; Шабанова М.А. Новая свобода на селе: Проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3-32.

[40] Подробнее см.: Шабанова М.А. Свобода и независимость в меняющемся обществе... С. 84—98.

[41] См.: Шабанова М.А. Свобода в условиях реформ: Динамика и метаморфоза ограничений // Свободная мысль. 1996. № 4. С. 62—72.

[42] День независимости. От кого? // Коммерсантъ. 1997. № 21. С. 6—7.

[43] Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода... С. 52—64.

[44] Подробнее см.: Шабанова М.А. Новая свобода на селе...

[45] Шабанова М.А. “Неправовая свобода” и социальная адаптация // Свободная мысль. 1998. № 10.

- [46] Аргументы и факты. 1996. № 13. С. 5.
- [47] Подробнее см.: Шабанова М.А. Новая свобода на селе...
- [24] Там же. С. 25—28.
- [1] Шабанова М.А. Добровольные и вынужденные адаптации // Свободная мысль. 1998. № 1. С. 34—45.
- [2] См.: Шабанова М.А. Новая свобода на селе... С. 9—15.
- [3] Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш. школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 226—253.
- [4] См.: Шабанова М.А. Новая свобода на селе... С. 15—24.
- [5] Кто правит Россией?: Интервью с С. Собяниным // Аргументы и факты. 1998. № 30. С. 4.
- [6] См.: Шабанова М.А. Добровольные и вынужденные адаптации...
- [7] См.: Шабанова М.А. Новая свобода на селе... С. 28.

Глава 10

- [1] *Философские проблемы теории адаптаций* // Под ред. Г.И. Царегородцева. М.: Прогресс, 1975. С. 32.
- [2] *Большая Советская Энциклопедия*. М.: Советская Энциклопедия, 1969. Т. 1. С. 216
- [3] Цит. по: *Философские проблемы теории адаптаций*. С. 34.
- [4] Там же. С. 35.
- [5] Там же.
- [6] Там же. С. 42.
- [7] *Большая Советская Энциклопедия*. М.: Советская Энциклопедия, 1976. Т. 24. С. 712.
- [8] Edwin R.A., Seligman Alwin Johnson (eds). *Encyclopaedia of Social Sciences*. N. Y., 1967. Vol. 1. P.403.
- [9] Horace B. English and Ava Champnsy English. *Psychological and Psychoanalytical Terms: A Guide to Usage*. Longmans, 1958. P. 11.
- [10] Cohen Y.A. (ed.). *Man in Adaptation: The Cultural Present*. Chicago: Aldine Publishing Co., 1968. P. 3.
- [11] Bennet J. W. *The Ecological Transition: Cultural Anthropology and Human Adaptation*. N. Y.: Pergamon Press, 1976. P.269.
- [12] Horace B. English and Ava Champnsy English... P. 11.
- [13] *Психология*. М.: Политиздат, 1990. С. 11.
- [14] Характеристику каждой из осей дифференциации, а также совокупность сконструированных на их основе адаптивных шкал, образующих в своей совокупности классификационную систему адаптаций, см.: Корель Л.В. Социология адаптаций: Этюды апологии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997.
- [15] Цит. по: Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 63.
- [16] Корель Л.В. Социология адаптаций...
- [17] Поппер К. Логика и рост научного знания... С. 91.
- [18] Там же. С. 82.
- [19] См.: *Демографический ежегодник Российской Федерации / Госкомстат России*. М., 1994, 1995.
- [20] Корель Л.В. Женщина и рынок: Социальные угрозы и факторы риска. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995. С. 30.

- [21] *Психология*. С. 386.
- [22] Корель Л.В. и др. Социальная адаптация населения Сибири к рынку Ц Социс. 1993. № 11. С. 23.
- [23] Левицкий С.А. Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. С. 223.
- [24] *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. Вып. 2. М., 1996. С. 43.
- [25] Там же.
- [26] Левицкий С.А. Трагедия свободы. С. 221.
- [27] Там же. С. 226.
- [28] Там же. С. 226-228.
- [29] Корель Л.В., Шабанова М.А., Шарнина О.В., Чистякова Ю.Б. Социальная адаптация населения Сибири к рынку: Критерии и факторы. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1993. С. 24.
- [30] Корель Л.В. Миграционные перемещения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. С. 161.
- [31] Horace V. English and Ava Champnsy English... P. 12.
- [32] Michael A. Jochim. Strategies for survival. Cultural Behavior in an Ecological Context. N. Y.: Academic Press, 1981. P. 12.
- [33] Левицкий С.А. Трагедия свободы. С. 229.
- [34] Поппер К. Логика и рост научного знания. С. 553.
- [35] Dobzhansky T. Chance and creativiti in evolution // *Studies in the philosophy of biology* / Ed. by F.J. Ayala, T. Dobzhansky. Berkeley: University of California Press, 1974. P. 323; Michael A. Jochim. Strategies for survival. P. 12—20.
- [36] Корель Л.В., Шабанова М.А., Шарнина О.В., Чистякова Ю.Б. *Социальная адаптация...* С. 22.
- [37] Цит. по: Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи / Ин-т социологии РАН. М., 1992.
- [38] Корель Л.В., Шабанова М.А., Шарнина О.В., Чистякова Ю.Б. *Социальная адаптация...* С. 26.
- [39] Корель Л.В. Женщина и рынок: Социальные угрозы и факторы риска // *Общество и экономика*. 1995. № 5. С. 101.
- [40] Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Красноярск: Из-во КГУ, 1991. С. 75.
- [41] Там же.
- [42] Slobodkin L.B. Towards a predictive theory of evolution // R.C. Lewontin (ed.). *Population Biology and Evolution*. N. Y.: Syracuse University Press, 1968; Siobodkin L.B., Rapoport A. An optimal strategy of evolution // *Quarterly Review of Biology*, 1974. Vol. 49 (3). P. 181-200.
- [43] Цит. по: *Краткая Философская Энциклопедия*. М.: Прогресс, 1994. С.416.
- [44] Edwin R.A., Seligman Alwin Johnson (eds). *Encyclopaedia of Social Sciences*.
- [45] Корель Л.В. Женщина и рынок... С. 31—33.
- [46] Stebbins G.L. Adaptive shifts and evolutionary novelty: A compositionist approach // *Studies in the philosophy of biology* / Ed. by F.J. Ayala, T. Dobzhansky. Berkeley: University of California Press, 1974. P. 303.
- [47] Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация...; *Краткая Философская Энциклопедия*. М.: Прогресс, 1994; *Источники средств существования населения России* / Госкомстат России. М., 1995; Edwin R.A., Seligman Alwin Johnson (eds). *Encyclopaedia of Social Sciences*. P. 203.
- [48] Цит. по: Edwin R.A., Seligman Alwin Johnson (eds). *Encyclopaedia of Social Sciences*. P. 403.

- [49] *Young K, Mack R.W. Sociology and social life: 3 ed. N. Y.: Amer. Book Co., 1965. P. 120-121.*
- [50] *Horace B. English and Ava Champnsy English... P. 11.*
- [51] *Edwin R.A., Seligman Alwin Johnson (eds). Encyclopaedia of Social Sciences. P. 403.*
- [52] *Young K., Mack R.W. Sociology and social life... P. 120—121.*
- [53] *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 3. С. 41.*
- [54] *Edwin R.A., Seligman Alwin Johnson (eds). Encyclopaedia of Social Sciences. P.403.*
- [55] *Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: Начала нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2.*
- [56] *Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С.268.*
- [57] *Katz D., Kahn R. The social psychology of organizations. N.Y.; London; Sydney, 1966. P.92.*
- [58] *Гумиров III.B. Основы теории адаптации неживых объектов и адаптивный анализ в геологии. Новокузнецк: Интеллект, 1993.*
- [59] *Мангейм К. Человек и общество в век преобразований / ИНИОН. М., 1991.*
- [60] *Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1993.*
- [61] *Ильин В.И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991. С. 191.*
- [62] *Лунеев В.В. Рыночная экономика и преступность // Общественные науки и современность. 1996. №3. С. 44; Стариков В.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. №4. С. 142.*
- [63] *Мангейм К. Человек и общество в век преобразований.*
- [64] *Корель Л.В., Чистякова Ю.Б., Шабанова М.А., Шарнина О. В. Элита ВПК о социальных сбоях конверсии // Социс. 1994. № 12. С. 38—46.*
- [65] *Малынецкий Г.Г. Нелинейная динамика и “историческая механика” // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 106.*
- [66] *Философские проблемы теории адаптаций / Под ред. Г.И. Царегородцева. С. 42.*
- [67] *Сантос С. Номенклатура и мафия против патриотизма // Вопросы экономики. 1996. № 1. С. 147*
- [68] *Эндерсон Э. Организованная преступность, мафия и правительства Ц ЭКО. 1994. № 3. С. 161-162.*

Глава 11

- [6] *Поланьи К. Экономика как институализированный процесс // Стариков В.Н. Общество — казарма: От фараонов до наших дней. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. С. 52.*
- [7] *Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18 т. М: Мысль, 1988. Т. 1. С. 215.*
- [8] *Ключевский В О. Куре русской истории: Соч. в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 165.*
- [9] *Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 105.*
- [10] *Семевский В. Раздача населенных имений при Екатерине II // Отечественные записки. 1877. № 8. С. 214.*

- [11] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 147.
- [12] *Хлебников Н.* О влиянии общества на организацию государства в царский период русской истории. СПб, 1869. С. 273.
- [13] *Дитятин И.* Роль челобитных и земских соборов в управлении московского государства // Статьи по истории русского права. СПб, 1895. С. 274—275.
- [14] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 238.
- [15] *Соловьев С.М.* История России... Т. 7. С. 39.
- [16] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 536.
- [17] *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР. М.: Мысль, 1964. С. 34, 66.
- [18] *Ключевский В.О.* Курс русской истории: Соч. в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 351.
- [19] *Боффа Д.* История Советского Союза. В 2 т. М.: Международные отношения, 1990. С. 19.
- [20] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории... С. 289.
- [21] *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 482.
- [22] *Боффа Д.* История Советского Союза. Т. 1. С. 16.
- [23] *Ушаков В.* Немыслимая Россия // Иное. Россия как идея. М.: Аргус, 1995. С. 416.
- [24] *Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве / НГУ. - Новосибирск, 1996. - 312 с.
- [25] *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодолизм в России. С. 113.
- [26] Там же. С. ПО.
- [27] *Гайдар Е.* Государство и революция. М.: Евразия, 1995. С. 90.
- [28] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 311.
- [29] *Бахрах Д.Н.* Административное право. М.: БЕК, 1996. С. 173.
- [30] Там же. С. 180-183.

РАЗДЕЛ III

Инновационные процессы в экономике

ГЛАВА 12. Становление субъектов хозяйствования в реформируемом аграрном секторе России

ГЛАВА 13. Социально-экономические эксперименты на селе

ГЛАВА 14. Трансформация трудовых отношений в процессе приватизации промышленных предприятий

ГЛАВА 15. Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере

*Становление
субъектов хозяйствования
в реформируемом
аграрном секторе России **

Функционирование аграрного сектора в условиях трансформации экономических отношений во многом определяется тем, насколько быстро и успешно сельское население адаптируется к меняющимся экономическим условиям, как оно ориентируется в формирующемся пространстве новых организационно-правовых форм, соответствуют или нет требованиям рынка сложившиеся стереотипы сознания и поведения основных социальных групп.

Рыночные преобразования аграрных отношений, базирующиеся на изменении отношений собственности и организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства, с необходимостью требуют формирования субъектов хозяйствования нового типа. На смену человеку-“винтику”, адекватному принципам ведения социалистического планового хозяйства, должны прийти инициативные, самостоятельные и ответственные экономические субъекты, способные функционировать в условиях экономической свободы.

Специалисты в области социальных изменений, исследуя механизмы модернизации обществ, обращают внимание на важность ответственности доминирующего типа личности происходящим социальным изменениям. “Пытаясь описать параметры современного общества, ряд аналитиков, — пишет Петр Штомпка, — выводят специфический тип личности, который, по их мнению, характерен для современных обществ. Современная личность, ...как особое сочетание свойств, включает: 1) независимость от традиционных авторитетов, антидогматизм мышления, 2) внимание к общественным проблемам, 3) способность приобретать новый опыт, 4) вера в науку и разум, 5) устремленность к будущему, умение воздерживаться от удовольствий, 6) высокий уровень образовательных, культурных и профессиональных притязаний. Модернизация в этой сфере (сфере личности) означает приближение к такому сочетанию свойств, характеристик и предполагает подавление противоположных, традиционных черт. В итоге современная личность проявляет способность ориентироваться в расширяющемся социальном пространстве; внутреннюю гибкость, разнообразие интересов, большое понимание ценности са-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта “Субъекты хозяйствования в АПК: норма-ценностное сознание, поведение, самоидентификация” (№ 96—03—04433).

мосовершенствования и осознание настоящего как особо значимого временного измерения человеческого существования” [1].

Исследование механизмов формирования субъектов хозяйствования в новых экономических условиях позволит выявить факторы, способствующие этому процессу и сдерживающие его, определить движущие силы модернизации аграрной экономики, обосновать темпы и глубину дальнейших преобразований.

Разработка освещаемой здесь проблемы является логическим продолжением исследований экономического поведения работников АПК в меняющихся условиях хозяйствования, проводимых отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН [2].

Информационной базой послужили материалы социологического мониторинга хода аграрной реформы в регионах Сибири [3]. Опросы населения проводились в сельских районах Алтайского края (1994 и 1995 гг., объем выборки N=736) и Новосибирской области (1996 г., N=341; 1997 г., N=553). Выборочная совокупность 1994—1996 гг. репрезентировала сельское население выборочных районов, а 1997 г. — сельское население области по полу, возрасту и уровню образования.

Исследование процессов становления новых субъектов хозяйствования в аграрном секторе находится в начале пути. В рамках главы очерчены лишь контуры социологической концепции данного процесса, а в качестве иллюстрации представлены некоторые результаты эмпирических исследований.

Генезис проблемы

Проблема становления субъектов хозяйствования в аграрном секторе России не нова, достаточно вспомнить историю государства Российского. В период крепостного права подневольный труд крестьян не обеспечивал эффективного землепользования. Царское правительство было вынуждено отменить крепостное право, освободить крестьян от личной зависимости от помещика, наделив их землей (за выкуп). Однако радикального изменения системы производственных отношений в деревне не произошло, так как в руках помещиков оставалась часть надельной крестьянской земли (пастбища, леса, луга, выгоны для скота) и орудия труда, сохранялись также возможности внеэкономического принуждения крестьян. Раскрепощенные, но нищие крестьяне не смогли воспользоваться в полной мере дарованной свободой и по-хозяйски распорядиться землей. Скованные круговой порукой и принципами общинного землепользования, освобожденные крестьяне не стали полноправными хозяевами на земле.

На заре XX столетия П.А. Столыпин решил на проведение радикальной земельной реформы. Российским крестьянам было предоставлено право выхода из общины и организации самостоятельного крестьянского хозяйства. Принятые правительством меры (льготное

кредитование крестьян, продажа земли по льготным ценам, выделение средств для переселения аграрного населения из густонаселенной центральной части на свободные земли в районах Сибири) позволили избежать серьезных социальных потрясений. Правом выхода из общины воспользовались в общей сложности 2,5 млн домохозяйств, или 22 % крестьянских дворов, на 14 % общинной земли. Однако сельская община не была полностью разрушена, основная масса крестьян была включена в систему общинного землепользования, скрывавшую экономическую свободу крестьян. Смерть реформатора и революционные преобразования российского общества в 1917 г. не позволили до конца провести задуманные реформы.

В 1917—1918 гг. произошла национализация и уравнительное перераспределение земли. Землю получили и сельские люмпены, которые из-за отсутствия необходимых орудий труда и других средств производства не могли самостоятельно обрабатывать выделенную им землю. Сельская беднота вынуждена была либо сдавать свои участки в аренду более зажиточным крестьянам, либо сама арендовать необходимые орудия труда. Задавленное нуждой, неграмотное сельское население не могло решить проблему повышения эффективности аграрного производства. По темпам развития аграрный сектор России существенно отставал от темпов развернувшейся индустриализации страны.

X съезд РКП(б) принял новую экономическую политику, одной из главных целей которой было преодоление диспропорций развития аграрного и неаграрного секторов экономики посредством возрождения товарно-денежных отношений и частного капитала. Новая политика привела к *экономическому* перераспределению земли между социальными группами аграрного населения. В этот период резко вырос средний класс в деревне, укрепилось богатое меньшинство (сельская буржуазия), произошли пролетаризация и превращение части сельского населения в наемных работников в кулацких хозяйствах. В начале XX столетия в России получила бурное развитие, став в короткий срок одной из развитых в мире, сельская кооперация [4]. Кооперативное движение развернувшееся в деревне после столыпинской реформы, продолжало свое развитие и в первые годы советской власти, особенно в период реализации новой экономической политики. Так, на 1 января 1924 г. сельскохозяйственная кооперация РСФСР насчитывала 12 000 сельскохозяйственных и кредитных товариществ, 1500 маслодельных артелей, 500 других видов сельскохозяйственных кооперативов и около 11 000 сельскохозяйственных коммун, т.е. около 25 000 кооперативов всех видов. В состав этих кооперативов входило около 1,5 млн крестьянских хозяйств, преимущественно средних и бедняцких [5].

Однако после принятия курса на сплошную насильственную коллективизацию крестьянских хозяйств процесс кооперации в российской деревне замедлился, многочисленный слой самостоятельных хозяйств был подвергнут физическому истреблению. Нарушилась связь поко-

лений, воспроизводящая социальный опыт самостоятельного и эффективного ведения сельскохозяйственного производства, что неизбежно вызвало снижение производительности труда в сельском хозяйстве и с новой остротой поставило продовольственную проблему в стране.

Таблица 12.1

Генезис проблемы становления субъектов хозяйствования в контексте развития экономической

Реформы	Меры по изменению системы социально-экономических отношений	Результаты
Реформа 1861 г.	Законодательное раскрепощение крестьян, передача земли сельским общинам с последующим выкупом крестьянами	Сохранение экономической и личной зависимости крестьян от помещиков
Столыпинская реформа	Право выхода из общины с наделом земли без выкупа, покупки дополнительных участков земли	Расширение экономических свобод, формирование самостоятельных хозяев, сохранение в основном общинного земледелия, экономическая несвобода членов общины
Революционные преобразования аграрного сектора в 1917—1918 гг.	Национализация и уравнительное распределение земли	Формальная экономическая свобода крестьян
Нэп	Денационализация и раздел земли между крестьянами, восстановление товарно-денежных отношений	Расширение экономических свобод, развитие кооперации, экономическое перераспределение земли и средств производства
Коллективизация	Национализация земли, насильственное объединение крестьянских хозяйств в колхозы, раскулачивание	Исчезновение социального слоя крестьян-хозяев, экономическая и личная несвобода (невозможность выйти из колхоза)
Становление совхозно-колхозного производства	Перманентная реорганизация аграрного сектора, внедрение новых форм организации и стимулирования труда, попытки воспитания чувства хозяина	Раскрестьянивание сельхозпроизводителей, ограниченная экономическая свобода, жесткое регулирование размеров ЛПХ
Современная аграрная реформа	Многообразие форм хозяйствования и форм собственности, приватизация земли, реорганизация колхозов и совхозов	Разрыв между декларируемой и реальной экономической свободой, отчуждение населения от реформ, возрождение частного сектора, снятие ограничений на размеры ЛПХ, расширение масштабов и товарности ЛПХ

Становление колхозно-совхозного производства в аграрном секторе России сопровождалось отчуждением работников от земли и средств производства. Вместо перспективной (длительной) мотивации стала преобладать ситуативная (короткая) трудовая мотивация, что отрицательно сказалось на отношении работников к труду и общественной собственности.

Попытки административно-командной системы как-то изменить положение не давали долговременных результатов, так как внедряемые социально-экономические новации, будь то внутрихозяйственный расчет, различные виды подряда, интенсивные технологии и т.п., не меняли существа дела. Положение в сельской экономике улучшалось лишь на короткий срок, да и то в экспериментальных хозяйствах, где искусственно создавались более благоприятные условия для “маяков”. После окончания очередной кампании все возвращалось на круги своя.

Современная аграрная реформа, по замыслу своему, была направлена на создание многоукладной экономики на основе равноправия всех форм собственности на средства производства, включая землю, а также расширения экономических свобод. Однако провозглашенная де-юре экономическая свобода де-факто оказалась в значительной степени ограниченной.

Таким образом, на протяжении многих десятилетий аграрный сектор России подвергался неоднократным преобразованиям, направленным на изменение системы социально-экономических отношений и расширение экономических свобод. Однако реальные результаты, как правило, были далеки от желаемых (табл. 12.1). Так что в современных условиях проблема формирования субъектов хозяйствования не только не потеряла своей актуальности, но и приобрела новое звучание в связи с попыткой перехода к новой системе экономических отношений.

Понятийный аппарат

Исследование базируется на теоретико-методологических положениях о становлении субъектов хозяйствования как процессе изменения экономических ролей общественных групп в ходе социально-экономических преобразований общества. Поэтому наряду с категориями общей социологии (социальное действие, социальный процесс, социальные изменения, интересы, потребности и др.) используются категории социальной психологии (социальная роль, ролевые ожидания, ролевые возможности, ролевые исполнения, ролевой конфликт) и специальные категории, такие как “экономическая свобода”, “субъектность”, “хозяйствование”, “субъект хозяйствования”.

Рассмотрим подробнее каждую из них, тем более, что в литературе существует неоднозначное их толкование. Так, А.А. Матуленис,

М.Х. Титма, И.Н. Мартынова трактуют *субъектность* как осознание отдельными индивидами или группой себя субъектом определенных процессов, в частности инноваций [6]. При этом необходимыми условиями процесса осознания авторы считают информированность отдельных индивидов или групп о намечающихся изменениях, понимание ими сути этих изменений. Субъектность, по их мнению, характеризует потенциальные возможности участия индивида или группы в том или ином процессе. Можно согласиться с позицией авторов о том, что рефлексия, т.е. осознание индивидами или группами своего места, роли и интересов в том или ином процессе, — необходимый элемент становления субъектности, тем не менее процесс формирования субъектности этим не ограничивается.

Понимание и осознание своего места в том или ином процессе являются необходимыми, но не достаточными условиями превращения пассивного (хотя и мыслящего) наблюдателя в реально действующего агента того или иного социального процесса. Более того, понимая и принимая те или иные преобразования или изменения в обществе на когнитивном уровне, индивид или группа в силу тех или иных причин (например, по состоянию здоровья, вследствие преклонного возраста, отсутствия опыта самостоятельного хозяйствования, низкого уровня образования и т.п.) могут стать не только пассивными наблюдателями, но и своими действиями препятствовать или мешать тому или иному преобразованию в обществе.

Следовательно, субъектом того или иного социального процесса или деятельности, в том числе экономической, следует считать не просто мыслящего и понимающего, а действующего агента, не столько потенциального, сколько реального.

Используемые в литературе термины “субъекты экономической деятельности”, “субъекты экономического поведения”, “экономические субъекты”, “субъекты экономической жизни”, “субъекты экономических отношений”, “хозяйствующие субъекты”, “субъекты хозяйствования”, “субъекты экономического развития” и другие, на первый взгляд, кажутся синонимичными. Однако эти понятия трактуются по-разному. Одни авторы этими терминами обозначают в рассматриваемом контексте предприятия и организации, как, например, В.И. Верховин [7], другие — социальные слои и группы, объединенные по их роли и месту в системе экономических отношений [8], третьи — отдельных индивидов [9]. К тому же субъектность рассматривается относительно разных сфер деятельности. Для целей нашего исследования важно рассмотреть субъектность в сфере хозяйствования.

Хозяйствование в нашем понимании — это совокупность действий и поступков индивида или группы, связанных с обеспечением функционирования предприятия или подразделения как самостоятельной хозяйственной единицы. Хозяйствование включает в себя как элементы профессионально-трудовой деятельности разных групп работ-

ников, так и элементы управления (участие в собрании акционеров, работе совета директоров, правлении акционерного общества и др.).

Для уточнения понятия “субъект хозяйствования” обратимся к трудам классиков социологии. Так, М. Вебер рассматривал хозяйствование или экономическую деятельность как одну из форм социального действия. “Социальным” он называл “...такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него” [10]. Носителями же осмысленных и ориентированных на других людей действий могут быть, по мнению М. Вебера, только сами люди: отдельный человек или группа людей. В последнем случае может идти речь о коллективном субъекте.

Чтобы ориентироваться в социальном пространстве и корректировать свои экономические действия, сообразуясь с действиями и ожиданиями других экономических агентов, субъект хозяйствования должен обладать *свободой выбора* форм, способов, методов организации и реализации своей экономической деятельности, автономностью (самостоятельностью) принятия решений, а для достижения поставленной и осмысленной (субъектом или коллективом) цели путем выбора наиболее рациональных путей достижения он должен нести полную *экономическую ответственность* за принятые им решения и результаты экономической деятельности.

Итак, под субъектами хозяйствования будем понимать участников экономической деятельности, которые обладают экономической свободой, принимают самостоятельные, хозяйственные решения и несут экономическую ответственность за результаты своей деятельности.

Исходя из этого сформируем и систему индикаторов, характеризующих уровень субъектности экономических агентов в аграрной сфере:

Свобода выбора

1. **Возможность выбора формы хозяйствования.**
2. **Возможность выбора сферы экономической деятельности.**
3. **Возможность выбора хозяйственных партнеров.**
Самостоятельность (независимость) хозяйственной деятельности
  1. Доля земельных угодий, находящихся в частной собственности.
  2. Доля основных производственных фондов, приобретаемых за собственные средства.
  3. Доля обязательных поставок сельскохозяйственной продукции в региональные и федеральные фонды.
  4. Доля продукции, реализуемой по свободным ценам.
  5. Налоговый пресс (доля прибыли, взимаемой налогами).
  6. Ограничения по фонду оплаты труда.

Экономическая ответственность

1. Санкции за невыполнение договорных обязательств.
3. Материальная ответственность за бесхозяйственность (падеж скота, погрыва посевов, упущенная выгода и др.).
4. Зависимость фонда оплаты труда от результатов хозяйственной деятельности.

Сельскохозяйственные предприятия как социальные организации можно относить к субъектам хозяйствования. Важными характеристиками социальной организации с позиций нашего анализа являются наличие цели (целей), совокупность функциональных положений (статусов) и ролей, правила, регулирующие отношения между ролями. В узком смысле слова социальная организация есть не что иное, как “система социальных групп и отношений между ними” [11]. Выразителем же интересов предприятий, а также субъектами реализации этих интересов могут выступать как трудовые коллективы в целом, так и отдельные социальные группы: советы акционеров, администрация, руководители и специалисты сельского хозяйства и др. Руководители хозяйств в силу своих функциональных обязанностей призваны организовывать хозяйственную деятельность предприятия и управлять ею исходя из коллективных интересов. Поскольку руководители одновременно могут быть и совладельцами коллективной собственности, в своей хозяйственной деятельности они ориентируются не только на коллективные, но и на личные интересы, которые могут вступать в противоречие между собой.

В качестве субъектов хозяйствования могут выступать и отдельные производственные коллективы, например коллективы акционерных обществ, созданные на базе реорганизованных коллективных хозяйств, которые обладают более широкими правами в хозяйственной деятельности по сравнению с трудовыми коллективами бывших колхозов и совхозов. Они имеют право участвовать в разработке и принятии хозяйственных решений (высшим органом управления акционерного общества является собрание акционеров или его представитель), обладают большей хозяйственной независимостью. Вместе с тем акционерные общества несут большую экономическую ответственность за результаты своей хозяйственной деятельности.

Субъектами хозяйствования могут быть и отдельные производственные бригады, в частности арендные. Арендуя у предприятия землю и другие средства производства, они обладают большей экономической свободой и самостоятельностью в хозяйственной деятельности по сравнению с другими работниками коллективного предприятия. Однако, не являясь собственниками средств производства, в том числе и земли, арендаторы обладают ограниченной субъектностью по сравнению с самостоятельными хозяйствующими субъектами.

В качестве самостоятельных хозяйствующих субъектов в настоящее время могут выступать и отдельные лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью (например, фермеры), так как они не только сами решают все хозяйственные проблемы, но и являются полноправными собственниками и распорядителями произведенной ими продукции.

Наряду с понятием “субъект” в западной социологии существует понятие “актор”. Это обусловлено сменой парадигм социального

знания. Понятие “актор” наделяет людей, составляющих “массу”, активностью. Именно их деятельность, наряду с “игрой” тех, кого определяют как субъекта, по мнению Н.Н. Козловой и Н.М. Смирновой, воздействует на результирующую социальную динамику. Термин “актор” оставляет широкий простор многообразию форм и степеней субъектности. Человек может быть или не быть субъектом, но в любом случае он — актер, деятель [12]. По В.А. Ядову, “частицы массы — не субъекты, но акторы” [13].

Эти принципиальные положения могут оказаться весьма продуктивными и полезными для целей нашего анализа. Действительно, в процессе радикальных преобразований аграрных отношений участвуют различные социальные группы, чьи интересы прямо или косвенно затрагиваются аграрной реформой. Это прежде всего сельское население, за счет которого формируется социальная база этих преобразований; новые социальные слои и группы, порождаемые аграрной реформой (фермеры, арендаторы, акционеры и т.п.); представители новых государственных и негосударственных структур, создаваемых для реализации аграрной реформы и функционирования аграрного сектора в переходный период (земельные комитеты и комиссии, комиссии по приватизации и акционированию предприятий, фонды и др.); представители местных администраций, хозяйственные руководители. Интересы этих социальных групп в аграрных преобразованиях не совпадают. Возможности, способы и рычаги реализации этих интересов также различны, соответственно различны стратегия и тактика поведения данных социальных групп в этих процессах. Другими словами, можно говорить о том, что формы и степень субъектности различных участников проводимой реорганизации аграрного сектора будут неодинаковыми.

В нашем контексте *субъектность* представляет собой не что иное, как степень реализации индивидом или группой экономической свободы. При этом “экономическую свободу” мы понимаем как возможность волеизъявления индивида или группы в экономической сфере.

Итак, по степени субъектности всех участников экономической деятельности можно подразделить на субъектов и акторов, по степени интегрированности — индивиды, социальные группы и социальные организации. Что касается форм субъектности, то они в современных условиях весьма разнообразны и определяются положением хозяйствующего субъекта в новой системе аграрных отношений. По формам субъектности всех участников экономической деятельности можно разделить на четыре группы: хозяева, т.е. те, кто является владельцами средств производства и полноправными распорядителями полученного результата (продукта); менеджеры (управляющие), выполняющие функции управления предприятием или объединением; акционеры, являющиеся совладельцами предприятия и обладающие определенными правами, связанными с распоряжением собственнос-

тью, с распределением получаемой прибыли и с управлением предприятием; наемные работники, оказывающие наименьшее воздействие на стратегию развития предприятий, но играющую далеко не последнюю роль в его повседневной деятельности. Это акторы, от поведения которых зависят результаты деятельности предприятий, хотя они и не являются полноправными субъектами управления ими (табл. 12.2).

Следует отметить, что в настоящее время на селе сформирована достаточно многочисленная группа собственников земельных и имущественных паев, которые не принимают непосредственное участие в производственной деятельности сельскохозяйственных предприятий. Как правило, они сдают свою землю в аренду сельскохозяйственным предприятиям или фермерам, получая за это определенную арендную плату или иные формы вознаграждения. К ним в первую очередь относятся работники социальной сферы, пенсионеры и другие категории сельского населения, не занятые сельскохозяйственным трудом, которые получили имущественные паи и (или) земельные доли согласно действующему законодательству. Например, в Орловской области численность собственников, не принимающих трудового участия в деятельности предприятия, более чем в 2 раза превышает общую численность работающих владельцев земельных и имущественных паев, а также наемных работников, вкладывающих в производство только свой труд [14]. По мере развития земельного рынка эта группа будет

Таблица 12.2

Формирующиеся типы хозяйствующих субъектов в реформируемом аграрном секторе России

<i>Основания для группирования</i>	<i>Тип хозяйствующих субъектов</i>
<i>Степень субъектности</i>	Субъекты хозяйствования Акторы Невостребованные хозяйствующие субъекты (безработные, учащиеся, военнослужащие)
<i>Степень интегрированности</i>	Индивиды Социальные группы
<i>Формы субъектности</i>	Социальные организации Хозяева Хозяева-собственники Хозяева-предприниматели Владельцы ЛПХ Менеджеры (управляющие) Менеджеры-акционеры Наемные менеджеры Акционеры Члены кооперативов Члены акционерных обществ Члены колхозов Наемные работники на предприятиях всех форм собственности

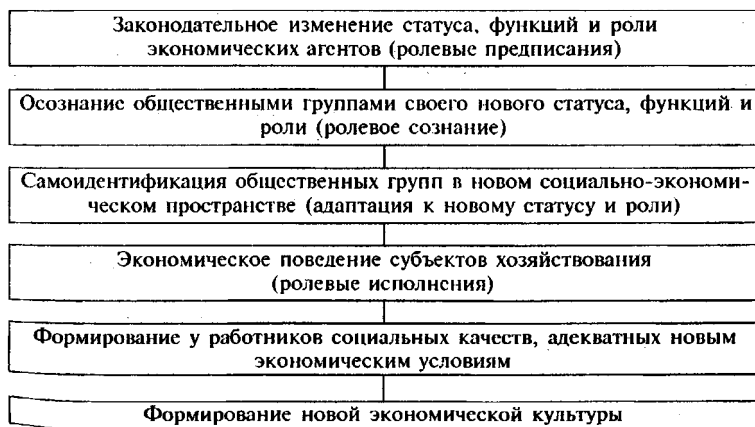
расширяться за счет богатых слоев населения, в том числе горожан, которые смогут покупать землю по рыночным ценам, не занимаясь непосредственно сельскохозяйственным трудом.

Каждая из перечисленных выше групп хозяйствующих субъектов имеет определенную степень свободы в экономической деятельности, обладает определенными правами и обязанностями. Анализ реальной ситуации поможет выяснить, каким образом реализуются права собственников (акционеров), как распределяются права и обязанности между акционерами и управляющими (менеджерами), между хозяевами и наемными работниками, что входит в их компетенцию. Реальный статус, функции и роль каждой из перечисленных групп, определяя их экономические интересы, детерминируют экономическое поведение групп, а также их отношение к проводимым реформам.

Выделение групп по формам субъектности имеет важное значение также для понимания того, кто в современных условиях является реальным субъектом экономической деятельности, кто принимает ответственные хозяйственные решения, кто определяет пути развития предприятий, их стратегию на ближайшую и долгосрочную перспективу, кто распоряжается полученной прибылью и т.п.

Механизмы формирования субъектов хозяйствования в процессе трансформации социально-экономических отношений

Исходя из представлений об экономической деятельности как о социальном действии и о субъектах экономического действия как самостоятельных, свободных и ответственных индивидах становление субъектов хозяйствования следует рассматривать как процесс, включающий в себя несколько взаимосвязанных этапов:

На практике эти этапы становления субъектов хозяйствования могут протекать и в последовательном, и в параллельном режиме.

Основными механизмами формирования новых субъектов хозяйствования в процессе трансформации социально-экономических отношений в аграрном секторе являются:

- а) изменение отношений собственности;
- б) многообразие форм хозяйствования;
- в) расширение экономических свобод.

Центральное звено такого механизма как институт собственности — законодательное закрепление права частной собственности на средства производства (включая землю). Являясь правовой базой для формирования субъектов хозяйствования нового типа, оно расширяет диапазон участия граждан в экономической сфере. Так, в настоящее время гражданин России может быть владельцем средств производства (включая землю), принимать непосредственное участие в руководстве и экономической деятельности своего предприятия или компании, т.е. быть хозяином и предпринимателем одновременно. Вместе с тем он может оставаться лишь владельцем земли или других средств производства, сдавать их в аренду, тем самым обеспечивая себе определенный доход, а к оперативному управлению и руководству предприятием, которое арендует принадлежащие ему средства производства, он имеет лишь ограниченный доступ (например, в случае нарушения арендатором условий аренды). Естественно, что функции, роль и возможности этих лиц как субъектов хозяйствования будут различны.

Проведенная реорганизация коллективных хозяйств предоставила работникам сельского хозяйства, пенсионерам и части работников социальной сферы право на получение земельной доли и имущественного пая. Согласно действующему законодательству владельцы указанных паев в коллективном имуществе имеют право получить самостоятельного крестьянского хозяйства, организации собственного дела или для расширения производства в личном подсобном хозяйстве. Другими словами, создана определенная экономическая база для развития частного сектора сельскохозяйственного производства, агросервисных услуг и других видов предпринимательской деятельности на селе.

Однако, как показали данные нашего исследования, из всех опрошенных, имеющих земельный пай, 77 % оставили их в распоряжении предприятий, на которых они работают, или внесли в качестве вступительного взноса во вновь созданные акционерные общества, кооперативы, коллективные хозяйства и лишь 7 % использовали на расширение ЛПХ, 2 % — на организацию самостоятельного крестьянского хозяйства, 5 % — передали свой земельный пай по наследству родственникам или детям. Каждый десятый еще не принял окончательно-

ного решения, как использовать свой пай. Примерно такая же картина складывается и с имущественными паями, которые к тому же очень трудно получить в натуре.

Таким образом, большинство сельских жителей не воспользовались своими правами стать самостоятельными хозяйствующими субъектами. На это есть множество причин. Одна из них — наблюдаемая практика ведения фермерских хозяйств и те реальные условия, в которые попадают самостоятельные хозяева сегодня: чрезвычайно высокие налоги, непомерные цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы, незащищенность прав собственника, отсутствие социальных гарантий и пр. По оценкам респондентов, в нынешних условиях только 3 % из них смогли бы купить землю по рыночным ценам, более 80 % не смогли бы этого сделать, каждый десятый не нуждается в дополнительных участках земли.

Наряду с институтом собственности аграрные отношения регулируются и другими социально-экономическими институтами, такими как кредитно-финансовые, институты налогообложения, государственной власти. Государство призвано обеспечивать нормальные условия функционирования хозяйствующих субъектов, стабильность и правопорядок в стране, соблюдение законности в экономической сфере. Слабость государственной власти, невыполнение государством своих функций по соблюдению законности и правопорядка снижают эффективность проводимых реформ, порождают хаос в экономической сфере и неуверенность экономических агентов.

Другим существенным механизмом формирования новых субъектов хозяйствования является *многообразие форм хозяйствования и свобода их выбора*, предоставленная трудовым коллективам и отдельным гражданам в процессе реорганизации коллективных хозяйств. Однако результаты исследований, проведенных нами ранее [15], позволяют сделать вывод о том, что из-за спешности и тотальности реорганизации колхозов и совхозов выбор форм хозяйствования был сделан не осознанно. Большинству рядовых работников эта реформа навязана сверху, они не только не осознали свой интерес в этом процессе, но и не поняли его сути. Выбор организационно-правовых форм мотивировался не столько экономическими, сколько политическими и социальными факторами. Во многих случаях реорганизация носила сугубо формальный характер и не затрагивала сути экономических отношений. Казалось, что с появлением акционерных обществ и товариществ разного типа положение работников как экономических субъектов должно было существенно измениться в сторону расширения их прав по управлению предприятием. Однако до сих пор большинство работников так и не ощутило разницы между их положением на предприятии как наемных работников и как совладельцев средств производства, а потому существенного изменения мотивации труда и моделей их трудового поведения не произошло.

В послании Президента РФ Федеральному собранию 1997 г. отмечается, что “установленные разграничения прав и ответственности между собственниками (акционерами) и управляющими (директорами) не соблюдаются. Во многих случаях директора фактически отстраняют акционеров, в том числе крупных, от принятия важнейших решений, относящихся к непосредственной компетенции собственника” [16]. В связи с этим в качестве приоритетных задач правительства, обеспечивающих проведение реформы, определены защита прав акционеров, четкое разграничение прав и ответственности собственников и управляющих, совершенствование механизма корпоративного управления.

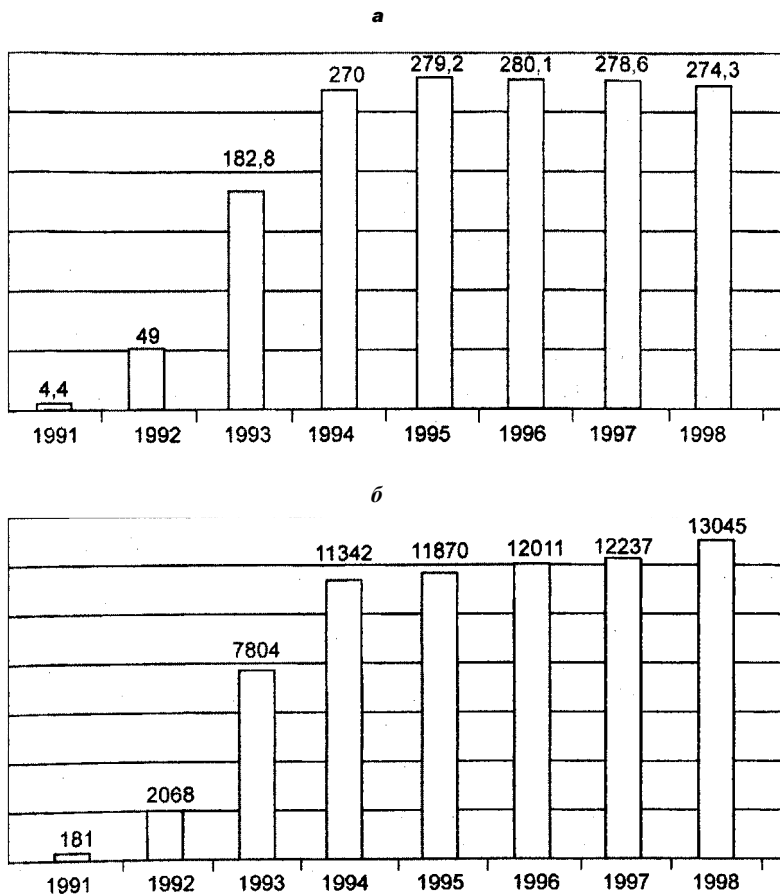
Не заработал пока и экономический механизм реализации права собственности крестьян на земельные доли и имущественные паи. Как показали наши исследования в Новосибирской области, более 80 % опрошенных ничего не получили в качестве дивидендов на имущественные паи и земельные доли, переданные в пользование сельскохозяйственным предприятиям. Большинство предприятий из-за крайне тяжелого экономического положения не в состоянии выплачивать какие-либо дивиденды своим работникам. Такая же ситуация складывается и в других регионах страны.

Несмотря на приватизацию и акционирование сельскохозяйственных предприятий, только каждый десятый респондент отметил расширение возможностей влиять на результаты работы своего предприятия, участвовать в его управлении, не зависеть от начальства.

Нам представляется весьма важным проведение глубоких исследований, касающихся изменения положения экономических субъектов на предприятиях АПК различной формы собственности.

Со времени вступления в силу Закона РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизации колхозов и совхозов у крестьян появилась реальная возможность стать самостоятельными хозяйствующими субъектами. Как следует из динамики числа крестьянских хозяйств в России, к началу реформ в стране имелась социальная база развития частного сектора аграрной экономики (рис. 12.1), однако потенциальность сельского населения страны в становлении самостоятельных хозяйствующих субъектов вопреки декларируемому курсу на приватизацию сельскохозяйственного производства полностью не реализованы. Доля фермерских хозяйств в производстве продукции отрасли стабильно низкая (не более 2 %).

При этом нарастает процесс разорения крестьянских хозяйств, отказ крестьян от земли, от самостоятельного ведения хозяйства. Начиная с 1997 г. абсолютное число фермерских хозяйств сокращается. Динамика разорившихся хозяйств свидетельствует о том, что в стране не созданы условия для становления и развития самостоятельных субъектов хозяйствования в аграрном секторе. Главными причинами неустойчивости крестьянских хозяйств в России, как

Рис. 12.1. Развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в России в 1991—1998 гг. по статистическим данным (см.: *Российский статистический ежегодник* / Госкомстат России. М., 1997. С. 383; *Россия в цифрах* / Госкомстат России. М., 1998. С. 217).

а — численность хозяйств (на начало года; тыс.); **б** — площадь земельных участков (тыс. га).

показывают исследования, проведенные во многих регионах страны, являются чрезвычайно высокие налоги, непомерные цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы, незащищенность прав собственника, отсутствие социальных гарантий, неуверенность в завтрашнем дне. Несомненно, что значительна роль и субъективных причин (отсутствие достаточного опыта самостоятельного ведения хозяйства, нехватка знаний, неготовность к работе в условиях экономического и социального риска).

Принципиальное значение в процессе становления субъектов хозяйствования в аграрной сфере играет *расширение экономических*

свобод. Впервые за многие годы экономические субъекты в АПК получили право свободного выбора формы хозяйствования и экономической деятельности, самостоятельного решения хозяйственных вопросов, взяв на себя при этом большую экономическую ответственность за результаты своей деятельности. Однако, как показывает практика (и подтверждается данными многих социологических обследований, проведенных во многих регионах страны), далеко не все рядовые работники и руководители хозяйств оказались готовыми к работе в новых условиях. Одни группы восприняли расширение свобод, включая экономическую, как благо, другие, потеряв опору в лице государства, с трудом адаптируются к новой социально-экономической ситуации [17].

К тому же декларируемые свободы на практике оказались значительно ограниченными. Основными социальными ограничителями экономической свободы в аграрном секторе в настоящее время являются:

— несоответствие действующих экономических и социальных институтов формирующимся экономическим отношениям, что проявляется в несовершенстве налоговой и кредитной политики государства и коммерческих банков в отношении сельских товаропроизводителей, слабо учитывающей специфику сельскохозяйственного производства, в несостоятельности государства как оптового “скупщика” сельскохозяйственной продукции (в частности, систематическая невыплата долгов крестьянам за произведенную и сданную продукцию), в преждевременном устранении государства от регулирования деятельности в аграрном секторе, в запаздывании, несовершенстве и противоречивости принимаемых законодательных актов, регулирующих деятельность хозяйствующих субъектов АПК;

— социальная практика с характерными для нее диспаритетом цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, энергоресурсы и услуги, незащищенностью прав собственника, фактическим мораторием на куплю-продажу земли, утратой традиций сельской кооперации, низким платежеспособным спросом населения, частичным ограничением закупочных и розничных цен на сельскохозяйственную продукцию федеральными и местными властями;

— неадекватные модели поведения общественных групп в новом социально-экономическом пространстве: неэкономические методы решения хозяйственных проблем, криминальное поведение части экономических субъектов, невыполнение обязательств хозяйственными партнерами, в том числе государством, неисполнение законов и указов президента, в том числе правительством;

— культурологические факторы: несформировавшаяся экономическая культура цивилизованного рынка, несоответствие глубины, направлений и масштабов аграрной реформы состоянию общественного сознания.

Хозяйствующие субъекты в АПК: экономическое сознание, поведение, самоидентификация

Экономическое сознание. В качестве основных индикаторов, характеризующих экономическое сознание сельских работников как субъектов хозяйствования, выделены отношение к проводимым реформам, формам собственности и хозяйствования, а также отношение к земле.

Эмпирический анализ показал, что продолжается *отчуждение* основных социальных групп от реформ. По данным социологических опросов, проведенных в 1996—1997 гг., до 40 % сельского населения не поддерживают ни одно из направлений проводимых аграрных реформ. При этом большая часть сельского населения считает, что было бы лучше, если бы нынешних реформ не было вовсе и все оставалось так, как было до реформы. При этом из прошлого, из той жизни, которая была до начала реформ, каждый пятый сельский житель хотел бы вернуть стабильность, уверенность в будущем, 27 % — регулярную оплату труда, 23 % — стабильные цены, отсутствие инфляции, 19% — социальные гарантии, 15 % — отсутствие безработицы, 11 % — порядок, а каждый четвертый — всю ту жизнь, тот строй, социализм. Следует также отметить нарастание разочарования в реформах и их результатах. В целом около 70 % сельчан постигло разочарование в связи с реформами.

По нашим данным, положительно оценивают итоги проводимых в стране экономических реформ более трети сельских жителей (ответы типа “Положительно”, “Скорее положительно, чем отрицательно”), негативно (ответы типа “Отрицательно”, “Скорее отрицательно, чем положительно”) — более половины. Примерно каждый десятый опрошенный не смог дать определенной оценки результатам реформ. При этом молодежь дает более оптимистичные оценки. Так, среди лиц в возрасте до 30 лет положительно оценили результаты реформы 45% респондентов, в возрасте 31—50 лет — 38, а старше 50 лет — 10 %. Доля оценивших реформы отрицательно имеет обратную картину: в группе до 30 лет их доля составила 40%, в группе 31—50 лет — 56, а среди лиц старших возрастов — 60 %.

Около 80 % работников сельского хозяйства по-прежнему ориентированы на *коллективные формы* сельскохозяйственного производства, рассчитывая на помощь и сотрудничество в трудную минуту (41 % ответов) (рис. 12.2). Коллективный труд привлекателен для сельских работников своей стабильностью, гарантированными заработками, постоянной занятостью. Примерно каждый пятый респондент мотивировал свой выбор коллективных форм трудностями ведения индивидуального хозяйства в современных условиях. Между тем около 40 % опрошенных объясняют свои предпочтения привычкой работать в коллективе, не выделяя каких-либо преимуществ коллективного труда. Очевидно, сила традиции влияет на предпочтения сель-

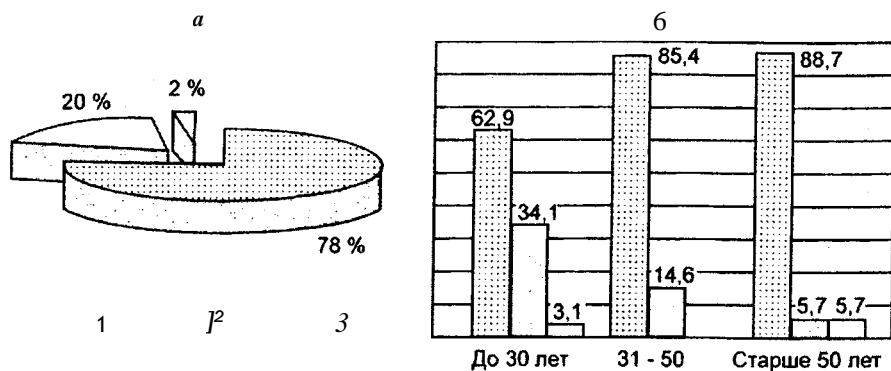

Рис. 12.2. Предпочтительность разных форм хозяйствования по оценкам сельских работников:

а — распределение ответов на вопрос “Если бы это зависело от Вас, то что бы Вы предпочли: работать в коллективном хозяйстве или вести индивидуальное хозяйство?” (% к числу опрошенных); б — дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); / — работать в коллективном хозяйстве; 2 — вести индивидуальное хозяйство; 3 — затруднились ответить.

ских работников более существенно, нежели экономический расчет или личная выгода. Работу в индивидуальном крестьянском хозяйстве предпочитают те, кто ценит независимость, экономическую свободу и самостоятельность (60 % ответов), а также те, кому надоело работать на кого-то (38 %). По данным опроса 1997 г., примерно каждый пятый сельский житель трудоспособного возраста согласился бы вести индивидуальное крестьянское хозяйство.

Отношение к *формам собственности* более либеральное, чем к формам хозяйствования, что сказалось на предпочтениях сельских жителей работать на предприятиях с различной формой собственности. Так, из всех опрошенных предпочли бы работать на государственных предприятиях около 60 %, поскольку: (а) там больше порядка (30 % ответов), (б) меньшая экономическая ответственность работника в условиях нестабильности и экономического риска (11%), (в) на государственных предприятиях есть возможность получить какие-либо социальные блага (8 %). Но более 30 % респондентов выбирают государственное предприятие по привычке. Привлекательными сторонами работы на частных предприятиях для сельских жителей являются возможность больше заработать (44%), проявить себя (14%), приобрести опыт самостоятельной работы (8 %). Более 18% опрошенных считают, что на частных предприятиях больше порядка.

Важной характеристикой субъектов хозяйствования в АПК является *отношение к земле*. Одним из замыслов аграрной реформы было превращение работников сельскохозяйственных предприятий в хозяев, землевладельцев, которые составили бы основу среднего класса в деревне. С этой целью осуществлялась приватизация земли и пере-

дача ее во владение и распоряжение работников сельского хозяйства и представителей социальной сферы села посредством наделения их земельными долями. Как же ведут себя новоявленные землевладельцы, ощущают ли они себя полноправными хозяевами земли?

Наши исследования показали, что в сознании сельского населения еще не сформировалось отношение к земле, передаваемой им в частную собственность, как к капиталу, признаку богатства, достатка. Наличие земли в частной собственности среди признаков зажиточности занимает одно из последних мест. На это указали лишь 5 % опрошенных.

О том же свидетельствуют и ответы на вопрос “Что для Вас значит быть собственником земли?”, адресованный владельцам земельных паев. Судя по ответам, российские крестьяне еще не почувствовали себя собственниками, полноправными владельцами земли. Ответы типа “Ничего не значит”, “Ничего с нее не имеем”, “Не чувствуем, не ощущаем себя собственниками”, “Мы еще не собственники, не хозяева” дали более 60 % респондентов. Отчасти это объясняется тем, что, по мнению каждого четвертого, передача земли носила формальный характер: землю дали, а обрабатывать ее нечем. Эту группу землевладельцев можно назвать “хозяевами поневоле”.

Убежденные землевладельцы, хозяева, для которых важна свобода, независимость, самостоятельность хозяйственной деятельности, работа на себя, составляют не более 15 %. Именно эта категория сельских жителей может стать социальной базой для развития частного сектора аграрной экономики и формирования среднего класса в деревне. По своему составу она больше чем наполовину состоит из молодежи в возрасте до 30 лет, около 60 % этой группы составляют работники сельского хозяйства, каждый четвертый имеет высшее или среднее специальное образование.

К принципиальным противникам частной собственности на землю можно отнести в общей сложности не более 2 % опрошенных (ответы типа “Не хочу быть собственником земли”, “Я против частной собственности, фермерства”, “Земля мне ни к чему”). Затруднились с ответом 6% респондентов.

Следует отметить, что отношение сельского населения к частной собственности на землю и ее купле-продаже заметно изменилось. Если в 1993 г. введение частной собственности на землю поддерживала одна четверть сельского населения Новосибирской области, то в 1997 г. — около половины. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении купли-продажи земли: в 1993 г. ее поддерживали менее 10% опрошенных сельских жителей, а в 1997 г. — около 30 %.

Индикатором формирования субъектности сельских работников может служить также их вербальное поведение на рынке земли. Из ответов на вопрос “Если бы Вам пришлось уехать из данного села, как бы Вы распорядились своим земельным паем?” следует, что око-

ло 40 % владельцев земельных долей передали бы землю в распоряжение предприятия, на котором они работают и где находится в настоящее время их пай. Каждый пятый респондент передал бы землю в распоряжение своим родственникам. Остальные попытались бы ее продать или сдать в аренду другим предприятиям или частным лицам. На правах аренды передали бы свою землю предприятию или частным лицам 9 % опрошенных, а на основе купли-продажи земли — около 40 %.

Из этого следует, по крайней мере, два вывода. Во-первых, сельские жители не исключают возможности рыночных операций с землей, а во-вторых, на рынке земли они скорее доверились бы сельскохозяйственным предприятиям, чем частным лицам.

Бросили бы землю не более 5—6 % респондентов. Основную часть этой группы составляют лица старше 50 лет, три четверти которых не имеют среднего общего образования, при этом 65 % из них не заняты сельскохозяйственным трудом. Затруднились с ответом 16 % опрошенных.

Несмотря на превалирование в сознании сельского населения традиционных форм хозяйствования и государственной формы собственности, в настоящее время на селе формируется когорта, готовая к работе в условиях экономической свободы, к экономическому риску, к работе на частном предприятии, к ведению индивидуального крестьянского хозяйства. Немалая доля тех, кто (пусть пока на вербальном уровне) предпочитает свободу и независимость хозяйственной деятельности и готов нести полную экономическую ответ-

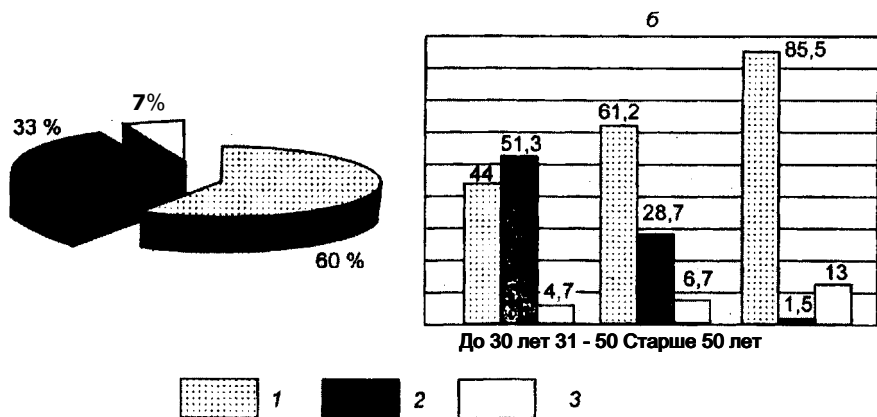
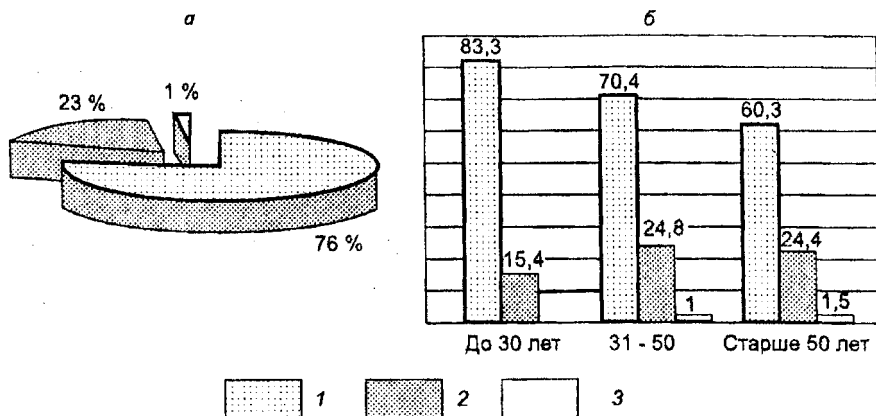

Рис. 12.3. Предпочтительность форм собственности предприятия по оценкам сельских респондентов:

а — распределение ответов на вопрос “Если бы у Вас была возможность выбора, то что бы Вы предпочли: работать на государственном или частном предприятии?” (% к числу опрошенных); 5 — дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); / — на государственном предприятии; 2 — на частном предприятии; 3 — затруднились ответить.

Рис. 12.4. Готовность сельских респондентов к экономической ответственности:

а — распределение ответов на вопрос “Как Вы считаете, что было бы лучше для Вас: быть независимым и нести полную экономическую ответственность за свою деятельность или выполнять указания начальства и ни за что не отвечать?” (% к числу опрошенных); **б** — дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); / —

ответы. При этом большую долю этой когорты составляют люди до 30 лет, имеющие, как правило, более высокое образование по сравнению с работниками старших возрастов (рис. 12.3 и 12.4). Уже сейчас более четверти опрошенного населения предпочитают иметь более высокие доходы, хотя и с риском для себя (рис. 12.5).

Парадокс аграрных реформ, однако, заключается в том, что они привели, по существу, не к усилению, а к разрушению трудовой мотивации. Наиболее ярко эти тенденции проявились именно в аграрной сфере, где усилился дисбаланс между растущей ориентацией работников на заработок и снижающимися возможностями сельскохозяйственных предприятий для материального стимулирования работников. На сегодняшний день заработная плата работников сельского хозяйства самая низкая в стране; менее 40 % общероссийского уровня средней заработной платы, не соответствует прожиточному минимуму, да и ее выплата систематически задерживается. Не случайно на вопрос о том, что волнует больше всего сельских работников, когда они думают о своей работе, самыми распространенными ответами были ссылки на низкие заработки и их систематические невыплаты.

Кроме того, разрушена связь заработной платы с результатами и квалификацией труда работников. По мнению одной трети сельских работников, размер их заработка практически не зависит от результатов деятельности предприятия, на котором они работают. Полностью отсутствуют моральные стимулы к труду, резко сократились возможности предприятий решать социальные проблемы работников за счет собственных средств.

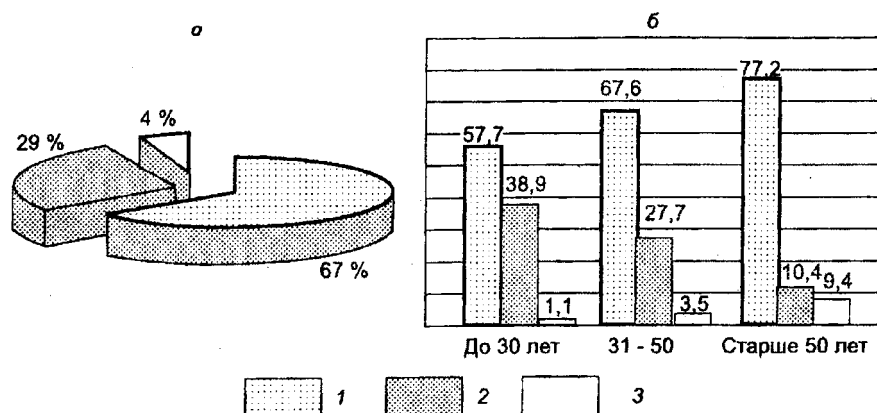

Рис. 12.5. Предпочтительные ориентации сельских работников на формы заработка:

а — распределение ответов на вопрос “Если бы у Вас была возможность выбора, то что бы Вы предпочли: иметь небольшой, но гарантированный заработок или стремиться получать высокие доходы, хотя и с риском для себя?” (% к числу опрошенных); *б* — дифференциация предпочтений по возрастным группам (%); 1 — гарантированный заработок; 2 — высокие доходы с риском; 3 — высокие доходы без риска.

Заработная плата для сельских работников перестает быть основным источником средств существования. По данным социологического опроса 1997 г., около 40% опрошенных ответили утвердительно на этот вопрос, для других 40% респондентов основным источником денежных и натуральных доходов является личное подсобное хозяйство.

Следствием этого явилось резкое *снижение мотивации* к профессиональной, качественной и эффективной работе, резкому падению значимости труда в общественном производстве. Последние опросы показали, что более 30% сельских жителей согласились бы вообще не работать, если бы пособие по безработице было достаточным для безбедной жизни. Между тем еще три года назад (в 1993 г.) положительно на этот вопрос ответил лишь каждый десятый сельский респондент. На наш взгляд, наметившаяся тенденция является очень тревожным симптомом.

Однако в сознании населения происходят и положительные сдвиги. Так, на вопрос “На кого или на что Вы рассчитываете в улучшении своей жизни?” более 60% сельских жителей ответило: “Только на себя, на свою активность”. Эти факты свидетельствуют об осознании ими своей ответственности за личную судьбу и судьбу своих близких. По данным опроса 1997 г., более 80% сельских жителей считают, что о своем благополучии люди должны заботиться сами. Характерно, что еще четыре года назад положительно на этот вопрос отвечало лишь 35% сельских жителей Новосибирской области.

Экономическое поведение. Проведенный ранее анализ экономического поведения сельского населения на рынке труда, на фондовом рынке и в сфере личного подсобного хозяйства [18] показал, что большинство сельских жителей не использовали свое право на выход из коллективных хозяйств со своими земельными и имущественными паями для организации собственного дела или ведения самостоятельного фермерского хозяйства. Значительная часть ориентирована на традиционную модель занятости и психологически не готова к тому, чтобы в новых социально-экономических условиях занять социальную нишу, адекватную не только их потребностям, но и требованиям формирующейся рыночной экономики: пройти курс переобучения, открыть собственное дело или стать наемными работниками на частных предприятиях. Традиционной сферой самозанятости сельского населения остается личное подсобное хозяйство.

В настоящее время для основной массы сельских жителей характерно, по терминологии Макса Вебера, традиционное и ценностно-рациональное поведение в экономической сфере, в то время как переход к рыночным отношениям требует доминирования целерационального экономического поведения, преобладающим мотивом которого является достижение определенных экономических целей (увеличение прибыли, объемов производства, достижение личного материального успеха и т.п.).

Существующий хозяйственный механизм не способствует развитию качеств, адекватных рыночной экономике, и формированию стандартов поведения рыночного типа, развитию трудовой мотивации. По данным наших опросов, среди необходимых качеств респондентами были названы (по мере убывания значимости): трудолюбие; предприимчивость, инициатива, самостоятельность; честность, принципиальность; высокий профессиональный уровень, образованность; ответственность, чувство долга; изворотливость, умение приспосабливаться; умение идти на риск, смелость; терпимость; умение заводить нужные знакомства, связи, коммуникабельность. Среди прочих качеств чаще всего упоминались “бойцовские” — такие как сила воли, решительность, стойкость, выдержка, упорство, настойчивость, твердость характера. Некоторые респонденты считают, чтобы успешно работать в новых условиях, необходимо быть “крутым”, наглым, бессердечным и при этом обладать хорошим здоровьем. Затруднились дать определенный ответ 20 % опрошенных, что свидетельствует о высокой доле работников, не имеющих четкого представления о тех требованиях, которые предъявляет к ним новая экономическая система. Что касается самооценок сельских работников, то они весьма скромные. Каждый десятый считает, что он не обладает никакими из перечисленных качеств, затруднились с ответом около 28 %.

Как видно из ответов, между качествами, которые необходимы, по мнению респондентов, для работы в рыночных условиях, и каче-

ствами, которыми они обладают, существуют расхождения. Значительная доля работников вообще не может оценить свое соответствие требованиям складывающейся системе экономических отношений. По мнению половины опрошенных в 1997 г. сельских работников, за годы реформ ухудшились возможности проявить способности, знания, инициативу, а также работать в полную силу.

Самоидентификация в новом социально-экономическом пространстве. Радикальные преобразования экономических отношений на селе: возрождение института частной собственности на средства производства, в том числе на землю, реорганизация колхозов и совхозов, изменение организационно-правовых форм хозяйствования, развитие частного предпринимательства и фермерства — создали реальную основу для радикального изменения социально-экономической структуры аграрного сектора. Наряду с традиционными социальными группами появились новые социальные слои и группы: предприниматели, фермеры, акционеры, коммерсанты.

В этих условиях чрезвычайно важно выяснить, к какой социальной группе относит себя тот или иной индивид или группа — к старым традиционным или вновь формирующимся, насколько значимы для индивида или группы производственный коллектив как объект идентификации; какие факторы определяют саморазмещение социальных групп в пространстве новых хозяйствующих субъектов. С этой целью в анкете 1997 г. был предусмотрен вопрос о самоидентификации респондентов с формирующимися хозяйствующими субъектами “После всех преобразований на селе кем Вы себя ощущаете, к какой группе себя относите: хозяин, собственник; наемный работник; равноправный член коллектива?”. Ответы на него распределились следующим образом (% к числу опрошенных):

Хозяин,	3,7
собственник	35,0
Равноправный член коллектива .	29,4
Ни к какой, я сам по себе . .	16,6
Затруднились с ответом . . .	15,3

Как видим, несмотря на проведенную реорганизацию коллективных хозяйств, наделение крестьян земельными и имущественными паями, лишь незначительное меньшинство почувствовало себя совладельцами средств производства и отнесло себя к группе хозяев, собственников. Большинство же опрошенных ощущают себя наемными работниками.

Быть хозяином, по представлениям сельских жителей, значит принимать самостоятельные решения, вести самому хозяйство, ни на кого не надеяться (30 % ответов), ни от кого не зависеть (26 %), обладать свободой действий (13 %), работать на себя и жить за счет своего хозяйства (15%). Однако 5% респондентов считают, что хозяин —

это человек, которого не любят окружающие. И хотя эти респонденты сами отнесли себя к этой группе, по их мнению, хозяевами они стали в силу обстоятельств и такой судьбы они не пожелали бы другим.

Наиболее негативный образ в глазах сельских жителей формируется относительно наемного работника. В представлениях сельских жителей быть наемным работником — значит быть рабом, наемником, полностью зависеть от начальства, не иметь возможности делать то, что хочется. Быть наемным работником — значит быть бесправным (ответы типа “Наняли — работаем, захотели — выгнали”, “Мы ничего не решаем”, “Мы не устанавливаем, когда работать, а когда нет, могут и ночью поднять”, “Куда податься не знаешь”, “Отработал — как принуду отбыл, и каждый орет”, “Работаешь и денег не видишь”, “Чуть против сказал — ищи другую работу”). Многие респонденты наемный труд характеризуют как подневольный: “Пашешь как батрак”, “Батрачим на чужого дядю, пахана, хозяина, испытывая при этом унижение и тягость”.

Формирование резко негативного образа наемного работника представляется очень серьезной проблемой. Безусловно отражая реальную картину в сфере сельскохозяйственного труда (частые и серьезные нарушения трудового законодательства на предприятиях всех форм собственности, незащищенность простых сельских тружеников от произвола в трудовой сфере), оно сопряжено с ухудшением самочувствия и неудовлетворенностью своим положением значительной доли сельских работников, которые привыкли работать в коллективных хозяйствах, где ощущали себя равноправными членами коллектива.

В представлениях сельских работников быть равноправным членом коллектива — значит иметь возможность участвовать в делах коллектива и сообща принимать решения (22 % ответов), в равноправном и открытом распределении доходов, льгот (17 %). Для многих это означает работать как все (17%), общаться с людьми, со своим коллективом (12%), а также открыто высказывать свою точку зрения, быть уверенным, что этот совет будет услышан.

Около одной трети сельских работников составляют маргинальные, “социально дезориентированные”, “не нашедшие себя” группы. Они не отнесли себя ни к какой из указанных групп или затруднились с ответом. Анализ социально-демографического состава этой группы показал, что среди них примерно в равной мере представлены лица разных возрастов, имеющих неодинаковый уровень образования, занятые в разных сферах экономики. Это свидетельствует о том, что самоопределение, саморазмещение сельских работников в новом социально-экономическом пространстве в большей степени зависит от внешних социетальных факторов, нежели от факторов субъективного порядка. Следовательно, социальное самочувствие и социальная активность данной группы могут быть улучшены только в результате изменения социально-экономической ситуации в стране, а также в

случае коренного изменения системы экономических отношений в аграрном секторе. В посттоталитарном обществе, по мнению В.А. Ядова, “состояние маргинальности становится как бы нормой, привычным самоощущением, следствие чего — распад социальных связей и хаотическая смена неустойчивых социальных самоидентификаций, социальная апатия, снижение мотивации целеустремленной групповой деятельности, доминанта самосохранительного поведения” [19].

Проводимое исследование ставило целью проверить гипотезу о сохранении значимости для сельских работников корпоративной солидарности после реорганизации коллективных хозяйств и развития частного сектора аграрной экономики. Анализ полученных материалов свидетельствует о высокой степени идентификации сельских работников с трудовым коллективом, в котором они работают. Так, на вопрос “Заденут ли Ваше самолюбие слова о том, что Ваш коллектив (бригада, звено) работает плохо, но лично к Вам никаких претензий нет?” положительно ответило три четверти опрошенных. Доля тех, кто ответил “Нет, с какой стати”, была значительно меньше — 13%. Не смог дать определенного ответа каждый десятый респондент.

При этом среди молодежи вербализованная связь с коллективом слабее, чем среди лиц среднего и старшего поколения. Так, в группе лиц старше 30 лет на упомянутый вопрос положительно ответили более 80 %, а среди лиц в возрасте до 30 лет — чуть больше 60 % респондентов. Доля лиц, давших отрицательный ответ на этот вопрос, среди молодежи вдвое выше, чем среди лиц среднего и старшего возраста, — 22 против 10 %. Очевидно, индивидуальные ценности, приходящие на смену корпоративным, коллективистским, с большей готовностью воспринимаются молодежью и более скептически — старшим поколением, воспитанным на социалистических идеалах и не имеющим в прошлом реальной альтернативы коллективно-му труду на государственных предприятиях или в колхозах.

Существенных различий в отношении к делам коллектива между мужчинами и женщинами не выявилось. О влиянии форм собственности на формирование ориентаций сельских работников, на наш взгляд, судить еще рано, так как новые формы хозяйствования находятся на стадии своего становления и вряд ли могли оказать устойчивое влияние на сознание сельского населения, хотя некоторые различия в отношениях к делам коллектива на предприятиях с разной формой собственности уже наблюдаются.

О высокой степени идентификации сельских работников с производственными коллективами свидетельствуют также ответы на вопрос о том, какие характеристики работы наиболее значимы для них. Наличие хорошего коллектива на работе входит в число наиболее значимых характеристик для сельских работников и занимает четвертое место (после хорошей оплаты, содержательности и общественной полезности труда).

Косвенным показателем интеграции сельских работников с производственным коллективом могут служить, на наш взгляд, и ответы на вопрос “Какие проблемы волнуют респондента, когда он думает о работе?”. Помимо оплаты труда (низкие заработки, систематическая ее задержка) и безработицы работников волнуют разрушение коллективных хозяйств, их материально-технической базы, отсутствие молодежи, халатное отношение к труду. Тревожным фактом является то, что каждого десятого никакие проблемы на работе не волнуют, а еще каждый десятый респондент вообще не думает о работе. Нам представляется, что основная идея проводимых реформ по их замыслу (по крайней мере, на уровне деклараций) была направлена на активизацию потенциала граждан России, на повышение их экономической и социальной активности. Но реальные процессы, происходящие в стране в целом и в российской деревне, свидетельствуют скорее об обратном. Непоследовательная и непродуманная аграрная политика не содействует преодолению отчуждения работников от труда, так как реального изменения экономических отношений в аграрном секторе в связи со сменой форм собственности и форм хозяйствования не наблюдается.

Выводы

Вектор проводимых аграрных реформ не соответствует сложившейся экономической культуре общества, состоянию общественного сознания, что выражается в противоречии между коллективистским духом значительной части аграрного населения и индивидуальными ценностями, декларируемыми новой экономической политикой. Это противоречие выражается также в том, что взятый курс на сплошную фермеризацию страны идет вразрез с доминирующими ориентациями сельского населения на коллективный труд на крупных сельскохозяйственных предприятиях.

Формальное изменение статуса хозяйствующих субъектов АПК не привело к радикальному изменению экономического мышления и формированию рыночных моделей экономического поведения сельского населения. Формирующееся институциональное пространство деформирует систему ценностей индивида, снижая или сводя к нулю инструментальную ценность труда в общественном секторе аграрного производства, содействует скорее распространению социального иждивенчества, нежели развитию рыночных стандартов поведения и сознания, тем самым лишая социальной базы преобразования общества.

Институциональная дезорганизация и связанная с ней деформация ролевого поведения основных групп сельского населения, невозможность выполнения ими своих функциональных обязанностей снижают эффективность проводимых преобразований, порождают неуверенность и разочарование сельского населения.

Существующие дефекты действующего хозяйственного механизма, тормозя процесс формирования новых субъектов хозяйствования, сдерживают процесс модернизации аграрного сектора.

глава 13 Социально-экономические эксперименты на селе

Еще в 1960—1970 гг., а особенно в начале 80-х годов стало ясно, что существующее устройство хозяйственной жизни с сильно выраженной административностью, отчуждением работников от какого-либо реального участия в управлении производством становится все большим тормозом в его развитии. Начались поиски более эффективных систем внутривозрастных отношений, формирующих заинтересованность работника трудиться с большей производительностью. Они велись в разных отраслях, но, пожалуй, интенсивнее всего в сельском хозяйстве. Это связано с тем, что здесь работник имеет дело с биологическими организмами (растениями и животными). Кроме того, процесс производства в большей своей части осуществляется под открытым небом и подвержен сильному влиянию неустойчивых погодных условий. Все это требует гибкости в работе, быстрого реагирования на меняющиеся (порою в течение дня) условия производства, инициативности каждого, умения самостоятельно принимать управленческие решения на своем участке, не дожидаясь команд сверху. Но работник должен быть заинтересован в таком своем поведении. Отсюда и стремление “привязать” оплату труда к результатам производства.

Эта “привязка” осуществлялась в основном с помощью сдельной оплаты труда. Но сдельщина была, как правило, индивидуальной и распространялась, скажем в растениеводстве, на выполнение отдельных работ. Но важно не просто выполнить работу, а сделать ее в максимально оптимальный срок и с высоким качеством. Объем работы может быть большим (и соответственно начислено заработной платы), а продукции получено мало. Поэтому логично поставить величину заработка в зависимость не от объема отдельных работ, а от выхода продукции. Но цикл работ, связанных с производством продукции, выполняет не один работник, а несколько. Следовательно, потребовалось введение коллективной оплаты и организации звеньев, бригад, которым по договору поручалось, в частности, в растениеводстве, выращивать на определенной площади культуры с заданным объемом выхода продукции и с установлением оплаты за урожай по расценкам за один центнер.

Поскольку в этом случае, при начислении заработной платы отпала необходимость в нарядах на отдельные работы, систему организации труда и его оплату стали называть безнарядной, а в даль-

нейшем — коллективным подрядом: коллектив работников заключал с администрацией предприятия договор подряда на выполнение комплекса работ с оплатой за выход продукции.

Первый мой отчет по организации оплаты труда на принципах подряда в строительстве и животноводстве связан с колхозом “Прогресс” Куйтунского района Иркутской области (1957 г.), куда я приехал на год (с отрывом от преподавательской работы в Иркутском кредитно-экономическом институте) для практического освоения экономической работы в сельхозпредприятиях и реализации некоторых своих идей.

Другая попытка была сделана в 1963 г. в Омской области в совхозе “Боевой”. Там на подрядную систему была переведена вся растениеводческая бригада Северного отделения. Но бригада была слишком большой, и к сожалению ее бригадир не был сторонником подряда, да и директор совхоза занял, по сути, позицию “американского наблюдателя”. И коллективная оплата труда и распределение по фактически отработанным часам здесь не прижились.

Более удачной оказалась попытка организовать оплату труда по безрядной системе в совхозе “Маслянинский” Новосибирской области в 1967 г. (К этому времени я уже работал сначала в ЛЭМИ НГУ, а затем в ИЭиОПП СО АН.) Наверное, главная причина положительных результатов заключалась в том, что в совхозе оказался энтузиаст безрядной системы — главный агроном В.И. Фофанов. Система охватила растениеводство во всех пяти отделениях хозяйства. Однако заработная плата начислялась только за урожай, на ее величине уровень затрат никак не сказывался. Можно также упомянуть совхоз “Искитимский” Новосибирской области, где в начале 70-х годов аналогичная система оплаты труда с моей методической помощью была внедрена в растениеводстве. Но там опять оказались весьма заинтересованные в ней люди — чета Золотаревых (он — главный агроном, она — агроном-семеновод).

Опыт работы по безрядной системе показал, что проблему стимулирования работников предприятия трудиться эффективнее можно решить при соблюдении трех условий. Во-первых, оплату труда нужно “привязать” не только к выходу продукции, но и к уровню затрат на ее производство. Во-вторых, система стимулирования должна охватывать все без исключения отрасли и сферы деятельности в хозяйстве. И в-третьих, система должна быть выстраданной, чтобы в ее разработке и приспособлении к условиям хозяйства принимали активное участие не только руководители и специалисты, но и рядовые работники. По сути, речь должна идти о целостной системе новых внутрихозяйственных отношений, внедряемой не сверху, а снизу.

Реализовать эти условия удалось при организации эксперимента осенью 1981 г. [1] в колхозе “Путь к коммунизму” (с. Лосиха Косихинского района Алтайского края). По своим размерам это близкое к

среднему для Западной Сибири сельскохозяйственное предприятие (12 тыс. га пашни, 2000 коров) с невысокими показателями (годовой удой на корову 2080 кг, урожайность зерновых — 10—12 ц). Каждый год оно заканчивало, как правило, с убытками. Председатель колхоза Михаил Васильевич Каропоткин, находясь в этой должности почти 20 лет, уже отчаялся поднять хозяйство. Мое предложение попытаться внедрить принципиально другую систему внутривоспроизводственных отношений его заинтересовало. Дали принципиальное согласие и специалисты, и другие руководители высшего и среднего звена. Конечно, в колхозе пошли разговоры о новых намечаемых порядках в хозяйстве, о которых люди имели смутное представление. Требовалась большая разъяснительная работа, в нее включилась партийная организация колхоза, которая в хозяйстве была достаточно многочисленной (около 100 чел.). Вопрос о намечаемой системе стимулирования труда был вынесен на ее общее специальное собрание. Решение было единодушным: поддержать, а коммунистам активно содействовать внедрению новой организации труда.

Решили также “получить добро” от партийных и административных органов района и края, ибо система означала большую ломку трудовых и других отношений в колхозе. Используя мои знакомства, я получил согласие в краевых инстанциях: в краевом управлении сельского хозяйства на уровне старших специалистов из экономического отдела и в крайкоме партии на уровне инструкторов сельхозотдела. После этого легче было получить согласие и со стороны первого секретаря райкома КПСС и председателя райисполкома. Проект программы социально-экономического эксперимента был обсужден и одобрен на научном совете отдела социальных проблем ИЭиОПП.

Остановимся подробнее на некоторых особенностях новой системы внутривоспроизводственных отношений и ее внедрении.

Сразу переводить на нее весь колхоз, конечно, было нельзя. Откровенно говоря, она в полном виде и не была разработана. Поэтому было решено начать с одной из трех комплексных бригад, занимающихся и животноводческой и растениеводческой деятельностью, а затем на ее примере (если опыт будет удачным) агитировать остальные подразделения хозяйства.

В комплексной бригаде были выделены три животноводческих звена, два растениеводческих и одно управленческое. Оплата труда в них устанавливалась как коллективная по результатам работы всего звена и определялась не только выходом продукции, но и с учетом материальных затрат на нее. Распределение же тем или иным способом общей суммы заработной платы между членами звена входило в функции самого звена. Естественно, что растениеводческие звенья до сбора урожая авансировались. Им устанавливалась общая сумма аванса, они сами определяли, сколько из нее взять на данный месяц, эту сумму распределяли между собой в основном по количеству отработанных часов.

Первое время оплата труда в зависимости от материальных затрат определялась особо и исчислялась как половина экономии (перерасхода) против нормативной суммы затрат. Люди поняли, что каждый перерасходованный рубль — это вычет 0,5 руб. из их оплаты труда, а каждый сэкономленный рубль добавляет к ней 0,5 руб.

Спустя два года зависимость оплаты труда от уровня материальных затрат усилили: их перерасход или экономия на все 100 % корректировали фонд оплаты труда звена. Заработкок звена определялся из так называемого валового дохода, т.е. разницы между стоимостью произведенной продукции по установленным расчетным ценам и материальными затратами на нее. Заметим, расчетные цены были равны нормативным затратам на единицу продукции материальных затрат и заработной плате. Понятно, что чем больше продукции получало звено и чем меньше были материальные издержки на нее, тем больше была эта разница и, следовательно, фонд оплаты труда звена. И наоборот, при снижении объема продукции или увеличении затрат фонд оплаты труда соответственно уменьшался. Надо сказать, что этот способ позволял учитывать не только количество, но и качество продукции, ибо цены на продукцию дифференцировались в зависимости от ее качественных признаков.

Важным новшеством было введение специальной чековой книжки, из которой звено оплачивало свои расходы. При определении фактических затрат звена принимались во внимание только те из них, которые оплачены им чеками. Вместе с тем и звено получало чек за свою продукцию от ее получателей. Чек, таким образом, явился своеобразным внутрихозяйственным платежным средством.

Большое внимание уделялось обоснованности расчетной цены, т.е. нормативных затрат на единицу продукции материального характера и заработной платы. При их определении какие-либо утвержденные сверху плановые данные не использовались. Эти показатели устанавливались на уровне, фактически сложившемся за последние три года: люди должны были знать, что новая система не несет им каких-то ужесточений, она принимает все недочеты, потери, перерасходы, которые были раньше. Задача заключалась в том, чтобы снизить эти потери и тем самым повысить заработки.

Все нормативы рассчитывались при непосредственном участии звеньевых и обсуждались на собрании членов звена, чтобы они убедились, что устанавливаемые показатели урожайности, продуктивности животных, себестоимости вполне выполнимы и есть резервы их улучшить и повысить заработки.

Звеньям предоставлялась самостоятельность не только в распределении заработка между членами, но и в производственных делах. У них стало развиваться чувство хозяина.

Эксперимент в первой комплексной бригаде оказался успешным: ее звенья больше получили продукции, снизили затраты, по-

высились соответственно и заработки. Было решено распространить новую систему и на другие подразделения, в том числе (с опережением намеченного графика) и на управленческую службу колхоза. Это произошло после того, как на одном из собраний животноводческого звена в адрес присутствующих на нем председателя колхоза и главного зоотехника прозвучало следующее заявление: “У всех зарплата теперь напрямую зависит от молока: больше надоим — больше получим. А для вас это ни жарко ни холодно: получали раньше свои твердые оклады, так и сейчас их получаете”.

По новым условиям управленцы стали получать заработную плату также в зависимости от реализации колхозом молока, мяса, зерна, сахарной свеклы. Оплата труда специалистов (агрономов, инженеров и др.) ставилась также в зависимость (не менее 50 % их должностного оклада) от конечных результатов той отрасли, службы, за деятельность которой они несли ответственность. Например, у главного инженера половина заработка начислялась с учетом технического состояния тракторов, комбайнов, автомобилей, которое измерялось количеством машинодней готовности этой техники. Оплата труда управленцев зависела и от уровня затрат по соответствующей отрасли, службе, а также от уровня валового дохода по колхозу в целом (в части той доли должностного оклада, которая начислялась за результаты работы всего хозяйства).

В течение трех лет на оплату от конечного результата были переведены все подразделения колхоза, именуемые теперь звеньями. Разумеется конечный результат их работы определялся неодинаково. Если для растениеводческих и животноводческих звеньев считался валовой доход, то для обслуживающих звеньев конечный результат был установлен двух видов: непосредственный (прямой) — качество обслуживания и косвенный, определяемый результатом обслуживаемых подразделений. Качество обслуживания для звеньев, занимающихся ремонтом и техническим обслуживанием машин, оборудования, электро-, тепло-, водо-, канализационных сетей определялось надежностью функционирования этих объектов, измеряемой, например, числом срывов (отказов) в работе. Для ветеринарного звена качество обслуживания определялось сохранностью животных, состоянием их здоровья. К каждому из двух видов конечного результата привязывалась соответствующая часть общего фонда оплаты труда обслуживающего звена. Например, для ветеринарного звена обе части были равны 50 %, а для звена электриков оплата труда на 70% зависела от прямого результата, а на 30 % — от косвенного результата всего колхоза.

Так, новые внутривладельческие отношения охватили весь коллектив. В колхозе не осталось ничего ничейного, т.е. не относящегося к какому-либо звену, — ни одного работника, ни одного трактора, плуга или другого имущества и ни одного рубля затрат.

Новая система экономических отношений потребовала изменений и в организационно-управленческих отношениях. Большая хозяйственная самостоятельность звеньев позволила отказаться от промежуточного уровня в управлении — комплексной бригады. Отказались и от такого органа, как правление колхоза, оно было заменено советом звеньевых, а в дальнейшем, когда звенья получили статус внутрихозяйственных кооперативов, советом кооперативов. Звенья создавались небольшие — 5—10 чел. и возглавляли их выбранные несвобожденные звеньевые, что было важно для согласования интересов рядовых и руководителей. В звеньях все важнейшие вопросы решались коллегиально на их общих собраниях [2].

Предпринимались усилия распространить новую систему и на другие предприятия региона. Удачнее эксперимент проходил в колхозах “Алей” Третьяковского района Алтайского края и “Заря” Ле-

Таблица 13.1

Некоторые показатели работы экспериментальных колхозов*

<i>Показатель</i>	<i>1981-1985 гг.</i>	<i>1986-1990 гг.</i>	<i>Рост, %</i>
Валовая продукция сельского хозяйства, <i>тыс. руб.</i>			
“Путь к коммунизму”	3241	4892	151
“Алей”	2471	3830	155
“Заря”	6439	8109	126
Валовой доход, тыс. руб.			
“Путь к коммунизму”	1700	3170	186
“Алей”	1338	2925	219
“Заря”	2339	4969	212
Прибыль, тыс. руб.			
“Путь к коммунизму”	362	1154	318
“Алей”	340	1618	470
“Заря”	810	2486	256
Рентабельность, %			
“Путь к коммунизму”	14	41	294
“Алей”	21	60,5	288
“Заря”	18	46	308
Выработка на одного работника сельского хозяйства, руб.			
“Путь к коммунизму”	8965	11457	128
“Алей”	6770	10310	152
“Заря”	10 564	14 877	141
Годовая оплата труда одного работника сельского хозяйства, руб.			
“Путь к коммунизму”	2628	3420	132
“Алей”	2460	3033	123
“Заря”	2502	3596	144
Фондоотдача, коп./руб.			
“Путь к коммунизму”	59	74	126
“Алей”	47	62	122
“Заря”	54	57	105

* По данным годовых отчетов колхозов.

Таблица 13.2

Отношение к новой системе, % к числу опрошенных

Отношение	В начале внедрения	В момент опроса
<i>Положительное</i>	33	51
<i>Связанное с сомнениями</i>	31	15
<i>Безразличное</i>	17	15
<i>Отрицательное</i>	13	12
<i>Другое</i>	3	4

нинск-Кузнецкого района Кемеровской области [3], где была создана система новых внутрихозяйственных отношений, названная к концу 80-х годов системой внутрихозяйственных кооперативов.

Чтобы судить о результатах действия системы, приведем данные об изменении экономических показателей (табл. 13.1).

Как свидетельствуют данные, в 1986—1990 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием (1981—1986 гг.) на 30—50 % увеличилось производство валовой продукции, примерно в 2 раза возросла рентабельность, улучшилось использование труда и производственных фондов. Возросла (на 23—44 %) средняя оплата труда.

Интересно знать также мнение самих работников об эффективности системы. С этой целью в 1991 г. отдел социальных проблем ИЭиОПП провел во всех трех экспериментальных хозяйствах со сплошной системой внутрихозяйственного кооперирования социологическое обследование. В каждом хозяйстве опрошено по 100 чел., пропорционально представляющих основные отрасли производства. Оно осуществлялось путем анкетирования. В качестве респондентов выступали

Таблица 13.3

Изменения после перехода на новую систему, касающиеся лично респондентов, % к числу опрошенных

Вил изменений	Варианты ответов			
	Улучшилось (увеличилось)	Ухудшилось (уменьшилось)	Осталось без изменения	Затрудняюсь ответить
1. Напряженность, интенсивность работы	45	3	42	4
2. Число обязанностей (приходится делать работы, которые раньше не делали)	44	2	46	3
3. Организация работы (больше ли стало порядка в работе)	56	8	24	5
4. Требовательность к работе со стороны коллектива	64	3	22	5
5. Возможность влиять на дела коллектива	54	2	25	12
6. Возможность использования своего личного опыта в работе	40	1	27	13
7. Другое	1		2	2

Таблица 13.4

Мнение респондентов о личных качествах членов их коллективов, % к числу опрошенных

Виды положительных качеств	Какая часть членов коллектива обладает качеством					
	Практически все	Больше половины	Половина	Незначительная часть	Практически никто	Не ответили
1. Точно соблюдают технологию производства	44	15	9	5	3	24
2. Экономно расходуют материалы, топливо, сырье	50	16	3	5	5	15
3. Чувствуют личную ответственность за дела коллектива, интересуются результатами его работы	56	13	5	10	5	11
4. Бережно, по-хозяйски относятся к имуществу	48	22	10	6	3	1
5. Оказывают помощь, делятся с товарищами по работе	59	13	6	10	5	11
1. Подвергают критике своих товарищей, которые плохо относятся к имуществу	42	14	8	13	6	17
2. Подвергают критике, возмущаются работниками, допускающими брак в работе	46	13	8	13	7	13
3. Проявляют активность в общественной жизни коллектива	25	9	10	17	17	22

только рядовые колхозники — члены внутрихозяйственных кооперативов. После анализа заполненных анкет было выбраковано 39 анкет, а оставшиеся охватывали около 15 % численности рядовых труженников, что говорит о достаточной репрезентативности выборки.

Сначала колхозников спрашивали об их общей оценке системы и в начале ее действия, и в момент опроса, т.е. спустя несколько лет. В целом оценка оказалась положительной (табл. 13.2), причем число положительных оценок за время действия системы возросло.

Важно было также выявить мнение респондентов о том, как изменились в условиях действия новой системы сами работники, узнать, что она принесла лично им (табл. 13.3) и их коллективам — внутрихозяйственным кооперативам (табл. 13.4).

На вопрос “Стали ли лучше работать члены Вашего коллектива?” 67% опрошенных ответили “Да, лучше”, причем 51% сочли, что лучше стали работать все члены коллектива, а 14%, — что больше половины. Выше, по мнению респондентов, и удовлетворенность работой в новых условиях. Так, 42 % ответили, что полностью удовлетворены, столько же (40 %) — скорее довольны, чем недовольны, совершенно недовольных оказалось 2 %, и 10 % опрошенных скорее недовольны, чем довольны.

Об изменениях личных характеристик рядовых работников говорят также ответы на вопросы об их реальном участии в управлении

своими подразделениями. Так, на вопрос “Всегда ли Вы принимаете активное участие в обсуждении и решении вопросов, касающихся Вашего коллектива?” ответили, что всегда принимают участие 51%, довольно часто — 11 % опрошенных и только 7 % из них почти никогда не участвуют.

Интерес представляют данные о реакции работников на явно (с их точки зрения) ошибочное решение, принятое своим коллективом или его руководителем (% к числу опрошенных):

Варианты реакции

1. Промолчу.....	15
2. Скажу об этом, но особо настаивать на исправлении ошибки не буду	27
3. Буду упорно защищать свою точку зрения и попытаюсь доказать свою правоту.....	44
4. Другое	9
5. У нас таких случаев не было	9

Анкетный опрос рядовых работников показал, что главная цель эксперимента в трех хозяйствах — поставить работника в систему таких организационно-экономических и управленческих отношений, чтобы его интересы, личностные качества, а в конечном счете поведение в производстве изменились в лучшую сторону, — в основном достигнута. Новая, основанная на коллективистских началах система внутривозрастных отношений способствовала развитию у работников чувства хозяина на производстве. Они достаточно активно стали участвовать в управлении делами в своем коллективе, при этом, с одной стороны, люди активно помогают друг другу, а с другой — требовательно относятся ко всем членам коллектива, особенно к тем, кто допускает брак в работе. Таким образом, для людей созданы условия для более полного использования своего потенциала, для более производительной работы, бережного отношения к ресурсам и имуществу, что и приводит к росту эффективности производства и росту оплаты труда.

Однако описанная выше система внутривозрастных отношений, несмотря на позитивные результаты, не была идеальной. Основной ее недостаток — ограниченная самостоятельность кооперативов. Чтобы устранить его, предполагалось колхоз “Заря” преобразовать в коопсоюз — добровольное объединение внутривозрастных кооперативов, которым предоставлялась большая самостоятельность с передачей им в аренду основных средств и земли, а также с предоставлением им права открытия своего расчетного счета в организуемом в коопсоюзе финансово-расчетном центре. Аналогичные меры были намечены и в двух других экспериментальных хозяйствах.

В начале 1992 г. в сельском хозяйстве и во всей стране грянули радикальные реформы. Сельскохозяйственные, как и другие предприятия, без всякой подготовки были брошены в стихию неорганизо-

ванного рынка почти при полном отсутствии регулирования со стороны государства их внешних отношений с покупателями, поставщиками, банками. Все это произошло в условиях распада СССР, приведшего к разрыву тесных хозяйственных связей между предприятиями бывших союзных республик.

Результат оказался плачевным: производство в стране упало наполовину, что привело к резкому снижению доходов населения, резко упал и спрос на продукцию сельскохозяйственных предприятий. Монополия же по отношению к ним, с одной стороны, поставщиков — промышленных предприятий, а с другой — заготовительных и перерабатывающих предприятий — привела к диспаритету цен на сельскохозяйственную продукцию и на энергию, сельхозмашины, другие средства производства. Финансовое положение сельхозпредприятий катастрофически ухудшилось, они не смогли осуществлять даже простого воспроизводства. Процесс распада сельскохозяйственного производства и в первую очередь в бывших колхозах и совхозах продолжается. Понятно, что кризис не обошел и экспериментальные хозяйства. Действовавшая в них система внутривозрастных отношений в сложившихся условиях не устояла. Дело в том, что в применяемой системе внутривозрастных отношений стимулирование эффективного труда осуществлялось в основном через заработную плату: лучше работают люди — больше заработной платы получают. Теперь этот путь оказался, по сути, закрытым, поскольку доля заработной платы и других денежных выплат из общественного хозяйства в совокупных доходах их семей резко снизилась — с 65—70 % до 30—35 % (и соответственно увеличилась доля доходов от личного подсобного хозяйства). Причем снизилась не только доля, но и реальный уровень заработной платы, да и ту выдают с большими задержками.

Сказались и резкие (в связи с инфляцией) скачки в ценах на горячее, запчасти и другие материалы, а также на сельхозпродукцию, что не позволяет обоснованно рассчитывать внутривозрастные цены.

Но все же система в хозяйствах продолжала действовать, позволяя им как-то держаться “на плаву”. Больше всего это относится к колхозам “Заря” и “Алей”.

Но и в новых, коренным образом изменившихся в аграрном секторе условиях поиска более эффективных форм хозяйствования не прекращались. Опишем две попытки такого рода. Первая касается садоводческого предприятия “Ягодное” в Новосибирском сельском районе Новосибирской области. В хозяйстве, где под ягодники и плодовые деревья отведено 300 га было развито не только садоводство, но и животноводство, насчитывавшее 400 коров. Но животноводство как отрасль оказалось глубоко убыточным и подорвало финансовое положение хозяйства в целом. Предприятие оказалось перед прямой угрозой распада. Чтобы спасти садоводческое производство, в 1997 г. было решено выделить его в отдельное предприятие с оформлением в сельско-

хозяйственную артель “Сады Сибири”. Артель оказалась небольшой — всего около 40 работников. В ней организовано две бригады с коллективной оплатой труда, в результате чего управляемость производства значительно улучшилась, в работе стало больше порядка. Все это благотворно сказалось на урожайности ягодных культур. Неплохой же спрос на них обеспечивает предприятию устойчивую рентабельность.

Оставшаяся часть АОЗТ “Ягодное”, где основными отраслями стали животноводство, представленное фермой со 150 коровами, и кормопроизводство (с 1500 га пашни), организационно оформилась в комплексную бригаду, работающую на принципах самокупаемости. При этом резко сократилась численность работников. В целях жесткой экономии провели выбраковку малопродуктивных коров, весь скот разместили в одном помещении, законсервировав на время другое. Была организована переработка молока путем его сепарации в сливки, выработка из обрат творога, продажа молока и молочных продуктов в Новосибирске прямо со своего молоковоза.

Изменились и функции этого подразделения: оно стало по договорам обслуживать население поселка, где размещено предприятие: продавать на комиссионных началах молоко из личных подсобных хозяйств, снабжать последние кормами по ценам, которые покрывали бы затраты бригады на их производство. Бригада получает комиссионные в размере 25 % стоимости реализованного молока. Кроме того, большинство сдатчиков молока согласились деньги за него обращать в счет заявленных им кормов, т.е. по сути предоставляют бригаде ссуду в виде наличных денег.

Как видно, в “Ягодном” идет поиск новых форм организации не только в области внутрихозяйственных отношений, но и путей его интеграции с личными подсобными хозяйствами населения.

Описанная организация дел в АОЗТ сохранилась в принципе и в 1998 г. Но поголовье коров пришлось еще больше сократить. Кроме того, комплексная бригада распалась, из нее на самостоятельные “хлеба” выделена бригада по производству кормов.

Вторая попытка предпринята в тепличном комбинате “Суховской” (г. Кемерово). Это устойчивое в экономическом отношении предприятие, чему способствовали наличие собственной котельной на газе, обеспечивающей не слишком дорогим теплом, своевременная ориентация руководства на изменившиеся условия сбыта и создание своей сети розничных магазинов. Уровень зарплаты достаточно высокий (в среднем более 1 млн руб. в месяц) с регулярной ее выплатой. Однако за последние два года рентабельность предприятия стала снижаться и достигла критического уровня. На комбинате пришли к выводу, что нужно менять внутрихозяйственные отношения с тем, чтобы заинтересовать работников трудиться более эффективно. С этой целью все структурные подразделения предприятия решено переведены на максимальную экономическую самостоятельность с соответствующей

экономической ответственностью за конечные результаты своей деятельности, т.е. внедрить систему, аналогичную действовавшей в рассмотренных выше экспериментальных хозяйствах. Всего было создано 25 полностью хозрасчетных подразделений, включая 4 тепличных блока, 7 розничных магазинов, котельную, электроцех.

Так как в рыночных условиях производство осуществляется ради реализации продукции и получения прибыли, то предметом стимулирования подразделений стала экономия затрат и повышение качества продукции. Главное внимание при этом было обращено на обеспечение экономии энергоресурсов (тепла, электроэнергии, воды), ибо в общих затратах они составляют около 50 %. В связи с этим пришлось принять меры к оснащению потребителей энергии расходными счетчиками.

Предполагается, что действие новой системы внутрихозяйственных отношений позволит уменьшить валовые затраты комбината не менее чем на 5 %, что в абсолютном выражении составит около 1,5 млрд руб. (неденоминированных).

Приведенные примеры свидетельствуют, что в условиях рынка система внутрихозяйственных отношений должна стимулировать коллективы подразделений экономить ресурсы, улучшать качество продукции. А с подъемом экономики востребованность новых форм организации труда в аграрном секторе еще более возрастет.

ГЛАВА 14 *Трансформация трудовых отношений в процессе приватизации промышленных предприятий**

Глава написана на материалах детального исследования ситуации на семи крупных сибирских предприятиях различных отраслей народного хозяйства (табл. 14.1). На каждом из них в 1992—1994 гг. было проведено по 3—4 цикла глубоких интервью с 20—40 представителями различных групп работников, а также административных, профсоюзных и общественных структур предприятия. Анализировались также некоторые отчетные данные, документы предприятия и публикации заводских газет. В 1995 г. был проведен дополнительный сбор информации. Конечно, эти данные не позволяют нам претендовать на всеобъемлющее описание ситуации в сибирской промыш-

* Исследование проводилось как часть международного проекта “Labour Relations in Transition: Restructuring and Privatisation” при финансовой поддержке фонда ESRC (Великобритания). Проект охватывал предприятия Болгарии, Венгрии, Польши, Словакии и России (Сибирский регион). В составе российской исследовательской группы под руководством автора работали сотрудники ИЭиОПП Н.М. Бархатова и Л.С. Трус, работники промышленных предприятий Е.Л. Горбунова и М.А. Демешко, студенты НГУ М. Кошман, Е. Калакутина и Т. Галимова [1].

Таблица 14.1

Характеристика обследованных предприятий

Пред- приятие	Отраслевая принадлежность	Число работников		Особенности приватизации
		На начало 1992 г.	На конец 1993 г.	
<i>П1</i>	<i>Машиностроение</i>	<i>3200</i>	<i>2600</i>	<i>Акционирование после аренды</i>
<i>П2</i>	<i>Легкая промышленность</i>	<i>800</i>	<i>780</i>	<i>Ранее преобразовано в АО закрытого типа</i>
<i>П3</i>	<i>Металлургия</i>	<i>8500</i>	<i>6200</i>	<i>Инициативное акционирование (I вариант льгот)</i>
<i>П4</i>	<i>Машиностроение</i>	<i>850</i>	<i>1000</i>	<i>Ранее преобразовано в АО открытого типа</i>
<i>П5</i>	<i>Металлургия</i>	<i>11600</i>	<i>13 000</i>	<i>Акционирование по указу (II вариант льгот)</i>
<i>П6</i>	<i>Авиатранспорт</i>	<i>2500</i>	<i>2000</i>	<i>Ограниченное акционирование (отложено)</i>
<i>П7</i>	<i>Машиностроение</i>	<i>2300</i>	<i>1600</i>	<i>Акционирование по указу (I вариант льгот)</i>

ленности, поскольку она существенно различается не только в разных сибирских регионах, но и в городах разного типа. Тем не менее наиболее значимые тенденции в изменении трудовых отношений проявились и на тех предприятиях, которые мы исследовали.

Основные понятия

В западноевропейской и американской научной литературе термины “*трудовые отношения*” и “*индустриальные отношения*” используются практически как синонимы. Это не означает, что вне промышленного производства и индустриальных обществ исследователи не видят трудовых отношений. Смысл такого отождествления в том, что и те и другие традиционно рассматриваются, во-первых, как связанные с работающими людьми в их рабочей жизни, а во-вторых, как один из самых важных каналов институционализации общества — формирования в его экономической подсистеме нескольких мощных и постоянно действующих структур, которые упорядочивают систему отношений в сфере труда и оказывают заметное влияние на формирование других социальных институтов.

Названные термины охватывают сложную структуру отношений — от индивидуальных взаимоотношений работников с нанимателями до институционализированных отношений групп и объединений работников с национальными и интернациональными органами. Как отмечает Ханс Морель, “...центр трудовых отношений формируется зависимой рабочей силой; основное содержание этих отношений составляют занятость, условия и оплата труда” [2]. Г. Грин дает более развернутое содержание предмета трудовых отношений [3], включая некоторые *институты* (профсоюзы и их федерации, ассоциации ра-

ботодателей, органы государственной власти) и действующих от их имени лиц, *процедуры* (переговоры, забастовки, жалобы, изменение правил, судебные слушания, предотвращение массовых действий и пр.) и собственно *предметы* — оплату, рабочее время, условия и содержание работы, установление и расторжение отношений найма, льготы, дискриминацию, дисциплину, политику в развитии бизнеса, членство в профсоюзе, профсоюзные обязанности и деятельность, проведение забастовок и локаутов, а также множество других вопросов типа личной безопасности, участия работников в управлении, в проведении технологических изменений и т.д.

Важную роль в концепции трудовых отношений играет понятие власти как взаимной зависимости работодателя и работника друг от друга. Но в большинстве концепций подчеркивается, что властные позиции двух субъектов трудовых отношений асимметричны (неравны), ибо зависимость работника, выражающаяся через оплату его труда, больше, чем зависимость работодателя от продуктивности труда работника. Такая ситуация чревата конфликтами и борьбой между сторонами, исход которых зависит от соотношения властных позиций сторон.

За более чем столетнюю историю изучения трудовых отношений было развито несколько исследовательских подходов [4]. Наиболее близким для нас оказался *системный плюралистический подход*, согласно которому организация — это совокупность отдельных гомогенных групп работников, со сложной структурой, соревнованием и конфликтом интересов. Основной конфликт — между менеджментом и работниками. Этот конфликт может проявляться в различных формах и по поводу достаточно широкого спектра предметов, но в сути своей он неизбежен, а потому рационален. Для его разрешения нужны постояннодействующие процедуры установления согласия сторон, отсюда — важность законов, внутриорганизационных правил и предписаний и позитивная роль профсоюзов или других форм объединения работников.

В нашем понимании трудовые отношения суть отношения между группами работников предприятия (организации), различающиеся специфическими интересами в сфере труда, в той или иной степени осознающими эти интересы как особые (отличные от интересов других групп) и осуществляющими некоторые организационные действия для защиты и проведения в жизнь своих интересов. В соответствии с этим при исследовании трудовых отношений должны рассматриваться:

- номенклатура социальных групп работников, проявляющих себя в качестве субъектов трудовых отношений;
- специфические интересы, которыми отличается каждая из групп и в столкновении которых проявляются актуальные предметы трудовых отношений;
- способы артикуляции интересов (т.е. их формулирования, прояснения для членов этой группы и заявления вслух) и органы, которые для этого группами создаются или используются; существующие

и вновь создаваемые механизмы реализации интересов в общей системе взаимодействия групп и представляющих их органов, конфликты и блокировка интересов, процедуры, регламентирующие указанные взаимодействия.

Судя по известным нам источникам, в современный период большинство западноевропейских и американских исследователей трудовых отношений пользуются очень упрощенной схемой и выделяют на национальном и отраслевом уровнях три группы субъектов (государство, ассоциации работодателей, наемных работников с представляющими их интересы профсоюзами и их федерациями), а на уровне отдельного предприятия — две, чьи интересы принципиально конфликтны. Одну сторону конфликта интересов представляют собственник и нанятая им администрация. И хотя на крупных предприятиях администрация имеет, конечно, многоуровневую структуру, но в системе трудовых отношений она выступает как один субъект. Вторая же сторона — это все остальные работники данного предприятия. В классических подходах они рассматриваются как единая общность, внутригрупповые различия интересов в которой не очень существенны и не могут оказать заметного влияния на общее состояние трудовых отношений.

Одной из центральных гипотез нашего исследования было предположение, что структура субъектов трудовых отношений в российских промышленных организациях гораздо более сложная, особенно в условиях столь радикальных перемен, которые охватили все постсоветское общество. Даже в советские времена, когда миф “социалистической” собственности заслонял собою факт господства собственности ведомственной (т.е. практически полной бесконтрольности министерств, главков, производственных объединений в распоряжении находившимися в их ведении производительными силами и произведенным ими продуктом), внутри предприятий наблюдалось несколько центров конфликта интересов в сфере труда. Во-первых, согласно господствовавшей в течение десятилетий трудовой теории стоимости, управленческий труд не считался созидающим и учитывался как накладные (добавочные) расходы к труду рабочих, а по тому и технических специалистов. Отсюда постоянное стремление к снижению управленческих расходов и периодические кампании по сокращению административно-управленческого персонала. Если добавить принципиальные различия в содержании и условиях труда рабочих и управленцев, а также многоступенчатую иерархию, из-за которой то, чем занимались работники заводской конторы, было полностью сокрыто от глаз производственных рабочих, понятно, что еще до всякой перестройки традиционными конфликтующими сторонами в сфере трудовых отношений на предприятиях (осознающими свои интересы в сфере труда как особые) выступали:

(1) рабочие против руководителей всех уровней, специалистов и конторских работников. Данный конфликт интересов имел продолже-

ние и внутри цехов (и был тем вырожденнее, чем крупнее цех) в дихотомии: рабочие против администрации и специалистов цеха;

(2) работники производственных подразделений (включая специалистов и руководителей этих подразделений) против работников заводоуправления.

Во-вторых, каждое крупное предприятие имело не только основное производство, соответствующее его профилю, но и полный комплекс вспомогательных и обслуживающих производств: энергетическое, инструментальное, производство нестандартного оборудования, ремонтно-механическое, транспортное и др. В условиях, когда экономические отношения между предприятиями были развиты слабо, экономические санкции практически не работали, а цена производства не шла ни в какое сравнение с ценой выполнения плана в номенклатуре, руководство предприятия могло быть уверено, что основное производство будет обеспечено необходимым инструментом, оборудованием, транспортом, теплом и энергией только тогда, когда соответствующие службы будут в его административном подчинении. Но при этом указанные производства оставались вспомогательными и во многих отношениях (ресурсы, заработная плата, дефицитные блага и др.) проигрывали основным. В результате почти на каждом крупном предприятии наблюдался еще один устойчивый конфликт интересов:

(3) все работники основного производства против всех работников вспомогательных и обслуживающих подразделений. Это противостояние редуцировалось и внутрь производственных цехов, где в конфликте находились основные и вспомогательные рабочие.

Обычно менее значимым, но все же заметным был еще один конфликт интересов: *между пожилыми работниками с большим стажем работы на предприятии, с одной стороны, и молодежью и новичками — с другой*: первые имели и работу получше, и зарплаты выше, и больший доступ к различным благам, распределяемым через социальную сферу предприятия.

Конфликтность этих отношений в прежние времена скрадывала общее противостояние всей совокупности работников предприятия вышестоящему ведомству, которое законно и незаконно изымало у предприятия заработанную им прибыль, т.е., выражаясь языком марксистской политэкономии, выступало по отношению к предприятию в роли эксплуататора.

Факторы экономической ситуации

В новых экономических и политических условиях система интересов, а потому и структура субъектов трудовых отношений заметно меняются. Но прежде чем рассмотреть направление и содержание этих изменений, остановимся на внутриорганизационных факторах,

которые оказали определяющее влияние на динамику трудовых отношений. К ним относятся: экономическая стратегия, выбранная на предприятии, особенности его приватизации, изменения в организационно-технологической структуре и в системе управления предприятием.

Экономическая стратегия предприятий. На протяжении всего нашего исследования общеэкономическая ситуация в России продолжала ухудшаться. По официальным данным, по отношению к 1990 г. уровень промышленного производства в сопоставимых ценах составил в 1991 г. 89,4 %, в 1992 г. - 68,7, в 1993 г. - 58,5, 1994 г. - 47,6, в 1995 г. — 44,6 % [5]. Однако примеры обследуемых предприятий показывают, что данные официальной статистики не отражают реальную ситуацию. Публикуемые цифры учитывают общий объем доходов предприятий, куда входит, в частности, и резко возросшая в последние 3—4 года прибыль от бартерных (особенно экспортно-импортных), торговых, посреднических и финансовых операций. Что же касается собственно производства, то на большинстве предприятий оно сократилось значительно больше. Так, на металлургическом объединении ПЗ с декабря 1992 г. производство (в тоннаже проката) держалось на уровне 32—35 % от среднемесячного выпуска 1991 г., а к концу 1993 г. оно сократилось еще примерно в 1,5 раза. Почти в 10 раз по сравнению с 1990 г. упало производство на машиностроительном предприятии П7. В аэропорту П6 только за первое полугодие 1993 г. пассажирооборот и перевозка грузов сократились вдвое, а число самолетовылетов — на треть. Тенденция снижения этих показателей продолжалась вплоть до 1997 г.

Практически на всех наблюдаемых перерабатывающих предприятиях 1992 и 1993 гг. были кризисными: росла взаимная задолженность предприятий, падало производство (особенно с лета 1992 г.), предприятия перешли на работу только по предоплате. И хотя большинство исследуемых предприятий (кроме П4) были монополистами в России или регионе по производству основной продукции, столь резкое ухудшение экономической ситуации заставило их, ориентируясь на реальность, принимать более энергичные меры по выходу из кризиса: менять состав потребителей, искать новых клиентов, платежеспособных заказчиков, осуществлять прогрессирующую диверсификацию продукции, развивать непрофильные виды деятельности, искать пути выхода на зарубежные рынки и др.

Следует также отметить, что в первой половине 90-х годов многие предприятия растеряли накопленный за советское время опыт организации и рационализации труда и производства. В условиях, когда экономическое положение предприятий зависело не от эффективности производства, а от хаотических решений правительства и игры на скачущих ценах, заниматься экономией труда или материалов было бессмысленно.

Приватизация предприятий. Государственная программа приватизации, датированная 11 июня 1992 г., объявила в числе главных целей приватизации в 1992 г. и такие социальные задачи, как формирование слоя частных собственников, содействующих созданию социально ориентированной рыночной экономики; повышение эффективности деятельности предприятий; социальная защита населения и развитие объектов социальной инфраструктуры за счет средств, поступивших от приватизации. Главными объектами приватизации должны были стать предприятия легкой и пищевой промышленности, строительства и строительных материалов, производственно-технического обслуживания сельского хозяйства, автотранспорта, торговли, общественного питания и бытового обслуживания.

Однако уже через три недели (1 июля 1992 г.) вышел указ Президента Российской Федерации “Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества”, объявивший форсированное преобразование предприятий большинства отраслей промышленности в акционерные общества открытого типа, а также Положение о коммерциализации государственных предприятий с одновременным преобразованием в акционерные общества открытого типа. Указ заставил заниматься акционированием и то огромное множество предприятий, которые либо принципиально не собирались менять форму собственности, либо совершенно не были к этому готовы.

Из обследованных нами предприятий раньше всего процесс приватизации начался на П4: оно официально стало акционерным обществом открытого типа еще с мая 1991 г. Этому предшествовала аренда, затем последовал выкуп имущества завода у государства и частично платное, частично бесплатное распределение акций в коллективе. Чуть меньше опыта было у предприятия легкой промышленности П2, которое с начала 1991 г. было арендным, а с апреля 1992 г.— АО закрытого типа. Интересно, что еще во втором полугодии 1991 г. здесь была создана параллельная акционерная структура: семь руководителей и главных специалистов учредили внутри государственного предприятия независимое акционерное общество и в день утверждения приняли в его состав еще 35 человек — начальников цехов, специалистов и нескольких рабочих.

К наиболее продвинутой в части изменений отношений собственности группе следует отнести и предприятие П1, Оно еще с 1 августа 1990 г. перешло на аренду, постепенно наращивало свой собственный капитал, выкупая частями арендуемое имущество и предполагая выкупить его полностью к 1995—1996 гг. В середине же 1992 г. из-за так называемой либерализации цен предприятие испытывало острую нехватку оборотных средств и не имело свободных денег на выкуп оставшегося имущества. Однако, опасаясь, что государство может еще более ужесточить условия приватизации и лишить предприятия объяв-

ленных законом льгот, администрация при поддержке коллектива приняла решение о быстром (в течение 2—3 месяцев) выкупе оставшихся арендуемых мощностей и с февраля 1993 г. П1 стало акционерным обществом открытого типа.

Надо отметить, что и государство оказалось совершенно не подготовленным к объявленной им ускоренной массовой приватизации. Не было ни сколько-нибудь развитой приватизационной инфраструктуры, ни поставленной системы образования. Постоянно менялись и правила игры — в течение менее чем одного года (с декабря 1991 г. по июль 1992 г.) вышло около 10 законодательных документов по приватизации, каждый из которых содержал существенные изменения каких-то основополагающих моментов приватизационной политики.

В результате администрация предприятия ПЗ, например, начав активную подготовку к акционированию по собственной инициативе еще осенью 1991 г., завершила этот процесс только в апреле 1993 г. За это время экономической службе завода пришлось более 10 раз перерабатывать подготовленные документы, а директорату по 3—4 раза идти в цеха и переубеждать работников, чтобы получить их согласие действовать во вновь изменившихся условиях. Не удивительно, что процесс приватизации предприятий в этих условиях сильно затягивался: на 1 января 1993 г. в промышленности России было приватизировано менее 6 % предприятий.

Процессы приватизации не могли сказаться на трудовых отношениях в коллективах.

Прежде всего, основная масса работников предприятий из-за постоянных изменений принципов и процедур приватизации не могла понять ее сути и относилась к ней как к очередному обману:

“...Приватизация — это мероприятие обмана и грабежа, делает из людей рабов. Только верхушка с этого имеет. Мы же чувствуем себя рабами. А будем выступать — моментом сократят.”

В условиях ухудшения общей экономической ситуации и высоких темпов приватизации (вследствие большевистского желания провести ее в стиле одномоментной кампании) у людей выросла неуверенность в завтрашнем дне и недоверие к любым официальным структурам, их решениям и действиям. А поскольку для массового работника предприятия администрация была и остается представителем власти, это недовольство и недоверие на всех наблюдаемых предприятиях обращалось на высшую администрацию и прежде всего на наиболее инициативных ее представителей. Отсюда — общее усиление антагонизма между рядовыми работниками и администрацией.

Приватизация замедлила технический прогресс на предприятиях. Ухудшились условия труда, ибо на их совершенствование у многих предприятий не было и все еще нет денег. Хуже того, сами ра-

ботинки стали воспринимать плохие условия труда как благо, поскольку они обеспечивают им более высокий заработок.

В наибольшем выигрыше от приватизации оказались директора предприятий: они получили не только реальную экономическую свободу, но и (пройдя на первом собрании акционеров очень трудную для некоторых из них процедуру перевыборов) законные основания для упрочения своего властного положения.

На ряде предприятий проводились кампании по принуждению работников инвестировать прибыль. А поскольку уровень заработной платы тогда был невысоким и большинству работников ее едва хватало на жизнь, получить их согласие на инвестирование прибыли и капитализацию дивидендов было трудно. Поэтому администрация стремилась максимально отстранить работников-акционеров от управления. Не случайно, хотя после первичной стадии акционирования на большинстве предприятий основная масса акций оказалась у рабочих, в составе выборных органов акционерных обществ их представителей почти нет.

Структурные изменения. Напряженность современной экономической ситуации в России, а также стратегия диверсификации производства и завоевания новых сегментов рынка объективно заставляют предприятия идти по пути децентрализации и предоставления подразделениям такой степени производственно-хозяйственной самостоятельности, чтобы те смогли более маневренно решать всю совокупность задач бизнеса.

Это очень хорошо поняли высшие руководители машиностроительных предприятий П4 и П1, решившие перейти на холдинговую структуру. Так, предприятие П4 еще в 1993 г. было преобразовано в совокупность фирм с различной степенью самостоятельности, связанных с акционерным обществом в целом и между собою хозяйственными договорами. На предприятии П1 этот процесс шел постепенно: в первую очередь статус самостоятельных предприятий получили производства, не связанные с профильной продукцией, а также вспомогательные и обслуживающие подразделения.

Гораздо сложнее оказалась ситуация на П3. Высшая администрация здесь была настроена на сохранение строгой целостности предприятия, но под давлением экономических обстоятельств и растущих требований руководителей основных и вспомогательных подразделений вынуждена была предоставить некоторым цехам статус заводов. А вот администрации предприятий П5 и П7 так и не решились на проведение сколько-нибудь серьезных структурных преобразований, хотя на их подготовку и было затрачено немало усилий.

Постоянно подчеркивая упрочение положения высшей администрации предприятий в результате происходящих в России преобразований, некоторые западные исследователи отмечают, что в положении *руководителей среднего звена* пока очень мало что меняется [6]. Мате-

риалы же нашего исследования показывают обратное: с точки зрения изменений в системе трудовых отношений на предприятиях именно это звено — наиболее перспективная социальная группа поскольку:

— постоянно нарастает стремление руководителей среднего звена к самостоятельному хозяйствованию и превращению их подразделений в независимые предприятия. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, когда со второй половины 1991 г. резко ухудшилось финансово-экономическое положение большинства машиностроительных и перерабатывающих предприятий, их высшее руководство вынуждено было поставить перед начальниками цехов задачу самим добывать средства для своих подразделений и всего предприятия на стороне, предоставив им для этого определенную самостоятельность. Многие руководители подразделений сумели справиться с этой ситуацией и, установив прямые связи с заказчиками и перестроив работу подразделений, не допустили простоя своих цехов. Во-вторых, некоторые из них еще в 1989—1991 гг. создали разного типа кооперативы и малые предприятия, причем как внутри своих подразделений, так и за их пределами. В-третьих, сравнивая работу заводских специалистов из отдела продаж и их квалификацию со своими способностями, они убеждаются, что могут действовать на рынке значительно эффективнее. И наконец, настоящему специалисту скучно работать просто линейным руководителем, особенно в сравнении со своими западными коллегами, которых он теперь видит значительно чаще и в России, и за рубежом;

— руководители подразделений обычно заметно моложе и честолюбивее, чем руководители высшего звена;

— они научились выгодно использовать свое положение в иерархии заводского управления: в глазах рабочих они предстают вынужденными исполнителями приказаний высшей администрации, а перед заводоуправлением “kozyряют” мнением своих коллективов. Постоянно демонстрируя работникам своих подразделений, что они на предприятии являются почти такими же бесправными наемными работниками, как и сами рабочие, руководители подразделений добиваются большего доверия у своих подчиненных, чем высшие “начальники”;

— подавляющее большинство руководителей среднего звена имеют высшее техническое образование по профилю своей работы (обычно технологическое) и в силу своего положения “мидл-менеджмента” они достаточно хорошо информированы по многим вопросам разносторонней деятельности предприятия;

— в понимании вопросов приватизации и акционирования предприятий они на порядок превосходят своих подчиненных, поскольку занимались этим в своих подразделениях лично. У них были реальные планы использовать механизмы и выборные органы управления акционерной компании, чтобы завоевать более высокий статус в управленческой иерархии для себя лично и более благоприятные условия для своих подразделений.

Наши наблюдения показывают также, что в последние годы руководители среднего звена начали осознавать себя как некую единую социальную группу и предпринимать определенные организационные действия для консолидации и повышения своей роли в управлении предприятием. На предприятиях стали создаваться советы начальников цехов, клубы руководителей, бизнес-клубы, где основной тон задают именно руководители цехов и служб.

Современное положение основных субъектов трудовых отношений

С распадом административно-командной системы и преобразованием предприятий в самостоятельно хозяйствующие акционерные общества прежняя государственная эксплуатация в значительной мере ослабла (хотя и не исчезла совсем), что сразу же изменило содержание всех прежних оппозиций внутри предприятий. Основным теперь стало противостояние высшего эшелона заводского руководства всем остальным работникам, которое проявляется в двух главных оппозициях: высший эшелон — среднее звено и рабочие — руководители всех уровней.

Высшая администрация получила почти ничем не ограниченную власть на предприятии, поскольку ни отраслевых органов, ни территориальных партийных комитетов, да и парткомов предприятий, больше нет. Не всем высшим руководителям по душе проводимые структурные преобразования, поскольку при этом меняются привычные соотношения позиций. Так, снижается статус главного инженера, который ранее был вторым лицом на предприятии, и повышается статус коммерческого директора или директора по экономике. Усилившееся противостояние с “низами” их беспокоит мало. Какой-либо альтернативной для себя силы на предприятии они не видят, не опасаются и не нуждаются в ней. Единственно, кого они немного опасаются, это представителей каких-то внешних сил, которые могут вмешаться в сложившуюся систему отношений в сфере управления предприятием через механизмы акционерного общества, купив достаточное количество акций. Поэтому столь пристальное внимание они обращают на меры по удержанию контрольного пакета “в руках коллектива” и на организацию системы трастового управления, понимая, что внутри-то предприятия или траста они власть из своих рук не выпустят.

Как и раньше, высшие руководители выступают основными инициаторами всех изменений на предприятии. Но к этим изменениям готовы далеко не все: среди директората еще достаточно много пожилых людей, которым чаще всего чужды новые условия и требования, предъявляемые столь резко изменившейся экономикой. Для большинства из них многое из происходящего в стране неприемлемо. Соот-

ветственно, они чувствуют себя в новых условиях не очень уверенно и опасаются (хотя не всегда в явной форме) за свое будущее.

Но главное изменение произошло как бы за их спиной, хотя и не без их участия. В складывающейся системе трудовых отношений они заняли позицию распорядителя капитала, эксплуатирующего наемную рабочую силу, т.е. эксплуататора. То, что этот капитал акционерный, принципиально ничего не меняет. Скорее, наоборот, особо пикантным обстоятельством является то, что на многих предприятиях высшие руководители, не владея таким количеством акций, какое принято считать контрольным пакетом, обладают тем не менее практически всей полнотой власти в акционерном обществе, поскольку почти все остальные (рядовые) работники на купленные ими акции “своего” предприятия смотрят как на своеобразные сберегательные книжки или даже как на “свидетельства о лояльности”, имея о своих правах как акционеров (как и о правах вообще) весьма смутное представление.

Вместе с тем люди, составляющие нынешний высший эшелон, не осознают себя эксплуататорами. И потому для них невозможны стратегии, которые счел бы вполне естественными “сознательный” капиталист. Очевидно, что со временем они “образумятся” или будут вынуждены освободить место более прагматичным собственникам. Но пока они считают излишним предоставлять своим акционерам даже годовые отчеты.

Что касается *руководителей среднего звена*, то сегодня каждый из них стоит перед жестким выбором: либо пробиться в высшую лигу полноправных распорядителей акционерного капитала, либо стать просто менеджером, проводником воли дирекции в подразделении, на переднем крае ее перманентной конфронтации с рабочими. Большинство этих руководителей выбрали первый вариант, что обрекло их на тактическую оппозицию той самой высшей лиге, в которую они хотят пробиться. Конечно, для успешного продвижения в руководство акционерного предприятия одного владения небольшим количеством акций, какие есть у начальника даже крупного цеха или производства, недостаточно. Но занимаемое им место в ранее сложившейся системе распорядительных отношений, его коммерческий опыт, формальные и неформальные связи на предприятии и вне его, солидарность с другими руководителями, наконец, влияние на рабочих дают ему неплохие шансы. И наши исследования показывают, что в этой своей позиционной борьбе руководители подразделений набирают все больше очков.

Положение *рабочих* на современных промышленных предприятиях изменилось радикально: снизился их уровень жизни, они проиграли в заработной плате и возможностях получения дополнительных доходов по сравнению с высшим звеном управления и некоторыми службами; ухудшилось удовлетворение социальных нужд; резко снизил-

ся интерес к работе. Под давлением явно недостаточного для привычной жизни заработка резко снизились их требования к условиям труда. Они опасаются (а на некоторых предприятиях находятся буквально под прессом) сокращения производства и увольнения.

Приватизацию и акционирование рабочие восприняли как “дело начальников”, и никаких претензий на то, чтобы стать собственниками и тем хотя бы частично восстановить свое пошатнувшееся положение на предприятии, не предъявляют. Подобное отношение к акционированию вполне объяснимо: опыта у них нет, а администрация не считает необходимым тратить силы и время на объяснение рабочим условий акционирования. Отсюда и огромные различия в пакетах акций, которые купили по закрытой подписке хорошо информированные члены администрации и ничего не понимающие рабочие. И никакой особой реакции у работников это не вызвало: “...Ну и что, просто в очередной раз обманули, не в первый и явно не в последний”.

Отношение администрации к рабочим стало более жестким (“Не нравится — уходи!”). Например, администрация на ПЗ получила в отношениях с работниками новое, очень сильное и никаким законом не регламентируемое средство воздействия — “выведение в резерв”. Официально это оформлялось как “просьба” работника об административном отпуске с частичной оплатой, что совершенно выводит всю ситуацию из сферы, регламентируемой КЗОТом. Если бы “резервируемый” работник вздумал отказаться от такого “отпуска”, то обе стороны оказались бы вне “правового пространства”, а точнее, в ситуации “права силы”, которая принадлежит, естественно, не рабочему.

Но главное, что в условиях продолжающегося спада производства и снижения его значения для экономики предприятия (по сравнению со сбытом и коммерцией) рабочие потеряли свой статус “гегемона” — ключевой группы в социальной структуре предприятия. Сплоченность и единство рабочих на многих предприятиях снизились, и сегодня они поставлены перед очевидным фактом обретения статуса наемных работников. Адекватное осознание этого факта (при всей своей болезненности) обеспечит им адекватные средства борьбы за достойную жизнь. Но такое осознание надо выстрадать и выработать, а до той поры положение рабочих будет, скорее всего, только ухудшаться.

Прочие субъекты трудовых отношений

В силовом поле описанных основных противостояний происходят изменения и в положении остальных социально-профессиональных групп. Заметно и неоднозначно изменился статус *работников служб заводоуправления*.

Особенно ущемленными считают себя специалисты инженерных подразделений. В современных условиях нестабильного производства их высокая квалификация не востребована и не оценивается по достоинству, поэтому они часто сидят без дела, что оказывает на них угнетающее психологическое воздействие, поскольку преобладающий тип мотивации у них — профессиональный. В осуществляемых структурных реорганизациях эти подразделения уступают по своей значимости не только прямому производству, но и экономическим и коммерческим службам (чего никогда не было раньше). Из-за своей высокой, но достаточно специализированной квалификации инженерам часто трудно найти работу на стороне и тем самым обеспечить себе дополнительный заработок или просто занятие, работу, возможность реализации своих знаний и умений.

В противовес этому заметно вырос статус ряда экономических и особенно коммерческих служб, которые расширяются. Если раньше их работники обычно проигрывали в заработной плате инженерным и производственным подразделениям, то теперь чаще превосходят их. Не случайно, в интервью с руководителем фирмы “Экономика и контроллинг” предприятия П4 прозвучала мысль об изменении самооценки административно-управленческих работников:

“...Большинство из нас стали приходить на завод не только для того, чтобы работать, но и зарабатывать. И мы уже не стесняемся этого — ни самой этой установки, ни высоких зарплаток. Руководители и специалисты перестали чувствовать себя принижено, оглядываться на “его величество рабочий класс”: “Они, мол, у станков стоят, работают, а мы — так, контора, обслуга”.

Работники практически всех служб заводоуправления (за исключением коммерческих) рассматривают структурные преобразования на предприятии чаще всего негативно, видя в них опасность дальнейшего ухудшения своего положения. В своем отношении к приватизации предприятий, акциям и участию в управлении они еще более ортодоксальны, чем рабочие, и совершенно не претендуют на статус реальных собственников, совладельцев предприятия.

Одна из самых слабых групп влияния на предприятии — *работники цеховых управленческих структур*, которые за редким исключением находятся в сильной зависимости от руководителей подразделений и консолидированы с ними. Отношение рабочих к ним чаще негативное и иногда даже более отрицательное, чем к работникам заводоуправления, поскольку влияние, информированность и квалификация последних обычно существенно выше. Активность или пассивность работников этой группы полностью определяется позицией цехового руководства, степенью финансово-экономической самостоятельности подразделений и развитостью хозрасчетных отношений как на уровне всего предприятия, так и внутри подразделений.

В изменившихся социально-экономических условиях новые основания приобрел традиционный конфликт интересов между пожилыми работниками с большим стажем работы на предприятии и молодежью. Достаточно благополучная в прошлом социальная группа *пожилых работников* попала в число наиболее неблагоприятных. Им труднее всего адаптироваться к новым условиям, требованиям и нормам работы и жизни. Почти все, что они раньше ценили и чем гордились, сегодня приобрело другое значение. Они — первые кандидаты на увольнение в связи с сокращением производства и структурными изменениями на предприятии. Им чужды как понятия частной собственности, так и принципы самостоятельного хозяйствования и хозрасчетных отношений. Именно эта группа в первую очередь оказалась беззащитной перед администрацией, когда на предприятии были ликвидированы парткомы, а традиционные профсоюзы находятся в кризисе. По этим причинам большинство пожилых оказались в угнетенном психологическом состоянии, боясь за свое будущее и со страхом воспринимая не только приватизацию, но и вообще любые изменения на предприятии. Самостоятельным субъектом трудовых отношений эта группа не является и вряд ли станет в будущем, но ее сопротивление рыночным нововведениям заметно тормозит адаптацию некоторых предприятий (П2, П5, П7) к новым экономическим условиям.

Изменения в положении *молодежи* неоднозначны. Новички на предприятии, без того мастерства, которое приобретается только с опытом, не успев вписаться в сложившиеся малые группы, молодые работники и в прежние времена оказывались в ущемленном состоянии. В современной ситуации их положение стало еще хуже. Им по-прежнему достается менее квалифицированная и ниже оплачиваемая работа. Они острее других ощущают недостаточность заработной платы. Заметно ухудшились условия для их обучения и повышения квалификации. Они лишились собственной организации (комсомола), которая, хотя и мало, но что-то делала для защиты их интересов. В глазах молодежи более всего упал престиж работы в промышленности, поскольку многие сверстники, занимающиеся куплей и перепродажей товаров или работающие в сфере обслуживания, часто имеют, не затрачивая особого труда, куда большие доходы, чем дает в современных условиях добросовестная работа на промышленном предприятии.

В то же время молодые работники, чья квалификация определяется не столько опытом, сколько образованием (программисты, наладчики сложного оборудования) свой статусе на предприятиях повысили. Сказывается также их большая, чем у пожилых, готовность к переменам и то, что многие из них уходят в коммерцию. И наконец, совершенно иная ситуация среди управленцев высшего и среднего звена — здесь делается сознательная ставка на обновление и молодые кадры (особенно в экономических и коммерческих службах).

Традиционные предметы конфликта трудовых интересов

Напомним, что, по Х. Морелю и Г. Грину, основной предмет трудовых отношений составляют занятость (в том числе порядок установления и расторжения отношений найма), оплата труда, рабочее время, условия и безопасность труда, социальные выплаты и льготы, трудовая дисциплина, проведение забастовок, а также ряд более второстепенных вопросов, таких как участие работников в управлении, порядок проведения технологических изменений и др.

Большинство этих вопросов в нашей прежней, советской действительности были предметом регулярного взаимодействия администрации и профсоюзных организаций предприятий. Они периодически обсуждались обеими сторонами и воплощались в ежегодно заключаемых коллективных договорах. Чего в этих договорах не было, так это проблематики занятости и забастовок, поскольку с занятостью в те времена не было никаких проблем, а забастовки в нашем сознании связывались только с миром капитала.

Вопросы, которые чаще всего выступали в прежние времена предметами конфликта интересов в трудовой сфере и занимали внимание большинства работников — это:

— зароботная плата, в которой выражались не только собственно оплата выполняемой работы, но (через различного рода доплаты) и условия труда и частично квалификация;

— различные натуральные блага (жилье, места в детских учреждениях, путевки для лечения и отдыха, дачные и садовые участки, легковые автомобили и другие виды дефицитных товаров и продуктов), которые в условиях общего дефицита работники могли получить либо исключительно, либо существенно дешевле через свое предприятие;

— безопасность и выполнение санитарно-гигиенических нормативов по условиям труда.

Рассмотрим, как изменилась за последние годы ситуация в этих сферах на обследованных предприятиях.

Положение дел с *оплатой труда* на промышленных предприятиях Сибири в целом было тяжелым, хотя складывалось по-разному, в зависимости от отраслевой специфики предприятий. Так, в нашей выборке зароботная плата наивысшей оказалась на металлургических заводах и в аэропорту, а самой низкой — в легкой промышленности (как и в “доперестроечные” времена) и в машиностроении (чего никогда не было и не могло быть раньше). К сожалению, обследования на разных предприятиях проводились в разное время, что при существовавших тогда темпах изменений в оплате не позволяет провести строгие сравнения. Тем не менее на качественном уровне это вполне возможно.

Для всех обследованных предприятий в 1992 и 1993 гг. характерны очень частые (почти ежемесячные) повышения заработной платы всем категориям и группам работающих. Для таких повышений не требовались никакие специальные действия со стороны работников, они производились по инициативе самой администрации и с единственной целью как-то компенсировать постоянный рост цен на потребительском рынке и не потерять (в расчете на лучшее будущее) основную часть кадровых, квалифицированных работников. Тем не менее ни на одном из перерабатывающих предприятий решить эту задачу не удалось. Если сравнивать получаемую тогда заработную плату с последними годами относительно стабильного экономического положения в стране, т.е. с 1988—1989 гг. (люди в своих оценках равнялись чаще всего именно на эти годы), то потребительские цены на товары повседневного спроса выросли за 1990 г. в среднем в 1,5 раза, за 1991 г. — в 2,6, за 1992 г. — в 30 и за 1993 г. — в 9 раз (табл. 14.2). Соответственно для того чтобы покупательная способность заработка хотя бы по основным потребительским товарам не снижалась, заработная плата основных групп работников предприятий по сравнению с 1989 г. должна была вырасти к концу 1991г., по грубым оценкам, в 4 раза, к концу 1992 г. — в 105, а к концу 1993 г.— в 1000—1100 раз.

Если нормой для обследуемых предприятий в 1988—1989 гг. было, что квалифицированные рабочие профильных профессий получали в месяц 350—450 руб., то к началу 1992 г. их заработная плата должна была составлять 1,4—1,8 тыс. руб., к середине — 16—20, к началу 1993 г. — 45—50, а к середине 1993 г. — 170—200 тыс. руб. Подобные цифры были достигнуты только на металлургических предприятиях (П5 и П3) и в аэропорту (П6), у всех остальных она была заметно ниже (табл. 14.3).

Если же сравнить эти цифры с расчетным месячным минимальным потребительским бюджетом мужчины трудоспособного возраста (табл. 14.4), то получается, что лишь работающие на предприятиях П5 и П3 могли обеспечить потребление на уровне социально прием-

Таблица 14.2

Индекс инфляции в 1992—1994 гг. (нарастающим итогом), % к декабрю предыдущего года*

	Месяцы											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1992	352	502	683	840	943	1092	1172	1262	1513	1891	2397	2968
1993	126	162	190	221	264	310	370	478	578	688	805	897
1994	121	133	145	159	171	180	189	197	212	244	280	324

* По данным Центра экономической конъюнктуры при Совете Министров — Правительство Российской Федерации; за 1992—1993 гг. см.: Российские вести. 1994. 6 января; за 1994 г. — Известия. 1994. За 1994 г. практически те же цифры (с точностью до 0,1 %) приведены в статистическом сборнике "Социальное положение России" (М., 1994. С. 45—46).

Таблица 14.3

Среднемесячная заработная плата рабочих профильных профессий обследованных предприятий, тыс. руб.

Предприятие	1992 г.		1993 г.	
	Начало	Середина	Начало	Середина
П1	1,5	6,5	13,0	34,0
П2	0,8	3,6	21,0	52,0
П3	6,4	19,1	51,0	170,0
П4	1,7	6,7	21,7	Нет данных
П5	10,1	18,5	90,0	390,0
П6	Нет данных	16,0	59,0	161,0
П7	4,0	10,0	17,4	60,0

лемого минимума не только себе, но и членам своей семьи. На всех же остальных предприятиях работники обеспечивали своей зарплатой только самих себя, либо даже для этого их заработка было недостаточно (табл. 14.5, 14.6).

В нашем обследовании вновь четко проявились и почти не изменились за 1992—1995 гг. различия в оплате на так называемых мужских и женских рабочих местах (см. табл. 14.5). При этом речь идет не только об отраслевых различиях (предприятие П2 — почти сплошь женское, а П5 и П7 — в основном мужские), но и о различиях внутри одного предприятия.

Постоянные повышения заработной платы, предпринимаемые администрацией предприятий в 1991—1993 гг., при ухудшении практически всех показателей эффективности производства окончательно разрушили и без того не очень прочную связь заработной платы с результатами труда. Еще более значимым оказалось разрушение связи заработной платы с квалификацией и уровнем профессионализма. Да и само содержание понятия “квалификация” стало теперь очень неопределенным. Известно, что для того чтобы стать технологом или конструктором-профессионалом, человеку надо затратить минимум 10 лет, слесарем-инструментальщиком — 5—7 лет, а брокером — 3—4 мес, но при этом доходы брокера на порядок вы-

Таблица 14.4

Размер минимального потребительского бюджета на месяц мужчины трудоспособного возраста в 1992—1994 гг., тыс. руб.*

Год	Месяц												В среднем
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
1992	2,8	3,5	4,4	5,2	6,0	6,8	7,6	8,4	9,3	10,2	11,4	13,9	7,46
1993	16,9	21,7	25,5	29,6	35,4	41,6	49,6	64,1	77,5	92,3	108,0	120,3	56,88
1994	145,6	160,0	173,9	190,8	206,2	216,5	227,3	236,4	254,6	292,8	336,2	389,6	235,83

* Рассчитан по данным А.Д. Колобова (ИЭиОПП СО РАН) и официальным коэффициентам инфляции за 1993—1994 гг.

Таблица 14.5

Соотношение средней зарплаты работников основных профессий наблюдаемых предприятий к расчетному месячному минимальному

Профессия	Месяц												В сред- нем
	I	II					VII	VIII	IX	X	XI	XII	
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14

1992 г.

П1 Станочник								0,88	U2	1,16	0,96	0,71	0,87
Штамповщик								0,40	0,77	0,98	0,96	0,72	0,77
П2 Швея в массовом производстве								0,35	0,45	0,59	0,73	0,78	0,59
Швея в индивидуальном произвол- стве								0,49	0,68	1,00	1,06	1,18	0,88
П3 Литейщик	2,36	2,43	1,84	1,65	2,12	2,81	Отп.	Отп.	2,37	2,09	3,18	3,67	2,45
Токарь	1,04	0,83	0,82	0,69	1,07	1,03	»	»	1,00	1,05	1,54	1,47	1,05
П4 Производство станков		0,43	0,61	0,90	0,32	Отп.		0,80	1,92	1,38	1,22	1,56	1,02
Производство товаров народного потребления		0,34	1,48	1,15	0,32	0,53		0,30	0,26	0,93	0,76	0,69	0,68
П5 Электролизник		2,49			3,08			3,29			4,98		3,56
П6 Агент перевозок										2,18			
Водитель спецтранспорта										2,37			
П7 Станочник					0,67					1,29			
Литейщик					1,17					1,83			

1993 г.

П1 Станочник					1,16	1,06	1,09	0,89	0,88	0,77	1,19	1,10	1,02
Штамповщик					0,79	0,87	0,93	0,75	0,66	0,57	0,98	0,65	0,77
П2 Швея в массовом производстве	0,78	0,69	0,64	0,61	0,65	0,60	0,56	0,48	0,44	0,39	0,31		0,56

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Швея в индивидуальном производстве	1,24	1,29	1,38	1,77	1,64	1,44	1,26	1,15	0,97	0,92	0,82		1,26
ПЗ													
Литейщик	3,94	2,28	2,50	2,73	3,17	3,37	3,80	2,81	2,23				2,28
Токарь	4,22	2,32	2,60	3,23	2,90	3,72	3,03	3,18	2,34				3,06
П5													
Электролизник													
П6	5,44	4,22	4,75	5,34	7,01	6,90	6,37	5,20	5,10				5,59
Агент перевозок												1,08	
Водитель спецтранспорта												2,08	
П7													
Станочник	0,83	0,80	0,74	1,07	0,81	0,70	Отп.	0,94	1,01	0,76	0,81	1,16	0,88

ше доходов конструктора или слесаря. Prestиж подлинного профессионализма и квалификации падает почти до нуля.

На большинстве предприятий отчетливо проявлялось стремление администрации засекретить размеры получаемой работниками заработной платы. Наиболее типичное объяснение этого: "...Хватит им заглядывать в карман друг друга, пусть приучаются считать только свои деньги и думать, как бы их побольше заработать!". Основная же масса работников видела в этих действиях администрации (и не без основания) попытки усилить свою власть, увеличить свои собственные доходы и резко ослабить единство рабочих и других групп работников.

Естественно, что такие действия администрации встречали резкое недовольство со стороны трудовых коллективов:

"...Мы что-то заработали, и это — наши доходы. Но это общие доходы, а не каждого человека. А раз это не доходы каждого человека и раз того, что мне досталось, на жизнь не хватает, я вынужден смотреть в чужой карман: если ему больше, то меньше мне".

Описанные явления чрезвычайно затрудняют решение застаревшей и болезненной проблемы извращенности оснований для оценки работника и установления оплаты его труда. На большинстве предприятий в эти годы по-прежнему более ценился физический труд, а не квалификация, и работники основных цехов и основных профессий получали больше, чем во вспомогательных и обслуживающих подразделениях. В рабочей среде все еще был живуч стереотип, что труд тех, кто непосредственно причастен к производству продукции, более важен для пред-

Таблица 14.6

Отношение средней зарплаты работников обследованных в 1994 г. предприятий к расчетному месячному потребительскому бюджету мужчины трудоспособного возраста

Пред- приятие	Месяц												В сред нем
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	
П1	Нет данных												
П2	0,70	0,85	0,95	0,78	0,68	0,89	0,78	0,83	0,86	0,72	0,66	0,61	0,78
П3	1,92	3,37	2,64	2,55	2,46	2,43	2,30	2,19	2,18	2,31	2,18	2,46	2,40
П4	Нет данных												
П5	2,60	3,49	2,79	3,28	2,96	3,21	3,19	3,18	3,15	3,32	3,08	4,58	3,24
П6	1,01	0,76	1,18	1,39	1,45	1,38	1,51	1,44	1,37	1,27	1,18	1,05	1,25
П7	0,70	0,77	0,71	0,59	0,59	0,42	0,41	0,52	0,59	0,63	0,72	0,65	0,61

приятия, чем труд слесарей-ремонтников, а также инженеров, экономистов и вообще управленцев.

Руководители предприятий, понимая необходимость изменить соотношения разных оснований оплаты труда, стали существенно увеличивать масштабы разрядных сеток, доплаты за профессиональное мастерство, делегировать вопросы оплаты труда на уровень подразделений. Причем большинство рабочих согласны, что заработная плата линейных руководителей должна быть выше, чем у рабочих, но как только различия перекрывают двукратную величину, рабочие оценивают такое положение как несправедливое.

Очевидно, говоря о заработной плате, люди учитывают только ежемесячно получаемые наличные деньги. Ни социальные лицевые счета, ни приобретение каких-то товаров и продуктов на заводе по более низким ценам, ни вознаграждение по итогам года, ни дивиденды во внимание при этом не принимаются. С одной стороны, это закономерно, поскольку ежемесячная заработная плата и любые разовые выплаты выполняют принципиально разные функции: первая обеспечивает повседневную жизнь, а вторые служат для крупных покупок или других затрат разового порядка. С другой стороны, это означает, что на предприятиях не оперируют понятием “общий совокупный доход работника”.

Вместе с тем ситуация в *социальной сфере* предприятий и в объеме получаемых работниками от предприятия натуральных благ за период исследования заметно изменилась. Так, в начале 1992 г., когда началась так называемая либерализация цен, социальная стратегия машиностроительного объединения П1 состояла в том, чтобы минимизировать свои затраты в социальной сфере. Для этого использовались любые пути: перевод на хозрасчет и самокупаемость, сдача в аренду (стадион, лыжная база, спортивные сооружения), закрытие (два из семи детских комбинатов), перепрофилирование (пионерский лагерь превратили в базу отдыха для работников), продажа и даже просто передача городу. Однако уже к концу 1992 г. стало ясно, что подобные сокращения издержек не покрыва-

ют и малой доли потерь объединения от снижения объемов производства и скачкообразного роста цен, и социальная стратегия начала принципиально меняться. Теперь девизом стало: “Наши работники должны жить лучше других в районе”. В течение 1993 г. на заводе были увеличены дотации на питание, принято решение о предоставлении ссуд на приобретение кооперативного жилья, выделена крупная сумма на страхование жизни работников, регулярно организовывались массовые продажи потребительских товаров, полученных по бартеру.

В целом в 1992—1995 гг. социальная сфера большинства крупных промышленных предприятий сократилась в объеме, но не потеряла своей значимости для работников, по-прежнему выступая заметным компенсатором относительно низкого уровня заработной платы. По полученным нами оценкам, социальные выплаты в 1992—1993 гг. составляли до 30—40 % годовой заработной платы среднего работника. Если к тому же учесть и бартерно-торговые операции с продуктами и другими товарами, осуществляемые социально-бытовыми службами и профсоюзными комитетами, то величина социальных выплат наверняка была не меньше половины официального заработка (для ср.: в 70-е годы социальные выплаты в промышленности составляли обычно 15—20 % заработка).

Что касается такого традиционного предмета трудовых отношений и конфликта интересов на промышленном предприятии, как *безопасность и условия труда*, то здесь налицо явное ухудшение ситуации, причем почти повсеместное. На четырех из семи обследованных предприятиях мы наблюдали ухудшение условий труда в основном производстве. Увеличились загазованность и объем вредных выбросов в расчете на единицу производимой продукции, снизилась освещенность, уменьшилась мощность вентиляции и тепловых завес, снизилась культура производства. У большинства предприятий не хватало средств не то что на улучшение условий труда, но и на поддержание их в прежнем состоянии. Ухудшилось обеспечение производственных рабочих спецодеждой и индивидуальными средствами безопасности труда, ослабел контроль за соблюдением требований техники безопасности. А то, что, согласно официальной отчетности предприятий, число несчастных случаев при этом не возросло, объясняется резким снижением трудовой нагрузки производственного персонала. Примечательно, что ухудшение условий и безопасности труда отмечалось многими нашими собеседниками на предприятиях — и рабочими, и мастерами, и начальниками цехов, — но действительно волновало лишь тех, кто непосредственно причастен к этим вопросам: техническую дирекцию, работников отделов техники безопасности и некоторых профсоюзных руководителей, которые не забыли еще прежние времена.

Новые основания конфликтов интересов

Усиление экономической ориентации предприятий, смена формы собственности, диверсификация производства и вызываемые ею структурные преобразования порождают новые основания для столкновения интересов различных участников трудовых отношений и потому должны привести как к изменению позиций и взаимодействий прежних субъектов, так и к появлению новых субъектов.

В прежние времена многие руководители предприятий говорили: «...Нам бы возможность управлять заработной платой и хотя бы небольшую безработицу, чтобы люди дорожили своими рабочими местами. Тогда мы смогли бы добиться, чтобы все работали хорошо». Теперь такая возможность появилась, поскольку из-за значительного сокращения объемов производства большинство наблюдаемых предприятий вынуждены были сократить численность работников. Правда, чаще всего это делалось не впрямую: на ПЗ люди были отправлены в неоплаченный отпуск, а затем в течение нескольких месяцев работали в режиме сокращенной рабочей недели; на П2 проведена ротация и омоложение кадров; на П1 фонды заработной платы были переданы подразделениям, которые сами решали, сколько работников им необходимо. Одновременно на этих предприятиях были резко ужесточены условия приема новых людей. Однако, по мнению большинства наших собеседников, появление безработицы не решило проблему отношения работников предприятий к труду.

«...Раньше это было невозможно, а теперь работник может принести на работу “тряпку” и спокойно, в открытую ее продавать. Какая уж тут работа.»

«...Общая дисциплина и исполнительность в службе не очень изменились. У нас почти нет пожилых работников: четверть в возрасте до 25 лет, более половины — 25—35, а остальные не старше 40. Две последние группы — наиболее надежные работники, а молодых легко соблазнить деньгами, в этом году они принесли 94 % нарушений. Им это или безразлично, или считают, что по молодости найдут себе еще что-то, или просто не могут устоять перед предлагаемыми суммами».

Такое же положение и на предприятии П5: люди здесь стали держаться за рабочее место, улучшилась их исполнительская и трудовая дисциплина, однако на мотивации труда и профессиональной надежности кадров ни высокий уровень заработной платы, ни очередь за воротами предприятия никак не сказались. Даже в самом лучшем из основных цехов доля рабочих, на которых можно положиться, не превышает 2/3, “остальным нужна узда”. Что же касается других цехов основного производства, то здесь картина еще хуже: как достаточно надежных и ответственно относящихся к работе людей руководители оценивают чуть более 50 % ИТР и менее половины рабочих.

Единственный безусловный результат ужесточения кадровой политики на промышленных предприятиях — глубокая обеспокоенность людей, страх перед массовыми сокращениями. Особую встревоженность, близкую к панике, проявляют рабочие. Однако большинство руководителей предприятий считают, что массовые сокращения не реальны:

“...Массового сокращения могли бы потребовать сторонние собственники, заинтересованные только в повышении доходности предприятий. Таких пока нет и не предвидится. Сами же администраторы по собственному почину не пойдут на такую болезненную, неприятную меру. Скорее, как и было, пойдут на сокращение рабочей недели. И акционирование тут ничего не меняет, особенно, когда наибольший пакет у трудового коллектива”.

С. Кларк и П. Фэйрбретер, отмечая такие же высказывания руководителей изучаемых ими предприятий, трактуют их как яркое проявление патерналистских ориентаций российского менеджмента [7]. Думается, здесь явная передержка: руководители многих предприятий придерживаются таких позиций в основном не потому, что идентифицируют себя с трудовыми коллективами и считают себя ответственными за судьбы работников, а просто избирают более дешевый (в моральном и материальном смысле) путь сокращения. Очень показателен в этом смысле пример объединения ПЗ, где 60 % людей, попавших под плановое сокращение в апреле 1993 г., были не уволены с предприятия, а переведены на лето в оперативный резерв. Официально это именовалось как “административный отпуск без содержания”, а фактически “зарезервированные” работники получали двойной минимальный заработок со всеми полагающимися коэффициентами, обязуясь при этом не поступать на работу в какую-либо иную организацию и по первому требованию возобновить работу по указанию администрации. Проведя “в резерве” несколько месяцев, большая часть работников на предприятие уже не вернулась, на что, собственно, и рассчитывала администрация, стремясь таким образом и лицо сохранить, и избавиться от необходимости выплачивать до полугода различные пособия этим людям, если бы их пришлось увольнять по сокращению штатов.

Новое основание для конфликта интересов возникло вследствие проводимых *структурно-экономических преобразований*. Там, где эти преобразования продвинулись достаточно глубоко (П1, ПЗ, Г14), различия в доходах, заработной плате, интересе к работе, возможностях проявить себя в самостоятельных действиях, а потому в престиже и прочих стимулах труда, стали очень сильно (часто гипертрофированно) связываться с возможностями независимого выхода структурных подразделений на местный, национальный и даже международный рынок. Поэтому в заметном проигрыше оказались коллективы подразделений, работающих в условиях обычного администра-

тивного подчинения, а в выигрыше — те, кто работал на арендном подряде, на условиях полной хозяйственной самостоятельности или в подразделениях, превратившихся в совместные предприятия, в дочерние фирмы (кооперативы). Эта ситуация сплачивает работников более благополучных подразделений, частично усиливает их противостояние заводу/управлению и предприятию в целом и ослабляет традиционные противостояния между рабочими и администрацией подразделений.

О том, как повлияло на трудовые отношения массовое *акционирование* предприятий с практически поголовным (часто и принудительным) превращением всех работников в акционеров своего предприятия, было рассказано выше. К сожалению, в нашей выборке не оказалось объектов, где бы после приватизации удалось реализовать модель коллективной собственности — с широким участием работников в совладении, а потому и в управлении предприятием. На тех промышленных предприятиях, которые нам удалось изучить, акционирование породило в качестве нового предмета конфликта интересов борьбу за власть, в которой участвуют высшие администраторы, руководители подразделений и сторонние коммерческо-финансовые структуры, владеющие крупными пакетами акций. Очень яркий пример — ситуация на предприятии П5, где в ноябре 1993 г. прежний директор прошел на этот пост с 52,5 % голосов только потому, что за него проголосовал своими 20 % представитель Госкомимущества. Но, получив этот пост, он сразу же начал сводить счеты со своими противниками в коллективе. Это заставило последних объединиться и договориться с крупными внешними акционерами. В результате уже через 4 месяца было созвано внеочередное собрание акционеров, прежний генеральный директор был отправлен в отставку, а на его место избран коммерческий директор.

Органы артикуляции и защиты интересов работников

Проведенное исследование со всей очевидностью показало, что зависимость рядовых работников от заводской администрации в результате “постсоциалистических” изменений резко усилилась. В прежние времена они могли как-то выражать и отстаивать свои интересы с помощью нескольких заводских организаций — КПСС, ВЛКСМ, советов трудовых коллективов, профсоюза. Теперь первых трех органов не существует, а профсоюзные организации предприятий находятся в глубоком кризисе. На предприятиях П2 и П4 они ликвидированы совсем, на большинстве остальных практически полностью потеряли доверие своих членов и превратились в нечто среднее между “потребительской кооперацией” и подразделением заместитель директора по социально-бытовым вопросам.

Такое состояние профсоюзов объясняется, на наш взгляд, прежде всего распадом существовавшей многие десятилетия единой структуры профсоюзов и отчетливо наблюдаемым сегодня почти полным отрывом высших и региональных профсоюзных структур от первичных организаций. Так, Федерация профсоюзов Новосибирской области (ФПНО) образовалась в феврале 1991г. В ее построение был заложен объединительный принцип: главными элементами становились первичные организации (предприятий), а все остальные надстройки сохранялись лишь постольку, поскольку первичные организации желали их иметь. Никаких властных функций у ФПНО не осталось. Она является межотраслевым региональным координирующим органом и выносит лишь рекомендательные и “просительные” решения. Теперь первичные организации оставляют себе 80 и даже до 90 % получаемых ими средств, 10—20 % отдают своему обкому, а тот выделяет часть средств ФПНО (примерно 2 % средств первичных организаций). В результате областная профсоюзная газета, например, все время балансирует на грани закрытия. В Новосибирске еще есть 14 профсоюзов, которые не входят в ФПНО. Самые крупные из них — профсоюз железнодорожников (примерно 150 тыс. членов) и бывший “Минсредмаш” (около 35 тыс.), который и прежде выходил непосредственно на ВЦСПС. Все остальные (включая и созданный в 1989 г. Соцпроф) очень малочисленны и заметного влияния на трудовые отношения на предприятиях города и региона не оказывают. Более или менее заметны только профсоюзы авиадиспетчеров и летного состава, выделившиеся из профсоюза авиационных работников, но их знают практически только в авиации.

Приоритет первичных организаций, объявленный ВЦСПС еще в 1990 г., привел сегодня к почти полному отрыву от них областных и центральных профсоюзных органов. Последние лишились при этом привычных рычагов управления и занялись чисто административной работой. В результате сколько-нибудь значимая и массовая организационная работа на предприятиях города и области прекратилась. Оставшись без центрального руководства, первичные профсоюзные организации пытаются сами как-то преобразовать свою деятельность и найти свое место в изменяющейся системе трудовых отношений на предприятиях.

Хотя на некоторых предприятиях профсоюзы ликвидированы, ожидать их полного исчезновения или резкого сокращения их численности оснований нет. Из семи обследуемых предприятий они ликвидированы лишь на двух, да и то на фабрике П2 меньше чем через год и у рабочих, и у администрации отчетливо проявилось понимание, что профсоюз все же нужен: рабочие считают, что он должен представлять их интересы и быть независимым от администрации, а руководители — что он должен быть связующим звеном в обсуждении и решении жизненно важных для администрации и ра-

ботников вопросов. Не наблюдалось и сколько-нибудь массового выхода работников из профсоюза. Число таких людей на каждом из обследуемых предприятий не превышает считанных процентов, а то и долей процента.

Функции профсоюзов на предприятиях заметно изменились. Они уже не занимаются мобилизацией работников на выполнение производственных заданий и соревнованием, практически прекратили распределение жилья, лишились функции социального страхования. В 1991—1992 гг. профсоюзы резко увеличили, а с начала 1993 г. постепенно стали ослаблять коммерческую деятельность по бартерным операциям и покупке товаров и продуктов для последующей продажи их работникам. На ряде предприятий эта деятельность вообще сворачивается, на других теперь этим больше занимается администрация.

Согласно изменениям, внесенным в КЗОТ, с 1992 г. уже не требуется согласие профсоюза на увольнение работника за нарушения дисциплины. На этом основании профсоюзы все больше и больше отстраняются от любой проблематики индивидуальных увольнений, не понимая, что тем самым еще больше подрывают доверие к себе со стороны рядовых работников.

Практически нигде не проводятся профсоюзные собрания. Теперь трудовые коллективы собираются в лучшем случае один-два раза в год, для обсуждения коллективного договора. Прямое следствие этого — резкое падение информированности людей о делах предприятия и профсоюзной организации.

Резко снизилась активность профсоюзной деятельности на уровне подразделений. Самой низовой уровень профсоюзной структуры (профгруппы на участках, в бригадах, в отделах) на многих предприятиях ликвидирован. Явно сократилось и число желающих быть профсоюзными работниками и руководителями выборных профсоюзных органов. Далеко не единичны случаи, когда председателями профсоюзных организаций даже в относительно многочисленных подразделениях избираются административные должностные лица (например, заместители начальников этих подразделений).

Никто на предприятиях, не исключая и самих профсоюзных работников, не видит в профсоюзе орган выражения и защиты интересов наемных работников в их противостоянии нанимателю. Наоборот, очень распространено представление, что высшей ценностью для профсоюза должны быть интересы не его членов, а предприятия самого по себе или некоего “общего блага”. Показательно, что взгляды руководителей и профсоюзных лидеров на то, каким должен быть профсоюз, почти текстуально совпадают, но резко противоположны взглядам рабочих.

Такое единение профсоюза с администрацией — закономерное следствие столь длительного существования прежнего советского “ого-

сударственненого” общества. Пока предприятия были государственными, от государства же и нужно было защищать интересы работников: от централизованных тарифов и ставок, не позволяющих нормально оплачивать труд, от устанавливаемых наверху цен, от министерских изъятий прибыли, не оставляющих денег на существенное улучшение условий труда. И чтобы добиться в этой сфере хоть каких-то успехов, профсоюз должен был выступать единым фронтом с администрацией и партийной организацией. В новых же условиях такое единение носит неестественный характер и мешает выработке адекватной этим условиям модели трудовых отношений.

Высшие руководители предприятий все еще остаются членами той же профсоюзной организации, что и остальные работники. В этой ситуации, например, довольно странно звучит заключение коллективного договора одних членов профсоюза с другим членом того же профсоюза. Единственный случай снятия этого противоречия мы наблюдали в аэропорту (П6), где заместитель директора, возглавляющий службу движения, вышел из состава профсоюза авиадиспетчеров, хотя и был одним из инициаторов его образования. Более того, он поставил вопрос о несовместимости пребывания в профсоюзе и других руководителей службы:

“...Сейчас, например, профсоюзный лидер, находящийся на должности руководителя полетов, призывает людей к забастовке. А если бы он был на контракте, я бы ему предложил: или в своей административной должности не мешай обеспечению безопасности полетов или, раз забастовка — требование профсоюза, выходи из профсоюза, или иди работать не руководителем, а рядовым диспетчером”.

Почти на всех наблюдаемых предприятиях профсоюзы достаточно глубоко вовлечены в кампанию по акционированию, поскольку оказались единственной общественной структурой, пронизывающей весь коллектив предприятия. Через нее в основном проводилась и агитационная кампания, и закрытая подписка работников на акции предприятия. Обычно представитель профсоюзного комитета оказывался и в составе совета акционеров или совета директоров. Но на металлургическом объединении (П5) пошли гораздо дальше. Здесь коллектив выбрал второй вариант акционирования (более 50 % акций выкупили работники предприятия), и для управления этими акциями как единым пакетом здесь создано специальное “Товарищество работников”, которое возглавил председатель профсоюзного комитета предприятия:

«...Мы создали это “Товарищество” с целью защищать интересы акционеров-работников в главном — чтобы предприятие работало хорошо, прибыльно, чтобы люди получали приличную зарплату и не боялись потерять работу. А раз это главный интерес, то профсоюз и должен возглавить работу в “Товариществе” и участвовать в совете акционеров, попытавшись хотя бы в каком-то элементе осуществить на предприятии идею народовластия».

Не только у профсоюзных лидеров нет эффективной модели деятельности этой организации, но и сами профсоюзные массы, не веря в возможности какой-либо защиты со стороны бывшей “школы коммунизма”, не пытаются создать какую-нибудь другую, более отвечающую их чаяниям организацию. Как справедливо заметил председатель одного из цеховых комитетов, “...профсоюз на предприятии такой, какой нужен сегодня работникам!”.

Эффективной системы коллективных переговоров на предприятиях пока не появилось. Причина одна: при усилении властного положения администрации влияние второй стороны (в лице профсоюзов или других органов артикуляции интересов работников) ослабло. Тем не менее некоторые изменения в системе официальных отношений между профсоюзами и администрацией предприятий все же происходят. Во-первых, меняется содержание традиционно заключаемых коллективных договоров: резко сократилась номенклатура разделов и число приложений, сейчас в них регламентируются только вопросы оплаты, охраны труда и здоровья, расходование средств фондов потребления и социального развития; понемногу исчезают из договора подробные планы мероприятий; зато вопросы оплаты труда прорабатываются гораздо подробнее, чем раньше. Во-вторых, эти документы становятся больше похожими действительно на договоры — в них есть взаимные обязательства сторон и механизм ответственности за невыполнение этих обязательств. В-третьих, начинают меняться и процедуры разработки коллективных договоров. Приведем, в частности, выдержку, из беседы с председателем профкома П5:

“...Раньше составляли общий план колдоговора по образцу и подобию прошлогодного, отдел труда и службы подготавливали цифры, мы смотрели и созывали конференцию, где утверждали договор. И после того никто в него почти не заглядывал, только когда к очередной конференции проверяли выполнение. Сейчас же все по-другому. Прошли по всем крупным цехам, собрали там профактивы (в цехе 3, например, собралось более 200 чел.) и подробно рассмотрели все вопросы и предложения, поступившие от коллективов. И по каждому определяли: этот решаем в цехе, этот отправляем на завод, этот не стоит и рассматривать — надуманный вопрос. А те вопросы, которые остались на рассмотрение верхнего уровня, детально прорабатывались комиссией по колдоговору. В итоге не приняли только процентов 30 поднятых нами вопросов, потому что не было у завода финансов. Теперь и работники и администрация изучают колдоговор и держат его под рукой, чтобы при любом случае сослаться”.

В то же время интерес массового работника к коллективным договорам по сравнению с доперестроечными временами явно снизился, их обсуждения на профсоюзных конференциях стали еще более формальными и бесконфликтными. Так, достаточно было директору по экономике предприятия П3 сказать на конференции: “Не волнуйтесь, ниже у вас заработная плата все равно не будет” — и

все дружно проголосовали за очень “сырой” текст договора. В целом же коллективный договор пока остается во многом формальным, декоративным документом, малопригодным для разрешения каких-либо спорных вопросов через суд. Да и сами обращения профсоюзных организаций в трудовые суды пока еще крайне редки.

Без всякого преувеличения можно сказать, что если на предприятии и была раньше какая-то сила, относительно независимая от администрации и способная оказать заметное влияние на ее действия (и действия не только руководителей подразделений, но и дирекции завода), то это была первичная (заводская) организация КПСС. На многих предприятиях партийные организации были действительно влиятельны и далеко не всегда “плясали под дудку” администрации. Это отмечалось в наших беседах практически на всех обследуемых предприятиях. Более того, еще в 80-е годы именно парткомы предприятий были инициаторами многих шагов по демократизации управления, развитию хозрасчета, расширению гласности и т.п. Партийная структура, пронизывавшая все предприятие снизу доверху, была действенным механизмом обратной связи, донося до верхнего эшелона настроения рядовых работников. И высшему руководству приходилось достаточно серьезно считаться с этим мнением, поскольку конфликт мог выйти за пределы предприятия, что было опасно для карьеры руководителей. Однако в августе 1991 г. партийные организации на предприятиях были ликвидированы (а комсомольские распались еще раньше) и вряд ли когда-либо будут восстановлены в форме, хоть в какой-то степени напоминающей прежнюю.

До начала массового акционирования во второй половине 1992 г. на многих предприятиях еще действовали советы трудовых коллективов (СТК) или советы предприятий. Из семи предприятий в момент начала исследования СТК были на четырех (ПЗ, П4, П6, П7). Правда, если раньше советы трудовых коллективов представляли собой двухуровневую (а иногда и трехуровневую) структуру, параллельную профсоюзной организации, то к моменту наших исследований действовали только советы на уровне предприятия в целом. Как более или менее значимые можно выделить СТК на предприятиях ПЗ и П7, где наибольшее представительство в 1991 — 1992 гг. было у рабочих.

Однако, как показали наши наблюдения, эти структуры оказались явным рудиментом прежних не очень удачных попыток демократизации управления предприятием в условиях государственной формы собственности. Поэтому вполне закономерно, что после завершения акционирования СТК на этих предприятиях самораспустились, а на предприятии П4 был преобразован в производственный совет. Именно этот совет подписывал коллективный договор с администрацией от лица коллектива и основной его задачей стало “поддержание гражданского мира на предприятии”. Но авторитет производст-

венного совета на предприятии очень низок: и рабочие, и специалисты, и руководители низового и среднего уровня относятся к нему примерно так же, как к ликвидированному ранее профсоюзу.

В процессе кампании по приватизации наиболее активные рабочие и руководители подразделений (особенно на предприятиях П5 и П3) связывали некоторые надежды на артикуляцию и защиту своих интересов с участием в выборных органах управления акционерного общества, в том числе и товариществ работников. Эти органы появились именно в связи с приватизацией предприятий, их деятельность пока очень слабо регламентирована, в некоторых из них, согласно принятым уставам, должно быть достаточно широкое представительство рядовых работников — совладельцев предприятия. Однако очень похоже, что этим надеждам в ближайшие годы не суждено сбыться, о чем свидетельствует опыт предприятий П2, П4 и П1, которые уже давно прошли стадию приватизации и сохраняют подавляющее число акций в собственности своих работников. Здесь (хотя и с некоторыми нюансами) повторилась одна и та же картина: вновь созданные выборные органы коллективного собственника оказались полностью под контролем администрации и свою роль защитников интересов рядовых совладельцев (акционеров) выполнить не смогли. Правда, на предприятиях П2 и П4 они выполняют роль информационного канала (в основном для передачи информации сверху вниз), но и с этой ролью справляются явно неудовлетворительно.

Тем не менее окончательные выводы об этих структурах делать еще рано: их деятельность на большинстве предприятий еще только начинается, ряд существенных изменений в функциях и положении внесен более поздними законодательными актами, кое-где возникли серьезные и далеко идущие конфликты. И наконец, на предприятиях далеко не завершено формирование структуры субъектов трудовых и производственных отношений, а каждый вновь проявляющийся субъект, несомненно, будет стремиться использовать выборные органы акционерных обществ как канал для артикуляции и защиты своих интересов.

**
*

Итак, трудовые отношения в России заметно меняются. Похоже, что общее направление этих изменений -- в сторону западноевропейских и североамериканских моделей социального партнерства: трехстороннего на национальном и региональном уровнях и двустороннего — на уровне отдельных предприятий и организаций. В значительной мере этому способствуют растущие международные контакты и не сравнимая с прежними временами открытость российского бизнеса.

Однако процесс этих изменений далеко не гладкий, а их темпы не так высоки, как ожидалось. Причин такого развития событий несколько, но главная из них в том, что не только в политике, но и в экономике России продолжают пока преобладать дезинтеграционные процессы и все основные стороны (субъекты) социально-трудового партнерства (работники, объединяемые не вышедшими из глубокого кризиса профсоюзами, работодатели, многие из которых остаются за пределами существующих ассоциаций, и государство в его национальной и региональных ипостасях) слабы, плохо консолидированы и не считают установление социально-трудового мира и партнерских отношений с другими сторонами самой значимой для себя ценностью.

ГЛАВА 15 *Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере*

До рыночных реформ жилищно-коммунальное хозяйство представляло собой отрасль раздаточной экономики России [1] по обслуживанию государственного жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры. При этом:

собственность на жилье и инфраструктуру имела государственный характер и находилась на балансе предприятий или местных органов власти;

государственный жилищный фонд был разбит на пропорциональные участки, которые обслуживались единообразными жилищными организациями (ЖЭУ), находящимися в подчинении районного уровня управления;

основным источником финансирования жилищного фонда выступал государственный бюджет, квартирная плата являлась установленным тарифом;

набор прав жильцов был ограничен: квартиру нельзя продавать, завещать, сдавать в аренду, нельзя поменять обслуживающую жилищную организацию;

объем и качество жилищных услуг предоставлялись в соответствии с установленными нормативами. Сигналами отклонения от принятых стандартов жилищного обслуживания служили жалобы жильцов, направляемые на все уровни управления.

Целью жилищно-коммунальной реформы являлось преобразование жилищно-коммунального раздатка в рынок жилищных услуг. Основными мероприятиями в этом направлении стали приватизация жилищного фонда, изменение сущности квартирной платы, реформа государственных жилищных организаций.

Приватизация жилищного фонда

Приватизация жилищного фонда выступала первичным условием изменения системы жилищно-коммунального хозяйства, функционировавшей в советский период. Передача прав собственности на жилье должна была способствовать превращению института государственной собственности в институт частной собственности, что означало бы появление множества частных владельцев.

К началу 1998 г. процесс приватизации практически завершился, но в собственности граждан России передано только 40,2 % муниципального и государственного жилищного фонда, подлежащего приватизации. Мониторинг жилищно-коммунальной реформы в Новосибирске в 1997 г. выявил аналогичную картину: за период 1992—1997 гг. было приватизировано чуть более 40 % муниципального жилищного фонда. При этом динамика этого процесса имела явно выраженный затухающий характер: в 1993 г. — 27 %, в 1994 г. — 34, в 1995 г. — 38, в 1997 г. - 40,5%.

По данным мониторинга 1997 г. (было опрошено 2483 семьи), 40 % семей связывали приватизацию своей квартиры с правом передать ее по наследству, 32 % просто пожелали стать собственниками квартиры, 5 % семей приватизация нужна была для свершения сделки купли-продажи, 16 % семей не смогли ответить определенно о тех причинах, которые их побудили к приватизации (“Действовали как все”), менее 1 % семей стремятся к участию в управлении своим домом. Очевидно, что приватизация в сознании населения связана исключительно с расширением прав владения на квартиры и совсем не связана с участием в управлении жилищным обслуживанием. Это доказывает и тот факт, что при 40 % приватизированных квартир введение частных управляющих компаний поддержало только 8 % семей.

Поскольку более половины семей не приватизировало свои квартиры, интересно было проанализировать их мотивы: более 40 % просто не видят в этом акте никакого смысла, 15 % еще собираются приватизировать квартиру в будущем, 9 % напуганы возможными налогами на недвижимость, остальные ссылались на разные ситуативные обстоятельства, не позволившие приватизировать жилье: неудовлетворенность существующей квартирой, отсутствие единого мнения в семье, нехватка времени или денег на приватизацию, здание не подлежит приватизации по какой-либо причине и т.д.

Более углубленные исследования показали, что активность населения в процессе приватизации жилья напрямую связана с уровнем материального благосостояния семьи и качеством занимаемой квартиры. Так, в 1993 г. доля приватизированных квартир в высшем классе жилищной стратификации составляла 44 %, в низшем — 2 %, в 1994 г. — 71 и 12 % соответственно, в 1995 г. — 62 и 12 %. Кроме того,

по данным 1993 г., в высшем жилищном классе при высокой материальной обеспеченности уровень приватизации жилья составил 83 %, при низкой — 60%, а в низшем жилищном классе наиболее материально обеспеченные семьи приватизировали 76% квартир, а наименее обеспеченные — только 40 % [2].

Отдельно следует сказать о таком результате завершившегося процесса приватизации, как фрагментация жилищного фонда по форме собственности, что означает разный уровень приватизации в муниципальных домах. Практически нет полностью приватизированных домов (за редким исключением в центральной части города). Выборочное обследование в 1993г. показало, что уровень приватизации колеблется по домам от 0 до 42 %. В 1995 г. этот разброс сохранился, о чем свидетельствуют следующие данные мониторинга: до 20 % приватизированных квартир было в 10 % домов, до 50 % — в 67 % домов, до 70% и выше — в 23 % домов.

Фрагментация жилищного фонда — одно из главных препятствий создания кондоминиумов. Доля кондоминиумов составляет в российских городах менее 1 %. При этом сохраняется практика дотирования большинства кондоминиумов, как и владельцев приватизированных квартир в муниципальном и государственном жилищном фонде.

Несмотря на такие результаты, в целом можно положительно оценить процесс приватизации жилищного фонда в российских городах. Накануне приватизации в жилищной системе, базирующейся на прямой раздаче квартир гражданам по месту работы или месту жительства и низкой квартирной плате, не связанной ни с качеством жилища, ни с издержками на эксплуатацию квартир, выявилось большое количество проблем, обусловленных жесткостью регулирования жилищных отношений. Передача дополнительных прав квартиросъемщикам по распоряжению квартирами., осуществленная в процессе приватизации, вывела жилищные отношения на саморегуляцию и тем самым расширила возможности улучшения жилищных условий. Это касается и обменных операций через сделки купли-продажи, и ремонта и перепланировки квартир с помощью частных фирм, и сдачи приватизированных квартир в аренду частным лицам. В то же время главным собственником жилья, как и раньше, осталось государство. Так что решение проблем в ходе приватизации — это решение в рамках государственной собственности. Вопрос создания института частной собственности на жилье в России в том виде, каком он распространен на Западе, очевидно, закрыт и закрыт надолго.

Фундаментальной причиной того, что институт частной собственности в данной сфере не имеет радужных перспектив, является особая технология в организации отопления, тепло- и водоснабжения и отвода канализации в жилищном фонде. Ее единый централизованный характер создает предпосылки для существования только одного хозяина-собственника всего жилищно-коммунального хозяйства. В

условиях коммунальной инфраструктуры невозможно обособленное управление содержанием отдельного дома по той причине, что элементы управления находятся вне этого жилого дома и влетены в общую систему управления всем жилищным хозяйством города. Такая технология обеспечила в свое время выживание городов России в тяжелых природно-климатических условиях и создавалась в рамках административной системы управления. В настоящее время она выступает реальным ограничителем изменений института собственности, материальным тормозом рыночных преобразований в жилищном секторе России.

Реформа квартирной платы

Второе условие создания рынка жилищных услуг — превращение квартирной платы из тарифа в ренту.

Квартирная плата как *тариф* означает, что главным источником финансирования жилищно-коммунального хозяйства является государственный бюджет, а доля населения в возмещении затрат на содержание жилищного фонда устанавливается из единого центра и определяется исходя из экономической и социальной политики государства. Эта доля может быть совсем незначительной (в 1993 г. менее 1 %) или полностью покрывать издержки жилищного хозяйства, как в 70-е годы. Суть дела от этого не меняется, поскольку все нормативы жилищно-коммунальной отрасли, лежащие в определении издержек, также утверждаются в рамках государственной политики и в случае неполного квартирного тарифа дотируется за счет других источников бюджета.

Квартирная плата как *рента* означает, что она формируется на рынке жилищных услуг между их потребителями и производителями, при этом источником ренты выступают семейные доходы арендаторов жилья. Для малообеспеченных семей государство выделяет в рамках социальной политики субсидии на поддержку квартирной ренты. Другими словами, квартирная плата как рента выражает отношения между частным собственником жилья и частной обслуживающей компанией, в то время как квартирная плата как тариф выражает отношения между государственными службами в качестве владельцев, управляющих и содержащих жилой фонд, с одной стороны, и жильцами, пользующимися квартирами муниципального или государственного фонда с определенным набором прав, — с другой.

Превращение квартирной платы из тарифа в ренту в период рыночных преобразований не состоялось, хотя и принято решение о постепенном повышении квартирной платы до уровня реальных издержек жилищного хозяйства к 2004 г., поскольку сохранились все главные черты тарифа: установление размеров квартирной платы осуществляется органом государственной власти, являющимся владель-

цем жилищного фонда; в основу положен принцип возмещения затрат муниципальных жилищных организаций, управляемых департаментами муниципалитета; затраты этих жилищных организаций производятся на основе нормативной базы, установленной в рамках расходования бюджетных средств.

Причина сохранения сущности квартирной платы та же, что и сохранения государственной собственности на жилье, — коммунальный, централизованный характер жилищного сектора. Конкретно это выражается в том, что издержки на одну квартиру и даже на один дом при такой технологической особенности инфраструктуры не индивидуализированы, их невозможно вычленивать из общих затрат на жилищно-коммунальное хозяйство, кроме как путем арифметического деления всей суммы произведенных в определенный период затрат на квадратные метры всего жилищного фонда.

При сложившейся технологии обслуживания затраты на текущий и капитальный ремонт разносятся на весь жилищный фонд, несмотря на их эпизодический характер. Другими словами, в каждый данный момент совокупные затраты жилищно-коммунального хозяйства возмещаются совокупной квартирной платой, дополняющей бюджетную дотацию. В результате на содержание худшего по качеству жилищного фонда тратится больше средств, чем в среднем. В то же время по законам рынка квартирная плата в этих домах должна быть намного ниже среднего уровня в соответствии с потребительскими свойствами квартир. Противоречие между необходимым уровнем затрат и рыночной квартирной платой усугубляется характером расселения: чем хуже по качеству жилищный фонд, тем беднее, как правило, в нем проживает население.

В общем ситуация такова: жилищный фонд, построенный в 60—70-е годы, составляет значительную долю в городах России и требует больших затрат на его текущий и капитальный ремонт, а это находится в противоречии с платежеспособностью основной массы населения. Такая ситуация стала причиной неоднократного изменения сроков повышения ставок квартирной платы до самоокупаемости жилищного хозяйства. Первоначально эта акция планировалась до 1998 г., затем до — 2002 г., сейчас сроки перенесены на 2004 г.

По данным мониторинга 1997 г., задолженность по квартирной плате в Новосибирске составила 16 %, при этом сама квартирная плата покрывает только около 30 % затрат жилищно-коммунального хозяйства города. Основными причинами задолженности названы: задержка заработной платы (83 %), отсутствие работы (4,9 %), недостаточный доход (10,5 %). На вопрос “Знаете ли Вы, какую долю занимает квартирная плата в расходах на жилищное хозяйство?” 68,3 % семей ответили отрицательно, 18,2 % — правильно, а остальные ответы не соответствовали реальности, т.е. более 80 % населения не имеют адекватного представления о реальной ситуации в жилищном хозяйстве.

Выбранное направление реформы квартирной платы тем не менее можно оценить положительно в том отношении, что новая квартирная плата, дифференцированная по типам жилья и возмещающая затраты жилищно-коммунального хозяйства, будет способствовать приведению в соответствие платежеспособности семей с количеством и качеством занимаемой ими площади, а также приведению в соответствие платежеспособности всего общества с необходимыми затратами на жилищно-коммунальное хозяйство через постепенное формирование статуса самокупаемости жилищно-коммунальной отрасли. Реформа квартирной платы в том виде, в каком она проводится в настоящее время, сохранит ее сущность как тарифа, но приведет уровень жилищных отношений в соответствие с новыми экономическими требованиями и снимет определенные проблемы, накопленные в старой раздаточной системе.

Реформа жилищных обслуживающих организаций

Создание рынка жилищных услуг требует не только формирования частной собственности на жилье, но и преобразования государственной системы жилищного обслуживания в частную. Эксперименты по преобразованию государственных жилищных обслуживающих организаций апробировали новые способы организации жилищного обслуживания, новые формы оплаты труда и новые виды взаимодействия с жильцами. Те элементы, которые способствовали эффективной работе, быстро приживались и распространялись на все жилищные организации города, а ухудшившие деятельность организаций по каким-либо параметрам — отбрасывались.

Наибольшее влияние на направление преобразования жилищных организаций оказали эксперименты, проводимые в некоторых городах по договору о техническом сотрудничестве между США и Россией. В Новосибирске в течение 5 лет (с 1992 по 1997 гг.) проводился экономико-социологический мониторинг нескольких демонстрационных проектов, разработанных в ходе эксперимента.

Мониторинг демонстрационных проектов протяженностью в 5 лет показал в явном виде попытку вживления частных компаний по американскому образцу в российскую социально-экономическую среду и позволил выявить причины отторжения значимых элементов экспериментальной модели [3].

Общий вывод, который проиллюстрирован конкретным материалом, состоит в том, что рыночные эксперименты оказали положительное влияние на обновление раздаточной институциональной среды, привнеся в нее новые управленческие механизмы, позволяющие устранить прежние дефекты, но не преобразовали эту институциональную среду в рыночную и не затронули ее сущности, а лишь позволили наметить пути для ее обновления.

С первых шагов эксперимента замысел претерпевал изменения под влиянием внешних обстоятельств, прежде всего отсутствия частных владельцев жилья (процесс приватизации только начинался) и отсутствия других источников финансирования, кроме бюджетной дотации в разных ее формах (квартирная плата на начало 1993 г. составляла менее 1 %). Единственным представителем владельца выступали муниципальные структуры управления жилищным хозяйством города. В связи с этим акцент в эксперименте был перенесен с создания частных управляющих компаний на реформирование муниципальных жилищных организаций, функционирующих в рамках института государственной собственности.

Все это создало двойственную природу новых экспериментальных жилищных организаций. С одной стороны, они декларировались как частные с соответствующей свободой экономического поведения, с другой — получали материальные и финансовые ресурсы из местного бюджета под определенные стандарты жилищного обслуживания населения и поэтому подпадали под экономические ограничения, вытекающие из существования штатных расписаний и нормативов материальных затрат. Двойственный характер новых организаций приводил к постоянным противоречиям между муниципальным владельцем и частными менеджерами. Договор на управление был не в состоянии разрешать эти конфликты из-за своего несовершенства и отсутствия правовой базы договоров такого рода [4].

Конфликт интересов предполагалось разрешить в рамках реформы всей жилищной сферы, а именно путем формирования новых владельцев жилищного фонда через процесс приватизации и изменения квартирной платы. Но, как было показано выше, этого не произошло: государство сохранило за собой статус владельца жилищного фонда и продолжало диктовать свои условия. К 1994 г. экспериментальные жилищные организации, так и не став частными по существу, перестали быть частными и по форме. Новый Гражданский кодекс отменил индивидуальное частное предприятие (ИЧП) как форму предприятий и вместо нее была предложена другая организационно-правовая форма — муниципальное унитарное предприятие (МУП). В настоящее время все новые реформируемые жилищные организации в провинциальных городах России имеют статус муниципального унитарного предприятия на оперативном управлении.

Вместе с тем экспериментальные жилищные организации внесли существенные изменения в старый экономический механизм. Несмотря на неполноту реализации замысла, через полгода действия первого демонстрационного проекта значительно улучшилось качество жилищного обслуживания при равных экономических условиях с другими жилищными организациями. Это результат устранения дефектов прежнего экономического механизма, внедрения договорных отношений. Кроме того, демонстрационные проекты показали, что

организации, использующие бюджетную дотацию, могут работать более эффективно при определенных условиях, которые были, в частности, внесены в договоры с новыми жилищными организациями в форме муниципального унитарного предприятия.

Как показали эксперименты, в рамках двухуровневой структуры управления происходит перекачивание средств с нижнего (производственного) уровня на верхний (управленческий), причем около 20 % финансовых средств ежемесячно перенаправляется с нижнего звена на верхний для материального стимулирования работников управленческого звена. Такая практика существовала не менее 15 лет и привела к существенным экономическим диспропорциям в расходовании бюджетных средств. Работники нижнего звена трудились на нескольких ставках, но получали за свой труд непропорционально меньше, а управленческий персонал расширялся. В результате вместо нормативного соотношения: 1 управленец на 8 работников к 1992 г. эта пропорция составляла 1:4. Соответственно и размах в заработной плате между рядовыми и управленческими работниками вырос в 90-е годы по сравнению с 70-ми более чем в 2 раза.

В соответствии с демонстрационными проектами с момента заключения договора между менеджерской компанией, работавшей вместо ЖЭУ, и представителем владельца менялась структура управления. По этому договору все финансовые средства попали в руки менеджеров — непосредственных исполнителей работ — минуя промежуточные уровни. Этих средств вполне хватило и на повышение заработной платы и на увеличение фонда производственных работ.

Таким образом, на основе демонстрационных проектов было сделано два основополагающих вывода для последующего реформирования жилищных обслуживающих организаций:

1) “частное”, привносимое в практику экспериментами не приживается из-за сохранения базовых признаков прежней институциональной среды;

2) новые способы управления через договор, продемонстрированные в эксперименте, дают новые источники для повышения эффективности деятельности жилищных обслуживающих организаций.

Муниципальные унитарные предприятия в жилищном хозяйстве стали следующим полигоном отработки договорных методов управления после ухода американских советников, которые так и не осознали до конца результаты демонстрационных проектов и считали, что при соответствующем изменении институциональной среды (приватизации жилищного фонда и превращения квартирной платы в ренту) нужен будет переход от организаций в форме МУП к частным компаниям.

На самом деле в ходе экспериментов выкристаллизовался в свернутом виде образ новой институциональной среды. Институт государственной собственности на жилье подвергся глубокому реформирова-

нию за счет разделения собственности на федеральную и муниципальную, восстановления единства муниципальной собственности вследствие передачи ведомственного жилищного фонда, за счет более тесных связей между владельцем жилищного фонда в лице муниципалитета и жильцами в нем проживающими. В такой ситуации весьма гармонично выглядят именно муниципальные унитарные предприятия как преобразованные государственные жилищные организации, использующие такие институциональные формы, как договоры, конкурсы, и несущие непосредственную ответственность перед потребителями их услуг, но имеющие статус муниципальных и тем самым сохраняющие интеграцию жилищно-коммунального хозяйства города.

Мониторинг 1997 г. показал, что обсуживаемые первым демонстрационным проектом жильцы в 48,2 % случаев отдали свое предпочтение именно МУПам, тогда как в среднем по городу эта цифра составила 15,4%, в то же время частные компании были поддержаны в 2,9 и 7,9 % случаев соответственно.

В настоящее время в жилищном хозяйстве городов присутствуют два типа организаций: в незначительном количестве муниципальные унитарные предприятия (в Новосибирске их 5) как представители нового этапа и ЖЭУ как элементы старой отраслевой структуры, но также находящейся в стадии реформирования. Процесс их реформирования происходит латентно, поскольку они начинают использовать эффективные элементы из экспериментальных образцов, не меняя при этом своего названия.

В ходе мониторинга 1997 г. отслеживались оценки жильцов, обслуживаемых новыми жилищными организациями и ЖЭУ. В результате были выявлены следующие тенденции [5].

1. Зафиксирована положительная динамика изменений на жилищных участках ЖЭУ. Количество семей, выставивших оценки в интервале от 4 до 5, выросло с 22,4% в 1994 г. до 42,7 % в 1997 г., т.е. на 20,3 процентного пункта. Количество “двоек” при этом сократилось с 16,2 до 7,1 % за этот же период. Результативность выполнения заявок сантехниками за 1994—1997 гг. выросла на 10,4 процентного пункта, а электриками — на 19,2. Средняя оценка отдельных направлений жилищного обслуживания выросла за рассматриваемый период с 3,4 до 3,7 балла. В результате выросла удовлетворенность жиль-

цов уровнем жилищного обслуживания (табл. 15.1).

2. Произошли положительные изменения и на жилищных участках МУПов, действующих в рамках демонстрационных проектов. Эта динамика проявляется тем вышуклее, чем хуже было стар-

Таблица 15.1

Динамика удовлетворенности жилищным обслуживанием на жилищных участках ЖЭУ, %

Степень удовлетворения	1994 г.	1997 г.
Вполне удовлетворен	37,6	40,5
Не очень удовлетворен	45,3	47,7
Совсем не удовлетворен	17,1	11,8

Таблица 15.2

Динамика результативности выполнения заявок сантехниками на жилищных участках МУП, %

Результативность	МУП-1		МУП-2	
	1994 г.	1997 г.	1994 г.	1997 г.
Заявки выполнены сразу	46,3	61,8	26,5	73,9
Потребовались повторные заявки и обращения к начальству	16,1	10,3	20,3	7,5
Проблема не решена	30,2	25,0	52,0	15,1
Другое (решили сами, проблема не ЖЭУ)	7,4	2,9	1,0	3,4

Таблица 15.3

Оценки отдельных направлений жилищного обслуживания в баллах (данные 1997 г.)

Направление обслуживания	МУП	ЖЭУ	Направление обслуживания	МУП	ЖЭУ
Чистота в подъезде	3,8	3,7	Отношение к жильцам	3,5	3,6
Чистота дворов	4,0	4,2	Чистота лифта	3,7	3,6
Благоустройство территории			Работа лифта	3,5	3,6
риш	3,0	3,0	Чистота возле мусоропровода	3,7	3,7
Работа сантехников	3,6	3,5	В среднем	3,6	3,6
Работа электриков	3,7	3,5			

товое состояние жилищного обслуживания. Результативность выполнения заявок сантехниками на МУП-1 за 1994—1997 гг. увеличилась на 15,5 процентного пункта, а на МУП-2 — на 47,4 пункта (табл. 15.2), этот показатель по работе электриков составляет 8,9% для МУП-1 и 20,5 % для МУП-2. Положительных оценок на МУП-1 стало больше на 14,8%, а на МУП-2 на 11,3%.

3. Нельзя не отметить и близость уровня оценок новых и традиционных жилищных организаций. Это особенно видно по оценкам отдельных направлений жилищного обслуживания (табл. 15.3) и интегральной его оценке. Так, ответы по оценке жилищного обслуживания 1997 г. распределились следующим образом:

Оценка (баллов)	МУП	ЖЭУ
2-3	7,6	7,1
3-4	50,5	50,2
4-5	41,9	42,7

Мониторинг 1997 г. подтвердил гипотезу о прогрессивном характере преобразований в жилищно-коммунальном хозяйстве, несмотря на то, что сущность институциональной среды, ее нечастный, не-рыночный характер сохраняется.

Мониторинг выявил и тот факт, что сегодняшние ЖЭУ много нового внедрили в свою повседневную деятельность, что и дает положительный эффект. По своим экономическим механизмам ЖЭУ так близки к МУПам, что ЖЭУ пора также присваивать статус МУПов.

Однако этого пока не происходит. И связано это со слабой отработанностью новой модели управления.

Развитию договорных отношений в настоящее время мешает недостаточная четкость и проработанность взаимных обязательств сторон, формальное отношение к согласованию этих обязательств, отсутствие конкретного механизма применения экономических санкций за нарушения условий договоров, а также механизма урегулирования спорных ситуаций по жилищно-коммунальному обслуживанию потребителей [6]. Таким образом, проблем, связанных с договорным правом, разделением функций заказчика и подрядчика, проведением конкурсов и т.д., еще много.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Глава 12

[1] *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 175.

[2] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991; *Смирнов В.Д.* Социально-экономический эксперимент в колхозе. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986; *Рывкина Р.В., Косалс Е.В., Косалс Л.Я. и др.* Управленческие кадры АПК: Ориентации и поведение, готовность к перестройке / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1987; *Калугина З.И.* Социальные качества работников: Оценка и пути их улучшения: Препринт / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1987; *Калугина З.И.* Готовность работников к новым условиям хозяйствования и развитию демократии: Препринт / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1988; *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989; *Смирнов В.Д., Искаков С.К.* Работник в условиях внутрихозяйственной кооперации (Результаты социологического обследования): Препринт / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1991; *Калугина З.И., Мартынова И.Н.* Опыт освоения новых форм хозяйствования в аграрном секторе (социологический анализ) // Изв. СО АН СССР. Сер. Регион: Экономика и социология. 1992. Вып. 2.

[3] *Региональный социологический мониторинг экономических реформ* // Изв. СО РАН. Сер. Регион: Экономика и социология. 1992. Вып. 3.

[4] *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989.

[5] *Чаянов А.В.* Краткий курс кооперации. М.: Кооперативное изд-во, 1925. С. 75.

[6] *Мартынова И.Н.* Социально-экономическая оценка инноваций в сфере организации и стимулирования сельскохозяйственного труда: Автореф. дис.... канд. социол. наук. Новосибирск, 1992. С. 9.

[7] *Верховий В.И.* Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социс. 1994. № 10.

[8] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни.

[9] *Мостовая Е.Б.* Экономическое поведение: Анализ и прогноз. Новосибирск, 1994.

- [10] Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1992. С. 602—603.
- [11] *Краткий словарь по социологии* / Под общей ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1989. С. 218.
- [12] Козлова Н.Н., Смирнова Н.М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс. 1995. № 11.
- [13] Ядов В.А. Настоящее и будущее теоретической социологии в России // Социс. 1995. № 11. С. 24.
- [14] Злобин Е. Факторы мотивации аграрного труда // АПК: Экономика, управление. 1998. № 2. С. 58.
- [15] Калугина З.И. “От нас ничего не зависит” // ЭКО. 1993. № 6; Калугина З.И. От робких ожиданий, апатии и неверия к активным действиям // ЭКО. 1995. № 8.
- [16] *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному собранию // Российская газета. 1997. 7 марта.
- [17] Шабанова М.А. Новая свобода на селе: Проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996; Шабанова М.А. Институционально-правовая свобода в меняющемся обществе // Полис. 1996. № 6.
- [18] Калугина З.И. Сельское население Сибири в новом социально-экономическом пространстве: Ориентации и поведение // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 33—51; Калугина З.И. Коллективное и индивидуальное в сознании сельского населения как фактор развития экономических реформ // Человек в российском экономическом пространстве. Новосибирск: НГАЭиУ, 1997. С. 86-94.
- [19] Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3—4. С. 163.

Глава 13

- [1] Смирнов В.Д. Опыт организации сплошного коллективного подряда в колхозе. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984; Смирнов В.Д. Эксперимент в Лосихе // Знание-сила. 1984. № 10; Смирнов В.Д. Социально-экономический эксперимент в колхозе. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986.
- [2] Опыт колхоза “Путь к коммунизму” широко освещался в центральной печати. Хозяйство посещали делегации и представители центральных организаций, ведомств, научных учреждений: ЦК КПСС, Верховного Совета СССР, ВЦСПС, Госкомтруда СССР и РСФСР, Министерства сельского хозяйства СССР и РСФСР, НИИ Труда, ВНИИЭСХ и др.
- [4] Смирнов В.Д. Внутрихозяйственное кооперирование. Кемерово: Кн. изд-во, 1990.

Глава 14

- [1] Результаты исследования см.: *Собственность* и трудовые отношения: Варианты трансформации: Сборник кейсов / Под ред. В.И. Герчикова, М.В. Кошман. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995; Барсукова С.Ю., Герчиков В.И. Приватизация и трудовые отношения: От единого и общего — к частному и разному. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995; *Labour Relations and Political*

Change in Eastern Europe: A Comparative Perspective / Eds. John Thirkell, Richard Scase, Sarah Vickerstaff. L.: UCL Press Ltd, 1995.

[2] *Moerel H.* The Study of Labour Relations // Labour Relations in Transition / H. Moerel (ed.) Nijmegen: Institute for Applied Social Sciences, 1994. P. 1.

[3] *Green G.D.* Industrial relations: Text and Case Studies. Pitman Publishing, 1994. P. 1-2.

[4] Их обзоры см. в цитированных выше работах Х. Мореля и Г. Грина, а также: *Bamber G., Lansbury R.D.* (eds.) International and Comparative Industrial Relations. London—Boston: Allen & Unwin, 1987; *Bean R.* Comparative Industrial Relations. An Introduction to Crossnational Perspectives. London—Sydney, 1985; *Dabscheck B.* A General Theory of (Australian) Industrial Relations // The Journal of Industrial Relations. 1994. Vol. 36, N 1; *Gordon D.M., Edwards R., Reich M.* Segmented Work, Divided Workers: The Historical Transformation of Labor in the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 1982; *Kochan T.A., Katz H.C., McKersie R.B.* The Transformation of American Industrial Relations. N.Y.: Basic Books, 1986.

[5] *Илларионов А., Макина М., Пивоварова Н.* Тенденция экономического развития России // ЭКО. 1996. № 5. С. 62—63.

[6] См., например: *Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P.* What About the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia. L.—N.Y.: Verso, 1993. P. 6.

[7] *Clarke S., Fairbrother P.* Post-Communism and the Emergence of Industrial Relations in the Workplace // Paper presented at the ESRC East-West Programme Workshop “Enterprises in Post-Communist Societies”. 1993. November 26—27.

Глава 15

[1] *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997; *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3.

[2] *Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., О’Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. С. 191—206.

[3] Детальное описание хода эксперимента до 1996 г. дано в монографии О.Э. Бессоновой, С.Г. Кирдиной, Р. О’Салливан “Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве”.

[4] *Бессонова О.Э., Крапчан С.Г., О’Салливан Р.* Контрактно-договорная модель управления жилищным хозяйством // Реформа в жилищном хозяйстве: Результаты новосибирского эксперимента. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995. С. 29.

[5] *Бессонова О.Э., Крапчан С.Г., О’Салливан Р.* Методическое обеспечение социально-экономического мониторинга // Реформа в жилищном хозяйстве: Результаты новосибирского эксперимента. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995. С. 9-10.

[6] *Чернышов Л.Н.* Жилищно-коммунальная реформа в России. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1997. С. 25.

РАЗДЕЛ IV

Социально-экономическая стратификация

ГЛАВА 16. Динамика социальной стратификации в контексте свободы: новая перспектива анализа

ГЛАВА 17. Социально-экономические неравенства: причины богатства и бедности

ГЛАВА 18. Субъективная мобильность населения по материальному положению

ГЛАВА 19. Статусная рассогласованность в постсоветский период

ГЛАВА 20. Хозяйственные стратегии сельских семей

ГЛАВА 16

*Динамика социальной стратификации в контексте свободы: новая перспектива анализа**

Постановка проблемы

В периоды глубинных общественных реформ вопросы о свободе всегда приобретают особую актуальность. Какой будет новая свобода на социетальном уровне? Каким социальным группам такая свобода нужна больше, каким — меньше, а каким — не нужна совсем? Как складывается динамика индивидуальных свобод разных социальных субъектов в новых условиях? Какие факторы в наибольшей степени определяют характер “социального распределения” новой свободы? Все эти вопросы глубоко волнуют и современное российское общество, которое, судя по первоначальным заявлениям реформаторов, должно было трансформироваться в более свободное и процветающее. Следовательно, и происходящие в ходе реформ изменения в базисных аспектах жизнедеятельности общества целесообразно оценивать с позиций свободы—несвободы.

Применительно к социальной стратификации это означает, что при анализе изменений в ней необходимо исходить из иерархической системы конкретных жизненных целей и ценностей разных субъектов и динамики возможностей их реализации в условиях реформирования. Иными словами, оценивать стратификационную динамику следует не на всех мыслимых осях, а прежде всего на тех, которые в настоящее время тем или иным социальным субъектам представляются наиболее значимыми. При этом надо исходить не из некоторого общего, “единственно правильного” (=западного) понимания свободы, а из тех конкретных смысловых образов свободы, которые в *данный* период в *данном* обществе сложились у *разных* социальных групп и индивидов. При таком подходе неправовая, зависимая, рабская свобода, как и другие непропорциональные типы свободы, могут оказаться объектом нашего анализа в той мере, в какой они присутствуют в современной действительности, позволяя разным социальным субъектам жить так, как они сами хотят.

Осуществляемые в настоящее время преобразования по-разному сказываются на жизни разных групп и индивидов. В новых условиях меняется значимость разных осей социальной стратификации, их со-

* Работа выполнена при поддержке Московского общественного научного фонда. Основные положения предлагаемого теоретико-методологического подхода были впервые опубликованы в “Социологическом журнале” (1997, №4) и воспроизводятся здесь с любезного разрешения редакции журнала.

подчиненность, появляются новые оси социальной стратификации, которые значимы для одних групп и менее значимы или совсем не значимы — для других. Поэтому оценка динамики социальной стратификации только по ее традиционным шкалам, в терминах этих шкал и исходя из неизменности их актуальности для разных социальных субъектов в новых условиях по сравнению со старыми, не позволяет уловить действительные социальные изменения в обществе.

В сложном переплетении феномена свободы с динамикой социальной стратификации в современном российском обществе сложилось множество противоречий и несоответствий. Основные из них это противоречия:

— между декларациями большей свободы и действительным социальным распределением свободы, в значительной степени связанным с сохранением (и усилением) прежних социальных преимуществ и ограничений в условиях происходящих реформ. Как показали данные наших обследований в восточных регионах страны, за годы реформ, по мнению большинства опрошенных, еще более увеличились различия в жизненных возможностях между жителями столицы и периферии, между жителями города и села, между властью имущими и рядовыми, между занятыми торговлей (вещами и деньгами) и производственной деятельностью и др. А возможности реализации значимых целей и ценностей большими группами, вследствие усиления социальных ограничителей, сузились так, что эти группы чувствуют себя сегодня еще менее свободными, чем в дореформенный период;

— между ухудшением положения на значимых социально-стратификационных шкалах в ходе реформ и возможностями (шансами) поправить ситуацию собственными силами. Даже те, кто в новых условиях работает больше и работает хорошо, очень часто не могут достичь прежнего уровня жизни. Особенно низкие заработки у части работников бюджетной сферы (врачей, учителей, воспитателей детских садов и др.), хотя многие из них и работают на 1,5—2 ставки. Это свидетельствует о том, что реальность расходится с лозунгом нового времени: “Чтобы хорошо жить, нужно много и хорошо работать”. К тому же надо учесть, что задержки с выплатой заработной платы в обследованных нами сибирских селах и малых городах колебались от полугода до двух лет;

— между сложившимися представлениями о способах изменения позиций на важных шкалах социальной стратификации в современных условиях и допустимостью личного включения в подобного рода действия. В качестве основы благоприятной социостратификационной динамики весьма многочисленные группы населения сегодня рассматривают обладание далеко не лучшими человеческими качествами, включение в противоправные и асоциальные формы поведения.

В результате в современных условиях положительная социостратификационная динамика большим группам населения представляется, во-первых, недостижимой, мало зависящей от их личных качеств

и усилий, во-вторых, отталкивающей, не заслуживающей одобрения, а в-третьих, сохраняющей преемственность с прежними несправедливостями в общественном устройстве. Все это приводит к тому, что складывающаяся социальная стратификация воспринимается большими группами населения еще более сильным и более трудно преодолимым ограничителем свободы, чем прежде. И чаще всего она в действительности таковой и является.

Социальной стратификации в социологической литературе традиционно отводится важное место. Число выполненных исследований (теоретических и эмпирических) в этой области поистине огромно. Велико и разнообразие исследовательских подходов (что само по себе также необычайно важно). Сложились целые исследовательские направления, традиции в изучении социальной стратификации: марксизм (неомарксизм), функционализм, веберизм и др. Разумеется, между сторонниками каждого направления стратификационных теорий нет единства по поводу критериев социальной стратификации и вписанности ее в общий социальный порядок. Каждый исходит из своего и акцентирует свое — будь то отношение к средствам производства и конфликт групповых интересов (марксизм), или обладающие различным престижем социально-профессиональные позиции, разделение труда и интеграция общества (функционализм), или множество относительно самостоятельных иерархий и статусных позиций, которые одновременно занимают индивиды (веберизм).

Однако во всех направлениях (включая веберизм, хотя в нем в меньшей степени, чем в остальных) зачастую открытым остается вопрос о степени *значимости* для *разных* групп тех или иных критериев стратификации. Деления (размеры шага) на разных шкалах — также нередко продукт творческого воображения. Между тем в действительности разные критерии стратификации могут обладать разной значимостью для разных социальных групп. Иерархия, соподчиненность этих значимых критериев может быть различной. Следовательно, и смена (или сохранение) позиций на той или иной шкале стратификации также может оцениваться по-разному и иметь разный вес для разных групп и индивидов. Именно эти пробелы в случае удачи позволили бы уменьшить анализ социостратификационных изменений в контексте свободы, т.е. с позиций выбора и беспрепятственной реализации тех целей и ценностей, которые социальные субъекты сами находят наиболее значимыми для себя в данных условиях и обстоятельствах.

Подходы к изучению динамики стратификации в контексте свободы

По степени учета феномена свободы в социостратификационной динамике выделим четыре возможных подхода, каждый из которых отличается от предыдущего более широким включением элементов свободы.

Традиционный подход. Оценка стратификационной динамики в контексте свободы базируется здесь на данных о ее динамике по традиционным в собственно стратификационных исследованиях “объективным” критериям (доходу, образованию, власти и пр.). Мобильность вверх на каждой из этих осей в этом случае интерпретируется как расширяющая свободу индивидов (групп), а мобильность вниз — как сужающая их социальную свободу. Такое толкование было бы возможным лишь при соблюдении, по крайней мере, трех условий:

1) если эти стратификационные оси на самом деле значимы для всех индивидов, ибо только в этом случае они могут воздействовать на свободу всех и оцениваться в контексте всеобщей свободы;

2) если оси не просто значимы, но по уровню значимости, который им придают разные группы, упорядочиваются примерно одинаковым образом;

3) если на желаемое сохранение позиции на той или иной оси или на желаемое перемещение по ней разные группы индивидов затрачивают примерно одинаковый объем усилий, и если им и приходится при этом отказаться от чего-то важного, то по значимости (величине) этих потерь между ними нет существенных различий.

Понятно, что на практике все эти условия невыполнимы. В самом деле, даже в стабильных обществах у индивидов (групп) нет единой точки зрения по поводу того, какие основания социальной стратификации являются наиболее важными — доход, образование, власть, стиль жизни или что-то еще. А разные исследователи придают первостепенное внимание той или иной стратификационной шкале или комбинации нескольких шкал во многом исходя из специфики своих исследовательских посылок. Еще меньше шансов обнаружить единство во взглядах на значимые критерии стратификации в кардинально меняющемся обществе, когда теряется прежняя стабильность престижа профессий, когда одни нормы разрушились, а другие еще не установились, когда меняется значимость и соподчиненность разных осей стратификации, появляются новые оси и пр. Таким образом, реальность такова, что те или иные оси (традиционные или новые) могут быть: (а) в принципе не важны для больших групп индивидов (вообще или в данное время), или (б) важны, но для разных групп в неодинаковой мере, или (в) важны, но не в такой степени, как другие более значимые оси, которые так и остаются вне поля зрения.

Размер шага на разных шкалах, даже когда он хорошо обоснован для целей собственно стратификационного анализа, может быть слишком большим, чтобы оценить динамику (положительную или отрицательную) стратификационных изменений в контексте свободы. Бедные могут не считать себя бедными или считать, что это не главное (“Бедность — не порок”), или, улучшив свое материальное положение в рамках той же позиции, начать чувствовать себя более свободными, чем прежде.

Все это создает серьезные ограничения в использовании традиционного подхода для оценки стратификационной динамики в контексте свободы. Его важное достоинство — вероятность учесть стратификационные факторы, которые оказывают весомое воздействие на динамику свободы индивидов, но по тем или иным причинам не осознаются ими или осознаются в неполной мере. Это может сыграть полезную роль при анализе *внешней* проекции свободы [1]. Однако продуктивность этого подхода и там будет определяться качеством отбора стратификационных осей, т.е., в конечном счете, факторами субъективными.

Свобода как критерий отбора стратификационных шкал. Этот подход предполагает учет не всех мыслимых стратификационных оснований, а только тех, которые в данный момент времени и в данных жизненных условиях представляются разным социальным субъектам наиболее важными. Ведь исходя из возможностей изменить или сохранить свое положение именно на этих осях индивиды (группы) оценивают динамику своей свободы. Это их система координат, то социальное пространство, которое они сконструировали и в котором живут, действуют, и неважно, если оно кому-то кажется искаженным или отсталым.

Так, политические изменения в ходе реформ позволили части членов российского общества включиться в ранее недоступные политические структуры, реализовать свои интересы в них. В прежнее время они в политическую элиту не попали бы, если бы не имели связей, солидного возраста, партийных заслуг, лояльных политических пристрастий и пр. Однако эти изменения напрямую значимы для меньшинства, они пока не сказались благоприятно на жизни большинства рядовых групп и не представляются значимыми для них. Последние, не получая заработанных денег от полугода до 1—2 лет и потеряв надежды на помощь со стороны этих очень многих, по-своему делят социальное пространство на актуальное и неактуальное. В результате расширение возможностей выбора депутатов, возможностей влиять на состояние дел в стране, в своем поселении сегодня значимы лишь для 2—5 % опрошенных нами сельских жителей, тогда как для 62—68 % важно расширение возможностей хорошо питаться, одеваться, хорошо зарабатывать f2].

Оценивая динамику социальной стратификации не по всем основаниям, а только по значимым для данных субъектов в данный момент времени, мы оказываемся ближе к оценке социостратификационных изменений в контексте свободы. Однако и недостатков у этого подхода также немало:

— возрастает общее число осей стратификации, поскольку между группами нет единства по поводу наиболее важных из них, а в результате затрудняется сам анализ стратификации;

— остается по-прежнему за пределами исследования иерархия разных осей и межгрупповые различия по этому основанию;

—остается открытым вопрос о размере шага, который может быть у разных субъектов разным;

—по-прежнему не принимается во внимание динамика затрат на изменение (сохранение) позиции на значимых стратификационных осях и связанных с этим значимых потерь, которые могут сильно различаться у разных индивидов и групп.

Свобода как измеритель стратификационной динамики. В соответствии с этим подходом свобода выступает не только как критерий отбора значимых стратификационных осей, но и как самостоятельный их измеритель. Иными словами, динамика позиций индивидов на значимых для него осях оценивается уже не в терминах этих шкал, а в терминах свободы—несвободы.

Оценки динамики социальной стратификации по той или иной шкале в терминах шкалы и в терминах свободы — это разные оценки, поскольку базируются на разных (хотя в ряде случаев и пересекающихся) основаниях, и потому могут совпадать, а могут и не совпадать друг с другом. Если индивид сохранил свою позицию, скажем, на экономической оси социальной стратификации, однако на то, чтобы удержаться на ней, вынужден в новых условиях тратить больше сил и времени, чем прежде, то его положение на экономической оси, оцениваемой с позиций свободы—несвободы, не осталось неизменным: оно ухудшилось. Индивид стал менее свободным в экономическом отношении, да и в некоторых других отношениях тоже, ибо теперь для поддержания прежнего уровня жизни он вынужден больше трудиться, отказаться от чего-то важного для себя, изменить образ жизни и пр.

По нашим данным, различия в этих оценках в сельской местности сегодня весьма велики. Так, 23 % респондентов в условиях реформ удалось сохранить свои позиции на экономической оси, однако абсолютное их большинство (75%) для того, чтобы удержаться на прежних позициях, вынуждено тратить больше усилий, чем до реформ. При этом у 68 % респондентов жизненные возможности в значимых для них отношениях изменились в худшую сторону.

Оценка стратификационной динамики в контексте свободы здесь получается более точной, чем во втором подходе. В самом деле, ширина шага в этом случае выбирается самим субъектом и у каждого она может быть своей. Придавая одному и тому же перемещению на той или иной оси разную значимость, субъекты займут и разные позиции на ней. Точка отсчета тоже у каждого своя. И потому важна она не столько сама по себе (этот аспект детально учитывается в других стратификационных подходах), сколько *направление* движения из исходной позиции и *степень продвижения* субъекта в значимом для него направлении.

Кроме того, при данном подходе принимаются во внимание дополнительные показатели, позволяющие оценить, во-первых, дина-

мику затрат (усилий) субъектов на желаемое сохранение или желаемое изменение позиции на той или иной оси, а во-вторых, эффективность этих затрат (предпринятых усилий), изменение числа преодоленных трудностей и ограничений, соотношение между положительной динамикой на той или иной оси и вызванными ею (связанными с нею) значимыми потерями на других осях. Это уже приближает нас к оценке стратификационной динамики на той или иной оси в контексте *интегральной* свободы субъекта (а не его частной свободы на отдельной оси), но еще не позволяет сделать это в полной мере.

Главный недостаток рассматриваемого подхода как раз и видится в том, что по-прежнему не удастся в полной мере учесть иерархию значимых стратификационных осей, а следовательно, и оценить стратификационную динамику в контексте интегральной свободы социальных субъектов — свободы, которая отражала бы соотношение между совокупными приобретениями и потерями (объективными и субъективными, случившимися и ожидаемыми) исходя из сложившейся у разных индивидов и групп иерархии стратификационных осей. Другой недостаток состоит в еще большей (чем при втором подходе) трудоемкости анализа и размытости получаемой по его результатам картины. Думается, что такой подход к оценке стратификационной динамики сквозь призму свободы более пригоден применительно к какой-нибудь конкретной социальной группе, чем многих разных групп.

Свобода как переменная социальной стратификации. В данном случае свобода выступает не только внешним измерителем движения индивидов на отдельных, значимых для них, осях, но и внутренней переменной социальной стратификации, причем не простой, а интегральной.

Как *интегральная* переменная социальной стратификации свобода отражает совокупное воздействие изменения позиций субъекта сразу на всех значимых для него осях, определенным образом иерархизированных им же самим — исходя из его собственных жизненных целей и ценностей и динамики возможностей их реализации. В результате на этой интегральной стратификационной оси разные группы распределяются в зависимости от того, расширяются или сужаются их возможности (объективные и субъективные) жить так, как они сами считают наиболее подходящим для себя. Конкретное наполнение этого “наиболее подходящего для себя” у разных субъектов разное. Однако динамики изменения возможностей его достижения во многом схожи, иерархизируются, легко размещаясь на одной оси в пространстве “лучше—хуже”. В контексте свободы оценка позиций в терминах “лучше—хуже” представляется главной, именно на ее основе строится здесь иерархия “выше—ниже”, которая может существенно отличаться от оценок “выше—ниже” в терминах частных стратификаци-

онных осей. Динамика позиций на традиционных осях социальной стратификации (экономической, управленческой, профессиональной, образовательной и др.) при этом оценивается с точки зрения того вклада, который она вносит в осуществление желательного перемещения на интегральной оси. Впрочем, в ряде случаев та или иная частная ось может быть целевой и целиком поглощать интегральную.

При относительной простоте и обозримости картины и этот подход не лишен недостатков. Дело в том, что качественный состав и иерархия отдельных осей чаще всего находятся в поле зрения только субъекта, для исследователя же они остаются за кадром. На интегральную оценку динамики свободы прямо или косвенно могут оказывать воздействие нестратификационные факторы, которые не всегда легко отделить от стратификационных. К тому же субъекты сами не всегда могут полно обозначить все пространство социостратификационных факторов, оказывающих воздействие на динамику их свободы.

Таким образом, каждый из предложенных подходов к оценке динамики социальной стратификации в контексте свободы—несвободы имеет свои достоинства и свои недостатки. Выбор конкретного подхода (подходов) зависит от целей исследования и возможностей его проведения. Поскольку на данном этапе исследования акцент делается на субъективных аспектах свободы, то в нем целесообразно сочетать подходы, рассматривающие свободу и как критерий отбора стратификационных шкал, и как измеритель стратификационной динамики, и как интегральную переменную социальной стратификации. Достоинства такого способа изучения динамики социальной стратификации определяются прежде всего особенностями свободы как отдельной переменной социальной стратификации.

Место свободы среди переменных социальной стратификации

Свобода выступает такой стратификационной переменной, которая

- обладает для индивидов (групп) наиболее сильной субъективной значимостью в данный момент времени;

- позволяет учесть иерархию частных осей социальной стратификации и оценить последнюю под этим интегральным углом зрения;

- дает возможность учесть воздействие латентных оснований социальной стратификации;

- позволяет своевременно выявлять новые основания социальной стратификации, значимые для тех или иных общественных групп;

- с большей вероятностью снижает разрыв между объективными основаниями стратификации и теми ее субъективными оценками, которые уже стали элементами социальной реальности, однако по-прежнему игнорируются исследователями;

— содержит элемент не только настоящего, но и прошлого и ожидаемого будущего, и не только своего, но и значимых других.

Среди стратификационных переменных свобода не является независимой переменной. Чаще всего она представляет собой комбинацию нескольких стратификационных измерений — явных и латентных; объективных и субъективных; характеризующих уже реализуемые субъектом возможности тех или иных социальных позиций и отражающих ожидаемый потенциал этих позиций и т.д. Точнее говоря, свобода выступает неким интегрированным итогом одновременного воздействия не всех, а только значимых для данных субъектов в данный момент времени стратификационных переменных, которые, кроме того, иерархизированы самими же социальными субъектами.

Отсюда и характер соотношения свободы с другими (частными) стратификационными переменными, которые наиболее часто встречаются в социологических исследованиях, а именно: с доходом и богатством, степенью власти и могущества, образованием, престижем профессий. Некоторые исследователи добавляют сюда религиозную или ритуальную чистоту, ранжирование по родственному или этническому признаку [3], перспективы социального продвижения, “обещаемые” данной позицией [4], условия труда, свободное время [5] и др. Впрочем, отсутствие согласия между исследователями по поводу состава стратификационных переменных в данном случае не имеет значения. Важно, что в реализуемом подходе все они соотносятся со свободой, как определенным образом взвешенные части — с целым.

В таком же соотношении находится свобода и с более сложными (комплексными) стратификационными переменными, которые по природе своей, так же как и свобода, отражают совокупное воздействие нескольких частных переменных. В первую очередь сюда, по-видимому, следует отнести стиль жизни, который “складывается из таких поступков людей и таких предметов собственности, которые истолковываются ими самими и окружающими как показатели или символы положения, занимаемого в той или иной стратификационной структуре” [6]. Поскольку в стратификационных исследованиях стиль жизни чаще всего рассматривается как некий способ самовыражения индивидов, демонстрируемый с целью самоидентификации с той или иной социальной группой, то и перемены (отсутствие перемен) в нем также нуждаются в оценке в контексте свободы—несвободы.

В самом деле, переход от одного стиля жизни к другому (как и следование прежнему) для одних индивидов может быть весьма желательным, для других — менее желательным, для третьих — нежелательным совсем. Изменение или сохранение того или иного стиля жизни может быть добровольным в одних отношениях и вынужденным — в других (например, потеря работы, проживание в селе или небольшом монофункциональном городке из-за невозможности переехать в крупный город и пр.). К тому же разные компоненты

стиля жизни обладают разной значимостью для индивидов, и соответственно отказ от них по-разному воздействует на изменение уровня свободы этих индивидов. Ясно одно: из самой категории “стиль жизни” нельзя понять, чего больше в переходе к новому стилю (или следовании старому) — добровольного или вынужденного.

Уровень свободы социальных субъектов вообще может меняться в рамках одного и того же стиля жизни. Это может быть, в частности, связано с изменением системы жизненных целей и ценностей индивидов (что устраивало вчера, перестало устраивать сегодня, а на изменение социальной позиции нет ни сил, ни ресурсов). Или социальная среда изменилась таким образом, что на поддержание прежнего стиля жизни (в тех случаях, когда это само по себе значимо) требуется теперь больше (или меньше) усилий, чем прежде.

Свобода как стратификационная переменная по природе своей динамична: в каждый момент времени она отражает динамику соотношения значимых для субъекта результатов его жизнедеятельности (объективных и субъективных, достигнутых и ожидаемых) с требуемыми усилиями (затраченными и предполагаемыми) на их достижение, включая значимые потери. В отличие от нее “стиль жизни” как стратификационная переменная отражает главным образом уже нечто достигнутое, уже проявляющееся в каких-то видимых типах поведения, причем проявляющееся устойчиво.

Отражая изменения в жизненно важных для тех или иных социальных субъектов отношениях, свобода охватывает перемены (происшедшие и ожидаемые) не только у них, но и у значимых других (детей, родителей, внуков, друзей, а также тех или иных сообществ, с которыми субъекты себя идентифицируют и чьи проблемы воспринимают наиболее болезненно). В определенных случаях индивиды могут фиксировать ухудшение их положения на всех традиционных (и значимых для них) осях стратификации, но в то же время осознавать (просто верить или ожидать), что происходящие в обществе изменения благоприятно скажутся на жизни их детей (внуков). И этот последний плюс может перевешивать многие значимые минусы, так что на интегральной оси свободы динамика уже не будет выглядеть столь неблагоприятной, как на частных, а может вообще сменить знак на противоположный. В этом отношении переменная “стиль жизни” (в том смысле, в каком она традиционно используется в стратификационных исследованиях) более связана с другими стратификационными осями, менее независима от них.

Свобода выбора — и прежде всего в “поворотных” жизненных точках (выбор профессии, учебного заведения, места работы, места жительства и пр.) — впоследствии играет существенную роль в формировании того или иного стиля жизни. Поэтому переменные “стиль жизни” и “свобода” не являются взаимозаменяемыми и в этом важном отношении тоже.

Пожалуй, “стиль жизни” ближе стоит к свободе в том понимании, какое в него вкладывается не в стратификационных исследованиях, а в исследованиях образа жизни. Именно в них стиль жизни акцентирует внимание на индивидуальных социально-психологических особенностях поведения социальных субъектов и трактуется как “определенный тип поведения личности или группы людей, фиксирующий устойчиво воспроизводимые черты, манеры, привычки, вкусы, склонности, ценностные предпочтения и пр.” [7]. В этом смысле “стиль жизни”, как и свобода, всегда значим для индивидов. Однако все перечисленные выше различия между ними сохраняются. Добавим, что улавливая реализуемые ценностные предпочтения, реализуемые привычки и пр., “стиль жизни” фиксирует только часть значимого для индивидов — то, что им в той или иной мере уже удастся реализовать. Однако динамика социальных препятствий и затрат (усилий) на достижение этого значимого, а также связанных с ним значимых потерь, остается вне поля зрения, как и то значимое, которое реализовать не удастся (пока или уже). Таким образом, и в этом случае переменная “стиль жизни” также требует оценки в контексте свободы—несвободы.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что переменные “свобода” и “стиль жизни” не являются взаимозаменяемыми в исследованиях стратификационной динамики. Свобода как стратификационная переменная имеет существенные отличия не только от традиционных частных, но и от традиционных комплексных переменных социальной стратификации, и следовательно, есть все основания выделить ее особо.

Изменения в пространстве стратификационных осей

Свобода становится не просто еще одной осью стратификации, дополняющей старые оси — простые и комплексные. Войдя в стратификационное пространство, она одним своим присутствием изменяет его. Поскольку пространство частных осей теперь включает только те из них, которые сами субъекты в данных жизненных обстоятельствах ценят более всего и неравенство по которым воспринимается ими наиболее остро, то оно становится более многообразным и менее стабильным, чем при традиционном стратификационном анализе. В зависимости от системы жизненных ценностей и потребностей тех или иных социальных субъектов одни оси являются актуальными в течение неопределенно длительного времени, и восходящая мобильность на Интегральной оси свободы непременно предполагает восходящую мобильность или сохранение статус-кво на этих осях. Другие оси включаются в актуальное жизненное пространство субъектов на менее продолжительный срок; третьи, напротив, навсегда исключаются из него или на время переходят по значимости во вто-

рой эшелон. Можно назвать, по крайней мере, три отличительные особенности стратификационного пространства, рассматриваемого сквозь призму свободы.

Первая состоит в расширении числа шкал в традиционном стратификационном пространстве, в том числе и вследствие смены акцентов в условиях общественных перемен. Прежде всего это, по-видимому, касается профессиональной и управленческой осей, хотя, разумеется, и не только их. В самом деле, в меняющемся обществе, когда у разных групп сильнее, чем прежде, различаются представления о престиже тех или иных профессий, оценка сквозь призму свободы динамики их позиций на профессиональной оси становится более точной, если исходить из изменений в возможностях работать по той профессии (специальности), которую индивиды сами рассматривают как более подходящую для себя. Разумеется, в выборе более подходящей профессии кто-то из них осознанно или неосознанно учитывает прежний престиж этой профессии, а кто-то — ее новый престиж. Однако многие руководствуются соображениями, далекими от профессионального престижа и более значимыми для них в данных жизненных обстоятельствах (а порой и вопреки им). Те, кто находит возможность работать по той или иной профессии (специальности) значимой для себя, но ухудшил свои позиции в этом отношении, будут оценивать свою мобильность на профессиональной оси как нисходящую, даже если какие-то группы (исходя из своих представлений о престиже и своей системы ценностей) будут рассматривать ее как восходящую или нейтральную.

Другую профессиональную ось, значимость которой в стратификационном пространстве в условиях реформ все более возрастает, условно назовем осью профессионально-трудовой самореализации. Возможность реализовать свои способности, работать в полную силу для многих индивидов была актуальна и трудновыполнима и раньше. Однако за годы реформ их позиции на этой шкале еще более ухудшились. Некоторые вообще лишились работы и в рамках своего поселения (особенно если это село или небольшой монофункциональный город), будучи согласны на любую оплачиваемую работу, не могут ничего найти. Поэтому, деля мир на имеющих работу и безработных, они оценивают личную динамику на оси профессионально-трудовой самореализации с точки зрения наличия какой бы то ни было работы вообще (даже если по своему содержанию она их не устраивала и не устраивает).

Аналогично меняются акценты и на управленческой оси, когда она оценивается в контексте свободы—несвободы. Для многих индивидов важно не столько деление на руководителей и подчиненных (чаще всего оно признается необходимым, да и в руководителях стремятся далеко не все из числа потенциально способных занять более высокую должность), сколько динамика защищенности рядовых групп

от своевольных действий власть имущих, включая изменения в “протестном потенциале” рядовых позиций. Та или иная степень неравенства на оси управления может не расцениваться столь сильной (и даже сменить свой знак на противоположный), если ее оценивать в терминах свободы—несвободы. Как показали данные наших обследований, в современных условиях большие группы сельских жителей гораздо лучше достигают своих жизненно важных целей в условиях большей зависимости, а не независимости от местных руководителей. Поэтому само по себе деление на руководителей и подчиненных зачастую не расценивается ими как ущемляющее их свободу [8]. А вот что здесь действительно рассматривается значимым, так это незащищенность от своеволия руководителей разных уровней, сохраняющаяся (и даже усиливающаяся) опасность открытого противодействия несправедливым действиям властей, даже тогда, когда наблюдается явное отклонение реально реализуемых ими ролей от формально закрепленных за ними.

Вторая особенность состоит в том, что взгляд на стратификационное пространство сквозь призму свободы расширяет число значимых осей не только в традиционной для стратификационного анализа плоскости, но и в плоскости нетрадиционной.

Появление новых осей в этом случае обусловлено, во-первых, тем, что оценка стратификационной динамики в контексте свободы по природе своей предполагает оценку не только с точки зрения неких уже сформировавшихся структур (даже если они и значимы для каких-то групп или общества в целом), но и с точки зрения структур “подвижных”, постоянно меняющихся, с точки зрения изменений прежде всего в возможностях *социального действия* разных групп, причем не всякого действия, а только такого, которое осуществляется в значимых для индивидов направлениях и предпочтительными (или, как минимум, допускаемыми ими) способами. В связи с этим важное значение приобретает, в частности, социальное неравенство по объему усилий и препятствий, которые нужно преодолеть разным группам, чтобы воспользоваться теми или иными провозглашенными правами и занять желаемую социальную позицию того или иного уровня. Принципиальную значимость обретает и ось самостоятельности, отражающая имеющееся неравенство и динамику возможностей занять в обществе позиции, в большей мере допускающие действия по собственной инициативе и на основе собственных сил во всех значимых отношениях.

Во-вторых, оценка динамики социальной стратификации в контексте свободы по природе своей предполагает учет не только текущего положения индивидов на разных позициях, но и потенциала этих позиций — перспектив продвижения в актуальных для индивидов отношениях или сохранения достигнутых благоприятных позиций. В этом смысле самостоятельное значение приобретают динамика

позиций и степень социального неравенства на таких комплексных осях, как ось стабильности жизненных позиций, дающая уверенность в завтрашнем дне, ось безопасности и пр.

В-третьих, оценка стратификационной динамики в контексте свободы прямо или косвенно предполагает изменение позиций не только данного индивида, но и значимых других (детей, внуков и др.). Именно перспективы, которые получают (или не получают) в новых условиях значимые другие, могут актуализировать значимость тех осей стратификации, которые определяют эти перспективы, но собственно для данных индивидов уже не значимы. В первую очередь это касается оси образования, важность которой в большом числе случаев связана не столько с перспективами повышения собственного образования, сколько с изменением возможностей дать хорошее образование детям.

Третья особенность стратификационного пространства, рассматриваемого сквозь призму свободы, состоит в реализации принципа иерархичности. По уровню значимости все оси в каждый момент времени делятся, как минимум, на три группы: 1) наиболее значимые для данных индивидов (групп) в данных жизненных условиях и тем самым в наибольшей мере воздействующие на характер их мобильности на интегральной оси свободы; 2) в принципе важные, но по уровню значимости сегодня располагающиеся во втором эшелоне; 3) вообще не значимые, не осознаваемые, не воспринимаемые таковыми, хотя в действительности способные оказывать (или оказывающие) существенное воздействие на динамику свободы индивидов.

Вопрос о составе стратификационных шкал в контексте свободы в эмпирическом отношении остается в значительной степени открытым. И не только потому, что пока мы располагаем данными только по сельской местности и малым городам. Этот вопрос, по видимому, пока вообще не может быть закрыт: ведь пространство социальных возможностей и неравенств, равно как и ценностные предпочтения индивидов постоянно меняются, особенно в нестабильном, кардинально меняющемся обществе. И все же о чем свидетельствуют имеющиеся эмпирические данные?

Динамика социальной стратификации

в контексте свободы:

современные особенности

За годы реформ динамика социальной стратификации сельского населения в контексте свободы складывалась неблагоприятно: абсолютное большинство респондентов (68—73 %) ухудшили свои позиции на интегральной оси свободы и сегодня имеют гораздо меньше возможностей жить так, как считают более подходящим для себя. Восходящая мобильность в важных для них отношениях наблюдалась

в 2,8—10 раз реже, чем нисходящая: в разных сельских районах на нее указали от 7 до 24 % респондентов. Максимальная доля характерна для районов, где опрашивалось только трудоспособное население и не учитывалась относительно многочисленная в селе группа пенсионеров, которые в большинстве своем за годы реформ ухудшили позиции на оси свободы. Другая причина межрайонных различий связана с воздействием факторов не столько социально-экономических и политических, сколько экономико-географических (близость к озерам, где можно индивидуально и в больших объемах добывать рыбу — формально и неформально; близость к железной дороге, облегчающая доступ к городам и другим поселениям, и др.). И хотя столь высокий удельный вес восходящей на интегральной оси свободы группы нельзя назвать типичным для сибирских сельских районов, в дальнейшем мы будем иметь в виду именно эту группу, так как в остальных сельских районах восходящие группы пока настолько малы, что не пригодны для более детального анализа по причине несоответствия критерию статистической значимости.

Чем же обусловлена различная динамика позиций на интегральной оси свободы восходящей и нисходящей групп? Связана ли она с тем, что восходящая группа затрачивает больше усилий на достижение значимых целей, что позволяет успешнее преодолевать жизненные ограничения и добиваться большего в новых условиях? Или же различие в динамике свободы восходящей и нисходящей групп вызвано тем, что в жизни они ценят разное, а потому при оценке своей мобильности на интегральной оси свободы принимают во внимание разные частные оси?

Как показало обследование, по динамике затрачиваемых усилий в новых условиях по сравнению со старыми между восходящей и нисходящей группами сегодня больше сходств, чем отличий. В большинстве случаев они возросли как у той, так и у другой группы. В самом деле, более половины индивидов из каждой группы стали больше работать в личном подсобном хозяйстве; весьма многочисленная часть работающих больше, чем 3—4 года назад, трудятся на основной работе; некоторым, несмотря на ограниченные возможности занятости в селе, удастся получить дополнительную работу и разного рода подработки. Разница состоит лишь в том, что если нисходящие чаще увеличивали свои затраты на основной работе (37 против 31%), то восходящие, напротив, — на дополнительной (11 против 4 %). В целом абсолютное большинство и нисходящих, и восходящих (92 и 78 %) считают, что сейчас нужно затрачивать больше усилий, чем до реформ, даже на то, чтобы жить так, как прежде.

Сходство между двумя группами состоит и в том, что, несмотря на рост трудовых и прочих усилий, число жизненных препятствий, которые им преодолеть пока не под силу, за годы реформ в большинстве случаев увеличилось. На это указали соответственно 88 и

79 % представителей нисходящей и восходящей групп. В этом смысле как для тех, так и для других социальное пространство на селе стало менее беспрепятственным, чем до реформ.

Чем же тогда обусловлена различная динамика их мобильности на интегральной оси свободы? Можно назвать несколько факторов. Прежде всего это межгрупповые различия в пространстве наиболее значимых стратификационных осей, а также различная динамика на тех осях, которые ценят как те, так и другие. Как показало обследование, по поводу состава четырех самых значимых шкал нет внутригруппового единства ни у нисходящих, ни у восходящих. Только материальная ось набрала более половины голосов, но и ее преобладание далеко от безусловного (63 и 57 % соответственно в нисходящей и в восходящей группах). Тем не менее на первых пяти-шести местах у обеих групп оказались одни и те же наиболее значимые оси. Чаще других как в той, так и в другой группе называлась возможность работать по подходящей профессии, специальности (46 и 48 %), получить (или дать детям) хорошее образование (44 и 35%), занять (сохранить) позиции в обществе, которые предполагают самостоятельность, возможность “быть хозяином своей судьбы” (32 и 44 %), стабильность жизненных позиций, дающая уверенность в завтрашнем дне (по 29 % в каждой группе), возможность работать в полную силу, реализовать способности (23 и 25 %) и др.

Остальные оси набрали меньшее число голосов, но межгрупповые различия по ним были порой весьма существенными. В целом можно заключить, что, оценивая динамику своей свободы на интегральной оси, нисходящая группа относительно чаще (в 1,1—1,3 раза) принимает во внимание изменение позиций на экономической и образовательной осях, а также на оси безопасности (в 1,4 раза), в то время как восходящая группа гораздо чаще (в 1,4 раза) придает значимость жизненной динамике на осях самостоятельности, независимости от своеволия управленческих групп, возможности противодействовать их несправедливым действиям (в 2,1 раза), а также возможности открыто отстаивать свои взгляды, убеждения (в 2,5 раза). Примерно с одинаковой частотой обе группы принимают во внимание изменение своих позиций на осях профессионально-трудовых (возможности работать по подходящей профессии, возможности работать в полную силу), миграционных (возможности уехать из поселения насовсем, возможность регулярных маятниковых поездок и т.д.), а также на оси отдыха.

Как же за годы реформ складывалась динамика позиций нисходящей и восходящей групп на тех частных осях, которые они находили наиболее значимыми? Как в той, так и в другой группе наблюдались и взлеты, и падения в значимых для индивидов отношениях. Однако если в нисходящей группе на каждый взлет в среднем приходилось 3,8 падения, то в восходящей группе их число было при-

мерно одинаковым. Положительная динамика свободы восходящей группы на интегральной оси связана с тем, что при совпадении общего числа взлетов и падений на значимых осях по наиболее важным из них динамика была все же благоприятной. В первую очередь она была обусловлена положительными перемещениями на экономической оси (51 % индивидов из восходящей группы заняли более высокую позицию, а 24 % — удалось сохранить прежнюю позицию на ней), равно как и на оси самостоятельности (54 и 36 % соответственно). Благоприятной была и динамика в отношении реализации трудового потенциала (42 % заняли в новых условиях позиции, в большей мере позволяющие работать в полную силу, а 45 % — сохранили такие позиции). Кроме того, абсолютное большинство представителей восходящей группы (81 %) улучшили значимые для них возможности открыто отстаивать свои взгляды, убеждения, и никто из них своих позиций в этом отношении не утратил.

На остальных значимых осях и в восходящей группе преобладала нисходящая мобильность. Среди наиболее “массовых” осей с отрицательной динамикой — профессиональная, образовательная и ось стабильности жизненных позиций. Только 53 % респондентов восходящей группы в новых условиях удалось сохранить очень важную для них возможность работать по подходящей профессии (специальности), в то время как 40 % ухудшили свои позиции на профессиональной оси. В результате на каждый взлет на этой оси в среднем приходилось 5,3 падения. Еще более неблагоприятной была динамика на образовательной оси, где большинство (61 %) респондентов восходящей группы ухудшили очень значимые для них позиции (свои или своих детей). На восходящую мобильность на этой оси указали лишь 16% респондентов. На оси стабильности жизненных позиций соотношение между долей переместившихся вниз и вверх составило соответственно 66 и 24 % от числа тех, кто считает эту ось очень важной.

Поскольку наиболее массовые из значимых потерь сегодня происходят на этих осях, то в будущем именно они, по-видимому, будут оказывать наибольшее воздействие на дальнейшую положительную динамику на оси свободы восходящей группы.

А вот в нисходящей на интегральной оси свободы группе наблюдалась мобильность вниз, по существу, на всех частных осях из числа наиболее значимых. Исключение составила лишь средняя по наполненности (32 %) ось самостоятельности, где число падений совпало с числом взлетов, а также слабо наполненная (7 %) ось возможностей отстаивать свои взгляды, убеждения, где наблюдалось больше взлетов, чем падений. Нисходящая мобильность на интегральной оси свободы в первую очередь была вызвана ухудшением позиций на экономической оси. На это указали 74 % респондентов из нисходящей группы, для которых экономическая ось — одна из самых значимых. Доля

переместившихся в противоположном направлении была в 6 раз ниже. На втором месте — образовательная и профессиональная оси. На оси образования нисходящая мобильность наблюдалась у 64% представителей нисходящей группы из числа тех, кто находит эту ось очень важной. Доля переместившихся вверх на этой оси была в 3,8 раза ниже. На профессиональной оси на каждый взлет приходилось три падения, а на оси стабильности — 10 падений.

Таким образом, разная динамика на интегральной оси свободы связана как с межгрупповыми различиями в пространстве значимого, так и с разной динамикой на тех осях, которые ценят как те, так и другие. Почему же возросшие усилия нисходящей и восходящей групп приводят к мобильности в прямо противоположных направлениях на тех осях, которые обе группы находят значимыми?

Второй фактор межгрупповых различий в динамике на интегральной оси свободы как раз и состоит в том, что важен не столько рост объема усилий, сколько сфера, в которой они реализуются. Большинство нисходящих (60 %) занято на предприятиях сельского хозяйства (против 47 % среди работающих восходящих). Занятых же в непроизводительной сфере (здравоохранении, образовании, культуре) намного меньше (15 против 25%). Как известно, заработная плата в сельском хозяйстве устойчиво занимает одно из последних мест и лидирует по продолжительности задержек с ее выплатой (в разных районах от полугода до 1—2 лет). В бюджетных отраслях заработная плата, хотя тоже невелика, но в среднем выше и выплачивается с меньшими задержками, что ставит занятых на них в относительно более благоприятное положение на селе.

Социально-отраслевые различия дополняются социально-должностными и профессиональными различиями. В нисходящей группе почти в 2 раза ниже, чем в восходящей, доля специалистов с высшим образованием (12 против 23%), в то время как доля рабочих гораздо выше (58 против 47 %). Наиболее сильны межгрупповые различия по рабочим сельского хозяйства (36 против 25 %). Мобильность вниз на интегральной оси свободы наблюдается почти у всех доярок (95 %), у большинства телятниц и скотников (78 %), в то время как у трактористов, комбайнеров, механизаторов удельный вес нисходящих, хотя и высок, но гораздо ниже, чем у остальных групп сельскохозяйственных рабочих (62 %). Наименьшая же доля нисходящих — среди шоферов и других рабочих транспорта (47 %), максимальна среди них и доля сумевших сохранить прежние позиции на интегральной оси свободы (26 % против 5 % по массиву в целом), что вполне объяснимо, если принять во внимание относительно более высокие возможности не только для формальных, но и для неформальных заработков, которыми всегда располагали представители этой профессии.

В целом, принимая во внимание ограниченные возможности выбора работы на селе (а часто отсутствие выбора вообще), необхо-

димо признать воздействие социально-профессиональной оси на динамику интегральной свободы преимущественно отрицательным, прямо и косвенно определяемым политикой государства и пока мало поддающимся изменению силами самих сельских жителей.

Следует отметить и такой фактор, как межгрупповые различия в возрастном и образовательном составе и более высокие адаптационные способности восходящих. Почти половина из их числа — молодежь (до 30 лет), ее доля в 1,7 раза превосходит долю молодежи в нисходящей на оси свободы группе (49 против 29%). Социализация многих из них пришлось на годы перестройки и реформ (“Нам не с чем сравнивать”), жизненные принципы более гибкие, а вера в свои силы и надежда на благоприятную жизненную динамику (“Несмотря ни на что”) более сильная. Не случайно почти половина представителей восходящей группы, будь у нее выбор, предпочла бы не небольшой гарантированный заработок, а высокие доходы, хотя и с риском для себя, работу на частном предприятии (среди нисходящих 23—24 %). Более высокий уровень профессионального образования восходящих (36 % окончили техникумы и вузы, 21 % — ПТУ со средним образованием, в группе нисходящих 24 и 12 % соответственно) также облегчает поиск (сохранение) социальной ниши в меняющейся среде, содействует более глубокой рефлексии происходящего и перспектив социального продвижения в новых условиях.

Еще одна группа факторов — факторы, относящиеся к ценностно-нормативной сфере, но проявляющиеся уже не на стадии отбора значимых осей, а на стадии выбора предпочтительных способов социального действия по изменению (сохранению) позиций на них. Так, несмотря на рост объема затрачиваемых усилий и снижение их результативности в обеих группах, большая часть представителей восходящей группы (39 %) тем не менее находит новые ограничители своей свободы более легко преодолимыми, чем дореформенные (среди нисходящих таких лишь 6 %). Это происходит во многом из-за того, что новые ограничители предполагают и новые свободы, которые в большей мере отвечают ценностным ориентациям индивидов. Так, те из них, кто ценит самостоятельность, рассматривают способы действий, ее допускающие, как более предпочтительные и легкие (по сравнению со способами, которые ее допускают в меньшей степени) даже тогда, когда они относительно более трудоемки. Менее законопослушные отдают предпочтение современным условиям, так как они расширяют возможности для безнаказанных противозаконных действий и т.д.

Благоприятную стратификационную динамику восходящие связывают прежде всего с обладанием положительными социальными качествами. Так, по мнению 40% из их числа, в новых условиях больше возможностей улучшить свою жизнь получили те, кто “умеет и хочет работать”, “энергичен”, “способен на риск”, “больше работает” и пр. Среди нисходящих на этот фактор указали лишь 10%.

Последним вообще положительная стратификационная динамика в современных условиях гораздо чаще представляется мало зависящей от интенсивных трудовых усилий, отталкивающей, не заслуживающей одобрения (сегодня выигрывает тот, кто “занимается преступной деятельностью”, “больше крадет”, “рвачи, ловкачи, а не люди с моралью и совестью”, “спекулянты”).

Принимая во внимание совокупное воздействие всех описанных выше факторов на мобильность на интегральной оси свободы, можно с большой вероятностью предположить, что в будущем (при сохранении нынешней государственной политики по отношению к селу) восходящая группа возрастет не будет. Нисходящая на оси свободы группа пока преобладает почти во всех социальных группах, по какому бы признаку (на какой бы оси) они ни рассматривались. Совокупный вклад каждой из частных (и значимых для сельских жителей) осей в динамику интегральной оси сегодня чаще всего отрицательный, а потому на последней с большим преобладанием лидирует мобильность вниз.

Являясь продуктом совокупного действия всех значимых для данных индивидов (групп) осей, ось свободы не повторяет динамику ни на одной из них. В то же время она размывает традиционные социальные группы, по какому бы основанию они ни выделялись. Как в восходящую, так и в нисходящую группу входят молодые и пожилые, руководители и рядовые, высокодоходные и низкодоходные; образованные и малообразованные, и т.д. Разумеется, различия между традиционными социальными группами по характеру мобильности на интегральной оси свободы порой весьма существенны. Но ни одно из них не является достаточным для воссоздания социального портрета восходящей или нисходящей на оси свободы группы. Возможно, такое смешение затрудняет анализ стратификационной динамики в каких-то других отношениях, но как уже отмечалось, предложенный нами подход не является универсальным или свободным от недостатков.

У данного подхода свое назначение — оценивать динамику социальной стратификации с точки зрения одного из важнейших критериев общественного развития, каким является переход к более свободному обществу, обществу, в котором все больше и больше индивидов (групп) получают возможность развития по законам своей собственной жизнедеятельности. Это особенное назначение данного подхода и определяет его место среди других стратификационных подходов: как одного из них, как необходимого, но не как универсального. Разработка и дальнейшее развитие представленного подхода, на наш взгляд, может дать важную *дополнительную* перспективу для углубления знания о современной социальной стратификации и может способствовать как новым теоретическим поискам, так и новым эмпирическим исследованиям в этом направлении.

ГЛАВА 17

Социально-экономические неравенства: причины богатства и бедности *

Представления о неравенстве по материальному благосостоянию: их место и роль в объяснении социальной реальности

Актуальность изучения субъективной составляющей социального расслоения — системы представлений, суждений о неравенстве по материальному благосостоянию, его допустимости, обоснованности, масштабах, глубине, происхождении — достаточно очевидна. Восприятие населением материально-имущественного расслоения, приверженность тем или иным распределительным идеологиям оказывают существенное воздействие на потенциальные возможности общественных систем к трансформации. В свою очередь, последствия трансформационных процессов, появление выигравших и проигравших меняют восприятие изменений в неравенстве по материальному благосостоянию, ибо существует сильная связь между материально-имущественным неравенством и социальной стабильностью. Так, К. Парк показал, что чем больше неравенство в распределении доходов, тем выше уровень социально-политической нестабильности, а чем выше уровень социально-политической нестабильности, тем ниже экономический рост. Представляются также правомерными утверждения польских социологов Весоловского и Внук-Липинского о том, что легитимность и стабильность политической и социальной систем возникает, когда определенные принципы распределения признаны и приняты не только теми, кто от их применения получает выгоду, но и теми, кто выгоды не получает.

Пространство представлений, характеризующих систему неравенств по материальному благосостоянию, чрезвычайно широко и разнообразно, и поэтому не случайно, что его отдельные фрагменты изучаются различными научными дисциплинами: экономикой, социологией, экономической и социальной психологией. В рамках этих дисциплин за рубежом сложились известные школы и направления:

1) по изучению справедливости распределения доходов (G. Jasso, P. Rossi, N.J. Shepelak, D.F. Alwin, M. Wosinski, P. Mateju, K. Vlachova и др.);

2) по исследованию социально-классовой детерминированности представлений о материальном неравенстве (H.H. Human, W.S. Han,

* В главе используются результаты разработки проекта “Неравенство по материальному благосостоянию: реальность и отражение в сознании населения”, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (№97—03—04414). Частично материалы были опубликованы в “Социологическом журнале” (1997. № 3).

L. R. Della Fave, R.P. Coleman, P. Bourdieu, H. Dittmar, L. Pepper, W. Zaborowski и др.);

3) по измерению субъективного уровня бедности — богатства (B.M.S. Van Praag, A. Kapteyn, T. Wansbeek, W. Arts, P. Hermkens, P. Van Wijck, N.L. Van Der Saar, B.M.S. Van Praag и др.);

4) по изучению значимости материального успеха, ориентированности на материальные блага и экспрессивных функций материальных благ в жизни различных социальных групп (O.L. Braun, R.A. Wicklund, R.W. Belk, M. Wallendorf, F.W. Rudmin, M.L. Richins, F.W. Rudmin, H. Dittmar и др.);

5) по исследованию объяснений происхождения богатства и бедности, существующих в сознании людей (M. Payne, A. Furnham, M. Bond, C. Roland-Levy и др.).

В отечественной социологической литературе традиционным предметом исследований в этой области является изучение представлений и взглядов, касающихся оценки индивидами собственного места и места других в иерархии по материальному благосостоянию, представлений о минимально необходимом для жизни и нормальном доходе, обеспечивающем материальную стабильность, устойчивость, о признаках материального преуспеяния, о шансах на материальный успех, о путях и способах достижения материального процветания (М. Тучек, Л.А. Хахулина, Л.Г. Зубова, Н.В. Ковалева, В.Л. Космарский, Т.Ю. Богомолова, В.С. Тапилина, З.Т. Голенкова, В.Н. Кутелия, Т.И. Заславская, В.В. Радаев, Б.Г. Капустин, В.Ф. Анурин, К. Касьянова).

Как показывает анализ литературы, тематика исследований представлений населения о неравенстве по материальному благосостоянию весьма разнообразна и интересна, представления и взгляды людей как элемент объяснения социальных процессов и явлений оцениваются высоко. В то же время очевидно, что многим аспектам восприятия социально-имущественного расслоения (оценка справедливости распределения доходов, установки на материальный успех и на действия по его достижению, взгляды на соотношение вклада самого человека и внешних по отношению к нему факторов достижения материального процветания) отечественные исследователи уделяют мало внимания.

В данном исследовании внимание сосредоточено на одного из фрагментов пространства представлений, характеризующем взгляды людей на природу неравенства — объяснения причин происхождения бедности и богатства.

Обзор работ по исследованию представлений о причинах бедности и богатства

В зарубежной науке интерес к тому, как люди объясняют происхождение бедности и постоянное наличие бедных в обществе, возник давно [3]. Одной из первых попыток реализации этого интереса

является проведенное в США в 1945 г. изучение общественного мнения на тему “Почему некоторые люди бедны?”. В ответах на этот вопрос относительно небольшое количество людей упомянуло экономические и социальные факторы, такие как занятость, уровень образования, но большинство отметило в качестве причины бедности отсутствие усилий и инициативы, неумение распоряжаться деньгами, безволие и другие индивидуальные черты и особенности людей.

Следующее крупное исследование представлений о причинах бедности было проведено в США через 30 лет. По мнению специалистов это одно из самых серьезных и глубоких исследований, выявившее наличие религиозных, расовых, территориальных, возрастных, образовательных и материально-имущественных различий в представлениях американцев о причинах бедности. Работа Фиджина дала толчок к поиску детерминант этих представлений о причинах бедности. В 70—80-е годы аналогичные исследования были проведены в Индии, Великобритании, Израиле, Вест-Индии; Великобритании и Южной Африке. Кроме того, в 1977 г. было проведено масштабное сравнительное исследование в странах Европейского экономического сообщества на тему “Восприятие бедности в Европе”. По результатам европейского исследования, самой распространенной причиной бедности в глазах населения являются лень, отсутствие стремления изменить ситуацию и несправедливость в обществе.

Следует отметить, что в целом результаты изучения представлений населения о причинах бедности в 70—80-е годы в разных странах довольно разноречивы относительно важности отдельных объяснительных переменных, что в значительной мере связано с различиями в подходах к формированию выборочной совокупности и в методах измерения.

Изучение представлений о том, почему люди становятся богатыми, началось несколько позднее (в конце 70-х — начале 80-х годов). Такого рода исследования были проведены в Канаде, Великобритании, Австралии, Египте, Гонконге. Они во многом сходны с исследованиями представлений о причинах бедности, поскольку использовали практически один и тот же арсенал методических приемов. Объяснительные переменные имели, как правило, симметричный характер по отношению к объяснениям причин бедности, и структура объяснительных переменных богатства была аналогичной структуре причин бедности. Результаты этих исследований в разных странах оказались столь же разноречивыми в оценке роли социально-экономических факторов и личных свойств в качестве причин происхождения богатства, как и при получении причин бедности [4].

В значительной мере эти противоречия были устранены в ходе международного сравнительного исследования по изучению экономической социализации (1989 г.), организованного Международной ассоциацией по экономической социологии. Обследование проведено в

15 странах, представляющих Северную Америку, Западную и Восточную Европу, Северную Африку, Ближний Восток, по одинаковой методике и инструментарию, среди детей одних и тех же возрастных групп, проживающих в одинаковых типах поселений. Результаты исследования оказались намного более согласованными. Личными качествами и индивидуальными установками объяснялись причины бедности и богатства в Австрии, Алжире, Дании, Польше, США, Финляндии, Франции, Швеции и ряде других стран, за исключением Югославии и Норвегии, где респонденты придерживались других взглядов [5].

Из отечественных работ, посвященных изучению представлений населения о причинах бедности и богатства, можно выделить совместное российско-эстонское исследование социальной справедливости [6], проведенное по методике с использованием инструментария международного сравнительного исследования 1990—1992 гг., разработанного коллективом исследователей из 12 стран (Америки, стран Западной и Восточной Европы, в том числе России и Эстонии, Японии). В рассматриваемой работе для изучения характера представлений о причинах бедности и богатства используются переменные, отличные от других по содержанию. По данным этого исследования, самыми распространенными причинами, объясняющими бедность и богатство, являются недостатки общественного устройства. Они более значимы, чем усилия и вклад самого человека в собственное благосостояние.

В целом исследования по данной проблематике можно разбить на два типа:

1) исследования самого пространства представлений, его последующее структурирование, выявление значимости отдельных объяснительных переменных, проводимые, как правило, на основе ответов на открытые вопросы;

2) исследования представлений о богатстве и бедности в том виде, в каком они видятся самому исследователю (ранжирование, оценка по степени важности причин богатства или бедности, перечисленных в списке, заранее сконструированном исследователем).

Собственно, о представлениях населения правомерно говорить лишь тогда, когда они действительно выявлены или когда дано обоснование, что перечень рассматриваемых причин отвечает требованиям полноты и достаточности. В противном случае можно говорить лишь о фрагментах этих представлений; выводы, которые делаются на основе таких исследований, следует рассматривать как достоверные только в границах пространства представлений, сконструированного исследователем.

Население Сибири о причинах богатства и бедности

Методы и гипотезы исследования. Представления населения Сибири о причинах бедности и богатства изучались в рамках исследовательского проекта “Неравенство по материальному благосостоянию:

реальность и отражение в сознании населения”. Информационной базой послужили материалы двух выборочных социологических обследований, проведенных в 1996 г. в сельской и городской местности Новосибирской области. При этом ставилась задача:

— выявить пространство представлений о причинах бедности и богатства;

— определить его конструкцию и внутреннюю структуру;

— оценить значимость отдельных объяснительных переменных и роль агрегированных структурных составляющих;

— исследовать дифференциацию представлений и характер ее взаимосвязи с социально-экономическими и социально-демографическими факторами.

Инструментарий обследования предусматривал два способа получения необходимой информации: 1) ответы на открытые вопросы, их последующую идентификацию с априорной шкалой объяснительных переменных и корректировку шкалы (сельское население); 2) использование сконструированной шкалы для самозаполнения при проведении формализованного интервью в обследовании городского населения.

Включенные в инструментарий обследований вопросы были сформулированы следующим образом:

— Как Вы думаете, почему люди бывают бедными?

— А если говорить в целом о причинах бедности, то от чего она чаще зависит: от самих людей или от внешних обстоятельств?

— Почему, по Вашему мнению, люди становятся богатыми?

— А если говорить в целом о причинах богатства, то от чего оно чаще всего зависит: от самих людей или от внешних обстоятельств?

Шкалы объяснительных переменных включали четыре класса причин:

1) индивидуальные: желание добиться лучшего, обладание некоторыми природными и приобретенными качествами, достигнутый социально-экономический статус, определенные черты образа жизни (пьянство, алкоголизм);

2) семейные: социально-экономический и демографический статус собственной семьи, а также социально-экономическое положение родительской семьи;

3) социально-экономические: занятость, возможности, создаваемые обществом для изменения материального положения, социальная политика государства;

4) ситуационные: болезни, несчастья, везение, удача и пр.

Основные гипотезы исследования касались степени важности отдельных классов объяснительных переменных и характера дифференциации представлений. Наиболее распространенными представлениями населения о причинах бедности и богатства являются прежде всего те, которые увязывают бедность и богатство с личным вкладом, личными качествами и личными достижениями человека.

Данная гипотеза основывается на том, что деятельность человека, обеспечивающая ему тот или иной материально-имущественный статус, равно как и деятельность человека в любой другой сфере, — это осознанная постановка целей и усилия по их достижению. Каждый человек соотносит так или иначе достигнутый уровень материального благосостояния, в том числе бедность и богатство, прежде всего с собственными усилиями и вкладом в этот результат. Деятельность государства, его социальная политика служат в большей мере залогом благосостояния всего общества, роста или уменьшения числа бедных и богатых, чем непосредственной причиной бедности и богатства каждого отдельного человека. В то же время достоинства и недостатки социально-экономической системы на индивидуальном уровне могут восприниматься как катализаторы процессов социального продвижения в сфере материального благосостояния или, наоборот, как их барьеры. Однако оценить социально-экономическую систему с этой точки зрения рядовому человеку труднее, чем роль собственных усилий и заслуг. Поэтому значимость объяснительных переменных, связывающих богатство и бедность с несовершенством социально-экономической системы, может быть ниже, чем причин индивидуального характера.

Другая гипотеза состоит в том, что представления о причинах бедности и богатства не являются универалистскими, разделяемыми большинством населения: общество поделено на группы, придерживающиеся разных взглядов на происхождение бедности и богатства. Основанием для такого предположения служат как проявления социально-политического раскола в обществе, так и результаты исследований, в том числе и полученные нами, относительно представлений об ответственности человека и государства за материальное благополучие [7]. Вопреки распространенному мнению о социальном иждивенчестве, ориентациях на социальное попечительство как об одной из самых характерных черт сознания населения нашей страны, эти данные говорят о достаточно высокой роли в представлениях населения индивидуальных усилий, индивидуальной ответственности за свою судьбу, а также о почти одинаковом числе сторонников самых разных взглядов на эту проблему.

Другие гипотезы исследования касаются особенностей социальной дифференциации представлений о причинах бедности и богатства, приверженности тем или иным взглядам. Так, наибольшие различия во взглядах будут скорее всего наблюдаться между респондентами с различными материально-имущественными и профессионально-должностными статусами, между занятыми в разных секторах экономики, между людьми разных возрастных поколений.

Результаты исследования. Материалы, полученные в ходе социологических обследований, подтвердили, что спектр представлений о причинах бедности чрезвычайно разнообразен и ни одна из объясни-

тельных переменных не может претендовать на роль главной, поддерживаемой большинством городского и сельского населения. Больше других этому критерию отвечают среди городского населения низкий профессионально-должностной статус (52 %), а среди сельского — лень, отсутствие стремления, старания изменить жизнь к лучшему (44 %).

Представления о роли и месте отдельных причин бедности в их иерархии у городских и сельских респондентов весьма различны. Наиболее согласованными являются представления городского и сельского населения о роли пьянства (второе место и в городе, и в селе), наличия способностей, деловых качеств, активности и пр. (пятое место и в городе, и в селе), а также происхождения из бедной семьи (седьмое и восьмое место соответственно). А самыми разноречивыми являются оценки усердия, желания и собственного вклада человека (шестое место в городе и первое в селе), наличия большого числа нетрудоспособных в семье (третье и девятое место соответственно).

Анализ представлений населения о причинах и источниках происхождения богатства, о мере ответственности человека и социально-экономической системы за материальное благосостояние каждого отдельного члена общества в целом показывает consistency этих взглядов с объяснениями причин бедности. Представления о богатстве во многих случаях являются зеркальным отражением взглядов на причины бедности. К числу наиболее распространенных объяснений происхождения богатства у городских жителей относятся прежде всего высокая должность, большой властный пост, затем наличие способностей и ряда других важных качеств (врожденных и приобретенных) и, наконец, социальное происхождение, обеспечившее благоприятные стартовые условия и возможности. Сельские жители объясняют происхождение богатства, во-первых, тем, что государство больше заботится о богатых, чем о бедных, во-вторых, так же как и городские жители, наличием определенных способностей и деловых качеств и, в-третьих, усердием, упорным трудом и большим желанием достичь этой цели.

Анализ на уровне агрегированных групп объяснительных переменных рельефнее выделяет общее и специфическое в представлениях сельского и городского населения, сходство и отличие приоритетов в объяснении причин бедности и богатства (табл. 17.1).

В структуре высказываний о причинах бедности и богатства у городских и сельских жителей примерно одинаков удельный вес объяснений, связанных с индивидуальными характеристиками человека. Но городские и сельские респонденты заметно расходятся во взглядах на роль семьи. Стартовые условия, которые обеспечивает родительская семья, и статус собственной семьи намного чаще упоминаются как причина бедности и богатства городскими жителями. В структуре

Таблица 17.1

Структура представлений городских и сельских жителей Новосибирской области о причинах бедности и богатства (данные 1996 г.; за 100% принято общее количество высказываний)

Группы причин	Городские жители		Сельские жители	
	Бедность	Богатство	Бедность	Богатство
Индивидуальные	51	62	54	49
Семейные	19	24	8	6
Социально-экономические	12	12	24	37
Ситуационные	18	2	14	8

высказываний сельских жителей в два раза выше доля причин социально-экономического характера: потеря работы, невыплаты заработной платы, безразличие государства к проблемам бедных, неприемлемость санкционированных новым экономическим порядком способов зарабатывания денег (спекуляции, обмана, наживы за счет других). Но в целом в представлениях как городского, так и сельского населения бедность и богатство являются как бы определенной проекцией личности, будучи, во-первых, отражением ее природных способностей и приобретенных деловых качеств, во-вторых, результатом направленности и концентрации усилий на преодоление материальных проблем (эта точка зрения, как уже отмечалось, намного чаще высказывается сельскими жителями, чем городскими) и, в-третьих, характеристикой статусных возможностей человека (этого мнения больше придерживаются городские жители).

Однако часто упоминаемые и распространенные объяснения причин бедности и богатства могут и не быть решающими, главными. Поэтому респондентам было предложено взвесить, оценить величину “вклада” в бедность и богатство самого человека и внешних по отношению к нему сил и обстоятельств. Результаты этого ранжирования приведены в табл. 17.2.

Обращает на себя внимание наличие довольно крупных групп, придерживающихся противоположных точек зрения на происхождение бедности и богатства и, по всей вероятности, по-разному представляющих способы достижения богатства и возможные пути преодоления бедности: одни — через собственные усилия, другие — с помощью общества.

Характер ответов свидетельствует также о том, что в селе заметно выше доля людей, полагающих, что бедность — это результат недостаточности собственных усилий, желания и что человек в данной сфере жизни может быть выше каких-либо обстоятельств. Но одновременно среди сельских жителей больше, чем среди городских, доля людей, считающих повинным в бедности только общество, его устройство, порядки, законы, политику. По представлениям половины городских жителей, в бедности виноваты в равной мере как сами

Таблица 17.2

Распределение ответов на вопрос о том, от чего чаще всего зависит бедность и богатство, %

Тип ответа	Городские жители		Сельские жители	
	Бедность	Богатство	Бедность	Богатство
От самих людей	17	21	34	44
Внешних обстоятельств	24	19	31	21
В равной мере	53	52	33	30
Затруднились с ответом	6	8	2	5

люди, так и несправедливое общество. Особенности представлений городских и сельских жителей о соотношении ответственности человека и общества за бедность являются отражением специфики условий жизни этих двух социально-территориальных групп населения: более высокое чувство уверенности и независимости, порождаемое в деревне близостью к земле, с одной стороны, и более заметное, чем в городе, размежевание во взглядах, обусловленное высокой концентрацией бедности и ее застойным характером, высоким уровнем социально-экономического расслоения — с другой.

Что касается представлений о происхождении богатства, то быть или не быть богатым, зависит, по мнению сельских жителей, в первую очередь от самого человека, а с точки зрения горожан, богатство — это в равной мере результат усилий и заслуг человека и влияния социально-экономических условий. Примерно одинаковая доля городских и сельских респондентов рассматривает богатство как следствие причин, практически не зависящих от воли и желания самих людей. Но в целом при объяснении причин бедности, как и богатства, опрошенные чаще придерживаются точки зрения (полностью или частично), что человек может противопоставить себя обстоятельствам, самостоятельно преодолевать бедность и добиваться материального преуспевания.

Интересно сравнить особенности восприятия природы и источников бедности населением разных стран, принадлежащих к разным социально-экономическим, политическим и культурным системам, предполагающим наличие разных систем ценностей. Сошлемся, в частности, на результаты проведенного институтом Гэллага опроса, иллюстрирующие характер представлений о причинах бедности американцев [8]. Вопрос, заданный в национальном выборочном обследовании, был сформулирован примерно так: “Кого, по Вашему мнению, чаще всего нужно винить в бедности: человека, который не проявляет усилий, или внешние, не зависящие от него обстоятельства?” Ответы американцев распределились следующим образом (%):

Обстоятельства	25
Отсутствие усилий	34
И то и другое	38
Не знаю	3

Оценивая эти результаты, автор подчеркивает, что 72 % опрошенных американцев полагают, по крайней мере частично, что в бедности повинен сам человек и любой может встать над обстоятельствами, если приложит усилия.

Следуя этой логике, можно сказать, что среди новосибирских респондентов примерно такая же доля считающих причиной бедности отсутствие усилий со стороны самого человека (31 % в городской местности и 44 % в сельской), а в целом около обвиняют в бедности (в большей или меньшей степени) самих людей 67 %. Таким образом, представления наших граждан о причинах бедности, несмотря на огромные отличия в историческом опыте, условиях и образе жизни от американских, напоминают представления жителей США.

Природа этого явления любопытна и объяснить ее можно по-разному. Нельзя, например, не учитывать особенности социально-экономической ситуации на момент проведения упоминаемого опроса в США. Если иметь в виду, что опрос в США проводился не просто в момент экономического подъема, а в период реализации программы построения общества всеобщего благосостояния, когда государство играло очень активную и очень большую роль в проведении сильной социальной политики, то такие результаты опроса не кажутся неожиданными.

Попытка выявить, какой из факторов лучше всего объясняет и определяет дифференциацию представлений о причинах бедности и богатства, показала, что отдельные частные характеристики социального положения людей (пол, образование, профессия, должность) не оказывают устойчивого влияния на приверженность тем или иным взглядам. Исключение составляют для горожан возраст, а для сельских респондентов — уровень образования, относительно которых наблюдались значения ряда статистических коэффициентов (Крамера (V) и Z-статистики), подтверждающие наличие связи между рассматриваемыми признаками.

Однако несмотря на отсутствие значимых величин связи, характеризующих обусловленность дифференциации представлений о причинах богатства частными характеристиками социального статуса, нельзя не отметить, что оценка вклада отдельных характеристик человека — его характера, природных способностей, достижений и заслуг — в собственное материальное процветание тем не менее неодинакова в различных социально-профессиональных и социально-должностных группах: в одних случаях акцент делается на роль упорного труда, в других — на способности, деловые качества, в третьих — на высокую должность, высокое служебное положение, власть. Так, предприниматели, коммерсанты, владельцы собственного дела главным средством достижения богатства считают усердие, работу “до седьмого пота”, руководители и специалисты — наличие природных способностей и приобретенных качеств (деловой хватки, настойчивое-

ти, уверенности в себе, умения быстро оценивать ситуацию и извлекать из этого для себя выгоду). Неквалифицированные рабочие считают, что самый надежный путь к богатству обеспечивают людям высокое служебное положение, должность и власть.

Социальная обусловленность дифференциации представлений о причинах бедности и богатства более отчетливо проявляется во взаимосвязи с интегральными показателями положения людей в социальной структуре общества — социально-отраслевым профилем семьи, а также с оценками собственного места, занимаемого в социальной иерархии и в иерархии по материальному благосостоянию. Так, представления о причинах богатства у сельских респондентов тесно связаны с осознанием своего места на социальной лестнице. Те, кто считает, что находятся по своему социальному положению на самой нижней ступени социальной иерархии, рассматривают социальный порядок в обществе как главный барьер на пути к богатству, поскольку для преодоления этого барьера у них нет либо возможностей, либо им этого не позволяют делать определенные нравственные нормы. Оценивающие свое социальное положение как высокое, наоборот, в большинстве случаев считают, что материальное процветание находится в руках людей и что социально-экономическая система не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на достижение такой цели, как богатство (рис. 17.1).

Представления о причинах бедности и богатства являются элементами системы экономических представлений и установок населения, поэтому правомерно ожидать их корреляцию с материальным положением семей или отдельных индивидов. Структура объяс-

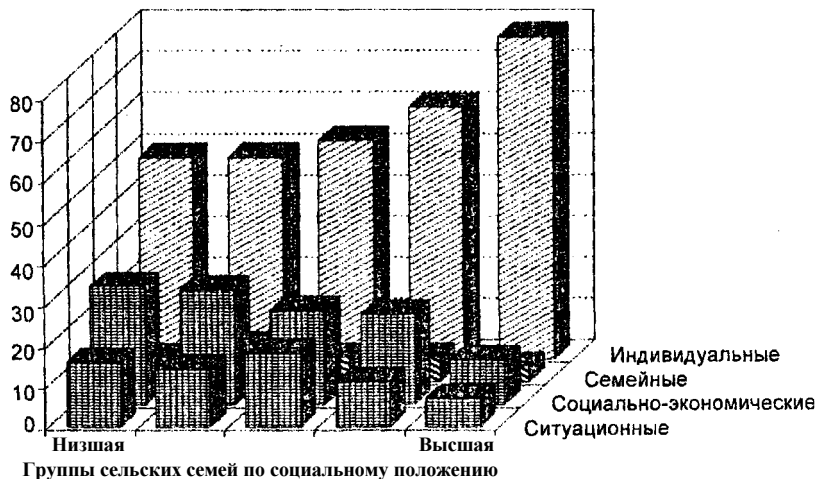
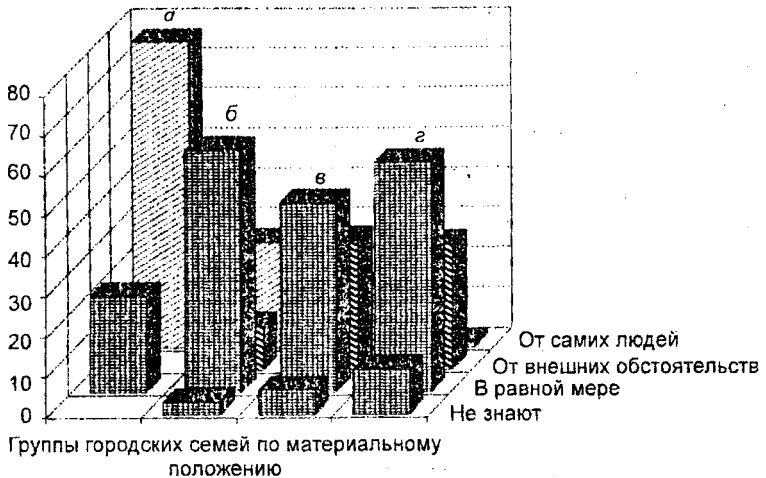

Рис. 17.1. Представления о причинах богатства в семьях с разным социальным положением.

Рис. 17.2. Представления о причинах бедности в семьях с разным социальным положением.
а — выше среднего уровня, *б* — среднего, *в* — ниже среднего, *з* — бедные.

нительных переменных у респондентов с различным материальным положением и результаты оценивания важности роли личности и общества как факторов богатства свидетельствуют о существовании такой связи. Чем выше в семье оценивают свое материальное положение, тем чаще там считается источником богатства человеческий капитал; чем хуже материальное положение, тем больше богатство рассматривается как результат несправедливой системы распределения, закрытости каналов или ограниченности шансов продвижения вверх, невнимания общества к социальным проблемам низших слоев (рис. 17.2). Характерной чертой представлений о причинах бедности и богатства в группах населения с различными материально-экономическими статусами является более наглядная связь дифференциации этих представлений с субъективными показателями материального положения, чем с объективными. Экономические взгляды и представления людей в этой области формируются не просто под влиянием уровня их благосостояния, но, по всей вероятности, и удовлетворенности занимаемым социальным положением, оценки социальной справедливости получаемого вознаграждения. В то же время не исключено, что здесь сказывается и влияние такого фактора, как надежность и достоверность данных о доходах (расхождение между учитываемыми и фактическими доходами населения), вносящего шум и искажения в действительную картину обусловленности представлений о бедности и богатстве материально-экономическим положением.

Выводы

Результаты проведенного исследования подтвердили основные гипотезы, выдвинутые на начальном этапе работы. Среди четырех групп объяснений (индивидуальные, семейные, социально-экономические и ситуационные) наиболее распространенными оказались представления о зависимости бедности и богатства от личного вклада, личных качеств и личных достижений человека (более половины всех высказываний). Достоинства и недостатки социально-экономической системы, воспринимаемые как катализаторы социального продвижения в сфере материального благосостояния или, наоборот, как его барьеры, заметно уступают по частоте упоминания причинам, связанным непосредственно с самим человеком.

Однако частота упоминания индивидуальных объяснений бедности и богатства неадекватна степени их важности. Ранжирование по значимости вклада самого человека и внешних по отношению к нему обстоятельств как факторов бедности и богатства, проведенное респондентами, показало, что состояние бедности и богатства ставят в прямую зависимость от природных способностей, приобретенных деловых качеств, направленности и концентрации усилий на преодоление материальных проблем, от личных заслуг и достижений лишь пятая часть горожан и 35—44 % сельских жителей. Примерно такая же по численности группа городских респондентов (19—24%) придерживается противоположных взглядов, считая, что бедными или богатыми люди становятся в первую очередь вследствие социально-экономического порядка в обществе. Среди сельских жителей сторонников такой точки зрения несколько больше, чем в городе, однако они, тем не менее, уступают по численности группе сельских сторонников индивидуалистической ориентации. От трети до половины всех опрошенных в городе и селе занимают промежуточную позицию, считая, что как бы сам человек ни старался, какими бы достоинствами и заслугами ни обладал, его бедность и богатство будут зависеть в такой же мере и от экономики, социальной политики, законов.

Таким образом, не существует доминантных представлений, признаваемых и поддерживаемых большинством населения, о главных причинах бедности и богатства. Однако выделяются три достаточно представительные группы населения с разными взглядами на эти вопросы. Одних можно назвать приверженцами индивидуализма, потенциально формирующих благоприятную среду для понимания и поддержки либеральных взглядов на соотношение роли человека и государства в организации социально-экономической жизни, других — сторонниками государственного патернализма и, вероятно, больше других обладающих способностью воспринимать социалистическую

идеологию, третьим (наиболее многочисленная группа) ближе позиция социального партнерства человека и государства, что характерно для современных социально-демократических доктрин.

Отсюда, в частности, следует, что потенциальной оппозиционной средой по отношению к проводимому курсу либеральных рыночных реформ являются не только сторонники государственного патернализма и социалистической распределительной идеологии, но и стоящие на позициях социального партнерства, поскольку они достаточно высоко оценивают регулируемую роль государства в собственной жизни, что полностью отрицается либеральной доктриной. Это также говорит о достаточно высоком уровне риска нестабильности нашей общественной системы.

Социальная обусловленность представлений о причинах бедности и богатства почти не проявляется или проявляется относительно слабо, когда речь идет о взаимосвязи этих представлений с отдельными частными характеристиками социального статуса человека, такими как занятие, профессия, должность, пол. Исключение составляет дифференциация представлений у различных возрастных групп и у групп по уровню образования. Наиболее очевидна связь дифференциации представлений о причинах бедности и богатства с интегральными показателями, отражающими положение человека в различных системах социальной стратификации — социально-отраслевым и профессионально-должностным профилем семьи, а также с идентификацией с определенным местом (ступенью) в социальной иерархии и в иерархии по материальному благосостоянию.

ГЛАВА 18 *Субъективная мобильность населения по материальному положению**

В периоды социальных изменений большое значение приобретают характеристики направленности и интенсивности происходящих в обществе процессов, осознания этой направленности движения, что в свою очередь может во многом предопределить характер социальных трансформаций. Таким образом, социальная мобильность и осознание людьми направленности своих перемещений в социальном пространстве являются, на наш взгляд, и важнейшими характеристиками процессов социально-экономической трансформации и параметрами, позволяющими оценить ее перспективы. Исследования объективных аспектов социальной мобильности представлены достаточно широко. Однако в посткоммунистических странах, к которым относится и Россия, люди, осваивая демократию и рынок на прак-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №97—03—04414).

тике, получили возможность проявить себя субъектами (а не объектами) социальных изменений. Естественно, что возрастает актуальность исследований субъективной социальной мобильности. Как считает Петр Матейя, в ходе посткоммунистической трансформации субъективная мобильность стала более важной чертой изменений социальной структуры, чем объективная мобильность, причем субъективная мобильность в этот период была более независима от объективной мобильности, чем это можно было бы представить себе исходя из историческо-материалистической интерпретации [1].

В данной главе мы остановимся на мобильности населения в рамках экономического измерения социальной стратификации, сущность которой заключается в неравном распределении доходов и материальных благ между социальными группами. Речь пойдет о субъективной мобильности, т.е. об оценках, которые дают люди своим перемещениям в экономическом пространстве.

Прежде всего предполагается выяснить (1) масштабы восходящей и нисходящей субъективной мобильности по материальному положению и (2) для каких социальных групп характерна преимущественно восходящая либо нисходящая субъективная мобильность.

Информационной базой нашего исследования являются материалы проведенного в 1996 г. сотрудниками отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН обследования, репрезентирующего сельское население Новосибирской области (объем выборки 600 чел.).

Методология исследования

В настоящее время термин “субъективная мобильность” не введен в научный оборот, не прописана и методология ее измерения. Эффект субъективной мобильности населения в экономическом пространстве на одобрение или неодобрение тех или иных реформенных инициатив, на электоральное поведение отмечается многими отечественными исследователями [2]. Наш опыт электоральных обследований также показывает, что люди голосуют не столько “кошельком”, как принято утверждать, сколько изменениями в этом “кошельке”.

К использованию субъективного подхода прибегают прежде всего из-за ограниченных возможностей прямого и корректного измерения экономической стратификации. Социально-экономическая ситуация середины 90-х годов в стране породила такие проблемы измерения доходов, как точность и достоверность данных, сообщаемых населением о своих доходах, соответствие доходов, указываемых в моментных выборочных обследованиях, их действительной величины, и пр., что связано с несвоевременными выплатами заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, бартерными сделками и оплатой труда натурой, ростом доли натурального потребления в

целом, увеличением доли доходов от дополнительной занятости, имеющей в значительной мере нерегистрируемый, неформальный характер, и др.

Неточный учет доходов дает искаженную картину социальной анатомии и социальной динамики распределения населения по материальному положению. По данным наших выборочных обследований сельского населения, покупатели недвижимости и самых дорогих предметов длительного пользования (автомобили, мебель, современная бытовая техника и пр.) относятся, как правило, к самой нижней 20 %-ной группе по уровню среднедушевых доходов. Таким образом, величина указываемых денежных доходов — это в определенном смысле лишь вершина айсберга, которая не отражает действительных размеров получаемых доходов.

Другим аргументом в пользу субъективного подхода является специфичность объекта исследования — сельское население. В современных условиях вынужденной самодостаточности и выживания преимущественно за счет собственных ресурсов наблюдается абсолютная и относительная депривация сельского населения по сравнению с городским. У сельского населения представления о бедности и богатстве и ранее имели свои особенности, а в наше время, когда многие из сельских жителей практически исключены из сферы товарно-денежных отношений и ограничены в передвижении пределами собственного поселения и близлежащих населенных пунктов, понятие материального успеха, ухудшения или улучшения материального положения имеет свое (количественное и качественное) выражение — сугубо сельское.

Кроме того, независимо от поселенческой специфики, данный подход к измерению экономической мобильности в отличие от объективного позволяет учесть разное значение каждого дополнительного рубля дохода для различных людей. Так, увеличение или уменьшение семейного бюджета на 100 руб. кто-то даже не заметит, а кто-то будет считать это большим успехом или, наоборот, финансовым крахом. Повышение из года в год доходов у начинающих самостоятельную жизнь позволяет им считать, что они продвигаются по экономической лестнице вверх, а другие, увеличивающие свои доходы в той же кратности и(или) получающие их в том же объеме, будут считать себя безнадежно застрявшими в нижней части экономической стратификации, поскольку ни рост, ни объем их нынешних доходов не позволяют восстановить объем и качество потребления (поездки на курорт, к родственникам и пр.), которые у них были в конце 80-х годов.

Таким образом, в условиях, когда нет возможностей достоверного измерения доходов, имеет смысл искать и использовать для конструирования картины социально-экономической дифференциации населения дополнительные и пути и способы, к которым можно отнести субъективные неколичественные критерии и методы измерения.

Подтверждением обоснованности предложенного подхода служит верифицируемость выделенных групп: наличие статистически значимого внутригруппового сходства и межгрупповых различий в поведении, оценках, ориентациях, значимости определенных ценностей и целей, идентификации себя в социальном пространстве, а также в принадлежности к определенным социально-демографическим группам.

Исследования социальной мобильности, понимаемой как изменение положения социального объекта в социальной иерархии за определенный промежуток времени, базируются на социальных сравнениях двух видов — синхронных и диахронных [3]. Синхронные сравнения используются для определения так называемых “положения назначения” — статус респондента в структуре, упорядоченной по какому-либо критерию, например, экономическому или профессиональному, на последнюю точку в анализируемом промежутке времени и “положения происхождения” — статус респондента (при изучении внутрипоколенной мобильности) или положение одного из родителей респондента (при изучении межпоколенной мобильности) в той же структуре на начальную точку в анализируемом периоде. Диахронное сравнение — это сопоставление “положения происхождения” и “положения назначения” респондента, позволяющее определить тип мобильности. Движение вверх означает восходящую мобильность, вниз — нисходящую.

Субъективный метод широко используется в эмпирических исследованиях стратификации. В соответствии с этим методом ранжированная структура совокупности определяется на основе самоидентификации индивидов с тем или иным уровнем социальной иерархии. Если субъективный подход к изучению социальной стратификации распространить и на ее динамический аспект — социальную мобильность, то можно вести речь о субъективной мобильности.

По аналогии с методологией исследования мобильности населения по доходам мы предлагаем выделить два измерения субъективной мобильности — абсолютное и относительное [4]. Сопоставление результатов самоидентификации респондента с тем или иным положением в социальной иерархии (структуре) на начало и конец анализируемого периода определяет субъективную относительную (структурную) мобильность. Оценка, данная респондентами изменению своего социального положения в терминах “улучшилось—ухудшилось”, “стало выше — стало ниже”, характеризует субъективную абсолютную мобильность. Субъективная абсолютная мобильность может быть представлена в следующих высказываниях: “Материальное положение моей семьи улучшилось по сравнению с прошлым годом”, “Моя профессия — учитель — в 60-е годы имела больший социальный престиж, чем сегодня”, “Мой отец, когда ему было столько, сколько мне сейчас, был более влиятелен, чем я”.

В зависимости от объекта сравнения — сам индивид или его родители — можно различать и внутриспоколенную и межпоколенную субъективную мобильность. В настоящей работе будут рассмотрены два вида мобильности — внутри поколенная и межпоколенная. В каждом виде в зависимости от направленности мобильности выделяются такие типы, как восходящая мобильность, иммобильность, или нулевая мобильность (людей, сохранивших положение неизменным, называют иногда “стайерами” от английского “stayer”), нисходящая мобильность.

Внутриспоколенная субъективная мобильность будет представлена в абсолютном и относительном измерении. Ее абсолютное измерение связано с краткосрочной ретроспективой (изменение материального положения семьи за предшествующий обследованию год), а относительное — со среднесрочной (изменение ранга семьи в структуре, упорядоченной по уровню материального положения, за предшествующие 5 лет). Тип субъективной краткосрочной мобильности определяется на основе ответов на вопрос “Какие изменения произошло за последний год в материальном положении Вашей семьи?": “Материально стали жить лучше” — восходящая мобильность; “Изменений не произошло” — иммобильность; “Материально стали жить хуже” — нисходящая мобильность. Субъективная среднесрочная мобильность в данном случае выражается в изменении положения семьи на следующей шкале: 1) богатые (“Может позволить себе все”); 2) обеспеченные (“Можем позволить себе многое”); 3) среднеобеспеченные; 4) ниже среднего уровня (ограниченные материальные возможности); 5) нуждающиеся (периодически не хватает средств к жизни); 6) бедные (регулярно не хватает средств к жизни). Те семьи, ранг материального положения которых на момент обследования (1996 г.) был выше, чем пять лет назад, можно считать осуществившими субъективную восходящую мобильность; семьи, ранг которых был ниже, — это семьи с субъективной нисходящей мобильности; семьи, у которых ранг на момент обследования и тот, который был, по мнению респондента, пять лет назад, совпадают, иммобильны (стайеры). Использование ранговой шкалы позволяет измерять интенсивность мобильности — количество ступеней, проходимых той или иной мобильной семьей за рассматриваемый период.

Субъективная межпоколенная мобильность респондента представлена абсолютным измерением. Ее тип определялся из ответов при сравнении респондентом своего материального положения и материального положения его родителей, когда им было столько лет, сколько ему сейчас. Ответ “У меня лучше” интерпретировался как восходящая мобильность; “Такое же” — как иммобильность; “У меня хуже” — как нисходящая мобильность.

Нисходящая мобильность, ее широкая распространенность в обследуемой совокупности, а также стабилизация, воспроизводство неблагоприятных, находящихся внизу иерархии социальных позиций,

с одной стороны, и закрытость слоев, находящихся сверху социальной иерархии, — с другой, традиционно в исследованиях социальной мобильности рассматриваются как деструктивные процессы с точки зрения развития и функционирования социальной общности.

Краткосрочная субъективная мобильность (абсолютное измерение)

Объем, направленность мобильности, их динамика. Для второй половины 90-х годов характерен высокий уровень вовлеченности сельского населения в процессы экономической мобильности. В 1996 г., как следует из оценок опрошенных, немобильная часть населения, удерживающая материальное положение на неизменном уровне, составляла 37 %, остальные были вовлечены в процесс вертикальной мобильности. Характер изменений в материальном положении, зафиксированных самими опрошенными, свидетельствует об отрицательном сальдо между перемещениями вверх и вниз в этой области: доля претерпевших нисходящую мобильность (45 %) более чем в два раза превышает долю продвинувшихся вверх (18 %).

Направленность изменений в материальном положении обусловлена с разнообразием источников доходов и общей их величиной. В семьях, добившихся улучшения материального положения, на одну семью приходится в среднем 1,9 источника доходов, в семьях, удерживающихся на неизменном материально-экономическом уровне, — 1,7, а в семьях с ухудшившимся материальным положением — 1,5 источника дохода. Нисходящая мобильность в большей мере затронула семьи, которые имели личные подсобные хозяйства меньшего размера и ограниченной структуры, с более низким уровнем товарности. Явное преобладание восходящей мобильности характерно для групп семей, имеющих доходы от предпринимательской деятельности, а равновесие восходящей и нисходящей мобильности — для групп семей, имеющих дополнительные заработки.

Особенно неблагоприятное соотношение между потоками восходящей и нисходящей мобильности наблюдалось в группе семей с минимальными денежными доходами (нижний квантиль): 8 % повысили материальный статус, 61 % понизили. В группе с максимальными среднедушевыми доходами (верхний квантиль) доля повысивших и понизивших материальный статус практически одинакова: 27 и 29 % соответственно.

Сравнение рассмотренных данных с аналогичными материалами выборочного социологического обследования, проведенного отделом социальных проблем ИЭиОПП в 1993 г., показывает, что тенденции в изменении соотношения между объемами восходящей и нисходящей мобильности по материальному положению носят положительный характер. Доля тех, кто улучшил свое материальное положение,

увеличилась с 8 до 18 %; доля поддерживающих материальное положение на стабильном, неизменном уровне выросла с 24 до 37 %, а доля ухудшивших материальное положение сократилась с 58 до 45 % [5].

Позитивный характер изменений в соотношении объемов восходящей и нисходящей мобильности по материальному положению на фоне негативных тенденций и результатов социально-экономического развития страны в целом и аграрного сектора в особенности показывает, что сельское население после шоковой терапии приходит в себя, постепенно адаптируется к новым экономическим условиям, находит пути и способы не только стабилизации жизненного уровня, но и его повышения.

Судя по характеру ответов на вопрос о том, как респонденты реагировали на реальное ухудшение материально-экономического положения семьи, сокращение доходов или угрозу снижения жизненного уровня, отдельные группы сельских жителей придерживались различных стратегий материального обеспечения и удовлетворения материальных потребностей. Для большинства из них (60 %) это была стратегия выживания, пассивного приспособления к экономическим трудностям главным образом за счет сокращения потребностей и уровня их удовлетворения, использования помощи родственников. Другая часть сельских жителей (21 %) заняла более активную позицию и предприняла попытки зарабатывать дополнительные средства для поддержания уровня жизни хотя бы на прежнем уровне (компенсационная стратегия). Третья группа (19%) за счет собственных трудовых усилий (главным образом, на личном подворье) добилась ощутимого улучшения материального положения (достижительная стратегия).

Тип адаптационной стратегии практически не связан с уровнем материальной состоятельности семей: доля использовавших те или иные способы действия примерно одинакова как среди малообеспеченных, так и среди высокообеспеченных. Способ действия скорее всего определялся степенью осознания личной ответственности за собственное благополучие и необходимости проявления активности и инициативы независимо от того, как складываются внешние обстоятельства. Очевидна также роль занимаемого социального положения, которое либо ограничивало, либо способствовало материальному продвижению. Чем выше ступень социальной лестницы, которую занимают опрошенные, тем больше среди них доля осуществивших восходящую мобильность: 14% на нижней (первой) ступени, 57% на шестой и 100% на высшей (седьмой) ступени. При этом положительное сальдо перемещений (преобладание восходящей над нисходящей мобильностью) наблюдалось только для групп, занимающих верхнюю половину шкалы, — богатых, обеспеченных, среднеобеспеченных. Для групп, занимающих нижнюю половину шкалы, характерно отрицательное сальдо (преобладание нисходящей мобильности над восходящей).

Нельзя не отметить, что в целом процессы, отражающие изменения в материальном положении сельских семей, носили разнонаправленный характер. Изменения в социальной и экономической организации, произошедшие в стране за годы реформирования, имели и деструктивный характер, повлекли за собой негативные последствия, поскольку они усилили процессы социальной эксклюзии, социальной маргинализации, материально-экономического расслоения. Необходимость защиты жизненного стандарта, предотвращения снижения уровня жизни в условиях инфляции, хронической невыплаты заработанного, роста безработицы обусловила расширение масштабов натурального потребления, т.е. удовлетворения потребности семьи вне рынка. По данным нашего обследования, 44 % семей потребляют фактически только то, что производят в своем хозяйстве. Рост натурального потребления является симптомом того, что повседневные потребности удовлетворяются способами, действующими вне рамок основных институтов рыночной экономической системы и вне рамок одной из основных ролей этой системы — роли покупателя.

Типы краткосрочной субъективной мобильности в различных социально-демографических группах. Результаты выборочных социологических обследований, проведенных в сельской местности в первой половине 90-х годов, дают основание говорить о том, что сельское население в целом достаточно низко оценивает собственные шансы на достижение материального успеха, богатства и пессимистично в отношении тех возможностей, которые дает им для этого общество. В то же время находящиеся на разных позициях иерархии в различных социальных структурах обладают неодинаковой степенью уверенности в возможностях продвижения наверх. Неодинаковы и результаты их мобильности в материально-экономическом пространстве.

Молодежь до 30 лет представляет собою группу сельских респондентов, добившихся наибольшего материального успеха: более половины из них (53 %) входят в группу с восходящей субъективной краткосрочной мобильностью по материальному благосостоянию. Среди людей других возрастов доля продвинувшихся вверх существенно ниже: в группе 30—39 лет — 23 %, 40—54 года — 6,5, 55—60 лет — 10, старше 60 лет — 8 %. Молодежь до 30 лет является единственной из возрастных групп с положительным сальдо мобильности по материальному положению.

Преобладание восходящей мобильности над нисходящей среди занятых в различных отраслях наблюдается у работников сферы управления, торговли и материально-технического снабжения. Равновесие потоков восходящей и нисходящей мобильности характерно для работников юстиции и охраны общественного порядка, а среди профессионально-должностных групп — для руководителей среднего звена.

Анализ влияния количественного состава семьи на мобильность по материальному благосостоянию выявил, что более высокой рентабельностью и более широкими адаптационными возможностями обладают средние и большие (от 3 до 6 чел.) семьи. Среди них наиболее низкие показатели отрицательного сальдо мобильности, т.е. нисходящих потоков преобладания над восходящими.

Отмеченные возрастные, отраслевые и профессионально-должностные группы семей имеют наиболее благоприятные траектории изменения материального положения. В целом соотношение групп с восходящей и нисходящей мобильностью по материальному положению обнаруживает устойчивую статистическую связь с социально-демографическим составом семей опрошенных. Следует, правда, отметить, что среди индивидуальных характеристик респондентов значимым с этой точки зрения является лишь возраст. В большей мере направленность вертикальной мобильности по материальному положению связана с интегральными характеристиками семьи: ее численным составом, отраслевой занятостью членов семьи, профессионально-должностным профилем семьи, местом на шкале по величине среднедушевых доходов.

Ориентации, оценки, представления групп сельского населения с восходящей и нисходящей мобильностью. Различия в уровне достижений и успехов в материально-экономической области влияют на поведение, строй мыслей людей, порождают неодинаковые типы восприятия всего связанного с изменениями в материальном благосостоянии, определяют различные оценки результатов происходящего в данной области, формируют различные установки. Это достаточно хорошо просматривается на примере групп семей с восходящей и нисходящей мобильностью по материальному положению.

Группы сельских семей с восходящей и нисходящей мобильностью по-разному видят свое место в социальной структуре и по-разному размещают себя на социальной лестнице. Так, 70 % семей из группы с восходящей траекторией изменения материального положения обозначили свое место на верхней половине социальной лестницы, а 75 % семей с нисходящей траекторией изменения материального положения разместили себя в нижней половине шкалы.

Продвинувшиеся вверх более отчетливо демонстрируют свои стремления к достижению и высокие социальные притязания. Среди них почти в 2 раза больше, чем в группе семей с нисходящей мобильностью, доля желающих переместиться на две верхние ступени социальной лестницы. Они более других ориентированы на достижение богатства ценой любых усилий; среди них реже встречаются те, для кого материальное преуспевание, богатство не являются значимой жизненной целью, ценностью.

В группах семей с восходящей и нисходящей мобильностью по материальному положению по-разному оценивают роль отдельных ин-

ституты и человеческих качеств в социальном продвижении. В семьях с восходящей траекторией изменений материального положения выше оценивают роль профессиональной деятельности, обладания собственностью, выборной должности, социального положения родителей, а также упорного труда, умения работать и целеустремленности.

От направления мобильности по материальному положению зависит восприятие величины дифференциации населения по уровню доходов. Сложившаяся дифференциация по уровню доходов в группах семей с восходящей мобильностью намного чаще рассматривается как разумная и приемлемая, т.е. справедливая по сути. Таких взглядов придерживаются 22 % респондентов из семей с восходящей траекторией движения по материальному положению и 8 % — с нисходящей. И наоборот, чрезмерно высокой дифференциацию по уровню доходов чаще считают респонденты из семей с нисходящей мобильностью. Респонденты из семей с восходящей траекторией изменения материального положения чаще других одобряют политику государства по регулированию этой дифференциации, полагая, что государство делает в этом отношении ровно столько, сколько требуется (14% против 2% у респондентов из семей с нисходящей мобильностью).

В целом подавляющая часть опрошенных сельских жителей (82 %) считает действующий механизм распределения доходов несправедливым и неадекватно оценивающим величину трудовых усилий. Непропорционально высокими сельские жители считают доходы коммерсантов (35 %), представителей власти и чиновников (25 %), т.е. тех социальных групп, которые находятся на вершине пирамиды материального благополучия. Но в группах семей с восходящей и нисходящей мобильностью по материальному положению не всегда совпадает адресная направленность социальной критики. И те и другие единодушны только в оценках неоправданности высоких доходов коммерсантов, но в остальном их мнения разделились. В частности, в семьях с восходящей мобильностью в получении несправедливых доходов намного чаще обвиняют преступный мир, а в семьях с нисходящей мобильностью — работников властных структур, руководителей.

Прослеживаются и особенности взглядов людей на природу материально-имущественного неравенства, происхождение богатства и бедности. Самые заметные различия между группами семей с восходящей и нисходящей мобильностью по материальному положению в объяснении бедности связаны с тем, что, например, в семьях с нисходящей траекторией изменения материального положения чаще дается негативная оценка общественным институтам и каналам материально-экономического продвижения, поскольку противоправные и незаконные способы стали наикратчайшим путем достижения материального благополучия. Между тем эти способы либо неприемлемы (“Не умеем воровать и обманывать”), либо недоступны.

В семьях с восходящей мобильностью по материальному положению основными причинами, препятствующими достижению материального достатка, называются в первую очередь такие человеческие пороки, как пьянство и алкоголизм.

Достаточно отчетливо различия в ценностной структуре сознания респондентов из групп семей с восходящей и нисходящей мобильностью проявляются в представлениях о том, чему в жизни должны следовать дети, чтобы жить благополучно. (Особенно ярко это показали данные выборочного социологического обследования 1995 г. в Курьинском районе Алтайского края.) Пожелания детям в значительной мере характеризуют систему жизненных целей и предпочтений самих родителей, даже если они не всегда имеют возможность следовать им в собственной жизни. В семьях с восходящей мобильностью намного чаще, чем с нисходящей, родители хотели, чтобы их дети стремились к личному успеху, получили бы высокий уровень образования, настойчиво добивались того, чтобы занять видное положение, не боялись перемен. Этот набор жизненных принципов, как бы завещаемых детям, свидетельствует о предпочтительности достигательных ориентаций, активных способов реагирования на выдвигаемые жизнью проблемы. Считается, что данные качества являются базисными характеристиками ценностей, доминирующих в обществах с рыночной экономикой — упорного труда, предприимчивости, успеха, индивидуализма. Следовательно, ценности рыночного общества отнюдь не чужды сельскому населению. Во всяком случае, их разделяют 58—82 % респондентов из семей с восходящей мобильностью по материальному положению.

В группе семей с нисходящей мобильностью чаще, чем с восходящей, детям советуют не рисковать, стремиться к стабильности, стараться избегать неудач, уметь довольствоваться малым и не выделяться (эти пожелания высказаны 32—46 % респондентов данной группы семей).

Таким образом, результаты и достижения в сфере материального благосостояния согласуются с теми жизненными целями, принципами и притязаниями, которых придерживаются группы опрошенных с различной направленностью мобильности по материальному положению. Это еще раз подтверждает, что бедность и богатство каждого отдельного человека — во многом итог его собственных желаний и усилий в этой области.

Субъективная среднесрочная мобильность по материальному положению (относительное измерение)

Ощущение улучшения или ухудшения материального положения семьи, определяемое увеличением или уменьшением располагаемых доходов, представляет собой абсолютное измерение субъектив-

ной мобильности. Причем абсолютная субъективная мобильность не всегда сопутствует относительной субъективной мобильности. Последняя представляет собой результат более сложного комплекса социальных сравнений [6]. Она предполагает оценку изменения *своего сегодняшнего положения* относительно *своего вчерашнего положения* одновременно с оценкой изменения *положения значимых других людей*. Так, улучшение материального положения семьи К. может не привести к перемещению ее из страты среднеобеспеченных в обеспеченные, поскольку окружающие его другие люди преуспели за это время еще больше и семья К. по сравнению с ними так и остается среднеобеспеченной или даже становится обеспеченной ниже среднего.

Судя по оценкам опрошенных, большинство из них (86 %) пять лет назад занимали место в верхней половине шкалы по материальному положению, а на момент опроса более трети из них переместились в нижнюю половину (табл. 18.1). Такое представление о своем месте в иерархии по материальному положению пять лет назад, возможно, носило идиллический характер и, видимо, скорректировано и трансформировано реалиями сегодняшнего дня: то, что раньше казалось плохим и не очень хорошим, по меркам сегодняшнего дня рассматривается как вполне удовлетворительное или хорошее. К сожалению, мы не располагаем данными об оценках положения на материально-экономической шкале семей сельских жителей Новосибирской области непосредственно в 1991 г. Некоторым ориентиром могут быть данные за 1986 год, полученные при обследовании сельского населения Топчихинского района Алтайского края: по самооценке опрошенных 8% семей жили зажиточно, 76% — средне, 15% — бедно, 1% — затруднились сказать [7]. Как видим, при всей идилличности воспоминаний сельяне, похоже, не сильно преувеличивают. Однако в 90-е годы процессы социально-экономических изменений, в том числе и на селе, были весьма интенсивны. Это отразилось и в динамике оценок материального положения: в 1993 г. размещали себя в верхней половине шкалы только 39 % респондентов, в 1996 г. — уже 48 % (данные по Новосибирской области).

Таблица 18.1

Оценка респондентами материального положения семьи, %

<i>Группа по материальному положению</i>	<i>Пять лет назад</i>	<i>На момент опроса (лето 1996 г.)</i>
<i>Богатые</i>	2,2	0,2
<i>Обеспеченные</i>	17,2	4,3
<i>Среднеобеспеченные</i>	66,4	43,5
<i>Обеспеченные ниже среднего уровня</i>	8,4	22,6
<i>Нуждающиеся</i>	3,6	16,2
<i>Бедные</i>	2,2	13,2

Анализ матрицы переходов из одной страты по материальному положению в другую за пять лет показывает преобладание нисходящей мобильности. Ее осуществили 52 % опрошенных, при этом на одну позицию опустились 24% семей, на две — 14, более глубокое падение (на три и более позиции) ощутили еще 14% опрошенных. Сохранилось неизменным материальное положение у 45 % респондентов. Восходящую мобильность осуществили лишь 3 % семей: 2 % — на одну позицию, 1 % — на две.

Коэффициенты выхода, представляющие собой долю покинувших исходную страту, свидетельствуют (табл. 18.2), что наибольшему размыванию подверглась группа богатых (коэффициент выхода равен 100%): все, кто считает, что пять лет назад они относились к страте богатых (2,2 % опрошенных), осуществили нисходящую мобильность и сейчас в основном относят себя к среднеобеспеченным (46 %) или к бедным (41 %). Среди обеспеченных 21 % сохранили свое положение, а остальные осуществили нисходящую мобильность, следовательно, коэффициент выхода равен 79%. Половина (51%) среднеобеспеченных осталась на том же уровне, около 1 % из них стали более обеспеченными, материальное положение остальных за пять лет ухудшилось. Около четверти представителей страт “Материальное положение ниже среднего” или “Нуждающиеся” за последние пять лет имеют восходящую мобильность, а сохранили свое положение на том же уровне 43 и 55 % представителей этих страт (соответственно). Среди тех, кто был бедным пять лет назад, 93 % бедны и сейчас (коэффициент выхода 7 %).

Коэффициенты входа отражают доступность того или иного положения, открытость страты. Считают себя в настоящее время богатыми в анализируемой совокупности 0,2 % опрошенных. Пришли они в эту страту все из среднеобеспеченных. Конечно, 0,2 % — величина малая, в пределах статистической ошибки, и много тут не порассуждаешь. Но все-таки, видимо, не случайно то, что среди этих богатых нет ни одного “старого” богатого. В наше время назвать себя “богатым” на селе, похоже, может лишь тот, кто ощутил существенное экономическое продвижение, а не тот, кто только сохранил пусть и относительно высокий уровень достатка. С учетом сказанного наибо-

Таблица 18.2

Типы мобильности в стратах, к которым принадлежали респонденты, %

<i>Материальное положение 5 лет назад</i>	<i>Восходящая мобильность</i>	<i>Иммобиль- ность</i>	<i>Нисходящая мобильность</i>	<i>Всего</i>
<i>Богатые</i>			100	100
<i>Обеспеченные</i>	-	21	79	100
<i>Среднеобеспеченные</i>	1	50	49	100
<i>Обеспеченные ниже среднего уровня</i>	23	44	33	100
<i>Нуждающиеся</i>	23	55	22	100
<i>Бедные</i>	7	93	—	100

Таблица 18.3

Типы мобильности в стратах, к которым респонденты отнесли свои семьи на момент опроса, %

<i>Материальное положение в настоящем</i>	<i>Восходящая мобильность</i>	<i>Иммобиль- ность</i>	<i>Нисходящая мобильность</i>	<i>Всего</i>
<i>Богатые</i>	100			100
<i>Обеспеченные</i>	13	83	4	100
<i>Среднеобеспеченные</i>	6	78	16	100
<i>Обеспеченные ниже среднего уровня</i>	1	16	83	100
<i>Нуждающиеся</i>	1	12	87	100
<i>Бедные</i>	—	16	84	100

лее закрытыми стратами оказались обеспеченные и среднеобеспеченные: на 80 % они состоят из тех же, что и пять лет назад (коэффициент входа 20 %) (табл. 18.3). Наиболее открытыми и доступными стали три нижние страты. Приблизительно в равной мере (коэффициенты входа 84—88 %) они пополнились представителями других страт.

Ощущение изменений в материальном положении имеет некоторую возрастную специфику. Селяне с восходящей мобильностью моложе 55 лет, немногим меньше половины из них нет и 30 лет. Среди стайеров и тех, кто ощутил нисходящую мобильность, треть составляют люди старше 55 лет, но в среднем среди этих двух групп стайеры более молоды.

Люди с восходящей мобильностью более образованны, чем те, у кого иной тип мобильности. Это скорее связано с их относительно молодым возрастом, на который пришлось время, когда среднее образование было обязательным. А в целом субъективная мобильность, как показывают наши данные, не определяется уровнем образования.

Неизменным за пять лет считают материальное положение своих семей чаще всего респонденты, занимающие руководящие посты (70 %), при том, что материальное положение не улучшилось, а ухудшение ощутили 30 %. Чаще всего перемещение вниз в иерархии материального положения отмечали специалисты. Восходящая мобильность характерна для 9 % семей специалистов, нисходящая — для 60%, у 31 % положение не изменилось; среди рабочих эти доли составляли 3; 55 и 42 % соответственно.

Субъективная структурная (среднесрочная) мобильность имеет свои особенности в квинтильных группах, различающихся уровнем указанного душевого дохода: чем выше доход группы, тем большему количеству семей удалось сохранить прежний уровень материального положения. И как следствие, стайеры — наиболее обеспеченные люди на селе. Если принять за единицу средний уровень душевого дохода тех, кто осуществил восходящую мобильность, то в семьях стайеров доход составит 1,44, в семьях с нисходящей мобильностью — 1,06.

Среди тех, кто живет в фактической бедности (первый квинтиль), 30 % не ощутили никаких изменений материального положения за последние пять лет, 5 % считают, что раньше жили еще хуже,

а остальные свое нынешнее положение считают результатом нисходящей мобильности. Среди представителей пятого квинтиля (наибольшие доходы) 43 % также считают, что их материальное положение за пять лет понизилось, в том числе 10% тех, кто оценивает свое нынешнее материальное положение ниже среднего. Подобное абсолютное “обнищание” можно объяснить тем, что этим людям высокие (относительно доходов других жителей) получаемые ныне доходы не позволяют поддерживать сегодня те стандарты потребления, которые были характерны для них пять лет назад.

В свое время Л.А. Гордоном была высказана такая мысль: “...наиболее острые разновидности диахронной относительной бедности и наиболее глубокая абсолютная бедность характерны не для одних и тех же, но для разных общественных слоев. Абсолютно беднее всех сегодня те же, что были и раньше. Относительно обеднели больше всех совсем другие люди, принадлежащие прежде к средним и средневысоким общественным группам” [8]. Наше исследование подтвердило ее справедливость. Чем выше уровень материального положения был в прошлом, тем острее субъективное обеднение. И при относительно низком, и при относительно высоком фактическом доходе имеет место ощущение материальных потерь.

В зависимости от типа мобильности дифференцируются и оценки респондентами перспектив собственного социального продвижения и социального продвижения своих детей. Наиболее оптимистичны стайеры структурной среднесрочной мобильности. Доля считающих что у них есть реальные шансы для социального продвижения, среди стайеров равна 44 %, среди осуществивших восходящую мобильность — 40 %, нисходящую — 19 %. Доли в этих группах респондентов, которые думают, что их дети в будущем смогут достичь более высокого социального положения, чем они сами, составляют 62; 56 и 42 % соответственно.

Между краткосрочной и среднесрочной субъективной мобильностью в иерархии по материальному положению наблюдается достаточно тесная связь. У 60 % респондентов тип субъективной мобильности (восходящая, иммобильность, нисходящая) в среднесрочной и краткосрочной ретроспективе совпадает. Наибольшее совпадение характерно для нисходящей мобильности. Так, 73% тех, у кого за последний год ухудшилось материальное положение, переместились вниз в иерархии материального положения.

Межпоколенная субъективная мобильность

Оценка респондентами достижений и успехов в жизни за более продолжительный период показывает, в частности, что сельские жители в некоторых отношениях пошли дальше своих родителей и добились лучших результатов. Наиболее очевидны достижения в сфе-

ре образования: 71 % опрошенных имеют более высокий уровень образования, чем их родители; более половины респондентов (59 %) повысили по сравнению с родителями свой жилищный статус. Меньшего продвижения достигли опрошенные в величине денежных доходов: более высоких результатов, чем у их родителей, добились 42 %. Тем не менее и в этой области восходящая субъективная мобильность преобладает над нисходящей (30 %) [9]. Однако лишь у части опрошенных достижения в отдельных сферах сопровождались восхождением к более высокому положению на социальной лестнице: 28 % респондентов занимают более высокое положение в обществе, чем их родители, у 36 % социальный статус не изменился, а у 22 % положение в обществе ухудшилось. Характерно, что место, занимаемое респондентом в социальной иерархии, коррелирует с тем, насколько дальше он продвинулся в получении денежных доходов по сравнению со своими родителями. Так, среди занимающих самую нижнюю ступень социальной лестницы, доля добившихся более высоких денежных доходов составляет 27 %, на следующей (второй) ступени — 36, на третьей — 41, на четвертой — 48, на пятой — 56, на шестой — 66, на седьмой (самой высокой) — 100 %.

Анализ взаимосвязи различных видов субъективной мобильности показал, что между типами межпоколенной мобильности по материальному положению и типами краткосрочной мобильности отсутствует статистически значимая связь, а со среднесрочной структурной мобильностью такая связь существует, но сила связи невелика (коэффициент Крамера равен 0,16). Тип межпоколенной мобильности определяется прежде всего местом семьи респондента на квинтильной шкале душевого дохода: более половины тех, кто считает, что материально живет лучше, чем родители в его возрасте, относятся к четвертой и пятой (самые обеспеченные) доходным группам, половина стайеров межпоколенной мобильности относятся к третьей и четвертой доходным группам, а среди тех, кто живет материально хуже родителей, больше половины в первой и второй (наименее обеспеченные) доходных группах. Об этом говорит и распределение по типам мобильности и в самих квинтильных группах: около трети представителей первой и второй доходных групп осуществили восходящую мобильность, а в третьей, четвертой и пятой — по 55—56 %.

При превалировании восходящей субъективной мобильности на конкретных шкалах (образование, материальное положение, жилищные условия) на шкале общего статуса (положение в обществе), как было отмечено выше, подобного не наблюдается. В анализируемой совокупности на 70 % восходящей мобильности по образованию приходится 42 % восходящей мобильности по материальному положению, а среди тех, у кого материальное положение выше, чем у родителей, имеют лучшее, чем у родителей, образование 85 %, но лишь половина считает, что их нынешнее социальное положение выше,

чем у родителей в возрасте респондентов. Такое самоощущение скромного социального продвижения у селян во многом объясняется, на наш взгляд, рассогласованием в системе инвестиции (образование) — вознаграждения (доход, материальное положение).

Для доказательства этого утверждения был сформирован признак, характеризующий рассогласованность типов межпоколенной субъективной мобильности по материальному положению и образованию. Между этим признаком и типом межпоколенной мобильности в иерархии социального положения наблюдается значимая статистическая связь, а коэффициент Крамера равен 0,28. При этом превалирование восходящей социальной мобильности над нисходящей и немобильностью имеет место лишь в группах, где материальное положение респондентов лучше, чем у родителей, независимо от соотношения их уровней образования. Вклад образования прослеживается в ситуациях, когда при нисходящей мобильности по материальному положению и восходящей по образованию люди считают, что их социальное положение выше, чем у родителей. Часть опрошенных (12 %) при оценке своего социального продвижения по сравнению с родителями руководствуется явно иной логикой, чем соотношение образования и материального положения. Так, при образовании и материальном положении лучше, чем у родителей, люди считают, что их социальное положение ниже, чем у родителей, а когда и образование и доход хуже, — социальное положение выше. Это можно объяснить влиянием неучтенных компонентов статуса, таких как власть, связанная с управленческими функциями, или престиж и уважение людей (очень важной характеристикой на селе), определяемыми вовсе не образованием и доходом, а и тем, что вступление в брак ставит социальное положение одного супруга в зависимость от социального положения другого супруга.

Выводы

Как свидетельствует анализ субъективной мобильности по материальному благосостоянию сельского населения, процессы, характеризующие изменение в материальном положении сельских семей, носят разнонаправленный характер:

<i>Тип и вид мобильности</i>	<i>Относительное измерение</i>	<i>Абсолютное измерение</i>
<i>Внутрипоколенная мобильность</i>	<i>Среднесрочная</i>	<i>Краткосрочная</i>
<i>Восходящая</i>	3	18
<i>Иммобильность</i>	45	37
<i>Нисходящая</i>	52	45
<i>Межпоколенная мобильность</i>		<i>Долгосрочная</i>
<i>Восходящая</i>	—	42
<i>Иммобильность</i>	—	28
<i>Нисходящая</i>	-	30

Преобладание на протяжении последних лет у сельского населения нисходящей субъективной мобильности в краткосрочной и среднесрочной ретроспективах может расцениваться как деструктивное явление — следствие снижения уровня удовлетворения потребностей людей, сокращения возможностей удовлетворения этих потребностей. На фоне прогрессирующего экономического расслоения и дезинтеграции аграрного сектора экономики оно ведет к социальной эксклюзии и относительной депривации населения.

В то же время темпы роста объема нисходящей мобильности по материальному положению сокращаются, наблюдается некоторый рост восходящей субъективной мобильности, что может рассматриваться как конструктивное явление. Следовательно, сельское население приходит в себя после шоковой терапии, постепенно адаптируется к новым экономическим условиям, находит пути и способы не только стабилизации жизненного уровня, но и его повышения.

Несмотря на материальные трудности последних лет, определивших превалирование среди сельского населения в среднесрочной и краткосрочной ретроспективе нисходящей мобильности, основная масса селян считает, что они материально живут не хуже своих родителей и даже лучше. То есть в долговременной ретроспективе преобладает восходящая мобильность (42 %). Но несмотря на заметные масштабы восходящей межпоколенной мобильности по образованию (70 %) и материальному положению, адекватного улучшения социального положения по сравнению с родителями не наблюдается, что можно объяснить ограничениями социального продвижения, налагаемыми на село как сегмент социальной системы обществом в современном его состоянии.

ГЛАВА 19 *Статусная рассогласованность в постсоветский период**

Нормативный подход к исследованию

Различные аспекты стратификации современного российского общества в последнее время изучаются довольно активно. Однако проблема статусных рассогласований, широко распространенных в разных фрагментах социальной структуры [1], пока еще не получила должного отражения в работах отечественных социологов, в то время как на Западе концепция статусной неконсистентности разрабатывается в рамках теории социальной стратификации [2].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда в рамках программы “Российские общественные науки: новая перспектива” (грант № 283).

Существует несколько версий данной концепции, которые условно могут быть названы как объективная, субъективная и нормативная [3], Исторически первой возникла объективная версия, которая статусными рассогласованиями считает несовпадения, несоответствия статусов друг другу (в данном случае под статусом понимается ранг социальной позиции субъекта). Сущность неконсистентности сводится к отклонению от ситуации равенства рангов. Однако объяснительный потенциал данной версии недостаточен, что потребовало разработки других подходов к анализу этого социального феномена.

И. Гоффман предложил определять и измерять статусную неконсистентность не в терминах неравенства рангов, а как отклонение от нормативно ожидаемых статусных профилей. Так называемая нормативная версия предполагала наличие моделей, комбинаций статусов, нормативно ожидаемых либо самими индивидами, либо их социальным окружением [4]. Данная версия получила развитие в работах Дж. Мейера и Ф. Хаммонда [5], А. Малевского [6], Дж. Гешвендера [7] и др.

Нормативные модели получили название “правил конгруэнтности”, выявление содержательной спецификации которых стало исходным пунктом анализа статусных рассогласований. “Правила конгруэнтности” — это существующие в обществе представления о том, какая конфигурация рассматриваемых статусов является нормальной, приемлемой с точки зрения эффективности функционирования социальной системы [8], т.е. они определяются как “социальные правила, фиксирующие консистентное, согласованное соотношение статусных характеристик” [9]. Сущность статусных рассогласований сводится, таким образом, к нарушению, отклонению от этих нормативных моделей.

Интерес к содержательной спецификации “правил конгруэнтности” появился в связи с исследованиями влияния социальной структуры (в том числе феномена статусных рассогласований) на поведение людей. В США в 50—60-е годы эмпирические исследования статусной неконсистентности проводились с целью получить объяснение некоторых видов политического поведения индивидов (прежде всего электорального) [10]. Идея этих работ заключалась в демонстрации реакции людей на несовпадение их статусов (например, сочетание высокого аскриптивного и низкого достигнутого статусов), а фактически, на отклонение реального соотношения статусных характеристик от правила, принятого в данной социальной среде.

“Правила конгруэнтности” не универсальны и вытекают из специфических условий конкретной общественной системы, а также рассматриваемых фрагментов социальной структуры. Весьма популярно в зарубежных исследованиях изучение такого фрагмента, как система инвестиций — вознаграждение, особенно среди последователей функциональной концепции стратификации [11], Именно в рамках этой концепции впервые соотнесены понятия инвестиции как затра-

ты, усилила субъекта на достижение определенной социальной позиции и вознаграждения как стимула, с помощью которого общество распределяет индивидов по этим позициям. Эти характеристики считаются фундаментальными, так как в них находят отражение все измерения социальной стратификации [12].

Основной теоретических представлений о “правилах конгруэнтности” в данном фрагменте социальной структуры является меритократическая идеология. Институционализированные нормы меритократии нашли отражение в содержании правил: индивид должен вознаграждаться соответственно занимаемой профессиональной позиции (последняя полностью отражает его образование и квалификацию) [13]. Для современных обществ характерны отклонения от этих норм, однако их степень различна в системах с разной социальной организацией.

Дж. Гешвендер, Дж. Мейер и Ф. Хаммонд показали, что в рыночных обществах действует тенденция к согласованности между уровнем образования (рассматриваемым как инвестиции) индивида и уровнем его дохода (рассматриваемым как материальное вознаграждение) [14].

Подходы к выявлению содержания “правил конгруэнтности” в системе инвестиции — вознаграждение перераспределительного общества представлены в работах польских исследователей В. Весоловского, А. Сарапаты, В. Заборовского, К. Сломчинского [15] и др. Известный в прошлом принцип распределения “каждому — по труду” определял декларируемое правило, которое нередко нарушалось под давлением социально-экономических условий [16]. Результаты исследований дифференциации доходов населения и ее факторов в бывших социалистических странах свидетельствовали о распространенности согласований инвестиций (индикатор — позиция в квалификационно-должностной иерархии) и вознаграждений (индикатор — уровень зарплаток) работников [17].

“Правила конгруэнтности” в период перехода к рыночной социальной системе могут иметь специфическое содержание. В стабильном социуме баланс между инвестициями и вознаграждением поддерживается посредством централизованного планирования (в социалистическом обществе) или рынка труда (в капиталистическом). Сейчас возможно нарушение этого баланса (например, частный сектор пытается отказаться от использования высококвалифицированной рабочей силы, которая требует более высокой оплаты труда [18]). Если это приводит к изменению “правил конгруэнтности”, следует ожидать серьезные проблемы в экономическом развитии системы. Пока не зафиксировано содержание нормативных моделей, невозможно и изучение центральной проблемы — эффектов неконсистентности в современном российском обществе.

Существуют два подхода к выявлению содержания “правил конгруэнтности” [19]. Один из них основан на определении правил как статистической нормы для рассматриваемой совокупности субъек-

тов, при этом нормальным соотношением статусных характеристик считается их наиболее распространенная комбинация (например соответствие уровня доходов работника уровню его образования, которое характерно для стабильного рыночного общества). Статусные расхождений рассматриваются как отклонения от существующего в данной социальной среде правила.

Другой подход основан на определении содержания “правил конгруэнтности” как “центральной тенденции общественного мнения” [20], которая может быть зафиксирована в опросах населения. Целесообразно различать нормативную и дескриптивную версии анализа [21]. Нормативность связана с выделением компонента должного в представлениях о “правилах конгруэнтности” — ожиданий членов данной общности по поводу должного соотношения статусных характеристик, которое является правильным и справедливым в рассматриваемой социальной среде. Рассогласованиями считаются такие комбинации статусов, которые не соответствуют существующим в общественном сознании правилам. Дескриптивная версия фиксирует представления населения о том, какое правило существует в действительности.

Оба подхода являются взаимодополняемыми. Невозможно определить “правило конгруэнтности”, зафиксировав только статистическую норму, не учитывая нормативных и дескриптивных представлений в массовом сознании о справедливом соотношении статусов (в противном случае любую действительность можно выдать за правило).

“Правила конгруэнтности” можно рассматривать на макро- и микроуровне. В первом случае нормативные модели статусов фиксируются в социальной системе в целом, в том числе в массовом сознании населения рассматриваемого общества. Во втором случае речь идет о правилах, существующих в той или иной микросреде, в разных социальных группах (территориальных, профессиональных и т.п.).

Результаты исследования

Пытаясь определить специфическое содержание “правил конгруэнтности” в конкретном фрагменте социальной структуры современного российского общества, мы сформулировали две гипотезы исследования.

Первая заключается в том, что “правилом конгруэнтности” макроуровня является такое соотношение статусов, когда уровень вознаграждения работника соответствует уровню его инвестиций.

В современном российском обществе известны и наблюдаемы группы с ярко выраженной рассогласованностью данных статусов (например, неквалифицированные работники рыночного сектора экономики, уровень доходов которых превышает уровень, их образования, или научные работники с обратным направлением несоответствий). Однако для общества в целом ожидаема распространенность

ситуации согласованности инвестиций и вознаграждений работников, поскольку эта сбалансированность необходима для эффективного функционирования системы.

По результатам проведенных нами исследований, 70% работников Новосибирска (1994 г.) и 76 % работников одного из сельских районов Алтайского края (1993 г.) имели соответствие между квалификационно-должностным и доходным статусом.

Корректность данной гипотезы косвенно подтверждают результаты одного из мониторинговых исследований ВЦИОМа (ноябрь-декабрь 1995 г.). Сформулированное выше содержание “правила конгруэнтности” (соответствие инвестиций и вознаграждения) находит отражение в общественном сознании — в представлении россиян о том, что высокий профессионально-должностной статус индивида является средством обретения материального достатка [22].

В соответствии со второй гипотезой, имеет место множественность “правил конгруэнтности” на микроуровне социальной системы, предопределенная наличием в современном российском обществе групп с разной степенью и направленностью рассогласований между инвестициями и вознаграждением.

Исследования российских социологов свидетельствуют о наличии таких групп в социальной структуре общества (например, бизнес-слой, для многих представителей которого характерна неконсистентность статусов [23]). Среди опрошенных работников Новосибирска (1994 г., руководитель проекта Ф.М. Бородкин) были выделены две группы респондентов с разным направлением рассогласований между инвестициями и вознаграждением: 1) занятые индивидуальным трудом, частные предприниматели с часто встречающейся комбинацией высокого уровня дохода и относительно низкого уровня образования; 2) работники бюджетной сферы, занятые в отраслях социального обслуживания (здравоохранение, просвещение, культура и т.п.), с нередким несоответствием между их квалификацией и относительно низким уровнем оплаты труда. В данных группах можно ожидать разные “правила конгруэнтности” (в значении статистической нормы): в первой — комбинация “высокий уровень дохода — относительно низкий уровень образования”, во второй — соотношение “высокий уровень образования, квалификации — относительно низкий уровень дохода”.

В данных гипотезах отражены представления о содержании “правил конгруэнтности” как исходных пунктов анализа нормативных рассогласований. Фиксация нормативных моделей важна для изучения эффектов неконсистентности, т.е. реакций индивидов на ситуацию рассогласованности их статусов, которые ожидаются при нарушении искомых правил.

Апробация подходов к выявлению содержательной спецификации “правил конгруэнтности” в системе инвестиции — вознаграждение на первом этапе предполагала определение их как статистической нормы

для рассматриваемой общности. Информационной базой служили данные исследования ВЦИОМа, проведенного в ноябре 1996 г. на выборке, репрезентирующей население российского общества (N = 2399).

Для каждого работающего респондента (56,8 % опрошенных) определялся уровень его инвестиций (позиция в иерархии образования и на квалификационно-должностной шкале) и вознаграждения (позиция в иерархии по доходам).

В работе используются два существенно разных индикатора, применяемых для измерения инвестиций работника: занимаемая должностная позиция и уровень образования. В рыночном обществе второй измеритель наиболее адекватно отражает усилия индивида, связанные с достижением определенной социальной позиции, что предопределяет выбор именно этого показателя в зарубежных исследованиях статусной неконсистентности. В современной России образование не является единственным индикатором инвестиций. Большинство работников получило его в бывшей перераспределительной системе, однако сегодня стимулируются и вознаграждаются совершенно иные затраты. Кроме того, сейчас определенный уровень образования либо является необходимым, но не достаточным условием достижения социального статуса (например, руководителя высшего звена в бюджетной сфере), либо не считается обязательным требованием социальных позиций (например, руководителей разного уровня, занятых в рыночном секторе экономики).

В то же время и должностная позиция, рассматриваемая как самостоятельный индикатор, способна отразить, скорее, текущие инвестиции работника (усилия в настоящее время), лишь частично учитывая затраты предыдущих периодов, связанные с получением образования. Не вызывает сомнения, что квалификационно-должностной статус выступает своеобразной материализацией последнего. По результатам нашего исследования зафиксирована связь между переменными образования и должностной позиции при использовании критерия χ^2 (уровень значимости 0,05). Коэффициент Гамма, отражающий зависимость ранговых переменных,

Таблица 19.1

Распределение работников по группам с различным соотношением квалификационно-должностного и образовательного статусов

<i>Соотношение статусов</i>	<i>Всего, чел.</i>	<i>% к общей численности работников</i>
<i>Должностная позиция ниже статуса образования</i>	233	16,6
<i>Согласованность статусов</i>	1081	80,2
<i>Должностная позиция выше статуса образования</i>	43	3,2

достигает 0,66, что свидетельствует о значительной связи двух индикаторов. Такие же результаты получены при анализе распределения работников по группам с разным соотношением должностного и образовательного статусов: у 80, % опрошенных эти характеристики согласованы (табл. 19.1).

Однако в реальной социальной жизни переходного к рыночному общества образование как долгосрочная и должностной статус как краткосрочная составляющие инвестиций иногда существенно различаются. У 17 % российских работников уровень образования относительно выше их квалификационно-должностного статуса (согласованность достигается в случае соответствия рангов: высшее образование и должность руководителя, неполное среднее образование и должность неквалифицированного работника и т.п.). Невозможно отдать предпочтение одному из индикаторов инвестиций по той причине, что коэффициенты связи с вознаграждением приблизительно одинаковы: коэффициент Гамма между переменными дохода и образования равен 0,19, а между переменными дохода и должностной позиции — 0,17.

Таким образом, в современной России необходимо рассматривать две составляющие индикатора инвестиций при анализе статусных рассогласований, которые в исследовании фиксировались на основе соотношения позиций работника в иерархии образования (квалификационно-должностной) и в иерархии по доходам.

Корректность выводов в любом стратификационном исследовании зависит от степени влияния на результат выбранного способа ранжирования. Поэтому при изучении проблемы статусных соответствий-несоответствий необходимо обосновать правомерность использования построенных ранжированных шкал, отражающих реальные структуры объектов. Дело в том, что масштаб статусных рассогласований может предопределяться особенностями этих структур и зависит от используемого способа проведения границ между рангами. Поясним на конкретном примере (табл. 19.2).

На основе известных процедур были построены две ранжированные шкалы, основанием первой выступали инвестиции работника (позиция в иерархии по образованию), а второй — его вознаграждение (позиция в иерархии по доходу). В результате сопоставления этих иерархий вычислена максимально возможная доля согласован-

Таблица 19.2

Сопоставление иерархий образования и доходов

Иерархия образования		Иерархия доходов		Максимально возможная доля согласованных субъектов, %
Уровень	Доля работников,	Уровень	Доля работников, %	
<i>Низкий</i>	10,2	<i>Низкий</i>	26,6	10,2
<i>Ниже среднего</i>	13,7	<i>Ниже среднего</i>	27,1	13,7
<i>Средний</i>	11,0	<i>Средний</i>	20,2	11,0
<i>Выше среднего</i>	31,0	<i>Выше среднего</i>	14,8	14,8
<i>Высокий</i>	34,1	<i>Высокий</i>	11,3	11,3
<i>Итого...</i>	100,0		100,0	61,0

ных субъектов, которая равна 61 %. Доля реально согласованных работников, у которых ранг инвестиций совпадает с рангом вознаграждения, составляет 19%. Несовпадение реального масштаба консистентности с максимально возможным последовательно, их относительная независимость свидетельствуют о неструктурном происхождении статусных несоответствий.

Искомое “правило конгруэнтности” (наиболее распространенное соотношение статусных характеристик) могло соответствовать одной из комбинаций: 1) согласованность вознаграждений и инвестиций; 2) превышение уровня инвестиций над уровнем вознаграждения; 3) превышение уровня вознаграждения над уровнем инвестиций.

Наиболее распространенной моделью статусов является их соответствие (ситуация либо совпадения рангов, либо их отличия на единицу). Согласованные статусы доходов и образования имел каждый второй работник, консистентность квалификационно-должностного и доходного статусов зафиксирована у 60 % работающих (табл. 19.3).

Относительно высока доля недооплачиваемых, уровень инвестиций которых превышает уровень вознаграждения. Так, 43 % работников имеют уровень доходов, который относительно ниже уровня их образования.

Статистический подход к выявлению содержания “правил конгруэнтности” целесообразно дополнить изучением представлений населения об искомых нормативных моделях статусов. В связи с этим обратимся к результатам сравнительного российско-эстонского исследования оценок социальной справедливости в массовом сознании, проведенного в мае—июле 1996 г. [24]. По мнению подавляющего большинства россиян, различия в оплате труда должны определяться уровнем образования, индивидуальными усилиями, ответственностью работ, условиями труда.

Искомым “правилом конгруэнтности”, таким образом, является соответствие инвестиций и вознаграждения индивида. Однако нормативное представление не соответствует оценкам действительности. Негативны оценки доходов и заработка с точки зрения того, насколько они соответствуют заслугам: профессиональному мастерству, уров-

Таблица 19.3

Распределение работников по группам с различным соотношением между инвестициями и вознаграждением

Группа работников	Индикатор инвестиций			
	Должностной статус		Образовательный статус	
	всего, чел.	%	всего, чел.	%
Вознаграждаемые пропорционально инвестициям	802	59,5	674	50,0
Недооплачиваемые	400	29,7	574	42,6
Переоплачиваемые	145	10,8	99	7,4

ню образования, трудовому вкладу (3/4 опрошенных в России считают, что получаемый доход ниже того, который они заслуживают). Реально существующие “правила конгруэнтности” проявляются в суждениях относительно социального неравенства: сбалансированность системы инвестиции — вознаграждение ощущают лишь 8 % россиян, в то время как в Западной Германии и США — три четверти опрошенных [25].

Два упомянутых выше подхода к выявлению “правил конгруэнтности” не позволяют однозначно определить их специфическое содержание. Статистической нормой является соответствие инвестиций и вознаграждений индивида, это же фиксирует нормативный подход к определению правил как представлений о должном в массовом сознании. Дескриптивный подход, выявляющий представления о действительных правилах, свидетельствует о том, что в массовом сознании широко распространены ощущения несоответствий этих статусных характеристик. Неоднозначность полученных результатов подтверждает наши предположения о сложности изучаемых феноменов, требующих комплексного анализа с использованием более совершенных инструментов.

Информационная база мониторинга позволяет выделять “правила конгруэнтности” микроуровня как наиболее распространенное соотношение инвестиций и вознаграждений в рамках тех или иных групп работников (например, занятых в разных отраслях, секторах экономики и т.п.).

На фоне зафиксированного “правила конгруэнтности” в значении статистической нормы ярко выделяются группы с другой нормативной моделью. Для работающих на государственных предприятиях и в организациях, а также занятых в отраслях социального обслуживания (образование, здравоохранение, культура и т.п.) оно наполняется иным содержанием. Наиболее распространенной комбинацией становится несоответствие данных статусов, а именно превышение уровня инвестиций относительно уровня вознаграждения. В отраслях социального обслуживания у 68 % работников уровень образования выше уровня их доходов, 59 % имеют высокий квалификационно-должностной статус и относительно низкий статус дохода. Среди занятых на государственных предприятиях у 51 % работающих уровень образования превышает уровень их зарплаток.

Множественность “правил конгруэнтности” на микроуровне во многом порождается специфическими условиями переходного периода, когда социальная система целенаправленно не регулирует баланс между инвестициями и вознаграждением работников. Данная ситуация не может воспроизводиться в течение продолжительного времени, так как ставит под угрозу эффективность функционирования самой системы. Исследования восточноевропейских социологов свидетельствуют о снижении степени и масштабов статусной некон-

систентности по мере трансформации общества в рыночное [26]. Поскольку основой статусных рассогласований являются “правила конгруэнтности”, можно ожидать изменения и нормативных моделей статусов как следствие процесса меритократизации.

Практическое значение исследования статусной неконсистентности и “правил конгруэнтности” связано с поведением носителей несогласованных статусов. Если нормативной моделью является соответствие инвестиций и вознаграждений, то работники с нарушающим правило соотношением могут реагировать на отклонение на аффективном, когнитивном и поведенческом уровнях. В нашем исследовании интерес представляло влияние “недоплачиваемости” и “переоплачиваемости” на выражи электорального поведения российских избирателей.

В качестве иллюстрации рассмотрим второй тур президентских выборов 1996 г., когда электорат выбирал между действующим президентом — Б. Ельциным и представителем оппозиции — Г. Зюгановым (в ноябрьском исследовании ВЦИОМа респондентам задавался вопрос об участии в выборах и результатах голосования). Адаптируя зарубежную концепцию статусной неконсистентности к условиям современного российского общества, можно было предположить, что “недоплачиваемые”, ощущая несправедливый дисбаланс между инвестициями и вознаграждением, будут склонны поддерживать политическую оппозицию в связи с ее обещаниями изменить социальный порядок, а “переоплачиваемые”, удовлетворенные таким соотношением статусов, будут склонны поддерживать существующий порядок и голосовать за действующего президента.

По результатам исследования, 20 % “недоплачиваемых” проголосовали за Г. Зюганова (в среднем по массиву 17%) и 51 % “переоплачиваемых” — за Б. Ельцина (в среднем 42 %), т.е. носители несогласованных статусов существенно не отличаются от других избирателей. Кроме того, на основе критерия х-квадрат не обнаружено статистически значимых взаимосвязей типа рассогласованности между инвестициями и вознаграждением с электоральным поведением респондента (в то же время существует связь последнего с образованием, квалификационно-должностной позицией и доходом работника). Такие же результаты получены и при использовании регрессионного анализа.

Процедура логистической регрессии методом пошагового включения (удаления) переменных [27] приводит к следующему уравнению:

$$\log Y = -1,008 + 0,618 X_1 + 0,264 T_2 + 0,144 X_3 - 0,001 X_4 + 0,744 Z_1 - 0,229 Z_2 - 0,31 Z_3 - 0,109 Z_4, \quad (Y, 1)$$

где Y — отношение (пропорция) количества респондентов, голосовавших за Зюганова к числу респондентов, голосовавших против Зюганова;

X, Z — дихотомические переменные дохода и образования;

$X1 = 1$, если месячный доход (зарплата) респондента составлял менее 300 тыс. руб. (неденоминированных), 0 — в ином случае;

$X2=1$, если респондент имел уровень дохода между 300 и 600 тыс. руб. в месяц, 0 — в ином случае;

$X3= 1$, если респондент имел уровень дохода между 600 и 900 тыс. руб. в месяц, 0 — в ином случае,

$X4=1$, если респондент имел уровень дохода между 900 и 1500тыс. руб. в месяц, 0 — в ином случае;

$Z1 = 1$, если респондент имел неполное среднее образование и ниже, 0 — в ином случае;

$Z2=1$, если респондент окончил среднюю школу, 0 — в ином случае;

$Z3=1$, если респондент окончил ПТУ со средним образованием, 0 — в ином случае;

$Z4 = 1$, если респондент окончил техникум, 0 — в ином случае.

Регрессионное уравнение учитывает в качестве независимых переменных образование и доход респондента и исключает переменную статусных рассогласований (данная модель не претендует на полное описание факторов электорального поведения, на основе которой возможен прогноз исхода голосования на выборах).

Интерес представляет определение так называемого чистого эффекта неконсистентности с использованием квадратичной аддитивной модели [28]. Эффект фиксируется в том случае, если уравнение (19.1) не описывает поведение статусно рассогласованных индивидов, а после включения в него новой независимой переменной — статусных несоответствий — существенно улучшается уровень предсказания голосования на выборах. В нашем исследовании не обнаружено улучшения предсказаний (оно осталось равным 71,2%) и изменения коэффициентов связи между действительным и ожидаемым электоральным поведением.

Таким образом, на политические предпочтения влияют, скорее, ранги социальных позиций индивида, а не их несоответствие. Однако этот результат получен при существенных ограничениях анализа проблемы. Во-первых, “правилом конгруэнтности” считалось соответствие инвестиций и вознаграждения работника, тогда как для современного российского общества характерны неоднозначность и множественность нормативных моделей. Во-вторых, эффекты неконсистентности рассматривались, как и в зарубежных исследованиях, на примере электоральных предпочтений, в то время как в российских условиях более важными могут оказаться другие стороны поведения и сознания. В-третьих, нарушение правил фиксировалось на основе формальных процедур исследователем, хотя реакции на рассогласования наиболее ярко проявляются в случае ощущения дисбаланса статусов их носителем.

Субъективный аспект неконсистентности не получил отражения в нашем исследовании, однако представляется, что именно это направление наиболее перспективно при изучении статусных рассогласований в современной России.

**
*

Автор выражает благодарность Интерцентру (Междисциплинарному академическому центру социальных наук) за предоставленную возможность работы с базами данных мониторинговых исследований ВЦИОМа.

ГЛАВА 20 *Хозяйственные стратегии*

Затянувшийся экономический кризис поставил большинство живущих в России семей перед нелегкой задачей устоять под напором стихии рыночных преобразований, изменивших в один миг привычный ход вещей. Особенно кризисной оказалась ситуация в аграрном секторе, переживающем трудный период реформирования форм хозяйствования и отношений на селе.

В целом нынешнее положение значительной части сельских семей можно характеризовать как процесс выживания. Утрата прежней стабильности в сфере трудоустройства и потери в доходах заставили селян искать опору в своем семейном хозяйстве, переключиться на самообеспечение и жесточайшую экономию.

В период кризисных потрясений государство, не имея необходимых ресурсов или будучи не способным эффективно ими распорядиться, не проявляет интереса к способам экономического выживания семейств (если они несильно выходят за рамки закона), достаточно бесстрастно фиксируя в статистических сводках процент семейств, проживающих на уровне прожиточного минимума или же находящихся ниже этого порога. Но сами семьи не готовы мириться с тем, что реформы вынесли их за черту бедности.

Традиционной системе национальной статистики уровня жизни в нынешних условиях трудно отразить реальное положение дел. Жизнь людей становится все более закрытой, непрозрачной и потому непонятной для государственных служб из-за высокой степени натурализации экономических процессов, проходящих на уровне семьи. Статистика не способна в полной мере уловить денежные и неденегные поступления в семью, отразить натуральное производство в ее рамках и отследить процессы перераспределения продуктов и об-

мен услугами между семьями. Но без наличия таких данных и глубинного изучения поведения разных групп семейств трудно судить о реальном уровне жизни населения страны и тем более разрабатывать эффективную систему социальной поддержки тем, кто в ней более всего нуждается, или же создавать благоприятные условия для самореализации тех, кто способен опираться на собственные силы.

Поэтому исследователи не могут обойти вниманием такой статистически установленный факт, как ежегодно ухудшающееся положение семейств, в том числе сельских. Как сельские жители справляются с тем, что им месяцами и даже годами не выплачивают заработанные деньги? Как они живут, когда теряют работу? Может ли сельская семья полностью выжить за счет своего подсобного хозяйства? Сохранила ли она способность по-прежнему поднимать детей, обеспечить им экономический базис, дать образование, подготовить к самостоятельной жизни? Каким образом сейчас строятся отношения между родственниками, привнесли ли что-то в их характер веяния рынка? Что в повседневном существовании семьи осталось по-прежнему, а что приобрело новое качество? На самом ли деле все так стремительно ухудшается, или этим процессам противостоит активная позиция людей, всеми правдами и неправдами стремящихся обеспечить себе приемлемый уровень существования? Насколько долговечны эти резервы для отдельной семьи, отдельного села или страны в целом? Достаточно ли полно термин “выживание” характеризует ситуацию в аграрном секторе, не занижает ли он реальную планку, акцентируя основное внимание на той части семей, что на самом деле бьются изо всех сил, чтобы выжить, и без основания пропуская тех, кому удалось вполне удачно зажечь по-новому?

Подобные вопросы выводят нас на проблему познания реальной экономической ситуации, в которой живут разные семьи, различий в их реакциях и ожиданиях, способности приспособления к конкретным условиям внешней среды. Эта проблема является центральной в рамках проекта “Реальная экономика и реальная политика российского села” (1995—1996 гг.), выполненного под руководством Т. Шанина. Это исследование по единой программе осуществлялось одновременно в семи регионах России, в каждом из которых работа сконцентрировалась в одном из сел, а также в районном центре. Одно из направлений проекта — годовое бюджетное обследование семей. В каждом регионе выборку исследования составили в среднем восемь сельских семей, кроме того, в районном и областном центрах было выбрано еще по четыре семьи. Таким образом, бюджетным опросом было охвачено 50 сельских семей.

Ежедневное заполнение бланков доходов и расходов обследуемых семей проводилась в течение года — с апреля 1995 г. по март 1996 г. включительно, т.е. был охвачен полный сельскохозяйственный цикл. Семейные бюджеты составлялись по следующей схеме.

Семьи ежедневно вели записи, где отмечали все случаи получения и траты денежных средств, вместе с точными величинами этих сумм указывались источники поступления и направления расходования. По нашей просьбе семьи записывали также все безденежные поступления в семью в виде материальных благ и услуг, отражая при этом и случаи натуральной помощи или обмена с другими семьями. Информация о натуральных потоках дополнялась данными об объемах производства, потребления, переработки, продажи и бесплатной или обменной передачи другим продукции подсобного хозяйства. Собирались также данные, необходимые для построения баланса кормовой, топливной и иной ресурсной базы семейного хозяйства. В конце каждого месяца данные представлялись группе исследователей, которые после необходимых корректировок и уточнения доходных и расходных частей бюджета сводили месячный баланс денежных средств, а также по каждой статье бюджета группировали ежедневные денежные и натуральные данные в помесячные. В итоге шаг за шагом формировался годовой бюджет каждой обследуемой семьи. Работа с двумя потоками — денежными и натуральными — позволила получить бюджет в денежном выражении и представить натуральный баланс по каждому поступающему в семью продукту или ресурсу.

Параллельно бюджетное обследование предусматривало составление так называемого качественного бюджета — сопроводительного материала к бюджетным данным, комментариев и разъяснений к цифрам, из которых становилось ясно, например, за какую конкретную работу глава семьи получил дополнительные деньги или же какие продукты поступили в семейное хозяйство нелегальным путем и почему это стало возможным. Помимо этого изучалась система родственных, соседских и дружеских отношений, собирались данные об объемах помощи и обменов, которые проходят через нее, реконструировалась история возникновения этих взаимодействий.

Благодаря тесному сотрудничеству с семьями в течение года, доверительным отношениям исследовательской группы с ними удалось глубоко проработать вопросы стратегии семьи в ближайшем будущем, получить ее оценки относительно того, как она живет сейчас. Нас интересовало, какие первоочередные задачи семья намерена решать, какими ресурсами она располагает и что специально будет предпринимать для этого. Кроме того, мы пытались понять, насколько текущее потребление связывается с вопросами накопления: возможно ли сейчас закладывать основу для перспективных дел или разумнее жить одним днем, без планов на будущее.

Ниже даны первоначальные результаты указанного исследования и наши первые выводы относительно способов и форм выживания или активной жизнедеятельности сельской семьи в настоящее время, а также их специфики в разных селах или семьях.

Дифференциация семейных бюджетов по селам разных регионов

Последующий анализ строится на использовании данных усредненного месячного бюджета семьи. Сразу заметим, что выборка семей в каждом селе непрезентативна. Это исследование типа case-study и потому здесь не ставилась задача отразить генеральную совокупность семейств данного села, представить особенности всего района или области. Поэтому на основании наших данных невозможно делать выводы о межрегиональных различиях семейных бюджетов. В каждом селе подбирались семьи — представители крупных или основополагающих групп села. В основном это семьи работников крупного хозяйства, как рядовых, так и специалистов или руководителей, семьи несельскохозяйственной занятости (сельских учителей, врачей, работников сферы обслуживания), семьи фермеров и семьи пенсионеров. Как правило, все наши респонденты (за некоторым исключением) представляют средний слой. Они не принадлежат ни к группе наиболее обеспеченных семейств, ни к самым низкодоходным, хотя внутри этой группы выделяются и свои бедные, и свои богатые. Такой подход позволяет обеспечить представительство разных типов и типажей семейного хозяйства, на базе которых можно выделять разные стратегии действий семьи и на комбинации цифр и качественного материала представить совокупность таких стратегий.

На протяжении всего периода советской власти с момента вступления единолично хозяйствующей сельской семьи в колхоз определяющими в ее жизни были два источника доходов: оплата труда в колхозе (или зарботки в совхозе) и поступления от личного подворья. Изменения веса и значимости этих источников неизменно следовали за сменой направленности государственной политики в отношении сельского хозяйства. Пока в колхозах (вплоть до середины 60-х годов) господствовала система неденежной и очень заниженной натуроплаты по трудодням, ЛПХ служило основой выживания сельской семьи, не только обеспечивая ее продуктами, но и внося весомую добавку в денежный семейный бюджет. По мере того, как ситуация в аграрном секторе стабилизировалась (в 70—80-е годы), семейное хозяйство все больше приобретало дополнительный, резервный характер. В последнее время в связи с бесконечными задержками выплат заработной платы в сельской местности значимость денежных поступлений заметно ослабла. Вместе с тем возросли объемы натуроплаты, получаемые по месту работы.

Составление денежной и натуральной составляющих дает представление о степени натуральности хозяйства, весьма красноречиво говорит о ситуации, в которой живет семья, об уровне потребления, о способности к самообеспечению, о возможностях бартерных межсемейных сделок компенсировать нехватку денежных средств, о

том, в какой мере личное подсобное хозяйство может решить проблему денежного дефицита и может, ли оно само существовать в этих условиях.

В этой связи рассмотрим среднемесячные показатели денежных и совокупных доходов усредненной семьи для каждого обследованного нами села и попытаемся определить степень усиления натурализации в семейном потреблении. Постатейные колебания и различия структуры семейных бюджетов в рамках одного села, с одной стороны, отражают разные позиции семейств в системе доминирующих потребностей, а с другой — дают четкое видение возможностей различных семей сегодня: какие семьи способны развивать свое подсобное хозяйство, получать от него высокие денежные доходы или же должны переключаться на иные источники доходов; кто может делать накопления, покупать дорогостоящие вещи, строить, оказывать существенную помощь своим родным, ориентироваться на будущее, а кто вынужден заботиться лишь о пропитании.

Попробуем показать на примере обследованных сел различия в бюджетах семей, в большей и меньшей степени адаптировавшихся к новым реалиям. (Мы не рассматриваем бюджеты семей курганского села в связи с тем, что в число обследованных попали только 4 фермерские семьи.)

В табл. 20.1—20.3 представлены среднемесячные показатели денежных и натуральных доходов и направления расходования средств в расчете на одну семью. Подчеркнем еще раз, что из-за малой выборки в каждом селе эти цифры нельзя рассматривать в качестве среднего для села уровня доходов и расходов, но некоторые особенности условий жизни в селе они все же отражают.

Согласно данным Российского статистического ежегодника, душевой прожиточный минимум составлял в 1995 г. 264 134 руб. в месяц [11- Таким образом, только в трех из обследованных сел среднедушевой денежный доход был выше этого минимального уровня. Сред-

Таблица 20.1

Уровень и структура среднемесячных совокупных доходов по обследованным селам (в среднем на семью)

Показатель	Краснодарский край		Вологодская область		Орловская область	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
Совокупные доходы — всего*	2 736 952		1 639 147		1 578 691	
В том числе:						
денежные	1 488 270	54	1 111 932	68	1 028 160	65
натуральные**	910 721	33	527 215	32	512 005	32
нелегальные***	337 961	12	—	—	38 526	3
Среднедушевые доходы						
Совокупные	663 504		524 527		451 055	
Денежные	372 067		355 818		293 760	

Окончание табл. 20.1

Показатель	Саратовская область		Нижегородская область		Тверская область	
	руб.	%	руб.	%	руб.	%
<i>Совокупные доходы — всего*</i>	1 423 871		1 292 071		918 745	
<i>В том числе:</i>						
денежные	852 191	60	816 104	63	665 441	72
натуральные**	543 406	38	475 967	37	253 304	28
нелегальные***	28 273	2	—	—	—	—
<i>Среднедушевые доходы</i>						
<i>Совокупные</i>	433 352		357 804		367 498	
<i>Денежные</i>	259 363		225 998		266 177	

* Совокупные доходы — сумма денежных доходов и стоимостной оценки (в текущих ценах) натуральных и иных неденежных поступлений.

** Натуральные доходы — денежная оценка всех материальных благ, произведенных в семейном хозяйстве и потребленных самой семьей, а также полученных в качестве натуроплаты за работу или поступивших в семью в виде натуральной помощи или посредством обменных операций.

*** Нелегальные доходы — выраженная в денежном выражении стоимость всех натуральных благ, которые семья получила нелегальным образом. Речь идет о незаконно взятых на сельскохозяйственном предприятии или в ином месте продуктах питания, кормах, бензине и топливе, стройматериалах и других материальных ценностях. Эти оценки явно занижены в силу закрытости информации подобного рода.

Таблица 20.2

Доля ЛПХ в среднемесячных доходах семьи (в среднем на семью в месяц)

Область (край)	Совокупные доходы от ЛПХ		В том числе денежные доходы		Товарность ЛПХ, %
	руб.	%	руб.	%	
<i>Краснодарский</i>	826 690	30	233 809	16	28
<i>Вологодская</i>	431 235	27	7579	0,7	1,8
<i>Орловская</i>	383 727	24	118 479	12	31
<i>Саратовская</i>	684 968	48	245 499	29	36
<i>Нижегородская</i>	395 457	31	60 713	7	15
<i>Тверская</i>	236 800	26	88 229	13	37

* При расчете товарности ЛПХ учитывалась продукция ЛПХ, оставшаяся в семье после перелая в другие семьи.

ние же показатели денежных доходов на семью в обследованных селах превысили планку денежных доходов домохозяйств в сельской местности, рассчитанных по данным бюджетного обследования ЦСУ (567 068 руб. в месяц) [2]. В обследованных селах, занимающих первые три строчки в рейтинге по доходам, показатель семейных денежных доходов даже превзошел уровень, зафиксированный для города (884 068 руб. на домохозяйство). Душевые совокупные доходы, в которых кроме денежных учитываются также натуральные поступления в бюджет семьи, примерно в 1,5 раза выше уровня душевых денежных доходов. А степень “натурализации” (доля натуральных доходов в совокупном доходе средней семьи) по обследованным селам составляет 30—40%.

Таблица 20.3

Основные статьи денежных расходов (в среднем на семью)

Статья расходов	Краснодарский край		Вологодская область		Орловская область	
	Руб.	%	Руб.	%	Руб.	%
Продукты питания	186 421	13	516 630	47	287 542	28
Одежда и обувь	167 974	12	120 378	11	146 588	14
Товары длительного пользования	154255	11	73 580	4	209656	21
Дом и двор	108 358	7	65 254	6	122 662	12
Сбережения	161 615	11	2292	0,2	—	—
Расходы на ЛПХ	56072	4	39 187	4	18 877	2

Статья расходов	Саратовская область		Нижегородская область		Тверская область	
	руб.	%	Руб.	%	руб.	%
Продукты питания	197 934	24	228 602	29	243 814	44
Одежда и обувь	103 777	12	151 072	19	71 130	13
Товары длительного пользования	66 369	8	71 529	9	42 997	8
Дом и двор	46 376	6	51 380	6	24495	4
Сбережения	2381	0,3	20 370	3	11 111	2
Расходы на ЛПХ	41452	5	29 623	4	14 965	3

Лидирующее положение по уровню натуральных и денежных поступлений, приходящихся как на семью в целом, так и на одного члена семьи, занимает *кубанская станица**. Это крупное поселение, где проживает около 7000 чел. Станица расположена в 150 км от краевого центра — г. Краснодара. Раньше здесь был богатый колхоз, на базе которого сейчас создано акционерное общество, но за последнее время некогда сильные позиции во всех отраслях хозяйства заметно ослабли. Почти полностью ликвидировано птицеводство, на убыль пошло производство мяса и молока, снизились урожаи и производство зерновых и других культур. Как вспоминают жители станицы, до перестройки у них не было нужды держать свое большое хозяйство. Все продукты можно было без труда выписать за символическую плату в колхозе. Высокие заработки позволяли людям делать накопления, строить дома, обзаводиться машинами, налаживать обеспеченный по тем меркам быт.

Изменения этого десятилетия сильно пошатнули систему колхозного патронажа. Из-за невысокого уровня заработной платы (около 100—200 тыс. руб. в месяц) и участвовавших задержек с выплатами денег, удорожания колхозной продукции кубанские семьи вынуждены развивать личное подворье. Но в станице почти не держат крупный рогатый скот, семьи специализируются в основном на производстве свинины и откорме поросят для продажи, что дает немалый денежный доход. В половине опрошенных семейств в течение года

выращивали до 15 свиней. Одна семья содержала даже мини-свинарник на 40 голов, предназначенных в основном для реализации. Для семейного стола почти в каждой семье выращивается до 150 и более голов птицы, так что в год в среднем производство курятины и гусятины составляет 240 кг на семью. Большие урожаи овощей и фруктов Обеспечивают заготовку различных консервов (в среднем семья заготавливает 270 л), варений и компотов (150 л). Широко развито и семейное виноделие: среднегодовые показатели в этой отрасли семейного хозяйства — 50 л на семью, а в одной из семей запас вина собственного изготовления составил 224 л.

Откорм свиней требует большого количества кормов, которые кубанские семьи получают от бывшего колхоза. Корма распределяются на паи и частично “начисляются на заработанный рубль”. Активно используются не только легальные, но и нелегальные источники. По данным бюджета обследованных семей из всего количества поступивших в семейное хозяйство кормов нелегально было получено 60 % комбикорма, 39% зерна, 28% картофеля и 12% кормовой свеклы. По привычке колхозной поры с полей коллективного хозяйства все изучаемые семьи брали овощи (томаты, капусту, лук), снимали урожай в колхозных садах и на бахче.

Можно сказать, что огромный потенциал кубанского хозяйства весьма успешно задействован в семейной экономике, обеспечивая преимущества семьям этого региона перед жителями более бедных территорий. Приведем несколько характерных примеров. Семья одного механизатора в течение года скрытно вывезла с полей и хранилищ хозяйства в общей сложности 12 т зерна, при этом официально за свою работу механизатор со своей женой получили только 2,6 т (выдача зерна в последний год была резко сокращена). Этого начисленного зерна вряд ли хватило бы для откорма содержащихся на подворье 8 свиней и 200 голов птицы. От продажи поросят, вскормленных в большей степени на ворованном корме, семья выручила 4,5 млн руб., ее денежные доходы от ЛПХ в среднемесечном исчислении почти сравнялись с теми заработками, которые получают муж и жена в акционерном обществе (это около 400 тыс. руб. в месяц). Тем самым заработок семьи удвоился. Кроме того, семья нелегально отгрузила 900 кг подсолнечника и, сдав в переработку, получила 120 л подсолнечного масла. Частично оно было продано, частично роздано, остальное осталось в семье, и эти запасы заметно сэкономили семейный бюджет.

“Мы стараемся использовать все рычаги и все средства, которые у нас в руках. От личного подсобного хозяйства стараешься взять все возможное: выкормить скотину и не потратиться при этом на корма. Домашние доходы нас сильно выручают. И также заработная плата... Мы с женой работаем вместе и стараемся заработать” (*из высказываний хозяйина*).

“Но из колхоза тоже уходить не хочется — из-за корма, из-за того, что в колхозе можно что-нибудь получить для хозяйства, по льготным ценам... —

кукурузу, дерть... Вот сахар дадут за прополку свеклы, три мешка, и за землю, за наш пай, мешок. Масла дешевого за пай дадут, молока дадут... И вот из-за этого и держись за колхоз. А бросишь колхоз — это ж надо мотаться, торговать, хлопотать. Но и это можно, если судьба как повернется” (из высказываний хозяйки).

По расчетам, ежемесячная стоимость всей нелегально полученной продукции составляет 337 961 руб. на одну обследованную семью — такова цена неформальных взаимоотношений станичников с крупным хозяйством.

Ранее колхоз, на балансе которого находились и консервный завод, и грязелечебница, занимал работой значительную часть жителей станицы. Он и сейчас остается основным местом трудоустройства, хотя более выигрышной в глазах станичников выглядит работа на предприятиях Газпрома или в рыбном хозяйстве, расположенных неподалеку. В структуре денежных доходов обследованных семейств третья часть (470 тыс. руб.) приходится на заработки в бывшем колхозе. ЛПХ дает 16 % денежного дохода. В пяти семьях из восьми деньги снимались со сберегательного счета и составили в структуре денежных поступлений 15—20%. Следует отметить, что столь распространенная практика сбережений (в усредненной расходной статье бюджета 11 % средств идут на сберегательную книжку) — это особенность Кубани. В остальных селах случаи накоплений единичны и незначительны.

В нашем списке сел Кубань лидирует по всем показателям доходов. Здесь более высокие денежные доходы на семью (в среднем около 1,5 млн руб. в месяц), которые за счет натуральных поступлений увеличиваются почти в 1,8 раза. Семья получает за свой труд в коллективном хозяйстве и на пай натуроплатой муку, сахар, растительное масло, а также за счет дотаций хозяйства обеспечивается хлебом, молоком, сливочным маслом и другими продуктами по сниженным ценам. Все это вкуче уменьшает семейные расходы на продукты питания, доводя их до 186 тыс. руб. на семью (13% от всех расходов), при этом стоимость потребляемых семей “бесплатных” продуктов в месяц составляет почти 850 тыс. руб. Это самый низкий показатель затрат по регионам и самый высокий показатель стоимости набора собственных и полученных в качестве натуроплаты продуктов питания. В других местах (за исключением тверского села) эта оценка колеблется в пределах 500 тыс. руб.

В нашей кубанской выборке разрыв в душевых денежных доходах самых высокодоходных и низкодоходных семейств составляет 2,5 раза, а сопоставлении совокупных душевых доходов возрастает до 2,7 раза. Как показывают расчеты, натуральное производство и натуральные потоки, как правило, не уменьшают, а, наоборот, увеличивают дифференциацию доходов. Крепкие семейные хозяйства на селе стремятся использовать все источники улучшения своего положения.

Среди среднего слоя станицы, не относящегося к управленческой элите, основа богатства семьи заложена в большом высокотоварном хозяйстве. Проиллюстрируем это на примере одной из самых благополучных семей — супружеской четы, перешагнувшей рубеж 45-летия. Вместе с ними живут престарелая мать хозяина и младший сын. Рядом, в летней кухне, разместилась семья старшего сына. Молодые живут своими доходами, но столуются вместе с родителями. Хозяин заведует машинным двором в акционерном обществе, его жена работает продавцом. Общий месячный заработок составляет 380 тыс. руб. Но основной денежный доход — около 800 тыс. руб. в месяц — семья имеет от своего хозяйства (48 % всех денежных поступлений). Высокий доход дают свиньи. Несколько свиноматок приносят до 30 поросят в год. Хозяйка так описывает свою стратегию:

“А я так живу. От застойных годов жизнь дорожает — я ставлю (завожу) свиноматку. А еще дорожает — я ставлю две (свиноматки)! Так, теперь приплод: десяток поросят я продаю, а остальные себе оставляю. Я их прокормлю. Уже у меня деньги получились. Вот уже и цыплят беру не пятьдесят, а сотню. А гусей вообще не покупаю. Они у меня идут сами (приплод в хозяйстве)”.

Чтобы такая стратегия стала возможной, активно используется служебное положение мужа. Удалось выяснить, что он разрешает правляться на машинном дворе автомобилям нужных людей, которые снабжают его кормами (в результате этого до 300 л колхозного бензина в месяц уходит на сторону). Для своей машины бензин он всегда покупает за деньги. Семья не жалеет сил. Кроме возделывания большого огорода и виноградника члены семьи берутся по договору с хозяйством выращивать лук, занимаются рыбалкой и охотой, что приносит ощутимый доход. Но это уже предел. К тому же затраченные силы не всегда окупаются: перекупщики вдвое занижают цену, а самим возить продукцию на городской рынок накладно.

“Я не в силах как крестьянин увеличить свое хозяйство. И нет сил, и нет никакого смысла. Все-таки раньше мы держали меньше скотины и птицы. В застойные годы у нас был один огород и никаких подсобных делянок. Доход от подсобного хозяйства был меньше, но могли больше откладывать. Сейчас же подсобное хозяйство больше, но откладывать нечего”.

Семья нещадно эксплуатирует себя во имя своих детей. Сейчас она ведет строительство дома для старшего сына. Под эти цели выращивают и продают поросят, хозяин брал также ссуду на работе. Помимо стройки хозяйка озабочена тем, чтобы ее сыновья и невестка были хорошо одеты. Эта забота о детях (включая возмещение ссуды) обошлась родителям в половину всех денежных средств и превысила сумму в 10 млн руб. в год.

Семья отдает себе отчет в том, что залог ее благополучия — свое хозяйство, считая что бедно живут те, кто не может или не хочет обременять себя заботами о хозяйстве. Но чтобы поднять его,

нужны деньги, и если их нет, семья лишается последнего шанса. Так зарождается и увеличивается разрыв между бедными и богатыми.

Отличительной особенностью Кубани является активное желание ее жителей наращивать свой достаток, несмотря на трудности последнего времени. Здесь мы не заметили затянувшегося ожидания окончания кризиса, когда можно будет “зажить по-настоящему”. Многие сейчас “крутятся — вертятся”, но целенаправленно идут к своим целям. Издавна в южной России стремились к зажиточности. Родители заботились о благополучном будущем своих детей. Эти установки не пропали и сейчас. Показательно, что половина наших респондентов строится, причем не только богатые семьи станицы, но и семьи с умеренными доходами, которые недостаток денежных средств компенсируют привлечением бесплатного труда родственников, соседей, знакомых. В станице издавна сложились традиции коллективного труда при возведении домов. Семья, которой помогали, становится обязанной всем, кто ей помогал, и в свою очередь не посмеет отказать в помощи другим.

Вот что говорит по этому поводу одна из респонденток — женщина с тремя детьми, у которой погиб муж и остался недостроенным дом:

“На чью-либо финансовую помощь я не рассчитываю. А просто так помочь, трудом — на это я крепко надеюсь. Мы ведь сами всегда очень много помогали, когда другие люди строились, — соседи, знакомые, родня... Одна я не останусь! Финансы, конечно, будут вложены мои, а труд в мой дом и люди вложат, обязательно! Потому что когда другие строились, я ходила и на саманы, и на мазку, и на уборку, и на подсобные работы... То есть я заработала право обратиться к людям за помощью и точно знаю, что мне не откажут в этом! Мне кажется, таких людей и таких семей, как я и как наша семья, много...”

Принцип круговой поруки заложен и в систему ежедневных обменов между станичниками. Хозяйки постоянно занимают друг у друга продукты, могут присмотреть за детьми, помочь по хозяйству, по заказу что-то привезти из города. Схожие механизмы работают и тогда, когда люди занимают деньги — на крупную покупку или чтобы дожить до зарплаты.

Вторым в рейтинге по доходам стоит *вологодское село**. Своими относительно высокими денежными доходами проживающие здесь семейства обязаны пригородному расположению села, что обеспечивает местному хозяйству постоянный сбыт молока в город. Потому имеющие место задержки в оплате продукции не носят обвальный характер, люди рано или поздно получают заработанное. Село развивалось как центральная усадьба, здесь преобладает многоэтажная застройка. Но сельские жители, поселившиеся на этажи многоквартирного дома, не порывали со своим хозяйством. Вокруг домов еще на

* Материалы собраны О. Субботиной и Г. Ястребинской.

совхозные средства возводились сарайки для скота и поросят, выделялась земля, выпасы для частного стада и для заготовки сена. В годы реформ семейное хозяйство увеличилось, но осталось небольшим по составу. Максимальные параметры местного ЛПХ: корова и подтелок, 2—3 поросенка, десяток кур, огород или дача. Но многие семьи ограничиваются лишь откормом поросят. Держат хозяйство для себя, делятся с родственниками, продают очень мало. В опрошенных семьях продавали в основном излишки молока, чаще соседям и знакомым, в город с ним никто не ездил.

Основной доход приносит работа в коллективном хозяйстве (в среднем заработная плата составляет до 70 % доходной части бюджета, на семью это около 800 тыс. руб.). Благосостояние семьи напрямую зависит от результатов работы коллективного хозяйства. Живут лучше те, кто в соответствии со служебной иерархией получает более высокую зарплату. К тому же в период массовых невыплат руководители и специалисты хозяйства обрели новую “привилегию”: они могут взять ссуду из кассы предприятия до зарплаты или получить долговременный кредит. А рядовые работники перезанимают деньги друг у друга, что достаточно распространено. В особо критические моменты по распоряжению руководителя хозяйства ведомственный магазин выдает товары “под запись”, отодвинув срок оплаты до дня выдачи задерживаемой заработной платы. Иногда хозяйство отпускает своим работникам комбикорм по сниженным ценам, даже понимая, что это приведет к убытку.

В этом северном селе, в отличие от южного, нет столь сильной дифференциации. Люди живут заботами дня настоящего, не имея возможности что-то откладывать на будущее. На еду тратится половина всех денег (516 тыс. руб. в месяц, что в 2,8 раза превышает затраты на питание кубанской семьи). Серьезные покупки (телевизор и др.) в течение года из восьми обследуемых семей позволила себе только одна. Вот как об этом говорит глава местной администрации, чья семья относится к числу самых обеспеченных, но он не ощущает себя таковым:

“Ну, что сегодня крестьянин, деревенский житель может себе купить? Продукты питания — раз, телевизор ему не купить, мебель — не купить. Все видят, что у меня вроде и зарплата большая, вроде как богатый, а у меня развалился диван и купить новый не на что. Зарплату получили, бабушкина пенсия да мяса продали 10 кг свинины — вот так и выживаем. В магазине покупаем самое необходимое, и то идет много денег. И все равно не знаешь, как свести концы с концами, а ведь у нас семья не пьющая, денег на ветер не кидаем...”

Во многих селах, в том числе и в вологодском, кризис аграрного сектора сильно изменил положение сельских пенсионеров, до последнего времени рассматривавшихся в качестве одной из проблемных групп села. Они вдруг превратились в людей с ритмично получа-

емыми денежными доходами, сопоставимыми или даже превышающими заработки в хозяйствах. Это повлекло за собой изменение привычных норм в отношениях между детьми и родителями. В ряде семей, испытывающих особые трудности в средствах, старики стали выполнять роль кормильцев или главных помощников, щедро делясь со своими вполне самостоятельными детьми своими доходами. Выяснилось, что во всех селах каждая опрошенная нами семья пенсионеров помимо продуктовой помощи отчисляет 10—20% своих денежных средств на поддержку семьям детей и внуков. Кроме того, старое поколение нередко берет на себя функцию перераспределения средств. Обеспеченные дети не забывают помогать своим родителям, а те, в свою очередь, переправляют эти средства или вещи (чаще всего детские, переходящие по “наследству”) другим детям, которые в этом особо нуждаются.

Облик вологодского поселения отчасти повторяет *орловское село**. Здесь также есть многоэтажные дома, где проживают в основном работники бюджетной сферы и служб, не связанных с сельским хозяйством. Работники бывшего колхоза (сейчас это ассоциация крестьянских и фермерских хозяйств) имеют частные дома и все условия для ведения своего хозяйства. В нашу выборку попали четыре семьи, живущие в пятиэтажных домах, и столько же семей из частного сектора. Все семьи городского типа имеют участки земли, где выращивают картофель, овощи и ягоды, а также получают молочные и мясные продукты, заготовки от своих родителей и других родственников, которые живут поблизости — либо в этом, либо в соседних селах. Например, одиноко проживающая пенсионерка поставляет семье дочери до половины всего, что ей удалось вырастить в своем хозяйстве: за год дочь получила 90 кг свинины, 45 кг мяса птицы, более 1000 яиц. Интересно, что условия для такой модели отношений в этой и в других семьях готовились заранее и осознанно: дети перевозили родителей поближе к себе, помогали покупать дома, заводили хозяйства — и стараются помочь в делах сейчас. Получается, что две семьи живут одним хозяйством, поделив функции между собой. Какие экзотические формы может принимать такого рода кооперация, свидетельствует жизненная ситуация, сложившаяся в одной из семей. Зять, работающий в милиции, гонит самогон и передает его своей теще, которая живет в частном доме. Далее “продукт” выменивается на зерно или муку для скота, им оплачиваются труд тракториста по вспашке огорода и другие услуги.

На орловском материале хорошо просматриваются различия в структуре доходов семей, связанных с сельским хозяйством, и семей несельскохозяйственной занятости, представители которых трудятся в школе или в больнице, на элеваторе и АЗС. Заработок среднего

* Обследование проводилось О. и М. Рыжанковыми.

механизатора в хозяйстве в среднемесячном исчислении не превышает 300 тыс. руб. Семья, где муж работает скотником, а жена дояркой, получает на двоих 260 тыс. руб. в месяц. Оплата труда школьного учителя как минимум в 3 раза выше зарплаток животноводов. Но преимущества в денежных доходах несельских семей перекрываются тем объемом натуральной оплаты, которую имеет работник хозяйства. Так, механизатор за свой труд в колхозе помимо денег получил 1,2 т сахара, 4,2 т зерна, 2 т сахарной свеклы, 7 ц сена и 20 ц соломы, по льготной цене 66 л подсолнечного масла, причем 0,5 т сахара и 3 т зерна были проданы. Доход семье принесла также продажа свинины (всего в семейном хозяйстве было выращено более 10 поросят). В результате денежные доходы семьи повысились вдвое. Эта семья щедро поделилась продуктами со своими московскими родственниками, отправив им 150 кг сахара, 9 л подсолнечного масла, 20 кг свинины, с живущими рядом родителями-пенсионерами (100 кг сахара). В месяц совокупный доход рассматриваемой семьи составляет почти 2 млн руб., причем денежную форму он принимает лишь наполовину.

Большие объемы натуроплаты, получаемые рядом категорий работников АКФХ, заметно превышают потребности одной семьи, поэтому излишки перепродаются или обмениваются. Таким образом, у той части сельских жителей, которая отчуждена от производителя, появляется шанс запастись сельскохозяйственными продуктами и ресурсами подешевле. Много продается “за бутылку”, особенно краденое, доставшееся “даром”. Таким путем все обследованные семьи, ведущие ЛПХ, приобретали ворованную муку грубого помола и свеклу на корм скоту.

Реформы по-новому увязали интересы жителей села и города. В последнее время многие горожане обзавелись участками земли, так что их потребность в картофеле и овощах снизилась, но мясом, молоком и медом они чаще всего запасаются через сельских родственников. Есть случаи, когда городские семьи входят в долю прикупая на свои деньги молодняк и корма. Сельские же семьи действуют через родственников в городе для того, чтобы выгоднее продать свою продукцию.

Село заинтересовано в контактах с городом и по другой причине. Когда семья решается на крупные покупки, ей проще занять большую сумму у своих в городе, ведь уровень денежных доходов там гораздо выше, чем в селе. А налаженная сеть поставок сельских гостинцев как бы обязывает горожан откликаться на эти просьбы о кредите. Так, в орловском селе одна семья смогла купить подержанный КамАЗ, чтобы заняться частной перевозкой грузов, в основном благодаря помощи родственников из Москвы: четверть необходимой суммы они дали безвозмездно, остальные деньги семья занимала где придется, причем возвращение части долгов взяли на себя живущие

в соседнем селе родители. Получается, что межсемейная кооперация помогла создать рабочее место и открыла ход частному бизнесу. Отремонтировать машину хозяину помогли бывшие сослуживцы по автохозяйству, с которыми он расплатился не деньгами, а самогоном. Как видим, почти все проблемы удалось решить по-семейному, без обращения в банк или в автосервис. Это один из примеров того, как без помощи государства и других структур люди сами организуют свое дело, мобилизуют для этого наработанные прежде связи, заставляют проявлять интерес неформальных кредиторов, активно используют потенциал семейной экономики.

Бюджетное обследование в *саратовском селе* приоткрыло занавес тайны поведения семьи в ситуации долговременной (в течение двух лет) невыплаты заработной платы в местном товариществе с ограниченной ответственностью (ТОО)*. Вернее, какие-то деньги люди получают, но крайне нерегулярно и очень маленькими суммами. Так, сумма заработной платы семьи заведующего гаражом и бухгалтера (а это весьма привилегированный когорт работников) составила около 100 тыс. руб. в месяц, а заработки рядовых работников еще меньше. В таких условиях можно прожить только за счет своего хозяйства. Не случайно средний состав ЛПХ здесь заметно превышает параметры других обследованных нами сел: в среднем на двор приходится две коровы, два теленка, до пять свиней, около 40 голов птицы. Село расположено недалеко от районного центра, куда на рынок, как правило, и возят сельчане свою продукцию. Что-то продается перекупщикам из Саратова. Основной доход семье приносит продажа свинины и поросят, иногда на продажу закалывается годовалый бычок или телка. Хозяйки везут на базар также деревенскую сметану и творог.

Значимая роль ЛПХ просматривается через данные о средних доходах семьи. В денежных доходах в расчете на все семьи поступления от ЛПХ занимают почти 30 %, а в ряде семей они формируют бюджет на 50—60 %. В среднем денежные и натуральные доходы от личного хозяйства составляют 48 % совокупного дохода. Таким образом, посредством этого источника саратовский семейный бюджет преодолевает провал денежных поступлений. В саратовском селе больше, чем где-либо, развито натуральное хозяйство. Здесь давно выпекают свой хлеб. Муку мелют из зерна, полученного в ТОО. Фермеры используют зерно собственного урожая. Кстати, количество фермеров здесь достаточно велико. Они работают и поодиночке, и в составе ассоциации фермерских хозяйств. Самые удачливые из них составляют прослойку богатых семей села. В их число входит семья бывшего председателя колхоза, который ныне возглавляет фермерскую ассоциацию. Об уровне возможностей этой семьи говорит такой факт: здесь не только могут покупать высококачественные продукты пита-

* Работа по сбору бюджетов выполнена М. Морихановой.

ния (например, ранние овощи и фрукты), но и подарить молодоже-нам дом, обставленный мебелью, дать деньги для обустройства хозяй-ством. Отделение сына обошлось родителям примерно в 10 млн руб., т.е. съело половину семейного бюджета. Большие затраты семьи, выпав-шие на этот год, побудили хозяина соответственно распределить при-быль фермерского хозяйства. Интересы расширенного воспроизвод-ства были передвинуты на перспективу, тогда как приоритет остался за личным потреблением. Для покупки дома для сына председатель брал ссуду в ассоциации и постепенно возвращал ее в течение года.

Хорошие доходы от фермерства не поощряют эту семью бросить свое хозяйство. Наоборот, именно личное подворье фермеров стало лидером по показателям продуктивности и товарности. В то время как производство в коллективном хозяйстве падает и крестьянский двор переводится на дозированное ресурсное снабжение, фермерское хозяйство закладывает основу для развития своего личного подсоб-ного хозяйства. Семья фермерского председателя с лихвой запаслась кормами для откорма в своем хозяйстве 13 поросят, двух коров и трех голов молодняка. В числе немногих она занимается и разведением пчел. Именно доходы от продажи меда (его удалось выгодно про-дать через родственников в Саратове) составляют существенную часть в доходах от ЛПХ. Так, суммарный денежный доход от ЛПХ соста-вил почти 40 % всех денежных поступлений, а с учетом продажи сметаны, творога и сливочного масла даже 50 %. Общие денежные доходы семьи в месяц составляют 1760 тыс. руб., а совокупные дохо-ды — 2360 тыс. руб.

Как обстоят дела семей, занятых в ТОО, можно проследить по динамике положения семьи заведующего гаражом. Если раньше, по воспоминаниям односельчан, эта семья входила в число местных бо-гачеев, то сейчас они вынуждены даже урезать свое хозяйство. По местным нормам оно типично (две коровы, два теленка и четыре свиньи), но, по оценкам хозяев, “самое скромное за последние 20 лет”. За два года кризисного положения в ТОО в семье иссякли запасы сахара, круп, порошка и мыла, так что семья оказалась перед необходимостью все больше тратить деньги на эти цели, а лишних денег нет. В месяц семья получает только 650 тыс. руб., причем 70% этих денег приносит продажа свинины, поросят, картофеля, а также молочных продуктов. То есть семья почти полностью живет за счет своего хозяйства. Съехав на уровень прожиточного минимума, родители тем не менее не прекращают заботиться о своих взрослых, имеющих уже свои семьи, детях. За весь год хозяйка не покупала ничего из одежды ни себе, ни мужу. Крайне скупно расходовались средства на еду. Вещи домашнего обихода и что-то дорогостоящее вообще не при-обретались. За счет гаража ТОО удалось сэкономить на бензине и зап-частях для собственного автомобиля, и все это для того, чтобы что-то дать дочери и сыну. Родительский бюджет на 60 % ориентирован на

нужды детей. Почти 1,5 млн руб. было отдано дочери на покупку одежды для нее и ее маленького сына. В свое время она вышла замуж в Саратове, но с тех пор, как муж остался без работы, вернулась к родителям в село и находится на их иждивении. Муж регулярно ее навещает и увозит с собой в город полные сумки продуктов. Не меньший объем денежной помощи получила и семья сына, который работает шофером в том же хозяйстве, что и отец, и почти не получает за свою работу денег (лишь изредка что-то удается подкалымить). Родительская семья все же имеет некоторые преимущества: отец, относящийся к управленческой верхушке хозяйства, смог взять денежный кредит, чтобы помочь детям. К тому же за долгие годы у него сложились полезные связи, которые и сейчас не дают осечек: ему всегда придут на помощь, поскольку он может выручить транспортом или дешевым бензином, подскажут, когда ожидается выплата зарплаты, поспособствуют в получении краткосрочной ссуды из кассы хозяйства.

Наше обследование показало, что ориентация на детей очень часто выходит на первое место в системе семейных предпочтений. Чуть только подрастают дети, приходит пора посылать их учиться, женить или выдавать замуж, многие родительские семьи начинают приберегать средства, стремясь стать надежной опорой в самостоятельной жизни своих детей. Они помогают устроиться им с жильем, деньгами и продуктами (так, чтобы молодые могли повременить со своим хозяйством), а когда нужно, проводят раздел хозяйства и отдают начинающим хозяевам на развод телку или поросенка. Донорские функции родителей, как правило, формируют их установку на самоограничение во всем. В каком бы положении ни оказывались сами родители, они изыскивают все возможности, чтобы не оставить в беде своих чад. Такая норма самопожертвования, скрывая в себе опасный вирус инфантильности, имеет, тем не менее, мощный позитивный заряд: молодые люди без болезненных потрясений преодолевают безработицу или безденежье, приспосабливаясь к текущей неопределенности жизни. А когда окрепнут, сами повернутся лицом к нуждам отдавших так много сил для их благополучия близких людей. Конечно, этот механизм действует не всегда и не во всех семьях. Кое-где молодые легко встраиваются в новую жизнь (но эта ситуация больше характерна для города, чем для села). Некоторые во всем надеются только на себя и не желают связывать себя какими бы то ни было обязательствами. Под тяжестью невзгод и материальных лишений иногда происходит обрыв прежде существовавших родственных экономических связей, и семья “как улитка” уходит с головой в свои проблемы и выживает в одиночку. Интересно, что в отношениях между семьями братьев и сестер действуют иные принципы, нежели в отношениях родителей и детей. Здесь уже заметно некое стремление к равноправию, и хотя эквивалентность обменов и помощи не просчитывается, но она незримо присутствует в идущих от одной

семьи к другой потоках подарков и услуг. Неизмеримо важнее здесь моральная поддержка, чувство защищенности, теплота человеческого общения, которое исходит от братской солидарности.

Менее всего благополучна ситуация в *тверском селе**. Почти все обследованные здесь семьи связаны с местной птицефабрикой. Это семьи птичницы, разнорабочего и бригадира, трактористов, пенсионеров — бывших работников предприятия. Их заработки невелики. Так, птичница в среднем получает около 300 тыс. руб. Самый высокий доход в семье бригадира: оплата труда на фабрике жены и мужа составила чуть больше 1 млн руб. в месяц. Следует также учитывать, что работники птицефабрики ежемесячно получают 6 кг курятины и 3 десятка яиц. В целом денежный доход семьи на 60 % формируется за счет доходов, получаемых на фабрике.

Но нельзя не отметить, что большинство местных семей не в состоянии вести полнокровное крестьянское хозяйство. Дело в том, что новая часть села застроена многоквартирными домами, вокруг которых хаотично разбросаны сарайки для поросят и птиц. В отдалении выделена земля под сады и огороды, а в другой стороне — участки под картофель. В течение дня люди бегают от сараек к огороду, чтобы успеть покормить живность и полить, прополоть участок. Тем не менее ведение своего хозяйства позволяет экономить средства на картофель и овощи, но основную долю продуктов приходится покупать. Потому здесь так велики затраты на питание, доходящие до 50—60 % семейных расходов. Картофеля в селе выращивают много, и все стараются продать его на рынках Твери и Москвы. Нередко выручка от продажи картофеля помогает продержаться в самые кризисные моменты. Когда осенью заработную плату на фабрике не выдавали три месяца, многие семьи жили исключительно на картофельные доходы.

“У меня есть 8 соток под картошку и 2 сотки под овощи. И еще я взяла дачный участок 8 соток, чтобы сажать там кусты всякие плодовые, деревья. Обрабатывали землю все вместе: вот все, кто есть, все идем копать, сажать, грядки делать. А сначала, когда сажаем картошку, то это обычно по очереди — сначала я к одной сестре, потом к другой, потом ко мне, все друг другу помогаем”.

Уже упомянутая модель “два дома — одно хозяйство” прижилась и на тверской земле. Рассказывает пенсионерка, которая вместе с мужем живет в старой части села:

“Хозяйство-то, собственно говоря, не мое, а сына. Я просто помогаю ему. Он живет в поселке, в квартире. Что там можно иметь? А у них двое детей. Чем-то надо помогать. Ну вот и держу несколько поросят: что на мясо, а что — продадим. С сыном у нас постоянно хорошие отношения. Сын мне во всем помогает. Вот огород с картошкой — и сажаем все вместе, и копаем, и закладываем. Излишки продаем. Сын продает все сам: у него две машины — легковая и УАЗ. Работает он на птичнике шофером, жена — в школе учительницей”.

* В селе работала группа в составе С. и Е. Ковалевых.

Выводы

Результаты бюджетного обследования показали, что ситуация в каждом селе достаточно специфична. Доходы семей во многом зависят не от территориальной принадлежности, а от конкретной ситуации в самом селе. Отметим наиболее значимые факторы, определяющие благосостояние сельского населения.

1. Положение дел в крупном хозяйстве (бывшем колхозе или совхозе), которое является территориально образующей единицей и дает работу большей части трудоспособного населения. Доходы и положение сельской семьи во многом зависят от финансового положения экс-колхозов и совхозов под новыми вывесками АОЗТ или ТОО, уровня их прибыльности или убыточности. Успешность их хозяйственной деятельности определяется и уровень оплаты труда (денежной и натуральной) работников разных категорий и сфер деятельности, и ритмичность выплачиваемых им заработанных денег, и наличие иных услуг, оказываемых хозяйством в отношении своих работников.

2. Степень ограниченности местного (локального) рынка труда, возможности трудоустройства: может ли человек реально найти работу только на сельскохозяйственном предприятии или в промышленности, торговле, сфере услуг, заняться предпринимательской деятельностью; имеется ли шанс получить сезонную работу, свободны ли молодежь или работоспособные пенсионеры в выборе подходящего для них места работы; доступна ли работа в других населенных пунктах (сельских и городских).

3. Социальная инфраструктура села и ее возможности по удовлетворению потребностей жителей. Реформ довольно безжалостно обошлись с сельской социальной сферой. Из-за недостаточного финансирования закрылись сельские магазины и службы бытового обслуживания, библиотеки и Дома культуры, на грань исчезновения поставлены школы, детские сады, медпункты. Даже торговый частный капитал, так успешно развивающийся в городской среде, не в состоянии реанимировать разваливающуюся сеть коопторговских магазинов. Полностью разрушена закупочная сеть, и предприимчивые частники, пользуясь бесправным положением сельской семьи, покупают мясо и скот по смехотворным ценам. Обостряет проблему и низкая платежеспособность сельской семьи. Из-за высоких транспортных тарифов возможности селян выехать в районный центр или в областной город даже с целью подлечиться, сделать покупки, встретиться с родными или знакомыми, поторговать на рынке, значительно сокращены.

4. Зависимость сельских жителей от местных властей. Роль нынешнего председателя акционерного общества неизмеримо возросла даже по сравнению с казавшимися могущественными председателями колхозов. Поэтому жизнь семьи напрямую зависит от того, как относится первое лицо к ее заботам и чаяниям, какие интересы и планы

лежат в основе принятия им тех или иных решений — план развития производства или сокращения лишних работников, за которыми следует массовая безработица. Многие зависят от того, готов ли руководитель ради выживания жителей села перестроить производство и распределение готовой продукции, ориентируясь на нужды семейного хозяйства, чтобы люди могли жить за счет своего подворья. Или руководитель прежде всего ориентируется на личную выгоду и потому всячески манипулирует своими подчиненными, опускаясь до задабривания наиболее полезных работников или держателей акций и полностью пренебрегая интересами не столь нужных и посему незащищенных групп села (в первую очередь пенсионеров).

Мы наблюдали за тем, как действиям властей в некоторых селах противостояла сложившаяся в селе традиция общинности или родства и коллективного действия, с которой руководитель вынужден считаться и корректировать свою политику с учетом общественного мнения. В таких случаях председатель не может, не подумав о последующей реакции, снять с должностного поста какого-то бригадира или специалиста, который либо приходится родственником многим жителям села, либо пользуется их поддержкой. В большей степени с этим сопротивлением приходится сталкиваться людям власти, которые вошли в село чужаками, т.е. не были изначально его жителями. Но не везде рядовые способны противостоять власти имущим. И это обстоятельство, хотя и не напрямую, определенным образом влияет на ситуацию в селе в целом и на положение каждой семьи в отдельности.

5. Состояние личного подсобного хозяйства и возможности для его развития. Здесь действует две группы факторов. С одной стороны, они лежат на стороне семьи и выражаются в ее заинтересованности в развитии своего хозяйства, в возможностях семьи выносить накладываемый хозяйством уровень нагрузок. Важную роль играют размеры семейного земельного надела, его расположение относительно усадьбы, обеспечение водой, возможности механизированной обработки, наличие и добротность построек для содержания скота и птицы, выпасные угодья и сенокосы. Другая группа факторов определяет ресурсную базу для содержания хозяйства, т.е. резервы семьи в достаточном обеспечении своего хозяйства кормами, молодняком, семенами, соляркой и бензином, транспортными средствами и иными механизмами. Нынешний дефицит денег в селе создал практику, при которой ресурсные возможности во многом определяются не столько ценами на эти ресурсы и, соответственно, финансовыми возможностями семьи, сколько тем, доступны ли семье неденежные каналы их получения. Речь идет прежде всего о натуроплате за работу в коллективном хозяйстве в виде зерна, сена, муки, сахара и иных продуктов, натуральных выплат и дивидендов на акции или паи, об использовании общественной техники в личных целях. В любом хозяйстве существуют нормы получения натуроплаты для всех работников, начисления ди-

видендов для держателей акций и владельцев земельных паев. Однако далеко не всегда полученных таким образом зерна и кормов хватает для нужд даже среднего ЛПХ. Поэтому различие в потенциалах ЛПХ разных семейств определяется различием разных групп села в доступе к этим ресурсам сверх существующих норм. Немалой силой обладают связи с нужными людьми, система взаимных услуг, которая открывает богатые возможности добиться всего, что нужно: не только получить все по минимальным ценам или бесплатно, но и продать свой товар наилучшим образом. Но эта система связей находится на вооружении лишь тех людей, которые способны сами быть полезными.

ЛПХ, оставаясь в большинстве случаев мелким производителем, всегда нуждалось и нуждается сейчас в надежном экономическом партнере, сотрудничество с которым смогло бы решить проблемы как в создании изначальных условий для производства, так и в конечной фазе — реализации или переработки выращенной продукции. Это сотрудничество позволило бы мелким производителям защититься от монополии крупного производителя или заготовителя, который может диктовать цены мелкому собрату. В большинстве случаев указанным партнером, идущим на различные комбинации с семейным хозяйством, выступает бывший колхоз. Зачастую возникающие отношения принимают извращенные формы. Коллективное хозяйство порабощает труд селянина, не оплачивая его в должной мере, семейное хозяйство “отвечает” ему на это либо мелким подворовыванием, либо безудержным воровством. В итоге баланс интересов соблюден, но порочная практика все глубже проникает в сознание людей, теряющих последние надежды на возможность честных отношений. Иногда место крупного хозяйства занимает иной партнер. Например, в курганском селе фермерские хозяйства арендуют полученные на пай земли сельских семей, расплачиваясь с ними зерном или другой продукцией и создавая тем самым возможности для ведения ЛПХ тем семьям, которые слабо связаны с коллективным хозяйством и потому оторваны от его ресурсной базы (работники бюджетной сферы, пенсионеры, выпавшие из списков пайщиков). Такая кооперация с фермерскими хозяйствами позволяет отказаться от ЛПХ или ограничить свое подворье тем, кому оно слишком обременительно. Почти повсеместно наблюдались факты, когда несколько семейств объединяли свои силы и возможности и сообща заготавливали сено, садили и убирали урожай картофеля, большей партией поставляли на рынок молочную и мясную продукцию, разделяли меж собой обязанности по ведению своих хозяйств.

Видимо, без многостороннего кооперирования существование крупного ЛПХ крайне затруднительно. Тесная зависимость между состоянием ЛПХ и базой коллективного предприятия особенно ярко проявляется в моменты глубокого кризиса и разрушения крупного хозяйства. За сокращением общественного стада и спадом в произ-

водстве кормов неумолимо следуют потери в личном секторе. Вот почему сельский житель так упорно держится за прежнюю колхозную систему, находя в кооперации с бывшим колхозом порой единственную возможность сохранить свое хозяйство. Без надежд на получение заработной платы с безропотным терпением люди продолжают работать в коллективном хозяйстве и не спешат разрывать эту связь, чтобы не лишиться свое подворье живительной подпитки.

Несмотря на столь долгое переходное состояние в экономике, можно сказать, что населению России все же удалось выдержать удары судьбы, выработать свои способы борьбы и приспособиться к сложившейся ситуации. Потенциал самовывживания оказался достаточным для того, чтобы в условиях практически полного отсутствия государственной поддержки сельское хозяйство сохранилось как отрасль экономики. И это позволяет надеяться, что при изменении государственной политики и формировании паритетных экономических отношений между городом и селом будет реализован несомненно имеющийся в аграрном секторе потенциал развития, первые ростки которого ярко проявляются в отдельных регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Глава 16

[1] *Шабанова М.А.* Социальная стратификация и свобода // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 48—49.

[2] Социологические обследования проведены в двух сельских районах Алтайского края (1995 г., N 344) и Новосибирской области (1996 г., N 340). Выборочная совокупность репрезентирует генеральную по полу, возрасту и уровню образования взрослого населения (1995 г.) и населения трудоспособного возраста (1996 г.)

[3] *Барбер Б.* Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М.: Прогресс, 1972. С. 235—247.

[4] *Stewart A., Prandy K., Blacburn R.* Social Stratification and Occupations. L.: Macmillan, 1980. P. 172, 197; *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917—1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа / Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН. Сыктывкар, 1996. С. 162.

[5] *Ильин В.* Государство и социальная стратификация...

[6] *Барбер Б.* Структура социальной стратификации... С. 242—243.

[7] *Краткий словарь по социологии* / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1988. С. 389—390.

[8] *Шабанова М.А.* Свобода и независимость в меняющемся обществе: Социолого-экономический аспект // Социологический журнал. 1996. № 3/4. С. 84—98; *Шабанова М.А.* Новая свобода на селе: проблемы институционализации и интернализации // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. С. 3-32.

Глава 17

[1] *Park K.H.* Income Inequality and Economic Progress: An Empirical Test of the Institutional Approach // *The American Journal of Economics and Sociology*. 1996. Vol. 55. N 1. P.87-97.

[2] *Mateju P., Vlachova K.* Od rovnostarstvi k zasluhovosti // *Sociologicki casopis*. 1995. Vol. 31. N2. S. 215-234.

[3] *Payne M., Furnham A.* Explaining the Causes of Poverty in West Indies: A Cross-Cultural Comparison // *Journal of Economic Psychology*. 1985. Vol. 6. P. 215—229.

[4] *Furnham A., Bond M.* Hong Kong Chinese Explanations for Wealth // *Ibid*. 1986. Vol. 7. P.447-460.

[5] *Roland-Levy C.* Economic Socialization: Basis for International Comparisons // *Ibid*. 1990. Vol. 11. P. 469-482.

[6] *Хажулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А.* Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: Сравнительный анализ // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень*. 1996. № 6(26). С. 19—25.

[7] *Тапилина В.С.* Экономическая реформа и материальное благосостояние городского населения Западной Сибири // *Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: Материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу*. Ч. 1. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. С. 60.

[8] *Eitzen D.S.* In Conflict and Order: Understanding Society. Boston, 1978. P. 77-95.

Глава 18

[1] *Mateju P.* Objective Mobility, Subjective Mobility and Life Chances in Post-communist Europe // *Social trends (Czech Rep)*. 1997 // Internet: WWW http://www.soc.cas.cz/trends/ai_publicac.html.

[2] *Тапилина В.С.* Экономическая реформа и материальное благосостояние городского населения Западной Сибири // *Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: Материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу*. Ч. 1. Проблемы социальной адаптации к изменяющимся условиям жизни / Под ред. Ф.М. Бородкина и А.Р. Михеевой. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. С. 47—62; *Черныш М.Ф.* Социальная мобильность и политические предпочтения // *Социологический журнал*. 1997. № 3. С. 14; и др.

[3] *Sorensen A.B.* Theory and Methodology in Social Stratification // *Sociology: from Crisis to Science?*. Vol. 1: The Sociology of Structure and Action / Ed. Ulf Himmelstrand. L., 1986. P.73.

[4] Изменение дохода индивида (домохозяйства) за определенный период на какую-либо величину, например, на треть, четверть, 200 руб., идентифицирует людей как осуществивших абсолютную (объективную) мобильность по доходу. Изменение дохода, выраженное в перемещении индивида (домохозяйства) на шкале вариационного ряда из одного доходного класса или квантиля в другой, идентифицирует людей как осуществивших относительную мобильность по доходу (см., например: *Smith P.K.* Downward Mobility: Is a Growing Problem? // *The American Journal of Economics and Sociology*. 1994. Vol. 53, N 1. P.57-72).

[5] Проведенное Мичиганским университетом (США) динамическое обследование населения США General Social Surveys (GSS) содержит интерес-

ную информацию и про субъективную экономическую мобильность. В базе данных Мичиганского университета в семи временных точках (с 1972 по 1994 г.) представлены оценки населением абсолютной мобильности по материальному положению — ответы на вопрос “Скажите, в течение последних нескольких лет Ваша финансовая ситуация становилась лучше, хуже или оставалась неизменной?”. В отличие от нашего населения направленности субъективной экономической мобильности населения США свойственна устойчивость. Колебания по наблюдаемым временным точкам в приведенном ниже распределении опрошенных американцев составляют в среднем 2 процентных пункта: финансовая ситуация стала лучше — у 38 %; стала хуже — у 22 %; осталась без изменений — у 40 % (рассчитано по материалам Internet: WWW <http://www.icpsr.umich.edu/gss/subject/income.htm>).

[3] Проблемы, связанные с синхронными и диахронными сравнениями, поднимались в статье Л.А. Гордона “Четыре рода бедности в современной России” в связи с измерением относительной бедности. В отношении диахронного обеднения автор пишет, что “социально-психологическое соотнесение тут происходит не с другими группами, как это бывает в классических разновидностях синхронной относительной бедности, но с собственной жизнью, какой ее помнят (и ощущают как норму) сам человек, его дети и близкие” (см.: *Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. №4. С. 24*). Говоря об относительной субъективной мобильности, мы развиваем эту мысль.

[4] *Лисов В.А. Богатые и бедные в сибирских деревни. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992. С. 96.*

[5] *Гордон Л.А. Четыре рода бедности... С. 25.*

[6] В качестве информационного фона приведем данные уже упоминавшегося обследования GSS. В 1994 г. американским респондентам было предложено сравнить свой нынешний уровень жизни и уровень жизни своих родителей в сопоставимом возрасте. Среди опрошенных 31 % отметили, что их уровень жизни значительно выше, 32 % — несколько выше, 21 % — приблизительно такой же, 11 % — несколько ниже, 3% — значительно ниже, 2% — затруднились дать ответ (Internet: WWW <http://www.icpsr.umich.edu/gss/subject/codebook/parsol.htm>).

Глава 19

[1] *Бессонова О.Э., Кранчан С.Г. Участие населения в приватизации жилья // Социс. 1994. № 8—9. С. 27—40; Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / Ин-т социологии РАН. М., 1997. С. 87; Харченко И.Н. Образовательная структура населения Западной Сибири: Динамика и тенденции изменения // Регион: Экономика и социология. 1995. № 1. С. 106-108.*

[2] *Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. 1997. № 10-11. С. 58-65.*

[3] *Wuggenig U. A Dving Theory? A Critical Assessment of Some Aspects of Status Inconsistency Research // Status Inconsistency in Modern Societies / Ed. by H. Strasser, R. Hodgee. Duisburg: Verlag, 1986. P. 28.*

[4] *Ibid. P. 31.*

[5] *Meyer J.W., Hammond P.E. The Models of Status Inconsistency // Social Forces. 1971. Vol. 50, N 1. P. 91-101.*

- [6] *Malewski A.* The Degree of Status Incongruence and its Effects // Polish Sociological Bulletin. 1963. N 1. P.9—19.
- [7] *Geschwender J.A.* Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissonance // Social Forces. 1967. Vol. 46, N 2. P. 160—171.
- [8] *Богомолова Т., Саблина С.* Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации... С. 64.
- [9] *Meyer J.W., Hammond P.E.* The Models of Status Inconsistency... P.91.
- [10] *Lenski G.* Status Crystallization: a Non-Vertical Dimension of Social Status // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P.405—413; *Kenkel W.F.* Relationship Between Status Consistency and Politico-Economic Attitudes // Ibid. 1956. Vol. 21. P.365—368; *Lenski G.* Status Inconsistency and the Vote: a Four National Test // Ibid. 1967. Vol. 32, N 2. P. 298—301; *Rush G.B.* Status Consistency and Right-Wing Extremism // Ibid. 1967. Vol. 32, N 1. P.86—92; *Segal D.R.* Status Inconsistency, Cross Pressure and American Political Behavior // Ibid. 1969. Vol. 34, N 3. P. 352-359.
- [11] *Дэвис К.* Концептуальный анализ стратификации // Социальная стратификация. Вып. 1 / Ин-т народно-хоз. прогнозирования РАН. М., 1992. С. 138—159; *Дэвис К., Мур У.* Некоторые принципы стратификации // Там же. С. 160—177.
- [12] *Jeschwender J.A.* Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissance. P. 162; *Siomczynski K.M.* Class and Status in East-European Perspective // The Transformation of Europe. Social Conditions and Consequences. Warsaw: IFIS Publishers, 1994. P. 174.
- [13] *Siomczynski K.M.* Class and Status in East-European Perspective. P. 176—177; *Meyer J.W., Hammond P.E.* The Models of Status Inconsistency... P.93.
- [14] *Jeschwender J.A.* Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissance. P. 162; *Meyer J.W., Hammond P.E.* The Models of Status Inconsistency... P. 93.
- [15] *Wesolowski W.* Classes and Strata in industrial Society // Social Inequality / Ed. A. Beteille. Penguin Education. P. 127—145; *СAPANAMA A.* Изучение расслоения и социальной мобильности в Польше // Социальная стратификация. Вып. 3 / Ин-т народно-хоз. прогнозирования РАН. М., 1992. С. 93—283; *Zaborowski W.* Normative Equilibrium Between Investments and Rewards: A New Look at Status Inconsistency // Status Inconsistency in Modem Societies / Ed. H. Strasser, R. Hodge. Duisburg: Verlag, 1986. P. 262—274; *Siomczynski K.M.* Class and Status in East-European Perspective.
- [16] *Structured Social Inequality* / Ed. C.S. Heller. L., 1969. P. 476.
- [17] *Социально-экономическое развитие сибирского села* / В.А. Калмык, Р.В. Рывкина, Л.А. Хахулина и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 282; *Турунцев Е.* Переходное общество: От “реального социализма” к реальным социальным классам // Вопросы экономики. 1995. № 9. С. 96; *Хахулина Л.А.* Уровень и дифференциация денежных доходов семей // Благополучие городского населения Сибири: Проблемы дифференциации / Отв. ред. Ф. Бородкин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 55—74.
- [18] *Siomczynski K.M.* Class and Status in East-European Perspective. P. 175.
- [19] *Wuggenig U.* A Dving Theory?... P. 31— 32.
- [20] *Блумер Г.* Коллективное поведение // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 189.
- [21] *Хахулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А.* Представление о социальной справедливости в России и Эстонии: Сравнительный анализ // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. №6. С. 19.

[6] *Хибовская Е.Л.* Должностное продвижение и квалификационный рост: Намерения и реальность // Там же. 1996. № 2. С. 31.

[7] *Заславская Т.И.* Бизнес-слой российского общества: Сущность, структура, статус // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 22.

[8] *Хахулина Л.А., Саар А., Стивенсон С.А.* Представления о социальной справедливости в России и Эстонии...

[9] Там же. С. 21.

[10] *Machonin P., Tucek M.* A Historical Comparison of Social Structures in the Czech Republic in the Years 1984 and 1993 // *Czech Sociological Review*. 1994. N 2. P. 149.

[11] *Ростовцев П.С., Ковалева Г.Д.* Анализ социологических данных с применением статистического пакета. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. С. 86.

[12] *Hendrickx J., De Graaf N.D., Lammers J., Ultee W.* Models for Status Inconsistency and Mobility: A Comparison of the Approaches by Hope and Sobel with the Mainstream Square Additive Model // *Quality & Quantity*. 1993. Vol. 27, N 4. P. 49.

Глава 20

[1] *Российский статистический ежегодник / Госкомстат России*. М., 1996. С.116.

[2] Рассчитано по таблице “Уровень денежных доходов и структура их использования в домашних хозяйствах” (см.: *Российский статистический ежегодник / Госкомстат России*, М., 1996. С. 139).

РАЗДЕЛ V

Социально-территориальная структура общества

ГЛАВА 21. Институциональный подход к изучению социально-региональной структуры российского общества

ГЛАВА 22. Трансформация социально-территориальной структуры региона

ГЛАВА 23. Территориальная общность в изменяющемся обществе

*Институциональный подход
к изучению социально-региональной
структуры российского общества*

В настоящей главе рассматриваются исторически сложившаяся система политических институтов государственного устройства, формирующих и регулирующих развитие социально-региональной структуры российского общества, логика исследований социально-региональной структуры в рамках Новосибирской экономико-социологической школы и направления основных социальных взаимодействий. На основе материала этих исследований и анализа современных процессов делается прогноз о характере институциональных изменений.

*Логика исследований социально-региональной структуры:
от типологического анализа
к институциональному подходу*

Исследования социально-региональной структуры страны были начаты Новосибирской экономико-социологической школой в середине 70-х годов и проводились под руководством и при непосредственном участии Т.И. Заславской. Их развитие характеризуется последовательным движением от изучения в основном статических состояний объектов к анализу их динамики, от исследований преимущественно эмпирических — к разработке теоретико-методологических вопросов, от рассмотрения одного из секторов общества — аграрного — к функционированию общества в целом. При этом акценты все более смещались от изучения структурных характеристик к выявлению механизмов развития социально-региональной структуры.

В 70—80-е годы основным объектом социально-региональных исследований была сельская часть общества. В соответствии с разработанным понятием многоуровневой социально-территориальной структуры (СТС) села, элементами которой признавались типы сельских местностей областей (краев, АССР), типы сельских административных районов, а также типы сельских поселений [1], социально-региональная структура рассматривалась как верхний уровень СТС и в концентрированном виде отражала различия в социально-экономическом положении сельского населения административно-территориальных единиц регионального (областного, краевого, автономно-республиканского) уровня.

Основная задача, стоящая тогда, заключалась в выделении ограниченного числа типов сельских регионов, характеризующихся близостью показателей социально-экономического и демографического развития. Методика исследований базировалась на многомерном типологическом анализе. Показатели рассчитывались на основе данных статистики. В этот период в ходе совместных работ сотрудников отдела социальных проблем ИЭиОПП СО АН СССР и Института проблем управления АН СССР впервые была выполнена типологизация сельских местностей СССР регионального (областного и республиканского) уровня [2]. Полученную таким образом комплексную типологию сельских местностей предлагалось рассматривать в качестве эмпирического референта социально-региональной структуры сельской части страны.

Поскольку функционирование любой социальной структуры осуществляется, во-первых, в соответствии с естественно-историческими законами, а во-вторых, под действием сложившейся в обществе системы управления [3], в дальнейших исследованиях социально-региональной структуры акцент был сделан на анализе ее динамической устойчивости и зависимости от проводимой государством политики.

В середине 80-х годов было осуществлено новое социолого-статистическое исследование по изучению социально-региональной структуры сельской части Российской Федерации [4]. На основе эмпирических данных, относящихся к 1980 г., была построена типология сельских местностей России, отражающая совокупность основных социальных неравенств региональных групп населения, обусловленных фактом проживания на конкретной территории. Выполненная типология интерпретировалась в качестве социально-региональной структуры сельской части РСФСР.

Ретроспективный анализ социально-региональной структуры за 1959—1980 гг. показал ее устойчивость на протяжении 20 с лишним лет, что выразилось в сохранении основных социальных типов сельских региональных общностей. В то же время было отмечено, что в анализируемом периоде при общем повышении показателей социально-экономического развития села возросла также дифференциация между сельскими регионами.

Особое внимание было уделено роли государственной аграрной политики в формировании типа сельской социально-региональной структуры, сложившейся в РСФСР к началу 80-х годов. Органы управления регионом (его сельской частью) в тот период, несмотря на наличие институциональных форм для осуществления своей политики, были довольно слабы. Единственным значительным субъектом, способным существенно влиять на изменение социально-региональных различий, было государство в лице своих высших центральных органов. Это следовало из анализа взаимодействия различных территориальных общностей, показавшего, что “наибольшая сфера влия-

ния принадлежала планомерным вертикальным взаимодействиям” [5]. Однако было показано, что государственная региональная политика 1965—1980 гг. не привела к уменьшению количества проблемных сельских регионов. Наоборот, их число, несмотря на ряд принятых региональных программ, увеличилось. Было также выявлено, что государственная регионально направленная политика ориентировалась на решение “перезревших” проблем, что было связано с ослаблением обратных связей в сфере регионального управления. Наконец, эта политика не учитывала взаимосвязей между городской и сельской частями регионов, что приводило порой к эффектам, прямо противоположным намеченным целям [6].

Подытоживая исследования, проводившиеся до начала 90-х годов, заметим, что в тот период понятие социально-региональной структуры было по сути синонимично понятию социально-региональной стратификации. Это обусловило соответствующую методику работы, использование методов многомерного типологического анализа данных. Несмотря на попытки включить в рассмотрение деятельность государственных органов в качестве фактора формирования социально-региональных различий, проводившиеся исследования представляли собой прежде всего реализацию стратификационного подхода, при котором основная задача заключалась в выявлении своеобразных страт в составе региональных групп сельского населения.

С начала 90-х годов в изучении социально-региональной структуры происходит качественный сдвиг. Она начинает рассматриваться как одна из социологических структур, формирующихся под действием социальных механизмов и институтов данного общества [7]. Под социальным механизмом развития экономики при этом понималась устойчивая система взаимодействия социальных групп населения между собой и государством в экономической сфере, регулируемая, с одной стороны, институтами данного общества, а с другой — социально-экономическим положением и сознанием этих групп [8]. Тем самым была намечена перспектива институциональных исследований социологических общественных структур, в том числе и социально-региональной.

Начавшаяся в России перестройка основных социально-экономических отношений актуализировала наметившуюся тенденцию к анализу роли институтов и характера институциональных изменений. В этих условиях остро встали вопросы о том, в какой мере объективно возможны планируемые преобразования, каковы их механизмы, насколько они исторически закономерны и в какой мере поддерживаются или иницируются социальными группами и организациями. Одновременно усиливается осознание роли социальных и институциональных механизмов в проведении экономических и политических реформ.

Особенности применения институционального подхода

В мировой науке институциональный подход после периода его относительного забвения в 40—80-е годы вновь активно применяется в разнообразных исследованиях общественной жизни. “Новоинституционалистское” мышление становится все более характерным для анализа взаимодействий между людьми [9]. Как отмечают в своих обзорах зарубежные специалисты, изучение институтов является в настоящее время одной из ключевых тем, и траектория развития современной теории в значительной части направлена именно в сторону изучения институтов [10]. Признанием институционального подхода как эффективной методологии анализа общественных процессов является присуждение Нобелевской премии Р. Коузу (1991), Д. Норту и Р. Фогелю (1993) — ярким представителям институционального направления в современной экономической науке.

Зарубежная экономическая социология в 80-е и особенно в 90-е годы также активизирует исследования процессов институционализации [11], рассматривая экономические институты как социальные конструкции. Исследование институтов становится ядром и отечественных эволюционных теорий развития российского общества [12].

Особенность современного институционального подхода состоит в том, что понятие института приобретает более широкий и позитивный смысл. Если ранее институты часто понимались как обычаи, структуры, закрепляющие опыт и традиции, то в настоящее время подчеркивается их значение в развитии и формировании эффективных общественных перспектив.

В самом общем виде институты рассматриваются как формальные и неформальные правила игры, существующие в обществе, они структурируют и упорядочивают человеческую деятельность, долговечны, устойчивы и инертны. Институты имеют самоусилительный характер и инвариантны относительно действий индивидуумов, но изменяются под воздействием социальных организаций.

Весьма ценным, по нашему мнению, является дополнение Д. Норта, отметившего способность институтов создавать благоприятную среду для совместного решения сложных проблем обмена, т.е. формирования хозяйственных связей. Более того, Д. Норт указал, что институты, в том числе и политические, являются детерминирующими факторами экономического процесса и, в конечном счете, стимулируют экономический рост [13].

При рассмотрении социологических структур общества с позиций институционального подхода необходимо включать в предмет исследования институты, определяющие устойчивые взаимодействия, задающие правила, рамки и побудительные мотивы деятельности социальных субъектов. Применительно к социально-региональной структуре это прежде всего институты, регулирующие взаимодей-

ствия социально-региональных общностей, а также изменения соответствующих институтов, вызванные деятельностью региональных субъектов.

Не отрицая важности экономических институтов для функционирования социально-региональной структуры, мы концентрируем внимание на анализе политических институтов государственного устройства. Такое развитие исследований социально-региональной структуры вполне закономерно, ибо еще на предыдущем этапе была сформулирована задача дополнить анализ региональных групп населения изучением “представляющих их интересы политических институтов...” [14], без чего не представлялось возможным определить механизмы развития социально-региональной структуры общества.

Практическое значение такого поворота в изучении социально-региональной структуры связано с тем, что в настоящее время “необходимы серьезные и интенсивные исследования для построения моделей государственного устройства, подходящих для постсоциалистических стран” [15], ибо государственное устройство в значительной степени определяет функционирование и экономики, и социальной сферы.

Чтобы понять существо дела, конкретизируем основные определения и понятия.

В соответствии с институциональным подходом социально-региональную структуру можно определить как *исторически развивающуюся систему взаимодействий социально-региональных общностей*. В ходе этих взаимодействий идет постоянный поиск согласования локальных (региональных) и общих (государственных) интересов, что выражается в конечном счете в формировании соответствующей системы политических институтов государственного устройства, выступающих на следующем шаге регуляторами взаимодействий социально-региональных общностей. Траектория развития этой системы обеспечивает (исходя из сущности институтов) экономическое развитие страны и увеличение степеней свободы ее граждан.

Соответственно модифицируется понятие социально-региональной общности. Она рассматривается теперь не как региональная группа населения (т.е. население, проживающее на территории административного региона — области, края, АССР) и совокупность территориально-опосредованных условий его жизнедеятельности (природно-климатических, культурных и социально-бытовых, производственно-экономических), а как группа населения того или иного региона [16] и действующая в нем система органов регионального управления. То есть в поле зрения попадают прежде всего реальные носители социальных действий — группы населения, организации и местные органы власти, поскольку равнодействующая поведения этих социальных субъектов и определяет взаимодействия элементов в социально-региональной структуре [17].

Использование институционального подхода означает переход на уровень анализа общества в целом, поскольку институциональные структуры — это структуры, пронизывающие все общество. С этой точки зрения обособление сельской и городской части, характерное для предыдущих этапов социально-региональных исследований Новосибирской экономико-социологической школы, нецелесообразно. Тем более что ранее было теоретически обосновано [18], а затем в ходе эмпирического статистического исследования на примере экономического района проверено и доказано [19], что его сельская и городская части образуют системную целостность, при которой внутривнутрирегиональные связи существенно преобладают над межрегиональными.

Аналогичные выводы в отношении регионов были сделаны и географами. По мнению В.Л. Каганского, “в пределах региона ранга области замыкается примерно 9/10 миграций; по-видимому, регионы существуют эндогамны”, административные регионы являются реальными территориальными общностями населения, они представляют собой “арену обывденной жизни, пространственный жизненный горизонт для масс” [20].

Таким образом, региональная группа населения включает в себя городское и сельское население. Соответственно в системе органов регионального управления наряду с органами управления субъекта Федерации должны быть представлены органы местного (городского и сельского) самоуправления.

Взаимодействие социально-региональных общностей в контексте политических институтов означает их включенность в сферу региональной политики. Как известно, в последней всегда представлены два четко обозначенных полюса: центр и периферия [21]. В наших условиях периферию образуют регионы, а центр представлен федеральным центром.

В соответствии с уточнением исходных понятий определим направления основных институциональных взаимодействий в социально-региональной структуре российского общества, т.е. взаимодействий, регулируемых системой политических институтов государственного устройства. На рис. 21.1 эти взаимодействия обозначены стрелками. К ним относятся:

— отношения между федеральным центром и субъектами Федерации;

— отношения между органами управления субъекта Федерации и органами местного (городского и сельского) самоуправления;

— взаимодействие региональных групп населения (в том числе городского и сельского) с представляющими их интересы органами регионального управления;

— взаимодействие региональных групп населения с федеральным центром;

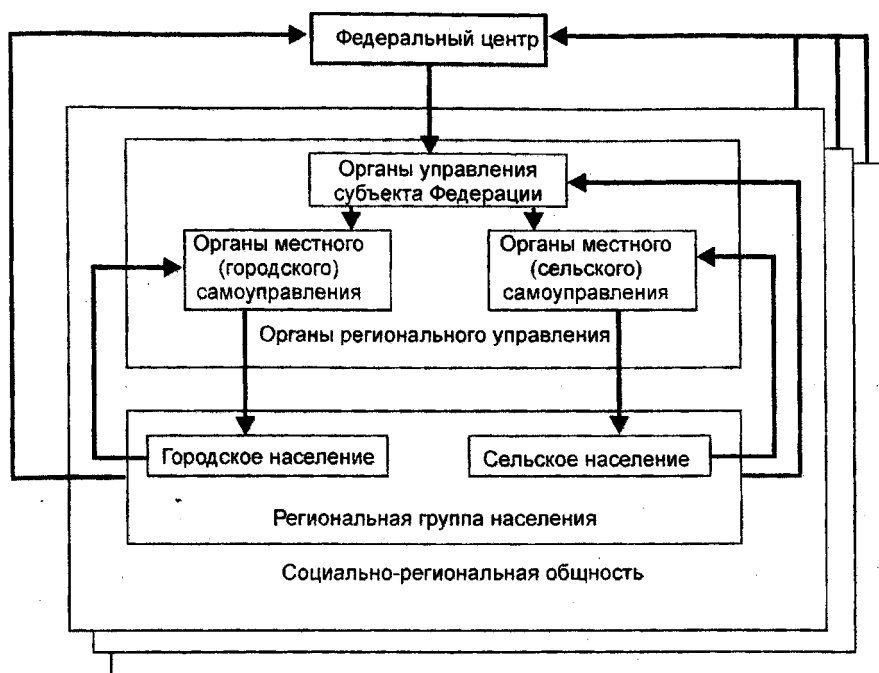

Рис. 21.1. Направления институциональных взаимодействий в социально-региональной структуре современного российского общества.

— взаимодействия социально-региональных общностей друг с другом.

Применение институционального подхода к исследованиям социально-региональной структуры Российской Федерации предполагает одновременное решение трех взаимосвязанных задач.

Первая задача заключается в *выявлении исторически сложившейся системы политических институтов*, регулирующих региональные взаимодействия в российском обществе. Из приведенных выше особенностей институтов следует, что решение такой задачи требует принципиального изменения временных горизонтов анализа. Необходима работа с фактами глубокого исторического прошлого, поскольку уже в ранних синкретических формах региональных взаимодействий закладывалось их основное содержание. При этом необходим последовательный исторический анализ сменяющихся модифицирующихся форм при одновременном выявлении их устойчивых во времени характеристик. Основным методическим приемом для решения первой задачи является исторический анализ форм российской государственности, политических структур и организации управления — центрального и местного, а также исторический анализ механизмов участия населения в процессе принятия политических решений.

Вторая задача заключается в *определении характера институциональных изменений на современном этапе*. Решение этой задачи основано на изучении современного законодательства, нормативных документов и материалов прессы.

Третья задача состоит в *изучении деятельности организаций и социальных групп населения как основных агентов институциональных изменений*. В ходе их деятельности происходит развитие соответствующих институтов в направлении обеспечения большего политического влияния населения, а также институционализация новых форм, имманентных формирующимся отношениям. Основными агентами, или субъектами институциональных изменений, являются, во-первых, региональные группы населения. С этой целью они могут использовать и действующие механизмы участия в управлении, к которым относятся выборные системы, обеспечивающие права населения формировать состав руководящих органов разного уровня, и обращения в местные и другие органы власти, и стихийно возникающие и затем институционализирующиеся формы защиты прав местного населения. Во-вторых, такими агентами являются органы регионального управления, действующие как в рамках формальных установлений, так и в сфере неформальных взаимодействий. Решение третьей задачи предполагает контент-анализ прессы, проведение интервью и получение данных с помощью включенного наблюдения.

Решение указанных задач позволит оценить содержание и направление преобразований институциональной политической структуры, регулирующей региональные взаимодействия в современной России, и дать прогноз ожидаемых в этой области изменений.

На основе изучения исторического материала нами сформулирована гипотеза о базовой структуре политических институтов государственного устройства, определяющих функционирование социально-региональной структуры. Эта система институтов служила в России целям обеспечения баланса между центром и периферией, между властью государства и правами граждан, между местными и общегосударственными интересами.

Политические институты, регулирующие региональные взаимодействия в России

К политическим институтам государственного устройства России относятся:

- *административно-территориальное деление государства;*
- *иерархия статусов регионов и поселений;*
- *иерархическая властная вертикаль органов регионального управления во главе с центром;*
- *назначение региональных руководителей;*
- *выборность региональных органов управления; **

— *единогласие или круговая порука как форма ответственности региональных общностей;*

— *обращения и жалобы населения как регулятор деятельности региональных органов.*

Данные институты взаимообусловлены, поддерживают и компенсируют друг друга, образуя тем самым устойчивую систему. Системный эффект означает принципиальную невозможность кардинального изменения одного или нескольких из них. Названные институты эволюционируют в ходе исторического развития, приобретают более сложные формы, но сохраняют свое основное содержание.

Административно-территориальное деление государства.

Сложив-

шаяся в России административно-территориальное деление, является альтернативным институту федеративного устройства государства. Наличие такого института, характерно для унитарных централизованных государств [22]. При федеративном устройстве органы федерации и органы субъектов федерации имеют самостоятельные сферы компетенции и не вмешиваются в дела друг друга. При административном характере территориального деления, напротив, вся государственная территория рассматривается как единый объект управления государственной администрацией, а выделение тех или иных территориальных единиц служит прежде всего задаче упорядочивания единого хозяйства.

Единство территории и отсутствие жесткой территориальной закреплённости населения были характерны для России с самого начала ее истории [23]. Еще во времена киевских князей государственная территория считалась достоянием всего княжеского рода и всех русских людей. Этим объясняются известные сведения о том, что князья переходили из одного княжества в другое, охотно менялись волостями.

Административный характер территориального деления страны объясняет постоянный процесс преобразований ее территориальной структуры, изменение границ тех или иных территорий и передачу их полностью или частично другим территориальным образованиям внутри государства. Ярким историческим свидетельством этого являются, например, реформы Петра I. В 1699 г. им было предпринято разделение России на провинции “для большего упорядочения и обеспечения денежных сборов” [24]. Затем было введено более укрупненное деление на восемь губерний. Смысл нововведения заключался в праве использования местными губернаторами сборов с этих местностей на утвержденные расходы, минуя центральные учреждения [25]. В 1710 г. было введено областное деление страны на “доли”, число которых составило 146,7. “Доля” представляла собой известное количество дворов, и в соответствии с количеством долей губерния пропорционально участвовала в общегосударственных расходах [26].

Из задач рационализации государственного управления исходила и Екатерина II при проведении губернской реформы. Введенное в

ходе реформы административное деление, основанное на выравнивании численности населения в новых территориальных образованиях, предполагало, “дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема...” [27].

При советской власти действие института административного деления государства выражалось в дальнейших поисках такой территориальной структуры управления огромной страной, которая позволила бы разместить и использовать общехозяйственные ресурсы наилучшим образом, в интересах всего проживающего населения.

Первые годы после революции страна сохраняла свое деление на губернии. Затем в 1923—1929 гг. административно-территориальная реформа упразднила губернии, а также уезды и волости, а вместо них ввела области (края), округа и районы, значительно более крупные по размеру. К 1930 г. в РСФСР было 13 краев и областей вместо 72 губерний в 1922 г. [28]. Но поскольку ухудшилась управляемость краями и областями, встал вопрос об их разделении, и число административно-территориальных единиц вновь стало расти.

Административно-территориальное деление, несомненно, учитывает исторические, географические, национальные, экономические и другие особенности территории и народов. В частности, выделение территориальных единиц по национальному признаку в составе СССР было обусловлено стремлением обеспечить выравнивание политических и административных прав народов разных национальностей. Уже к началу Великой Отечественной войны административно-территориальное деление СССР помимо областей включало в себя 16 союзных и 19 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов, более 100 национальных районов и 400 национальных сельсоветов. “Это был, по сути дела, эксперимент, не имевший прецедента в истории, — территориальная организация полиэтнического государства (этот опыт был затем использован в Китае, Индии, Испании и других странах)” [29].

В ходе современных реформ институт административно-территориального деления государства сохраняет свое значение. Именно поэтому специалисты отмечают, что федерация в постсоветской России носит в значительной степени формальный характер [30]. Это означает, что происходит не замена, а модификация данного института в соответствии с новыми условиями развития страны.

Иерархия статусов регионов и поселений. Как политический институт она складывалась в тесной связи с рассмотренным выше институтом административно-территориального деления государства. Видимо, если федеративное устройство предполагает равенство субъектов федерации, то при административном устройстве государству имманентна иерархия статусов образующих его регионов и поселений.

Структура расселения на Руси имела отчетливо выраженный иерархический характер начиная с IX в., так как государство уже в

тот период представляло собой “союз волостей и пригородов под властью старшего города” [31]. При этом город земли являлся старшей общиной, следующий уровень иерархии представляли пригороды, затем — сельские волости. Вершиной иерархии в то время был центральный город русского государства — Киев.

Правоведы отмечают, что в истории развития западных государств, например германских, иерархии территориальных общностей, аналогичной российской, не наблюдалось. Так, в рассматриваемый исторический период (IX—XI вв.) там имела место личная зависимость подвассалов от вассалов, а тех — от верховного сюзерена, а не иерархическая подчиненность меньших общин старшей [32].

Положение региона или поселения в статусной иерархии отражало его значение для развития Российского государства в целом. Так, в период Киевской Руси старшинство древнерусских городов и прилегающих к ним регионов определялось их значением в обороне славянских земель от основного врага с юга и обеспечением безопасного пути “из варяг в греки” для заморской торговли. Соответственно киевские, пограничные земли как наиболее важные для решения этой задачи имели высший статус, что выражалось и в верховенстве киевского престола, затем шли черниговские земли, переяславские и т.д. [33].

Эта же причина определяла более высокий статус городов по сравнению с сельской округой. Города, будучи, с одной стороны, зависимыми от своего сельского окружения, с другой стороны, выполняли одновременно функцию его защиты на период военных действий, которые в истории России имели почти постоянный характер. Города создавались, как правило, не как самостоятельные поселенческие структуры, а централизованно и всем миром. С древнейших времен в России известно так называемое городовое дело — одна из первых засвидетельствованных историками натуральных повинностей, состоявшая в постройке новых городов и острогов, возведении новых укреплений в старых городах и починке крепостей [34] силами сельского населения.

Наиболее ярко специфический характер возникновения русских городов демонстрирует история Сибири. Новосибирский историк Д.Я. Резун глубоко и подробно исследовал причины и особенности развития городов в Сибири в XVI—XVII вв., после походов Ермака. Он отмечает, что большинство из них создавалось централизованно, в основном как пункты для сбора ясака и защиты ясачных [35], ставших российским населением [36]. Первоначально в Сибири силами казаков строились остроги, в которых размещались казаки и приказчик, а затем “государев город”, как называло его местное население. Города строились в основном боярами и воеводами из Москвы (государственными чиновниками того времени) или под их присмотром [37]. Если в окружении городов не доставало рабочих рук и материалов для строительства, то необходимые строительные материа-

лы, рабочее население, хлебное жалование для будущих горожан, оружие и т.д. доставлялись централизованно. Уже при строительстве города приобретали тот или иной статус в зависимости от их роли в административном делении государства.

Иерархия регионов и поселений сохранялась на протяжении всего исторического развития российского государства и продолжает быть особенностью России в новой и новейшей истории. Известно, что и в советский период “регионы образуют иерархию и соподчинены; система административно-территориального деления СССР насчитывала 4—6 уровней (рангов) на разных территориях (с учетом центров регионов высших рангов как особых уровней: 5—8)” [38]. Иерархия городских и сельских поселений Российской Федерации была явно представлена в статистических справочниках. Возглавляла иерархию Москва, затем следовали Ленинград, центры автономных республик, краев и областей, города областного, городского, районного подчинения и т.д. Административный статус, отражающий роль и значение населенного пункта в государстве, определял масштабы капитальных вложений в его производственно-экономическую сферу и социально-бытовую инфраструктуру, а также темпы и эффективность его развития [39]. Чем выше был административный статус поселения, тем больший объем ресурсов ему выделялся.

В настоящее время иерархия сохраняется. Она выражается, в частности, понятием политико-административного (или конституционно-правового) статуса субъектов Российской Федерации. В соответствии с Конституцией 1993 г. (ст. 65), наивысший статус имеет 21 республика, на следующем уровне иерархии находятся шесть краев, 49 областей и два города федерального значения, далее следуют одна автономная область и 10 автономных округов [40]. Но вопрос о внутреннем содержании статусов разных субъектов Федерации, т.е. о степени их равенства в решении внутренних вопросов, а также прав и обязанностей, еще остается открытым и продолжает быть предметом обсуждения на всех уровнях власти. Следовательно, на новом этапе развития иерархия статусов регионов и поселений еще окончательно не сложилась и является объектом дальнейших преобразований.

Иерархическая властная вертикаль органов регионального управления во главе с центром. Этот институт сохраняется в структуре политических институтов России с древнейших времен. В сказании о призвании варяжских князей, положивших, как считают историки, начало нашей государственности, записано, что славянские племена решили: “Поищем себе князя, который бы владел и правил нами и судил нас по праву” [41]. Этот способ объединения под верховной властью отличается от такого известного в истории способа образования государства, как договорная федерация, наиболее ярким примером которой является объединение североамериканских штатов в XVIII в.

На основании выявленных особенностей территориального устройства России М.Ф. Владимирский-Буданов еще в конце XIX в. выдвинул гипотезу о существовании так называемого земского государства в России, отличного от строя других европейских государств. “Государства других типов могут быть союзом сословий (феодалное общество), или лиц (ордена), или родов и т.д.”, сущность же земского государства состоит в том, что в нем “преобладающим элементом служит территориальный: государство есть союз общин; старшая община правит другими общинами” [42].

В таком государстве центр, как ни парадоксально это звучит для лингвистов, является прежде всего вершиной властной вертикали, задающей правила и полномочия подчиненных ему органов регионального управления. При этом иерархический характер структуры региональных органов обеспечивает их единство и общее направление деятельности в масштабах всего государства.

Принцип властной вертикали является альтернативным принципу субсидиарности, который характерен для федеративных отношений. Принцип субсидиарности обосновывает приоритет (при прочих равных условиях) прав более мелкой (низкой) общности по сравнению с общностью более крупной (более высокого уровня). В соответствии с этим полномочия по реализации каких-либо компетенций должны передаваться на более высокий уровень лишь в том случае, если нижестоящий уровень не имеет возможности для их реализации [43]. При наличии же властной иерархической вертикали, напротив, органы управления низших уровней входят в систему исполнительной власти органов высшего уровня, подчиняются им и пользуются их средствами для своей деятельности.

Институт властной вертикали определяет особый порядок делегирования полномочий между органами государственной власти. Такое делегирование, как правило, основывается не на соглашении между сторонами, т.е. уровнями управления, а на законе, принятом центром — верхним уровнем управления. При этом условием передачи отдельных государственных полномочий органам местного управления является их обеспечение необходимыми материальными и финансовыми ресурсами, а реализация переданных полномочий подконтрольна государству [44].

Такой порядок передачи полномочий демонстрируют, например, упоминавшиеся губернские реформы Екатерины II. В ходе этих реформ в 1796 г. были изданы так называемые губернские штаты [45]. В них были перечислены города российской империи, являвшиеся административными центрами губерний или уездов и получившие дополнительные права и обязанности по управлению соответствующими территориями. Включение тех или иных городов в губернские штаты означало, что органы управления в этих городах становились фактически правительственными учреждениями, а занятые в них чины

получают содержание от казны. Города же, не являвшиеся административными центрами и не включенные в штаты, стали называться заштатными.

Значение института иерархической властной вертикали во главе с центром как носителем верховной власти подтверждается древней и современной историей российского государства. После периодов кризиса верховной власти в стране центр как вершина власти в тех или иных формах воссоздавался, что подтверждает его объективную необходимость. Так, после междуцарствия 1610—1613 гг., “смутного времени” российской истории, в обществе возникла потребность в воссоздании монархии с функциями централизованной власти, что и было реализовано призыванием династии Романовых. После падения монархии в ходе революций начала XX в. аналогичную функцию со временем стали выполнять центральные органы КПСС. В современных условиях значение верховного центра властной иерархической вертикали постепенно начинает воплощать президент Российской Федерации, при котором формируется система подотчетных ему органов регионального управления.

В период перестройки и рыночных реформ значение института иерархической властной вертикали органов управления во главе с центром существенно ослабло. Аналитики отмечают, что “ликвидация КПСС как фактически высшего государственного института согласования и координации интересов не была восполнена созданием новых российских институтов с аналогичными функциями”, еще не создана “институциональная вертикаль, потребность в которой резко возросла после введения поста президента” [46]. Это означает угрозу дезинтеграции страны по корпоративному принципу, когда власть начинает переходить “к корпоративистским структурам — территориальным и отраслевым — преследующим в первую очередь не общенациональные, а групповые цели” [47].

С ослаблением иерархической властной вертикали региональных органов появилась потребность в учреждении постов полномочных региональных представителях президента. Их задачей является контроль за расходованием бюджетных средств на территории, исполнением целевых и федеральных программ, выплатой пенсий и заработной платы работникам бюджетных организаций, а также контроль за соответствием принимаемых на местах законов и положений федеральному законодательству. Но как отмечают сами представители президента, у них сегодня пока нет достаточных рычагов, чтобы обеспечить надлежащее исполнение этих функций. В соответствии со своими полномочиями они могут только проинформировать аппарат президента об отмеченных нарушениях, обратиться в правоохранительные органы с ходатайством о приостановке тех или иных нормативных актов, но не могут воздействовать на нарушителей напрямую [48].

Другим выражением ослабления властной вертикали является неутраченный конфликт между органами управления субъектов федерации и органами местного городского самоуправления. Его правовую основу составляет введенное в новую Конституцию Российской Федерации положение о том, что местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти, тем самым оно выводится из подчинения вышестоящим органам управления. Согласно распространенной точке зрения, этот конституционный тезис признается сегодня “достаточно двусмысленным..., поскольку ...местное самоуправление должно быть составным элементом единой системы территориального управления государства, обеспечивая тем самым четкое функционирование единой исполнительной вертикали страны” [49].

Анализ современного законодательства в области местного самоуправления с момента принятия в 1990 г. закона СССР “Об общих началах и основных принципах местного самоуправления” обнаруживает тенденцию к постепенному воссозданию властной вертикали и переопределению прав органов местного самоуправления в пользу прав субъектов федерации, на территории которых они находятся.

Политический институт властной иерархической вертикали региональных органов во главе с центром постоянно совершенствуется. При сохранении общего принципа взаимодействия между уровнями региональной иерархии его развитие идет направлении более свободного порядка установления взаимных прав и обязанностей звеньев управления с учетом интересов населения, проживающего на их территориях, а также усиления договорного начала при установлении компетенций разных уровней регионального управления.

Назначение региональных руководителей и выборность органов регионального управления. На протяжении российской истории они действуют одновременно. Данные институты могли в разной мере реализовываться на тех или иных уровнях административного деления государства (например, выборность на уровне местной общины и назначение (до революции) на уровне губернаторов), но всегда присутствовали в обществе одновременно. При этом идет постоянный поиск меры, позволяющей сочетать интересы локального сообщества (через выборность его представителей) и целого, всего государства (через назначение руководителей вышестоящими уровнями управления).

В управлении древнерусских городов принципы выборности и назначения были представлены еще в нерасчленимой, синкретической форме — в вече. Вече представляло собой полномочное народное собрание, в котором решались все важнейшие вопросы городского общества. В Новгороде оно, например, включало в себя высших должностных лиц, как правило, назначаемых князем, а также представителей всех концов (районов) города и всех социальных групп — бояр, житейных людей, купцов и черных людей, другими ело-

вами, одновременно и выборных снизу, и назначенных верховной властью [50].

В дальнейшем институты выборности и назначения действовали то последовательно, то параллельно. В качестве примера представим краткую историческую справку по организации управления волостями в период от Ивана Грозного до Петра I.

Так, для управления волостью в XIV—XVI вв. назначались волостели и наместники. Они, как представители верховной власти, осуществляли одновременно властные и судебные полномочия. Но уже по Судебнику 1497 г. назначаемые наместники должны были судить с выборными “добрыми людьми” из местного населения. Затем в 1555—1556 гг. царь Иван Грозный фактически упраздняет должность наместников, повелевая выполнять “государеву службу” выборным “излюбленным старостам”. После земского собора 1613 г. верховная власть снова вводит приказно-воеводское управление [51]. Воеводы работают на государевом жаловании и государем назначаются. Параллельно с ними в соответствии с указом 1627 г. действуют губные старосты — выборная земская власть, заменяя собой воевод в тех волостях, где их почему-либо нет или когда они отсутствуют в городе. В 1669 г. институт губных старост был уничтожен, а их дела были переданы воеводам. В 1684 г. губные старосты были восстановлены и просуществовали до 1702 г. [52]. Затем по указанию Петра I губное самоуправление было ликвидировано, а его функции вновь возложены на воевод, назначавшихся из центра [53].

Превалирование выборности или назначения в тот или иной период было связано с конкретной социально-экономической ситуацией. Если усиливалась потребность в централизации ресурсов, например в связи с военными действиями, преобладало назначение региональных руководителей. Если произвол воевод или наместников по отношению к местному населению становился нетерпимым, увеличивались жалобы населения на злоупотребления местной власти, предпочтение отдавалось выборам.

В XIX в. институт назначения, например, городских руководителей предполагал учитывать интересы местного населения и государства как целого следующим образом. Замещение должности городского головы, в соответствии с городским положением 1892 г., происходило путем выборов его городской думой. Но затем требовалось административное утверждение кандидатов либо губернатором, либо министром внутренних дел. Если первично и вторично выбранные кандидаты не утверждались, то тогда вакантные должности замещались соответствующими назначениями [54].

Хорошо известна практика назначений региональных руководителей в советский период, когда они формально выбирались, а затем утверждались, а фактически назначались органами КПСС соответствующего уровня.

Демократизация общественной жизни в ходе перестройки привела к изменению этого порядка. В соответствии с новой Конституцией 1993 г. назначение региональных руководителей отменено — они избираются населением соответствующих регионов. Но действие любого института, политического или экономического, невозможно отменить законодательно, даже высшим законом государства, каким является Конституция. В настоящее время уже осознано, что “введение в действующую Конституцию принципа выборности глав областей и краев при полном отсутствии у Центра каких-либо правовых возможностей смещения их с должности привело к значительному ослаблению властной вертикали. В условиях регионализации хозяйственных связей это неизбежно ослабляет единство Российского государства” [55]. Введенные практически одновременно с переходом от назначения региональных руководителей к их выборам полномочные представители президента не решают всей проблемы.

Отмена назначений означает поиск иного адекватного им правового механизма сдержек и противовесов, обеспечивающего выполнение губернаторами их функций одновременно как представителей избравшего их народа и представителей Российского государства в современных условиях. В основу этого механизма предлагается заложить принцип двойной ответственности губернаторов: перед населением, его избравшим, и перед государством. Высказываются, например, такие предложения: “Федеральным законодательством в соответствии с Конституцией должны быть четко очерчены пределы прав и полномочий губернаторов и предусмотрен действенный механизм импичмента в случае нарушения ими законодательства... вплоть до лишения губернатора полномочий по инициативе президента” [56]. Как видим, современные формы реализации института назначения, значимость которого осознается, еще не найдены.

Единогласие или круговая порука как форма ответственности региональных общностей. Это еще один политический институт, определяющий взаимодействия в социально-региональной структуре российского общества. Он представляет собой форму солидарной ответственности территориальных общностей перед верховным уровнем управления и предполагает одновременно внутреннее единогласие членов этой общности по поводу принимаемых на себя обязательств.

В одной из первых форм территориального управления в Древней Руси — вече — достижение единогласия и реализация принципа круговой поруки зашифрованы для нас в так называемом поле — поединке между сторонами, имеющими несопадающие мнения. Если в ходе вече стороны не приходили к единодушию или предлагаемая позиция не была настолько авторитетной, что ее противники прекращали отстаивать свою точку зрения, то дело решалось полем, или дракой. Поле как судебный поединок должно было следовать

определенным правилам [57]. Какая сторона побеждала, та точка зрения становилась принятой всеми, что и фиксировалось обществом. В дальнейшем поле как способ достижения общей позиции вымирает. По Указу 1556 г. предписывалась замена поля крестным целованием, закрепляющим единство позиций сторон [58].

Роль круговой поруки в устройстве территориального управления на Руси отмечают и историки права. Они указывают, что «через круговую поруку осуществляется воздействие верховной власти. По этому же образу строится и “вся земля”. Круговая порука господствовала и на “вселенских советах” [земских соборах]. Она обеспечивалась традиционными на Руси началами единогласия — вопрос обсуждался до тех пор, пока все не придут к общему мнению, после чего участники обсуждения приводились к крестоцелованию» [59]. Целовать крест на своих речах значило обязаться под присягой исполнять соборный договор. Таким образом фиксировалось собрание, “круговое” формальное обязательство, связывавшее членов собора в нечто целое по отношению к соборному приговору [60]. Тем самым круговая порука обеспечивала государственный интерес.

Размышляя о природе данного политического института, можно предположить, что в его основе лежит экономическая необходимость, ибо, как отмечалось выше, задачей институтов в конечном счете является создание благоприятных условий для экономического развития. Эта экономическая причина заключается в особом, коммунальном характере используемых производственных ресурсов и материально-технологической среды в российском обществе. “Коммунальность означает такое устройство материально-технологической среды, при котором все ее части представляют единую нерасчленимую систему и не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Такая коммунальная среда является общественным благом и условием выживания всего общества” [61]. Использование коммунальной среды может быть только согласованным, единым, в котором никто не нарушает общих установленных правил, никто не пытается использовать ее в интересах какой-либо группы.

В Древней Руси основу такой коммунальной среды представляли земля, требовавшая в силу известных причин совместной защиты и обработки, и система речных путей, обеспечивающая внутренние взаимосвязи и выход на заморские рынки. В настоящее время материальную основу коммунальной среды составляют транспортные наземные коммуникации, прежде всего железнодорожные, а также единые системы энерго- и теплоснабжения. Отмеченные особенности коммунальной среды России закрепляются в наше время уже законодательно. В новом законе “О федеральном железнодорожном транспорте” прямо указано, что железнодорожный транспорт является единым производственно-технологическим комплексом. Аналогичное указание на единство и невозможность технологического расчлени-

ния энергетической системы страны содержится в обсуждаемом Государственной думой законе о РАО ЕЭС.

Попытки использования общей материально-производственной среды в интересах какого-либо региона приводили к ослаблению государства в целом и поэтому жестоко пресекались. Пример борьбы Московского княжества с новгородцами ярко иллюстрирует это положение.

Будучи северо-западной окраиной русского государства, Новгород, с одной стороны, жил за счет доставляемого из центральных частей страны русского хлеба, а с другой — использовал в своих интересах выгоды от иноземной торговли. Обеспечить единогласие новгородцев в исполнении общегосударственных дел, включить их в систему круговой поруки не удавалось, что привело к известным кровавым событиям. Иван Грозный покорил вольный Новгород, часть населения уничтожив физически, а другую часть переселив на центральные московские земли, заселив земли новгородскими выходцами из других регионов Московского царства.

Устойчивость института единогласия или круговой поруки означает, что она выгодна для лиц и групп, составляющих общество и соответствует государственным соображениям об удобстве исполнения задач территориальными образованиями. Например, съезды КПСС, характерные для советского периода нашей истории, являются аналогом проводившихся ранее земских соборов и так же, как земские соборы, были вызваны к жизни административными потребностями государства. На них достигалось единогласие региональных представителей по поводу решения основных, выносимых на съезды вопросов и через партийную дисциплину обеспечивалась та самая круговая порука, которая служила гарантом исполнения принятых решений.

На нынешнем этапе принцип единогласия и круговой поруки выражается уже в современных правовых нормах. Примером является Федеративный договор, подписанный 31 марта 1992 г. и одобренный IV Съездом народных депутатов России 10 апреля 1992 г. Федеративный договор инкорпорирован в текст новой Конституции 1993 г. Он является принципиально новым юридическим актом в государственном строительстве России. Федеративный договор, с одной стороны, подписан органами федерального центра, а с другой — органами власти субъектов Федерации — краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, национальных автономий (кроме Чечни и Татарстана). Субъекты Федерации, подписавшие этот договор, единогласно согласились с теми политическими условиями, которые были декларированы федеральным центром, поскольку их законодательные и экономические права были существенно расширены. Подписание Федеративного договора позволило сохранить единство страны и остановить начавшийся в Российской Федерации “парад суверенитетов” [62].

Отмеченный принцип единогласия в современных условиях реализуется также в установленном федеральным законом от 4 марта 1998 г. порядке внесения изменений в Конституцию. Согласно этому порядку, соответствующий закон России сначала принимается обеими палатами Федерального собрания, а затем, в течение года, должен быть одобрен законодательными (представительными) органами власти не менее двух третей субъектов Федерации. Но даже в этом случае президент России или законодательный орган региона вправе обжаловать постановление об этом законе в Верховном суде страны. “В случае подачи жалобы закон Российской Федерации о поправке к Конституции не направляется... Президенту Российской Федерации для подписания и официального опубликования” [63]. Другими словами, если хотя бы один регион в России не согласится с необходимостью соответствующих поправок, закон о поправках к Конституции не будет принят.

Как показывает беглый исторический экскурс реализации политического института единогласия или круговой поруки как формы ответственности региональных общностей, его развитие шло в направлении более свободного проявления интересов региональных субъектов и уменьшении роли насильственных форм разрешения возникавших конфликтов.

Обращения и жалобы населения как регулятор деятельности региональных органов. Этот политический институт государственного устройства обеспечивает обратную связь на всех уровнях управленческой иерархии.

Положение о роли института административных жалоб в российском обществе впервые сформулировано О.Э. Бессоновой [64]. Именно ею широко известный в отечественной практике и описанный в юридической литературе феномен жалоб выделен в качестве основополагающего механизма регулирования раздаточной экономики России. Значение этого открытия заключается также в том, что обращения и жалобы являются сигналами обратной связи не только в экономической системе, как справедливо отмечает О.Э. Бессонова. Они представляют собой важнейший политический институт, регулирующий социальные отношения в сфере власти и формирующий основополагающую структуру принятия и контроля решений по всей иерархической властной вертикали органов регионального управления во главе с центром.

Если в западных странах борьба против ущемления прав населения со стороны органов регионального управления реализуется прежде всего в виде судебных исков, через судебную систему, то в России таким основным механизмом была административная жалоба в вышестоящую инстанцию. В этой сфере под административной жалобой понимается “всякое заявление, сделанное высшей административной властью на действия низшей, по предмету нарушения последней

каких-либо личных или имущественных прав или интересов, или неудовлетворения какого-либо ходатайства, которое по закону могло или должно быть удовлетворено” [65].

Роль жалоб в функционировании регионального управления отмечалась в ряде исследований. Например, правоведы Института государства и права РАН при изучении истории территориального самоуправления в России указывают, что существенное значение имело взаимодействие верховной власти и земли “посредством челобитной деятельности” [66], т.е. через подачу высшим органам управления индивидуальных или групповых (от сословий или территориальных общностей) челобитий. На основании обращений и жалоб населения высшие органы управления судили об эффективности региональных руководителей разного уровня, как выборных, так и назначаемых. Например, при назначении воевод в царствование Михаила Романова (начало XVII в.) правительство одновременно учредило особый приказ, в котором принимались жалобы от тех, кто “на сильных бьют челом” [67]. Точно так же и при расширении выборного начала, например, в сельских обществах в XIX в., Указом с 1889 г. вводятся земские начальники, которым предоставляются широкие права по надзору за должностными лицами крестьянского управления и разбору приносимых на них жалоб, вплоть до временного устранения виновников с их должностей [68].

Действие института жалоб регулировало деятельность других политических институтов. Например, как указывалось выше, количество и характер жалоб населения были одной из причин того, какое начало — выборное или назначенческое — преобладало в формировании состава региональных руководителей.

Контроль деятельности органов регионального управления посредством разбора жалоб зависит от того, какие группы населения и в какой форме могут эти жалобы подавать и какова будет реакция. В дореволюционной России наиболее эффективными с точки зрения решения поднимавшихся в них вопросов были так называемые “всеподаннейшие прошения и жалобы”, т.е. обращения непосредственно на Высочайшее имя. В середине XIX в. право ходатайствовать “о прекращении местных злоупотреблений или об устранении неудобств, замеченных в местном управлении” непосредственно перед Императорским Величеством могло только дворянство. Другие группы населения таких прав в тот период не имели [69].

В советский период право жалобы на действия органов регионального управления любого уровня стало практически всеобщим, поскольку могло быть реализовано всеми слоями населения. Тогда действовала система, обеспечивающая прием и прохождение жалоб, реализацию решений по ним и ответственность должностных лиц.

Действие института жалоб и обращений воплощает характерная форма деятельности российских руководителей разного уровня реги-

ональной иерархии “советоваться с народом”. Примером является состоявшаяся 10 марта 1998 г. встреча в Кремле президента Российской Федерации со старейшинами, неформальными лидерами Северного Кавказа, где напрямую, минуя уровни регионального управления, представители населения региона выражали свои проблемы.

Именно через институт жалоб население и организации в значительной мере могут осуществлять институциональные изменения в соответствии со своими интересами. Д. Норт отмечал, что развитие структуры институтов любого общества дает возможность людям выражать свои идеи, мнения и убеждения с очень низкими издержками для себя, и именно это позволяет осуществлять изменения в обществе [70]. Для западного общества этой цели служит прежде всего избирательный процесс, а в России, кроме того, и институт жалоб, который, как и выборы, является формой, механизмом обратной связи. Чем более развит этот механизм, чем шире возможности населения выражать свои жалобы, чем лучше отлажены их учет, контроль и исполнение, тем эффективнее могут быть осуществляемые в обществе преобразования.

В период современной социальной трансформации российского общества происходит существенное обновление механизма жалоб и обращений. Начинают формироваться новые, более эффективные каналы для их передачи. Это связано, прежде всего, с увеличением числа формальных и неформальных организаций, используемых для этих целей. Прямым выразителем жалоб различных групп населения выступает сегодня Государственная дума. Постоянство ее действия (в отличие, например, от земских соборов и съездов КПСС, собиравшихся эпизодически) позволяет региональным представителям осуществлять регулярный контроль за деятельностью центральных органов власти.

Распад административно-командной системы управления, осуществлявшей прием обращений и жалоб через свои региональные подразделения, компенсируется созданием иного рода организаций, служащих этим целям, по инициативе снизу. Примером является создание межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия, представляющих собой добровольные объединения республик, краев, областей и автономных округов. К середине 90-х годов создано восемь ассоциаций: “Центральная Россия”, “Черноземье”, “Северо-Запад”, ассоциация регионов Северного Кавказа, “Большая Волга”, ассоциация областей Уральского региона, “Сибирское соглашение” и ассоциация субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья. Созданные с целью горизонтальной кооперации регионов, они, как свидетельствует их опыт, на деле выполняют функцию подачи коллективных жалоб от региональных руководителей высшим правительственным чиновникам, присутствующим на регулярно проводимых встречах ассоциаций. Тем самым объединившиеся в них регио-

нальные руководители выступают перед органами федерального центра совместно, усиливая вес и значение своих обращений, заявок и предложений.

Использованию неформальных связей для решения возникающих в регионах проблем служит создание в Москве ряда региональных землячеств, т.е. объединений выходцев из определенных регионов, ныне проживающих и работающих в столице. Созданы и функционируют, например, оренбургское, нижегородское, Санкт-Петербургское, Красноярское, Татарское землячества, в апреле 1998 г. зарегистрировано землячество новосибирцев. Одной из основных целей землячеств является лоббирование интересов соответствующих регионов.

Прогноз развития политических институтов государственного устройства России

Заканчивая обзор структуры политических институтов, определяющих, согласно авторской гипотезе, взаимодействия в социально-региональной структуре, отметим особенности развития институтов. Мировой исторический опыт доказывает, что институциональный процесс носит *инкрементный* характер [71]. Это означает, что институциональные изменения не совершаются дискретно. Для них характерно перетекание, обычно весьма полное, содержания старых институтов в новые, даже в ходе революционных, на первый взгляд, изменений. Эффект зависимости от траектории предшествующего развития, отмеченный многими исследователями, определяет институциональную устойчивость общества. Поэтому так велико значение выявления институциональной матрицы, определяющей пространство развития основных социальных структур.

На наш взгляд, описанная система политических институтов государственного устройства России сохранится. Это означает, что социально-региональная структура российского общества, понимаемая как система взаимодействия социально-региональных общностей, также сохранит свои контуры.

В то же время при воспроизводстве основного содержания институтов будут обновлены формы, в которых они реализуются, определятся новые правила и организационные структуры, позволяющие лучше решать задачи экономического развития страны и обеспечивать свободное волеизъявление ее граждан. Общим направлением развития будет, по нашему мнению, расширение прав и ответственности социально-региональных общностей, а также усиление конкурсного и договорного начал при взаимодействиях центра, регионов и муниципальных образований, населения и органов управления всех уровней.

Так, при сохранении института административно-территориального деления и иерархии статусов регионов и поселений отношения между социально-региональными общностями разного уровня будут

в большей мере строиться на основе договоров. Воспроизводство властной иерархической вертикали и действие принципа назначения будут предусматривать конкурс для федеральных, региональных и местных руководителей. Достижение единогласия и действенность института жалоб предполагают рост осознания региональными группами населения своего права участвовать в процессе принятия и выполнения решений, реализуемых на всех уровнях управления административно-территориальных образований.

Выявление конкретных модернизированных форм, в которые в ходе нынешних преобразований трансформируются правила и организации, обуславливающие социально-региональные взаимодействия, требует дальнейшего наблюдения и продолжения исследований. Если в ходе этой работы гипотеза об устойчивости описанных политических институтов государственного устройства будет подтверждена, то это могло бы содействовать более успешному проведению экономических и социально-политических реформ в российском обществе.

Трансформация

ГЛАВА 22 *социально-территориальной структуры региона*

Социально-территориальная структура региона: общие представления

Социальная структура в обществоведении, как известно, трактуется двояко: как “совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных групп, а также социальных институтов и отношений между ними” (широкое толкование) и как деление общества на классы и социальные слои (узкое толкование) [1]. При определении понятия “социальная структура” в широком смысле подчеркиваются две ее взаимосвязанные стороны — институциональная и социально-групповая: “социальные группы образуют социально-групповой срез социальной структуры общества, а социальные институты — институциональный” [2].

На эмпирическом уровне под социальной структурой обычно понимают систему взаимосвязанных общественных групп, дифференцируемых по месту в общественном разделении труда. Основу этой структуры составляют группы, различающиеся местом в системе общественных отношений, типами деятельности, образом и качеством жизни, нормами, ценностями, потребностями и интересами. “Становой хребет” социальной структуры образует классовая структура, элементами которой служат группы людей, занимающие сходное

положение в экономической сфере и, прежде всего, характеризующиеся единым положением по отношению к средствам производства. Именно классовая структура оказывает наибольшее влияние на характер потребностей и интересов, закономерности поведения общественных групп. Однако, как показано во многих социологических работах, социальная структура не может быть сведена к классовой и, соответственно, последняя не отражает строения общества во всей полноте [3]. Поэтому не меньшее значение имеет стратификационная проекция социальной структуры, фиксирующая положение индивидов и групп на шкале иерархических статусов. В задачу нашего исследования не входит анализ дискуссии по вопросам социальной структуры, поэтому мы ограничиваемся изложением собственного представления о целесообразности применения как классового, так и стратификационного подходов при изучении строения общества.

Социально-территориальная структура (СТС), согласно принятому в социологической литературе взгляду, является одним из аспектов (срезов) социальной структуры в широком смысле, включающей в себя “деление населения по возрастным, половым, национальным, профессиональным, территориальным и другим признакам” [4]. Она представляет собой совокупность устойчивых общностей людей, формирующихся на основе социальной неоднородности условий жизнедеятельности в различных территориально-административных образованиях и отношений между этими общностями [5].

Следовательно, одной из основ социально-территориальной структуры являются неравенства, связанные с различным уровнем социально-экономического развития административно-территориальных образований и порожденные, в конечном счете, территориальным разделением труда, развитием и размещением производительных сил. Классическим примером территориальных неравенств являются исторически сложившиеся различия между городом и деревней, между пригородом и сельской глубиной. Чем глубже объективные различия в условиях жизнедеятельности людей, тем четче видна социально-территориальная структура и, наоборот, при нивелировке этих различий происходит ее размывание.

Каким образом соотносится социально-территориальная структура с классовой и стратификационной структурами? С одной стороны, СТС имеет самостоятельное значение и не сводится к двум последним структурам. В этом отношении нельзя не согласиться с Н.А. Аитовым в том, что различия между городом и деревней — явление неклассовое и рассматривать их в качестве элементов классовой структуры нелогично [6]. С другой стороны, описанные выше структуры являются лишь относительно независимыми и в связи с этим оказывают влияние друг на друга. В данном случае мы исходим из того, что влияние одной из частных структур на другую имеет место тогда и только тогда, “когда принадлежность субъектов к разным элементам

одной структуры меняет социальное содержание отношений, формирующих другую структуру” [7]. Мы исходим из того, что “миграция как коллективное поведение, образующая экологический порядок общества” (по определению Р. Парка) оказывает прямое влияние на определенные стороны классовой структуры, предопределяя, в частности, “наполнение” групп рабочих, крестьян, интеллигенции.

Эмпирические социологические исследования наглядно показали взаимосвязь между степенью урбанизации поселений и стратификационной структурой. Так, в соответствии с данными социологического мониторинга ВЦИОМ, относящимися к работающему населению России, верхний и средний слои социальной структуры тяготеют к крупным городам и столицам, представители же базового и нижнего слоев живут преимущественно в малых городах и селах. Взаимосвязь социально-территориальной и стратификационной структур проявляется также во взаимообусловленности происходящих в них сдвигов. В частности, дестабилизация и ослабление политической власти привели к относительноному снижению роли политического компонента стратификации, что проявляется в снижении уровня принятия решений и объема распорядительных прав в части развития тех или иных административно-территориальных образований. Это, в свою очередь, повлекло за собой изменение механизма воспроизводства социально-территориальной структуры: уменьшилась роль территориального фактора (близости к центру), увеличилась значимость экономического потенциала административно-территориальных образований.

Расширение прав и повышение самостоятельности территорий, ослабление власти центра, распад хозяйственных связей и тенденция к автаркизации экономики регионов привели к регионализации социальной структуры, усилению разнообразия социальных структур крупных территориальных общностей, существенно разным направлениям трансформации социальной структуры в разрезе регионов [8]. Таким образом, в условиях углубления социальных различий в территориальном плане изучение социально-территориальной структуры становится насущной необходимостью с целью познания устройства общества.

Представление о социально-территориальной структуре общества как определенном срезе социальной структуры существовало уже в дореволюционной социологии. Так, А.И. Стронин при разработке модели социально-экономической структуры общества представлял ее вертикальный срез в виде пирамиды, состоящей из трех иерархических слоев, а горизонтальный — как систему прежде всего территориальных общностей [9].

В частности, по мнению новосибирских социологов, к примеру, отличительными чертами территориальной общности являются:

- 1) территориальная концентрация населения;

2) пространственная обособленность и локализация большей части функций по воспроизводству социально-территориальной группы населения на относительно компактной территории;

3) социально-экономическая целостность, проявляющаяся в большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними;

4) относительная “самодостаточность” производственной и непроизводственной сфер для удовлетворения основных потребностей населения;

5) однородность условий функционирования локальной общности и порождаемая их единством специфика качественного состава населения и среды его жизнедеятельности;

б) осознание большинством жителей своей принадлежности к данной территориальной общности, наличие у них общих интересов, формирующих определенные типы поведения территориальной группы [10].

Т.И. Заславская определяет территориальную общность как “относительно самостоятельную ячейку территориальной структуры общества, включающую, во-первых, соответствующую группу населения, во-вторых, используемую этой группой часть жизненного пространства с ее природными ресурсами, производственными предприятиями, жилым фондом, социально-бытовой инфраструктурой” [11].

В качестве элементов реальности, соответствующих понятию “территориальная общность”, могут рассматриваться любые звенья административно-территориальной структуры страны: области, края, города, сельские районы, сельские поселения. В научной литературе предлагаются разные, в том числе и достаточно сложные подходы к определению границ территориальных общностей. Однако использование административного критерия имеет, по меньшей мере, два решающих преимущества по сравнению с остальными подходами: во-первых, относительную устойчивость границ выделяемых общностей, во-вторых, наличие достаточной статистической информации об их развитии. Наконец, единство территориального управления также является важным фактором социально-политической и экономической целостности звеньев административной структуры [12].

Внешние функции территориальных общностей заключаются в удовлетворении потребностей более широких (охватывающих) систем в материальных благах, производственных и социальных услугах, информационных и духовных ценностях. Внутренние (социальные) функции этих общностей состоят в обеспечении общественно нормальных условий жизнедеятельности и общественного развития формирующих их групп населения. И внешние, и внутренние функции общностей осуществляются через деятельность групп, регулируемой местными органами управления, а также через взаимодействие этих групп с остальной частью общества в рамках сложившейся системы общественных отношений (т.е. институтов).

Содержание социально-экономических отношений и взаимодействий территориальных общностей каждого уровня (например, районов, городов и т.д.) существенно зависит от того, насколько они сходны или различны. Чем более сходны разные общности по составу населения, специализации производственной сферы, развитию социальной инфраструктуры, тем ближе, как правило, спектр актуальных для них проблем, а также арсенал методов их возможных решений. В основе взаимодействия сходных территориальных общностей лежит близость характерных для них социально-экономических ситуаций. Иное содержание свойственно отношениям между общностями существенно разного типа. На первое место здесь выходят связи специализации и кооперации производства, обмена ресурсами, продукцией, услугами, информацией. Различия в комплексе жизненных условий стимулируют активную миграцию населения, в то время как обмен населением между сходными территориальными общностями невелик. Первоочередное значение для территориальной организации общества имеет взаимодействие разнотипных территориальных общностей. Чтобы адекватно отразить систему этих взаимодействий, необходимо представить пространственное строение общества как систему взаимодействующих друг с другом качественно различных типов территориальных общностей.

Критериев дифференциации социально-территориальных общностей чрезвычайно много: состав населения, функциональные типы расположенных на территории организаций, обеспеченность ресурсами, включая рабочую силу и т.д. В целях сравнения необходимо выделить те характеристики, которые в наибольшей степени детерминируют социальную неравноценность условий жизнедеятельности в территориальном плане.

На наш взгляд, социальную основу неравенства между территориальными общностями предопределяют:

а) экономический потенциал административно-территориального образования, выражающийся в рентабельности предприятий и организаций профилирующих отраслей и обуславливающий уровень доходов и благосостояния территориальной группы;

б) социальный потенциал, измеряемый уровнем развития основных отраслей социальной сферы обитания территориальной группы;

в) социально-демографический потенциал, связанный с демографическим и культурно-образовательным составом территориальных групп;

г) социальный престиж административно-территориального образования, концентрированно отражающий все вышеназванные характеристики территориальной группы и среды обитания.

Названные факторы хотя и взаимосвязаны, но образуют относительно независимые оси пространства дифференциации социально-территориальных общностей.

Прежде чем перейти к характеристике социально-территориальной структуры региона и ее взаимосвязи с социально-территориальной структурой общества, остановимся еще на одном важном вопросе: как территориальные общности располагаются в этой структуре — по иерархическому принципу либо горизонтально? Другими словами, является ли социально-территориальная структура иерархической?

В современной отечественной социологической литературе нет общепринятого взгляда на этот вопрос. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан — авторы фундаментальной монографии по системе социальных неравенств, анализируя характер социального расслоения в обществе, выделяют девять типов стратификационных систем [13]. При этом территориальный фактор не рассматривается ими в качестве самостоятельного стратифицирующего критерия и, соответственно, не слугит, по их мнению, особой основой стратификационной системы.

В то же время при анализе стратификации советского общества как ранговой системы В.В. Радаев рассматривал место жительства индивида в качестве одного из дополнительных стратифицирующих признаков [14]. В.И. Ильин также рассматривает территориальные общности как стратифицированные [25].

Видимый разницей в мнениях ученых по этому вопросу обусловлен, на наш взгляд, тем обстоятельством, что территориальные общности представляют собой сложноорганизованные, многомерные социальные системы. И это не позволяет дать однозначно позитивный или негативный ответ о существовании стратификационной проекции социально-территориальной структуры общества.

С позиций социального неравенства можно рассматривать и принадлежность индивида к той или иной территориальной общности, поскольку территориальные условия жизнедеятельности определяют неравный доступ соответствующих групп населения к ограниченным ресурсам материального и духовного потребления. Проживание на той или иной территории обеспечивает людям неодинаковые возможности получения качественного образования и медицинского обслуживания, выбора профессии и места работы, удовлетворения потребительских возможностей и т.п., а соответственно и различные “жизненные шансы” (по определению П. Сорокина).

Преимущества и недостатки проживания в разных регионах и типах поселений отражаются на престиже последних. Хотя понятие “престиж” по отношению к территориальным объектам не получило должного признания в социологии, при проведении эмпирических исследований, например при анализе ограничений прописки либо условий обмена (покупки) жилья, с ними постоянно приходится сталкиваться. Для оценки социального неравенства, обусловленного местом проживания индивидов, возможно применение иерархической шкалы. Однако при этом следует учитывать, что территориальные груп-

пы имеют различный доступ к социальным благам не в силу их положения в социальной иерархии, а в силу неравенства, обусловленного уровнем социально-экономического развития территории.

Вместе с тем территориальные группы включают в себя представителей разных слоев, с различным уровнем доходов, образования, объема власти и собственности и по отношению к членению общества по этим основополагающим стратификационным критериям территориальные общности расположены горизонтально, т.е. образуют неиерархическую модель. Что же касается таких характеристик территориальных групп, как образ жизни, типы поведения, нормативно-ценностные представления, социальные и культурные черты и интересы и т.п., то различные территориальные общности (например, город и деревня) в иерархии “выше—ниже” просто несопоставимы. Смысл этого заключается в сохранении качественно различными территориальными общностями своих специфических условий и образа жизни, что увеличивает и обогащает социально-территориальную (пространственную) организацию общества.

Следовательно, можно сделать вывод, что если ряду стратификаций (властной, доходной, по собственности, престижу) соответствует вертикальное соотношение, то в целом для многомерных территориальных общностей более характерно горизонтальное соотношение социальных позиций, отсутствие слоевой иерархии (неиерархическая модель).

Исследователи социально-территориальной структуры общества (в их числе и автор данной главы) выделяют три возможных иерархических уровня территориального членения страны: федеральный, региональный, районный [16]. Хотя социально-территориальная структура общества, как видно из рис. 22.1, имеет несколько иерархических уровней, число их меньше, чем у административно-территориальной структуры. При этом элементами каждого уровня здесь служат не отдельные общности, а типологические группы общностей более низкого уровня. В частности, элементами федерального уровня СТС общества являются социально-экономические типы регионов и городов республиканского подчинения; регионального уровня — социально-экономические типы сельских административных районов и городов областного (краевого) подчинения; районного уровня — сельских поселений и городов районного подчинения. Таким образом, рассматриваемая структура представляет собой концентрированное отражение элементов административно-территориальной структуры, различающихся уровнем социально-экономического развития и условиями жизни населения. В нашем исследовании рассматривается только региональный уровень социально-территориальной структуры общества, вне связи с другими иерархическими уровнями.

Настоящая работа базируется на понимании социально-территориальной структуры региона как обобщенном отражении его админи-

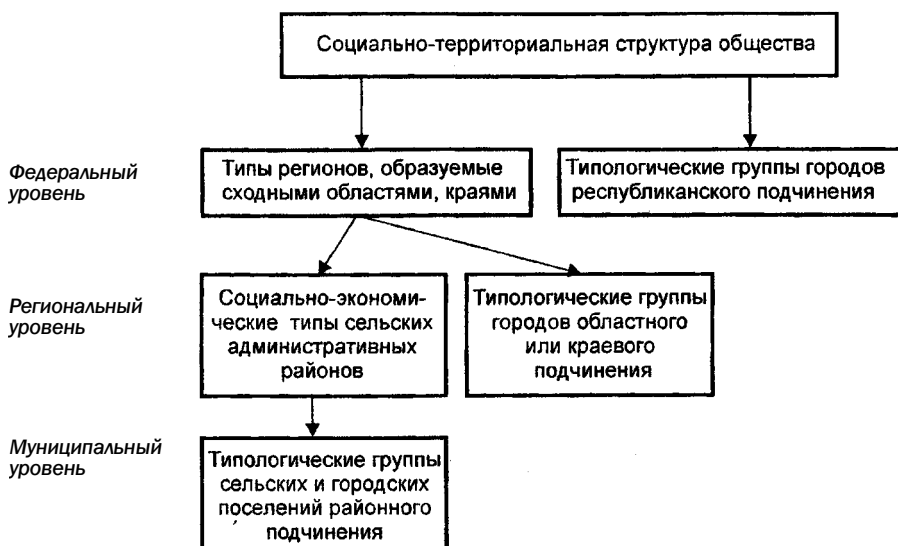

Рис. 22.1. Социально-территориальная структуре общества.

стративно-территориальной структуры. С этих позиций социально-территориальная структура представляет собой сжатое представление о пространственном строении региона как системы взаимодействующих друг с другом качественно различных типов территориальных общностей.

Социально-территориальная структура региона является, по нашему представлению, сложной многоуровневой системой. Она включает в себя, как минимум, три уровня: верхний, средний и нижний, каждый из которых характеризуется особыми типами территориальных общностей и их связей.

Верхний уровень социально-территориальной структуры региона (рис. 22.2) представлен городским и сельским типами общностей, ведущими происхождение из глубин истории, а в настоящее время дополняющими и в известном смысле противостоящими друг другу. Большая социальная значимость дихотомии “город—село” обусловлена тем, что ее элементы различаются одновременно по трем важным критериям. Во-первых, город и село выполняют взаимодополняющие функции в пространственной организации общества, что позволяет, пусть с некоторой долей условности, рассматривать их как его функционально-территориальные подсистемы. Во-вторых, город и село формируют качественно различные типы среды жизнедеятельности и образа жизни соответствующих групп населения и, следовательно, представляют разные социально-экономические типы общностей. В-третьих, городские и сельские поселения относительно обособлены друг от друга, что проявляется в различиях их правового статуса, а также в разделении административного управления городскими и

Рис. 22.2. Общее представление о социально-территориальной структуре регионов

сельскими территориями. Эти обстоятельства придают известную обоснованность выделению города и села как исходных, наиболее крупных блоков социально-территориальной структуры региона.

Какими эмпирическими референтами представлены городская и сельская подсистема СТС региона? По отношению к городской подсистеме ответ очевиден — совокупностью его городов. По отношению же к сельской подсистеме подобной однозначности нет: в качестве ее эмпирических референтов может выступать совокупность либо сельских поселений, либо административных районов. В идеальном случае, на наш взгляд, сельскую подсистему региона должна представлять вся совокупность расположенных в сельской местности поселений. Однако реализовать такой подход на практике можно лишь в том случае, если исследователь располагает достаточно полной информацией об уровне социально-экономического развития всех сельских поселений региона, что связано с необходимостью проведения крупномасштабных научных исследований [17]. С учетом этого в нашем исследовании эмпирическим референтом сельской подсистемы СТС региона выступают сельские административные районы. Одним из достоинств такого подхода служит то обстоятельство, что совокупность сельских районов закрывает всю сельскую местность.

В связи со сказанным возникает вопрос: Может ли сельский административный район рассматриваться в качестве территориальной общности? Если по отношению к сельскому поселению или малому

городу применимость понятия “территориальная общность” не вызывает сомнений, то по отношению к сельскому району (кстати сказать, как и к крупному городу) ситуация не столь однозначна. «В отечественной литературе, — отмечает Е.Е. Горяченко, — в течение длительного времени преобладали подходы к району как к единице административно-территориального деления, основными свойствами которой являются территориальность и наличие центра с органами, осуществляющими функции управления, либо как к территориально-производственному комплексу, в основе которого находится сельскохозяйственное производство, дополненное соответствующей производственной и социальной инфраструктурой. Человек в лучшем случае выступал как “трудовой ресурс”, обеспечивающий наряду с другими видами ресурсов функционирование производства» [18].

В нашем же исследовании развивается подход к сельскому административному району как к территориальной общности, основу которой составляет территориальная группа — “совокупность людей, объединенных проживанием на одной территории (в одном поселении), единством территориальных условий жизнедеятельности, сходством пространственных интересов и поведения” [19].

Хотя сельский район соответствует далеко не всем критериям территориальной общности, нетрудно заметить, что по мере продвижения к более высоким уровням территориально-пространственной иерархии (поселение — группа поселений — сельский район) одновременно усиливается проявление одних признаков территориальной общности и ослабляется — других. Из вышеперечисленных критериев территориальной общности в рамках административного района по сравнению с поселением наиболее полно реализуется “самодостаточность” производственной и непроизводственной сфер для удовлетворения основных потребностей населения; более строго выполняется критерий пространственной обособленности, локализации большей части функций по воспроизводству социально-территориальной группы населения на оптимально компактной территории. С другой стороны, заметно ослабляются специфика и однородность условий жизнедеятельности людей, а также порождаемые единством места жительства особенности качественного состава населения.

Нам представляется, что из всех названных выше критериев наиболее важной является *социально-экономическая целостность территориальной общности*. Вот что пишут по этому поводу В.В. Радаев и О.И. Шкаратан: “При анализе социальной структуры одной из основных задач является выявление, во-первых, тех свойств, по которым можно судить о целостности общности, во-вторых, свойств, определяющих неоднородность этой социальной общности... Население города, агломерации, культурно-исторического региона потому является общностью, что объединено системой экономических, социальных, политических, ценностно-нормативных связей, выделяющих его как

целостность в качестве самостоятельной единицы пространственной организации жизни общества...” [20]. Именно социальная целостность, согласно мнению этих авторов, является тем водоразделом, который отделяет реальную группу от статистической. “Реальная группа, в противоположность статистической совокупности людей, выделенных по какому-то отдельно взятому признаку, — это социальная целостность, характеризуемая общностью условий существования, причинно взаимоувязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, единством норм, ценностей, черт образа жизни” [21].

Что же касается таких характеристик реальных групп, как общие интересы, взаимная идентификация, общие черты ментальности, сходная мотивация, поведение, стиль жизни и т.п., то, на наш взгляд, этим признакам отвечают не сами территориальные группы, а только их ядра. Мнение о том, что «при исследовании территориальных общностей важны те особенности, носителями которых являются не отдельные личности, а более или менее многочисленные группы людей, формирующие определенные социальные отношения в однотипной “среде” и именно данной территориальной общности» высказывалось не только социологами, но и социальными географами [22].

Вторым значимым критерием территориальной общности, как отмечалось ранее, является *самоидентификация населения*. Эмпирические данные свидетельствуют, что даже в период кризиса социальных идентификаций (1992—1993 гг.) доля указавших (или уклонившихся от ответа), что они никогда не чувствовали близости с теми, кто живет в том же городе (поселке), не превышала четверти опрошенных. Более высокая степень идентификации была характерна лишь для трех типов групп или общностей — семьи и близких друзей, людей своего поколения и людей той же национальности [23]. Аналогичные данные получены в более поздних по срокам исследованиях, проведенных ВЦИОМ. По результатам исследований социальной идентификации населения трех регионов страны в начале 1996 г. (опрошено по 1000 чел. в каждом регионе) регионально-поселенческая идентификация доминирует над общероссийской (примерно в соотношении 3:2). При этом лидирует идентификация опрошенных с конкретным городом (селом), что характерно для половины респондентов [24]. Сказанное позволяет сделать вывод, что макроэлементы верхнего уровня социально-территориальной структуры региона — качественные типы городов и сельских административных районов представляют собой совокупность реальных социально-территориальных групп.

В качестве эмпирических референтов *среднего уровня* социально-территориальной структуры региона выступают индустриально-городская и аграрная макрообщности (см. рис. 22.2).

Происходящие в большинстве развитых стран процессы сельско-городской и аграрно-промышленной интеграции заметно деформируют социально-экономическую целостность и относительную обо-

собленность города и села [25]. С одной стороны, часть сельских поселений и районов (в высокоурбанизированных регионах страны) настолько тесно срастается с городом, что, несмотря на формальное сохранение сельского административного статуса, на деле становится элементом индустриально-городской подсистемы. С другой стороны, усиливаются связи между малыми городами — центрами сельских районов и прилегающей к ним сельской местностью. Главной функцией таких городов становится производственное и социальное обслуживание села: здесь сосредотачиваются сельская строительная индустрия, предприятия по сбыту и ремонту сельскохозяйственной техники, переработке сельскохозяйственного сырья, учреждения социального обслуживания сельских жителей [26]. По сути, эти города являют собой пример соприкосновения и “сращивания” города с селом. Под влиянием процессов индустриализации сельского хозяйства и урбанизации села они все теснее связываются с сельской подсистемой общества и становятся как бы ее частью. Однако, приобретая этот элемент, названная подсистема сама меняет свою природу: она уже перестает быть *сельской*, а становится *аграрной*, что и дает нам основание называть такие города аграрными, рассматривая их в качестве элемента *аграрного сектора* региона (см. рис. 22.2) [27].

Таким образом, одной из основных методологических предпосылок исследования является представление о том, что города региона существенно различаются по степени участия в социальном и производственном обслуживании села. В зависимости от этого они могут быть подразделены на два относительно самостоятельных типа — аграрные города, наиболее тесно связанные с селом, и собственно города, в известном смысле “противостоящие” деревне, хотя и оказывающие значительное влияние на ее развитие [28]. Аналогично сельские административные районы, представляющие сельскую подсистему СТС региона, в зависимости от реально выполняемых ими функций подразделяются на два типа — индустриальный и аграрный, первый из которых является элементом индустриально-аграрного, а второй — элементом аграрного сектора СТС региона (см. рис. 22.2).

Системообразующими факторами аграрного сектора региона являются связи производственной сферы всех его элементов с отраслями аграрно-промышленного комплекса, а социальной — с обслуживанием сельского населения. Целостность и относительная самостоятельность этого сектора обусловлены как спецификой его внешних функций, так и особенностями развития социальной инфраструктуры, общественных отношений, состава, условий и образа жизни, а также сознания населения. Что касается *индустриально-городского сектора*, то он выделен нами по критерию отсутствия сравнительно слабой связанности с селом и сельскохозяйственным производством. Поэтому в социально-экономическом отношении он вполне может быть гетерогенным.

Процессы урбанизации ведут к частичному перераспределению производственных и социальных функций между группами городских и сельских общностей: часть ранее существовавших связей ослабляется, исчезает, в то время как новые связи возникают и крепнут. Одновременно меняются социально-экономические характеристики общностей, затрагиваемых интеграционными процессами: усиливается сходство условий, качества и образа жизни в селах и обслуживающих их аграрных городах, равно как и в центральных частях городов и их сельских пригородах, в то же время растут различия в положении и образе жизни населения сельских районов аграрного или индустриального профиля, малых и больших городов.

В качестве элементов *нижнего уровня* социально-территориальной структуры региона выступают качественные типы городов и сельских районов, различающиеся условиями жизнедеятельности населения. Это, с одной стороны, многофункциональные и индустриальные города, а с другой — урбанизированные, слабоурбанизированные и неурбанизированные сельские районы (см. рис. 22.2). Мы исходили из предположения, что среда жизнедеятельности населения того или иного сельского района существенно различается в зависимости от силы (масштаба) влияния, оказываемого на него близлежащим городом. (Естественно, такое предположение намного упрощает реальную картину. В действительности уровень и особенности развития села обусловлены одновременным влиянием целого ряда факторов (экономико-географическим положением, природно-климатическими условиями, специализацией хозяйств и т.п.), которые, наряду с воздействием города определяют “социальный портрет” территориальной группы.) Об этом свидетельствуют как исследования автора [29], так и работы других социологов, экономистов, демографов, социальных географов. К примеру, по оценке Г.В. Йоффе, “...наибольшее значение для динамики сельского населения имеют характеристики городов: каков город, таково, как правило, и село, находящееся в зоне его влияния” [30].

Под *влиянием* города мы понимаем любые “возмущающие” воздействия с его стороны на функционирование и развитие сельских территориальных общностей, например, предоставление сельским жителям мест в городских учебных заведениях или на предприятиях, оказание социально-бытовых услуг сельчанам, переработку сельскохозяйственной продукции и т.п. То есть влияние города можно определить как процесс воздействия на деревню, в результате которого происходят качественные изменения в ее производственной, социальной, демографической и пространственно-поселенческой структурах. В таком случае следует говорить уже о роли городов не в системе расселения или обслуживания, а в социальном и экономическом развитии села. Понятие “сила влияния города” операционализировалось нами через абсолютный масштаб деятельности горожан по управлению, производственному и социальному обслуживанию села.

Существенным моментом разработанной нами методики является ответ на вопрос о том, какие характеристики сильнее всего дифференцируют города в отношении их влияния на сельские районы. В качестве таких характеристик можно рассматривать, во-первых, силу влияния городов на село, во-вторых, степень аграрности городов или ориентированности на обслуживание сельского хозяйства и сельского населения и, в-третьих, сочетание характеристик, определяющее социально-экономические типы городов по характеру связей с селом. Реальные классификации городов по каждой из двух первых характеристик, на наш взгляд, более предпочтительны, поскольку “двойное” основание типологии (сила влияния и степень аграрности) существенно усложняет анализ результатов. Из одномерных же классификаций приоритет должен быть отдан классификации городов по силе влияния на село. Бесспорно, именно эта характеристика городов в наибольшей мере определяет особенности социально-экономического и демографического развития сельских районов.

Вместе с тем региональный анализ влияния городов на развитие села достаточно точно отразит реальную ситуацию лишь в том случае, если будет учитывать связи села со всеми городами, в зоны влияния которых оно входит. Это особенно важно при изучении особенностей развития села в агломерациях, поскольку агломерированное село испытывает на себе одновременное влияние нескольких городов. Следовательно, территориально сближенные города при построении типологии должны быть выделены в особую группу. Естественно, это выделение повлечет за собой некоторое изменение классификации городов по силе влияния на село. Для этого потребуется сформировать новую классификацию городов, характеризующую одновременно силу их влияния на село и территориальное положение относительно друг друга.

Исходя из изложенного аграрные сельские районы в зависимости от расположения в зонах влияния городов разделены нами на три типа: урбанизированные, слабоурбанизированные и неурбанизированные. К урбанизированным относятся сельские административные районы, входящие в состав межрайонных систем расселения, с центрами-городами, оказывающими большое влияние на село, а также агломерированные сельские районы. К слабоурбанизированным относятся районы, находящиеся в составе районных (реже межрайонных) систем расселения, с центрами-городами, оказывающими среднее либо небольшое влияние на село (см. рис. 22.2).

Выделенные типы сельских административных районов представляют собой, на наш взгляд, реальные территориальные общности, ибо “если статистическая группа выделена по некой, подпадающей измерению характеристике, то реальная группа обладает, как правило, набором характеристик, за которыми скрывается имманентная данному социальному объекту сущность” [31]. Такой сущностью, по

нашему мнению, выступает городской либо сельский (руральный) тип образа и условий жизни территориальной группы, прямо связанный со степенью урбанизированности территории.

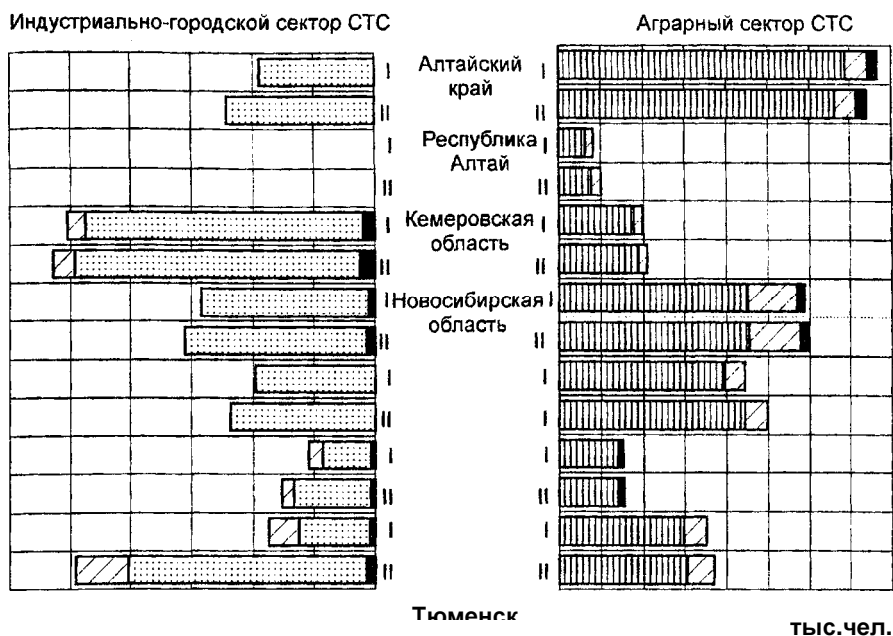
Трансформация социально-территориальной структуры региона в дореформенный период и в период реформирования

Оценка характера динамики СТС региона подразумевает получение ответа на два основных вопроса: 1) какие изменения произошли с основными элементами социально-территориальной структуры за изучаемый период? 2) каким образом видоизменились связи между ними, в том числе под воздействием рыночных реформ?

Опуская методику исследования особенностей и динамики социально-территориальной структуры Западно-Сибирского региона [32], сконцентрируем внимание главным образом на ключевых содержательных результатах. Прежде всего остановимся на изменении границ индустриально-городского и аграрного секторов (рис. 22.3). Динамика социально-территориальной структуры однонаправленна: в большинстве регионов Западной Сибири происходит сокращение доли аграрного сектора. Особенно заметен этот процесс в Тюменской области. В Республике Алтай и Кемеровской области соотношение между рассматриваемыми секторами не изменилось.

Каковы основные тенденции развития различных типов городских и сельских территориальных групп? Анализ дифференциации выделенных типов территориальных общностей по таким показателям, как темпы изменения численности населения, показатели естественного и механического движения населения, его возрастная и образовательная структуры, позволяет сделать следующие выводы о социально-демографическом развитии изучаемых типов городов и районов Алтайского края:

- для всех элементов социально-территориальной структуры региона более или менее характерны общие тенденции демографического развития. Несмотря на наличие некоторых особенностей, разница значений большинства демографических показателей (уровня рождаемости, общей смертности, младенческой смертности, возрастной и образовательной структуры населения) в разрезе выделенных типов городов и сельских районов незначительна;
- характеристики механического движения населения в анализируемых типах территориальных общностей существенно дифференцированы: коэффициент интенсивности миграции в урбанизированных сельских районах более чем в 2 раза превышает аналогичный показатель в неурбанизированных и в 1,8 раза — в слабоурбанизированных районах. Общая закономерность при анализе двадцатилетнего периода в целом заключается в прямой зависимости интенсивности

Рис. 22.3. Динамика социально-территориальной структуры регионов Западной Сибири в 1975 г. (I) и в 1996 г. (II).

миграционных процессов от степени урбанизированное™ территориальных образований, в результате чего происходит концентрация населения в многофункциональных городах и урбанизированных сельских районах.

Изменение условий жизнедеятельности сельских территориальных общностей различного типа рассматривалось нами в трех ракурсах: динамика социально-бытовой инфраструктуры, экономического развития села, становление рынка труда и занятости.

Для оценки сдвигов, происходящих в развитии социально-бытовой инфраструктуры села (СБИ), сравнивались соответствующие типологии сельских районов данным 1976, 1985, 1990 и 1995 гг., в экономической эффективности сельхозпроизводства — за 1976—1985 гг. и 1990-1995 гг.

Анализ изменения условий жизнедеятельности сельских территориальных общностей различных типов позволил нам установить следующие основные тенденции. В части развития социально-бытовой инфраструктуры это:

- в развитии социально-бытовой структуры Алтайского села выделяются два этапа — этап развития СБИ (1976—1988 гг.) и этап ее стагнации и свертывания (с 1989 г. по настоящее время);

- в 1976—1990 гг. наблюдался рост социально-территориальной дифференциации районов. В годы же активных рыночных преобразований произошло уменьшение межтиповой социально-территориальной дифференциации районов на фоне увеличения различий по уровню развития СБИ между отдельными районами внутри типологических групп;

- закономерность обратной связи между степенью урбанизированности сельских районов и уровнем развития их СБИ в целом прослеживается однозначно: чем более урбанизирован тот или иной район, тем менее развита его собственная социальная инфраструктура, так как большая часть потребностей населения удовлетворялась в городах. В динамике отмеченная тенденция усиливается. Напротив, для слабоурбанизированных районов характерна высоко и хорошо развитая сфера услуг. Однако в 1990—1995 гг. районы, прилегающие к аграрным городам, резко снизили свой статус. Распределение неурбанизированных районов между типами районов с различным развитием СБИ более равномерно, а динамика — инерционна;

- статус районов меняется достаточно динамично. С 1976 г. сохранили свой статус лишь около трети районов края. При этом ни один из районов края не проявил устойчивую тенденцию к улучшению или к ухудшению своих позиций. Однако с течением времени изменение статуса районов несколько замедлилось, что, по-видимому, свидетельствует о постепенном вступлении края в фазу депрессии;

- в дореформенном периоде (1976—1990 гг.) динамика сферы услуг была более благоприятной для урбанизированных сельских районов, а в 1991—1995 гг., наоборот, более благополучны по этому показателю периферийные районы. В урбанизированных, а тем более в слабоурбанизированных районах она значительно хуже.

В части динамики эффективности сельскохозяйственного производства следует отметить, что между уровнем урбанизированности сельского района и эффективностью его сельхозпроизводства существует прямая взаимосвязь. Сельское хозяйство 2/3 урбанизированных районов относительно высокоэффективно, тогда как в 71 % неурбанизированных (периферийных) районов оно низкоэффективно. Слабоурбанизированные районы, находящиеся в зоне влияния аграрных городов, занимают как бы промежуточные позиции, распределяясь равномерно между высоко- и низкоэффективными районами. Оценка районов по степени эффективности сельхозпроизводства носит относительный характер. Положение в сельском хозяйстве, как свидетельствуют статистические данные, а также опрос глав администраций районов края, крайне сложное. К примеру, ни один из респондентов не оценил ситуацию в сельском хозяйстве как нормальную. Главы администраций районов всех типов оценивают положение в сель-

ском хозяйстве весьма негативно. Однако наиболее тяжелое положение респонденты отмечают в слабо- и неурбанизированных районах, что в целом подтверждает результаты типологического анализа.

Механизм воздействия города на эффективность сельхозпроизводства в пригородных районах достаточно прост: город формирует более высокий аграрно-экономический потенциал сельского окружения, который во многом предопределяет уровень эффективности производства. Достаточно сказать, что все урбанизированные и 2/3 слабоурбанизированных районов характеризуются высоким и средним экономическим потенциалом, в то время как среди периферийных районов 2/3 имеют низкий аграрно-экономический потенциал. Поскольку природный потенциал анализируемых типов районов приблизительно одинаков, предположение о воздействии городов на эффективность производственной сферы их сельского окружения через повышение их аграрно-экономического потенциала, является, на наш взгляд, вполне обоснованным. Наиболее позитивное влияние на экономику сельского окружения оказывают многофункциональные города. Сельские районы, прилегающие к аграрным городам, по уровню экономической эффективности сельхозпроизводства занимают промежуточные позиции между урбанизированными и периферийными районами.

В годы активной смены хозяйственного механизма названная тенденция в основном сохранилась, но взаимосвязь между урбанизированностью районов и эффективностью их экономики заметно ослабла. Нивелирование различий между анализируемыми типами сельских территориальных общностей произошло в результате позитивной динамики ряда неурбанизированных районов. Наряду с сохранением механизмов, позволяющих большинству урбанизированных районов удерживать свои позиции (высокий аграрно-экономический потенциал, устойчивый рынок сбыта сельхозпродукции в городах, агро-сервисное обслуживание городскими организациями и т.д.), включились новые механизмы, способствующие — при наличии благоприятных природных условий — подъему экономики ряда неурбанизированных районов (отмена системы централизованного закупа зерна, бартерные отношения с близлежащими “богатыми” регионами).

В части состояния и динамики рынка труда анализ показал, что город оказывает ощутимое влияние на состояние рынка труда в близлежащих сельских районах: 92 % урбанизированных сельских районов характеризуются относительно низким уровнем безработицы. Соответственно для слабоурбанизированных районов этот показатель равен 83 %, а для периферийных — лишь 50 %. Проведенный нами специальный анализ проблемы безработицы в разрезе типов районов за последние три года (с момента организации соответствующего статистического наблюдения) подтвердил описанную выше тенденцию. Средний уровень безработицы в урбанизированных районах в 1993—1996 гг. составлял 1,5 % и более чем в 1,5 раза был ниже соответству-

ющего показателя в периферийных районах. Такая закономерность в отношении уровня безработицы в различных типах сельских территориальных общностей сохранялась весь период наблюдения.

Субъективное мнение руководителей районов подтверждает описанную картину. По результатам опроса глав администраций края по проблемам функционирования рынка труда, проведенного нами в 1995 г., признали уровень занятости жителей района нормальным 42 % руководителей урбанизированных и только 9 % — слабоурбанизированных районов; отметили значительную безработицу в своих районах соответственно 58 и 91 % опрошенных.

Вместе с тем темпы роста уровня безработицы в урбанизированных районах превышают соответствующие показатели слабоурбанизированных и тем более неурбанизированных районов. В начале 1993 г. уровень безработицы в урбанизированных районах был в 1,9 раза меньше, чем в неурбанизированных, а на начало 1996 г. это соотношение снизилось до 1,4. Соответственно среднегодовой темп роста уровня безработицы за 1993—1996 гг. составлял в урбанизированных сельских территориальных общностях 1,6, в слабоурбанизированных — 1,5, в неурбанизированных — 1,4.

Аналогичным образом были оценены изменения условий жизнедеятельности городских территориальных общностей. Анализ статистической информации, результатов сплошного опроса глав администраций городов и выборочного опроса руководителей крупных промышленных предприятий позволил сделать вывод о заметной дифференциации уровня и условий жизни в городских территориальных общностях различных типов.

В дореформенный период наиболее проблемными в части социально-экономического развития были аграрные города. Радикальные реформы привели к ухудшению социально-экономической ситуации во всех типах городов и особенно в индустриальных и аграрных городах, что затрудняет выполнение ими в полной мере районоорганизующих функций.

Происходящие в стране изменения повлекли за собой усиление дезинтеграционных процессов, обусловленное прежде всего уменьшением транспортной доступности городов: в 1996 г. по сравнению с 1991 г. пассажиропоток по городам Алтайского края, охваченным железнодорожным сообщением, сократился в 1,4, а пригородным автобусным сообщением — в 2,5 раза, причем в наибольшей мере уменьшилась реальная транспортная доступность аграрных городов.

Кризисные тенденции в агропромышленном комплексе края негативно сказались на экономических связях города с селом. Численность горожан, занятых на предприятиях пищевой и перерабатывающей промышленности, сократилась в 1,7 раза, дислоцированные в городах сельские строительные организации либо самоликвидировались, либо пришли в упадок. Уменьшилась роль городов в производ-

ственном обслуживании села (численность занятых соответствующей деятельностью горожан сократилась в 1,2 раза, в том числе в индустриальных и аграрных городах — в 2,5 раза). Сузились социальные связи города с селом (медицинское обслуживание сельчан, оказание бытовых услуг, услуг образовательного характера и т.д.).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить основные тенденции изменения социально-территориальной структуры региона, суть которых можно выразить следующим образом:

1. Трансформационные процессы, протекающие в пространственной организации общества, характеризуются значительной глубиной, сложностью и противоречивостью. В результате воздействия этих процессов социально-территориальная структура претерпела заметные изменения. Однако по сравнению с социально-стратификационной структурой, подвергшейся радикальным сдвигам, социально-территориальная структура являет собой пример слабодифференцированного и весьма устойчивого к внешним изменениям образования. Выявленная в исследовании социально-территориальная структура аграрного сектора региона носит переходный характер. По-видимому, более или менее окончательный вид, способный сохраняться на протяжении достаточно длительного времени, она обретет лишь после завершения преобразований в экономической сфере.

2. Радикальные экономические преобразования 1991 — 1995 гг. негативно сказались на развитии аграрного сектора СТС, в том числе и Алтайского края. Это проявилось, в частности, в снижении эффективности сельскохозяйственного производства, повлекшем за собой деградацию социальной сферы села, значительный рост сельской безработицы, рост индекса социального неблагополучия во всех анализируемых типах сельских территориальных общностей. И без того сравнительно низкий дореформенный уровень социально-экономического развития аграрных городов (по сравнению с другими типами городов) еще более упал; моноотраслевая структура экономики агрогородов предопределила более проблемную по сравнению с другими городами ситуацию на рынке труда. Уменьшение социально-экономического потенциала аграрных городов вкупе с наибольшим снижением их транспортной доступности привели к дальнейшему уменьшению их влияния на развитие сельского окружения.

3. Выдвинутая в исследовании гипотеза о том, что общей тенденцией развития различных типов сельских территориальных общностей — элементов аграрного сектора — является не сближение, а усиление социальных различий, нашла подтверждение лишь частично. Она была справедливой на этапе дореформенного развития (1976—1985 гг.) и в период развертывания реформ (1985 — 1990 гг.). В период

же радикальных экономических реформ (1991 —1995 гг.), напротив, произошло нивелирование различий между урбанизированными, слабоурбанизированными и периферийными районами по эффективности сельскохозяйственного производства, уровню развития социально-бытовой инфраструктуры, уровню безработицы. Уменьшение различий между рассматриваемыми социально-экономическими типами сельских районов произошло на фоне увеличения различий между районами, относящимися к одному типу.

Это свидетельствует о том, что в процессе радикальных экономических реформ происходит размывание сложившейся ранее структуры аграрного сектора, постепенная замена урбанизированных, слабоурбанизированных и периферийных типов общностей другими социально-экономическими типами, формирующими качественно различную среду обитания населения. Вместе с тем принципиальных сдвигов в составе выделенных типов районов не произошло; в частности, большая часть урбанизированных районов сохранила свой относительно высокий социально-экономический и адаптационный потенциал.

4. Рассмотренные типы районов (урбанизированные, слабоурбанизированные, периферийные) дифференцированы не только по среде обитания населения, но и по характеру изменения последней в дореформенный период и в период радикальных реформ.

Наиболее заметные *сдвиги* в развитии аграрного сектора социально-территориальной структуры региона в 1990—1995 гг. обусловлены изменениями, произошедшими в *неурбанизированных (периферийных) районах*. Отличительной их особенностью является поляризация этих районов по уровню эффективности сельскохозяйственного производства. Сложившаяся в дореформенные годы тесная связь между уровнем урбанизированности района и эффективностью его производственной сферы заметно ослабла: в результате радикального изменения хозяйственного механизма ряд ранее низкоэффективных районов, обладающих благоприятными природными условиями и выгодным месторасположением по отношению к рынкам сбыта, заняли более высокие позиции на шкале эффективности. Это обстоятельство предопределило более позитивную (по сравнению с урбанизированными районами) динамику уровня развития их социально-бытовой сферы.

В то же время для основной части периферийных районов, характеризующихся, как правило, неблагоприятными природными условиями, признаки деградации выражены в наибольшей мере. В случае неприятия действенных мер по их выводу из кризисной ситуации (изменения специализации производственной сферы, выявления и поддержки жизнеспособных хозяйств и т.п.) неизбежны дальнейшая деградация, формирование очагов бедности, депопуляция населения проблемных районов.

Большинство *урбанизированных сельских районов* благодаря сравнительно высокому аграрно-экономическому потенциалу, устойчи-

вому рынку сбыта сельхозпродукции в городах, агросервисному обслуживанию городскими организациями удержали относительно высокие позиции по показателям эффективности сельхозпроизводства. Динамика социально-бытовой сферы в урбанизированных сельских территориальных общностях была в целом более благоприятной в дореформенный период; в 1991 —1995 гг. тенденция снижения сложившегося ранее относительно невысокого уровня развития собственной социально-бытовой инфраструктуры здесь еще более усилилась. Тем не менее, благодаря близости к многофункциональным городам урбанизированные сельские районы и сейчас обладают наибольшим адаптационным потенциалом.

Слабоурбанизированные сельские районы, расположенные в зонах влияния главным образом аграрных городов, по уровню эффективности сельскохозяйственного производства на протяжении всего двадцатилетнего периода занимали промежуточные позиции между урбанизированными и периферийными районами. В период радикальных рыночных преобразований возможности социального обслуживания населения этих районов заметно сузились, что обусловлено распадом как собственной социально-бытовой инфраструктуры, так и инфраструктуры близлежащих городов.

5. В период радикальных экономических реформ влияние городов края на сельское окружение ослабло. В наибольшей степени это относится к индустриальным и аграрным городам, значительно сократившим объем производственных и социальных услуг селу; соответственно относительная значимость многофункциональных городов в развитии села повысилась.

В случае сохранения сложившихся тенденций целостность аграрного сектора социально-территориальной структуры вследствие ослабления социально-экономических связей агрогородов с селом будет уменьшаться, причем сами аграрные города могут потерять свои основные градообразующие функции.

ГЛАВА 23   ***Территориальная общность в изменяющемся обществе***

Происходящая в настоящее время трансформация социально-экономических отношений привела к значительным и вместе с тем противоречивым изменениям в регионах России. Сложность и неоднозначность процессов реализации реформ на местах, проявление таких негативных тенденций, как нарушение пространственных связей, нарастание центробежных сил и явлений сепаратизма и т.п., обусловили усиление различий и в характере протекания самих преобразований, и в их социальных результатах для конкретных территорий. По-

сколькo особенности пространственной среды могут создавать как благоприятные условия для осуществления реформ, так и ограничения, различные территориальные общности имеют неодинаковые возможности решения возникающих проблем и получают разные результаты. Общий же успех или неуспех преобразований в стране в значительной мере предопределяется их ходом на местах. Вместе с тем в настоящий момент практически неизвестно, что происходит в низовых территориальных звеньях: какие основные субъекты действуют на территории в новых условиях, каковы особенности их интересов и поведения в изменяющейся ситуации, какие процессы порождаются их взаимодействием, какие социальные регуляторы приобретают наибольшую значимость в условиях реформ, какие способы регулирования наиболее эффективны и каких социальных последствий следует ожидать.

В отечественной социологической науке практически не разработаны подходы к исследованию функционирования территориальной общности в быстро и радикально меняющихся условиях. Поэтому обоснование концепции функционирования локальной территориальной общности в условиях радикальных преобразований, оценка эффективности путей совершенствования механизма социально-территориального развития в соответствии с изменяющимися условиями представляются особенно актуальными.

Из истории исследований в отделе

Исследования социально-территориальной структуры общества были начаты в отделе социальных проблем в начале 70-х годов*. Своим возникновением они обязаны феномену существенных территориальных различий в условиях жизнедеятельности внутри региона, выявленному при изучении сельско-городской миграции. Внимание исследователей привлек факт, что в территориальном плане сельская местность не является однородной: различия в условиях жизнедеятельности, порождаемые особенностями места жительства, зачастую более существенны, чем в целом между городом и деревней. Факт проживания в том или ином типе поселений становится важнейшим фактором социальной дифференциации жителей, порожда-

* В составе коллектива, занимавшегося исследованиями социально-территориальной структуры, кроме Т.И. Заславской и автора данной главы в разное время работали канд. экон. наук С.Г. Кирдина (Крапчан), канд. социол. наук А.М. Сергиенко, кандидаты экон. наук Л.Я. Троцкий, В.И. Федосеев, М.А. Шабанова, а также П.А. Колосовский и др. В задачи автора не входит подробный обзор работ каждого исследователя, поэтому краткий исторический экскурс касается только тех проблем (преимущественно методологического и методического характера), которые необходимы для дальнейшего изложения. Исходные основополагающие идеи этого направления исследования принадлежат Т.И. Заславской. В настоящее время в составе группы исследователей территориальной общности, руководимой автором данной главы, работают Т.Ю. Иванова, Н.Л. Мосиенко, а также аспиранты и студенты социологического отделения НГУ.

ющим специфический (территориальный) аспект социальных неравенств. Причем в противовес принятой в тот период в отечественной общественной науке точке зрения о движении к социальной однородности и преодолении существенных социальных различий исследования сибирской деревни выявили тенденцию к усилению специфики территориальных объектов, которая повлекла за собой увеличение территориального многообразия жизненных условий и усиление социальной дифференциации.

Постепенно было выработано представление о том, что сельская местность крупного региона имеет глубинную и достаточно сложную пространственную структуру, знание внешнего проявления которой — административно-территориальной структуры — оказывается недостаточным для решения стратегических проблем территориальной организации общества. Поэтому основная задача исследования была сформулирована как выявление латентной социально-территориальной структуры общества, представляющей собой концентрированное отражение особенностей демографического и социально-экономического развития территорий. В качестве элементарной клеточки такой структуры выступают территориальные общности, образующие сходные внутри и четко различимые между собой социальные типы.

Исследования позволили выявить иерархическое строение социально-территориальной структуры, состоящей из последовательно вложенных друг в друга территориальных общностей разного уровня. Так, для аграрного сектора эта цепочка выглядела следующим образом: поселение — локальная общность как группа взаимосвязанных поселений (чаще всего в границах сельсовета) — административный район — регион — республика (страна).

В наших исследованиях социально-территориальной структуры общества можно выделить несколько этапов. Коротко остановимся на каждом из них.

I этап — изучение закономерностей формирования различий в уровне социально-экономического развития территориальных общностей разного уровня, т.е. внимание акцентировалось на проблемах территориальной дифференциации.

В качестве объекта исследования выступал преимущественно аграрный сектор региона, рассматриваемый с системных позиций не только как отраслевая подсистема экономики, но и как специфический социальный объект — территориальная макрообщность, имеющая собственную достаточно сложную структуру.

На этом этапе реализовывались два основных направления, связанных с изучением поселенческой и региональной подструктур аграрного сектора.

Исходным пунктом служило исследование нижнего (поселенческого) уровня социально-территориальной структуры аграрного сектора, результаты которого отражены в коллективной моногра-

фии “Развитие сельских поселений” [1], ряде статей в журналах и сборниках научных трудов, в докладах на различных конференциях. Разработанные на этом этапе методические основы типологического подхода к исследованию социально-территориальной структуры использовались в дальнейших исследованиях. Была отработана общая схема проведения многомерного типологического анализа сложных социальных объектов, пригодного для изучения не только дифференциации объектов по достигнутому статусу, но и типов траекторий динамики.

Что касается региональной подструктуры аграрного сектора, то существенной вехой на этом направлении явилось построение проблемно-ориентированной комплексной типологии сельских регионов (сельских местностей областей, краев, автономных республик) [2].

Результаты исследований, проведенных на первом этапе, послужили базой для разработки дифференцированных стратегий управления территориальным развитием села.

Тогда же Т.И. Заславская создает методологические основы исследований социально-территориальной структуры общества [3].

II этап (с середины 80-х годов) — изучение специфической территориальной проекции социального механизма развития экономики (СМРЭ), когда акценты с проблем пространственной дифференциации условий жизнедеятельности сместились на изучение интересов, поведения и взаимодействия территориальных групп населения [4]. Специальное внимание было уделено регуляторам социального развития территории, разработаны теоретические подходы к изучению механизма социально-территориального развития, построена детализированная система социальных индикаторов применительно к уровню административного района, проведено эмпирическое исследование названного механизма на примере одного из районов Алтайского края. Хотя данный этап совпал с началом перестройки, но дело еще не дошло до шоковой терапии и радикальных перемен, и общая ситуация в стране продолжала оставаться относительно стабильной. Поэтому методы исследований социально-территориальной структуры в значительной мере сохраняли черты, характерные для структурно-функционального подхода, на наш взгляд, наиболее адекватного для анализа стабильного общества.

III этап (период 90-х годов) — изучение внутренней структуры территориальных общностей разного типа (не только сельских, но и городских), а также механизмов их функционирования и развития в условиях радикальных преобразований [5].

Задачи данного этапа:

уточнить теоретическое представление о территориальной общности на базе критического анализа развитых в западной социологии теорий комьюнити в рамках различных социологических перспектив и оценить возможности их адаптации к российской реальности;

изучить структуру территориальной общности: выявить основные типы субъектов территориальных отношений, проанализировать источники их формирования и механизмов воспроизводства. Для решения этой задачи необходимо выявить внутреннюю структуру территориальных групп населения (ТГН), оценить степень их сплоченности, тесноту связей, основанных на семейно-родственных, соседских отношениях, взаимопомощи, сотрудничестве, характер их динамики, наличие или отсутствие культурологических, исторических и иных факторов сплочения. Важно также выявить, нет ли внутри ТГН противостоящих друг другу слоев или групп, оснований их противостояния, оценить степень конфликтности между группами, причины и способы разрешения конфликтов;

проанализировать основные виды территориально-ориентированного поведения субъектов территориальных отношений, выявить механизмы реализации территориально-ориентированных интересов (в том числе систему ценностей, свободу выбора способов и видов поведения) как условие для эффективного функционирования территориальной общности. Основные усилия следует направить на то, чтобы выявить формы непосредственного участия населения в преобразовании локальной среды жизнедеятельности, проанализировать их распространенность и результативность, оценить субъективное отношение различных групп к этим видам деятельности, ориентации и степень личной готовности к их реализации, причины изменения активности;

выявить особенности взаимодействия субъектов территориальных отношений в период радикальных реформ, в первую очередь условия и механизмы взаимодействия населения и местной власти;

изучить механизмы воздействия внешних и внутренних регуляторов на итоги функционирования и развитие территориальных общностей в быстро меняющейся ситуации.

Информационной базой исследования служили данные социологических обследований локальных территориальных общностей (опросов населения и экспертных опросов руководителей органов местного самоуправления), проведенных под руководством и при непосредственном участии автора в 1992—1998 гг. в регионах Сибири.

Не ставя перед собой задачу подробно описать все исследования по данному направлению, коротко остановимся на тех моментах, которые представляются автору наиболее интересными и важными.

Территориальная общность: уточнение понятия, подходы к изучению

Понятие “территориальная общность”. Необходимость уточнить понятие “территориальная общность” возникла в связи с тем, что, с одной стороны, оно является основополагающим в нашем исследовании и, следовательно, требует достаточно четкого определения, а

с другой — отсутствует его однозначное толкование; разные исследователи вкладывают в него различный смысл, что зачастую влечет за собой разночтение и непонимание.

Понятие “территориальная общность” (community)* широко распространено в социологической (преимущественно зарубежной) литературе. Однако, по замечанию Н. Смелзера, «слово “общность” имеет много оттенков значений и поэтому почти невозможно дать точное определение этого понятия» [6]. Это один из наиболее расплывчатых социологических терминов, который, по сути, до сегодняшнего дня так и не приобрел точного значения.

В переводной литературе можно встретить ряд понятий, близких по смыслу:

— первичные сообщества, общества (в отличие от “общество”) (Эдуард Шилз [7]);

— сообщества, понимаемые в качестве единиц социальной организации, — как микрокосмы общества (Элберт Рейс-младший [8]);

— “местные общества” (Ласло Пал [9]) и т.п.

Правда, следует сказать, что зачастую это просто разные переводы одного и то же термина “community”.

В настоящее время среди социологов бытует точка зрения, что концепция “комьюнити” — одна из наиболее сложных и противоречивых в современной общественной науке. При этом несогласованность определений возникает не только из-за трудностей вербального описания социальной действительности, это — результат разных ее трактовок.

Приведем несколько определений территориальной общности, которые используются разными авторами:

“Любое множество социальных отношений, осуществляемых главным образом внутри некоторых границ поселений или территорий” [10];

“Социальная сеть взаимодействующих индивидов, обычно концентрированных в рамках определенной территории” [11];

«...наименьшая *территориальная группа*, которая может объять все аспекты человеческой жизни... *локальная группа*, достаточно обширная, чтобы “включать” все главные институты, все статусы и интересы, которые, может быть, и составляют общество. Это наименьшая группа, которая может быть и часто является обществом» [12].

Я. Щепанский в работе “Элементарные понятия социологии” выводит понятие территориальной общности из более широкого понятия “социальная совокупность”, которую он рассматривает как “объединения людей, в которых создана и сохраняется хотя бы в течение короткого периода, определенная социальная связь” [13].

Общность, по Я. Щепанскому, чаще всего понимается как территориальная общность, в рамках которой ее члены могут .удовлетво-

* Далее в тексте понятия “территориальная общность” и “комьюнити” употребляются как синонимы.

рять основные потребности. Он определяет территориальную общность как группу людей, “члены которой связаны узами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории” [14].

Короче говоря, понятие “коммьюнити” относится “к местам, где люди содержат свои дома, зарабатывают себе на жизнь, воспитывают детей и осуществляют большую часть своей жизнедеятельности” [15].

Сегодня большинство социологов используют это понятие для обозначения единиц территориальной организации общества, которые в определенном смысле образуют замкнутую совокупность (деревня, небольшой городок, какой-либо пригородный район и т.п.).

Однако не все территориальные совокупности становятся территориальными общностями (например, это понятие вряд ли применимо к большому городу). Общность относительно невелика по своим масштабам, в ней образуется чувство общности, вызванной близостью проживания и сходством повседневных дел, постоянными личными контактами, сходным стилем жизни, множеством общих местных дел, общей системой ценностей. Общность, следовательно, — это территориальная группа специфического рода.

Вместе с тем социологи испытывают определенные трудности в отделении коммьюнити от других единиц социальной организации. Вопросы о том, что является коммьюнити, а что — нет, где провести границу, отделяющую коммьюнити от других социальных образований, встают достаточно часто.

Дж. Гиллери опубликовал в 1955 г. работу, специально посвященную анализу определений “коммьюнити” [16]. Базируясь на 94 определениях, предложенных разными авторами, он осуществил классификацию выбранных определений и нашел, что, по крайней мере, три главных элемента встречаются в большинстве определений:

- общность территории;
- социальное взаимодействие;
- общие связи.

В результате Дж. Гиллери пришел к выводу, что “коммьюнити состоит из людей, вступающих в социальное взаимодействие в пределах географической территории и имеющих одну или более общих связей” [17].

В более поздних исследованиях А. Сэтон и Т. Мэнсон, используя для аналогичной цели уже 125 определений, пришли к выводу, что они в основном по-прежнему концентрируют внимание на таких компонентах коммьюнити, как территориальность, социальные взаимодействия или социальные взаимоотношения, общие связи или общие действия.

Следовательно, так или иначе имеет смысл говорить о наличии трех видов переменных:

- территориальной (географическая территория);

- социологической (социальное взаимодействие);
- психокультурной (общие связи).

Остановимся несколько подробнее на этих элементах определения.

Прежде всего, комьюнити рассматривается как территориальная единица, т.е. объединение людей внутри определенного географического ареала. Следует сразу заметить, что территория (в отличие от чисто географического представления: как точка на карте с определенными координатами) нами понимается как пространственная среда, формирующая условия жизнедеятельности. При этом территория может выступать как независимая переменная, влияющая на жизнь территориальной общности, помогая объяснить местоположение, устойчивость, возникновение и потенциал развития комьюнити, относительную самодостаточность, т.е. способность удовлетворять свои основные потребности на локальной территории. “Неслучайно люди собираются вместе. Близость облегчает контакты, организацию и интеграцию группы” [18]. Вместе с тем территория может рассматриваться и в качестве зависимой переменной, поскольку жители постоянно изменяют территориальную среду, в которой они живут, преобразуют ее, адаптируют ее к своим потребностям, охраняют, а иногда и уничтожают окружающую природную среду.

Комьюнити выступает и как базовая единица социальной организации, как некоторая социальная целостность. Приверженцы этой точки зрения делают акцент на втором из выделенных элементов определения — социологическом.

В литературе встречается по крайней мере два подхода к проблеме описания комьюнити как территориальной социальной организации: один из них состоит в рассмотрении территориальной общности как социальной группы или социальной системы, а второй — как сети взаимодействий.

Действительно, территориальная общность обладает основными свойствами, необходимыми для того, чтобы составляющую ее совокупность людей можно было рассматривать в качестве социальной группы: наличие членов группы (жителей), некоторые критерии членства (отнесения к группе), совокупность предписанных ролей и множество норм, которых должны придерживаться члены группы. Характерной чертой территориальной общности, отличающей ее от других социальных групп, является наличие территориального измерения как группообразующего признака.

Позднее достаточно распространился подход, рассматривающий территориальную общность как систему, состоящую из отдельных подсистем, выполняющих локально-релевантные функции социализации, социального контроля, социального участия, взаимной поддержки, а также производства, распределения и потребления/ Представляется важным акцентирование внимания на территориальной общ-

ности как единице социальной организации (Э. Рейс, П. Лоури, Э. Хиллар, Р. Уоррен), поскольку именно комьюнити выступает в качестве первой из подсистем общества, которая потенциально может удовлетворить весь круг основных потребностей человека (физиологических, социальных, психологических). Ни семья, ни правительство, ни церковь, ни добровольные ассоциации этого сделать не могут, так как любая из них менее комплексна, чем комьюнити.

Другой подход к исследованию комьюнити предлагает описывать территориальную общность как сеть взаимодействий (причем некоторые авторы рассматривают его как альтернативу подходу с позиции социальных систем, хотя, на наш взгляд, они не противоречат друг другу, имеют много общего и скорее дополняют друг друга). При этом взаимодействие “лицом к лицу” двух или нескольких людей, в котором каждый принимает другого в расчет, встречается сейчас достаточно редко, за исключением, пожалуй, малых сельских поселений. В большинстве территориальных общностей наличие большого числа действующих лиц и недостаток или слабая осознанность общих интересов препятствуют такому контакту. Кроме того, взаимодействия осуществляются не только между отдельными индивидами, но и между группами, институтами. Рано или поздно исследователи приходят к понятию горизонтальных и вертикальных связей комьюнити, указывающему на то, что существуют взаимодействия между единицами как одного, так и разного уровней.

Акцент на третьем элементе определения — существовании общих связей или обязательств среди членов территориальной общности (Р. Нисбет, Б. Браунель, Р. Уоррен) — ведет к необходимости представления комьюнити как психокультурной единицы. При этом сторонники психологической перспективы утверждают, что люди видят смысл во взаимодействии, поскольку они идентифицируют себя со своей территориальной общностью, в то время как приверженцы культурной перспективы считают, что сама идентификация возможна потому, что члены комьюнити имеют общие цели, разделяют общие нормы и ценности (обе идеи затем были совмещены в работах Р. МакАйвера).

Таким образом, сложившиеся сегодня концепции комьюнити так или иначе используют положения, которые могут быть сведены к следующему:

1) комьюнити отличается от других единиц социальной организации тем, что имеет прочную территориальную основу. Основным критерием выделения территориальной общности среди других единиц территориальной организации является способность удовлетворять повседневные потребности людей на данной территории;

2) комьюнити следует анализировать в терминах взаимодействий как социальную группу или социальную систему;

3) члены коммьюнити идентифицируют себя с данной территориальной общностью, осознают свою причастность к ней, а от нее получают ощущение принадлежности и безопасности.

Критерии выделения территориальной общности. Исходя из изложенного выше представления объектом данного исследования является локальная территориальная общность, представляющая собой целостную и относительно самостоятельную первичную ячейку территориальной организации общества. В качестве таковой выступает совокупность людей, объединенных социальными связями, возникающими по поводу определенных условий жизнедеятельности на данной территории. При таком подходе под территориальной общностью понимается территориальная группа населения, рассматриваемая в единстве с естественной и искусственной средой ее обитания [19].

В нашем понимании объединены два подхода, развиваемые в рамках социологии и социальной географии и обычно противопоставляемые друг другу. Первый из них ставит во главу угла “общность по поселению”, а другой — “общность по территории”, каждая из которых служит предпосылкой формирования определенных интересов и типов поведения групп людей. На наш взгляд, удовлетворительное представление о процессе функционирования и развития изучаемого объекта можно получить, лишь учитывая общность как территориальной базы, так и условий жизнедеятельности, создающих предпосылки для формирования специфических интересов и типов поведения людей.

Несколько модифицируя понятие, используемое в работах Л. Пала [20], мы исходим из того, что о территориальной общности как о “местном обществе” можно говорить, если характерное для общества в целом разделение труда в данной общности модифицировано под влиянием местных условий, если в поведении жителей можно выделить интеграцию, усиливаемую или ослабляемую удовлетворенностью местом жительства, если модели поведения, связанные с участием в принятии решений, влияющих на судьбу места жительства, с совместными действиями и ощущением перспективы отличают жителей данной общности от других. Ему в значительной мере присущи важнейшие, по мнению Э. Шилза, признаки общества, такие как саморегулирование и самовоспроизводство [21].

Уточняя критерии выделения территориальной общности, обоснованные нами ранее [22], можно сформулировать следующий их набор:

- территориальная концентрация населения;
- пространственная обособленность и локализация большей части основных функций по воспроизводству территориальной группы населения на относительно компактной территории;
- относительная “самодостаточность” производственной и непроизводственной сфер для удовлетворения основных потребностей населения;

— социально-экономическая целостность, проявляющаяся в большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними;

— однородность условий функционирования локальной общности и порождаемая их единством специфика качественного состава населения и среды его жизнедеятельности;

— осознание большинством жителей своей принадлежности к данной территориальной общности, их социальная самоидентификация;

— наличие у членов общности общих интересов, формирующих определенные типы поведения территориальной группы;

— наличие элементов самоуправления.

Не преуменьшая значимости каждого из сформулированных нами критериев выделения территориальной общности, отметим особую роль двух из них. На наш взгляд, для понимания механизмов функционирования территориальной общности большое значение имеют территориальная самоидентификация и социальное участие населения в развитии территории (самоуправление), на которых мы в дальнейшем и сосредоточим свое внимание, анализируя эмпирические данные.

Ориентируясь на изложенные выше критерии, будем считать, что из всей иерархической структуры социально-территориальных систем в качестве локальных территориальных общностей следует рассматривать общности поселенческого типа относительно небольшого масштаба (обеспечивающего возможности взаимодействия): сельские поселения и их взаимосвязанные группы, малые и средние городские поселения, отдельные территориальные подструктуры крупных городов, отвечающие выделенным критериям. Эмпирическими референтами локальных территориальных общностей в данном исследовании выступают сельские поселения, сельские районы (как группы взаимосвязанных поселений) и малые города Сибири.

Подходы к изучению территориальной общности с позиции разных социологических перспектив. Как следует из анализа понятия “коммьюнити”, в этой области не приходится говорить о какой-либо одной парадигме, в рамках которой работают основные исследователи, и, соответственно, об использовании какой-либо одной модели объяснения. Даже при рассмотрении методологических подходов в динамике достаточно сложно выделить конкретные парадигмы, четко отделяющиеся от других.

Одно из первых серьезных исследований территориальной общности связано с именем Ф. Тённиса, выдвинувшего в 1887 г. идею противопоставления двух специфических форм социальной организации — общины и общества [23]. Его исследование, принадлежащее к идеально типологическому направлению, основано на анализе средневекового и современного европейского общества. Выдвигаемый тип коммьюнити, он связывал этот тип с социальной и культурной гомогенностью, консенсусом, взаимопомощью и другими фор-

мами коммунального поведения и общения, характерными для сельской жизни. По его мнению, отношения между людьми, проживающими на одной территории, освящены традицией, построены на принципах согласия, неформальны и содержат цель в себе, а не служат достижению целей. Предполагается относительная замкнутость комьюнити, поддерживающая культурную гомогенность. Подобная культура не предполагает существования индивида в качестве обособленной личности, вследствие чего отделение личности от культуры сельской общины рассматривается последователями как разрушение комьюнити. Общность была для Ф. Тённиса синонимом тепла очага, семьи, идеализированной общины традиционного образца, что часто навлекало критику из-за отождествления ее с доиндустриальным обществом. Напротив, общество он обозначает синонимом “чужое”. По свидетельству Р. Кёнига, в Германии в 20-е годы “общность” была волшебным словом, объединявшим тогдашнюю гуманитарную элиту. Вся социология строилась вокруг понятия “общность” и против понятия “общество” [24]. Хотя в целом схема Тённиса достаточно абстрактна и последующие исследователи считали ее объяснительные возможности применительно к современному обществу достаточно ограниченными, в последние десятилетия в Германии отмечена тенденция активного интереса к идейному наследию Ф. Тённиса. “Тот факт, что ни один из социологических конгрессов последнего десятилетия не обошелся без специальных докладов о Тённисе, служит веским подтверждением новой тенденции” [25]. По-видимому, причина возрождения научного интереса к идеям Тённиса связана с тем, что в фокусе его внимания находилась обыденная жизнь людей, основанная на “созидательном единении, достижимом общей волей”.

Другой подход к исследованиям комьюнити активно развивался в рамках экологического направления Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджес, Э. Хоули, Р. МакКинзи и т.д.) [26]. В этом случае общность рассматривалась как производное от совместного места жительства, как целостный самодостаточный организм с собственным жизненным процессом. Общие интересы членов комьюнити выступают как функция от проживания в одном месте. В этой концепции совмещение двух парадигм: с одной стороны, организмические аналогии, постулат необходимости изучения “социальных фактов”, развивающихся по собственным законам, независимым от сознания индивидов, т.е. своего рода натуралистическая редукция, а с другой — попытка рассмотрения сообщества как взаимодействия социальных атомов, являющихся основой целостности. Э. Берджес объясняет разные типы общественных явлений как адаптивные реакции на изменения среды (т.е. взаимодействие организм—среда), отдельные акты поведения в пределах этого социального организма — межличностные взаимодействия. Следовательно, налицо интеракционистский аспект одновременно с натурализмом.

Изменения ориентации теории общности, начавшиеся в 30-х годах, стали более отчетливыми в 60—70-е годы [27].

Предмет исследования коммьюнити в значительной мере переместился на взаимодействие групп, их контакты. Причины обращения к интеракционизму (и соответственно к интерпретативной парадигме) объяснялись кризисом экологического подхода и стремлением отразить реальные изменения в процессе развития общества, связанные с исчезновением традиционных автономий, деревенского типа общины, распада общинных отношений. Последовательный анализ этих процессов проведен М. Стейном и Р. Уорреном [28].

Наряду с интеракционизмом в исследованиях коммьюнити в этот период продолжал развиваться подход к территориальной общности в терминах теории систем и функционализма, в соответствии с которыми коммьюнити выступает как социальная система, основные подсистемы которой — институты власти, экономики, образования, религии, семьи [29]. Каждая из подсистем, в свою очередь, состоит из множества элементов, задающих специфические “правила игры” для социальных групп. Существует высокая степень взаимосвязанности между членами данной системы и между системами, включая как горизонтальные, так и вертикальные связи. Тенденции развития любой социальной системы (в том числе и коммьюнити) — стремление к состоянию равновесия, результатом чего является приспособление, координация и интеграция различных частей системы. Базисные концепции функционализма (в разных его модификациях) служат для поддержания и обогащения теории социальных систем. Хотя эти подходы по-прежнему подвергаются критике за механистичность при взгляде на социальную организацию, они дают полезный инструмент в руки исследователя, с помощью которого можно понять, как структурированы и организованы территориальные общности.

Не имея возможности подробно останавливаться на других подходах к изучению коммьюнити, таких как теория конфликтов, теория действия, символическое построение коммьюнити и т.п., хотелось бы отметить, что современные исследователи концентрируют преимущественное внимание на анализе действия коммьюнити и противодействия социальной проблеме (М. Кастелс), на определении границ (их жесткости или размытости) территориальной общности, структуре власти (ее распределение в локальной общности), эволюции традиционных общин к “необщинным” сообществам (М. Робинсон [30]), стратегиях изменения местных сообществ в зависимости от контекста общественного развития (так, Б.Чекоуэй выделяет среди них такие как мобилизация масс, социальное действие, социальное гражданское участие, общественная защита, просвещение, развитие местных услуг [31]) и т.п.

С нашей точки зрения, для большинства современных исследований характерен мультипарадигмальный подход, и это вряд ли сле-

дует рассматривать как недостаточную теоретическую проработанность. Скорее можно говорить о том, что сложность самого объекта требует для изучения процессов, протекающих в рамках территориальной общности, объединения различных подходов и междисциплинарных исследований.

Роль территориальной общности в кризисном обществе. В ходе изучения процессов социальных изменений, происходящих в обществе, сложился широкий диапазон взглядов на направления развития территориальных общностей: от их распада в высокоурбанизированных обществах до констатации изменений в терминах теории трансформации. Так, некоторые исследователи, базируясь на противопоставлении традиционного и современного обществ, выдвинули гипотезу о возможном исчезновении комьюнити как элемента социальной организации в урбанизированном обществе в результате передачи функций другим институтам и организациям и, как следствие, эволюционного перерастания либо ассимиляции и слияния с обществом.

Не поддерживая точку зрения о полном исчезновении комьюнити, большинство исследователей считают, что современные комьюнити характеризуются ослаблением связей, нарастанием чувства отчужденности и стремлением к самоидентификации с другими (не территориальными) общностями. На наш взгляд, и это утверждение верно только отчасти, поскольку небольшая территориальная общность в современных условиях ослабления внешних связей сохраняет (а в ряде случаев и усиливает) внутренние.

М. Стейн, рассматривая локальные общности как микрокосмы большого общества и анализируя макропроцессы на локальном уровне, еще в начале 60-х годов пришел к выводу, что под воздействием трех основных процессов: урбанизации, индустриализации и экономического кризиса — нарушилась локальная автономия и изменилась человеческая жизнедеятельность в локальных общностях [32]. Была сформулирована “теория затмения”, констатирующая не распад локальных сообществ, а их трансформацию в ходе изменения структуры и функций и приспособления к современному развитию. В терминах теории трансформации локальные общности являются необходимым элементом, опосредующим экономическое развитие и социальную стабилизацию.

Следует сказать, что американские социологи, говоря об изменениях в американских комьюнити 70-х годов, показали, что главная черта эволюции состоит в разрушении изначальных оснований замкнутости, причем наиболее существенные изменения вызваны внешними по отношению к рассматриваемой общности связями и внешними решениями, “систоймой их интеграции в большое общество... Тем не менее, хотя влияние на общности внешних обстоятельств и решений, лежащих вне сферы их власти, несомненно, проблема может оказаться преувеличенной” [33]. Такова, например, точка зрения

Э. Рейсса-младшего, утверждающего, что “сообщность как единица американской социальной системы более автономна и жизнеспособна, чем это явствует из большей части американской социологической литературы” [34].

Представляется, что положение Э. Рейсса об автономности и жизнеспособности территориальной общности, обоснованное им для американской действительности 70-х годов, применительно к условиям современной российской действительности также достаточно справедливо.

В кризисной ситуации, характерной для современной России, территориальная общность, на наш взгляд, не только не исчезает или не поглощается “большим обществом”, но и приобретает новое качество под воздействием изменяющихся общих условий. Представляется, что локальные территориальные общности являются необходимым элементом территориальной организации общества, опосредующим экономическое и политическое развитие, а также социальную стабилизацию. Они сохраняют за собой важнейшие функции и приобретают новые, принимая на себя компенсацию отчуждающего воздействия современного общества.

На чем основана такая позиция?

К территориальной общности в полной мере применимо положение, что в ее основе (как и любой социальной общности) лежит стремление к реализации тех преимуществ, которые дает солидарность, объединение усилий, ведущие к росту эффективности индивидуальных действий, способности отстаивать свои интересы и тем самым к возможности выживания.

В рамках общности в выборе стратегий поведения индивида становится характерной ориентация не на другого, а на НАС как членов общности, к которой Я принадлежу. У индивида возникает новый круг намерений, желаний, обязательств, которые напрямую с его личными потребностями не связаны, но повышают эффективность функционирования общности как целого.

В основу критерия эффективности (а следовательно, и устойчивости) функционирования общности могут быть заложены два основания:

1) соотношение положительного эффекта от участия и платы за координацию усилий и готовность жертвовать своими интересами;

2) степень превышения этого показателя в данной общности по сравнению с другими конкурирующими общностями.

Социальные контакты, общение и социальное взаимодействие, обмен сопряженными, скоординированными системами действий, характерные для комьюнити, устанавливаются и развиваются прежде всего с целью сохранения тех условий, которые заложены в координации, взаимопомощи, получаемой от значительного (а не от одного партнера) числа людей. Это дает кумулятивный эффект поддержки

общности. Данный сегмент связей направлен не столько на личные цели и потребности, сколько на укрепление позиции общности как целого.

На наш взгляд, представление, трактующее локальную общность как “расширенный дом с высокой степенью территориальной идентификации” [35], в известной мере отражает защитную функцию территориальной общности перед внешними воздействиями, роль которой в кризисной ситуации возрастает.

Важнейшие характеристики территориальной общности, такие как теснота внутренних связей и пространственная самоидентификация жителей, связанная с осознанием своей принадлежности к данной группе, становятся особенно важными именно в условиях радикальных и быстрых изменений, в период дезорганизации общественной жизни, когда происходит ломка устоявшихся социальных идентификаций, разрушение сложившихся систем ценностей [36].

В цикле статей, посвященных анализу переходного общества, Н. Наумова отмечает, что “общество в переходный период — это особая, неустойчивая система, которая не соединяет его старое и новое состояние, а интенсивно и почти неуправляемо формирует последнее... Неустойчивость переходных социальных систем и неэффективное, как правило, управление ими формирует у большинства людей ощущение неуправляемости общества и несостоятельности власти” [37].

В современной России попытки реформирования сверху привели к рассогласованию процессов изменений: появление новой социальной среды, в которой вынуждены существовать люди, не успевшие адаптироваться к изменившимся условиям жизнедеятельности. Для обычного человека это означает утрату чувства уверенности, стабильности, неопределенность ситуации, в которой он живет. Социальная нестабильность ведет к растерянности, ощущению незащитности, одиночества. Кризисные условия обостряют стремление к групповой защите, солидарности, поэтому представляется, что именно территориальная общность может сыграть важную роль, противодействуя дезорганизации и выступая своего рода защитой, способом адаптации своих членов к меняющейся ситуации. Безусловно, это положение заслуживает тщательной проверки, однако некоторые данные, приведенные ниже, дают нам основание выдвинуть такую гипотезу.

Некоторые результаты эмпирических исследований локальных территориальных общностей

В данном разделе хотелось бы остановиться на описании результатов эмпирических исследований, касающихся двух наиболее важных, с нашей точки зрения, вопросов: территориальной самоиден-

тификации и социального участия жителей как базы существования территориальной общности.

Отношение населения к месту жительства. Одной из важнейших характеристик территориальной общности является групповая идентификация, осознание своей принадлежности к данной территориальной группе.

Для сельского населения* (впрочем, как и для жителей малых городов) сильная связь с местом жительства в значительной мере базируется на семейно-родственных и соседских связях и взаимодействиях: 75,4 % респондентов имеют родственников, живущих в том же поселении, и только 3,2 % заявили, что они не поддерживают регулярных контактов ни с кем из живущих здесь родственников, в то время как 60,8 % общаются с родственниками почти ежедневно. Более чем у трех четвертей опрошенных близкие родственники, с которыми они поддерживают тесные связи, проживают в том же районе, в 66 % семей, имеющих взрослых детей, отделившиеся дети живут здесь же. Таким образом, большинство жителей имеют по месту жительства достаточно сильные родственные связи, в результате чего наблюдается высокая ориентация на членов семьи в совместных делах, опора на семью как базовую группу. Если нужен совет в решении важного вопроса, 66,6 % респондентов в первую очередь обращаются к членам своей семьи и еще 23 % — к близким родственникам, более половины рассчитывает на реальную помощь родственников при строительстве и ремонте дома, ведении личного подсобного хозяйства, присмотре за детьми и уходе за больными и стариками, при финансовых затруднениях и т.п. При этом помощь детям носит преимущественно денежно-продуктовый характер, родителям же в основном оказывается помощь трудом. Тот факт, что по меньшей мере каждый четвертый опрошенный не рассчитывает на чью-либо помощь и старается справиться сам, объясняется не столько нежеланием, сколько отсутствием (в силу различных обстоятельств) возможности реальной помощи со стороны родственников.

Достаточно сильны и соседские связи: лишь 11,6% опрошенных указали на то, что они не поддерживают регулярных контактов с соседями, а 81 % утверждает, что ни с кем из соседей у них нет плохих отношений.

Ощущение социальной дистанции среди жителей внутри поселения чаще всего в сознании связывается с выделением из общей массы групп местных руководителей (51,2%), хозяйственных руководителей (42,3%), предпринимателей (41,3%), а также разделением на богатых и бедных (37,1 %) и т.п.

* По данным опросов населения, проведенных в 1995—1996 гг. в двух районах Алтайского края и Новосибирской области. Выборка репрезентирует взрослое население района.

Более 70% опрошенных удовлетворены отношениями между людьми в их поселении. И если между жителями возникают конфликты, почти в трети случаев они разрешаются самими участниками конфликта. Не случайно специфика отношений между людьми упоминается среди основных ценностей, занимая третье место в общей системе, и только 1,1 % негативно оценивают “общинную” жизнь на виду. Однако лишь 8,5 % считают, что несмотря на трудное время, отношения людей друг к другу не изменились. При этом обращает на себя внимание то, что 55,8 % с сожалением отмечают, что люди сейчас мало общаются между собой, и 78,9 % считают, что раньше люди были более открытыми, между ними было больше согласия. 47,6 % опрошенных ценят богатое прошлое своего поселения и с гордостью говорят о нем, только 14% призналось в том, что они не интересуются прошлым своего места жительства.

Большая часть жизнедеятельности населения концентрируется в границах своего района: несмотря на то, что в районе нет ни одного городского поселения, способного принять на себя обслуживающие функции, почти 40% жителей никогда не ездят в краевой центр, еще 34,5 % бывают там не чаще чем раз в год, более половины не ездят в другие города, хотя ближайший город находится на расстоянии 100 км. Вне района только 10% получают медицинские услуги и покупают промышленные товары, остальные виды услуг практически полностью замкнуты на район.

Привязанность к месту жительства в значительной мере связана с тем, что большую долю респондентов составляют местные жители. Только 9,2 % опрошенных приехали сюда менее пяти лет назад, в то время как почти 50 % живут здесь более 40 лет. Причем в половине семей несколько поколений связано с данным поселением, а у четверти семей не менее трех поколений жили здесь. Не случайно большинство опрошенных воспринимают свое место жительства как малую родину: 61 % родились в этом же районе, в 2/3 семей по крайней мере один из членов семьи родился здесь. Родственные отношения являются основным мотивом переезда сюда с предыдущего места жительства: у 23,4% здесь жили родственники мужа или жены, 11,9% — родители, 13,4% хотели жить ближе к родственникам, а 7,1 % жили здесь раньше и вернулись после отъезда.

Все это свидетельствует, на наш взгляд, об осознании большинством жителей своей принадлежности к данной территориальной общности.

Можно говорить и об усилении связей людей со своим местом жительства в современных условиях. Об этом свидетельствует очень низкая потенциальная миграция: только 4 % ориентированы на переезд, причем большинство из них намерены переехать ближе к родственникам. Конечно, в этом есть элемент вынужденной стабилизации, характерной для современных условий, когда ехать некуда (нет

жилья и работы) и не на что, особенно если на новом месте никто не ждет. Но тем не менее на вопрос “Если бы это зависело только от Вас, где бы Вы предпочли жить?” 61,6% респондентов ответили, что они хотели бы жить там, где живут сейчас.

Каждый третий респондент удовлетворен условиями жизни в своем поселении. Общее позитивное отношение к своему поселению высказали 24,4 % опрошенных, причем наиболее высоко ценятся такие характеристики, как природные условия (49,3 %), спокойная жизнь (7,7), не нравятся же прежде всего оплата труда (11,5%), плохое состояние дорог (6,9), грязь (10,4), несправедливость со стороны руководства (2,4 %). В целом о своей неудовлетворенности условиями жизни заявили также 31 %, причем в большинстве случаев респонденты связывают свое недовольство не столько с условиями жизнедеятельности в данном районе, сколько с общим ухудшением социально-экономической ситуации в стране.

Усиление привязанности к своему месту жительства в ухудшающейся общей ситуации привело к изменению ориентаций жителей. На смену привычной надежде на изменения извне или попыткам решить свои проблемы за счет миграции приходит ориентация на улучшение условий жизни собственными силами. 51,8% респондентов убеждены, что если что-то не нравится в поселении, нужно стараться преобразовать его, а не уезжать на другое место на все готовое. 62,2 % рассчитывают на улучшение жизни собственными силами, 12 % — на поддержку семьи, 3 % — на друзей и знакомых. И хотя необходимость усиления контактов между жителями, важность их участия в решении проблем своего поселения осознается большинством, сотрудничество в развитии своего поселения оценивается как слабое. 78 % считают, что люди больше думают о себе, чем об общем деле. Несмотря на то что удаленность района от центров и пространственная изолированность в значительной мере противостоят разрушению общинных связей, ведут к сплочению жителей, тенденции индивидуализации наблюдаются и здесь. Этим могут быть объяснены заявления о том, что люди, болеющие за общее дело, сейчас ценятся недостаточно.

Аналогичные результаты можно проследить и по ответам жителей малых городов. Так, опрос, проведенный в 1997 г. в городе Искитиме, находящемся в пределах полуторачасовой транспортной доступности от Новосибирска (малый город, по отношению к которому не приходится говорить о его удаленности от центров и о пространственной изолированности) также свидетельствует о достаточно сильной привязанности к своему месту жительства. По крайней мере четверть опрошенных — жители города в третьем поколении, еще треть — во втором поколении (сюда приехали их родители), большинство респондентов живут здесь всю жизнь и лишь 3 % приехали сюда менее 5 лет назад. Только у 10 % в городе нет родственников и у 9 % —

близких друзей. Оценка по шкале семантического дифференциала показывает, что почти для 78 % город является малой родиной, две трети считают его хорошим, приятным и почти половина — добрым. 44,5 % жителей, несмотря на крайне сложную ситуацию, в которой оказались сейчас монофункциональные города, гордятся своим городом и лишь у 18,8% город не вызывает чувства гордости. Среди качеств, по мнению респондентов, чаще всего встречающихся у жителей города, первые 7 мест занимают терпимость (67 %), простота (61), общительность (60), трудолюбие (56), гостеприимство (55), дружелюбие (54) и доброта (52,4%). Гораздо реже называют равнодушие, неприязнь к окружающим, безразличие к людям, замкнутость, скрытность. Уже сам перечень наиболее часто называемых качеств свидетельствует о явном преобладании в сознании опрошенных именно общинных характеристик. Лишь 17 % не удовлетворены отношениями между людьми в городе.

Для оценки степени осознания жителями Искитима территориальной привязанности показателен ответ на вопрос “С какой территорией Вы чувствуете себя сильнее всего связанным? Чьи проблемы Вас волнуют больше всего?”. Ответы распределились следующим об-

<i>Город, где живу сейчас</i>	44,5
<i>Поселение, где родился и вырос</i>	20,1
<i>Россия в целом .</i>	16,1
<i>Наш район .....</i>	11,4
<i>Новосибирская область</i>	8,1
<i>Сибирь .....</i>	7,2

Как видно, масштабы пространственной идентификации преимущественно связаны с локальной общностью поселенческого типа, затем следует страна в целом, район, область, регион.

В последние годы среди исследователей часто высказывается мнение о том, что происходит стягивание пространства идентификации в точку вокруг своей семьи и близкого окружения. Представляется, что эта точка зрения не столь противоречит нашему выводу о повышении роли территориальной общности в кризисной ситуации, как это кажется на первый взгляд. Подтверждением тому служат и высокая степень связанности людей со своим поселением, проблемы которого воспринимаются острее всего, и достаточно сильные семейно-родственные связи именно в границах своего поселения. Поэтому можно предположить, что пространство в известной мере стягивается к поселению.

Любопытные результаты показала попытка применения классической концепции солидарности к исследованию территориальной общности, реализованная в дипломной работе Т. Беляевой (ей принадлежит и сама идея) под руководством автора данной главы. На основе сформированной системы понятийных индикаторов солидар-

ности общности (круг которых ограничивался имеющейся информацией), таких как самоидентификация членов общности, противопоставление членов данной общности другим общностям (Мы — Они), важность оценки поведения и действий со стороны других членов общности, поведенческие основания для уважения, наличие общих, разделяемых всеми ценностей, наличие значимых для жителей отношений внутри общности, было показано, что в период общественной дезинтеграции механизм солидарности внутри локальной общности срабатывает как специфический способ защиты индивидов. Это позволяет говорить не столько о разрушающейся общности под воздействием деструктивных процессов в обществе, сколько о самовоспроизводящейся общности, осуществляющей социальный контроль за своими членами.

Участие населения в решении вопросов местной жизни. Необходимым условием успешного функционирования территориальной общности является социальное участие населения в решении вопросов местной жизни (информированность населения о деятельности органов местной власти и включенность жителей в реализацию функций власти в той или иной форме). Знание особенностей отношения различных социальных групп к местной власти и местным делам, уровня их информированности, заинтересованности и готовности к участию в решении местных проблем позволяет оценить имеющуюся социальную базу, а также перспективы развития местного самоуправления и общности в целом.

Выводы данного раздела базируются преимущественно на результатах обследований сельского населения (если это не оговорено особо в тексте). Именно для сельской территориальной общности с ее относительно небольшими размерами характерна большая приближенность населения и местной власти, и поэтому проблемы взаимодействия население — местные власти прослеживаются достаточно наглядно. Вместе с тем опыт наших исследований, проводимых в малых городах, показывает, что аналогичные тенденции (недоверие к властям, отчуждение от власти, слабая включенность населения в процесс самоуправления и т.п.) в городе носят еще более выраженный характер. При этом большинство цифр, характеризующих отношение к местной власти, носит удивительно устойчивый характер, который почти не зависит от смены эмпирического объекта исследования (село — район — город) и времени опроса (1993—1997 гг.).

Информированность населения. Проблему информированности населения о ситуации в территориальной общности, на наш взгляд, имеет смысл рассматривать в двух аспектах: с точки зрения осведомленности о том, что происходит в жизни поселения, и о том, что делают местные власти для защиты интересов жителей.

Оба аспекта с разных сторон характеризуют степень включенности индивидов в решение проблем местной жизни.

Как показали наши обследования, самооценка степени осведомленности жителей о местной жизни относительно низкая: только каждый восьмой уверен, что он полностью осведомлен обо всем, что происходит в общественной жизни поселения, еще 21 % считают себя достаточно хорошо осведомленными, основная же часть респондентов (41,8 %) характеризует уровень своей информированности высказыванием “Что-то слышал”, при этом почти 20 % респондентов утверждают, что они не интересуются общественной жизнью поселения.

Основным источником информации о местных делах оказываются разговоры с другими жителями поселения (74 %), второе место занимают средства массовой информации (местная газета — 15,7 %, местное радио — 6,9 %). Информацию же от органов местной власти получает лишь небольшая часть респондентов: 3,4 % упоминают в качестве источника своей информации отчеты местных руководителей, 3,2% — сходы, собрания жителей и менее 1% — ответы на запросы в органы местной власти. В результате только 14,8 % опрошенных считают, что они знают о намечаемых перспективах развития поселения (причем, по оценкам интервьюеров, свыше половины из них обладают лишь поверхностными знаниями), а 44 % не знают, но хотели бы об этом знать.

Об уровне информированности населения о деятельности органов местной власти можно судить на основе знания жителями конкретных мероприятий, осуществляемых в данном поселении, а также через самооценки населения.

Несмотря на то что в сельском районе и в относительно небольших поселениях вся жизнь на виду, далеко не все респонденты смогли назвать конкретные действия, предпринимаемые местными властями для социальной защиты населения в условиях экономической реформы. Каждый седьмой респондент затруднился указать мероприятия, направленные на реализацию социальной защиты жителей.

Анализ показывает, что наименее информированы те социальные группы, которые испытывают меньшую потребность в подобной защите. Это прежде всего лица в наиболее активных возрастах. Доля не информированных о конкретных мерах выше среди относительно молодых людей, рассчитывающих прежде всего на собственные силы, а не на помощь со стороны государства. По собственным оценкам, они легко осваиваются с жизнью в условиях рынка и чувствуют себя относительно спокойно.

В большей степени обладают информацией о конкретных мерах люди, трудно осваивающиеся с новыми условиями и ориентированные на помощь со стороны государства. Причем уровень информированности с возрастом людей несколько повышается.

Если говорить о самооценках, то только каждый шестой из опрошенных считает, что он хорошо информирован о деятельности органов местного самоуправления, направленной на социальную за-

щиту населения. В то же время более трети (38,8 %) населения оценивают свою информированность по этому вопросу как недостаточную и хотели бы знать больше. Еще ниже самооценка информированности об источниках средств на социальное развитие поселения: только 8% имеют представление (да и то относительно поверхностное) о местном бюджете и направлениях его расходования, а вот доля тех, кто не знает об этом, но хотел бы знать, в 5 раз меньше.

В целом уровень информированности населения о деятельности местных властей следует оценивать как недостаточный.

Образ местной власти в глазах населения. Как нам представляется, образ местных властей в глазах населения отражает не столько результаты недавних социальных изменений, сколько представление, исторически сложившееся у населения на протяжении многих поколений. Основные признаки этого отношения — отстраненность от властей, недоверие к исходящим от них новациям, неверие в добрые намерения и бескорыстие их руководителей, в их возможности.

Население весьма низко оценивает как информированность местной власти о своих (населения) проблемах, так и ее ориентированность на учет интересов людей: лишь 9,5 % респондентов считают, что местные власти достаточно интересуются мнением жителей по наиболее важным проблемам жизни территориальной общности, и только 4,1 % ответивших отмечают, что руководители местных органов хорошо знают о нуждах жителей и могут отстаивать их интересы. Около 40 % опрошенных полагают, что руководители думают прежде всего о своих личных интересах, 80% убеждены в том, что местные власти мало интересуются (или совсем не интересуются) мнением населения. При решении проблем местной жизни, по мнению жителей, решающими оказываются собственные позиции властей (26,5%), позиции вышестоящих руководителей (18,4%), затем производственные интересы предприятий, меньше учитываются мнение и интересы населения (12,4 %). В результате лишь 2 % респондентов называют население среди субъектов, которые могут влиять на социальную и экономическую ситуацию в своем месте жительства.

Достаточно сильной представляется в глазах населения вертикаль исполнительной власти. Степень ориентации местных властей на вышестоящие органы управления гораздо выше, чем на интересы населения: около 54 % считают, что местным руководителям свойственна ориентация на вышестоящее начальство, перед которым они чувствуют наибольшую ответственность (48 %), в то время как наличие у них ответственности перед населением признает лишь 11 %. Правда, при этом ответственность, по мнению жителей, вообще мало присуща местным руководителям: как характерную черту этих руководителей ее отметили лишь 34,5 % респондентов, при этом 29 % убеждены, что местные руководители не чувствуют ответственности ни перед кем.

Среди личностных качеств местных руководителей опрошенные чаще всего отмечают наличие профессиональных знаний местных проблем (71,4%), опыта (53%) и гораздо реже — добросовестное отношение к делу (19,6%) и бескорыстие (18,5%)

Однако с утверждением, что нынешнее руководство неспособно в условиях реформ решать стоящие перед ним проблемы, согласны менее 9 % респондентов.

Вместе с тем жители не склонны возлагать всю ответственность за происходящее на конкретных лиц из местных руководителей: каждый четвертый отмечает, что руководители стараются облегчить жизнь людям в новых условиях, но не имеют реальных возможностей для этого, а 8 % убеждены в том, что дело не в конкретных людях, а в системе управления.

При этом более категоричными в своих оценках (хотя менее осведомленными о реальной деятельности властей и в меньшей степени интересующимися ею) являются относительно молодые, старшее поколение более снисходительно. Ответственность на систему управления более склонна возлагать молодежь, причем среди лиц, включенных в рыночную экономику, это мнение распространено больше. И все же хотя мнения у различных категорий населения о местных руководителях и различаются, почти все группы выставили им относительно низкие оценки.

Невысоки и оценки степени влияния местной власти на социально-экономическую ситуацию в поселении. Его признает только пятая часть ответивших, и практически никто не считает, что на эту ситуацию может влиять население (2 %), а 19 % вообще затруднились ответить на этот вопрос. Кроме того, каждый восьмой респондент считает, что на современную ситуацию на местах не влияет никто.

Скептицизм населения, его традиционное недоверие и отчужденность по отношению к любым властям (в том числе и местным) приводит к тому, что вместо активного взаимодействия с местной властью люди стараются держаться от нее подальше. Около двух третей жителей в течение года не обращалось в органы власти ни по каким вопросам, остальные же обращались в основном для оформления различных документов, справок и т.п. Но и такое слабое и формальное взаимодействие оценивается недостаточно позитивно. Лишь немногим более половины обратившихся отметили, что их вопрос был решен, а каждый четвертый считает, что местные органы либо ничего не сделали для решения их вопросов, хотя имели такую возможность, либо отказали, либо вообще не ответили на запрос. По мнению обратившихся в местные органы власти, лишь 23 % встретились с внимательным, чутким отношением, стремлением помочь, в то время как 38,6 % восприняли отношение со стороны властей как негативное, натолкнувшись на равнодушные, волокиту, нежелание выслушать, учесть мнение людей.

В результате 60 % оценили деятельность местных органов власти низко и очень низко, доля же поставивших высокие оценки составила менее 2 %, а каждый десятый затруднился дать хоть какую-то оценку. Средняя оценка населением деятельности местных властей по пятибалльной шкале составляет 1,95 балла.

Только 1,2 % опрошенных отметили рост доверия к местной власти за последний год. У 44 % доверие к ней снизилось, не изменилось — у 25,8 %. Почти 23 % респондентов, по их словам, никогда не доверяли местным властям (т.е. фактически уровень доверия не изменился почти у половины опрошенных).

Особый интерес представляет категория лиц, утверждающих, что они никогда не доверяли местным властям. В возрастном отношении это наиболее однородная группа, причем она состоит преимущественно из лиц моложе 40 лет, т.е. наиболее активных возрастов. Опыт их общения с местными властями скорее негативный: обратившись в органы местной власти с вопросами трудоустройства, жилья, соблюдения законности, получения лицензии и т.п., они столкнулись с равнодушием и нежеланием помочь. Среди недоверяющих властям выше, чем в среднем по выборке, доля лиц, проблемы которых не были разрешены местными властями, получивших отказ либо не получивших никакого ответа. Неудивительно, что представители этой группы в большей степени убеждены: руководители думают прежде всего о своих интересах, забывая о нуждах людей, и считают, что в тех случаях, когда местные власти стараются облегчить жизнь людям, у них нет реальных возможностей для решения современных проблем. Среди этой категории жителей почти самая высокая доля лиц, убежденных, что никто не может защитить их интересы. На наш взгляд, эта категория жителей заслуживает особого внимания со стороны местных властей и целенаправленной работы с ней для того, чтобы этих людей, относительно молодых и достаточно активных, можно было превратить из противников в своих союзников и помощников.

Можно предположить, что отношение жителей к властям в значительной степени зависит от того, как население оценивает эффективность решения проблем социальной защиты, т.е. защиты интересов населения: 22 % опрошенных считают, что местные власти никаких мер социальной защиты не осуществляют. Возможно, что такая оценка связана не столько с действительным положением вещей, сколько с особенностями конкретных людей, высказавших эту точку зрения, их психологическим состоянием, неудачным опытом обращения за помощью, а также недостаточной информированностью в этих вопросах.

В качестве конкретных мер называют прежде всего выделение земельных участков, предоставление льгот отдельным группам жителей (пенсионерам, участникам войны, многодетным семьям), оказа-

ние материальной поддержки малообеспеченным, сдерживание роста цен на транспорт и т.п.

И тем не менее только 5 % респондентов ощущают достаточную заботу о себе со стороны Местных властей, а 73,3 % не чувствует никакой заботы, еще 9 % чувствуют очень слабую заботу о себе, хотя о том, что они не нуждаются в заботе местных властей, сказали только восемь респондентов. Лишь 19% видят в лице местных властей защитников своих интересов. По-видимому, такое неверие в возможность местных властей защищать интересы Населения в условиях реформ является естественным следствием общего неверия в силу местной власти. Следует отметить, что небольшая доля респондентов (6,4 %) возлагает надежды в защите своих интересов на руководителей своего предприятия, и по отношению к ним (не говоря уже о профсоюзах) скептицизм тоже очень велик. В результате 11 % опрошенных затруднились назвать хотя бы какого-то защитника своих интересов, а почти половина жителей убеждены, что в условиях экономической реформы никто не защищает их интересы.

В этой ситуации, как считает почти две трети населения, в улучшении своей жизни полагаться можно лишь на самого себя, на свою активность. В целом чаще всего ориентированы на самозащиту люди средних возрастов; наибольшая доля их среди 30—39-летних — почти 38 %. При этом надо иметь в виду тот факт, что несколько меньшая доля лиц, ориентированных на самозащиту, среди самых молодых (до 20 лет), свидетельствует не столько о надеждах, возлагаемых ими на органы власти или кого-либо еще, сколько о том, что многие из них пока не столкнулись с необходимостью такой защиты. Не случайно именно среди молодежи ниже, чем в среднем по совокупности опрошенных, доля считающих, что никто не может защитить Их интересы, в то время как значительная часть затруднилась указать защитника своих интересов.

Среди способов защиты своих интересов наибольшее предпочтение отдается жалобам в вышестоящие органы власти (19,5 %), обращениям в средства массовой информации — газеты, радио, телевидение (10,7 %), критике местного руководства в печати и на собраниях (7,4 %). Примерно одинаковый удельный вес тех, кто собирается оказывать активное сопротивление органам власти (6,6 %), митинговать (6,6 %) или бастовать (7 %). Однако примечательно, что 8,4 % опрошенных не смогли определиться с методами защиты собственных интересов, а еще 30,8% вообще не собираются что-либо предпринимать.

Обращает на себя внимание, что выбор способа защиты заметно дифференцирован по возрастным группам. Более активные формы самозащиты — это Выбор молодых, в то время как старшее поколение надеется (хотя и не очень сильно) на критику, обращения с жалобами в вышестоящие инстанции, а чаще всего Готово смириться, не видя никаких способов самозащиты.

При этом высказываемые предпочтения относительно способов самозащиты в прожективной ситуации и реальное поведение респондентов достаточно далеки друг от друга. Лишь 5 % опрошенных указали, что им уже приходилось критиковать местное руководство, 7,8 % — обращаться с жалобами, еще меньше доля тех, кто использовал активные формы защиты своих интересов (1,4—2,5%). А три четверти респондентов ответили, что реально им не приходилось использовать ни один из перечисленных способов.

Готовность населения к участию в решении местных вопросов. Вопрос о населении как о социальном субъекте в значительной мере сводится к вопросу о том, насколько население в целом и его отдельные группы заинтересованы в участии в решении местных дел и готовы реализовывать его на деле,

В целом ориентация на участие в решении вопросов местной жизни у населения очень низкая: лишь около 4 % опрошенных утверждают, что они могут и хотят влиять на изменение жизни к лучшему в своем поселении, в то время как 7 % не видят смысла в участии в самоуправлении, не верят в возможности своего реального влияния, и свыше 60 % уверены, что не могут ничего сделать. По-видимому, отсутствие действующих механизмов народовластия, традиционное и всячески поддерживаемое (на деле, а не на словах) власть имущими отчуждение населения от процессов принятия решения, воспитанное годами у жителей неверие в возможность участия в управлении выработали соответствующие стереотипы, социальную пассивность и смирение. Не случайно каждый четвертый респондент считает, что у жителей нет эффективных способов влияния на решения местных властей и 65 % отмечают отсутствие активности со стороны населения.

При этом очень низка самооценка собственной активности: свыше 90% опрошенных дали ответ “Никуда не выбран”, “Не участвую в работе общественных организаций”, “Практических предложений по улучшению условий жизни поселения не вносил” — картина, на первый взгляд, довольно удручающая.

Вместе с тем следует отметить, что только 21,7 % утверждают, что управление социальным развитием — дело местных властей, а не жителей, около 30 % считают важным участие населения в решении вопросов местной жизни и три четверти убеждены в том, что многие проблемы поселения могли бы быть решены, если бы было меньше безответственных и пассивных людей. Среди наиболее эффективных механизмов влияния населения на решения местных властей отмечаются формы непосредственной демократии, такие как сходы, общие собрания жителей, участие в обсуждении вопросов социального развития, участие в представительных органах власти. Мешает же активному участию населения в решении вопросов местной жизни, по мнению респондентов, вовсе не некомпетентность или иждивенчество (обычно называемые представителями органов власти в качестве

основных препятствий самоуправлению), а неверие в возможность оказывать влияние на принимаемые решения, незаинтересованность местных руководителей в демократизации управления, отсутствие поддержки инициатив жителей со стороны местных властей, неразвитость соответствующих институтов. Личная готовность к участию в изменении условий жизни в своем месте жительства в сознании респондентов связывается в первую очередь с работой на строительстве, благоустройстве, добросовестным выполнением поручений при значительной ориентации не на самоорганизацию, а на организацию дел извне, со стороны властей, иных организаторов, активистов и т.п.

Обращает на себя внимание и тот факт, что каждый седьмой респондент среди помех активности жителей называет ухудшение социально-экономической ситуации и снижение уровня жизни, в силу чего “жизнь стала так трудна, что людям не до этого”, возможности же изменить ее за счет собственной активности они пока не ощущают.

Общее снижение активности населения в отношении своего поселения, отмечаемое многими респондентами, в значительной степени обусловлено дезинтеграционными процессами, стимулируемыми ухудшением условий жизни, которые проявляются в обществе в целом: индивидуализацией образа жизни, ослаблением стремления к общению, складывающимся безразличием к общим делам. Хотя в быстроменяющейся современной ситуации возможности самовывживания территориальной общности в значительной мере зависят от самоорганизации жителей и их активизации.

В этой связи специальное внимание исследователей должны привлечь три группы респондентов: ориентированных на собственные проблемы (“Мне не до общественных дел, своих проблем хватает”); не верящих в результативность своего участия в управлении (“Не вижу смысла что-то делать, все равно у меня нет возможности реально влиять на условия жизни в поселении”); проявляющих интерес к деятельности местных властей (“Знаю недостаточно, но хотел бы знать”).

Очень коротко остановимся на их портретах. В группе пассивных, занятых прежде всего своими проблемами, чаще встречаются относительно молодые женщины, семьи которых не включены в рыночную экономику, а также старики, столкнувшиеся со сложными материальными проблемами. Эти категории респондентов сравнительно трудно осваиваются с жизнью в новых условиях, считая себя не готовыми к рыночным отношениям, они тем не менее ничего не меняют в своей жизни. По-видимому, этой группе требуется специальная поддержка со стороны местных органов, чтобы помочь им освоиться в новых условиях, но вряд ли стоит рассчитывать на их активное участие в самоуправлении.

Иная категория — лица, не верящие в действенности участия в управлении местными делами. Это в основном люди среднего возраста, достаточно активные в экономическом отношении. Причем они

чаще всего не занимают руководящих должностей и поэтому в отличие от руководителей не имеют возможностей видеть конкретные результаты своего участия в управлении. Думается, что важно преодолеть традиционно сложившееся неверие этой группы, постепенно привлекая их к участию в местных делах, акцентируя внимание на результатах их деятельности, поскольку они представляют собой существенный резерв для развития самоуправления.

Третья группа, заслуживающая специального внимания, — лица, считающие, что они знают недостаточно о деятельности местных властей, но хотели бы знать об этом больше (“заинтересованные”). Это достаточно многочисленная группа (по оценкам, около трети жителей), причем ее представители встречаются среди всех возрастных групп (с точки зрения среднего возраста эта группа имеет самую большую дисперсию). Для этой категории характерна недостаточная подготовленность к жизни в новых условиях, среди них практически нет людей, которых ничто не тревожит, они чаще других озабочены угрозой потери работы, своей неготовностью к конкуренции, возрастом зависимости от сильных мира сего, ростом агрессивности, озлобленности в обществе. Вместе с тем у них нет четкого отрицательного отношения к реформе (хотя мнения склоняются в сторону “скорее отрицательно, чем положительно”), и по крайней мере многие из них надеются, что при определенных условиях жизнь станет лучше. Очень важно, что эти люди несколько больше доверяют властям, среди них относительно немного считающих, что на ситуацию в поселении никто не влияет, и меньше ориентированных только на собственные проблемы. При этом их готовность к участию в решении местных проблем тоже относительно невелика. Хотя среди них больше, чем в среднем по совокупности, доля считающих, что местные власти не заинтересованы в участии жителей и будут препятствовать любым начинаниям снизу, у этой группы нет однозначно негативного отношения к местным властям, и от умелой работы с ними зависит, станут ли они сторонниками местных властей (и на них можно опереться в решении местных проблем) или их противниками, оказывающими активное сопротивление.

Социальная база местного самоуправления. Из теоретического представления, что наличие элементов самоуправления является необходимым условием успешного функционирования территориальной общности, вытекает необходимость выявления и оценки социальной базы местного самоуправления.

Местное самоуправление нами понимается в соответствии с Европейской Хартией местного самоуправления как “право и действительная способность местных сообществ контролировать и управлять в рамках закона под свою ответственность и на благо населения значительной частью общественных дел” [38]. В качестве основного субъекта самоуправления в таком понимании рассматриваются тер-

риториальные группы населения, осуществляющие непосредственно или через создаваемые ими органы, функции управления развитием территории, непосредственно касающиеся их жизнедеятельности. Тем самым социальные группы превращаются из объекта в субъект управления.

Исходя из этого представления мы выводим понятие социальной базы местного самоуправления. Социальную базу местного самоуправления данной территориальной общности образуют все члены территориальной группы населения, реализующие право на управление местными делами, а также каким-либо образом ориентированные на осуществление этого права.

В качестве инструмента для выявления социальной базы представляется целесообразным использовать многомерную типологию населения по степени активности в сфере местного самоуправления, опыт построения которой предпринят автором совместно с Т.Ю. Ивановой 1391-

Для построения такой типологии использованы следующие критерии:

- а) участие в самоуправлении;
- б) интерес, проявляемый индивидом к организации жизнедеятельности своей территориальной общности;
- в) информированность об основных аспектах жизнедеятельности территориальной общности.

Каждый из выделенных критериев операционализирован через набор эмпирических индикаторов.

В качестве методов построения типологии населения по степени активности использованы последовательно процедуры факторного и кластерного анализа. В результате построения совместной типологии выделено пять основных типов населения, различающихся степенью активности в сфере самоуправления. Такая типология, на наш взгляд, обладает двумя достоинствами: типобразующие критерии складываются из признаков, относящихся только к данному критерию (благодаря кластерному анализу), признаки же, формирующие типобразующие критерии, проранжированы по факторным нагрузкам.

Не останавливаясь на описании подробных характеристик выделенных типов [40], обратим внимание лишь на основные черты и оценку их возможной роли в перспективах развития социальной базы.

Основу социальной базы местного самоуправления составляет тип "Активные участники". Представители этой группы принимают активное участие в решении проблем своего поселения не только по привычке, но и движимые осознанными мотивами, уверенные в своих силах. Активность этих людей объясняется тем, что местные власти к ним прислушиваются, заботятся о них. Однако ситуация может сложиться так, что стимул этот вскоре ослабнет, и трудно сказать, как себя поведет группа в новых условиях.

Второй тип — “Активные наблюдатели”; они не стремятся участвовать в управлении поселением, но в то же время не до конца разуверились в том, что жители могут регулировать многие процессы в поселении. То, что эти люди предпочитают улучшать условия жизни в своем поселении, нежели уезжать на все готовое в другие места, а также их поддержка экономических реформ свидетельствуют об их активной жизненной позиции в целом. Можно предположить, что внутренний потенциал этих людей способен проявиться в условиях крайней необходимости, так как многие из них склонны к активному сопротивлению властям при защите интересов своей семьи. Вклад этого типа в социальную базу местного самоуправления в данный момент заключается в том, что его представители поддерживают интерес населения к жизнедеятельности территориальной общности, косвенно контролируя таким образом деятельность местных органов власти и предотвращая их произвол.

Третий тип “Пассивные наблюдатели” — играет достаточно скромную роль в формировании социальной базы местного самоуправления, к нему относятся в основном люди предпенсионного возраста, не способные в силу различных объективных обстоятельств участвовать в управлении делами общности. При этом они достаточно оптимистично настроены в отношении возможностей жителей влиять на решение местных проблем. Основной вклад этой группы в социальную базу — моральная поддержка желания более активных жителей влиять на решение проблем поселения. Если представители этого типа сплотятся вокруг решения какого-нибудь общего для них злободневного вопроса, то они могут составить вполне реальную силу.

Тип “Только интересующиеся” по многим характеристикам представляет собой промежуточную позицию между типами активных и пассивных наблюдателей. В основном это молодые люди, что дает основания ожидать, что со временем при изменении условий часть представителей этого типа попадут либо во второй, либо в третий тип.

Пятый тип — “Общественно-пассивные люди” — отличается полным отчуждением от местной власти и участия в самоуправлении и практически не является элементом социальной базы самоуправления. Эта группа в лучшем случае может реализовывать территориально ориентированное поведение, направленное на поддержание целостности территориальной общности. Главной связью между территориальной общностью в целом и представителями этой группы должна быть помощь общности этим людям, многие из которых уже давно перешли рубеж активных возрастов.

В целом социальная база местного самоуправления в современных условиях относительно слаба, и в ближайшие годы вряд ли можно ожидать ее быстрого усиления. Это связано со следующими обстоятельствами, Как видно из приведенного выше анализа, активность в сфере местного самоуправления связана с положительным отноше-

нием к экономическим реформам, к деятельности местных властей, а также с убежденностью в том, что рядовые жители поселения могут влиять на решение местных проблем. Ситуация же в стране меняется таким образом, что все сложнее положительно оценивать выделенные моменты, в силу чего менталитет населения меняется чаще в противоположном направлении, и, соответственно, можно ожидать скорее снижения, чем усиления конструктивной активности населения. Однако свою роль в активизации населения могут сыграть группы, базирующиеся на самоорганизации жителей, а также деятельность местных властей.

Что мешает самоуправлению территориальной общности: взгляд со стороны местных властей*. В условиях радикальных преобразований, происходящих в настоящее время, основная нагрузка в решении проблем возлагается на представительные и исполнительные органы местного самоуправления, а также на местное население. Однако роль этих субъектов мэрами малых городов оценивается принципиально по-разному. Так, две трети ответивших мэров считают, что в нынешних условиях определяющая роль в решении местных вопросов принадлежит городской администрации (в этом они более оптимистичны, чем мэры крупных городов), и ни один не сказал, что администрация не влияет совсем. Что же касается действенности городского представительного органа, который призван обеспечивать нормативное поле, контроль и защиту интересов населения, мнение существенно иное: лишь 20 % мэров отмечают его определяющее влияние, каждый четвертый утверждает, что представительный орган не влияет совсем, остальные отвели ему относительно небольшую роль. Таким образом, в лице представительного органа большинство глав городских администраций не видят достойного помощника в решении проблем города.

В качестве другого влиятельного субъекта на территории городов 39 % мэров называют руководителей предприятий. Значительно ниже оценивается роль частного предпринимательства и коммерческих структур (22 %).

Роль населения как основного субъекта самоуправления оценивается достаточно скептически: менее 20 % мэров считают, что в решении местных проблем она является определяющей. Каждый четвертый не видит полезных форм участия населения в самоуправле-

* Данный раздел подготовлен по материалам экспертных опросов муниципальных руководителей малых городов Сибири. Несмотря на то что социологические опросы охватывали как сельские, так и малые городские поселения, мы сочли возможным привести результаты опросов только городских руководителей, тем более что отдельные интервью с сельскими руководителями свидетельствуют о сходстве проблем самоуправления. Опросы муниципальных руководителей проводились автором в рамках Ассоциации сибирских и дальневосточных городов ежегодно начиная с 1992 г. Опрос 26 мэров малых городов проведен в 1997 г. при подготовке к I съезду малых городов Сибири и Дальнего Востока.

нии, а 28 % считают, что широкое участие жителей в принятии решений может только привести к нежелательным конфликтам. Причем с ростом уровня социальной напряженности в городе неверие руководителей города в возможность участия населения и даже убежденность в его бесполезности растут. Среди полезных форм участия населения в самоуправлении 60 % мэров называют участие в работе в качестве депутата (хотя представительный орган оценивают достаточно низко) и 38 % — участие в обсуждении вопросов социального развития, внесение предложений по решению местных проблем, выступления в прессе. Достаточно скромно оценивается роль органов территориального общественного самоуправления и общих собраний жителей (которые, казалось бы, могли быть значимыми именно в условиях малого города).

Обращает на себя внимание некоторое противопоставление городской администрации и населения, которое в глазах большинства мэров выступает, скорее, как объект, а не как субъект управления, способный участвовать в выработке и принятии решений. Так, в качестве основных факторов, препятствующих активному участию жителей в самоуправлении, мэры городов отмечают иждивенчество, привычку населения надеяться на готовое (52 %), недостаток знаний, некомпетентность (36 %), безразличие к общим делам (24 %) и индивидуализм (16%), в то же время, как было показано выше, большинство жителей считают такими факторами в первую очередь незаинтересованность местных властей в активном сотрудничестве с населением и неверие в реальную пользу своего участия. Такое расхождение (или даже противопоставление) мнений в известной степени может быть снято путем более активного информирования и привлечения населения к решению отдельных вопросов. Интересно, что эта ситуация мало отличается от оценок, данных мэрами крупных городов, несмотря на то, что именно в малом, относительно компактном городе взаимодействие местных органов власти и населения могло бы быть более тесным и эффективным.

Несмотря на сложные условия работы мэра малого города (две трети опрошенных указали, что для них год был очень тяжелым), большинство отмечают перемены в работе городской администрации, причем число отметивших ухудшение и улучшение в ее работе разделилось поровну (по 35 %). При этом наибольшие трудности в своей работе мэры малых городов связывают с ограниченностью предоставленных им прав (63,6 %) и отсутствием правовых гарантий (54 %).

Самостоятельность местных органов власти в первую очередь сдерживается помимо ограниченности финансовых средств и материальных ресурсов, которую назвали 80 %, причинами общего характера: существующей законодательной базой (вообще и тем более по отношению к малому городу), в частности, ее противоречивостью (30,8 %), недостаточностью предоставляемых правовых гарантий

(30,8 %) и более всего отсутствием механизмов реализации норм законодательства (50 % ответивших). Второе место среди ограниченных занимают причины регионального характера, связанные с неотрегулированностью отношений на территории (23,1%), а также попытками вмешательства со стороны вышестоящих органов власти и управления (29,2 %). И третью группу составляют местные факторы, такие как кадровый потенциал местных органов, их низкая квалификация и привычка работать по-старому (11 %).

Таким образом, можно констатировать: несмотря на то, что самоуправление представляет собой социальный институт, призванный обеспечивать целостность территориальной общности за счет выявления и представления интересов членов территориального сообщества, участия различных социальных групп в осуществлении власти, выработке, принятии и реализации управленческих решений, нормального взаимодействия между населением как основным субъектом самоуправления и местными властями, которым население делегирует свое право на самоуправление, пока не сложилось. По-видимому, здесь вина обеих сторон. В условиях общей социальной нестабильности население не воспринимает новые механизмы социальной регуляции, не ощущает себя в качестве хотя бы потенциального субъекта самоуправления. Отсюда — растущее недоверие к любой власти (в том числе и избранной им самим). Со своей стороны местные власти в населении не видят равноправного партнера в решении вопросов местной жизни. Думается, что пока не будет преодолен этот разрыв, ситуация вряд ли улучшится.

Выводы

Проведенные исследования показали, что трансформация социально-территориальной структуры в стране (элементами которой выступают территориальные общности) происходит в нескольких направлениях. Во-первых, повышается роль территориальной составляющей (как межрегиональной, так и внутрорегиональной) в общем процессе усиления социальной дифференциации, увеличивая глубину социально-территориальных различий поселенческих общностей. Во-вторых, усложняется структура территориальной общности, в которой ранее имело смысл выделять три основных субъекта территориальных отношений (территориальная группа населения, местные власти и субъекты хозяйствования, действующие на территории). В современной ситуации усиливается внутреннее расслоение, появляются новые субъекты территориальных отношений (например, внутри ранее достаточно однородной группы местных властей выделяются подгруппы, различающиеся своими интересами и поведением, а иногда и напрямую противостоящие друг другу; появляются группы, базирующиеся на самоорганизации жителей; происходит становление новых хозяй-

ствующих субъектов, занимающих специфическое место в территориальной структуре и т.п.), изменяются роли ранее существовавших субъектов. От эффективности взаимодействия этих субъектов территориальных отношений в значительной мере зависят возможности, успехи или неуспехи реформирования на локальном уровне.

Распространенная среди социологов точка зрения, что для современных территориальных общностей характерно ослабление внутренних связей, нарастание чувства отчужденности и стремление к самоидентификации с другими (не территориальными) сообществами, на наш взгляд, верна лишь отчасти. В условиях экономического кризиса и социальной нестабильности локальная общность при ослаблении внешних связей в ряде случаев усиливает внутренние связи, используя их в качестве противовеса внешним разрушительным воздействиям. В рамках территориальной общности в современных условиях одновременно наблюдаются два разнонаправленных процесса: интеграция и дезинтеграция. Итог их взаимодействия в каждой конкретной общности опосредуется степенью удовлетворенности жителей условиями жизнедеятельности, привязанностью к месту жительства, осознанием своей принадлежности к территориальной общности.

Осложнившиеся пространственные взаимодействия и вынужденная территориальная стабилизация населения изменяют соотношение основных видов территориально-ориентированных интересов и поведения населения: сокращаются миграционные намерения, усиливается связь со своим местом жительства и ориентация на изменение жизни на месте собственными силами.

Результаты преобразований в конкретных территориальных общностях в значительной мере связаны с особенностями социальной базы реформирования. По степени информированности, заинтересованности и готовности к участию в процессах, влияющих на местную жизнь, выделяются социальные группы, такие как активные участники преобразований, поддерживающие или сочувствующие, заинтересованные, пассивные наблюдатели, противодействующие изменениям на местах. Соотношение этих типов определяет расстановку Социальных сил в территориальной общности.

В несложившейся системе демократических институтов и механизмов власти возрастает значение самоорганизации, самостоятельного поведения и активности населения в отношении своего места Жительства. Однако в настоящее время социальная база самоуправления относительно слаба, что в значительной мере связано с неверием населения в реальную результативность своего участия в решении местных вопросов при сохранении традиционного недоверия и отчуждения от власти.

Необходимость переориентации на самовыживание (взамен привычному ожиданию внешней помощи) в условиях нестабильности, противоречивости процессов реформирования, ограниченности внут-

ренных ресурсов, отсутствии механизмов реализации правовых основ самоуправления, недостаточного уровня квалификации и отсутствия опыта работы местных властей существенно затрудняет функционирование территориальной общности. В ряде случаев совокупность названных обстоятельств ведет к негативным социальным последствиям, которые связываются в сознании людей в первую очередь с ошибочностью реформ.

В современных условиях характерные для территориальной общности традиционные ценности общности, коллективизма, социальной солидарности, поддержки, взаимопомощи приходят в противоречие с реальными процессами, в большей степени ориентированными на индивидуальную активность и самопомощь. Особенности реализации этого противоречия в конкретных условиях определяют предпочитаемые стратегии и типы поведения различных групп населения: ориентированные на самозащиту и собственную активность, на активизацию контактов с непосредственным окружением, самоорганизацию и объединение для реализации собственных интересов или на социальную пассивность, смирение и ожидание помощи со стороны властей. Взаимодействие местных властей с выделенными группами населения на основе дифференцированных стратегий поможет объединить их усилия при решении проблем функционирования территориальной общности в кризисной ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Глава 21

[1] *Проблемы системного изучения деревни* / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1975; *Методологические проблемы системного изучения деревни*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977; *Методология и методика системного изучения советской деревни*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980.

[2] *Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ* / Т.И. Заславская, И.М. Бельный, С.М. Бородкин, И.Б. Мучник. М.: Статистика, 1980.

[3] *Заславская Т.И.* Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // *Социально-территориальная структура города и села (Опыт типологического анализа)* / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1982. С. 7.

[4] *Крапчан [Кирдина] С.Г.* Село Российской Федерации: Социально-региональная структура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

[5] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 320.

[6] *Крапчан [Кирдина] С.Г.* Село Российской Федерации... С. 231—232.

[7] *Заславская Т.И.* О социальном механизме развития экономики // *Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики* / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985. С. 8—38.

[8] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни... С. 59.

[9] *Ходжсон Дж.М.* Жизнеспособность институциональной экономики // Эволюционная экономика на пороге XXI века: Доклады и выступления участников международного симпозиума (г. Пущино, 23—25 сентября, 1996 г.). М.: Изд-во “Япония сегодня”. 1997. С. 29—30.

[10] Там же. С. 30—36.

[11] *Радаев В.В.* Экономическая социология: Курс лекций: Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 47.

[12] См., например: *Бессонова О.Э.* Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997, *Дроздова Н.П.* Неинституциональная концепция экономической истории России: Постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Гуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. М.: Юрист, 1998; и др.

[13] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги “Начала”, 1997. С. 12, 22.

[14] *Кранчан [Кирдина] С.Г.* Село Российской Федерации... С. 240.

[15] *Мильнер Б.З.* Предисловие научного редактора // Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики... С. 10.

[16] В настоящее время под регионами понимаются субъекты Российской Федерации административно-территориального типа: республики в составе России, края, области, национальные автономии. Подход относительно того, включать ли и каким образом в этот ряд регионов такие субъекты Федерации, как города Москва и Санкт-Петербург, пока не выработан.

[17] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. С. 322.

[18] См.: *Заславская Т.И., Федосеев В.И., Троцкий Л.Я.* К вопросу о социально-территориальной структуре экономического района // Изв. СО АН СССР. Сер. Экон. и прикл. социология. 1985. № 1, вып. 1. С. 3—12; № 7, вып. 2. С. 34—45.

[19] См.: *Троцкий А.Я.* Социально-экономическое развитие села в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985.

[20] *Казанский В.* Советское пространство: Конструкция и деструкция // Иное: Хрестоматия нового русского самосознания / Ред.-сост. С.В. Чернышов. М.: Аргус, 1995. С. 96.

[21] *Федерализм: Энциклопедический словарь.* М.: ИНФРА-М, 1997. С. 175. Статья “Политика региональная”.

[22] Там же. С. 69. Статья “Деление административно-территориальное”.

[23] Одним из первых на это указывал А.Д. Градовский в своей докторской диссертации “История местного самоуправления в России” (Санкт-Петербург, 1868).

[24] *Энциклопедический словарь.* СПб: Изд-во “Брокгауз и Ефрон”, 1868—1906. Т. 25. С. 337. Статья “Провинция”.

[25] Там же. Т. 23. С. 491. Статья “Петр I”.

[26] Там же. Т. 10. С. 937. Статья “Доля”.

[27] *Федерализм...* С. 63. Статья “Губерния”.

[28] Там же. С. 64.

[29] Там же. С. 226. Статья “Сталин”.

[30] Там же. С. 272. Статья “Экономический механизм федеративных отношений”.

[31] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 40. (Первое издание в 1886 г.)

[32] Там же. С. 284.

[33] *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 156, 169.

- [34] *Энциклопедический словарь...* Т. 9. С. 313—314. Статья “Городовое дело”.
- [35] Ясак — подать сибирского населения в казну в виде шкурок ценных пушных зверей; ясачные — местное население, вносящее ясак.
- [36] *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 113.
- [37] Там же. С. 70—88.
- [38] *Казанский В.* Советское пространство... С. 99.
- [39] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической школы... С. 303.
- [40] *Федерализм...* С. 257. Статья “Федеративный договор”.
- [41] *Ключевский В.О.* Сочинения..., Т. 1. С. 132.
- [42] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права... С. 284.
- [43] *Федерализм...* С. 233. Статья “Субсидиарность”.
- [44] *Федерализм...* С. 69. Статья “Деление административно-территориальное”.
- [45] *Энциклопедический словарь...* Т. 39. С. 875. Статья “Штаты”.
- [46] *Проблема субъектности российской политики: Доклад департамента политических реформ фонда “Реформа” / Рук. А.М. Мигранян, при участии А. Ф. Елыманова, А.В. Рябова, В.Д. Соловья, Р.Ф. Туровского // Независимая газета. 1998. 18 февр. С. 8.*
- [47] Там же.
- [48] *Царство* правового нигилизма: Интервью с полномочным представителем президента в Алтайском крае В. Райфикештом // ИГ-регионы. 1998. № 3 (6). С. 1.
- [49] *Федерализм...* С. 137—138. Статья “Местное самоуправление”.
- [50] *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисловием А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 99, 100, 347.
- [51] *Институты самоуправления: Историко-правовое исследование / В. Г. Графский, Н.Н. Ефремова, В.И. Карпец и др. М.: Наука, 1995. С. 149—153.*
- [52] *Энциклопедический словарь...* Т. 9. С. 849. Статья “Губной староста”.
- [53] Там же. Т. 6. С. 827. Статья “Воевода”.
- [54] *Энциклопедический словарь...* Т. 9. С. 232. Статья “Город”.
- [55] *Проблема субъектности российской политики...* С. 8.
- [56] *Кто хозяин в нашем доме...: Интервью с консультантом губернатора Московской области С. Устименко // Родина. 1997. № 12. С. 14.*
- [57] *Институты самоуправления...* С. 135.
- [58] *Энциклопедический словарь...* Т. 31. С. 924. Статья “Судебный поединок”.
- [59] *Институты самоуправления...* С. 148.
- [60] *Ключевский В.О.* Сочинения... Т. 2. С. 363.
- [61] *Бессонова О.Э., Кирдина С. Г., О’Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. С. 23.
- [62] *Федерализм...* С. 257. Статья “Федеративный договор”.
- [63] *Федеральный закон “О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации” от 4 марта 1998 г. Ст. 11, ч.4 // Сборник законодательства Российской Федерации. 1998. № 10. Ст. 1146.*
- [64] *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. № 3. С. 37—49.
- [65] *Энциклопедический словарь...* Т. 11. С. 710. Статья “Жалоба”.
- [66] *Институты самоуправления...* С. 146.
- [67] *Ахизер А.С.* Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему: Изд-е 2-е, перераб. и доп. Новосибирск: Сиб, хронограф, 1997. С. 141.

- [68] *Энциклопедический словарь...* Т. 12. С. 507. Статья “Земские участковые начальники”.
- [69] *Энциклопедический словарь...* Т. 7. С. 403. Статья “Всеподаннейшия прошения и жалобы”.
- [70] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. III.
- [71] Там же. С. 17.

Глава 22

[1] В последние годы наметилась тенденция пересмотра сложившихся представлений о двух смыслах понятия “социальная структура”: совокупность относительно устойчивых связей между элементами социальной системы идентифицируется с социальной структурой; деление общества на классы и социальные слои (страты) — с социальной стратификацией (см.: *Кабыща Л.В., Тульчинский М.Д.* Тенденции изменения социологической парадигмы после 1985 г. (Наукометрический анализ) // *Социология в России / Под ред. В.А. Ядова.* М.: Изд-во “На Воробьевых”, 1996. С. 593).

[2] *Структура социальная:* Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. С. 392-393.

[3] *Айтов Н.А.* Понятие “социальная структура” в современной социологии // *Социс.* 1996. № 7. С. 36—38; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

С. 231—234; *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения. М.: Мысль, 1971.

[4] *Социальная структура общества* // *Философский словарь.* М.: Сов. Энциклопедия, 1986. С. 446.

[5] *Социология.* Словарь-справочник. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 143—144.

[6] *Айтов Н.А.* Понятие “социальная структура в современной социологии...” С. 46.

[7] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни... С. 252.

[8] *Заславская Т.И.* Трансформация социальной структуры российского общества // *Куда идет Россия?: Социальная трансформация постсоветского пространства.* М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 19—20.

[9] *Стронин А.И.* История и метод. СПб, 1869.

[10] *Заславская Т.И.* Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества // *Социально-территориальная структура города и села: Опыт типологического анализа / Под ред. Т.И. Заславской, Е.Е. Горяченко.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. С. 5—31; *Горяченко Е.Е.* Территориальная общность в изменяющихся условиях // *Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: (Материалы к XIII Всемирному социологическому конгрессу).* Ч. 1. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. С. 64-69.

[11] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни... С. 301.

[12] *Заславская Т.И., Федосеев В.И., Троцкий А.Я.* К вопросу о социально-территориальной структуре экономического района // *Изв. СО АН СССР. Сер. Экон. и прикл. социология.* 1985. № 1. С. 3—12.

[13] *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995. С. 44-51.

[14] *Радаев В.В.* Властная стратификация в системе советского типа // *Рубеж.* 1991. № 1. С. 134.

- [12] *Ильш В.И.* Социальная стратификация. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1991.
- [13] *Заславская Т.И., Троцкий Л.Я., Федосеев В.И.* К вопросу о социально-территориальной структуре Западно-Сибирского региона // Изв. СО АН СССР. Сер. экон. и прикл. социология. 1985. № 7, вып. 2. С. 44.
- [17] Работы по изучению развития сельских поселений основываются на выборочных социолого-статистических исследованиях, охватывающих, как правило, небольшое число сельских поселений (см.: *Развитие* сети опорных центров расселения РСФСР: Вопросы методики. М.: Статистика, 1979).
- [18] *Горяченко Е.Е.* Территориальная общность в изменяющихся условиях...
- [19] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни... С. 301.
- [20] *Радаев В.В., Шкартан О.И.* Социальная стратификация. С. 16—17.
- [21] Там же. С. 20.
- [22] *Долинин А.А., Бугаев В.Е., Шипунова З.И.* Проблемы методологии и методики исследования территориальных общностей в системе социального районирования // Социальная география СССР / ГО АН СССР. Л.: 1984. С. 15.
- [23] *Ядов В.А.* Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности) в условиях быстрых социальных перемен // Проблемы теоретической социологии. СПб: Петрополис, 1994. С. 178.
- [24] *Левада Ю.А.* Комплексы общественного мнения (статья первая) // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. №6. С. 11-12.
- [25] *Никифоров Л.В.* Социально-экономическая интеграция города и села: Содержание, цели, пути, условия. М.: Наука, 1988.
- [26] *Троцкий А.Я.* Аграрные города // Методология и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 116—127; *Троцкий А.Я.* Вопросы методологии и методики определения аграрных городов // Проблемы формирования и развития региональных социально-экономических систем “город—село” в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР. Саранск, 1981. С. 95—97.
- [27] Заславская Т.И. определила аграрную подсистему как специфический элемент социально-территориальной структуры общества, или как территориальную макрообщность, объединяющую множество поселений, “ответственных” за обеспечение общества продовольствием и сельскохозяйственным сырьем для промышленности (см.: *Методологические* проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. С. 13).
- [28] Более точно отражает существующую реальность представление о некотором континууме, непрерывной шкале городов по отношению к селу, полюсами которой служат наиболее тесно связанный с селом город (по нашей терминологии, аграрный) и город, абсолютно с ним не связанный.
- [29] *Троцкий А.Я.* Развитие села в условиях урбанизации (на примере Западной Сибири). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 59—108.
- [30] *Йоффе Г.В.* Управление расселением: От иллюзии к реальности // Проблемы управления социально-территориальным развитием аграрного сектора. Барнаул, 1987. С. 137—138.
- [31] *Развитие* сельских поселений / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1977. С. 17.
- [32] Ее подробное изложение см.: *Троцкий А.Я.* Социально-территориальная структура региона: Строеие и основные тенденции трансформации. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. С. 36-54.

Глава 23

[1] *Развитие* сельских поселений: (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов) / Под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1977.

[2] *Социально-демографическое* развитие села: Региональный анализ / Т.И. Заславская, И.Б. Мучник, М.Б. Мучник и др. М.: Статистика, 1980.

[3] Этим вопросам была посвящена глава 1 в монографии “Методология и методика системного изучения советской деревни” (Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 11—32), а также статья “Теоретические вопросы исследования социально-территориальной структуры советского общества” в сборнике “Социально-территориальная структура города и села” (Новосибирск, 1982. С. 5-31).

[4] Постановку задачи см.: *Горяченко Е.Е.* Территориальный аспект социального механизма развития экономики // Пути совершенствования социально-экономического развития советской экономики / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985. С. 102—111; *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 300-325.

[5] *Горяченко Е.Е.* Территориальная общность в изменяющихся условиях // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике: (Материалы к XIII социологическому конгрессу). Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. Ч. 1. С. 63-86.

[6] *Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1995. С. 245.

[7] *Шулз Э.* Общество и общества: Макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 341.

[8] *Рейсс Э.Дж.* (мл.) Некоторые социологические проблемы американских сообществ // Там же. С. 106.

[9] *Пал Л.* К вопросу о характеристиках “местного общества” // Социальные процессы в социалистическом обществе. Варшава, 1987; *Пал Л.* Формирование местных обществ в современной Венгрии // Венгерский меридиан. 1990. №2.

[10] *Collins Dictionary of Sociology* / Eds. David Jary, Julia Jary. Haiper Collins Publishers, 1991. P.97.

[11] *The Dictionary of Human Geography* / Ed. by R.J. Johnston, Derek Gregory, David M. Smith. Blackwell, Cambridge, 1994. P. 80.

[12] Цит. по: *Грунт Э.А.* Урбанизация и территориальная общность // США глазами американских социологов. М.: Наука, 1982. С. 91.

[13] *Шепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. С. 116.

[14] Там же. С. 160.

[15] *Poplin D.E.* Communities. A Survey of Theory and Methods of Research. N. -Y.; L., 1979. P. 8.

[16] *Hillery G.A., Jr.* Definitions of Community: Area of Agreement // Rural Sociology. 1955. Vol. 20 (June), N 2. P. 111-123.

[17] Там же. С. 118.

[18] *Poplin D.E.* Communities... P. 10.

[19] *Горяченко Е.Е.* Территориальная общность в изменяющихся условиях. С. 64.

[20] *Пал Л.* Формирование местных обществ в современной Венгрии. С. 73.

- [21] Шилз Э. Общество и общества... С. 341.
- [22] Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющихся условиях. С. 64.
- [23] *Tonnies F.* Community and Society. New Brunswick, 1993.
- [24] Цит. по: *Шпакова Р.П.* Фердинанд Теннис. Забытый социолог? // Социс. 1995. № 12. С. 141.
- [25] Там же. С. 140.
- [26] *Burges E.W.* The Urban Community. Chikago, 1926; *Howley Л.П.* Human Ecology: A Theory of Community Structure. N.Y., 1950.
- [27] *Warren R.L.* The Community in America. Chikago, 1963; *The Community: Approaches and Applications* / Ed. Marcia Pelly Effrat. N.Y.; L., The Free Press. 1974; *The Sociology of Community. A Selections of Readings* / Ed. by C. Bell, H. Newby. Cass, 1974; *Pahl R.E.* Patterns of Urban Life. N.Y.: Humanites Press, 1970; *Hilleary G.A.Jr.* Selected Issues in Community Theory // Rural Sociology. 1972. Vol. 37, N 4. P. 534—552; *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
- [28] *Warren R.L.* The Community in America. Chikago, 1963; *Stein M.* The Eclipse of Community. N.Y.: Harper Torch, 1960.
- [29] *Bates F.L., Bacon L.* The Community as Social Systems // Social Forces. 1972. Vol. 50 (march). P. 371—179; *Loomis Ch.P., Beegle J.A.* Rural Social Systems. A Textbook in Rural Sociology and Antropology. N.Y., 1950.
- [30] *Robinson M.* Toward a New Paradigm of Community Development // Community Development Journal. 1995. Vol. 30, N 1. P. 21—30.
- [31]] *Checkoway B.* Six strategies of Community Change // Community Development Journal. 1995. Vol. 30, N1. P.2—20.
- [32] *Stein M.* The Eclipse of Community.
- [33] *Рейсс Э.Дж.* (мл). Некоторые социологические проблемы американских сообщностей. С. 110—111.
- [34] Там же. С. 114—115.
- [35] *Грунт Э.А.* Урбанизация и территориальная общность. С. 131.
- [36] *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35—52; *Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3—4. С. 158—181.
- [37] *Наумова Н. Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5; *Наумова Н.Ф.* Рецидивизирующая модернизация в России // Социологический журнал. 1996. №3—4. С. 14.
- [38] *Европейская* Хартия местного самоуправления. Ч. I, ст. 3 // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1990. № 19 (77).
- [39] *Горяченко Е. Е., Иванова Т.Ю.* Социальная база местного самоуправления // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск, 1996. С. 148—164.
- [40] Описание типов см.: *Горяченко Е.Е., Иванова Т.Ю.* Социальная база местного самоуправления.

РАЗДЕЛ VI

Проблемы воспроизводства человека

глава 24. Демографические процессы в реформируемом обществе

глава 25. “Традиционное” и “современное” в демографическом поведении сельского населения

глава 26. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970—1990-е годы

глава 27. “Модернизация” сферы досуга и свободное время населения

глава 28. Жизненные планы и ориентации учащейся молодежи

Важнейшие составляющие демографической ситуации, такие как рождаемость, смертность и продолжительность жизни, территориальные перемещения населения и их направленность, а также половозрастная структура, во все времена являлись важными индикаторами социально-экономического благополучия территории. И если в годы стабильного экономического развития показатели, описывающие отдельные составляющие демографической ситуации, достаточно инерционны, то в кризисные годы они выходят за рамки сложившихся в прошлом тенденций.

Для Сибири, например, такая зависимость четко просматривается с 1990 г. Ее население быстро прореагировало на изменения условий жизни (социально-экономических, политических, экологических и т.п.) своим демографическим, в том числе и репродуктивным поведением. В результате в динамике демографической ситуации регионов Сибири в последние годы появились изменения, не свойственные им ранее.

Миграция и территориальное перераспределение населения

Впервые после 1960—1965 гг. во многих сельских районах Сибири в 1990—1991 гг. произошла смена отрицательного миграционного прироста на положительный. В Западной Сибири сельское население в 1990 г. увеличилось во всех областях, кроме Новосибирской и Тюменской, в 1991 г. исключений уже не было. В результате за 1989—1994 гг. сельское население Западной Сибири увеличилось на 303,7 тыс. чел., или на 7,4%, Восточной Сибири — на 79,0 тыс. чел., или на 3,0%. Рост численности сельского населения был обусловлен сокращением оттока селян, увеличением прибытия в село городского населения своего региона, а также населения из других регионов, в основном беженцев и вынужденных переселенцев из среднеазиатских республик бывшего СССР.

Миграционный отток из городов объясняется резким сокращением темпов промышленного производства, ростом безработицы, не-

ное сальдо миграции для городских поселений Западной Сибири — 16 чел. на тысячу населения, то в 1991 г. на каждую тысячу населения город терял 12,7, а в 1992 г. — 15 чел.; в 1993 г. отрицательное сальдо миграции городского населения Западной Сибири сократилось, составив 3,5 чел. на тысячу населения. Таким образом, в 1991—1992 гг. впервые за послевоенные годы произошло абсолютное сокращение прироста городского населения Сибири (рис. 24.1).

Необходимо отметить, что еще в 80-е годы собственно демографический потенциал городов Сибири был заметно ниже, чем потенциал села. Высокий прирост численности городского населения здесь определялся тогда главным образом миграционным приростом, особенно в Западной Сибири, где сальдо миграции было значительно выше естественного прироста. В частности, на долю естественного прироста в 1979—1989 гг. приходилось примерно 42 % общего прироста численности городского населения Западной Сибири, в том числе населения в трудоспособном возрасте — около 5 % прироста численности городского населения этой возрастной группы.

Миграционный прирост городского населения большинства областей Сибири в основном происходил за счет миграции сельского населения в города своего же региона. Поэтому перераспределение населения из города в село на фоне снижения естественного прироста и миграционного оттока за пределы региона привело к абсолютному сокращению численности городского населения, а также и в целом численности населения Сибири к началу 1994 г.

В 1989—1991 гг. изменилась направленность миграционных потоков; некоторые сибирские регионы, активно привлекавшие в недавнем прошлом население, превратились в регионы с устойчивым его оттоком. Это прежде всего районы Севера и в частности Севера Западной Сибири, где миграционный отток вызван сокращением спроса на рабочую силу в связи со снижением добычи нефти и газа на ряде крупных месторождений и заметным уменьшением объема капиталъ-

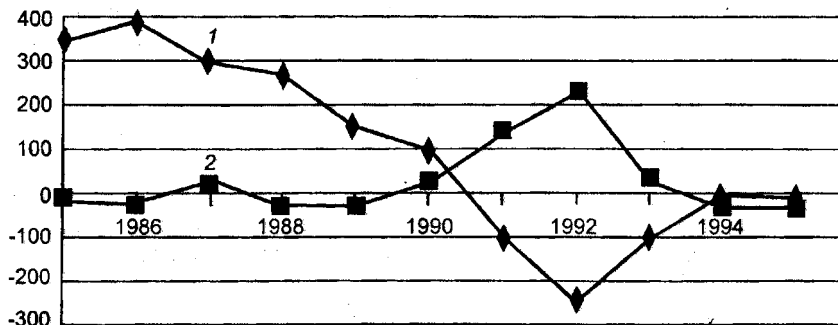

Рис. 24.7. Изменение численности городского (1) и сельского (2) населения Сибири, тыс. чел.

ных вложений в добывающие отрасли, отсутствием гарантий и компенсаций для проживающих в районах Севера, а также резким снижением уровня жизни населения северных регионов. Прежде всего обращает на себя внимание интенсивный отток из районов Севера высококвалифицированных специалистов и молодежи. Одноотраслевая же специализация большинства районов Севера не позволяет маневрировать высвобождающимися работниками. Образовались своего рода “города-ловушки”, где люди имеют квартиры, обустроенный быт, но не имеют места работы, а возможность выезда в другие регионы сдерживается отсутствием там жилья.

По самым скромным оценкам, относительно избыточное население Сибирского Севера составляет не менее 30 %, при этом наибольшую демографическую напряженность испытывают районы Севера Западной Сибири.

Такое же положение характерно для многих моноотраслевых сибирских городов и городов, ориентированных на обеспечение оборонных нужд бывшего СССР. Почти все такие поселения превратились в депрессивные.

Западная Сибирь, как и Урал, Восточная Сибирь и Приморье, оказалась в особо сложных условиях вследствие общего перемещения населения с северных территорий в южные и за пределы регионов, непредвиденного ранее потока вынужденных переселенцев и беженцев из Средней Азии и особенно — из Казахстана. Приток вынужденных мигрантов в 1992—1994 гг. происходил по нарастающей [2]. Так, если в 1992 г., по данным миграционной службы Новосибирска, приток вынужденных мигрантов в Новосибирскую область составил 1746 чел. (695 семей), то в 1993 г. — 4825 (2156 семей), в 1994 г. — 10 691 чел. (4632 семьи). При этом основную часть миграционных потоков из стран ближнего зарубежья составляют русские. В 1994 г. иммиграция русских в область составила 77,5 % от общего потока иммигрантов, украинцев — 5,9, армян — 4,5, немцев — 3,5, татар — 1,9%. В 1995—1996 гг. приток вынужденных переселенцев стабилизировался на уровне 1994 г. Однако, как показывают социологические обследования в отдельных районах Новосибирской области, официально зарегистрированные данные о вынужденных переселенцах в 2—4 раза занижены по сравнению с фактическими, так как значительная часть вынужденных мигрантов переселяется самостоятельно, минуя областную и районные миграционные службы. Это подтверждают и статистические данные учета прибывших в область из стран ближнего зарубежья [3]. В 1993 г. их численность составляла 16,4 тыс. чел., а в 1994 г. — 25,4 тыс. чел.

Кроме того, в последние годы наблюдается поток мигрантов из Кореи, Вьетнама и Китая, законным и незаконным способами расселяющихся на временное и постоянное проживание в Сибири и на Дальнем Востоке. Иностранцы по ряду своих качеств представляют для работодателей более привлекательную рабочую силу, чем мест-

ное население. И если не будут приняты соответствующие меры по укреплению восточных границ и правовые акты трудоустройства, эти группы мигрантов осядут на российской территории, что приведет к формированию здесь новых этнических диаспор и обострит для местного населения ситуацию на рынке труда. Из-за ослабления контроля возросло число иностранцев, въезжающих в страну с нарушением установленных правил или пытающихся использовать нашу территорию для выезда в третьи страны. Неконтролируемый поток мигрантов постоянно увеличивается. По приблизительным оценкам, в России их скопилось более 500 тыс. чел. Неконтролируемый въезд негативно влияет на состояние криминогенной обстановки, наносит ущерб национальным интересам России и ее безопасности, вызывает ослабления социально-экономической обстановки и негативную реакцию со стороны коренного населения, вплоть до конфликтов.

Не решен до сих пор вопрос о статусе территорий проживания коренных народов Севера и как следствие продолжается вытеснение их с мест исторического проживания и сокращение сфер их традиционной деятельности.

Что касается эмиграции из Сибири за пределы России (в страны дальнего зарубежья), то ее пик приходится на 1994 г., когда ее доля в общем потоке выбывших составляла более 3 %. Значительную часть эмиграции в социальном плане составляют представители интеллигенции, высококвалифицированные специалисты, студенчество. Открытая эмиграция в страны дальнего зарубежья обусловлена социально-экономической ситуацией в регионе, этнической напряженностью внутри России и на ее границах, а также политикой стран, принимающих российских эмигрантов (правда, в последние годы они ужесточили требования).

Особо следует сказать о профессиональной группе академических научных работников. В условиях современных социально-экономических преобразований они стали одной из наименее социально защищенных групп. Работники науки — работники наивысшей профессиональной квалификации — имеют самый низкий (после сельскохозяйственных работников) уровень доходов, не позволяющий удовлетворить даже первичные потребности. Уровень жизни научных сотрудников и всех занятых в этой сфере упал в 1991—1993 гг., по данным проведенного в Новосибирской области обследования, стал ниже в 5—6 раз по отношению к периоду “стабильного развития” [4]. У 56 % работающих в науке заработная плата в 1993 г. была ниже прожиточного минимума. Ученые и инженеры вынуждены менять свою профессиональную деятельность на менее квалифицированные виды труда или мигрировать из страны.

Итак, можно констатировать, что особенности нового режима миграционных связей обусловлены переходом от частично регулируемых связей к нерегулируемым. Кроме того, усилилась дифференциация

ция уровня и качества жизни в различных регионах и поселениях, выросло влияние конъюнктуры на рынке труда на формирование миграционных потоков, нарастает поток беженцев, вынужденных переселенцев и нелегальных иммигрантов как извне России, так и из ее регионов. Никем не управляемые и не контролируемые миграционные потоки, несомненно, усиливают стихийность рынков труда, жилья и потребительских товаров.

Период экстремальной вынужденной миграции, вызванной национальными конфликтами и политическими причинами, практически, как свидетельствует статистика, завершился в 1995 г. На смену стихийному характеру миграционных процессов на территории СНГ должен прийти регулируемый характер перемещений. На это должна быть направлена работа Федеральной миграционной службы, Министерства иностранных дел, а также Министерства РФ по сотрудничеству с государствами — участниками СНГ. При этом особое внимание следовало бы уделить разработке прогнозов миграционных потоков, выявлению регионов России, предпочтительных для проживания мигрантов, а также согласованию квоты по приему мигрантов с территориальными администрациями и региональными миграционными службами территорий вселения мигрантов. Это позволило бы упорядочить миграционные потоки, снизить материальные и моральные издержки для самих мигрантов, а территориям вселения подготовиться к приему мигрантов определенного демографического и профессионального состава и решить ряд проблем, связанных с их принятием и обустройством. Потенциальные переселенцы могли бы заранее получить объективную информацию о состоянии рынков труда и о возможностях решения жилищных проблем на территории вселения и принять взвешенное решение о перемещении в тот или иной регион России. Реализовать эти направления миграционной политики можно было бы через специально разработанные региональные программы миграции. Но, к сожалению, в настоящее время миграция происходит стихийно, с большими издержками, как для территорий выезда и вселения, так и для самих мигрантов.

Смертность и продолжительность жизни*

Последствия переходного периода (резкий рост цен, быстрое падение уровня жизни, политическая нестабильность, снижение уровня социально-гарантированной медицинской помощи, нарастающая безработица и психологическое напряжение) не могли не отразиться на показателях здоровья и продолжительности жизни населения Сибири.

На фоне более высоких, чем в России, половозрастных показателей смертности в Сибири в последние годы наблюдаются такие тенденции, как рост смертности, ухудшение качественных характерис-

* Используются данные, подготовленные Д.Б. Раднаевой.

тик здоровья, рост уровня соматической и психической заболеваемости, увеличение смертности, связанной с алкоголизмом, убийствами и суицидом. Растет также смертность от болезней, причинно связанных с ухудшающейся экологической ситуацией (острые респираторные заболевания, врожденные аномалии, анемия, лейкемия), от новообразований.

Не может не настораживать и сохраняющийся, несмотря на значительное снижение рождаемости, высокий уровень младенческой смертности. В 1994 г. она составляла в среднем по России 18,6, в Западной Сибири — 18,8, в Восточной — 21,7 чел. на тысячу новорожденных, в то время как, например, в Германии — 10, а в Японии — 7 чел. на тысячу новорожденных. Особенно высок уровень младенческой смертности у коренного населения Сибири. Так, в Республике Алтай смертность детей среди коренного населения на 20—35 % выше, чем среди живущих здесь же русских. У ненцев и хантов, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе, младенческая смертность в 2—3 раза выше, чем в целом по округу. Основные причины — врожденные аномалии, болезни органов дыхания и пищеварения, а также несчастные случаи, различные заболевания в перинатальном периоде.

Структура причин смертности в Сибири сходна с общероссийскими показателями: на первом месте болезни системы кровообращения, на втором — несчастные случаи, отравления и травмы, на третьем — злокачественные новообразования, на четвертом — болезни органов дыхания. На долю этих причин приходится свыше 80 % всех смертных случаев. Обращает на себя внимание лишь несколько меньшая частота болезней органов кровообращения в Сибири по сравнению с Россией и большая — от несчастных случаев, отравлений и травм (особенно в Восточной Сибири). Как показал анализ структуры смертности в Западной Сибири, 45,3 % всех случаев смерти мужчин и 55,0 % смерти женщин происходит по причине болезни системы кровообращения, доля смертей от новообразований составляет 14,3% среди мужчин и 13,3% среди женщин, из-за несчастных случаев, отравлений и травм — 18,9 и 1,1 % соответственно (рис. 24.2).

Самая неблагоприятная картина по причинам смерти в Западной Сибири складывается в Кемеровской области, где смертность от болезней системы кровообращения превышает средние показатели по региону на 33,5% (839,7 на 100 тыс. чел. населения), от несчастных случаев, отравлений и травм — на 38,8 % (353,0 на 100 тыс. чел.), а также в Новосибирской области. Сильно выделяется по показателям смертности от несчастных случаев, отравлений и травм Республика Алтай (табл. 24.1).

Из анализа стандартизованных коэффициентов смертности от болезней системы кровообращения (табл. 24.2) следует, что и в целом по России, и в Западной Сибири, и в ее регионах уровень смертности по этой причине выше среди мужчин, чем среди женщин, и в

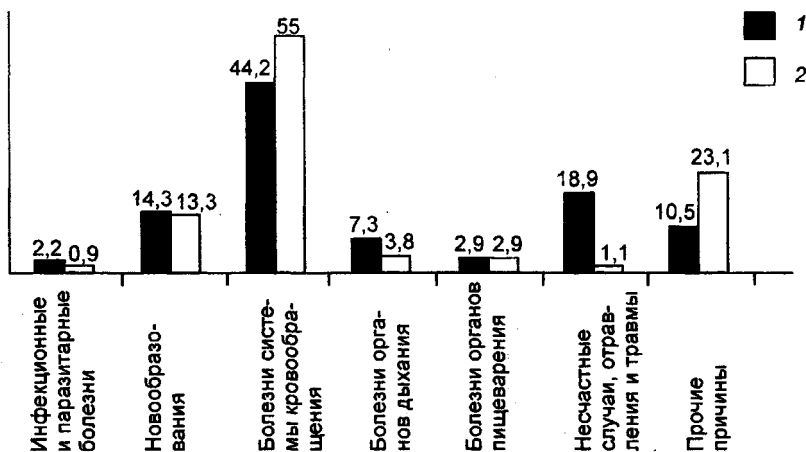

Рис. 24.2. Коэффициенты смертности среди мужчин (1) и женщин (2) Западной Сибири по основным группам причин (данные 1995 г.), %*

городах выше, чем в селах (за исключением Республики Алтай и Тюменской области).

Показатели смертности по этой причине в Восточной Сибири выше, чем в Западной. Из районов же Западной Сибири выделяется Кемеровская область, где показатели смертности из-за болезней системы кровообращения выше, чем в среднем по России и даже выше, чем в Восточной Сибири по всем категориям населения (см. табл. 24.2). Показатели одинаково высоки для мужчин города и села (1169,1 и 1138,4) и для женщин города и села (759,0 и 734,8 соответственно).

Таблица 24.1

Коэффициенты смертности населения по территориям Западной Сибири, 1995 г. (на 100 тыс. чел.)

Регион	Инфекционные и паразитарные болезни	Новорождения	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Несчастные случаи, отравления и травмы
<i>Западная Сибирь</i>	25,9	185,2	629,2	74,9	40,3	254,4
<i>Кемеровская область</i>	33,1	200,4	839,7	88,4	47,2	353,0
<i>Новосибирская область</i>	27,4	208,6	708,2	72,0	39,3	205,2
<i>Алтайский край</i>	27,8	216,1	609,6	89,7	37,4	252,1
<i>Омская область</i>	17,9	203,1	598,2	80,7	31,7	191,5
<i>Томская область</i>	24,6	184,5	555,9	64,4	47,8	230,5
<i>Республика Алтай</i>	19,9	143,4	538,3	97,1	38,3	367,5
<i>Тюменская область</i>	22,4	114,4	425,0	49,7	40,4	247,5
<i>Ханты-Мансийский автономный округ</i>	15,8	76,6	278,3	34,6	43,4	231,5
<i>Ямало-Ненецкий автономный округ</i>	16,9	44,8	211,0	41,5	27,3	233,1

Таблица 24.2

Стандартизированные коэффициенты смертности населения от болезней системы кровообращения по территориям, 1995 г. (на 100 тыс. чел.)

Регион	Все население		В том числе			
			Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Российская Федерация	1051,8	633,2	1068,7	648,2	1014,5	611,7
Западная Сибирь	980,7	603,5	1045,6	642,7	856,7	539,4
Республика Алтай	851,1	589,1	779,5	513,1	881,0	619,5
Алтайский край	840,8	496,5	1015,3	588,3	702,7	428,2
Кемеровская область	1163,1	753,3	1169,1	759,0	1138,4	734,8
Новосибирская область	986,8	585,1	1049,6	620,9	829,3	506,2
Омская область	911,9	573,8	950,4	583,3	841,3	562,0
Томская область	917,8	548,5	912,7	529,2	929,2	584,6
Тюменская область	983,0	629,4	960,4	623,4	1017,7	647,8
Восточная Сибирь	1032,1	664,0	960,4	678,2	942,1	645,6

Относительно благоприятная картина наблюдается в Алтайском крае, где самые низкие показатели смертности от болезней системы кровообращения, особенно среди сельского населения (702,7 — среди мужчин, 428,2 — среди женщин).

Для всего Сибирского региона характерен высокий (выше общероссийского) уровень смертности от несчастных случаев, отравлений и травм (табл. 24.3), причем в 1990—1994 гг. смертность по этой причине здесь существенно увеличилась (на 85 % в Западной Сибири и на 86 % — в Восточной). В немалой степени это результат обострения криминогенной обстановки в регионе. Особенно выделяются по росту показателей смертности по этой группе причин Кемеровская и Новосибирская области, где прирост относительного показателя смертности составил свыше 100%. В 1995 г. произошло некоторое снижение по сравнению с 1994 г. уровней смертности по этой группе при-

Таблица 24.3

Коэффициенты смертности населения по причине несчастных случаев, отравлений и травм в 1990—1995 гг. (на 100 тыс. чел.)

Регион	1990 г.	1994 г.	Прирост за 1990-1994 гг., %	1995 г.
Западная Сибирь	149,3	276,2	+ 85,0	254,4
Республика Алтай	232,9	384,0	+ 64,9	367,5
Алтайский край	150,1	261,5	+ 74,2	252,1
Кемеровская область	184,8	379,5	+ 105,3	353,0
Новосибирская область	125,7	253,2	+ 101,4	205,2
Омская область	129,5	210,3	+62,4	191,5
Томская область	147,6	233,7	+ 58,3	230,5
Тюменская область	142,5	261,0	+ 83,2	247,5
Восточная Сибирь	174,9	326,0	+ 86,3'	293,4
Россия	133,7	250,7	+ 87,5	236,6

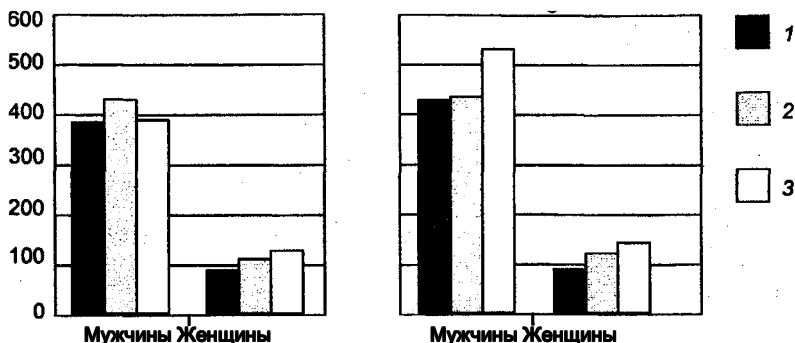

Рис. 24.3. Коэффициенты смертности от несчастных случаев, отравлений и травм среди мужчин и женщин городских (а) и сельских (б) поселений, на 100 тыс. чел.

1 — Российская Федерация; 2 — Западная Сибирь; 3 — Восточная Сибирь.

чин для всех территорий Сибири и России в целом. Для Западной Сибири оно составило около 8 %.

Как показывает расчет стандартизованных коэффициентов смертности по городским и сельским поселениям (рис. 24.3), в 1995 г. смертность мужчин по этим причинам была в 3—4 раза выше, а в трудоспособном возрасте в 5 раз выше, чем женщин. При этом уровни смертности в городских и сельских поселениях практически не различаются, за исключением сельских поселений Восточной Сибири, где смертность значительно выше, чем в городе, особенно среди мужчин. В Западной Сибири выделяется Томская область, где максимальная смертность мужчин на селе превышает показатели в городе на 35 %.

По всем же причинам смертности в 1993 г. на каждую тысячу населения (в том числе и трудоспособного возраста) умирало в городских поселениях Западной Сибири мужчин на 3,2—5,2 и женщин на 0,6—1,1 больше, чем в 1989 г., для сельских поселений это увеличение составляло 4,5—5,6 для мужчин и 1,1—1,8 — для женщин.

Рост показателей смертности обусловил сокращение средней продолжительности предстоящей жизни населения Сибири (рис. 24.4*). Только за 1992 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин в городских поселениях Тюменской области сократилась на 2,2 года, в Томской — на 2,4, а в Кемеровской — на 2,6 года. Особенно высоки эти потери были среди населения трудоспособного возраста. За 1991—1993 гг. ожидаемая продолжительность жизни мужчин трудоспособного возраста в Омской области сократилась на 3,5 года, в Новосибирской, Тюменской и Томской областях — на 5,8 года. Для женщин

* Данные подготовлены совместно с Н.Е. Смирновой.

А

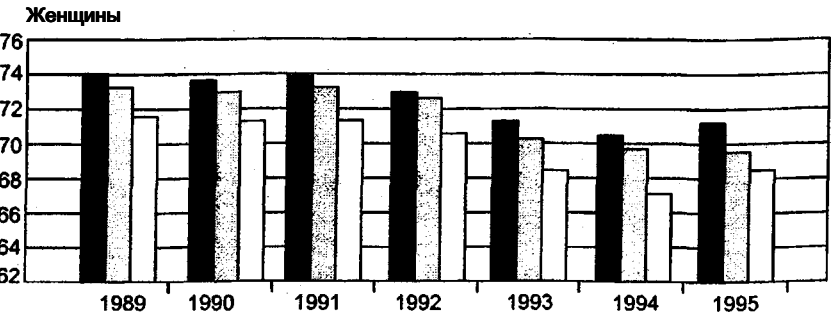
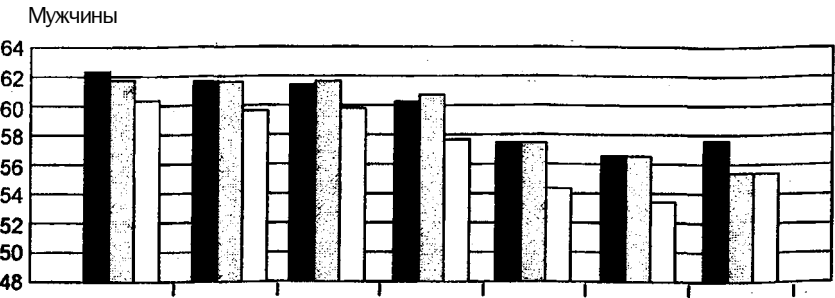
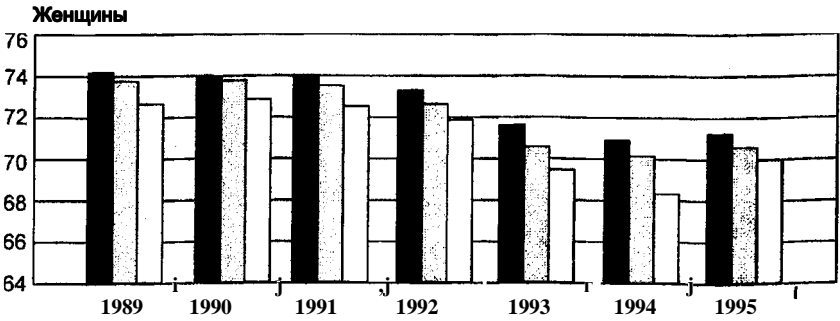
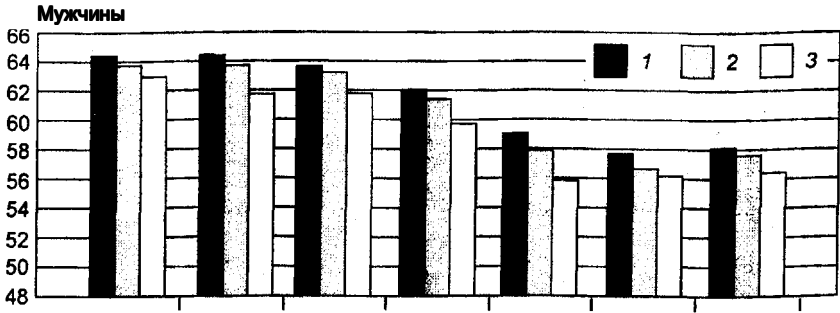

Рис. 24.4. Динамика средней продолжительности предстоящей жизни городского (А) и сельского (Б) населения регионов Сибири, лет.
 1 — Российская Федерация; 2 — Западная Сибирь; 3 — Восточная Сибирь.

трудоспособного возраста это сокращение по разным областям Западной Сибири составило 1,7—3,5 года.

В результате в 1994 г. продолжительность жизни в Кемеровской области была самой низкой из всех областей Западной Сибири и составляла для мужчин 54—56, а для женщин — 68—69 лет, что на 2,5—3 года ниже, чем в среднем по России (59 и 72 года соответственно) и в Западной Сибири (58 и 69,5). Необходимо отметить, что сокращение продолжительности жизни в России в последние годы происходит на фоне роста этого показателя в экономически развитых странах. Так, в Японии продолжительность жизни мужчин составляет 76 лет и женщин — 80 лет.

Наибольшее сокращение показателя продолжительности жизни приходится в основном на возрастную группу 40—54 года, а также на группу 16—19-летних (особенно мужчин). Эти данные опровергают широко распространенное мнение о том, что в росте смертности преобладающей в настоящее время является компонента старения населения, т.е. увеличение доли населения старших возрастных групп в общей структуре населения. На самом деле основная компонента роста смертности — смертность молодого и экономически активного населения. Эти наши данные коррелируют с выводами А.Г. Вишневого о том, что в России далеко не завершен так называемый эпидемиологический переход, последней стадией которого является выход на первое место причин смертности, связанных с естественным старением населения [5].

Высокая вероятность смертности по различным причинам и рост смертности относительно молодого населения говорят о значительных демографических потерях. По нашим оценкам, с учетом данных таблиц смертности, рассчитанных для отдельных половозрастных групп городского и сельского населения Сибири за 1989—1995 гг., ежегодные потери для городского населения Сибири составляют 10,6 млн потенциальных лет (человеко-лет) жизни, для сельского населения — 3,6 млн, из них около 40 % — из-за несчастных случаев, отравлений и травм. Это в 3—4 раза больше, чем в экономически развитых странах.

Рождаемость и естественный прирост

Еще одна особенность последних лет — резкое сокращение числа рождений, не связанное с изменением возрастной структуры женщин. Сокращение рождаемости затронуло все возрастные группы женщин. Причем более существенным это снижение было в возрастной группе 20—29 лет (рис. 24.5) — в группе с потенциально более высоким уровнем рождаемости. К тому же на это возраст приходится большая доля рождений вторых и более высокой очередности детей. Возросло (даже по сравнению с высоким уровнем середины 80-х годов) число аборт на тысячу женщин репродуктивного возраста,

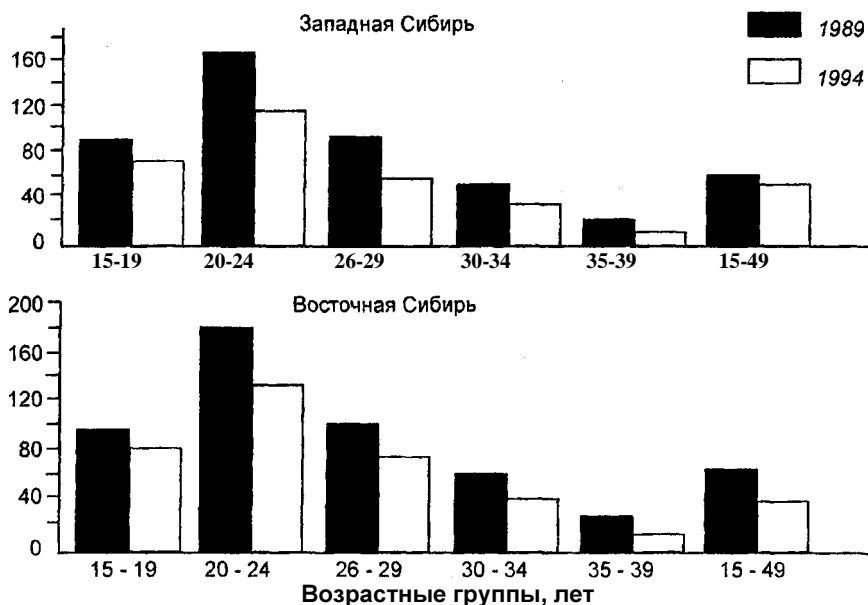

Рис. 24.5. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в Сибири (число рожденных на тысячу женщин отдельных возрастных групп).

что характеризует тенденцию “отложенных” рождений. В результате к 1994 г. общий коэффициент рождаемости в городах Сибири составил 7—8, а в селах — 9—11 чел. на тысячу населения; специальные коэффициенты рождаемости по сравнению с 1985—1987 гг. (последними годами периода стабильного развития) сократились более чем на половину.

Сокращение рождаемости и рост показателей смертности в последние годы привели к существенному сокращению естественного прироста населения Сибири. При этом основным фактором уменьшения естественного прироста стало сокращение рождаемости. Наибольшее сокращение естественного прироста произошло в Тюменской области (на 6,1 промилльного пункта) и в Красноярском крае (5,8).

Известно, что значительное влияние на формирование положительного естественного прироста до 1990 г. оказала “демографическая волна” высокого уровня рождаемости (19—20 ‰) не только в Сибири, но и в России в 70-е годы. Однако начиная с 1990 г. население Сибири “вошло в зону” отрицательного естественного прироста, а в настоящее время и в Западной и в Восточной Сибири показатель естественного прироста населения на 30—40 % не обеспечивает даже простого воспроизводства населения этих районов. При этом отрицательный естественный прирост наблюдается не только в городской части Западной и Восточной Сибири при сокращающейся численно-

сти их населения, но и в сельской (даже на фоне общего прироста населения в 1990 — 1993 гг.). Общий рост численности сельского населения Сибири в 1990—1993 гг. и его отрицательный прирост в последующие годы происходил при интенсивном “вымывании” из села молодого населения (в возрасте 16—18 лет), сокращая таким образом демографический потенциал села.

С проблемой сокращения естественного прироста уже столкнулись или столкнутся в ближайшем будущем все экономически развитые страны. Однако если сокращение естественного прироста, например, в экономически развитых странах Европы проходит на фоне нерастаущей смертности, то в России, в том числе и в регионах Сибири, совершенно иная картина, и нельзя недооценивать ее последствия для будущего демографического развития.

В 1987—1994 гг., как показывают социологические обследования, падение рождаемости происходит главным образом за счет перенесения рождений на более поздний срок, а не отказа от сложившейся модели двухдетной семьи. Однако если острота социально-экономических проблем не начнет ослабевать и продержится еще 2—3 года, то отложенные в семьях рождения могут и не реализоваться вовсе, и демографический кризис в России к концу XX в. по своим последствиям, по оценкам демографов, будет сравним с демографической ситуацией первой половины нашего века.

Необходимо отметить, что сокращающийся, а с 1990 г. отрицательный естественный прирост населения Сибири в целом происходил на фоне положительного естественного прироста населения трудоспособного возраста [6]. Более того, если в 1989 г. прирост населения трудоспособного возраста только за счет передвигки возрастов (разницы за счет входящих и выходящих из трудоспособного возраста) составлял, например, в городской части Западной Сибири 7,7, а в сельской — 3,5 чел. на тысячу населения данного возраста, то в 1993 г. — 8,0 и 11,3 чел. соответственно. Такая динамика является также следствием “демографической волны” высокого уровня рождаемости (19—20 ‰), о которой уже упоминалось. Именно она определяет в значительной мере положительный естественный прирост населения трудоспособного возраста и на ближайшие 8—10 лет.

Итак, изменения демографической ситуации в Сибири во многом отражают специфику и противоречия переходного периода в России. Острота этих проблем в регионе обусловлена как особенностями формирования населения, сложившимися в прошлом, в частности тем, что динамика прироста численности населения Сибири, в значительной степени определялась структурой и характером размещения производительных сил в регионе, так и непродуманной демографической политикой, негативные последствия которой будут сказываться в течение еще многих лет.

Оценка последствий современной демографической ситуации

Сложившиеся к настоящему времени демографические тенденции, как “демографическое эхо”, окажут влияние прежде всего на формирование демографических структур. Рассмотрим лишь некоторые из них, связанные с формированием половозрастной структуры населения.

Как показали наши расчеты, современные изменения в демографической ситуации приведут в будущем к высоким темпам старения населения, к последующему сокращению доли детей и увеличению доли населения пенсионного возраста в общей структуре населения экономических районов Сибири. Так, если доля детей до 15 лет в 1994 г. в Западной Сибири составляла 25,2%, а доля населения пенсионного возраста — 17,1%, то к 2010 г. эти величины составят соответственно 20,4 и 19,7 %. В результате средний возраст населения региона увеличится за 10 лет на 2,5 года. Все это приведет к росту демографической нагрузки на трудоспособное население населениям пенсионного возраста и к сопутствующим этой тенденции проблемам социально-экономического характера.

Кроме того, высокие темпы падения рождаемости в 1989—1995 гг. сформируют отрицательную демографическую волну, последствием которой через 10—15 лет будет ничем не восполнимый “демографический провал” в молодых группах трудоспособного возраста и группах мужского населения призывного возраста.

В ближайшем будущем в районах Сибири

—увеличится относительный показатель вступления в трудоспособный возраст; к 2001 г. это увеличение по разным регионам составит 1,0—2,6 чел. на тысячу населения в трудоспособном возрасте, причем наибольший прирост произойдет за счет Севера Западной Сибири (3,9 ‰);

—сократится коэффициент выхода из трудоспособного возраста, особенно на селе: к 2001 г. на каждую тысячу населения трудоспособного возраста в селах Западной Сибири выйдут из этого возраста на 6,4 чел., а в селах Восточной Сибири — на 4,9 чел. меньше, чем в 1993 г.;

—положительный естественный прирост населения трудоспособного возраста к 2001 г. составит в городских поселениях Сибири 4—5, а в сельских — 11—12 чел. на тысячу населения трудоспособного возраста, при этом коэффициент изменения за счет входа будет равен 12—14, а за счет выхода — 18—22 чел. на 1 тыс. населения трудоспособного возраста.

Увеличение численности трудоспособного населения как в городе, так и в селе Сибири произойдет в основном за счет молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст. Это приведет к некоторому “омоложению” трудоспособного контингента, уве-

лимит “нагрузку” на формирующийся в настоящее время рынок труда и предъявит новые качественные требования к формированию рабочих мест.

Рост же численности сельского населения потребует в ближайшем будущем значительного увеличения числа рабочих мест в сельской местности и соответствующего развития социально-бытовой и производственной инфраструктур. Следовательно, в рамках федеральной программы “Миграция” необходимо предусмотреть региональные программы, ориентированные на создание условий для приживаемости и закрепления населения на селе, в том числе вынужденных переселенцев и беженцев. В противном случае (т.е. если не изменится сложившаяся в настоящее время ситуация с условиями жизнеобеспеченности населения), как нам представляется, село не сможет в течение длительного времени оставаться в роли “накопителя” населения. Важным ограничителем роста сельского населения являются, в частности, социально-производственная емкость села и возможности ее интенсивного расширения.

В связи с существенными изменениями в половозрастной структуре населения Сибири за последние годы сократился демографический потенциал. Даже при некотором росте общей численности населения Сибири в самом оптимистическом варианте демографического развития, предусматривающем рост показателей рождаемости и снижение повозрастных показателей смертности, в течение ближайших 20 лет сохранится отрицательный естественный прирост населения по большинству регионов Сибири.

Для кардинального улучшения демографической ситуации в регионе требуются решительные и безотлагательные меры в первую очередь на федеральном и межрегиональном уровнях при активной роли государственных и исполнительных органов власти и объединение усилий всех ведомств. Они должны быть направлены на

—рост продолжительности жизни, увеличение периода трудовой активности, улучшение качественных характеристик здоровья;

—реализацию в полной мере воспроизводственной функции семьи на всех стадиях жизненного цикла;

—создание условий для закрепления населения и преодоление негативных последствий стихийно развивающихся процессов миграции;

—создание условий для беспрепятственной реализации права выбора места жительства и свободы перемещения населения как в пределах своей страны, так и за ее пределы;

—реализацию основных функций миграции: территориальное перераспределение населения, более полное использование рабочей силы, балансирование рынков труда и жилья, потребительского рынка, позитивное изменение экономического и социального положения, в том числе образовательного и профессионально-квалификационного уровня, расширение потребностей и рост благосостояния населения.

Реализация этих мер невозможна без создания развитого экономического базиса, формирования рационального рынка труда, создания новых рабочих мест в разных сферах экономической деятельности населения, без интенсивного наращивания всего комплекса социально-бытовых и культурных услуг, оказываемых населению, особенно связанных с улучшением жилищных условий, развитием сферы здравоохранения и социального обеспечения, без повышения доходов и благосостояния и социального благополучия населения.

Реализацию медико-социальной и демографической политики целесообразно возложить на региональные центры социально-демографической политики, обеспечив их финансирование за счет бюджетных средств правительства, федеральных и региональных фондов. Основная задача таких центров — разработка, экспертиза, координационная работа и контроль над реализацией отдельных программ, ориентированных на воспроизводство, медико-социальную адаптацию и реабилитацию, на пропаганду и воспитание здорового образа жизни, сохранение и развитие психического и физического здоровья, социальную и правовую защиту. Одним из направлений работы центра должна стать организация централизованной многоцелевой базы социально-демографических и медико-экологических данных и системы мониторинга на основе современных информационных технологий и сетей ЭВМ.

Для проведения систематических научных консультаций и экспертизы отдельных мероприятий и программ целесообразно сформировать при центрах постоянно действующую группу экспертов, специалистов в области демографии, социальной экологии, социальной психологии, эпидемиологии, экологии, права, экономики и других дисциплин.

Необходимо разработать региональные программы регулирования миграции, приема и адаптации мигрантов, включающие оперативную программу для беженцев и переселенцев [7], а также программы в области внешней и внутренней трудовой миграции.

ГЛАВА 25

“Традиционное” и “современное” в демографическом поведении сельского населения.

Распространение официально не зарегистрированных супружеских союзов и внебрачной рождаемости, рост разводимости — это те изменения в демографической сфере, на основе которых политики,

* Глава подготовлена в рамках проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом (№ 96—03—04473), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (GA#96—41124A—FSU), Фондом Форда.

идеологи, а зачастую и ученые делают выводы о наступающей дезинтеграции семьи, брака [1] и даже общества [2].

Названные процессы происходят раньше или позже во многих развитых странах мира. В последние десятилетия статистически значимой альтернативой официальной семье (зарегистрированному браку) в некоторых европейских государствах признается такая форма семейной организации, как сожительство (cohabitation, consensual union, marriage de facto, concubinage). По данным Хр. Принца [3], доля сожительств среди всех брачных союзов к середине 80-х годов составляла (%):

Швеция	19,9	Нидерланды .	7,7
Финляндия	11,4	Великобритания	6,2
Норвегия	10,8	Германия .	4,7
Франция.....	8,8	Австрия . .	2,9

Причем эта доля год от года увеличивается при снижении доли официально зарегистрированных семей. В США в 1993 г. соответствующий показатель равнялся 6%, тогда как в 1970 г. 1 % [4]. В России, по данным микропереписи 1994 г., впервые фиксировавшей факт незарегистрированного брака, доля сожительств для городского населения составляла 6 %, для сельского — 9 % [5]. По Западной Сибири эти показатели были соответственно 8 и 12 %.

Повышается и процент внебрачных рождений. Так, в период 1970 — середина 90-х годов в Великобритании он увеличился с 8 до 32 %, во Франции — с 7 до 35, в Швеции — с 18 до 50, в Венгрии — с 5 до 19, в Латвии — с 11 до 26, в Словении — с 9 до 29 % [6]. В России за этот период отмечен рост доли внебрачных рождений с 11 до 21 % [7]. Как видно, степень распространения свободных супружеских союзов и внебрачных рождений в России сопоставима с западноевропейской и определенно превосходит североамериканскую.

Схожесть демографических процессов во многих странах дает основание специалистам делать вывод о начале нового этапа мирового демографического развития — второго демографического перехода. Указывается также на хронологическую последовательность изменений: сначала снижение показателей рождаемости, за ним увеличение частоты разводов, затем рост числа сожительств и, наконец, повышение коэффициентов внебрачной рождаемости [8].

Практически аналогична динамика этих процессов в России и Сибири. Об этом свидетельствуют долговременные (1959—1989 гг.) тенденции процессов брачности, разводимости, рождаемости сельского населения, выявленные при исследованиях закономерностей формирования сельской семьи в Сибири [9]. В этом весьма традиционном регионе идут процессы, схожие с теми, которые происходят в это же время в европейских — урбанизированных и модернистских — странах, а именно, существенное снижение показателей суммарной рождаемости в сочетании с высоким уровнем внебрачной рождаемо-

сти, рост, а затем стабилизация показателей разводимости на фоне распространения феномена нерегистрируемых брачных союзов. Конечно, брачное, семейное, репродуктивное поведение населения Сибири еще очень далеко от поведения людей в таких регионах, как Франция, Швеция, Германия, однако сходство тенденций демографических процессов может указывать на наличие близких глубинных оснований новых типов поведения.

Лояльное отношение общества к изменениям, происходящим в сфере семьи, формам частной жизни людей говорит о завершенности перехода от “традиционного” к “современному” типу семьи. Во многих обществах и в России в том числе уже на протяжении жизни нескольких поколений мужчины и женщины свободны в выборе брачного партнера, числа и сроков рождения своих детей, многие семьи характеризуются эгалитарной структурой, а роли партнеров (мужа и жены) становятся мало различимыми и более гибкими. Большинство авторов, исследующих феномен свободных супружеских союзов, склоняются к мнению, что изменения в формах семьи происходят вследствие действия совокупности факторов: изменения социальных норм, экономической независимости женщин, роли контрацептивов и др. По-видимому, эти же факторы лежат и в основе радикальных изменений в сексуальном поведении людей и моральных норм, регулирующих это поведение. Финские социологи — исследователи этих аспектов социальной жизни по результатам европейских, американских и российских обследований делают вывод, что за одно поколение (1936—1957 гг.) почти тотальное табу на проявление сексуальности превратилось в полный либерализм, допускающий не только до- и внебрачные связи для мужчин и женщин, но и гораздо более свободные формы гендерных и межгендерных отношений. Но следующее поколение (1957—1973 гг.) было названо финскими социологами “амбивалентным” за усиление традиционных по своей природе брачно-семейных ценностей, но весьма либеральных практик в сексуальной сфере [10].

Таким образом, сожителство и рождение ребенка вне зарегистрированного брака свидетельствует не просто об игнорировании официальных норм, а о переходе от традиционных, патриархальных межгендерных отношений к современным, основанным на равенстве прав и партнерстве полов, конвергенции внутрисемейных, да и вообще социальных ролей мужчин и женщин [11].

Общая научная проблема, в контексте которой я изучаю феномен сожителства и внебрачной рождаемости, состоит в выявлении направления эволюции социальных институтов брака, семьи, моногамии на рубеже XX—XXI вв., а также влияние на эволюцию брака и семьи (а) долговременных тенденций и закономерностей развития демографической сферы общества и (б) общесоциального, экономического кризиса в России. В анализе современных тенденций форми-

рования супружеских союзов, зарегистрированных и "неофициальных", возрастных характеристик женихов и невест в сельской местности Сибири, используются главным образом данные переписей населения России 1970, 1979, 1989 и микропереписи 1994 г. Поскольку закономерности объясняются в терминах ослабления патриархальных семейных норм и стереотипов, обратимся сначала к истокам традиционного семейного поведения.

Традиционная семейная идеология сибирских крестьян

Традиционные нормы брачного и семейного поведения сельских жителей сложились в ходе длительной эволюции общинно-родового устройства крестьянской жизни в России под влиянием прежде всего социальных условий, таких как высокая смертность населения, не обеспеченная общиной и государством старость, условий, когда само существование крестьянского хозяйства вне семейной формы было просто невозможно [12]. Землей владела община, которая периодически перераспределяла поля и луга между домохозяйствами пропорционально числу женатых мужчин в семье; ни женщины, ни холостые мужчины в расчет не принимались, так что вступление в брак было главным условием доступа к землепользованию. Тот, кто не состоял в браке, не считался полноценным членом семьи; "бобыля" и "девку", т.е. крестьян без семьи и без земли, считали несчастными, обиженными судьбой. При регулировании поведения крестьян в любой сфере Жизни община полностью игнорировала личность исходя из необходимости ее слияния с сельской общиной. Община осуществляла строгий контроль, цензуру нравов, и ни в чем крестьяне не проявляли столько жестокости, сколько в отношении семейных нравов [13]. Единственной возможностью получить полноправный социальный статус как для женщины, так и для мужчины было вступление в брак. Похожая крестьянская идеология была характерна и для западного соседа России — Польши [14], и для восточного — Китая, где "традиционная идеология подавляет индивидуальность в пользу семьи. Значимость или ценность индивидуального существования определяется тем, какое положение оно занимает в социальном континууме, четко отраженном в терминах родословной. Наиболее важная задача мужчины — продолжить семейную линию. Из трех основных обвинений непутевому сыну на первом месте стоит обвинение в неспособности продолжить род" [15].

Другой культурно-исторический фактор всеобщего стремления русского крестьянства к браку, к семье — большая религиозность сельских жителей и огромная роль церкви, которая устанавливала критерии добра и зла, чести и позора. Рождение, вступление в брак, смерть сопровождалась религиозными обрядами, в которых участвова-

ла вся семья. Причем свадебный обряд считался одним из самых важных православных обрядов. Семья для крестьян была прибежищем, где отводились все напасти [16]. Только в браке признавалась возможность половой жизни, и только рождение детей служило оправданием интимных отношений мужа и жены.

Признание крестьянами большой роли семьи в материальном и нравственном благополучии человека отразилось в многочисленных поговорках и пословицах, широко бытовавших по всей России: “Холостой — полчеловека”, “Семейный горшок всегда кипит”, “Жизнь без мужа — поганая лужа”. Неудивительно, что на рубеже XIX—XX вв. доля населения старше 16 лет, состоящего в браке, составляла в России 95 % для женщин и 96 % — для мужчин. Это одни из самых высоких показателей среди европейских стран [17]. Для сельских жителей, составлявших тогда 80 % населения России, соответствующие показатели были еще на 1 пункт выше. Практически брачность была всеобщей и ранней — хозяйственная и моральная необходимость вынуждала крестьян жениться как можно раньше.

Взгляд на семью, как на важнейшее и непереносимое условие жизни каждого крестьянина, сочетался с решительным осуждением добрачных связей и супружеской неверности, причем крестьяне более жестко осуждали неверность жены, чем неверность мужа. Женщину, обвиненную в измене, пачкали при всех сажая; в течение года обвиненная подвергалась насмешкам, не имела права посещать соседей, даже просто входить к кому-либо в дом [18]. Этические нормы поведения крестьян были неизменны на протяжении нескольких столетий, и деревня жила по принципу “Как отцы и деды наши, так и мы”, безусловно следуя старине, традициям. Поэтому в России, особенно в ее европейской части, традиционность уклада деревенской жизни была очень глубокой.

Жизнь людей в Сибири имела свою специфику, обусловленную сравнительно недавним (с конца XVII в.) освоением земель в этом регионе. Сюда приходили активные свободолюбивые жители из центральных районов России в надежде избавиться от налогов и повинностей. Здесь перемешались “старина” и “новизна”. Новые поколения сибиряков (XVIII—XIX вв.) в своем поведении опирались и на нормы, завещанные предками, и на новшества, входившие из местных культур и обычаев. Соображения целесообразности в конечном счете одерживали верх над консервативными традициями. Поэтому в сибирских городах и уездах реальная жизнь была далекой от установок “Домостроя”, что сказывалось как на внутрисемейных отношениях, так и на положении женщины в общественной жизни. Есть исторические свидетельства того, что женщины в сибирских поселениях пользовались определенной свободой и при выборе мужа, случаи укрывательства от нежеланного замужества вызывали скорее не протест и осуждение, а сочувствие [19].

Впоследствии, с установлением ограничений, контролируемых общинами и строгой феодальной регламентацией, Сибирь все более теряла специфику колонизируемого региона с присущими ему вольностями и все более подчинялась правовым нормам, характерным для государства в целом. Но и в жизни российского общества с середины XIX в. брачно-семейную сферу затронули новые явления. С проникновением в деревню товарно-денежных отношений, развитием отхожих промыслов и т.д. лишались смысла многие традиционные ценности и обычаи, а на их место приходили новые. Например, постепенно повысился средний возраст женихов и невест, поскольку сверххранние браки становились не так уж необходимыми людям, оторвавшимся от земли, от сельской общины [20]. Кроме того, повышалось гражданское самосознание, в том числе и крестьянина, соприкоснувшегося с городской жизнью, что меняло характер внутрисемейных отношений, повышало самооценку брака как добровольного партнерства мужчины и женщины.

Современные тенденции формирования супружеских союзов

Прежде всего надо отметить, что сельское население Западной Сибири, судя по долговременной динамике показателей его воспроизводства, перешло к современной модели семьи лишь 30—40 лет назад. Причем специфика демографической ситуации в сельской местности Западной Сибири (по сравнению с российскими селами в целом) состоит в несколько замедленном развитии населения: здесь пока неустойчивы параметры многих демографических процессов, более молодая структура населения и в общем некоторое "запаздывание" демографического перехода на современный режим воспроизводства. Это проявляется, в частности, в том, что во многих аспектах брачная и семейная жизнь сохраняет большую "традиционность" поведения сибирских сельчан даже по сравнению с сельскими жителями европейской части России.

Следование нормам и традициям раннего и всеобщего стремления к браку как партнерству вообще и "ритуальному" вступлению в первый брак прослеживается в Сибири и в наше время. Это видно из материалов переписей 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и микропереписи 1994 г. населения России. С точки зрения изучения распространенности нерегистрируемых браков важно то, что все категории брачного состояния (в браке, в разводе, во вдовстве, никогда не состоявшие в браке) фиксируются в переписных данных по самоопределению людей, без какого-либо документального подтверждения [21].

В целом динамика и уровень переписных показателей состояния в браке сельского населения Западной Сибири говорят о том, что брачность здесь — устойчивый и маломеняющийся от поколения к

поколению процесс. Как и в России, послевоенная нормализация брачности в Сибири завершилась к концу 70-х годов. К этому времени вышли за пределы активного возраста поколения мужчин, затронутые войной 1941—1945 гг. Однако даже в те периоды, когда еще наблюдались послевоенные диспропорции численности мужчин и женщин (1959, 1970 гг.), брачность сельского населения Западной Сибири была заметно выше, чем в среднем по России. Выше она и в настоящее время: в 1989 г. в сельской местности Западной Сибири на 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше в браке состояли 682, России — 616; соответствующие характеристики для мужчин равны 744 и 730. Высокий процент людей, состоящих в браке, зафиксированный переписями населения, отражает “поперечный срез” брачной судьбы различных поколений сельских жителей: практически все мужчины и женщины в каждом поколении вступают в брак хотя бы единожды. Но, как неоднократно отмечали и социологи и демографы, самое матримониальное поведение, культурные нормы, определяющие и регулирующие его (вернее, их жесткость), могут зависеть, а зачастую и определяются ситуацией на брачном рынке [22]. Так что брачное поведение мужчин зачастую обусловлено наличием бракоспособных (не состоящих в браке) женщин и наоборот. Поэтому приведенные выше характеристики брачного состояния сельских жителей Сибири отражают весьма высокую брачность, но надо иметь в виду, что на снижение брачности мужчин в 70-е и 80-е годы заметно повлияла ситуация “дефицита невест” в сельской местности Западной Сибири, возникшая во второй половине 70-х годов и наблюдающаяся во многих деревнях и в настоящее время. Помня о специфике переписных данных — самоопределении брачного состояния, сравним эти характеристики с данными текущей статистики о регистрации браков и разводов в сельской местности:

	1989 г.		1994 г.	
	Россия	Западная Сибирь	Россия	Западная Сибирь
Число браков, тыс.	341,8	34,8	264,1	30,0
Число разводов, тыс.	89,7	9,7	108,6	

Как видно, число зарегистрированных браков снижается, а число разводов растет. Таким образом, налицо противоположная направленность динамики приведенных характеристик: рост брачности, зафиксированный переписями населения по самоопределению людей, и снижение показателя регистрируемой брачности. Объяснением данной ситуации может служить именно распространение в сельской местности Сибири *нерегистрируемых* брачных союзов в последние десятилетия.

И действительно, по данным микропереписи 1994 г., впервые фиксировавшей в России незарегистрированные брачные союзы, в сельском населении Западной Сибири сожительства составляют 12,3 %

от всех брачных союзов (соответствующий показатель для городского населения равен 8,3 %). Поэтому вряд ли можно делать выводы о снижении ценности, привлекательности супружества, партнерства для сельских жителей Сибири на основании тенденции снижения регистрируемых браков. Растущее число людей (сибиряков, россиян), официально не регистрирующих брачный союз, по-видимому, вовсе не означает отказ от семейной жизни как таковой, что некоторым образом подтверждает рост числа внебрачных (формально, но не всегда реально) рождений.

Сожительство как союз, предшествующий первому браку

В распространении феномена сожительства отражаются сложные взаимодействия изменений в жизни и сознании сельчан. С одной стороны, в результате "отделения церкви от государства" и других советских преобразований была ослаблена жесткость социального контроля за соблюдением ритуальных, традиционных обрядов, обычаев, норм, регулирующих брачную, сексуальную, семейную жизнь. А отсюда — даже неприятие этих норм новыми поколениями жителей села. В контексте новых социальных свойств сельского населения распространение сожительств можно рассматривать и как усиление индивидуалистических тенденций, потребности в признании возможности и ценности *личного* выбора формы брачного союза. С другой стороны, стремление к браку, к семье сохраняется как линия вполне традиционного поведения людей, достигших совершеннолетия и стремящихся обрести статус и права взрослых членов сельского общества. Причем нынешние сельские женихи и невесты по возрасту мало отличаются от вступающих в брак в конце прошлого века и по типологии возраста вступления в первый брак [23] эти возрастные значения характеризуются как низкие [24].

Исследователи исторических типов брачности в России А. Вишневский и М. Тольц отмечают, что в XIX — начале XX в. для населения Сибири было характерно определенное сходство с европейской Россией [25]. Причем на рубеже XIX—XX вв. расчетные средние возрасты вступления в первый брак в Сибири равнялись 20,8 года для женщин и 24,2 года — для мужчин [26], т.е. почти совпадали с их современными значениями для сельского населения.

Однако в 90-е годы общая тенденция повышения расчетного среднего возраста вступления в первый брак сменилась на противоположную (насколько можно судить по данным микропереписи 1994 г.), и этим тенденциям не противоречит в принципе и динамика медианного возраста вступающих в зарегистрированный брак по данным текущего учета (табл. 25.1). Разница в возрастах женихов и невест в 1970, 1979 гг. была около двух лет, в конце 80-х годов и в настоящее время — около 3 лет.

Таблица 25.1

Возрастные характеристики вступающих в первый брак (Западная Сибирь, сельское население)

Годы	Медианный возраст вступления в первый брак,		Доля вступивших в первый брак (среди всех вступивших в первый брак)			
			К 20 годам		К 25 годам	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1969-1970	22,5	20,2	8,7	31,7	64,6	74,5
1978-1979	21,4	19,3	6,6	38,2	77,6	84,5
1988-1989	22,5	19,4	6,0	42,4	67,0	82,6
1993-1994	21,7	18,3	12,4	53,4	76,8	89,6

Таким образом, основная черта первичной брачности на протяжении последних 30 лет состоит в том, что в сельской местности Западной Сибири ее показатели по-прежнему стабильно высоки как для мужчин, так и для женщин.

Можно полагать, что в динамике показателей брачности проявились особенности демографической ситуации в сельской местности Сибири, точнее, ситуация “дефицита невест на брачном рынке”. Эта диспропорция, возникшая в 70-е годы, обусловила определенное брачное поведение сельских мужчин, а именно женитьбу в довольно молодом возрасте (практически сразу после службы в армии) на очень молодых невестах. И в последующее десятилетие, несмотря на нормализацию соотношения полов, такая модель брачного поведения сельских мужчин представляется довольно распространенной: в 1989 г. к 20 годам 15% женщин в возрасте 16—19 лет уже вступили в первый брак (в 1979 г. этот процент был равен 12, в 1970 г. — 8). Современное омоложение первых браков происходит в сельской местности Западной Сибири главным образом за счет повышения доли самых молодых — 18—20-летних женихов и невест. В более старших возрастах, наоборот, повышается доля мужчин, но снижается доля женщин (табл. 25.2), относящих себя к несемейным (по данным микропереписи 1994 г.).

Судя по “женским” коэффициентам, которые, по-видимому, более показательны (в смысле отражения поведенческих аспектов), можно предположить, что наметившаяся тенденция откладывания регистрации брака получит в дальнейшем распространение среди сель-

Таблица 25.2

Доли никогда не состоявших в браке (Западная Сибирь, сельское население), %

Год	Среди мужчин в возрасте		Среди женщин в возрасте	
	25—29 лет	30—34 лет	25—29 лет	30—34 лет
1979	13,5	6,4	5,8	3,1
1989	17,8	9,1	5,8	3,3
1994	18,2	10,1	4,3	2,8

ского населения Западной Сибири. Но омоложение регистрации первых браков, характерное для 90-х годов, дает основание полагать, что сейчас сожителство едва ли можно считать распространенным явлением в качестве альтернативы для первых браков. Вместе с тем наличие большого числа внебрачных рождений, в том числе и первенцев, регистрируемых "по заявлению обоих родителей", указывает все-таки на существование фактических браков в самых молодых возрастах (табл. 25.3). По-видимому, сожителство, предшествующее формальному заключению первого брака, — это скорее всего, просто "немного растянутый" во времени процесс вступления в брак при современной лояльности сельского общества к сексуальным связям вне зарегистрированного брака. В деревнях этот процесс зачастую "осложняется" рождением ребенка, что обусловлено невысокой культурой контрацепции, а также ограниченной возможностью (по разным причинам) прерывания непреднамеренных беременностей. По этим же причинам, скорее всего, и происходит сейчас "омоложение" регистрации первых браков.

В западносибирских селах на долю самых молодых матерей (15—19 лет) среди всех родивших внебрачных детей приходится 1/4—1/5 часть; за 1969—1979 гг. она выросла с 18,3 до 27%, а в 80-е годы понизилась на 6 процентных пунктов и составляла в 1989 г. 21,2%.

О большой распространенности внебрачных рождений у самых молодых сельских женщин говорят и данные о доли рождений у незамужних женщин в общем числе рождений. Почти каждый третий ребенок, родившийся у матери в возрасте 15—19 лет в сибирских селах, был внебрачным и 20 лет назад, и в конце 80-х годов, и теперь. Никаких существенных сдвигов за наблюдаемый период в доле внебрачных рождений у самых молодых женщин не произошло. Изменения коснулись показателей внебрачных рождений в группе 25—29 лет: за 1969—1989 гг. они снизились с 24,6 до 14,2% [27], но в 1994 г. их доля вновь выросла до 17,8 % и сейчас уровень этих показателей в селах Западной Сибири выше, чем в среднем в сельской

Таблица 25.3

Распределение матерей по возрасту рождения внебрачных первенцев (Западная Сибирь, сельское население), %

Возраст матери (лет)	Годы			
	1969-1970	1978-1979	1988-1989	1993-1994
15—19	46,5	47,5	45,6	38,2
20-24	36,3	38,8	35,9	37,1
25-29	6,1	10,1	12,1	14,4
30-34	6,5	2,6	4,5	6,3
35-39	2,8	0,8	1,6	3,3
40-49	1,8	0,4	0,3	0,7
Средний (медианный) возраст	20,5	20,3	20,4	20,7

местности России. Высокие показатели внебрачных рождений у молодых женщин свидетельствуют о распространенности добрачных и внебрачных сексуальных отношений, а появление детей в результате таких отношений ведет, как правило, к заключению довольно ранних первых браков, поскольку большинство сожителей предполагают (надеются) когда-нибудь вступить в брак, и рождение ребенка стимулирует это событие. Со временем, с повышением сексуальной культуры и возможностей контрацепции, по-видимому, тенденция к откладыванию регистрации первых браков возродится. Ведь откладывать можно юридические, а не фактические браки. Предположение о том, что матери внебрачных детей в сибирских селах не остаются одинокими, подтверждается и данными о высокой, практически всеобщей брачности женщин в регионе, полученные по переписным данным.

О толерантности взглядов на добрачные сексуальные связи говорят и результаты почтового опроса сельских жителей Алтайского края, проведенного зимой 1996 г. [28].

Всегда или почти всегда предосудительными, считают добрачные связи для мужчин только 18% респондентов, для женщин — 36%. Большинство же опрошенных отметили, что “Это нормально” и “Иногда это плохо” — для женщин (17 %). Более строго относятся сельчане к добрачным отношениям совсем молодых (до 16 лет) людей: их осуждают 57 % опрошенных, а по отношению к девушкам — 75 %.

В общем, можно полагать, что в сельской местности Сибири люди весьма либеральны во взглядах на добрачные сексуальные связи, и, по-видимому, такое отношение сложилось не сегодня и не вчера, а существует довольно давно, может быть с 1940—1950-х годов, под влиянием бытовавшего тогда отношения к послевоенному (“компенсаторному”) брачному поведению в условиях сильной диспропорции численностей мужчин и женщин. В последующие годы этот либерализм постепенно закрепился в брачно-семейных нормах сельского общества.

Сожительство как повторный брачный союз

Стремление молодых сельчан к браку, к хорошей семье в реальной жизни постепенно вступает в противоречие с современными моделями других видов социального поведения: получения образования, высокой квалификации, экономической независимости, и ведет к достаточно большому числу разводов на ранних стадиях брака. Почти 2/3 всех разводов в сельской местности Западной Сибири, да и России в целом, происходят в первые 10 лет супружеской жизни; половина расторжений браков приходится на первые 6 лет после их заключения. В конце 80-х годов в группе 25—29-летних развод касался 17 женщин и 15 мужчин из 1000 лиц данного пола и возрастной группы. Другой, и по-видимому существенной, причиной прекраще-

ния даже и молодых браков в сельской местности можно считать овдовение, т.е. смерть одного из супругов. По моей оценке, овдовение как причина прекращения брака в сибирских селах становится преобладающей через 7—8 лет супружества [29].

Как видно, обе причины распада браков весьма существенны для сельского населения. Несмотря на это, доли вдовых и разведенных мужчин и женщин, зафиксированные переписями 1979, 1989 гг. и микропереписью 1994 г., очень низки. Очевидно, это результат весьма распространенного в селе явления — повторного вступления в брак, будь то официально зарегистрированное событие или свободное сожительство, учтенное в переписи как брачный союз (по самоопределению супругов). Так, доля повторных браков среди всех заключенных браков составила (%):

Годы	Мужчины	Женщины
1958-1959	8,2	7,7
1969-1970	9,6	9,4
1978-1979	10,6	10,6
1988-1989	19,6	22,9
1993-1994	18,4	19,9

Высокий уровень повторной брачности как тип матримониального поведения также свидетельствует об определенной приверженности сельских жителей традиционной модели семейного поведения. Как отмечает В.Н. Миронов [30], нормы этого поведения были таковы, что второй брак вдовых не осуждался, поскольку вдовство, по представлению крестьян, "божье наказание, огромное несчастье". Однако третий брак вдового безусловно порицался крестьянами. В дореволюционной России доля повторных браков составляла более 20% [31].

Вместе с тем современная тенденция повышения частоты повторных браков, да и рост разводимости в селе связаны, возможно, с традиционным стремлением к браку, но на современной, принципиально новой основе социального регулирования брачного, семейного поведения: отношение к каждому человеку как к индивидуальности, признание его права на свободу личности, на интимную, независимую от общества жизнь, возможность альтернативных норм семейного поведения. Кроме того, как уже отмечалось, такой тип матримониального поведения сельских жителей стимулировался реальной демографической ситуацией в Западной Сибири, да и вообще в российских селах — послевоенным дефицитом женихов, а в более поздние годы (1970—1980 гг.) — дефицитом невест.

Наибольшая частота заключения повторных браков приходится на молодые возрастные группы сельского населения: до 30 лет почти 35 % вдовых и разведенных мужчин заводят повторную семью (stepfamily), для молодых женщин эта доля составляет около 1/4 (1988—1989 гг.). Средний (медианный) возраст повторно вступающих в брак

мужчин равен 34,5, женщин — 32,4 года. Эти данные дают основание предположить, что матримониальное поведение молодых людей, уже однажды состоявших в браке, даже более “свободно” (по отношению к официальной регистрации), чем тех, кто впервые вступает в брак. Для людей, уже имевших брачный опыт, пусть даже и неудачный, сожителство есть некая альтернатива официальному браку: проживание совместно (без регистрации брака) “выгодно”, ибо при этом сохраняется право на пособия, социальную поддержку, алименты, определенные льготы. Разведенные люди могут сожительствовать, пытаясь избежать правовых и социальных осложнений, связанных с новым браком, а также из-за неуверенности в выбранном (повторном) партнере. В сибирских селах распространение сожителства в какой-то мере обусловлено таким социальным феноменом, как шабашничество — приезд строительных, транспортных бригад мужчин на сезонные работы. Так или иначе, но в свободных союзах, очевидно, реализуются чувственные, сексуальные потребности мужчин и женщин, которые по разным причинам официально не регистрируют свои отношения. Весьма красноречиво это подтверждают данные по внебрачным рождениям детей второй, третьей, четвертой и последующих очередностей (табл. 25.4).

Надо отметить, что доля рождений четвертой и последующих очередностей среди внебрачных рождений весьма высока во все рассматриваемые годы, а доля брачных рождений этих очередностей значительно ниже: 23,2; 10,6; 12 и 4,4%. Высокие уровни внебрачных рождений по очередности определяют и довольно высокие средние очередности, динамика и значения которых мало отличаются от соответствующих значений для брачных рождений. Здесь сказывается и специфика регистрации рождений. Ведь запись, например, о четвертом рождении у женщины, не состоящей в зарегистрированном браке, вовсе не означает, что три предыдущих рождения были у нее тоже внебрачными. Поэтому возрастание доли поздних внебрачных детей большой очередности вполне соответствует большой распространенности повторных браков вдовых и разведенных сельских женщин, поскольку некоторая часть этих браков стимулирована рожде-

Таблица 25.4

Структура внебрачных рождений по их очередности у матерей (Западная Сибирь, сельское население)

Годы	Доля детей в общем числе рождений, %				Средняя очередность рождений
	Первых	Вторых	Третьих	Четвертых и последующих	
1969-1970	35,8	16,1	16,3	31,8	2,92
1978-1979	53,0	16,3	13,7	16,9	2,03
1988-1989	42,4	23,9	17,2	16,6	2,33
1993-1994	64,2	19,7	9,0	8,0	1,66

нием внебрачного ребенка. Очередность же этого рождения может быть довольно высокой для женщины, но не для данного брака или не для отца ребенка. Так что весьма вероятно, что рождение вторых, третьих, четвертых детей вне официального брака связано с прекращением (по причине развода или овдовения) первого брака и стремлением женщины к повторному браку.

Если проанализировать средние возрасты женщин при рождениях брачных и внебрачных детей разных очередностей (табл. 25.5), то значения интервалов между этими возрастными также можно считать своего рода подтверждением тезиса о стремлении женщин, оказавшихся вне брака, к семейной жизни. Довольно большой интервал (4,4—6 лет в последние годы) между рождением первенцев (брачных и внебрачных) и рождением внебрачных детей второй очередности с очевидностью свидетельствует, что уже после рождения первого ребенка женщины намереваются прекратить деторождение [32]. В то же время данные табл. 25.5 показывают, что следующие паузы между внебрачными рождениями мало отличаются от интервалов между брачными. По-видимому, объясняется это тем же, что и высокая средняя очередность внебрачных рождений, а именно — изменением брачно-го статуса сельских женщин в течение их жизни.

На основании приведенных данных о большой частоте внебрачных рождений вполне уместна гипотеза и о высокой доле собственно внебрачных (неполных, материнских, монородительских) семей в сельской местности, в которых живут и воспитываются дети, рожденные вне зарегистрированного брака. Однако данные переписей о динамике числа и состава семей с детьми говорят об обратном. Полные нуклеарные семьи, состоящие из супружеской пары с детьми до 18 лет, абсолютно преобладают среди всех семей с детьми, причем

Таблица 25.5

Возрастные характеристики матерей при брачных и внебрачных рождениях (Западная Сибирь, сельское население)

Голы	Средний возраст матери при рождении детей, лет			
	Первых	Вторых	Третьих	Четвертых и последующих
<i>Брачные рождения</i>				
1969-1970	21,9	24,6	30,3	34,2
1978-1979	21,9	24,1	27,5	33,3
1988-1989	21,2	25,2	28,9	31,9
1993-1994	21,5	26,2	29,5	32,5
<i>Внебрачные рождения</i>				
1969-1970	20,5	28,2	30,3	35,3
1978-1979	20,3	26,2	28,0	35,4
1988-1989	20,4	26,6	30,3	33,4
1993-1994	22,6	27,0	30,3	33,5

за 10 межпереписных лет их доля выросла на 10 процентных пунктов и равнялась в 1989 г. 78%. В то же время доля неполных семей не растет, составляя 8—9 % от всех семей с несовершеннолетними детьми. Данные микропереписи 1994 г. не обнаружили изменения этой тенденции. Несмотря на весьма высокие показатели внебрачной рождаемости в сельской местности Западной Сибири на всем протяжении рассматриваемого периода (1969—1994 гг.), здесь, стало быть, нельзя говорить о распространении внебрачной (монородительской) семьи как социального феномена. В основе определенной части полных семей с детьми лежит повторный брак (официально зарегистрированный или нет) матери или отца либо узаконенное внебрачное рождение.

Распространение сожителств и внебрачных рождений практически не сказываются на временных характеристиках современных процессов формирования брачных союзов и детности сельских семей. Средние значения “узловых” точек брачной судьбы сельских мужчин в Сибири следующие (1994 г.): вступление в первый брак — 21 — 22 года, развода — 30—31 год, вступление в повторный брак — 34—35 лет. Для женщин эти значения равны 18—19, 30—31 и 32—33 года. В цикле деторождения также проявляется тенденция к стабильности возрастных характеристик: и 20, и 10 лет назад, и в настоящее время у 60—70 % супружеских пар рождаются двое детей в течение 6—7 лет после свадьбы (образования брачного союза), еще у 15—20% через 3—5 лет рождается третий ребенок. Так что у 90 % сельских супругов в Сибири цикл деторождения заканчивается в среднем к тридцатилетию жены.

Итак, распространение добрачных и внебрачных сожителств, а также повторные семьи (stepfamily) на основе сожителства едва ли можно назвать новыми для сибирского села явлениями. Конечно, определенные перемены в сельской семье, связанные с социально-экономической (кризисной) ситуацией в стране, происходят, и это видно по снижению показателя средней очередности рождений (см. табл. 25.4). Важно, что эта ситуация не изменяет *типа* демографического поведения людей в Сибири и в России — внутрисемейного регулирования числа и сроков рождения детей, свободного выбора брачных партнеров и — теперь все чаще — форм брачных союзов и семьи.

Однако несмотря на многие структурные, возможно, ускоренные в последнее десятилетие, изменения, распространение малодетности и др., семья как реализация вполне традиционного и естественного стремления к браку, к партнерству мужчины и женщины остается той сферой жизни, где удовлетворяются многогранные потребности и возможности людей. Эмоциональные узы, связывающие человека с семьей, а также возникающие семейные формы (структу-

ры), основанные на новых механизмах регулирования отношений между супругами и между родителями и детьми, отражают возрастающее значение частной жизни и домашнего очага как источника взаимопонимания, любви и поддержки. Поэтому явление, называемое некоторыми исследователями кризисом российской семьи, правильнее назвать трансформацией устаревшей модели семьи, семейных взаимоотношений, причем трансформацией, совершающейся на весьма устойчивой традиционной социально-нормативной основе. Оставаясь высшей ценностью, семья принимает новые, не всеми одобряемые, формы, но эти формы являются индикатором социального прогресса в области отказа от патриархальных устоев и развития равных партнерских отношений мужчин и женщин.

глава 26 *Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970—1990-е годы**

Фундаментальной базой всей теоретической, методической, аналитической и прикладной работы в области изучения использования времени и повседневной деятельности в 70—90-е годы послужили исследования 50—60-х годов (руководители Г.А. Пруденский, В.Д. Патрушев). Именно тогда была отработана методика обследований бюджетов времени. Опыт их проведения передавался непосредственно от исследователя к исследователю. Скрупулезность и тщательность ведения исследовательской документации (В.Д. Патрушев, А.Г. Пусеп) позволили в дальнейшем достаточно полно отразить в отчетных фолиантах методические аспекты, особенности проведенных обследований, их организацию и, конечно, инструментарий — от планов подготовки обследований до анализа качества самих использованных анкет.

Эти исследования, особенно их динамический аспект (Красноярский край, 1959 и 1963 гг.), продолжили начатое С.Г. Струмилиным направление применения временных показателей в изучении социальных изменений, прежде всего в образе жизни, в повседневной деятельности основных групп населения.

А исследование в Пскове (в рамках международного проекта 60-х годов), когда объектом было все взрослое население территориальной общности и когда впервые (пусть и неполно) были получены статистические данные о городе, где проводилось обследование, по-

* Глава подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98—06—04014).

ложило начало новому — социолого-статистическому направлению, которое имело большое значение в разработках по социальному планированию и в лонгитюдных исследованиях, осуществленных в г. Рубцовске и сельской местности Новосибирской области.

Нельзя не отметить опыт тесных контактов с органами местной власти, родившийся в красноярских обследованиях и получивший затем развитие в наших сельских и особенно городских исследованиях. Это контакты с партийными комитетами, исполкомами, сельсоветами, а теперь — с администрациями.

Помогло в непосредственной нашей работе и знакомство с трудами отечественных исследователей 20—30-х годов. Это позволяло с законным достоинством общаться с зарубежными коллегами, в силу разных причин практически мало знавших о российских исследованиях.

Накоплен немалый опыт работы с ЭВМ, применения количественных методов в наших исследованиях с целью получения новых содержательных результатов, установления неизвестных связей, выявления значимых изменений, сокращения ручных и рутинных операций и т.д.

Но самое главное, за эти годы сформировался коллектив, способный реализовать исследовательский проект, в центре которого — использование времени городским и сельским населением, проект, который, получив формальный статус, становится основой другого, только рождающегося проекта. Суть последнего — равнозначность и органическое сочетание количественного и качественного подходов, рассмотрения макро- и микрофакторов реальных тенденций в повседневной деятельности, теоретических (вплоть до глобальных) и достаточно локальных (российских, сибирских) аспектов. При этом изменения, время, деятельность продолжают находиться в центре внимания исследователей.

Но для реализации этого нового проекта нужны новые силы. И важно сохранить сложившиеся традиции, передать все ценное из накопленного опыта молодым ученым, направить их интерес и энергию на изучение современных актуальных проблем.

Социальные изменения и время

Социальные изменения происходят в разных сферах общества вследствие совершающихся в обществе процессов, внешних событий или тех или иных решений органов власти. Как правило, все эти три фактора действуют в том или ином сочетании друг с другом.

Повседневная деятельность населения, оценка им своего положения и его изменения являются самым важным выражением социальных изменений, можно сказать их сутью. На наш взгляд, повседневная деятельность — это совокупность действий, направленных на удовлетворение наиболее актуальных, насущных (базовых, по А. Мас-

лоу) потребностей. Она осуществляется в определенных условиях жизни семьи, поселения, региона, страны, относительно автономна и косвенно зависит от макроэкономических и политических перемен. Эта деятельность полифункциональна, но долей удовлетворения других потребностей в определенных пределах можно пренебречь.

Деятельность осуществляется во времени, которое является ее фундаментальным ресурсом и которое можно рассматривать как ее количественный измеритель.

Использование временных показателей способствует установлению закономерностей развития повседневной жизни. Первым применил показатели использования времени в изучении социальных изменений С.Г. Струмилин, отметивший большие возможности этого метода в изучении повседневной жизни. “В бюджете времени, — писал С.Г. Струмилин, — не только разделение труда в семье, но и вкусы и потребности работника и его общий культурный уровень получают такое освещение, какого из одной лишь приходно-расходной его книжки никогда не получить” [1]. Символично, что именно это слово — “вкус” — употребляется в названии одной из статей лауреата Нобелевской премии Г. Беккера, посвященной семейной экономике, времени семьи [2]. Временной аспект, оставаясь стержневым, должен дополняться изучением ценностно-потребностных, мотивационных аспектов деятельности, что дает достаточно полное представление о реальном положении человека и его поведении. К сожалению, нам неизвестны результаты эмпирических исследований предметной деятельности на теоретической базе феноменологической социологии, в которой повседневность — одно из основных понятий.

Как показывает многолетний опыт, информация о повседневной деятельности, реальном поведении, получаемая с помощью бюджетно-временного метода, более объективна, чем обычные анкетные опросы. Показатели времени особенно пригодны и информативны при изучении изменений, динамики, но при одном жестком условии: сохранении методики и организации получения информации.

В истории советской, российской социологии известно несколько повторных обследований бюджетов времени городского и сельского населения, проведенных под руководством С.Г. Струмилина, Г.А. Пруденского, В.Д. Патрушева, Л.А. Гордона и Э.В. Клопова, П.А. Эглите, А.П. Митрикаса. Их результаты позволяют рассматривать социальные изменения в терминах использования времени.

В 50—60-е годы бюджетные обследования были нередки и даже модны, но затем наступил эволюционный период, который, конечно, менее интересен для социолога, поскольку изменения происходят относительно небольшие, их непросто зафиксировать. Эмпирические исследования, которые весьма трудоемки, вроде бы не дают весомых результатов. Возможно, вследствие этого в России осталось

лишь две группы исследователей, использующих бюджетно-временной метод: в Институте социологии РАН (руководитель В.Д. Патрушев) и в ИЭиОПП СО РАН.

В 70—90-е годы нашей исследовательской группой была проведена серия обследований бюджетов времени, включая анкетные опросы и сбор статистической информации о поселениях, где проводились обследования, с сохранением методики выборочной совокупности и основной части инструментария.

Бюджеты времени мы рассматривали в качестве исходной информации об изменениях в тех или иных областях жизни, пытаясь объяснить исходя из тех или иных перемен в использовании времени социальные изменения, лежащие в их основе. При этом привлекались и данные анкетных опросов, информация других социологических и экономических исследований и органов статистики. Таким образом, удалось достаточно полно охватить более чем двадцатилетний период, включая эволюционный этап, нарастание кризиса, первый этап кардинальных социально-экономических и политических изменений. Были проведены обследования условий жизни и бюджетов времени работающего населения города Рубцовска (1972, 1980, 1990 гг.) и сельского населения Новосибирской области (1975—1976, 1986—1987, 1993—1994 гг.). Основные характеристики обследования приведены в табл. 31.1 (см. гл. 31 настоящего издания). Анализ статистических данных показал, что динамические показатели социально-экономического развития Рубцовска в 70—80-е годы были близки к российским среднероссийским показателям. Три бисезонных обследования сельского населения проведены в Новосибирской области, “занимающей центральное положение в Западной Сибири и близкой по большинству показателей к среднерегionalным характеристикам социально-экономического развития села” [3].

Тенденции, выявленные по результатам всего долговременного мониторинга или лонгитюдного исследования, в большей мере отражают состояние общества в целом и его изменения, чем региональную специфику.

Готовила и проводила обследования группа сотрудников отдела социальных проблем ИЭиОПП СО РАН в составе В.А. Артемова (руководитель), Н.А. Бальковой, Г.П. Гвоздевой, В.В. Шушпановой, а также Ю.А. Глебовой, З.И. Калугиной и И.И. Харченко при участии в качестве интервьюеров значительного числа сотрудников института и других организаций, студентов экономического факультета НГУ. Программное обеспечение для ЭВМ на разных этапах разрабатывали А.М. Морозов, М.Л. Суховский, П.С. Ростовцев, В.С. Костин, Ю.Г. Корнюхин, Н.Ю. Смирнова.

Работа последнего этапа, непосредственно начатая в 1993 г., выполнена не только на средства прямого бюджетного финансирования, но и на средства экспедиционных грантов Президиума СО РАН

(1993, 1994 гг.), грантов Фонда Сороса и Министерства науки РФ (1993 г.), грантов РГНФ №95—06—17689 (1995—1997 гг.) и №96—03-04486 (1996 г.), гранта ИНТАС “INTAS-93-2770” (1993-1996 гг.).

Изменения в условиях жизни, в структуре деятельности и использовании времени в 70—80-е годы

Условия жизни. Уровень жизни в 70—80-е годы повысился довольно заметно, хотя, может быть, не так, как хотелось бы. Однако это улучшение достигнуто очень большой ценой: Не за счет роста эффективности экономики, производительности труда, сокращения потерь, более рационального использования ресурсов, а за счет экстенсивных факторов, почти хищнического отношения к ресурсам.

Улучшились жилищные условия, заметно возросла обеспеченность предметами длительного пользования. В несколько раз увеличилась доля имеющих автомашину. Существенно выросло подсобно-рекреационное хозяйство горожан. Так, две трети опрошенных работников Рубцовска имели участок около дома или за городом, но потребность в них не была еще удовлетворена: треть жителей садили картофель на коллективном огороде. В рассматриваемое двадцатилетие параллельно с жилищным строительством шло строительство гаражей и садовых домиков, дач горожан разной степени капитальности.

В целом следует отметить движение к относительно приличному общему социальному минимуму за счет повышения уровня жизни менее обеспеченных социальных групп. Заметно сократились различия традиционных социальных групп по основным количественным показателям материального благосостояния: жилищным условиям, доходу, личному транспорту [4].

Давая общую оценку материального положения, в которой отразился как уровень доходов, так и накопленное имущество, реальные потребности и возможности их удовлетворения, около четверти городских и более половины сельских работников отметили, что или денег в целом хватало, около 40 % в селе и 60 % в городе — что хватало денег только на самое необходимое, а 8—14% вынуждены были ограничивать себя даже в самом необходимом (табл. 26.1).

Рост материальных потребностей и относительное сокращение финансовых возможностей их удовлетворения привели к существенным изменениям в оценках направлений улучшения жизни. “Увеличение доходов” с третьего места в 1980 г. (после “Улучшения снабжения товарами” и “Улучшения жилищных условий”) у горожан переместилось на первое место. В этом приоритете доходов сказалось близкое к интуитивному ощущение необходимости сбалансированности рыночных (“базарных”) цен и дохода за счет его роста. Отразилось и

Таблица 26.1

Оценка работниками материального положения семьи, % к числу ответивших

Оценка	Село	Рубцовск	Село	
	(июнь 1987 г.)	(март 1990 г.)	Июнь 1993 г.	Ноябрь 1994 г.
Денег хватает на все	10	1	1	9
В целом денег хватает	42	22	13	
Денег хватает только на самое необходимое	39	59	45	48
Денег не хватает даже на самое необходимое	8	14	41	42
Затрудняюсь сказать	1	4	0	1

усиление роли материальной ориентации в мотивации и, видимо, в стимулировании труда. Зарботная плата становилась не только важной причиной смены работы, но и мотивом выполнения дополнительной работы на основном или другом рабочем месте.

Изменения в структуре деятельности и использовании времени. Еще первое повторное рубцовское исследование (1980 г.) позволило сделать ряд важных выводов об изменениях в использовании времени городским работающим населением. Главный из них — сокращение

Таблица 26.2

Изменение бюджета времени работающего населения Рубцовска в 1972—1990 гг., часов в неделю (март)

Вид деятельности (затрата времени)	Мужчины			Женщины		
	1990 г.	Разница		1990 г.	Разница	
		1990 г. с 1980 г.	1980 г. с 1972 г.		1990 г. с 1980 г.	1980 г. с 1972 г.
Рабочее время	43,7	+0,9	-1,3	40,1	-1,3	-1,9
Внерабочее время, связанное с работой	6,6	-0,3	-0,5	5,5	0,0	-0,5
Домашний труд	10,4	-1,5	+3,1	27,0	+1,1	-1,2
Труд в подсобном хозяйстве	1,4	+0,9	+0,4	0,4	+0,3	0,0
Уход за детьми и занятия с ними	3,9	-1,9	+1,6	6,5	+0,2	+1,3
В том числе занятия с детьми	2,7	-1,5	+1,1	3,2	0,0	+0,9
Сон, еда, уход за собой	68,5	+1,3	-0,3	67,8	+2,6	+1,0
В том числе сон	53,6	-0,6	-1,3	53,0	+0,7	-0,3
Свободное время	33,3	+0,6	-3,2	20,5	-2,9	+1,4
В том числе:						
учеба и самообразование	0,5	-1,4	-1,9	0,3	-0,6	-0,4
зрелища	1,8	-0,6	-0,5	1,0	-1,5	-0,1
чтение	5,4	-1,1	+0,6	3,3	-0,5	+1,2
просмотр телепередач	14,5	+3,0	+2,5	9,7	+1,2	+2,7
физкультура и спорт	0,8	-0,1	0,0	0,3	-0,2	-0,1
Прочие затраты	0,2	0,0	+0,1	0,2	0,0	-0,1
ОБЩАЯ ТРУДОВАЯ НАГРУЗКА (включая уход за детьми)	63,3	-0,4	+2,3	76,3	+0,3	-3,2
СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ (включая занятия с детьми)	36,0	-0,9	-2,1	23,7	-2,9	+2,3

времени труда в общественном производстве и увеличение — в домашнем хозяйстве (табл. 26.2). Эта тенденция отражала прежде всего снижение эффективности государственной экономики, объективную необходимость перехода на интенсивный путь развития, более адекватного соотношения труда и вознаграждения. Вместе с тем в связи с ростом материально-бытовых потребностей, а также с ростом потребности в активном отдыхе, потреблении информации, занятиях с детьми, повысилась значимость времени, свободного от основной работы. Важным было и сближение трудовой нагрузки мужчин и женщин за счет сокращения рабочего времени последних, приближение фактической продолжительности рабочей недели к законодательно установленной норме (41 ч). Эти тенденции особенно отчетливо проявились при анализе данных повторного сельского обследования (1986-1987 гг.) (табл. 26.3, 26.4).

Однако предполагалось, что изменения в стране, повышение самостоятельности предприятий, роли экономических методов управления ослабят выявленную тенденцию сокращения рабочего вре-

Таблица 26.3

Изменение бюджета времени работающего сельского населения в 1975—1994 гг., часов в среднесезонную неделю

Вид деятельности (затрата времени)	Мужчины			Женщины		
	1993-1994 гг.	Разница		1993-1994 гг.	Разница	
		1993-1994 гг.	1986-1987 гг.		1993-1994 гг.	1986-1987 гг.
Рабочее время	49,6	-4,9	+0,1	36,5	-6,9	-0,5
Время, связанное с работой	4,8	+0,4	+0,3	4,2	-0,4	+0,4
Домашний труд и посещение учреждений обслуживания	5,4	+0,4	0,0	25,7	+1,2	+1,2
Работа в подсобном хозяйстве	17,1	+3,2	+4,5	18,6	+3,4	+2,3
Уход за детьми и занятия с детьми	1,7	-0,9	+1,1	3,7	-0,6	+0,6
В том числе занятия с детьми	+1,1	-0,4	+0,7	1,3	0,0	+0,1
Сон, еда, уход за собой	63,3	+0,1	-3,6	61,2	+0,3	-0,6
В том числе сон	49,7	-1,8	-4,2	48,6	-0,3	-2,1
Свободное время	24,3	+0,6	-2,2	16,4	+2,1	-3,4
В том числе						
учеба, самообразование	0,3	+0,1	-0,3	0,1	-0,1	-0,4
просмотр телепередач	11,9	+1,6	+4,1	7,3	+1,7	+1,0
прием гостей и в гостях	3,8	+0,8	-1,8	3,6	+0,5	-1,2
Прочие занятия	1,8	+1,1	-0,2	1,7	+0,9	0,0
ОБЩАЯ ТРУДОВАЯ НАГРУЗКА (включая уход за детьми)	77,5	-1,4	+5,3	87,4	-3,3	+3,9
СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ (включая занятия с детьми)	25,4	+0,2	-1,5	17,7	+2,1	-3,3

Таблица 26.4

Изменение бюджета времени работников сельского хозяйства в 1975—1994 гг., часов в средне-сезонную рабочую неделю

Вид деятельности (затрата времени)	Мужчины			Женщины		
	1993—1994 гг.	Разница		1993—1994 гг.	Разница	
		1993-1994 гг. 1986-1987 гг.	1986-1987 гг. 1975-1976 гг.		1993-1994 гг. 1986-1987 гг.	1986-1987 гг. 1975-1976 гг.
Рабочее время	54,7	-5,4	-0,3	40,1	-5,0	-3,0
Время, связанное с работой	4,3	-0,2	+0,7	5,5	-0,6	+ 1,0
Домашний труд и посещение учреждений обслуживания	3,6	+0,6	-1,0	24,8	+0,6	+3,4
Работа в подсобном хозяйстве	16,3	+0,9	+5,6	19,8	+0,9	+2,1
Уход за детьми и занятия с детьми	1,5	-0,2	+0,5	3,6	+0,9	-0,7
В том числе занятия с детьми	1,4	+0,4	+0,4	1,3	+0,5	-0,2
Сон, еда, уход за собой	62,3	+ 1,4	-5,4	58,7	+0,2	-0,6
В том числе сон	49,0	+0,1	-6,6	47,1	+0,2	-2,2
Свободное время	23,2	+1,3	-0,1	14,4	+2,7	-2,2
В том числе:						
просмотр телепередач	11,7	+2,3	+4,7	6,2	+0,7	+0,8
посещение, прием гостей	3,9	+ 1,1	-1,7	4,1	+ 1,9	-0,5
Прочие затраты	2,1	+ 1,6	0,0	1,1	+0,3	0,0
ОБЩАЯ ТРУДОВАЯ НАГРУЗКА (включая уход за детьми)	79,0	-4,7	+5,1	92,5	-3,7	3,0
СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ (включая занятия с детьми)	24,6	+1,7	+0,3	15,7	+3,2	-2,4

мени, поскольку оно стало ближе к его регламентированной величине и увеличилось число имеющих дополнительную работу.

Действительно, к началу 1990 г. рабочее время даже несколько возросло по сравнению с 1980 г. (см. табл. 26.2). Это касается работающих мужчин, а относительно работающих женщин можно предположить дальнейшее сокращение рабочего времени и перелив части их труда в сферу домашнего хозяйства. Следует добавить и рост доли имеющих дополнительную работу: более 17 % отметили, что имели вторую работу, и еще 42 % хотели бы ее иметь. В этом нашли отражение возможности больше работать и потребности иметь больший доход.

Увеличилась экстенсивная величина общей трудовой нагрузки у сельского населения, которая достигла, видимо, физиологического предела. У сельских работниц это произошло за счет роста их занятости в домашнем и подсобном хозяйстве при сокращении рабочего времени, а у мужчин — их труда в подсобном хозяйстве, где производились продукты для потребления в семье, помощи городским родственникам и для обмена на дефицитные в то время товары.

Аналогичные изменения в структуре труда произошли и у горожан. Доля неоплачиваемого труда у женщин увеличилась с 38 % в 1972 г. до 40 % в 1990 г. за счет сокращения занятости в общественном производстве, а у мужчин — с 16 до 21 % соответственно в связи с ростом их затрат труда в домашнем и подсобном хозяйстве. Судя по ответам на анкетные вопросы, почти все городские работники, имеющие участок, работали в весенне-летний сезон на нем несколько раз в неделю, а сама работа в среднем продолжалась 3,6 часа на случай. В 1972—1980 гг. прагматические материальные функции садово-огородного труда усиливались одновременно с усилением творческой функции.

В предреформенный период повысилась роль домашнего труда в удовлетворении потребности семьи в питании и других условиях жизнеобеспечения. Повышенной трудовой нагрузкой сибиряки компенсировали относительно худшие по сравнению с западными районами условия жизни. Главными причинами увеличения домашнего труда, кроме повышения ценности самой семьи, являлись низкие доходы, трудности продовольственного обеспечения, малая доля готовых продуктов и полуфабрикатов в торговле, невысокое качество бытового обслуживания и работы ремонтных служб. Так, в городе 47 % работающих мужчин и 66 % работающих женщин отметили, что для более полного удовлетворения бытовых потребностей на домашний труд надо тратить больше времени, чем расходуется. Это говорило о значительной неудовлетворенности работников своим бытом. Положение можно было изменить путем улучшения жилья и всей вещной обстановки, развития сферы услуг, повышения степени доступности (прежде всего денежной) и — что наиболее реально и достижимо, — путем увеличения затрат своего времени на домашние дела. В ответе на вопрос об использовании возможного прироста свободного времени тоже наблюдалась тенденция роста доли желающих использовать его для домашнего труда.

Основную часть домашних дел по-прежнему выполняла работающая женщина. Неравенство в трудовой нагрузке работающих женщин и мужчин сокращалось медленно. У первых она была больше на 13 часов в городе и на 12 часов на селе. (Для ср.: в Финляндии по всему занятому населению эта разница составила 6 ч при существенно меньшей разнице между городом и селом [5].)

Сходные тенденции в использовании бюджетов времени обнаружены и при изучении других объектов, хотя есть и определенные различия, вызванные социально-экономическими и другими факторами [6].

Рост общей трудовой нагрузки и изменение потребностей привели не только к уменьшению свободного времени, но и к изменению его структуры: сокращению времени на учебу и повышение квалификации, росту затрат времени на просмотр телепередач при уменьшении времени посещения зрелищных учреждений. Просмотр телепередач превратился в доминантный вид досуга: в структуре свободного

времени его доля у сельских женщин составляла в 1975—1976 гг. — 31 %, в 1986—1987 гг. — 47, у мужчин — 21 и 43%. Вторым по продолжительности занятием является общение со знакомыми и родственниками. В целом незначительно изменилась продолжительность активной деятельности во вне рабочее время (физкультурно-спортивные, творческие и любительские занятия) при ее довольно малой доле в бюджете времени.

Сохранилась и тенденция значительного сокращения доли посещающих библиотеки и читальные залы, театр и кинотеатр. Первое заменяли в какой-то мере домашняя библиотека и подписные издания, которые к концу 80-х годов стали заметно интереснее и вполне доступнее (до повышения цен при подписке на 1991 г.), а зрелища (театр, кино, спорт) все больше вытеснялись телевизором. В 1990 г. интерес к информации, получаемой через телевидение и газеты, был близок к пику: просмотр телепередач и чтение газет стали практически ежедневными почти для всех работников. В 1989—1991 гг. в городах реальным конкурентом кинотеатров были видеосалоны.

Еще в 1980 г. были отмечены увеличение доли регулярно занимающихся с детьми, проводящих с детьми свободное время, и повышение для родителей значимости воспитания и образования детей, условий для этого. Данная тенденция продолжилась и в 80-е годы. Особенно заметно сократилась доля работников, совсем не участвующих в этой деятельности. Хотя в селе обнаружилась и другая тенденция: сокращение времени занятий с детьми у женщин, занятых в сельском хозяйстве, из-за чрезмерной трудовой нагрузки (лето 1987 г.).

Взросший уровень образования вместе со снижением его нужности, фактической потребности в нем существенно изменили ситуацию еще в конце 70-х годов. Резко сократились доля обучающихся без отрыва от работы, затраты времени на учебные занятия, желание использовать на них свободное время. Конечно, нельзя не учитывать и развивавшееся обучение в рабочее время: разного рода курсы, школы, факультеты повышения квалификации и т.п. Сократилась производственная и культурная функция повышения образования и квалификации при росте прагматической, связанной с материальной выгодой.

В целом удовлетворенность досугом снизилась.

Следует отметить, что тенденции в использовании свободного времени совпадали с мнением (и его изменением) о предполагаемом использовании дополнительного свободного времени, что позволяло говорить о продолжении тенденций.

Таким образом, повседневная жизнь населения в 70—80-е годы приобрела черты своеобразной реакции на снижение эффективности государственной экономики. Этот образ жизни мы определили как способ выживания с помощью доступного людям выбора активности в обеспечении своего благосостояния.

Во-первых, усилилась ориентация в реальной деятельности на семью, ее материальное благосостояние. Так проявилась сильная глубинная тенденция на возрождение в широком смысле слова роли семьи в обществе. Выросла потребность в семейном общении, повысилась ценность детей, условий для их образования и воспитания и одновременно проявилась недостаточность семейной экономической базы.

Во-вторых, увеличились доля индивидуально-семейного неоплачиваемого труда в общей трудовой нагрузке, экстенсивная величина общей трудовой нагрузки у сельского населения, но снижалась роль общественного труда в обеспечении потребностей населения. Большая часть населения по-прежнему возлагала на государство ответственность за удовлетворение ряда своих основных потребностей — в охране здоровья, жилье, обеспечении пожилых. “Натурализация” деятельности имела как негативное, так и позитивное значение для перехода к рыночным отношениям. Население приспосабливалось к ухудшению потребительского рынка, росту цен на продукты питания. Индивидуально-семейная сфера труда с ее весьма разнообразными выходами в официальный или теневой рыночный сектор стала своеобразной школой проверки и привития “предпринимательских” качеств.

В-третьих, и в сознании людей, и в практической деятельности наиболее предпочтительным способом повышения благосостояния стало увеличение доходов. Заинтересованность в доходах способствовала росту доли работников, имеющих дополнительную оплачиваемую работу или желающих ее иметь.

В-четвертых, сократилось свободное время, усилился информационно-восстановительный характер его использования, произошло реальное и проективное сокращение образовательной деятельности в свободное время, что в некотором смысле сдерживало повышение квалификационно-трудового потенциала.

Данные обследований ЦСУ РСФСР 1977, 1980, 1985 и 1990 гг. [7] при всей их специфике позволяют дополнить картину основных тенденций в использовании времени городским и сельским населением, тем более что одно из них проводилось и в 1985. При некотором различии в тенденциях изменения использования времени городскими и сельскими работниками обнаруживается одна очень важная особенность. После 1985 г. наметился перелом некоторых тенденций при усилении других, в частности достаточно четкая (особенно для мужчин) тенденция на рост общей трудовой нагрузки, в том числе рабочего времени и времени труда в ЛПХ, а у сельских работников — и времени домашнего труда. То есть росли затраты труда как оплачиваемого, так и частично или полностью не оплачиваемого, как в государственно-кооперативном секторе, так и в своем семейном хозяйстве. В 1985—1987 гг. социально-психологическая ситуация сильно изменилась и появилась надежда на то, что добросовестный квалифицированный труд будет больше сказываться на доходах, благополучии семьи, помо-

жет преодолеть в стране обострившийся кризис. Бюджет времени как бы говорит: люди засучили рукава, чтобы работать, зарабатывать, повышать своим трудом благосостояние.

В целом к началу 90-х годов сложились относительно благоприятные предпосылки для реформистских мер в сфере труда, производства. Однако эти обстоятельства не были использованы в качестве позитивного фактора при осуществлении реформы [8]. Население было слабо включено в ее реализацию, не стало ее активным субъектом.

90-е годы: текущие результаты реформирования

Гипотеза о продолжении ряда тенденций, характерных для 70—80-х годов, была проверена на материалах третьего обследования бюджетов времени сельского населения (1993—1994 гг.). Кроме того, в нашем распоряжении были данные социологических опросов о поведении городского населения, проведенных в 1993—1996 гг. сотрудниками отдела социальных проблем ИЭиОПП СО РАН (руководители Ф.М. Бородкин, В.А. Артемов).

Нас интересовали прежде всего перемены в реальных условиях жизни и в повседневной деятельности большей части работающего сельского и городского населения.

Условия жизни. В начале 90-х годов произошел резкий спад в производстве, в доходах и потреблении большинства населения [9]. Но есть и другие не менее значимые показатели, хотя они и не измеряются так четко, в частности, настроение людей, их душевное состояние. При опросе сельского населения в 1993 г. 69 % отметили, что меньше стала уверенность в завтрашнем дне, почти три четверти считали, что хуже стали отношения между людьми. Практически на противоположную по сравнению с 1987 г. сменилась оценка сельскими жителями изменения поселенческих условий (табл. 25.5). Заметим, что наши обследования в городе и селе ставят достаточно сложную и нетривиальную задачу измерения и объяснения связи между реальными изменениями условий жизни семьи, поселенческих условий с их субъективной оценкой населением, представителями отдельных социальных групп.

Коренное изменение условий и уровня жизни в последние годы не могло не сказаться на продолжительности и структуре труда, на соотношении рабочего времени, отрабатываемого в общественном секторе экономики, и времени, расходуемого на ведение домашнего и личного подсобного хозяйства.

В дальнейшем изложении основное внимание уделено сельскому населению, поскольку в 90-е годы удалось продолжить исследование бюджетов времени только в селе.

Общая трудовая нагрузка. Рост трудовой нагрузки сельского населения в 1975—1987 гг. мы оценивали как экстремальный. Данные

Таблица 26.5

Оценка сельскими работниками изменений условий жизни и своего состояния за последние 3—5 лет перед опросом, в % к числу ответивших

Условие жизни, состояние	1987 г.		1993 г.	
	Лучше	Хуже	Лучше	Хуже
Транспортное обслуживание	64	8	17	50
Медицинское обслуживание	56	6	5	49
Бытовое обслуживание	51	17	4	66
Условия воспитания, учебы детей	44	11	8	33
Торговое обслуживание	40	26	25	46
Условия для досуга, отдыха	22	19	9	37
Жилищные условия семьи	Нет данных		29	18
Ощущение личной безопасности	То же		3	32
Состояние здоровья	»		3	44
Материальное положение	»		9	64
Уверенность в завтрашнем дне	»		6	69
Отношения между людьми	»		2	72

обследования 1993—1994 г. частично подтвердили такую оценку (см. табл. 26.3, 26.4). Общая трудовая нагрузка сельского работающего населения несколько снизилась, продолжилось перераспределение времени труда в сферу семейного хозяйства. Более четко эта тенденция проявилась у работников, занятых непосредственно в сельскохозяйственном производстве: увеличилось свободное время и время удовлетворения естественных потребностей. Эти изменения более характерны для женщин, находившихся на момент предшествующего обследования в крайне неблагоприятных условиях. Рабочее время сельских женщин (как, кстати, и городских) сокращалось еще в 70—80-х годах, но особенно резко — видимо, в начале 90-х годов. Так, доля в общей трудовой нагрузке в 1975—1976 гг. составляла 55,5%, в 1986—1987 гг. — 52,9, а в 1993—1994 гг. — 46,5%. Более четко заметна такая тенденция у женщин, занятых в сельском хозяйстве; в известной мере это также следствие снижения субъективной удовлетворенности трудом.

Соответственно увеличилась доля неоплачиваемого труда (в домашнем и личном подсобном хозяйстве) у женщин с 44,5 % в 1975—1976 гг. до 53,5 % в 1993—1994 гг., у мужчин — с 19,5 до 29,2 %. Продукция ЛПХ стала относительно и абсолютно более значимой для семьи. Усилился натуральный характер семейного хозяйства: в 1993 г. лишь 30 % опрошенных сельских работников продавали продукцию своего хозяйства на рынке или заготовительным организациям (из них каждая пятая семья продавала больше половины продукции). Такое же распределение продукции было и в 1994 г. с некоторым увеличением доли желающих в будущем больше потреблять продукции ЛПХ в семье или передавать родственникам. В немалой степени это связано с трудностями выгодной реализации продукции своего хозяйства на рынке или в другой форме. Значительно сократилась разница во вре-

Таблица 26.6

Намерения работающего населения относительно ведения личного подсобного хозяйства, % к числу ответивших

Намерение	Село			Город 1993 г.
	1975 г.	1986 г.	1993 г.	
<i>Завести ЛПХ</i>	1,8	2,8	9,1	18,1
<i>Расширить</i>	8,6	16,7	38,2	26,1
<i>Сохранить</i>	51,0	50,3	46,7	31,6
<i>Сократить</i>	19,6	16,8	1,6	1,1
<i>Отказаться</i>	9,2	3,4	0,3	1,7
<i>Другое, не знаю</i>	9,8	10,1	2,2	9,5
<i>Нет и не хочу</i>			1,9	11,9

мени труда в ЛПХ женщин, занятых в сельском хозяйстве, и остальных работающих сельских женщин. Очень значительное увеличение времени труда в ЛПХ произошло у работающих мужчин — на 82 %. Доля желающих сократить или не иметь вообще ЛПХ существенно уменьшалась (табл. 26.6). Аналогичные изменения произошли и у неработающих пенсионеров. На 15 ч у мужчин и на 13 ч у женщин в среднесезонную неделю выросло по сравнению с 1975—1976 гг. время труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве.

Возможно, в конце 80-х годов установилось некоторое равновесие на предельном уровне совокупных затрат труда. За ним должно было последовать (1) либо сокращение времени труда в личном подсобном хозяйстве, если бы реорганизация колхозов и совхозов привела к их экономической самостоятельности, росту эффективности и объема производства, (2) либо сокращение рабочего времени, если в совхозно-колхозном секторе таких перемен не произойдет. Именно второй вариант с большим числом негативных последствий мы и наблюдаем в действительности. Увеличилась с 10 % в 1986 г. до 14 % в 1994 г. доля работников, выполняющих дополнительную работу, еще 26 % хотели бы ее выполнять, остро ощущая потребность не только в доходах, но и в “живых” деньгах. В селе по-прежнему не было разнообразия мест приложения труда, а затем возник общий недостаток рабочих мест.

Увеличение времени домашнего труда как у женщин, так и у мужчин связано с ростом потребностей в качестве питания, уюте, с денежными затруднениями и с резким сокращением бытового обслуживания. Объем платных услуг в 1994 г. составил 30 % к 1990 г., причём доля бытовых услуг в общем их объеме сократилась втрое [10].

Тенденция сокращения времени труда в общественном производстве у женщин объясняется необходимостью более сбалансированного распределения времени между важнейшими функциями женщины — общественным трудом и воспроизводством человека. Вместе с расширением выбора форм труда по жизнеобеспечению семьи это в целом свидетельствует об усилении значимости повседневной деятель-

Таблица 26.7

Сфера, в которой сельские работники получали большее удовлетворение, % к ответившим

Сфера, вид занятий	Год	Мужчины	Женщины
Работа в общественном хозяйстве	1986	77,6	65,2
	1993	52,1	51,9
Труд в ЛПХ	1986	9,5	6,7
	1993	30,6	8,3
Домашние дела	1986	22,4	31,5
	1993	29,8	39,6
Общественная работа	1986	4,6	5,1
	1993	1,9	4,6
На досуге	1986	11,2	4,8
	1993	12,5	9,4
Занятия с детьми	1986	16,6	30,1
	1993	16,6	27,6
Затрудились ответить	1986	6,2	11,2
	1993	6,4	5,7

ности по удовлетворению потребностей семьи [11]. Однако в глазах женщин самооценку труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве существенно не повысилась (табл. 26.7). Причина — в очень большой вынужденности и тяжести этого труда.

Продолжалось сокращение различий между мужчинами и женщинами в величине общей трудовой нагрузки, свободного времени. В 1975—1976 гг. трудовая нагрузка работающих женщин была на 13,2 ч в неделю больше, чем у мужчин, в 1986—1987 гг. — на 11,8 ч, в 1993—1994 гг. — на 9,9 ч. Свободное время было у женщин меньше, чем у мужчин, на 5,4; 9,6 и 7,7 ч соответственно.

Изменения в общих условиях жизни в стране не могло не сказаться на сокращении различий в величине и структуре труда между жителями поселений разного типа. В городских обследованиях 1972—1990 гг. было отмечено заметное увеличение сельскохозяйственного труда горожан. Ярким проявлением этой тенденции является значительное сближение структуры общей трудовой нагрузки жителей неурбанизированных и урбанизированных сел за счет увеличения во вторых затрат времени на труд в личном подсобном хозяйстве (табл. 26.8). У работающих мужчин неурбанизированных сел трудовая нагрузка в 1987 г. была на 10 ч в неделю больше, чем в урбанизированных, в 1993 г. разница сократилась до 7 ч. У женщин в урбанизированных селах трудовая нагрузка стала не меньше, как в 1987 г., а больше, чем в неурбанизированных селах, прежде всего за счет увеличения труда в подсобном хозяйстве. Отметим, что сельское хозяйство — практически единственная сфера приложения труда в неурбанизированных селах. “Источники” прироста времени труда жите-

Таблица 26.8

Бюджет времени работников, проживающих в урбанизированных сельских поселениях с развита экономической структурой, часов в неделю (июнь)

Вид деятельности (затрата времени)	Женщины		Мужчины	
	1993 г.	Разница с 1987 г.	1993 г.	Разница с 1987 г.
<i>Труд в общественном секторе</i>	38,6	-3,3	50,9	-1,6
<i>Время, связанное с работой</i>	4,0	0	5,6	+1,1
<i>Труд в подсобном хозяйстве</i>	26,3	+7,6	21,8	+6,7
<i>Домашний труд</i>	25,0	+0,1	10,2	+3,3
<i>Сон, питание, уход за собой</i>	59,5	-1,8	57,5	-5,4
<i>Свободное время</i>	13,2	-3,4	21,0	-4,0
<i>Прочие затраты</i>	1,4	+0,8	1,0	-0,1
<i>Общая трудовая нагрузка</i>	93,9	+4,4	88,5	+9,5

лей урбанизированных сел в подсобном и домашнем хозяйстве — это прежде всего свободное время и время труда в общественном секторе, а также время удовлетворения естественных потребностей.

При увеличении безработицы происходят также заметные изменения в структуре трудовой деятельности работающего населения города. По данным опроса работников Новосибирска (июль 1996 г.), проведенного нами через Центр социальной адаптации по заказу Городского центра занятости, следует отметить их весьма высокую трудовую активность: 19% ответивших имели какую-либо дополнительную работу и половина хотела бы иметь вторую или третью работу. Более 60 % могли бы, по собственной оценке, работать лучше, качественнее, с большей отдачей; 53 % предпочли бы выбрать вариант получать “более” или “значительно более” высокие доходы, имея большие переработки или экономически рискуя. На сравнительно небольшой, но гарантированный заработок без переработок были ориентированы 27% ответивших. По самооценке, за последние 2—3 года у 28% ответивших увеличилась продолжительность труда на основной работе (стала меньше у 16%), у 12% — на дополнительной работе. При этом рост “обеспечили” в основном женщины.

Значительна, хотя в 1996 г. меньше, чем в 1993 г., доля (как мужчин, так и женщин) тех, у кого увеличились затраты труда на ведение личного подсобного хозяйства. Видимо, здесь экстенсивная трудовая нагрузка тоже достигает физической предельной величины, особенно в весенне-осенний период. Продукцию своего хозяйства среди основных источников средств существования семьи назвали 62% ответивших, чаще называлась только заработная плата (96%). (Для ср.: предпринимательский доход назвали 14% опрошенных.) Лишь 32% работников ответили, что не имеют садово-огородного участка или на нем не работают. При этом 48% тех, кто хотя бы примерно оценивал соотношение затрат (труда, денег) и полученной продукции, считают, что затраты больше, и 27 % — что затраты меньше результата.

В целом трудовая нагрузка работающих продолжала расти. Однако можно говорить об очень небольших позитивных изменениях в адаптации работающего населения к новым экономическим отношениям и условиям жизни. Каков результат отмеченного выше перераспределения труда, показывает самооценка своего материального положения (см. табл. 26.1), его изменения за предшествующий год. Здесь очень кстати напомнить слова П.А. Сорокина: “Бедность или благополучие человека измеряется не тем, чем обладает он в данный момент, а тем, что было у него ранее и в сравнении с другими членами сообщества” [12].

Об экономическом положении работников говорит и тот факт, что, судя по ответам, доходы позволяли удовлетворять в основном лишь наиболее насущные потребности городской семьи: в питании, оплате жилья, покупке самых необходимых товаров повседневного спроса и медицинских услуг, пока преимущественно бесплатных.

Свободное время. Продолжительность свободного времени работающего сельского населения в 1993—1994 гг. увеличилась по сравнению 1986—1987 гг., особенно у женщин. Необходимо отметить, что у женщин, занятых в сельском хозяйстве, количество свободного времени по-прежнему остается незначительным при самой продолжительной общей трудовой нагрузке.

Свободное время стало в еще большей степени использоваться для пассивного отдыха в сочетании с потреблением информации (телепередачи) или общением. Меньше стала посещаемость учреждений культуры, сократилась частота ставшего в конце 80-х годов практически ежедневным чтения газет. Доля работников, не читающих газет, увеличилась в 1994 г. в 4 раза по сравнению с 1986 г. (в основном из-за нехватки денег на подписку). В 1994 г. среди сельских семей 41 % не выписывали ни одной газеты и 82 % — ни одного журнала, что значительно больше, чем в конце 80-х годов. Телевидение с его коммерческим характером стало почти единственным источником внешней информации.

Время занятий с детьми несколько увеличилось после спада в конце 80-х годов. В некотором смысле и здесь наблюдается тенденция перераспределения труда: от возраставшего в 70—80-е годы равенства мужчин и женщин в педагогическом труде к восстановлению женского приоритета. В целом же недостаток денежных средств и свободного времени привели к обеднению досуга, сокращению его активной части.

Материально-бытовая ориентация деятельности ярко проявилась и в занятиях во время отпуска. Во-первых, в селе в 1994 г. по сравнению с 1986 г. увеличилась в 2—3 раза доля тех, кто по разным причинам не был в отпуске. Во-вторых, сократилась доля отъезжающих в отпуск сельских работников с 34 % в 1986 г. до 8 % в 1994 г. Основными причинами, мешавшими отдыхать так, как хотелось бы, названы

недостаток средств (в 1994 г. 48% ответивших, в 1986 г. — 10%) и необходимость работы в личном подсобном хозяйстве (соответственно 42 и 32%). В-третьих, по сравнению с 80-ми годами заметно увеличилась доля тех, кто во время отпуска работал на участке, заготавливал овощи, ягоды, грибы, занимался ремонтно-строительными работами, подрабатывал. Уменьшилась доля указавших, что во время отпуска отдыхали, занимались с детьми, лечились.

Продолжала снижаться ценность образования, слабела его инструментальная функция. Например, намерение учиться в ближайшее время имели в 1996 г. менее 12% молодых работников Новосибирска. Ситуация противоречива. С одной стороны, в связи с рыночными отношениями, необходимостью повышения эффективности труда, структурной перестройкой повышаются требования к образованию, квалификации, что осознается немалой частью людей, а с другой — под влиянием экономических трудностей перспективная мотивация деятельности замещается сиюминутной или ориентированной лишь на ближайшее будущее, а сокращение производства, в том числе и высокотехнологичного, сужает перспективы получения работы. Микрореперись 1994 г. показала, что более чем вдвое увеличилась по сравнению с 1989 г. доля имеющих только начальное образование среди молодежи 15—19 лет (с 3,9 до 8,5 %), увеличилась с 8,0 до 9,4 % и доля не имеющих полного среднего образования среди молодежи 20—24 лет. Уменьшились возможности получить образование без отрыва от работы. Число вечерних общеобразовательных школ сократилось в Российской Федерации в 1990—1994 гг. с 2,1 тыс. до 1,8 тыс. [13].

Увеличение доли более тяжелого ручного труда сельских работников при продолжительной трудовой нагрузке, видимо, сказалось на самооценке здоровья: в 1987 г. хорошим назвали свое здоровье 36% работников, в 1993 г. — 26%, плохим — соответственно 14 и 21% опрошенных. В 1993 г. 44 % опрошенных сельских работников отметили ухудшение своего здоровья в последние 5 лет (среди женщин — ровно половина). Улучшения здесь трудно ожидать, ибо медицинские услуги стали менее доступными, а отдых явно недостаточен, о чем свидетельствуют и ответы на вопрос о причинах, мешающих желаемому досугу, о проективном использовании дополнительного свободного времени, где ярко проявляются прежде всего актуальные потребности, которые не полностью удовлетворяются в реальное свободное время: в бездеятельном отдыхе, семейном общении, любительских занятиях, по существу, в самых насыщенных базовых досуговых занятиях.

Выводы

1. Показатели бюджетов времени доказали свою информативность в отражении социальных изменений, происходящих под влиянием общих для страны факторов. В сочетании с другой информацией (о

ценностях, мотивах деятельности, условиях жизни, данными статистики) метод и информация бюджетов времени приобретают поистине фундаментальное значение.

2. При охвате достаточно длительного периода становятся более понятными те тенденции, которые удалось выявить на основе полученной в наших обследованиях эмпирической информации. Это, в свою очередь, практически снимает вопрос о специфике региона, выборочной совокупности, а неизменность организационно-методической стороны исследований — и вопрос о влиянии инструмента и исследователя на результаты.

Есть веские основания рассматривать динамические исследования в отдельных, достаточно типичных регионах наряду с национальными выборками или даже вместо них (в случае их отсутствия).

3. Как выяснилось сейчас, наши обследования помогли схватить основные тенденции, хотя, возможно, точки их перелома находятся не обязательно в годах проведения обследований, а либо раньше их, либо позже.

Ход реформы, отношение к ней, ее промежуточные результаты, последствия во многом определяются предреформенными тенденциями в образе и условиях жизни, в сознании большинства населения. Оценка методов, способов, темпов проведения реформы не может быть сделана без адекватного представления того, в каком состоянии подошли люди к началу реформы.

В политике реформирования общества, при оценке принятых решений и их результатов не учитывали сложившийся образ жизни, состояние сознания, ценности, степень готовности к тем или иным изменениям основной части населения и самого государства. Народ оказался не субъектом, а объектом реформ.

4. Большинство населения использовало накопленный за предшествующие годы свой материальный и трудовой потенциал для собственного (почти физического) выживания весьма трудоемким и примитивным образом.

Сложившийся в предреформенный период характер образа жизни как способа выживания проявляется на первом этапе реформ в еще большей степени, а некоторые предреформенные тенденции усиливаются.

Основные изменения в использовании времени в 1970—1990 гг. состоят в сокращении рабочего времени и заметном увеличении доли труда в семейном хозяйстве при сохранении у сельского населения практически предельной продолжительности общей трудовой нагрузки и ее некоторого снижения в первой половине 90-х годов.

Самообеспечение семей продуктами питания и материально-бытовыми услугами приобрело большое значение в связи со снижением реальных доходов, получаемых из общественного сектора.

Семейное хозяйство и семья как первичная социальная общность стали важнейшим фактором сохранения стабильности в обществе и условием выживания населения. Накопленные семейные фонды и деятельность семьи послужили экономическим, политическим, психологическим, нравственным и, возможно, экологическим амортизатором, скомпенсировавшим страшной силы удар со стороны государства, власти.

Экономика страны становится все более семейной экономикой. Но продолжение этой тенденции, видимо, чревато негативными последствиями, грозит стране потерей статуса самостоятельной.

Мы согласны с Т. Парсонсом, который писал, что заслуживают рассмотрения все факторы, воздействующие на поведение людей в качестве факторов социальных изменений [14]. Однако вопрос об экономических причинах и даже их приоритетности НЕ “утратил значения реально важной проблемы”. Правда, сам Т. Парсонс оговаривался, что “многое зависит не только от конкретного случая, но и от характера рассматриваемой проблемы, изменения”. Данные наших исследований раскрывают и специфику реформ, и влияние на повседневную жизнь россиян именно экономического фактора, не умаляя значения, конечно, политических, социально-психологических и др.

5. Оценить состояние и заметные перемены в использовании времени городским и сельским населением России, их близкие и более отдаленные последствия — актуальная и интересная задача, но ее решение выходит за рамки локального объекта: слишком противоречива, сложна ситуация и путь к ней, неоднозначны принципы и последствия выбора решений по выходу из нее. Изменения, происходящие в повседневной деятельности, следует рассматривать в глобальном аспекте, в контексте идей устойчивого развития.

Интерпретация тенденций, выявленных в долговременном мониторинге условий и образа жизни городского и сельского населения, требует теоретических разработок, по крайней мере, по таким вопросам, как соотношение субъективной и научной рациональности повседневной деятельности, соотношение повседневной жизни и политики, экономики и идеологии при разном состоянии общества (эволюционном, кризисном, революционном, реформируемом).

6. Результаты социально-экономических исследований семейного, крестьянского хозяйства, проведенных российскими учеными в первой трети XX в. (А.И. Чупров, М. Давидович, А.В. Чайнов, С.Г. Струмилин и др.), которые стали важным вкладом в социологическую мировую науку, к глубочайшему сожалению, не были реализованы в политике, не восприняты и почти не развиты в отечественной науке. Но они не потеряли своей актуальности, о чем свидетельствует, в частности, факт присуждения Нобелевской премии по экономике в 1992 г. Г. Беккеру (США), основные идеи которого имеют самую тес-

ную связь с работами этих представителей российской науки. Американский социолог и футуролог О. Тоффлер, называет “протребление” (prosuming), т.е. неоплачиваемую работу, не рассчитанную на обмен, но производящую блага и услуги, “ключевым фактором в новой экономике”, экономике постиндустриального общества [15]. Во всех этих разработках время занимает центральное место, поскольку оно — фундаментальный ресурс, количественный показатель человеческой деятельности.

ГЛАВА 27 *“Модернизация” сферы досуга и свободное время населения**

В России появилось немало людей, которых привлекает выдвинутая К. Поппером и развиваемая Дж. Соросом идея о построении открытого общества, в котором человек должен мыслить и действовать самостоятельно, а государство — скорее служить людям, чем управлять их жизнями. Другая часть общества склонна предпочесть этим ценностям патернализм государства, которое предоставляет гарантированный минимум благ своим гражданам и контролирует жизнедеятельность во всех сферах. Возможно ли продвижение в направлении такого общества в России в период трансформации, сопровождаемой экономическим кризисом? Мы попытаемся понять, имеются ли позитивные изменения только в одной сфере жизнедеятельности — сфере досуга, а также какие возникают явления, затрудняющие становление новых ценностей.

Преобразования в этой сфере зависят от деятельности и властей всех уровней, и работников культуры и от того, как сами граждане участвуют в этом процессе, от их включенности и активности.

Еще в конце 80-х годов специалисты сферы культуры и досуга считали, что главные препятствия ее развития — недостаток материальных ресурсов и неразвитость потребностей населения. Приоритетными направлениями признавались: 1) переоснащение, укрепление материальной базы, строительство и реконструкция учреждений культуры; 2) существенное улучшение эстетического и физического воспитания подрастающего поколения; 3) повышение оплаты труда работников культуры, детских дошкольных учреждений, учителей музыки и живописи (которая была существенно меньше, чем в других отраслях); 4) необходимость демократизации управления.

Попытаемся выяснить, по каким из приоритетных направлений развития сферы досуга удалось добиться успехов и какие проблемы стали еще более острыми. Как изменилась структура свободного вре-

* По результатам конкурса 1998 г. по программе “Высшее образование” института “Открытое общество” материал главы должен быть опубликован в виде брошюры.

мени разных групп населения в период реформирования общества, находят ли отражение ценности открытого общества в деятельности населения, учреждений культуры и средств массовой информации?

При этом будем опираться на данные государственной статистики, данные обследований бюджетов времени сельского (Новосибирская область, 1975—1976, 1986—1987, 1993—1994 гг.) и городского (Рубцовск, 1980, 1990 гг.) населения, а также опросов населения о результатах реформ (Новосибирская область, 1993, 1996 гг.), проведенных отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН.

Демократизация общества и досуг

Наибольшее продвижение в решении проблем сферы культуры и досуга было достигнуто в связи с демократическими преобразованиями общества, с ослаблением ограничений на получение и распространение информации и на передвижения в развитые капиталистические страны. (Но было и попятное движение: резко ограничены ранее свободные поездки в некоторые бывшие советские республики, что болезненно воспринимается многими россиянами.) В результате творчество стало более свободным, ослабел идеологический контроль, расширились прямые культурные связи с зарубежными странами, чаще ездят на гастроли заявившие о себе интересные коллективы и высокопрофессиональные артисты, организуются выставки талантливых оригинальных художников.

На институциональном уровне возможности граждан для поездок на отдых расширились и стали более демократическими и менее зависимыми от должностного статуса. Появились новые модели досуговой мобильности, не характерные для прежней России. Зачастую такого рода поездки переплетаются и совмещаются не только с поездками на лечение и восстановление здоровья, но и с поездками по работе, учебе и для установления деловых контактов. Рабочие командировки за рубеж, шоп-туры за товарами внутри России и в страны ближнего и дальнего зарубежья, обмен студентами для работы в летнее время — все эти поездки сопровождаются знакомством с другой культурой, осмотром достопримечательностей и участием в доступных развлечениях. Одним из факторов привлекательности профессий становится возможность совмещения работы с путешествиями.

Расширение свободы передвижений сопровождалось заметным увеличением в России числа гостиниц и мест в них. Особенно бурный рост наблюдался в 1992 г. (гостиниц стало на 45 %, а их вместимость на 11 % больше по сравнению с 1990 г.). И хотя в дальнейшем из-за снижения уровня жизни большинства населения гостиничное хозяйство стало сворачиваться (в 1996 г. их единовременнаямести-

мость сократилась на 7 % по сравнению с 1990 г.), общее число гостиниц для приезжих пока на 11 % превышает дореформенный уровень [1]. В результате конкуренции улучшается качество обслуживания.

Надо сказать, что иностранных граждан въезжало в Россию в 1993—1995 гг. намного меньше (в 1,6 раза), чем выезжало россиян. Заметно возросла доля туристических поездок (с 19% в 1993 г. до 30 % в 1995 г.), а общее число поездок российских граждан по частным приглашениям и с туристическими целями в дальнее зарубежье составило в 1995 г. 5,5 млн чел., превысив в 2,4 раза число иностранцев, приехавших в Россию не по служебным делам [2]. В 1996 г. поток россиян, выехавших за границу, стал меньше и разница сократилась до 2 раз [3]. Можно сказать, что пока Россия больше повернулась навстречу Западу. Небольшой поток прибывающих иностранцев свидетельствует о слабой заинтересованности в контактах и непривлекательности России в связи со сложным экономическим положением, а также о неготовности Запада оказывать всестороннюю поддержку новым созидательным процессам, особенно в сфере производства.

Новым видом международного общения в современном мире становится выход в Интернет, который используется не только для повышения эффективности профессиональной деятельности, но и для личного контакта с людьми в сфере досуга. Все более популярными становятся компьютерные игры. Процессы глобализации в сфере досуга захватывают в ареал влияния жителей крупных промышленно-торгово-культурных центров, пользующихся информационными сетями. Особенно быстро это влияние распространяется на молодежь.

Следует отметить также заметную активизацию деятельности старых и появление множества новых религиозных организаций, их сотрудничество с государственными и общественными организациями, а также влияние на поведение людей (посещение церквей, мест сбора сект, чтение религиозной литературы, обучение детей в православных школах при приходах, благотворительная деятельность). Проявляется большая терпимость к различным религиозным конфессиям и свобода вероисповедания. Вместе с тем есть и некоторые негативные тенденции, прежде всего вовлечение в секты детей и юношества, зомбирование их сознания, уход из семей.

Какие же группы населения почувствовали, что у них расширились возможности для отдыха? Прежде всего это обеспеченные люди. Так, в октябре 1996 г. 20% наиболее богатых россиян на обслуживание и отдых расходовали в среднем в 23 раза больше, чем 20 % наименее обеспеченных, тогда как их общая сумма расходов отличалась примерно в 10 раз [4]. Даже среди селян — одной из проблемных групп населения — определенная часть стала лучше проводить свое свободное время, чем 3—4 года назад: в Купинском районе Новосибирской области (данные 1996 г.) 22 % — лучше, 45 % — хуже и 33 % — как и раньше. Большая часть тех, кто стал лучше проводить

свободное время, — это мужчины до 39 лет и женщины до 30 лет. Они связывают улучшение более всего с увеличением свободного времени (29%) и изменением состава семьи (26 %), с расширением свободы и демократизацией в обществе (14 %), а также с появлением достатка в семьях (8 %). Причинами же ухудшения проведения досуга называются нехватка денег (36 %), сокращение свободного времени (27 %), ухудшение работы или закрытие учреждений культуры (12%), изменение состава семьи (11%), увеличение размеров личного подсобного хозяйства (10%).

Изменение условий для воспитания и отдыха детей

В соответствии с общесоюзной комплексной программой эстетического воспитания населения, разработанной в конце 80-х годов Министерством культуры СССР и АН СССР, были предприняты определенные шаги по созданию предпосылок, необходимых для эстетического воспитания детей: велась работа с родителями, пропагандировались художественные достижения детей, проводились всероссийские и международные конкурсы молодых талантов, расширились возможности для гастролей и для обучения наиболее талантливой молодежи за рубежом.

Что касается условий для внешкольных занятий детей, то, на первый взгляд, здесь все относительно благополучно: за 1990—1993 гг. число детей, занятых в музыкальных, художественных школах, школах искусств, и количество читателей самостоятельных детских библиотек выросло (табл. 27.1). Вместе с тем доля тех, кто был вовлечен в деятельность внешкольных учреждений, сократилась, так как с 1989 по 1994 г. на 8 % увеличилось число детей в возрасте 6—17 лет [5]. Фактически возросла лишь доля детей, занимающихся в художественных школах и школах искусств. Однако прием в музыкальные и спортивные школы был ограничен из-за их закрытия, что препятствует овладению в детстве важными культурно-досуговыми навыками и физическому развитию.

Таблица 27.1

Изменение числа детских внешкольных учреждений (а) в России и количества занятых в них детей (б), % к 1990 г.*

Тип учреждения	1980 г.		1985 г.		1993 г.	
	а	б	а	б	а	б
<i>Музыкальные школы</i>	93	94	95	90	88	104
<i>Художественные школы</i>	94	82	95	84	95	111
<i>Школы искусств</i>	20	21	52	53	186	198
<i>Самостоятельные детские библиотеки</i>	93	96	96	105	100	107
<i>Детско-юношеские спортивные школы</i>	68	50	84	89'	84	87

* Источник: *Уровень жизни населения Российской Федерации* / Госкомстат РФ. М., 1995. С. 52.

Особенно необоснованным представляется сворачивание деятельности детских спортивных школ, если вспомнить, что средства для строительства различных дорогостоящих спортивных сооружений всегда находились. С 1990 по 1996 г. число крупных стадионов увеличилось на 23, спортивных залов — на 2,5 тыс., плавательных бассейнов — на 349 [6]. Но многие из них детям недоступны, так как высока плата за занятия. Количество более доступных плоскостных спортивных сооружений (площадки и поля) за шесть лет сократилось на 62 тыс., или в 1,8 раза [7].

Существенно уменьшились возможности для летнего отдыха детей, особенно в загородных и трудовых лагерях (табл. 27.2). Очень резко сократилось количество лагерей в 1992 г., после чего пришлось переориентироваться на организацию летнего отдыха только с дневным пребыванием. Но несмотря на то что в 1995 г. в лагерях с дневным пребыванием детей отдохнуло больше, чем в 1990 г., на 12%, общая численность школьников, отдохнувших в летних оздоровительных лагерях, существенно уменьшилась. В результате удельный вес детей и подростков, отдохнувших в загородных лагерях, уменьшился в Российской Федерации с 35 % (к численности городских детей) в 1980 г. до 12 % в 1994 г., в Западной Сибири — с 38 до 10 %, в Новосибирской области — с 39 до 9 % [8]. В 1996 г. число лагерей вновь сократилось и отдохнуло в них школьников в 1,5 раза меньше, чем в 1990 г.

Оценки населения вполне соответствуют реальному положению в сфере воспитания и образования детей, условиям досуга. Значительная часть родителей не удовлетворена досугом детей, считая,

Таблица 27.2

Число летних оздоровительных лагерей и количество отдохнувших в них школьников*

Показатель	1990 г.	1992 г.	1995 г.	1996 г.
<i>Всего летних лагерей, тыс.</i>	46,1	33,5	43,3	40,0
<i>В том числе;</i>				
<i>загородных санаторного типа</i>	5,3	3,8	3,2	3,1
<i>с дневным пребыванием</i>	0,5	0,3	0,3	0,4
<i>оборонно-спортивных, оздоровительно-спортивных и оздоровительных труда и отдыха</i>	23,1	19,4	27,9	25,6
<i>Всего отдохнуло школьников, тыс.</i>	7239	4357	5151	4806
<i>В том числе в лагерях, %:</i>				
<i>загородных санаторного типа</i>	47	44	36	37
<i>с дневным пребыванием</i>	3	2	2	3
<i>оборонно-спортивных, оздоровительно-спортивных и оздоровительных труда и отдыха</i>	26	31	41	40
	5	5	7	7
	19	18	14	13

* Источник: *Российский статистический ежегодник* / Госкомстат РФ. М.: Логос, 1996. С. 230;
Семья в Российской Федерации / Госкомстат РФ. М., 1994. С. 228; *Социальное положение и уровень*

что условия для их развития недоступны. В школах нет выбора для занятий в кружках, спортивных секциях, а чаще всего нет оборудования, спортивного снаряжения, внешкольные занятия вообще не ведутся. Физкультурой и спортом занимаются очень мало детей, особенно в селах.

В семьях также недостаточно внимания уделяется развитию детей. Родители в основном регулярно помогают детям в учебе. Например, в сибирских селах (обследование 1993—1994 гг.) почти ежедневно проверяют выполнение домашних заданий 43 % женщин и еще 7 % — один или несколько раз в неделю. Мужчины этим занимаются примерно в 2 раза реже. Но такое общение с детьми часто носит вынужденный характер — как следствие неудовлетворительной работы педагогов в школе. Оно не только не снимает напряжения, а наоборот, усиливает усталость и детей и родителей. Чтобы дети могли лучше отдыхать и адаптироваться в меняющемся обществе, необходимо свободное общение и игры с детьми. На эти занятия с детьми взрослые работающие люди в среднем расходуют лишь 0,5 ч в неделю, женщины-пенсионеры — 1,3 ч и неработающие женщины в возрасте до 55 лет — 4,3 ч в неделю.

В конкретных делах пока нет признания приоритетности общей для всех задачи развития детей. Вместе с тем, если не предпринимать специальных мер, неразвитость досуга детей в будущем скажется на их потребностях, качествах, умениях. Поэтому следует согласиться с авторами доклада “О положении семей в Российской Федерации”, сделавшими вывод о необходимости включения в число основных приоритетов государственной политики “обеспечение минимального гарантированного уровня доступности культурных благ и услуг, возможности участия в культурной деятельности семьям вне зависимости от их социального положения” [9]. Прежде всего важно участие детей в творческой и физкультурно-спортивной деятельности.

Одной из ценностей открытого общества как раз и является признание “...общих интересов, которым следует отдавать предпочтение перед интересами частными” [10]. В этом отношении российское общество, пожалуй, откатилось назад, если сравнивать с предреформенным периодом, когда разрабатывалась и осуществлялась общесоюзная комплексная программа эстетического воспитания населения, в которой особое внимание уделялось детям.

Сокращение материальных ресурсов, направляемых в сферу культуры и досуга

Решение актуальной задачи переоснащения, строительства и реконструкции учреждений культуры приостановилось из-за резкого снижения расходов на сферу культуры и досуга как со стороны государства, так и населения.

Несмотря на то что удельный вес капитальных вложений в непроизводственную сферу в общем объеме государственных инвестиций в основную капитал повысился (с 29 % в 1990 г. до 41 % в 1995 г. [11]), в абсолютном выражении их объем уменьшился в 2,3 раза. Ввод в действие культурно-досуговых объектов сократился еще в большей степени. Например, за 1995 г. мест в клубных учреждениях было введено в 5 раз меньше, чем за 1990 г. [12].

В Западной Сибири резко усилилась дифференциация регионов по объему капитальных вложений в непроизводственную сферу. Увеличить их могли лишь поставщики природных ресурсов. Оснащенность сферы культуры и досуга в Западной Сибири по-прежнему ниже, чем в среднем по России: стоимость основных фондов в расчете на одного жителя здесь в 1993 г. в 1,2 раза меньше, чем в Российской Федерации. И даже в наиболее динамично развивающихся областях ситуация изменилась мало и они еще не достигли уровня ранее продвинутых областей [13].

Закрепился низкий уровень оплаты труда работников культуры, искусства и образования. Их среднемесячная начисленная заработная плата в ноябре 1996 г. составляла около 55 % по отношению к зарплате занятых в промышленности. К тому же выплачивается она с большими задержками [14].

О существенном снижении реальных денежных доходов семей за 1992—1996 гг. свидетельствуют как данные Госкомстата РФ, так и независимо проведенный российский мониторинг экономического положения и здоровья населения 1992—1996 гг. [15]. В России за эти годы в 3 раза увеличилась доля семей с доходом меньше прожиточного минимума (с 11,1 до 36,3 %), а в районах Сибири и Дальнего Востока — в 4 раза (с 10,8 до 44,2%) [16]. Об этом говорят и субъективные оценки сельских жителей Новосибирской области: если в 1986 г. 8 % опрошенных отметили, что "денег не хватает даже на самое необходимое", то в 1994 г. — уже 43 %. И ситуация продолжала ухудшаться. Так, по данным государственной статистики, доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в целом по Новосибирской области составила в 1994 г. 26%, в 1995 г. — 40 %, в 1996 г. - 41 % [17].

Понятно, что в этих условиях крайне затруднительно оплачивать услуги либо улучшать условия досуга в семье. За годы реформ доля расходов на услуги культуры сократилась более чем в 3 раза (с 3,6 % в 1990 г. до 1,0 % в 1996г.), также как и на туристско-экскурсионные. И хотя доля санаторно-курортных и оздоровительных услуг почти не сократилась [18], их объем уменьшился. Дело в том, что физический объем платных услуг населению по всем каналам реализации в 1993 г. составил только 48%, а в 1994 г. — 31 % по отношению к уровню 1990 г., в том числе по официально учтенным предприятиям — 32 и 20 % соответственно [19]. В 1995—1996 гг. объем платных услуг сокра-

тился примерно до 1/4 по отношению к 1990 г. [20]. Все это свидетельствует о сокращении затрат населения на культуру и отдых в среднем более чем в 10 раз.

Отсюда ясно, почему в розничном товарообороте сократилась доля таких товаров, как печатные издания (с 1,6 % в 1990 г. до 0,8 % в 1995 г.), товары для физической культуры и спорта (соответственно с 0,4 до 0,2%), телерадиотовары (с 3,1 до 2,3 %). Но доля расходов на автомобили увеличилась в 2 раза (с 2,7 до 5,6 %) за счет тех слоев, которые повысили благосостояние в период реформ [21]. В результате в России за последние годы обеспеченность семей многими вещами, используемыми на досуге, менялась мало, кроме автомобилей и видеомэгнитофонов, которых стало заметно больше. Как показали результаты нашего обследования в Новосибирской области, в семьях меньше стало музыкальных инструментов. Отсутствие денег у большинства населения и резкое уменьшение государственного финансирования привели к сворачиванию деятельности в сфере досуга. Особенно ухудшились условия для занятий в семьях с несовершеннолетними детьми.

Развитие средств массовой информации и сети учреждений культуры и досуга: рост диспропорций

Изменение возможностей для отдыха, с одной стороны, и увеличение затрат труда в семейной экономике (сад, огород) — с другой, наложили заметный отпечаток на деятельность населения в сфере культуры и досуга. Реальное свертывание этой деятельности проявилось в уменьшении и посещаемости учреждений культуры (библиотек, кинотеатров, клубов, театров), и частоты неорганизованной, в основном домашней, деятельности.

Сложилась такая ситуация, когда многие услуги учреждений культуры и досуга остаются невостребованными, уменьшается число читателей библиотек, кинозрителей, посетителей музеев, театров, цирков (табл. 27.3) Отметим, что диспропорция между предложением и посещаемостью этих учреждений нарастает не только из-за отсутствия платежеспособного спроса, но и потому, что у населения расширяется выбор. Например, только за 1996 г. в России создано 15 новых музеев и 20 профессиональных театров [22] и их число постоянно увеличивалось в годы реформ (см. табл. 27.3). Однако при росте количества профессиональных театров на четверть за пять (1991 — 1995) лет число зрителей, посмотревших спектакли, уменьшилось на 76%. В 1996—1997 гг. профессиональных театров стало еще на 36 больше, а число зрителей продолжало сокращаться (на 12% по отношению к 1995 г.) [23]. Еще в большей степени (почти вдвое) сократилось число посетителей музеев и цирков. Существенное уменьшение количества зри-

Таблица 27.3

Основные показатели работы культурно-просветительных учреждений России (на конец года)*

Показатель	1980 г.	1985	1990	1993	1995	1996 г.
Число массовых библиотек, тыс.	62,1	62,7	62,6	56,9	54,4	53,5
Число книг, журналов и брошюр, в них млн экз.	980	1125	1155	1034	1104	1082
Численность читателей, млн чел.	78,1	82,1	71,9	70,6	60,2	
Число клубных учреждений, тыс.	77,5	76,3	73,2	63,7	59,9	58,6
Число посещений киносеансов, млн	2430		1609		254	
Число музеев	740	964	1315	1478	1725	1814
Число посещений музеев, млн	93	104	144	80	75	69
Число профессиональных театров	324	338	382	439	470	489
Число посещений театров, млн	71,0	72,9	55,6	41,4	31,6	29,1

* Источник: Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 190; Семья в Российской Федерации в 1993 г. М., 1994. С. 388; Уровень жизни населения России. М., 1996. С. 191; О положении семей в Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1994. С. 129; Российский статистический ежегодник. 1994 / Госкомстат РФ. М., 1994. С. 148—153; Социальная сфера России / Госкомстат РФ. М., 1995. С. 189—190; М., 1996. С. 106—107; Россия в цифрах. М., 1998. С. 107—108.

телей цирковых представлений (с 21,5 млн в 1992 до 11,1 млн в 1995 г.) вызвано, в первую очередь, свертыванием деятельности передвижных цирков [24]. Здесь действуют в одном направлении два фактора: бедность многих семей с детьми школьного и дошкольного возрастов и нехватка средств для гастролей, что лишает возможности посмотреть цирковое представление детям периферийных городов и сел.

В региональном разрезе также обнаруживается воздействие уровня жизни населения на пользование учреждениями культуры. Западная Сибирь по-прежнему отстает от республиканских показателей посещаемости театров и музеев в расчете на тысячу человек. Причем более быстрое падение числа посещений театров характерно для менее обеспеченного населения Алтайского края. Наоборот, жители Томской области стали чаще ходить в театры и музеи. В целом по посещаемости музеев (билеты в которые заметно дешевле, чем на спектакль или на эстрадный концерт) разрыв между республикой и Западной Сибирью сокращается [25].

Клубы, дома культуры, кинотеатры и библиотеки традиционно являются общедоступными. Но многие из них размещаются в старых зданиях, техническое состояние функционирующих ДК, клубов и кинотеатров заметно ухудшилось: если в 1985 г. в аварийном состоянии находились 2%, а капитального ремонта требовали 17%, то в 1993 г. — 4 и 28 % зданий соответственно [26]. В последние годы часть этих учреждений закрыта в связи с изношенностью зданий, часть — из-за перепрофилирования клубов и сокращения посещений киносеансов. В среднем только один из двух городских жителей посетил киносеанс в 1995 г., тогда как в 1990 г. — 10 раз каждый, число посещений сельских жителей сократилось с 14 до 1 раза в год [27]. Здесь сказалось не только переключение на просмотр телефильмов и

отсутствие денег у людей, но и холод, запустение и неухоженность в зданиях, а также отсутствие в репертуаре новых интересных российских фильмов. Так, с 1991 по 1995 г. в 7,4 раза уменьшился выпуск отечественных полнометражных художественных фильмов, в 2,9 раза — мультипликационных фильмов и в 2,7 раза — кинопериодики. Поэтому доля российских художественных фильмов — из общего числа выпущенных на экраны страны за три последних года — составляла только 30 %, американских — 49 %, европейских — 15 %, других стран мира — 6 % [28]. В 1996 г. ситуация продолжала ухудшаться: на киностудиях страны создано всего 20 кинофильмов, что в 2,5 раза меньше, чем в 1995 г. [29].

Процесс создания самых необходимых условий для приобщения населения к ценностям культуры, распространяемым в обществе, в послевоенный период выражался в расширении сети или обеспечении доступности учреждений культуры, увеличении выпуска книг, журналов, газет. Обеспеченность массовых библиотек книгами и журналами наращивалась вплоть до 1986—1988 гг., составив 11 185 книг на тысячу человек в сельской местности и 6860 книг — в городской [30].

На конец 80-х годов пришелся пик издательского бума. Максимальным тиражом книги и брошюры были выпущены в 1988 г., а журналы и газеты — в 1990 г. (табл. 27.4). Поэтому уменьшение пользования библиотеками в этот период вполне компенсировалось по-

Таблица 27.4

Выпуск книг, периодических изданий и газет в Российской Федерации в 1980—1996 гг.*

<i>Показатель</i>	<i>1980 г.</i>	<i>1985 г.</i>	<i>1990 г.</i>	<i>1993 г.</i>	<i>1996 г.</i>
<i>Книги и брошюры</i>					
<i>Печатных единиц, тыс.</i>	49,6	51,1	41,2	29,0	36,3
<i>Тираж, млн экз.</i>	1393	1725	1553	950	421
<i>В том числе издания для детей и юношества:</i>					
<i>Печатных единиц, тыс.</i>	1,8	2,1	1,7	1,9	н/д
<i>Тираж, млн экз.</i>	405	502	300	142	н/д
<i>Периодические и продолжающиеся издания</i>					
<i>Число изданий</i>	3960	3869	3681	2273	2751
<i>В том числе журналов</i>	954	1016	1140	1385	н/д
<i>Годовой тираж, млн экз.</i>	2488	2726	5010	411	388
<i>В том числе журналов</i>	2026	2257	2687	290	н/д
<i>Газеты</i>					
<i>Число изданий</i>	4511	4567	4808	4650	4881
<i>Годовой тираж, млрд экз.</i>	29,2	32,4	37,8	9,2	7,8

* Источник: Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 196—199; Семья в Российской Федерации в 1993 г. С. 392—393; Социальная сфера России / Госкомстат РФ. М., 1996. С. 198; Социальное положение и уровень жизни населения России. С. 313.

купкой интересующей литературы и увеличением подписки на газеты и журналы. С началом экономических реформ за 1991 — 1996 гг. тиражи книг и брошюр уменьшились в 3,7 раза, журналов и периодических изданий — в 12,9 раз, газет — в 4,8 раза, что обусловлено отсутствием платежеспособного спроса. Тем не менее свобода выбора между различными изданиями (журналов, изданий для детей, газет) расширилась. Но при этом мало книг поступает в библиотеки. Показатель обеспеченности книгами снизился в 1995 г. на 14% в сельских библиотеках и на 4 % — в городских. Особую тревогу вызывают сельские библиотеки, куда новая литература почти не поступает, а в городских библиотеках в последние три года наметилась положительная динамика. Но все же число читателей и в городах и в селах сокращается [31].

Вновь приходится констатировать диспропорцию между увеличением выпуска разнообразной печатной информации и ее потреблением, а также изменение ее характера: если раньше семьи выписывали несколько газет и журналов, в библиотеках был широкий выбор периодики, то сейчас у большинства нет возможности прочитать интересующее издание ни дома, ни в библиотеке.

Деструктивные процессы сильнее проявились в Сибири. Заметно ухудшилось ее положение по обеспеченности местами в клубных учреждениях, разрыв в обеспеченности книгами и журналами массовых библиотек увеличился (до 1,2 раза по Западной Сибири относительно средних российских показателей), тогда как в 1990 г. он был минимальным. По выпуску газет Западная Сибирь переместилась с шестого на последнее место среди крупных регионов [32].

Телевидение усилило свое влияние на формирование потребностей, ценностей, выбор моделей и образцов поведения, особенно подрастающего поколения. Это происходило и в связи с тем, что расширился охват населения телевизионным вещанием, и с тем, что в целом люди стали меньше читать и посещать различные учреждения культуры. Так, в 1995 г. 99 % россиян имели возможность принимать телевизионные программы (в 1980 г. 87 %), причем относительно небольшая часть сельских жителей (9,5 %) имеют возможность смотреть только одну программу телевидения, а остальные — две и более [33]. Значительно улучшилось качество телевизоров, увеличивается доля телевизоров цветного изображения.

Вместе с тем опросы общественного мнения (ВЦИОМ, репрезентативная российская выборка, июль 1996 г.) свидетельствуют о противоречивости оценок деятельности средств массовой информации [34]. С одной стороны, половина опрошенных считает, что “сегодняшнее телевидение разрушает русские традиции”, с другой — россияне доверяют средствам массовой информации больше, чем органам государственной власти, но это доверие заметно уменьшилось по сравнению с 1990 г.

Предварительные данные опроса, проведенного в 1997 г. в Новосибирской области, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство граждан хотели бы изменить программу телепередач, уменьшив показ секса, жестокости и насилия, убрали бы рекламу на отдельный канал или, по крайней мере, не прерывали бы рекламой передачи. Многие считают, что объем и форма ее подачи свидетельствуют о бескультурии.

А ведь средства массовой информации, особенно телевидение, признаются важными каналами влияния на детей, их потребности и на выбор ими дальнейшего пути. Признавая, что главное влияние оказывают родители (60 %) и школа (34 %), следующими по силе воздействия сельские жители считают средства массовой информации (10%) и влияние друзей, компании подростков (8%) (1996 г., Новосибирская область). На вопрос “Какую пользу или вред, на Ваш взгляд, приносит детям просмотр телепередач?” ответили (% к ответившим):

	<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>
<i>Нет никакой пользы</i>	22	37
<i>Просмотр телепередач</i>		
<i>и пользу, и вред детям</i>	40	47
<i>Нет вреда</i>	38	16

Большинство респондентов назвали такие негативные стороны, как формирование дурных вкусов и агрессивного поведения, слишком ранний интерес у детей к сексу, чаще всего к бездуховному, а также вред для зрения. Позитивное влияние — это новая информация, повышение уровня общего развития детей и удовольствие, отдых, развлечение для них. При этом более критичны женщины: почти 2/5 их не видят никакой пользы от просмотра телепередач для детей, которые тратят на это много времени. Для родителей, особенно для женщин, безусловно, важно, какими ценностями будут руководствоваться в своих поступках дети, и их не устраивает, что современное телевидение насаждает рыночные ценности в ущерб традиционным. И если в большинстве своем работающая молодежь обладает смекалкой, инициативностью, настойчивостью и способностью организовать свой бизнес, то профессионализма и культуры, образованности и готовности к переобучению и освоению опыта старших, а также честности и порядочности, отзывчивости и других качеств, к сожалению, ей не хватает [35]. Но все эти недостающие качества необходимы, чтобы утвердилось действительно “открытое общество”, в котором “охраняются права личности, но при этом остаются определенные общие ценности, которые обеспечивают целостность общества” [36].

Если бы государство или негосударственные организации оказывали направляющее воздействие на телевидение и другие средства массовой информации, они могли бы стимулировать стремление молодежи

усваивать культурное наследие и ценности, необходимые для установления глобального стабильного общества следующего тысячелетия. Но, к сожалению, телевидение сейчас полностью отдано тем, кто “делает деньги”. Пожалуй, здесь уместно вспомнить слова Дж. Сороса, что “идеология невмешательства несовместима с концепцией открытого общества” [37]. В этом контексте своевременным представляется решение о создании общероссийского государственного телевизионного канала “Культура”, на котором будет “представлена культура российских регионов, непременно фольклор и народное творчество” [38], высокохудожественные произведения. Важно, чтобы этот канал помогал формированию вкусов, потребностей и ценностей, ориентированных в будущее, препятствовал насаждению индивидуализма, распространению низкопробных агрессивных поделок, приучающих к насилию.

*Изменение продолжительности
и частоты повседневных занятий
в свободное время*

Снижение частоты посещений учреждений культуры и отдыха с середины 80-х годов зафиксировали и социологические опросы населения. Так, результаты обследования сельского населения Новосибирской области (1986 и 1993 гг.) показали, что доля работников, посещающих библиотеки, театр и цирк (в том числе при выезде в другие населенные пункты), сократилась в 1993 г. в 1,4—1,5 раза, а клуб и дом культуры — в 2 раза. Меньше стали читать художественную и специальную литературу, газеты, реже заниматься физкультурой, спортом [39]. Опрос 1994 г. зафиксировал продолжение этих негативных тенденций, особенно резко увеличилась доля тех, кто не читает газет: с 6% работников в 1986 г. до 25 % в 1994 г. Из-за отсутствия денег на подписку заметно изменилось и распределение сельских семей по количеству выписываемых газет и журналов.

Выписывали 1—2 газеты и один журнал в основном только семьи работников сферы образования. Среди остальных сельских семей около половины вообще ни на что не подписались в 1994 г. (Для ср.: в 1982 г. две трети семей получали по подписке две газеты и более и половина семей — не менее двух журналов.)

Аналогичные изменения характерны и для горожан [40] с той лишь разницей, что доступ к ценностям культуры имеет более значительный слой. Существенно изменилась структура любительских занятий. Например, из-за снижения уровня жизни и изменения ценностей работающие жители Пскова в 1995 г. стали реже, чем в 1986 г., заниматься техническим творчеством и рационализацией, музыкой, художественной самодеятельностью, литературным и изобразительным искусством, коллекционированием [41]. Более распространенными стали уход за комнатными растениями, животными, птицами,

рыбами, а также изготовление предметов домашнего обихода. Данные опроса ВЦИОМ по репрезентативной российской выборке (1990 и 1994 гг.) свидетельствуют о повсеместном распространении отмеченных выше изменений, лишь с небольшими уточнениями [42]. Например, частота чтения художественной литературы увеличилась, особенно у женщин, в то время как журналов и газет — резко сократилась. Именно такие изменения отразились в бюджетах времени, которые признаются более точными измерителями по сравнению с показателями частоты занятий.

Рассмотрим, как фактически менялась структура досуговой деятельности в зависимости от соотношения труда и отдыха в бюджетах времени сельских жителей Новосибирской области.

Во-первых, увеличение затрат труда сократило ресурсы и свободного времени (на 7—10 ч в неделю) и сна (на 4—7 ч) у незанятого оплачиваемой работой населения старших возрастов (табл. 27.5). В последние годы личное подсобное хозяйство превратилось для них в один из главных источников существования, без которого на пенсию

Таблица 27.5

Свободное время и труд незанятого сельского населения (1975—1994 гг.), часов в среднем по году

Вид деятельности	Пенсионеры				Неработающие*		
	Мужчины		Женщины		Мужчины	Женщины	
	1975-1976 гг.	1993-1994 гг.	1975-1976 гг.	1993-1994 гг.	1993-1994 гг.	1975-1976 гг.	1993-1994 гг.
Число опрошенных	59	58	74	86	28	103	89
Свободное время	47,5	37,4	30,0	23,3	45,2	26,7	25,2
В том числе:							
Занятия с детьми	0	0,3	2,3	1,0	0,3	4,4	4,4
Зрелища	0,2	0	0,4	0	0,7	1,7	0,2
Чтение	8,1	2,4	0,8	0,7	2,8	2,3	1,2
Просмотр телепередач	8,1	15,5	5,1	10,9	21,5	5,0	9,2
Посещение, прием гостей	5,7	2,0	4,6	3,0	7,8	5,7	4,8
Пассивный отдых	17,8	10,5	12,1	3,6	2,6	2,3	1,4
Активный отдых и спорт	2,7	0,2	1,4	0,1	3,9	1,7	0,7
Общая трудовая нагрузка	38,1	49,1	59,6	72,6	43,5	73,1	74,8
В том числе:							
Домашний труд	10,6	12,2	33,4	37,3	19,1	49,5	50,4
Труд в личном подсобном хозяйстве	22,4	36,4	26,1	35,2	20,1	22,2	24,3
Физиологические потребности	82,1	78,7	77,1	71,4	72,7	66,9	65,8
В том числе сон	66,6	62,4	63,6	55,2	60,4	53,2	54,1

* Неработающие в трудоспособном возрасте — это женщины в возрасте 16—54 лет, мужчины — 16—59 лет.

не прожить. Так, женщины-пенсионеры (как правило, в возрасте старше 55 лет) стали работать в домашнем и личном подсобном хозяйстве почти на 2 часа в день больше, чем это делали их матери два десятилетия назад.

Во-вторых, сокращение затрат труда работающих женщин в отраслях экономики, прежде всего в сельском хозяйстве, наоборот, позволило им не только больше работать в личном подсобном и домашнем хозяйстве, но и больше отдыхать (табл. 27.6). Однако у женщин появилась возможность больше заниматься детьми, читать и общаться только в зимнее время (в 1994 г. по сравнению с 1986 г.).

В-третьих, в связи с усилением сезонных колебаний в продолжительности труда существенно ограничилось возможности для отдыха в летнее время. Например, в 1993—1994 гг. общая трудовая нагрузка домохозяек составила 65 ч в зимнюю неделю и 84 ч — в летнюю, а рядовых сельских работниц — 80 и 95 ч в рабочую неделю соответственно. В результате распространенные ранее активные виды отдыха на природе стали заменяться трудом в личном подсобном хозяйстве.

В-четвертых, изменилась структура свободного времени: доминирующим видом деятельности стал просмотр телепередач. Если в 1975—1976 гг. это занятие занимало у пенсионеров 17%, у домохозяек — 19, у работающих — 24% свободного времени, то в 1993—

Таблица 27.6

Изменение использования свободного времени и времени труда сельских работников (1975—1994 гг.), часов в среднесезонную рабочую неделю

Вид деятельности	Женщины			Мужчины		
	1975—1976 гг.	1986—1987 гг.	1993—1994 гг.	1975—1976 гг.	1986—1987 гг.	1993—1994 гг.
Число опрошенных	730	673	606	581	440	465
Свободное время	18,9	15,6	17,7	26,6	25,2	25,0
В том числе:						
Учеба и общественная работа	1,0	0,5	0,4	1,3	0,4	0,2
Занятия с детьми	1,2	1,3	1,3	0,8	1,6	1,1
Чтение	1,8	1,8	2,1	3,3	2,3	2,3
Просмотр телепередач	4,6	5,6	7,3	6,2	10,2	11,9
Зрелища	1,6	0,4	0,1	1,2	0,7	0,1
Посещение и прием гостей	4,2	3,0	3,6	4,7	3,0	3,7
Активный отдых и спорт	0,8	0,4	0,3	2,6	3,0	1,6
Пассивный отдых	1,8	1,2	0,8	2,8	1,6	1,5
Общая трудовая нагрузка (включая уход за детьми)	86,8	90,7	88,3	73,7	78,9	78,7
В том числе:						
Оплачиваемая работа	44,0	43,5	36,5	54,4	54,5	49,8
Домашний труд	25,7	27,4	27,5	5,7	6,0	6,1
Труд в личном подсобном хозяйстве	12,9	15,2	19,0	9,5	14,0	18,2

1994 г. — 45; 36; 44% соответственно. Досуг в большей степени начал носить пассивно-восстановительный характер. У пожилых людей затраты свободного времени на чтение, активный отдых на природе, общение и даже на занятия с детьми сократились. Работающие люди меньше стали заниматься общественной работой, повышением образования и квалификации, “хобби”, спортом, а мужчины — и детьми. Почти отказавшись от посещения кино и клубов, все группы значительно увеличили продолжительность просмотра телепередач (женщины на 3—5 ч, а мужчины — на 6—7 ч в неделю).

В-пятых, утратили свои преимущества в использовании свободного времени руководители и специалисты, так как не могут, как в середине 70-х годов, иметь небольшое подсобное хозяйство и работать в нем в 1,5—2 раза меньше, чем рядовые работники, покупая недостающую продукцию в колхозе. (В середине 90-х годов из-за отсутствия стабильной оплаты труда они в 2—3 раза увеличили поголовье скота и птицы, чтобы иметь источник денег.) Особенно это отразилось на отдыхе женщин—руководителей и специалистов. Меньшая продолжительность сна и свободного времени является в некотором смысле “ценой”, которую они вынуждены платить за более интересную и ответственную работу. По сравнению с серединой 70-х годов свободное время у них сократилось летом на 10 ч, тогда как у рядовых работниц — менее чем на 2 ч. В результате в среднем за 1993—

Таблица 27.7

Динамика бюджета времени работающих сельских женщин в зависимости от должности, часов в рабочую неделю

Вид деятельности	Руководители и специалисты		Рядовые работницы	
	1975-1976 гг.	1993-1994 гг.	1975-1976 гг.	1993-1994 гг.
<i>Свободное время</i>	23,1	16,7	17,5	18,5
<i>В том числе:</i>				
<i>Учеба и общественная работа</i>	3,1	0,7	0,3	0,3
<i>Занятия с детьми</i>	1,8	1,2	1,0	1,3
<i>Чтение</i>	4,0	2,8	М	1,6
<i>Кино, концерты</i>	2,1	0,0	1,4	0,1
<i>Просмотр телепередач</i>	4,6	6,9	4,6	7,5
<i>Посещение, прием гостей</i>	3,8	2,4	4,2	4,4
<i>Пассивный отдых</i>	0,9	0,7	2,1	0,9
<i>Любительские занятия</i>	0,2	0,3	0,1	0,1
<i>Активный отдых и спорт</i>	1,2	0,2	0,6	0,2
<i>Общая трудовая нагрузка</i>	81,6	89,5	88,6	87,4
<i>В том числе:</i>				
<i>Оплачиваемая работа</i>	47,7	42,7	48,5	39,4
<i>Домашний труд</i>	25,1	29,2	25,9	28,1
<i>Труд в личном подсобном хозяйстве</i>	8,8	17,6	14,2	19,9
<i>Естественные потребности</i>	62,4	60,1	61,1	60,6
<i>В том числе сон</i>	51,2	48,1	50,8	49,4
<i>Другие занятия</i>	0,9	1,7	0,8	1,5

1994 гг. они имели в неделю на 1,8 ч меньше свободного времени, чем рядовые работницы. Многие различия между ними были нивелированы, что выражается в снижении качества свободного времени женщин—руководителей и специалистов: они стали меньше заниматься с детьми и повышать квалификацию, меньше читать и активно отдыхать, практически не посещают кино и концерты (табл. 27.7). Тем не менее отличительной чертой досуга руководителей и специалистов по-прежнему является регулярность чтения и то, что они меньше проводят времени перед телевизором.

Сохраняется неравенство между мужчинами и женщинами в использовании свободного времени, однако преимущества мужчин уменьшаются. Из-за изменений в условиях и характере досуга, уменьшения свободного времени в летний период, снизилась удовлетворенность досугом, особенно среди мужчин. По сравнению с 1986 г. доля недовольных своим досугом женщин увеличилась в 1,1 раза, а мужчин — в 1,8 раза.

Выводы

Прежде всего отметим главные особенности развития сферы досуга за последние пять лет.

Во-первых, демократизация общества, несмотря на финансовые трудности, способствовала раскрепощению творческих способностей работников (активная творческая жизнь многих художественных коллективов), восстановлению связи времен, духовности, а иногда и реставрации культурных памятников (строительство и восстановление храмов, украшение столицы и других центров), расширению выбора услуг и повышению их качества. Но одновременно усилилась диспропорциональность развития сферы досуга, которая проявляется, с одной стороны, в расширении предложения и разнообразия спектаклей, концертов, выставок, изданий детских книг, журналов, газет, с другой — в недоступности потребления этих благ и услуг для большинства населения. Разнонаправленность изменений приводит к сокращению посещаемости учреждений культуры и к потере суммарного положительного эффекта.

Во-вторых, стратегическая задача переоснащения, реконструкции и переориентации учреждений культуры на расширение видов обслуживания практически решалась только в крупных центрах и единично в других поселениях, там, где инициативным людям удавалось найти финансовые ресурсы. (Примером может служить перепрофилирование детского сада в школу искусств в с. Верх-Тула Новосибирской области, которая стала центром притяжения для всех детей. Здесь важную роль сыграла близость г. Новосибирска и активность директора.) Но масштабы этой работы не обеспечивали даже замещения выбытия приходящих в негодность сооружений. В подавляющем большинстве учреж-

дения культуры получали средства только на заработную плату, которая, как и раньше, значительно меньше, чем в других отраслях (кроме сельского хозяйства). Сельские клубы и дома культуры в зимнее время почти перестали функционировать, так как не отапливаются.

В-третьих, слабо проявилось стремление и со стороны властей, и со стороны родителей, обеспечить приоритет созданию условий для отдыха и эстетического воспитания детей. Отдельным энтузиастам, часто работающим почти бесплатно, удается вовлекать детей в творческую деятельность, но чаще всего различные кружки и секции приходится сворачивать из-за отсутствия средств. В лучшем случае они становятся платными и большинству недоступными.

Теперь взглянем на эти процессы в сфере досуга с позиции оценки: в каких отношениях наше российское общество становится более открытым, а в чем — более закрытым. При этом под “открытым обществом” вслед за Дж. Соросом будем понимать “общество, открытое улучшениям... Нечто несовершенное может быть улучшено путем проб и ошибок”, причем “...отстаивая свободу выражения и охраняя инакомыслие” [43]. И хотя права Т.И. Заславская, что трудно однозначно определить, преобладают ли элементы модернизации или социального регресса в трансформационном процессе [44], все же попытаемся очертить, для кого и в чем проявилась большая открытость общества.

Прежде всего большинство населения ощутило открытость общества в связи с тем, что партийная идеология и прежние ценности перестали абсолютизироваться, что признана множественность культур и религий, возможность рассматривать и выбирать те или иные ценности. Огромную позитивную роль здесь сыграли средства массовой информации, а также деятельность творческих коллективов, которые пытались донести до зрителей художественными средствами новые ценности, а также утвердить традиционные ценности, без которых невозможно улучшить общество. У этих коллективов стало гораздо больше контактов с зарубежными зрителями и коллегами.

Но расширением прав и свобод, новыми возможностями и дорогими услугами сферы досуга смогли воспользоваться лишь наиболее обеспеченные слои населения, а также квалифицированные и активные граждане, способные обратить себе на благо преимущества информационного общества (установление творческих контактов, международные культурные обмены).

У большинства людей сократились не только возможности общения к ценностям мировой и отечественной культуры, но и возможности выбора деятельности на досуге — у них просто изменился образ жизни. В связи со снижением материальной обеспеченности они вынуждены вести натуральное хозяйство и в городе и в селе (только чтобы выжить!), ограничивая сон, отдых, саморазвитие. Эта перемена, конечно, отнюдь не соответствует представлению об открытом обществе.

Государство резко уменьшило вложения в досуговую сферу. Многие виды учреждений культуры стали закрываться, перепрофилироваться, большинство оставшихся становятся платными. В результате многократно сократилась их посещаемость. Широкие слои населения, оказавшиеся отчужденными от ранее привычных видов культурно-досуговой деятельности и от таких средств массовой информации, как газеты (а иногда и радио), испытывают усиленное влияние телевидения. Оно становится доминирующим способом проведения досуга. Особенно плохо это сказывается на детях, оставленных взрослыми без надзора. Детям, лишенным своего отечественного детского кино, через американские фильмы насаждаются рыночные ценности и культ силы и успеха.

Следует отметить также снижение досуговой мобильности внутри страны, когда стало невозможно поддерживать личные контакты даже с ближайшими родственниками. Все это свидетельствует об отсутствии у широких масс хоть какого-нибудь выбора в сфере досуга. Даже такой слой, как руководители и специалисты, от которых зависит характер модернизации общества, оказался в условиях очень ограниченного выбора.

В целом можно сделать вывод о преобладании процессов внутреннего закрытия общества. Причем в региональном разрезе негативные процессы ярче проявляются в провинции, в регионах Сибири, в сельской местности. Европейская часть страны, ее крупнейшие культурные центры и столичные города теснее связаны с зарубежными странами и в этом отношении ближе к открытому обществу. Однако расслоение общества происходит повсеместно.

ГЛАВА 28 *Жизненные планы и ориентации учащейся молодежи**

Как и любому обществу, России небезразлично, каким вырастет ее молодое поколение, какие ценности оно будет исповедовать, смогут ли его представители реализовать себя как личности. Важнейшие этапы самоопределения молодежи — это получение профессионального образования и первоначальное трудоустройство. Каждый из них (еще на прожективном уровне) находит свое отражение в жизненных планах и ориентациях учащихся, заканчивающих основную и полную среднюю школу.

При освещении особенностей процесса жизненного самоопределения в современных условиях сильнейшей трансформации в общественном и экономическом устройстве российского общества, нестабиль-

* В главе использованы материалы обследования, проведенного при финансовой поддержке Московского общественного научного фонда (МОНФ) в 1996 г.

ной и противоречивой социальной ситуации мы будем основываться на материалах социологических опросов старшеклассников Новосибирской области, проведенных Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН в 1990 и 1996 гг. (под руководством автора). В базовом обследовании 1990 г. было опрошено 1684 чел. учащихся девятых и одиннадцатых классов, в том числе в Новосибирске 731 чел. (В 1991 г. о каждом из опрошенных год назад была собрана информация о реальном трудоустройстве.) Выборка репрезентирует Новосибирскую область по типам районов и поселений. В повторном обследовании 1996 г. применялась пропорционально уменьшенная в 2 раза исходная выборка: было опрошено 800 чел., в том числе 350 чел. в Новосибирске. В исходную выборку не были включены школы с углубленным изучением отдельных предметов, но в выборке повторного обследования они представлены (за прошедшие шесть лет три отобранные для опроса школы стали специализированными). Используются также данные экспертного опроса учителей и администраторов школ (66 чел.), проведенного одновременно с опросом учащихся.

*Исследовательские традиции
изучения самоопределения учащейся молодежи
в отечественной социологии*

Исследования жизненных планов, ориентаций и дальнейших этапов жизненного самоопределения учащейся молодежи имеют богатую традицию в советской и российской социологии.

Прежде всего следует отметить исследовательский проект новосибирских социологов (руководитель В.Н. Шубкин), проводивших по единой методике опросы выпускников полной и неполной средней школы в Новосибирской области сначала ежегодно в течение 12 лет начиная с 1963 г., а затем с большим временным лагом в более поздний период. В отдельные годы исследованием были охвачены и другие регионы Сибири и Центральной России.

Методика обследований включала анкетный опрос и сбор объективной информации. Вначале перед выпуском школьники опрашивались по анкете, а через полгода собиралась персональная информация о реальном распределении на учебу и работу. Одной из долговременных задач проекта было изучение привлекательности (престижа) профессий, большой список которых был представлен в анкете. По результатам этих исследований была выявлена динамика социальных и профессиональных ориентаций молодежи и факторы, обусловившие как ориентации, так и их первоначальную реализацию (в частности изменения шансов на поступление в вуз у школьников разных лет выпуска). При этом было выявлено устойчивое несоответствие между профессиональными ориентациями школьников и реальными потребностями экономики [1].

К ранним исследованиям профессиональных ориентаций учащейся молодежи следует отнести также работы С.Н. Иконниковой, Э.К. Васильевой, В.В. Водзинской [2].

В 70-е годы изучение молодежных проблем становится важной составной частью более широких исследований воздействия системы образования на социальную структуру общества. Среди них выделяются исследование “Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества”, проведенное в 1973 г. ИСИ АН СССР (включавшее опрос 10 тыс. выпускников средних школ в шести регионах страны), а также его логическое продолжение — международное сравнительное исследование 1977—1978 гг., посвященное воздействию института высшего образования на социальную структуру общества [3].

Однако все больше ощущалась потребность в исследованиях лонгитюдного характера — изучении одной и той же когорты молодежи в разные переломные периоды их жизни. Центральной исследовательской задачей при этом ставилось изучение процесса включения когорты в социальную структуру общества. Одно из наиболее ранних исследований такого рода было проведено в Эстонии с использованием адаптированной американской методики [4]. В дальнейшем лонгитюдная стратегия была применена в межрегиональном проекте “Пути поколения”. На его первом этапе (1983—1985 гг.) было опрошено 47,7 тыс. выпускников всех типов средних учебных заведений в 15 регионах СССР, что составляло 10—20% возрастной когорты 17—18-летних [5]. Второй этап был осуществлен в 1988—1990 гг. с большой потерей “старых” респондентов и включением в выборку новых территорий [6]. По данным этих обследований был сделан вывод, “что в среднем СССР социальные структуры — образовательная, экономическая и территориальная — имели более весомое воздействие на образовательный путь, профессиональный выбор и трудовую карьеру молодых, чем непосредственные ценностные и целевые установки молодежи” [7].

В 80-е годы изучение профессиональных и жизненных ориентаций получило дальнейшее развитие в рамках утвердившегося подхода социального самоопределения молодежи. Большое значение при таком подходе имел акцент, сделанный на самостоятельном принятии решений, их мотивации, обоснованности выбора, уровне притязаний (В.Т. Лисовский, С.Н. Иконникова, В.Н. Шубкин, Л.Я. Рубина и Др.).

Вообще введение в научный оборот термина “самоопределение” применительно к молодежи, планирующей свою жизнь, было очень продуктивно, так как предполагало, что социальная среда отнюдь не детерминирует однозначно поведение субъекта, а предоставляет условия для выбора того или иного варианта поведения. Таким образом, самоопределение как социальный процесс подразумевает, что моло-

дежь осуществляет серию последовательных выборов. При этом объяснение механизмов, факторов и социальных последствий процесса оставляет социологам широкие возможности применения различных исследовательских подходов. Все же, как показывает анализ работ, наиболее часто при этом использовался социоструктурный подход.

Значительный вклад в изучение жизненного самоопределения выпускников школ внесли украинские социологи, исследовавшие широкий круг проблем, в том числе престиж профессий в сознании школьников, влияние социальной среды на их устремления и планы, ценностные ориентации и установки на труд, образование, семейную жизнь, общественную деятельность [8].

Эти и другие исследования позволили установить влияние на социальные и профессиональные ориентации и их последующую реализацию таких объективных факторов, как уровень образования и должностной статус родителей, поселенческий тип, локальная структура учебных заведений, школьная успеваемость и др., закономерности, присущие данному социальному процессу на разных его этапах (от формирования социальных, профессиональных и других жизненных намерений до их реализации) в условиях стабильной экономики и социальной жизни, при отсутствии рыночных отношений и бесплатном образовании.

Новый акцент приобрело изучение проблем учащейся молодежи в период перестройки и перехода к рыночной экономике. Социологами были выявлены важные сдвиги в ориентациях и притязаниях молодых людей, зафиксированы изменения в социальном составе выпускников полных средних школ и другие. Так, сопоставимые исследования жизненных притязаний старших школьников, проведенные под руководством В.С. Магуна в Москве (1995 и 1990 гг.) и Киеве (1985 г., совместно с Е.И. Головахой), позволили авторам говорить о “революции” притязаний молодежи. Теперь значительно большая часть молодежи считает для себя достаточным образование не ниже, чем высшее, руководящую должность, дорогие предметы имущества, комфортабельные квартиры и большие дачи [9].

Весной 1993 г. в 21 городе России через центры профессиональной ориентации молодежи (системы Минтруда РФ) по единой программе были опрошены выпускники основной и средней школ. Кроме вопросов о намерениях, в анкету были включены вопросы об отношении к окружающей действительности. Материалы исследования зафиксировали среди девятиклассников рост ориентации на продолжение обучения в 10-м классе (63—73 % по разным типам школ), а среди выпускников средних школ — рост ориентации на поступление в вуз (66—78 %) [10].

В 1994 г. социологический коллектив под руководством В.Н. Шубкина повторил исследование жизненных планов выпускников средних школ в Новосибирске и Москве (были собраны также данные о

их реальном распределении после школы). Сравнение с их же предыдущими данными показало, что планы на поступление в вуз имели уже 91 % школьников Новосибирска против 88 % в 1963 г. и 71 % в 1983 г. В Москве намерение поступать в вузы имели в 1994 г. 70% опрошенных. Была проанализирована динамика социального состава выпускников средних школ Новосибирской области и выявлено, что с 1963 по 1994 г. среди них значительно выросла доля детей руководителей, доля детей специалистов осталась практически на том же уровне, но значительно упала доля детей рабочих и крестьян. Такие же изменения были характерны и для социального состава выпускников, поступивших в вузы [11].

Особо следует отметить: исследования последних лет отражают противоречивую ситуацию, сложившуюся в обществе. Одни авторы склонны интерпретировать полученные социологические данные как конфликт поколений, считая, что налицо деградация морального облика молодежи, низкий интеллектуальный потенциал, кризис системы ценностей (маргинализация, экстремизм, прагматизм, коммерциализация) [12]. Другие, напротив, считают, что “миф о моральном кризисе молодежи не имеет под собой реальной почвы” [13].

Социологи ищут новые способы изучения проблем молодежи в трансформирующемся нестабильном обществе. В ряде исследований последних лет эти проблемы плодотворно анализируются с использованием адаптационного, социокультурного, социально-психологического подходов [14]. К новым подходам можно отнести и концепцию становления жизнеспособных поколений молодежи как фактора устойчивого развития России (коллектив НИЦ при Институте молодежи), социального развития молодежи и социальной интеграции молодежи в общество (Институт социально-политических исследований РАН) [15]. Не исчерпали себя и традиционные подходы социального самоопределения, жизненных планов молодежи, вхождения молодежи в социальную структуру общества, социализации и др., особенно если при этом реализуется сопоставление в динамике.

*Зарубежные исследования жизненного самоопределения молодежи**

Социологические исследования различных сторон процесса социального взросления молодежи, в том числе ее образовательного пути и включения в социальную структуру общества, широко ведутся в европейских странах и в США [16]. Эти исследования, особенно ранние, имели широкий общественный резонанс, так как разрушали миф о равенстве возможностей при решающей роли умственных способностей. Они доказывали, что на образовательный

* В данном разделе использованы материалы, изучение которых стало возможно благодаря финансовой поддержке Американского совета преподавателей русского языка и литературы (АСПРЯЛ).

путь молодежи влияют различные социальные факторы и на макро- и на микроуровне. Среди первых сильное влияние оказывают структура системы образования, механизм отбора учащихся при прохождении с одних ступеней системы образования на другие, степень платности обучения, социальная политика в области образования и материальной поддержки обучающихся, в целом социальная структура общества, механизмы социальной стратификации в обществе и роль в этих механизмах образования. На микроуровне значимое дифференцирующее влияние на образовательный путь молодежи оказывают социальное положение и образование родителей, расовая и этническая принадлежность, школьная успеваемость и др.

Благодаря лонгитюдным исследованиям возрастных когорт продвинулось изучение социальной мобильности. Из ранних лонгитюдов известен висконсинский проект в США. Он берет свое начало в 1957 г., когда под руководством Дж. Литтла при содействии властей штата был проведен сплошной опрос выпускников средней школы в штате Висконсин (более 30 тыс. чел) [17]. В 1962 г. Вильям Сьюэлл очистил этот массив от не очень качественных данных и выделил, используя метод случайных чисел, выборку из 10 317 объектов, пригодную для дальнейшего анализа. Кроме того, им была добавлена в массив информация о результатах обязательного тестирования в 11-м классе. В 1964 г. под руководством Сьюэлла был проведен опрос всех выпускников из выборки через 7 лет после выпуска (потери в объектах составили 13 %). В 1975 г. он же возобновил проект, на этот раз обследованием было охвачено 91 % первоначальной выборки. Следующий этап состоялся в 1985 г.

На эмпирическом материале первого этапа социологи в основном изучали влияние ближайшего социального окружения, успеваемости и различных самооценок на образовательные планы молодых людей. Второй и последующий этапы дали возможность изучать влияние социального происхождения на достигнутый уровень образования и роль образования в достижении статусных позиций и социальном продвижении представителей когорты. При этом, в частности, было доказано, что хотя на профессиональный статус сына оказывает влияние профессиональный статус отца, такое это влияние слабое, зато сильное влияние оказывают собственные способности и очень сильное — собственный уровень образования сына [18].

Другим широко известным исследованием по рассматриваемой тематике являлось исследование Дж. Коулмана, по результатам которого в 1966 г. он подготовил публикацию “Равенство образовательных возможностей” (Equality of Educational Opportunity), вошедшую в историю как Доклад Коулмана (Coleman Report). Эмпирической базой ему послужило социологическое обследование 600 тыс. учащихся, 60 тыс. учителей в более чем 4 тыс. школ США. Обследование было посвящено четырем основным вопросам: 1) масштабности расовой сегрегации в государственных школах, 2) различиям условий в самих школах, 3) успеваемости и достижениям в учебе учащихся государственных школ, 4) влиянию условий школы на успехи учащихся в учебе.

Выводы Коулмана, относящиеся к государственным школам, многим показались спорными. Исследователь выявил, что различия в школьных условиях, как правило, имеют слабое влияние на академическую успеваемость, зато воздействие различий в семейном происхождении и окружении ровесников сильно. Причем многие различия, которые, казалось, были атрибутами школы, на самом деле более успешно объяснялись разной социальной средой школьников. В 1982 г. с группой коллег он опубликовал результаты другого известного исследования — сравнения школ государственных, частных и при-

надлежащих общественным организациям. Здесь, напротив, было выявлено значимое влияние типа школы на успеваемость учащихся (учитываемую по результатам стандартизованных тестов): в частных школах она была значительно выше, чем в государственных [19].

Одной из программ для поддержки исследований такого направления в США является Национальная программа лонгитюдных исследований в образовании (National Education Longitudinal Studies), финансируемая американским правительством. Общей целью этой программы является изучение изменений в уровне персонального развития, общеобразовательной и профессиональной подготовки старшеклассников в разные годы обучения в средней школе, а также изучение факторов, влияющих на это развитие: социальных, институциональных и культурных, факторов на персональном уровне и уровне семьи. В числе индикаторов и переменных, изменения которых отслеживаются в этих исследованиях, присутствуют такие, как самооценка, восприятие себя в глазах других, жизненные ценности, ожидания и планы после окончания школы.

В настоящее время в рамках этой программы реализуются три лонгитюдных проекта (по выборке, репрезентирующей всю страну): NLS-72, начатый в 1972 г., HS&B (“High Schol & Beyond”) с 1980 г., NELS-88, реализуемый с 1988 г. В совокупности эти социологические исследования репрезентируют образовательный путь молодежи трех десятилетий: 70-х, 80-х и 90-х годов. В частности, за 1980—1990 гг. выявлены статистически значимые изменения, свидетельствующие о повышении ценности образования в сознании старших школьников и о росте ориентации на получение высшего образования [20].

В целом в американской и западноевропейской социологии можно выделить (с относительной долей условности такого разделения) следующие направления эмпирических исследований ориентаций и дальнейшего жизненного пути выпускников школ:

1) “школьные эффекты” (“school effects” research), когда рассматриваются причины, факторы различий в школьных достижениях и уровне интеллекта и их влияние на дальнейшую карьеру молодых людей (Дж. Коулман, С. Лукас, Д. Розенбаум, Л. Стейнберг (США), Дж. Дронкерс, У. де Йонг (Нидерланды), С. Волпер (Германия), Д. Розенталь (Австралия) и др.);

2) “достижение статуса” (“status attainment research”) — исследования процесса приобретения статусов и роли образования как канала социальной мобильности (П. Блау, О. Дункан, В. Сьюелл, Р. Хаузер, Д. Фэзерман, М. Хотут, Д. Крумпровский (США) Й. Шавитс (Израиль), М. Гров (Германия), Л. Чаувел (Франция) и др.);

3) “жизненные перспективы молодежи” (“life course perspective”), анализирующие временную последовательность вступления молодежи в самостоятельную жизнь и процесс реализации жизненных стратегий (Р. Меэ, В. Ли, А. Паллас (США), Б. Джонссон (Швеция), Х. Хелве (Финляндия), К. Троттиер (Канада) и др.);

4) “переход от школы к работе” (“transition from school to work”) — это направление исследует проблемы получения профессионального образования, молодежной безработицы, положения выпускников учебных заведений на рынке труда (Н. Грабб, Д. Стерн, Д. Марш (США), К. Робертс (Великобритания), К. Вимонт (Франция), О. Стафсенг (Норвегия) и др.) [21].

Между представителями первого и второго направлений периодически возникает своеобразное соперничество. Первые доказывают значительное влияние социального происхождения на установки и образовательный путь моло-

дежи, вторые — второстепенную роль социального происхождения в достижении статусных позиций (в частности уровня доходов) и первостепенную — характеристик самого индивида.

В рамках каждого эмпирического направления исследований наряду с традиционным структурным подходом используется весьма широкий спектр других методологий — теория рационального выбора, общественного договора, социального класса, социологические трактовки теории человеческого капитала, концепция интеграции и жизненных стратегий и др. [22].

Исследования в бывших странах народной демократии фиксируют возросший прагматизм в жизненных установках молодежи, снижение значимости коллективистских ценностей и рост индивидуалистических в сознании молодежи и по-прежнему высокую ценность работы и интересного труда, повышение ценности образования у отдельных социальных групп молодежи — у учащихся академических потоков в школах и у молодых предпринимателей (С. Ковачева, П.-Э. Митев (Болгария), З. Волк, Б. Идзиковский (Польша), Л. Мачасек (Словакия), П. Сак (Чехия) и др.) [23].

В последние 10—15 лет проведены межстрановые сравнительные исследования. Причем некоторые из них (евробарометр, барометр стран новых демократий, международное исследование ценностей) осуществляются в форме мониторинга. Их результаты показывают, что в современном модернизирующемся обществе происходит переход к новой, более вариативной, менее детерминированной во временной последовательности модели юности (перехода от юности к зрелости, включения молодежи в социальную структуру), что требует новых концептуальных подходов к изучению механизмов включенности (исключенное™) и взаимодействия молодого поколения с другими поколениями в разных сферах общественной жизни [24].

Жизненные планы и ориентации учащейся молодежи Сибири (изменения социальной ситуации в 90-е годы)

Методологические положения исследования. Материалы нашего исследования 1990—1991 гг. зафиксировали влияние статусных характеристик семьи, во-первых, на намерения учащихся и, во-вторых, на их фактическое распределение после окончания школы. Было выявлено статистически значимое дифференцирующее влияние таких факторов, как образование и социальное положение родителей, тип населенного пункта, где проживает выпускник, а также влияние школьной успеваемости. Кроме того, установлена зависимость самих дифференцирующих факторов друг от друга: уровня образования родителей и места проживания, уровня образования родителей и успеваемости, социально-должного статуса родителей и успеваемости. Причем, если у выпускников основной школы сильнее были различия, связанные с фактором семейного происхождения, чем с поселенческим (соответственно $CC=0,334$, $P<0,001$ и $CC=0,215$, $P<0,001$), то у выпускников полной средней школы — наоборот (соответственно $CC=0,352$, $P<0,001$ и $CC=0,447$, $P<0,001$). Эти закономерности подтвердились и на данных 1996 г.

Опираясь на исследовательские традиции и полученные ранее собственные результаты, автор придерживается следующих методологических положений. На формирование социальных и профессиональных намерений выпускников школ влияют общие (макроуровень) и специфические (микросреда) социальные условия. Их влияние на индивида происходит через внутреннюю структуру личности, основным в которой являются ценности, свойства характера и способности. При этом социальные намерения (на вхождение в определенный социальный слой и территориальную общность) формируются раньше профессиональных (на приобретение профессии), первые доминируют над вторыми.

В выборе профессии большое значение имеют интерес к ней, индивидуальные способности и склонности к данному виду деятельности. Но как правило, все эти моменты вступают в силу лишь в том случае, если социальный статус профессии не противоречит социальным ориентациям молодого человека. В этом пункте социальная и профессиональная ориентации предстают как две части одного целого. Проблема в том, что субъективные намерения молодого человека сталкиваются с объективно существующими общественными структурами. Во-первых, с профессией связано соответствующее профессиональное образование, получение которого ограничено определенными мощностями приема на те или иные специальности, а в новых условиях также материальными возможностями семьи. Во-вторых, структура и наличие рабочих мест в экономике могут не соответствовать не только намерениям, но и объему и структуре выпуска из учебных заведений в городе, области, регионе. Особенную остроту данная проблема приобретает в современной ситуации, в связи с чем важным качеством для молодых людей становится способность переучиваться, применять свои знания и умения в разных сферах экономической жизни.

Необходимо также учитывать, что изучаемый социальный процесс обладает значительной степенью инертности, устойчивости, временным лагом по отношению ко многим внешним изменениям социальной среды. Подтверждением этому служат, в частности, результаты нашего первого обследования. Так, несмотря на происшедшие в тот период (1990—1991 гг.) в стране перемены (значительными были демократические преобразования, появились предприятия новых негосударственных форм собственности, кооперативы, усилились материальные стимулы к труду и др.), значительных сдвигов ни в структуре социальных и профессиональных намерений, ни в системе ценностных ориентаций, ни в структуре или силе влияющих и дифференцирующих эти намерения и ориентации факторов не наблюдалось; в основном подтвердились закономерности процесса реализации планов выпускников, характерные для дореформенного периода.

Необходимо также учитывать, что влияние многих факторов и макро- и микроуровня носит не прямой, а косвенный характер, что происходит многократное “преломление” их влияния через другие объективные условия, среди которых могут быть как уже существующие, так и только зарождающиеся или еще только ожидаемые. Например, падение престижа квалифицированного труда и образования в реформируемой экономике не снизило стремление выпускников школ получить высшее образование. Ухудшение материальной ситуации многих семей не изменило решение молодежи (поддержанное к тому же рекомендациями родителей) продолжать образование. Стремление взрослых пережить трудные времена за счет своего подсобного хозяйства не находит своего подкрепления в устремлениях сельской молодежи, ориентированной на город. Угроза безработицы не сняла остроту социальной проблемы, которую можно назвать как “образованная молодежь и неинтересная работа”.

Особенности современной социальной ситуации. Прежде всего следует отметить, что наряду со значительными изменениями в общественном строе, открывшими новые возможности для экономической активности, молодежи стало гораздо труднее реализовать себя в традиционных сферах жизни: продолжать образование, получить профессию, найти работу, обеспечить достойную жизнь своей будущей семье.

Постоянному испытанию подвергается сегодня и духовный мир молодежи. Становящийся капитализм несет другие ценности и правила игры. Формирование системы ценностей происходит под противоречивым влиянием новых и старых ценностей, носителей которых без специальных исследований не всегда удается однозначно определить. Это могут быть преуспевающие слои общества, СМИ, семья, школа, сверстники, различные клубы и организации, в которых участвуют школьники, и т.п.

В селе молодежь оказалась как бы под двойным ударом из-за того, что к общим резким социальным изменениям добавились кризисные процессы в сельском хозяйстве. Социологические исследования, в том числе проведенные нашим отделом, показывают, что процессы становления рыночной экономики (выразившиеся, например, в изменении форм собственности подавляющего большинства государственных сельскохозяйственных предприятий, в развитии фермерства) не способствовали в сельской местности росту экономической активности взрослого населения и не стали сферами массового выбора молодого поколения, заканчивающего школу.

Сельское население в условиях рынка оказалось самым уязвимым. Именно в селе наиболее тяжело проявились все негативные социально-экономические последствия реформирования общества: явная и скрытая безработица, обесценивание сельскохозяйственного труда, сокращение финансирования социальной сферы (школ, детских садов, клубов, внешкольных учреждений, оздоровительных ла-

герей, сельских амбулаторий, строительства жилья). В результате резко ухудшились условия жизни, что выразилось в падении уровня жизни значительной части семей, вопиющем распространении пьянства, безнадзорности детей, обеднении их досуга, ухудшении здоровья детей и взрослых.

Общей проблемой становится снижение уровня образования молодого поколения, вступающего в трудоспособный возраст. Так, данные микропереписи населения 1994 г. зафиксировали снизившийся по сравнению с 1989 г. уровень образования в возрастной группе 16—19 лет; эту тенденцию выявили также социологические обследования населения, проведенные нашим отделом [25].

Чтобы более конкретно представить социальную ситуацию, в которой современная молодежь принимает решения и строит жизненные планы, кратко остановимся на состоянии системы школьного и профессионального образования, а также сфер труда и занятости на примере Новосибирской области.

Численность выпускников школ в Новосибирской области в течение 90-х годов остается достаточно стабильной, то незначительно падая в одни годы, то немного возрастая — в другие. Например, с 1995 г. наблюдается некоторое увеличение закончивших и основную и полную среднюю школу как в дневной, так и в вечерней форме. В 1996 г. закончили дневную основную школу 36,7 тыс. чел. (в том числе 26,0 тыс. в городской и 10,7 тыс. чел. в сельской местности), дневную полную среднюю школу — 19,2 тыс. (соответственно 13,5 тыс. и 5,7 тыс. чел.). В Новосибирске в 1996 г. выпуск из дневной основной школы составил 16,7 тыс. чел., из полной средней — 8,8 тыс. чел. [26].

В 90-е годы под влиянием процесса демократизации в системе образования увеличилось разнообразие типов общеобразовательных школ, в том числе негосударственных и частных. В 1994/95 учебном году в Новосибирской области работало 17 гимназий и лицеев (13,9 тыс. учащихся), в 1998/99 г. — 21 (18,5 тыс. учащихся). В селе лицеев и гимназий практически нет. Частные школы пока малочисленны даже в городе. Всего в Новосибирской области в 1994/95 учебном году их было 12 (в них училось 1,2 тыс. учащихся), в 1998/99 г. — 16 (1,4 тыс. учащихся [27]). Более широко распространился процесс диверсификации обучения в обычных общеобразовательных школах. На начало 1996/97 учебного года 27,5 тыс. учащихся (6,6%) в 176 школах области обучались по программе углубленного изучения отдельных предметов, в том числе в городской местности — 25,5 тыс. (8,9 %) в 129 школах (из 369 школ). Таким образом, в каждой третьей городской школе есть хотя бы один специализированный класс (как правило, это старшие классы).

К завоеваниям последнего десятилетия относится появление у преподавателей и педагогических коллективов реальных возможностей выбора учебных программ и методик, менее жесткая вертикаль

управления, большие права и возможности учебных заведений в реализации своих интересов. К сожалению, сегодня это не всегда совпадает с интересами ребенка и родителей, особенно малоимущих. Обратной стороной таких изменений стали процессы социального расслоения учащихся и между школами и внутри школ. Это уловили и материалы нашего исследования.

Вместе с тем система школьного образования в Новосибирской области, как и во всей стране, испытывает сегодня значительные материальные трудности. Не хватает средств на оплату труда работников, на текущие нужды учебного процесса, ремонт и капитальное строительство. Учебные заведения функционируют в условиях недостатка учебных площадей, роста сменности и превосходящей в полтора-два раза норму наполняемости классов. Лишившись поддержки так называемых базовых предприятий, массовая школа не нашла сколько-нибудь значимых источников внебюджетного финансирования, поэтому всеми правдами и неправдами привлекает деньги родителей. Лучше это удастся, конечно, престижным школам.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в сельской местности. Разрыв между городскими школами (в некоторых из них уже появились классы Интернета) и обычными сельскими, где остро не хватает элементарных учебников и пособий, за годы реформ резко возрос. Уровень знаний сельских школьников, как правило, недостаточен для поступления в вузы и колледжи, а возможностей дополнительной подготовки к поступлению в селе практически нет. Кроме того, в последние годы стремительно расширяется платность в системе профессионального образования, что становится неразрешимой проблемой для многих семей, особенно в селе. Эти процессы ведут к усилению социальных различий между городской и сельской молодежью по уровню и качеству образования.

Кризисные процессы затронули также сферу профессионального образования и подготовки кадров. Они связаны, во-первых, с сокращением финансирования профессиональных учебных заведений, повлекшим сокращение планового приема, во-вторых, с большим отсевом по ряду специальностей, в число которых входят строительные, сельскохозяйственные, транспортные и некоторые промышленные. Как и в целом в Российской Федерации, в системе профессионального образования Новосибирской области отмечено снижение количественных показателей подготовки специалистов. Особенно сильное снижение происходило до 1994 г. Так, в 1992—1994 гг. численность обучающихся в вузах снизилась на 5,2 %, в средних специальных учебных заведениях (ССУЗах) — на 13,1%, в системе профессионально-технического образования — на 15,3%, а по сравнению с 1985/86 учебным годом, сокращение составило 17,2; 24,5 и 34,6% соответственно. В последние годы прием в вузы и ССУЗы начал увеличиваться (в основном за счет приема на платное обучение), в системе же на-

чального профессионального образования сокращение продолжается [28]. В то же время, если учесть, что выпуск из общеобразовательных школ области сохраняется в последние 10 лет практически на одном уровне, а численность молодежи 15—19 лет (т.е. возраста получения профессионального образования) даже увеличивается, это означает сокращение возможностей получения профессионального образования для современной молодежи.

Стала расширяться и практика платности в системе профессионального образования. По официальным данным, в 1996 г. в Новосибирской области было принято в вузы на условиях полного возмещения затрат на обучение 24,9 % студентов первокурсников, в том числе на дневные отделения 18,2%. Реальная “платность” профессионального образования еще выше. Вузы и ССУЗы все активнее внедряют платные услуги. Конечно, зачастую эта мера вынужденная.

Процессы, происходящие в сфере занятости области, позволяют оценить ее современное состояние как кризисное. Ситуацию в этой сфере можно охарактеризовать как трудоизбыточную в количественном и качественном отношении, что выражается в резком снижении спроса на труд, особенно квалифицированный. Объем и качество трудового потенциала, которым располагает область, заметно выше потребностей сегодняшней экономики. Объем производства упал за 1990—1995 г. на 54 %. Сократился персонал на многих предприятиях и организациях производственной сферы, повседневной реальностью стали длительные неоплачиваемые отпуска и хронические задержки с выплатой заработной платы. Уровень занятости населения Новосибирска за период экономических реформ снизился, по некоторым оценкам, на 20—25 % и составляет в настоящее время 60—65 % всего трудоспособного населения, по области ситуация еще хуже.

Молодежь стала одной из самых уязвимых групп населения на рынке труда. В 1993 г. доля безработных (фактически безработных по методике МОТ) в экономически активном населении области составляла 6,5 % (в РФ 5,5 %), в том числе в возрастной группе 16—19 лет — 23,2 %, среди 20—24-летних 12,7, а 25—29-летних — 8,6 % (в РФ соответственно 20,9; 10,6 и 6,7 %). В результате в структуре занятого населения области на долю молодежи (возрастной группы 15—29 лет) приходилось 21,6 % (в РФ 21,3 %), а в структуре безработных — 47,4 % (в РФ 42,3 %) [29].

Серьезной проблемой при современном состоянии экономики стало трудоустройство дипломированных специалистов. Удельный вес лиц, не получивших направления на работу, в 1994 г. составил в Новосибирской области по дневным отделениям вузов (в процентах к выпуску на 1 октября) 54 %, ССУЗов — 48, в том числе из-за отсутствия заявок 29 и 19% соответственно [30]. Причем трудности с устройством на работу испытывают выпускники всех специальностей, даже таких рыночных, как экономика и управление.

Представленные данные характеризуют социальную ситуацию как мало благоприятствующую самоопределению молодежи. Тем не менее нельзя не признать, что Новосибирская область находится не в самом худшем положении. Значительным ее преимуществом, безусловно, является хорошо развитая сеть учебных заведений и не самый высокий уровень безработицы среди регионов России.

На формировании системы ценностей и жизненных намерений старшеклассников сказывается и то, что престиж образования в обществе все более и более ставится в жесткую зависимость от прагматических соображений. Упал престиж многих профессий высококвалифицированного труда (ученых, учителей, врачей, специалистов промышленности и т.д.). Данные многолетних социологических исследований, в том числе проведенных нашим научным коллективом, показывают, что в отличие от учащейся молодежи, работающая молодежь значительно ниже оценивает значимость для себя образования; в последние годы продолжало сокращаться совмещение работы с заочной (вечерней) учебой и участие в других формах дополнительного образования, снижалась потребность в повышении образования, частота чтения художественной и особенно специальной литературы, сократилось свободное время, затрачиваемое на образование и самообразование [31]. Такие тенденции противоречат начавшемуся процессу информатизации, компьютеризации, распространения технологий нового поколения в производстве.

Значительное влияние на высокие требования к качеству образования оказывает в настоящее время частный сектор экономики, в котором наряду с первой волной индивидуального торгового предпринимательства укрепляется бизнес, требующий высокой квалификации персонала (в вопросах рекламы, делопроизводства, бухгалтерии и т.п.). Другим фактором, поддерживающим в современных условиях престиж образования и преподавательского труда, является потребность значительной части молодежи (и их родителей) в получении образования высокого качества, позволяющего использовать новые возможности освоения социального пространства (владение иностранными языками, знание экономики, права, компьютерная грамотность, широкие гуманитарные знания).

В заключение хочется отметить, что несмотря на неблагоприятные тенденции в развитии системы школьного образования, слишком категоричной представляется точка зрения авторов книги “Социология образования: Прикладной аспект”, считающих, что “современная российская общеобразовательная школа не выполняет в полной мере ни одной из своих важнейших функций: не способствует духовному формированию личности,... практически не создает необходимой базы знаний для получения высшего образования,... не обеспечивает возможностей дальнейшего непрерывного образования...” [32]. Нельзя все огрехи процесса социализации подрастающего поко-

ления приписывать только школе. Наоборот, в условиях, в которые поставлена сегодня российская школа, она выполняет по мере возможностей не только свои функции, но и, как показало наше обследование, служит своеобразным буфером между ребенком (подростком) и агрессивной для него внешней средой. Особенно ярко такая роль школы сейчас проявляется в селе.

Эмпирические результаты исследования

Динамика намерений учащихся в отношении продолжения образования и выбора профессии. К 1996 г. по сравнению с 1990 г. в структуре социальных и профессиональных намерений выпускников общеобразовательных школ и мотивов выбора образования и профессии произошли значительные изменения. При этом ориентации старшеклассников на тот или иной тип учебного заведения, профиль обучения и будущую профессию по-прежнему различаются в зависимости от типа поселения (областной центр, районные центры, села) в сторону более высоких притязаний у школьников Новосибирска.

Во всех типах населенных пунктов выше, чем шесть лет назад, стала ориентация на поступление в вуз у одиннадцатиклассников; среди девятиклассников стало больше намеренных продолжить обучение в десятом классе, причем в Новосибирске 6,5 % из них хотели бы перейти учиться в лицей, гимназию или специализированную школу при вузе (табл. 28.1). Как и шесть лет назад остается непрестижной система профессионально-технического образования. Доля планирующих сразу после школы начать работать не выросла и составляет среди заканчивающих полную среднюю школу от 1,6 % в селе до 3,6 % в Новосибирске, а среди заканчивающих основную — от 1 % в Новосибирске до 2,8 % в селе. В том же направлении изменились и советы родителей насчет того, какой вариант предпочесть их сыну или дочери.

При этом большинство выпускников ориентировались на местные учебные заведения, в основном расположенные в Новосибирске, и частично в г. Куйбышеве (одном из населенных пунктов, представленных в выборке). Лишь небольшая часть учащихся планировала уехать за пределы области. Такая тенденция к регионализации профессионального образования отмечается в последние годы во многих областях РФ [33].

В целом все группы опрошенных, кроме сельских девятиклассников, имеют высокие притязания к уровню образования — не менее половины ориентированы на высшее образование. Но все же наиболее высокие они у одиннадцатиклассников Новосибирска, у которых очень незначительна ориентация на образование ниже высшего и наиболее высокая — на аспирантуру и магистратуру. Так, считают для себя достаточным высшее (в том числе послевысшее) образование в старшей группе опрошенных от 52 % в селе до 89 % в

Таблица 28.1

Намерения учащихся после окончания школы, % к ответившим

Намерение	1990 г.				1996 г.			
	Всего *	Ново -	ПГМ **	Село	Всего	Ново -	ПГМ	Село
<i>Учащиеся девярых классов</i>								
<i>Учиться в 10-м классе</i>	50,5	48,6	55,0	49,9	64,8	66,7	69,4	58,1
<i>Поступить в техникум, ССУЗ</i>	28,0	34,8	26,0	18,0	13,1	15,6	12,9	9,5
<i>Учиться в ПТУ</i>	11,9	8,3	10,5	19,2	7,1	3,2	8,2	12,2
<i>Работать, работать и учиться</i>	4,5	3,6	2,5	7,9	1,5	1,0	1,2	2,8
<i>Учиться на профессиональ- ных курсах, в вечерней школе (не работая)</i>	0,7	0,8	0,5	0,7	1,0	0,5	2,4	0,7
<i>Не определились</i>	4,4	3,9	3,5	4,4	12,3	12,9	5,9	16,9
<i>Учащиеся одиннадцатых классов</i>								
<i>Поступить в вуз</i>	55,9	78,5	47,4	29,5	65,5	86,0	65,9	33,6
<i>Поступить в техникум, ССУЗ</i>	20,0	9,2	31,6	27,2	20,0	7,9	20,9	37,7
<i>Учиться в ПТУ, на про- фессиональных курсах</i>	5,9	0,3	3,2	15,1	2,7	0,0	2,2	7,4
<i>Работать, открыть свое дело, работать и учиться</i>	3,8	3,3	1,1	6,6	2,9	3,6	3,3	1,6
<i>Не определились</i>	14,2	7,8	16,8	21,4	8,9	2,4	7,7	19,7

* Здесь и далее для характеристики всей совокупности опрошенных приводятся данные, взвешенные по типам поселений.

** ПГМ (здесь и далее в таблицах) — прочая городская местность.

Новосибирске, а в младшей группе — от 29 до 60 % соответственно. Наиболее высокая доля тех, для кого было бы достаточным среднее специальное образование, отмечается у сельских школьников — 21 % в девярых классах и 16 % — в одиннадцатых. С более низким уровнем образования готова мириться еще меньшая часть школьников.

При такой высокой ориентации на высшее образование парадоксально выглядят следующие данные. Меньшая часть опрошенных оценила свои способности успешно учиться в вузе (независимо от того, собираются они в нем учиться или нет) как определенно высокие, хотя среди новосибирцев — выпускников полной средней школы такую самооценку дал каждый четвертый. Значительно больше тех, кто оценил свои способности как вероятно приемлемые для вуза. А сомнения по этому поводу наиболее часто высказывали девятиклассники-горожане и все сельские школьники (почти каждый третий).

Частичная платность системы профессионального (главным образом высшего и среднего специального) образования не оказывала выраженного влияния на намерения выпускников ни в городской, ни в сельской местности. Как и следовало ожидать, меньшая часть опрошенных выразила уверенность, что материальные возможности

их семей позволят платить за обучение. При этом девятиклассники были склонны оценивать эти возможности выше, чем старшие школьники. Треть последних ответила, что им не по средствам платное обучение даже в случае относительно невысокой оплаты. И все же более многочисленна (от 32 % в Новосибирске до 44% в райцентрах) группа тех, кто считал, что платное обучение для них возможно при условии невысокой оплаты или предоставления кредитов.

Исследование показало, что на профессиональные намерения и установки старших школьников повлияла сложившаяся проблемная ситуация в сфере занятости и в экономике в целом: снижение общественного престижа ряда массовых профессий, снижение спроса на труд, нерегулярность и уровень оплаты труда, кризисное состояние отраслей производственного, в том числе аграрного, сектора экономики, нестабильность экономического положения большинства предприятий и организаций государственной и полугосударственной форм собственности.

Профессиональная ориентация школьников еще больше, чем прежде, детерминирована социальной. Окончательное решение о выборе конкретной профессии отложила на потом почти половина одиннадцатиклассников Новосибирска, при этом большинство из них имели на примете один или несколько вузов. Ориентация на высшее образование стала еще более оторванной от выбора профессии. Доля указавших, что они пока не выбрали профессию, которую хотели бы приобрести после школы, выросла среди всех девятиклассников и среди одиннадцатиклассников-горожан. Например, в Новосибирске она выросла с 40 до 60% у младших и с 21 до 48% у старших.

Произошли также изменения в сторону более высокого социально-должностного статуса выбранной профессии. У школьников Новосибирска намерения перераспределились в пользу профессий специалистов и руководителей за счет снижения ориентаций на профессии рабочих и служащих (неспециалистов). Так, ориентация на рабочие профессии у учащихся одиннадцатого класса практически отсутствует, а у девятиклассников она крайне низкая (5%). В прочей городской (райцентры) и сельской местности характерна переориентация в пользу выбора профессий специалистов и служащих за счет рабочих профессий: доля последних составила в девятом классе соответственно 14 и 18%, а в одиннадцатых — 6 и 10% (ко всем опрошенным).

Резко снизилась для выпускников привлекательность профессий материальной сферы (промышленных, строительных, транспортных) и, соответственно, увеличилась — профессий нематериальной сферы, особенно управленческих и финансовых (экономист, юрист, переводчик, бухгалтер и др.), позволяющих относительно успешнее вписаться в рыночную экономику. Характерно, что большинство привлекательных для выпускников профессий относятся к категории так называемых сквозных, т.е. позволяющих работать в любой отрасли

экономики и тем самым лучше адаптироваться к негативным социальным процессам в сфере занятости — угрозе безработицы, нерегулярной оплате труда и др. (табл. 28.2).

Изменение профессиональных ориентаций школьников более наглядно удается представить после группировки профессий в соответствии с их отраслевой принадлежностью в три укрупненные группы (рис. 28.1 и 28.2): профессии отраслей материального производства и материальных услуг (включены профессии промышленности,

Таблица 28.2

Отраслевая принадлежность выбранной профессии, % к ответившим

Отрасль	Всего		Новосибирск		ггм		Село	
	1990	1996	1990	1996	1990	1996	1990	1996 г.
<i>Выпускники основной школы</i>								
Сельское хозяйство	3,6	2,2	3,0	0,5	2,0	2,4	6,0	4,8
мышленность	10,9	2,4	7,7	2,0	16,5	1,2	11,5	1,4
ошительство	0,3	0,8	0,6	2,2	0,0	1,2	0,0	0,0
спорт, связь	12,0	6,0	11,3	3,2	10,0	9,5	14,8	8,8
ичная торговля и общест- венное питание	7,9	2,0	6,9	2,1	11,5	1,2	6,4	3,4
тура, искусство, просвеще- ние, наука	11,5	9,8	10,2	8,6	12,0	8,4	13,4	12,9
воохранение, социальное обеспечение, физкультура	8,6	5,3	9,9	4,8	9,0	6,0	6,0	5,5
жилищно-коммунальное хозяй- ство, бытовое обслуживание	2,0	1,1	2,5	1,0	1,5	1,2	1,6	2,1
вление, учет, кредит, фи- нансы, юстиция, охрана об- щественного порядка, внеот- раслевые профессии	6,0	14,7	6,9	15,0	6,5	22,7	3,9	7,5
ия	0,7	0,2	0,8	0,5	1,0	0,0	0,2	0,0
ыбрали профессию	36,5	55,1	40,1	60,5	30,0	46,4	36,0	53,7
<i>Выпускники полной средней школы</i>								
Сельское хозяйство	2,0	0,5	0,8	0,0	1,1	0,0	4,5	1,7
Промышленность	7,3	3,4	6,5	2,4	8,4	4,4	7,6	5,8
Строительство	1,5	1,6	1,6	4,2	3,2	0,0	0,0	0,8
Транспорт, связь	6,4	2,4	3,5	1,2	6,3	3,3	10,7	1,6
Розничная торговля и общест- венное питание	6,4	1,0	3,8	1,8	9,5	1,1	8,0	1,6
Культура, искусство, просвеще- ние, наука	23,4	16,3	24,1	11,6	29,5	17,7	17,9	23,2
Здравоохранение, социальное обеспечение, физкультура	9,6	8,0	14,1	4,9	5,3	3,3	6,2	16,6
Жилищно-коммунальное хозяй- ство, бытовое обслуживание	1,4	1,5	1,9	0,0	0,0	2,2	1,8	3,3
Управление, учет, кредит, фи- нансы, юстиция, охрана об- щественного порядка, внеот- раслевые профессии	15,9	24,6	21,7	28,2	10,5	29,9	11,6	14,9
Армия	1,6	2,6	0,5	0,6	2,1	5,6	2,7	3,3
Не выбрали профессию	24,4	37,9	21,4	47,9	24,2	32,2	29,0	27,3

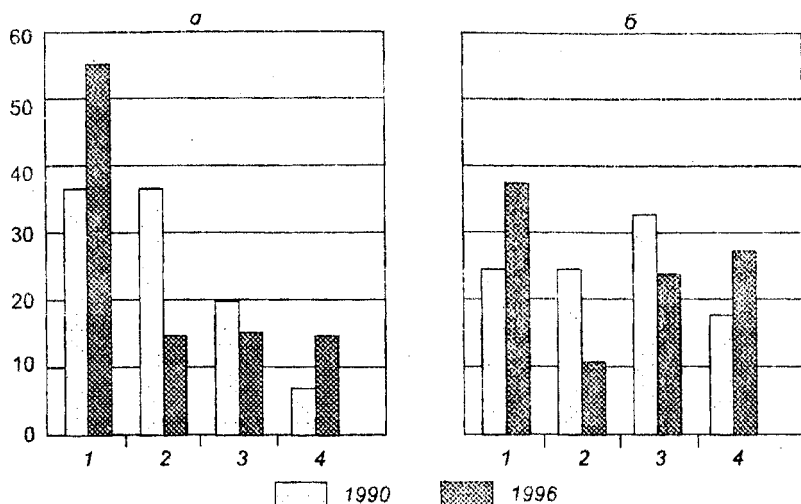

Рис. 28.1. Отраслевая принадлежность выбранной профессии по укрупненным

группам отраслей, %.

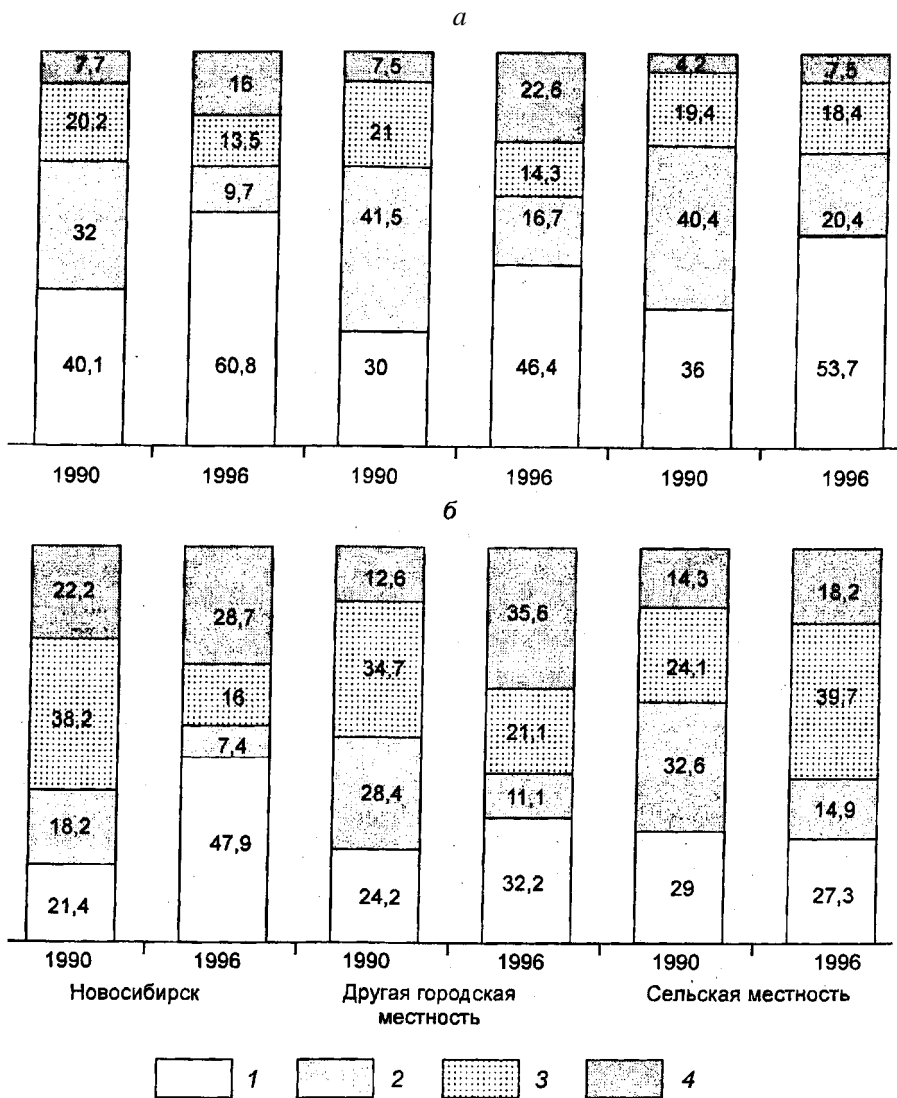
а — девятиклассники; *б* — одиннадцатиклассники; 1 — не выбрали профессию; 2 — профессии отраслей материального производства и материальных услуг; 3 — профессии

транспорта, связи, строительства, торговли и общественного питания, жилищно-коммунального и бытового обслуживания населения), профессии социальной сферы (образования, здравоохранения, культуры, СМИ, науки, социального обеспечения), профессии сферы регулирования и контроля (управление, учет, финансы, кредит, страхование, обслуживание операций на рынке, охрана общественного порядка, армия и внеотраслевые профессии).

Профессиональные и социальные ориентации сельских школьников сложились не в пользу сельского хозяйства и сельской жизни. Выросла ориентация на профессии социальной сферы экономики и упала в два раза на профессии материальной сферы: среди одиннадцатиклассников с 33% в 1990 г. до 15% в 1996 г., а среди младших — с 40 до 20%.

На фоне общих тенденций в селе сложилась специфическая ситуация: по сравнению с сельским хозяйством, где стало совершенно невыгодно работать, работники социальной сферы оказались в относительно благополучном положении. Кроме того, безработица в большей мере коснулась семей учащихся в селе, чем в городе: среди родителей опрошенных сельских школьников безработными были 9% матерей и 6% отцов, тогда как в городе — 6 и 5% соответственно.

Должностной статус выбранных сельскими школьниками профессий изменился в пользу специалистов и служащих. Наблюдается как бы замещение той ниши, которую освободили городские школь-

Рис. 28.2. Отраслевая принадлежность выбранной профессии по укрупненным группам отраслей в разных типах поселений, %.

а — девятиклассники; *б* — одиннадцатиклассники; 1 — не выбрали профессию; 2 — профессии отраслей материального производства; 3 — профессии отраслей социальной сферы; 4 — профессии сферы регулирования и контроля.

ники. Так, если последние предпочитают получить профессии сферы экономики, юриспруденции, управления, международных отношений, то селяне видят для себя хорошие перспективы, выучившись на учителей, врачей, медсестер, воспитателей, бухгалтеров, возможно, потому что эти профессии одинаково годятся и для города и для села. Фермерство, как и вообще сельскохозяйственные профессии, мало привлекает сельских школьников: только 2 % в старшей и 5 % в младшей возрастных группах.

Такая смена социальных и профессиональных ориентаций школьников (а также высокая доля неопределившихся) уже сама по себе представляется неблагоприятной, а в будущем это может усугубить проблему с подготовкой кадров для материального производства.

Намерения учащихся в отношении желаемого места жительства и сектора экономики. Похожая тенденция прослеживается и в отношении желаемого места жительства: в то время как каждый пятый из школьников-новосибирцев предпочел бы жить за границей, многие их сверстники в селах и поселках не отказались бы стать жителями такого крупного города, как Новосибирск. Так, на вопрос о том, где они хотели бы жить, если бы это зависело только от их желания, среди первых 47 % назвали свой город, 23% — за границу, около 13% предпочли бы столицу или другие крупные города (затруднились ответить 13%). Среди вторых преобладал крупный город — 40% (в том числе 29% указали Новосибирск), 20% предпочли бы небольшой город или поселок, 15% — село и 9% — за границу (затруднились ответить 18%).

Селу и малому городу сельские школьники стали относительно реже отдавать предпочтения, чем шесть лет назад. За рассматриваемый период доля указавших, что они хотели бы жить в большом городе, выросла с 11 % в 1990 г. до 40 % в 1996 г. среди старших и с 19 до 35 % — среди младших, а доля тех, кто хотел бы жить в селе, снизилась соответственно с 37 до 22 % и с 29 до 14 %.

Среди школьников, проживающих в районных центрах, также снизилась (в 2 раза) доля тех, кто хотел бы жить в небольшом городе, поселке, и упала почти до нуля для ценителей деревенской жизни (в пользу большого города и дальнего зарубежья).

На более конкретный вопрос, где они планируют жить в 30 лет, среди школьников-новосибирцев 57% (в среднем по девятым и одиннадцатым классам) назвали свой город, 8% — дальнее зарубежье, 7—9% — столицу или другой крупный город, около 2% — село, либо поселок, 27% затруднились ответить. Селяне в своих планах в 2 раза чаще ориентируются на крупный город (включая Новосибирск), чем на село: 30 против 14% в среднем при более 40% затруднившихся ответить.

Долы ориентированных на отъезд в ближайшие год-два составляет среди школьников Новосибирска 5—6%, еще столько же отве-

тили, что может быть уеудт. Напротив, более 70 % сельских одиннадцатиклассников и почти половина их ровесников в районных центрах намерены в ближайшее время сменить место жительства; подавляющий мотив — отъезд на учебу. Среди девятиклассников наиболее настроены на отъезд на учебу селяне (28%).

В своих планах относительно формы собственности будущей работы большинство школьников-горожан ориентировано на частную форму, в то время как селяне не отдают такого предпочтения. Доля твердо намеренных иметь в будущем (в 30 лет) свое дело крайне невелика (2—4%) во всех группах опрошенных. Однако у горожан более значительна доля ориентированных на негосударственный сектор экономики. Например, в старшей группе опрошенных каждый третий планирует работать на частных предприятиях или фирмах (включая предприятия совместной с зарубежными партнерами формы собственности). В разных типах поселений планируют работать на государственных предприятиях 12—20%, на акционерных и коллективных — 2—10%. Тем не менее до 58% девятиклассников и 51% одиннадцатиклассников пока не знают, с какой формой собственности связать свои планы, причем наиболее высокая доля неопределенных отмечена в селе. Среди старших сельских школьников, давших определенный ответ, примерно равное предпочтение отдается государственной форме собственности (20%) и частной: на частные и российско-иностраные предприятия соответственно ориентированы 9 и 12 %.

Мотивы продолжения учебы и выбора профессии. Среди мотивов продолжения образования у всех опрошенных явное преобладание имеет профессиональный (приобрести профессию). Статусный мотив наиболее силен у старших школьников-новосибирцев, которых отличает от других групп опрошенных также большее стремление посредством образования развить свою личность и иметь больше возможностей найти хорошую работу (табл. 28.3).

Широко распространенная в общественном мнении точка зрения, что главный смысл продолжения учебы для сегодняшней молодежи — продлить время пребывания в роли учащегося, не нашла подтверждения не только у школьников, но и у опрошенных учителей. Последние считали, что основными мотивами продолжения учебы у современных старшеклассников являются: профессиональный (его отметили 62% опрошенных), статусный (51%), развития личности (37%), в меньшей мере — стремление к знаниям (25%) и только в незначительной степени (10%) стремление остаться учащимися.

Среди мотивов выбора профессии (табл. 28.4) у городских школьников существенно выросла доля таких, как высокий заработок (38 % у девятиклассников Новосибирска и других городских Поселений и 47 % у одиннадцатиклассников Новосибирска), высокий престиж профессии (данный мотив чаще называла старшая группа опрошен-

Таблица 28.3

Распределение ответов на вопрос “В чем для Вас состоит главным образом смысл, цель продолжения учебы после школы?”, % к ответившим*

Ответ	Всего		Новосибирск		пгм		Село	
	а	б	а	б	а	б	а	б
Не намерен учиться дальше	6,1	0,8	3,2	0,6	5,9	0,0	10,7	1,6
Приобрести профессию	53,9	56,8	55,4	54,3	52,9	57,8	53,0	59,8
Получить документ, диплом	16,3	28,8	21,0	37,2	10,6	23,3	14,1	20,5
Глубоко познать предметы	6,1	7,8	8,6	10,4	4,7	6,7	3,4	4,9
Продолжить жизнь учащегося	1,7	2,8	1,1	4,9	0,0	2,2	3,4	0,0
Развитие своей личности	13,2	30,8	14,5	36,6	15,3	24,4	9,4	27,0
Приобрести положение в обществе	20,2	31,7	23,7	38,4	25,9	30,0	10,1	23,0
Добиться уважения близких	8,5	11,2	10,8	11,0	10,6	12,2	3,4	10,7
Лучше понимать жизнь	9,6	15,2	10,2	18,3	11,8	7,8	6,7	16,4
Жить и работать среди образованных людей	15,6	22,7	17,7	31,1	17,6	16,7	10,7	14,8
Приносить пользу людям	16,6	24,7	16,1	20,7	21,2	22,2	13,4	32,8
Потом легче найти хорошую работу	26,5	35,1	37,6	48,8	17,6	24,4	17,4	23,0
Другое	0,5	1,9	0,5	1,8	1,2	3,3	0,0	0,8
Затрудняюсь ответить	5,4	0,8	3,8	0,0	10,6	1,1	3,4	1,6

* а — девятиклассники; б — одиннадцатиклассники.

ных — 32 % новосибирцев и 41 % проживающих в прочих городских поселениях), хорошие возможности для профессионального роста, карьеры (от 10 % у младших школьников-горожан до 20 % в старшей группе новосибирцев).

В противоположность городским сельские школьники при выборе профессии не придают особого значения высокому заработку. Этот мотив снизился за шесть прошедших лет с 23 до 16,2 процентного пункта у младших и с 15,9 до 13,1 — у старших. Возможно, это следствие натурализации трудовых отношений в селе и увеличения доли личного подсобного хозяйства в доходах семей. Меньшее значение сельские школьники придают престижу профессии и должностному росту: первый мотив отметили 12,2% в девятых и 19,7% в одиннадцатых классах, второй — 2,0 и 7,4 % соответственно. В то же время в динамике отмечался рост доли этих мотивов.

Такие мотивы, как интересная, творческая работа, приносящая пользу людям, работа, связанная с постоянным общением с людьми, в целом не утратили своей значимости (их называли 17—22 % девятиклассников и 25—37 % учащихся одиннадцатых классов). Все же по сравнению с 1990 г. частота их упоминания снизилась как в городе, так и в селе. При этом мотив приносить пользу людям остался одним из наиболее важных для старших школьников села (36 %).

Хотя изменения в структуре мотивов за рассматриваемый период отмечены во всех группах опрошенных, но наиболее выражен одновременный рост всех мотивов, связанных с индивидуальным успехом, именно у старших школьников в крупном городе. Так, у них

Таблица 28.4

Распределение ответов на вопрос "Что для Вас является главным при выборе профессии", % к ответившим

Ответ	Всего		Новосибирск		ПГМ		Село	
	1990 г.	1996 г.	1990 г.	1996 г.	1990 г.	1996 г.	1990 г.	1996 г.
<i>Выпускники основной школы</i>								
Работать творчески	23,6	16,7	27,8	19,3	24,3	11,1	15,2	17,6
Самостоятельность решений	14,3	14,5	17,8	18,8	11,9	13,6	9,9	8,1
Романтика профессии	12,2	7,5	14,0	8,8	11,4	6,2	9,7	6,8
Создавать своими руками	17,5	11,3	17,8	11,6	15,7	12,3	18,6	10,1
Совершенствовать знания	14,8	9,5	18,4	13,8	13,0	4,9	9,9	6,1
Высокий престиж профессии	15,4	21,9	20,5	27,1	10,3	23,5	10,7	12,2
Перспективы служебного роста	5,3	8,1	7,3	10,5	3,2	11,1	3,4	2,0
Высокие заработки	27,6	31,5	33,6	38,1	20,5	38,3	23,0	16,2
Частые поездки	11,8	7,7	13,5	8,8	10,3	6,2	10,2	7,4
Свобода использования рабочего времени	6,7	6,0	8,8	8,8	5,4	6,2	4,2	0,7
Работа легкая и чистая	17,4	14,8	16,4	11,6	17,3	22,2	19,4	13,5
Связана с постоянным общением с людьми	36,2	22,0	34,8	24,9	37,8	16,0	37,4	23,0
Приносить пользу людям	31,7	22,1	32,5	21,5	31,4	27,2	30,6	18,9
Другое	3,6	0,5	4,1	0,6	2,2	0,0	3,9	0,7
Затрудняюсь ответить	7,8	12,0	5,5	12,2	7,5	7,4	11,8	15,5
<i>Выпускники полной средней школы</i>								
Работать творчески	32,2	25,3	45,1	31,9	17,4	25,3	23,2	15,6
Самостоятельность решений	21,9	18,8	28,3	26,9	18,6	11,0	14,5	13,1
Романтика профессии	13,6	7,1	15,4	11,2	14,0	1,1	10,6	5,7
Создавать своими руками	14,6	13,6	19,6	14,4	7,0	8,8	12,6	16,4
Совершенствовать знания	17,7	17,1	20,4	20,6	19,8	15,4	12,1	13,1
Высокий престиж профессии	21,3	30,4	24,9	31,9	27,9	40,7	10,6	19,7
Перспективы служебного роста	5,4	13,4	7,8	20,6	5,8	7,7	1,4	7,4
Высокие заработки	20,0	32,2	22,7	46,9	19,8	28,6	15,9	13,1
Частые поездки	8,1	5,4	11,5	8,1	3,5	2,2	6,3	4,1
Свобода использования рабочего времени	11,3	6,6	18,2	11,9	5,8	0,0	4,8	4,1
Работа легкая и чистая	15,0	8,7	15,4	11,2	18,6	6,6	11,6	6,6
Связана с постоянным общением с людьми	45,1	36,9	46,5	38,8	46,5	38,5	42,0	32,8
Приносить пользу людям	39,7	28,7	44,5	28,1	30,2	20,9	39,1	36,1
Другое	2,7	1,9	3,1	2,4	1,2	2,2	3,4	2,4
Затрудняюсь ответить	6,2	3,1	3,2	2,5	9,5	1,1	7,6	5,7

статистически значимо ($P < 0,05$) выросла доля таких мотивов, как высокий заработок (с 23 до 47%), высокий престиж профессии (25 до 32%), хорошие возможности для профессионального роста, карьеры (с 8 до 20 %). У школьников прочей городской местности отмечается значимый рост лишь отдельных мотивов, связанных с индивидуальным успехом. В младшей группе это рост мотива высоких заработков (с 21 до 38%, $P < 0,05$), а в старшей — рост мотива престижности профессии (с 28 до 41 %, $P < 0,05$). Напротив, относительно меньшие изменения в структуре мотивов отмечены в селе.

Различия в динамике отдельных мотивов у старшей группы школьников города и села приведены на диаграмме (рис.28.3).

При анализе мы объединили мотивы в семь укрупненных смысловых групп:

1) “Общественная польза”: мотив “Приносить пользу обществу и людям”;

2) “Общение, взаимодействие”: мотив “Работа связана с постоянным общением с людьми (в том числе с детьми)”;

3) “Самореализация”: мотивы “Иметь возможности для постоянного совершенствования своих знаний”, “Работа требует самостоятельности в принятии решения”, “Работа интересная, творческая”;

4) “Высокие заработки”: один одноименный мотив;

5) “Содержание труда”: мотивы “Возможность что-либо делать своими руками”, “Романтика профессии”;

6) “Карьера и престиж”: мотивы “Хорошие возможности для карьеры, служебного роста”, “Высокий престиж профессии”;

7) “Условия труда”: мотивы “Свобода использования рабочего времени”, “Работа легкая и чистая”, “Работа недалеко от дома”.

Изменение значимости мотивационных групп за рассматриваемый период произошло в следующем направлении. В младшей и старшей группах опрошенных уменьшился удельный вес таких агрегированных мотивов, как “Общественная польза”, “Общение, взаимодействие”, “Содержание труда”, остался практически на прежнем

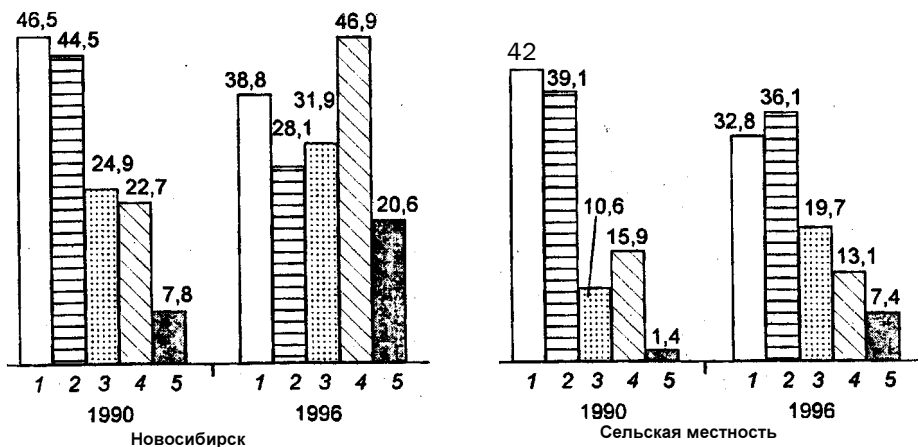

Рис. 28.3. Изменение удельного веса отдельных мотивов выбора профессии выпускниками полной средней школы в двух типах поселений (%).

Мотивы: 1 — работа связана с постоянным общением с людьми; 2 — возможность приносить пользу обществу, людям; 3 — высокий престиж профессии; 4 — хорошие заработки; 5 — хорошие перспективы служебного роста.

уровне — мотива “Самореализации” и вырос мотивов “Высокие заработки”, “Карьера и престиж”. Доля группы “Условия труда” сократилась лишь в старшей группе опрошенных, сохранив свой удельный вес в младшей (рис. 28.4).

Ценностные ориентации учащихся. Наши данные показывают, что в системе ценностей учащихся находят преемственность традиционные для нашего общества жизненные ценности: семья, дружба, интересная, любимая работа, трудолюбие, здоровье. Тем не менее явно прослеживается сдвиг в сторону новых способов достижения жизненного успеха: через высокое образование, получение профессии, конкурентной в рыночной экономике, через упорный труд, но не на всякой, а, по возможности, на хорошо оплачиваемой и престижной работе, способной обеспечить в будущем должностное продвижение и (или) высокое социальное положение. Подтверждается это также достаточно высокой ориентацией на негосударственную форму собственности и на место жительства в крупном городе или за границей. Важная роль в достижении жизненного успеха придается инициативности, целеустремленности, способности наладить связи с нужными людьми, умению постоять за себя, но при этом так, чтобы не идти на противостояние в межличностных отношениях, быть приятным, вежливым и не осложнять дело своей честностью или принципиаль-

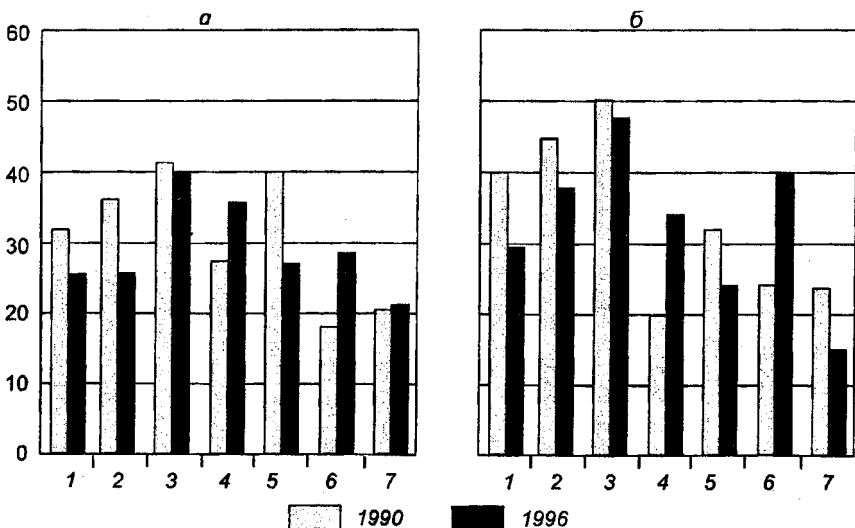

Рис. 28.4. Изменение удельного веса мотивов выбора профессий, зарегистрированных в группы, %.

а — девятиклассники; б — одиннадцатиклассники.

Группы мотивов: 1 — общественной пользы; 2 — общения, взаимодействия; 3 — самореализации; 4 — высоких заработков; 5 — содержания труда; 6 — карьеры и престижа; 7 — условий труда.

ностью. Что касается такой ценности, как семья, то есть основание считать, что у современных школьников она в значительно большей мере ассоциируется с любовью, надежным спутником жизни, чем с рождением и воспитанием детей.

О произошедших изменениях в жизненных стратегиях свидетельствует увеличение (по сравнению с 1990 г.) среднего возраста для таких планируемых событий, как вступление в брак, рождение первого ребенка, устройство на постоянную работу, завершение очного образования, и снижение среднего возраста определения постоянно-го места жительства и обзаведения собственным жильем.

Кроме того, у достаточно большой части старшеклассников их будущая сексуальная жизнь не отождествляется с брачными узами (и, следовательно, вряд ли отождествляется с рождением детей): к возможности для себя иметь сексуальные отношения до брака положительно (“Полностью согласен”) относится каждый четвертый ученик девятых классов и по меньшей мере каждый третий — одиннадцатых (среди новосибирцев 46,5 %).

Среди предложенных 11 человеческих качеств как наиболее важные для достижения жизненного успеха большинством были отмечены “Упорный труд, трудолюбие” (63 % девятиклассников и 65 % одиннадцатиклассников), “Знания, образование” (56 и 61 % соответственно), “Умение постоять за себя” (52 и 47 % соответственно). Многие учащиеся одиннадцатых классов отметили также способность, талант (48 %) и ясную цель в жизни (52 %). Более трети опрошенных в числе важных качеств указали умение наладить связи с нужными людьми (44% среди девятиклассников и 41 % одиннадцатиклассников) и инициативность, находчивость (30 и 36 % соответственно). Наименьшее число сторонников оказалось у таких качеств, как активное участие в общественной жизни (17 и 18% соответственно) и честность, принципиальность (27 и 23 % соответственно).

Как очень важное в жизни опрошенные школьники отметили:

	%
<i>Хорошие друзья; партнер для совместной жизни; дать лучшие возможности будущим детям . . . . .</i>	78-79
<i>Хорошее здоровье . . . . .</i>	72
<i>Хорошее образование и успехи в работе . . . . .</i>	66-68
<i>Материальный достаток и хорошие отношения с людьми</i>	52-58
<i>Свобода выбора, уважение окружающих, ощущение, что ты нужен людям, стабильность условий жизни; иметь детей . . . . .</i>	40-47
<i>Иметь интересный досуг, жить в условиях законности . .</i>	36
<i>Жить рядом с родственниками . . . . .</i>	20

В числе четырех важнейших составляющих жизненного успеха и девятиклассники и одиннадцатиклассники наиболее часто называли такие, как “Дружная семья, дети” (73 % всех опрошенных), “Хоро-

шие друзья” (67 %). Далее (по частоте упоминаний) следуют “Материальное благополучие, достаток” (53 %), “Хорошее здоровье” (53 %), “Интересная, любимая работа” (45 %), “Престижная профессия” (28 %). При этом только в группе одиннадцатиклассников-новосибирцев такая ценность самореализации человека, как “Интересная, любимая работа” (57 %), заняла более высокий ранг, чем “Материальное благополучие” (55 %) и “Хорошее здоровье” (49 %), в остальных же группах опрошенных наблюдается обратное. Напротив, хорошее образование (его отметили от 16% учащихся в Новосибирске до 21 % в селе) в качестве составляющей жизненного успеха во всех группах уступает такому моменту, как престижная профессия, а у городских школьников — и возможности путешествовать, смотреть мир.

В то же время для большинства опрошенных (59 %) хорошее образование наиболее ценно тем, что позволяет “легче найти работу”. Много и тех, кто отметил, что оно важно само по себе, чтобы быть культурным человеком: такой ответ дали в среднем более половины опрошенных при наиболее высокой доле (68 %) у старших новосибирцев; 48 % считают, что оно сыграет важную роль в воспитании будущих детей. Ценность образования молодежь видит также в том, что оно позволяет занять высокое положение в обществе (38 %), жить интересно (38 %), лучше работать, лучше разбираться в своей работе (28%), легче начать и вести свое дело (25%). Согласились с тем, что хорошее образование в современных условиях потеряло свое значение, менее 5 %.

В целом же в сознании молодежи складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, большинство старшеклассников заявляют о высокой значимости для них образования, о намерении после школы обязательно поступать учиться дальше (преимущественно в вуз), с другой — имеют низкую мотивацию к самому процессу учения, получения знаний. Только пятая часть учащихся ответила, что им интересно в школе, только десятая часть — что им нравится усердно учиться, лишь 10% назвали среди целей продолжение учебы после школы как собственно познавательный мотив (“Глубокое познание изучаемых предметов”). При этом среди наиболее острых проблем их школы 1-й ранг получила проблема отсутствия интереса к учебе: ее отметили от половины новосибирцев до 65 % школьников в области.

Экспертный опрос показал, что в этом отношении мнение учащихся совпадает с мнением учителей, в оценках которых на первое место среди наиболее острых проблем их школы также вышла проблема низкого интереса к учебе (65 %). Лишь 5 % учителей ответили, что вообще не сталкиваются в своей работе с таким явлением. По ответам на вопрос о причинах низкого интереса учащихся к учебе выявились две основные: условия в обществе не способствуют стрем-

лению к знаниям (75 %), в семье не уделяется должного внимания развитию детей (70 %); среди других причин отмечены недостаток современных технических средств обучения (52 %) и нехватка литературы (25 %). В целом же с безразличным отношением родителей к учебе детей часто и достаточно часто сталкиваются 79 % опрошенных учителей.

Деятельность и внешкольная активность учащихся. Различия в ценностных ориентациях учащихся разных типов населенных пунктов оказались менее значимыми, чем в реальной деятельности и внешкольной активности. Самые большие различия связаны с дополнительными учебными занятиями по подготовке к вступительным экзаменам. Подавляющее большинство новосибирских одиннадцатиклассников не только занимались самостоятельно, но и посещали специальные занятия на подготовительных курсах или в школе, а каждый десятый занимался с репетитором, и только небольшая часть не предпринимала никаких усилий. Напротив, среди выпускников прочей городской местности и сел 40—60 % не занимались дополнительно (табл. 28.5).

Обследование выявило сокращение за рассматриваемый период именно таких видов активности школьников, которые развивают социальный, общественный опыт молодежи: это профессиональное обучение, оплачиваемый труд (подработки), общественная работа.

Данные свидетельствуют о сокращении профессионального обучения в школе: доля не обучавшихся профессии увеличилась в Новосибирске в одиннадцатых классах более чем в три раза (до 47 %); причем сокращение произошло исключительно за счет рабочих профессий. В сельской местности доля не обучавшихся профессии выросла с 19 до 60%, в районных центрах — с 35 до 57%. Среди девятиклассников во всех типах поселений таким видом обучения был охвачен только каждый четвертый.

Таблица 28.5

Распределение ответов на вопрос "Занимаетесь ли дополнительно, чтобы подготовиться к поступлению в вузы и ССУЗ", % к ответившим*

Ответ	Всего		Новосибирск		ПГМ		Село	
	а	б	а	б	а	б	а	б
Самостоятельно или с родителями	8,9	29,1	10,2	29,9	10,6	30,0	5,4	27,0
С репетитором	3,4	6,3	6,5	9,8	1,2	5,6	0,7	1,6
На подготовительных курсах	6,8	35,7	14,5	54,9	1,2	33,3	0,0	8,2
Специальная программа в школе	9,2	10,9	17,7	18,3	2,4	2,2	2,0	6,6
Не занимаюсь, но намерен	32,7	20,6	26,9	6,7	36,5	26,7	37,8	36,9
Не занимаюсь	40,3	14,4	29	6,7	44,7	14,4	54,1	26,2
Другое	1,3	0,8	1,0	1,2	3,6	0,0	0,0	0,8

а — девятиклассники; б — одиннадцатиклассники.

Заметно снизилось также участие в общественной работе, особенно сократился (в 2—3 раза) охват школьников постоянными поручениями. В целом доля тех, кто не имел никаких общественных поручений, составила среди старших от 40 % в селах и райцентрах до 72 % в Новосибирске, среди младших — соответственно 65 и 84 % (увеличение по сравнению с 1990 г. составило 1,5—2 раза).

Вопреки расхожему мнению, что современные школьники загружены подработками, более 60 % городских и половина сельских школьников не имели никакого опыта оплачиваемой работы, включая школьную практику и учебный труд в УПК, ученических бригадах. За рассматриваемый период доля имевших опыт оплачиваемой работы сократилась в 2—3 раза почти во всех группах опрошенных. Если в отношении девятиклассников такая ситуация не столь проблемна (в Новосибирске она была примерно такой же и в 1990 г.), то в отношении одиннадцатиклассников это свидетельствует о более позднем приобретении важного социального опыта в жизни молодых людей. Особенно заметно сокращение трудовой активности школьников в райцентрах и селах — скорее всего результат влияния экономического состояния предприятий, особенно сельскохозяйственных, и резкое сокращение деятельности школьных ученических бригад.

Учителя, опрошенные как эксперты, также подтвердили, что ни о какой чрезмерной занятости школьников на подработках или в личном подсобном хозяйстве в настоящее время нет оснований говорить. Так, лишь 3% опрошенных отметили, что они часто сталкиваются с таким явлением.

На наш взгляд, происходящее устранение школы (часто из-за отсутствия материальных возможностей) от организации производительного труда учащихся не будет компенсироваться даже при более активном самостоятельном включении подростков в рынок труда, так как оно не способно заменить им опыт именно коллективного трудового участия с одновременным обучением профессии, который давали ученические бригады, УПК, школьные кооперативы.

Результаты зарубежных исследований свидетельствуют как о положительном, так и о достаточно большом негативном эффекте труда по найму на успеваемость и нервно-психическое состояние подростков [34]. Напротив, участие в волонтерских организациях (добровольном труде), спортивных и творческих клубах, исследовательской работе хотя и не оказывает прямого эффекта на улучшение школьных достижений, но помогает успешной социализации подростков, что дает положительный эффект через 10—15 лет [35].

На недостаточный опыт социальной активности опрошенных нами старшеклассников указывает и относительно редкое (25 % опрошенных) их участие в деятельности молодежных организаций, клубов, объединениях (как формальных, так и неформальных).

К тому же, как следует из данных опроса, в свободное от учебы время у школьников пассивный отдых значительно преобладает над активным. Так, 40 % опрошенных не занимаются спортом ни самостоятельно, ни в секциях, 35 % не занимаются любительскими увлечениями и творчеством, а 16% ответили, что вообще ничем не увлекаются (в том числе ни чтением, ни спортом); треть учащихся, судя по ответам, даже раз в году не посещает кинотеатр, четверть — не ходит на концерты, спектакли, более трети — на выставки и в музеи.

Между тем структура деятельности школьников в свободное время в разных населенных пунктах различается. Как отмечалось, школьники Новосибирска значительно чаще, чем их сверстники в селах и районных центрах, занимаются на подготовительных курсах. Первые также тратят больше времени на подготовку к урокам, но меньше смотрят телевизор и помогают по хозяйству (особенно в выходные дни). На домашний труд и труд в личном подсобном хозяйстве сельские старшеклассники затрачивают больше времени, чем на приготовление домашних заданий (табл. 28.6).

В то же время по наличию в свободное время таких занятий, как чтение художественной, специальной литературы и газет, различия незначительны. Поскольку сельские школьники больше времени проводят перед телевизором, в структуре ежедневных занятий у них чаще присутствуют такие, как просмотр новостей и молодежных передач. Селяне реже слушают поп- и рок музыку, но чаще народную, классическую. Вероятно, это также связано с телевидением. Среди школьников Новосибирска ниже доля занимающихся физкультурой и спортом ежедневно (самостоятельно и в секциях), чем среди школьников

Таблица 28.6

Средние значения количественных признаков (исключая нечисленные ответы)*

Показатель	Всего		Новосибирск		ПГМ		Село	
	а	б	а	б	а	б	а	б
Делают уроки в будни, ч	2,6	2,9	2,9	3,2	2,4	2,6	2,5	2,5
Делают уроки в выходные, ч	2,7	3,1	3,0	3,6	2,6	3,1	2,4	2,5
Работали в течение учебного года, часов в неделю	6,9	6,5	6,5	3,1	3,5	8,2	9,0	8,8
Работали в капикулы, часов в неделю	21,0	25,1	21,0	26,2	19,8	22,0	21,9	25,1
Самостоятельно заработали за год, тыс. руб.	138,3	400,9	148,7	449,9	196,2	430,3	79,8	275,5
Смотрят ТВ в будни, ч	3,5	3,0	3,5	2,6	3,5	3,6	3,5	3,3
Смотрят ТВ в выходные, ч	4,7	4,2	4,7	3,8	4,7	4,6	4,6	4,5
Помощь по дому в будни, ч	1,7	2,1	1,5	1,6	1,3	2,1	2,4	2,8
Помощь по дому в выходные, ч	2,6	3,0	2,3	2,5	2,6	3,2	3,2	3,5

* Затраты времени на подработку и денежные суммы рассчитаны по имеющим такие затраты и заработки; заработки указаны в ценах 1996 г. Средние затраты времени даны по самооценке, включая тех, кто записал нулевые затраты. См. также прим, к табл. 28.4 и 28.5.

села и районных центров. Так, среди школьников-селян указали, что они посещают спортивные секции, каждый третий, а практически ежедневно занимаются физкультурой и спортом — каждый пятый. Значительно интенсивнее, чем новосибирцы, школьники-селяне и проживающие в районных центрах общаются между собой: в числе их ежедневных занятий чаще присутствуют такие, как хождение в гости и посещение гостей, прогулки по улице с друзьями, посещение дискотек.

Особенно обеднен досуг у одиннадцатиклассников Новосибирска, которые так перегружены учебой и подготовкой в вузы, что отказываются от многих видов занятий, связанных со спортом, общением и зрелищами. Возможно, такая ситуация отражает также сложившееся неблагоприятное положение дел в отрасли культуры и массового спорта, сокращение деятельности самих учреждений.

Вопреки ожиданиям, по посещению учреждений культуры более активными, чем горожане, оказались сельские школьники; среди их еженедельных занятий чаще встречается посещение киносеансов, других зрелищных и просветительных мероприятий в клубах, домах культуры, посещение библиотек (возможно, потому что Наличие домашних библиотек встречается в селе в 1,5—2 раза реже, чем в городе). Так, доля школьников-селян, указавших, что среди их еженедельных занятий встречаются посещения киносеансов, составила 10% опрошенных, других зрелищных и просветительных мероприятий в клубах, домах культуры — 28%, посещение библиотеки — 42%. В то же время прошлый опыт участия в различных внешкольных учреждениях у городских школьников, особенно в Новосибирске, богаче, чем у селян. Тем не менее потребность в занятиях развивающей, творческой, спортивной и технической направленности в участии в кружках, клубах и студиях у всех старшекласников независимо от места проживания достаточно высока.

Межличностные отношения и среда общения учащихся. В отношениях учащихся с учителями и школьным коллективом и в их оценке школьной жизни есть и позитивные, и негативные стороны. Прежде всего следует отметить значительное снижение за рассматриваемый период уровня конфликтности между учениками и учителями. Более 75% школьников считают свои отношения с учителями хорошими или вполне нормальными. Несколько больше конфликтуют девятиклассники и одиннадцатиклассники-селяне, среди которых каждый десятый постоянно находится в плохих отношениях с учителями. Подавляющая часть конфликтов во всех классах происходит из-за поведения (в Новосибирске это также пропуски занятий) и неправильного выставления оценок, хотя возникают такие ситуации с разной частотой. По сравнению с ситуацией шестилетней давности конфликтов из-за поведения (включая пропуски занятий) стало меньше и в 1,5—2 раза реже школьники указывали на конфликты из-за

неправильного проставления оценок, неуспеваемости. Еще более заметно снизилась доля указавших на конфликты из-за непонятого объяснения учителем материала и из-за межличностных трений с учителями.

С этим согласуются также достаточно высокий рейтинг профессиональных качеств учителя в глазах школьников. В ходе опроса учащиеся дали свои оценки (по пятибалльной шкале) условиям учебного процесса и состоянию дел в их школе. Наиболее высокие оценки получили те стороны школьной жизни, которые зависят от труда и мастерства учителя, менее высокие — условия, связанные с материальными ресурсами (оборудование, оснащение кабинетов, обеспеченность библиотеки литературой), и наименьшие — связанные с самоуправлением и организацией культурного отдыха (дискотеки, фестивали, конкурсы).

Учителя выше оценивали свой контакт с учениками, чем сами школьники. Так, 38 % учителей оценили свои отношения с учениками как доверительные, 59 % — как нормальные, рабочие, в то время как среди учащихся так считали соответственно 15 и 70%.

Отношения с одноклассниками еще более благоприятные. Здесь в постоянном конфликте пребывают менее 3 % опрошенных. Если же конфликты иногда случаются, то основными причинами служат дурные манеры, несходство характеров и несходство взглядов на жизнь.

По оценкам учащимися наиболее острых проблем их школы можно судить о степени агрессивности школьной микросреды. В группу проблем первого ранга попадают две: отсутствие интереса к учебе (на это указали более половины опрошенных) и пропуски занятий. Проблемой второго ранга является курение, далее идут такие негативные моменты в поведении учащихся, как сквернословие и употребление алкоголя. У новосибирских школьников такого же ранга проблемой оказалось хулиганство, порча имущества. Не обошли указанные проблемы и сельскую школу. Несмотря на то, что учащиеся отмечают достаточно широкий спектр негативных моментов в поведении их товарищей по школе, обстановка, судя по всему, находится под контролем. Например, менее чем каждый десятый школьник согласился, что он не чувствует себя в школе в безопасности.

Круг и острота проблем школы, отмеченных учителями-экспертами, в целом соответствует картине, полученной из анкет учащихся. Это — отсутствие интереса к учебе, пропуски занятий, курение. В то же время учителя гораздо большее значение придают проблеме сквернословия, а учащиеся — плохому поведению на уроках. Отмеченные проблемы, безусловно, острые, и они требуют решения, но с точки зрения задач исследования можно отметить, что они не ставят под угрозу учебный процесс и в целом не могут характеризоваться как разрушающие личность подростков (по крайней мере, в массовом порядке).

Круг общения учащихся достаточно широк. Так, более чем половина часто общается не только с одноклассниками, но и с другими своими ровесниками, четвертая часть проводит свободное время с братьями и сестрами, а почти каждый пятый общается с молодыми людьми заметно старше себя по возрасту.

Данные нашего обследования опровергают имеющий место стереотип, что хорошо успевающие в учебе школьники, а также дети из семей, в которых родители или специалисты Или имеют высшее образование, общаются в основном только с положительными ребятами. Среди друзей у школьников Новосибирска, в отличие от школьников сел и районных центров, больше носителей как положительных, так и отрицательных качеств, скорее всего потому, что шире сам круг их общения. В целом эти данные характеризуют среду общения сибирских школьников как открытую и пока еще относительно мало сегрегированную (в том смысле, что не выявлено обособления подростков по принципу имущественного или социального положения), несмотря на то, что социальный состав опрошенных учащихся специализированных классов в школах Новосибирска отличается от обычных классов в пользу большего удельного веса детей руководителей и специалистов.

Для формирования потребностей, ориентаций и ценностей подростков очень высока значимость семьи. В этом смысле данные выглядят достаточно оптимистично. По материалам обследования не выявлено такой обстановки в семьях, которую можно было бы трактовать как конфликт (противостояние) отцов и детей. Подавляющее большинство школьников имеют с родителями доверительные или нормальные отношения, хотя поводов для конфликтов достаточно. В основном это поведение, поздние возвращения домой и невыполнения поручений по дому (чаще конфликтуют из-за невыполнения поручений по дому школьники Новосибирска). Такое положение уже отмечалось. Например, И.С. Кон связывает его с тем, что дети, часто не согласные с родителями насчет стиля поведения и потребления, обычно не расходятся с ними в главных жизненных ценностях [36].

Выявленные обследованием различия в имущественной обстановке в значительной мере касаются того, что в городских семьях (особенно в Новосибирске) школьники чаще имеют в семейном или личном пользовании вещи, связанные с развивающими видами занятий (например, спортивное снаряжение, фотоаппарат, компьютер, библиотека), и с вещами, помогающими в занятиях (микрокалькулятор, энциклопедии, словари, справочники, пластинки и кассеты для учебы), напротив, сельские школьники выделяются тем, что чаще имеют в личном пользовании мотоцикл, что говорит как о разных материальных возможностях, так и о различии интересов.

Однако нельзя не признать, что семью глубоко затронули нестабильность и кризисные процессы в обществе и экономике, негатив-

но влияя на ее материальное положение и морально-психологический климат. Видимо, многое в семейном укладе и отношениях родителей не устраивает школьников, так как более трети из них не хотели, чтобы их будущая семья была похожа на семью их родителей. Скорее всего, в этой оценке отражается не только моральная, но и материальная ситуация в семьях.

Анализ материалов исследования показывает, что современная семья переживает в настоящее время ряд противоречий, которые характеризуют отношение взрослых членов семьи и детей. Можно выделить по крайней мере четыре направления:

— противоречие между значительным авторитетом родителей в вопросах жизненного планирования у подростков и достаточно высокой степенью конфликтности повседневных отношений родителей и детей;

— противоречие между растущей ролью семьи как оплота, убежища (защиты от агрессивного внешнего мира) и уменьшением ее возможностей нормально (на уровне требуемом для развития общества) выполнять свои основные функции: экономическую, деторождения и сохранения здоровья ребенка, умственного, психического и эмоционального развития ребенка, гражданского и трудового воспитания, рекреационно-оздоровительную;

— противоречие между высокой ценностью семьи в системе ценностей молодежи и меньшей ценностью брака и деторождения;

— противоречие между растущим стремлением подростков и молодежи быть самостоятельными и уменьшением реальных возможностей раннего ухода из семьи, обзаведения собственным домохозяйством.

Выводы

При освещении материалов обследования акцент в данной главе делался на влияние фактора общественных изменений на ориентации молодежи, при том что другие социальные факторы контролировались выборкой. Исследование показало, что процессы трансформации, происходящие в духовной и материальной сферах общества, являются наиболее сильнодействующими факторами, меняющими ориентации. Выявлены тенденции роста притязаний, усиления прагматических мотивов и индивидуалистических ценностей в сознании выпускников школ. При этом наблюдается психологическая неготовность к ситуации рынка труда. Рабочие профессии остались как бы вне рыночных ориентаций школьников. Об этом свидетельствует и рост доли не определившихся в профессиональном выборе, и очень высокая доля учащихся (почти половина), не представляющих своего будущего (в 30 лет) в нашем обществе даже на уровне предположения. Поэтому не так уж мало молодых людей,

которые держат про запас такой вариант жизненной стратегии, как эмиграция за границу.

Те социальные структуры, которые в социалистическом обществе если не детерминировали, то в достаточной мере ограничивали спектр жизненных стратегий молодого поколения, сейчас разрушены (всеобщее среднее образование, профессиональное обучение, обязательное трудоустройство, система распределения специалистов, институт прописки и др.), но для подавляющей части молодежи эти изменения оказались не во благо. Реальная возможность выбирать желаемые варианты жизненного пути для большинства молодых людей остается иллюзорной. Оснований говорить о новой модели юности, о которой ведут речь западные исследователи в отечественной социологии молодежи пока нет. Еще не наметилась тенденция к расширению спектра вариантов жизненных стратегий, позволяющих молодому человеку, как на Западе, уходить и вновь возвращаться в систему образования на любом ее этапе, варьировать различные параметры своего обучения, сочетая его с постоянной работой, семейной жизнью, воспитанием детей, обзаведением собственностью. Новая модель перехода от юности к зрелости, соответствующая направлениям модернизации общества, предполагает, что молодой человек должен иметь возможность осуществлять инвестиции в свой человеческий капитал на протяжении всей своей жизни и получать от них отдачу как для себя, так и для общества.

К сожалению, возросшие притязания нашей учащейся молодежи и их ориентация на высокий уровень образования как один из центральных элементов жизненной стратегии не находят достойных условий для легальной реализации потенциала в современной экономике.

Следует также отметить два момента, связанных с проблемными ситуациями в системе образования. Во-первых, в сознании учащихся возросла ценность статусной функции образования, но осталась невысокой ценность познания, учения как деятельности. Во-вторых, сократились именно такие виды деятельности, развивающие социальный опыт молодежи (профессиональное обучение, оплачиваемый труд, общественная работа), в которых школа должна занимать одно из ведущих мест.

Как показывают наши эмпирические материалы, ориентация на западные ценности происходит в сознании школьников только в направлении повышения ценностей индивидуального успеха (этому в немалой степени способствуют СМИ). При этом ценности гражданского общества, ценности постматериализма, направленные на рост солидарности, такие как законность, честность, ответственность, участие в общественной работе, не находят в сознании школьников достойного места либо утрачивают свою былую значимость. Вместе с тем для молодого поколения по-прежнему ценны дружба, семья, интересная работа, достаток в семье, здоровье. Нет оснований говорить о распространении иждивенческих настроений.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Глава 24

[1] *Соболева С.В.* Демографические проблемы Сибири (1990—1995 гг.) // Стратегия семейной политики: Постановка проблемы и пути их решения. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995.

[2] *Соболева С.В., Пуртова О.М.* Современные тенденции миграции в Новосибирской области // Человек. Труд. Занятость. Новосибирск, 1998. Вып. 2.

[3] *Соболева С.В.* Возможные изменения в демографической ситуации под влиянием потока вынужденных переселенцев // Регион: Экономика и социология. 1996. №1.

[4] *Плюсин Ю.М., Гордиенко А.А.* Научное сообщество Академгородка в период трансформации жизни России. Новосибирск, 1995.

[5] *Вишневский А., Школьников В.* Смертность в России: Главные группы риска и приоритеты действия / Московский центр Карнеги. М., 1997.

[6] Естественный прирост населения в трудоспособном возрасте определяется как разность между численностью вступивших в трудоспособный возраст и суммой численности умерших в этом возрасте и численности достигших пенсионного возраста.

[7] Подобная программа для Новосибирской области разработана коллективом научных и практических работников разных территориальных групп (в том числе и с участием автора главы) под руководством Ф.М. Бородкина (см.: *Областная миграционная программа / Федеральная миграционная служба России; Администрация Новосибирской области.* Новосибирск, 1995).

Глава 25

[1] *Антонов А.И., Марковский М.С.* Предисловие к российскому изданию // Семья на пороге третьего тысячелетия / Ред. А.И. Антонов, М.С. Мацковский, Дж.У. Мэддок, М.Дж. Хоган; Ин-т социологии РАН, Центр общечеловеческих ценностей. М., 1995. С. 5—8.

[2] *Ропеное D.* American family decline. 1960—1990: A review and appraisal // Journal of Marriage and the Family. 1993. Vol. 55. P. 527—555; *Smelser N.J.* Vicissitudes of work and love in Anglo-American society // Themes of work and love in adulthood. Eds. N. Smelser, E. Erikson. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. P. 105-119.

[3] *Prinz Chr.* Patterns of Marriage and Cohabitation in Europe, with Emphasis on Sweden // PopNet. 1994. Spring. N 24.

[4] *Barich R.R., Bielby D.D.* Rethinking Marriage: Change and Stability in Expectations. 1967—1994 // Journal of Family Issues. 1996. Vol. 17, N P. 139—169.

[5] *Борисов В.А., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: Демографический анализ / НИИ семьи. М., 1995.

[6] Цит. по: *Население России.* 1996: Четвертый ежегодный демографический доклад / Ред. А. Вишневский; Ин-т народно-хозяйственного прогнозирования РАН; Центр демографии и экологии человека. М., 1997. С. 71—74, 86—87.

[7] Там же.

[8] *Lesthaege R.* The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. Brussels: IPD Working Paper, 1992.

[9] *Михеева А.Р.* Сельская семья в Сибири: Жизненный цикл и благосостояние. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1993.

[10] *Haavio-Mannila E., Roos J.P., Kontula O.* Regression, revolution and ambivalence: Sexual life in three generations // Paper for the Second ESA Conference. Budapest, 1995.

[11] *Вишневский А.Г.* Современная семья и идеология // Свободная мысль. 1993. № 11. *Clarberg M., Stolzenberg R.M., Waite L.J.* Attitudes, Values and the Entrance into Cohabitation versus Marital Unions // Social Forces. 1995. Dec. P.609—631; *Lesthaege R.* The Second Demographic Transition in Western Countries...; *Print Chr.* Patterns of Marriage and Cohabitation in Europe...

[12] *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство // Избранные труды. М., 1989; *Шанин Т.* Крестьянское домохозяйство: Россия на рубеже столетий // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс, 1992. С. 21—27; *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Ред. А.Г. Вишневский. М.: Статистика, 1977. С. 83—103. *Томас У., Знанецки Ф.* Польская крестьянская семья // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 16—20.

[13] *Громько М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 96—100, 170—176; *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв.

[14] *Томас У., Знанецки Ф.* Польская крестьянская семья...

[15] *Фей Цяо Танг.* Крестьянство как образ жизни // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 57—59.

[16] *Ивер-Жало Э.* Дом, очаг и крестьянская община // Курьер ЮНЕСКО. 1989. Сентябрь; *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв.

[17] *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / Ред. А. Вишневский, И. Кон. М.: Статистика, 1979. С. 14—70.

[18] *Громько М.М.* Мир русской деревни.

[19] *Люцидарская Л.Л.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки XVII — начала XVIII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 98—111.

[20] *Вишневский А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. С. 105—134.

[21] К сожалению, все перечисленные категории брачного состояния учитывались только в 1979, 1989 и 1994 гг. Состояние в незарегистрированном браке как категория впервые была учтена в микропереписи 1994 г. и теперь включена в программу предстоящей в 1999 г. переписи населения России.

[22] *Анри Л.* Нарушение брачности под влиянием войны 1914—1918 гг. // Брак и семья: Демографический аспект / Ред. А. Волков, Л. Дарский. М.: Статистика, 1975. С. 78—128; *Фести П.* Динамика брачности в Западной Европе после второй мировой войны // Там же. С. 129—159; *Ильина И.П.* Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 50-61.

[23] Методика исчисления средних возрастов вступления в первый брак по данным переписей предложена Дж. Хаджналом в 1953 г.

[24] *Тольц М.С.* Демографический анализ брачности: Проблемы, методы, интерпретация результатов // Методы исследования / Редколлегия: Л.Л. Рыбаковский, А.И. Антонов и др. М.: Мысль, 1986. С. 84—85; *Михеева А.Р.* Сельская семья в Сибири...

[25] Вишневский А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / Ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 75-114.

[26] Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX — начале XX вв. // Там же. С. 138—155.

[27] Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири...

[28] Возврат составил 252 анкеты (31 %), половозрастные характеристики массива опрошенных репрезентативны для сельского населения Западной Сибири.

[29] Михеева А.Р. Сельская семья в Сибири...

[30] Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX вв.

[31] Вишневский А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период.

[32] Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М.: Статистика, 1974. С. 59.

Глава 26

[1] Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 230.

[2] Стиглер Д., Беккер Г. О вкусах не спорят // США: Экономика, политика, идеология. 1994. № 1. С. 104—113.

[3] Социально-экономическое развитие сибирского села / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 7.

[4] Артемов В.А. Динамика образа жизни сельского населения // Социс. 1990. № 4; Артемов В.А. Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972—1993) // Там же. 1995. № 1.

[5] Time use changes in Finland in the 1980s. Helsinki: Central Statistical Office, 1990. P. 92-95.

[6] Груздева Е.Б., Чертихина Е.С. Труд и быт советских женщин. М., 1983; Труд, быт и отдых трудящихся / Ред. В.Д. Патрушев; ИС АН СССР. М., 1990.

[7] Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников / ЦСУ РСФСР. М., 1978, 1991, 1986; Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников / Госкомстат РФ. М., 1990.

[8] Строго говоря, вряд ли можно считать политику президента и правительства с начала 90-х годов реформаторской. Это, скорее, революционная (или контрреволюционная) политика, ибо реформа, по словам П.А. Сорокина, предполагает непротиворечивость базовым инстинктам большинства населения, которых он считал причинами русской революции. Изменению конкретных социальных условий должно предшествовать их тщательное научное исследование, крупным решениям — эксперимент малого социального масштаба. Реформа, отмечал П.А. Сорокин, должна проводиться правовыми, конституционными средствами (см. Сорокин П.А. Социальная революция // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 271). Кроме того, как показывает практика реформирования 50—60-х годов в Германии и Чехословакии, власть должна довести до сознания большей части населения смысл мер и их конкретных ожидаемых последствий. Китай исходил также и из необходимости политической стабильности страны. К сожалению, все, что происходило и происходит в 90-е годы в России, ни по одному из этих признаков не может быть названо реформами. Поэтому употребление слова “реформа” носит условный характер.

- [9] *Россия в цифрах* / Госкомстат РФ. М., 1995.
- [10] *Уровень жизни населения России* / Госкомстат РФ, М., 1996. С. 57.
- [11] *Артемова О.В.* Повседневная деятельность сельской женщины: (По материалам обследований 1920—1990-х годов) // Социс. 1997. № 12.
- [12] *Сорокин П.А.* Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 273.
- [13] *Россия в цифрах*. М., 1995. С. 81.
- [14] *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы* / Ред. Т. Парсонс. М.: Прогресс, 1972.
- [15] *Тоффлер О.* Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 251.

Глава 27

- [1] *Российский статистический ежегодник* / Госкомстат РФ. М.: Логос, 1996. С. 230; *Социальное положение и уровень жизни населения России* / Госкомстат РФ. М., 1997. С. 317.
- [2] *Российский статистический ежегодник*. М., 1996. С. 233; *Россия в цифрах* / Госкомстат РФ. М.: Финансы и статистика, 1996. С. 103—104.
- [3] *Социальное положение и уровень жизни населения России...* С. 317.
- [4] *Mroz T., Popkin B., Mancini D., Glinskaya E., Lokshin V.* Monitoring Economic Conditions in the Russian Federation: The Russia Longitudinal Monitoring Survey 1992—1996. Report submitted to the U.S. Agency for International Development. Carolina Population Center, University of North Carolina at Chapel Hill, North Carolina. February 1997. P. 9.
- [5] *Семья в Российской Федерации в 1993 г.* / Госкомстат РФ. М., 1994. С. 7.
- [6] *Социальное положение и уровень жизни населения России...* С. 327.
- [7] Там же.
- [8] *Сравнительные показатели социально-экономического положения населения регионов Российской Федерации* / Госкомстат РФ. М., 1995. С. 433—434.
- [9] *О положении семей в Российской Федерации*. М.: Юрид. лит., 1994. С. 66.
- [10] *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. М.: ИЧП Изд-во “Магистр”, 1997. С. 9.
- [11] *Российский статистический ежегодник* / Госкомстат РФ. М., 1996. С. 448-449.
- [12] Там же. С. 459.
- [13] *Отдельные показатели социального развития областей Западной Сибири*. Новосибирск, 1994. С. 22—23.
- [14] *Социально-экономическое положение России* / Госкомстат РФ. М., 1996. № 12.
- [15] *Mroz T., Popkin B., Mancini D., Glinskaya E., Lokshin V.* Monitoring Economic Conditions in the Russian Federation...
- [16] *Ibid.* P. 13, 21-23.
- [17] *Уровень жизни населения России*. М., 1996. С. 94—96; *Социальное положение и уровень жизни населения России...* С. 127.
- [18] *Уровень жизни населения России*. М., 1995. С. 35; *Российский статистический ежегодник*. М., 1996. С. 143; *Социально-экономическое положение России*. 1996. № 12. С. 106-107.

- [19] *Уровень жизни населения России*. М., 1995. С. 32.
- [20] *Социально-экономическое положение России*. С. 105.
- [21] *Российский статистический ежегодник*. М., 1996. С. 322.
- [22] *Социально-экономическое положение России*. С. 197.
- [23] *Россия в цифрах / Госкомстат РФ*. М., 1998. С. 106.
- [24] *Российский статистический ежегодник*. М., 1996. С. 192.
- [25] *Отдельные показатели социального развития Западной Сибири*. С. 92—93; *Сравнительные показатели социально-экономического положения населения регионов Российской Федерации*. С. 465—469.
- [26] *О положении семей в Российской Федерации*. С. 129.
- [27] *Российский статистический ежегодник*. М., 1996. С. 190.
- [28] Там же.
- [29] *Социально-экономическое положение России*. С. 198.
- [30] *Социальная сфера России / Госкомстат РФ*. М., 1995. С. 188.
- [31] *Российский статистический ежегодник*. М., 1996. С. 196—199; *Социальная сфера России*. М., 1995. С. 188—198.
- [32] *Сравнительные показатели социально-экономического положения населения регионов Российской Федерации*. С. 476—480.
- [33] *Российский статистический ежегодник*. 1994. С. 418; *Социальная сфера России*. М., 1996. С. 255.
- [34] *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. М.: Интерцентр, 1996. Вып. 5. С. 4—5, 64—65, 91.
- [35] *Кутрянова З.В.* Молодежь. Ее работа // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. М.: Интерцентр, 1997. Вып. 1. С. 27.
- [36] *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. С. 24.
- [37] Там же. С. 21.
- [38] *Тренева Е.* Культура получает пятерку // *Российская газета*. 1997. 29 августа.
- [39] *Гвоздева Г. П.* Изменение использования свободного времени жителями Западной Сибири в период перехода к рыночной экономике // *Социологические аспекты перехода к рыночной экономике*. Ч. 1. Проблемы социальной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. С.108-110.
- [40] *Патрушев В.Д.* Свободное время горожан в 1986 и 1995 гг. // *Социс*. 1997. №7. С. 45.
- [41] Там же. С. 48—49.
- [42] *Джагинова Е.Э.* Повседневная жизнь России: 1990—1994 гг. // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. М.: Интерцентр, 1994. Вып. 5. С. 29—32.
- [43] *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. С. 24.
- [44] *Заславская Т.* Российское общество на социальном изломе: Взгляд изнутри / ВЦИОМ и Моск. высш. шк. соц. и экон. наук. М., 1997. С. 252.

Глава 28

- [1] *Шубкин В.И.* Молодежь вступает в жизнь // *Вопросы философии*. 1965. №5; *Шубкин В.И.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970; *Константиновский Д.Л.* Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири: Опыт социологического исследования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977; *Кос-*

ток В.Г., Траскунова М.М., Константиновский Д.Л. Молодежь Сибири: Образование и выбор профессии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980; Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977; Чердынченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль, 1985.

[2] Водзинская В.Д. О социальной обусловленности выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства. Москва—Варшава, 1969; Водзинская В.В. Ориентация на профессии // Молодежь и труд. М., 1970; Иконникова С.Н. Молодежь. М., 1974; Васильева З.К. Социально-профессиональный уровень городской молодежи (по материалам выборочного обследования школьников и молодежи Ленинграда). Л., 1973.

[3] Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества / Отв. ред. М.Н. Руткевич, Ф.Р. Филиппов; ИСИ АН СССР. М., 1976; Руткевич М.Н., Рубина Л.Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988; Филиппов Ф.Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989; Филиппов Ф.Р. Школа и социальное развитие общества М.: Педагогика, 1990.

[4] Саар Э., Титма М. Моделирование формирования пополнения основных социальных слоев. Таллин: Ээсти раамат, 1984; Жизненный путь поколения: Его выбор и утверждение / Под ред. М.Х. Титмы. Таллин: Ээсти раамат, 1985.

[5] Молодежь: Ориентации и жизненные пути / Отв. ред. М.Х. Титма. Рига: Зинатне, 1988; Начало пути: Поколение со средним образованием. М.: Наука, 1989.

[6] Титма М.Х., Коклягина Л.А., Семенова В.В. (ред.). Жизненные пути одного поколения. М.: Наука, 1992.

[7] Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве / Ин-т социологии РАН. М., 1997.

[8] Матусевич В.А., Оссовский В.Л. Социальная микросреда и выбор профессии. Киев: Наук, думка, 1982; Черноволенко В.Ф., Оссовский В.Л., Паниотто В.И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наук, думка, 1979; Социальный облик молодежи (на материалах Украинской ССР) / Отв. ред. А.И. Вишняк, Н.Н. Чурилов. Киев: Наук, думка, 1990; Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. Киев, 1988; Мартынюк И.О. Проблемы жизненного самоопределения молодежи: опыт прикладного исследования. Киев: Наук, думка, 1993.

[9] Магун В.С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи: от 1985 к 1995 году // Куда идет Россия? / Под ред. Т.И. Заславской. Т. 3. М., 1996.

[10] Руткевич М.Н. Социальная ориентация выпускников основной и средней школы. Социс. 1994. № 10, 12.

[11] Константиновский Д. Учись, мой сын, науки сокращают... // Огонек. 1995. № 32; Константиновский Д.Л. Молодежь в системе образования: Динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. № 3.

[12] Молодежь России: Тенденции и перспективы / Под ред. И.М. Ильинского, А.В. Шаронова. М.: Молодая гвардия, 1993; Социология молодежи / Отв. ред. В.Т. Лисовский. СПб: Изд-во СПбГУ, 1996. Ковалева А.И. Социализация личности: Норма и отклонение. М., 1996.

[13] См.: Новая Россия: Миф о моральном кризисе молодежи не имеет под собой реальной почвы / Независимая газета. 1998. № 2 (24).

[14] См. например: Социальные изменения в России и молодежь: Сборник работ победителей конкурса научных проектов "Российские общественные нау-

ки: Новая перспектива” / Под ред В.С. Магуна; Московский общественный научный фонд. М., 1977.

[15] *Бабочкин П.И., Ильинский И.М.* Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений // Молодежь: Будущее России. М., 1995; *Ручкин Б.Л.* Молодежь и становление новой России // Социс. 1998. №5; *Молодежь России: Социальное развитие* / Огв. ред. В.И. Чупров. М.: Наука, 1992; *Зубок Ю.А.* Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998.

[16] *Featherman D., Hauser R.* Opportunity and Change. N.Y.: Academic Press, Inc, 1978; *Rosenbaum J.* Track misperceptions and frustrated college plans: An Analysis of the effects of tracks and track perceptions in the National Longitudinal Survey // Sociology of Education. 1980. Vol. 53; *Dronkers Jaap, Ulkje de Jong.* Jencks and Fagerlind in a Dutch Way // Social Science Information. 1979. Vol. 18. P. 761—781; *Haller Max, Bogdan Mach.* Structural Changes and Mobility in Capitalist and Socialist Society // VASMA Working Paper N 17: University of Mannheim (West Germany), 1981; *Raftery A., Hout M.* Maximally maintained inequality: Expansion, reform and opportunity in Irish education, 1921—1975 // Sociology of Education. 1993. Vol. 66; *Coleman J.S., Hoffer T.* Public and Private High Schools: Impact on Communities. N.Y.: Basic Books, 1987; *Krumkowski Daniel H.* The Process of Status Attainment Among Men in Poland, the U.S., and West Germany // American Sociological Review. 1991. Vol. 56, N 1.

[17] *Little J.K.* Explorations into the College Plans and Experiences of High School Graduates / Madison. Wisconsin: Univ. of Wisconsin, 1959.

[18] *Sewell W.H., Hauser R.M.* The Wisconsin Longitudinal Study of Social and Psychological Factors in Aspirations and Achievements // Research in Sociology of Education and Socialization. 1980. Vol. 1.

[19] *Coleman J., Hoffer T, Kilgore S.* High School Achievement: Public, Catholic, Private Schools Compared. N.Y.: Basic Books, 1982.

[20] *Rasinski K, Ingels S., Rock D. et al.* America's High School Sophomores: A Ten Year Comparison. Washington, D.C.: National Center for Educational Statistics, 1993.

[21] Continuity and Contradiction: The Futures of the Sociology of Education / Eds. William T. Pink, George W. Noblit. New Jersey: Hampton Press, Inc. Cresskill, 1995; *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries.* Ed. by Y. Shavit, H. Blossfeld. Westview Press, 1993; *Education Through Occupations in American High Schools* / Ed. W.N. Grabb, N.Y.; L.: Teacher's College Press, 1995. Vol. 1.

[22] *Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований* / Под ред. С.И. Григорьева, Ж. Коэнен-Хуттера. М.: Интеллект, 1998; *Bourdieu P.* Cultural Reproduction and Social Reproduction // Power and Ideology in Education / Ed. by J. Karabel, A. Halsey. N.Y.: Oxford United Press, 1977. *Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. 94 (supp.). P.95-120.

[23] *Молодежь в условиях социально-экономических реформ: Материалы международной научно-практической конференции.* СПб, 1995. Вып. 2.

[24] *Wallace C., Kovatcheva S.* Youth in Society: The Construction and Deconstruction of Youth in East and West Europe. Macmillans UK, St.Martin's Press (USA), 1998.

[25] *Арсентьева Н.М., Харченко И.И.* Проблемы формирования и использования трудового потенциала города / Центр социальной адаптации и подготовки кадров высшей квалификации. Новосибирск, 1997.

- [26] *Народное образование в Новосибирской области* / Новосибирский облкомстат. Новосибирск, 1997.
- [27] *Образование* в Российской Федерации / Госкомстат России. М., 1996.
- [28] *Высшие* и средние специальные учебные заведения в Новосибирской области / Новосибирский облкомстат. Новосибирск, 1997; *Российская Федерация: Статистический ежегодник. 1996*/ Госкомстат РФ. М., 1997.
- [29] *Труд* и занятость в Российской Федерации. 1996 / Госкомстат России. М., 1997; *Российская Федерация. 1996*.
- [30] *Высшие* и средние специальные учебные заведения в Новосибирской области.
- [31] *Харченко И.Н.* Образовательная структура населения Западной Сибири: динамика и тенденции изменения // Регион: Экономика и социология. 1995. № 1.
- [32] *Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В.* Социология образования: Прикладной аспект. М.: Юрист, 1997. С. 8.
- [33] Там же.
- [34] *Adolescence in Context: The Interplay of Family, School, Peers and Work in Adjustment* / Ed. by R. Silbereisen, E. Todt. N.Y.: Springer-Verlag Inc., 1994.
- [35] Ibid.
- [36] *Кон И.С.* Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989.

РАЗДЕЛ VII

Информационное обеспечение и методы анализа социологической информации

ГЛАВА 29. Математическое обеспечение исследований Новосибирской экономико-социологической школы

ГЛАВА 30. Анализ структур социологических данных и их устойчивости

ГЛАВА 31. Базы данных как основа исследований социальной динамики

ГЛАВА 29

Математическое обеспечение исследований Новосибирской экономико-социологической

Современные социологические исследования почти всегда сопровождаются статистическим анализом эмпирических (обычно анкетных) данных. Новосибирская социологическая школа всегда опиралась на эмпирические исследования даже в тот период, когда практически было очень сложно осуществить математическую обработку данных. Методологией и практикой обработки и анализа данных тогда занимались Т.И. Заславская, Ю.П. Воронов, Е.Е. Горяченко, В.И. Герчиков, Ф.М. Бородин и другие сотрудники отдела социальных проблем ИЭиОПП [1].

В анализе успехов и неудач в разработке методов и программ нам не удалось совершенно точно установить все ключевые даты развития математического обеспечения, поэтому заранее просим извинения за возможные ошибки в пределах одного года. Но в целом, как я надеюсь, проблемы, с которыми мы встретились, и способы их решения представлены достаточно полно.

Кадровый состав социологического отдела ИЭиОПП СО РАН во все времена был представлен специалистами, не только способными глубоко проанализировать социальные проблемы, но и уловить суть количественных соотношений, построить и проанализировать статистические модели данных. Этому способствовали широта научных интересов Т.И. Заславской и других сотрудников отдела. В силу исторических причин многие сотрудники стали энтузиастами социологии после получения в вузах технических специальностей, профессий педагогов, экономистов и практической работы на предприятиях, в школах, институтах и в других организациях. Большое значение имело и то, что состав отдела постоянно пополнялся выпускниками экономического факультета Новосибирского университета (социологическая специализация), для которых владение математикой и вычислительной техникой было необходимым условием получения диплома о высшем образовании. Достаточно сказать, что программа их подготовки включала 400 ч математических дисциплин! Конечно, гуманитарная направленность науки делает математическую и компьютерную грамотность вспомогательным элементом работы, но без него не могут быть получены надежные эмпирические знания.

В течение всего периода существования отдела социальных проблем при нем фактически постоянно была группа обработки информации. В 1970—1973 гг. она входила в этот отдел непосредственно, в 1973 г. без изменения тематики была включена в сектор методов анализа данных математического отдела, а в 1978 г. весь сектор был переведен в отдел социальных проблем. Поскольку сектор анализа данных и до этого тяготел к решению задач, близких к социологической тематике, мы считаем его неотъемлемой частью Новосибирской социологической школы.

До 1984 г. группой обработки информации руководил М.Л. Суховский, а сектором анализа данных (до отъезда в Москву в январе 1982 г.) — Б.Г. Миркин. Почти год сектор оставался без руководства, затем в 1984 г. был фактически реорганизован в группу анализа данных, руководить которой стал В.А. Трофимов. В период реформ в 1990 г. В.А. Трофимов отошел от тематики анализа данных и вскоре уволился, и руководство группой принял П.С. Ростовцев. В 1992 г. отдел отказался от деления на секторы как постоянные структурные элементы. Сохранились лишь тематические группы. Тематика работы группы, как и прежде, определялась потребностями обработки данных, поэтому ни смена руководства, ни реорганизация структуры отдела не повлияли на состав и направление исследований группы.

Техническое обеспечение

До появления персональных компьютеров отдел социальных проблем ИЭиОПП СО РАН пользовался вычислительной техникой института.

Первые социологические обследования, включающие до 4000 анкет, в Сибирском научном центре стали проводиться с 1962 г. Для вычисления распределений (преимущественно одномерных) использовалась счетно-перфорационная машина (СПМ) [2]. Анкетная информация предварительно кодировалась на специальных бланках, а затем переносилась на перфокарты. Это была чрезвычайно трудоемкая операция, так как иногда подсчеты удобнее было вести “точкованием”. Следовательно, были необходимы ручной просмотр анкет по тому или иному вопросу, отметка на листе бумаги соответствующих ответов, пересчет точек и вычисление распределений. СПМ наряду с другой вычислительной техникой просуществовала в Институте до 1972 г. С помощью арифмометров и электромеханических вычислительных устройств вычислялись статистики, характеризующие выборку, и даже коэффициенты корреляции.

По воспоминаниям Ф.М. Бородкина, первые компьютерные расчеты проводились с 1963 г. на технике объединенного Вычислительного центра СО АН (ВЦ СО АН). Он располагал ЭВМ БЭСМ-2 (быстродействующая электронная счетная машина), БЭСМ-4, а также отно-

сительно редко применяемыми нашими социологами машинами Минск-32 и БЭСМ-6. Время использования этой техники расписывалось по минутам. Машины эксплуатировались в режиме работы с оператором — специалистом, который управлял работой ЭВМ и, в частности, осуществлял пропуск задач с перфокарт. Можно было проводить и расчеты “с присутствием”, когда программист или заинтересованный в расчетах человек присутствовал при пропуске задачи. Зачастую машинное время “с присутствием” предоставлялось по ночам.

В 1969 г. в институте появилась одна из первых ЭВМ — М-220, а затем, в 1973 г., — ее новая модификация М-222. Эти машины обладали потрясающим (по тем временам) быстродействием — 20 тыс. операций в секунду, имели оперативную память 16 384 и 32 768 ячеек по 45 бит (около 90 и 180 килобайт). Они давали возможность использовать информацию, хранящуюся на магнитных лентах (ширина ленты около 5 см, а магнитофон был шкафом высотой около 2 м); для временного хранения информации применялся магнитный барабан. Эта машина работала до 1981 г. Это был грубовато сделанный, но относительно надежный вычислительный инструмент.

В 1976 г. в институте появилась ЕС-1033 (советский вариант IBM-360) с быстродействием 200 тыс. операций в секунду и 1 мегабайтом оперативной памяти. Если М-220 работала только в однозадачном режиме, то ЕС-1033 могла одновременно решать до четырех задач. В 1980 г. эта техника была оснащена дисплеями. В 1981 г. к этой ЭВМ было подсоединено шесть терминалов общего использования и стало возможным запускать задачи, сидя перед дисплеем. Однако пользоваться ЭВМ можно было по-прежнему только через оператора, который регулировал очередность решаемых задач, ставил магнитные ленты и диски (29 мегабайт) в дисководы размером с письменный стол. Память на магнитных дисках выделялась в институте централизованно, причем большим счастьем считалось иметь место на диске размером 700 килобайт — половину современной дискеты на 1440 килобайт.

В 1983 г. появилась мощная машина ЕС-1055 немецкого производства, она имела 8 мегабайт виртуальной памяти, ее быстродействие — 400 тыс. операций в секунду. Стоимость составляла 2 млн руб. (около 2,8 млн дол. США). Сейчас наш институт, конечно, не мог бы найти такой суммы, да и в 1983 г. эта сумма была заоблачной, но при социализме главное было обладать не большими денежными ресурсами, а нужными связями и авторитетом, чтобы получать необходимое оборудование через систему распределения. Этими качествами, по-видимому, и обладал директор института А.Г. Аганбегян. Кроме этой техники в институте были ЭВМ типа СМ-4, но для анализа социологических данных они практически не использовались.

Эпоха персональных компьютеров началась в 1987 г. В отделе социальных проблем появились первые компьютеры IBM PC-XT со стандартной оперативной памятью 640 килобайт и твердым диском

10 мегабайт, а затем второй компьютер с аналогичными параметрами. Техника закупалась централизованно, компьютеры были выделены Академией наук СССР и Академией общественных наук для Т.И.Заславской.

Прогресс вычислительной техники шел стремительно: практически каждый год быстродействие и память ЭВМ увеличивалась в 1,5—2 раза. Сейчас средний Pentium — 166 мегагерц — по мощности равнозначен примерно тысяче IBM PC-XT. Он имеет память на твердом диске примерно 3,5 гигабайт и оперативную память — 32 мегабайта.

Обеспечение обработки данных

Использование вычислительной техники позволяет, во-первых, резко уменьшить трудоемкость проведения расчетов, а, во-вторых, применять продвинутых методов для более углубленного анализа данных.

Трудоемкость обработки информации была, да и сейчас остается одним из узких мест социологических исследований. Человеку, незнакомому с кухней анализа данных, иногда кажется, что достаточно ввести данные на магнитные носители, чтобы умная программа провела все необходимые вычисления. Однако в действительности на каждом этапе возникают свои сложности: ошибки при вводе данных, нетрадиционная структура данных, необходимость их сложных преобразований. Велика трудоемкость задач и непосредственного получения статистических таблиц, и исследования связей, и увлекательного поиска “золотых зерен” в море информации — значимых связей и закономерностей. Борьба за снижение трудоемкости расчетов шла постоянно по трем направлениям: обеспечение ввода данных, создание удобных средств их преобразования и автоматизация анализа данных.

В период использования счетно-перфорационной техники и на первых порах эксплуатации М-220 сотрудники группы еще не думали о средствах логического контроля данных и их преобразовании. Выдача результатов обработки данных (особенно на СПМ) состояла из потока цифр, которые сам исследователь должен был разбирать и выписывать в таблицы. Ввод данных заключался в переносе информации на специальные бланки, перфораторщицы с помощью специальной техники переносили информацию с бланков на перфокарты. Контроль вводимой информации заключался в сравнении контрольных сумм пачек перфокарт. Причем карты нередко рвались, перекашивались, поэтому обязательно нужно было их дублировать, чтобы иметь хотя бы двойной комплект информации.

М.Л. Суховский (руководитель группы обработки социологической информации в 1971 — 1984 гг.) еще в 1972 г. выдвинул идею проведения расчетов на основе совмещения перфокарт. Обычная перфокарта имеет 800 позиций, в которых могут быть отперфорированы отверстия. Если данные по каждому ответу на каждый вопрос анкеты

хранить на отдельной перфокарте, закрепив за каждым объектом (анкетой) позицию в перфокарте, то обработка данных будет состоять в подсчете числа отверстий. Физическое совмещение перфокарт, содержащих информацию по разным вопросам, позволит подсчитывать многомерные частоты. Это особенно удобно в тех случаях, когда имеется не более 800 наблюдений. Небольшое устройство, подсчитывающее отверстия, смогло бы заменить дорогую вычислительную технику и работало бы с потрясающей скоростью. К сожалению, эта идея не была ни опубликована, ни реализована из-за сложности подготовки информации в необходимом виде, однако она неоднократно всплывала при создании статистических программ на новой технологической и программной основе. В частности, такой хранение данных (правда, на магнитных носителях) было использовано в системе обработки данных ВЦИОМ, реализованной под руководством А. Ослона.

Данные обследования сельского населения 1972 г. (около 3000 анкет) обрабатывались уже на ЭВМ М-220. Для проведения расчетов использовалась программа А.Ф. Фелингера — одного из лучших программистов, работающих в области анализа историко-социальных данных. Программа позволяла получать двумерные таблицы сопряженности, процентные распределения. Кроме того, таблицы можно было получать на выборке из исходных данных, ограниченной 10 простыми условиями по другим переменным. Таким образом, в формировании частот можно было использовать 12 измерений. Но ни о каких преобразованиях данных речи не шло, в связи с этим от социологов часто поступали нарекания — “Почему нельзя сложить две переменные?”. Статистическими характеристиками выводами также не баловали — предполагалось, что подсчитать значение критерия χ^2 можно и на калькуляторе.

Системы преобразования и анализа данных. Задача преобразования данных была частично решена в 1975 г., когда М.Л. Суховский разработал *систему ПИАФ* (преобразование информации анкетной формы) [3]. Система была снабжена языком, позволяющим делать двуместные арифметические и логические операции; на входе были анкетные данные на перфокартах или магнитной ленте, на выходе — преобразованная информация. Система проводила синтаксический контроль задания и при наличии ошибок выдавала сообщение, подобное следующему:

“В ВАШЕЙ ПРОГРАММЕ ДОПУЩЕНО 100 ОШИБОК. МИШЕЛЬ ПИАФ”.

Распределения же по-прежнему вычислялись с помощью программы Фелингера.

Система ПИАФ была разведкой боем перед появлением *системы ПАД* (преобразование и анализ данных), также в основе своей разработанной М.Л. Суховским [4]. Эта система была существенным прорывом

вом в анализе данных. В системе было много общего со знаменитой системой SPSS (Statistical Package for Social Science) [5], хотя развивались они независимо. Язык преобразования позволял делать логические и арифметические операции, выборки из данных в соответствии с произвольным условием, получать таблицы многомерных распределений и средних, в том числе по неальтернативным вопросам.

Кроме того, в систему были включены программы “Типология” и “Описание”, разработанные автором данной главы [6], которые интенсивно использовались социологами для построения многомерных группировок данных.

Смена старой привычной ЭВМ М-220 на ЕС-1033 заставила переписать систему ПАД для новой машины. Группа обработки информации смело взялась за решение этой задачи. Энтузиазм внушало быстродействие машины — 200 тыс. операций в секунду (правда, двухадресных) против 20 тыс. (трехадресных), память — 1 мегабайт против 180 килобайт, многозадачность, западный дизайн, появившаяся очень скоро возможность работать с дисплеями в диалоге с системой “PRIMUS”.

Предполагалось, что система ПАД для ЕС-1033 с помощью обычных команд сможет обрабатывать данные самой изощренной структуры, при этом один и тот же признак для различных анкет массива данных мог быть записан в различном формате (упакованном или неупакованном), а также менять тип (альтернативный или неальтернативный). Однако такое расширение структур преобразуемых данных не могло пройти даром. Реальное быстродействие и используемый язык программирования (PL-1) не позволили создать реально работающую систему. При такой организации данных и счета программа тратила слишком много времени на распаковку и преобразование данных. Возмущение социологов не имело предела: небольшое преобразование данных и расчет одной таблицы требовали 15 мин машинного времени!

Мечта разработчика о системе программ, которая может делать все, обычно воплощается во второй, версии системы; однако при несоизмерном расширении возможностей системы из нее получается неповоротливый монстр. В эту ловушку и попались разработчики ПАДа.

В то время было немало отечественных систем анализа данных [7]. Казалось, бери что-нибудь готовое и проводи необходимые расчеты, однако подходящего программного продукта не было. В большинстве случаев это были наборы программ, которые по современным понятиям не представляли системы, в них не было языка преобразования данных (по-видимому, считалось, что этот язык не нужен, если имеются алгоритмические языки ФОРТРАН, АЛГОЛ, АЛЬФА, ЯСК и др.). Кроме того, парк ЭВМ отличался разнообразием (использовались принципиально различные машины Минск-32, БЭСМ-6, М-220, НАПРИ, Раздан-3 и др.), что расплывало силы про-

граммистов. В большинстве программ не учитывалась специфика данных, задач и пользователей — непрофессионалов в области программирования. Для нашей машины лучшей программой была уже упомянутая программа Фелингера.

Обычно системы состояли из блока управления данными, который в лучшем случае позволял запрограммировать преобразование данных на каком-либо языке, блока получения распределений или простых статистик, пары распространенных методов типа факторного, корреляционного анализа и др. и методов, которые являлись собственной изюминкой. Такими изюминками были, к примеру, метод лингвистического анализа данных (система СПАД [8]), поиск максимального корреляционного пути (система СОДИ [9]).

В этом смысле система ПАД находилась на том же уровне, однако ее язык значительно облегчал общение ЭВМ с пользователем. Например, для получения таблицы распределения по паре переменных (пол — N 7 (по горизонтали) и возраст — N 8 (по вертикали)) с предварительным интервализированием этих переменных, социолог должен был составить задание:

ИНТЕРВАЛИРОВАТЬ N8: 20, 30, 40, 50;
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ: (ГП N7 ВП N8);

Сотрудники отдела, не обладая знаниями в программировании, составляли программы преобразования данных, содержавшие 200 и больше команд. Для ср.: вот как выглядел вызов программы FOREL в пакете ОТЭКС [10].

CALL FOREL (N,M,K,[D,M5,KT1,RD1,RD2,T,C1,K1,K2).

Этот пакет был создан явно для профессионалов в работе с вычислительной техникой и практически недоступен социологам.

В 1974 г. по отечественному компьютеростроению был нанесен серьезный удар: в качестве стандарта был принят морально устаревший на Западе компьютер IBM-360 (у нас — серия ЕС). Зато теперь стало возможно пользоваться зарубежным программным обеспечением, которое добывалось различными путями, в большинстве случаев без какой-либо лицензии.

Одной из таких программ был статистический пакет SPSS, который появился за рубежом одновременно с нашей системой ПАД. По архитектуре SPSS и ПАД были весьма похожи: расчеты производились на копии данных, существовал язык преобразования данных и запуска статистических процедур. Конечно, по числу программ и статистической культуре система ПАД, реализованная практически двумя специалистами, значительно уступала пакету SPSS, над которым трудились представители из шести американских университетов. Но возможность работать с неальтернативными признаками, с данными сложной структуры, наличие процедуры автоматизации типологического анализа были ее положительными особенностями.

Из-за несовместимости техники и по политическим причинам использование зарубежных программных продуктов было затруднено, хотя в то время за рубежом существовали десятки пакетов программ статистической обработки данных [11]. С внедрением в СССР техники, совместимой с западными образцами, эти программы не вполне легальными путями стали проникать в отечественные научно-исследовательские организации. Пакет SPSS под названием "SAISI" распространялся по СССР преимущественно из Прибалтики, в Минске был выпущен "советский" вариант BMDP. Среди социологов был также распространен специализированный пакет OSIRIS, статистики пользовались также пакетом SAS; позднее с появлением компьютеров IBM PC для решения небольших задач использовался STATGRAPHICS.

Проблема быстродействия ПАД могла быть решена нами самостоятельно, но в 1983 г. в институте появился статистический пакет SPSS. Отдел социологии практически был подготовлен к использованию этого статистического пакета на уровне простых группировок. Нужно было лишь вместо команды ПРИСВОИТЬ применить команду COMPUTE, команд ИНТЕРВАЛИРОВАТЬ и ГРУППИРОВАТЬ - команду RECODE, ДЛЯ заменить на IF, а распределения считать командой CROSSTABS. Значительно хуже, чем в ПАД, был организован в SPSS счет распределений по неальтернативным признакам (команда MULTIPLE RESPONSE). Кроме того, пакет требовал больших дополнительных ресурсов: даже если в задании была указана единственная переменная, для работы на твердый диск копировался весь файл данных. Проблема ресурсов особенно обострялась при работе с так называемыми архивными файлами, в которых было больше 500 переменных.

Сложно было работать также с иерархическими данными, содержащими, например, сведения о семьях и об их работающих членах. Серьезная работа с таким данными — дело систем управления базами данных (СУБД), однако в то время эти программы были монстрами, пожирающими большие/ресурсы, а нам требовалось простое решение проблемы. /

Для этого автором данной главы была подготовлена программа — препроцессор, который анализировал программу на языке SPSS и подготавливал данные для счета, отбирая только необходимые переменные. Для хранения данных использовался собственный формат, который позволял работать с иерархическими данными. Все это снизило потребность в оперативных ресурсах (дисковой памяти) в десятки раз.

Через довольно хитрую передачу данных и с помощью языка управления заданиями операционной системы удалось оснастить пакет несколькими программами собственного производства — типологическим анализом, детерминационным анализом, использующим простые статистики, программой исследования структуры связей, кластерным анализом (метод k -средних). который отсутствовал тогда в

этом пакете. Обращение к этим процедурам осуществлялось непосредственно в тексте задания SPSS, так что создавалось впечатление, что в пакет включены новые средства анализа данных. Программа детерминационного анализа могла работать в диалоге с ЭВМ серии ЕС.

Безусловно, использование SPSS существенно повысило статистическую грамотность сибирских социологов. Исчез длинный путь передачи данных для вычисления коэффициентов корреляции, уравнений регрессии, дисперсионного и факторного анализа и др. “Значимость связи”, “проверка гипотез независимости”, “коэффициент детерминации” стали привычными словами.

Проблема ввода данных. Данные, предназначенные для обработки статистическим пакетом, обычно представляли собой прямоугольную таблицу, по строкам которой расположены объекты, по столбцам — переменные, а внутри таблицы — коды значений переменных. Именно такими являются данные опроса по простейшей анкете, в которых вопросам соответствуют переменные, а анкетам — объекты. Но для решения социологических задач социологи стараются выжать из респондентов все, что касается исследуемого явления. Нужные сведения редко удается получить напрямую, для этого используются косвенные вопросы, которые тонко уточняют значения основных переменных, а также открытые и табличные вопросы, из которых приходится буквально собирать значения нужных признаков. Информация становится сложной, изобилует пропусками значений; нередко имеет иерархическую структуру (например, к анкете рабочего может быть привязана информация о бригаде, где он трудится, о предприятии и др.). В этих условиях скорость ввода, контроль ошибок и оптимальная организация данных имеет огромное значение.

В 1970 г. существовала следующая весьма трудоемкая технологическая цепочка доведения анкетной информации до расчетов на ЭВМ: проведение опроса — кодирование — перенос на перфорационные бланки — перфорация — ввод в ЭВМ — контроль и исправление ошибок. Обычно данные кодировали, строго рассчитывая формат записи, каждой анкете отводилось определенное число перфокарт, каждой переменной — определенное место на определенной карте. Потеря карты или сдвиг на одну переменную приводил к сбою во всей информации. Неразрешимую проблему представляли логические ошибки, так как слишком трудоемко было писать программу логического контроля для каждого конкретного случая.

Программа ввода, написанная М.Л. Суховским в 1972 г. в машинных кодах, могла проверить лишь контрольные суммы вводимых в ЭВМ пачек перфокарт. Это предохраняло от сдвига информации. Кроме того, осуществлялся контроль повторной перфорацией и механическим сравнением перфокарт.

Указанная технология ввода просуществовала до 1975 г. Развивая программное обеспечение и используя все более прогрессивные техно-

логии, мы постепенно устраняли препятствия на пути от опроса к расчетам на ЭВМ, к чему стремятся все разработчики программного обеспечения анализа данных.

Где-то в 1972 г. появилась идея использовать для кодирования социологических данных сквозную кодировку, при которой каждому ответу в анкете присваивался свой код [12]. Например,

Пол

1. Мужчины

2. Женщины

Образование

3. До 4 классов

4. До 8 классов

5. Среднее

06.....

При этом случае можно использовать свободный формат ввода, нет необходимости проверять границы изменения значений переменных, легко осуществляется программный контроль повтора кодов для альтернативных признаков. Правда, здесь очень трудно оперировать с количественными переменными. В большой анкете, где в общей сложности встречается свыше 1000 значений переменных, вместо кодов из одной цифры, необходимой для большинства качественных переменных, приходилось набивать по четыре цифры. Такой ввод удобен для ввода с большим числом пропусков данных. Эта система прижилась в настоящее время во ВЦИОМе.

В нашей отделе для совмещения преимуществ обоих видов кодирования был изобретен способ блочного кодирования, который существовал с 1975 по 1989 г. Информация делилась на блоки разумного размера, которые могли быть позиционными или сквозными. Первая программа такого ввода была подготовлена М.Л. Суховским, затем для машин серии ЕС программу написала Т.В. Шалфеева. Логический контроль здесь заключался в контроле выхода значений переменных за заданные границы в позиционных блоках и повтора значений альтернативных признаков в сквозных блоках. Ввод информации в ЭВМ осуществлялся непосредственно с анкет, в тексте которых были соответствующие технические пометки.

С появлением персональных компьютеров в 1990 г. была реализована программа, позволяющая использовать в качестве экранной формы текст анкеты. Главным разработчиком этого проекта была Н.Ю. Смирнова, немало приятных особенностей в программу внесли Ю.Г. Корнюхин и В.С. Костин. Программа рассчитана на непрофессионального пользователя. Скорость ввода информации достигается за счет программируемой логики ввода, экономии за счет сокращения числа нажатий клавиш, где только это возможно.

Специальный язык реализует логику ввода данных: есть возможность обхода блоков вопросов, предназначенных для части респон-

дентов, можно выдавать сообщения о логических ошибках, связанных не только с интервалами допустимых значений, а и с противоречиями в данных.

Программа автоматически подготавливает команду ввода данных в статистический пакет SPSS, вырывая из текста анкеты фрагменты текста, соответствующие вопросам и подсказкам, делает заготовку команд введения текстовых меток переменных и значений.

Таким образом, единственным препятствием между опросом и вводом информации в ПЭВМ является кодирование информации, которое пока трудно избежать из-за важности предварительного анализа открытых вопросов.

Для простых анкет подготовлен и апробирован вариант программы, позволяющий проводить компьютерный опрос, при котором между машинной обработкой и опросом практически нет промежуточных этапов.

Конечно, мы не одиноки в своих достижениях, непосредственный ввод информации в базу осуществляется во множестве баз данных. Мы лишь решили конкретную проблему в области автоматизации труда социологов.

Бюджеты времени. Специфическое требование к программному обеспечению предъявляют статистические расчеты, связанные с бюджетами времени [13]. Здесь присутствуют два типа единиц наблюдения — респондент и бюджетная линейка (вид деятельности, начало и продолжительность акта деятельности, сопутствующая деятельность, в чьем присутствии и т.д.). Как ни странно, специализированный пакет SPSS не обладал средствами для проведения расчетов по бюджетам времени. Первая программа для проведения таких расчетов в ИЭиОПП была реализована А.М. Морозовым еще до 1971 г. К сожалению, в свое время публикация его работы была запрещена цензурой из-за ее уникальности.

Основной нашей идеей здесь является использование иерархического представления бюджетных данных в виде паспортной части и бюджетных линеек. За счет этого на протяжении всего периода работы в отделе были программно обеспечены ввод, контроль и обработка бюджетных данных. В период работы с системой ПАД такое обеспечение создал М.Л. Суховский, при работе с SPSS на ЭВМ серии ЕС-1033 и персональных компьютерах — Ю.Г. Корнюхин, автор этих строк также принимал участие в создании соответствующей технологии.

Организационные проблемы

В 1970—1975 гг. расчеты проводились централизованно: группа обработки информации получала и выполняла задания по проведению расчетов, а заказчиком отдавались выдачи. Первое время оформление заказов не было формализовано, были случаи, когда исследователи приносили бумажку с заданиями типа: “Посчитать парные таб-

лицы по всем признакам такого-то блока со всеми признаками такого-то блока по всем анкетам, отдельно для мужчин и женщин”. Поскольку время на ЭВМ расписывалось по минутам, в том числе и ночное, все заказы не могли быть выполнены. В результате заведующая отделом (Т.И. Заславская) сама определяла приоритеты, чьи задания выполнять. Получавшие доступ к проведению расчетов стремились использовать этот бесплатный ресурс до предела, распечатывая все мыслимые таблицы. Работа группы характеризовалась числом тысяч таблиц, которые удалось просчитать за отчетный период. Этот путь был, безусловно, расточителен, и нередко неизученные рулоны выдачи пылились подолгу на полках у счастливых.

Частично изменить этот порядок удалось, когда был разработан бланк, приближенный по форме к заданию на ЭВМ. Теперь заказчиком приходилось немного поработать, чтобы формализовать свой запрос, и они стали думать, какие же таблицы им действительно необходимы, перестали запрашивать таблицы про запас. Поток запросов сразу уменьшился, по крайней мере наполовину. Срочные или сложные задания, для которых требовалось преобразовать данные, выполнялись группой непосредственно.

С введением системы ПАД (в 1976 г.) появилась возможность писать задания для ЭВМ на “человеческом” языке (правда, на специальных бланках, текст с которых лаборантами переносился на перфокарты). После проведенного обучения социологи научились самостоятельно пользоваться этим языком, и процесс анализа данных оказался практически полностью в руках пользователей.

С этого момента научные сотрудники сами стали общаться с вычислительной техникой, получая консультации и помощь сотрудников группы в сложных случаях анализа данных. По мере необходимости проводились занятия по освоению новой техники и математического обеспечения.

Исследования в области методов анализа данных

Некоторые специалисты в области математической статистики считают, что такой специальной области научных исследований, как анализ данных, не существует. Есть только математическая статистика, которая тождественна анализу данных. Но путь от данных к статистическим выводам лежит через исследование структуры информации, а без этого во многих случаях обойтись невозможно. Модели представления качественных признаков, задание свойств в терминах отношений, разнообразные подходы к исследованию топологии признаковых пространств — тематика исследований, инициированная Б.Г. Миркиным. Целью анализа данных в монографии [14], посвященной этому кругу вопросов, объявлялось “препарирование соб-

ранной информации, представление ее в обобщенном, упрощенном, компактном виде, облегчающем формирование решения о наличии тех или иных закономерностей”.

Исследование структур связей между признаками и объектами. Как отмечалось, традиционной формой представления данных является матрица “объект—признак”, в которой по строкам расположены объекты (например, анкеты), по столбцам — признаки, которыми описываются эти объекты, а содержание составляют значения этих признаков на объектах. Таблица может содержать как количественные данные, так и неколичественные. Значения неколичественных переменных (таких как пол, профессия, семейное положение) чаще всего хранятся в виде числовых кодов. При работе с количественными переменными можно посчитать дисперсию, корреляцию, расстояние между векторами переменных и др. Поэтому одним из направлений была разработка аппарата работы с не количественными данными. В рамках этой проблемы Б.Г. Миркин и Л.Б. Черный исследовали *аксиоматический подход к измерению близости между неколичественными признаками* [15]. В основе работы было нетрадиционное представление данных.

Идея состояла в том, чтобы вместо обычного представления данных в виде матрицы “объект—признак” данные по каждому признаку представлялись в виде квадратной матрицы решений “объект—объект”. В этой матрице единицами отмечалась принадлежность объектов к одному классу, а нулями — к разным классам. При таком подходе расстояние между переменными, по существу, оказывалось евклидовым расстоянием между матрицами.

Подобный вид записи данных оказался полезным для работы с ранговыми переменными. Более того, в виде квадратных матриц можно было записать самые разнообразные отношения — цепную организацию, кольцо, свободные структуры. Расстояния между ранговыми признаками с точностью до линейного преобразования совпало с коэффициентом ранговой корреляции Спирмена.

Как отметил Б.Г. Миркин, отдельной матрицей r , имеющей меньшую, чем исходные данные, размерность, можно отобразить любую структуру взаимосвязей между объектами. Числовыми значениями λ_{ij}

в этой матрице можно изобразить не только наличие связи между классами (значениями переменных i и j), но и ее интенсивность. Благодаря этому появляется единая схема представления данных как количественного, так и номинального и даже свободной структуры отношений между значениями.

Меры близости Черного—Миркина использовались преимущественно для исследования связи между признаками. Характерным примером является работа [16], в которой исследовалась связь социально-психологических характеристик спортсменов с их спортивными

характеристик (построенных на основе ранговых шкал) бегунов на средние дистанции. Схемы построены по иерархическому принципу: во второй колонке переменные, значимо связанные со спортивными результатами, в третьей — связанные с переменными из второй колонки (нулевое значение меры соответствует совпадению рангов, единица — противоположному ранжированию). Порог значимости назначен из содержательных соображений. В работе утверждается, что социальные характеристики спортсменов непосредственного влияния на успехи в спорте не оказывают. Переменная-посредник — “интересы в спорте” — слабо, но связана с “интересами в других областях”. На нее, в свою очередь, влияет “социальный блок”.

Попытка использовать расстояние между разбиениями для построения решающих правил не дала значительных результатов; эта мера позволяла только изучать структуру данных на основе близости переменных. Приобретенный опыт понадобился в дальнейшем для разработки методов анализа структуры связей между объектами.

Так как расстояние между разбиениями не отвечало ряду практических потребностей, был рассмотрен подход, связанный с прогнозными моделями связи переменных [17]. В рамки этого подхода вписывался ряд мер связи, среди которых коэффициенты Гуттмана, х-квадрат, количество взаимной информации, прогнозная мера Вал-

<i>Спортивный результат</i>	<i>Специальные силовые качества 0,22</i>	<i>Специальная выносливость 0,14</i>
		<i>Настойчивость 0,27</i>
		<i>Техническая подготовка 0,22</i>
		<i>Интересы в спорте 0,28</i>
	<i>Специальная выносливость 0,22</i>	<i>Специальные силовые качества 0,14</i>
		<i>Техническая подготовка 0,26</i>
		<i>Интересы в спорте 0,28</i>
	<i>Техническая подготовка 0,28</i>	<i>Специальные силовые качества 0,22</i>
		<i>Специальная выносливость 0,26</i>
	<i>Настойчивость 0,25</i>	<i>Специальные силовые качества 0,27</i>
		<i>Специальная выносливость 0,28</i>
		<i>Интересы в спорте 0,14</i>
	<i>Отношение к повышению мастерства 0,29</i>	<i>Интересы в спорте 0,26</i>
		<i>Настойчивость 0,14</i>

Схема 29.1. Иерархия “влияния” показателей физического развития, технической и психологической подготовленности и социальных характеристик спортсмена на спортивные результаты бегунов на средние дистанции.

Интересы в спорте	Интересы в других областях 0,34	Отношение к труду 0,28
		Отношение к общественной работе 0,29
		Успеваемость 0,24
		Занятость на работе и в учебе 0,23

Схема 29.2. Связь интересов в спорте и социально-производственных характеристик бегунов на средние дистанции.

лиса, разработанная автором данной главы мера качества описания. Эти меры связи строились на основе таблиц сопряженности. Две последние меры были использованы для программ типологического группирования [18].

Следует заметить, что построенные коэффициенты не рассматривались в статистическом контексте проверки гипотезы независимости; в них содержались лишь описательные аспекты прогноза значений одной переменной значениями другой.

Меры связи, разработанные Миркиным, Черным, Ростовцевым, пополняли великое множество коэффициентов. Придумать меру связи мог практически каждый, даже социологи изобретали собственные меры связи. В 1974 г. автором данной главы были проведены статистические эксперименты по *сравнению мер связи неколичественных переменных* [19]. Выяснилось, насколько сходно меры упорядочивают пары переменных по тесноте связи. Результаты помогли прийти к выводу, что существуют классы мер взаимосвязи, близости и коэффициенты для ранговых переменных. Принципиальной разницы между мерами связи из каждого выбранного класса нет.

Кроме того, меры связи были исследованы с точки зрения целесообразности их использования в алгоритмах иерархического группирования. Было показано, что для локально-оптимального алгоритма группирования целесообразно использовать такие меры, как χ^2 -квadrat или коэффициент взаимной информации.

С современных позиций проведенное сравнение мер связи можно подвергнуть критике: вероятностная модель данных основывалась на генерировании таблиц сопряженности, равномерно распределенных в области своего определения, без анализа конкретных моделей данных; рассматривался лишь один алгоритм группирования. Тем не менее это исследование оказалось полезным упражнением для дальнейшего использования статистического моделирования в анализе устойчивости и значимости результатов применения статистических процедур.

Идея использования бинарных отношений эксплуатировалась не только для представления переменных, но и для решения проблемы группового выбора [20], а также, что имеет существенный прикладной интерес, для выявления *структур взаимосвязей* между объектами.

Дихотомическое представление позволяет трактовать данные одновременно и как количественные и как неколичественные: с одной стороны — это количество свойств: 0 или 1, с другой — это номинальная переменная со значениями “Да” или “Нет”. Представление классификации n объектов в виде (0,1)-матрицы отношений (объект-объект), с этой точки зрения, является ее преобразованием к количественному виду. Если рассматривать в качестве единицы наблюдения не объекты, а их пары, мы получаем n^2 наблюдений ($n(n-1)$, если не учитывать диагональ матрицы отношений). К таким данным можно применять стандартные методы линейного анализа.

В качестве аппроксимируемой переменной при анализе структуры связей используется матрица взаимосвязей между объектами. Эти взаимосвязи могут быть вычислены с использованием мер близости (расстояния), коэффициентов корреляции, а если объекты — населенные пункты, то эти связи могут измеряться объемами миграционных потоков или объемами грузоперевозок.

При поиске структуры матрицы связей она представлялась в виде линейной комбинации матриц, соответствующих бинарным отношениям. При этом прежде всего задавался класс отношений (ранговая, номинальная шкалы, разбиение со структурой и т.д.). Поиск подходящей структуры осуществляется минимизацией скалярного квадрата (A -мю-лямбда r , A -мю-лямбда r) по A -мю-лямбда r , где A — матрица взаимосвязей между объектами, $мю$ $лямбда$ — числовые коэффициенты, а r — (0,1)-матрица, соответствующая заданному классу бинарных отношений. После этого точно так же анализировалась остаточная матрица связей и так далее, до получения заданного числа структур. Сложность представляла задача построения соответствующих классификаций, поиск которых проводился локально-оптимальным алгоритмом.

В одной из первых программ такого анализа структуры был реализован метод качественного факторного анализа, который осуществлял аппроксимацию матрицы данных линейной комбинацией бинарных матриц соответствующих номинальным классификациям. Программа называлась “CLAFА” (ее название отражало присутствие в методе одновременно факторного и кластерного анализов, а также созвучно с именем К.И. Суховской). По существу, алгоритм работы программы напоминает метод главных компонент в факторном анализе, в котором вначале извлекается компонента, объясняющая максимальную дисперсию, затем следующая компонента, объясняющая максимальную часть оставшейся дисперсии, и т.д.

Удачей является то, что метод позволил непосредственно реализовать регрессионный анализ, описывающий матрицу связей между объектами. Комплекс программ, реализующий качественный факторный анализ и все сопутствующие методы, был разработан В.Л. Куперштохом и В.А. Трофимовым. Бинарные отношения позволяют также

реализовать канонический анализ [21], т.е. поиск оптимальных факторов, связывающих группы переменных.

Одним из наиболее существенных применений метода в социальных исследованиях стало исследование социально-региональной структуры развития села Российской Федерации [22]. В этой работе метод применялся для анализа 63 регионов РСФСР по более чем 250 показателям. Результатами его применения было большое число классификаций, отразивших структуру как множества регионов, так и совокупности индикаторов социального развития регионов. Следует заметить, что полученные классификации не всегда непосредственно дают конечные типы объектов. После содержательного анализа типы уточняются, возможно укрупняются, корректируются, но окончательным результатом должна предстать простая структура взаимосвязанных блоков информации. Ярким примером подобного результата является структура агрегированных индикаторов социального развития сельских местностей РСФСР (рис. 29.1).

Как и большинство формальных методов анализа, данный метод универсален. Он был применен к решению множества задач: для анализа уровня жизни населения Сибири [23], исследования миграции [24], в социально-психологическом исследовании производственной активности оленеводов [25], в орнитологии [26] и др.

Весьма эффективным оказалось применение модификации данного метода для анализа структуры управления промышленным предприятием [27]. Здесь через призму функциональных связей просматривается должностная структура предприятия. Формальный анализ позволил внести конкретные предложения по реорганизации структуры управления ряда предприятий (например, Уралмаша).

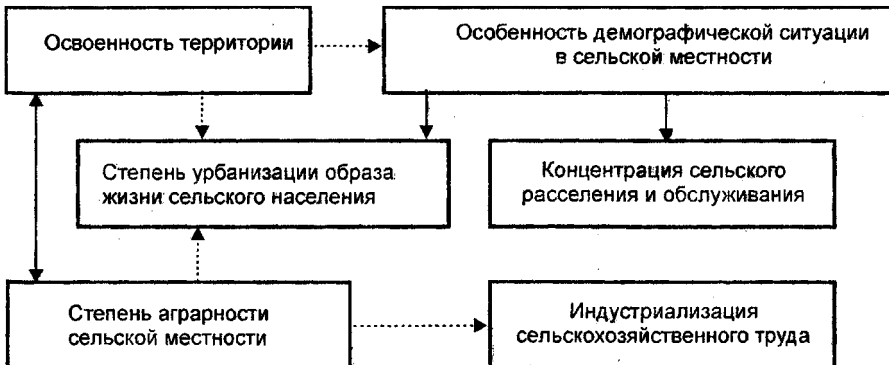

Рис. 29.1. Граф наиболее существенных связей между агрегированными индикаторами социального развития сельских местностей РСФСР.

— — — — — положительные корреляционные связи; — — — — — отрицательные корреляционные связи.

Метод качественного факторного анализа эффективно использовался наряду с традиционными методами. В частности, в монографии “Миграция и жилище” [28] при построении типологий регионов применялся метод кластерного анализа К-средних, для анализа признакового пространства — факторный анализ, для оценки миграционной типологии — дискриминантный анализ; строились и регрессионные модели миграции.

Алгоритмы, реализующие качественный факторный анализ, обладали определенными преимуществами, но требовали больших объемов оперативной памяти ЭВМ, причем затраты машинного времени были пропорциональны по крайней мере квадрату числа объектов. Идея структурного подхода к классификации, заложенная в этом методе, была также осуществлена быстрыми методами кластерного анализа (типа метода k-средних). Теоретическое исследование быстрой структурной классификации провел наш сотрудник Л.И. Полищук [29], а практическое воплощение идеи в программы для ЭВМ (алгоритмы порядковой классификации и “Пружина”) и использование метода осуществила Н.В. Высоцкая на материалах исследования образа жизни сельского населения [30].

Идеи анализа структуры связей перенесены и на анализ прямоугольных матриц данных, реализованный в ИЭиОПП. Алгоритмы “Пятна” и “Полосы” [31] использовались в анализе структуры связей между переменными. В настоящее время реализован алгоритм поиска структуры матрицы данных в виде связанных областей (см. гл. 30 данной монографии).

Типологический анализ. Группировка данных — один из наиболее распространенных методов анализа данных в социологии. Типологическое группирование означает разделение совокупности объектов на качественно различающиеся группы — типы. Нередко построение типологии является основным результатом социологического исследования. Мы затронем эту проблему лишь с точки зрения анализа данных.

Ручная процедура построения типологий состоит в определении логических правил формирования групп, качественного различения которых добиваются ученые за счет анализа распределений, средних и теоретического осмысления материала. Во многих исследованиях построение типологии заключалось в многоэтапном применении автоматической классификации объектов, выявлении типобразующих переменных и логическом описании типов [32]. Эта процедура — скорее механизация труда социолога, чем автоматизация, поскольку очень много труда остается для интерпретации типов.

Эффективным инструментом для построения региональных типологий оказался метод лингвистической классификации, основанный на логике интервального группирования по факторам, полученным в результате факторного анализа [33]. Этот метод послужил глубокому социаль-

но-демографическому исследованию развития сельских поселений [34].

Названные методы предполагают, что критерий качественного различия типов должен быть сформулирован на основе тех же переменных, которые служат для формирования логики группирования. Мы же разделили эти два элемента типологического группирования согласно рабочей формуле

Типология = Цель группирования + Логика группирования.

Роль типологии здесь по-прежнему играет классификация объектов, однако группировка в классы состоит в логическом разбиении совокупности объектов по независимым признакам, а цель группирования, качественное различие типов может быть заключена в критерии различия классов, связанном с зависимыми признакам. В частности, это может быть доля дисперсии зависимых переменных, объясненная классификацией. Термины “зависимый” и “независимый” признаки здесь взяты из регрессионного анализа, где в уравнении $y = a + bx$ переменная x называется независимой, а переменная y — зависимой. В нашем случае роль уравнения играет логическая формула зависимости множества одних переменных от других.

Начало такому подходу положила сформулированная Б.Г. Миркиным и Л.Б. Черным задача по разработке алгоритма иерархического разбиения множества объектов (1974 г. [35]), который состоял в следующем. Начальное разбиение состояло из одного класса. На каждом шаге разбиения выбирался класс и неколичественная переменная, которая была на этом классе сильнее всего связана (по мере Миркина—Черного) с зависимой переменной. Разбиение выполнялось до достижения заданного числа вершин и объема разбиваемых групп.

Первоначально выбранная мера близости разбиений давала неудовлетворительный результат, поэтому был проведен ряд экспериментов по подбору мер связи. К моменту разработки системы ПАД мы остановились на собственной мере качества описания, которая была ориентирована, во-первых, на то, чтобы получить максимальные смещения частот от ожидаемых в условиях независимости строящегося разбиения и зависимой переменной, во-вторых, на то, чтобы установить соответствие значений зависимой переменной строящейся классификации. Полученные группы объединялись в число типов, соответствующее числу значений зависимой переменной.

Тогда же была сформулирована задача, где целью являлась система зависимых переменных, а процесс разбиения заканчивался объединением групп в заданное число типов.

Критерий группирования в обоих случаях реализации алгоритма стал глобальным, на каждом шаге оптимизировался прирост этого критерия.

Алгоритм развивался, и в 1983 г. на ЭВМ ЕС-1033 в качестве группировочных (независимых) переменных можно было использовать разнотипные переменные. На этапе разбиения происходило интервализирование количественных (ранговых) переменных и группирование номинальных переменных. Была попытка решить на основе статистических критериев и проблему определения сложности группирования — числа классов, числа вершин в дереве группирования [36].

С момента создания первого программного обеспечения типологического группирования с помощью ЭВМ было построено множество типологий. К числу работ, использующих это математическое обеспечение, относятся исследования внутривзводского движения и текучести кадров [37], анализ ценностных ориентаций населения [38], исследование образа жизни сельского населения [39], уровня доходов и др.; были и другие области приложения — в медико-социальных исследованиях, в геологии и т.д.

В настоящее время в качестве формального критерия группирования используется объясненная суммарная дисперсия качественных и количественных переменных, при этом особое внимание уделено устойчивости результатов.

Проблема логического группирования данных изучается достаточно давно. Метод дискриминантного анализа [40], построение логических решающих правил [41] для распознавания образов, программа Chaid в статистическом пакете SPSS [42] являются примерами различных подходов к решению этой задачи. Преимуществами нашего подхода является наличие множества зависимых переменных, возможность проверки устойчивости группирования, реализация не только разбиения, но и синтеза типов.

Эвристические методы и статистические проблемы. Концепция “препарирования данных, удобного их представления” в настоящее время все более вытесняется задачей обоснованных статистических выводов. Это не означает, что в определенной степени эвристические подходы, наработанные за многие годы, должны быть выкинуты в корзину. Предстоит огромная работа по созданию вероятностных моделей, в которые вписываются рассмотренные подходы.

Современные вычислительные мощности, доступные практически каждому социологу, позволяют получать вероятностные оценки значимости и устойчивости получаемых результатов, определять статистически оптимальные по сложности структуры данных.

Этому направлению положено начало в решении проблемы множественных сравнений, решенной в детерминационном анализе на основе простых статистик [43], в методах исследования устойчивости, структуры распределения на основе доверительного шнура для функции распределения [44]. Последнее исследование относится к новым результатам, полезным для анализа количественной информации, такой как доходы населения.

* *
*

Грядущий технический прогресс в корне изменит путь от сбора данных до проведения их анализа. Возможность проведения опросов с использованием сети Internet уже сейчас позволяет в отдельных случаях собирать информацию, сидя за экраном компьютера. Появился доступ к международным базам данных социологических обследований.

Уходит в прошлое раздробленность исследователей и разработчиков программного обеспечения. Стал доступен весь арсенал программных средств, которые с каждым годом становятся все более интеллектуальными, освобождают от рутины и позволяют сосредоточиться на главном.

Но по-прежнему социологи разрабатывают весьма сложные анкеты, по-прежнему необходимо анализировать массу числовой и нечисловой информации, на основе россыпи индикаторов получать анализируемые переменные, строить типологии, модели регрессионного и дисперсионного анализа, получать надежные и интерпретируемые результаты. Для получения максимального результата исследователь в любом случае достигнет предела возможностей технических и программных средств, так что всегда будет стоять задача расширения пределов этих возможностей.

ГЛАВА 30 *Анализ структур социологических данных и их устойчивости**

Исследование эмпирических данных в социологии состоит в поиске взаимосвязей, оценке их существенности, выявлении адекватных моделей распределений, построении группировок, выявлении типологической структуры данных, иными словами, идет поиск сведений, представляющих структуру совокупности. В данной главе мы рассмотрим методы и алгоритмы, разработанные в отделе социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН для анализа структур социально-экономических данных.

Основной упор в изложении сделан на исследовании устойчивости результатов анализа данных, которая рассматривается с точки зрения повторяемости результатов исследования при повторном сборе данных, стабильности структур, найденных с помощью тех или иных алгоритмов.

* Проект финансируется Российским фондом фундаментальных исследований (грант №96-06-80150).

Классические методы проверки гипотез и вычисления интервальных оценок также связаны с проверкой устойчивости. Проверка статистических гипотез позволяет выяснить, не может ли неустойчивость результатов исследования привести к фатальной ошибке (коэффициент фиксирует связь, когда ее нет), понять, существенно ли структура, модель распределения и ее элементы отличаются от предполагаемых. Подобные аспекты устойчивости исследуются для весьма сложных моделей — факторного, регрессионного, дисперсионного анализов и др. [1].

Классические методы статистики развивались, когда вычислительная техника еще не имела достаточного быстрогодействия, поэтому исследуемые статистики подбирались так, чтобы была возможность оценить их распределения. В ряде случаев на генеральную совокупность накладывались дополнительные ограничения (это касается параметрических методов статистики [2]). Современные средства анализа позволяют существенно расширить множество статистик и упростить расчеты. В частности, для оценки значимости нередко нет необходимости проводить сложные теоретические исследования распределений статистик, достаточно иметь мощный компьютер и воспользоваться методом Монте-Карло либо провести прямые вычисления вероятностей [3].

Данные социологических исследований имеют особенности, затрудняющие применение традиционных методов. Как бы хорошо ни спланировано исследование, распределение выборки обычно оказывается смещенным по отношению к генеральной совокупности. Поэтому приходится ремонтировать выборку, приводя пропорции в соответствие с генеральной совокупностью. При таком ремонте из выборки выбрасывается часть собранной информации или объектам приписываются веса, устраняющие диспропорции. В первом случае часть средств, затраченных на сбор данных, выбрасываются на ветер, во втором — мы лишаемся обычного математического аппарата проверки статистических гипотез и исследования доверительных интервалов.

В настоящее время быстроедействие и память современного компьютера позволяют имитировать сложнейшие процессы, моделировать случайные данные на компьютере (метод *Bootstrap*) [4], работать практически с любыми статистиками при минимальных ограничениях на распределение генеральной совокупности, при этом смягчается проблема работы со взвешенными данными.

Этот подход мы демонстрируем на разработанных в ИЭиОПП СО РАН методах и программном обеспечении, применяемом преимущественно для анализа социологических данных. Для иллюстрации применения методов используются данные различных социологических исследований, проведенных отделом социальных проблем института.

Рассматриваемый подход в наших работах нашел следующие применения:

1) исследование Bootstrap-значимости элементов таблицы сопряженности и устойчивость ее структуры. Таблицы сопряженности берутся в расширенном понимании — они характеризуют связь между многозначными вопросами, в таблице может быть размещен широкий круг статистик;

2) изучение устойчивости классификации, получаемой методом $\wedge$ -средних. Удастся оценить устойчивость объектов, кластеров и кластерной структуры в целом;

3) черно-белый анализ связи переменных. Для пары исследуемых переменных отыскивается дихотомическое группирование, дающее наиболее контрастную таблицу сопряженности этих дихотомий. Статистический эксперимент позволяет найти полутона в этом черно-белом анализе.

4) автоматизация типологического группирования объектов. Входные данные программы включают переменные для конструирования типологий и переменные для оценки качества типологии. Здесь устойчивость используется как один из критериев оценки качества группирования.

Цель авторов — изложить основные элементы методов, продемонстрировав их на простых примерах [5].

Данные

Обычно данные, рассматриваемые в статистических пакетах, это — матрица $\|X_{ij}\|$ ($i=1,\dots,N; j=1,\dots,m$), по строкам которой расположены объекты (индекс i), а по столбцам — переменные (индекс j), закодированные в виде числовых значений. Если часть сведений о значениях переменных отсутствует, используются специальные коды неопределенных значений.

В анкетных данных объекты соответствуют анкетам, а переменные, вообще говоря, — вопросам. Особенностью анкетных данных является наличие многозначных (неальтернативных) вопросов, таких как вопрос “Что Вы цените в жизни?”. Ответы на эти вопросы кодируются не одним кодом, а несколькими, которые хранятся в нескольких обычных переменных.

Как отмечалось выше, для устранения перекоса в выборке объектам должны приписываться веса, поэтому одна из переменных может играть роль весовой переменной.

Имитация сбора данных

Метод Bootstrap состоит в многократном повторении выборки данных из имеющихся данных и исследования поведения параметров совокупности. Если выборка хорошо представляет генеральную совокупность, то повторная выборка может пониматься как имитация

повторного сбора данных. В каждом эксперименте генерируется выборка, объем которой совпадает с объемом исходных данных.

Так как производится выборка с возвращением, с извлечением новых объектов, в исходной выборке данных не происходит изменения распределения. Генерированная же выборка будет иметь распределение, несколько отличающееся от распределения исходных данных. В ней будут те же исходные данные, но часть объектов повторится несколько раз, часть — не встретится ни разу. Из-за этого статистики, получаемые на данных, получают некоторое возмущение.

Будем считать, что веса объектов при генерировании выборки не меняются: если i -й объект представлен в генерированной выборке k копиями, то в этих копиях k раз повторилось значение весового признака w_i . Поэтому суммарный вес объектов в экспериментах также может варьироваться случайным образом с математическим ожиданием, равны сумме w_i , и дисперсией, равной V

В средневзвешенной выборке все объекты имеют единичный вес, поэтому по условиям генерирования выборки суммарный вес всегда равен N .

Устойчивость статистик ячеек таблицы сопряженности

Элементы таблицы сопряженности. Будем использовать запись $\#A$, применяемую обычно для обозначения числа элементов в множестве A , для обозначения веса объектов в множестве объектов A .

Обычно таблица сопряженности характеризует связь пары количественных переменных x и y [6] и содержит частоты (суммарные веса) $N_{st} = \#\{x=s, y=t\}$ объектов, имеющих одновременно значения $x=s$ и $y=t$. Мы расширили это определение для описания связи неальтернативных вопросов: N_{st} в наших таблицах — это совместная частота (вес) ответов s и t на вопросы x и y . Для вычисления различных производных статистик используются также маргинальные частоты (веса), которые для обычных альтернативных вопросов совпадают соответственно с суммами по строкам и столбцам таблицы:

N_{st} и $N_s = \sum_y N_{st}$. Для неальтернативных вопросов N_s и N_y — частоты (веса) ответов s и t на вопросы x и y , для них приведенные выше равенства, вообще говоря, не соблюдаются.

Производные статистики — это проценты, ожидаемые* (в условиях независимости) частоты $E_{st} = N_s N_y / N$, смещения $R_{st} = N_{st} - E_{st}$ и др. Соотношение $R_{st} > 0$ свидетельствует о наличии положительной

* В случае взвешенной выборки следовало бы более детально разобраться, что представляет собой ожидаемый вес и выборка в целом, однако, следуя более прагматичным задачам, мы пока не будем затрагивать эти вопросы, опираясь лишь на интуитивные представления.

связи между s -м ответом на вопрос x и t -м ответом на вопрос y : среди давших ответ s доля давших ответ t больше, чем в среднем по совокупности, и наоборот, среди давших ответ s доля давших ответ /больше, чем в среднем по совокупности. Неравенство $R_{st} < 0$ свидетельствует об обратной связи между соответствующими значениями переменных (s -м и t -м ответами).

Значимость смещений для “невзвешенной” выборки можно оценить с помощью статистики $Z_{st} = (N_{st} - E_{st})/a$, где дисперсия вычислена исходя из гипергеометрического теоретического распределения N_{st} . Для больших выборок Z_{st} имеет приближенно стандартное нормальное распределение; для малых выборок значения Z_{st} нами корректируются на основе прямого вычисления вероятностей. Если не учитывать множественных сравнений, то для непосредственной оценки значимости отдельных выборочных значений Z^{ample} можно использовать вероятности $p_{st} = P\{z_{st} < \xi^{\text{mp.c}}\}$. Значение p_{st} , близкое к нулю, свидетельствует о существенно малом выборочном значении N_{st} по сравнению с ожидаемым значением E_{st} : маловероятно случайно (в условиях независимости) получить это значение меньше выборочного. Значение p_{st} , близкое к единице, — свидетельство относительно большого значения N_{st} по сравнению с ожидаемым: почти всегда случайно получаемые значения N_{st} меньше выборочных.

В таблицах мы можем также размещать описательные статистики количественных переменных (средние x_{st} , стандартные отклонения и др.), а также g -статистики отклонений среднего в ячейке от среднего по всей совокупности объектов $x_{..}$ или от средних по строкам или столбцам таблицы ($x_{f.}$ или $x_{.t}$) и оценки наблюдаемой значимости этих отклонений p_{st} . Для вычисления значимости смещений среднего в группе объектов мы находим наблюдаемую значимость разности средних в этой группе и ее дополнении (используется распределение Стьюдента, а поэтому предполагается нормальность распределения суммируемой переменной).

В терминах дисперсионного анализа можно интерпретировать вероятности p_{st} в зависимости от поставленной задачи как значимости эффектов совместного действия значений переменных или эффектов действия значений одной переменной (ответа на один вопрос) при условии значения другой переменной (ответа на другой вопрос).

Как уже отмечалось, традиционные методы вычисления вероятностей корректны лишь для невзвешенных данных. Кроме того, использование параметрических методов предполагает нормальность распределения генеральной совокупности, что является также жестким ограничением.

Вычисление Bootstrap-значимости. Будем помечать звездочкой статистики, полученные на генерированной выборке. N^*_t — накопленные частоты (веса) в ячейке (s, t) таблицы сопряженности на генерированных данных, N^* и N^*_t — маргинальные частоты (веса), N^* —

суммарный вес генерированных объектов, $E^*_t = N^*_t \cdot N_i / N$ — ожидаемые веса N^*_t и $R^*_t = N^*_t - E^*_t$ — смещения наблюдаемых частот.

Если в большой доле экспериментов R^*_t , имеет один и тот же знак, естественно считать, что обнаружена устойчивая связь.

Если в ячейках таблицы находятся средние u_{st} некоторой суммируемой переменной u и имеются маргинальные значения π , u_s и u_t , то определим смещение среднего R^*_t как $\pi - u_t$, $u_s - u_t$ или $u_s - \pi$, от общего среднего, от среднего по строке или среднего по столбцу. Здесь постоянство знака R^*_{st} свидетельствует об устойчивом влиянии факторов на суммируемую переменную.

Валидность эксперимента. В ряде случаев результаты эксперимента могут оказаться неприемлемыми для вычисления статистики R^* . При вычислении смещений частот это происходит, если маргинальные частоты оказываются равными нулю: $N^*_s = 0$ или $N^*_t = 0$. В этом случае нет шансов получить ненулевые смещения R^* . При вычислении смещений средних неприемлем случай, когда $V^* = 0$, так как в ячейке (s, t) невозможно вычислить средние.

Эксперименты, в которых имеет смысл вычислять статистику R^* , будем называть *валидными*. Число валидных экспериментов определяется для каждой ячейки таблицы.

Bootstrap-значимость. Пусть произведено M_3 валидных экспериментов по случайному генерированию данных, в которых K_3 раз оказывалось, что $R^*_t > 0$ ($K_3 = \#\{R^*_{st} > 0\}$).

Назовем *Bootstrap-значимостью* смещения и обозначим через a_b долю экспериментов, в которых $R^*_t > 0$: $a_b = K_3 / M_3$.

Значимость и Bootstrap-значимость. В табл. 30.1 приведены основные статистики для оценки взаимосвязи по таблице сопряженности неальтернативных вопросов (данные невзвешены). Обратим внимание, к примеру, на клетку таблицы “Друзья” — “Вдовы”. В условиях независимости ожидаемая частота равна 40,83, в то время как наблюдаемая — 28; смещение — 12,83, наблюдаемая значимость смещения по критерию Фишера 0,003, Bootstrap-значимость (100 экспериментов) — 0,00. Таким образом, в соответствии с точным критерием Фишера, большее отрицательное смещение, чем наблюдаемое в условиях независимости, можно получить лишь с вероятностью 0,003, в экспериментах по имитации сбора данных ни разу не получена связь обратной направленности.

Еще один пример: отношение вдовых к здоровью. Из табл. 30.1 видим, что среди вдовых 64,6 % считают жизненной ценностью здоровье, в то время как в целом по совокупности — 53,8 %. Значимость смещения равна 0,986, Bootstrap-значимость — 0,99. Это свидетельствует о том, что вдовы (скорее всего люди пожилые) больше пекутся о здоровье, чем все остальное население.

Легко видеть, что Bootstrap-значимость мало отличается от значимости по точному критерию Фишера, причем это можно отметить

Таблица 30.1

Фрагмент таблицы сопряженности вопросов “Что цените в жизни?” и “Ваше семейное положение?": частоты, проценты по горизонтали и по вертикали, значимость, Bootstrap-значимость (100 экспериментов)

Жизненная ценность	Женат	Разведен	Вдовец	Холост	Всего
<i>Друзья</i>					
<i>Частота</i>	377	40	28	69	515
% по строке	73,2	7,8	5,4	13,4	42,5
% по столбцу	41,9	44,0	29,2	56,1	
<i>Значимость</i>	0,240	0,613	0,003	0,999	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,160	0,580	0,000	1,000	
<i>Интересная работа</i>					
<i>Частота</i>	345	40	24	47	456
% по строке	75,7	8,8	5,3	10,3	37,7
% по столбцу	38,4	44,0	25,0	38,2	
<i>Значимость</i>	0,810	0,901	0,004	0,553	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,830	0,920	0,000	0,660	
<i>Семья</i>					
<i>Частота</i>	721	45	49	61	878
% по строке	82,1	5,1	5,6	6,9	72,5
% по столбцу	80,2	49,5	51,0	49,6	
<i>Значимость</i>	1,000	0,000	0,000	0,000	
<i>Bootstrap-значимость</i>	1,000	0,000	0,000	0,000	
<i>Материальное благосостояние</i>					
<i>Частота</i>	376	42	24	46	489
% по строке	76,9	8,6	4,9	9,4	40,4
% по столбцу	41,8	46,2	25,0	37,4	
<i>Значимость</i>	0,959	0,878	0,001	0,239	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,960	0,810	0,000	0,270	
<i>Здоровье</i>					
<i>Частота</i>	469	51	62	68	652
% по строке	71,9	7,8	9,5	10,4	53,8
% по столбцу	52,2	56,0	64,6	55,3	
<i>Значимость</i>	0,024	0,669	0,986	0,633	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,000	0,670	0,990	0,670	
<i>Всего</i>					
<i>Частота</i>	899	91	96	123	1211
% по строке	74,2	7,5	7,9	10,2	100,0

практически для всей таблицы. Близость оценок свидетельствует о правомерности применения метода Bootstrap.

Обычно социологи для описания своих результатов пользуются процентным распределением, однако часто не ясно, существенно ли смещение процентов. Вычисляемая нами значимость позволяет убеждаться от ошибок, когда кажущееся большим смещение переменных в действительности несущественно.

Таблица 30.2 содержит данные по среднему возрасту респондентов в группах по ответам на вопросы “Что Вы цените в жизни?” и “Ваше семейное положение?”. Значимость и Bootstrap-значимость отклонения вычислялись внутри групп по семейному положению. В частности, средний возраст холостяков равен 29,38, однако те из них, кто считает ценностью семью, имеют средний возраст 27,41,

Таблица 30.2

Средний возраст в группах по ответам на вопросы "Что цените в жизни?" и "Ваше семейное положение?": значимости отклонения среднего по отношению к средним в группах по семейному положению, Bootstrap-значимость (100 экспериментов)

Жизненная ценность	Женат	Разведен	Вдовец (вдова)	Холост (не)	По всей со- вокупности
<i>ДРУЗЬЯ</i>	40,22	41,28	55,82	26,00	39,24
<i>Значимость</i>	0,000	0,079	0,001	0,001	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,000	0,120	0,000	0,000	
<i>Работа</i>	41,27	43,62	61,58	28,38	41,21
<i>Значимость</i>	0,016	0,674	0,324	0,238	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,000	0,660	0,400	0,190	
<i>Семья</i>	41,13	41,27	58,45	27,41	41,16
<i>Значимость</i>	0,000	0,057	0,000	0,046	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,000	0,080	0,000	0,030	
<i>Материальное благополучие</i>	40,53	41,60	58,50	29,76	40,50
<i>Значимость</i>	0,000	0,109	0,056	0,599	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,000	0,110	0,030	0,570	
<i>Здоровье</i>	43,47	44,08	63,10	30,60	44,06
<i>Значимость</i>	0,991	0,852	0,792	0,889	
<i>Bootstrap-значимость</i>	0,980	0,840	0,770	0,960	
<i>По всей совокупности</i>	42,45	43,06	62,35	29,38	42,76

значимость — 0,046 (вероятность при определенных предположениях случайно получить большее отрицательное смещение) и Bootstrap-значимость — 0,03 (доля экспериментов, в которых средний возраст холостяков (незамужних), ценящих семью, превысил средний возраст не состоящих в браке).

Несмотря на не вполне корректные предположения о нормальности, параметрические оценки значимости и результаты статистических экспериментов оказались весьма близки.

Устойчивость кластерной структуры

Кластерный анализ является одним из методов математической обработки данных, полезный для типологического анализа совокупности. Обнаруженные этим методом сгустки объектов, называемые кластерами (классами, таксонами), позволяют сформулировать, в конечном счете, гипотезы о логической структуре совокупности.

Точным обоснованным выводам о кластерной структуре уделяли внимание Бокк и Хартиган [17]. Их исследования показывают сложность решения проблемы традиционными параметрическими методами. Мы остановимся на исследовании устойчивости результатов работы распространенного метода кластерного анализа — метода *k*-средних [18] с использованием метода Bootstrap.

Алгоритм кластеризации. Алгоритм позволяет изучать большие массивы данных, не ограничивающиеся возможностями оперативной памяти ЭВМ. Его целью является минимизация разброса внутри кла-

стеров. Локальную оптимизацию этого критерия осуществляет алгоритм $\wedge$ -средних. Наш вариант этого алгоритма состоит в следующем:

- 1) выбираются k объектов — центров кластеров;
- 2) каждый объект относится к кластеру, расстояние до центра которого минимально;
- 3) вычисляются новые центры кластеров — средние арифметические по их объектам;
- 4) если хотя бы один объект переместился в другой кластер, осуществляется переход к п. 1, в противном случае алгоритм заканчивает свою работу.

Начальные центры выбираются следующим образом: вычисляется центр тяжести совокупности объектов; в качестве первого центра берется наиболее удаленный от центра тяжести объект; в качестве i -го центра берется объект, минимальное расстояние которого от 1, 2, ..., $i-1$ -го центров максимально.

Для вычисления расстояний используется евклидово расстояние. При наличии пробелов в данных при вычислении расстояний используются только те переменные, значения которых определены; расстояния нормируются в соответствии с числом определенных переменных. Если данные взвешены, то при вычислении центров тяжести учитываются веса объектов.

Исходная и "возмущенная" кластерные структуры. Допустим, мы провели кластерный анализ совокупности, получив исходную кластерную структуру. Это означает, что мы каждому объекту X_i приписали номер кластера $r(i)$.

Поскольку объекты генерированной совокупности (выборки с возвращением) являются объектами исходной совокупности, то и генерированная совокупность расклассифицирована в соответствии с номерами $r(i)$. Эта классификация не будет оптимальной.

Для исследования устойчивости мы снова применяем алгоритм $\wedge$ -средних, используя в качестве начального разбиения на генерированной совокупности эту классификацию, можно применить и алгоритм кластерного анализа. Здесь кластерам исходной классификации $R = \{R_1, \dots, R_k\}$ соответствуют кластеры генерированной классификации $S = \{S_1, \dots, S_k\}$ с центрами, вообще говоря, не совпадающими с исходными.

По тому, насколько изменится исходная кластерная структура, насколько не совпадают R и S , можно судить о ее устойчивости. Однако, как замечено выше, часть объектов исходных данных в генерированных данных отсутствует.

Полную информацию о кластерной структуре содержат центры кластеров. Поэтому обратный переход к исходной совокупности происходит следующим образом. В качестве центров кластеров возмущенной кластерной структуры берутся центры классов $S_b, \dots, S_k$; объекты исходной совокупности распределяются в соответствии с методом k -средних

(шаг 2) по близости к центрам. В соответствии с этой классификацией каждый объект исходной совокупности X , получит номер кластера $s(i)$.

Статистики устойчивости. Пусть проведено M экспериментов. Рассмотрим частоты $m_{1l}(i), \dots, m_{kl}(i)$, с которыми объект X_l оказывался в классах $S_1, \dots, S_k$ соответственно.

Величину $Pr(i, l) = m_{il}^0 / M$ назовем степенью предпочтения l -м объектом l -го класса. Эта величина является, при сделанных предположениях о репрезентативности выборки, оценкой вероятности смены объектом X_l кластера при l , не совпадающим с $g(l)$, и вероятностью остаться в кластере при значении l , равном $r(i)$. Стабильность объекта, таким образом, характеризуется степенью предпочтения l -м объектом класса $l^*(l)$ (класса исходной классификации) — $Pr(i, r(i))$.

С точки зрения социологии предпочтения $Pr(i, l)$ отражают возможность нечеткого отнесения объекта к тому или иному типу объектов, пограничного состояния в той или иной социальной группе.

Стабильность кластеров. Обозначим M_{il} суммарный вес объектов (с учетом повторов), перешедших из R_l в S_i во всех экспериментах. В случае невзвешенной выборки — это число переходов объектов из R_l в S_i .

Доля переходов из класса l^* в класс S_i — $Prt(S_i/R_l) = M_{il} / M_L$ — является оценкой вероятности соответствующего перехода (здесь M_L — сумма элементов M_{il} по строке (вес исходов из R_l)).

Стабильность класса R_l характеризует величина $Prt(S_l/R_l)$.

Стабильность (нестабильность) классификации. Стабильность $Stb(R)$

классификации в целом мы оцениваем долей веса объектов, оставшихся в исходных кластерах: $Stb(R) = \sum_l M_{ll} / (M - m)$, где m — общий вес всех объектов.

Нестабильность, или оценка вероятности объектов не перейти в другой класс, оценивается по формуле $Ust(R) = 1 - Stb(R)$. В настоящее время еще не накоплен опыт в определении, какой уровень стабильности (нестабильности) удовлетворителен, какой — нет. Традиции в данной области сложатся в результате, опыта обработки конкретных данных, а также (Исходя-из экспериментов по кластерному анализу специального вида данных которые могут представлять стандарт, (однородные равномерные данные многомерная нормальная совокупность);

Доверительные интервалы - вторичные статистики. Характеристики устойчивости объектов $Pr(i, l)$, классов $Prt(S_i/R_l)$ и -классификации в , целом ЗД(R) можно рассматривать с точки зрения; наличия генеральной совокупности; -результата бесконечного числа экспериментов считая эти показатели оценками соответствующих параметров, полученных на выборке объема M (ЭрИ; такрм подходе), целесообразно вычислить доверительные интервалы и стандартные значения параметров и стандартные ошибки их оценок,

В частности, доверительные интервалы вероятности $p(i, l)$; объекта X_l случайно -перейти. в класс S_i получаются . на основании статистики

$/?(./,/) — \text{Bin}(M, p(i, l))$. Оценкой $p(ij)$ является $Pr(iJ)$, а ее стандартной ошибкой — $V/V(./,.) (1 - Pr(i, l)/M)$.

Математическое ожидание $EStb(R_h S_t)$ доли объектов класса R_h перемещающихся в класс S_t , оценивается средним значением — долей в каждом испытании — $Stb(R_h S_t)$. Для оценки доверительных границ $S/b(R_h S_t)$ следует воспользоваться приближенной нормальностью долей в каждом испытании (при большом объеме исходной совокупности) и распределением Стьюдента (попутно будет вычислена и стандартная ошибка оценки).

Аналогично можно поступить, оценивая истинное значение неустойчивости классификации в целом.

Пример использования метода в анализе анкетных данных. Для анализа взяты дихотомические переменные, соответствующие ответам на вопрос “Что Вы цените в жизни?” (из заданного списка выбиралось не более четырех подсказок). Результат кластерного анализа представлен в табл. 30.3, содержащей центры полученных кластеров.

Так как переменные принимают только значения 0 и 1, значения средних соответствуют доле респондентов, принимающих ту или иную ценность, в частности, доля респондентов, ценящих свободу, в классе 1 равна 0,615.

Таблица 30.3 позволяет придать следующую интерпретацию кластерам. Кластер 1 характеризует тип респондентов, ценящих более остальных свободу, карьеру, материальное благосостояние, власть, кластер 2 — респондентов, предпочитающих семейные ценности — детей, семью, здоровье, кластер 3 выделяется ценителями любимого дела, высока также доля тех, кто считает ценностью здоровье, и доля любителей свободы.

В результате проведения 100 экспериментов выяснилось, что устойчивость полученной классификации равна 95,08 %. Велика ли эта устойчивость? Для сравнения укажем, что выборка из 8-мерного нормального распределения с единичной ковариационной матрицей дала в тех же условиях устойчивость 86,6 %. Опыт экспери-

Таблица 30.3

Центры классификации методом K-средних

Название переменной	Центры классов			Центр совокупности
	Класс 1	Класс 2	Класс 3	
Свобода	0,615	0,099	0,353	0,243
Будущее детей	0,410	0,888	0,173	0,631
Карьера	0,333	0,007	0,045	0,066
Семья	0,436	0,747	0,128	0,540
Материальное благосостояние	0,974	0,428	0,180	0,447
Власть	0,026	0,000	0,015	0,008
Здоровье	0,205	0,724	0,707	0,641
Любимое дело	0,154	0,184	0,466	0,252
Всего объектов...	78	304	133	515

Таблица 30.4 Перемещения объектов между кластерами, % к общему числу

Перемещения в кластер	Перемещения из кластера		
	1	2	3
1	97,18	0,75	1,03
2	0,99	93,89	2,38
3	1,83	5,36	96,59
Всего...	100,00	100,00	100,00

ментов с искусственными данными однокластерной структуры показал, что разброс результатов здесь невелик (1,5—2%) и наши результаты можно считать устойчивыми.

Таблица 30.4 показывает устойчивость каждого кластера (по диагонали), а также насколько объекты каждого кластера тяготеют к другим кластерам.

Полезно рассмотреть конкретные неустойчивые объекты и попытаться понять причины их неустойчивости. В таблице 30.5 приведен пример нескольких неустойчивых объектов кластера 2 (коды значений переменных указаны в соответствии с порядком табл. 30.3). Напомним, что второй кластер характеризуется семейными ценностями (дети, семья, здоровье).

У первого объекта не отмечена единичкой такая ценность, как будущее детей, но отмечены материальное благосостояние и любимое дело. Вероятно поэтому он 51 раз из 100 оказывался в кластере 3 и один раз — в кластере 1. Он внес большой вклад в неустойчивость классификации, поскольку в данных он встречается 10 раз, а его устойчивость всего 0,48.

Второй объект характерен тем, что здесь отмечена единственная ценность — семья. Это, по-видимому, также послужило причиной его малой устойчивости (0,51).

Третий объект явно тяготеет к первому кластеру (с частотой 36), так как здесь присутствуют такие ценности, как карьера и материальное благополучие.

Кластерная карта матрицы данных и ее использование в анализе таблиц сопряженности

Матрицы данных небольшого объема часто не требуют специальных средств автоматизации анализа, однако таблица размерности 20x 20 уже пестрит цифрами и нужны искусство и опыт для обобщения и упорядочения материала. В связи с этим рассмотрим метод

Таблица 30.5

Примеры неустойчивых объектов

Значения переменных	Кластер	Перемещения в кластер			Устойчивость	Частота
		1	2	3		
0 0 0 1 1 0 1 1	2	1	48	51	0,48	10
0 0 0 1 0 0 0 0	2	1	51	48	0,51	8
0 1 1 0 1 0 1 0	2	36	64	0	0,64	1

упорядочения данных и специального вида кластерного анализа таблицы данных. Преимущество предлагаемого подхода к решению данной задачи по отношению к имеющимся разработкам [9] — в наименьших ограничениях на форму кластера.

Упорядочение строк и столбцов, однородные области. Предполагается, что элементы матрицы данных сравнимы между собой. Анализ матрицы проводится в два этапа.

Первый этап состоит в упорядочении строк и столбцов для придания таблице данных “непрерывного” вида.

Обозначим $A = \|a_{ij}\|$ ($i = 1, \dots, m; j = 1, \dots, n$) анализируемую матрицу; $d_r(i, i_2)$ — евклидово расстояние между строками; $d_c(j, j_2)$ — евклидово расстояние между столбцами.

Естественно считать хорошо структурированной таблицу, в которой не очень часто происходят скачки между значениями соседних элементов, поэтому для лучшей структурированности таблицы целесообразно переставить строки и столбцы матрицы так, чтобы расстояние между соседними строками $d_r(i, i + 1)$ и расстояние между соседними столбцами $d_c(j, j + 1)$ в сумме было небольшим.

На основании этих соображений в качестве критерия качества упорядочения строк нами принята сумма расстояний между стро-

ками $L_r = \sum_{i=1}^{m-1} d_r(i, i + 1)$. Поэтому цель первого этапа анализа матрицы

состоит в поиске такой перестановки строк, чтобы

$L_r = \sum_{i=1}^{m-1} d_r(i_k, i_{k+1}) + 0 \rightarrow \min$. Для поиска такой перестановки в реаль-

ное время нами используются локально-оптимальные алгоритмы, применяемые в теории графов при решении задачи коммивояжера [10]. Аналогичная операция проводится со столбцами.

Второй этап состоит в объединении элементов матрицы в связанные области (кластеры). Пусть $R = \{R^1, \dots, R^k\}$ — разбиение таблицы на связанные области; a^i — средняя величина элементов области R^i . Критерием качества разбиения в нашей работе является величина остаточного разброса при аппроксимации таблицы средними значениями элементов областей $S^2(-K) = \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^n (a_{ij} - a^i)^2$. Для построения раз-

биения используется агломеративный алгоритм, после применения которого дополнительно передвигаются границы кластеров.

Пример: структура Z-смещений. В качестве примера приведем структуру матрицы Z-смещений (табл. 30.6), в которой упорядочены столбцы и строки и получена ее кластерная карта. Двойной линией обведены области; номера областей расположены на линиях, ограничивающих области сверху.

Область 0 обращает внимание на существенную положительную связь между ценностью “Семья” и значением “Женат” переменной

Структура однородных областей таблицы Z-отклонений

Жизненная ценность	Женат	Вдовец	Разведен	Холост
	(0)	(1)	(1)	(1)
Семья	6,4	-2,8	-2,8	-3,8
Стабильность	(2) 1,5	(2) -1,4	(2) 0,4	(2) -1,7
Работа	-0,6	(3) -3,5	(4) 2,9	0,2
Досуг	(5) -3,4	(6) -1,3	1,7	(4) 3,7
Свобода выбора	(6) -0,2	-1,5	(6) -0,2	1,4
Материальное благополучие	0,7	-0,8	-0,3	(6) -0,1
Здоровье	1,2	-0,1	-1,6	-0,1
Образование	-0,7	-0,1	0,2	0,9
Друзья	-0,7	0,6	-0,2	0,7
Уважение	(7) -2,9	(8) 3,2	1,1	0,6
Отношения между людьми	-2,0	3,1	(8) 1,6	-1,1

“Семейное положение”, а область 1 — на отрицательную связь ценности “Семья” со значениями “Разведен”, “Вдовец” и “Холост”, которые можно объединить одним термином “Несемейные”. Другими словами, выделение этих двух областей подчеркивает факт ценности семьи для семейных и неценности — для несемейных.

Область 3 демонстрирует низкую привлекательность работы для вдовцов (до работы ли старикам?). Область 5 свидетельствует о том, что у семейных ценности досуга заменены другими, зато область 4 показывает, что холостяки ценят и досуг и свободу выбора (но последнее не очень значимо), а разведенные — работу и несколько меньше — досуг. Области 7 и 8 обращают наше внимание на то, что вдовцы ценят уважение и отношения между людьми, а женатые относятся к этому более прохладно.

Таким образом, в данном случае разделение на области акцентировало внимание на определенных закономерностях.

Из-за грубости представления информации (числа областей), упущений, связанных с локальной оптимальностью алгоритма, может быть допущена некоторая неоднородность областей (например, положительное отношение женатых и отрицательное отношение холостых к стабильности, область 2).

Устойчивость областей. Элементы таблицы сопряженности на генерированных данных испытывают некоторое возмущение, испытывает возмущение и кластерная структура.

Начнем с описания проверки устойчивости областей при условии, что сохраняется порядок строк и столбцов, полученный при упорядочении исходной таблицы.

Эксперимент по проверке устойчивости областей состоит в следующем. Генерируются данные, по ним получается таблица статистик. На этой таблице задается структура областей, полученная на исходных данных. Эта структура улучшается за счет перемещения границ областей, в ходе которого минимизируется остаточная дисперсия.

Пример: устойчивость структуры Z-смещений. Изменения структуры областей характеризует устойчивость результата. Рис. 30.1 иллюстрирует указанные эксперименты при исследовании структуры связи значений признака “Жизненные ценности” и “Семейное положение”. Схемы областей в экспериментах изменялись, но основная часть элементов не перемещалась в другие области.

Результаты экспериментов обобщает таблица частот перемещения элементов из областей табл. 30.3 в другие области (табл. 30.7).

В качестве примера интерпретации заметим, что кластер 7 относительно устойчив: ячейки “Уважение — женат” и “Отношения между людьми — женат” уходили из кластера только 3 и 2 раза; в кластере 8 неустойчива ячейка “Отношения между людьми — разведен” (36 перемещений), ячейки “Уважение — вдов” и “Отношения между людьми — вдов” устойчивы.

Устойчивость порядка строк и столбцов. Для оценки устойчивости строки и столбцы таблицы на генерированных данных упорядочиваются в соответствии с ранее полученным упорядочением исходной таблицы. Далее поочередно рассматривается каждый столбец. Для

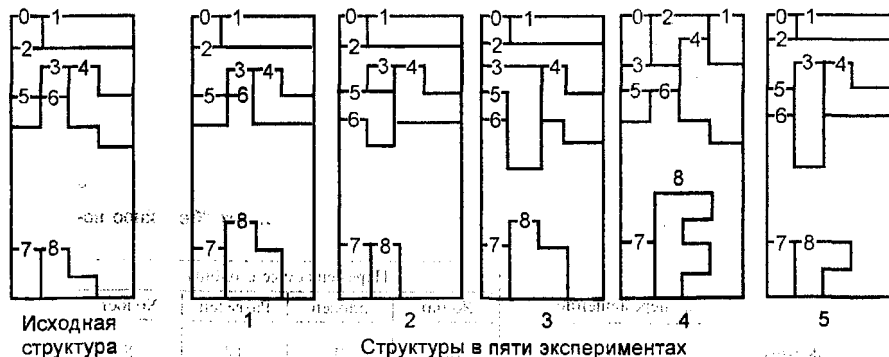

Рис. 30.1. Эксперименты по проверке устойчивости структуры областей таблицы Z-отклонений (связь жизненных ценностей и семейного положения табл. 30.3).

Таблица 30.7

Частоты перемещений из областей элементов таблицы

Жизненная ценность	Женат	Вдовец	Разведен	Холост
	(0)	(1)	(1)	(1)
Семья	0	23	6	0
	(2)	(2)	(2)	(2)
Стабильность	7	5	6	12
		(3)	(4)	
Работа	34	3	2	22
	(5)	(6)		(4)
Досуг	3	65	9	4
	(6)		(6)	
Свобода выбора	19	65	9	22
				(6)
Материальное благополучие	1	33	15	4
Здоровье	0	12	18	0
Образование	11	11	10	0
Друзья	35	29	3	0
	(7)	(8)		
Уважение	3	2	45	0
			(8)	
Отношения между людьми	2	1	39	0

столбца вычисляется, в какое место таблицы, за каким столбцом его целесообразнее всего поместить. При повторении экспериментов накапливаются частоты, с которыми i -й столбец целесообразно переместить на j -е место.

Аналогичная процедура проделывается со строками.

Пример: устойчивость порядка строк и столбцов. Таблица 30.8 характеризует устойчивость упорядочения столбцов табл. 30.3. В 100 экспериментах столбец (значение) “Женат” 68 раз оставался на месте и 32 раза программа нашла ему место за столбцом “Холост”. Таким образом, в экспериментах столбец “Женат” был только на краю таблицы.

Таблица 30.8

Устойчивость порядка столбцов табл. 30.3 (значений переменных “Семейное положение”)

Столбцы, за которые происходит перемещение	Перемещаемые столбцы			
	Женат	Вдовец	Разведен	Холост
Женат	68*	0	14	8
Вдовец	0	60*	0	27
Разведен	0	6	61*	0
Холост	32	34	25	65*
Перед столбцом “Женат”	0	0	0	0

Значения, характеризующие разные типы неженатых, неустойчивы и в таблицах, полученных по имитированным выборкам, многократно перемещались на новые места. Это, скорее всего, означает, что в данном случае в упорядочении “Вдовец—Разведен—Холост” не следует искать особого содержательного смысла (например, скрытой переменной, связанной с возрастом).

Черно-белый анализ связи переменных. Необъятность таблиц стимулировала появление множества методов исследования таблиц сопряженности [11]. Эти методы позволяют выявить соответствия и даже провести оцифровку значений переменных, но оставляет за исследователем работу по интерпретации шкал.

Предлагаемый в данной работе метод предназначен для автоматизации быстрого обнаружения основных тенденций связи пары переменных. Исходными данными для анализа является совокупность объектов, описанных двумя переменными X и Y . Метод состоит в поиске такого дихотомического (черно-белого) разбиения значений этих переменных, чтобы четырехклеточная таблица сопряженности агрегированных переменных была максимально контрастной. Мы пытаемся разделить совокупность по каждой из участвующих переменных на 2 группы, отражающие два полюса в значениях переменных — “черное—белое”, “богатые—бедные”, “старые—молодые”, “должности прибыльные—неприбыльные”; группировка происходит одновременно по двум переменным. Исследование устойчивости позволяет выявить нечеткость соответствия значений переменной полюсам. Преимущество, к которому мы стремимся, — это простота интерпретации.

Дихотомия для разных типов шкал. Пусть значениям переменной X (или Y) соответствует разбиение совокупности объектов на непересекающиеся классы объектов $r = \{r_x, \dots, r_L\}$. Дихотомическое группирование состоит в объединении этих классов в разбиение $R = \{R_0, R_X\}$. Достаточно определить только одну группу значений переменной, которым соответствует класс R_0 , класс R_1 составят остальные объекты.

Значения номинальной переменной неупорядочены, поэтому группировка по ней не подчиняется какому либо правилу: $R_0 = U \wedge >$
2

где T может быть любым подмножеством множества $\{1, \dots, L\}$.

При группировании значений ранговых и количественных переменных целесообразно объединять только группы рядом стоящих значений — интервализовать, поэтому $R_{ij} = \text{где } T_y = \{11 < / < /_0\}$.

Особый класс представляют собой переменные, имеющие кольцевую структуру множества значений: наименьшее и наибольшее значение считаются совпадающими или близкими [12].

Примером таких переменных может служить время суток: 0 часов совпадают с 24 часами. Другой пример — возраст индивидуумов,

рассмотренный с точки зрения возможности их привлечения к общественному труду. Глубокие старики и малые дети в этой точки зрения одинаково “бесполезны”. Здесь целесообразно в качестве l , брать интервал значений, в общем случае не начинающийся с первого значения где $T = \{i \setminus 0 < l, \}$.

Критерий дихотомического группирования. Контрастность таблицы. Пусть значения каждой из переменных X и Y сгруппированы в два класса и представлены разбиениями R_x и R_y . Для исследования значимости связи R_x и R_y изучается таблица частот $\|/\wedge\|$, $/ = 0, \dots, 1$, $y = 0, \dots, 1$, в которой индексы i и j соответствуют классам R_x и R_y .

Существует множество коэффициентов, характеризующих связь дихотомических переменных: перекрестное отношение, коэффициент Юла, коэффициент коллигации и др. [13]. Целесообразно использовать и описанные выше Z -статистики отклонения частот (достаточно взять отклонение l'_{00}). Однако мы воспользовались более простым и эффективным с точки зрения алгоритма оптимизации показателем — смещением элемента F_{00} от его ожидаемого в условиях независимости значения f_{00} .

Устойчивость и полутона в черно-белом анализе. При работе алгоритма “черно-белого” анализа на сгенерированных данных часть значений класса R_{x_0} перейдет в R_{x_1} и, наоборот, часть значений класса R_{x_1} перейдет в R_{x_0} . То же самое касается классификации по Y .

В результате экспериментов каждому значению переменных X (Y) приписывается относительная частота, с которой значение оказывалось в классе R_{x_l} (R_{y_l}). Суммарность таких относительных частот может быть также выражена средним индикаторных векторов I_X и I_Y , получаемых в экспериментах. Образно выражаясь, значения переменной X (Y), во всех экспериментах попавшие в нулевой класс, — “черные”, значения, всегда попадающие в первый класс, — “белые”, значения, для которых соответствующая относительная частота между нулем и единицей, — “полутона”.

Пример: профессиональная подготовка и душевой доход. Рассмотрим совместную группировку по переменной “Профессиональная подготовка”, рассматриваемой как номинальная, и по количественной переменной “Душевой доход” (данные 1993 г.).

Группировка по профессиональному образованию, полученная с помощью рассматриваемого метода, имеет следующий вид. Класс 0: “Нет профессионального образования”, “Курсы”, “ПТУ, ФЗУ, РУ”, класс 1: “Среднее специальное”, “Высшее”, “Другое”.

Группировка по душевому доходу представлена интервалами: класс 0 — менее 4500 руб.; класс 1 — не менее 4500 руб.

Таким образом, профессиональное образование представлено полюсами “низкий—высокий” уровень образования, доходы — полюсами “низкие—высокие” доходы (табл. 30.9).

Таблица 30.9

Связь профессионального образования с душевым доходом (абсолютные частоты, проценты по строке и по столбцу)

Душевой доход	Профессиональное образование		
	Низкий уровень образования (00)	Высокий уровень образования (01)	Всего
Низкий доход (менее 4500 руб.)	405 66,6 % 71,7 % (10)	203 33,4 % 41,4 %	608 57,6 %
Высокий доход (не менее 4500 руб.)	160 35,8 % 28,3 %	(11) 287 64,2 % 68,6 %	447 42,4 %
В се го ...	565 58,6 %	490 41,4%	1055 100,0%

В ячейке (“Низкий доход — низкий уровень образования”) удалось добиться смещения частоты, равного 79,4. Содержательно можно сделать вывод, что высокий уровень образования дает больше возможностей улучшить состояние семейного бюджета.

Устойчивость классификации по профессиональному образованию показана в табл. 30.10, в которой графа “Степень серости” соответствует частоте попадания значений в класс 1. Классификация недостаточно надежна в отношении группы не имеющих профессионального образования (возможно, это молодежь, способная активно зарабатывать уличной торговлей, процветающей в год проведения обследования), неустойчиво классифицируется группа с высшим образованием (вероятно, из-за несоответствия опыта прежней работы современным условиям). Первая 14 раз оказывалась в классе 1, вторая — 13 раз в классе 0.

Таблица 30.10

Устойчивость классификации по профессиональному образованию

Профессиональное образование	Курсы	ПТУ, ОЗУ, РУ	Нет профессионального образования
Степень серости, %	0	4	14
Профессиональное образование	Высшее	Среднее специальное	Другое
Степень серости, %	87	100	100

Таблица 30.11

Устойчивость классификации по душевому доходу

Душевой доход, руб.	руб.	Мейес	3600	3600	3700	3725	3800	3900	4050	4100	4109
Степень серости, %	%		0	6	8	10	15	21	43	58	58
Душевой доход, руб.	руб.	4109	4118	4150	4200	4230	4250	4300	4350	4400	4450
Степень серости, %	%	58	58	58	58	58	60	60	65	70	77
Душевой доход, руб.	руб.	4500	4530	4600	4750	4900	5000			Более	5000
Степень серости, %	%	91	91	93	94	95	100				100

Устойчивость классификации по душевому доходу представлена в табл. 30.11. Граница, разделяющая классы, принимала в экспериментах значения от 3600 до 5000 руб.

Неальтернативные вопросы. При анализе неальтернативных вопросов в качестве объекта (статистического наблюдения) рассматривается пара ответов. Переменные считаются номинальными. Опыт показал, что техника анализа здесь такая же, как и в обычном случае.

Автоматизация типологического группирования

Типологией называется логическое разделение совокупности объектов на качественно различные группы объектов — типы [14].

В соответствии с таким пониманием типологии мы и рассматриваем множество целевых переменных, по которым оценивается качество группирования, а также множество группировочных переменных, используемых для построения логики группирования. Таким образом, основная идея автоматизации типологического группирования заключена в рабочей формуле

Типология = Логика группирования + Цель группирования.

Формальной целью группирования является разделение совокупности объектов (анкет) на классы, различающиеся по множеству зависимых переменных $Y = \{Y_1, \dots, Y_n\}$; для формирования логики группирования используется множество независимых переменных $X = \{X_1, \dots, X_k\}$.

Типология здесь — разбиение $R = \{R_1, \dots, R_m\}$ совокупности объектов на классы (типы), оптимальное с точки зрения его связи с целевыми переменными Y , построенное с использованием логики группирования объектов по множеству независимых переменных X . При построении классификации R мы ограничиваем сложность логики группирования формальными критериями (число вершин в дереве группирования, число типов, размер групп и т.п.) или, при построении типологии в диалоговом режиме, интуитивно.

Критерий построения классификации. В качестве критерия классификации (типологии) мы используем внутриклассовый разброс, как это делается в ряде алгоритмов кластерного анализа [15], однако

здесь используется модификация критерия, позволяющая работать как с количественными, так и с неколичественными переменными.

Таким критерием является критерий $Q(R) = \sum_{k \in K} D(Y^k, R)$, где $D(Y^k, R)$ —

коэффициент детерминации для количественных Y^k и коэффициент Валлиса [16] для неколичественных Y^k . Для количественной переменной Y минимизация внутриклассового разброса по множеству допустимых разбиений R эквивалентна максимизации коэффициента детерминации $D(Y, R)$; коэффициент Валлиса является обобщением коэффициента детерминации для номинальных переменных Y .

Конструирование типологии. При формулировании логики группирования мы идем от простого к сложному. Вначале сформулируем типы группирования по отдельным переменным, затем по множеству переменных.

Одномерное группирование. Пусть значениям переменной X соответствует разбиение совокупности объектов на непересекающиеся классы объектов — $r = \{r^1, \dots, r_l\}$. Одномерное группирование состоит в объединении этих классов в разбиение $R = \{R_1, \dots, R_k\}$.

Значения номинальной переменной не упорядочены, поэтому группировка по номинальной переменной не подчиняется какому-либо правилу; классы R , могут быть объединением любого подмножества классов r .

При группировании значений ранговых или количественных переменных целесообразно объединять только группы рядом стоящих значений — интервализовать. Нами предусмотрен также специальный подход к группированию ранговых переменных с неопределенными значениями, ранг которых не определен. Эти значения могут быть приписаны к любому интервалу значений.

Многомерная типология. Анализ и синтез типов. В многомерном группировании многократно используется одномерное группирование. Группирование происходит в два этапа.

Первый этап — *анализ* — состоит в последовательном разбиении совокупности объектов по признакам. Прежде всего по каждому из независимых признаков $X = \{X_1, \dots, X_m\}$ отыскивается оптимальная с точки зрения критерия группировка объектов и лучшая (в соответствии с критерием) среди этих группировок берется в качестве начального приближения типологии $RQ = \{R^1, \dots, R^m\}$. При этом для каждого признака рассчитывается доля объясненной группировкой дисперсии целевых (зависимых) переменных, что и служит основанием выбора лучшего разбиения R_0 .

На следующем шаге выбирается оптимальная с точки зрения критерия пара: один из классов полученного разбиения и один из признаков, по которому происходит группировка объектов этого класса и получается группировка R . Далее процедура повторяется и

получаются классификации $/?_2$, и т.д. Процесс идет до тех пор, пока исследователь не решит, что полученный результат удовлетворяет его по полноте описания связи систем переменных либо дерево группирования достигает заранее заданного числа вершин.

Второй этап — *синтез* — состоит в объединении полученных на первом этапе групп. Группировка рассматривается как переменная, из которой нужно построить группировку с меньшим (заданным) числом классов, оптимизируя все тот же критерий (точнее, минимизируя потерю в результате объединения доли объясненной на этапе разбиения дисперсии).

Характеристики устойчивости. Оценка устойчивости группировки делается с использованием тех же принципов, что и при анализе устойчивости классификации методом $\wedge$ -средних и в черно-белом анализе.

Рассмотрим самую простую ситуацию: строится одномерная типология $R=\{R_1, \dots, R_p\}$ по переменной X . Значениям этой переменной соответствует разбиение совокупности объектов $r=\{r_1, \dots, r_n\}$, классы которого объединяются в классы разбиения R . Таким образом, z , соответствует номер $c(i)$ класса R , в который входит эта группа объектов. Логика группирования объектов генерированной выборки, построенная по образцу исходной типологии R , в ситуации неустойчивости становится неоптимальной. Мы улучшаем группировку на генерированной выборке путем перемещения групп объектов из класса в класс, выходя на локальный оптимум по объясненной дисперсии. При этом сохраняется соответствие между классами разбиения R исходных данных и классами разбиения сгенерированных данных и можно считать, что в результате случайного возмущения группы разбиения z переместились из класса в класс разбиения R .

Естественно считать, что одномерная типология устойчива, если при повторном сборе данных логика объединения групп остается прежней — не происходит смены номеров классов $c(i)$, $i=1, \dots, p$. Группы, часто меняющие номера классов $c(i)$, естественно считать неустойчивыми.

Обозначим через $f(i)$ частоту, с которой на сгенерированных выборках менялись номера классов $c(i)$. Назовем *неустойчивостью группы r_j* относительную частоту $p(i)=f(i)/f$ смены классов $c(i)$, где f — общее число экспериментов.

Соответственно *устойчивость группы* характеризуется величиной $St(i)=1-p(i)$.

Итак, устойчивостью группировки по переменной называется взвешенная с весами $v(i)$ сумма устойчивостей групп:

$$St = \sum St(i) * v(i) / \sum w(i),$$

где $w(i)$ — суммарный вес элементов группы.

Пример: устойчивость в одномерном группировании. В качестве иллюстрации проверки устойчивости группировки по одной переменной рассмотрим результаты 20 экспериментов по анализу устойчивости группировки должностей (табл. 30.12). Целевыми признаками группирования были оценки респондентов, являются или не являются необходимыми для преуспевания трудолюбие, честность, ответственность, предприимчивость — дихотомические переменные, соответствующие деловым качествам, включенным в число подсказок вопроса о качествах, необходимых для преуспевания.

Причина неустойчивости состоит, по-видимому, в нечеткой выраженности связи значений целевых и группируемых переменных.

Устойчивость в многомерном группировании. Устойчивость группирования в процессе последовательного разбиения проверяется в точном соответствии с описанным способом; отличие в том, что характеристика устойчивости переменных вычисляется на совокупностях, соответствующих вершинам — кандидатам на разбиение.

Устойчивость синтеза типов — это устойчивость группирования переменной, соответствующей всяким вершинам дерева группирования.

Для демонстрации дерева группирования с характеристиками устойчивости воспользуемся типологией, построенной по переменным “Пол”, “Возраст”, “Семейное положение” и “Образование”, с целью выяснения, какую группу населения больше волнуют такие ценности, как “Семья” и “Будущее детей” (рис. 30.2). Целевые признаки “Семья” и “Будущее детей” представлены дихотомическими переменными. Хотя признак “Возраст” принимал участие в конкурсе переменных для группирования данных, он не участвовал в логике группирования.

Первый шаг разбиения в этой типологии характеризуется полной стабильностью: в информации о нулевой группе сразу после сведений об объясненном приросте (12,18%) указана устойчивость разбиения, равная 1,00. Разбиение группы 1 (преимущественно женатых (замужних)) по образованию менее стабильно и составляет всего 0,83. Таблица 30.13 дает более полное представление об устойчивости этого разбиения.

Как следует из информации о группе 2 (см. рис. 30.2), третий шаг разбиения устойчив. Это естественно, поскольку при разбиении по полу и нет других вариантов кроме разбиения на два класса.

Таблица 30.12

Разбиение на группы значений признака “Должность”

<i>Должность</i>	<i>Вес</i>	<i>Устойчивость, %</i>
<i>Тип 1</i>	78	87
<i>Руководитель</i>	38	100
<i>Служащий</i>	40	75
<i>Тип 2</i>	437	95
<i>Специалист</i>	95	95
<i>Квалифицированный рабочий</i>	82	100
<i>Неквалифицированный рабочий</i>	38	85
<i>Частный предприниматель</i>	12	75
<i>Безработный</i>	210	95

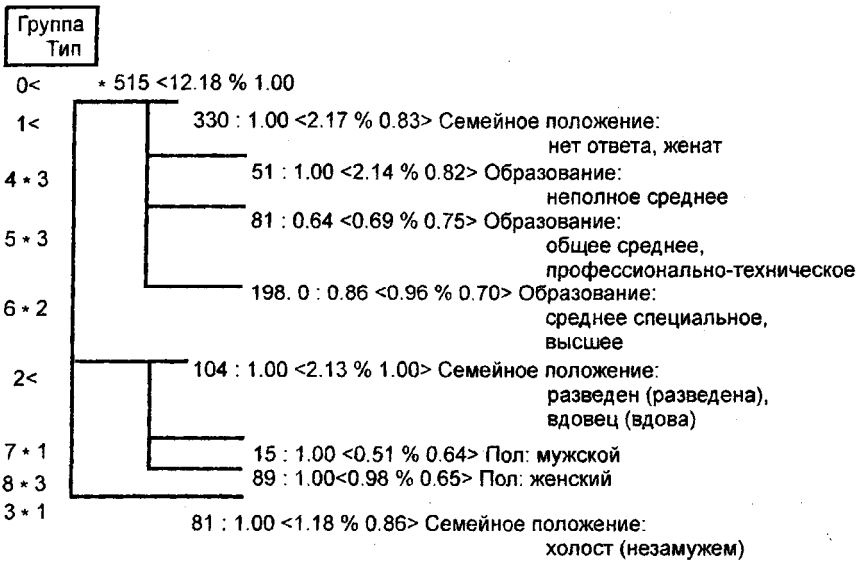

Рис. 30.2. Типология населения по ориентации на семейные ценности. Структура строки рисунка: номер группы, символ <, если группа разбивается, символ * с последующим за ним номером типа, если группа представляет всячую вершину; описание вершины (группы): число объектов (вес), в скобках вида <> — доля объясненной дисперсии, устойчивость последующего разбиения, переменная и список значений, ее идентифицирующих.

Информация об устойчивости синтеза типов аналогична информации об устойчивости разбиений групп (табл. 30.14).

Для полноты восприятия картины группирования представим таблицу процентного распределения целевых переменных (табл. 30.15).

Тип J: тип, не отдающий предпочтения семейным ценностям, (17,7% ценят будущее детей, 31,2% — семью). Он состоит из холо-

Таблица 30.13

Таблица 30.14

Устойчивость второго шага разбиения — разбиение групп — Синтез типов (устойчивость равна 1 по признаку "Образование" (устойчивость равна 82,70 %) на 96,32 %)

Образование	Вес	Устойчивость, %	Тип, группа	Вес	Устойчивость, %
Группа 4	51	100	Тип 1	96	100
Неполное среднее	51	100	Группа 3	81	100
Группа 5	81	64	Группа 7	15	100
Общее среднее	44	50	Тип 2	198	100
Профессионально-техническое	37	80	Группа 6	198	100
Группа 6	198	86	Тип 3	221	91
Среднее специальное	79	80	Группа 4	51	95
Высшее	119	90	Группа 5	82	80
			Группа 8	88	100

стых (незамужних), а также вдовых и разведенных мужчин. Это тип полностью устойчив по отношению к синтезу типов.

Тип 2: ценители семьи и детей (соответствующие цифры — 78,3 % и 72,7 %). Представляет семейное, относительно высокообразованное население. Тип также устойчив на 100%.

Тип 3 — промежуточный тип (69,2% и 47,1 %). Его составляют невысокообразованные женатые (замужние), а также разведенные и вдовые респонденты. Тип устойчив на 91 %.

Наименее устойчива группа 5 — женатые, имеющие среднее и профессионально-техническое образование. В ней относительно высока доля ценителей семьи (56,1 %), что приближает их ко второму типу. По-видимому, второе обстоятельство является причиной того, что эта группа в 20 экспериментах 4 раза уходила из типа 3.

К сожалению, процедура проверки устойчивости разбиений локальна, касается только группировки объектов по отдельным переменным. Проверка устойчивости выбора переменных на шаге группирования и устойчивости дерева группирования в целом пока слишком трудоемка и требует много машинного времени, так что решение этой задачи — в будущем.

Перспективы и проблемы

Описанные методы анализа устойчивости данных могут применяться при исследовании значимости связи, в кластерном анализе, в задачах построения типологий и др. Естественность процедуры имитации сбора данных, простота и ясность методов делают, на наш взгляд, их понятными даже людям, не искушенным в методах обработки данных.

Имитация данных может быть основана не только на выборке с возвращением, но и на перемешивании. Она полезна и при исследовании независимости и устойчивости, и при решении ранее разрешимой только в достаточно простых случаях проблемы множественных сравнений. Эта задача была предметом соревнования многих статистиков при сравнении средних в дисперсионном анализе. Нами накоплен опыт множественного сравнения групп в детерминационном анализе, основанном на простых статистиках [17], и эту область предстоит расширить.

Таблица 30.15

Доли в типах и группах респондентов, отмечивших среди ценностей будущее детей и семью, %

<i>Тип, группа</i>	<i>Будущее детей</i>	<i>Семья</i>	<i>Вес</i>
<i>Тип 1</i>	17/7	31,2	96
<i>Группа 3</i>	18,5	32,1	81
<i>Группа 7</i>	13,3	26,7	15
<i>Тип 2</i>	78,3	72,7	198
<i>Группа 6</i>	78,3	72,7	198
<i>Тип 3</i>	69,2	47,1	221
<i>Группа 4</i>	58,8	45,1	51
<i>Группа 5</i>	68,3	56,1	82
<i>Группа 8</i>	76,1	39,8	88

Огромная потребность в типологизации временных рядов ставит проблему устойчивости результатов их типологизации. Для исследования границ изменения процессов и их устойчивости полезны выборка с возвращением и перемешивание данных.

Хотя метод моделирования представляет мощный инструмент анализа данных, в основе его лежит жесткое предположение о репрезентативности выборки. Доказательство репрезентативности — сложная задача и, к сожалению, еще не решена ни в методологическом, ни в практическом аспекте.

Выборка с возвращением с использованием ранее назначенных весов все же не может считаться полноценной имитацией сбора данных, поскольку весовые коэффициенты обычно корректируются по собранным данным, а значит, нужно определять веса данных гене-

ГЛАВА 31

*Базы данных как основа исследований социальной динамики**

Сравнительные динамические исследования:

типы и первый опыт

В исследовании общества первостепенное значение имеет изучение изменений, их масштаба, причин, последствий и перспектив (обрыва, продолжения, изменения траектории), причем конечными результатами являются изменения условий жизни, повседневной деятельности, различий в социальном и экономическом положении, качества населения, его удовлетворенности жизнью.

Неслучайно еще в период формирования Новосибирской социологической школы, делался акцент на изучение изменений, сдвигов в изучаемых областях социальной реальности, происходящих как под влиянием деятельности органов власти, так и в ходе естественного процесса развития. Это изучение осуществлялось в рамках как крупных исследовательских проектов, серий продолжающихся обследований, так и через отдельные повторные (в большей или меньшей части), по отношению к ранее проведенным, обследования.

На наш взгляд, развитию динамических исследований способствовали следующие предпосылки.

1) разработка развернутых методических программ планируемых исследований и отдельных опросов, изначальное внимание к методике, стремление удовлетворять сложившимся в международной прак-

* Используются материалы Е.Е. Горяченко, Т.И. Заславской, П.С. Ростовцева, И.И. Харченко, О.В. Артемовой. Глава подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №98—06—80149).

тике требованиям при формировании выборочной совокупности объектов (сел, предприятий, лиц) при определении состава необходимой социолого-статистической информации, источников, методов и процедур ее получения, разработке инструментария;

1) масштабность и комплексность ставящихся содержательных научных задач, требующих адекватного способа их решения;

2) стабильность, высокая квалификация и ответственность коллектива, соответствующие сложности научных задач;

3) нацеленность на получение научных результатов, способствующих выявлению социальных изменений, тенденций, их факторов, предполагаемых последствий (здесь, правда, проявилась и идеологическая установка на приоритетное внимание к изменениям позитивным);

4) сам статус академического института, требовавший фундаментальности исследований, что выразилось, в частности, в стремлении получать адекватное представление о реальной жизни с помощью научных методов. В немалой степени этому способствовала наша включенность в среду прогрессивных экономистов, чьи оценки экономической ситуации помогали правильно ставить и решать социологические проблемы.

Можно выделить четыре основных типа сравнительных динамических исследований (обследований, анализа), которые охватывают разные моменты исторического времени:

1) лонгитюдное исследование, неоднократно проводимое на одном и том же социальном объекте, с сохранением проблематики, методики и организации обследований (хотя в литературе лонгитюдным часто называется опрос одних и тех же людей через некоторые промежутки времени, особенно в период формирования человека как личности);

2) условно динамическое, когда в повторном обследовании сохраняются хотя бы часть содержательных задач, основной метод и некоторые наиболее важные характеристики выборочной совокупности, методики и организации обследований;

3) “литературное”, когда сравнительный анализ ведется лишь по самым общим результатам, опубликованным в литературе, не всегда фиксируются особенности методики сравниваемых обследований, заметно различаются их объекты и т.д.;

4) “квазидинамический” анализ, когда разные типы социальных объектов (поселений, общностей, организаций, групп населения) рассматриваются как объекты, находящиеся на разных ступенях развития.

Наш первый опыт изучения социальных изменений относится к периоду формирования школы, когда под общим руководством Г.А. Пруденского были проведены два обследования бюджетов времени рабочих, инженерно-технических работников и служащих тяжелой промышленности Красноярского края. Его организаторами стали преподаватели ряда вузов Красноярска, сотрудники ИЭиОПП СО АН

СССР и его Красноярской экономической лаборатории. Активное действие оказал обком КПСС. Как известно, в конце 50-х — начале 60-х годов был осуществлен переход с 8-часового на 7-часовой рабочий день. Изменение использования прежде всего вне рабочего времени изучалось на материалах двух крупнейших для того периода обследований: в 1959 г. было получено около 1100 недельных бюджетов времени, в 1963 г. — около 1300. Результаты были представлены в нескольких сборниках таблиц, диссертациях, монографиях, в статьях сборников и журналов, а также в научных докладах. По нашей классификации это исследование близко к лонгитюдному, так как выборочная совокупность предприятий, профессионально-должностная структура респондентов, методика и организация обследований сохранялись.

Исследование показало значимость для работающих не только свободного времени (его увеличение являлось одной из главных задач этого перехода), но и неудовлетворенность базовых бытовых потребностей, что при неразвитости обслуживания и невысоких доходах требовало увеличения затрат вне рабочего времени. По существу, была показана иллюзорность безусловного приоритета свободного времени в реальной жизни, обозначилось немало проблем, связанных с условиями жизни. Распределение высвободившегося от работы времени в значительной степени зависело от потребностей, состояния сферы обслуживания и доходов. Результаты этого исследования были сигналом о необходимости руководствоваться в экономической и социальной политике реальным положением людей, их актуальными потребностями, создавая, конечно, условия не только для материального благополучия.

Под руководством Е.Г. Антосенкова были проведены также два обследования с целью изучения факторов, мотивов и механизмов текучести рабочих промышленности и строительства Новосибирска: базовое — в 1964—1965 гг. на 21 предприятии, а повторное — в 1970—1971 гг. на той же с небольшими изменениями выборке предприятий [1]. Всего было опрошено более 9000 рабочих. Были сформулированы рабочие гипотезы об изменении влияния различных факторов на текучесть, а для оценки значимости изменений использовался критерий Пирсона.

Несколько повторных обследований проведены группой В.Н. Шубкина, изучавшей профессиональные ориентации выпускников общеобразовательных школ (подробнее об этом сказано в главе 28).

Серия социолого-статистических обследований сельского населения Сибири

Под общим руководством Т.И. Заславской была проведена уникальная для нашей социологии серия обследований в селе, данные которых стали надежной информационной базой анализа социальных изменений, выработки рекомендаций для органов власти и управления.

Некоторые особенности динамического исследования села.**Общий**

замысел динамического исследования возник еще при подготовке второго обследования (1972 г.), когда стала достаточно реальной научная и кадровая перспектива продолжения и развития вглубь и вширь “сельского проекта”. Предполагалось провести, по крайней мере, еще два обследования — в 1977 и 1982 гг.

Динамический анализ социально-экономических процессов был тогда довольно новой и сложной задачей. Его специфика состоит в более жестких, чем при описании состояния, требованиях к точности, полноте теоретического представления исследуемого объекта, явления, процесса, в специальных методах получения и анализа информации, особенно, когда информационной базой являются не только материалы выборочных социолого-статистических обследований, но и данные статистики. Системность, конкретность информации во многом зависит от программы, целей и задач исследования.

В динамическом исследовании расширяются и углубляются содержательные задачи. Так, изучение миграции сельского населения — основное направление обследования 1967 г. — переросло во второй половине 70-х годов в системное описание деревни с акцентом на прогнозирование ее развития, на изучение образа жизни, а в дальнейшем — уровня жизни населения. Вместе с тем возникла проблема учета прошлого инструментария, сопоставления и сравнительного анализа данных разных обследований. Основное условие решения этих задач — наличие необходимой вычислительной техники и соответствующего программного обеспечения.

Проведенные в данной серии обследования относятся по нашей классификации ко второму типу — условно динамических: во всех четырех или в двух-трех из них был значительный блок сквозных анкетных вопросов, в основном сохранялись организация обследований, метод заполнения анкет с помощью интервьюеров, состав собираемой информации о сельсоветах, поселениях, предприятиях и учреждениях, ядро выборочной совокупности поселений и самих исследователей. Анализ процессов в реальном времени совмещался с “квазидинамическим” подходом, рассмотрением особенностей социальной структуры, условий и образа жизни в поселениях с разным уровнем индустриализации производства и урбанизации образа жизни населения. Эти подходы дополняют друг друга, обеспечивая большую надежность выводов.

Типы сельских поселений были построены на информации социолого-статистических обследований населения и поселений 1967 и 1972 гг. и данных статистического учета с помощью алгоритма автоматической классификации по 22 основополагающим параметрам, объединившимся в три фактора: урбанизации, индустриализации и демографического развития [2]. Полученные на основе упомянутых факторов, а также некоторых других признаков (например, изменения

численности населения, степени развития культурного обслуживания и т.д.) типы поселений рассматривались как определенные качественные состояния сельской социальной среды. Соотношения доли численности поселений и населения, относившихся к каждому типу, давали основания для оценки общего уровня социального развития деревни. Изменения же этих соотношений можно было считать показателем развития сельской местности того или иного региона в целом.

Основная ценность социально-экономической типологии поселений состоит в содействии именно динамическому анализу деревни. С другой стороны, такой анализ позволяет сделать типологию более содержательной. Кстати, в дальнейшем на эмпирических данных проведенных обследований была построена типология динамики сельских поселений.

Мы практически первыми вплотную столкнулись с трудностями системного динамического анализа такого сложного общественного образования, как сельская местность страны или региона. Они носили как содержательный, так и методический, информационный, организационный характер. Оказалось, что очень важно определить оптимальную последовательность и взаимосвязь модельного (или хотя бы формализованного) представления деревни, методики ее системного описания и прогнозирования и системного анализа ее действительного развития.

Формирование выборочных совокупностей. Итак, информационной базой динамического анализа стали данные четырех обследований села, проведенных в 1967, 1972, 1977 и 1982 гг., т.е. с интервалами в пять лет. Первые три обследования репрезентативны по отношению к Новосибирской области, занимающей центральное положение в Западной Сибири и близкой по большинству показателей к средне-региональным характеристикам социально-экономического развития села СССР. Четвертое обследование охватывало села не только Новосибирской области, но и Алтайского края. Его данные репрезентативны по отношению к южной части Западной Сибири, дававшей более 90 % сельскохозяйственной продукции региона.

Все четыре обследования базировались на выборках, построенных на единых методологических принципах и методических приемах [3]. При их проектировании была использована четырехступенчатая схема отбора объектов: сельских районов, сельсоветов, поселений, семей. На трех первых ступенях строилась многомерная стратифицированная выборка объектов, на четвертой осуществлялся случайный отбор семей по хозяйственным книгам. В 1967 г. выборка включала 212 сельских поселений, расположенных в 34 сельсоветах 14 районов, 5027 семей, насчитывавших 10 537 взрослых членов. В 1972 г. выборка районов и сельсоветов не изменилась, причем в каждом сельсовете по-прежнему изучались все населенные пункты. Однако число изучавшихся поселений сократилось до 178 за счет естествен-

ной ликвидации мелких сел вследствие миграции их жителей, сселения жителей мелких поселений в более крупные и административных преобразований различного рода. Число же опрошенных семей было сокращено до 1670, причем для формирования выборочной совокупности использовалась переменная доля отбора в зависимости от плотности поселений.

Принципиальное отличие выборки 1977 г. заключалось в использовании репрезентативной подвыборки населенных пунктов, представлявших разные социально-экономические типы поселений. В результате использования такого приема число изучаемых поселений, сельсоветов и районов сократилось соответственно до 41; 23 и 8. Общее число опрошенных семей в 1977 г. составило 1163, а входящих в их состав работников — 1545. Наконец, в 1982 г. в основу выборки районов была положена типология, полученная на основе 28 параметров, характеризовавших мелкоселенность, удаленность от центров, густоту заселения, степень аграрности, эффективность сельскохозяйственного производства, обеспеченность социальной инфраструктурой. При отборе районов — типопредставителей Новосибирской области преимущество отдавалось тем, которые были включены в предыдущие обследования. При отборе поселений использовалась панельная выборка с частичным замещением, построенная по тем же принципам, что и в 1977 г. При этом во всех обследованиях в выборку включались все поселения, “принадлежавшие” одному предприятию; распределение колхозов и совхозов по уровню экономической эффективности служило дополнительным критерием репрезентативности. Обследованим 1982 г. в Новосибирской области и Алтайском крае было охвачено 17 районов, 48 сельских советов и 112 сельских поселений. Опрошено 1618 семей, включающих 2835 взрослых лиц.

Инструментарий. В последовательно проводимых обследованиях использовался частично обновляемый, но сохраняющий основное ядро вопросов инструментарий. Стремление к преемственности его содержания обуславливалось необходимостью фиксации происходящих в селе экономических, социальных и демографических сдвигов. Изменения инструментария вызывались тремя основными причинами: возникновением новых явлений в социальной жизни села, изменением научных интересов коллектива на разных этапах исследования, выявлении неудачных (неправильно понимаемых населением, остающихся без ответа, раздражающих и настораживающих респондентов) вопросов.

Сбор социологической информации с помощью формализованных интервью (по анкетам “Сельская семья” и “Сельский житель”) при проведении всех четырех обследований сочетался с получением статистической информации с помощью разрабатываемых для этого инструментов (“паспортов” или “справок” сельского административного района, сельсовета, населенного пункта, колхоза (совхоза), сельской школы, больницы (амбулатории) и др.). Сбор статистических

данных организовывался и контролировался ЦСУ РСФСР. Набор статистических документов от обследования к обследованию несколько менялся, но неизменно включал документы, характеризовавшие социально-экономическое состояние колхозов и совхозов, поселений, школ, больниц, предприятий торговли. Сочетание статистической и социологической информации обеспечило возможность сопоставления, во-первых, изменений объективных условий труда и быта с изменением субъективных оценок, мнений, мотивов и миграционных планов разных групп населения, во-вторых, статистических показателей социально-экономического развития отобранных поселений с аналогичными данными по региону, стране.

Серия сельских обследований проводилась в период эволюции экономики, условий жизни, социально-экономической политики. Их научная результативность состояла в постепенном формировании системного подхода и к разработке программ повторных обследований, и к анализу первичной информации, и к интерпретации и объяснению выявленных изменений, и, тем более, к разработке прогноза развития аграрного сектора. Наиболее крупными направлениями динамического исследования представляется анализ закономерностей, тенденций, факторов и перспектив перемещения населения между селом и городом; тенденций изменения различных сторон социально-экономической жизни деревни. На основе этих данных выявлялись важнейшие противоречия ее роста и предлагались пути их разрешения.

Исследования использования времени

Использование времени является одним из наиболее важных и объективных показателей изменения условий жизни, особенно при совместном проведении количественного и качественного анализа бюджетных и анкетных данных.

Два исследовательских цикла. Опыт разработки программ и проведения крупных полевых обследований сельского населения, методологическая и методическая проработка программы первого рубцовского обследования позволили подготовить программу и инструментарий, составившие методическую базу долговременного мониторинга использования времени.

Собственно мониторинговый аспект возник после повторного обследования в Рубцовске (1980 г.), показавшего работоспособность предложенного подхода к изучению условий и образа жизни, а также информативность и надежность используемых показателей времени и методов получения данных. Дополнительным импульсом было проведение уже трех сельских обследований в 1967, 1972, 1977 гг.

В дальнейшем (в начале 90-х годов) выяснилось, что состояние и тенденции изменения условий и образа жизни населения в 70—80-е годы имеют важное научное и прикладное значение как для изучения

новых социально-экономических процессов, так и для выработки стратегии и тактики реформирования общества. Справедливости ради надо сказать, что результаты такого рода исследований оказались практически не востребованными властвующими реформаторами.

На примере обследований условий, образа жизни и бюджетов времени городского (г. Рубцовск) и сельского населения (Новосибирская область) можно проследить как преемственность, так и изменение целей и задач исследования на разных его этапах (основные характеристики обследований представлены в табл. 31.1).

Таблица 31.1

Основные характеристики обследований бюджетов времени и условий жизни городского и сельского населения, проведенных ИЭиОПП СО РАН в 1972—1994 гг. (руководитель В.А. Артемов)

Характеристика	Г. Рубцовск			Села Новосибирской области					
	1972	1980	1990	1975	1976	1986	1987	1993	1994
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Число опрошенных (в скобках число работающих) ¹	2450 (2100)	2645 (2290)	1730 (1650)	730 (571)	1088 (885)	776 (597)	732 (604)	744 (620)	801 (594)
2. Время проведения	Ш	Ш	Ш	XI	VI	XI	VI	VI	XI
3. Общая характеристика ности	Работники всех отраслей хозяйства, учащиеся школ и специальных учебных заведений (кроме 1986, 1990, 1993гг.)								
	пенсионеры			пенсионеры, домохозяйки,			маятниковые мигранты		
4. Метод отбора объектов ²	экспертный			на ЭВМ по специальной программе					
5. Метод отбора лиц для опроса ³	Квотный (по 50—100 респондентов от отрасли, подсистемы), случайный								
	по списку, карте, базе работников			по похозяйственной книге					
6. Метод заполнения ⁴ а) анкеты б) бюджета времени	Самозаполнение			Интервьюером со слов респондента					
				Ретроспективный опрос интервьюером за вчерашний день					
7. Где проводился опрос	Место работы, учебы			Место работы, учебы, место жительства					
8. Характеристики затрат времени	Продолжительность и содержание первичного вида деятельности, вторичные виды деятельности, период суток, получаемый расчетно								
	контакт, место занятий			контакт, место занятий					

Окончание табл. 31.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
9. Период учета затрат времени ⁵	С у т к и (с 00 часов 00 минут до 24 часов 00 минут)								
10. Основная база для анализа использования времени ⁶	Семидневная неделя с числом рабочих дней,								
	рассчитываемым на основе продол- жительности смены				указанным в ответах на вопросы анкеты				
11. Количество признако- вопросов в анкете	190	193	191	151	151	148	107	131	128
12. Среднее число записей в бюджете времени ⁷	24,4	28,5	27,7	21,0	20,9	21,4	20,1	22,2	23,1

¹ Указано число респондентов, чьи анкетно-бюджеты включены в информационный массив для обработки; в 1987 г. выборка была увеличена по отношению к зиме 1986 г. за счет других взрослых членов семьи.

² Отбор сельских поселений, представляющих их социально-экономические типы, осуществлялся в 1975 г. на ЭВМ по специальной программе. В городе в 1972 г. отбор предприятий (и их подразделений), учреждений, организаций (около 50) проводился экспертами с учетом расположения, подотрасли, типа учреждения, размера и т.д. Выборка сохранилась с единичными изменениями в 1980 и 1990 гг.

³ В селе в некоторых случаях проводился сплошной опрос (например, работников культуры в обследуемых селах).

⁴ В селе некоторые специалисты сами заполняли анкеты и вели учет затрат времени. Интервьюер уточнял некоторые записи при получении бюджетов времени от респондента.

⁵ В 1986—1987 гг. небольшая часть респондентов (учителя и работники здравоохранения) вела учет времени в течение одного рабочего и одного выходного дня.

⁶ Результаты таких расчетов в первых обследованиях сверялись с данными статистики. Для села помимо недельных бюджетов за летний и зимний периоды, рассчитывались бюджет среднесезонной недели (как среднеарифметическая летнего и зимнего недельного бюджетов, правомерность чего обосновывается статистикой месячного рабочего времени), а также среднегодовой неделя, когда учитывались не только выходные дни, но и другие виды нерабочих дней: праздничные, отпускные и т.д.).

⁷ Среднее число записей можно рассматривать как показатель качества полученной информации: чем больше число записей, тем относительно выше качество.

Осуществлены два исследовательских цикла, для каждого из которых характерно стремление объяснить изменения в использовании времени, сформулировать и обосновать гипотезы дальнейших изменений, проверить и уточнить их.

1 цикл (1971 — 1988 гг.) включает несколько этапов;

1971 — 1974 гг. — первое обследование в Рубцовске; разработка исследовательского проекта “Время города”, методических положений применения показателей времени в социально-экономическом планировании города; разработка и апробация программы и инструмен-

тария комплексного исследования использования времени территориальной общности (на примере города); детальная проработка и проверка организационно-методических подходов, инструментария, методов и процедур получения, обработки и анализа информации, необходимой для изучения использования времени; информационное обеспечение “точки отсчета”;

1975—1977 гг. — первое сельское обследование в Новосибирской области; подготовка раздела исследовательского проекта системного изучения села; исследование времени как специфического вида ресурсов и связей в рамках системного изучения села; анализ влияния поселенческих условий жизни на использование времени; расчет и сравнительный анализ реальных балансов совокупного фонда времени разных типов поселений; сопоставление бюджетов времени городских и сельских работников; прогноз бюджета и баланса времени сельского населения;

1979—1981 гг. — второе обследование в Рубцовске; изучение динамики поселенческих, индивидуально-семейных условий жизни и социально-демографических характеристик городского населения, а также влияния этих изменений на использование рабочего и вне рабочего времени; оценка “разрешающей способности” бюджетов времени в динамическом анализе, определение наиболее динамичных видов деятельности (затрат времени); сравнительный анализ изменений условий жизни и использования времени социальных, демографических и отраслевых групп работников. Рубцовск довольно типичный сибирский город, темпы экономического и социального развития которого в 1970—1980 гг. были очень близки к средним темпам развития городов страны, хотя по уровню социально-бытовой инфраструктуры он отставал, особенно от областных центров. В главной тенденции использования времени по областям Сибири (данные обследования Госкомстата РСФСР 1977, 1980, 1985 и 1990 гг.) и по Рубцовску тоже совпали. Это дает основания рассматривать его как социально-экономический объект, позволяющий делать достаточно обобщающие выводы, тем более что изменение факторов местного характера фиксируется достаточно точно, как бы подчеркивая общий характер выявляемых тенденций;

1986—1988 гг. — второе сельское обследование в Новосибирской области; анализ изменений в использовании времени и образе жизни сельского населения под влиянием перемен в условиях жизни. Поскольку это был период, когда особенно остро встал вопрос о неэффективности общественного (в том числе сельскохозяйственного) производства, перед исследователями встала задача определить, как население в своей деятельности реагирует на эту ситуацию.

Цикл завершился теоретико-методологическим исследованием социального времени, выработкой совокупности понятий и терминов,

позволяющих соотносить результаты теоретических и эмпирических исследований, обоснованием положения о том, что социальная хронономия представляет собой специальную научную область.

II цикл (1989—1996 гг.) включает пока два этапа:

1989—1992 гг. — третье обследование в Рубцовске, призванное зафиксировать состояние и изменения в использовании времени и образе жизни населения в период, когда обострились кризисные явления, общество жило в ожидании глубоких перемен и общественное мнение было более или менее согласно с тем, что они необходимы;

1993—1996 гг. — третье сельское обследование в Новосибирской области, перед которым ставилась задача изучить изменения в использовании времени и структуре повседневной деятельности работающих мужчин и женщин, жителей разных типов сельских поселений, произошедшие на первом этапе экономических реформ.

Сельскую и городскую серии обследований бюджетов времени можно считать лонгитюдными обследованиями, этапами целостного фундаментального исследования, в рамках которого сохраняется главный содержательно-методический стержень, но дополняется и изменяется с учетом реальных проблем конкретная проблематика, идет наращивание аспектов, объектов анализа. Надо сказать, что это исследование — одно из немногих в стране, когда динамический анализ ведется на основе единой методики и сопоставимой выборочной совокупности, с использованием статистической информации и бюджетно-временного метода.

К сожалению, в ходе долговременного мониторинга была утеряна содержательная вписанность нашего исследования в крупный “сельский проект” (научные преимущества которой представляются очевидными), и оно стало почти полностью автономным. Если на первом этапе для формирования выборочной совокупности и расчетов балансов совокупного фонда времени населения разных типов поселений использовалась информация специализированных обследований сельских поселений, а также данные “основной” серии сельских обследований, то на втором этапе пришлось ограничиться крайне скудными данными о людности поселений и отрывочными сведениями других обследований.

Второй цикл хотелось бы завершить, проведением в 1999—2001 гг. четвертых “городского” и(или) “сельского” обследований, чтобы, используя информацию и других социологических опросов, описать и проанализировать уже относительно устоявшиеся изменения в повседневной деятельности, использовании времени населения, происшедшие в 90-е годы как следствие качественных перемен в российском обществе. В принципе, тенденции и прогноз использования времени могут быть получены и на данных последнего обследования с помощью моделирования (например, уравнений регрессии). Но такой подход применим только к периодам, характеризующимся определенной

стабильностью социально-экономических процессов. Поэтому продолжение лонгитюдной серии наших обследований, если будут найдены необходимые для этого средства, имеет важное значение.

Стабилизационные меры. Для минимизации влияния каких-либо организационно-методических причин на результаты учета затрат времени нами предпринимались “стабилизационные меры”. Покажем это на примере села.

Выборочная совокупность. К началу подготовки первого обследования бюджетов времени сельского населения уже была построена и содержательно описана трехфакторная социально-экономико-демографическая типология сельских поселений. В сочетании с собранной эмпирической информацией, данными статистики это была действительно фундаментальная (в прямом и переносном смысле слова) работа, ставшая базой нашей сельской серии.

По существу, это был первый опыт использования алгоритма автоматической классификации и типологии для формирования выборочной совокупности объектов эмпирического социологического исследования (в нашем случае — сел) [4]. Распределение 15 выбранных поселений по типам было близко к пропорциональному, как и распределение по типам поселений всего сельского населения. Выборочная совокупность респондентов первого в каждой паре бисезонных обследований по возможности сохранялась и для второго обследования.

В целом использованные процедуры позволили построить надежную выборку, содействовавшую решению поставленных задач при жестком ограничении на территориальную связанность с использованием строгих критериев оценки и тестирования, и в несколько раз сократить расходы на проведение полевых обследований. Выборочная совокупность сел сохранялась в течение всего мониторинга. Проведенный в 1995 г. анализ изменений ее структуры в сравнении со структурой генеральной совокупности поселений по нескольким доступным нам показателям (доля мелких и крупных поселений, доля увеличившихся, сокративших население и совсем покинутых жителями) показал значительное сходство или, по крайней мере, отсутствие резких различий.

Инструментарий и метод получения данных об использовании времени. Для анализа динамики, помимо бюджетов времени, использована информация нескольких видов: характеристики самого населения, индивидуально-семейных условий жизни, сведения о поведении, оценки, даваемые сельскими жителями тем или иным видам деятельности и, наконец, статистические данные о поселениях и некоторых характеристиках населения.

Использовался один и тот же метод получения данных об использовании времени — ретроспективный опрос о вчерашнем дне и заполнение анкеты интервьюером. Анкеты, формы для сбора сведений о поселениях, инструкции для интервьюеров, проверяющих, кодировщиков были стабильными, с минимальными изменениями.

Под давлением обстоятельств в последних сельских обследованиях мы были вынуждены сократить число характеристик затрат времени (“С кем?”, “Где?”), хотя и понимаем их значимость для социологического анализа.

В отличие от обследования 1975—1976 гг., анкеты, использованные в летнем и зимнем обследованиях 1986—1987 и 1993—1994 гг., заметно различались. При повторении основной части вопросов справочного характера, оценочная часть состояла как бы из двух блоков, содержащихся в летней и зимней анкетах. Отличие от анкеты 1975—1976 гг. состояло также во включении оценочных вопросов, касающихся условий жизни, мотивов и функций основных занятий, при сокращении ряда других вопросов. В целом доля повторяющихся в течение всего мониторинга вопросов составляла примерно 50—60 % от общего числа вопросов в “совокупной” анкете бисезонного обследования. Кроме того, например, в анкетах 1986—1987 гг. имелось 22 вопроса, включенных для стыковки данных бюджетного и основного обследования 1977 г.

Базовым периодом анализа использования времени служила календарная семидневная неделя. Поскольку учет времени респондентов велся в течение одного дня, единообразно рассчитывался недельный бюджет времени нескольких видов.

Организация обследований. Она была примерно одинаковой на всех этапах. Заметные отличия в организационном отношении имели лишь два последних обследования, так как сильно ухудшилось материально-финансовое обеспечение. Последнее обследование проводилось в особенно трудных условиях. Например, количество интервьюеров сократилось с 18 в 1975 г. до 11 в 1994 г., экспедиционных отрядов — с трех до двух, а машин — с трех до одной. При этом были опрошены соответственно 688 и 734 жителя села, не считая учащихся. Чтобы осуществить опрос, кроме бюджетных средств (снаряжение, зарплата членов отряда-сотрудников института), потребовалось использовать средства нескольких грантов. Требование сохранения организации, выборочной совокупности, качества информации в неизменном виде по сравнению с прошлыми обследованиями вошло в сильное противоречие с ограниченными средствами. В ходе подготовки и проведения обследования неоднократно возникала необходимость просчета разных вариантов и выбора оптимального организационного решения. Задача решалась одна: как получить информацию хорошего качества при минимальных затратах совокупных или отдельных наиболее дефицитных видов ресурсов и обеспечении безопасности участников экспедиции.

Состав исследовательской группы был более чем наполовину постоянен, что обеспечивало значительное сходство в работе интервьюеров и кодировщиков. Время проведения, обследования практически не отличалось, были выбраны стабильно летний (но не пиковый) и зимний месяцы.

Таким образом, наши обследования представляют собой очень стабильные в организационном, методическом и содержательно-аналитическом отношениях замеры реальной деятельности населения. Они позволяют делать обобщенные выводы об изменениях в деятельности, условиях и образе жизни, в потребностях людей, а также ставить более конкретные вопросы для оценки и объяснения выявленных тенденций.

“Динамические” массивы. При лонгитюдных обследованиях весьма полезной для количественного анализа оказывается совместная обработка данных, соответствующих различным временным точкам. Задача создания единого “динамического” массива возникла еще при подготовке к обработке данных второго рубцовского обследования (1980 г.), когда в макете перфокарты для ввода информации в ЭВМ имелись в анкете 1972 г. признаки сохраняли свои номера и унифицировались градации частотных признаков. Однако решение этой задачи постоянно отодвигалось из-за отсутствия ресурсов, смены вычислительной техники и программного обеспечения.

“Динамические” массивы позволяют широко использовать стандартные статистические пакеты программ для проведения сравнительных исследований, технически облегчить анализ социальных сдвигов. Объединение четырех массивов сельских обследований 1975—1976 и 1993—1994 гг. позволило провести более глубокий анализ изменений бюджетов времени населения, произошедших за данный период.

С помощью этих массивов можно, например, сравнить изменение межсезонных различий в разных группах населения, типах поселений, анализировать изменение различий между социальными группами, что представляет сейчас особый интерес, и т.д. Возникает также возможность анализа “динамики” типов использования времени, повседневной деятельности.

В дальнейшем мы хотели бы сделать единый “динамический” массив по всем трем бисезонным сельским, а также по рубцовским обследованиям, включившего наряду с затратами времени, другие анкетные данные.

По-прежнему остается актуальным утверждение, что “проблема анализа сдвигов... представляет собой крайне сложную методологическую задачу” [5]. В нашем исследовании использования времени практически реализован вариант, считавшийся “идеальным”, когда известен абсолютный сдвиг в средней величине затрат времени и мера ее устойчивости в двух-трех обследованиях.

При оценке сдвигов в использовании времени существенное значение имеют как абсолютные (в часах и минутах), так и относительные значения (в процентах) (см. табл. 26.3 в гл. 26). Первые показатели особенно важны для затрат времени на уровне разделов бюджета времени; они показывают основные направления перераспределения и величину перераспределяемого времени. Вторые необходимы для оценки темпов изменений отдельных видов деятельности.

Оценка сдвигов должна проводиться для разного уровня агрегирования затрат времени, используемых при решении задач разной степени общности. В главе 26 ставилась задача зафиксировать и объяснить макроизменения, происходящие на самом общем уровне структуры бюджета времени, прежде всего, структуры труда и особенно его распределения между оплачиваемой работой, домашним трудом и трудом в подсобном хозяйстве.

Первые оценки значимости различий сделаны на материалах обследований 1972 и 1980 гг. с помощью коэффициента Стьюдента [6]. На полученном нами “динамическом” массиве проведены расчеты непараметрических критериев значимости различий Манна — Уитни, Колмогорова — Смирнова, которые, на наш взгляд, в большей сте-

Таблица 31.2

Различие бюджетов времени среднесезонной рабочей недели сельских работников в 1975—1976 и 1993—1994 гг. и значимость различий по критериям Манна — Уитни (I) и Колмогорова-Смирнова (II)

Вид деятельности (затраты времени)	Мужчины				Женщинам			
	Разница в затра- тах вре- мени, ч	% к 1975- 1976 гг.	III		Разница в затра- тах вре- мени, ч	% к 1975- 1976 гг.	II	
Рабочее время	-4,8	91	0,0	0,0	-7,4	83	0,0	0,0
Время, связанное с работой	+0,7	117	23	5	+0,0	100	1	3
Домашний труд	+0,4	108		23	+2,4	110		0,0
В том числе:								
Работа по дому	+0,5	112		59	+3,4	116		0,0
Приготовление пищи	-0,2	78	100	100	+1,6	118	0,0	0,0
Уход за жильем	+0,4	157		391	-0,4	91	73	31
Уход за одеждой, обувью	-0,1	75		60	+0,7	121	2	24
Уход за детьми	-0,1			86	-0,1	96		10
Посещение учреждений обслуживания, покупки	-0,1	87	0,5	47	-1,0	47	0,0	0,6
Работа в ЛПХ	+7,7	182	0,0	0,0	+5,7	144	0,0	0,7
Работа на участке	+0,4	112	0,4	2,0	+ 1,4	130	0,4	10
Уход за скотом, птицей	+5,1	224	0,0	0,0	+3,6	156	0,0	0,0
Прочий труд в ЛПХ	+2,2	205		0,0	+0,7	139	0,0	3
Сон, еда, уход за собой	-3,5	95		28	-0,3	99	3	2
В том числе сон	-6,0	89		0,0	-2,4	95	21	7
Свободное время	-1,3	95		49	-1,2	94	7	13
В том числе:				28				
Занятия с детьми	+0,3	138		448	+0,1	108	0,3	7
Учеба, самообразование	-0,2	60		23	-0,5	17	51	100
Просмотр телепередач	+ 5,7	192		0,0	+2,7	157	0,0	0,0
Прим гостей и пребывание в гостях	-1,0	79		50	-0,7	84	4	24
Чтение	-1,0	70		429	+0,3	117	8	66
Зрелища	-1,1	8		0,0	-1,4	7	0,0	2
Пассивный отдых	-1,1	59		0,0	-1,0	44		0,1
Активный отдых и спорт	-1,0	62	5	84	-0,5	37	0,7	90
Прочие занятия	+0,9	200		0,1	+0,9	212	26	91
ОБЩАЯ ТРУДОВАЯ НАГРУЗКА	+ 3,9	105		56	+0,6	101	3	4

пени подходят к анализу изменений затрат времени, в большинстве не имеющих нормального распределения. В таблице 31.2 представлены некоторые результаты расчетов по затратам времени, включенным нами в анализ (см. табл. 26.3 в гл. 26). В соответствии с теорией проверки статистических гипотез мы считаем значимыми различия, если эти коэффициенты меньше 1 %.

В нашем случае значимыми оказались изменения почти всех составляющих общей трудовой нагрузки, но не ее самой (хотя здесь есть определенные различия между мужчинами и женщинами). Примерно то же можно сказать о времени удовлетворения физиологических потребностей. Для женщин значимыми оказались сдвиги в общей продолжительности домашнего труда и таких его составляющих, как работа по дому, в том числе приготовление пищи, посещение учреждений обслуживания, ремонтные работы; различия в затратах по уходу за одеждой, квартирой оказались незначимыми. Значимыми являются различия как в общей величине, так и в продолжительности составляющих труда в личном подсобном хозяйстве.

Различия значимостей по критериям Манна — Уитни и Колмогорова — Смирнова по ряду затрат времени требуют дополнительного исследования.

Таким образом, основные тенденции, выявленные нами в использовании времени сельским населением Сибири в 70—90-е годы и связанные с макроизменениями в экономике и политике, оказались и статистически значимыми, подтвердив нашу гипотезу.

Хранение информации: перманентная адаптация

Техническое оснащение ИЭиОПП, включая отдел социальных проблем, а также соответствующее программное обеспечение коренным образом менялись, что существенно влияло на формы кодирования, представления, хранения, ведения первичной информации, на ее доступность для пользователей, методы ее обработки и анализа. В связи с этим периодически проводилась адаптация ранее полученных массивов информации к новым условиям. В разовых обследованиях это не имело бы особого значения, но в продолжающихся исследованиях требует немалых сил, хотя перемены в этой области имеют преимущественно позитивные последствия.

Первичная информация хранилась вначале на четырех носителях: в анкетах, кодировочных бланках, перфокартах и на магнитной ленте. Затем стали ненужными бланки и перфокарты, а часть анкет (например, обследований бюджетов времени 1972, 1986—1987 гг.) была безвозвратно утрачена из-за непригодных условий хранения. Между тем эти анкеты содержали информацию, которая либо не попала на машинные носители, либо была представлена на них в слишком обобщенном виде. С течением времени условия хранения и ведения ин-

формации в одном отношении становились лучше (более удобная вычислительная техника, лучшее программное обеспечение), а в другом — сложнее, так как все увеличивающиеся информационные массивы требуют постоянного внимания и специального кадрового обеспечения, хранение информации, несмотря на ее общую значимость, стало, по существу, сугубо личным делом сотрудников. Между тем проведенные в 60—80-е годы исследования, отражавшие реальное состояние и тенденции развития советского общества, представляют огромную культурную, научную и практическую ценность. Многие аспекты и выводы этих исследований должны были бы учитываться при реформировании общества. Российскому обществу, в том числе и его властным структурам пора понять, что оно имеет свою историю и что без истории не может быть будущего.

Непосредственное использование накопленных нами за 30 лет данных в настоящее время невозможно. Однако применение современных средств преобразования и статистической обработки информации позволяет адаптировать и согласовать данные, чтобы получить ценный материал, по которому можно отследить траекторию развития общества за последнюю треть века.

В последнее время в отделе проведена работа, направленная на то, чтобы обеспечить сохранность и адаптировать до рабочего состояния на ПК информацию, полученную в прошлых обследованиях, особенно ту, которая служит основой динамического анализа. Группой программного обеспечения (руководитель П.С. Ростовцев) были подготовлены необходимые для этого программы. Работа с каждым массивом состояла из трех этапов: 1) перевод массива сырых данных в исходный файл для работы в SPSS (массивы разных типов переводились разными программами; авторы П.С. Ростовцев и В.С. Костин); 2) редактирование текста меток и присоединение его к массиву; 3) создание новых признаков на основе исходных и добавление их к массиву, а также, если это требовалось, создание подмассивов на основе подвыборок (например, выделение только работающего населения). Такая работа в основном была проведена для сельских бюджетных обследований. В ее процессе проверялось и по мере необходимости корректировалось нужное программное обеспечение. Был подготовлен специальный отчет для широкого пользования, где подробно описаны информационные файлы сельских “бюджетных” обследований и процедуры по их адаптации на ПК, зафиксированы основные особенности инструментария и информации разных обследований и приведены к возможно более сопоставимому виду рабочие файлы разных обследований, включая необходимые преобразования признаков и обеспечение идентичности названий повторяющихся признаков и их значений. Тем самым созданы реальные предпосылки для формирования нескольких объединенных “динамических” массивов.

Нет сомнения в необходимости осуществления аналогичной работы с массивами информации четырех комплексных сельских (1967, 1972, 1977, 1982 гг.), рубцовских, а также ряда разовых обследований, часть данных которых может использоваться для анализа динамики. Иначе эта уникальная информация может быть безвозвратно утеряна. Однако эта работа весьма трудоемка и требует средств, которых в настоящее время катастрофически не хватает.

Пока сформирован файл с информацией о 127 переведенных массивах, относящихся к 40 опросам в городе и селе. Он включает сведения о каждом массиве, его код, название обследования, год его проведения, фамилию руководителя, единицу наблюдения и число таких единиц (число анкет), число признаков в исходном массиве (в том числе неальтернативных) и общий объем информации в байтах.

Обследования 90-х годов

В 90-е годы сложилась в известной мере парадоксальная ситуация. С одной стороны, эволюция общества сменилась периодом резких изменений во всех его сферах, изучение которых представляет особый профессиональный интерес для социологов. Думается, что в научном знании о происходящем должны крайне нуждаться и политики и власть. Но, с другой стороны, условия научных исследований совсем не способствовали удовлетворению этого интереса, а стремление общества к самопознанию (можно даже, выражаясь словами П.А. Сорокина, сказать “инстинкт самопознания”) было подавлено. В этих условиях трудно было рассчитывать на тот уровень фундаментальности, системности динамического анализа, который был достигнут в конце 80-х годов.

В 90-е годы в силу больших финансовых трудностей, а также ослабления взаимодействия отдельных исследователей проводились преимущественно условно динамические обследования городского и сельского населения. В них при сопоставимости ряда важных характеристик выборочных совокупностей, методов и организации опросов изучались изменения отдельных сторон уровня, условий и образа жизни, социальной структуры, ценностных ориентаций, предпочтений, отношения к тем или иным сторонам жизни.

Проведено несколько опросов жителей и работников Новосибирска по тематике, так или иначе связанной с происходящими в стране изменениями (руководители Ф.М. Бородкин, В.А. Артемов). В их инструментарий включались вопросы, использованные в одном-двух ранее проведенных. Эти вопросы касались значимости семьи, оценки материального положения и его изменения, способов достижения благополучия и качеств, необходимых для успеха, источников средств существования и других сторон жизни. В двух обследованиях

использовалась серия психологических тестов. Выборочная совокупность формировалась также с помощью весьма сходных процедур.

Активно велись опросы (в том числе почтовые) разных групп населения, работников, экспертов в аграрном секторе для изучения проблем, связанных с преобразованиями колхозов и совхозов, земельной реформой, развитием фермерских хозяйства (руководитель З.И. Калугина). Проведены крупные обследования стратификации населения по материальному положению, опросы в ходе эксперимента по реформированию обслуживания жилья. В 1996г. проведен повторный (после 1990—1991 гг.) опрос выпускников средних и неполных средних школ Новосибирска и области на сокращенной выборочной совокупности с включением значительного числа вопросов из анкеты первого опроса.

Почти ежегодно силами сотрудников ИЭиОПП СО РАН, других организаций и студентов социологического отделения экономического факультета Новосибирского госуниверситета проводились социологические экспедиции по широкому кругу вопросов жизни села (руководитель Е.Е. Горяченко). Опрашивалось сельское население одного или нескольких районов Алтайского края или Новосибирской области. При этом в анкеты включались вопросы, направленные на изучение изменений в условиях и образе жизни, поведении и сознании сельских жителей.

Сохранить и развивать базу эмпирических данных социальной динамики

Таким образом, за 30 лет работы отделом накоплена уникальная информация репрезентативных повторных социолого-статистических обследований, ценность которой со временем повышается. Эта информация важна для изучения социальных процессов, происходивших в течение трех последних десятилетий в регионе и стране, и их воздействия на современную трансформацию общества.

В ходе работы сформировалась задача исследования долгосрочной динамики социального развития на основе лонгитюдных и условно динамических социологических обследований. В числе подзадач, которые необходимо решить для реализации сравнительного исследования во времени и пространстве, следует назвать разработку методических подходов к измерению динамики различных социальных субъектов (индивидов, социальных, демографических, региональных групп населения, территориальных общностей, организаций и т.п.), построение системы индикаторов социальной динамики, изменения социальной структуры, условий жизнедеятельности и социально-экономического положения, интересов и поведения отдельных групп, их адаптации к меняющимся условиям, образа жизни как одной из интегральных характеристик социальной динамики,

отработку принципов соотнесения использованных выборок, разработку методики согласования, увязки и сравнительного анализа накопленных данных на частично сопоставимых массивах, методики согласования шкал.

Предполагается подготовить базу данных для сравнительных исследований на основе нескольких десятков социологических и социолого-статистических обследований, проведенных отделом социальных проблем ИЭиОПП СО РАН за время его работы. Базу, приведенную к виду, пригодному для оперативного использования на современных компьютерах, включающую объединенные массивы и обеспечивающую возможность ее пополнения за счет последующих обследований. Данные должны быть доступны для пользователей без посредника — программиста и обеспечивать совместный анализ со статистическими данными по региону или стране. Это позволит существенно расширить и углубить понимание предреформенных тенденций, продолжить изучение современных и прогнозирование будущих изменений в российском обществе, что может способствовать формированию более адекватной социальной политики и стратегии реформирования. База данных может быть использована другими социологами, в учебном процессе на социологических отделениях и факультетах вузов, а также разработчиками других информационных систем и баз данных.

Методологические аспекты такой работы обеспечиваются опытом фундаментальных исследований динамики социального развития города и села, миграционной подвижности населения, социальной и производственной сфер села, общественного обслуживания, благосостояния и доходов, бюджетов времени, а также компьютерного программирования.

Заключение

Резкое сокращение бюджетного финансирования исследований и реальной заработной платы научных сотрудников, изменение форм и источников финансирования сделали крайне трудным, если вообще возможным, сбор эмпирической информации для полноценного системного динамического анализа. Приходится ограничиваться решением весьма локальных и относительно частных задач, а также проведением так называемых заказных опросов, в которых только при очень большом желании и немалых усилиях исследователя (и при наличии соответствующего задела) можно затронуть проблему социальной динамики или сдвигов в какой-то социальной области. Система мелких грантов и возникшая на этой основе конкуренция отдельных ученых, а не научных коллективов и направлений, способствовала разрушению сложившейся системы научных исследований, наиболее сильно ударив по их фундаментальности, системности, нацеленности на изучение и объяснение социальных изменений, реальных со-

циальных результатов тех или иных мер, решений, преобразований и на прогнозирование их последствий. Хотя есть и позитивные следствия таких изменений.

Очень важным фактором возникновения такой тенденции была стихийность, импульсивность, навязанность извне, чрезмерная политизированность и даже необдуманность многих шагов власти. И как описанные выше серии сельских и городских обследований свидетельствовали о стабильном состоянии коллектива и фундаментальности научного поиска, так и отсутствие ярко выраженных комплексных динамических исследований в 90-е годы говорит о кризисе науки, ее борьбе за выживание, что, разумеется, не исключает проведение отдельных интересных, оригинальных и нужных исследований, часть из которых нашла отражение во второй части этой книги.

Сказанное следует понимать не как полное отрицание важности частных, локальных, разовых обследований, но как признание значительно большей важности и необходимости исследований того типа, которые проводились раньше. Ведь наше общество не перестало быть изменяющейся системой и понять отдельные элементы его структуры, механизм его функционирования по-прежнему можно лишь адекватными научными средствами. Именно к такому состоянию подошли наши исследования во второй половине 80-х годов, именно в возникновении этого состояния хотелось бы видеть одну из целей нашей теперешней научной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

Глава 29

[1] Первые публикации по использованию количественных методов в социологических исследованиях в Академгородке появились уже в первые годы Сибирского отделения Академии наук (см. напр.: *Бородин Ф.М.* Статистическая оценка связей экономических показателей. М.: Статистика, 1968; *Заславская Т.И., Виноградова Е.В.* Факторный анализ причин миграции сельского населения // Социология и математика / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1970; *Измерение* и моделирование в социологии: Вопросы методики, организации и техники социологических исследований / Под ред. Ю.П. Воронова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969; *Калистратова С.Н., Мучник И.Б., Ямольский В.Т.* Система иерархического анализа данных // Опыт использования ЭВМ в исследованиях культуры. М., 1976. Труды НИИ культуры. Т. 32. Социология культуры. Вып. 3; *Количественные* методы в социологии: Научные труды Новосибирского государственного университета. Вып. 4. Новосибирск, 1964; *Распознавание* образов в социальных исследованиях / Под ред. Н.Г. Загоруйко, Т.И. Заславской; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1968.

[2] *Маслова Л.И., Суховский М.Л.* Вопросы обработки бюджетов времени на счетно-перфорационных машинах // Методика и техника изучения бюджетов времени / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1969. Вып. 4; *Масло-*

ва Л.Н., Суховский М.Л. Совершенствование методики обработки анкетных данных на счетно-перфорационных машинах // Измерение и моделирование в социологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969.

[3] Суховский М.Л. Описание системы ПИАФ (автоматизация программирования анкетной формы для хранения и анализа экономической и социологической информации) // Проблемы анализа дискретной информации / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.

[4] Суховский М.Л. О системе преобразования и анализа данных (ПАД) // Моделирование в экономических исследованиях. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987.

[5] *SPSS*. Users guide. Chicago, 1993.

[6] Ростовцев П.С. Некоторые инструменты анализа социально-экономической информации // Методы анализа многомерной экономической информации. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.

[7] Выханду Л.К. Об интегрированных системах обработки дискретной информации // Труды Таллинского политехнического института. Сер. А, №313. Очерки по обработке информации и функциональному анализу. Таллин, 1971; Деза В.Н. Система статистической обработки документов анкетного типа // Программирование. 1975. № 6; Дьяконова О.Н., Заболотный А.М., Каныгин Г.В. и др. Система анализа социально-экономических данных: Пакет программ статистического анализа / ИСЭП АН СССР. Л., 1986; Калистратова С.Н., Мучник И.Б., Ямпольский В.Т. Система иерархического анализа данных; Система анализа социально-экономических данных: Пакет статистического анализа данных / ИСЭП АН СССР. Л., 1986.

[8] Калистратова С.Н., Мучник И.Б., Ямпольский В.Т. Система иерархического анализа данных.

[9] Выханду Л.К. Об интегрированных системах обработки дискретной информации.

[10] Загоруйко Н.Г., Ёлкина В.Н., Лбов Г.С. Алгоритмы обнаружения эмпирических закономерностей. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985.

[11] АфифиЭ., Эйзен С. Статистический анализ: Подход с использованием ЭВМ. М.: Мир, 1982.

[12] Молчанов В.И., Волков Д.К., Афанасьев В.А., Расторгаема Н.И. Программа расчета n-мерных связей качественных признаков // Анализ социологической информации с применением ЭВМ. Ч. 1 / ИСИ АН СССР. М., 1973.

[13] Бюджет времени: Вопросы изучения и использования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977; Маслова Л.Н., Суховский М.Л. Вопросы обработки бюджетов времени на счетно-перфорационных машинах.

[14] Миркин Б.Г. Анализ качественных признаков и структур. М.: Статистика, 1980.

[15] Миркин Б.Г., Черный Л.Б. Аксиоматический подход к измерению близости между классификациями объектов // Автоматика и телемеханика. 1970. № 5; Черный Л.Б. Порождение мер сходства между объектами с помощью мер связи между признаками // Проблемы анализа дискретной информации. Ч. 1 / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.

[16] Черный Л.Б., Петренко Б. С. Об использовании метрики пространства разбиений в анализе психологических характеристик // Модели анализа данных и принятия решений / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.

[17] Миркин Б.Г. Анализ качественных признаков и структур.

[18] Ростовцев П.С. Некоторые инструменты анализа социально-экономической информации.

- [19] *Ростовцев П.С.* К анализу сходства мер связи между качественными признаками // Проблемы анализа дискретной информации. 4.2 / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.
- [20] *Миркин Б.Г.* Проблема группового выбора. М.: Наука, 1974.
- [21] *Мелибаев Б., Миркин Б.Г.* О каноническом анализе совокупностей качественных признаков // Модели анализа данных и принятия решений / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.
- [22] *Кранчан С.Г.* Село Российской Федерации: Социально-региональная структура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980.
- [23] *Трофимов В.А., Хахулина Л.А.* Уровень жизни населения Сибири в сравнении с другими регионами РСФСР // Изв. СО АН СССР. Сер. Экон. и прикл. социология. 1985. №7, вып. 2.
- [24] *Куперитох В.Л., Трофимов В.А., Ушаков А.К.* Метод классификации при исследовании миграции // Социально-экономические проблемы труда и уровня жизни. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976.
- [25] *Мушин В.Б., Ростовцев П.С., Трофимов В.А.* Типологический анализ социально-производственной активности // Модели анализа данных и принятия решений / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.
- [26] *Куперитох В.Л., Равкин Ю.С., Трофимов В.А.* К проблеме выявления пространственно-типологической структуры сообществ // Проблемы зоогеографии и истории фауны. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.
- [27] *Гренбэк Г.В., Куперитох В.М., Марков В.Ю.* Анализ и прогноз изменений структуры управления промышленного предприятия // Моделирование процессов управления промышленным производством. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981; *Гренбэк Г.В., Куперитох В.Л., Трофимов В.А.* Применение алгоритма классификации взаимодействующих объектов к анализу структуры управления промышленным предприятием // Методы моделирования и обработки информации. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976.
- [28] *Корель Л.В., Таплина В.С., Трофимов В.А.* Миграция и жилище. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988.
- [29] *Полищук Л.П.* Последовательный алгоритм структурной классификации // Моделирование в экономических исследованиях. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978.
- [30] *Высоцкая Н.В.* Метод порядковой классификации в анализе образа жизни сельского населения // Модели анализа данных и принятия решений / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1980.
- [31] *Ростовцев П.С.* Определение сложности структуры агрегирования данных на основе статистических критериев // Алгоритмы анализа данных социально-экономических исследований / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1982.
- [32] *Математические* методы анализа и интерпретация социологических данных. М.: Наука, 1989; *Распознавание образов* в социальных исследованиях / Под ред. Н.Г. Загоруйко, Т.И. Заславской; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1968.
- [33] *Заславская Т.И., Мучник И.Б.* Лингвистический метод классификации многомерных социальных объектов // Методологические вопросы изучения социальных процессов / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1974.
- [34] *Развитие* сельских поселений. М.: Статистика, 1977.
- [35] *Ростовцев П.С., Суховский М.Л.* Реализация метода последовательных разбиений // Проблемы анализа дискретной информации. Ч. 1 / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1975.

- [25] *Ростовцев П.С.* Определение сложности структуры агрегирования данных...
- [26] *Внутризаводское* движение и текучесть кадров / Под ред. Е.Г. Антосенкова и З.В. Куприяновой. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.
- [27] *Рывкина Р.В., Тясто М.В.* Ценностные ориентации перспективных работников района // Перспективные работники района: Условия и образ жизни / ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1985.
- [28] *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979.
- [29] *Афифи Э., Эйзен С.* Статистический анализ...
- [30] *Загоруйко Н.Г., Ёлкина В.Н., Лбов Г.С.* Алгоритмы обнаружения эмпирических закономерностей.
- [31] *SPSS. Chaid.* Chicago, 1993.
- [32] *Ростовцев П.С.* Статистические характеристики детерминации // Статистическое моделирование экономических процессов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
- [33] *Ростовцев П.С., Костин В.С.* Доверительный шнур и структура распределения // Тезисы VI научной конференции стран СНГ “Применение многомерного статистического анализа в экономике и оценка качества продукции” / ЦЭМИ РАН. М., 1996.

Глава 30

- [1] *Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д.* Основы моделирования и первичная обработка данных. М.: Финансы и статистика, 1983; *Петрович М.П., Давидович М.И.* Статистическое оценивание и проверка гипотез на ЭВМ. М.: Финансы и статистика, 1989; *Иберла К.* Факторный анализ. М.: Статистика, 1980; *Шеффе Г.* Дисперсионный анализ. М.: Физматгиз, 1963.
- [2] *Айвазян С.А., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д.* Основы моделирования и первичная обработка данных; *Петрович М.П., Давидович М.И.* Статистическое оценивание и проверка гипотез на ЭВМ.
- [3] *SPSS: Exact Tests 6.1 for Windows.* Chicago, 1995 (Документация к статистическому пакету); *Ермаков С.М., Михайлов Г.А.* Статистическое моделирование. М.: Наука, 1982.
- [4] *Efron B.* Better Bootstrap confidence intervals / Dept. Statist. Stanford Univ. Techn. Rep., 1984. P. 226; *Эфрон Б.* Нетрадиционные методы многомерного статистического анализа. М.: Финансы и статистика, 1988; *Gray H.L., Schukani W.R.* The generalized jackknife statistics. N.Y.: Marcel Decker, 1972.
- [5] Основой для подготовки текста послужили работы: *Ростовцев П.С., Костин В.С.* Автоматизация типологического группирования. Новосибирск, 1995 (Препр. 137 / ИЭиОПП СО РАН); *Ростовцев П.С.* Черно-белый анализ связи переменных // Анализ и моделирование экономических процессов переходного периода в России. Новосибирск: ЭКОР, 1996. С. 264—284; *Ростовцев П.С.* Значимость и устойчивость автоматической классификации — возможности исследования при анализе археологических данных // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 59—68; *Ростовцев П.С., Смирнова Н.Ю., Корнюхин Ю.Г., Костин В.С.* Анализ таблиц сопряженности неальтернативных признаков. Новосибирск, 1995 (Препр. 138 / ИЭиОПП СО РАН).

- [6] Антон Г. Анализ таблиц сопряженности. М.: Финансы и статистика, 1982.
- [7] Hartigan J.A. Clustering algorithms. N.Y.: Wiley, 1975; Браверман Э.М., Мучник И.Б. Структурные методы обработки эмпирических данных. М.: Наука, 1983.
- [8] Дюран Б., Оддел П. Кластерный анализ. М.: ИЛ, 1977.
- [9] Hartigan J.A. Clustering algorithms; Браверман Э.М., Мучник И.Б. Структурные методы обработки эмпирических данных.
- [10] Майника Э. Алгоритмы оптимизации на сетях и графах. М.: Мир, 1983.
- [11] Антон Г. Анализ таблиц сопряженности; Жамбю М. Иерархический кластерный анализ и соответствия. М.: Финансы и статистика, 1988; Енюков И.С. Методы, алгоритмы, программы многомерного статистического анализа. М.: Финансы и статистика, 1986.
- [12] Лбов Г.С. Методы обработки разнотипных экспериментальных данных. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981.
- [13] Флейс Дж. Статистические методы для изучения таблиц долей и пропорций. М.: Финансы и статистика, 1989.
- [14] Плошко Б.Г. Группировка и системы статистических показателей. М.: Статистика, 1971.
- [15] Дюран Б., Оддел П. Кластерный анализ.
- [16] Миркин Б.Г. Анализ качественных данных и структур. М.: Статистика, 1980.
- [17] Ростовец П.С. Статистические характеристики детерминации // Статистическое моделирование экономических процессов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

Глава 31

- [1] Антосенков Е.Г., Курьянова З.В. Тенденции текучести рабочих кадров: Динамический аспект анализа. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977.
- [2] Развитие сельских поселений: Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов / Под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1977.
- [3] Принципы построения выборки для обследований 1967, 1972 и 1977 гг. подробно описаны в кн.: *Методика* выборочного обследования миграции населения. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969. С. 57—78. См. также: Горяченко Е.Е. Планирование выборки для комплексного социально-экономического обследования // Социс. 1975. №3. С. 46—51; *Методология* и методика системного изучения советской деревни. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 32-41.
- [4] Подробнее о процедуре отбора поселений для обследования бюджетов времени см.: Гвоздева Г.П., Горяченко Е.Е. Формирование и характеристика выборочной совокупности для обследования бюджетов времени // Рабочее и вне рабочее время сельского населения / Под ред. В.А. Артемова; ИЭиОПП СО АН СССР. Новосибирск, 1979. С. 37-50.
- [5] Ядов В.А., Саганенко Г.И. Методологические проблемы оценки надежности сдвигов при повторных исследованиях // Советская социология. М.: Наука, 1982. Т. 2. С. 230-244.
- [6] Артемов В.А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 104—108.

Библиография

(основные издания

Новосибирской социологической школы)

РЕЗЕРВЫ роста производительности труда и использования трудовых ресурсов в промышленности Сибири и Дальнего Востока. Вып. 5. Вопросы изучения бюджетов времени трудящихся. — Новосибирск, 1960. — 72 с.

ВНЕРАБОЧЕЕ время трудящихся / Под ред. Г.А. Пруденского. — Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. — 256 с.

СВОБОДНОЕ время трудящихся / Ред. В.Д. Патрушев. — Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1961. — 43 с.

ПАТРУШЕВ В.Д. Интенсивность труда при социализме. — М.: Экономиздат, 1963. — 239 с.

БОЛГОВ В.И. Внеабочье время и уровень жизни трудящихся / ИЭиОПП СО АН СССР. - Новосибирск, 1964. - 136 с.

КОЛОБОВ Л.С. Режимы пятидневной рабочей недели, сокращающие ночные смены. — М.: Легкая индустрия, 1964. — 84 с.

ПРУДЕНСКИЙ Г.А. Время и труд. - М.: Мысль, 1964. - 351 с.

ЗАСЛАВСКАЯ Т.И. Распределение по труду в колхозах. — М.: Экономика, 1966. - 312 с.

МЕТОДИКА изучения бюджетов времени трудящихся / Отв. ред. В.Д. Патрушев; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1966. — 299 с.

ОПЫТ экономико-социологических исследований в Сибири / Отв. ред. В.Д. Патрушев. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1966. — 152 с.

ПАТРУШЕВ В.Д. Время как экономическая категория. — М.: Мысль, 1966. — 237 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ исследования: Вопросы методологии и методики / Под ред. Р.В. Рывкиной; НГУ. — Новосибирск, 1966. — 471 с.

СТАТИСТИКА бюджетов времени трудящихся / В.А. Артемов, В.И. Болгов, О.В. Вольская и др. — М.: Статистика, 1967. — 220 с.

ОБ ОСНОВНЫХ итогах изучения бюджета времени жителей города Пскова / Ред. В.Д. Патрушев; ИЭиОПП СО АН СССР, ЦСУ РСФСР. - Новосибирск, 1968. — 86 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ проблемы трудовых ресурсов села / Отв. ред. Т.И. Заславская. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-нис, 1968. — 348 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ сравнительное исследование бюджета времени / Отв. ред. В.Д. Патрушев; Пер. с франц. Б.П. Кутырева. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969. — 146 с.

МЕТОДИКА выборочного обследования миграции сельского населения / Отв. ред. Т.И. Заславская, В.Д. Миркин, К.Ф. Ершова. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969. — 167 с.

МИГРАЦИЯ сельского населения: Цели, задачи и методы регулирования / Под ред. Т.И. Заславской; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1969. — 127 с.

ПРОБЛЕМЫ совокупного баланса времени и итоги исследований / Отв. ред. В.Д. Патрушев. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1969. — 142 с.

АНТОСЕНКОВ Е.Г., КУПРИЯНОВА З.В. Текучесть рабочих кадров в строительстве. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1970. — 305 с.

ОТНОШЕНИЕ к труду и текучесть кадров / Под ред. Е.Г. Антосенкова, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1970. — 245 с.

МИГРАЦИЯ сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской. — М.: Мысль, 1970. - 348с.

АНТОСЕНКОВ Е.Г., МИЩЕНКО В.Т. Текучесть кадров в промышленности и пути ее сокращения. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1971. — 204 с.

БЮДЖЕТ времени городского населения / Под ред. Б.Т. Колпакова, В.Д. Патрушева. — М.: Статистика, 1971. — 247 с.

ОСНОВНЫЕ положения методики построения и расчета совокупного баланса времени населения экономического района (общества) / Науч. ред. В.Д. Патрушев; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1971. — 187 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ вопросы изучения бюджетов времени / Науч. ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1972. — 182 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ развитие села и миграция населения / Под ред. Т.И. Заславской, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1972. — 317 с.

ВОПРОСЫ использования и прогнозирования бюджетов времени / Науч. ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1973. — 134 с.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. — 317 с.

ПРОБЛЕМЫ системного изучения деревни / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1975. — 288 с.

СОВРЕМЕННАЯ сибирская деревня: Некоторые проблемы социального развития. Ч. 1. Проблемы демографического и социально-экономического развития деревни / Под ред. Т.И. Заславской, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1975. — 186 с.

СОВРЕМЕННАЯ сибирская деревня: Некоторые проблемы социального развития. Ч. 2. Проблемы урбанизации образа жизни сельского населения / Под ред. Т.И. Заславской, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1975. — 110 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ проблемы создания постоянных кадров на заводе “Сибсельмаш” / Под ред. Е.Г. Антосенкова, Л.А. Шишкиной; ИЭиОПП СО АН СССР. - Новосибирск, 1975. - 325с.

ПОДГОТОВКА и организация работ по созданию подсистемы АСУП “Кадры” / Под ред. Е.Г. Антосенкова; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1976. - 133 с.

ПРИМЕНЕНИЕ факторного классификационного анализа для типологизации социальных явлений / Под ред. Т.И. Заславской, Б.Г. Миркина; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1976. — 152 с.

СИБИРСКАЯ деревня в условиях урбанизации / Под ред. Т.И. Заславской, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1976. — 136 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ исследования сибирской деревни / Под ред. Т.И. Заславской, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1976. — 129 с.

АНТОСЕНКОВ Е.Г., КУПРИЯНОВА З.В. Тенденции в текучести рабочих кадров: Динамический аспект анализа. — Новосибирск; Наука. Сиб. отд-ние. 1977. — 252 с.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ моделирование в социологии: Методы и задачи / Отв. ред. Ф.М. Бородкин, Б.Г. Миркин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. — 240 с.

БЮДЖЕТ времени: Вопросы изучения и использования / В.А. Артемов, Г.П. Гвоздева, Л.Н. Маслова и др.; Отв. ред. Б.П. Кутырев. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. — 287 с.

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ моделирование в социологии / Под ред. Ф.М. Бородкина; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1977.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы системного изучения деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. — 271 с.

РАЗВИТИЕ сельских поселений / Е.Е. Горяченко, Т.И. Заславская, Л.П. Ляшенко, И.Б. Мучник, В.Т. Ямпольский. — М.: Статистика, 1977. — 296 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ проблемы распределения трудовых ресурсов Сибири / Под ред. Е.Г. Антосенкова, В.А. Калмык; ИЭиОПП СО АН СССР. - Новосибирск, 1977. - 149 с.

ПУТИ социального развития деревни / Под ред. Т.И. Заславской, Л.А. Хахулиной; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1978. — 116 с.

РАБОЧЕЕ и вне рабочее время сельского населения / Под ред. В.А. Артемова; ИЭиОПП СО АН СССР. - Новосибирск, 1979. - 164 с.

РЫВКИНА Р.В. Образ жизни сельского населения: Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. — 352 с.

МЕТОДОЛОГИЯ и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. — 344 с.

СОЦИАЛЬНОЕ развитие села: Анализ и моделирование / Под ред. Т.И. Заславской, Л.А. Хахулиной; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1980. — 173 с.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ развитие села: Региональный анализ / Т.И. Заславская, И.И. Беленькая, И.Б. Мучник и др.; Под ред. Т.И. Заславской, И.Б. Мучника. — М.: Статистика, 1980. — 343 с.

SOBOLEVA S. Migration and Settlement: 8. Soviet Union / ИАААА. — Laxenburg, 1980.

ОБСЛЕДОВАНИЕ бюджетов времени жителей города и села / Под ред. В.А. Артемова; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1981. — 158 с.

ПРИМЕНЕНИЕ показателей времени в социально-экономическом планировании города и села: Материалы V научной конференции. Новосибирск, 2—4 сентября 1981 г. / Отв. ред. В.А. Артемов; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1981. — 256 с.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ экономического и социального развития аграрного сектора и АПН / Под ред. Ф.М. Бородкина; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1981. — 160 с.

АРТЕМОВ В.А., БАЛЫКОВА Н.А., КАЛУГИНА З.И. Время населения города: Планирование и использование. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. — 200 с.

КОРЕЛЬ Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. — 192 с.

СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ структура города и села: Опыт типологического анализа / Под ред. Т.И. Заславской, Е.Е. Горяченко; ИЭиОПП СО АН СССР. - Новосибирск, 1982. - 154 с.

ШАПОШНИКОВ А.Н. Социально-экономический анализ формирования доходов сельского населения: (На примере Новосибирской области). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — 129 с.

ГЕРЧИКОВ В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: Методология с позиций практики. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 256 с.

КАЛУГИНА З.И., АНТОНОВА Т.П. Личное подсобное хозяйство сельского населения: Проблемы и перспективы. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 190 с.

МИХАЙЛОВСКАЯ В.П. Внутривзаводская текучесть рабочих кадров. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. — 193 с.

ПРОБЛЕМЫ функционирования заводских служб адаптации и стабилизации кадров / Под ред. Т.Н. Вершининой, Н.В. Черниной; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1984. — 132 с.

ДВИЖЕНИЕ кадров в сибирском городе: (По материалам исследования текучести в промышленности Новосибирска) / Отв. ред. Е.Г. Антосенков, З.В. Куприянова. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — 271 с.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ работники сельского района: Условия и образ жизни / Под ред. Р.В. Рывкиной, Л.А. Хахулиной; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1985. — 164 с.

ПУТИ совершенствования социального механизма развития советской экономики / Под ред. Р.В. Рывкиной; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1985. - 172 с.

ТРОЦКОВСКИЙ А.Я. Развитие села в условиях урбанизации: (На примере Западной Сибири). — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — 167 с.

ВЕРШИННИНА Т.Н. Взаимосвязь текучести и производственной адаптации рабочих. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. — 165 с.

МОЗЫРЕВА Т.А. Текучесть и стабилизация инженерно-технических работников на предприятиях Сибири / Отв. ред. Е.Г. Антосенков. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. — 157 с.

СМИРНОВ В.Д. Социально-экономический эксперимент в колхозе. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. — 112 с.

ФЕДОСЕЕВ В.И. Сельское население региона. — М.: Мысль, 1986. — 144 с.

АРТЕМОВ В.А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. — 238 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ развитие Сибири: (Прикладной и теоретический аспекты исследования) / Под ред. С.В. Соболевой; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1987. — 190 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ развитие сибирского села / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. — 447 с.

КОРЕЛЬ Л.В., ТАПИЛИНА В.С., ТРОФИМОВ В.А. Миграция и жилище. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. — 256 с.

СОБОЛЕВА С.В. Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. — 208 с.

КОСАЛС Л.Я. Социальный механизм инновационных процессов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 286 с.

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ механизм развития производства: Методология, методика и результаты исследований / Отв. ред. Р.В. Рывкина, В.А. Ядов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 467 с.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ социология и перестройка / Общ. ред. Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. — М.: Прогресс, 1989. — 232 с.

БЛАГОСОСТОЯНИЕ городского населения Сибири: Проблемы дифференциации: (Опыт социологического изучения) / Э.Д. Азарх, Н.А. Балыкова, Л.А. Хахулина и др. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — 350 с.

СОЦИОЛОГИ в условиях перестройки / Под ред. В. Герчикова; Урало-Сибирский дом экономической и научно-технической пропаганды общества “Знание” РСФСР. — Челябинск, 1990. — 72 с.

СОЦИОЛОГИ предприятий в условиях перестройки / Под ред. В. Герчикова; Урало-Сибирский Дом экономической и научно-технической пропаганды общества “Знание” РСФСР. — Челябинск, 1990. — 102 с.

УСЛОВИЯ и образ жизни сельского населения: (Тенденции изменения) / Под ред. В.А. Артемова; ИЭиОПП СО АН СССР. — Новосибирск, 1990. — 172 с.

ЗАСЛАВСКАЯ Т.И., РЫВКИНА Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 448 с.

КАЛУГИНА З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 240 с.

ПРОБЛЕМЫ демографического развития Сибири и Дальнего Востока / Под ред. С.В. Соболевой; ИЭ и ОПП СО РАН. — Новосибирск, 1991.

ШАБАНОВА М.А. Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: Комплексное социолого-статистическое исследование. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. — 237 с.

БОГОМОЛОВА Т.Ю., ТАПИЛИНА В.С., МИХЕЕВА А.Р. Социальная структура: Неравенство в материальном благосостоянии. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992. - 192 с.

ЛИСОВ В.А. Богатые и бедные в сибирской деревне. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992. - 168 с.

БЕССОНОВА О.Э. Жилье: Рынок и раздача. — Новосибирск: СИФ “Наука” РАН, 1993. - 160с.

МИХЕЕВА А.Р. Сельская семья в Сибири: Жизненный цикл и благосостояние. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1993. — 160с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ аспекты перехода к рыночной экономике. Ч. 1. Проблемы социальной адаптации к изменяющимся условиям жизни / Под. ред. Ф.М. Бородкина, А.Р. Михеевой. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. — 175 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ аспекты перехода к рыночной экономике. Ч. 2. Социальные проблемы труда в новых экономических условиях / Под. ред. Ф.М. Бородкина, А.Р. Михеевой. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1994. — 138 с.

СОБСТВЕННОСТЬ и трудовые отношения: Варианты трансформации: Сборник кейсов / Под ред. В. Герчикова, М. Кошман. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1995. - 216 с.

ВИКЕРСТАФФ С., ГЕРЧИКОВ В. Управление персоналом: Учебные материалы по курсу “Personnel Management. Studying materials”: 2-е изд., перераб. и дон., на рус. и англ. яз. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, Canterbury Business School, 1996. — 119 с. — (1-е изд. — 1994 г.)

БЕССОНОВА О.Э., КИРДИНА С.Г., О’САЛЛИВАН Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России: Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1996. — 312 с.

СИБИРСКАЯ деревня в период трансформации социально-экономических отношений: (Материалы к Мировому конгрессу по сельской социологии) / Под ред. З.И. Калугиной. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. — 212 с.

БАРСУКОВА С.Ю., ГЕРЧИКОВ В.И. Приватизация и трудовые отношения: От единого и общего — к частному и разному. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. - 216 с.

БЕССОНОВА О.Э. Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. — 76 с.

КОРЕЛЬ Л.В. Социология адаптаций: Этюды апологии. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. - 160 с.

ЭКОНОМИКА и общество: Социальные проблемы трансформации. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1998.

Сведения об авторах

Заславская Татьяна Ивановна — академик АН РАН, сопresident Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра, г. Москва). Сфера научных интересов — социально-экономический механизм трансформации российского общества, трансформация институциональной системы и социальная стратификация в трансформирующемся обществе.

Калугина Земфира Ивановна — доктор социологических наук, заведующая отделом социальных проблем, профессор НГУ. Область научных интересов — трансформация аграрной сферы, социальная политика.

Бессонова Ольга Эрнестовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Специалист по проблемам трансформации жилищной сферы, автор институциональной теории хозяйственного развития России.

Шабанова Марина Андриановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Основные труды по миграции населения, феномену “шабашничества”, социологическим аспектам свободы в условиях реформ и социальной адаптации в контексте свободы.

Корель Людмила Васильевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Специалист в области экономики и социологии народонаселения.

Смирнов Василий Дмитриевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник. Специалист в области социального экспериментирования в аграрной сфере.

Герчиков Владимир Исакович — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент. Специалист в области индустриальной социологии, управления персоналом, трудовых отношений.

Тапилина Вера Сергеевна — старший научный сотрудник. Область научных интересов — социально-экономическая стратификация.

Богомолова Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, заведующая кафедрой общей социологии экономического факультета НГУ. Область научных интересов — социально-экономическая стратификация.

Саблина Светлана Геннадьевна — кандидат социологических наук, зам. декана экономического факультета по отделению социологии НГУ. Область научных интересов — общественное мнение и социальная стратификация.

Фадеева Ольга Петровна — младший научный сотрудник. Область научных интересов — проблемы экономики сельской семьи.

Кирдина Светлана Георгиевна — кандидат экономических наук, докторант. Научная проблематика — социально-территориальная структура российского общества, институциональный подход.

Троцкий Александр Яковлевич — доктор социологических наук, профессор Алтайского государственного университета, заведующий Алтайской лабораторией ИЭиОПП СО РАН. Научная проблематика — региональная социально-экономическая политика.

Горяченко Елизавета Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник. Область научных интересов — социология территориальных общностей, муниципальное управление и местное самоуправление, методы социологических исследований.

Соболева Светлана Владимировна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник. Область научных интересов — социальная демография.

Михеева Анна Рэмовна — кандидат экономических наук, докторант, доцент кафедры социологии НГУ. Научная проблематика — современное состояние и трансформация социальных институтов брака, семьи, родительства.

Артемов Виктор Андреевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Специалист в области изучения социальных изменений и социального времени.

Гвоздева Галина Петровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, преподаватель НГУ. Область научных интересов — бюджеты и балансы времени, социология досуга.

Харченко Ирина Игоревна — научный сотрудник. Специалист в области социологии образования и социологии молодежи.

Ростовцев Петр Симонович — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Специалист в области анализа данных социально-экономических исследований.

Корнюхин Юрий Германович — ведущий инженер-программист. Специалист в области программного обеспечения.

Костин Виталий Сергеевич — научный сотрудник. Область научных интересов — методы и программное обеспечение анализа данных.

Смирнова Наталья Юрьевна — ведущий программист. Специалист в области программного обеспечения.

Научное издание

**СОЦИАЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ
РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ**
Исследования Новосибирской
экономико-социологической школы

Редактор К.Д. Павлова

Корректоры Л.Ю. Бубенкова, П.С. Дерябина

Художник Л.В. Матвеева

Технический редактор Н.М. Остроумова

Оператор электронной верстки С.К. Рыжкович

ЛР №040864 от 16.12.97. Сдано в набор 15.12.98. Подписано в печать 02.06.99.

Бумага офсетная. Формат ^{60x90/16}. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Уел. печ. л. 46,0. Уч.-изд. л. 44,6. Тираж 897 экз. Заказ № 575.

Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие "Наука" РАН,
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

Редакционная подготовка и изготовление оригинала-макета:
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.